

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 8

Moscow
2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 8

Москва
2012

УДК 902/904
ББК 63.4
А 87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А.В. Энговатова (отв. редактор), В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
д.и.н. Л.А. Беляев,
д.и.н. А.Н. Сорокин

А 87   **Археология** Подмосковья: Материалы научного семинара.
Выпуск 8. – М.: Институт археологии РАН, 2012. 460 с., цв. вкл.
ISBN 978-5-94375-126-4

Восьмой выпуск сборника «Археология Подмосковья» публикует материалы докладов, заслушанных на ежегодном заседании одноименного семинара, проведенного в Институте археологии РАН в феврале 2011 г. Помимо публикации новейших материалов охранных археологических работ в Подмосковье, Рязанской области, Костроме, Самаре и др. регионах, в этом номере помещены статьи, посвященные поискам новых методик в различных областях археологических исследований. Несколько статей обращены к проблемам нового изучения старых музейных коллекций и «забытых» научных экспедиций.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-126-4

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012

Содержание

Памятники эпохи камня и раннего железного века

<i>Пальцева А.Н.</i> Предварительные итоги исследования браслетов со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника.....	11
<i>Кренке Н.А., Александровский А.Л., Войцук А.А., Елкина И.И., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Лазукин А.В., Мазуркевич А.Н., Панин А.В., Кудрявцев А.А., Лавриков М.В., Воронкин В.А.</i> Новые исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки на Москве-реке (Приложения. <i>Дукельский В.Ю.</i> Кинжал с 1-й Звенигородской стоянки; <i>Сердюк Н.В.</i> Ископаемая фауна 1-й Звенигородской неолитической стоянки; <i>Ершова Е.Г.</i> Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из культурного слоя 1-й Звенигородской стоянки и погребенной почвы атлантического времени)	16
<i>Александровский А.Л., Воронин К.В., Долгих А.В., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., Главатская Е.В.</i> Радиоуглеродные исследования культурного слоя поселения эпохи бронзы – неолита Песочное-1 на озере Неро	35
<i>Столяров Е.В.</i> Находки браслетов «латенского стиля» в Верхнем Поочье	45
<i>Коваль В.Ю.</i> Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дяковской культуры	53
<i>Гольева А.А.</i> Скорости преобразования культурных слоев почвенными процессами.....	70
<i>Кренке Н.А., Чаукин С.Н.</i> История исследования городища Круглица в 1956 и 1957 годах	78
<i>Сыроватко А.С., Клещенко (Мальцева) Е.А., Добровольская М.В.</i> Урновое погребение Щуровского могильника.....	86

Памятники русского средневековья

<i>Прошкин О.Л., Фролов А.С.</i> Ранние периоды поселения Маламахово в бассейне реки Протвы.....	96
<i>Зоц Е.П., Зоц С.А.</i> Реконструкция женского погребального костюма по материалам курганного могильника Новоселки 2	115
<i>Орфинская О.В.</i> Новоселки 2. Результаты исследования текстиля XII века.....	127
<i>Нефёдов В.С., Кренке Н.А.</i> Древнерусское селище Царицыно 2	137
<i>Грибов Н.Н.</i> Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация	155
<i>Буланкин В.М., Завьялов В.И., Иванов Д.А.</i> Поселение Истье 2 – сырьевая база Старой Рязани.....	166
<i>Чернов С.З., Лебедева Е.Ю.</i> Покровский в Хотькове монастырь по данным археологических исследований 1978–2008 годов	175
<i>Миненко В.В.</i> Исследования на поселении Константиново в Подольском районе Московской области.....	204
<i>Прошкин О.Л.</i> Исследования на территории бывшей Калужской крепости.....	215
<i>Янишевский Б.Е.</i> Раскопки на Борисовом городке в 2009 году	229
<i>Сташенков Д.А., Королев А.И., Кочкина А.Ф.</i> Исследования на селище Красная Пахра I в 2008 году	246
<i>Зейфер В.А.</i> Клад бронзовых женских украшений из погоста Мещерка в Егорьевском районе	266
<i>Столярова Е.К.</i> Украшения из стекла и фаянса селища Новиково 1.....	272

<i>Лихтер Ю.А., Сергина Т.В.</i> Стекланные бусы из сельского некрополя XVII–XVIII веков на городище Волочёк Вяземский	278
<i>Фатюнина О.А.</i> Детали кожаных сапог Переяславля Рязанского XV – начала XVII века	286
<i>Кабатов С.А., Лазарев А.С., Тупицына В.А.</i> Серия находок печных изразцов (по материалам раскопок 2010 года на улице Симановского в городе Костроме)	297

Исследования керамики. Естественнаучные методы в археологии. Вопросы историографии

<i>Энговатова А.В. Добровольская М.В., Антипина Е.Е., Зайцева Г.И.</i> Возможности использования изотопного метода для реконструкции системы питания средневекового городского населения на примере Ярославля	307
<i>Русаков П.Е.</i> Исследования керамики селища Жокино 1	321
<i>Полюях А.А.</i> Комплекс позднесредневековой керамики XV–XVI веков городища Боровский курган: опыт формализованно-статистической обработки	333
<i>Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В.</i> Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно	366
<i>Вишневский В.И.</i> Средневековый гончарный горн из Переславля-Залесского	389
<i>Глазунова О.Н.</i> Особенности керамического производства Ново-Иерусалимского монастыря в XVII–XVIII веках	396
<i>Майорова Е.В.</i> Керамические комплексы из раскопок Ново-Иерусалимского монастыря (по материалам раскопа I)	406
<i>Векслер А.Г., Гусаков М.Г., Беркович В.А.</i> К вопросу о хронологии московской керамики (по материалам раскопок на Садовнической набережной в 1998 году)	421
<i>Балашов А.Ю., Мойланен Е.В.</i> Микромагнитное исследование Можайского Лужецкого монастыря	431
<i>Ерохин С.А., Павлова А.М., Балашов А.Ю., Шевнин В.А., Модин И.Н., Бобачев А.А.</i> Методические электротомографические исследования при археологических раскопках в селе Бородино	435
<i>Ершов И.Н.</i> «Москвофилы», Иван Забелин, «западник» Иван Рязановский и «археологические» повести Алексея Ремизова	446
Список сокращений	457
Сведения об авторах	458

Contents

Monuments of the Stone Age and Early Iron Age

<i>Paltseva A.N.</i> Preliminary results of the research of bracelets from Sungir site from archaeological collection of Vladimir-Suzdal Museum reserve	11
<i>Krenke N.A., Alexandrovski A.L., Voitsik A.A., Elkina I.I., Ershov I.N., Ershova E.G., Lazukin A.V., Mazurkevich A.N., Panin A.V., Kudryavtsev A.A., Lavrikov M.V., Voronkin V.A.</i> New research of the 1 st Zvenigorod neolithic site on Moscow-river (Annexes. <i>Dukelsky V.Yu.</i> Dagger from the 1 st Zvenigorod site; <i>Serluk N.V.</i> The fossil fauna of the 1 st Zvenigorod site; <i>Ershova E.G.</i> The results of palynological analysis of samples from the cultural layer of the 1 st Zvenigorod site and buried soil Atlantic time)	16
<i>Alexandrovskiy A.L., Voronin K.V., Dolgikh A.V., Kovalukh N.N., Skrypkin V.V., Glavatskaya E.V.</i> Radiocarbon investigations of cultural layer of Bronze-Neolithic settlement Pesochnoe-1 on the lake Nero	35
<i>Stolyarov E.V.</i> Findings of bracelets of La Tène circle in Upper Poochie	45
<i>Koval V.Yu.</i> Fortification of Rostislavskoe hillfort of the Early Iron Age in the context of Dyakovo cultural monuments	53
<i>Goleva A.A.</i> Speed of conversion of cultural layers by soil processes	70
<i>Krenke N.A., Chaukin S.N.</i> History of researching ancient settlement Kruglitsa in 1956 and 1957	78
<i>Syrovatko A.S., Kleschenko (Maltseva) E.A., Dobrovolskaya M.V.</i> Urn funeral of Shchurovsky burial	86

Russian Medieval monuments

<i>Proshkin O.L., Frolov A.S.</i> The early periods of settlement Malamakhovo in Protva river basin	96
<i>Zots E.P., Zots S.A.</i> The reconstruction of female funeral costume on the material from the burial mounds Novoselki 2	115
<i>Orfinskaya O.V.</i> Novoselki 2. The results of researching textiles of the 12 th century	127
<i>Nefyodov V.S., Krenke N.A.</i> The Ancient Russian settlement Tsaritsyno 2	137
<i>Gribov N.N.</i> Deposits in pits of constructions: typical structures, their separation and interpretation	155
<i>Bulankin V.M., Zav'yalov V.I., Ivanov D.A.</i> Settlement "Istie 2" (Истье 2) – raw-material base of Staraya Ryazan	166
<i>Chernov S.Z., Lebedeva E.Yu.</i> The Pokrovsky monastery in Khotkovo by results of archaeological research in 1978–2008	175
<i>Minenko V.V.</i> Research on settlement Konstantinovo in Podolsk district of the Moscow region	204
<i>Proshkin O.L.</i> The results of archeological control on the territory on the former fortress of Kaluga	215
<i>Janiszewski B.E.</i> Excavations on Borisov Gorodok in 2009	229
<i>Stashenkov D.A., Korolev A.I., Kochkina A.F.</i> The Researching on Krasnaya Pakhra I settlement in 2008	246
<i>Zeifer V.A.</i> The hoard of female bronze jewelry from churchyard Mescherka in Yegoryevsk district	266
<i>Stolyarova E.K.</i> Adornments made from glass and faience on settlement Novikovo 1	272
<i>Lihter Yu.A., Sergina T.V.</i> Glass beads from country necropolis of the 17 th – the 18 th centuries on fortified settlement Volochec Vyazemsky	278

<i>Fatyunina O.A.</i> High-boots components of Pereyasavl' Ryazansky in the 15 th – the beginning of the 17 th centuries	286
<i>Kabatov S.A., Lasarev A.S., Tupitsyna V.A.</i> A series of finds of stove tiles (based on materials of excavation in 2010 on Simanovsky street in Kostroma)	297

Study of ceramics. Scientific methods in archaeology. Questions of historiography

<i>Engovatova A.V., Dobrovolskaya M.V., Antipina E.E., Zaitseva G.I.</i> Reconstruction of the diet system of the Russian town ancient population: the isotope analysis on the example of Yaroslavl	307
<i>Rusakov P.E.</i> Research of ceramics from settlement Zhokino.....	321
<i>Polyulyah A.A.</i> Complex of late medieval ceramics of the 15 th – the 16 th centuries from Borovski Kurgan settlement: experience of formalized-statistical processing.....	333
<i>Bogomolov V.V., Gonyany M.I., Zaidov O.N., Shebanin G.A., Shekov A.V.</i> Archaeological complexes in the early stage of settlement near churchyard of Rozhdestvenno village	366
<i>Vishnevsky V.I.</i> Medieval potters horn from Pereslavl-Zalessky	389
<i>Glazunova O.N.</i> Peculiarities of ceramic manufacture of the New Jerusalem Monastery in the 17 th – the 18 th centuries	396
<i>Mayorova E.V.</i> Ceramic complexes from excavations of the New Jerusalem Monastery (based on the materials of trench I of 2009 and 2010).....	406
<i>Veksler A.G., Gusakov M.G., Berkovich V.A.</i> To the question of Moscow ceramics chronology (based on the materials of excavations on the square the Sadovnicheskaya in 1998)	421
<i>Balashov A.Yu., Moilanen E.V.</i> Micromagnetic research of the Luzhetsky Monastery in Mozhaisk	431
<i>Erokhin S.A., Pavlova A.M., Balashov A.Yu., Shevnin V.A., Modin I.N., Bobachev A.A.</i> Electrical resistivity tomography: acquisition tests during archaeological excavations in Borodino	435
<i>Ershov I.N.</i> “Moskvofily”, Ivan Zabelin, “zapadnik” Ivan Ryazanovsky and “archaeological” stories by Alexei Remizov.....	446
List of abbreviations	457
About authors.....	458

Памятники эпохи камня и раннего железного века

А.Н. Пальцева

Предварительные итоги исследования браслетов со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника

Стоянка Сунгирь – уникальный археологический памятник верхнего палеолита Восточной Европы, отличительной особенностью которого является большое количество различных украшений из кости, в том числе браслетов из бивня мамонта. При всей известности памятника, браслеты со стоянки Сунгирь подробно не публиковались.

Предварительные сведения и первые обобщающие статьи по археологии памятника О.Н. Бадер публиковал в различных научных периодических изданиях (*Бадер*, 1959. С. 144–155; 1961. С. 122–131; 1965. С. 77–80; 1967. С. 142–159). В книге О.Н. Бадера, В.Н. Сукачева и В.И. Громова «Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь» (1966) приведено описание материалов из раскопок 1957 г., отчасти дополненное находками из раскопок 1958 г. Монография О.Н. Бадера «Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка» (1978) стала первым томом фундаментальной публикации памятника. В этом труде автор основное внимание уделил предметам из кости, найденным в культурном слое, украшения из погребений в нем не описаны. Предполагалось, что материалы древних захоронений будут опубликованы во втором томе (вышел уже после смерти ученого) – книга носит название «Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда)» (1998). В ней наиболее полно отражены результаты исследования сунгирских захоронений, но и здесь подробное описание браслетов не приводится – автор указывает только их примерное количество и места расположения.

С проведением дополнительных исследований появились новые данные. Например, в процессе реставрации одного из браслетов из погребения мужчины был обнаружен точечный орнамент. Автор открытия, сотрудница Владимиро-Суздальского музея А.Н. Муравьева опубликовала его в статье «Браслеты из погребения мужчины со стоянки Сунгирь» (*Муравьева*, 2001).

Несмотря на то, что раскопки на стоянке Сунгирь проводились многие десятилетия, а находки подробно изучались, остается еще много нерешенных вопросов. Одним из них является несоответствие дан-

ных О.Н. Бадера о количестве браслетов в захоронениях с количеством предметов, принятых в музей по описи. О.Н. Бадер определял число браслетов в 47 экземпляров (около 20 шт. в погребении мужчины и 27 в детском погребении) («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 77, 89, 93–94). Однако сейчас большая их часть представляет собой россыпь маленьких фрагментов, поэтому точное количество определено быть не может. Браслеты из детского погребения (могила 2) в литературе детально не рассматривались. Такое множество нерешенных вопросов показывает необходимость продолжения научной обработки предметов сунгирской коллекции.

Задачей данной работы является уточнение количества пластинчатых браслетов из бивня мамонта, подробное их описание, систематизация, рассмотрение вопросов технологии изготовления и особенностей ношения, а также обобщение имеющегося материала, введение его в научный оборот и составление каталога.

Браслеты из тонких изогнутых пластинок бивня с просверленными отверстиями на концах встречаются не только на стоянке Сунгирь. Подобные плоские браслеты довольно широко известны на памятниках Русской равнины и Восточной Сибири (*Бадер*, 1978. С. 207). В верхнем слое Костенок I была найдена пластина из бивня мамонта, украшенная елочным орнаментом («Палеолит СССР», 1984. С. 207). С обратной стороны ее края покрывала черная краска. Сходны и пластинки из бивня мамонта (обломки налобных обручей и браслетов) из Супонево, Тимоновки (*Абрамова*, 1960а. С. 15). На стоянке Мальта обнаружен продолговатый обломок браслета с несколькими рядами ямок. Также в погребении ребенка, на плечевой кости правой руки лежал браслет из гнутой пластинки бивня с отверстием на конце («Палеолит СССР», 1984. С. 329). На стоянке Кокорево II найдены обломки двух пластинок с отверстиями на конце (*Абрамова*, 1979. С. 85–86). На Мезинской стоянке – пять тонких пластинок из бивня мамонта. На концах они имеют круглые отверстия для закрепления. Внутренняя поверхность – гладкая, а наружные покрыты орнаментом

Рис. 1. Точечный орнамент на внутренней и внешней сторонах браслета из погребения мужчины со стоянки Сунгирь

в виде «елочек». Возможно, они скреплялись между собой и составляли шумящий браслет (*Шовкопляс*, 1957. С. 105). Похожим орнаментом покрыт еще один браслет из раскопок в Мезине (*Ефименко*, 1938. С. 466).

Если сравнивать эти находки с пластинчатыми браслетами сунгирской стоянки, то последние также имеют отверстия на концах, но не украшены орнаментом. Только один браслет из погребения мужчины имеет точечный орнамент, состоящий из 15 сверленных точек на внутренней поверхности пластины и четыре на внешней (рис. 1). Внутри пластины 12 сверлин расположены в две линии по шесть точек, две точки — слева от этих линий и одна справа. На внешней стороне браслета четыре точки образуют линию. Любопытно, что орнамент был нанесен и на внутреннюю сторону пластины: поскольку декор не был виден, скорее всего, он имел какое-то символическое значение. Некоторые сунгирские пластинки окрашены охрой. Но, в отличие от браслета из Костенок I, краска покрывает всю пластину, а не только ее края. И конечно, количество браслетов в Сунгире намного превышает число находок на большинстве других стоянок.

На стоянке Сунгирь пластинчатые браслеты были обнаружены в погребении мужчины и парном детском погребении, открытых в 1964 и 1969 гг. (*Бадер*, 1978). В культурном слое найдены две костяные пластинки, напоминающие заготовки для браслетов, однако готовые изделия находились только в захоронениях. Пластины из бивня мамонта входили в состав сложных, так называемых широких, браслетов, располагаясь между рядами бусин. В погребении мужчины (могила 1) при первоначальном осмотре количество пластинчатых браслетов было определено О.Н. Бадером в 20 или более экземпляров («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 89). На правой руке, вокруг нижней части плечевой кости, располагался «широкий» браслет, состоявший из четырех рядов тесно нанизанных бус и обрамляющих их двух пластинчатых браслетов. Вокруг локтевых костей — шесть браслетов из тонких пластинок, распавшихся на много частей. На левой руке: «широкий» браслет, состоящий из «двух плотных рядов — низок бус в середине и трех кругов тонких пластинок из бивня

мамонта с каждой стороны» («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 89). На запястье — шесть (или больше) пластин-браслетов.

На скелете девочки (могила 2, северное погребение), по данным О.Н. Бадера, было найдено 13 браслетов. На правой руке выше локтя располагалось три тонких пластинчатых браслета, между локтем и запястьем — еще три таких же. На плечевой кости левой руки — два разрушенных пластинчатых браслета; на локтевой кости — пять таких же браслетов («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 93–94).

На скелете мальчика (могила 2, южное погребение) находилось 14 пластинчатых браслетов. На плечевой кости левой руки — два тонких браслета; ниже локтя — еще один такой же браслет. На плечевой кости правой руки — четыре пластинчатых браслета; между локтем и запястьем — четыре тонких плоских браслета. «При разборке монолита в лаборатории оказалось, что нижний пластинчатый браслет, у запястья, состоял из четырех вложенных друг в друга одинаковых браслетов» («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 77).

Сунгирские браслеты изготавливались из тонких пластинок бивня мамонта вытянутой миндалевидной формы в сечении. Ширина пластинок — от 5 до 22 мм, чаще всего — 8,0 мм (21 экз.), 7,0 мм (18 экз.), 9,0 мм (13 экз.), 8,5 и 6,0 мм (по 12 экз.). Браслеты из мужского погребения немного шире, чем браслеты из детских погребений. У мужчины ширина пластинок чаще всего около сантиметра (9,0 мм — 8 экз., 8,0 мм — 6 экз., 9,5 и 1,05 мм — по 4 экз.). В детских погребениях преобладает ширина около 7 мм (7,0 мм — 16 экз., 8,0 мм — 15 экз., 6,0 мм — 12 экз., 8,5 мм — 10 экз.). Толщина пластинок — от 1,0 до 3,0 мм, у большей части — 2,0 мм (64 экз.) и 1,5 мм (44 экз.). Для изготовления браслетов мужского погребения использовались немного более толстые пластинки (2,5 мм — 19 экз., 2,0 мм — 16 экз.). В детских погребениях преобладает толщина в 2,0 мм — 48 экз. и 1,5 мм — 40 экз.

Сверление отверстий на сунгирских браслетах проводилось в зависимости от толщины пластинки — односторонним (18 экз.) или двусторонним (8 экз.) сверлением. Двустороннее сверление преобладает на браслетах из мужского погребения (5 экз. из 9 рассмотренных). По-видимому, это связано с тем, что пла-

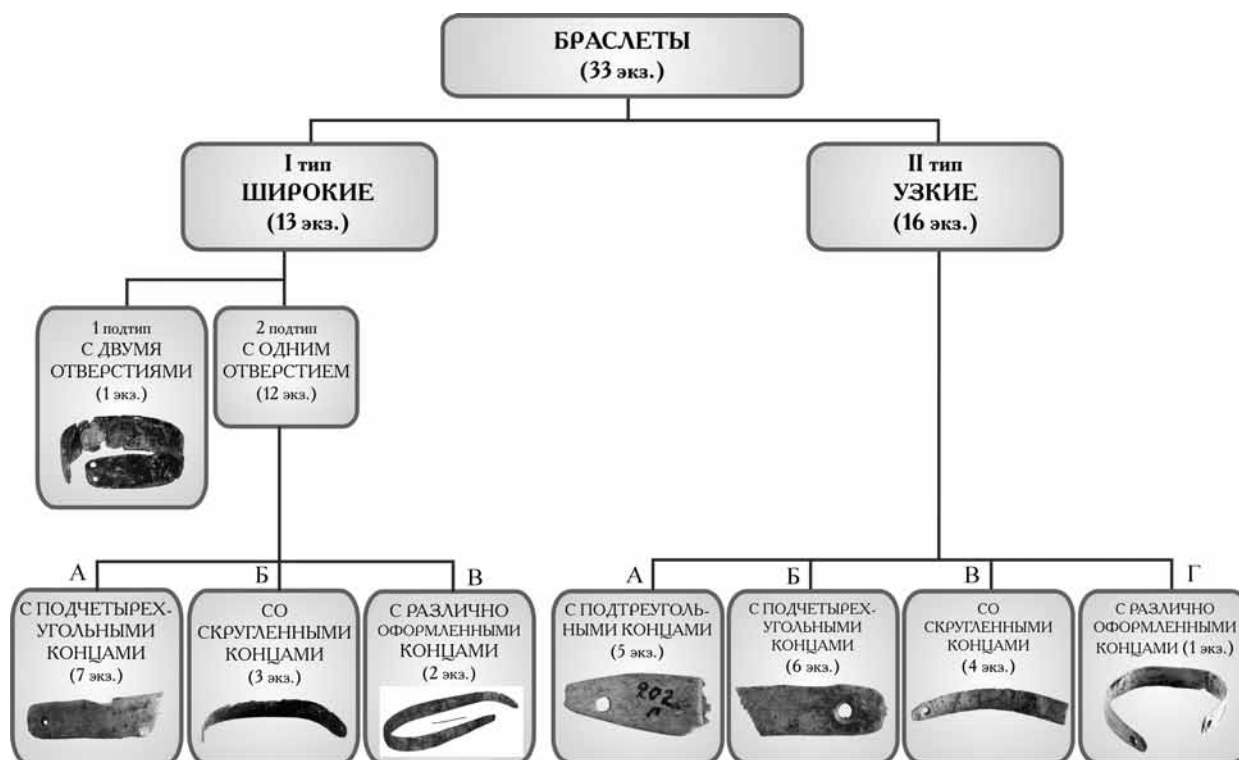

Рис. 2. Классификация пластинчатых браслетов со стоянки Сунгирь

стинки в погребении мужчины немного толще, чем в детских погребениях, где одностороннее сверление встречается у 14 экз. из 17 рассмотренных. Использовались для этого, вероятно, кремневые остря (Семенов, 1968. С. 138–139). На одном экземпляре имеется высверленная ямка около отверстия – начатое, но незаконченное по какой-то причине отверстие.

Всего, по данным музейной описи и результатам настоящего исследования, в археологических коллекциях Владимиро-Суздальского музея-заповедника находятся шесть целых экземпляров, 11 почти полной формы (утрачен один или оба конца) и 196 обломков браслетов из бивня мамонта. Судя по всему, многие фрагменты – части одних и тех же предметов. Это видно по ширине, толщине пластин, их цвету, но из-за множественных утрат они не стыкуются между собой. Поэтому точное количество браслетов, находящихся сейчас в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника, пока определить не удастся (многие браслеты представляют собой россыпь фрагментов). Чаще всего у браслетов утрачены концы с отверстиями или конец браслета просто обломан по отверстию, что затрудняет определение формы концов браслетов. Всего же в фонде археологии Владимиро-Суздальского музея находится пять браслетов и 24 обломка с сохранившимися отверстиями на концах. Для систематизации имеющихся предметов (рис. 2) применена типология, предложенная А.Н. Муравьевой. Она разработана на основе разницы в размерах (ширине) пластин и особенностях обработки концов браслетов (Муравьева, 2001).

К типу I (широкие браслеты) отнесены изделия с шириной пластины от 21 до 10 мм – 13 экз.; к типу II (узкие браслеты) – предметы с шириной пластины менее 10 мм – 16 экз.

В составе типов выделялись подтипы по признаку наличия отверстий на концах браслета.

В типе I выделены два подтипа:

1) с двумя отверстиями (1 экз.) – концы браслета имеют подчетыреугольную форму, на них просверлено по два отверстия для продевания шнура или нити. При реставрации на внутренней и внешней поверхностях обнаружен точечный орнамент из круглых ямочек-сверлин;

2) с одним отверстием (12 экз.).

По форме концов браслеты второго подтипа разделяются на три вида:

А) браслеты с подчетыреугольным оформлением концов (7 экз.);

Б) браслеты с закругленными концами (3 экз.);

В) браслеты с разной формой концов (2 экз.).

Браслеты типа II на подтипы не разделяются, но здесь могут быть выделены четыре вида:

А) браслеты с подтреугольным оформлением концов (5 экз.);

Б) браслеты с подчетыреугольным оформлением концов (6 экз.);

В) браслеты со скругленными концами (4 экз.);

Г) браслеты с разной формой концов (1 экз.).

Есть три примера, когда концы одного целого браслета оформлены по-разному. У двух экземпляров из погребения мужчины один конец имеет подтреугольную форму, а другой – подчетыреугольную.

В детском захоронении у одного браслета подтреугольный и скругленный концы. Возможно, это было сделано для ускорения процесса отделки пластин.

Цвет браслетов различен – от желтоватого до темно-коричневого. В детских погребениях большинство обломков браслетов имеют желтоватый или светло-коричневый цвет (83 экз.), в погребении мужчины браслетов светлых тонов 22 экз., темно-коричневых – 26. На поверхности многих браслетов сохранились следы охры. Первоначальный цвет браслетов нам не известен, и сейчас определить его трудно. Охра могла попасть на браслеты при засыпке погребений, но не исключено, что браслеты окрашивались ею изначально. В детских погребениях рядом располагались как сильно окрашенные браслеты, так и почти не тронутые краской. В погребении мужчины этого проследить не удалось, так как в полевой описи не зафиксировано место расположения каждого браслета.

Не связана с местом ношения и длина браслетов. Самая короткая целая пластина имеет длину 8 см – этот браслет располагался под правым плечом мальчика. Диаметр пластины слишком мал (около 2,5 см), даже детская рука в обхвате больше – 3 см. Возможно, концы браслета несильно стягивались шнурками – в этом случае он не обхватывал всю руку, а располагался на внешней ее части (видимой со стороны). Или пластина пришивалась к одежде, как и низки бусин из бивня мамонта. Еще один целый браслет из детского погребения имеет длину 11,9 см (диаметр – 3,8 см) – он располагался на локтевой кости девочки. Этот браслет мог надеваться на голое запястье. Самая длинная пластинка (из мужского погребения) имела длину 26,4 см.

Маленькие размеры некоторых браслетов ставят вопрос о способе их ношения древними людьми. Часть браслетов, судя по размерам и отверстиям для шнурков на несомкнутых концах, носились не на голой руке, а были укреплены на одежде. Другие же, исходя из их небольшой длины (от 8 см), скорее всего, были надеты прямо на руку («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 89). Некоторые пластинчатые браслеты из сунгирских погребений найдены в составе так называемых широких браслетов (в комплекте с низками бус), располагавшихся, скорее всего, поверх одежды. Так как бусы, по всей видимости, пришивались на одежду, можно предположить, что и пластинчатые браслеты были пришиты или закреплены шнурками поверх нее. Несколько браслетов из костяных пластинок найдены без бусин (на запястье). Кроме того, известны примеры изображения этой категории украшений на антропоморфных статуэтках. На статуэтке № 1 из Костенок I (верхний слой, комплекс 1) изображены руки с тонкими поперечными черточками на запястье. На верхней части рук статуэтки № 1 из Мальты заметны глубокие поперечные нарезки, по-видимому, передающие очертания браслетов. Аналогичные три параллельные тонкие линии видны на левом предплечье статуэтки № 4 из Авдеево. В литературе упоминается также о зигзагообразных полосках на руках статуэтки из Виллендорфа (Абрамова, 1960б. С. 133). Весьма вероятно, что ряды брас-

летов изображены на руках человеческих существ, представленных на барельефе из Ложери-Ба и гравюре из Истюриц. «Женщина с оленем» из Ложери-Ба имеет шесть-семь полосок на запястье согнутой в локте руки. На правой руке мужского изображения из Истюриц видны три параллельные полоски, рассеченные поперек короткими округлыми насечками (Абрамова, 1960б. С. 134). Браслеты на статуэтках и гравюрах изображены как на открытых частях тела, так и на одежде, поэтому можно сделать вывод, что браслеты носились как поверх одежды, так и на открытой руке.

Браслеты не всегда изготавливались из бивня мамонта. В погребении женщины из «Грота Детей» в Ментоне были найдены раковины, лежащие двумя рядами в форме браслетов (Абрамова, 1960б. С. 134). Первоначально роль браслетов могли играть простые кожаные ремни. Но чаще всего найденные браслеты представляют собой пластинки из бивня мамонта.

Технологию изготовления пластинчатых браслетов подробно описал М.М. Герасимов в работе, посвященной обработке кости на стоянке Мальта (Герасимов, 1941. С. 83). Заготовка для браслета вырезалась из массивной пластины бивня мамонта, после этого она полировалась, наносился орнамент, и просверливались отверстия для шнуровки. Следы полировки видны на внутренней стороне найденных предметов – это бороздки и царапины, появившиеся в результате скобления. Перед нанесением орнамента пластина распаривалась и сгибалась до нужных размеров. По такой же технологии могли изготавливаться и сунгирские браслеты.

По мнению А.Н. Муравьевой, при изготовлении широкого браслета с двусторонним точечным орнаментом ямки орнамента наносились на поверхность до того, как пластинке придавалась необходимая форма на лекале (Муравьева, 2001. С. 86–92). Возможно, это и так, но точки могли быть нанесены и после придания браслету формы. Например, бусины из бивня мамонта в погребениях находились как новые, так и потертые, заглаженные в результате длительного ношения. Это объясняется тем, что крепившиеся на полоски кожи бусины использовались для украшения одежды неоднократно. Когда одежда изнашивалась, орнаментальные элементы отпарывались и нашивались на новую одежду («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 111). То же самое могло происходить с пластинчатыми браслетами. И если сначала сам браслет был предметом, указывавшим на социальную роль его обладателя, то потом могла возникнуть необходимость нанесения на него орнамента. В этом случае точки могли быть просверлены и позже. Длина пластины и ее форма это позволяли.

Подводя итоги, можно сказать, что украшения занимали важное место в жизни человека в эпоху верхнего палеолита. Украшения могли быть и предметами искусства, удовлетворявшими эстетическое чувство древнего человека, и предметами, выражавшими социальную роль и положение в коллективе их обладателя, или, наконец, предметами, имевшими культовое значение (Абрамова, 1960б. С. 126). Браслеты изго-

тавливались из разных материалов: простых кожаных ремней, раковин, тонких костяных пластинок или бусин. Браслеты с Сунгирской стоянки являются частью погребального инвентаря, поэтому можно предположить, что они были не просто украшением, а указывали на определенное социальное положение их обладателей и имели важное символическое значение.

Носить браслеты могли как поверх одежды, так и на открытых частях тела. Цвет браслетов зависит не только от условий их залегания в погребении – некоторые браслеты могли быть окрашены охрой изначально.

Так как сейчас большинство браслетов фрагментировано, на данном этапе исследования определить точное количество браслетов не представляется возможным: в фондах музея находятся 36 концов браслетов с сохранившимися отверстиями или их следа-

ми. Однако если О.Н. Бадер определял количество браслетов в 47 штук, то концов браслетов должно быть минимум 94. Это говорит о том, что многие обломки не попали в музей. Возможно, они были утрачены при разборке монолитов погребений. Некоторые обломки, как будто подходящие друг другу по цвету, ширине, толщине пластинок, не собираются в целый предмет, хотя, скорее всего, являлись частями одного браслета. Таким образом, на данный момент в музее находятся четыре целых и 31 предполагаемый (состоящий из множества фрагментов, принадлежащих одному предмету) браслет из захоронения мужчины, два целых и 35 предполагаемых браслетов из детского погребения. Возможно, с развитием археологической науки появятся новые данные, которые подтвердят, или опровергнут существующие версии.

Литература

Абрамова З.А., 1960а. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы // СА. № 3.

Абрамова З.А., 1960б. Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека эпохи верхнего палеолита в Европе и Сибири // МИА. № 79.

Абрамова З.А., 1979. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск.

Бадер О.Н., 1959. Палеолитическая стоянка Сунгирь на р. Клязьме // СА. № 1.

Бадер О.Н., 1961. Стоянка Сунгирь, ее возраст и место в палеолите Восточной Европы // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. XVIII. М.

Бадер О.Н., 1965. Древнейшие верхнепалеолитические погребения близ Владимира // Вестник АН СССР. № 5. М.

Бадер О.Н., 1967. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь // СА. № 3.

Бадер О.Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.

Бадер О.Н., Громов В.И., Сукачев В.Н., 1966. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь // Тр. ГИН АН СССР. Т. 162. М.

Герасимов М.М., 1941. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. № 2.

Ефименко П.П., 1938. Первобытное общество. М.

Муравьева А.Н., 2001. Браслеты из погребения мужчины со стоянки Сунгирь // Материалы исследований Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир.

Семенов С.А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.

Шовкопляс И.Г., 1957. Некоторые итоги исследования Мезинской позднелпалеолитической стоянки в 1954–1956 гг. // СА. № 4.

Палеолит СССР. М., 1984. (Археология СССР).

Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.

A.N. Paltseva

Preliminary results of the research of bracelets from Sungir site from archaeological collection of Vladimir-Suzdal Museum reserve

Summary

During the research of findings collection from O.N. Bader excavations of Sungir' Upper Paleolithic site was systematized bracelets made from mammoth's tusks. According to O.N. Bader there were 47 such bracelets. Now in the collection of Vladimir-Suzdal' Museum

reserve there are 6 intact, 11 almost intact bracelets and 196 fragments. The bracelets differ by width and thickness of the bases, design of the ends, presence of ornament and paintings by sienna.

**Н.А. Кренке, А.Л. Александровский, А.А. Войцик, И.И. Елкина, И.Н. Ершов,
Е.Г. Ершова, А.В. Лазукин, А.Н. Мазуркевич, А.В. Панин, А.А. Кудрявцев,
М.В. Лавриков, В.А. Воронкин**

Новые исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки на Москве-реке

1-я Звенигородская стоянка расположена на левом берегу р. Москвы, в юго-западной части г. Звенигорода. Она была открыта в 1954 г. Н.А. Красновым, Ю.А. Красновым и А.В. Успенской (*Успенская*, 1955). В 1954–1957 гг. здесь регулярно проводились сборы подъемного материала. Результаты этих работ опубликованы (*Краснов Ю.А., Краснов Н.А.*, 1959; *Успенская, Краснов*, 1959). Из публикации можно заключить, что стоянка интенсивно разрушалась из-за подмыва берега рекой. В обнажениях были видны несколько кострищ (*Успенская, Краснов*, 1959. С. 90). В 1958 г. на памятнике заложен раскоп площадью 21 кв. м. Информация об этих работах представлена в отчете Ю.А. Краснова (1958). Раскопками 1958 г. зафиксировано наличие двух культурных слоев, разделенных стерильной прослойкой, и остатки углубления, которое авторы раскопок интерпретировали как жилище. Датировку двух слоев Ю.А. Краснов предварительно определил в рамках второй половины III тыс. до н.э. – второй четверти II тыс. до н.э. на основании культурной атрибуции находок как льяловских, с архаичными чертами, и позднельяловских (*Краснов*, 1958. С. 13). Часть коллекции, собранной А.В. Успенской поступила в ГИМ (№ 90019), часть – в Звенигородский музей. Коллекция из раскопок 1958 г. хранится в Звенигородском историко-архитектурном и художественном музее (ЗИАиХМ).

В 1976 г. стоянку обследовал В.Ю. Дукельский, при этом была собрана ямочно-гребенчатая керамика, типичная для льяловской неолитической культуры, и найдены кремневые изделия (*Дукельский*, 1976), в том числе, редкий кинжал, или наконечник копья (см. *Приложение 1*). Находки хранятся в Музее истории Москвы.

Нужно отметить, что степень изученности неолитических памятников, расположенных в долине Мо-

сквы-реки остается низкой. Всего в пределах долины известно немногим более 20 пунктов с неолитическими находками, а в бассейне в целом – около 90 (рис. 1). В долине Москвы-реки раскопки проводились лишь на двух памятниках: 1-й Звенигородской стоянке и стоянке Григорово 1, где в 1977 г. В.Ю. Дукельский заложил небольшой раскоп площадью 16 кв. м (*Дукельский*, 1977). С тех пор никаких новых раскопок не производилось. Очевидно, что для характеристики освоения человеком долины Москвы-реки в неолите этих материалов недостаточно. В связи с этим решено было провести дополнительные исследования 1-й Звенигородской стоянки¹.

Задачи работ 2010 г. виделись такими: определение точных координат памятника и уточнение его границ и стратиграфического положения; отбор образцов для радиоуглеродного датирования и палеоботанических анализов; сбор археологической и остеологической коллекций.

Ориентирами для поиска 1-й Звенигородской стоянки являлось русло ручья, показанного на плане в отчете Ю.А. Краснова, а также указание на расположение памятника в 150 м к ЮЗ от здания нарсузда, фундаменты которого сохранились. При осмотре поверхности, проведенного в 2009 г., было установлено, что следы раскопок 1958 г. не прослеживаются, обнажения культурного слоя отсутствуют.

Исходя из описаний, приведенных в отчете Ю.А. Краснова, можно было предположить, что культурный слой стоянки приурочен к погребенной почве в толще аллювия поймы левого берега Москвы-реки, не выше 1 м над урезом воды в реке. Для определения границ памятника применялся метод ручного бурения грунта. Первая скважина была заложена в створе с домом № 30 по ул. Фрунзе, примерно в 1 м

¹ Средства на работы были предоставлены РГНФ (грант № 10-01-1069е) и программой ОИФН РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Почвоведческие наблюдения сделаны А.Л. Александровским, геоморфологические – А.В. Паниным. В работе участвовали волонтеры и А.Е. Волков, Н. Кочубеева, С.Д. Валяев.

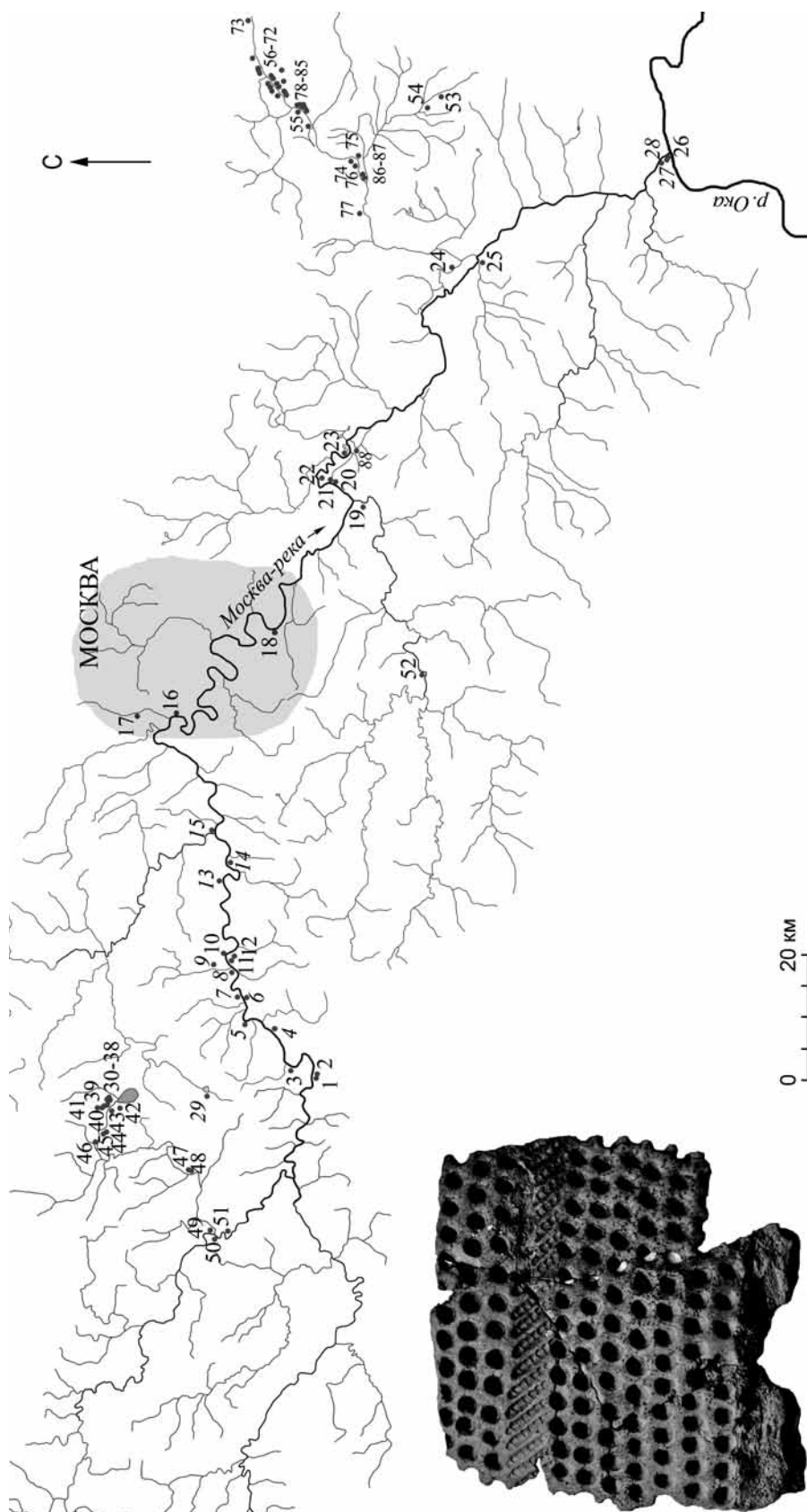

Рис. 1. Неолитические стоянки и отдельные находки в бассейне Москвы-реки

(по данным АКР, А.Е. Кравцова, Ю.А. Краснова, В.В. Сидорова, А.К. Станюковича, А.С. Сыроватко)

Стоянки: 1 – Григорово 1; 2 – Григорово 2; 3 – Бережки; 10 – 1-я Звенигородская стоянка; 11 – 2-я Звенигородская стоянка; 12 – 3-я Звенигородская стоянка; 16 – Шукино; 17 – Алёшино; 18 – Дьяково; 19 – Редькино; 20 – Чулково; 21 – Заозерье; 22 – Верея; 23 – Новое Село; 24 – Виноградово; 25 – Городище; 26 – Старо-Голутвин монастырь; 30 – Брикет, стоянка 8; 31 – Городище, стоянка 4 (Тростенская 6); 32 – Городище, стоянка 6 (Тростенская 12); 33 – Городище, стоянка 7 (Семенова речка-Воронка); 34 – Городище (стоянка Тростенская 1); 36 – Никольская, стоянка 2; 37 – Никольская-правая, стоянка; 38 – Никольское, стоянка; 39 – Буланино, стоянка; 40 – Брикет, стоянка; 42 – Глинково стоянка Дальний остров; 43 – Никольская, стоянка; 44 – Бороденки, стоянка 2; 45 – Бороденки, стоянка 1; 46 – Скирманово, стоянка (Усть-Рассоха); 47 – Нижнее Сядино, стоянка (Грда); 48 – Нижнее Сядино; 49 – Ракитино; 50 – Рыбушкино, стоянка; 51 – Копцево; 52 – Подольск (Подол); 53 – Егорьевск; 54 – Вишневая, стоянка; 55 – Усть-Волыная; 56 – Беливо 1А; 57 – Беливо 1В; 58 – Беливо 1Г; 59 – Беливо 2; 60 – Беливо 3; 61 – Беливо 4В; 62 – Беливо 4В; 63 – Беливо 6В; 64 – Беливо 6; 65 – Беливо 7; 66 – Беливо 8; 67 – Беливо 9; 68 – Беливо 10; 69 – Беливо 14; 70 – Радомка 1; 71 – Беливское оз 1; 72 – Беливо 5А; 73 – Загряжская 2; 74 – Слободищи 1; 75 – Слободищи 3; 76 – Слободищи 4; 77 – Соболово 1; 78 – Тереньково 1; 79 – Тереньково 2; 80 – Тереньково 7; 81 – Тереньково 5; 82 – Тереньковское кладбище 2; 83 – Тереньково поселение 1; 84 – Тереньково поселение 3; 85 – Тереньково селение 4; 86 – Хотеничи 2; 87 – Хотеничская. Отдельные находки: 4 – Рязань; 5 – Каринское; 6 – Звенигородская биостанция-5; 7 – Рыбушкино; 8 – Саввинская слобода; 9 – Скит Саввы; 13 – Аксиинское болото; 14 – Успенское; 15 – Петрово-Дальнее; 27 – Коломна, полигон Артучилища; 28 – оз. Глубокое; 88 – гор. Круглица

от уреза воды. Никаких следов культурного слоя и погребенных почв отмечено при этом не было. Вторую скважину заложили в створе с домом № 32, примерно в 50 м выше по течению от первой скважины. Буром был вытаскен кремневый отщеп, и стало очевидно, что место стоянки зафиксировано. Здесь заложили тестовую траншею шириной 1 м и длиной 6 м перпендикулярно берегу. В нижней части траншеи была выявлена погребенная почва с неолитическими находками. Верхние 2 м траншеи (шурф) прокопали лишь на глубину 1,5 м, и неолитический слой здесь не был достигнут. Размеченный после этого раскоп размером 4 х 5 м включил в себя и нижние 4 м траншеи.

Геоморфологическое положение памятника и динамика русла р. Москвы. Памятник расположен на склоне «промежуточной террасы» – частично затопливаемой аллювиальной поверхности, основание которой было сформировано еще в позднеледниковье, а в голоцене поверхность росла вверх за счет пойменной аккумуляции. Культурный слой залегает в толще аллювия на высоте менее 1 м над современной меженью, т. е. не выше 2,0–2,5 м относительно естественного меженного уровня². Своеобразие заключается в расположении памятника на вогнутом берегу крупной излучины русла – в позиции, предполагающей интенсивную боковую эрозию и отступление берега, что крайне неблагоприятно для сохранности любых природных и культурных объектов (рис. 2, А). Действительно, культурный слой и погребенные почвы срезаются склоном поймы, что указывает на отступление берега после формирования верхней из погребенных почв (почва 2 – см. ниже). Тем не менее, можно утверждать, что русло р. Москвы на данном участке относительно стабильно, и общая величина размыва берега после формирования памятника невелика – не превышает 5–10 м. Отсутствие значительных горизонтальных деформаций русла обусловлено большой древностью, реликтовостью его общей конфигурации.

Русло р. Москвы в районе Звенигорода образует серию крупных изгибов от правильной сегментной до коленчатой формы, которые по соотношению шага (0,9–2,3 км) и ширины русла (60–80 м) должны быть отнесены к категории макроизлучин – реликтовых излучин, образовавшихся в условиях значительно более высокого стока воды в позднеледниковье и в настоящее время неактивных. В разных районах Восточно-Европейской равнины такие реликтовые излучины датируются интервалом календарного времени 13–19 тыс. л.н. (Панин, Сидорчук, 2006), в том числе, на р. Москве, в районе г. Видного – 15300±170 л.н. по ¹⁴C или 18–19 тыс. калиброванных л.н. (Панин и др., 2004). К началу голоцена (11,8 тыс. калиброванных л.н.) водность р. Москвы значительно снизилась и в

ходе голоценовых колебаний никогда не поднималась до величин, соизмеримых со стоком в позднеледниковье. Благодаря этому, а также малоподвижному галечно-щебнистому русловому аллювию и высокой устойчивости глинистых берегов, позднеледниковые излучины как бы «замерли» в своем развитии.

На фоне реликтовых изгибов развиваются голоценовые формы русла – пологие излучины с шагом 400–600 м. По всей видимости, они развивались прерывисто в разные интервалы голоцена, отличавшиеся повышенным стоком. Одним из таких интервалов могло быть начало субатлантического периода: в бассейнах средней Оки, верхнего Днепра и верхней Волги имеются признаки повышенной паводковой активности в РЖВ. В частности, на самой Оке в этот период расширялось русло, и формировались крупные одиночные узлы разветвления, отмиравшие после падения водности. Отмирание одного из таких узлов в районе Коломны датировано временем >2250±90 л.н. по ¹⁴C, или 550–0 гг. до н.э. (Сыроватко и др., 2011). На р. Москве в районе Звенигорода общая амплитуда горизонтальных деформаций русла в голоцене до начала второго тысячелетия н.э. составила местами до 200 м, однако на участке русла в районе памятника видимых признаков деформаций не наблюдается.

Последний, недавно закончившийся этап относительно активных размывов берегов в голоцене – это так называемый малый ледниковый период XIII–XIX вв. Рост паводков в это время привел к мобилизации малоподвижного руслового аллювия, который стал двигаться в виде побочной. После снижения мощности паводков (не позднее середины XIX – начала XX в.) побочки стабилизировались и образовали низкопойменные массивы шириной до 40–50 м и длиной до 200–300 м, расположенные в шахматном порядке вдоль берегов русла (рис. 2, А). Местами это острова, отчлененные от берега узкими протоками, – образования, подобные разветвлениям РЖВ на Оке, только меньших размеров.

Образование этих молодых пойменных массивов обусловило формирование вторичной извилистости – изгибов динамической оси потока. Поток отклоняется напротив массивов к противоположному берегу и стремится его размывать. Именно такая ситуация сложилась в районе памятника: у правого берега реки располагается молодой пойменный массив; у левого, где находится памятник, – зона потенциального размыва. Дополнительный потенциал для размыва берегов дает стеснение русла, увеличивающее удельный расход воды и скорости течения: в районе памятника ширина русла 50–55 м, выше по течению – 65–70 м. Тем не менее, в очертаниях уступа высокой поймы морфологически отчетливых признаков локального размыва не отмечается. Это связано с высокой

² При анализе высотного положения памятника относительно уреза воды р. Москвы следует учитывать регулирование стока Можайским, Рузским и Озернинским водохранилищами, сооруженными в 1930–1960-е годы, и сброс волжских вод через Вазузско-Рузскую систему гидроузлов, производящийся с конца 1970-х. В результате минимальные летние расходы воды ниже впадения р. Рузы в настоящее время превышают наблюдавшиеся до начала регулирования в четыре-пять раз. Сопоставление текущего состояния с летним фото данного участка реки, выполненным в 1896 г., показывает, что современные летние уровни не менее чем на 1,0–1,5 м превышают естественные.

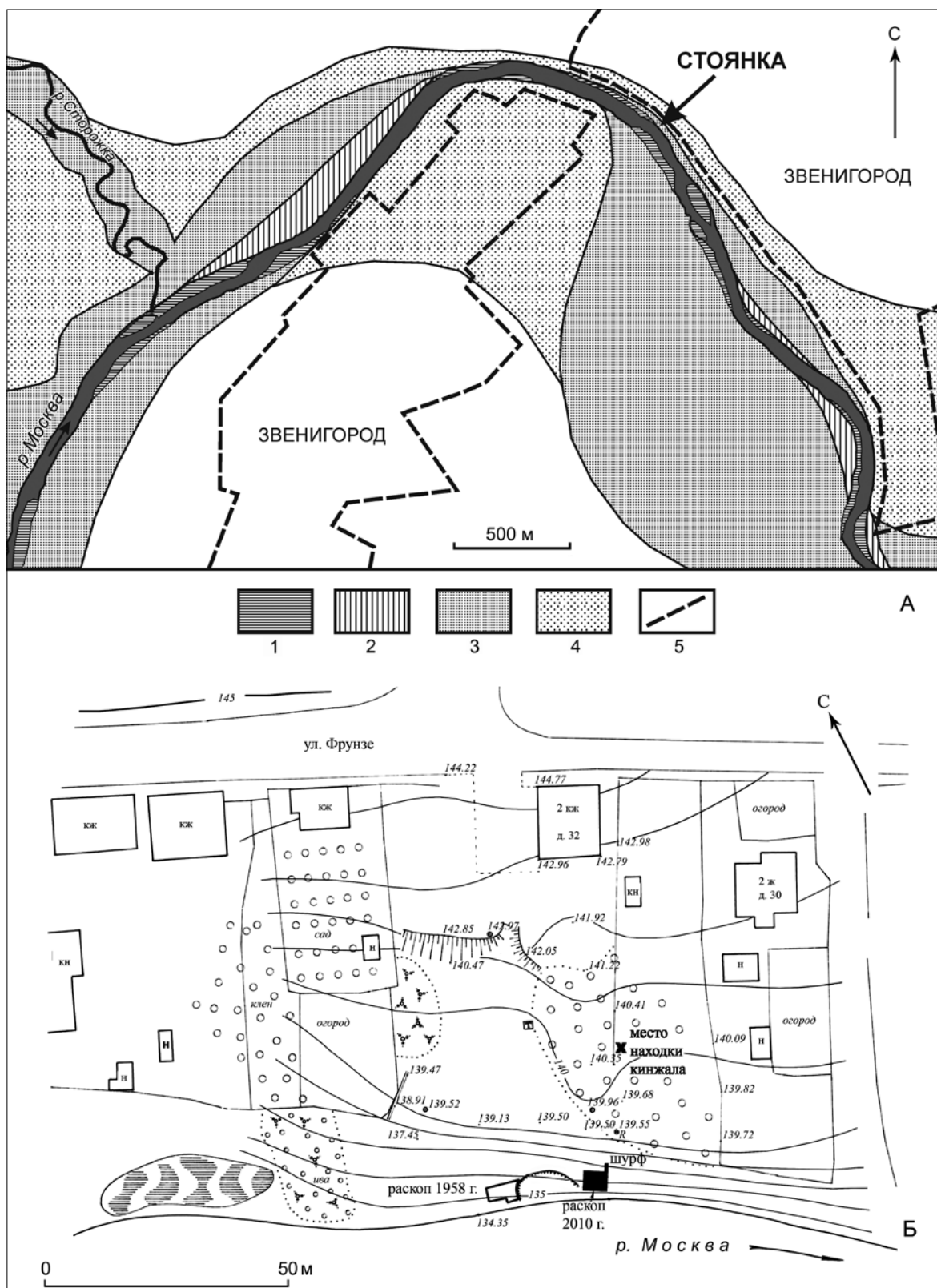

Рис. 2. Геоморфологическая схема дна долины р. Москвы у г. Звенигорода (А) и план 1-й Звенигородской стоянки (Б). Съемка В.В. Петрова, 2010 г. Сечение горизонталей – 1 м. Место раскопа 1958 г. нанесено условно.

1 – пойма позднеголоценовая (малый ледниковый период), высотой 2–3 м (над естественным меженным уровнем);
 2 – пойма ранне- и среднеголоценовая, высотой 5–6 м; 3 – частично затопляемая аллювиальная поверхность позднеледниковья («промежуточная терраса»), высотой 7–8 м; 4 – поздневалдайский террасовый комплекс высотой 8–15 м; 5 – границы городской застройки.

противоэрозионной устойчивостью глинистого склона поймы. Он размывается, по-видимому, лишь при экстремально высоких уровнях воды, обеспечивающих высокие скорости течения. В то же время, при таких уровнях массивы низкой поймы находятся уже в затопленном состоянии и не оказывают отклоняющего действия на речной поток.

Локальный размыв берега в районе памятника был бы возможен при уровнях высокой межени или низких паводках, но скорости течения при таких уровнях, по-видимому, для эрозии склона недостаточны. Тем не менее, в небольших масштабах разрушение склона все же происходит: подрезка основания склона вызывает сползание поверхностных почвенно-грунтовых масс, морфологическим признаком которого является неглубокая цирковидная выемка между раскопами 1958 и 2010 гг. (рис. 2, Б). Эта, а также несколько более мелких выемок показаны уже на плане стоянки в отчете Ю.А. Краснова (1958), т. е. процессы сползания грунта развивались ранее 1958 г.

Дополнительную информацию о развитии берега в районе памятника дают погребенные и современная почвы. Согласно результатам исследования, современный почвенный профиль в раскопе развит слабо, возраст его составляет порядка 100 лет. В шурфе выше по склону почвенный профиль более развитый (хотя тоже далеко не зрелый), возраст его около 200 лет. Не исключено, что различия в степени развитости современной почвы могут быть следствием различий локальных условий почвообразования. Таким образом, время общей стабилизации склона высокой поймы можно оценить в интервале 100–200 лет. В пользу достаточно стабильного состояния русла и опирающихся на него склонов, как минимум, с середины XIX в. говорит и сравнение современных карт с военно-топографической картой масштаба 1 : 84000, гравированной в 1860 г. по данным съемки 1852–1853 гг. (карта Шуберта): достоверных изменений очертания русла реки за полтора столетия обнаружить не удастся.

До XIX в. подмыв уступа поймы происходил, о чем свидетельствует как молодость современного почвенного профиля на склоне, так и срезание склоном погребенных почв неолита и бронзового века. Кроме того, в раскопе отсутствует типичная для поймы р. Москвы погребенная почва времени РЖВ – раннего средневековья, хотя в шурфе выше по склону она обнаруживается. Это свидетельствует о подмыве основания склона во время высокой паводковой активности в малый ледниковый период. По-видимому, именно в это время происходил основной размыв склона после формирования памятника. Общая величина этого размыва не превысила нескольких метров. Это видно из общих ровных очертаний уступа поймы (заметные на снимках выпуклости и вогнутости береговой линии связаны в большей степени с причленением к берегу молодых массивов поймы, чем с размывами берега). В пользу этого говорит также состав руслового аллювия вдоль левого берега.

В августе 2011 г. дно реки было обследовано водозащитной группой под руководством А.Н. Мазуркевича

и Е.В. Долбуновой (Северо-Западная экспедиция Гос. Эрмитажа). На участке русла непосредственно напротив стоянки найдены были, в основном, городской мусор и керамика XVIII–XX вв., т. е. материал с поверхности склона, попадающий в реку за счет сползания поверхностных грунтовых масс. В непосредственной близости к берегу обнаружены также куски кремня и кремневые желваки, по распространению которых можно заключить, что место, на котором располагалась стоянка, простиралось не далее чем на 4–5 м от современного берега к центру реки.

Приведенные данные позволяют с большой вероятностью сделать два вывода. 1. В период своего функционирования стоянка находилась непосредственно на краю русла реки, отделяясь от нее в меженное время лишь узкой полосой пляжа. 2. Масштабы уничтожения памятника за счет боковой эрозии реки минимальны.

Стратиграфия памятника. При работах прошлых лет в долине среднего течения Москвы-реки в толще пойменного аллювия была выявлена серия погребенных почв, получивших номера от 1 до 4, начиная сверху (Александровский, 2008). Радиоуглеродным и археологическим методом получены надежные данные для датирования почв 2 и 3 (почва 1 – современная поверхность). К почве 2 приурочены памятники раннего железного века и Себековья, к почве 3 – памятники бронзового века. Согласно палинологическим и палеопочвенным данным, почва 4 формировалась в атлантический период голоцена (Спиридонова и др., 2008). Исходя из этого, предполагалось, что культурный слой 1-й Звенигородской стоянки должен быть приурочен именно к почве 4. Раскоп 2010 г. подтвердил наше предположение, однако признаки почвы 4 на этом памятнике несколько отличались от признаков почвы 4 в районе поселка РАНИС (Николина Гора): в Звенигороде почва 4 имела меньшую мощность и не была так сильно гумусирована. Отметим, что к почве 4 слои неолита относились и на средней Оке (Александровский и др., 1987).

Толща пойменных отложений на участке раскопа сложена бурым суглинком, в котором хорошо выделяются погребенные почвы, имеющие более темный цвет (рис. 3). Почва 3 залегала в пределах раскопа на глубине от 0,5 до 1 м от современной поверхности, слабо понижаясь на север и северо-запад (т. е. вглубь берега от русла реки). На уровне этой почвы обнаружены единичные угольки, не образовавшие скоплений. Толщина почвы 3 составляла 20–30 см, ее кровля и подошва имели размытые границы.

Почва 4 залегала примерно на 80 см ниже подошвы почвы 3, содержала материал неолита и угольки. Кровля почвы 4 понижалась от отметки -415 в юго-восточном углу раскопа до -500 (нулевой репер находился на бровке поймы) в северо-западном углу. То есть почва 4 понижалась, удаляясь от современного русла реки, почти достигая отметок современного уреза воды (-513 см относительно репера). Современный летний урез воды искусственно поддерживается на 1,5–2,0 м выше естественного меженного (см. сноску 2), но в период формирования почвы 4

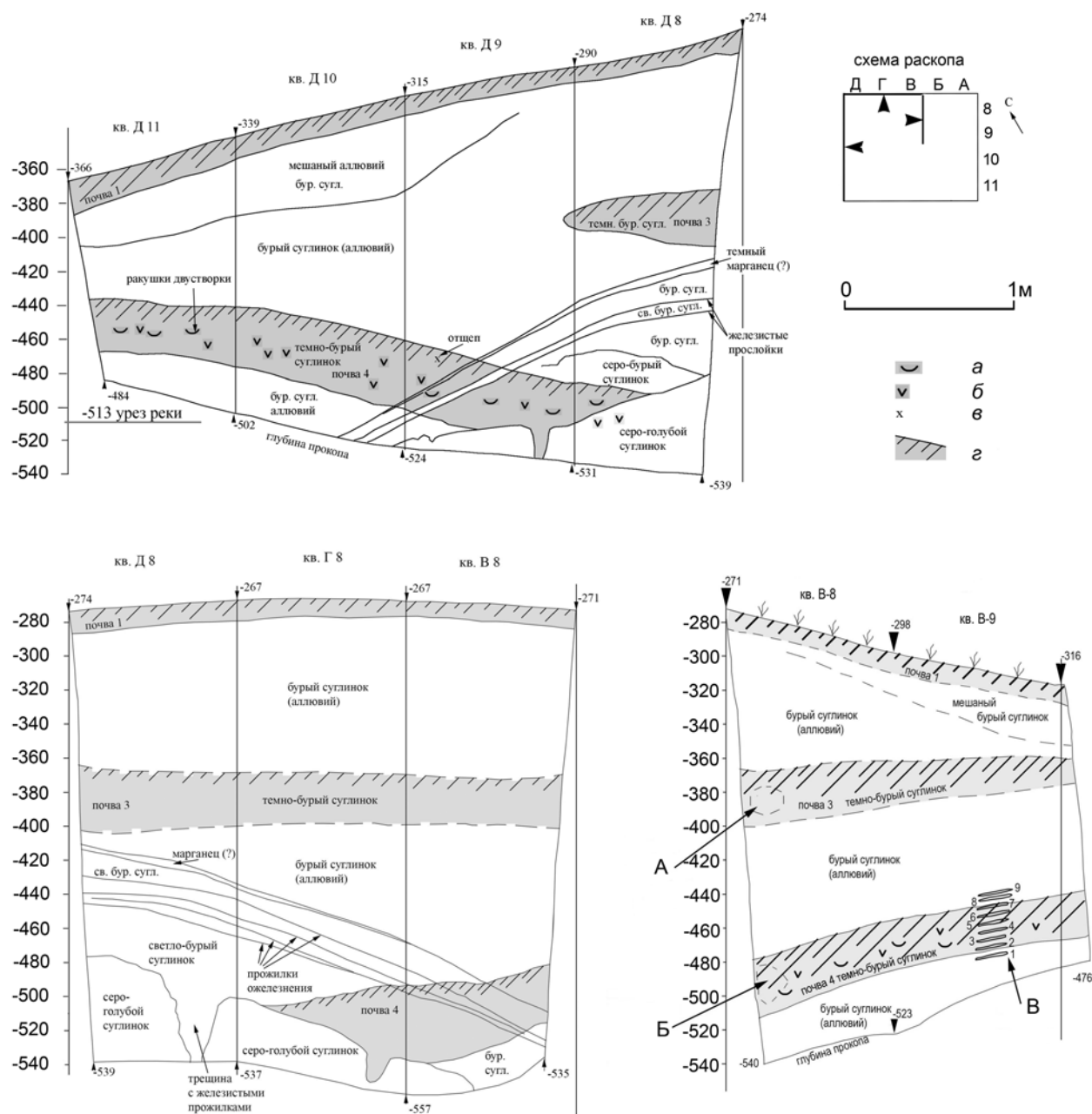

Рис. 3. Профили бортов раскопа 2010 г.

урез воды был, вероятно, еще ниже. Мощность почвы 4 нарастала в том же направлении, что и падение ее поверхности. В юго-восточном углу раскопа она составляла 20 см, а в северо-западной части достигала 40 см, сходя на нет в северо-западном углу.

Наиболее сложная стратиграфическая ситуация наблюдалась именно в северо-западном углу раскопа. Здесь темно-бурая почва 4 терялась, постепенно исчезая в серо-голубом суглинке. На исходный уровень ее залегания указывали немногочисленные уголки. В серо-голубом суглинке имелись трещины, которые заполнял бурый и светло-бурый материал вышележащих горизонтов. По результатам палеопочвенных исследований было сделано предположение о диагенетическом происхождении слоистости

и голубоватого глеевого слоя северо-западного угла раскопа. На это указывает то, что голубоватый слой и железистые прослойки залегают наклонно, согласно современной поверхности склона поймы к реке, и секут почву 4. Слой оглеения неоднороден, имеются два клиновидных образования бурого цвета, идущих вдоль трещин и внедряющихся в слой глея на всю его глубину. Предполагается, что в результате поступления воздуха по трещинам, вдоль них, анаэробные условия, необходимые для существования глея, исчезают, глей деградирует и возвращается исходная бурая окраска аллювия. Однако остается не вполне ясным распределение археологического материала, ясно указывающее на обособленность северо-восточного угла раскопа (кв. Д-8), – там нет находок кремня и

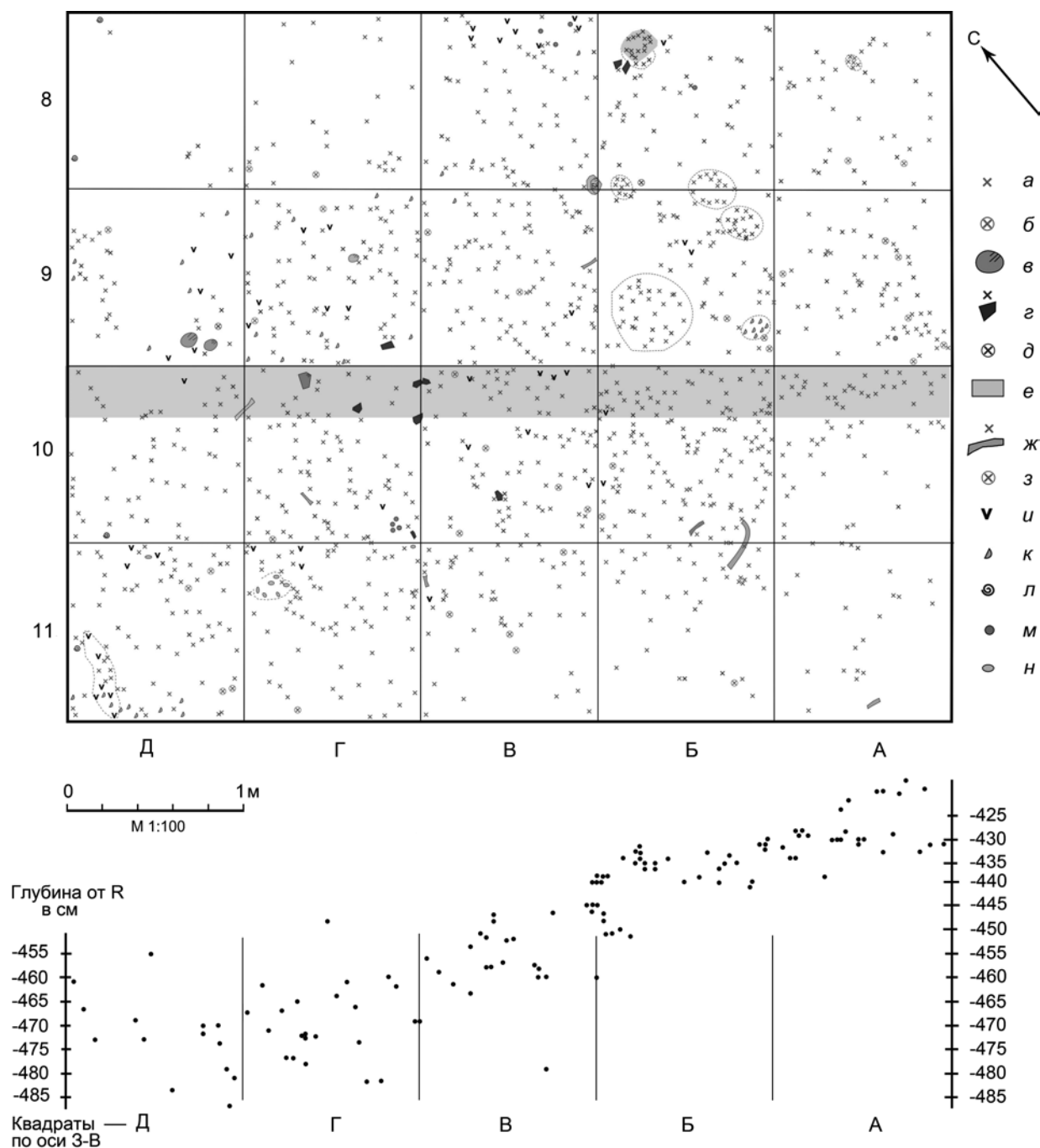

Рис. 4. План находок в раскопе 2010 г. 1-й Звенигородской стоянки (вверху) и микростратиграфия находок, залегающих в погребенной почве 4 (внизу)

керамики. Видимо, здесь, на переходе к старичному понижению, находился край стоянки.

Состав археологических находок и их пространственное распределение. Находки начали попадаться на уровне кровли почвы 4. Их концентрация несколько возростала в средней части почвенного горизонта (рис. 4). Наибольшая концентрация керамики – развал почти целого горшка в кв. Б-8 – приходилась на среднюю часть толщи почвы 4, но в целом можно говорить, что находки были относительно равномерно «размазаны» по этой толще, встречаясь также и

на уровне подошвы почвы. Это хорошо видно при проецировании находок на профиль (рис. 4). В подстилающем почву 4 более светлом суглинке находки уже не встречались, и эту поверхность приняли за условный «материк», который был прокопан лишь по периметру стенок раскопа. На одном уровне с кремнями, керамикой и костями животных встречались обугленные скорлупки лесных орехов, что отмечалось и Ю.А. Красновым при раскопах 1958 г., и многочисленные раковины ракушек-двустворок. Возможно, они также являлись кухонными отбросами,

так как вне горизонта археологических находок ракушек почти не было.

Статистика кремневых находок приведена в таблице 1. Основную массу (более 2 тыс.) составляли отщепы и чешуйки. Несомненно, на памятнике велась интенсивная обработка кремня. В качестве материала использовался низкокачественный серый, светло- и темно-коричневый кремень (иногда это даже не кремень, а окремнелая порода). При этом необходимо отметить, что нуклевидных обломков практически не было найдено. Орудий и отщепов со следами вторичной обработки найдено всего 35. Среди орудий выделяются группы листовидных наконечников дротиков и стрел с двусторонней обработкой (рис. 5, 4–6), ножи (рис. 5, 9, 10), скребки (рис. 5, 13, 14) и орудия с выемкой (рис. 5, 12), перфоратор (рис. 5, 17). Ножевидных пластин очень мало – всего девять экземпляров.

Керамика была представлена примерно 220 экз., происходившими, как минимум, от 20 сосудов, причем лишь один из них был представлен значительным числом обломков. От остальных сохранилось всего по несколько обломков – они выделялись как

отдельные формы по особенностям орнамента и теста. Наиболее полно представленный сосуд (рис. 6, № 317 и 230) имел характерную для развитой льяловской керамики сплошную регулярную ямочную орнаментацию (в шахматном порядке), зигзаг из оттисков гребенки под венчиком и вдавления, выполненные той же гребенкой по торцу венчика. Форма сосудов – остродонная (яйцевидная), венчик почти прямой (чуть вогнутый внутрь), уплощенный по торцу. На внутренней поверхности сохранился слой нагара, по которому была получена радиоуглеродная датировка 5370 ± 30 лет (UGAMS-7954)³, что соответствует календарному возрасту 4330–4060 лет до н.э.⁴ (табл. 2). Аналогичный по форме и орнаментации горшок был найден в 1958 г. в раскопе Ю.А. Краснова (коллекция ЗИАиХМ). Очень близкие по своим признакам горшки найдены на поселении Воймежное 1 в контексте с органическими остатками, давшими тождественные радиоуглеродные даты – около 5300 лет (Энговатова, 1998. С. 243, 244). По А.В. Энговатовой, это средний этап льяловской культуры. Учитывая калибровочные поправки, можно отнести сделанные находки к последней четверти V тыс. до н.э.

Таблица 1. Статистика находок кремневого инвентаря из раскопа 2010 г. 1-й Звенигородской стоянки

№ п/п	Наименование	Количество
1	Отщепы, их обломки и осколки	1146
2	Чешуйки	937 (198 – из промывки почвы (к/с))
3	Ножевидные пластинки и их обломки	9
4	Нуклевидные обломки	4
5	Ретушер-отбойник	1
6	Отщепы со следами работы или нерегулярной ретушью по краю	12
7	Скребки	3
8	Резцы	3
9	Ножи (отщепы и пластинчатые отщепы с ретушью по краям)	4
10	Наконечники стрел листовидные с двусторонней обработкой и их обломки и заготовки	3
11	Наконечники копий и дротиков листовидные с двусторонней обработкой и их обломки и заготовки	9
Всего (из них орудий и отщепов со следами работы)		2131 (35 – 1,6%)

³ Лаборатория университета штата Джорджия (США), руководитель А.Е. Черкинский.

⁴ Здесь и далее калибровка проводилась в программе OxCal v.4.1.7 с использованием калибровочной кривой IntCal09 (Reimer et al., 2009) с интервалом вероятности 95,4%.

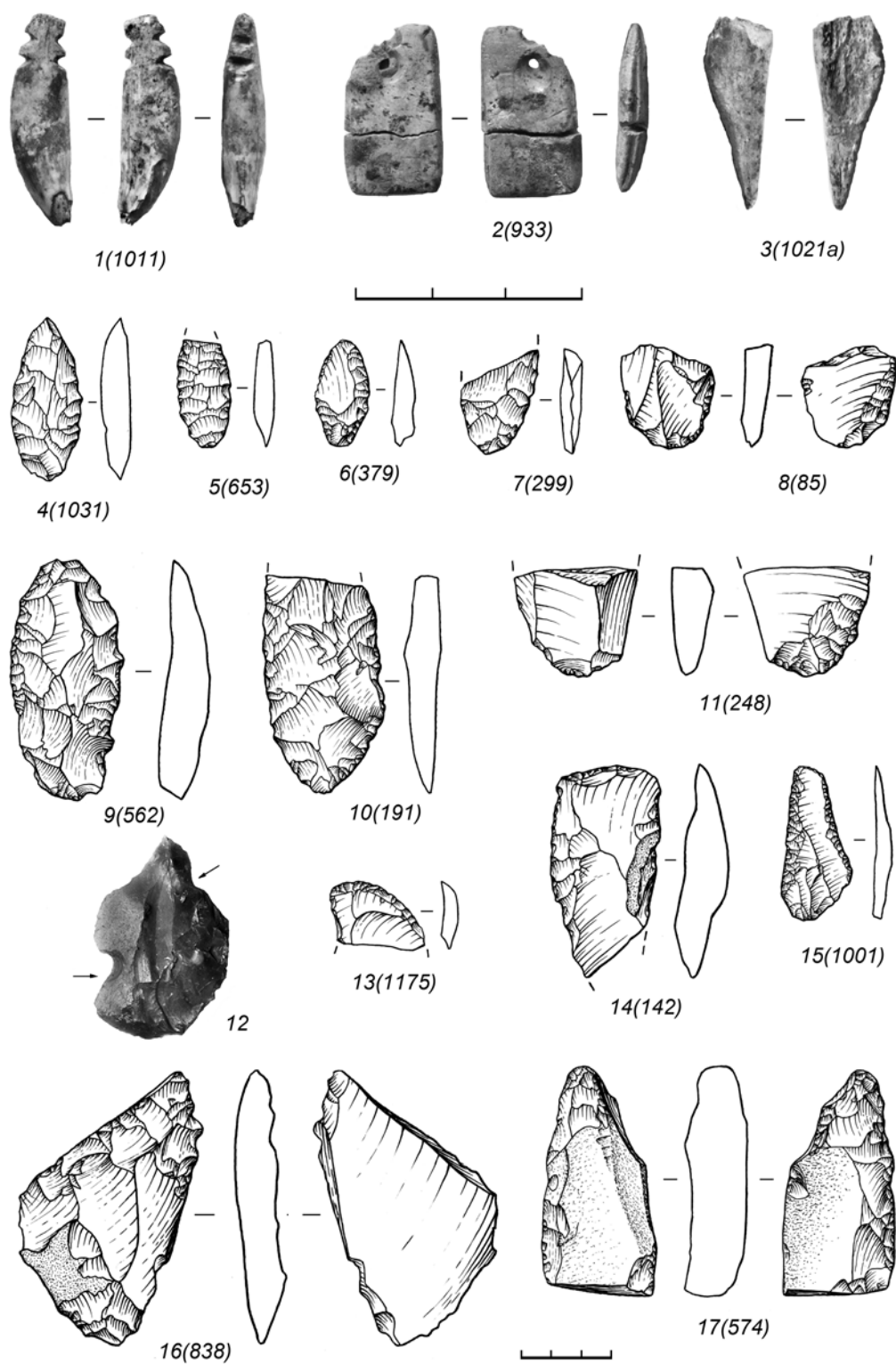

Рис. 5. Костяные изделия (1–3) и кремневые орудия (4–17) из раскопа 2010 г. (в скобках на рисунке – номера по описи). Рисунок А.В. Трусова

Таблица 2. Радиоуглеродные даты 1-й Звенигородской неолитической стоянки.

Индекс лаборатор.	№ пол.	Дата	Калиброванная календарная дата (вероятность 1 σ)	Паспорт
UGAMS-7954	1	5370 $\pm$ 30	4330–4290 BC (16,6%) 4260–4220 BC (24,2%) 4200–4160 BC (20,3%) 4130–4110 BC (4,8%) 4060–4050 BC (2,3%)	Нагар со стенки горшка (фр-т № 230)
UGAMS-7955	2	4960 $\pm$ 30	3775–3700 BC (68,2%)	Почва 4. Орехи. Кв. 10, гл. -412-432
Ki-16752		4920 $\pm$ 100	3910–3870 BC (6,3%) 3810–3630 BC (59,3%) 3560–3540 BC (2,6%)	Почва 4, гл. -489. Угли и углистая масса
Ki-16753		6030 $\pm$ 110	5060–4770 BC (68,2%)	Почва 4, гумус, кв. В-8, вост. борт, гл. -480-500
Ki-16756		4750 $\pm$ 140	3670–3360 BC (68,2%)	Почва 3, гумус, кв. В-8, вост. борт, гл. -380-400

В коллекции имеется ряд обломков, отличающихся от вышеописанного сосуда. У них ямки меньшего диаметра и реже расположены (рис. 6, № 221), венчик тоньше и имеет профилировку (рис. 6, № 175). Из 20 сосудов два были орнаментированы ромбическими ямками (рис. 6, № 202). Видимо, эта керамика относится к позднему этапу льяловской культуры. Если предположение верно, то 1-я Звенигородская стоянка была поселением, в жизни которого можно выделить ранний и поздний периоды.

Изделий из кости в раскопе 2010 г. было найдено всего три. Одна из находок – это маловыразительная проколка (рис. 5, 3), две других – изящные подвески. Одна сделана из клыка барсука и ее верхняя часть вырезана таким образом, что подвеска приобрела черты схематизированной антропоморфной фигурки (рис. 5, 1). Аналогия имеется на стоянке Сахтыш I (Гурина, Крайнов, 1996. Рис. 56, 21) в слое жилища с датой 5150 $\pm$ 40 (ЛЕ-1024). Другая подвеска представляет собой прямоугольную пришлифованную пластинку, в которой двусторонним сверлением прорезано отверстие для подвешивания. По торцам пластинки кремневым резцом прорезаны каннелюры (рис. 5, 2).

Костные остатки хорошо сохранялись в почве 4. Всего было собрано около 200 обломков, из которых удалось определить лишь небольшую часть (см. Приложение 2). Определены исключительно дикие животные. Важно отметить, что на стоянке представлена разнообразная дичь: животные, тяготеющие к водной среде и типично лесные виды. Обращает внимание незначительное количество ихтиофауны. Анализ костных останков не позволяет предполагать приоритетное значение рыболовства для населения стоянки.

Анализ пространственного распределения находок показывает, что они тянутся сплошной полосой примерно равной плотности (несколько десятков находок на квадрат площадью 1 кв. м) по диагонали раскопа от юго-западного угла к северо-восточному. Юго-восточный угол и северо-западный имеют го-

раздо меньшую насыщенность находками. В раскопе не было обнаружено прокала и каких-либо признаков очагов (очажных камней) и столбовых ям, зато было много обугленной скорлупы лесных орехов и рассеянных мелких древесных угольков (большая часть этих угольков относилась к широколиственным деревьям, прежде всего – дубу). По одной из скорлупок лещины была получена ускорительным методом (AMS) радиоуглеродная датировка 4960 $\pm$ 30 (UGAMS-7955), что калибруется в интервал 3800–3650 лет до н.э. По мелким рассеянными уголькам получена обычным способом очень сходная датировка в киевской лаборатории – 4920 $\pm$ 100 (Ki-16752), т. е. 3960–3510 лет до н.э. Эти датировки соответствуют датам позднего этапа льяловской культуры. На стоянках Воймежное I и Сахтыш I для горизонтов, содержащих находки позднего этапа льяловской культуры, получены некалиброванные радиоуглеродные датировки в интервале 4850–5100 лет (Энгватова, 1998. С. 245; Гурина, Крайнов, 1996. С. 178).

Проведенные раскопки показали, что культурный слой стоянки приурочен к погребенной почве 4 в толще отложений аллювия. Этот слой имеет хорошую сохранность, содержит разнородные артефакты, в том числе и остеологический материал. Рельеф слоя сложный, границы его распространения не известны (в том числе и вглубь берега). Вероятно, стоянка располагалась в пойме близ берега реки, захватывая и склон старичного понижения. Раскоп 2010 г. не зафиксировал наличия двух разделенных стерильной прослойкой культурных слоев, как было отмечено в раскопе 1958 г., тем не менее, на основании набора находок и радиоуглеродных датировок можно говорить о наличии раннего и позднего этапов жизни на стоянке. Они соответствуют развитому и позднему этапам льяловской культуры. Хронологический диапазон радиоуглеродного возраста образцов – 4900–5300 лет. Календарные калиброванные значения этих радиоуглеродных дат – от последней четверти V тыс. до н.э. – до первой четверти IV тыс. до н.э. Приведенные

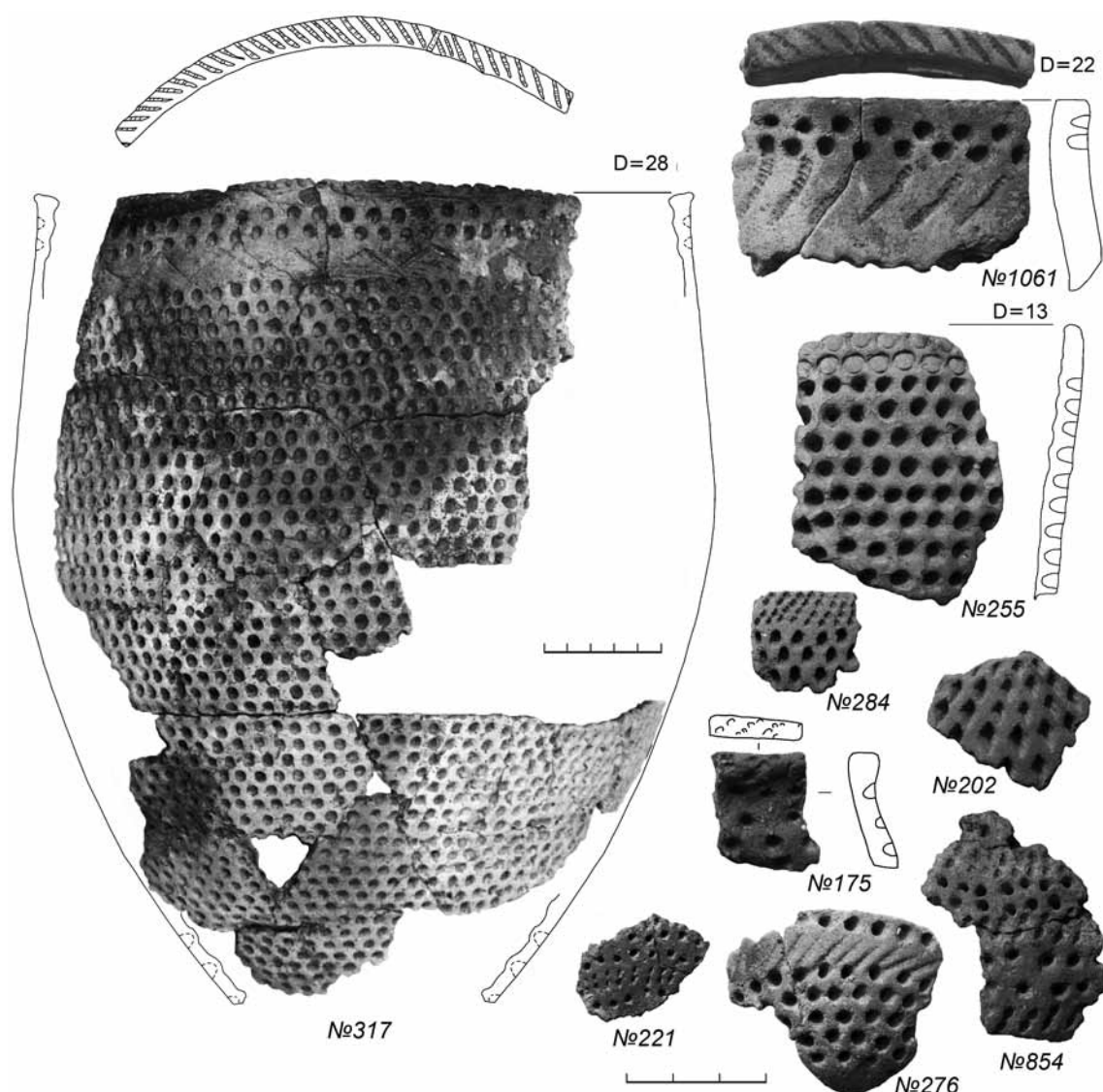

Рис. 6. Керамика льяловской культуры из раскопа 2010 г. По нагару на горшке № 317 (и 230) получена радиоуглеродная датировка 5370 ± 30 (UGAMS-7954)

выше данные не означают, что стоянка была обитаема непрерывно в течение нескольких сотен лет. Вероятно, были многократные посещения и круглогодичное обитание в отдельные периоды. Вывод об интенсивности эксплуатации территории вокруг стоянки подтверждают результаты спорово-пыльцевого анализа, фиксирующего сведение леса, присутствие видов, характерных для нарушенного почвенного покрова (см. Приложение 3).

Важнейшее значение имеют данные о наличии в культурном слое пыльцы *Cerealia*-type (злаки культурного типа). Спектры Звенигородской стоянки оказались во многом близкими к синхронным спектрам Белоруссии (Зерницкая и др., 2001) и Прибалтики (Kriiska, 2009), на основании которых выдвинуты предположения, что начальное проникновение земледелия в лесную зону западной части Восточной Европы относится к V тыс. до н.э. Фактические данные о восприятии земледелия «некоторыми общинами»

круга неолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой приводил еще Ю.А. Краснов (1965. С. 21; 1971. С. 150), но он опирался на более южные материалы из Среднего Поднепровья и Посеймья. Относительно территории Волго-Окского междуречья Ю.А. Краснов отмечал, что здесь отсутствуют признаки производящего хозяйства на стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой (Краснов, 1971. С. 159). Однако 40 лет назад в распоряжении исследователей не было спорово-пыльцевых спектров из культурных слоев стоянок льяловской культуры.

Полученные результаты спорово-пыльцевого анализа образцов с 1-й Звенигородской стоянки позволяют предполагать, что первое знакомство с земледелием населения Волго-Окского междуречья могло относиться к периоду бытования льяловской неолитической культуры. Следует отметить также, что во время экскурсии советско-польского семинара в 1988 г. Л. Старкель и его коллеги обратили внимание на

мощные гумусированные суглинки пойменной фации Средней Оки («мады» по польской терминологии). По мнению польских исследователей, мады достаточно определенно свидетельствуют о земледелии в бассейне реки. Данные суглинки характерны для Москвы-реки и многих других рек региона. Начав накапливаться в неолите, они перекрывают почву 4, а местами, видимо, там, где почва 4 начала формироваться несколько позже, подстилают ее.

Для выяснения вопроса о начале земледелия в бассейне Москвы-реки необходимо проведение специальных исследований, в том числе флорации культурного слоя. Нужно учитывать, что высказанное предположение входит в противоречие с мнением ученых, датирующих формирование производящей экономики на изучаемой территории более поздним временем (Zvelebil, Lillie, 2000).

Остеологические материалы указывают на существенное значение охоты на приречных и лесных

животных в хозяйственной специализации жителей стоянки.

Анализ карты неолитических памятников свидетельствует о том, что долина Москвы-реки была хорошо освоена. Однако эта карта показывает также неравномерность и существенную неполноту изучения территории. Скопления известных неолитических памятников лишь отчасти маркируют места их реальной концентрации (окрестности оз. Тростенского). Порой они приурочены к местам постоянной деятельности отдельных ученых и краеведов (район Звенигорода, участок возле устья р. Пахры, верховья р. Нерской). Неполнота карты объясняется не только тем, что систематических разведок по всей долине не проводилось, но и сложностью выявления неолитических памятников в пойме из-за подъема уровня воды плотинами.

Литература

- Александровский А.Л., 2008. Погребенные почвы в разрезе поймы Москвы-реки у поселка РАНИС // АП. Вып. 4. М.
- Александровский А.Л., Гласко М.П., Фоломеев Б.А., 1987. Археолого-географические исследования погребенных пойменных почв как геохронологических уровней второй половины голоцена (на примере Средней Оки) // Бюлл. Комисс. по изуч. четвертичн. периода. № 56.
- Болховская Н.С., 2010. Палинологический метод // Методы палеогеографических реконструкций. М.
- Гурина Н.Н., Крайнов Д.А., 1996. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М.
- Дукельский В.Ю., 1976. Отчет о разведках в Московской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6364.
- Дукельский В.Ю., 1977. Отчет о работах Музея истории и реконструкции г. Москвы на территории Рузского и Чеховского районов Московской обл. в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6684.
- Зеликсон Э.М., 1977. О палеогеографической интерпретации спорово-пыльцевых спектров с большим содержанием пыльцы орешника // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 2.
- Зерницкая В.П., Симакова Г.И., Павлова И.Д., 2001. Признаки хозяйственной деятельности человека в пыльцевых спектрах голоцена Белоруси // ГАЗ. № 16. Минск.
- Краснов Ю.А., 1958. Отчет об археологических работах в Кунцевском районе Московской области летом 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1718.
- Краснов Ю.А., 1965. К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР // СА. № 2.
- Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1959. Новые памятники льяловской культуры // СА. № 1.
- Крийска А., 2009. Некоторые вопросы возникновения земледелия в Восточной Прибалтике // ТАС. Вып. 7. Тверь.
- Мазуркевич А.Н., 2003. Первые свидетельства проявления производящего хозяйства на северо-западе России // Пушкарские чтения. Вып. 2.
- Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Борисова О.К., Баслеров С.В., 2004. Изменения руслового режима Москва-реки в конце последней ледниковой эпохи и голоцене // Динамика и термика рек, водохранилищ и прибрежной зоны морей. 6-я конференция. М.
- Панин А.В., Сидорчук А.Ю., 2006. Макроизлучины («большие меандры»): проблемы происхождения и интерпретации // Вестн. МГУ. Сер. 5 (География). № 6.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., 2008. Результаты палинологических исследований в пойме реки Москвы у поселка РАНИС // АП. Вып. 4. М.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., 2011. Природные ландшафты Щуровского могильника: хронология, скорость и характер изменений // Тр. III (XIX) Всероссийского Археологического Съезда. Т. 2. СПб. – М. – Великий Новгород.
- Тюретнов С.Н., Березина Н.А. О разрушении пыльцы древесных пород в различных условиях водно-минерального режима // Вестн. МГУ. Сер. V. (Биол., почвовед.). 1965. номер
- Успенская А.В., 1955. Отчет о раскопках и разведках в Звенигородском районе Московской области в 1955 г. по открытому листу № 78 // Архив ИА РАН. Р-1. № 1166.
- Успенская А.В., Краснов Ю.А., 1959. Новая неолитическая стоянка в Подмоскovie // КСИИМК. № 75. М.
- Энговатова А.В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3. Тверь.
- Aaby B., 1988. The Cultural Landscape as Reflected in Percentage and Influx Pollen Diagrams from two

Danish Ombrotrophic Mires // The Cultural Landscape – Past, Present and Future. Cambridge.

Andersen S.T., 1979. Identification of wild grass and cereal pollen // Danmarks Geologiske Undersøgelse Årbog 1978

Andersen S.T., 1988. Changes in Agricultural Practices in the Holocene Indicated in a Pollen Diagram from a Small Hollow in Denmark // The Cultural Landscape – Past, Present and Future. Cambridge.

Ammann B., 1988. Palynological Evidence of Prehistoric Anthropogenic Forest Changes on the Swiss Plateau // The Cultural Landscape – Past, Present and Future. Cambridge.

Bohncke S.J.P., 1988. Vegetation and Habitation History of the Callanish Area, Isle of Lewis, Scotland // The Cultural Landscape – Past, Present and Future. Cambridge.

Bottema S., 1992. // Prehistoire de l'agriculture: Nouvelles approches experimentales et ethnographiques Monographie du CRA. 6.

Bryant V.M., Hall S.A., 1993. Archaeological palynology in the United States: a critique // American Antiquity. 58.

Bryant J., Vaughn M., Wrenn J. H. (editors), 1998. New Developments in Palynomorph Sampling, Extraction, and Analysis // AASP Foundation Contribution Series. N. 33.

Campbell I.D., Campbell C., 1994. Pollen preservation in lake sediments: repeated wet-dry cycles in saline and desalinated sediments // Palynology. 18.

Chambers F.M., Kelly R.S., Price S.-M., 1988. Development of the Late-Prehistoric Cultural Landscape in Upland Ardudwy, North-west Wales // The Cultural Landscape – Past, Present and Future. Cambridge.

Edwards K., 1988. The Hunter-Gatherer / Agricultural Transition and the Pollen Record in the British Isles // The Cultural Landscape – Past, Present and Future. Cambridge.

Edwards K.J., 1993. Models of mid-Holocene forest farming for north-west Europe // Climatic change and human impact on the landscape. London.

Dickson C., 1988. Distinguishing cereal from wild grass pollen: some limitations // Circaea. Vol. 5. N 2.

Dimbleby G.W., 1985. The Palynology of archaeological sites. London.

Faegri K., Iversen J., 1989. Textbook of Pollen Analysis. Chichester.

Fish S.K., 1994. Archaeological Palynology of Gardens and Fields // The Archaeology of Garden and Field. Philadelphia.

Godwin H., 1944. Neolithic forest clearance // Nature. 143.

Havinga A.J., 1984 A 20-year experimental investigation into the differential corrosion susceptibility of pollen and spores in various soil types // Pollen and Spores. 26.

Holloway R.G., 1989. Experimental mechanical pollen degradation and its application to Quaternary age deposits // Texas Journal of Science. 41.

Huntley B., 1993. Rapid early-Holocene migration and high abundance of hazel (*Corylus avellana* L.): alternative hypothesis // Climatic change and human impact on the landscape. London.

Iversen J., 1941. Landnam I Danmarks Stenalder // Danmarks Geologiske Undersøgelse. II R. Nr. 66.

Iversen J. 1973. The development of Denmark's nature since the last glacial // Danmarks Geologiske Undersøgelse. V.

Königsson L.K., Possnert G., Hammar T., 1997. Economical and cultural changes in the landscape development at Novgorod, Russia. Tor. Uppsala. 29.

Kriiska A., 2009. The beginning of farming in the Eastern Baltic // The East European Plain on the Eve of Agriculture. British Archaeological Reports, International series. Oxford.

Marshall D.M., 2008. Ethnopalynology. Pollen Analysis in Land and Underwater Archaeology. Saarbrücken.

Mazurkevich A., Dolbunova E., Maigrot Y., Hookk D., 2011. The Results of Underwater Excavations at Serteya II, and Research into Pile-Dwellings in Northwest Russia // Archaeologia Baltica. 14.

Poska A., Saarse L., Veski S., 2004. Reflections of pre- and early-agrarian human impact in the pollen diagrams of Estonia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 209.

Rackham O., 1988. Trees and Woodland in a Crowded Landscape of British Isles // The Cultural Landscape – Past, Present and Future. Cambridge.

Reimer, P. J., Baillie, M. G. L., Bard, E. et al., 2009. IntCal09 and Marine09 radiocarbon age calibration curves, 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. № 51 (4).

Ralska-Jasiewiczowa M., Nalepka D., Goslar T., 2003. Some problems of forest transformation at the transition to the oligocratic/Homo sapiens phase of the Holocene interglacial in northern lowlands of central Europe // Vegetation History and Archaeobotany. 12.

Roberts N. The Holocene: an environmental history (2nd ed.). Malden, 1998.

Simmons L.G., Innes J.B., 1996. The ecology of an episode of prehistoric cereal cultivation on the North York Moors, England // Journal of Archaeological Science. 23.

Smith A.G., 1970. The Influence of Mesolithic and Neolithic man on British vegetation: a discussion // Studies in the vegetational history in the British Isles: essays in honor of Harry Godwin. Cambridge.

Vera F.W.M., 2000. Grazing ecology and forest history. Oxford.

Zvelebil M., Lillie M., 2000. Transition to agriculture in eastern Europe // Europe's first farmers. Cambridge.

Приложение 1

В.Ю. Дукельский

Кинжал с 1-й Звенигородской стоянки

В 1976 г. во время обследования территории стоянки в ее восточной части, неподалеку от огороженных участков, было найдено кремневое орудие (рис. 7), резко выделяющееся среди остального массива находок. От других материалов памятника его отличает, прежде всего, характер кремневого сырья. Обитатели стоянки использовали почти исключительно коричневатого-желтый кремнь из залежей, расположенных выше по течению Москвы-реки. В данном случае основой для орудия послужила плитка однородного высококачественного кремня черного цвета⁵. Плитка (в сечении – вытянутый прямоугольник) имеет параллельные грани и плоскую поверхность, покрытую тонким слоем известняковой корки. Размеры изделия: общая длина – 13,5 см, ширина – 4,5 см, толщина – 0,8–1,3 см, длина лезвийной части – 9 см. Лезвие орудия имеет плавно закругленный конец и оформлено плоской широкой отжимной ретушью. Противоположный конец кинжала оставлен практически нетронутым, лишь с одной стороны корка частично снята несколькими крупными уплощающими сколами.

На первый взгляд кажется, что перед нами незаконченное изделие – заготовка копья или кинжала. Удивляет лишь явное несоответствие между идеально обработанной лезвийной частью и почти первозданной поверхностью плитки на черешке орудия. Косвенно в пользу законченности изделия свидетельствует ряд заломов по краю лезвия, в месте перехода режущей кромки в необработанную часть. Помимо этого, мелкие заломы и негативы мельчайших чешуек на режущей кромке могут считаться следами использования.

Видимо, мы имеем дело все-таки с готовой вещью, основание которой намеренно было оставлено без обработки. В этом случае наиболее вероятна интерпретация орудия как кинжала. На это указывает и расширяющийся к основанию клинок, и плавно закругляющийся конец лезвия, и, наконец, сохранение плитки в качестве черешка, вполне пригодного для крепления в рукояти. Крупные кремневые кинжалы известны в материалах Полушкинской стоянки на Полецком озере в 20 км от Звенигорода, только там они изготовлены из местного москворецкого кремня.

Несколько противоречит трактовке изделия, как кинжала, ширина плитки – 4,5 см. При любом устройстве рукояти объем ее должен был еще увеличиться так, что держать ее в руке было бы затруднительно. Напротив, при креплении в расщеп древка или муфту сохранение плитки выглядит оправданным. В этой связи интересным представляется предположение А.Н. Сорокина о том, что находка является наконечником рогатины. В этом случае прочное основание, рассчитанное на встречное давление, должно было препятствовать поломке наконечника.

Приложение 2

Н.В. Сердюк

Ископаемая фауна 1-й Звенигородской неолитической стоянки

В результате раскопок 2010 г. было получено 213 костных элементов (включая материал промывки). Более 80% всех образцов – неопределимые части скелета млекопитающих, птиц и рыб (табл. 3). Среди костей млекопитающих – остатки представителей отрядов: Грызунов, Хищных, Парнокопытных. Наибольшее количество определимых элементов принадлежит бобру (*Castor fiber*) – 5,63%. В основном, это – зубы, сколы эмали, пригодные для определения обломки длинных костей конечностей и черепа. Кроме бобра, из грызунов определены водяная крыса (*Arvicola terrestris*) – 1,87% и обыкновенная полевка (*Microtus arvalis*) – 0,46%. Хищные представлены остатками псовых, барсука (*Meles meles*) и представителей рода *Martes* (вероятнее всего, куницы). Обломки верхней челюсти мелкого псового принадлежат молодой особи с еще несменившимися молочными резцами. От крупных копытных определены обломки зубов и метаподиальных костей лося (*Alces alces*) – 1,4%, обломки моляров кабана (*Sus scrofa*) – 1,87%. Диафизы птичьих костей, обнаруженные в количестве 2,81%, определению не подлежат. Неопределимые рыбьи кости составляют 1,87%, определимы два позвонка, они принадлежат обыкновенной щуке (*Esox lucius*) – 0,93% (рис. 8).

Рис. 7. Кинжал (рогатины?) из черного кремня. 1-я Звенигородская стоянка. Сборы 1976 г. В.Ю. Дукельского. Фонды МИМ (фото А.В. Трусова)

⁵ Происхождение кремня неясно, поскольку он не похож ни на верхнеокский, ни на селигерский черный кремнь.

В дополнение к описанному материалу необходимо упомянуть костяные изделия – две подвески и проколку. Одна из подвесок выполнена из боковой стенки трубчатой кости крупного млекопитающего, вторая – из клыка барсука. Для изготовления проколки, вероятно, использовался также обломок длинной кости конечности млекопитающего.

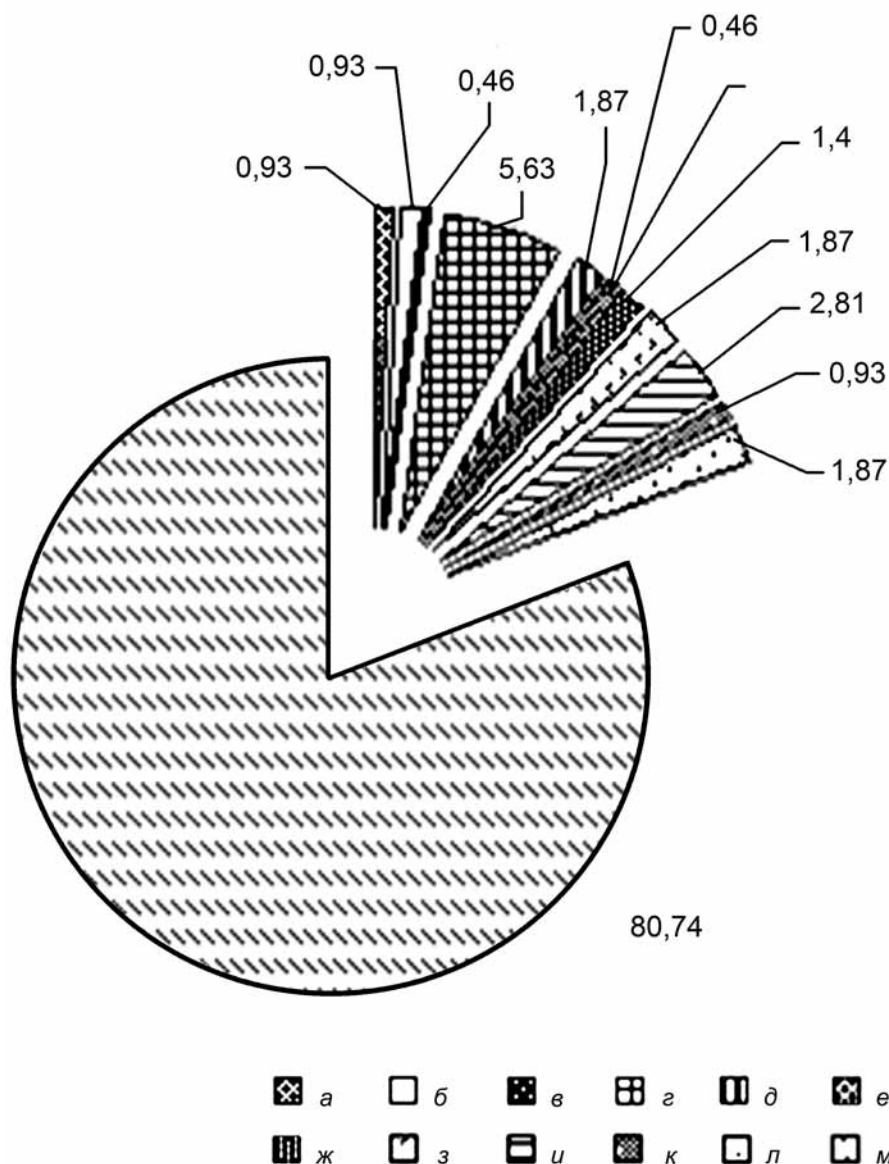
Помимо костей позвоночных, в отложениях 1-й Звенигородской неолитической стоянки обнаружены также части раковин моллюсков. Они принадлежат двум видам *Fruticicola fruticum* (кустарниковая улитка) и *Vallonia costata*. Оба вида – наземные брюхоногие моллюски, предпочитающие влажные травянистые участки по берегам водоемов.

Сборы 1954 и 1956 гг.: остеологический материал раскопок середины XX в. насчитывает всего 15 костных элементов, три из которых представлены облом-

ками зубов дикой свиньи, остальные – неопределимы.

Видовой состав фауны 1-й Звенигородской неолитической стоянки изобилует водными и околоводными видами: рыбы, бобр, водяная крыса, обыкновенная полевка, наземные моллюски, обитающие на влажных лугах и лесах. Типично лесные виды – лось и кабан также предпочитают биотопы с тихими реками и с зарослями кустарника по берегам. Представители куньих – барсук и куница населяют широколиственные и смешанные леса. В целом, видовой состав неолитического памятника не противоречит его местоположению и возрасту.

Автор выражает признательность за помощь в определении рыб и моллюсков – доктору биологических наук Е.К. Сычевской и кандидату биологических наук П.Ю. Пархаеву.

Рис. 8. Процентное соотношение костных остатков из слоя 1-й Звенигородской неолитической стоянки
 а – *Canidae*; б – *Martes sh.*; в – *Meles meles*; г – *Castor fiber*; д – *Avicola terrestris*; е – *Microtus arvalis*; ж – *Alces alces*;
 з – *Sus scrofa*; и – *Aves indet.*; к – *Esox lucius*; л – *Pisces indet.*; м – неопределимые фр-ты

Таблица 3. Остеологический материал из раскопок 1-й Звенигородской неолитической стоянки.

Таксон	Количество	%
<i>Meles meles</i> (барсук)	1	0,46
<i>Martes sp.</i> (куны)	2	0,93
Canidae (псовые)	2	0,93
<i>Castor fiber</i> (бобр)	12	5,63
<i>Arvicola terrestris</i> (водяная крыса)	4	1,87
<i>Microtus arvalis</i> (полевка обыкновенная)	1	0,46
<i>Alces alces</i> (лось)	3	1,4
<i>Sus scrofa</i> (кабан)	4	1,87
<i>Aves indet.</i> (птицы)	6	2,81
<i>Esox lucius</i> (щука)	2	0,93
<i>Pisces indet.</i> (рыбы)	4	1,87
Неопределимые обломки	170	80,74
Всего	213	

Приложение 3

Е.Г. Ершова

Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из культурного слоя 1-й Звенигородской стоянки и погребенной почвы атлантического времени

Из погребенной почвы № 4, содержащей материал неолита, а также из аллювия, лежащего выше и ниже погребенной почвы, было отобрано 9 образцов на спорово-пыльцевой анализ (см. рис. 3). Обработка и анализ образцов были проведены в палинологической лаборатории кафедры геоботаники Биологического факультета МГУ.

Во всех образцах была обнаружена пыльца, хотя и в крайне низкой концентрации (менее 100 п.з./см³). Это связано, по-видимому, с неблагоприятными для сохранения пыльцы условиями, характерными для

речного аллювия⁶, осложненными высоким содержанием карбонатов⁷. В связи с этим для подсчета необходимого минимума пыльцевых зерен⁸ потребовалась многократная обработка большого объема материала (50–100 мл) и просмотр большого количества стекол (по 10–20 на образец). Хотя почти для всех образцов удалось получить спектры, содержащие сравнительно богатый видовой состав, не ограниченный только особыми устойчивыми формами⁹, искажение спектров за счет дифференцированного разрушения пыльцы остается весьма вероятным. Все образцы содержали переотложенные микроостатки докайнозойских таксонов (от 3 до 20% от общего числа зерен), что свидетельствует о возможном «загрязнении» пыльцевых спектров пыльцой и спорами, принесенными водой издалека. С другой стороны, в полученных спектрах хорошо видны искажения, связанные с характерной для культурных слоев неравномерностью распределения пыльцы¹⁰

⁶ Речной аллювий считают малоприспособленным для локальных палинологических исследований, так как высокий окислительный потенциал, переменное увлажнение, вызывающее механическое разрушение пыльцы, высокая микробиологическая активность и активность почвенной фауны делают дифференцированное разрушение и, соответственно, обеднение пыльцевых спектров неизбежным. Кроме того, высока вероятность присутствия в спектрах пыльцы и спор, переотложенных и принесенных водой издалека (Тюрменов, Березина, 1965; Dimbleby, 1985; Campbell and Campbell, 1994; Holloway, 1989; Bryant and Hall, 1993; Marshall, 2008, и др.).

⁷ Высокое содержание карбонатов (pH выше 7) в сочетании с переменным увлажнением создают крайне неблагоприятные условия для сохранения пыльцы. Ряд исследователей считает карбонатные отложения с концентрацией пыльцы ниже 1–2 тыс. п.з./см³ непригодными для анализа (Bryant and Hall, 1993; Faegri and Iversen, 1989). Другие допускают такой анализ при условии подсчета необходимого минимума, однако, с рядом оговорок. Так, по Dimbleby (1985), в силу высокой биологической активности, высокой скорости разрушения пыльцы и вероятности перемешивания погребенные карбонатные почвы нельзя считать стратифицированными, их спектры надо оценивать, как отражающие растительность очень краткого промежутка времени (1–2 года до погребения).

⁸ Для анализа пыльцевых спектров минеральных отложений, бедных пыльцой, необходимым минимумом считают от 100 до 500 пыльцевых зерен на образец; в большинстве археологических исследований нормой является 200–300 зерен на образец (Болиховская, 2010; Bryant and Hall, 1993; Bryant et al., 1998; Marshall, 2008).

⁹ Наиболее устойчивыми к разрушению в почвах являются споры папоротников и плаунов, из пыльцы лучше других сохраняется пыльца ели, сосны, липы (Havinga, 1984).

¹⁰ О временной и пространственной неравномерности распределения пыльцы в культурных слоях и антропогенно измененных почвах и необходимости их сравнения с контрольными спектрами см.: Dimbleby (1985); Faegri and Iversen (1989); Bryant and Hall (1993); Fish (1994); Marshall (2008) и др.

и локальной перепредставленностью некоторых видов (так, пыльца многих сорняков встречается в скоплениях). В связи с перечисленными выше особенностями полученных спектров нельзя считать полностью адекватными, т. е. пригодными для реконструкции региональной растительности и тем более климата. Тем не менее, результаты спорово-пыльцевого анализа (рис. 9) дают основание для некоторых, хотя и предварительных выводов.

Во всех образцах доля пыльцы древесных составляет не более 60% от общего спектра, и лишь половина ее приходится на основные лесообразующие породы (ель, сосна, береза, дуб, липа, вяз). Заметную часть спектра древесных составляют пойменные деревья и кустарники: ивы (*Salix sp.*) и ольха (*Alnus*), а доминирует орешник (*Corylus avellana*). Поскольку пыльца орешника не относится к особо устойчивым формам и не разносится на большие расстояния, а также учитывая обилие обугленной скорлупы, найденной в культурном слое, можно с уверенностью констатировать присутствие зарослей орешника в непосредственной близости от неолитического поселения. Как показывают многочисленные исследования¹¹, орешник, обычно образующий густой кустарниковый ярус в широколиственных и смешанных лесах, обильно цветет лишь в условиях полного освещения, т. е. при отсутствии верхнего древесного яруса. Поэтому доминирование орешника в пыльцевых спектрах древесных средне- и позднеголоценовых отложений однозначно интерпретируется как свидетельство локального сведения широколиственного леса человеком¹². В случае Звенигородской стоянки, расположенной в центральной, заливаемой части поймы, можно предположить вырубку (выжигание) пойменных дубняков, занимавших более высокую часть поймы, и/или широколиственного леса на склонах коренного берега, причем лес был сведен уже к началу формирования анализируемой почвы (культурного слоя).

Общее количество пыльцы трав (около 50% от общего пыльцевого спектра) и их таксономическое разнообразие, а также постоянное присутствие переотложенных форм свидетельствуют о существовании вокруг поселения заливаемого пойменного луга. Велика также доля рудеральных видов,

представленных в основном пылью (*Artemisia*). Кроме того встречается также пыльца подорожника (в образце № 3 обнаружен целый пыльник, принадлежащий подорожнику узколистному (*Plantago lanceolata*), маревых (*Chenopodiaceae*), цикориевых (*Cichoriaceae*), горца (*Polygonum*), иван-чая (*Epilobium*) и др. Все эти виды можно отнести к группе апофитов – растений, характерных для нарушенного почвенного покрова. К этой же группе условно можно отнести и плауны (*Lycopodium*), споры которых в изобилии встречаются в образце из самой нижней части погребенной почвы.

Особого внимания заслуживает пыльца злаков, морфологические особенности и размер которой позволяют отнести ее к группе злаков культурного типа (*Cerealia-type*). Пыльца этого типа встречается во всех образцах, хотя больше всего ее (до 6% от общего пыльцевого спектра) в нижней и средней части анализируемого слоя, где она часто встречается в скоплениях (рис. 10). Поскольку в группу *Cerealia-type* входят помимо культурных злаков некоторые дикорастущие злаки, характерные для приустьевой части поймы¹³, однозначно говорить о наличии земледелия пока рано. В тоже время сочетание присутствия пыльцы *Cerealia-type* с очевидными признаками сведения леса и присутствием большого количества луговых видов и апофитов не исключает такое объяснение¹⁴. Общепризнано, что подобное сочетание признаков, включая обилие орешника, в пыльцевых диаграммах европейских отложений неолитического времени маркирует начало производящего хозяйства¹⁵.

Интересно сравнение полученных данных с результатами палинологического анализа погребенной почвы атлантического времени в пойме р. Москвы в районе поселка РАНИС (Николина Гора). Несмотря на отсутствие археологических находок, пыльцевые спектры верхней части погребенной почвы также фиксируют несомненные признаки человеческой деятельности: обилие микроскопического угля в почве, наличие в пойме открытых заливных лугов и рудеральных сообществ с характерным набором видов апофитов (*Artemisia*, *Chenopodiaceae*, *Cichoriaceae*, *Asteraceae*), а также доминирование вторичных березняков на водоразделе, очевидно сформировав-

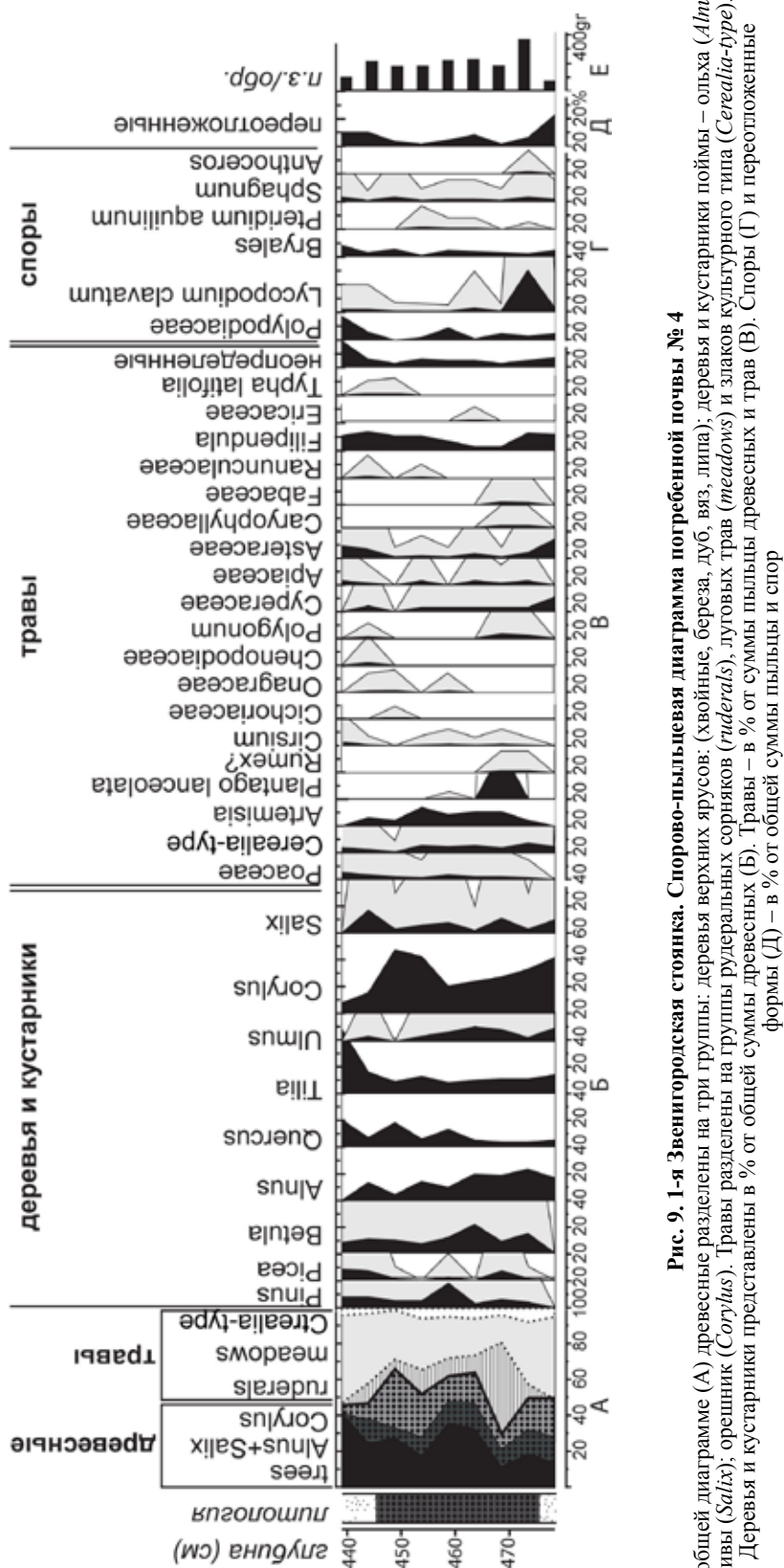
¹¹ Биология, экология, особенности цветения и распространения пыльцы орешника (*Corylus avellana L.*) и их отражение в пыльцевых спектрах подробно рассмотрены в ряде работ (Зелуиксон, 1977; Iversen, 1973; Huntley, 1993; Vera, 2000, и др.)

¹² См.: "Landnam theory" Дж. Иверсена (Iversen, 1941, 1973); Godwin, 1944; Roberts, 2010.

¹³ К группе *Cerealia-type* относят такие злаки, распространенные в пойме р. Москвы, как пырей (*Elytrigia repens (L.) Nevski*), манник наплывающий (*Glyceria fluitans (L.) R. Br.*), кострец безостый (*Bromopsis inermis (Leyss.) Holub*) и некоторые другие (Iversen, 1941; Andersen, 1978; Dikson, 1988; Bottema, 1992, и др.).

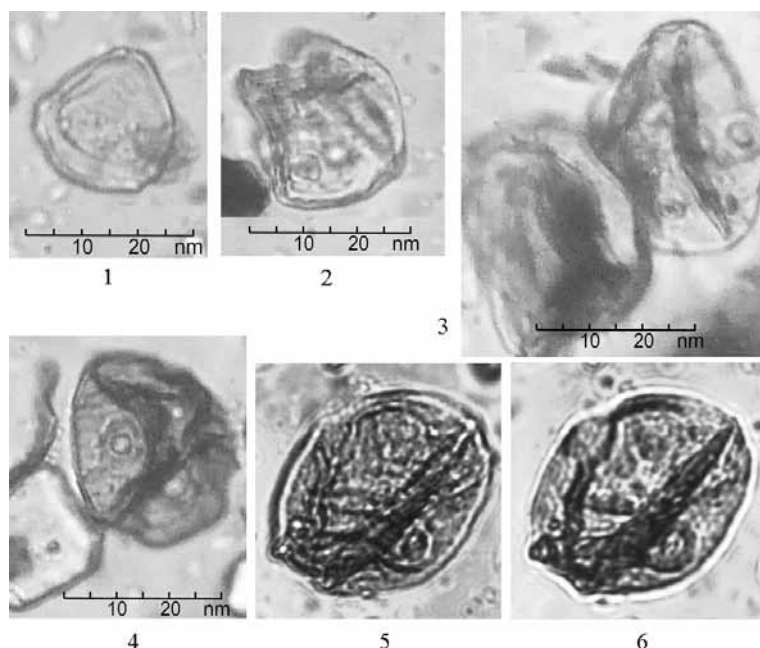
¹⁴ В ряде работ описаны находки пыльцы культурных злаков в отложениях близкого возраста (ок. 4000 BC) в лесной зоне Белоруссии (Зерницкая и др., 2001), Прибалтики (Poska et al., 2004; Крийска, 2009), а также на северо-западе России – в Ловатско-Двинском междуречье (Мазуркевич, 2003; Mazurkevich et al., 2011) и на западном берегу оз. Ильмень (Königsson et al., 1997).

¹⁵ Локальные пики орешника и других кустарников, следующие за падением кривой вяза (*Ulmus-decline*), в сочетании с появлением сорняков (*Artemisia*, *Umbelliferae*, *Chenopodiaceae*, *Plantago lanceolata*, *Rumex*) и злаков *Cerealia-type* описаны для отложений неолитического времени во многих странах Западной и Северной Европы (Smith, 1970; Edwards, 1988; 1993; Aaby, 1988; Ammann, 1988; Chambers et al., 1988; Andersen, 1988; Bohncke, 1988; Huntley, 1993; Simmons and Innes, 1996, и др.), в Польше (Ralska-Jasiewiczowa et al., 2003), в Прибалтике (Poska et al., 2004) и интерпретируются как свидетельство раннего земледелия и скотоводства. В ряде работ описано использование орешника как источника древесины и корма для скота (leaf-fodder) в неолите (Rackham, 1988).

Рис. 9. 1-я Звенигородская стоянка. Спорово-пыльцевая диаграмма погребенной почвы № 4

На общей диаграмме (А) древесные разделены на три группы: деревья верхних ярусов: (хвойные, береза, дуб, вяз, липа); деревья и кустарники поймы – ольха (*Alnus*) и ивы (*Salix*); орешник (*Corylus*). Травы разделены на группы рудеральных сорняков (*ruderals*), луговых трав (*meadows*) и злаков культурного типа (*Cerealia-type*). Деревья и кустарники представлены в % от общей суммы древесных (В). Травы – в % от суммы пыльников древесных и трав (В). Споры (Г) и перерогаткованные формы (Д) – в % от общей суммы пыльников и спор

Рис. 10. 1-я Звенигородская стоянка. Микрофотографии пыльцы из погребенной почвы № 4
1 – пыльца орешника (*Corylus*); 2–6 – пыльца злаков *Cerealia-type*

шихся на месте сведенного (выжженного) широколиственного леса (*Спиридонова и др.*, 2008).

Таким образом, несмотря на скудость палинологического материала, анализ погребенной почвы (культурного слоя) Звенигородской стоянки неолитического времени позволяет констатировать: 1) долго-

временное сведение леса в пойме и на коренном берегу р. Москвы; 2) наличие пойменных лугов и рудеральных сообществ в непосредственной близости от поселения; 3) возможное наличие земледелия. Подтверждение последнего вывода требует дальнейших исследований.

**N.A. Krenke, A.L. Alexandrovski, I.I. Elkina, I.N. Ershov, A.V. Lazukin, A.N. Mazurkevich,
A.V. Panin, A.A. Kudryavtsev, M.V. Lavrikov, V.A. Voronkin**

New research of the 1st Zvenigorod neolithic site on Moscow-river

Summary

The research of the 1st Zvenigorod site (the Moscow region) in 2010 has shown that the site is timed to buried soil N 4 in thickness of alluvium which was formed in Atlantic time (the end of the 5th – the beginning of the

4th c. BC). Main complex of finds dates to the middle period of L'yalov culture. The site existed for a long period of time. Hunting and fishing in a lesser degree were the basics of life-support system.

**А.Л. Александровский, К.В. Воронин, А.В. Долгих, Н.Н. Ковалюх,
В.В. Скрипкин, Е.В. Главатская**

**Радиоуглеродные исследования культурного слоя
поселения эпохи бронзы – неолита Песочное-1 на озере Неро**

Аннотация

Результаты радиоуглеродного датирования показали стабильность органического вещества культурного слоя поселения Песочное-1 на оз. Неро. Причиной этого является высокое содержание в культурном слое поселения кальция и фосфора, особенно высокое в местах скопления кальцинированных костей. Поселение многослойное, его отложения гомогенные, сильно прокрашенные гумусом, небольшой мощности (30–40 см). Археологический материал льяловской культуры в основном лежит в нижней части отложений, волосовской культуры – выше, культуры сетчатой керамики – в их верхней части. Радиоуглеродные определения возраста – даты, выполненные по гумусу, имеют

хорошую хронологическую стратификацию и соответствуют представлениям о возрасте культур. Даты по льяловскому слою: 5600–5100 л.н. (калиброванный 4430–3900 лет до н.э.), волосово – 4400–4200 л.н. (калиб. 3000–2840 л. до н.э.). Большинство дат, полученных по верхней части слоя, соответствует культуре сетчатой керамики и находится в интервале 3800–3300 л.н. (калиб. 2200–1500 л. до н.э.). Еще более точные даты получены по гумусу из археологических комплексов (очаги, заполнения развалов сосудов и др.): 3800–3500 л.н. (калиб. 2200–1800 л. до н.э.). Омоложение гумуса под воздействием почвообразовательных процессов обнаружено только в самой верхней части культурного слоя (5–10 см) (см. табл. 1).

**Таблица 1. Песочное-1. Результаты определений возраста образцов культурного слоя (КС)
по радиоуглероду гумуса.**

Разрез, образец, глубина	Лабораторн. индекс	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванный возраст
<i>Льяловская культура</i>			
Ш. 1, колонка Б, КС 55–64 см (низ КС)	Ki-15646	5590±80	1σ 4491-4351 BC 2σ 4647-4264 BC
Р. 3, кв. Д-3, колонка В, КС 49–59 см (низ КС)	Ki-15651	5310±90	1σ 4229-4064 BC 2σ 4231-4051 BC
Р. 3, кв. И-4, колонка Д, КС 27–32 см	Ki-15846	5120±90	1σ 4035-3796 BC 2σ 4226-3702 BC
Р. 3, кв. И-3, пл. 3, КС под сосудом № 2003	Ki-15855	5270±90	1σ 4230-3990 BC 2σ 4333-3848 BC
<i>Волосовская культура</i>			
Ш. 1, колонка Б, КС 30–40 см (сер. КС)	Ki-15647	4410±80	1σ 3314-2916 BC 2σ 3339-2902 BC
Р. 3, кв. Н-4/5, колонка А, КС 37–46 см, (низ КС)	Ki-15648	4240±90	1σ 2925-2638 BC 2σ 3090-2573 BC

Таблица 1. Песочное-1. Результаты определений возраста образцов культурного слоя (КС) по радиоуглероду гумуса (продолжение).

Р. 3, кв. Б-3, пл. 3, КС	Ki-15862	4210±90	1σ 2905-2638 BC 2σ 3021-2498 BC
<i>Эпоха бронзы (культура сетчатой керамики)</i>			
Ш. 1, колонка Е, КС 20–25 см (верх КС)	Ki-15847	3120±90	1σ 1496-1271 BC 2σ 1607-1128 BC
Р. 3, кв. Н-4/5, колонка А, КС 27–37 см, (сер. КС)	Ki-15645	3610±70	1σ** 2123-1884 BC 2σ 2193-1768 BC
Р. 3, кв. Д-3, колонка В, КС 31–41 см (сер. КС)	Ki-15650	3490±80	1σ 1915-1694 BC 2σ 2026-1620 BC
Р. 3, кв. Р-10, колонка Г, КС 27–34 см	Ki-15845	2990±70	1σ 1370-1126 BC 2σ 1407-1024 BC
Р. 3, кв. И-4, колонка Д, КС 17–22 см	Ki-15848	2760±70	1σ 978-831 BC. 2σ 1112-800 BC
Р. 3, кв. О-4/5, 189 см, пол жилища (?)	Ki-15653	3390 ± 90	1σ 1867-1535 BC 2σ 1917-1465 BC
Р. 3, кв. Н-1, КС, 200 см	Ki-15654	3720±80	1σ 2275-1980 BC 2σ 2430-1894 BC
Р. 3, кв. О-5, 192 см, пятно прокала	Ki-15652	3950±80	1σ 2570-2309 BC 2σ 2837-2155 BC
Р. 3, кв. 3-3, пл. 3, КС	Ki-15655	3220±80	1σ 1607-1417 BC 2σ 1688-1315 BC
Р. 3, кв. О-3, 188–192 см, под печными камнями	Ki-15850	3330±90	1σ 1657-1540 BC 2σ 1668-1534 BC
Р. 3, кв. О-3, пл. 3, КС с тленом	Ki-15857	3510±90	1σ 1950-1695 BC. 2σ 2128-1614 BC
Р. 3, кв. Н-6, пл. 1, КС внутри развала № 4799	Ki-15859	2810±60	1σ 1050-861 BC 2σ 1129-822 BC
<i>Смешанные образцы по пластам</i>			
Пл. Ів (0–5 см), площадка	Ki-16485	1670±40	1σ 266-422 AD 2σ 254-530 AD
Пл. Ів (0–5 см), склон	Ki-16483	1470±80	1σ 466-656 AD 2σ 412-684 AD
Пл. Іп (5–10 см), склон	Ki-16484	3060±40	1σ 1395-1275 BC 2σ 1425-1213 BC
Пл. Іп (15–20 см), площадка	Ki-16482	3430±40	1σ 1869-1683 BC 2σ 1878-1633 BC
Пл. Іп (15–20 см), верх склона	Ki-16480	3710±60	1σ 2199-2027 BC 2σ 2287-1943 BC
Пл. Іп (15–20 см), низ склона	Ki-16481	3450±50	1σ 1876-1691 BC 2σ 1890-1634 BC
<i>Даты культурного слоя из развалов сосудов КСК и рядом с ними (рис. 7, 8)</i>			
Р. 3, кв. Н-6, пл. 2, КС внутри развала № 4798	Ki-15851	3660±110	1σ 2199-1892 BC 2σ 2431-1742 BC
Р. 3, кв. Н-6, пл. 2, КС рядом с развалом № 4798	Ki-15854	3320±70	1σ 1684-1522 BC 2σ 1755-1437 BC

Таблица 1. Песочное-1. Результаты определений возраста образцов культурного слоя (КС) по радиоуглероду гумуса (окончание).

Р. 3, кв. О-3, пл. 2, развал печных камней	Ki-15858	3410±90	1σ 1877-1612 BC 2σ 1935-1501 BC
Р. 3, кв. О-5, пятно прокала	Ki-15649	3610±80	1σ 2131-1880 BC 2σ 2198-1750 BC
Р. 3, кв. Н-6, пл. 1, КС со дна развала № 4799	Ki-15864	3510±90	1σ 1950-1695 BC 2σ 2128-1614 BC
Р. 3, кв. Н-6, пл. 1, КС рядом с развалом № 4799	Ki-15861	3330±60	1σ 1683-1531 BC 2σ 1750-1458 BC
<i>Липовка-1, культурный слой</i>			
Колонка 1, АУ, 20 см, гумусовый горизонт с артефактами КСК	Ki-16186	850±90	1σ 1049-1264 AD 2σ 1016-1292 AD
Колонка 2, АН, 40 см, второй гумусовый горизонт	Ki-16187	1890±70	1σ 54-218 AD 2σ 45-322 AD

Примечание. Радиоуглеродные даты принято давать в годах назад от 1950 г. Вероятность калиброванного возраста при одной сигме – 68%, при двух – 95%. Для смешанных образцов по пластам глубины даны от погребенной поверхности культурного слоя (около 20 см от дневной поверхности).

Введение

Как известно, гумус является не самым лучшим материалом для определения возраста археологических объектов методом радиоуглеродного датирования. Это, в первую очередь, относится к гумусу почв развивающихся в естественных условиях. Медленно протекающие в этих условиях процессы минерализации гумуса и его накопления (в основном из остатков корней), турбаций и иллювирирования приводят к постепенному накоплению и постоянному обновлению гумуса. Поэтому ^{14}C дата не показывает ни времени начала образования почвы, ни времени ее погребения (в случае палеопочвы), а только *mean residence time* (MRT) углерода в почве (Paul et al., 1964).

Существенно иная ситуация возникает на археологических объектах, в связи с поступлением больших количеств органического вещества за относительно короткое время. Образующийся из этого вещества гумус имеет возраст, соответствующий времени существования археологического объекта, особенно если он не загрязнен почвенным гумусом. Для подобных случаев предлагается термин «археологический гумус» (Александровский, 2008). Например, обнаружено хорошее совпадение с археологическим возрастом ^{14}C дат исследованных в парке Царицыно (Москва) на поселении дьяковской культуры гумусированных заполнений ям первых веков н.э. (Александровский, 2008). Подобные результаты были получены нами при радиоуглеродном датировании гумуса жилищных ям Маяцкого городища (на Среднем Дону) (Афанасьев и др., 1999). Такая сохранность гумусовых веществ определяется тем, что данные объекты – ямы – располагаются ниже

основной части корнеобитаемого слоя и не загрязняются почвенным гумусом.

В связи с этим неожиданными оказались первые же результаты определения возраста на поселении бронзового века Песочное-1, расположенного на берегу оз. Неро (Александровский и др., 2011). Гумус культурного слоя оказался здесь устойчивым, а даты древними не только в ямах, но и в верхней части слоя. Отметим, что культурный слой этого поселения имеет малую мощность и, несомненно, испытывает воздействие таких почвенных процессов, как поступление современного гумуса и зоотурбации. Для исследования этого явления были проанализированы свойства культурного слоя данного поселения и отобраны образцы на радиоуглеродное датирование из различных археологических объектов. Также были проведены работы на других поселениях бронзового века, расположенных на берегу оз. Неро и имеющих несколько иные характеристики культурного слоя.

Объект и методы исследования

Поселение Песочное-1 расположено на западном берегу оз. Неро, к югу от Ростова Великого, в 200 км к северо-востоку от Москвы (рис. 1). Оно занимает пологий склон низкой террасы, а нижняя его часть уходит под уровень озера. Поселение многослойное. Его культурные отложения содержат остатки археологических культур неолита (льяловская и волосовская культуры) и бронзы (фатьяновско-балановская, чирковская и культура сетчатой керамики). Доминируют материалы культуры сетчатой керамики (Воронин, 2008).

При этом культурные отложения характеризуются относительно небольшой мощностью (30–40 см), очень высоким содержанием гумуса, кальция, фосфора, меди и цинка (Александровский и др., 2011). Имеются многочисленные ходы почвенной фауны, а также кальцинированные (жженные) кости. За три с половиной тысячелетия, прошедшие после того, как поселение перестало функционировать, куль-

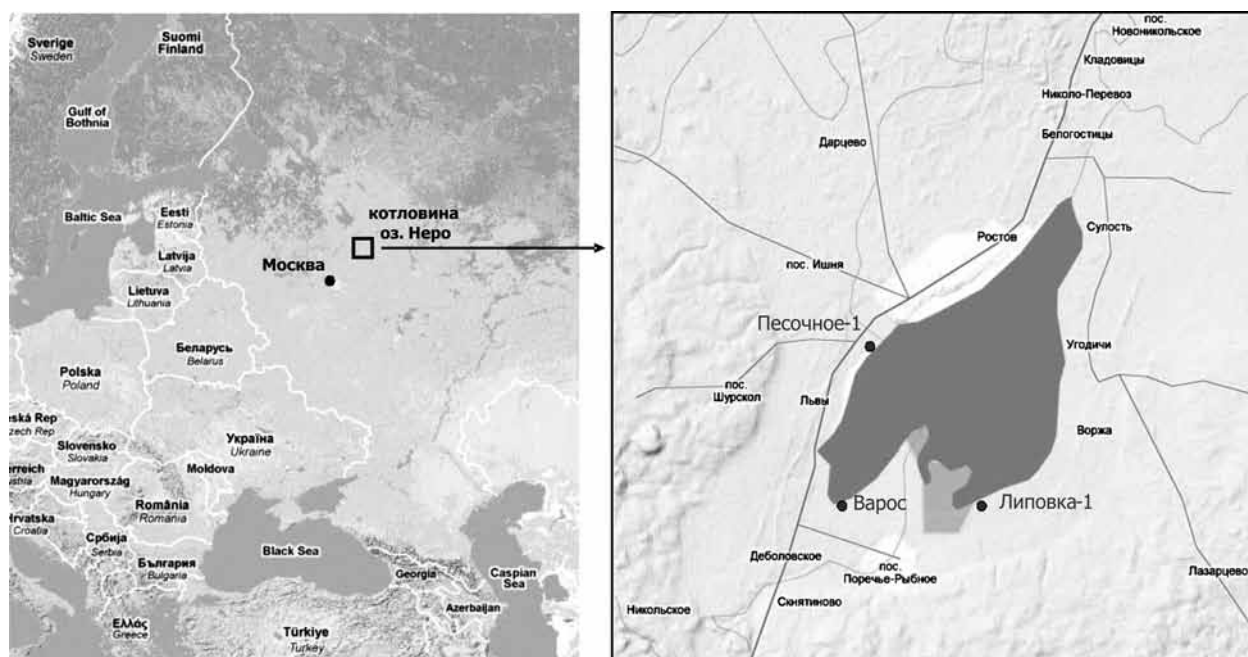

Рис. 1. Географическое положение объектов исследования

турный слой хотя и сохранил свою очень темную окраску, но стал однородным. Горизонты перечисленных культур внешне не выделяются, но, несмотря на имеющиеся перекопы и признаки локального перемешивания материала, археологическая стратификация артефактов наблюдается. Так, археологический материал льяловской культуры в основном лежит в нижней части отложений, волосовской – выше, культуры сетчатой керамики – в их верхней части. Под культурным слоем выделяется малоомощная темноцветная почва. Видна нижняя часть почвы, содержащая многочисленные ходы грызунов-землероев. Верхняя ее часть, вероятно, вовлечена в состав культурного слоя. Возраст почв и культурных отложений поселения определялся по радиоуглеродным и археологическим данным. Древесный уголь практически не сохранился, мелкими и плохой сохранности были и кости. Поэтому радиоуглеродное датирование производилось по общему органическому веществу, основу которого составляет гумифицированный органический материал культурного слоя, а также почвенный гумус, дисперсный уголь и, вероятно, костный уголь. Радиоуглеродное датирование выполнено конвенционным сцинтилляционным методом в Киевской лаборатории Института геохимии окружающей среды НАНУ. Калибровка дат выполнена на основании калибровочных кривых *IntCal04* (Reimer et al., 2004) и *IntCal09* (Reimer et al., 2009). Иллюстрации с распределением сделаны в программе *OxCal4.1* (Bronk Ramsey, 2009).

Содержание гумуса и карбонатов определено обычными методами, используемыми в почвоведении. Определения микро- и макроэлементов в культурном слое и почвах выполнены с помощью рентген-флуоресцентного метода («Естественнонаучные...», 2004).

Результаты и дискуссия

На поселении выделяется четыре основных стратиграфических элемента. Сверху залегает слой молодого аллювия мощностью около 15 см (XVII–XVIII вв.). Почвообразование проработало в основном верхнюю часть этого слоя. Ниже располагается, собственно, культурный слой (рис. 2). Он лежал на поверхности в течение почти 3500 (4000 cal) лет. Слой однородный, темной гумусовой окраски; встречаются кротовины, особенно четко видные по нижней границе гумусового горизонта. В нем имеются археологические объекты, наиболее важные из которых: развалы керамических сосудов, очаги. Встречаются кремневые орудия, предметы металлообработки (рис. 3–5). В основании культурного слоя выделяется погребенная почва. Еще ниже – слоистый аллювий.

Спецификой поселения Песочное-1 является большое количество фрагментов кальцинированных костей в культурном слое темного цвета, а также наличие остатков бронзолитейного производства.

Химический состав культурного слоя поселения Песочное-1 также необычен. Он характеризуется крайне высокими содержаниями кальция, фосфора, меди и цинка (табл. 2). Оказалось, что наиболее высоко оно в зонах, обогащенных остатками кальцинированных костей. Фосфат кальция (апатит), составляющий основу кости, обладает высокой устойчивостью в почве и, в частности, в рассматриваемом культурном слое. Он обеспечивает малую подвижность двух элементов: меди и цинка.

Особый интерес представляет то, что очень высокое содержание ряда элементов, особенно меди обнаруживается в самом верхнем горизонте культурного слоя, сразу под современным аллювием. Следовательно, культурный слой около 4000 лет находился у поверхности, в корнеобитаемом слое, но

Таблица 2. Песочное 1. Результаты физико-химических анализов. (КС – культурный слой; АУкс – гумусовый горизонт с участием материала культурного слоя. Жирным выделены максимальные концентрации.)

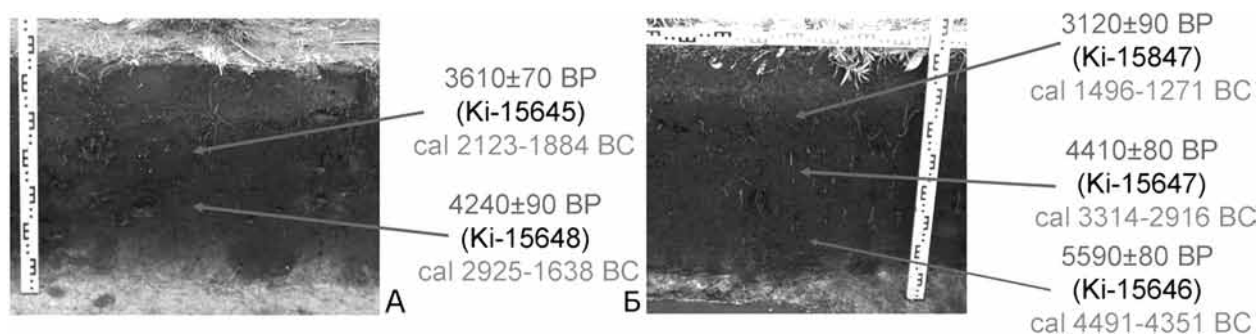
Horizon, depth, cm	pH _{водн.}	ППП*, %	C _{орг.} , %	P ₂ O ₅ , %	CaO, %	Fe ₂ O ₃ , %	Cu, мг/кг	Zn, мг/кг	Pb, мг/кг	Cr, мг/кг
<i>Разрез 7, фоновая почва</i>										
Ad, 0–5	5,25	–	13,46	0,54	2,09	6,51	46	102	57	81
AB, 5–16	5,15	–	6,55	0,36	0,83	4,94	26	46	28	103
A1, 16–37	6,05	5,10	1,33	0,48	0,8	2,50	8	13	18	56
ABg, 37–48	6,3	1,94	0,37	0,29	0,62	1,62	3	2	10	42
B _{1g} , 48–57	6,65	–	0,12	0,16	0,67	1,16	4	4	6	61
B ₂ , 57–63	6,40	–	0,25	0,20	1,05	5,03	21	43	27	120
<i>Колонка А, раскоп 3, кв. Н-4/5</i>										
Ad, 0–12	5,7	17,6	5,19	3,88	5,25	5,17	64	298	16	82
AB, 12–17	6,0	14,96	3,90	3,20	4,79	4,20	74	244	15	77
КС ₁ , 17–37	6,5	12,78	3,18	8,32	11,06	3,24	104	447	8	53
КС ₂ , 37–46	6,55	8,26	1,95	6,11	8,42	3,15	60	326	13	66
АУкс, 46–55	6,4	5,40	0,72	1,34	2,06	3,36	23	75	13	92
B, 55–65	6,5	–	0,31	0,73	1,37	5,06	16	88	18	122
<i>Колонка Б, шурф 1</i>										
Ad, 0–8	5,25	26,71	8,47	1,51	2,64	6,07	53	220	41	102
AB, 8–26	5,60	20,18	4,47	2,09	3,26	5,56	69	224	21	102
КС ₁ , 26–40	6,30	11,76	5,57	6,70	9,32	3,19	85	384	12	59
КС ₂ , 40–64	6,50	6,99	1,41	2,97	4,63	3,13	38	132	16	75
АУкс, 64–74	6,60	4,84	0,72	1,16	2,05	3,03	25	62	13	79
B, 74–(84)	6,60	–	0,30	1,25	1,80	4,68	27	58	20	104
<i>Колонка В, раскоп 3, кв. Д-3</i>										
Ad, 0–8	5,400	–	7,94	2,17	3,51	5,30	55	228	31	89
AB, 8–12	5,40	–	4,95	2,76	3,69	5,49	61	213	21	87
КС ₁ , 12–41	6,45	12,30	3,05	8,80	11,20	3,56	140	417	12	53
КС ₂ , 41–59	6,50	6,65	1,39	5,09	6,89	2,53	45	232	11	50
АУкс, 59–68	6,55	4,18	0,76	1,31	1,97	3,11	18	65	20	92
B, 68–75	6,50	–	0,31	1,07	1,55	4,03	15	57	17	95

сохранился очень хорошо. Также культурный слой отличается высокой устойчивостью гумуса. Это проявляется в высоком содержании C_{орг.} (3,0–5,5%; табл. 2) и в результатах радиоуглеродного датирования (табл. 1).

Результаты радиоуглеродного датирования показали высокую устойчивость органического вещества и четкую стратификацию дат по слоям. Основное количество дат по верхней части слоя, соответствующей культуре сетчатой керамики, оказалось в интервале 3800–3300 л.н. (калиброванный 2200–1500 л. до н.э.). По волосовскому слою получены даты 4400–4200 л.н. (калиб. 3000–2840 л. до н.э.); по льяловскому – 5600–5100 л.н. (калиб. 4430–3900 лет до н.э.). Существенно омоложен возраст лишь самой верхней (5–8 см) части культурного слоя (табл. 1; 1670±40 л.н. Ki-16485, 1470±80 л.н. Ki-16483). Хотя

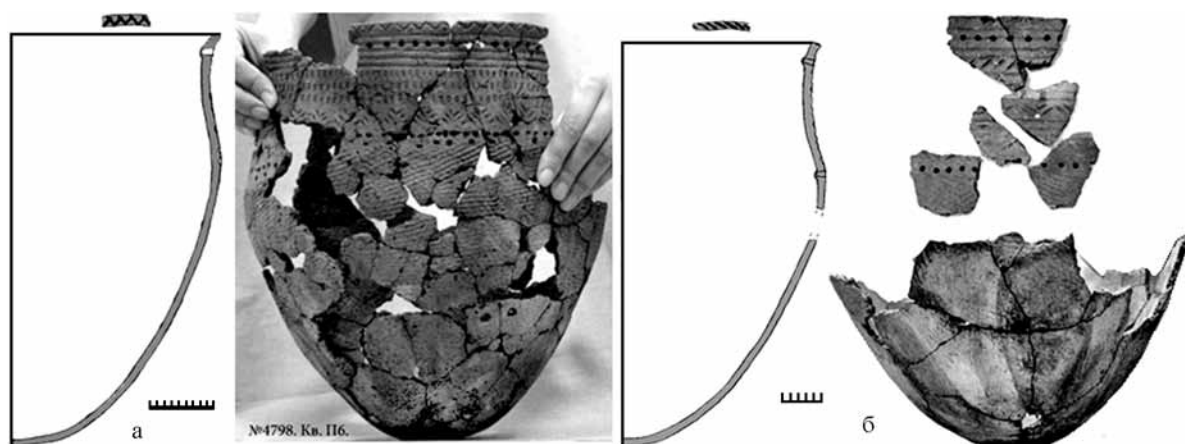
в этом слое медь сохранилась в максимальном количестве, но под воздействием корневых систем за 4000 лет поступление молодого гумуса проявилось отчетливо. Ниже, в основной части культурного слоя, добавка молодого гумуса практически незаметна.

Иные результаты были получены по культурному слою расположенного неподалеку поселения бронзового века Липовка-1 (Воронин, 2000). Здесь нет сильно гумусированного культурного слоя как в Песочном-1, а есть типичные для данного региона дерново-подзолистые почвы, в которых археологические артефакты сконцентрированы в маломощном гумусовом горизонте (до 15 см). Они содержат мало гумуса, кальция и фосфора. В связи с этим возраст гумуса культурного слоя существенно моложе: 850±90 л.н. (Ki-16186).

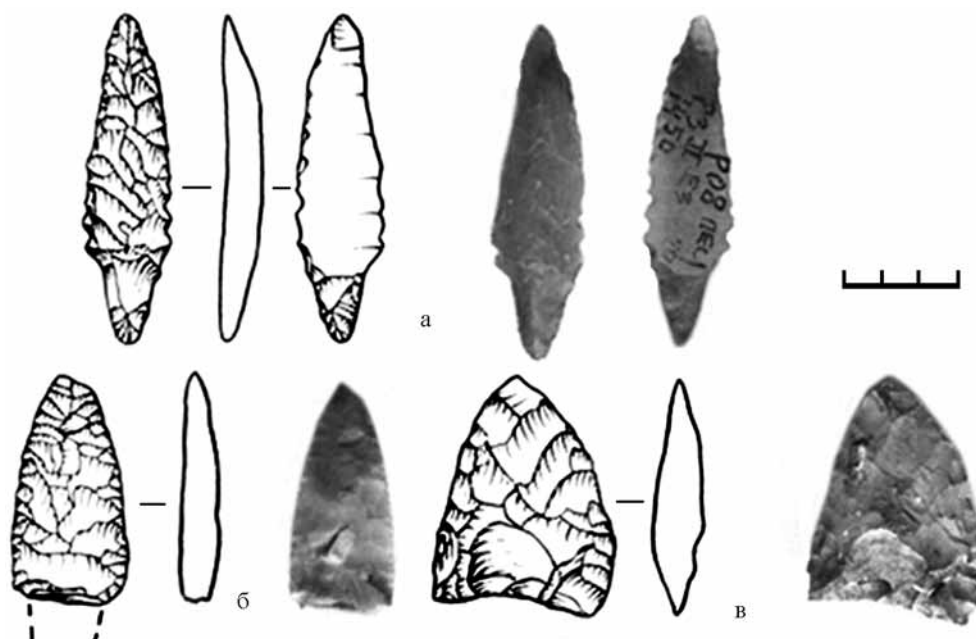
Рис. 2. Культурный слой поселения Песочное-1

колонка А – раскоп 3, кв. Н-4, верхняя часть площадки поселения, материал льяловской культуры отсутствует;
колонка Б – шурф 1, нижняя часть площадки поселения, присутствует материал всех культур

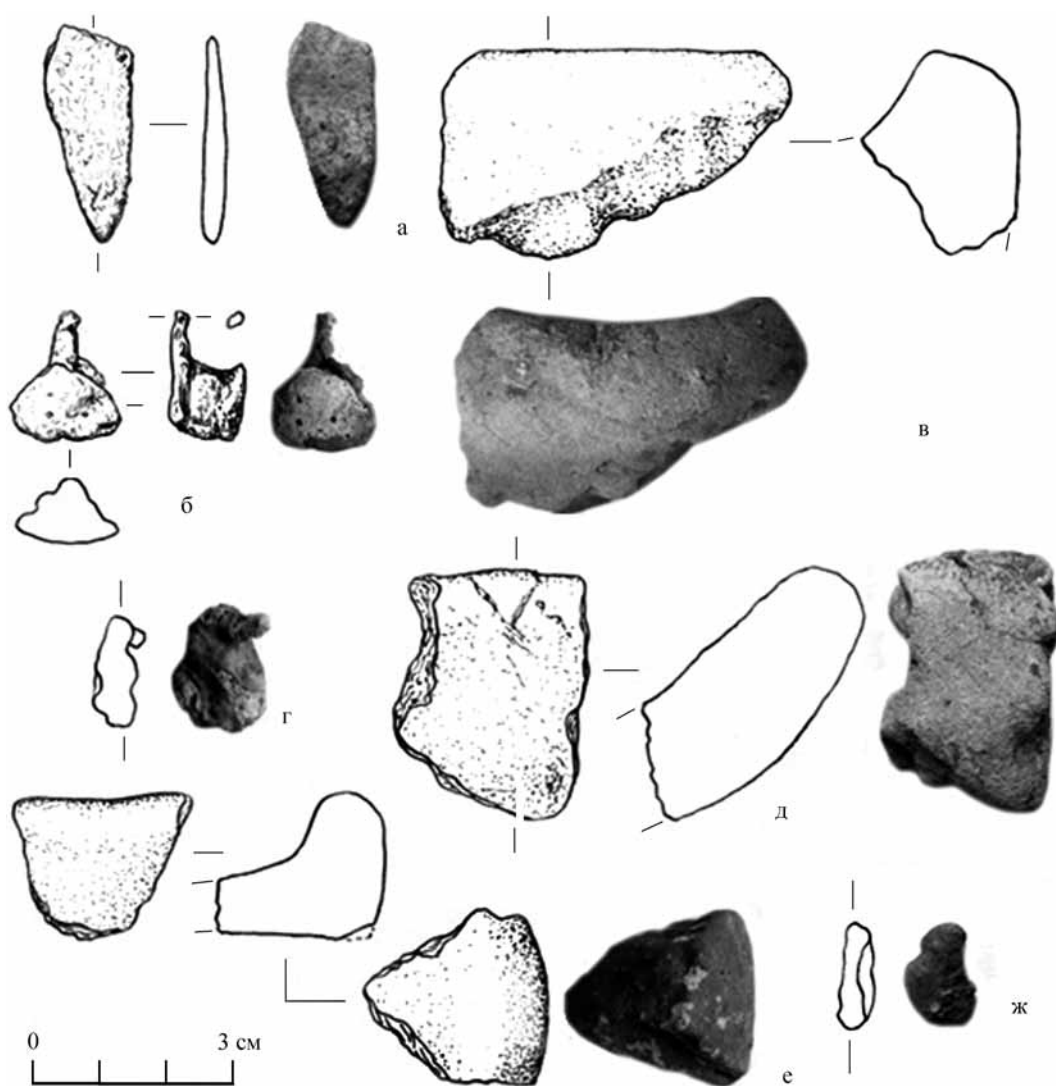
Рис. 3. Развалы сосудов культуры сетчатой керамики. Песочное-1

а – № 4788 (р. 3, кв. П-6, пл. 1); б – № 4799 (р. 3, кв. Н-6, пл. 1)

Рис. 4. Метательное вооружение из кремня. Песочное-1

а, б – стрелы (№ 1450, 3976); в – дротик (№ 1226)

Рис. 5. Находки, связанные с металлообработкой. Песочное-1

а, б, г, ж – бронзовые предметы (№ 8816, 5664, 6030, 167); в, д, е – фрагменты керамических тиглей (№ 1324, 366, 84)

Основное количество дат на поселении Песочное-1 получено для слоя культуры сетчатой керамики. Среди них преобладают даты в интервале 3800–3300 л.н. (калиб. 2200–1500 л. до н.э.), но также имеются и омоложенные даты – 3000–2800 л.н., что, вероятно, связано с перерывностью культурного слоя грызунами-землероями. Также сильно омоложенные даты (Ki-16485, Ki-16483) получены по самой верхней части культурного слоя, 5–10 см, сразу под молодым аллювием (табл. 1; рис. 6).

Особый интерес представляют даты, полученные из слоя в заполнении сосудов и очагов культуры сетчатой керамики: 3510 ± 90 л.н., 3660 ± 80 л.н., 3660 ± 110 л.н. (калиб. 2100–1800 до н.э.). Они оказались несколько древнее по сравнению с датами за пределами этих объектов (табл. 1; рис. 7; 8) и соответствуют представлениям о возрасте раннего этапа данной культуры (Lavento, 2001). Следовательно, внутри сосудов и очагов, в значительной степени закрытых для процессов обновления гумуса, по-

следний сохраняется, а за их пределами роющая деятельность землероев и других факторов приводят к некоторому искажению возраста. Хотя и здесь эти искажения невелики.

Культурный слой поселения Песочное-1 пока единственный со столь необычными химическими свойствами и необычно высокой устойчивостью органического вещества. Поэтому полученные выводы по результатам датирования его гумуса пока вряд ли можно распространять на другие памятники бронзового века. В связи с этим ближайшей задачей является исследование выявленных в районе оз. Неро других поселений с культурным слоем темноватой окраски и обогащенных кальцинированными костями. В первую очередь предполагается ^{14}C датирование культурного слоя этих поселений и сопоставление дат с результатами, полученными для Песочного-1. На данный момент подобные исследования начаты на многослойном памятнике неолита – бронзы Варос (южный берег оз. Неро).

OxCal v4.1.7 Bronk Ramsey (2010); r.5 Atmospheric data from Reimer et al (2009);

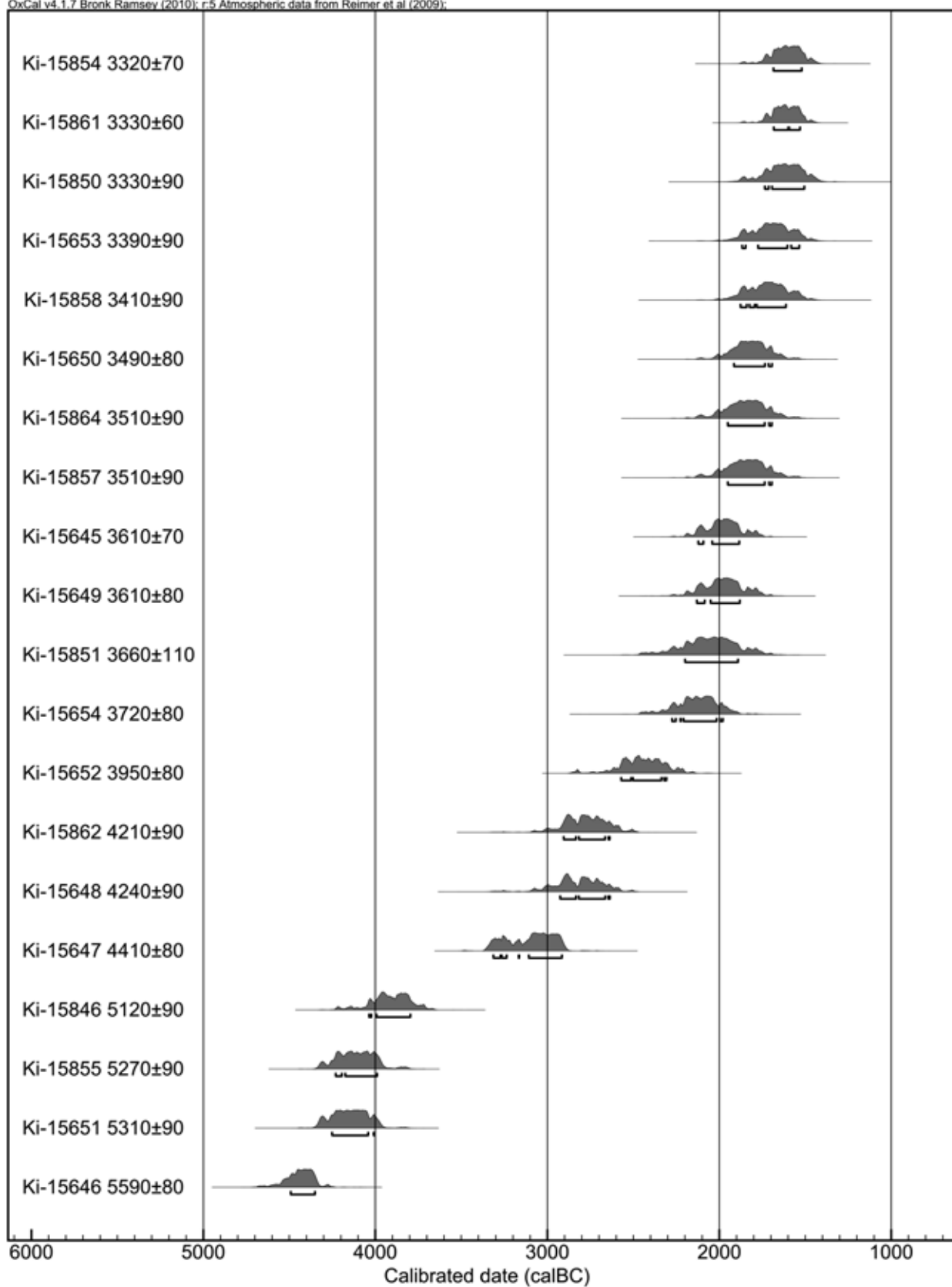

Рис. 6. Песочное-1. Распределение радиоуглеродных дат

Рис. 7. Развалы сосудов сетчатой керамики в раскопе (№ 4798 – слева, № 4799 – справа). Песочное-1

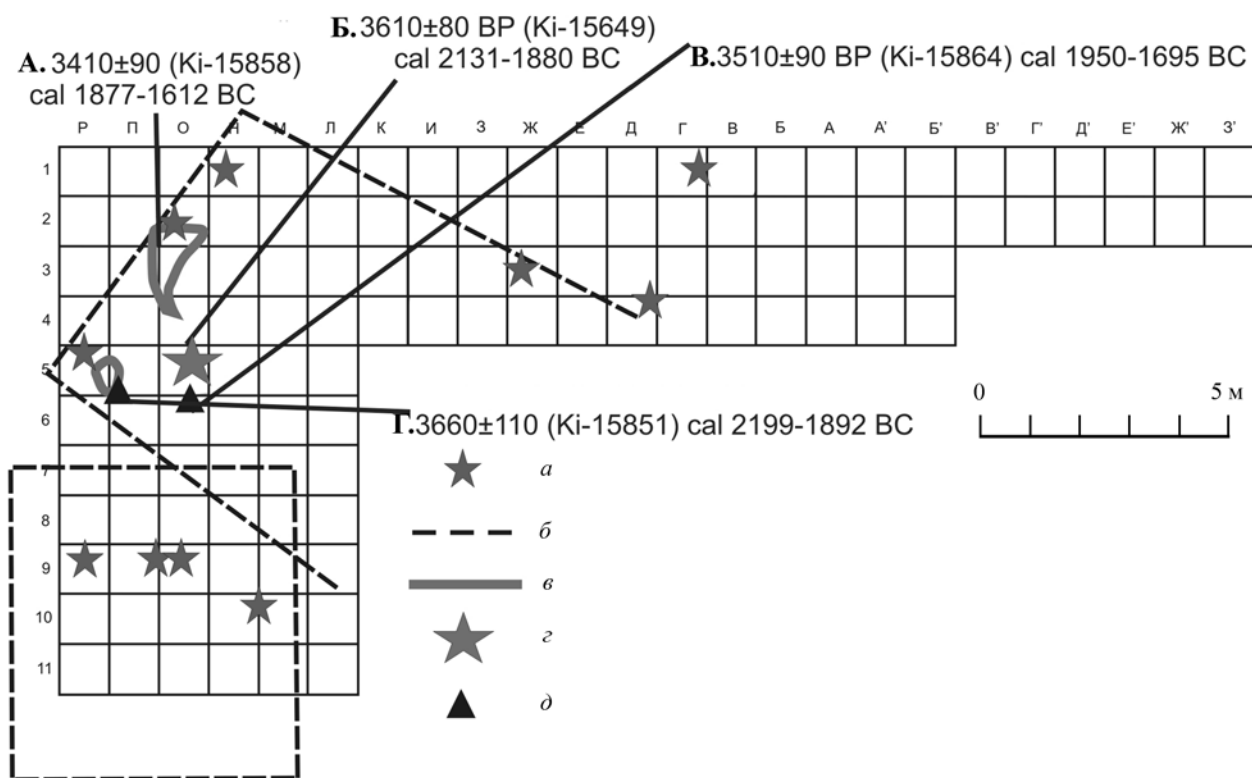

Рис. 8. Песочное-1. Радиоуглеродные даты археологических объектов культуры сетчатой керамики
 а – бронзовые выплески; б – границы сооружений; в – развал печных камней; г – очаг; д – развалы сосудов около очага.
 Объекты: А. – развал печных камней; Б. – пятно прокала (КАК); Б. – дно развала сосуда № 4799;
 Г. – внутри развала сосуда № 4798

Заключение

Результаты радиоуглеродного датирования органического вещества (гумуса) культурного слоя поселения Песочное-1 на оз. Неро показали его высокую устойчивость и четкую стратификацию дат согласно залеганию слоев неолита и бронзового века. Причиной высокого содержания гумуса и его устойчивости является еще более высокое содержание кальция и фосфора, связанное с большим количеством остатков кальцинированных костей в культурном слое. Основная часть дат из верхней части культурного слоя соответствует культуре сетчатой керамики. Даты по волосовскому слою: 4400–4200 л.н (калиб. 3000–2840 до н.э.); по льяловскому – 5600–5100 л.н. (калиб.

4430–3900). Омоложение радиоуглеродного возраста гумуса проявляется только в верхних 5–8 см культурного слоя и связано с влиянием корней и землероев. В основной части культурного слоя омоложение незначительное. Однако оно обнаруживается при сравнении дат из археологических комплексов (очаги, заполнения развалов сосудов), которые составляют 3800–3500 л.н. (калиб. 2200–1800 BC), с основной массой дат КСК находящихся в интервале 3800–3300 л.н. (калиб. 2200–1500 до н.э.). Таким образом, по радиоуглероду гумифицированного органического вещества из таких объектов, как заполнения сосудов и т. п., можно получать достаточно точные даты археологических памятников.

Литература

Александровский А.Л., 2008. Запись природной среды в почвах голоцена // Память почв: Почва как память биосферно-геосферно-антропоферных взаимодействий. М.

Александровский А.Л., Воронин К.В., Александровская Е.И., Дергачева М.И., Мамонтова Д.А., Долгих А.В., 2011. Естественные методы изучения многослойных доисторических памятников с однородным культурным слоем (на примере поселения Песочное-1 на озере Неро) // АП. Вып. 7. М.

Александровский А.Л., Воронин К.В., Александровская Е.И., Долгих А.В., 2012. Палеосреда голоцена и стадии формирования почв и культурного слоя поселений Песочное 1 и Липовка 1 на озере Неро // ТАС. (В печати.)

Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С., 1999. Первые шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. № 2.

Воронин К.В., 2000. Стоянка Липовка 3 – однослойный памятник чирковской культуры в центральной части Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь.

Воронин К.В. Отчет об охранных археологических раскопках на стоянке Песочное 1 в 2008 г. (Ростовский район Ярославской области) // Архив ИА РАН.

Естественнонаучные методы исследования культурных слоев древних поселений, 2004 / Отв. ред. С.А. Сычева, Н.Б. Леонова. М.

Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 51. № 1. Tucson.

Lavento M., 2001. Textile Ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus // Suomen Muinaismuisto-yhdistyksen aikakauskirja. Vol. 109. Helsinki.

Paul E.A., Campbell C.A., Rennie D.A., McCallum K.J., 1964. Investigations of the dynamics of soil humus utilizing carbon dating techniques // The Transactions of 8th International Congress Soil Science. Vol. 3. Bucharest.

Reimer P.J. et al., 2004. INTCAL04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // Radiocarbon. Vol. 46. Tucson.

Reimer P.J. et al., 2009. IntCal09 and Marine09 Radiocarbon Age Calibration Curves, 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. Vol. 51. Tucson.

**A.L. Alexandrovskiy, K.V. Voronin, A.V. Dolgikh, N.N. Kovalukh,
V.V. Skrypkin, E.V. Glavatskaya**

Radiocarbon investigations of cultural layer of Bronze-Neolithic settlement Pesochnoe-1 on the lake Nero

Summary

The results of radiocarbon dating showed the high stability of organic matter in the cultural layer of ancient settlement Pesochnoe-1 near the lake Nero. The reasons for that are related to the high concentrations of calcium and phosphorus in the cultural layer, especially in its parts enriched in calcined bones. Several cultural epochs are distinguished in the cultural layer consisting of more or less homogeneous habitation deposits colored with humic substances. The artifacts of the Ljalovo culture are found in the lower part of the cultural layer; above them, the artifacts of the Volosovo culture are present, and the upper part of the cultural layer corresponds to the culture of Textile Ceramics. The radiocarbon dates for humic sub-

stances in the corresponding layers display a good chronological stratification and correspond to the existing data on the ages of these cultural stages. Thus, the radiocarbon dates for the Ljalovo cultural layer are within 5600–5100 BP (cal 4430–3900 BC), and the dates for the Volosovo cultural layer are within 4400–4200 BP (cal 3000–2840 BC). Most of the dates from the upper part of the cultural layer correspond to the chronological interval of the culture of Textile Ceramics and are in the range of 3700–3200 BP (cal 2100–1460 BC). More accurate radiocarbon dates were obtained for humic substances from the archaeological objects in the upper cultural layer (hearths, fillings of pottery vessels, etc.): 3900–3500 BP (cal 2100–1800 BC).

Е.В. Столяров

Находки браслетов «латенского стиля» в Верхнем Поочье

Браслеты «латенского стиля» являются редкой находкой на памятниках раннего железного века лесной зоны Восточно-Европейской части России. Эти находки важны для датировки культурных отложений на памятниках. Ввиду того, что отличить изделия собственно кельтско-латенского происхождения от вещей местного производства, подражающих кельтско-латенским образцам, не всегда возможно (*Кухаренко*, 1959. С. 31), за подобными находками браслетов закрепилось название браслеты «латенского стиля» (типа или схемы).

Для бассейна Верхней Оки браслеты «латенского стиля», наряду с украшениями подгорцевского типа (ажурные навершия булавок) и скифского стиля, являются важным хронологическим индикатором направления культурных связей верхнеокских племен раннего железного века. С территории Верхнего Поочья, в рамках ареала верхнеокской культуры, известны находки двух целых и трех обломков браслетов (рис. 1, 2). Первая находка бронзового браслета (округлого с сомкнутыми концами), украшенного группами (всего 10) шишечек по девять штук на некотором расстоянии друг от друга (рис. 2, 3), была сделана Н.И. Булычевым на городище Мужитино в начале XX в. (*Булычев*, 1903. С. 71–72. Табл. XIV, 16). Украшение, видимо, обнаружили в заполнении ямы (от постройки?), т. к. мощность культурного слоя на городище была около 70 см, а браслет, судя по публикации, был извлечен с глубины около 140 см. Последующие находки браслетов «латенского стиля» относятся к 1950-м годам и связаны с работами Верхнеокского отряда Славянской археологической экспедиции ИИМК под руководством Т.Н. Никольской.

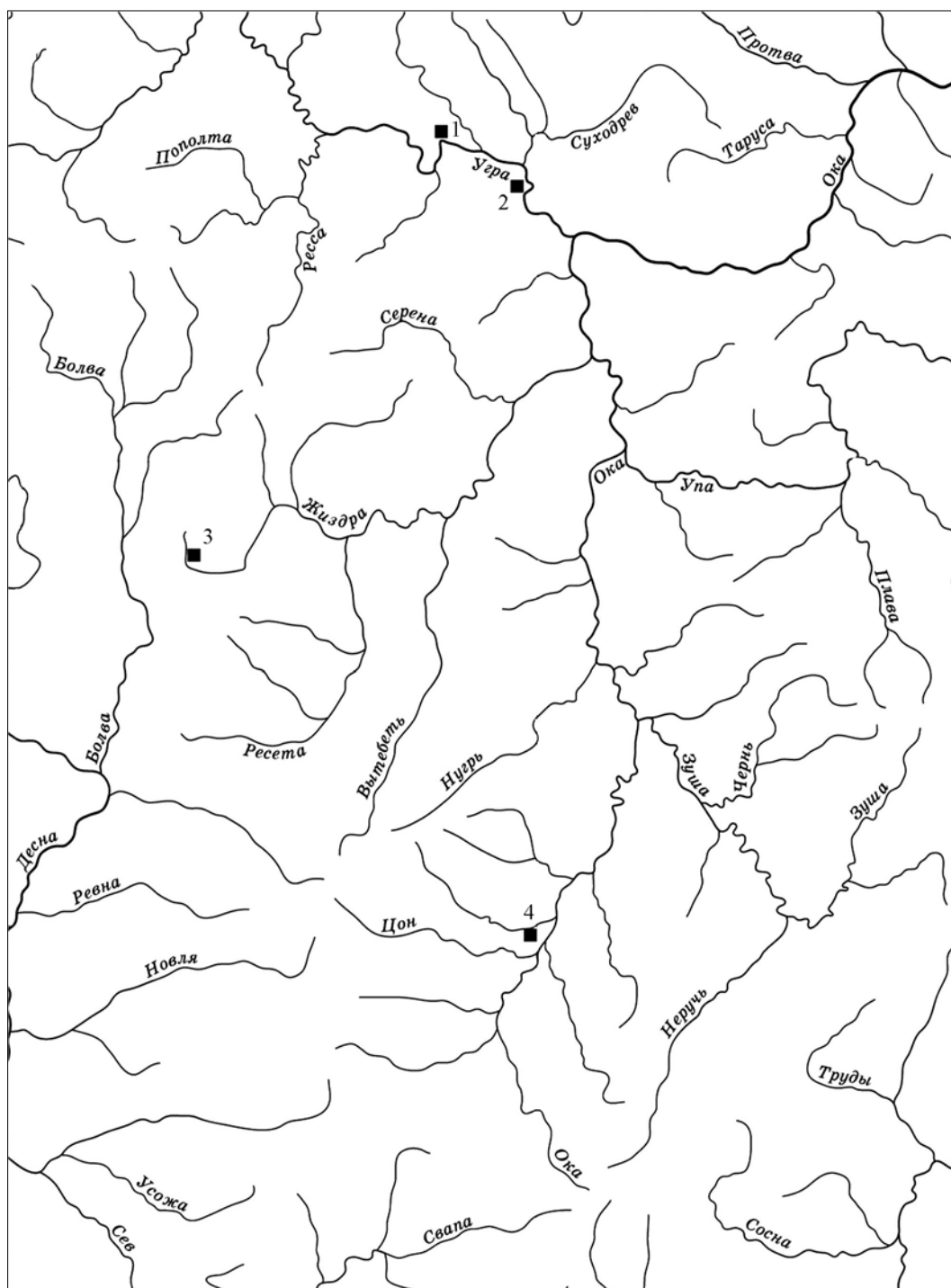
Так, целый бронзовый браслет (круглый в поперечном сечении, но несколько уплощенный к окончанию) с разомкнутыми концами, украшенными насечками (рис. 2, 1), был обнаружен в заполнении землянки 1 городища Свинухово в 1950 г. (*Никольская*, 1950. Л. 25). Сама землянка относилась к мощинской культуре, и браслет, видимо, попал в нее вследствие нарушения культурного слоя, который содержал находки всех трех периодов жизни на городище (от эпохи раннего железа до древней Руси).

Два обломка бронзовых браслетов найдены в заполнении большого наземного жилища городища Надежда в 1952 г. (*Никольская*, 1952. С. 4). Один (внутренняя сторона плоская, внешняя выпуклая) с рельефным орнаментом, нанесенным спирально изогнутыми проволочками, расположенными попарно между группами кольцевых перетяжек (по 7–8 штук). Второй – с окончанием, украшенным полыми коническими волютами (рис. 2, 4, 5). Браслеты найдены вместе с серьгой (или височной подвеской) с петлевидной изогнутой дужкой и округлым грибовидным щитком, и серьгой, имеющий вид простого колечка с разомкнутыми концами, аналогии которой известны в скифских древностях VI в. до н.э. (*Петренко*, 1989. С. 106).

Еще один обломок пластинчатого браслета, поверхность которого орнаментирована небольшими утолщениями, происходит с городища Николо-Ленивец (рис. 2, 2). Он обнаружен в заполнении рва 2 («длинного дома») вместе с ажурным листовидным навершием булавки подгорцевского типа и комплексом костяных изделий (иглы, шилья, двушипные стрелы) в 1955 г. (*Никольская*, 1955. Л. 6–7). С данным экземпляром может быть отчасти соотнесен только один образец, происходящий из плоских могильников Чехии (*Filip*, 1956. Tab. XIII, 1), других более или менее близких аналогий найти не удалось. Как мы видим, все находки браслетов, как целых форм, так и обломков, происходят из жилых комплексов.

В настоящее время браслет из Мужитино экспонируется в ГИМ, иллюстрируя культуру балтских племен I тыс. до н.э. (зал 5, витрина 3, экспонат № 6). Браслет с городища Свинухово включен в постоянно действующую экспозицию Калужского областного краеведческого музея (КОКМ), посвященную эпохе железного века Верхнего Поочья (№ Кл.7248/43). Обломок браслета с городища Николо-Ленивец не был обнаружен автором при разборе коллекции, хранящейся в фондах КОКМ. Два фрагмента браслетов с городища Надежда составляют часть экспозиции Орловского краеведческого музея.

Кроме этих экземпляров, в фондах Тульского областного историко-архитектурного и литературного

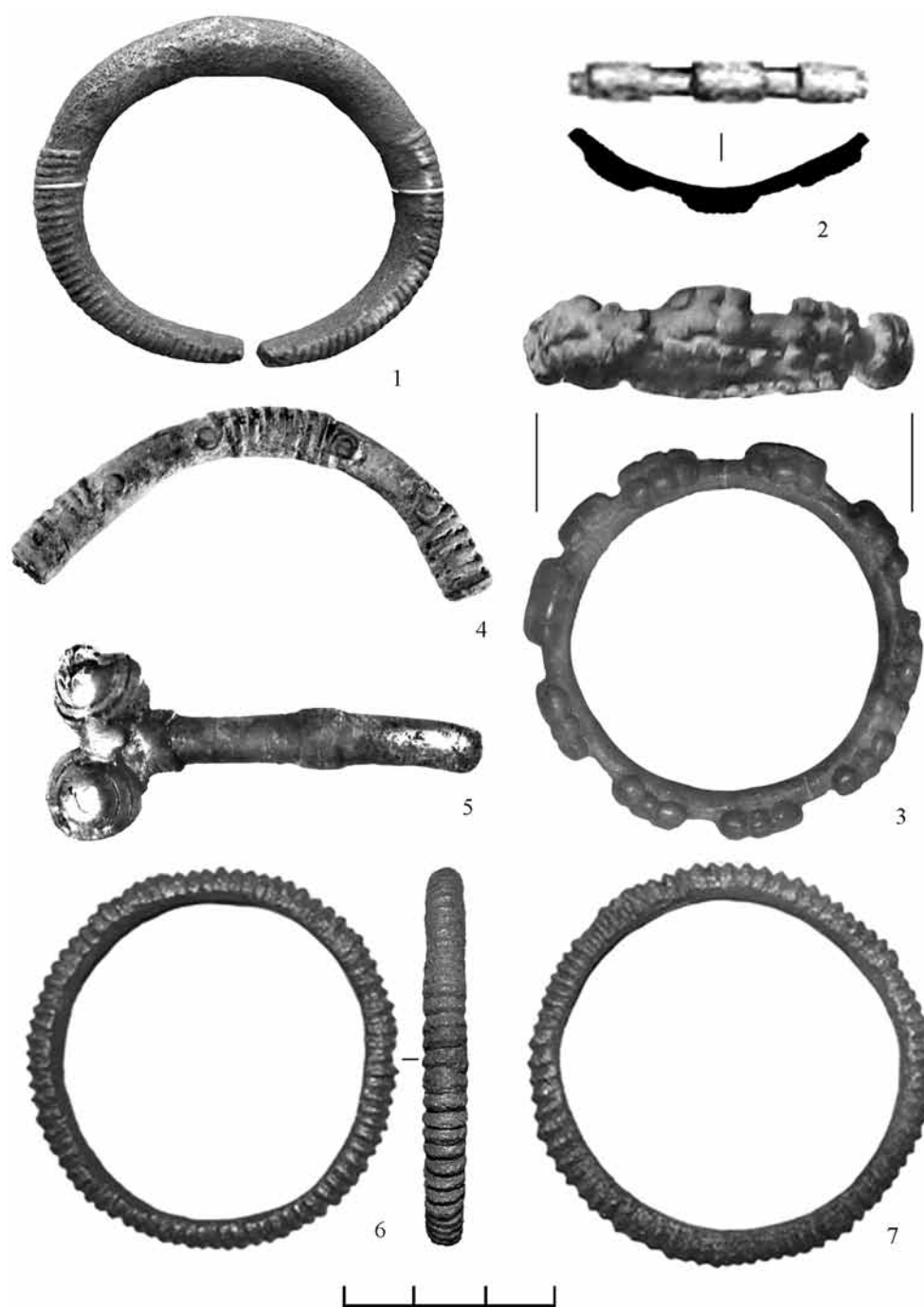
Рис. 1. Памятники Верхнего Поочья, где найдены браслеты «латенского стиля»

1 – Николо-Ленивец; 2 – Свинухово; 3 – Мужитино; 4 – Надежда

музея (ТОИАЛМ) хранятся (без номеров и шифров) два бронзовых браслета, место происхождения которых неизвестно. Оба браслета с плоской внутренней и выпуклой внешней стороной, украшенной рубчиками (рис. 2, 6–7).

Один из главных вопросов, связанных с браслетами «латенского стиля» – их датирование, в прямой связи с которым стоит датировка культурных слоев поселений эпохи раннего железного века.

Автор раскопок и сводного труда по древностям раннего железа Верхней Оки Т.Н. Никольская датировала браслеты, а по ним и ранние слои верхнеокских городищ, IV–II вв. до н.э. на основании аналогий в материалах раннего латена Западной и Восточной Европы, (Никольская, 1959. С. 30–31). Материалы, накопленные за последние полвека, как из раскопок на территории как Западной, так и Восточной Европы, позволяют более детально исследовать данный

Рис. 2. Браслеты «латенского стиля» с памятников Верхнего Поочья

1 – Свинухово; 2 – Николо-Ленивец; 3 – Мужитино; 4, 5 – Надежда;
6, 7 – браслеты неизвестного происхождения из фондов ТОИАЛМ

вопрос, а именно, уточнить указанные даты и вписать находки браслетов «латенского стиля» Верхней Оки в общий контекст аналогичных вещей в культурах лесной зоны России эпохи раннего железного века.

Браслеты «латенского стиля» известны в материалах дьяковской, днепро-двинской, юхновской, милоградской культур, а также на памятниках скифоидного населения лесостепи и в скифских захоронениях Юга России и могильниках поздних скифов Северного Причерноморья (Крым). Как правило, точные ана-

логии для браслетов «латенского стиля», найденных в Верхнем Поочье, подобрать очень сложно, если только это не продукция одного мастера, что, видимо, наблюдается в браслетах из ТОИАЛМ. Поэтому важным моментом при поиске сходных экземпляров является орнаментация браслетов.

Два идентичных литых браслета, подобных браслетам из фондов ТОИАЛМ, «замкнутые с рубчиком по внешней поверхности» (один целый, другой фрагментирован), как отмечал К.А. Смирнов, были

найжены на Каширском городище (Смирнов, 1974. С. 56. Табл. VII, 4–5), а один, близкий по орнаментации браслету с городища Свинухово, «незамкнутый с рубчиком, нанесенным не сплошь, а только участками», – на Щербинском (Дубынин, 1974. С. 237. Табл. XII, 20). В каталоге выставки к конференции балтийских археологов в Риге 1930 г. приведены экземпляры, подобные браслетам из Щербинки и Свинухово («Katalog der Ausstellung...», 1930. Taf. 28, 8; 43, 4.).

К браслетам «латенского стиля» может быть отнесен один целый экземпляр из двух, опубликованных В.А. Городцовым, – относившийся к браслетам «незамкнутым с рубчиком, нанесенным не сплошь, а по боковым частям прута» (Городцов, 1933. Рис. XV, 2). К.А. Смирнов связывал находки этих браслетов с кельтским влиянием и по аналогиям, приведенным в фундаментальной работе Дешелетта (Dechelette, 1927. P. 726. Fig. 517, 5), относил их к Латену I и II (V–III вв. до н.э.) подобно тому, как датировали сходные находки П.Н. Третьяков и О.Н. Мельниковская (Смирнов, 1974. С. 56). Кроме того, он заметил, что по мере продвижения на восток, число находок таких браслетов уменьшается. «Если в Белоруссии и на Смоленщине их довольно много, то в междуречье Оки и Волги – всего три экземпляра на двух памятниках», что объяснялось большой удаленностью указанного района от основной территории их распространения (Смирнов, 1974. С. 56).

Ю.В. Кухаренко также был склонен считать такие браслеты (литые массивные, с поперечными выступами) латенскими, если не по происхождению, то по времени, и датировал их IV–III вв. до н.э. (Кухаренко, 1959. С. 36). А.Ф. Дубынин относил находки браслетов «латенского стиля» к IV–II вв. до н.э. и указывал на подобные экземпляры с городищ Тушемля, Надежда, Мужитино, Николо-Ленивец (Дубынин, 1974. С. 237). Из последних открытий следует отметить клад латенских браслетов с городища дяковской культуры Свиридоново III в окрестностях Коломны (Сыроватко, Сапрыкина, 2011).

Особенно много находок целых браслетов и их обломков с украшениями в виде рубчиков и шишечек, бытовавших, по мнению Е.А. Шмидта, от середины I тысячелетия до н.э. до первых веков н.э., было сделано на памятниках днепро-двинской культуры (Шмидт, 1992. Табл. 9; 30, 2, 5. С. 107–108), что исследователь объяснял наличием собственной высоко развитой металлургии. Браслеты изготавливало само население городищ, видимо, в подражание моде в пору распространения вещей «латенского стиля». Но так как цветного металла было мало, их делали не только из меди и бронзы (путем литья в формы), но и из железа. Разнообразный ассортимент железных изделий, многочисленные находки обломков литейных форм (городище Жарынь), остатки помещения, где производилась плавка бронзы и ее литье в глиняные формы (городище Новые Батеки), – все это свидетельствует о высоком уровне металлообработки у днепро-двинских племен середины – второй половины I тысячелетия до н.э. (Шмидт, 1992. С. 87).

В материалах днепро-двинской культуры для нас особенно интересны фрагменты бронзовых браслетов «латенского стиля», найденные на городище Тушемля. Они имеют весьма архаичный облик и датируются V–III вв. до н.э. (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 12. Рис. 4). Оба браслета литые: один из них узкий, полукруглый в сечении украшен насечками по наружной стороне (Третьяков, Шмидт, 1963. Рис. 14, 5); другой браслет, аналогичный браслету из Мужитино, более массивный, украшен крупной зернью – шариками и полушарными выпуклостями, образующими как бы грозди, характерные для раннелатенских древностей (Третьяков, Шмидт, 1963. Рис. 14, 4). Если у браслета из Мужитино шарики (шишечки) расположены группой по девять штук (три ряда по 3 шт.), то у браслета из Тушемля они составляют розетку из пяти штук.

С городища Новые Батеки происходят находки круглых литых массивных браслетов, украшенных выпуклыми четырехлепестковыми розетками. Один из браслетов имеет диаметр около 6 см (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 163–165. Рис. 13, 6). Розетки распределяются неравномерно, а расстояние между ними составляет от 0,8 до 1,4 см. Размер розеток 7 x 7 мм при высоте 6–7 мм. Этот браслет происходит из пласта, лежавшего на границе слоев Б–В. В пределах Восточной и Западной Европы близкие формы браслетов бытовали в течение латена I–II, т. е. в V–III вв. до н.э. (Filip, 1956. Tab. XXVIII, 3; Dechelette, 1927. P. 726. Fig. 517, 10).

Еще один тип браслетов, известный в древностях Чехии (Filip, 1956. Tab. XIII, 2; XXXV, 7) и происходящий с городища Новые Батеки, – массивные литые рубчатые браслеты. Их обнаружено четыре обломка. Они имели примерно одинаковый облик, но отличались по характеру орнаментации. Один из браслетов, с круглым сечением бронзового прута диаметром 5,5 мм, был украшен глубокими, наклонными нарезками. Второй браслет имел небольшие выпуклости и несколько иное сечение: внутренняя сторона плоская, а наружная выпуклая. Оба браслета происходят из слоев В и Г. Подобный браслет найден в нижнем слое городища Тушемля. Очень близкие формы браслетов встречены на городищах милоградской культуры, где они датируются V–IV вв. до н.э. (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 165. Рис. 12, 27–28).

По мнению Ю.В. Ефимовой, браслеты «латенского стиля» с рубчиками и шишечками маркируют поздний этап раннего периода днепро-двинской культуры (IV–III вв. до н.э.), что было связано с общей ситуацией в Восточной Европе – усилением роли скифской и кельтской культур, выразившимся в появлении в ареалах лесных культур новых типов вещей – бронзовых подражаний латенским браслетам (Ефимова, 2005. Рис. 1, 17–19. С. 191). Именно этим временем (ввиду отсутствия других хронологических маркеров) и следует датировать существование городища Мужитино.

В материалах днепро-двинской культуры известны плоские и плосковыпуклые браслеты с парными полыми коническими украшениями на концах, имитирующими проволочную спираль. Они имеют

сходные орнаментальные мотивы с фрагментами браслетов с городища Надежда. В связи с этим очень интересна находка на Мокрядинском городище части украшения, состоявшего из двух конических спиралей и соединявшего их обломка стержня (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 90. Рис. 42, 1). Два обломка плоских литых браслетов с парными полыми коническими украшениями на концах, имитирующими проволочную спираль, а также обломки глиняных форм для их изготовления по восковым моделям найдены на городище Новые Батеки (Третьяков, Шмидт, 1963. Рис. 12, 24, 26). Один из них отлит по восковой модели (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 90. Рис. 12, 26). Оба браслета происходят из нижних слоев и являются на городище самыми древними (один из них найден непосредственно на материке).

Особый интерес представляют два плосковыпуклых браслета, происходящих с городища Демидовка (Шмидт, 1992. Табл. 9, 3–4). Обруч браслетов с внутренней стороны плоский, а с внешней имеет две выпуклости, украшенные насечками, а у одного и углубленными спиральными линиями (Шмидт, 1992. Табл. 9, 3). Концы этих браслетов также заканчиваются парными коническими спиралями. С городища Близнаки происходит обломок браслета, украшенный насечками, разделенными элементом «спираль» (Шмидт, 1992. Табл. 9, 16). Данный тип браслетов специфичен для древних городищ Смоленщины и, по мнению Е.А. Шмидта, отражает культурное влияние чернолесских племен VIII–VII вв. до н.э. (Шмидт, 1992. С. 107).

Ю.В. Ефимова относит бронзовые браслеты с двойными коническими спиралями на концах к раннему этапу раннего периода днепро-двинской культуры (VI–IV вв. до н.э.) (Ефимова, 2005. С. 189. Рис. 1). Она, как и Е.А. Шмидт, усматривает прототипы для них либо в плоских браслетах со спиральным орнаментом чернолесской культуры VIII–VII вв. до н.э., либо, что более вероятно, исходя из близости аналогий, в обломке украшения с двойными коническими спиралями из слоя VI–V вв. до н.э. городища культуры «золотников» Кузина Гора, а также с верхнеокского городища Надежда. При этом надо отметить, что кузиногорская и надеждинская находки очень схожи между собой. Стилистически им близок мотив двойных конических спиралей на концах наверхний ажурных булавок подгорцевского типа VI–III вв. до н.э. (Ефимова, 2005. С. 190; Петровская, 1971. С. 17–18. Рис. 6, 2; Рассадин, 1991. С. 110–116. Рис. 1, 20), что, вероятно, может свидетельствовать о стилистическом синкретизме. Ведь мода на украшения подгорцевского типа и гальштатско-латенского стиля существовала на протяжении V–III вв. до н.э., а именно через территорию милоградских племен отдельные вещи из Средней Европы проникали в верховья Днепра и Оки.

Браслеты, похожие по орнаментике (кольцевые перетяжки, перевитости (спирали), циркульный орнамент) на браслеты с Надежды, известны в древностях раннего латена Центральной Венгрии, Чехии и Западной Европы (Marton, 1933. P. 40. Taf. VIII, 20–

22; Filip, 1956. Tab. XXXIX, 12–13; Dechelette, 1927. P. 726. Fig. 519, 1, 2, 8).

Т.Н. Никольская датировала городище Надежда исключительно по находкам обломков этих браслетов IV–II вв. до н.э. Однако памятник корректнее отнести к VI–IV (III) вв. до н.э. В пользу такой датировки говорят аналогии, известные в днепро-двинских древностях VI–IV вв. до н.э., находки из слоев этого же времени на городище Кузина Гора и стилистическая близость украшений подгорцевского типа V–III вв. до н.э. Не менее важный аргумент – характер других находок, обнаруженных вместе с обломками браслетов в постройке на городище Надежда. Среди них выделяются серьга, или височная подвеска, с петлевидной изогнутой дужкой и округлым щитком в форме шляпки гриба и серьга, имеющая вид простого колечка с разомкнутыми концами. Все они известных в скифских древностях VI в. до н.э. (Петренко, 1989. С. 106),

Для полноты списка аналогий необходимо отметить браслет с насечкой, происходящий с городища Замощье днепро-двинской культуры Белорусского Подвинья. Он изготовлен из круглого железного стержня, имеющего 0,6 см в диаметре. Браслету была придана овальная форма сечением 5,5 x 8,0 см. Плохая сохранность браслета делает едва заметной насечку, нанесенную наклонно по внешней поверхности изделия. В.И. Шадыро вслед за О.Н. Мельниковской и П.Н. Третьяковым говорит о кельтском, западном, происхождении изделий, определяя их датировки в общих рамках V–II вв. до н.э. (Шадыро, 1985. С. 66).

Не менее богаты находками браслетов памятники милоградской культуры. В связи с этим приобрел широкую известность клад бронзовых и серебряных браслетов эпохи раннего железа, обнаруженный в 1954 г. у д. Горошков Речицкого района Гомельской области Славянской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством П.Н. Третьякова. Почти все типы браслетов (в кладе у д. Горошков их было 11; два одинаковых, остальные различны по форме или орнаменту) находят ближайшие аналогии в западных древностях кельтского круга и в памятниках лужицкой культуры. О.Н. Мельниковская датировала их V–IV вв. до н.э. По мнению исследовательницы, вещи горошковского клада, с одной стороны, обязаны происхождением западным районам и попали на городище, может быть, путем торговли из областей лужицкой культуры (близкие аналогии происходят с территории Чехии, Словакии и Польши); с другой стороны, часть браслетов могла быть сделана местными мастерами (ряд приемов орнаментации не находит совершенно точных аналогий на Западе), тем более, что жители городища занимались металлургией (Мельниковская, 1956. Рис. 10, 8–11. С. 36, 173–176).

Не так многочисленны находки браслетов с территории юхновской культуры. Массивный железный покрытый бронзой (в подражание бронзовым образцам) рубчатый браслет, аналогичный браслету из Тушемли, и обломок бронзового браслета с утолщениями

по внешней стороне найдены на городище в урочище Лбище на средней Десне – у дер. Монастырище Трубчевского района (Падин, 1966. С. 147. Рис. 6, 1). Нижний горизонт этого памятника, откуда происходили фрагменты браслетов, датируется бронзовым трехгранным втульчатым наконечником стрелы IV–III вв. до н.э. (Падин, 1966. С. 148).

На городище Песочный Ров найден обломок массивного бронзового браслета с тремя рядами крупной ложной зерни, стилистически близкий браслету из Мужитино. Датировка юхновской культуры определялась М.В. Воеводским в рамках IV в. до н.э. – первых веков н.э. Но она устанавливалась как по находкам скифских вещей на Юхновском городище, так и по самой находке браслета (Воеводский, 1949. С. 67, 73).

Бронзовый незамкнутый браслет с рубчиками по всей внешней поверхности прута (судя по рисунку Е.И. Горюновой) происходит с городища Торфель, раскопанного в 1937 г. (Горюнова, 1950. Рис. 54, 36). Судьба коллекции этого памятника (130 ящиков) после оккупации Смоленска неизвестна. Нижний слой автором раскопок датировался первыми веками до н.э. (Горюнова, 1950. С. 148, 156).

Из области скифоидных лесостепных племен и, собственно, Скифии также известен ряд находок браслетов. С городища Кузина Гора происходит упомянутое выше массивное височное кольцо или браслет из очень толстого дрота, аналогичное находке с городища Надежда. На конце украшения помещались два спиральных конуса (один отломан) (Алихова, 1962. С. 105. Рис. 7, 11). Стратиграфическое положение вещи неясно, возможно ее следует отнести к основному периоду освоения городища (VI–V вв. до н.э.) скифоидными племенами. Но не исключено, что находка относится к достаточно кратковременному периоду заселения городища юхновскими племенами в IV в. до н.э. (Алихова, 1962. С. 116).

В основании среднего слоя Пекшевского городища (Средний Дон) было найдено небольшое бронзовое колечко с несомкнутыми концами, внешняя поверхность которого украшена группами рубчиков (Медведев, 1998. С. 36. Рис. 9, 5). Характерная орнаментация сближает эту находку с литыми браслетами «латенского стиля». Но от последних ее отличают слишком небольшие размеры (внешний диаметр около 2,5 см). Близкое украшение встречено на Пастырском городище в землянке, надежно датируемой по античной керамике VI в. до н.э. (Медведев, 1998. С. 33). По комплексу сопутствующих находок (Медведев, 1998. Рис. 9) время отложения среднего слоя Пекшевского городища было определено VI–V вв. до н.э. (IV–III вв. датируется поздний слой), хотя ряд вещей имеет более длительный период бытования, вплоть до III в. до н.э., например, булавка с ажурным навершием (Медведев, 1998. С. 33).

Браслеты кельтского типа или «латенского стиля» из замкнутого круглого или сегментовидного в сечении литого стержня, украшенного шишечками по наружной стороне (Петренко, 1989. Табл. 41, 73; 42, 49), а также рубчатые (Петренко, 1989. Табл. 42, 45), встречаются в скифских погребениях второй полови-

ны IV и начала III в. до н.э. (Петренко, 1989. С. 108). Поскольку браслеты эти крайне немногочисленны и по основному типовому признаку – характеру оформления концов – единообразны, то В.Г. Петренко они были объединены в один тип (тип 11), к которому отнесены находки трех целых браслетов и один обломок. Два из них довольно близки друг другу: это браслет из погребения 1 кургана 14 у Люберецкого поселка и обломок из кургана Огуз. Первый – серебряный – украшен по наружной поверхности сплошным орнаментом из трех рядов круглых небольших выпуклостей; второй – имеет тот же орнамент, но разбит на участки по четыре поперечных ряда, между которыми имеется промежутки (Петренко, 1978. Рис. 46, 13, 14). Наиболее близким к браслетам, характерным для латенской культуры, является бронзовый браслет из погребения 1 кургана 23 у совхоза «Красный Перекоп», имеющий на поверхности четыре группы совершенно стершихся двойных выпуклостей (Петренко, 1978. Рис. 46, 15). Изготавливались подобные браслеты в ольвийских мастерских, о чем свидетельствуют находки литейных форм для их отливки (Петренко, 1978).

Изделия, получившие название «шишковатые кольца» и имеющие сходные латенским браслетам форму и стилистическое оформление, но несколько меньшего размера, известны среди культовых предметов у поздних скифов в Крыму (II до н.э. – III в. н.э.). Они встречены почти во всех грунтовых могильниках, а также в Тавельских и Неапольском курганах (Дашевская, 1991. Табл. 72, 13–21). По диаметру они соответствуют перстням или браслетам, но есть и промежуточные размеры. Кроме Усть-Альминского могильника, эти предметы не зафиксированы на пальцах или запястьях, а встречаются на груди, животе у кистей рук, в ногах (Дашевская, 1991).

Как отмечает Е.С. Нефедова, «браслеты» этого типа и не должны были носиться на запястьях. Они вкладывались в мешочек, следы которого удалось проследить в одном из погребений. В таком случае кольца с шишечками находятся в районе таза. Данное явление – усиление одного из назначений браслетов (использование в качестве амулетов) – характерно и для культур латенского круга (Нефедова, 1992. С. 32). Их считают оберегами или связывают с культом плодородия. Аналогии известны у поздних скифов Нижнего Приднепровья, в черняховской культуре, у кельтов (Дашевская, 1991).

Безусловно, подобный тип изделий свидетельствует о фракийском влиянии на скифов, когда в IV–III вв. до н.э. границей между землями скифов и гетов был Днестр. После поражения Атея скифы, отступая дальше на юг, уносили с собой и заимствованные черты фракийской культуры, для которой особенно был характерен наклепной орнамент, шишечки, выступы. Причем формы, бытовавшие в гето-фракийском Поднестровье в IV–II вв. до н.э., в низовьях Днепра употреблялись в III–II вв. до н.э., а в Неаполе Скифском они представлены в слоях II–III вв. н.э. (Крыкин, 1988. Р. 73). Это хорошо объясняет поздние датировки «шишковатых колец».

Таким образом, период бытования браслетов «латенского стиля» на территории Верхнего Поочья может быть определен в границах IV–III вв. до н.э., что хорошо согласуется со всем комплексом находок, известным из нижних слоев верхнеокских городищ, откуда происходят браслеты. Лишь находки с городища Надежда имеют несколько более раннюю датировку (VI–IV вв. до н.э.) и, возможно, демонстрируют синкретизм «латенского стиля» отделки браслетов с подгорцевским стилем украшения булавок.

Ситуация, сложившаяся в этот период (IV–III вв. до н.э.) в Средней Европе, позволяет более рельефно определить условия попадания браслетов на территорию Верхнего Поднепровья, Подесенья, Оки. Большинство найденных браслетов традиционно орнаментированы шишечками или рубчиками («рубчатый» или «гусеничный» стиль отделки браслетов), составившими мотивы орнаментальных композиций вальдальгесхаймского стиля, появляющегося в

фазе В1 восточного латена, начало которой приходится на 390-е годы до н.э. – время «исторической экспансии» кельтов в Среднюю Европу. Смена его пластическим стилем имела место в конце фазы В2а, т. е. в 280-е годы до н.э. (Еременко, Щукин, 1998. С. 66–69; Collis, 1984. Р. 126–138; Harding, 2007. Р. 65–92). Именно этим отрезком времени (IV в. до н.э. – 280-е годы до н.э.) определяется период, когда подобные браслеты, известные в комплексах Нижнего и Среднего Поднепровья с рубежа V–IV по III до н.э., могли распространиться оттуда в Верхнее Поднепровье, далее на Верхнюю Оку, Волгу и бытовать там вплоть до II в. до н.э. Г.М. Залашко и В.Е. Еременко попытались даже объяснить причину попадания браслетов в Поднепровье. По их мнению, браслеты могли появиться здесь в результате миграции кельтских ремесленников с территории скифов в область милорадской культуры вследствие политических событий 330-х – 320-х годов до н.э. (Залашко, Еременко, 1986. С. 60–61).

Литература

- Алихова А.Е., 1962. Древние городища Курского Посеймья // МАИ. № 113. М.
- Булычев Н.И., 1903. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М.
- Воеводский М.В., 1949. Городища верхней Десны // КСИИМК. Вып. XXIV. М.
- Городцов В.А., 1933. Старшее Каширское городище // Изв. ГАИМК. Вып. 85. М.–Л.
- Горюнова Е.И., 1950. Городище Торфель (Краткая информация о раскопках 1937 г.) // КСИИМК. Вып. XXXI. М.
- Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1–4. М.
- Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Еременко В.Е., Щукин М.Б., 1998. К вопросу о хронологии восточного латена и позднего предримского времени // АСГЭ. Вып. 33. СПб.
- Ефимова Ю.В., 2005. Хронология вещевого комплекса днепро-двинской культуры Верхнего Поднепровья // II Городцовские чтения. М. (Тр. ГИМ Вып. 145).
- Залашко Г.М., Еременко В.Е., 1986. К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднепровье // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III Конфер. молодых ученых ИА АН СССР. М.
- Крыкин С. 1988. Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья // Thracia (Academia Litterarum Bulgarica, Serdicae). № 8.
- Кухаренко Ю.В., 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. № 1.
- Медведев А.П., 1998. К вопросу о происхождении Среднедонской культуры скифского времени (по материалам городищ) // РА. № 2.
- Мельниковская О.Н., 1956. Клад браслетов в д. Горошков (Южная Белоруссия) // ВДИ. № 1.
- Мельниковская О.Н., 1957. Древнейшие городища Южной Белоруссии // КСИИМК. Вып. 70. М.
- Нефедова Е.С., 1992. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам Первых Тихоновских чтений (Ленинград, 1988 г.). СПб.
- Никольская Т.Н., 1950. Отчет о раскопках городища у д. Свиногово Лев-Толстовского района Калужской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 519.
- Никольская Т.Н., 1952. Отчет о раскопках в Орловской области летом 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 743.
- Никольская Т.Н., 1955. Отчет о раскопках 1955 г. городища у д. Николо-Ленивец // Архив ИА РАН. Р-1. № 1172.
- Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. М. (МИА. № 72).
- Падин В.А., 1966. Юхновские поселения средней Десны // СА. № 2.
- Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4–5. М.
- Петренко В.Г., 1989. Украшения и булавки // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Глава «Скифская материальная культура». М. (Археология СССР).
- Петровская Е.А., 1971. Подгорцевские памятники Киевского Поднепровья // Археология. № 2. Киев.
- Рассадин С.Е., 1991. Украшения подгорцевского стиля // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А., 2011. Клад рубчатых браслетов на реке Оке // АП. Вып. 7. М.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.–Л.

Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. М.

Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.

Collis J., 1984. The European iron age. L.

Dechelette J., 1927. Manuel d'archéologie. IV. Paris.

Filip J., 1956. Keltové ve střední Evropě. Praha.

Harding D.W., 2007. The archeology of celtic art. L., N.-Y.

Katalog der Ausstellung zur Konferenz baltischer Archäologen in Riga 1930. Riga, 1930.

Marton L., 1933. Die Frühlatenezeit in Ungarn. Budapest.

E.V. Stolyarov

Findings of bracelets of La Tène circle in Upper Poochie

Summary

Bracelets of La Tène circle are very important chronological indicators for the cultures of forest zone of Eastern-European part of Russia. Five bracelets were found on the territory of an area of Upper Oka. Period of their existence in area of Upper Oka can be defined in the bor-

ders of the 4th – the 3rd cc. BC, because similar things in areals of contact synchronous cultures and samples, which known in Western and Eastern Europe of La Tène epoch talk about it.

В.Ю. Коваль

Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры

Городище раннего железного века на площадке средневекового Ростиславля Рязанского исследуется Ростиславльской экспедицией Института археологии РАН постоянно с 1998 г. Сплошной разрез вала этого городища (рис. 1) был осуществлен в 2005–2009 гг. раскопом IV (начальник раскопа В.И. Храпов). В первой публикации результатов археологического изучения вала Ростиславльского городища дьяковской культуры были представлены основные данные по его стратиграфии, хронологии и проведена реконструкция этапов возведения этой насыпи, которых выделено 10 (Коваль, 2011).

В результате проведенных раскопок было установлено, что насыпь в мысовой части Ростиславля представляет собой вал, целенаправленно насыпанный практически исключительно в раннедьяковское время. Датировка насыпи была проведена как по массовому материалу и вещевым находкам из ее прослоек, так и по радиоуглеродным датам, полученным в ходе анализов обугленной древесины из разных участков насыпи. К сожалению, из 10 образцов, подвергнутых анализу, четыре были недостоверными, а еще два сомнительными, поскольку их анализ выполнялся в лаборатории ИГ РАН, качество работы которой оказалось неудовлетворительным. Зато четыре других образца, проанализированных в Санкт-Петербургской и Киевской лабораториях, дали

совпавшие даты, не противоречившие прочему археологическому материалу.

В результате проведения дополнительных анализов получена следующая колонка из семи непротиворечивых дат (табл. 1), одна из которых (№ 1) получена по образцам угля из культурного слоя, отложившегося до начала возведения насыпи. Три даты получены для разных горизонтов самой первой насыпи, еще две – для позднейших досыпок вала, одна – для культурного слоя, отложившегося на поверхности вала после завершения его функционирования.

В результате стало очевидным, что вал стал возводиться в III в. до н.э. (дата установлена по калиброванному радиоуглероду и вещевым находкам, в частности, стеклянному бисеру), а последние досыпки его были произведены на рубеже эр или в самые первые века н.э. (рис. 2), до начала распространения в Поочье сильнопрофилированной керамики или в начальный период ее распространения, во всяком случае, ни одного обломка такой керамики в насыпи вала не встречено.

Комплексный характер изучения насыпи вала, с привлечением специалистов из различных областей естественных наук, позволило получить несколько неожиданный вывод о том, что вал Ростиславля создавался из материалов трех видов:

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов угля из вала.

№	Образцы	Калиброванные даты
1	Слой под валом (Ki-16528)	410–200 BC
2	Вал этапа 1 – нижняя часть (Ki-14729; Ле-8705)	520–350 BC/400–200 BC
3	Вал этапа 1 – средняя часть (Ki-14730; Ле-8705)	760–360 BC/520–370 BC
4	Вал этапа 1 – верхняя часть (Ле-8703)	370–180 BC
5	Вал этапа 8 (Ki-16527)	170 BC – 60 AD
6	Вал этапа 9 (Ki-16529)	50 BC – 90 AD
7	Горизонт В слоя 1 (ИГАН-3333)	238–533 AD

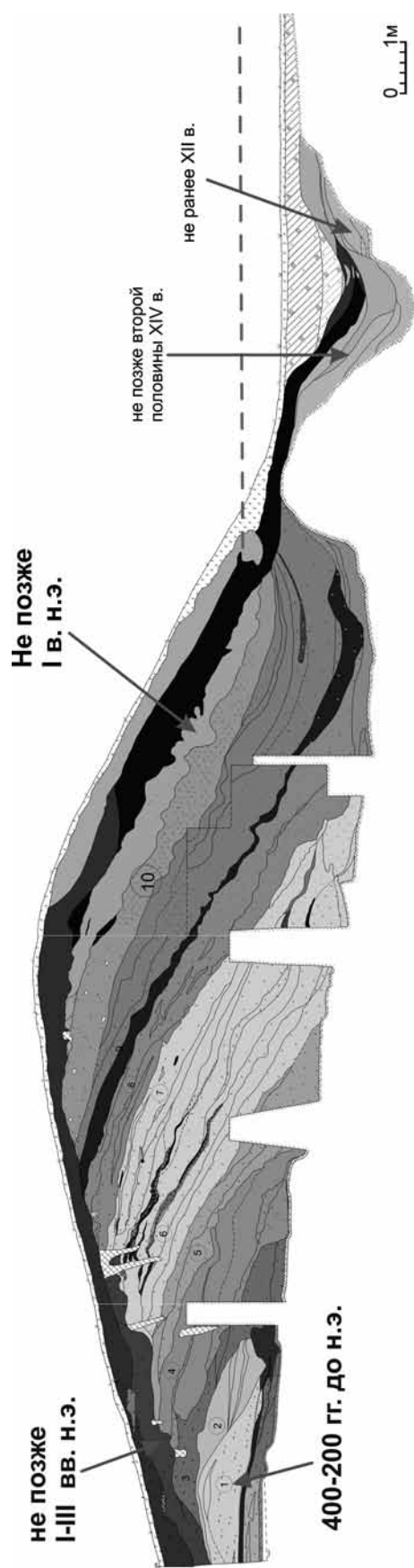

Рис. 1. Разрез вала Ростиславльского городища по линии СЗ – ЮВ (северо-восточный борт раскопа IV) (см. шв. вкл.)

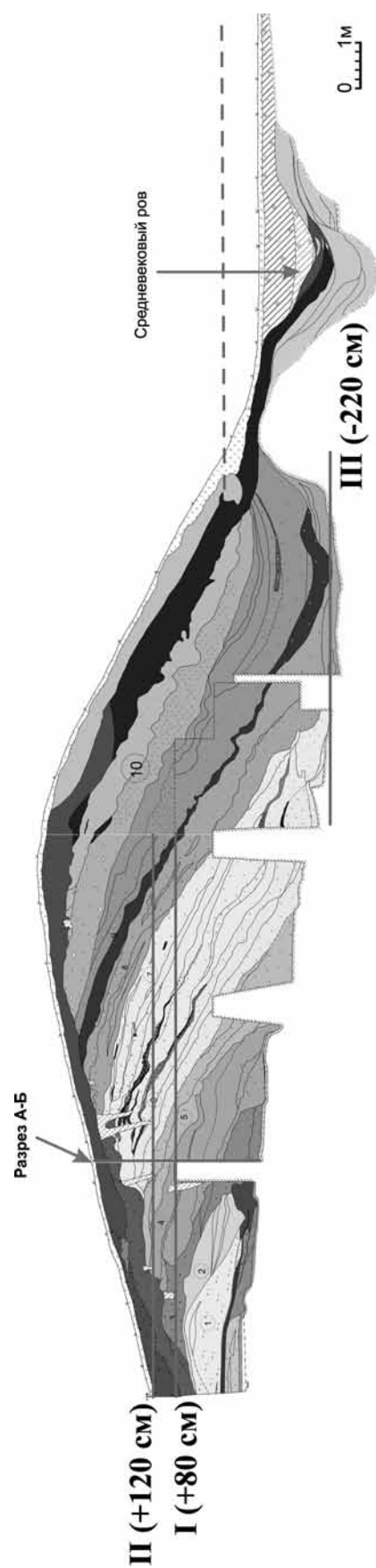

Рис. 2. Разрез вала Ростиславльского городища с указанием линий разреза А-Б и горизонтальных планов I (на отметке +120 см), II (на отметке +80 см) и III (на отметке -220 см)

– материковый суглинок, выбиравшийся из рва, проходившего перед валом и постоянно расширявшегося в напольную сторону, – около 40% объема грунта вала. Этот грунт в чистом виде практически не встречается – он еще до попадания в насыпь перемешивался с различными культурными отложениями;

– культурный слой городища, насыщенный органическими остатками (прежде всего, навозом), керамикой, выброшенными вещами, – около половины объема грунта вала;

– массивы растительной органики (тростник, травы), использовавшиеся на городище и выброшенные затем в насыпь. Прослойки такой органики встречались не регулярно, но зато имели иногда очень большую мощность (до 30 см), что позволяет предполагать для них гораздо большую первоначальную мощность до истлевания (Гольева, 2011). К этому же виду отложений следует отнести обугленную древесину и другие карбонизированные остатки.

Следовательно, вал городища представлял собой своего рода свалку мусора, место для утилизации грязи и навоза, скапливавшихся на площадке городища. По временам на поверхность этого вала выбрасывались большие массы растительной органики, в том числе, вероятно, подстилки из загонов для скота, вышедшие из употребления покрытия кровель домов (Медведь, 2009). Досыпки вала производились с регулярной периодичностью, может быть, ежегодно, что не позволяло сформироваться на его поверхности дерну (Гольева, 2011. С. 70). Первые слабо выраженные микропрослойки, которые можно связывать с почвообразованием, появляются только после того, как насыпка вала заканчивается (в финале этапа 10). Замывы на днищах рвов указывают на то, что поверхность насыпи постоянно оплывала в эти рвы. В то же время, вал, несомненно, выполнял фортификационную функцию, поскольку перед ним вырывался довольно глубокий ров, который постоянно расширялся и углублялся.

Но насколько эффективна была подобная фортификация? Материалы раскопок показывают, что действительных навыков фортификационного строительства у жителей городища не было. На дне рва не возводилось никаких дополнительных сооружений (надолбов), между валом и рвом не оставлялось ступеньки (бермы), при каждой новой досыпке вала частично засыпался и ров, т. е. грунт набрасывался бессистемно. На самом валу нигде не обнаружено никаких следов дополнительных сооружений – частокола, заплота. Хаотично разбросанные столбовые ямы, зафиксированные на поверхностях ранних насыпей вала в значительной своей части относились к периоду, последовавшему после завершения насыпания вала (в позднедьяковскую эпоху), когда внутренний его склон использовался для возведения различных построек, хозяйственных нужд. Как уже отмечалось в первой публикации, трудно себе представить, что на валу, который постоянно (едва ли не ежегодно) досыпался культурным слоем, могли быть воздвигнуты какие-то долговременные деревянные фортификационные сооружения. Тем более, что жители городища

дьяковской культуры вряд ли вообще имели навыки строительства каких-то крупных деревянных построек, если даже стены жилищ они создавали, используя плетневые конструкции с глиняной обмазкой.

На ряде городищ дьяковской эпохи были зафиксированы фрагментированные остатки сгоревших деревянных конструкций, предположительно интерпретировавшихся как различного рода стены – в основном, частоколы. В публикациях уже прозвучало скептическое отношение к достоверности подобных реконструкций (Сыроватко, 2009. С. 45), с чем трудно не согласиться: выявленные завалы обугленной древесины в насыпях валов не сопровождаются частокольными канавками и тем более не похожи на срубные конструкции. Рассмотрим несколько наиболее характерных реконструкций.

Прорезка вала на Дьяковом городище (Кренке, 1986; 2011. С. 31. Рис. 28, 30) выявила в нескольких горизонтах насыпи довольно хаотично разбросанные обугленные плахи. Никаких следов частокола по ним реконструировать было нельзя, в отличие от четкой частокольной канавки под валом – остатков фортификации, предшествовавшей возведению вала. Однако Н.А. Кренке пишет об остатках нескольких стен, последовательно сменявших друг друга. Какова же была конструкция этих стен? Сочленение двух обугленных плах под прямым углом, зафиксированное всего один раз (!) (Кренке, 2011. Рис. 30, стена 5) послужило основанием для ее реконструкции в виде «клетей». Однако эта единственная псевдоклеть имела только две стороны и не сочленялась с другими подобными конструкциями. Сейчас накоплен уже достаточно большой материал по археологизированным остаткам клеток и городней древнерусских городов, в том числе и сгоревших, – ни малейшего сходства с ними объект на Дьяковом городище не имеет. Зафиксированное сочленение двух плах могло произойти совершенно случайно. Вероятно, иллюзия «стен» возникла потому, что площадь вскрытия здесь была ограниченной. Раскопки широкой площадью на Настасьинском городище (работы А.В. Энговатовой) и Кубринском городища (см. ниже) никаких следов рубленых стен не выявили.

При повторном исследовании Н.А. Кренке разреза городища Луковня 2, раскапывавшегося, но не опубликованного А.Г. Векслером, были выявлены два горизонта обгорелой и истлевшей древесины (нижний горизонт залегал в подошве вала), причем большинство плах лежало либо совершенно хаотично, либо вдоль оси вала. Сама древесина образовывала скопления, разделенные пространствами без всяких следов угля или тлена (Александровский и др., 1998. С. 336, 337. Рис. 3). При зачистке вала Боршевского городища также были выявлены углистые прослойки на гребнях каждой из его досыпок, но структуру размещения древесины здесь зафиксировать не удалось (Крис, 1986. С. 98). Зато по свидетельству А.Ф. Дубынина на гребне вала Троицкого городища лежали обугленные *жерди* (!), причем ориентированы они были *вдоль* оси вала (Александровский и др., 1998. С. 346). Судя по опубликованному плану Кубринско-

го городища, точно такая же картина залегания обугленных бревен и веток в насыпи (параллельно оси вала, отдельными скоплениями) фиксировалась при раскопках и этого памятника (*Станкевич, Вишневецкий*, 1987. Рис. 1). Выдвинутое авторами публикации предположение о фортификации городища в виде частокола по гребню вала не подкреплено конкретным археологическим материалом (в том числе наличием ровиков для установки частокола), который скорее противоречит такой реконструкции – при разрушении частокола его бревна должны были бы падать перпендикулярно оси вала, а не «укладываться» параллельно ей. Значит, и на Кубринском городище, и на Луковне, и в Боршеве были открыты не остатки стен, а некие завалы бревен и веток, уложенных на гребне вала, часть из которых сгорела, а часть просто сгнила.

Раскопки городища Савики в Смоленской области выявили несколько прослоек прокаленного грунта и угля, которые были интерпретированы К.А. Смирновым как остатки стены из двух рядов плетня, пространство между которыми заполнено грунтом. После сгорания плетней, по мнению автора реконструкции, уголь и прокаленный грунт рассыпались по поверхности вала (*Смирнов*, 1986. С. 88, 89. Рис. 1). Однако, судя по описанию и схеме разреза, прослойки угля и прокаленного грунта залегали строго стратиграфически, одна над другой. При сгорании плетня и рассыпании грунта такой строгой последовательности залегания слоев (близкой зафиксированной на Ростиславле) возникнуть не могло – уголь перемешался бы с прокаленным грунтом, да и сам провал был бы очень слабым, едва заметным, потому что плетень не содержит большой массы горючего материала. Таким образом, предложенная реконструкция не подтверждается источником. Вероятно, и здесь картина не отличалась от той, что фиксировалась в Ростиславле, Дьяково, Луковне и на Кубринском городище.

Интересна и показательна реконструкция, выполненная В.И. Вишневецким по результатам раскопок на Кикинском городище (*Вишневецкий*, 2007. С. 65–73), где насыпь вала была исследована площадным вскрытием (56 кв. м). Здесь также в нескольких горизонтах насыпи, на линии ее гребня, были обнаружены обугленные бревна и ветки (sic!). Одни из бревен лежали вдоль линии вала, другие же (от них остались короткие фрагменты длиной 0,3–0,7 м) были направлены поперек оси вала и лежали почти вплотную друг к другу (*Вишневецкий*, 2007. Рис. 4). Это послужило основанием для реконструкции укреплений городища в виде частокола, установленного на гребне вала (*Вишневецкий*, 2007. Рис. 5). Частокол может стоять, только будучи вкопан в землю, и должен оставлять след в виде канавки, причем в рыхлом грунте вала эта канавка должна быть особенно глубокой. Однако при раскопках Кикинского городища ни в одном из горизонтов такие канавки зафиксированы не были, а отдельные столбовые ямы, заметные в профилях, не сложились в систему. Думается, что реконструкция укреплений в виде частокола получилась не слишком убедительной. Еще менее оснований имеется

для предположений о каких бы то ни было «клетях». Что же собой представляли деревянные укрепления Кикинского городища? Скорее всего, это были завалы бревен и веток, дополненные заборами из бревен или досок, устанавливавшихся без крепления в земле или с опорой на отдельные забитые в землю столбы. Как соединялись между собой эти плахи, неизвестно, но можно предполагать, что соединение было весьма примитивным (например, их могли связывать лозой за выступающие сучки или скреплять ею же с поперечной жердью). Полноценной фортификацией эти конструкции назвать трудно. Вместе с тем, на сегодняшний день, это наиболее достоверные следы укреплений, существовавших некогда на гребнях дьяковских валов. Правда, Кикинское городище относится уже к следующей, более поздней эпохе, когда на Дьяковом городище и Ростиславле сооружение валов прекратилось. Тем не менее, именно Кикино позволяет приблизиться к пониманию оборонительных конструкций городищ раннего железного века.

Раскопки на Ростиславле показали, что в насыпь могли попадать целые обугленные бревна и их развалы, которые не составляли никаких конструкций и оказывались в насыпи в качестве мусора, выброшенного с площадки (*Медведь*, 2009. С. 452. Рис. 4). Сгоревшие конструкции в проходе вала Ростиславля (см. ниже) позволяют предполагать, что на гребне вала тоже могли быть набросаны какие-то бревна в виде своеобразной «баррикады», которая как раз и могла служить прикрытием для обороняющихся. Зафиксированные на Кикинском городище обугленные ветки в «конструкции» линии фортификации на гребне вала также могли относиться к такому завалу. После того, как «баррикада» из бревен и веток приходила в негодность, ее могли сжигать, сбрасывать в ров, заваливать землей, в зависимости от конкретной ситуации, а затем восстанавливать из нового материала, которого в окрестностях городища было вполне достаточно. Именно такой нам представляется «система обороны» городищ Дьякова типа в эпоху до рубежа эр. Позже эти «баррикады» могли дополняться (или заменяться) легкими «заборами» из вертикально установленных плах или бревен (пример Кикинского городища). Функцией «баррикад» и заборов была не долговременная оборона (как в городах Средневековья), а легкое укрытие от стрел противника в ходе скоротечных столкновений, затруднявшее также продвижение всадников (если противник передвигался на лошадях).

Стратиграфические наблюдения не были единственным результатом исследований Ростиславляского вала. Благодаря фиксации планов пластов через каждые 20 см и поперечных разрезов траншеи, прорезавшей вал (рис. 3), удалось обнаружить проход в валу, существовавший на нескольких этапах его существования. Напомним, что всего удалось выделить 10 этапов развития вала. На этапах 1–2, т. е. в начальный период насыпки вала, когда его высота была еще незначительна (не превышала 1,5 м) и не было рва перед валом, этот проход не фиксировался (рис. 4). Не прослежен он и на этапах 3–4, когда высота вала до-

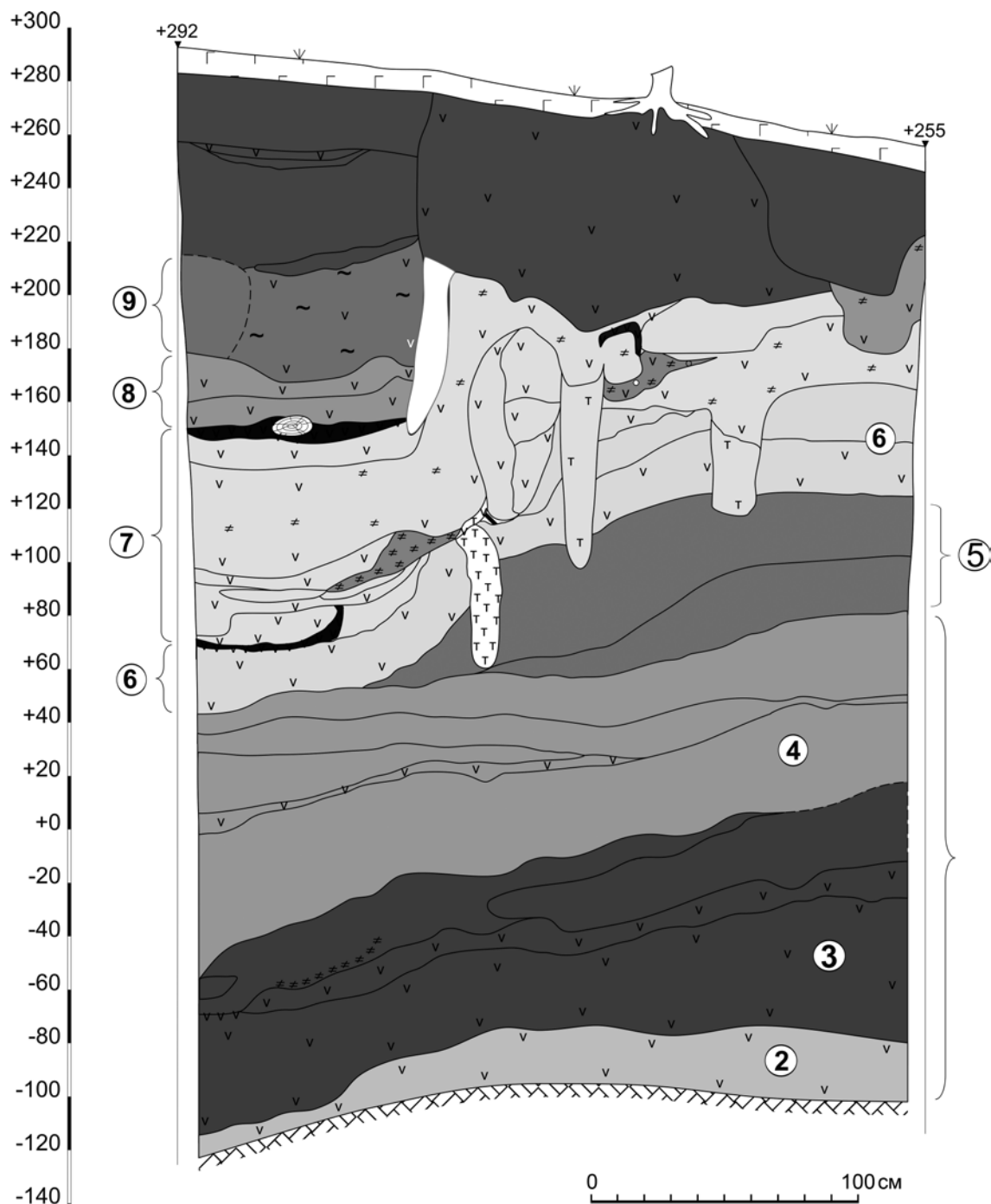

Рис. 3. Раскоп IV на валу Ростиславльского городища. Разрез А–Б.
Номерами в кругах обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи (см. цв. вкл.)

стигала 2 м, а перед ним уже был вырыт ров (рис. 5). Нельзя, впрочем, исключать, что проход все же существовал и на этом этапе, но находился где-то в ином месте и потому не попал в раскоп. Например, понижение мощности насыпи этапа 3 в западном направлении (рис. 3) может указывать на размещение прохода несколько западнее. В нашем раскопе проход впервые был зафиксирован на этапе 5, когда в грунте предшествовавшего этапа 4 было сделано небольшое углубление (рис. 6). На дне этого углубления обна-

ружены полосы древесного тлена длиной 2,0–2,5 м и шириной около 0,2 м, оказавшиеся остатками бревен или лаг, настланных на дно прохода в валу (рис. 7), шедшего по линии ССЗ–ЮЮВ. Ширина этого прохода составляла 1,0–1,5 м, а длина – около 5 м (рис. 6; 8). Поскольку лаги были уложены вдоль трассы прохода (поперек линии вала), можно думать, что они служили для настилки какого-то несохранившегося деревянного мощения этого прохода (жердями, хворостом?). Насыпь этапа 5 формировала два края

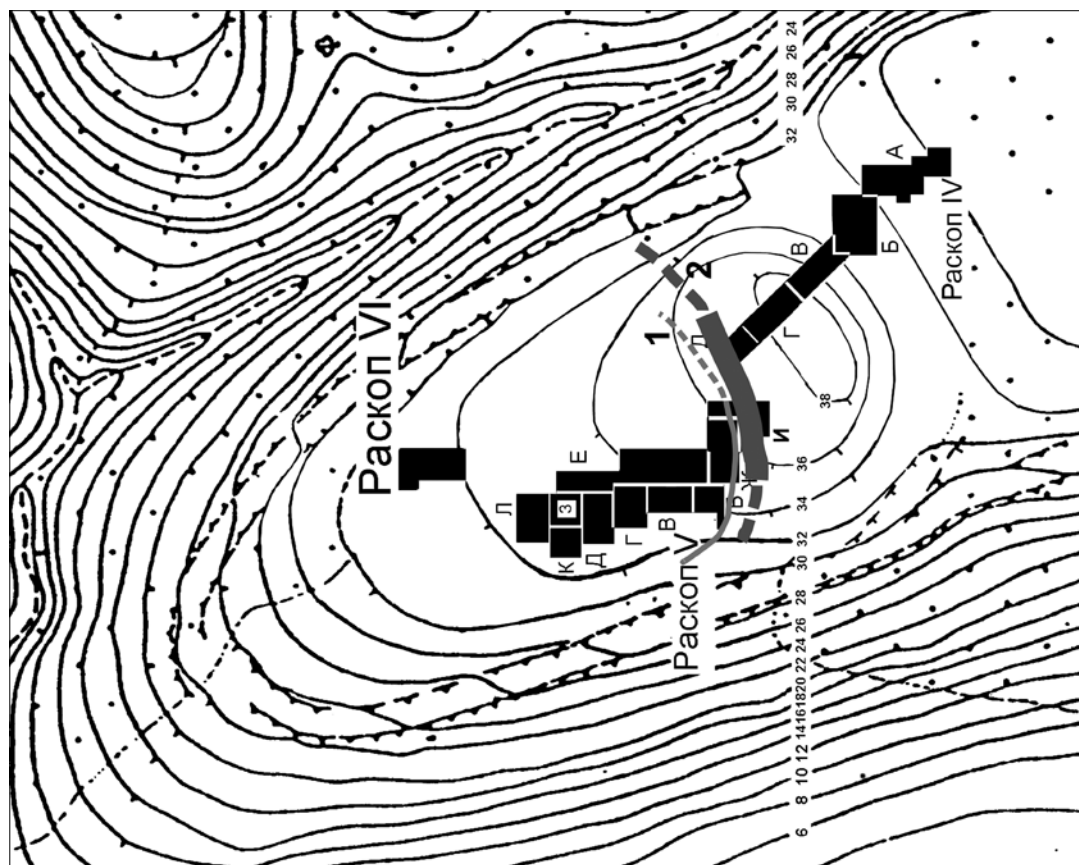

Рис. 4. Реконструкция линии частокола, предшествовавшего возведению вала (1) и на этапах 1–2 создания насыпи вала (2)

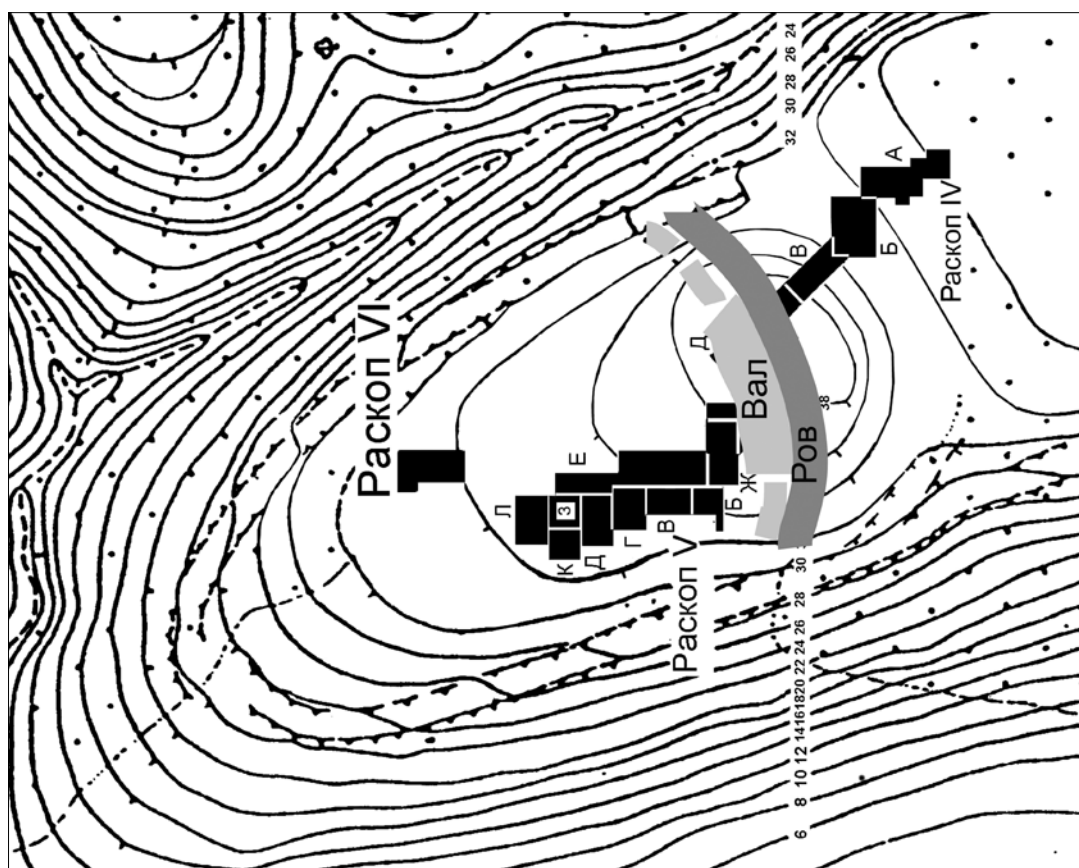

Рис. 5. Реконструкция линии вала и рва на этапах 3–4 создания насыпи вала

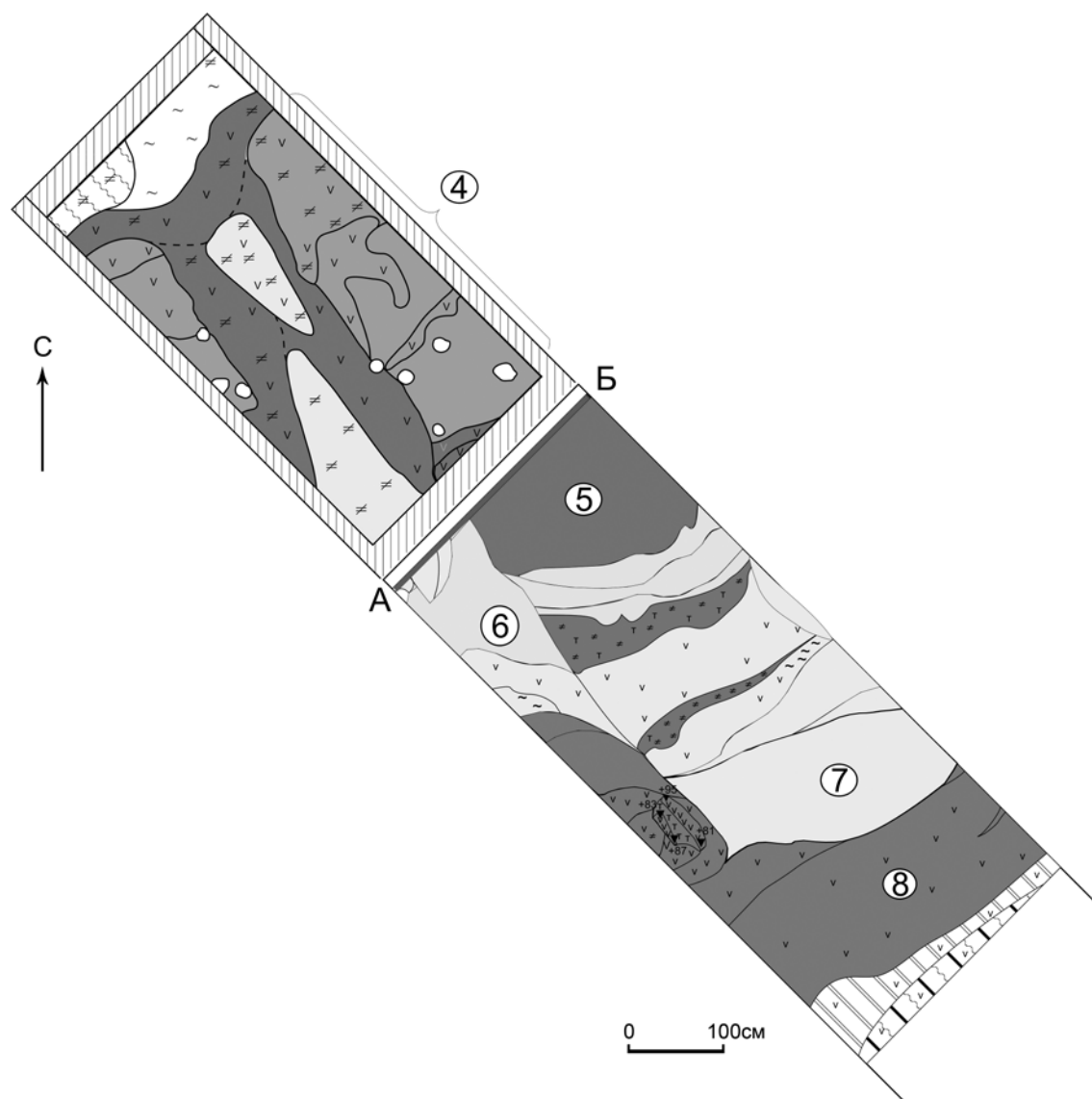

Рис. 6. План раскопа IV на отметке +80 см. Номера в кругах обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи (см. цв. вкл.)

этого прохода на высоту более полуметра (в древности, может быть, и до 1 м). На этапе 6 эти края были подняты еще почти на 0,5 м, но при этом на дне прохода насыпалось не менее 0,3 м грунта (рис. 1, 3), в результате перепад между дном прохода и гребнем вала стал превышать 1,2 м. При этом перепад высот между дном прохода и площадкой городища был тоже довольно заметным – не менее 1 м. Это значит, что попадая на площадку, человек должен был спускаться от прохода по наклонному пандусу, состоявшему из ранних горизонтов насыпи (этапов 1–4). Никаких следов вымостки этого пандуса не фиксировалось, возможно, потому, что поверхностные горизонты раннего вала были срезаны в результате строительства позднелыжовского времени (I–IV вв. н.э.). Нельзя ничего пока сказать и о наличии прохода во рву, продолжавшего проход в валу, поскольку этот участок не попал в раскоп, но можно думать, что он существовал (см. ниже). Не понятно также, как была

организована фортификация в этом проходе. Отсутствие всяких следов столбовых ям позволяет исключить вариант оформления этого прохода воротами с вращающимися створками. Может быть, проход в случае необходимости просто забрасывался бревнами, ветками, что делало его непроходимым.

На рубеже 6 и 7 этапов насыпи вала на дне прохода отложилась небольшая прослойка угля (следов прокала под ним не фиксировалось), при этом сам проход на этапе 7 был частично засыпан прослойками разнородного грунта. После этого новый проход был сдвинут несколько к западу (его западная стенка в раскоп уже не попала), причем он был выкопан в засыпке предыдущего прохода (рис. 3; 9; 10). В результате этой реконструкции уровень дна прохода поднялся на 0,7–0,8 м, а перепад между ним и уровнем площадки городища превысил 1,5 м. Длина прохода практически не увеличилась, а ширина, видимо, выросла до 2 м. Самым важным элементом конструкции

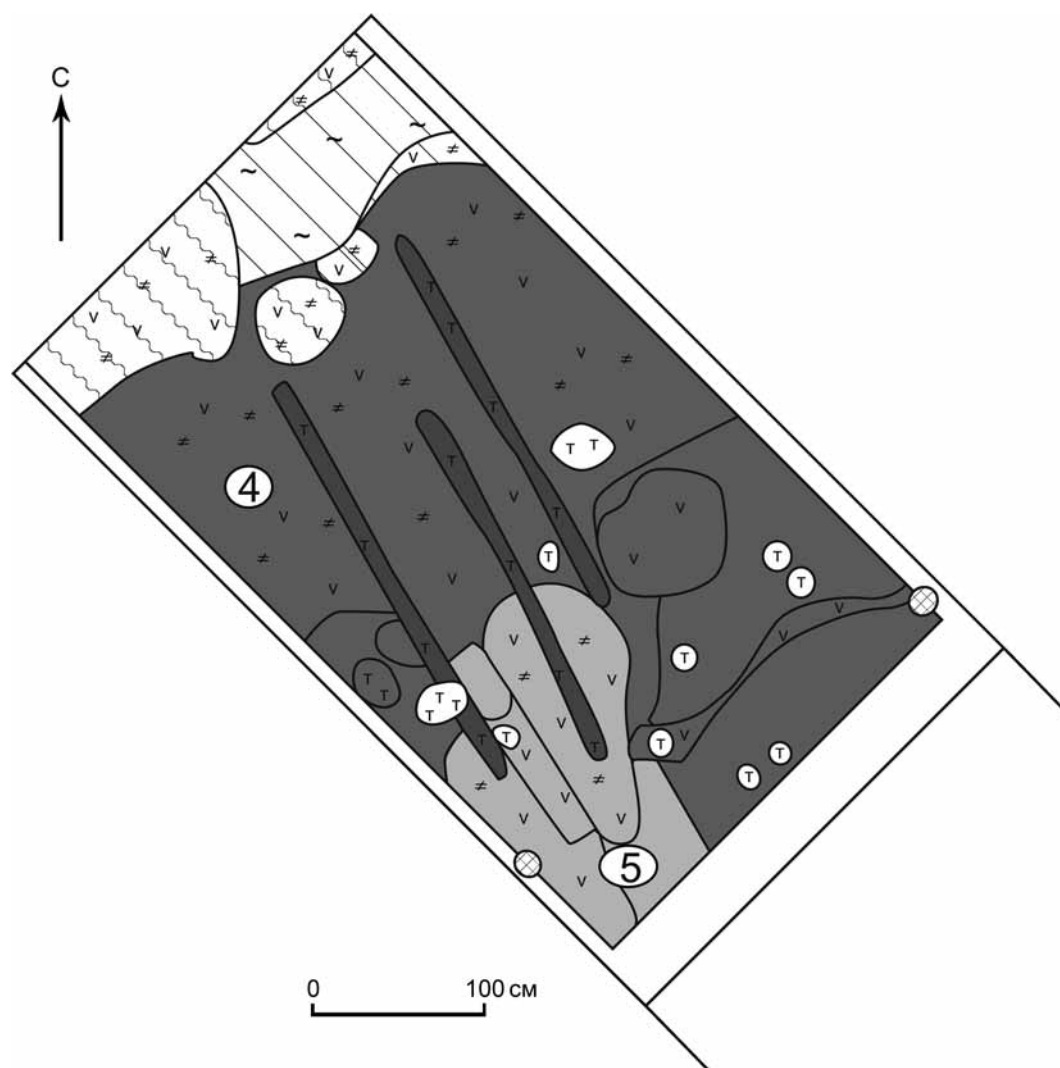

Рис. 7. План раскопа IV на отметке +70 см. Номера в кругах обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи

прохода на этапе 7 стала фиксация перемычки во рву, точно совпадающей с трассой прохода в валу (рис. 9). В месте, где ров заканчивался и начиналась перемычка для прохода, материковый грунт оставался нетронутым. К сожалению, ширину перемычки установить было невозможно (в раскоп попал только ее восточный край), но можно предположить, что она соответствовала ширине прохода в валу, т. е. не превышала 2 м. Перепад между дном прохода на линии гребня вала и поверхностью перемычки во рву составлял в это время, вероятно, около 1,5 м. Это довольно существенный перепад. Он затруднял проход на площадку городища и, следовательно, имел некоторое фортификационное значение.

Перед новым, восьмым, этапом досыпки вала на дне прохода в валу по всей его длине (около 7 м) отложилась мощная, до 20 см, прослойка угля. Кое-где, например, в северо-западной части прохода, грунт под ней оказался прокален (рис. 9), что свидетель-

ствует о пожаре, происшедшем именно здесь, на валу городища и внутри прохода. Среди деструктурированной угольной массы удалось зафиксировать куски круглых (деформированных до овальных) в сечении бревен диаметром 10–15 см, лежавших вдоль трассы прохода. Это могли быть как остатки мощения на дне прохода, так и материал завала древесины, преграждавшего проход. Гораздо труднее предполагать в этом скоплении угля остатки сгоревших деревянных преград с гребня вала. Надо специально подчеркнуть, что на гребне вала этого этапа (равно как и всех предыдущих) никаких следов укрепления не прослежено, нет и следов прокала грунта¹, стратиграфически соответствовавших угольной прослойке. Радиоуглеродная датировка угля со дна прохода в валу (табл. 1. № 5) относится ко II–I вв. до н.э. (170 BC – 60 AD). На 8 этапе проход в валу был слегка присыпан грунтом, но он еще продолжал существовать на прежнем месте (рис. 10).

¹ См. ниже об этих следах прокаленности грунта.

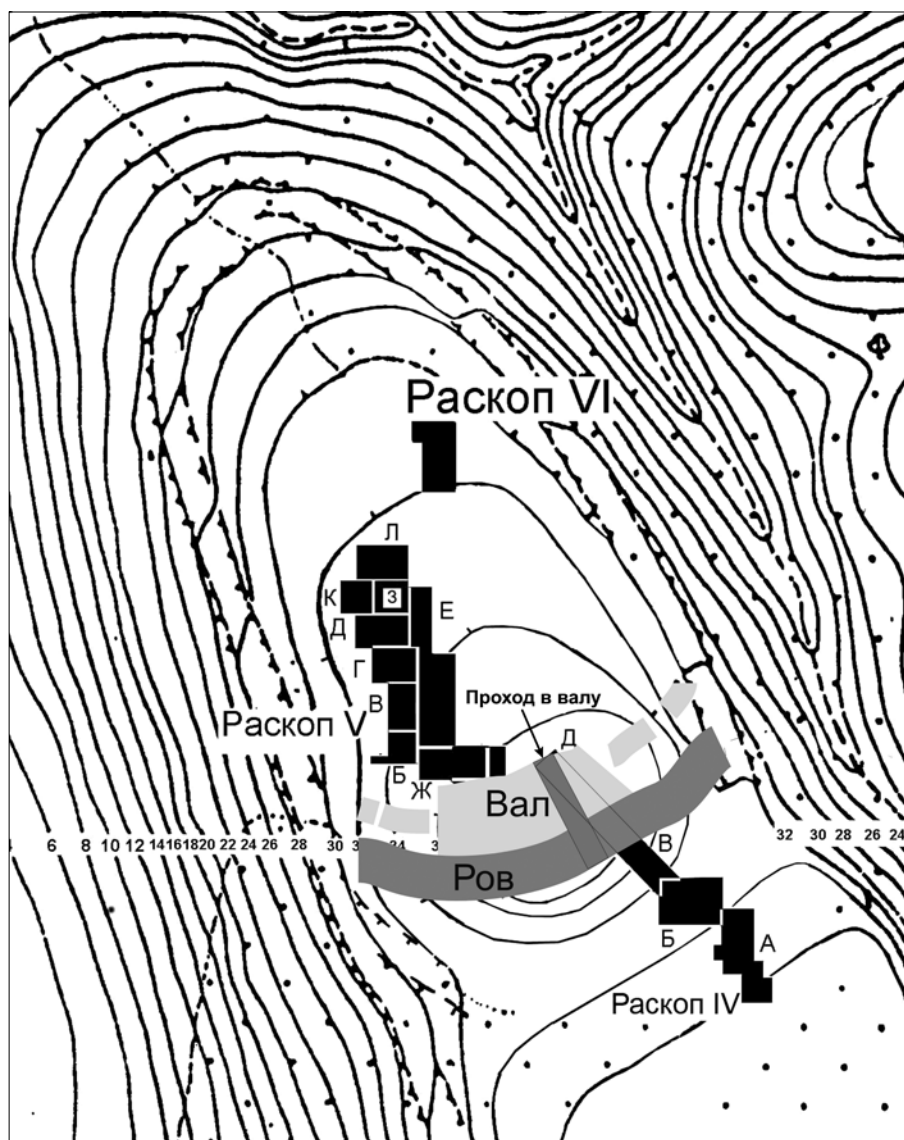

Рис. 8. Реконструкция линий вала, рва и прохода в них на этапах 5–6 создания насыпи вала

Ситуация полностью изменилась на этапе 9, когда весь проход был полностью засыпан и сровнен с поверхностью вала, одновременно был полностью засыпан, сnivelирован ров проходивший прежде перед валом. Таким образом, этап 9 насыпи вала (хронологически не отделявшийся каким-то заметным промежутком времени, т. е. датируемый также не позже I в. до н.э.) стал переломным в истории насыпки вала — его строители отказались от рва перед валом и полностью засыпали проход, который вел на площадку городища и рассекал вал пополам. Это означало, что проход теперь был сделан в другом месте, видимо, в обход края вала. Вал приобрел большую цельность, монументальность, но, утрата рва оставила его фортификационные качества примерно на том же уровне, что и прежде.

Итак, за 200–300 лет своего существования (с середины-конца III в. до н.э. до рубежа эр — I в. н.э.) вал Ростиславльского городища претерпел весьма существенные изменения. Он постоянно досыпался,

его ров расширялся в напольную сторону. При этом изменялась и конструкция вала: вначале он, вероятно, не имел прохода, но уже на третьем этапе его возведения такой проход появился и рассек вал пополам. В финале строительства вала проход был ликвидирован, а одновременно засыпан ров. Надо специально подчеркнуть, что, судя по археологическому материалу, в период строительства вала существенных изменений в материальной культуре жителей городища не происходило. Пожалуй, единственным временным рубежом с заметными культурными сдвигами можно считать период этапа 9 насыпки вала, когда резко возросла доля «нитчатой» керамики, ставшей на короткое время доминирующим типом кухонной посуды жителей городища (почти половина всей керамики!), а также появилась в заметных количествах (4%) «рогожная» керамика (Коваль, 2011. Табл. 2. Рис. 20), которая и прежде и впоследствии встречалась только в виде единичных обломков (не исключено, что все

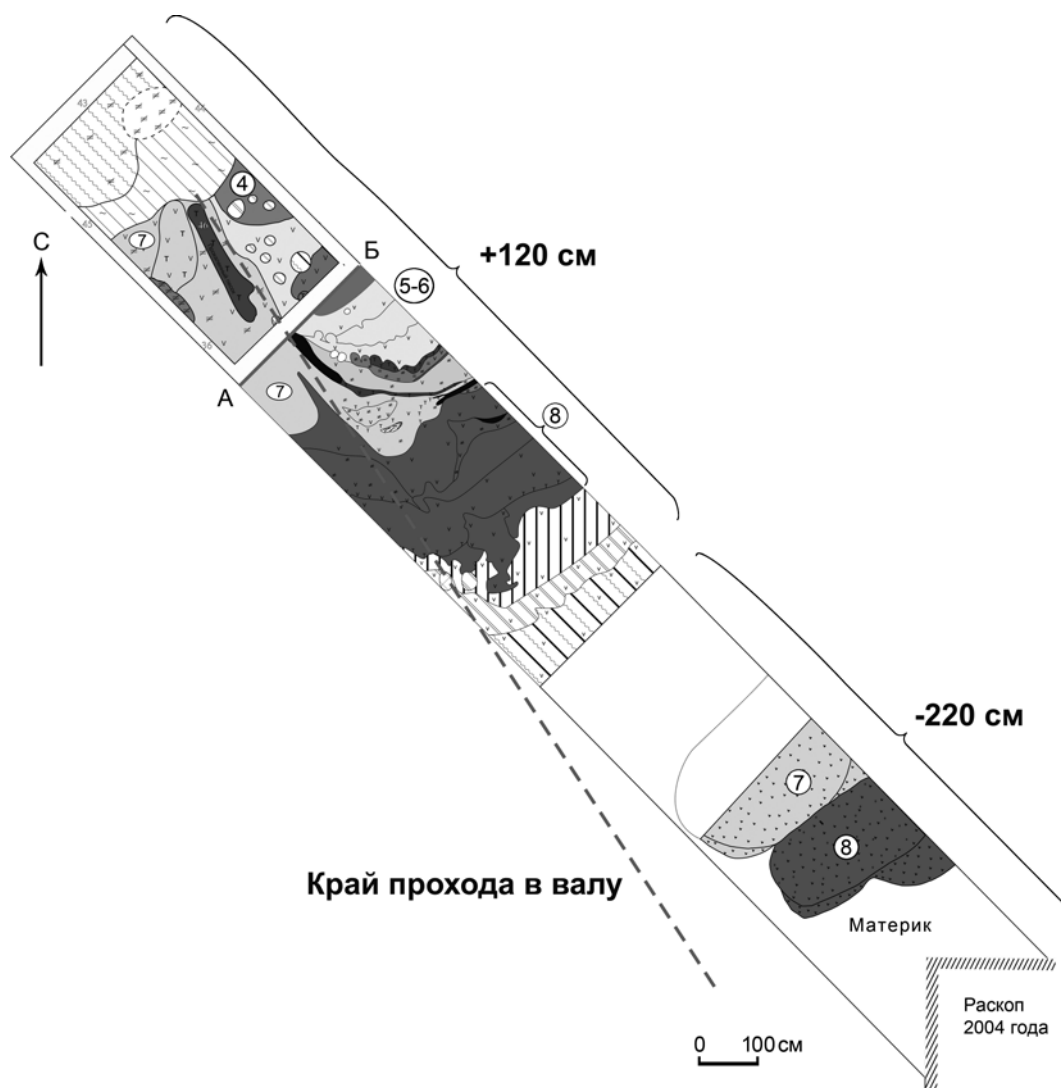

Рис. 9. План раскопа IV на отметках +120 см (насыпь) и -220 см (ров). Проход в валу этапов 7–8 (см. цв. вкл.)

они или большая их часть попали в другие слои по перекопам именно из того слоя, который откладывался на городище в период этапа 9.

Можно предположить, что господство «нитчатой» керамики характеризует финальный этап жизни городища (на площадке которого к этому этапу относилась постройка 3 и отложился горизонт В слоя 1), непосредственно предшествовавший полной смене керамической традиции и распространению сильно-профилированной «мелкорябчатой» и гладкостенной керамики первых веков новой эры. Вероятно, эта смена традиций произошла в I в. н.э. и с ней связано прекращение строительства вала.

О существовании проходов в валах городищ раннего железного века известно давно по ряду памятников. Однако далеко не все видимые сейчас проходы существовали в древности – часть из них могли воз-

никнуть в новейшее время в результате работы техники. Таков, например, проход в валу городища Боршева, который возник в период работы экспедиции (что и позволило снять разрез вала). Сегодня этот проход в валу задерновался и выглядит уже как «древний». Таким образом, современное состояние городищ не гарантирует, что видимые сегодня проходы в валах существовали и в древности. Более того, до раскопок на Ростиславле ни один из таких проходов не исследовался археологически. Наши работы показали, что проходы возникали и ликвидировались в ходе развития городищенских валов, а также то, что они имели сложное строение и постоянно трансформировались.

В последнее время, в литературе поднят вопрос о возможности искусственного «обжига» валов на городищах Дьякова типа (Сыроватко, 2009. С. 63, 64, 73, 74)². Полагаю, что поскольку никаких «стро-

² Кажется, впервые прослойки обожженного грунта в валах городищ раннего железного века лесной полосы были зафиксированы Ю.Г. Гендуке при раскопках 1900–1902 гг. городища у с. Городище рядом с Алексиным, а опубликованы А.А. Спицыным (1903. С. 124, 125).

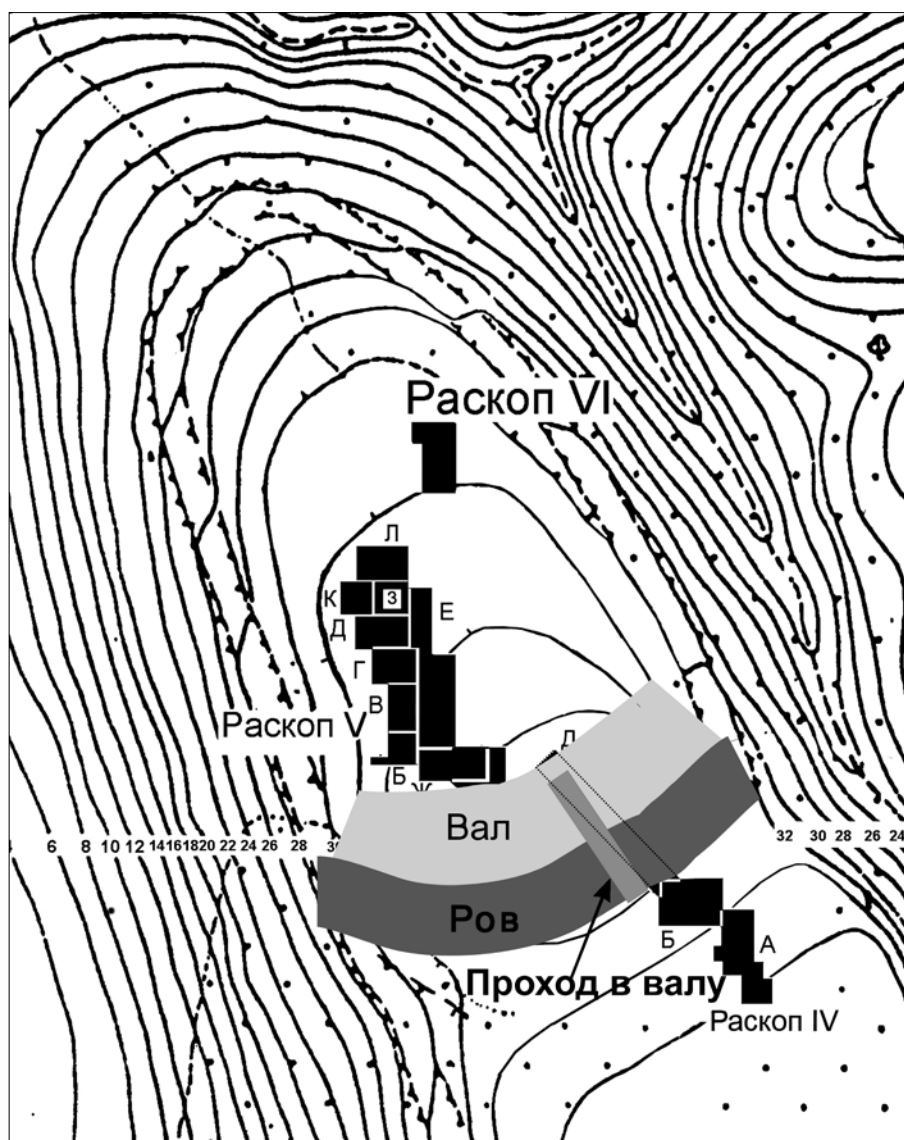

Рис. 10. Реконструкция линий вала, рва и прохода в них на этапах 7–8 создания насыпи вала

ительных норм и правил» для возведения валов в то время у населения Волго-Окского междуречья не существовало, вполне вероятно, что на каких-то городищах жители использовали хорошо известные им свойства суглинков отвердевать после обжига для укрепления прочности вала. Однако Ростиславль не дает такого примера. Прослойки обожженного до оранжево-красного цвета грунта зафиксированы тут в нескольких местах³, но они не составляли какого-то единого горизонта, в их размещении по стратиграфии не угадывается никакой системы (например, хронологической регулярности). Сами прослойки прокала имеют неодинаковую толщину (как правило, от 3 до 15 см) и распространяются не по всей поверхности вала (рис. 11), хотя занимают иногда значительные

участки. Под прослойкой прокаленного грунта часто (но не во всех случаях) фиксировалась черная угольно-сажистая (или угольно-золистая) прослойка, иногда такая прослойка перекрывала прокаленный грунт. На протяжении одной и той же прокаленной прослойки стратиграфическая ситуация может меняться: в одних местах угольная прослойка ее подстилает, в других – перекрывает (рис. 12; 13). Сами прослойки прокаленного грунта не имели на Ростиславле однородной структуры и могли включать комки сильно прокаленного грунта. Создается впечатление, что одни прослойки прокала (с подстилающими угольными линзами) сформировались *in situ* на поверхности вала, а другие образовались как выброс на эту поверхность прокаленного грунта, принесенного

³ Надо заметить, что указание на то, что такие прослойки в валу Ростиславля не встречены, сделанное А.С. Сыроватко по наблюдениям первых двух лет раскопок вала (Сыроватко, 2009. С. 77), оказалось неверным.

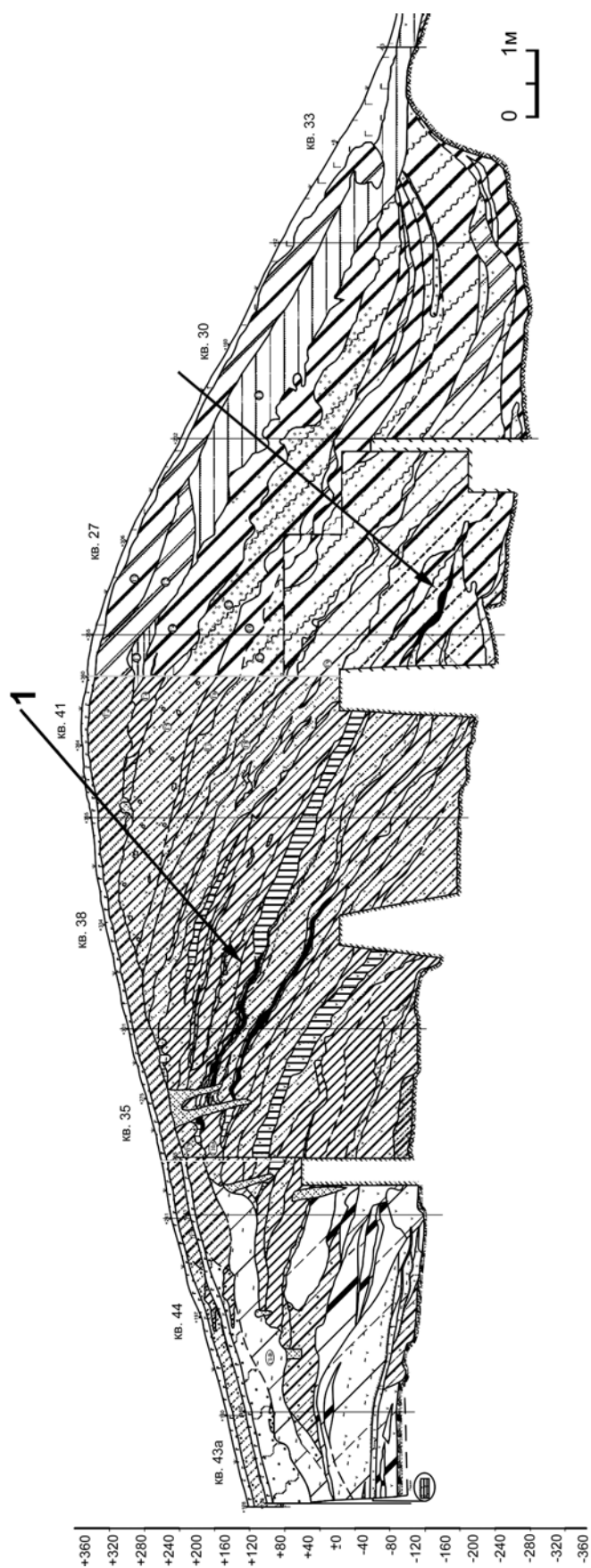

Рис. 11. Разрез Ростиславльского вала с указанием прослоек прокаленного грунта (показаны стрелками)

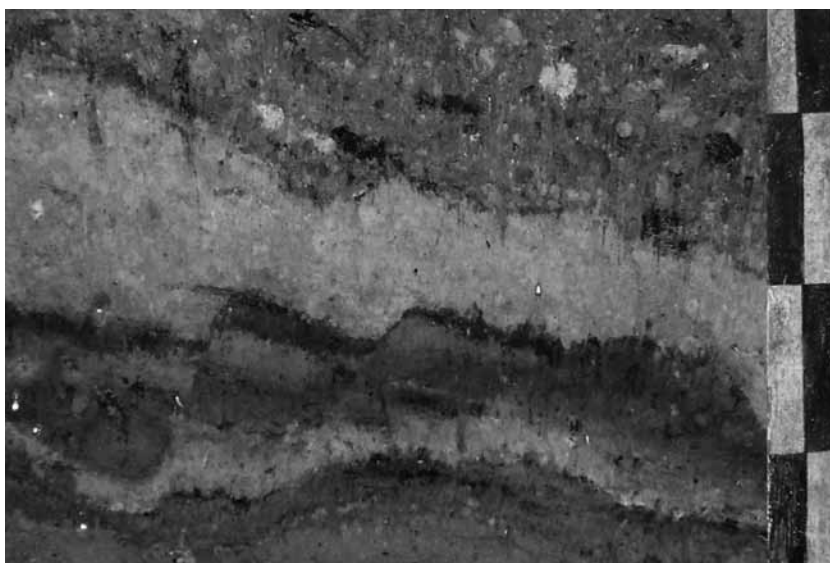

Рис. 12. Прослойки прокаленного грунта, угля и золы в северо-восточном профиле разреза вала (прослойка 1 на рис. 11) (см. цв. вкл.)

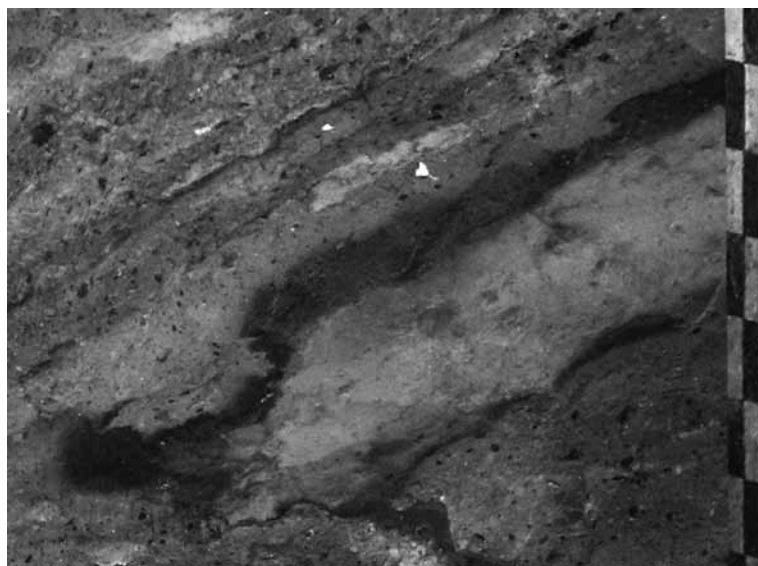

Рис. 13. Прослойки прокаленного грунта и угля в юго-западном профиле разреза вала (раскоп IV) (см. цв. вкл.)

(сдвинутого?) со стороны. Образование этих прослоек можно объяснять возгораниями (случайными пожарами), возникавшими в жаркое время года там, где на поверхности вала скапливалось слишком много сухих органических остатков (древесина, камыш, травы, навоз и т. п.), постоянно выбрасывавшихся сюда. Возможно также, что эти остатки поджигались самими жителями городища, чтобы избавиться от них (например, при ликвидации предполагаемых оборонительных «баррикад») и предотвратить настоящий пожар. Тонкие и локальные прослойки прокаленного грунта, имевшего на Ростиславле довольно рыхлую структуру, вряд ли могли послужить для «усиления фортификации», к тому же возникли они всего несколько раз. Повторимся: сказанное не означает, что в других местах и при других обстоятель-

ствах, искусственное обжигание валов надо считать невозможным.

Какое же место занимает Ростиславльское городище среди памятников дьяковской и синхронных ей культур в бассейне Оки? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо комплексное рассмотрение всех аспектов материальной культуры Ростиславля, которое в рамках данной статьи невозможно. Однако можно оценить это место в плане фортификации. Ростиславльский вал дьяковской эпохи является одним из самых крупных сооружений городищ раннего железного века. По высоте он равен и даже несколько превышает валы таких городищ, как Дьяково, Боршева, Троицкое, Пекуновское, Кикинское, Синьковское (Кренке, 1986; 2011; Крис, 1986; Александровский и др., 1998. Рис. 11; Бадер, 1950. Рис. 32; Вишневский,

2007; АКР, 1995. С. 42) (рис. 14). Сложнее сравнивать структуру насыпей этих валов, поскольку на большинстве из них прорезке были подвергнуты только валы, а рвы оставлены не исследованными. Исключение составляют городища с небольшими (высотой менее 1 м) валами, насыпанными, вероятно, за один прием. Примерами таких городищ являются Коробово (в Подмосковье), исследованное Н.А. Кренке (*Александровский и др.*, 1998. С. 338, 341. Рис. 7) и Кубринское I в районе Переславля-Залесского (*Станкевич, Вишневский*, 1987. Рис. 1). Однако при столь небольшой (сохранившейся) мощности насыпей за прошедшие века они оказались почти полностью переработаны почвенными процессами, то же произошло с заполнениями рвов, поэтому сравнение фортификации этих памятников с Ростиславлем не позволяет получить каких-то серьезных выводов (рис. 14, I, 4). Безрезультатно также сравнение Ростиславля с теми памятниками, где проводились разрезы валов, но при публикации эти разрезы были предельно схематизированы и лишены подробных пояснений (городище у д. Савики в Смоленской обл. – *Смирнов*, 1986. Рис. 1). Правда, городище Савики интересно тем, что на нем первые два этапа насыпки вала не сопровождались выкапыванием рва, появившегося только на этапе 3 – в этом видится полная аналогия Ростиславльскому валу.

Более интересно сравнение Ростиславльского вала с фортификацией Пекуновского городища, включавшей три ряда валов и три рва перед ними (*Бадер*, 1950. Рис. 32). Это единственное городище дьяковской культуры с многорядной системой валов, столь подробно исследованное археологически. На разрезе внутреннего (самого высокого из трех) вала высотой 3–4 м хорошо видно, что в его основе также сохранилась насыпь высотой около 1 м, перед которой осталось ложе рва, полностью засыпанного на следующем этапе строительства. Этому второму этапу, вероятно, соответствовал новый ров, отодвинутый в напольную сторону и фиксируемый на разрезе ближним к валу углублением на дне заплывшего рва с двумя углублениями (имеем в виду углубление в кв. 34–36) (рис. 14, б). Третий этап досыпки вала Пекуновского городища наступил после того, как этот ров заплыл: одновременно с досыпкой был выкопан новый ров, сдвинутый «в поле» на несколько метров (углубление в кв. 31–34). С этим же этапом, может быть, следует связывать появление еще двух рядов валов и рвов, вырытых перед главной линией обороны. Таким образом, на первых двух этапах развития вала Пекуновского городища шло по той же самой схеме, что и на Ростиславле. При этом заманчиво предполагать, что появление многорядной системы обороны – явление стадийное, хронологически связанное с переходом от раннедьяковской эпохи к позднедьяковской.

Сама схема наращивания высоты и мощности вала за счет расширения рва в напольную сторону была замечена впервые А.С. Сыроватко в результате исследований в 1996 г. городища в поселке Городищи (в черте г. Коломны) (*Сыроватко*, 2009. С. 63–68).

Особенно печально, что подавляющее большинство фортификаций городищ раннего железного века в лесной полосе Восточной Европы были исследованы не полностью, а частично. Таковы очень интересные фортификации Троицкого и Боршевского городищ: на последнем был частично исследован только вал, причем не раскопом, а зачисткой обнажения. Эта зачистка показала сложную структуру насыпи высотой 4–5 м, создававшейся, очевидно, в несколько этапов (*Крис*, 1986. Рис. 1), однако отсутствие разреза рва не позволяет понять эту структуру и установить количество этапов. Более или менее понятен только первый этап, во время которого был воздвигнут вал высотой 1,2 м.

Вал Троицкого городища, прорезанный узкими траншеями, так и остался неопубликованным. Впервые один из его разрезов попал в публикацию только в 1998 г. (*Александровский и др.*, 1998. Рис. 11). Этот вал сменил фортификацию, которую исследователи городища называли «жилыми стенами», документированными лишь планами их следов на материке (*Дубынин*, 1970; *Розенфельдт*, 1970). Эта линия построек была окружена рвом, частично засыпанным после того как с внешней стороны от него был возведен вал и второй (внешний) ров. Судя по разрезу вала и следам засыпанных рвов (рис. 14, 5), возведение этой фортификации происходило не менее чем в три этапа, с последовательным отодвиганием рва «в поле» и наращиванием высоты и ширины насыпи.

Итак, Ростиславльский вал обнаруживает множественные черты сходства с валами других городищ раннего железного века средней полосы Восточной Европы и, прежде всего, относящихся к дьяковской культуре. Он сменил раннюю фортификацию в виде однорядного частокола, нижние концы бревен которого были впущены в глубокую канавку, вырытую в материке. Этот частокол не только перегораживал мыс, но и продолжался по его склонам, т. е., вероятно имел замкнутый контур (рис. 4). Такую же систему фортификации имели и другие городища – Дьяково, Луковня, Боршева, под валами которых с их тыльной стороны фиксируются частокольные канавки (*Кренке*, 1986. Рис. 1; *Крис*, 1986. Рис. 1; *Александровский и др.*, 1998. Рис. 3). Н.А. Кренке считает, что на Дьяковом городище канавка оставлена изгородью типа плетня, поскольку столбовые ямки зафиксированы с интервалом 5–20 см (*Кренке*, 2011, С. 30). Однако плетень не требует отрывания канавки шириной в 20 см и глубиной до полуметра – такая канавка необходима только в том случае, если в нее устанавливаются обрубленные снизу бревна соответствующей толщины, причем устанавливаются вплотную друг к другу. И в Дьякове, и в Ростиславле дно частокольных канавок было неровным, что и создавало впечатление более глубоких столбовых ям.

Частоколы использовались повсеместно, но очень недолго – нигде (кроме Ростиславля) не встречены многорядные системы, которые указывали бы на смену одного частокола другим. Ростиславль пока выглядит исключением на этом фоне, однако создается впечатление, что эта исключительность объяс-

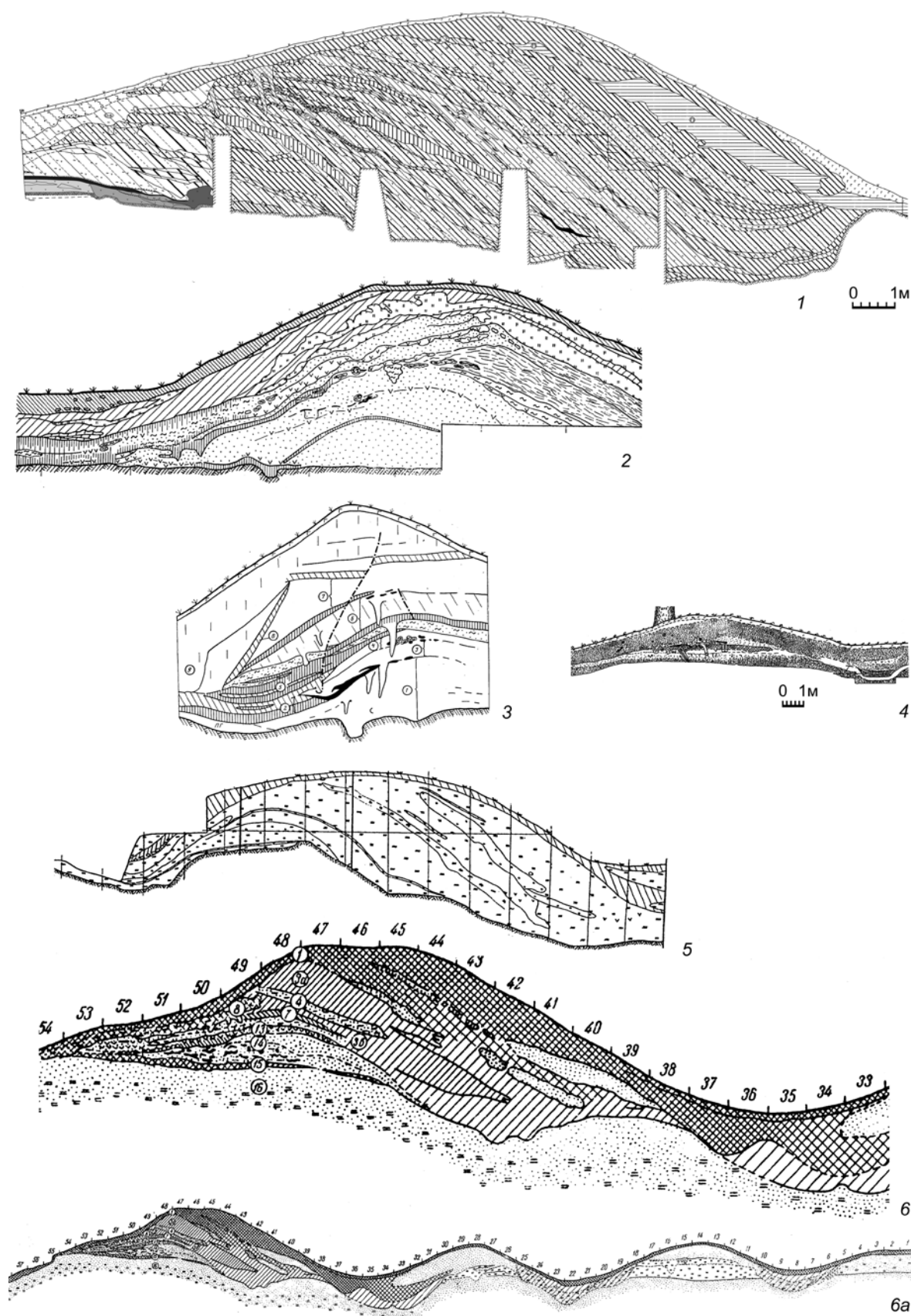

Рис. 14. Разрезы валов на городищах Ростиславль (1), Боршева (2), Дьяково (3), Коробово (4), Троицкое (5), Пекуново (6). Разрезы 1, 2, 3, 5, 6 приведены к одному масштабу, разрезы 4, 6 – в масштабе 1:2 по отношению к остальным

няется только большим объемом площадных вскрытий. Сам частокол, кстати, вряд ли выглядел так же, как средневековые фортификации. Надо думать, что он не имел заостренных завершений, был невысок (не выше роста человека) и недостаточно плотен, т. е. бревна устанавливались с зазорами, могли быть искривлены. Внешний вид такого «частокола», вероятно, был не слишком грозным.

После обветшания и ликвидации частоколов перед ними с напольной стороны (всегда именно в этой позиции) стали насыпаться валы, высота которых на первом этапе колебалась в пределах 1,0–1,2 м (с учетом возможной осадки грунта первоначальная их высота могла достигать 1,5 м). Эти первоначальные насыпи создавались довольно быстро из материкового грунта, почвенных горизонтов и иногда, как на Ростиславле, из культурного слоя предшествующих эпох. В основании валов часто обнаруживаются сгнившие или обугленные бревна и жерди, лежавшие совершенно хаотично (Ростиславль, Троицкое, Луковня). На гребнях этих валов тоже иногда фиксируются остатки обугленных бревен и веток (Дьяково, Троицкое, Кикино, Кубринское) или сгнившие растительные остатки (Ростиславль), залегающие параллельно оси вала. Значит, с самого начала возведения валов на их гребнях стали создавать «баррикады» из бревен и веток, может быть из целых срубленных деревьев. Такая изгородь была более эффективна, чем частокол, который пришлось бы вкапывать в рыхлый грунт, и менее трудозатратна, поскольку не требовала одномоментной заготовки сотен ровных стволов с обрубленными сучьями. Судя по имеющимся сегодня радиоуглеродным датам, строительство валов началось на большинстве городищ лесной зоны почти одновременно, и этот момент приходится на IV–III вв. до н.э. Вероятно, временной промежуток начала фортификационного строительства был в действительности еще более узок – на протяжении жизни одного-двух поколений, а имеющиеся различия в датах во многом связаны с тем, что часть городищ возникла позже остальных (к числу таковых относится, видимо, и Ростиславль).

В последующие два-три века на всех городищах лесной зоны (где жизнь не остановилась по какой-либо причине) протекал один и тот же процесс: их жители постоянно наращивали высоту валов. После исчерпания резервов грунта на площадках городищ для его добычи стали выкапывать рвы перед валом. В дело также шли органические остатки, скапливавшиеся на площадке, в первую очередь навоз животных. По мере дальнейшего, практически непрерывного, строительства рвы расширялись в напольную сторону и углублялись, превращаясь во все более серьезную дополнительную преграду и увеличивая перепад высот на валу. По крайней мере, на некоторых городищах в валу стали делать проход, которому соответствовала перемычка во рву. В ходе досыпок вала повышался также уровень прохода (пока это установлено только для Ростиславля). При всем этом защитные сооружения на гребнях валов оставались прежними – это были завалы из бревен и веток (или

целых деревьев), уложенных довольно хаотично, но в целом вдоль оси вала. Видимо, такие же завалы перекрывали и проход в валу.

Если верны наблюдения, сделанные на Троицком городище, то в первые века новой эры жители городищ переходят к сооружению многорядных преград, когда перед основным валом и рвом воздвигаются еще один-два ряда более мелких по размерам валов и рвов. Такое усовершенствование можно объяснить более широким использованием атак на городища с помощью конницы. Дополнительные валы и рвы, ослабляя оборону (давая укрытие противнику), заставляли его все же спешиваться. Видимо, именно в этот период стали широко применяться конные атаки, позволявшие неожиданно и очень быстро подойти к валу, преодолеть его и ворваться на площадку городища.

На Ростиславле почему-то этот этап оказался «пропущен». Более того, накануне его был ликвидирован ров, а вместе с тем и проход в валу. Возможно, высота вала, достигшая 5 м, была достаточна для отражения подобных атак, не исключено также, что существовали какие-то иные (не дошедшие до нас) преграды, затруднявшие подходы к валу. Не исключен также перерыв в жизни городища, поскольку материалы первых веков н.э. на Ростиславле представлены локально и не составляют отдельного слоя. В ходе этого перерыва на городищах дьяковской культуры наряду с «баррикадами» стали сооружаться деревянные «заборы», венчавшие валы и позволявшие укрыться от вражеских стрел (см. городище Кикино).

Более отчетливо выделяется тот горизонт позднедьяковской эпохи, который маркируется лощеной керамикой и посудными дериватами мощинских и рязано-окских форм, железными двушипными наконечниками стрел, известняковыми жерновами, шпорой, пряжками северопрichernоморского типа и др. Не исключено, что некоторые из этих предметов (например, шпора, пряжки и трехлопастные наконечники стрел) могли попасть на городище в ходе его штурма и разорения (стратиграфически выраженного в горизонте «большого пожара») в V в. н.э., поставившего точку в жизни этого памятника (Тавлинцева, 2010). Однако никаких явных следов фортификации этого последнего этапа жизни городища не сохранилось.

Подведем итог нашему исследованию.

1. Ростиславльское городище представляет типичный пример развития фортификации укрепленных поселений Волго-Окского междуречья III в. до н.э. – I в. н.э., прошедшей путь от однорядного частокола до системы ров – вал – «баррикада».

2. Защитные сооружения на гребнях валов подобных городищ состояли, судя по имеющимся археологическим источникам, из «баррикад», образованных наваленными вдоль оси вала бревнами, жердями, ветками (или целыми деревьями) и служивших укрытием защитникам.

3. Проходы в валах появились тогда, когда высота этих валов превысила 1,5–2,0 м и их преодоление стало затруднительно для самих жителей городища. Проходу в валу соответствовала перемычка во рву.

4. Валы городищ Дьякова типа не были полноценными фортификационными сооружениями. Они воздвигались в значительной части из культурного слоя и органики (в том числе навоза), скапливавшегося на площадках городищ, и предназначались для отпора нападениям противника, не имевшего настоящего наступательного вооружения, т. е. вооруженного луками и стрелами. В такой перестрелке защитники

городища, прикрытые «баррикадой» из бревен и веток, были невидимы остававшимися без какого-либо укрытия атакующими. Следовательно, валы таких городищ выполняли сразу две функции: свалки мусора и нечистот с поселения и заграждения на случай военного столкновения с противником, не имевшим никаких навыков ведения войны, осад и штурма укреплений.

Литература

- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е., 1998. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмоскowie // ТАС. Вып. 3. Тверь.
- АКР. Ч. 2. М., 1995.
- Бадер О.Н., 1950. Древние городища на Верхней Волге // МИА. № 13.
- Вишневский В.И., 2007. Оборонительные сооружения и постройки позднедьяковского населения Верхнего Поволжья (I – V вв. н.э.): по материалам раскопок Кикинского городища // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь.
- Гольева А.А., 2011. Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук // АП. Вып. 7. М.
- Дубинин А.Ф., 1970. Троицкое городище // МИА. № 156.
- Коваль В.Ю., 2011. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // АП. Вып. 7. М.
- Кренке Н.А., 1986. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186.
- Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.
- Крис Х.И., 1986. Вал Боршевского городища // КСИА. Вып. 186.
- Медведь А.Н., 2009. Укрепления раннего железного века на городище Ростиславль (предварительные итоги исследования) // АП. Вып. 5. М.
- Розенфельд Р.Л., 1970. К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // МИА. № 156.
- Смирнов К.А., 1986. Раскопки городища у д. Савики // КСИА. Вып. 186.
- Спицын А.А., 1903. Городища Дьякова типа // ЗОР-СА. Т. V. Вып. 1.
- Станкевич И.Л., Вишневский В.И., 1987. Городище дьяковской культуры Кубринское I // КСИА. Вып. 194.
- Сыроватко А.С., 2009. Юго-Восточное Подмоскowie в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.
- Тавлицева Е.Ю., 2010. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тыс. н.э. // АП. Вып. 6.

V.Yu. Koval

Fortification of Rostislavlskoe hillfort of the Early Iron Age in the context of Dyakovo cultural monuments

Summary

Publication's continuation of one of the biggest rampart's section (5 m height) on Dyakovo culture settlements (early Iron Age) in central zone of Eastern Europe. Was suggested a hypothesis that on crests of such ram-

parts (and in the aisles between them) were not walls and stockades as was supposed earlier, but blockages of logs and tree branches (a sort of barricades).

А.А. Гольева

Скорости преобразования культурных слоев почвенными процессами¹

В результате поселенческой активности люди кардинально и в ряде случаев необратимо меняют окружающие ландшафты: вырубая леса, распахивают окрестные земли, заменяют естественную растительность на интродуцентную. Наиболее интенсивные преобразования происходят непосредственно на участке самого поселения. В процессе обживания и обновления ветхих жилищ идет формирование специфических толщ – культурных слоев (Сычева и др., 2008, С. 651–675). Состав этих слоев неоднороден, зависит от характера домостроительства – деревянное, саманное, каменное. В тоже время, в них есть много общих черт – щелочная реакция строительных растворов, высокая концентрация валового фосфора, органического углерода, карбонатов, аморфного кремнезема. Высказано предположение, что фосфор, поступающий с бытовым и хозяйственным мусором в почву поселения, образует сложные органо-минеральные соединения с органикой и золой, которые обладают чрезвычайно высокой устойчивостью (Гольева, 2009, С. 260–261). Помимо фосфора, культурные слои поселений зачастую обогащены известняком, гипсом и иными минеральными остатками, поскольку люди специально приносят их для создания стен, перекрытий, полов и т. п. (Гольева, 2004, С. 24–34; Гольева и др., 2010, С. 60–65). В поселенческих горизонтах (культурных слоях) формирование специфического облика напрямую зависит от типа и интенсивности хозяйственного использования территории. Наиболее устойчивые и морфологически значимые элементы для последующего анализа естественными методами формируются при воздействиях, связанных с производственной деятельностью человека, в местах интенсивного бытования, а, например, улицы, хозяйственные дворы и т. п. формируют маломощный горизонт, где информационная емкость невелика (Гольева, 2006а, С. 137–149).

После ухода людей с обжитого участка постройки разрушаются, зарастают травами, начинается процесс почвообразования в толще созданного ранее культурного слоя, формируются новые почвы, на-

званные нами палеоурбаноземы (Гольева, Зазовская, 2008, С. 617–638).

Вопросы формирования непосредственно культурных слоев поселений, их специфика, скорости преобразования в современной почвенной литературе освещены достаточно полно (Александровский и др., 1998, С. 3–13; Гольева, 2004, С. 24–34; 2006б, С. 85–111; 2009, С. 55–72; Кайданова, 2006, С. 270–280; Сычева, 2006, С. 45–56; Сычева и др., 2008, С. 651–675). В гораздо меньшей степени изучена проблематика постселитебного преобразования ландшафта процессами почвообразования (Гольева и др., 2006, С. 250–254), формирования палеоурбанозем. Учитывая известный исторический факт, что значительные площади прибрежных террас и даже водоразделов в прошлом были заселены (Гравес, Галкин, Низовцев, 2009, С. 43–55), знания о направленности и скоростях преобразования культурных слоев актуальны.

В связи с этим основной целью данной работы является определение направленности, степени и скорости преобразования почвенными процессами участков древних поселений.

Объекты исследования

Работы проводились на двух археологических памятниках Московской области: комплекс селищ Дунино в Звенигородском районе (археолог А.В. Алексеев) и городище Ростиславль в Озерском районе (археолог В.Ю. Коваль) (рис. 1). Среднегодовая температура области +3 градуса, среднегодовое количество осадков 550–600 мм. Природная зона – южная тайга.

Объектами исследований стали поверхностные горизонты заброшенных поселений, а так же расположенные рядом фоновые почвы.

Дунино (55°43'20,7" с.ш. 36°55'35,1" в.д.). Были исследованы почвы (палеоурбаноземы), сформированные в одинаковых природно-климатических и геоморфологических условиях, на заброшенных культурных слоях двух поселений, а также расположенная рядом фоновая почва.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 11-05-00967.

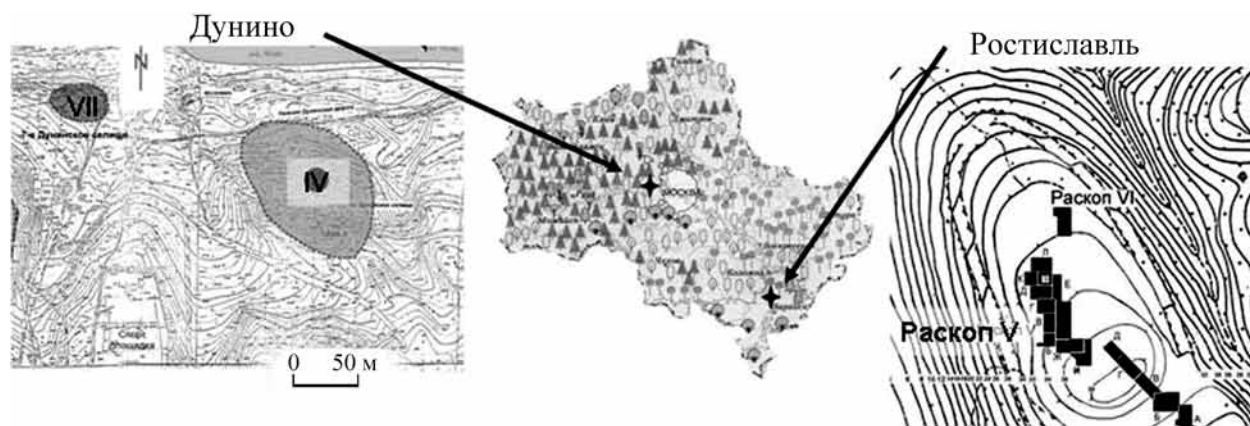

Рис. 1. Географическое положение объектов исследования на территории Московской области

Современная растительность – сосновый лес с примесью мелколиственных деревьев и кустарников в подросте. Травянистый покров развит хорошо, богатый видовой состав, типичный для неморальной флоры (аконит, ландыш, глухая крапива, вероника, вороний глаз, сныть). Почвообразующая порода в обоих случаях – крупно- и среднезернистый связный песок. Зональная почва – ржавозем. Геоморфологическое положение обоих участков одно – первая надпойменная терраса, сформированная древнеаллювиальными отложениями.

Основным различием был возраст палеоурбаноземов, т. е. период, прошедший после забрасывания поселения. Объект Дунино 4 (селище раннего железного века, дьяковской культуры) прекратил функционирование около V века н.э., другое селище, Дунино 7, относится к средневековью (XII–XIV и XVI–XVII вв.). Объекты моногенетичны, т. е. поселения не содержат артефактов других культур. В обоих случаях сформировавшиеся культурные слои были в основном мало-мощными, созданными на песках.

Таким образом, мы имеем хроноряд из двух различных по длительности процессов постселитебного восстановления почв – порядка 1500 и 500 лет, а также современную фоновую почву.

Кроме того, поскольку поселенческие ландшафты, как правило, многоплановые, то в обоих случаях изучены по два разреза – участки хозяйственных ям и археологически стандартные культурные слои без выделения хозяйственных зон.

Ростиславль (54°52'33" с.ш. 38°37'59" в.д.). Исследованы почвы, сформированные на месте расположения древних жилищ. Проведено сравнение их свойств с фоновыми аналогами.

Современная растительность – сосново-лиственный лес, почвообразующая порода – пылеватые суглинки, зональные почвы – дерново-подзолистые.

Исследованы свойства палеоурбанозема на месте жилищ дьяковской культуры (РЖВ) и фоновой почвы. Длительность процесса почвообразования на этом участке составляла 1500 лет. Таким образом, появляется возможность сравнивать степень и скорость восстановления зональных почвенных свойств в зависимости от: 1) длительности постантропогенного

периода (объекты Дунино IV и VII); 2) гранулометрического состава при одновременном запустении (Ростиславль и Дунино IV); 3) интенсивности антропогенного преобразования исходного ландшафта (хозяйственные ямы и «обычные» культурные слои обоих объектов Дунино)

Методы исследования

С целью уточнения получения новых данных о скоростях процессов почвообразования (процессов преобразования культурных слоев поселений природными процессами) были определены гранулометрический состав и основные химические свойства фоновых почв и всех разрезов с культурными слоями (рис. 2–5).

Результаты исследований

Дунино

По гранулометрическому составу (рис. 2) вся территория представлена крупнозернистыми песками.

Дунино 4. Хозяйственная яма дьяковского времени, южная стенка. В разрезе была вскрыта стенка ямы до глубины 60 см. Вся толща ямы представлена относительно однородным темно-серым гумусированным заполнением. К низу интенсивность серой прокраски нарастает вплоть до черного. В нижней части видны мелкие угольки.

Распределение почвенной кислотности имеет сходный тренд с другими разрезами – наблюдается некоторое подкисление сразу же под подстилкой с дальнейшим уменьшением кислотности с глубиной (рис. 3). Содержание органического вещества высокое и очень высокое по всему профилю, что абсолютно не типично для песчаных почв таежной зоны (рис. 4). Содержание валового фосфора практически во всех образцах соответствует природным нормам, но характер распределения элемента не типичен для естественных почвенных разрезов. Фосфор распределен ровно, без уменьшения количества с глубиной, даже наблюдается некоторое увеличение значений на глубинах 20–22 см и 60–62 см. В самом нижнем из рассмотренных горизонтов содержание фосфора максимальное среди всех в данном профиле, что, безусловно, связано с антропогенным генезисом всей толщи (рис. 5).

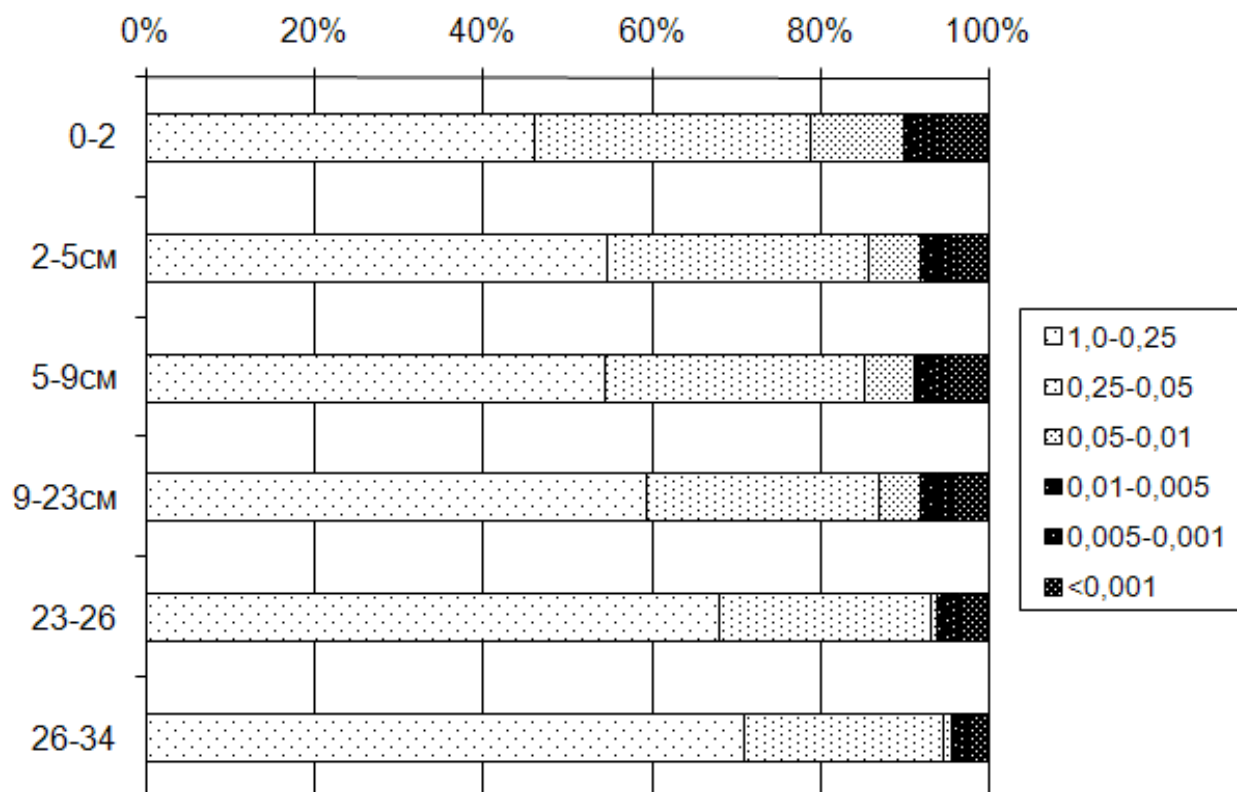

Рис. 2. Гранулометрический состав почв и культурных слоев объекта Дунино.
Цифрами показана размерность фракции в миллиметрах

Восточная стенка (обычный культурный слой). Культурный слой полностью преобразован процессами почвообразования, т. е. визуально в стенке разреза как самостоятельный слой не определяется. Почва более кислая – величины pH ниже, чем в разрезе на южной стенке. Хотя общий тренд распределения кислотности тот же – наиболее кислыми являются горизонты под подстилкой, далее кислотность постепенно уменьшается. Органические горизонты обогащены органикой, с глубиной ее содержание резко падает. Фосфора относительно много лишь в верхних органических горизонтах, в отличие от минеральных горизонтов почв. Можно отметить лишь ровное высокое содержание валового фосфора до глубины 12 см, что не характерно для песчаных почв таежной зоны.

Дунино 7. Древнерусская эпоха. Хозяйственная яма. Вся толща ямы представлена однородным темно-серым (до черного) гумусированным заполнением. Интенсивность серой окраски нарастает вниз по профилю ямы. Согласно данным химических анализов, грунт имеет нейтральную среду почвенных растворов по всей толще. Подкисление подподстилочного горизонта не выявлено. Количество органического вещества высокое во всей исследованной толще, что однозначно связано с искусственным генезисом объекта. Содержание валового фосфора

имеет ярко выраженный иллювиальный характер – оно увеличивается с глубиной, что абсолютно не соответствует требованиям для природных объектов. Это, вместе с относительно высокими количественными данными, также указывает на сильное влияние хозяйственной деятельности человека при формировании всей толщи.

Восточная стенка (культурный слой). Средневековый культурный слой полностью преобразован процессами почвообразования и визуально (макроморфологически) не определяется. Сформировалась дерновая почва без характерных морфологических признаков культурных слоев – резких границ и переслоев различного цвета, но и без признаков оподзоливания.

Распределение pH: наблюдается некоторое подкисление почвы сразу под подстилкой с дальнейшим увеличением величин с глубиной. Органического углерода много в подстилке с резким убыванием вниз по профилю, что также типично для зональных почв. Но характер распределения валового фосфора не типичен для естественных почвенных горизонтов: не наблюдается уменьшения значений вплоть до глубины 22 см, да и ниже нет резкого падения данных, что должно было быть в минеральных горизонтах естественных почв.

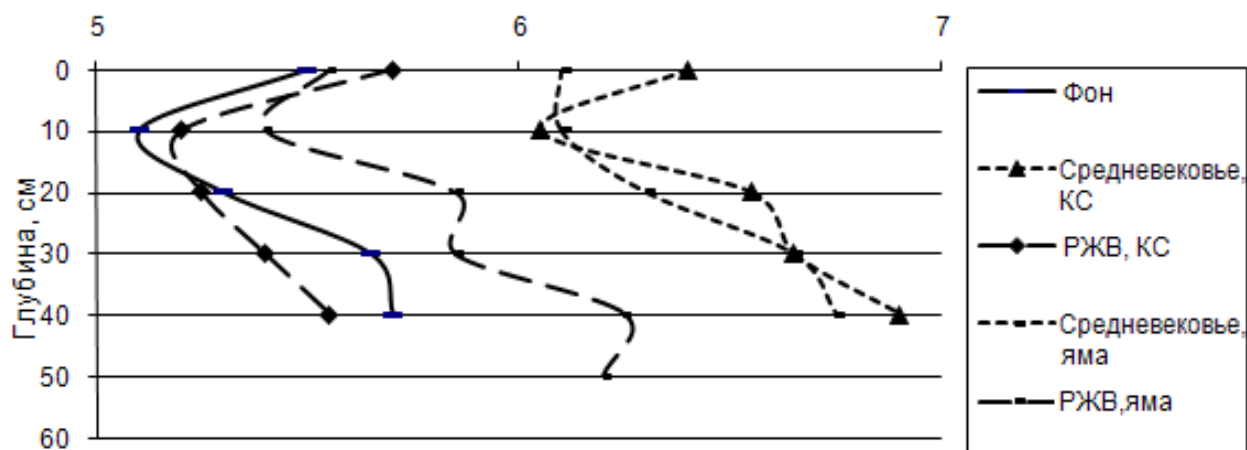

Рис. 3. Дунино. Распределение значений pH по профилям почв

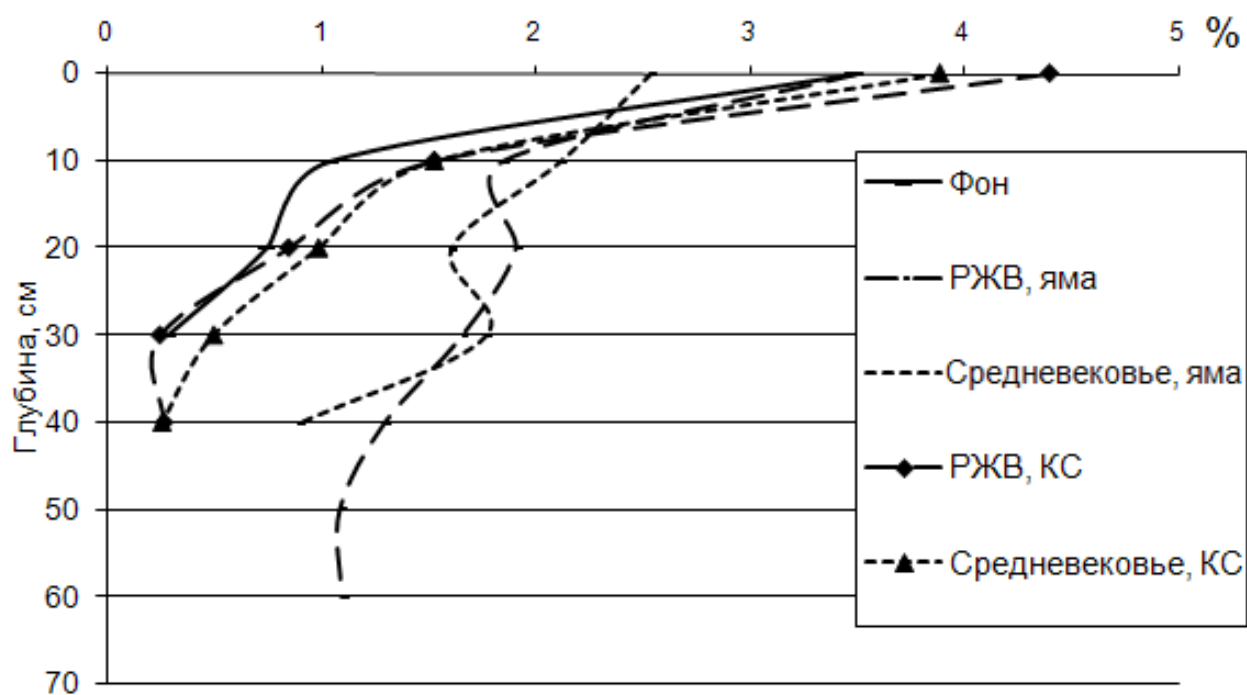

Рис. 4. Дунино. Содержание органического углерода (%) в разновозрастных палеоурбаноземах и фоновой почве

Общие выводы по изученным разрезам в Дунино

В большей части разрезов на месте культурных слоев вскрыты типичные дерновые почвы. Лишь насыщенность этих почв археологическим материалом, позволяет воспринимать эти горизонты почв как культурные слои поселений. Следовательно, после ухода людей вся толща полностью проработана процессами почвообразования, которые уничтожили резкие переходы одного слоя в другой, что является одним из четких диагностических признаков куль-

турного слоя в почвоведении. Основные химические свойства большинства исследованных объектов (кислотность почвенных растворов, содержание и распределение органического углерода) соответствуют требованиям для дерновых почв, т. е. произошла глубокая перестройка профиля. Так органическое вещество в обоих разрезах (исключая разрезы ям) имеет аккумулятивное распределение с максимумом в подстилке и постепенным убыванием с глубиной, что типично для современных дерновых почв. Повышенная кислотность подподстилочных горизонтов

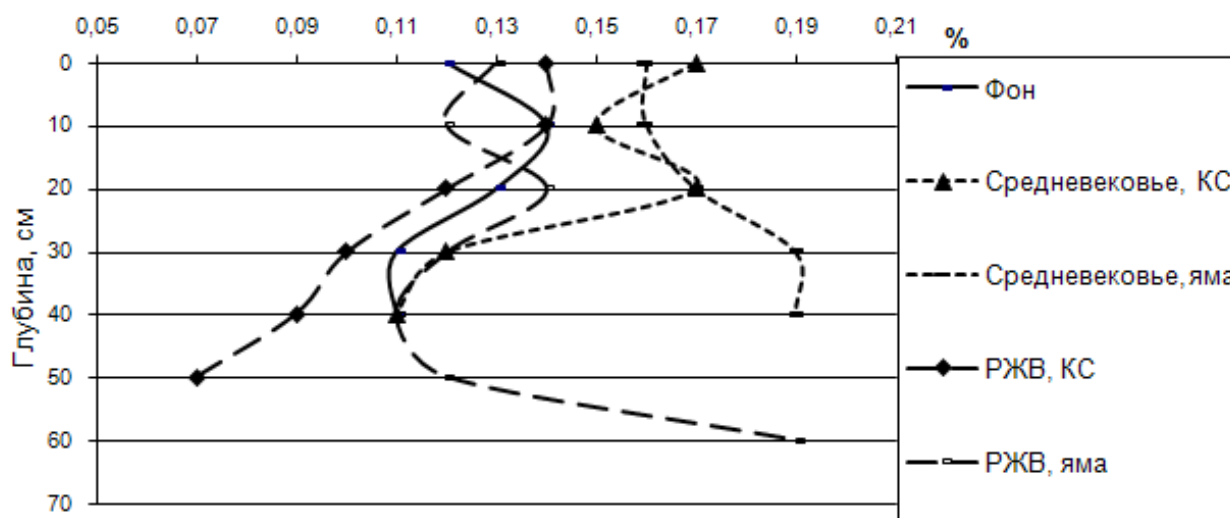

Рис. 5. Дунино. Содержание и распределение валового фосфора

изученных почв указывает на начало проявления процесса кислотного гидролиза, т. е. оподзоливания. Это делает возможным уверенно говорить о будущем этих почв как типичных подзолов. То есть фиксируются начальные стадии перехода интразональных дерновых почв в зональные подзолы.

Единственным параметром, который сохранился от древней антропогенной истории участка, является характер распределения валового фосфора. Ровный характер распределения валового фосфора позволяет диагностировать антропогенное прошлое этих участков и говорить о том, что почвы прошли через стадию культурных слоев. Кроме того, наличие дерновых почв на песках в южно-таежной зоне кислых почв и железистых подзолов не типично и является косвенным доказательством антропогенного преобразования исходной почвы.

Только объекты, где антропогенная деятельность была максимальной (ямы), сохранили специфические свойства культурных слоев — высокое содержание гумуса и валового фосфора во всей исследованной толще. Более того, даже такой динамичный фактор, как почвенная кислотность, не показал проявления процессов оподзоливания в яме на Дунино 7. Безусловно, это связано с длительностью действия этих процессов. Яма на селище Дунино 4 гораздо более древняя (РЖВ), значит, несколько сотен лет оказалось недостаточно для подкисления верхних горизонтов почвы, а после полутора тысяч лет процесс кислотного гидролиза уже хорошо диагностируется.

Ростиславль Рязанский

Исследования проводились на городище дяковской культуры, расположенном в мысовой части, на правом берегу р. Ока. Культурные слои городища и фоновая почва исследованы ранее, результаты опубликованы (Гольева, 2004. С. 24–34). В данной работе

эти данные частично повторяются для более наглядного сравнения полученных результатов и выводов.

Городище формировалось на пылеватых суглинках (рис. 6). Исходными почвами являлись зональные дерново-подзолистые, обладающие всеми типичными для этих почв свойствами: кислыми значениями почвенных растворов, полным отсутствием карбонатов, небольшими величинами органического углерода с резким уменьшением значений вниз по профилю. Все эти свойства хорошо отражены и в нашей фоновой почве.

В то же время, в верхних горизонтах фоновой почвы валового фосфора несколько больше нормы, хотя аккумулятивный характер распределения элемента четко выражен: максимум на поверхности и убывание с глубиной (рис. 7, 1). Повышенное содержание валового фосфора в верхней части разреза указывает на то, что его можно назвать фоновым условно, поскольку эта почва в прошлом также прошла через стадию антропогенного воздействия. Но оно было незначительным, так как все остальные свойства почвы соответствуют показателям зональных почв.

Палеоурбанозем, сформированный на месте серии жилищ (раскоп 5-Д) имеет совсем другие свойства. Например, он обогащен органическим веществом (рис. 7, 2). Содержание органики неровное, но даже на глубине 50 см его практически 2%, что характерно для черноземов, т. е. почв степной зоны. Есть в профиле карбонаты кальция (рис. 7, 3), содержание которых составляет более 1,5% на глубине 35 см, что также типично для почв степной зоны. Четко выделяется максимум на глубине 40–45 см, с постепенным убыванием с глубиной. То есть, процесс растворения и вымывания карбонатов вниз по профилю здесь не наблюдается. Можно отметить выщелоченность от карбонатов лишь верхних 0–5 см.

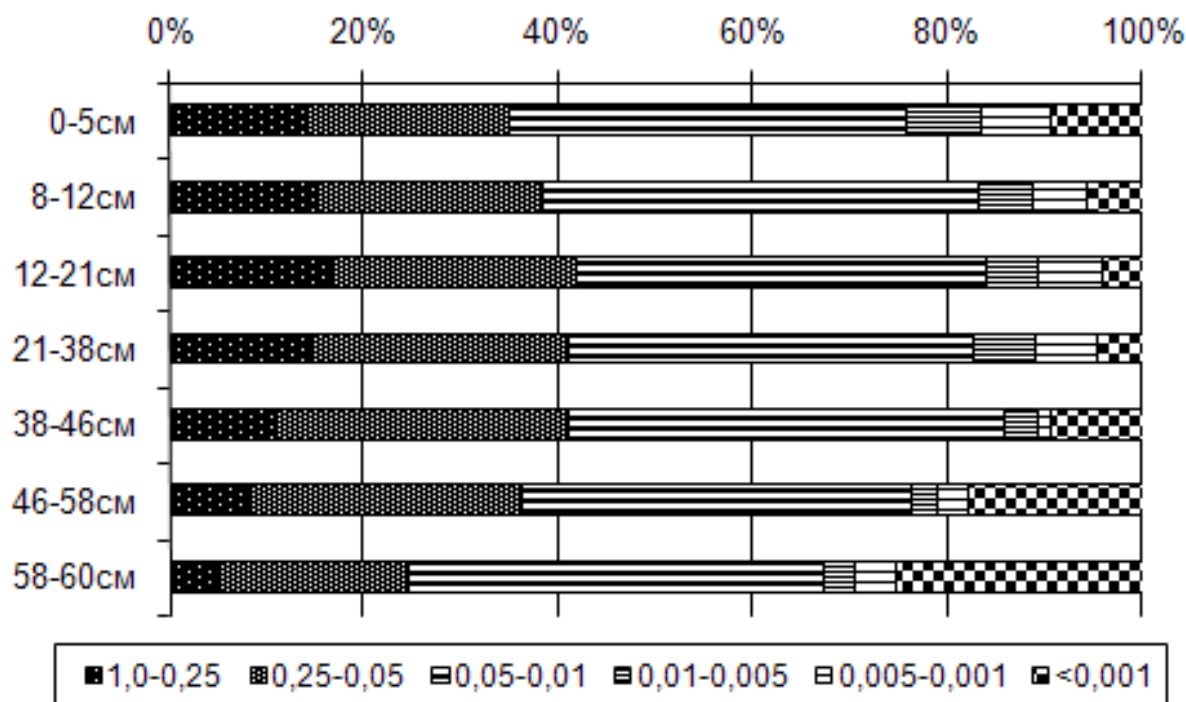

Рис. 6. Ростиславль. Гранулометрический состав фоновой почвы

Валового фосфора много непосредственно на современной поверхности и очень много, начиная с 10–15 см от поверхности. А на глубине 40–50 см фосфора практически в 20 раз больше требуемых величин для поверхностных горизонтов зональных почв. Даже на глубине 60–70 см фосфора больше нормы, что позволило в свое время предположить искусственный генезис слоя. Это нашло подтверждение при дальнейших раскопках, когда под этим бурым слоем, ранее считавшимся началом исходной породы (материком), был выявлен еще один горизонт обживания с аномально высоким количеством фосфора (Гольева, 2004. С. 24–34). Так же, как и с карбонатами, можно отметить некоторое уменьшение количества фосфора в верхних 5 см палеоурбанозема. Безусловно, это указывает на то, что растения поглощают данный элемент корнями для создания надземной массы, но вероятно запасы этого элемента были столь велики, что даже через 1500 лет количество фосфора многократно превышает норму.

Общие выводы

На легких по гранулометрическому составу породах в толще культурных слоев на обоих исследованных объектах произошла глубокая перестройка профиля. За 400–500 лет почвообразованием уничтожены резкие переходы между прослойками культурного слоя. Исключение составляют объекты, где антропогенная деятельность была максимальной (например, хозяйственные ямы) — они сохранили специфические свойства культурного слоя: высокое содержание гумуса и валового фосфора во всей исследованной толще даже спустя 1500 лет.

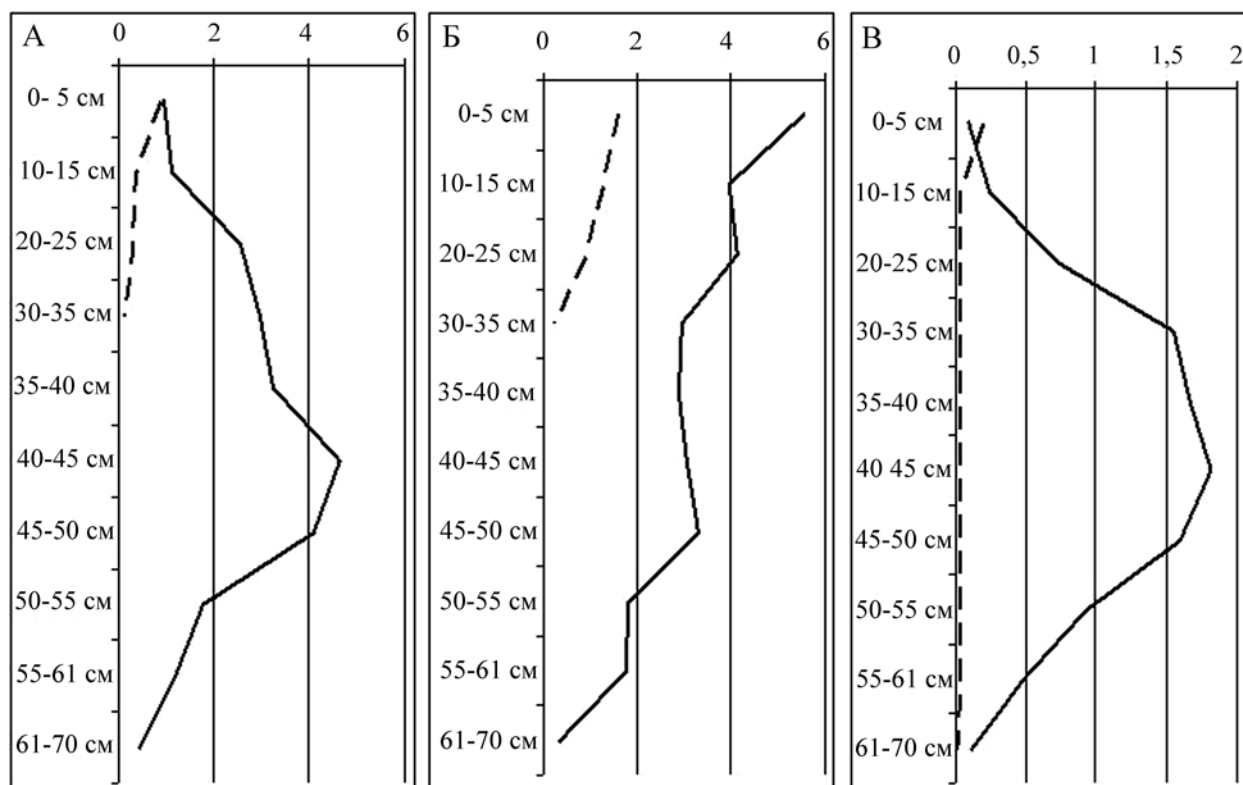
На более тяжелых по гранулометрическому составу породах высокие концентрации валового фосфора, органического углерода, углерода карбонатов сохраняются в почвах более полутора тысяч лет. Скорости преобразования этих поселенческих горизонтов почвенными процессами неизмеримо меньше.

Выявлена взаимосвязь длительности почвообразования с сохранностью характерных свойств КС. Степень устойчивости признаков по возрастанию: $C_{орг.} < pH < P_2O_{5вал.}$

Сохранность информации возрастает с глубиной. Чем мощнее искусственно созданный горизонт, тем больше информации сохраняется в его нижней части, она многограннее, полнее и устойчивее. В этом ряду наименее устойчивыми являются почвы, где деятельность человека затрагивает лишь непосредственно поверхность или, в крайнем случае, самые верхние 0–5 см почвы, а наиболее устойчивыми являются культурные слои, мощность которых может достигать несколько метров, например, хозяйственные ямы.

Итак, древние поселенческие горизонты (культурные слои поселений) обладают разной степенью сохранности. Макроморфологический профиль древнего поселения может быть виден спустя много лет, но с течением времени эта толща преобразуется почвенными процессами в интразональную почву, отличительным признаком которой будет лишь наличие артефактов, т. е. формирование поселенческих горизонтов имеет обратимый характер и при снятии антропогенной нагрузки происходит восстановление ряда природных свойств почвенного тела. Время, за

Рис. 7. Химические свойства фоновой почвы и палеоурбанозема Ростиславля Рязанского

А – содержание валового фосфора; Б – содержание органического вещества; В – содержание карбонатов. Сплошной линией показаны значения для палеоурбанозема (РЖВ), пунктирной – фоновой почвы

которое возможна полная перестройка заброшенного поселенческого ландшафта, зависит в основном от гранулометрического состава исходной древней почвы, на которую пришли люди, и степени бытовой и хозяйственной активности жителей поселения.

Морфологический (макроморфологический) облик в виде дерновых интразональных почв палеоурбаноземы на легких породах приобретают уже через несколько сотен лет. Происходит полное исчезновение резких границ между исходной почвой и культурным слоем.

Аккумулятивный характер накопления органического вещества с последующим убыванием с глубиной (диагностический признак аккумулятивно-гумусовых почв) проявляется через сотни лет, как и подкисляющее действие почвенных растворов, выражающееся в усилении кислотности подподстилочных горизонтов почв гумидной зоны.

Величины валового фосфора со временем уменьшаются в верхней части сформированных почв за счет потребления этого элемента растениями, но сохраняется относительно ровный, равномерный тип распределения фосфора по профилю. При этом поздние культурные слои (Дунино 7, восточная стенка) все же содержат фосфора больше по сравнению с более древними культурными слоями. Иными словами, наблюдается уменьшение количественных характеристик при сохранении ровного типа распределения по профилю. Этот показатель является наиболее устойчивым среди всех исследованных.

В более общем виде можно заключить, что уже через несколько сотен лет в толще культурных слоев:

- происходит исчезновение резких границ между исходной почвой и культурным слоем. Скорость преобразования прямо зависит от мощности культурного слоя – чем он мощнее, тем дольше сохраняется характерная нижняя граница, и наоборот;

- в то же время, цветовые аномалии (наличие углистых или иных прослоев) могут сохраняться целиком или фрагментарно более тысячи лет даже в маломощных культурных слоях;

- со временем меняются практически все характерные признаки культурного слоя – pH, содержание и распределение органического вещества, количество валового фосфора;

- наиболее устойчивым признаком является ровный характер распределения фосфора по профилю почвы; его повышенные значения на глубине сохраняются тысячелетиями.

Итак, на поверхности древних поселений создаются специфические почвы – палеоурбаноземы, обладающие устойчивыми, повторяющимися признаками. Можно говорить о самостоятельном типе почв, выражающемся, прежде всего, в определенной инверсии основных свойств почв в зональном ряду. Так, почвы, сформированные на культурных слоях в таежной зоне, имеют свойства, характерные для почв значительно более южных – серых лесных, черноземовидных, вплоть до черноземов южных. Данная инверсия почвенных свойств аналогична

описанной ранее для пахотных почв (Русанов, 2000. С. 86–87).

Таким образом, антропогенный фактор почвообразования проявляется в виде нового глобального общего процесса формирования искусственных интразональных почв (Гольева, 2010, С. 117–122). Этот процесс характеризуется сходством ряда почвенных параметров: щелочное или нейтральное pH, обогащенность органическим и минеральным углеродом, накопление биофильных элементов, часто – повышенное содержание биогенного кремнезема. Устойчивость большинства соединений и новообразований

чрезвычайно высока, что позволяет говорить о формировании новых антропогенных интразональных почв. Равновесное функционирование этих почв неустойчиво, практически отсутствует. Оно напрямую зависит от длительности и интенсивности антропогенного воздействия, длительности постантропогенного периода, гранулометрического состава исходной породы и, очевидно, многих других факторов.

Результаты исследования позволили не только выявить разнотемпные процессы почвообразования при формировании палеоурбаноземов, но позволяют прогнозировать будущее этих почв.

Литература

Александровский А.Л. и др., 1998. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 2. М.

Гольева А.А., 2004. Комплексные естественнонаучные исследования на городище Ростиславль Рязанский // Археология Подмосковья. М.

Гольева А.А., 2006а. Естественно-научные исследования археологических памятников Подмосковья // АП. Вып. 3. М.

Гольева А.А., 2006б. Почвенные исследования археологических памятников Мякинино // АП. Вып. 3. М.

Гольева А.А., 2009. Микробиоморфные исследования культурных слоев древних поселений // АП. Вып. 5. М.

Гольева А.А., 2010. Сходство и различие агрогенных и поселенческих горизонтов почв // Генезис, географии, классификация почв и оценка почвенных ресурсов. VIII Сибирцевские чтения. Архангельск.

Гольева А.А., 2009. Фосфатизация поселенческих ландшафтов // Эволюция почвенного покрова: история идей и методы, голоценовая эволюция, прогнозы. Тр. V Международной конференции. Пушкино.

Гольева А.А., Зазовская Э.П., 2008. Особенности интерпретации антропогенной памяти почв // Память почв. Почва как память биосферно-геосферно-антропоферных взаимодействий. М.

Гольева А.А., Кольцов П.М., Чичагова О.А., 2006. Преобразование культурных слоев древних поселе-

ний аридной зоны процессами почвообразования (на примере памятников энеолита и бронзы Калмыкии) // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. М.

Гольева А.А., Хохлова О.С., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Обиденнова Г.Т., 2010. Новые данные естественнонаучных исследований поселения бронзового века Мурадымово в Башкирии // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия (Материалы III Нижневолжской археологической конференции). Астрахань.

Гравес И.В., Галкин Ю.С., Низовцев В.А., 2009. Ландшафтный анализ формирования поселенческой структуры московского региона // АП. Вып. 5. М.

Кайданова О.В., 2006. Геохимические методы изучения культурных слоев древних городов // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. М.

Русанов А.М., 2000. Об антропогенной инверсии основных свойств почв // III съезд Докучаевского Общества почвоведов (тезисы докладов). Кн. 3. М.

Сычева С.А., 2006. Культурный слой древних поселений как объект междисциплинарных исследований // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. М.

Сычева С.А., Леонова Н.Б., Пустовойтов К.Е., Седов С.Н., Чичагова О.А., 2008. Культурные слои как память об антропогенном почвообразовании и литогенезе // Память почв. Почва как память биосферно-геосферно-антропоферных взаимодействий. М.

A.A. Goleva

Speed of conversion of cultural layers by soil processes

Summary

Cultural layers of settlements contain some chemical elements missing in zonal soils. Soils made on cultural layer often have little in common with background soils of natural zone even after hundreds, sometimes thousands of years. It is possible to talk about an independent type of intrazonal soils, special inversion of soil's major

attributes in zonal line. Hereditary and the newly formed attributes of different aged paleourbanozem are shown on concrete examples; speed of conversion is defined depending on granulometric composition, intensity of last anthropogeny and soil's age.

Н.А. Кренке, С.Н. Чаукин

История исследования городища Круглица в 1956 и 1957 годах¹

В серии книг по историографии, написанных А.А. Формозовым (*Формозов*, 1979; 1988; 2007), прослежена история археологического изучения Подмосковья от начала XIX в. до 1970-х годов. Тем не менее, тема не может считаться исчерпанной. Особенно ощутимы пробелы в описании «неакадемической» археологии 1920-х – 1950-х годов. «За кадром» остались многие исследователи, внесшие существенный вклад в развитие наших знаний об археологических памятниках Подмосковья. Собственно говоря, именно они составляли ту среду, которая, с одной стороны, «впитывала» результаты достижений академической науки, а с другой, – не только поставляла новые находки, но и указывала новые «цели», развивала саму методику раскопок. Первым в ряду таких «забытых» археологов стоит А.В. Чаянов, существенно опередивший своими работами 1928 и 1929 гг. в округе Николиной Горы археологическую науку тех лет (*Кренке*, 2007; *Чаянов*, 2007), хотя он и не был сотрудником ни одного археологического учреждения. Амбивалентна фигура К.Я. Виноградова, одного из активнейших полевых археологов Подмосковья 1920-х – 1930-х годов, сотрудника и ученика В.А. Городцова. Его след остался в основном в виде отчетов и коллекций, и гораздо меньше в виде публикаций. К сожалению, он «отдал дань» своему времени, посылая компрометирующие материалы на коллег в Главнауку. Обвинения его, правда, были не политические, а в небрежности раскопок².

В первое послевоенное десятилетие много было сделано для изучения археологии Подмосковья сотрудниками Областного краеведческого музея. И здесь, в первую очередь, привлекает внимание фигура Леонида Ивановича Пимакина (1908 – начало 1980-х). Л.И. Пимакин с 1929 по 1932 гг. учился в МГУ (1-й курс) и в Ленинградском историко-лингвистическом институте по специальности музеведение-археология. Самостоятельную экспедиционную археологи-

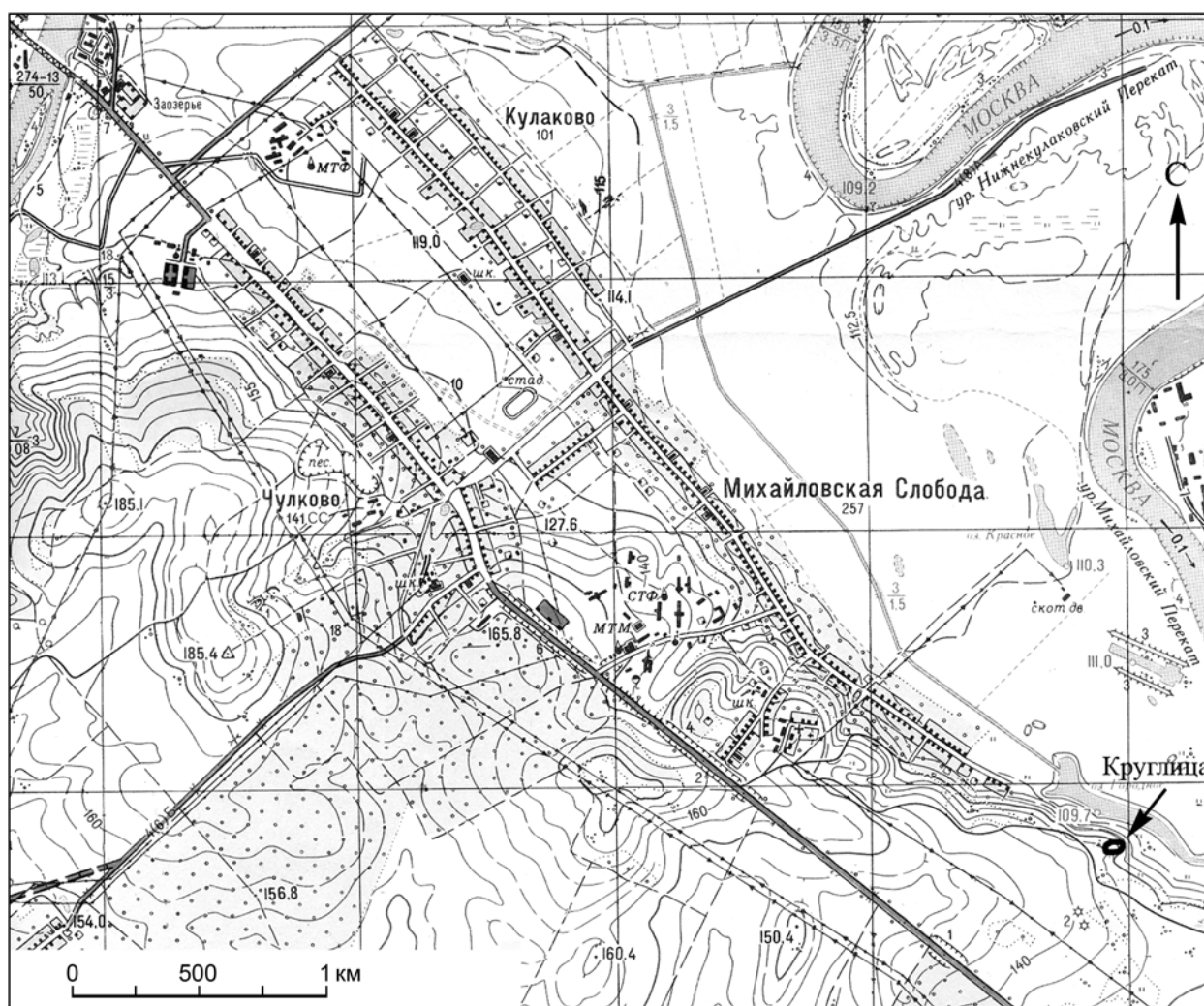
ческую деятельность он начал в 1939 г., обследовал памятники эпохи неолита и бронзы в бывшем Коробовском, Ногинском, Солнечногорском и Клинском районах Московской области. Попав рядовым на фронт, был демобилизован после тяжелой контузии. Важнейшей заслугой Л.И. Пимакина является то, что после войны им были найдены среди руин музея в Истре многие коллекции и документы, сделаны копии с довоенной учетной документации.

Главным археологическим предприятием Л.И. Пимакина в послевоенные годы стали раскопки 1956 и 1957 гг. городища дьякова типа Круглица (оно же Дурниха, Долгий бугор), расположенного на Москверке в Раменском районе (рис. 1–3). В момент проведения раскопок они являлись пионерскими, так как до этого широкой площадью никто не исследовал ранние слои городищ дьякова типа в Подмосковье. Описанию истории и методики этих раскопок и посвящена данная статья. Материалы раскопок Круглицы, имеющие важное значение, до сих пор почти не введены в научный оборот. В работе К.А. Смирнова даны ссылки лишь на некоторые вещи (*Смирнов*, 1974). Наиболее эффектная находка – костяная булава с зооморфным навершием была опубликована Е.И. Горюновой (1961. Рис. 60, 1), но приведенный ею рисунок схематичен и не передает многих особенностей вещи. Единственная детально опубликованная находка с Круглицы – это орнаментированный рогатый кирпич (*Сыроватко*, 2003. Рис. 3, 3).

Материалами для написания данной статьи явились два отчета Л.И. Пимакина, хранящиеся в архиве Института археологии РАН (*Пимакин*, 1956; 1957), а также документы личного архива исследователя, хранящиеся в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» в г. Истра. Архив Л.И. Пимакина включает фотографии процесса раскопок и находок, описи находок, статистику находок по слоям, учетные карточки на каждый квадрат, составлявшиеся школьниками при раскопках,

¹ Авторы благодарят за помощь сотрудниц Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» Н.И. Сафонову и С.В. Белову.

² Архив ИИМК. Ф. 2/1929. Ед. хр. 178.

и, главное, полевые дневники. Часть экспедиционных материалов 1956–1957 гг. сохранилась в Раменском краеведческом музее³. В частности, там имеется альбом фотографий «Работа Раменского краеведческого музея с археологическим кружком Клишевской средней школы» (72 фотоснимка); зарисовки находок, сделанные школьниками. Некоторые из этих рисунков стали единственным источником информации, так как часть вещей не сохранилась.

Первоначальной целью раскопок 1956 г. был сбор материалов для формирования экспозиции Раменского районного музея. П.И. Кофт, только что вступившая в должность директора этого музея, очень активно помогала археологической экспедиции. Она вместе с Л.И. Пимакиным участвовала в осмотре памятников, намеченных для исследования, добилась выделения средств на экспедицию, нашла оборудование, в том числе нивелир. На второй год раскопок

цель работ стала сугубо научной – изучение «устройства поселения» (Пимакин, 1957). В дневнике задача, которую ставил перед собой исследователь, сформулирована предельно ясно: «Раскопки будут вестись площадью мелким инструментом. Главная цель – изучение остатков жилищ» (Дневник раскопок 1957 г., 6 августа⁴).

Руководителем экспедиции был Л.И. Пимакин, в его обязанности входило общее руководство, фотографирование, вычерчивание профилей и планов, обучение детей в процессе работы. За финансовую часть и снабжение экспедиции отвечала директор Раменского краеведческого музея Полина Израилевна Кофт. Педагог-воспитатель Клишевской средней школы отвечала за организацию питания, отдыха, дисциплину и санитарное состояние. Из среды школьников был выбран староста, который организовывал подъем и проведение работ на раскопе.

³ Авторы благодарят сотрудников Раменского историко-художественного музея за содействие в работе.

⁴ Документ хранится в фондах Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим».

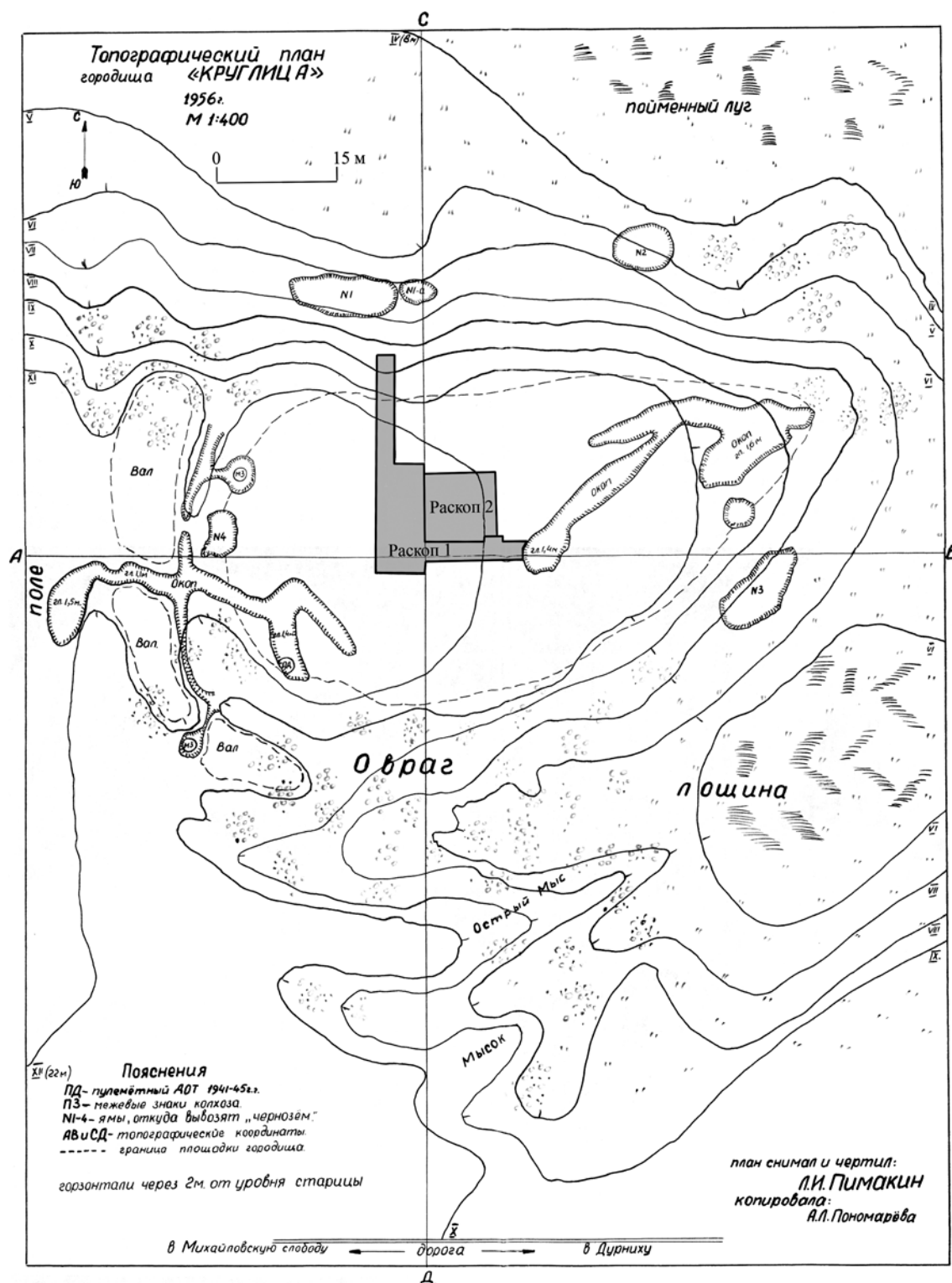

Рис. 2. План городища Круглица, снятый Л.И. Пимакиным в 1956 г., на котором показаны раскопы 1956 и 1957 гг.

Судя по записям в дневнике, отношения с местными жителями не всегда были доброжелательными. Как пишет Л.И. Пимакин, пастухи загоняли стадо на раскоп, топтали вскрытые участки. Однажды выдернули все колья пикетов, над которыми сотрудники

экспедиции трудились несколько дней, было растоптано кострище с керамикой, разорено погребение XVIII в., а череп из него выброшен в болото, срывали флаг экспедиции. Так местные подростки-пастухи пытались обратить на себя внимание девушек

Рис. 3. Виды городища Круглица с востока (вверху) и юго-востока (внизу). Фото Л.И. Пимакина 1956 г. (архив ИА РАН; Раменский краеведческий музей)

из экспедиции. Л.И. Пимакин был вынужден обратиться в сельсовет.

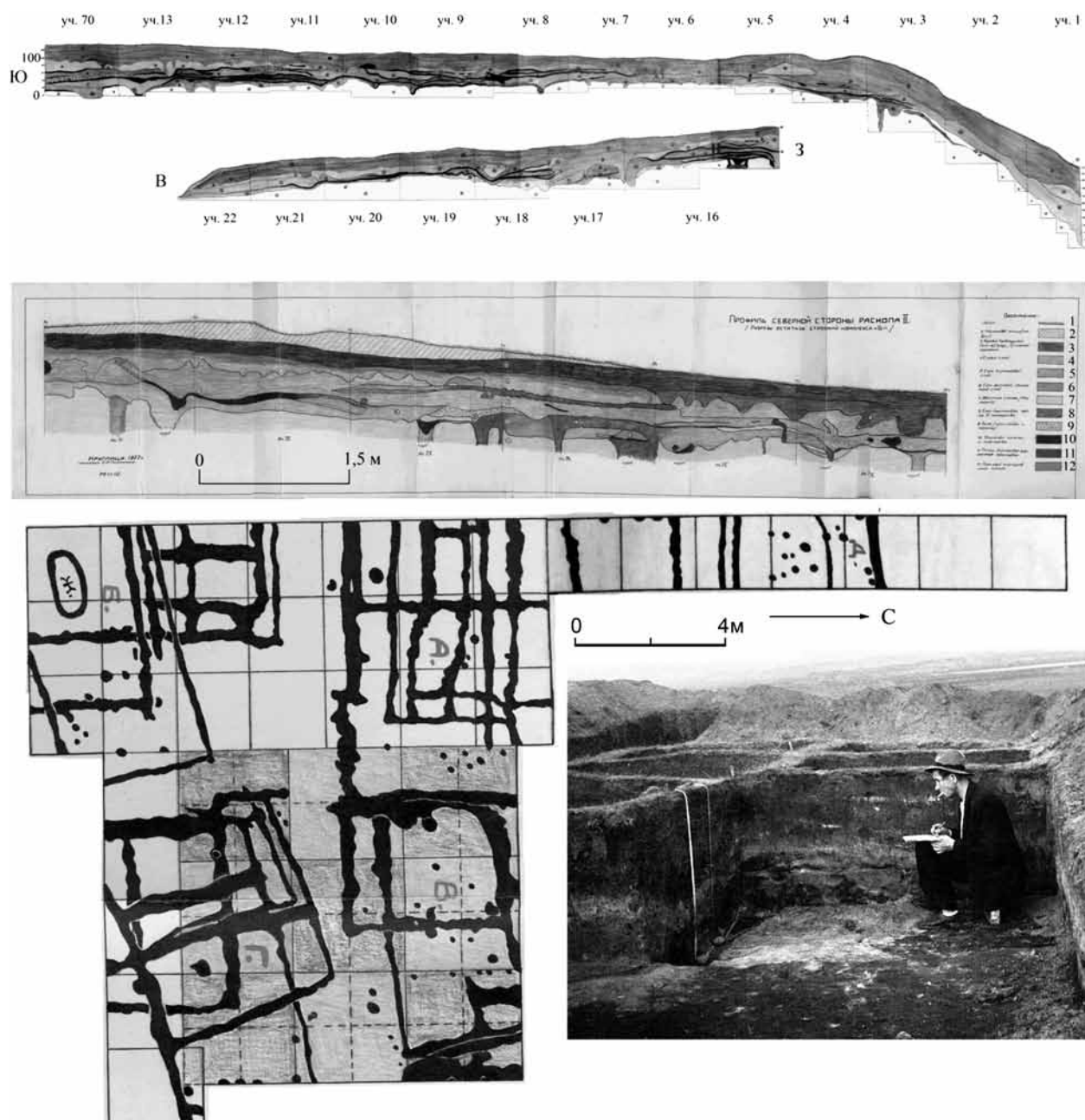
Составление плана городища было выполнено с помощью землемерного инструмента, рулетки, уровня, буссоли, рейки и веревки (рис. 2). Пикеты ставились через шесть метров, образуя сетку на всей поверхности городища и его склонах. Оси координат АВ (запад – восток) и СД (север – юг) (Пимакин, 1956. С.4). По оценке Л.И. Пимакина, погрешность плана не превосходит один-два метра. Нужно отметить, что, действительно, план был снят точно, и он очень информативен – показывает все нарушения культурного слоя, граница вала и бровка площадки отмечены специальным знаком, рельеф передан горизонталями с сечением 2 м. Несмотря на наличие более поздних планов 1970 и 2011 гг., съемка Л.И. Пимакина является важным источником, т. к. на ней зафиксирован вал и ров городища, теперь частично оказавшийся на территории дачного участка и засыпанный песком.

Раскопкам на городище в 1956 г. предшествовал первичный осмотр площадки и сбор подъемного материала, что позволило определить границу поселения (Пимакин, 1956. С. 5). Исследования начались с закладки двух взаимоперпендикулярных раз-

точных траншей, разделенных на квадраты со стороной два метра. При этом была сделана установка на тщательность разборки слоя тонкими срезами по 5–10–15 см. Очень важно подчеркнуть, что планировалась, и частично осуществлялась, разборка слоя по естественным горизонтам, а не только по условным горизонтальным уровням. Фиксировать планировалось все находки, включая массовые, а отбирать из слоя – «все твердое», а также образцы угля и самого слоя. Такая методика была совершенно общепринятого в то время правила копать горизонтальными пластами по 20 см.

Оборотной стороной «тонкости» раскопок является необходимость составления большого объема документации, где фиксируются многочисленные зачистки. Однако у Л.И. Пимакина был лишь один квалифицированный добровольный помощник – студент 4-го курса кафедры археологии МГУ В.Ф. Черников (1924–1997 гг.), который, к сожалению, пробыл на раскопках всего две недели. В последующем В.Ф. Черников сыграл существенную роль в становлении археологии в Нижегородском крае (Анучин, Еремин, 1999; Черникова А.Н., Черникова С.В., 2004)⁵. В 1956 г. им была составлена уникальная для своего времени

⁵ Авторы благодарят И.С. Аникина за библиографические ссылки.

Рис. 4. Профили бортов раскопа и план предматерикового горизонта раскопов 1956 и 1957 гг. (по отчетам Л.И. Пимакина, рис. В.Ф. Черникова и Л.И. Пимакина). На фото – В.Ф. Черников, снимающий профиль раскопа на городище Круглица в 1956 г. (см. цв. вкл.)

1 – дерн; 2 – мешаная земля; 3 – черный культурный слой а) гумус, б) нижний горизонт; 4 – серый слой; 5 – серо-коричневый слой; 6 – серо-желтый глинистый слой; 7 – желтая глина (материк); 8 – серо-коричневые пятна в материке; 9 – зола (прослойки и пятна); 10 – угольные пятна и прослойки; 11 – темно-коричневая глинистая прослойка; 12 – красный перегоревший песок. А, Б, В, Г – комплексы построек; Д – частокол оборонительной стены; Ж – очаг

чертежная документация по основным разрезам культурного слоя городища Круглица (рис. 4).

Остальной «лаборантский» состав состоял из школьников, посещавших до этого археологический кружок. Весь коллектив экспедиции был разбит на бригады по два-три человека. Каждая бригада имела свой квадрат, на который составлялся план находок и слоев. Для разных категорий находок были приняты различные условные знаки. В экспедиции не

было постоянного нивелира, поэтому глубины измерялись от угловых колов квадратов. В архиве сохранились эти детские чертежи с «крестиками и ноликами». Л.И. Пимакин их проверял: на некоторых чертежах есть его замечания, например, указания на отсутствие характеристики культурного слоя. Сохранилась трогательная фотография, на которой видно как одна из школьниц старательно наносит карандашом находки на план и заполняет учетную карточку

Рис. 5. Раскоп на городище Круглица в 1957 г. Вверху – девушка чертит план находок на участке; внизу – вид на раскоп с запада. Фото Л.И. Пимакина

на квадрат (рис. 5). Возле ее босых ног лежат фрагменты керамики, вероятно, их уже не раз поднимали и клали обратно «на место». Очевидно, что точность этой «детской» фиксации не была высокой. В дневнике Л.И. Пимакина сохранились сетования на медленность работы и небрежность школьников, их незаинтересованность результатами, а также размышления о том, как было бы хорошо, если бы для археологии готовили специальный лаборантский состав. Планку требований к методике раскопок Л.И. Пимакин поднял высоко, но реализовать их оказалось очень трудно, от этого происходила неудовлетворенность работой, что не раз прорывается на страницы дневника.

Все же результаты работ 1956 г. оказались впечатляющими. На раскопанной площади 140 кв. м была собрана очень богатая коллекция вещевых находок, керамики и костей (всего около 20 тыс. единиц). Однако по ходу работ стало ясно, что не менее ценна информация, которую удалось получить из наблюдений над особенностями стратиграфии и планиграфии культурного слоя. При описании культурного слоя было выделено 11 видов грунта, для них разработаны цветные условные обозначения, приближающиеся к реальности. Полученный профиль разреза культурного слоя площадки городища оказался очень информативным и детальным. Выделенные многочисленные прослойки были обоснованно сгруппированы в три основных

слоя. При этом свита прослоек, составлявшая нижний слой, интерпретирована Л.И. Пимакиным как остатки многочисленных построек, сменявших друг друга. Средний слой – это горизонт пожара поселения. Верхний слой не содержал остатков построек и отложился в результате неоднократных посещений.

С позиции современных знаний можно отметить, что во многом Л.И. Пимкин был прав. Действительно, наиболее интенсивная жизнь на поселении происходила в V–II вв. до н.э. На это указывает преобладание в коллекции костяных изделий соответствующих форм и керамики с текстильными отпечатками. Более поздние находки также присутствуют, но в значительно меньшем количестве. Отсутствие следов построек в верхнем слое, видимо, обусловлено почвенными процессами, распахкой, превратившей верхнюю часть «слоеного пирога» в аморфную массу черной земли (рис. 6).

Важнейшим результатом работ было обнаружение следов построек – канавок от стен и очагов. Один очаг имел глиняные бортики – он в точности напоминал по конструкции «жертвенник», изученный В.А. Городцовым на Старшем Каширском городище. Л.И. Пимакин высказал предположение, что «жертвенник», скорее всего, являлся «зимним очагом» внутри постройки (Пимакин, 1956. С. 9). Конечно, подобная интерпретация скорее лишь

Рис. 6. Городище Круглица, очаг в постройке. Раскоп 1956 г. (вверху).
Профиль западного борта раскопа 1 (внизу). Фото Л.И. Пимакина

«смещение акцента», так как очаг может совмещать и функцию жертвенника. Тем не менее, важно отметить приоритет Л.И. Пимакина: статья Р.Л. Розенфельдта, где предлагается такая же интерпретация, вышла много лет спустя (*Розенфельдт, 1970*). Попытка Л.И. Пимакина вырезать очаг монолитом не

Рис. 7. Р.Л. Розенфельдт (слева) и Л.И. Пимакин (справа) возле раскопа на городище Круглица 15 августа 1957 г.

увенчалась успехом, его остатки пришлось законсервировать на месте.

В 1956 г. обнаружение многочисленных следов наземных построек на городище дьякова типа было совершенно новым делом, и их изучению, как отмечалось выше, был посвящен сезон 1957 г. Однако работа экспедиции в сезоне 1957 г. протекала гораздо сложнее, чем в предыдущем. Рядом с Л.И. Пимакиным уже не было В.Ф. Черникова. Руководитель работ не успевал чертить бровки между участками (формат учетных участков в 1957 г. был изменен – участок равнялся 3 x 3 м и делился на четыре квадрата 1,5 x 1,5 м). В результате, желание копать и вести наблюдения над широкой площадью наталкивались на «решетку» из бровок. Экспедиция не получила достаточного финансирования в 1957 г. Кроме того, учительница, ответственная за питание детей, оказалась нечистой на руку и утаивала деньги из детского питания (на продукты вместо положенных 10 рублей в день на человека тратилось не более шести руб.). В результате дети были голодны, часто не было даже хлеба, в коллективе возник конфликт. Мешал сильный ветер (пыль стояла такая, что пришлось заказывать мотоциклетные очки для всех участников) и нетипичные для августа холода. Площадь раскопа была сокращена до 81 кв. м, но и ее не успели сделать в срок школьной практики. Всего за время раскопок 1956 и 1957 гг. была исследована площадь 221 кв. м.

Л.И. Пимакин был вынужден почти в одиночку заканчивать раскоп, мучаясь от простуды и головных болей, вызванных последствиями контузии. Относительно благополучно завершить работы удалось благодаря содействию А.Ф. Дубынина и Р.Л. Розенфельдта, приславших на помощь рабочих московской экспедиции ИИМК (рис. 7). Качественной зачистки материка сделать не удалось, не все канавки были выбраны. То есть цели сезона были достигнуты лишь отчасти. Основным методическим упущением явилось отсутствие пластовых планов, нет и фото материка. Был сделан лишь один план раскопа, изобразивший ситуацию на уровне материка и основания нижнего слоя. Злополучные

профиля бровок, задерживавших весь процесс, так и не вошли в отчетную документацию. Главным содержанием отчета 1957 г. стало обобщенное описание построек и вещевого комплекса, собранного при раскопках. Тем не менее, на основании раскопок 1956 и 1957 гг. впервые в археологии Подмоскovie были описаны четыре комплекса наземных построек раннедьяковского времени. По предположению Л.И. Пимакина, постройки имели два варианта размеров – 7,0 x 4,0 и 3,5 x 4,5 м. Их конструкции, по мнению автора раскопок, были срубными. В свете новых данных полученных на городищах Боршева, Дьяково и Настасьино, где выявлены аналогичные остатки построек, можно утверждать, что их конструкции были столбовыми (Кренке, 2011).

Выводы, к которым пришел Л.И. Пимакин после двух лет работы, по его собственному выражению, являются ориентировочными. Им определен круг находок, которые должны дать информацию по существованию поселения на протяжении нескольких веков. Для датировки возникновения городища он предлагает «опереться» на однозубые костяные наконечники стрел и глазчатую бусину глухого синего стекла и справедливо датирует их V–IV вв. до н.э. Верхнюю границу памятника Л.И. Пимакин определял по ювелирным украшениям из бронзы и ставил ее не позднее III в. н.э. (Пимакин, 1957. С. 11), что в общих чертах соответствует современным представлениям. Автор при-

водит известные ему аналогии с городища Старшего Каширского, Пекуновского, Санниковского, Троицкого и Мамоново, рязано-окских могильников.

Особое внимание Л.И. Пимакин уделил обнаруженным следам строений. Его наблюдения о наличии у раннедьяковских построек глиняных обмазок полов, очагов с глиняными бортиками и без них были существенным продвижением в познании домостроительства раннего железного века. Вывод же о наличии срубных конструкций, основанный на сопоставлении с материалами раскопок средневековых памятников, видимо, был ошибочен из-за того, что заполнение канавок стен построек не было выбрано до дна.

Л.И. Пимакин ограничился предварительными заметками и соображениями, так как в его планах было продолжить исследование этого без сомнения интересного памятника. Однако его попытка возобновить раскопки в начале 1960-х годов оказалась неудачной.

Завершая анализ раскопок 1956–1957 гг., отметим, что они велись весьма тщательно. Задачи, которые ставил перед собой руководитель работ, были вполне новаторскими для 1950-х годов, можно сказать, что они соответствовали современным требованиям полевой археологии. Однако средств для выполнения этих задач у Л.И. Пимакина не хватило, а оценить свои возможности и скорректировать масштабы работ он не смог.

Литература

- Анучин С.В., Еремин И.О., 1999. От редакции // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.
- Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М. (МИА. № 94).
- Кренке Н.А., 2007. Археологические работы А.В. Чайнова в долине Москвы-реки в 1928 и 1929 гг. // АП. Вып. 3. М.
- Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.
- Пимакин Л.И., 1956. Предварительный отчет об исследовательских работах, произведенных по открытому листу № 8 от 23/IV–1956 в Раменском районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1396.
- Пимакин Л.И., 1957. Предварительное сообщение о продолжении исследования городища «Круглища» в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2144.
- Розенфельдт Р.Л., 1970. О глиняных жертвенниках // Древние славяне и их соседи. М.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Сыроватко А.С., 2003. Орнаментированные «рогатые кирпичи» с дьяковских городищ Москворечья // РА. № 2.
- Формозов А.А., 1979. Пушкин и древности. М.
- Формозов А.А., 1988. Следопыты земли Московской. М.
- Формозов А.А., 2007. Исследователи древностей Москвы и Подмоскovie. М.
- Чайнов А.А., 2007. Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 гг. // АП. Вып. 3. М.
- Черникова А.Н., Черникова С.В., 2004. Воспоминания о В.Ф. Черникове // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

N.A. Krenke, S.N. Chaukin

History of researching ancient settlement Kruglitsa in 1956 and 1957

Summary

The article is devoted to the history of excavations of ancient settlement Kruglitsa on river Moscow in Ramenskoye district of the Moscow region in 1956 and 1957. Methods of excavations are analyzed. It is noted that the

main achievement of those work was description and graphic fixation of the complex structure of cultural layer and revelation of above-ground constructions.

А.С. Сыроватко, Е.А. Клещенко (Мальцева), М.В. Добровольская

Урновое погребение Щуровского могильника¹

Щуровский могильник — сложный памятник, представляющий собой позднедьяковское селище, на котором позднее возникло два могильника — более ранний, с погребальными конструкциями, интерпретированными как «домики мертвых», и более поздний — с кремациями, рассыпанными по древней поверхности или помещенными в неглубокие ямки. Памятник открыт в 1986 г. Р.Л. Розенфельдом как позднедьяковское селище. Позднее В.Ю. Коваль открыл на нем первое захоронение в погребальной конструкции (Розенфельдт, 1986; Тавлицева, 2001). Непрерывно раскопки этих памятников ведутся с 2001 г., некоторые результаты работ опубликованы (Добровольская, Сыроватко, 2008; Сыроватко, 2005; 2010; Сыроватко и др., 2008; Сыроватко, Тодорова, 2009). На настоящем этапе исследований, на основании палинологических исследований и антропологического анализа, авторы полагают, что могильников на этом месте было два — ранний «курганый» (с погребениями в «домиках мертвых»), и поздний, с грунтовыми кремациями (Сыроватко, 2010).

Погребение в урне является на памятнике единственным, обнаружено оно в 2009 г. на участке 11 раскопа II, в пятне углистого песка (вероятно, в небольшой ямке, от которой удалось проследить только юго-восточный край), на контакте с материком (рис. 1)². Сосуд стоял с наклоном и, вероятно, чудом избежал повреждений от распада. Вмещавший его слой не потревожен, но в силу специфики памятника, сложенного рыхлым песком, нам не удалось проследить границы пятна в вышележащих горизонтах.

По форме это сильно профилированный тонкостенный сосуд (рис. 2) с нечеткими насечками по краю венчика (отпечаток веревочки?), высотой 10 см и диаметром по венчику 12 см (по плечу чуть больше — 12,8 см). Толщина стенок составляет в среднем 5–8 мм. Он имеет яркую деталь — выступы-шипы

по плечу, всего шесть, с одинаковым интервалом. Аналогии такой детали нам неизвестны. Только на Лысогорском могильнике в «доборшевском» слое известен сосуд (не опубликован) с наlepными шишечками, однако, А.З. Винников подчеркивал чужеродность этой детали славянской среде (Винников, 1995. С. 49, 108)³. Похожие детали известны на салтово-маяцкой посуде в северокавказском регионе (Плетнева, 1981. Рис. 46, 2; Ковалевская, 1981. С. 86. Рис. 63), которая вполне могла выступать образцом для подражания. Внешне сосуд обнаруживает наибольшие аналогии с посудой роменско-боршевского круга, например, сосуд — вместилище клада 1969 г. с Супрутского городища (Исюмова, 2002. Рис. 1). Однако внешнее сходство еще не означает полной аналогии. В тесте урны присутствует дресва, но не исключены либо шамот, либо, что более вероятно, непромешанная глина (отсутствие повреждений сосуда и заглаженность его поверхности не позволяют делать однозначные определения). Лепная раннеславянская посуда, известная в окрестностях Коломны, заметно отличается по тесту и характеру обработки поверхности и от публикуемой урны, и от подобных ей сосудов-приставок с этого же могильника. Для соседних памятников (Коробчеево, ул. Дм. Донского в Коломне, Сосновка IV) характерны крупные примеси, в основном шамота, выступающие наружу, толстые стенки и неряшливость изготовления (Мазуров, 2001. Табл. 16; Мазуров, Жданов, 2001; Коваль, 2004. С. 160–161). Правда, не исключено, что мы имеем дело со специальной, «погребальной» керамикой.

Кости не полностью заполняли и без того небольшой сосуд. Первые кости в урне встретились на глубине 4,5 см от венчика, плотное скопление костей — с 6,5 см от венчика и до дна. Фрагменты кремированных костных останков в урновом погребении — серого цвета, размером до 5–7 см, общим весом 47,5 г (рис. 3).

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 09-01-05103 а/ц.

² Рисунки помещены после текста статьи.

³ Авторы выражают признательность коллеге Д.В. Акимову (ВГУ), безуспешно пытавшемуся отыскать этот сосуд в фондах музея ВГУ.

Согласно сводной таблице цветности кремированных останков, температура сжигания тела в данном случае составляла примерно 450–750 С° (Walker; Miller; 2005), что характерно для обряда трупосожжения на открытом воздухе без применения дополнительных стимуляторов (жиров, смол). Общий вид и состояние останков говорит также о том, что сжигание тела происходило с наличием на костях мягких тканей.

Определяемыми образцами костной ткани стали фрагменты бедренной (рис. 4), пястной (рис. 5), тазовой (рис. 6), плюсневой костей, обломок затылочной (рис. 7) и длинных трубчатых костей. В урне находились останки одного индивида – мужчины 25–40 лет. Это малая часть останков, что дает основания предполагать символический характер погребения.

На одном обломке стенки крупной трубчатой кости (предположительно – бедра) были обнаружены следы преднамеренного разрушения (разруб?), произведенного до сжигания тела (рис. 8). Возможно, это след травмы. Заметим, что следы ранения встречались на костях погребенных в могильнике и ранее: в кургане 4 на останках одного из индивидуумов также были следы заживших травм головы и незажившего надреза на ребре (Сыроватко и др., в печати).

Как отмечено выше, урна была обнаружена на контакте с материком, в углистом пятне (рис. 1). Таких углистых пятен, расположенных рядом, в двух метрах друг от друга, было два, что открывало возможность для надежной радиоуглеродной датировки. Была ли урна впущена в одно из них, или она попала в слой вместе с углем, проследить не удалось. Однако датировка угля из обрамления урны обескуражила – даты ГИН 14144 (1760±20 л.н., или 241–260 и 283–323 гг. н.э.⁴) и Ki 16219 (2070±40 л.н., или 163–130 и 119–42 гг. до н.э.), сделанные фактически по одному образцу, хотя и не совпали между собой, однозначно указали на дьяковское время. На памятнике пока не удалось обнаружить дьяковскую керамику и находки, которые соответствовали бы более ранней из полученных дат, в то время как сетчатая керамика первых веков нашей эры и отдельные находки этого периода есть (Сыроватко, 2009. С. 145; 191). Из второго углистого пятна получена дата ГИН 14145 (940±30 л.н., или 1034–1052, 1080–1128, 1132–1153 гг.), не совпавшая с двумя другими. Как трактовать этот результат? В этом случае остаются три варианта трактовки результатов датирования:

– урна впущена в кострище дьяковского времени. Этому, правда, противоречат наши стратиграфические наблюдения, а также дата ГИН 14145 из внешне такого же объекта;

– в костре использовалась очень старая древесина, например, сухой дуб. Однако по нашим, предварительным пока, наблюдениям, в погребальном костре использовались хвойные породы;

– погребение и в самом деле относится к указанному возрасту, тем более что могильники с кремация-

ми иногда преподносят сюрпризы, и среди кремаций могут оказаться погребения из иной эпохи или культурной среды (Mulder at all, 2011). Однако маловероятно, чтобы такой необычный сосуд вдруг появился в дьяковской культурной среде.

Радиоуглеродный метод скорее запутал, чем прояснил ситуацию.

Урна, хотя и обладает рядом специфических черт, но вполне укладывается в контекст самого могильника. В слое, относящемся к грунтовым кремациям, было обнаружено еще четыре похожих сосуда – целых или в развалах. Поскольку погребений в них не было, мы именовали их сосудами-приставками по аналогии с мощинскими курганами. Один сосуд был найден в 2002 г. в верхней части заполнения рва кургана 1 (рис. 9). Он располагался в непосредственной близости от грунтовых кремаций в кв. 131 раскопа V. Второй – в таких же условиях во рву кургана 2. Связать с ним какое-либо погребение не удалось (рис. 10). Третий экземпляр, поврежденный распахкой, был найден среди мощного скопления костей на участке 2 раскопа V 2007 г. (рис. 11). Последний обнаружен на склоне холма, на котором расположен могильник, почти у его подножия, также в развале (рис. 12). Среди обломков стенок удалось проследить мелкие и очень хрупкие косточки, – вероятно, птичьи. Сосуд также располагался в основании слоя, но мы не исключаем, что это не первоначальное его положение, тем более, что часть обломков утрачена. Форма этого, последнего в серии, сосуда имеет аналогии среди мощинской керамики⁵, и не исключено, что он относится к предшествовавшему могильнику селищу. С другой стороны, в комплексах Супрутского городища известна серия сосудов, прототипы которых исследователи видят именно в мощинской посуде (Колоколов, 2011. С. 52–53), следовательно, мощинский облик этого сосуда не противоречит поздней дате.

Как видим, все сосуды в целом вполне схожи между собой. Для всех характерно сочетание дресвы и шамота (?) в тесте, заглаженная поверхность, почти не выступающие наружу примеси, все они имеют сходную профилировку и оформление венчика, и единственное различие заключается лишь в пропорциях некоторых экземпляров. Можно говорить об общем «роменско-боршевском облике» всей серии посуды, и урна вполне в эту серию укладывается, за исключением рецептуры теста и обработки поверхности. Датировка грунтовой фазы могильника сильно осложняется отсутствием пригодных для этого находок, но по набору бус могильник можно отнести к периоду конца VIII – начала X в. (Сыроватко, Тодорова, 2009). Наиболее близкими аналогиями вещевому набору могильника мы считаем комплексы Супрутского городища и синхронных ему поселений по Упе и Осетру (Григорьев, 2005. С. 103–105). Дата ГИН 14145, приходящаяся на XI–XII вв., с датировкой по инвентарю кардинально расходится.

⁴ Для этой и следующих дат: калибровано Calib ver. 501, значения 1σ.

⁵ Такое мнение высказал А.В. Григорьев в ходе обсуждения доклада, и авторы склонны ему доверять.

Поскольку Щуровский могильник не имеет контекста – пока не выделены среди памятников с лепной керамикой древности периода «темных веков» – «роменский» облик представленной посуды остается очень условным термином, обозначающим лишь направление поиска аналогий, а не ответом на вопрос.

Устье Москвы-реки находится довольно далеко от основного ареала боршевских поселений, и не исключено, что наблюдаемое нами сходство является лишь чертой эпохи, а не признаком определенной археологической культуры.

Литература

- Винников А.З., 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.
- Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж.
- Григорьев А.В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула.
- Добровольская М.В., Сыроватко А.С., 2008. К методике изучения кремированных материалов из погребально-поминальных памятников середины – второй половины I тыс. н.э. в центральных и северных районах Европейской России // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.
- Изюмова С.А., 2002. Супрутский клад 1969 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. I. Тула.
- Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.
- Коваль В.Ю., 2004. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // РА. № 1.
- Колоколов А.М., 2011. Лепная керамика роменского типа с городища Супруты // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород.
- Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. М.
- Мазуров А.Б., Жданов А.Н., 2001. Работы на Коробчеевском археологическом комплексе // Исторические чтения КГПИ. Вып. I. Коломна.
- Плетнева С.А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.
- Розенфельдт Р.Л., 1986. Отчет об археологических разведках на территории Московской обл. в 1986 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11831.
- Сыроватко А.С., 2005. Сетчатая керамика селища Щурово и ее археологический контекст // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Коломна.
- Сыроватко А.С., 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.
- Сыроватко А.С., 2010. Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // КСИА. Вып. 224. М.
- Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Шишков Д.Л., Клочко А.А., 2008. Опыт междисциплинарных исследований раннесредневекового погребального комплекса Щурово // АП. Вып. 4. М.
- Сыроватко А.С., Тодорова А.А., 2009. Стекланные бусы погребения Щурово (предварительное исследование) // Вестн. КГПИ. № 2 (8). Коломна.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А. Состав стекланных бус в погребениях Щуровского могильника // Вестн. КГПИ. Коломна. (В печати.)
- Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А., Трошина А.А. Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3. Тула. (В печати.)
- Тавлицева Е.Ю., 2001. Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмосковья // ТАС. Вып. 4. Т. II.
- Mulder G., de, Strudonck, van, Annaert R., Boudin M., 2011. A Merovingian surprise: early medieval radiocarbon dates on cremated bone // Radiocarbon and Archaeology. 6th International symposium. Program and abstracts. Pafos.
- Walker P.L., Miller K.P., 2005. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 40.

A.S. Syrovatko, E.A. Kleschenko (Maltseva), M.V. Dobrovolskaya

Urn funeral of Shchurovsky burial

Summary

The only one funeral on Shchurovsky burial the 9th – 10th cc. (Kolomna district of the Moscow region) was made in ceramic urn (special pot). Late stage of burial is

presented with cremations on the ancient level, urn funeral is atypical. Cremation was made with relatively low temperatures, trace of cut is found on cylindrical bones.

Рис. 1. Урновое погребение *in situ*. Щуровский могильник

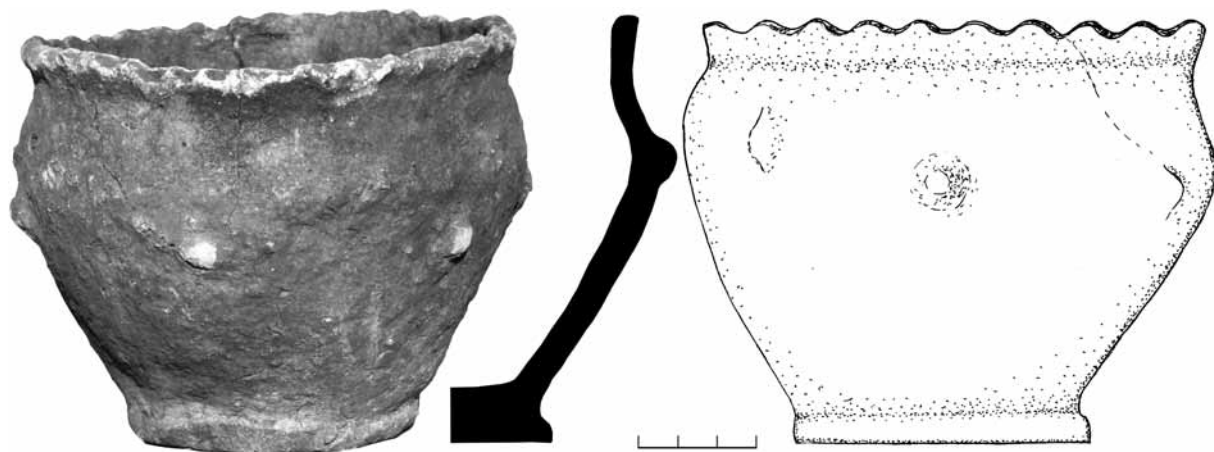

Рис. 2. Урна из погребения Щуровского могильника

Рис. 3. Кости из урны, общий вид. Щуровский могильник

Рис. 4. Фрагмент бедренной кости из урнового погребения. Щуровский могильник

Рис. 5. Фрагмент пястной кости из урнового погребения. Щуровский могильник

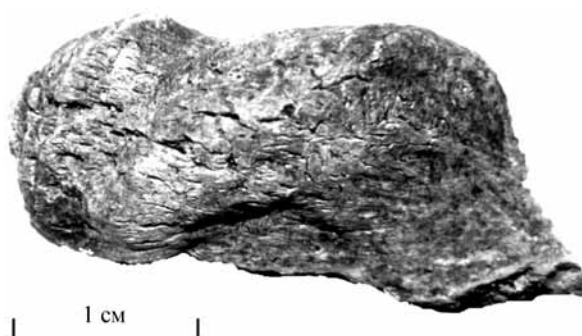

Рис. 6. Фрагмент тазовой кости из урнового погребения. Щуровский могильник

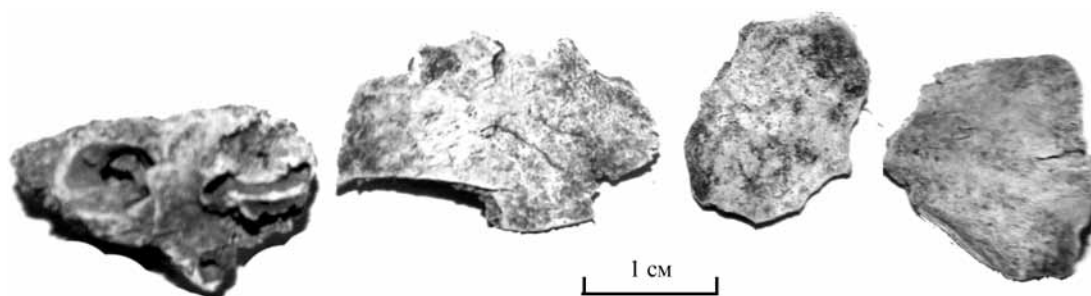

Рис. 7. Фрагменты костей черепа из урнового погребения. Щуровский могильник

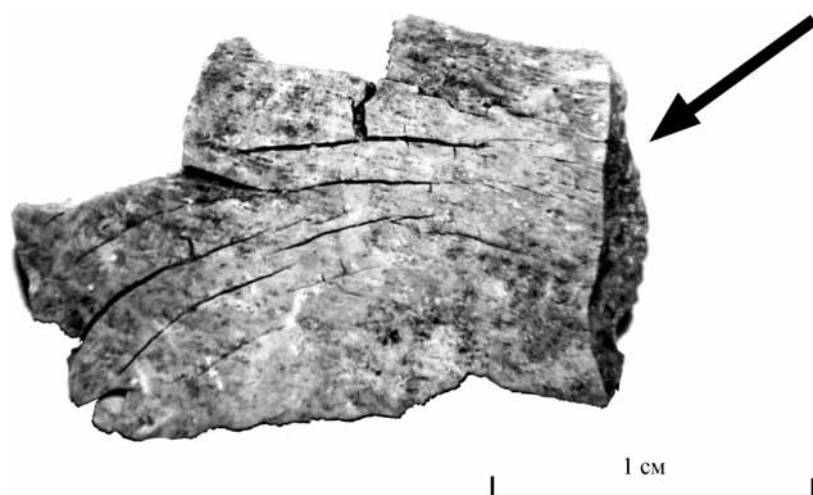

Рис. 8. Фрагмент трубчатой кости со следами ранения (?), не зажившего при жизни.
Урновое погребение Щуровского могильника

Рис. 9. Сосуд из верхней части заполнения рва кургана 1. Щуровский могильник

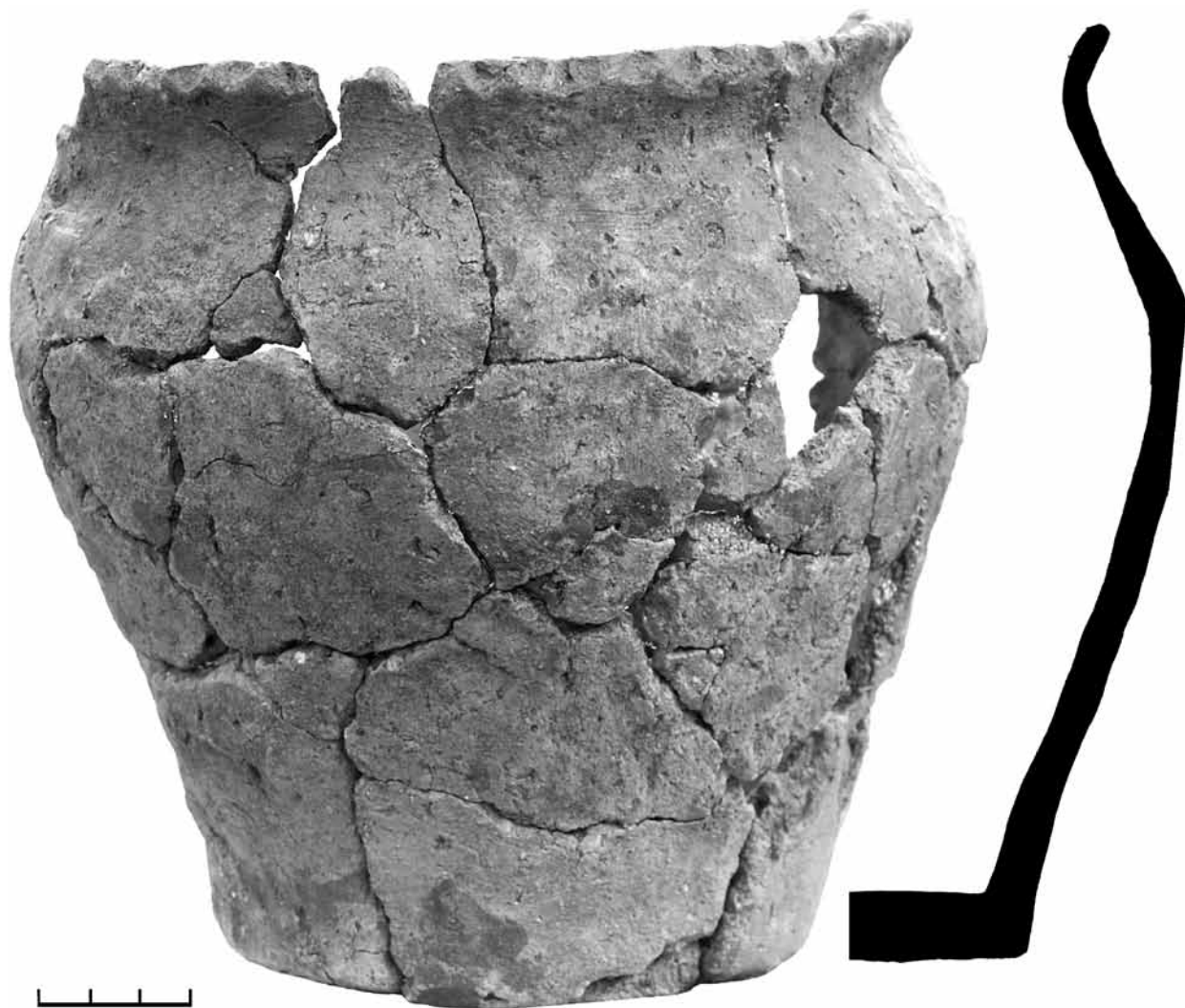

Рис. 10. Сосуд из верхней части заполнения рва кургана 2. Щуровский могильник

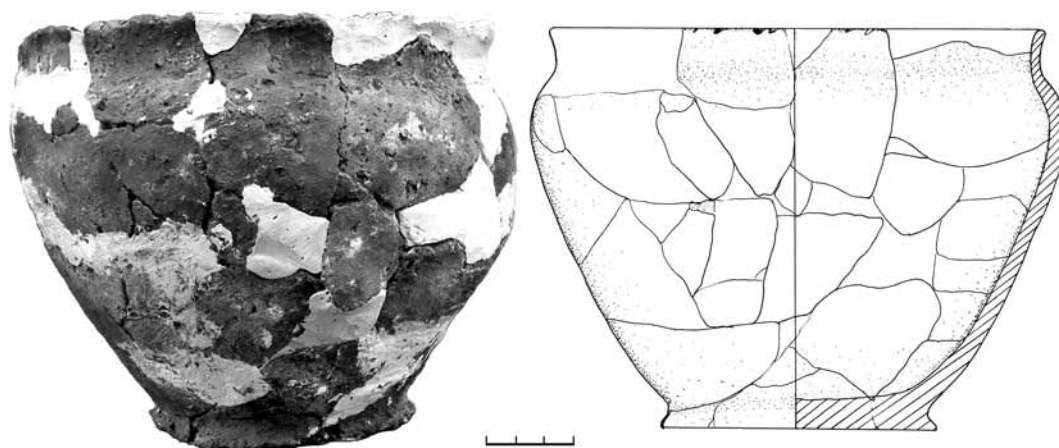

Рис. 11. Сосуд из погребения в раскопе 5 (2007 г.). Щуровский могильник

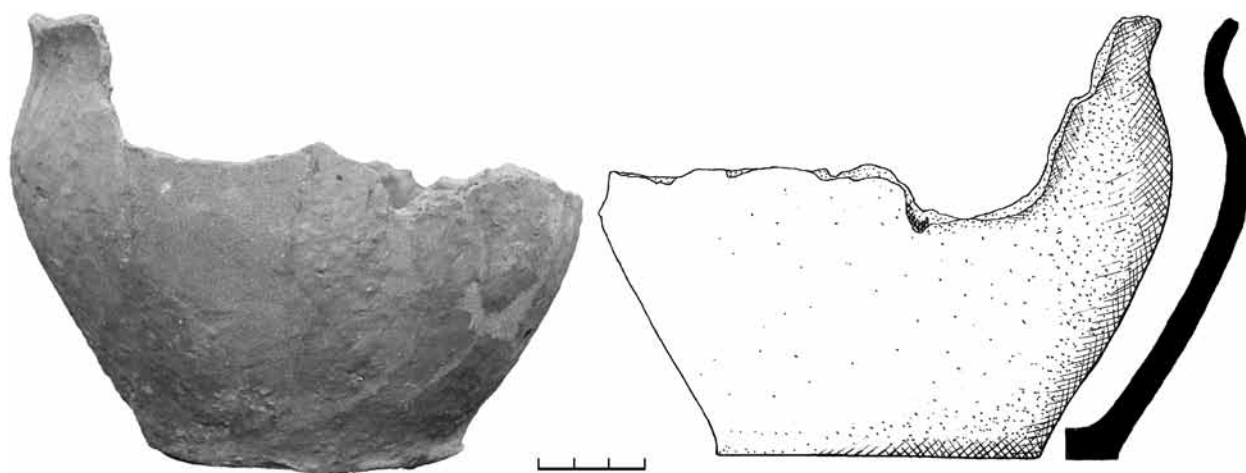

Рис. 12. Сосуд со склона могильника, раскоп 2 (2010 г.). Щуровский могильник

Памятники русского средневековья

О.Л. Прошкин, А.С. Фролов

Ранние периоды поселения Маламахово в бассейне реки Протвы

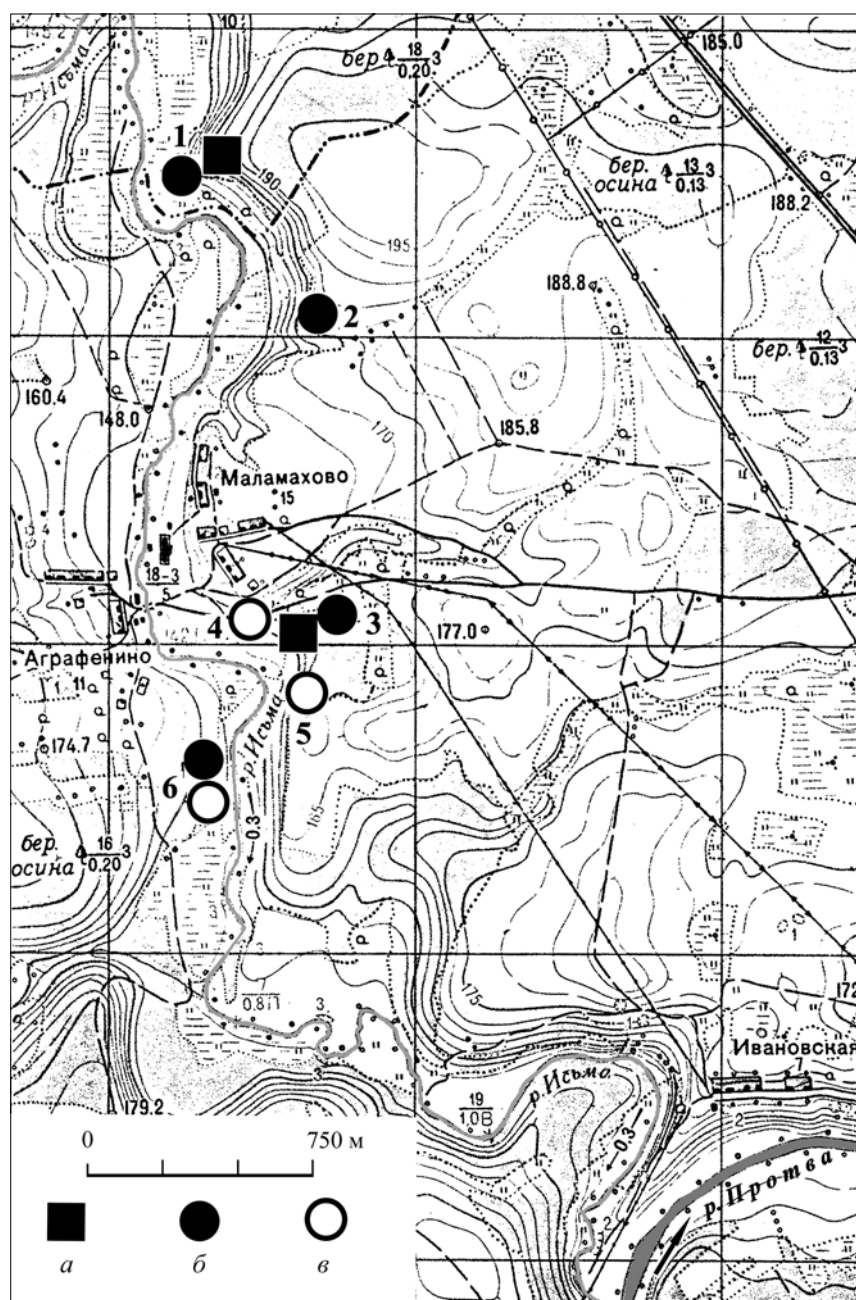
Городище 1 у д. Маламахово Боровского района Калужской области расположено на левом берегу р. Исьмы (рис. 1). Река Исьма (левый приток р. Протва) берет свое начало в Рузском районе Московской области и течет на юг до впадения в р. Протву. В ее верховьях известны два археологических памятника – одиночный курган близ д. Таганово и курганный могильник у д. Ленинка (АКР, 1995. С. 130. С. 145). Среднее течение реки не обследовалось. Все известные памятники находятся в ее низовьях, примерно в трех километрах выше устья. В этом месте река делает множество поворотов и излучин. Берега сильно изрезаны оврагами и лощинами с множеством родников. Пойма реки расширяется до 200–300 м и более. В частности, у д. Маламахово все известные памятники находятся на припойменных участках берега. Здесь же осталась и старица реки. Почвы в поймах в основном суглинистые, слоистые с речными наносами. Они более плодородные, чем слабые дерново-подзолистые почвы береговых террас.

Хозяйственное освоение низовьев р. Исьмы началось в эпоху камня, а наиболее интенсивно – в первой половине I тыс. н.э. Первые письменные упоминания о населенных пунктах этого района можно найти лишь со второй половины XVIII в. В «Атласе Калужского наместничества» (1782) на месте современной д. Маламахово (или рядом с ней) значится селцо Алферово (ныне не существующее), а на противоположном, правом берегу реки, и ныне существующее с. Аграфенино. Сама же д. Маламахово известна лишь с начала XX в. («Список населенных мест...», 1903). Оба населенных пункта с прилегающими землями входили тогда в состав Красносельской волости Боровского уезда (по крайней мере, с конца XVIII в.). В эту же волость входило и расположенное в четырех километрах к юго-западу от Маламахово, на правом берегу р. Протвы, село Беницы. Наличие селища X–XVII вв. в Беницах и результаты его исследований в начале 1960-х годов экспедицией ГИМ под руководством А.В. Успенской дали основание исследователям видеть в нем «Беницы» Уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича и епископа

Мануила 1136 г. («Древнерусские княжеские уставы...», 1976. С. 143). В частности, Л.В. Алексеев считал этот пункт селом, входившим в домен смоленского князя, из которого шли пожертвования епископии (Алексеев, 1976. С. 55; 1979. С. 97). Известно, что в XVII в. с. Беницы входило в Лужецкий стан г. Боровска. В XIV–XV вв. «Лужовские» земли принадлежали Боровско-Серпуховскому княжеству. Таким образом, можно предполагать, что и территория низовьев р. Исьмы также могла являться частью (возможно окраинной) смоленских владений в XII–XIII вв.

В настоящее время у д. Маламахово известно восемь археологических памятников и ряд местонахождений, которые можно отнести к четырем хронологическим периодам: эпохе камня (4 стоянки), первой половине I тыс. н.э. (2 городища и 2 селища), древнерусскому времени (городище и 2 селища) и XV–XVII вв. (одно селище). Все памятники находятся на небольшом по протяженности (до 1,5 км) участке течения реки. Ниже д. Маламахово по течению реки, вплоть до самого устья, памятников археологии не найдено, не считая отдельных случайных находок эпохи камня.

Городище 1 у д. Маламахово было обнаружено боровским краеведом А.К. Бойко в 1987 г. и тогда же обследовано авторами: выявлен культурный слой и собран подъемный материал, позволивший предварительно датировать его периодами раннего железного века и Древней Руси (Прошкин, 1988. С. 6). В 1988–1992 и 1994 гг. на памятнике проводились стационарные работы, в результате которых было исследовано 214 кв. м. Культурный слой городища имеет мощность от 0,08 до 1,6 м в заполнении ям. Средняя толщина слоя на площадке составляет 40 см. Увеличение толщины слоя наблюдается от центра площадки к ее краям (особенно к северному и северо-западному краю) и в сторону валов. Почти на всей раскопанной площади культурный слой имеет более или менее однородный состав: серая и темно-серая рыхлая супесь с вкраплениями мелких кусочков глиняной обмазки и мелких угольков. Более разнородный состав слоя отмечен там, где находились остатки сооружений.

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников у д. Маламахово
 а – городище; б – селище; в – стоянка. 1 – городище 2, селище 3; 2 – селище 4; 3 – городище 1, селище 1;
 4 – стоянка 1; 5 – стоянка 3; 6 – стоянка 2, селище 2

В топографическом отношении городище находится в 0,3 км к юго-западу от д. Маламахово, на мысу левого берега р. Исьмы, в 0,15–0,16 км от ее русла (рис. 2). Мыс в плане имеет трапециевидную форму, с севера ограничен глубокой ложбиной, с запада – поймой реки, с юга – неглубокой пологой ложбиной. Площадка городища имеет следующие размеры: по оси север–юг – 20–25 м, по оси запад–восток – 40–43 м. Общая площадь защищенной валами части составляет около 450 кв. м. Поверхность ее почти ровная, слабо понижается в сторону поймы (до 2 м). Высота над урезом воды в р. Исьме в летнее время составляет 19,5–22,0 м, а над поймой и урезом воды в старице – 17,5–20,0 м.

Сохранились остатки оборонительных сооружений – валов и рвов. С напольной, восточной стороны, площадка ограничена двумя валами и рвами. Внутренний вал (№ 1) достигает высоты 1,8 м при ширине у основания до 8 м. Внешний вал (№ 2) сохранился на высоту до 1 м при ширине у основания до 8 м. Ров между валами имеет глубину 1,0–1,3 м и ширину 7–8 м. Ров с внешней (напольной) стороны – соответственно, 1,5 м и 7–8 м. С южной стороны мыса, по краю площадки проходит еще один вал (№ 3). Его размеры: высота – до 1,1 м, ширина у основания – до 4,5 м, длина – до 25 м.

В результате раскопок на городище обнаружено 4034 обломка лепной и 7837 обломков круговой

Рис. 2. Городище 1 у д. Маламахово. План
а – раскопы; б – границы валов

посуды, 54 индивидуальных находки, около 700 обломков и целых костей животных, зафиксированы остатки жилых и хозяйственных построек, открытых очагов и печей-каменок, столбовых ям и канавок от оград, внутривальных деревянных конструкций. На основании полученных материалов, городище следует датировать двумя периодами: ранним (позднелыжковским) и поздним (древнерусским). Четкого разграничения культурного слоя этих периодов на всей исследованной площади не наблюдалось. Единственным местом, где прослойка из глины делила верхние, древнерусские, и нижние, более ранние напластования, являлась яма № 23 в восточной части площадки городища, у вала. Материалы древнерусского периода функционирования поселения опубликованы (Прошкин, Фролов, 1993; Прошкин, 1999; 2004). Материалы, касающиеся ранних периодов жизни на данном месте и относящиеся к эпохе камня и раннему железному веку, ранее не публиковались.

Эпоха камня

Следует отметить, что непосредственно в долине р. Протвы первобытных памятников, в отли-

чие от памятников последующих эпох, известно очень небольшое число (АКР, 1997; 2006; Прошкин, 1990). Однако это, скорее, говорит не о малой заселенности ее берегов в каменном веке, а о степени археологической изученности микрорегиона. В то же время, более детальное обследование отдельных участков берегов р. Протвы и ее притоков показывает наличие здесь как местонахождений отдельных кремневых предметов, так и собственно стоянок первобытных охотников (стоянки у с. Кременское на р. Луже, у сел Рябушки и Совьяки на р. Протве, местонахождение на р. Истерье под Боровском и др.).

Подобная ситуация, на наш взгляд, хорошо иллюстрируется группой памятников каменного века, выявленных в ходе работ на городище 1 у д. Маламахово. Здесь, на относительно небольшом отрезке левого берега р. Исма, на различных высотных отметках зафиксировано четыре стоянки. Три из них (Маламахово 1–3) уже кратко опубликованы (АКР, 2006. С. 95; Сорокин, 2006. С. 153). Все эти памятники по характеру расщепления кремня, его вторичной обработке и немногочисленным типам орудий были отнесены к мезолитической эпохе без какой-либо

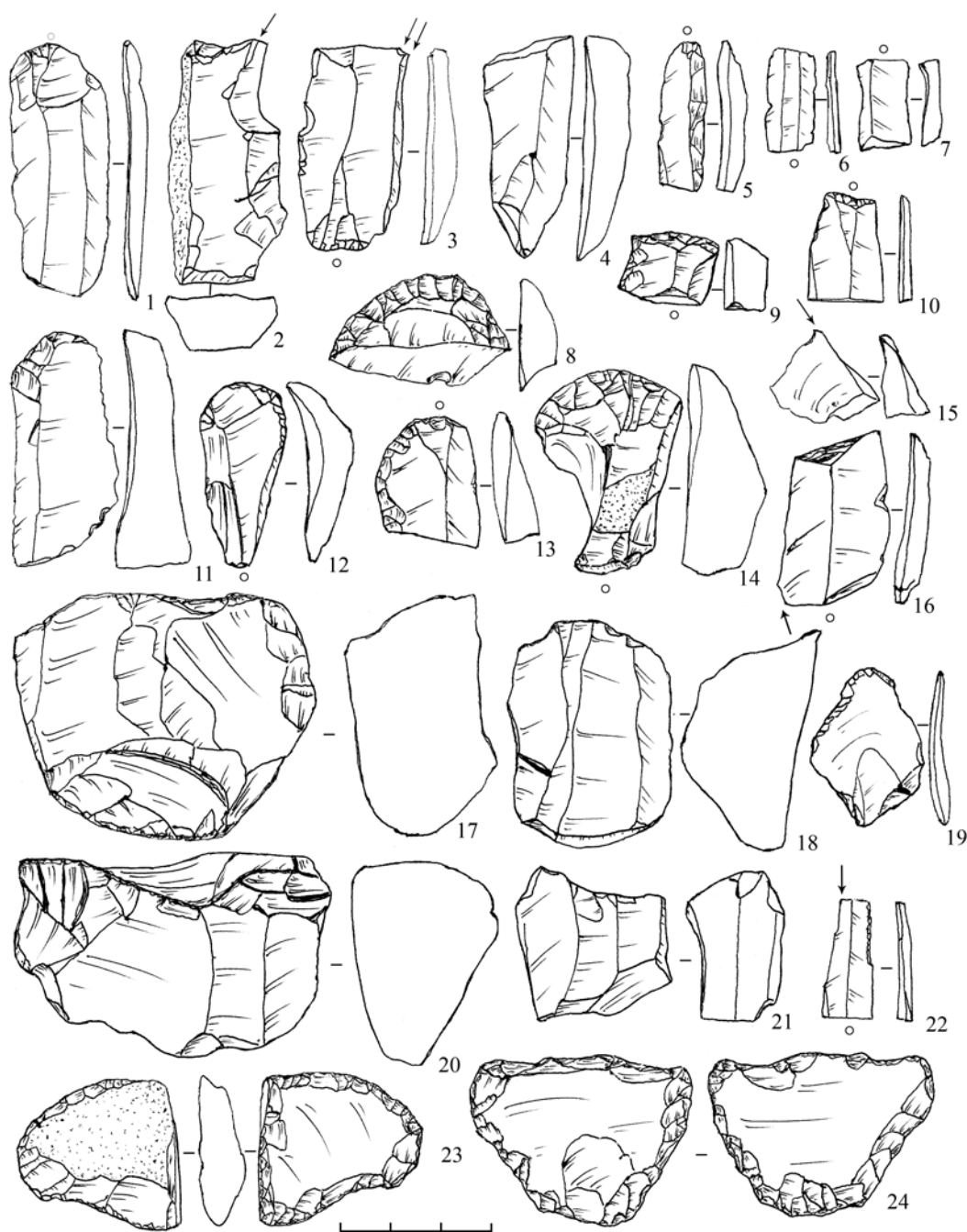

Рис. 3. Кремневый инвентарь. Маламахово, городище 1

1, 4, 6, 7, 10 – ножевидные пластины; 2, 3, 11, 16, 22 – резцы; 5 – ребристая пластина; 8, 9, 12–15 – скребки; 17, 18, 20, 21 – нуклеусы и их обломки; 19 – отщеп с ретушью; 23, 24 – отщепы со следами забитости (огнива?)

интерпретации их культурной принадлежности¹. Четвертая стоянка располагалась непосредственно на мысу, впоследствии занятом городищем. При его изучении О.Л. Прошкиным в 1988–1994 гг. во всех раскопах встречались различные кремневые изде-

лия. Кремни были найдены во всех слоях на разных уровнях, начиная с дернового, а также в хозяйственных ямах периодов раннего Средневековья и Древней Руси. Несомненно, что все находки кремня находились в переотложенном состоянии, но в то же

¹ А.Н. Сорокин обратил внимание на некоторое сходство материалов стоянки Маламахово 2 с отдельными предметами со стоянки Ресета 3. Стоянка Маламахово 3, судя по патинизации кремня и геоморфологии местонахождения, может претендовать на более архаичный, палеолитический возраст. Материалы стоянки Маламахово 1 малоинформативны, что, впрочем, не отрицает ее мезолитического возраста.

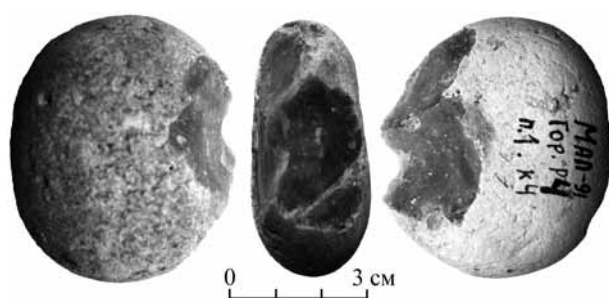

Рис. 4. Галька с рядом пробных сколов. Маламахово, городище 1

время у нас нет никаких оснований говорить, что на данной стоянке мы имеем факт механического смешения разновременных комплексов. В принципе, кремневый комплекс с городища 1 у д. Маламахово можно рассматривать как единый, оставленный в непродолжительный отрезок мезолитической эпохи. В то же время ввиду явной переотложенности, его, по сути, можно характеризовать и описывать лишь как подъемный материал.

Всего коллекция из раскопок включает в себя 149 кремневых предмета. Основным сырьем служил местный галечниковый и валунный кремнь серого, желтого и красного цветов. Отдельные изделия выполнены из привозного высококачественного мелового кремня: полупрозрачного темно-серого и коричневого цветов.

Наиболее многочисленна группа предметов, предназначенных для получения заготовок для дальнейшего изготовления орудий. Это 15 нуклеусов и их обломков (рис. 3, 17, 18, 20, 21), технологический скол подправки тела нуклеуса для последующего снятия пластин, четыре ребристые пластины (рис. 3, 5) и отбойник-ретушер из мелкозернистого плотного песчаника. Отбойник довольно крупный (11,0x7,5x8,0 см) и представляет интерес тем, что, помимо характерных для данного типа предметов следов «забитости» граней, одна из его сторон пришлифована, что говорит о его употреблении как абразива. Но, возможно, это вторичное использование в более позднюю эпоху. Все нуклеусы от отщепов и неправильных пластин имеют одну или две, иногда скошенные, ударные площадки. Интересна небольшая овальная галька с рядом пробных сколов с двух сторон (рис. 4). Видимо, дальнейшее ее оформление в ядрище было прервано из-за сильной трещиноватости и низкого качества кремня.

Среди изделий с вторичной обработкой преобладает категория скребков (6 экз.). Три изготовлены на отщепах. Один, сломанный, имел, видимо, подокруглую форму (рис. 3, 8); остальные – концевые (рис. 3, 13, 15). Лезвия оформлены полукрутой, реже крутой, ретушью. Два – на сломанных ножевидных пластинах: у одного лезвие прямое с крутой затупливающей ретушью (рис. 3, 9); другой, по-видимому, боковой, имеет ретушь, заходящую на край пластины (рис. 3, 14). Последний скребок в коллекции – концевой на ножевидной пластине. Рабочий край слегка скошен влево и оформлен крутой ретушью (рис. 3, 12).

Резцов – пять. Первый относится к типу угловых, изготовлен на массивном отщепе, резцовый скол нанесен на сломе заготовки (рис. 3, 2). Еще один, также на отщепе – боковой (рис. 3, 11). Для изготовления трех резцов заготовкой служили ножевидные пластины. Один боковой, на сломе неправильной пластины (рис. 3, 3), два других – угловые (рис. 3, 16, 22). Представляет интерес один из них, изготовленный на сломе небольшой правильной ножевидной пластины, одна из граней которой более чем на половину длины подправлена мелкой затупливающей ретушью (рис. 3, 22).

Следует отметить обломок лезвийной части рубящего орудия, обработанного техникой грубой обивки, впоследствии переоформленного в нуклеус, и еще один небольшой обломок лезвийной части рубящего орудия (топора?).

К группе орудий также следует отнести десять отщепов с краевой затупливающей ретушью или нерегулярной ретушью, образовавшейся в процессе их использования как ножей, скребущих орудий или скребелей (рис. 3, 19). Некоторые из них выполнены на естественных заготовках.

Ножевидных пластин найдено 13 экземпляров. Преимущественно это крупные и средних размеров неправильные пластины (рис. 3, 1, 4), у двух, изготовленных из красного мелового кремня, грани почти параллельны (рис. 3, 6, 7). Еще один обломок правильной ножевидной пластины имеет затупленное мелкой крутой ретушью основание (рис. 3, 10).

Отщепов и осколков без следов дополнительной утилизации – 90 экз. Небольшая часть из них – мелкие чешуйки (не более 1 кв. см). Из числа аморфных осколков кремня – большинство термических, образовавшихся от мерзлотного растрескивания и пребывания в огне, возможно, в более позднее время существования городища. Несомненно, с более поздними эпохами связаны явные следы забитости металлом по краям на некоторых кремнях, образовавшиеся, видимо, от их использования как огнива (рис. 3, 23, 24).

В целом, можно сказать, что как в технике расщепления, так и вторичной обработки кремня, типы орудий находят аналогии на многих мезолитических памятниках не только бассейна верхней Оки, но и на обширных пространствах лесной зоны Восточной Европы. Правда, малочисленность коллекции, отсутствие четких культуроопределяющих типов орудий не дает нам право на уверенное соотнесение описываемых материалов с конкретной археологической культурой. На наш взгляд, некоторые близкие маламаховским находкам черты имеются в материалах култинской культуры (Сорокин, 2006. С. 244; Сорокин, 2008. С. 300–302). Правда, сходство это весьма относительное и следует понимать, что подобная «культурная привязка» столь незначительного в количественном выражении материала с разрушенного памятника, не более чем интерпретационная попытка. В целом, наличие на мысовых городищах стоянок первобытного человека – ситуация, характерная для ландшафтов лесной зоны (Фролов, 2008. С. 22–25).

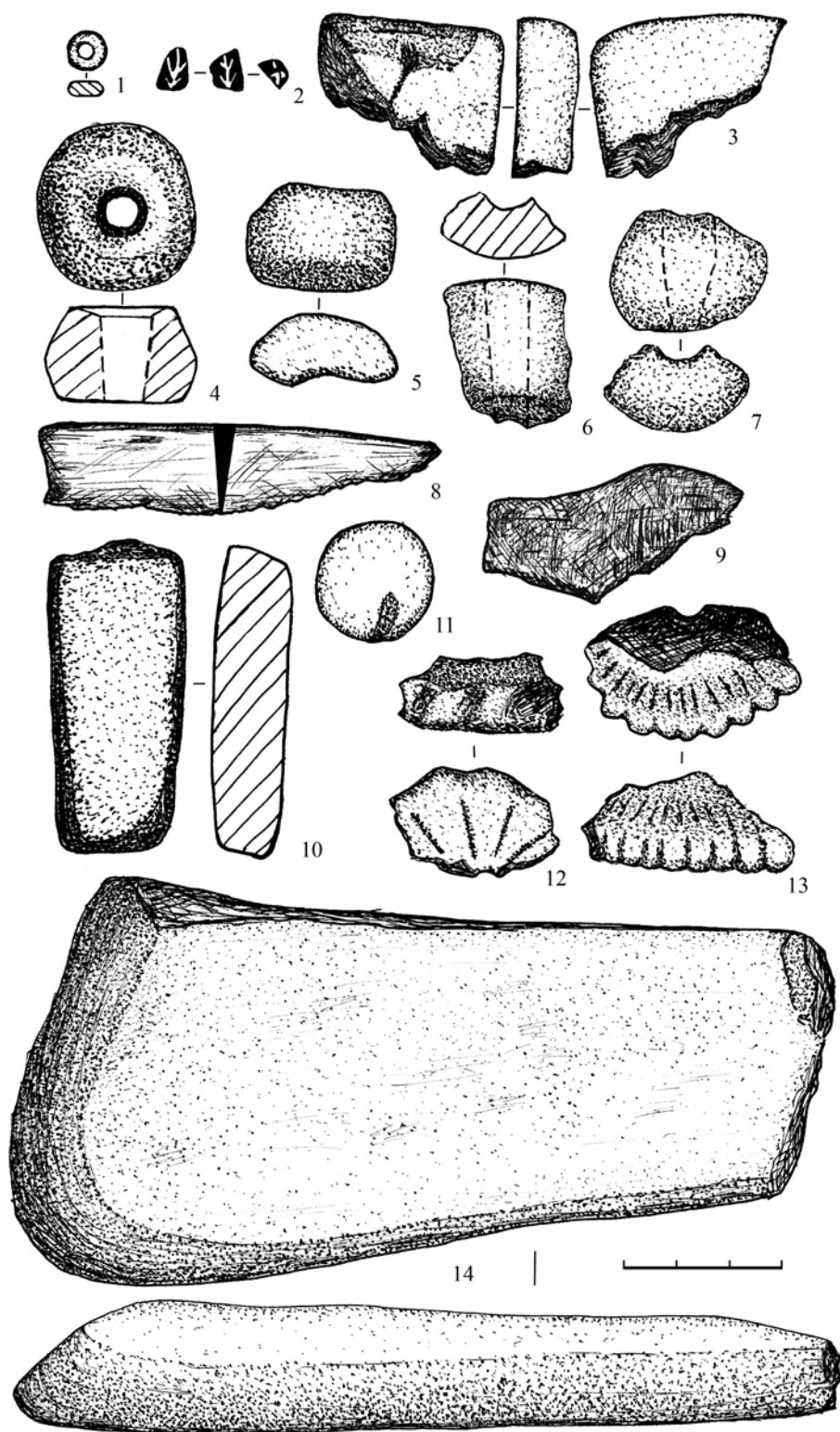

Рис. 5. Отдельные находки. Маламахово, городище 1

1, 2 – бусы; 3 – обломок литейной формочки; 4–7 – пряслица; 8, 9 – обломки ножей; 10, 14 – точильные камни; 11 – шарик; 12, 13 – обломки грузиков (?)

Картографирование, ландшафтные «привязки» подобных стоянок и местонахождений, изучение их коллекций, пусть даже незначительных, позволит в дальнейшем более детально реконструировать хо-

зяйственную деятельность человеческих коллективов в переломную эпоху перехода от плейстоцена к голоцену.

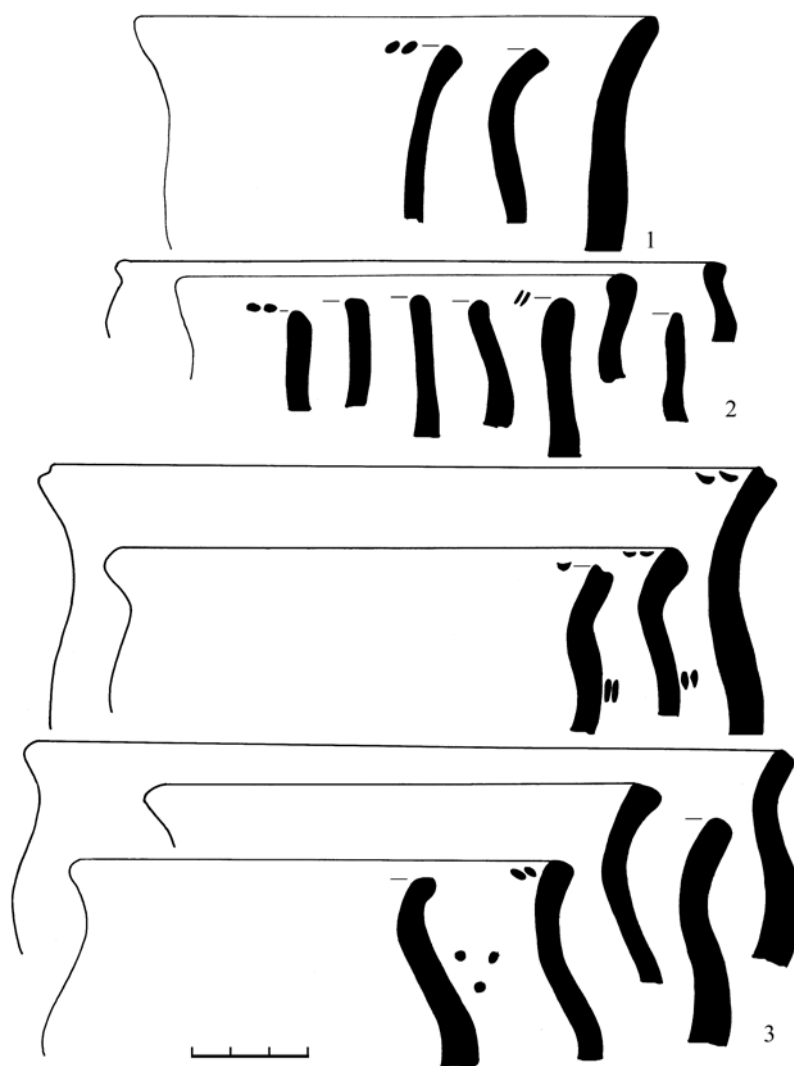

Рис. 6. Типы груболенных сосудов. Маламахово, городище 1
1 – тип 1; 2 – тип 2; 3 – тип 3

Период раннего средневековья

К данному периоду следует отнести находки отдельных украшений, предметов быта, лепной керамики.

К украшениям относятся две бусины. Одна из них, глиняная зонная серого цвета, диаметром 7 мм и высотой 3 мм, с каналом диаметром 3 мм (рис. 5, 1). Глиняные бусы аналогичной формы известны на поздне-дьяковских поселениях Подмосковья (Смирнов, 1974. С. 58, табл. VII, 13; Векслер, 1973. Рис. 64, 7, 16). Близкая аналогия этой бусине происходит из слоя А (горизонт -110-160 см, датированный V–VII вв.) Дьякова городища (Кренке, 1987. С. 357. Рис. 54, 27). Вторая бусина, сохранившаяся в обломках, – сделана из зеленого прозрачного стекла с белыми разводами (вероятно, была округлой формы – рис. 5, 2). Округлые бусы из зеленого прозрачного стекла, украшенные различными полосками и узорами известны из раскопок античных городов Северного Причерноморья, где они датируются II–V вв. н.э. (Алексеева, 1982. С. 42–44, табл. 49; Алексеева, Арсеньева, 1966. С. 186, и др.).

В культурном слое городища найдена часть литейной формы из глины серо-коричневого цвета (рис. 5, 3). Керамические литейные формочки использовались на дьяковских поселениях в I тыс. н.э. (Смирнов, 1974. С. 66; Дубынин, 1974. С. 241 и др.).

Из четырех пряслиц (рис. 5, 4–7) три содержали грубые минеральные примеси в тесте и имели грубую шероховатую поверхность, слабо обожжены, одно – с небольшой примесью кварцитов, хорошего обжига и гладкой поверхностью. Диаметры пряслиц – от 2,5 до 3,1 см, диаметры внутренних каналов – от 0,5 до 1,0 см, высота – от 1,8 до 2,2 см. Все они имеют широкие аналогии в древностях I тыс. н.э. на территории Восточной Европы (Смирнов, 1974. С. 67. Табл. VIII, 17, 18; Станкевич, 1960. Рис. 55, 6. Рис. 76, 1 и др.).

К бытовым предметам относились два обломка железных ножей и два точильных камня. От одного ножа сохранилась большая часть лезвия (рис. 5, 8), толщина спинки – 0,3 см, ширина лезвия – до 1,6 см. Аналогичные ножи найдены на многих поселениях

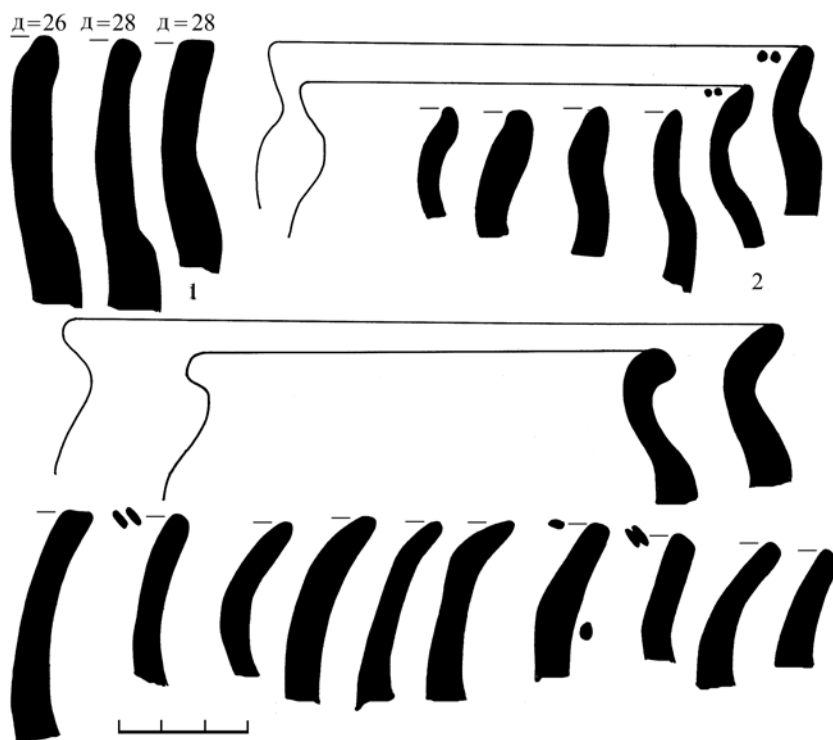

Рис. 7. Типы груболепных сосудов. Маламахово, городище 1
1 – тип 4; 2 – тип 5; 3 – тип 6; 4 – венчики груболепных сосудов

Восточной Европы конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. («Огубское», Свинухово, Спартак и др.) (Никольская, 1959. С. 106. Рис. 37, 12, 13; Третьяков, Шмидт, 1963. Рис. 73, 15 и др.). Обломок другого черешкового ножа, вероятно, серповидной (или близкой к ней) формы имел выраженный уступ при переходе от черешка к лезвию (рис. 5, 9). Серповидные ножи широко бытовали во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. В частности, ножи с аналогичным уступом найдены на Щербинском городище, где они датируются по аналогиям до II–III вв. н.э. (Дубынин, 1974. С. 261. Табл. VII, 2, 9). Точильные камни представляют собой плоские бруски трапециевидной формы размерами 15,5 x 5,0 x 13,8 x 8,0 см при толщине 1,2–1,9 см и 5,8 x 2,0 x 5,5 x 2,5 см при толщине до 1,4 см. Найдены они на дне ямы № 23 (рис. 5, 14) и в культурном слое, в пределах предполагаемой постройки (рис. 5, 10).

Интерес представляют обломки двух глиняных грузиков. Один из них по форме сечения близок к конусу и орнаментирован насечками по краю основания и по боковой поверхности (рис. 5, 13). Форму другого грузика установить сложно (рис. 5, 12), на его основании имеется орнамент в виде прямых прореченных линий, идущих от центра к краю, а по нижнему краю боковой поверхности – в виде вдавлений. Грузики, близкие по форме сечения к конусу, найдены на многих дьяковских городищах и датируются исследователями в пределах первой половиной I тыс. н.э. (Смирнов, 1974. Рис. 1, 1, 7. С. 92, 94, 96; Смирнов, 1971. С. 83). На Дьяковом городище они доминируют в среднем горизонте слоя А (по Н.А. Кренке – первые

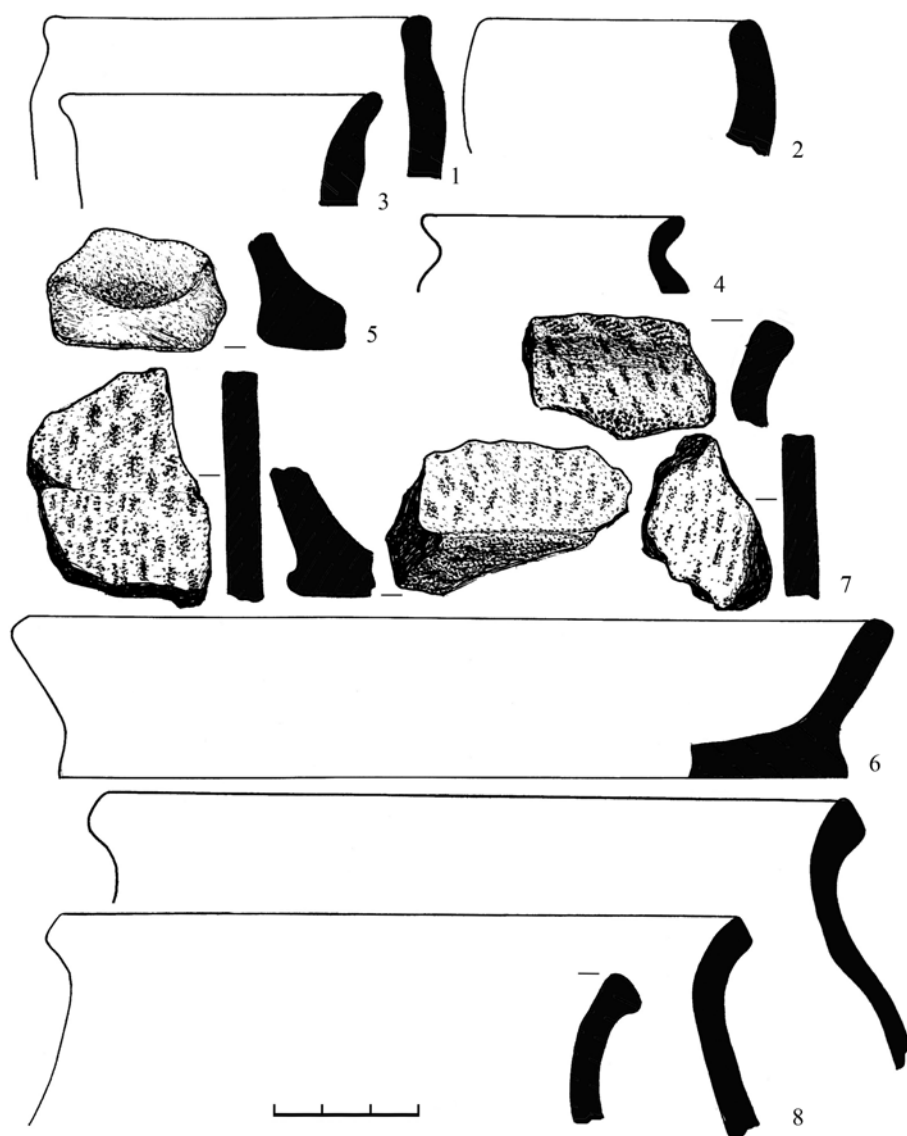
века н.э.), хотя встречаются и в поздних горизонтах (Кренке, 1987. С. 43. Рис. 47). Орнамент в виде линий-лучей, идущих от центра к краю, также встречается на основаниях грузиков с городищ днепро-двинской культуры (Шмидт, 1992. С. 114. Табл. 35, 2; 36, 3).

И наконец, следует указать находку глиняного шарика, – вероятно, детской игрушки (рис. 5, 11), аналогии которой известны на многих городищах верхневолжского региона в слоях и остатках построек с материалами первой половины I тыс. н.э. (Щербинское, Супруты и др.) (Дубынин, 1974. С. 240, 280. Табл. XXVI, 3; Изюмова, 1955. Рис. 8).

Лепная керамика представлена обломками трех видов посуды: горшков, миниатюрных сосудиков и мисок. По технологии обработки поверхности делится на груболепную и лощеную. Наибольшее число обломков принадлежит груболепной посуде.

Груболепная посуда представлена 4027 обломками, 222 из которых составляют венчики. По профилю венчиков и верхних частей реконструируется несколько типов сосудов.

Тип 1. Сосуды с плавной профилировкой верхней части, со слегка развернутым наружу венчиком, слабо выраженными шейкой и плечиками, переходящими, вероятно в сужающееся к дну тулово (11 экз.), – так называемой тюльпановидной формы, с наибольшим расширением в верхней части тулова (рис. 6, 1). Диаметры венчиков – от 13–14 до 28–29 см. Поверхность грубая, шероховатая, серого, красного и коричневого цветов. Обжиг слабый. Примеси в тесте: дрсва (преобладает), крупнозернистый песок, кварц, шамот. Не орнаментированы.

Рис. 8. Керамическая посуда. Маламахово, городище 1

1–4 – типы миниатюрных сосудов; 5 – донце миниатюрного сосуда; 6 – миска; 7 – обломки сосудов с «сеткой»; 8 – профили верхних частей сосудов с лощеной поверхностью

Тип 2. Сосуды слабопрофилированных (баночных или близких к ним) форм, с наибольшим расширением в верхней части – 8 экз. (рис. 6, 2). Диаметры венчиков – 11–26 см. Поверхность ровная, затерта или заглажена, темно-красного и темно-коричневого оттенков. Обжиг хороший. В тесте примеси песка и редкой дресвы, кварца. Орнамент в виде овальномчатых вдавлений.

Тип 3. Профилированные сосуды (не менее чем 46 экз.) с наибольшим расширением в верхней части тулова, с отогнутым наружу, косо срезанным, слегка утолщающимся к краю, венчиком, плавно изогнутой шейкой и выраженными плечиками (рис. 6, 3). Диаметры венчиков – от 12 до 30 см. Поверхность грубая и неровная, шероховатая, у некоторых затертая, коричневого, красно-коричневого и бурого цветов. Обжиг слабый. В тесте примеси шамота, дресвы и крупнозернистого песка. По краям венчиков нане-

сен орнамент в виде косых насечек, ямочных вдавлений, штампов и в виде продольной канавки. Обломки сосудов этого типа, вероятно, принадлежат горшкам с наибольшим расширением в верхней трети тулова и отличны от предыдущих типов лишь хорошо намеченной, узкой или широкой шейкой и более заметным переходом в тулово с выпуклыми плечиками.

Тип 4 (рис. 7, 1). Слабопрофилированные сосуды (не менее 3 экз.) с высоким вертикально поставленным венчиком, край которого слегка отогнут наружу и закруглен, с резким переходом через уступ к тулову. Диаметры венчиков – 26–28 см. Поверхность ровная, чуть шероховатая, затертая, красного и красно-коричневого цветов. Обжиг хороший. В тесте незначительные примеси дресвы.

Тип 5 (рис. 7, 2). Профилированные сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком, закругленным

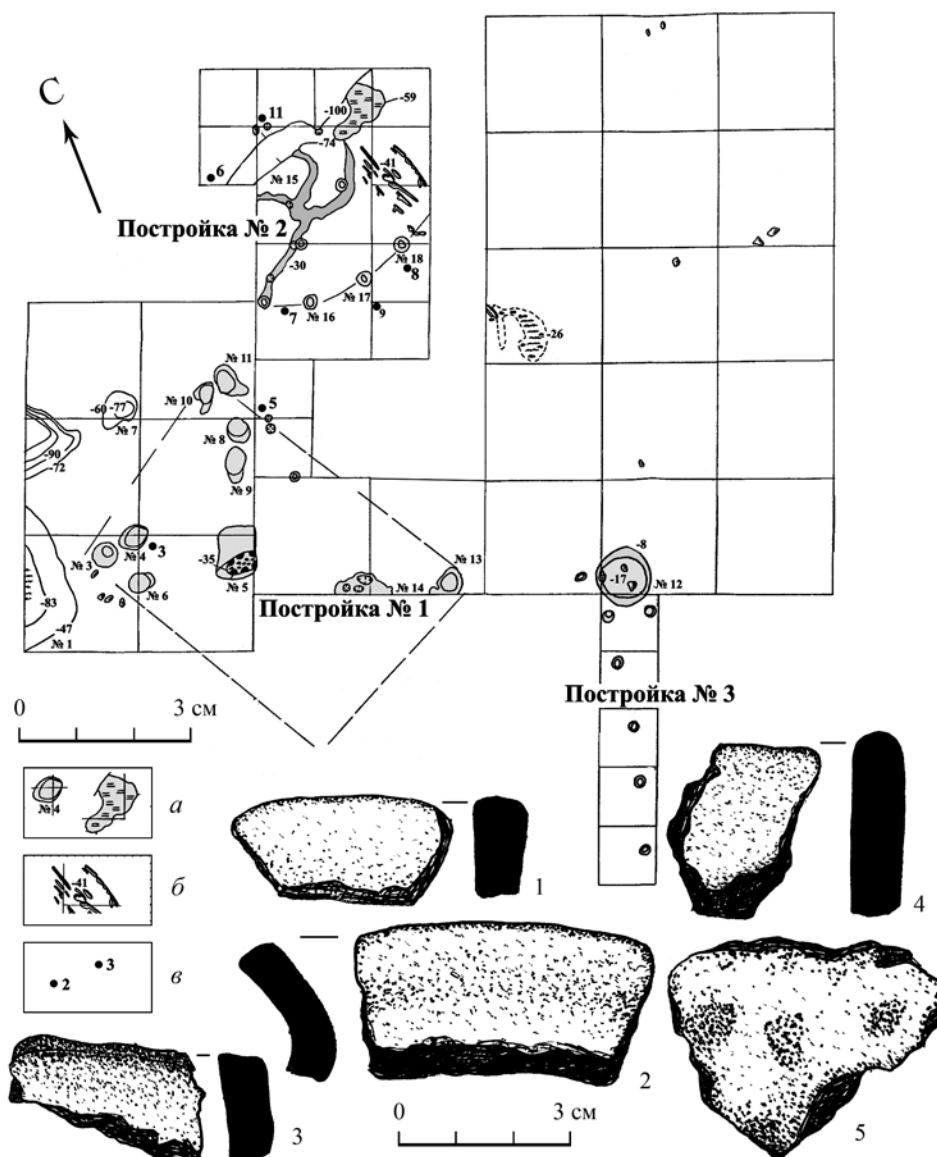

Рис. 9. Планы раскопов 1, 2, 3. Маламахово, городище 1

а – столбовые и очажные ямы; очаги; *б* – остатки обожженных деревянных конструкций; *в* – индивидуальные находки.
 3 – точильный камень; 5 – часть пряслица; 6 – часть грузика; 7 – часть миниатюрного сосуда; 8 – часть грузика;
 9 – обломок пряслица; 11 – обломок ножа

по краю, выделенной шейкой и плечиками, с расширенным в верхней части туловом (8 экз.). По морфологии близки славянским горшкам. Диаметры венчиков – 10–17 см. Поверхность их грубая и шероховатая, коричневого оттенка. Обжиг слабый. В тесте примеси дресвы и дресвы с песком. По краю венчиков – орнамент в виде ямочных вдавлений.

Тип 6 (рис. 7, 3). Профилированные сосуды с раздутым в верхней части туловом (2 экз.). Венчик сильно отогнут наружу и закруглен. Заметен переход к плавно изгибающейся шейке и крутым плечикам, переходящим в раздутое тулово. Диаметры венчиков – 10 см и 13 см. Поверхность шероховатая, серого цвета. Обжиг хороший. В тесте примеси дресвы и шмота.

Значительная часть венчиков, ввиду своей фрагментарности, не может быть отнесена ни к одному

из условно выделенных типов (рис. 7, 4). В целом, обломки груболепных сосудов составляют подавляющее большинство среди лепной посуды городища (около 99%), лишь у незначительной их части поверхность несет следы заглаживания или затертости. Иногда это выражается в наличии на поверхности черепка тонкой корочки светло-серо-желтого оттенка. Несколько сероглиняных черепков покрыты тонким слоем (до 3 мм) глиняной обмазки белого цвета.

По технологии подготовки формовочных масс всю груболепную керамику следует разделить на три основные группы: 1) с минеральными примесями; 2) с минеральными примесями и органикой; 3) только с органикой. Преобладающей является первая группа, где первое место принадлежит мелкому и крупнозернистому песку, затем следуют дресва (как мелко, так и

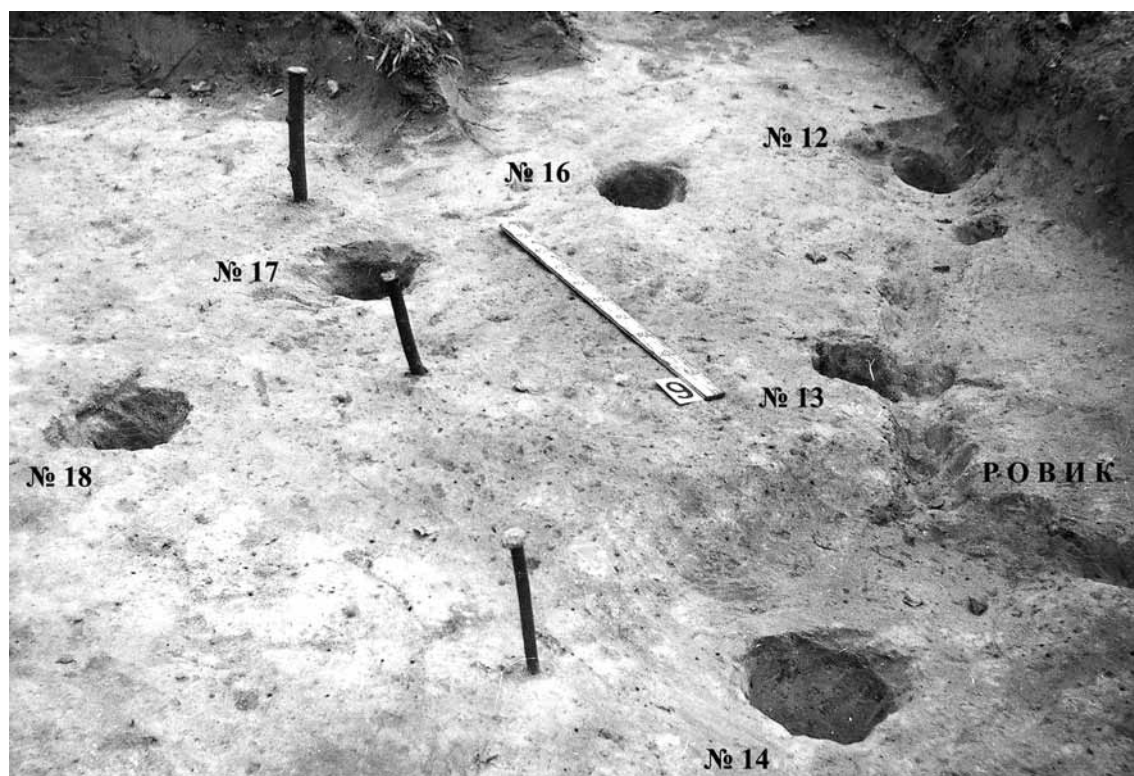

Рис. 10. Остатки постройки № 2. Вид с северо-востока. Маламахово, городище 1

крупнотолченая), в т. ч. кварцитная. Довольно редок шамот. Примесь органики и органики с минералами отмечена лишь у небольшого числа обломков – около двух-трех процентов от общего числа. Почти все сосуды изготавливались из ожелезненных и слабоожелезненных глин, в большинстве своем керамика имеет красно-коричневый, бурый, коричневый и серо-коричневый цвета, в изломе черепки аналогичны цвету поверхности. Меньшее число обломков имеют оттенки серого цвета, есть даже черного, – как поверхности, так и излома. Такова, например, керамика верхнеокских городищ второй половины I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. (Акиншинское, Дуна и др. – фонды КОКМ, коллекции Кл212, Кл224 и др.) и посуда городищ днепро-двинской культуры (Шмидт, 1992. С. 94–95).

В культурном слое городища найдено восемь обломков миниатюрных сосудов, представленных рядом типов.

Тип 1. Сосудик банкообразной формы. Диаметр венчика – 7–8 см. Поверхность слегка неровная, но гладкая, красно-коричневого цвета. Обжиг слабый. В тесте примесь песка (рис. 8, 1).

Тип 2. Сосудик чашевидной формы. Диаметр венчика – 5 см. Поверхность ровная, затертая, темного цвета. Обжиг хороший. Без видимых примесей в тесте (рис. 8, 2).

Тип 3. Сосудик тюльпановидной формы. Диаметр венчика – 6–7 см. Поверхность грубая, шероховатая и неровная, темно-серого цвета. Обжиг слабый. В тесте примесь крупной дресвы и кварца (рис. 8, 3).

Тип 4. Сосудик горшковидной формы, с сильно отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчика – 5–6 см.

Поверхность ровная, затертая, светло-коричневого цвета. Обжиг слабый. В тесте примесь песка (рис. 8, 4).

Кроме того, к подобным изделиям следует отнести часть основания (рис. 8, 5) и три обломка стенок. Орнамент на миниатюрных сосудах отсутствует.

Миски представлены несколькими обломками (не менее трех) стенок. Часть одной миски имеет полный профиль – ровный, прямой, отогнутый наружу под тупым углом бортик, край которого косо срезан и округлен, донце имеет небольшую закраинку. Диаметр устья составляет около 19 см, а диаметр донца – около 16 см (рис. 8, 6).

Груболепная посуда городища почти не орнаментирована. Найдено всего 93 орнаментированных обломка. Большинство (63 экз.) из них – это орнаментированные по краю венчики с четырьмя типами орнамента: 1) выполненные при помощи штампов; 2) в виде различных ямчатых вдавлений; 3) с косыми насечками и нарезками; 4) в виде продольной канавки. Преобладает ямчатый орнамент. На стенках и других частях сосудов выделяются такие типы орнаментов, как: 1) выполненные при помощи штампов, 2) в виде различных вдавлений, 3) прочерченный. Среди керамики со штампованным орнаментом имеется восемь обломков (6 стенок, венчик и донце со стенкой) с имитацией «сетки» (рис. 8, 7).

Лощеная посуда представлена еще меньшим числом обломков – всего 7 экз. (рис. 8, 8). Реконструируются верхние части только двух слабопрофилированных горшков с короткими, отогнутыми наружу косо срезанными венчиками диаметром – 14–16 см. Поверхность гладкая, серого и коричневого цвета,

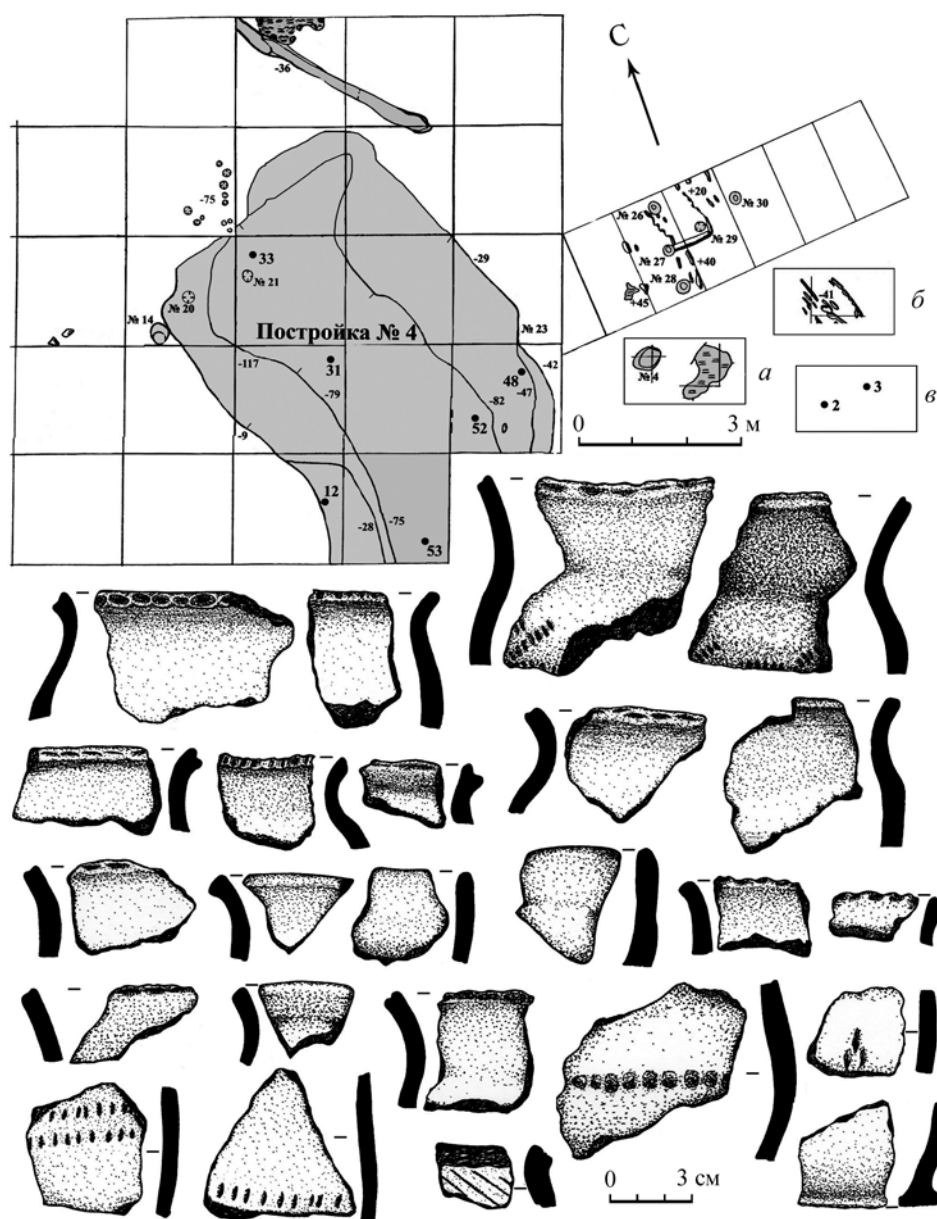

Рис. 11. Планы раскопов 3 и 6 на уровне материковой поверхности и разреза вала № 1 на уровне остатков нижних деревянных конструкций. Обломки керамических сосудов. Маламахово, городище 1

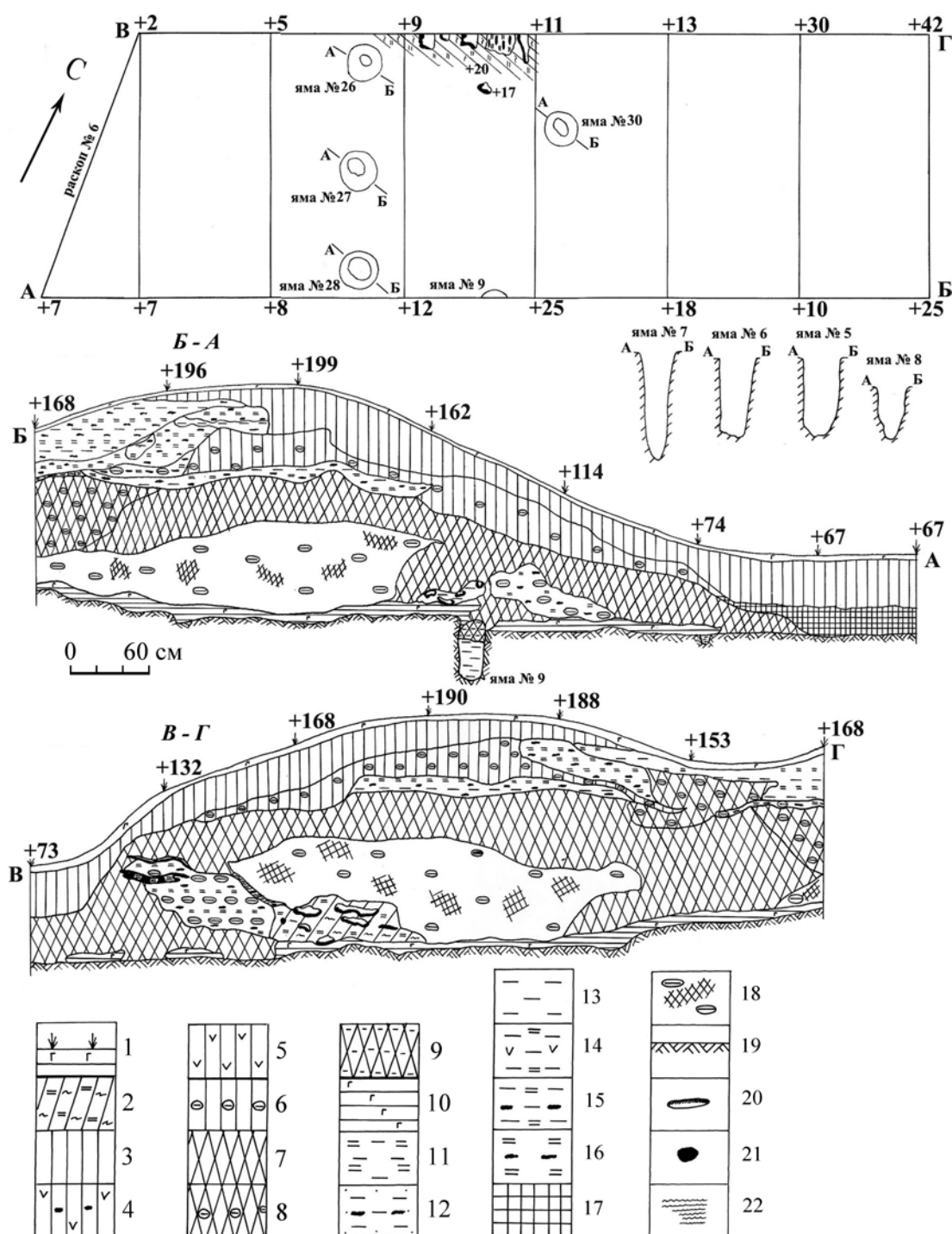
a – столбовые ямы, очаги, котлован постройки № 4; *б* – остатки обожженных деревянных конструкций; *в* – индивидуальные находки. 12 – пряслице; 31 – обломок литейной формочки; 33 – точильный камень; 48 – бусина; 52 – шарик; 53 – бусина

обжиг хороший. В тесте незначительная примесь песка и шамота. Другие пять обломков имеют поверхность темно-серого и светло-серо-коричневого цветов.

На основании перечисленных находок представляется возможным датировать раннесредневековый период функционирования поселения в пределах второй четверти I тыс. н.э.

Остатки построек раннего периода выделяются условно по местам скопления столбовых ям, наличию остатков очагов, наибольшей концентрации вещевых находок и лепной керамики. Три из таких объектов можно предположительно отнести к остаткам жилых построек, назначение других неясно.

Постройка № 1 выделена по скоплению столбовых ям и остатков очага в юго-западной части площадки городища, у ее края (рис. 9). Северо-западный угол постройки отмечен в материке двумя столбовыми ямами – № 10 и № 11. Яма 10 имела на уровне дна диаметр 0,36 м и глубину 0,34 м (от уровня поверхности материка). Овально-вытянутая по форме яма 11 имела размеры 0,36 x 0,65 x 0,18 м. Юго-западный угол постройки отмечен тремя столбовыми ямами (№ 3, 4, 6) округлой формы с диаметрами 0,4–0,5 м и глубиной 0,12–0,35 м. Юго-восточный угол постройки также отмечен столбовой ямой (№ 13) с диаметром 0,25 м и глубиной 0,3 м. В заполнении всех ям обнаружены обломки груболепных сосудов (рис. 9, 1, 2) и кусочки глиняной обмазки.

Рис. 12. План разреза вала № 1 на уровне материковой поверхности. Профили вала. Маламахово, городище 1
 1 – дерн; 2 – супесь коричневая мягкая с золой и обожженной глиной; 3 – супесь серая рыхлая; 4 – супесь серая рыхлая с вкраплениями глиняной обмазки и угольков; 5 – супесь серая рыхлая с вкраплениями глиняной обмазки; 6 – супесь серая рыхлая с примесью белесого плотного суглинка; 7 – суглинок серо-коричневый плотный; 8 – суглинок серо-коричневый мягкий с вкраплениями белесого плотного суглинка; 9 – суглинок серо-коричневый плотный с линзами желто-коричневой плотной глины; 10 – суглинок светло-серый (белесый) плотный гумусированный; 11 – глина желто-коричневая рыхлая с прослойками плотной обожженной глины; 12 – супесь черная углистая мягкая; 13 – глина желто-коричневая рыхлая или плотная; 14 – глина желто-коричневая рыхлая с прослойками плотной обожженной глины и вкраплениями глиняной обмазки; 15 – суглинок серый плотный с мелкими вкраплениями обожженной глины и угольков; 16 – глина красная обожженная плотная с редкими вкраплениями угольков; 17 – суглинок темно-серый плотный; 18 – суглинок белесый плотный с вкраплениями темно-коричневого плотного суглинка; 19 – материк – глина коричневая плотная; 20 – обожженное дерево; 21 – обожженный камень; 22 – древесный тлен

Рис. 13. Маламахово, расположение памятников археологии. Вид из поймы р. Исьма
1 – стоянка 1; 2 – городище и селище 1; 3 – стоянка 3

Вероятно, постройка располагалась по линии – северо-запад – юго-восток и имела размеры не менее чем 4,0 x 5,5 м. Почти в центре постройки располагалась очажная яма (№ 5) прямоугольной формы размерами 0,6 x 0,9 м и глубиной до 0,23. На ее дне зафиксировано скопление мелких, в том числе обожженных, камней, лежавших на глиняной, также обожженной, обмазке толщиной до 3 см. Заполнение ямы состояло из жирной черной углистой супеси. На камнях лежали обломки лепного сосуда со следами копти на поверхности. Возможно, данная постройка имела столбовую конструкцию и являлась жилищем. В ее предполагаемых границах зафиксированы ямы № 8, 9 и 14, а также найден обломок пряслица (рис. 5, 5).

Аналогии такой постройке известны на поселениях первой половины I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы. Ярким примером может служить городище у д. Подгай в верховьях р. Западная Двина. Открытые там сооружения имели аналогичную столбовую конструкцию, близкие размеры и ориентировку по оси северо-запад – юго-восток. В центре их также находились остатки очагов (Станкевич, 1960. С. 160, 164, 176. Рис. 31, 1).

Постройка 2 выделена по скоплению столбовых ям, канавке, обожженному дереву и остаткам очага в северо-западной части площадки городища, у ее края (рис. 9). Юго-западная граница постройки отмечена рядом столбовых ям округлой формы диаметром 0,22–0,26 м и глубиной 0,16–0,33 м (№16–18), расположенных по линии юго-запад – северо-восток (рис. 10). В их заполнении найдены кусочки глиняной обмазки и обломки лепных сосудов. Ряд более мелких ямок отмечен на дне проходившей внутри постройки с юго-запада на северо-восток канавки (глубина до 0,11 м, ширина – до 0,16 м). В северо-восточной части

предполагаемой постройки, на материке лежали обгоревшие деревянные плашки в виде полосы до 3,6 м в длину. К северу от них зафиксировано аморфное пятно сильно прокаленной глины длиной до 1,12 м, шириной – до 0,6 м, толщиной 3–4 см. Материк под ним также был прокален и имел красноватый оттенок. Возможно, что в этом месте был очаг.

В предполагаемых пределах постройки, в слое и на материке сделан ряд находок: обломок ножа (рис. 5, 9), обломки глиняных грузиков (рис. 5, 12, 13), часть миниатюрного сосулика (рис. 8, 5). О размерах и ориентировке постройки сказать с уверенностью нельзя. Вероятно, она имела столбовую конструкцию, очаг и могла являться жилищем. Следует также отметить и значительную концентрацию здесь обломков лепной посуды (378 экз.), а также отдельное скопление лепной керамики (196 экз.) (рис. 9, 3–5). Остатки очага, как и самой постройки, срезаны более поздней ямой (№ 15).

Постройка 3 выявлена при прорезке вала № 3 и зафиксирована в пределах траншеи. Ее следами являются шесть столбовых, округлых ям диаметром 0,15–0,2 м и глубиной 0,17–0,49 м, а также очажная яма (яма 12) (рис. 9). Пять ям расположены четко по линии север – юг на протяжении 4,2 м, находясь в 0,6–1 м друг от друга. С севера к ним примыкает округлая очажная яма диаметром около 1 м и глубиной до 0,25 м. Ее заполнение состояло из плотной супеси серого цвета сверху и черного – у дна, где она была перемешана с угольками и золой. На дне ямы находилась прослойка (1–2 см) обожженной глины, на которой лежали обломки обожженных камней, плоская каменная плитка и донце груболепного сосуда. Все ямы были перекрыты слоем погребенного дерна, на котором находилась гли-

Рис. 14. Подъемный материал. Маламахово, стоянка 2, селище 2

1–6 – обломки круговой посуды; 7 – обломок железного ножа; 8 – железный гвоздь; 9–14 – кремневые орудия

няная насыпь вала № 3, идущего по южному краю площадки городища. Ввиду сильной заросленности, расширить траншею и исследовать всю постройку было невозможно. Поэтому сказать что-либо определенное о ее размерах и конструкции нельзя. Судя по наличию очага, столбовых ям и их расположению, можно предполагать деревянный каркас стен и ее жилой характер (если очаг находился внутри). Аналогия этой постройке известна на городище Луковня в Подмосковье, где было вскрыто множество столбовых ямок диаметром до 0,3 м, располагавшихся также четко по определенным линиям на расстоянии 0,1–0,4 м друг от друга. Ряды ямок были ориентированы по линиям северо-запад – юго-восток и северо-восток – юго-запад, образуя в центре раскопа угол «длинной» постройки (Векслер, 1976. С. 17–18. Рис. 12).

Постройка 4 (яма 23) исследована также не полностью. Располагалась она в восточной части площадки городища, у вала № 1 (рис. 11). В пределах раскопа ее размеры составляли 7 x 4 м, а глубина – 0,65–1,08 м. В плане ее углубленный в материк котлован имеет прямоугольную форму и расположен параллельно валу № 1. Материковые стенки полого понижаются к ровному дну рядом уступов. Заполнение углубленной части состоит из двух горизонтов – верхнего и нижнего, разделенных прослойкой из материковой глины. С первоначальным функционированием этого сооружения связан нижний горизонт (толщина до 0,5 м, серый и черный углистый суглинок с вкраплениями обожженной глины и обмазки). В нем найдено: 431 обломок лепной посуды (как на рис. 11) и 7 обломков круговой, попавших сюда случайно из верхнего горизонта, 57 костей и зубов животных (некоторые со следами

обработки), точильный каменный брусок (рис. 5, 14), обломки зеленой стеклянной бусины (рис. 5, 2), обломок глиняной литейной формочки (рис. 5, 3). У юго-восточного края котлована, в предматериковом слое найдена глиняная бусина (рис. 5, 1). В северной части котлована находились три округлых столбовых ямки (№ 14, 20, 21) диаметром до 0,3 м и глубиной до 0,2 м. С севера же к котловану примыкал ряд мелких столбовых ямок (диаметр – 6–16 см, глубина – 6–10 см), вероятно, обозначая вход в постройку. Назначение постройки неясно. В поздний (древнерусский) период заплывший котлован этой постройки был использован в качестве подполья наземного жилища с печью-каменкой.

Не исключено, что в юго-западной части площадки, также у края, могла находиться еще одна наземная постройка. Одной из ее границ могла служить канавка, тянувшаяся по линии запад – восток на 4,1 м и затем – по линии северо-запад – юго-восток на 0,6 м (уходила за пределы раскопа), очерчивая угол сооружения. Ширина ее – 0,14–0,44 м, глубина – 0,09–0,27 м. На дне сохранились углубления от кольев, у края стенки – две столбовые ямки диаметром 0,08–0,10 м и глубиной 0,07–0,08 м. С остатками этой постройки могла быть связана и яма № 2 округлой формы (диаметр 0,46 м и глубина 0,14 м). В ее заполнении найдены кремневый скол и два обломка груболепного сосуда. По расположению канавки (одной из вероятных границ постройки) можно предположить, что постройка была вытянута по линии северо-запад – юго-восток, так же, как и остальные сооружения этого периода на городище.

Таким образом, для раннего периода жизни на городище можно предполагать наличие трех-четырех наземных построек и одной углубленной. Три из них, вероятно, были жилыми. Все наземные постройки располагались в южной и юго-западной частях площадки, у ее края, на очень близком расстоянии друг от друга (1,0–1,5 м); углубленная – в восточной части у внутреннего вала. Для всех построек характерна почти единая ориентировка – северо-запад – юго-восток и север – юг. Пространство между ними площадью около 70 кв. м. было свободным и могло использоваться в качестве двора. Именно здесь, в центре площадки был наименьший по мощности (около 0,18–0,25 м) и слабовыраженный по окраске культурный слой, содержащий незначительное число обломков лепной посуды.

Наземные постройки столбовой конструкции открыты на позднелужицких городищах первой половины I тыс. н.э. Например, на Дьяковом городище их остатки прослеживались в культурном слое. В плане они имели подквадратную форму (около 4,0 x 4,5 м) и были ориентированы с севера на юг с отклонениями к западу и востоку. В центре жилых построек находились очаги. По мнению Н.А. Кренке, стенами некоторых из них мог быть плетень, о чем говорят находки кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев (Кренке, 1987. С. 137–138). На городище Луковня

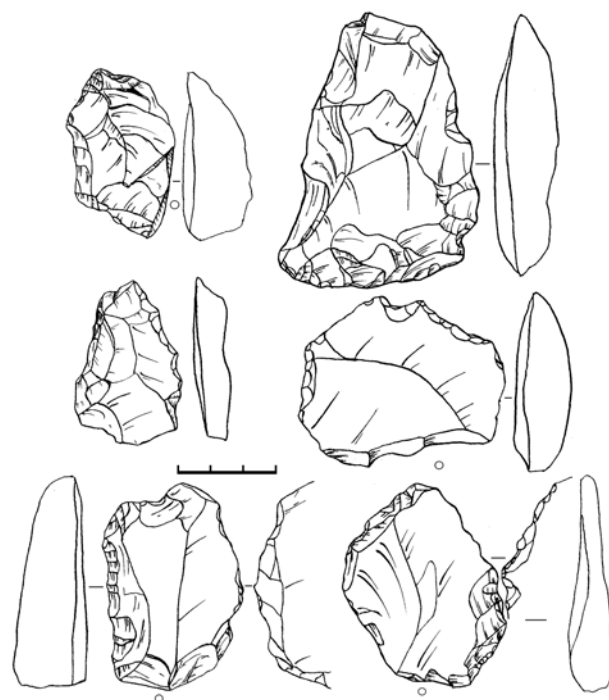

Рис. 15. Кремневые орудия. Подъемный материал. Маламахово, стоянка 3

наземные столбовые постройки имели также подквадратную форму (от 4 x 4 м и более) и ориентировку северо-запад – юго-восток (Векслер, 1973. С. 64–65. Рис. 42; 1975. Рис. 8). На поселении Орлов городок (бассейн р. Мологи) остатки столбовых ям с очажными пятнами прослежены и в слое, и в материке. Судя по их расположению, жилища также были ориентированы по оси северо-запад – юго-восток, редко имея меридиональное расположение (Максимов, 1982. С. 20–21. Рис. 64).

Остатки дерева, как правило, в виде обгоревших плашек также обнаружены на многих поселениях этого периода. Например, в верхнем слое городища Михайловское (бассейн р. Западная Двина) хорошо сохранились обожженные плахи и мелкие бревна, которые использовались в конструкции наземных жилых построек. Последние были ориентированы по оси северо-запад – юго-восток, имели в плане подквадратную и прямоугольную формы (от 2,5 x 3,0 м до 3,0 x 8,0 м и более), а также остатки очагов внутри них (как правило, в центре или в восточной части) (Станкевич, 1960. Рис. 49. С. 204–212). На материке городища у д. Слобода Глушица на Смоленщине были зафиксированы разбросанные куски обожженных плах, которые П.Н. Третьяков также считал остатками сгоревших стен или стропил крыш сооружений (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 110. Рис. 57).

Прорезки валов № 1 (рис. 2) и № 3 показали их внутреннее устройство². Вал № 1 достигал высоты 1,8 м при ширине у основания до 8 м. Несомненно, что в древности он был выше. Его основу составляет очень

² Вал № 3 относится к позднему этапу функционирования поселения и в данной работе не рассматривается.

плотный суглинок, перекрытый слоем серой рыхлой супеси (рис. 12) С внешней стороны верхняя часть склона состояла из плотно утрамбованной обожженной глины. Насыпь вала лежала на серовато-белесом плотном гумусированном суглинке толщиной до 0,17 м, составлявшем покровную часть материка (погребенный дерн?). Ближе к внутренней стороне насыпи на поверхности материка прослежены фрагментарно сохранившиеся остатки деревянной конструкции в виде обожженных плах длиной до 1,2 м, шириной до 0,15 м и толщиной до 0,09 м, лежащих в форме прямоугольника. Продольно расположенные плахи шли параллельно оси вала. С тыльной и внешней сторон деревянных конструкций находились столбовые ямы диаметром до 0,3 м и глубиной до 0,6 м (ямы № 26–31), которые также шли параллельно оси вала, располагаясь двумя (или тремя?) рядами (рис. 12).

Оборонительная конструкция может быть представлена в виде двух или трех параллельных рядов из вертикально стоявших столбов (на расстоянии от 0,6 м до 1,1 м друг от друга), к которым прикреплялись более мелкие бревна и/или доски. Тем самым получались своеобразные конструкции типа перегородок (или срубов?), заполненных грунтом (глиной). С внешней стороны эта деревянная каркасная стена была присыпана плотно утрамбованной и обожженной глиной. Вероятно, небольшая присыпка из обожженной глины была еще и с внутренней стороны стены, на площадке.

Блиские по конструкции оборонительные сооружения исследованы на городище Рудня в бассейне р. Ловать, которые Я.В. Станкевич датировала серединой I тыс. н.э. (Станкевич, 1960. С. 273–276.

Табл. LIX). Основу многих валов на дьяковских поселениях, как ранних, так и поздних, также составляет очень плотная, часто обожженная глина с остатками деревянных конструкций, также обожженных (Бушаринское и Успенское в Подмоскowie, Пекуновское на Верхней Волге и др.) (Краснов и др., 1963. С. 205. С. 210; Бадер, 1950. С. 113–115. Рис. 32 и др.).

Никаких перестроек в конструкции вала не зафиксировано. Видимо, вал является остатками одновременного сооружения, возведенного в ранний период жизни на городище, в момент его заселения во второй четверти I тыс. н.э.

К сожалению, находки данного периода не дают целостной картины хозяйственного уклада поселения. Наверняка, он был таким же, как и на других позднедьяковских поселениях и состоял из земледелия, скотоводства и различных промыслов. О содержании мелкого домашнего скота свидетельствуют находки костей свиньи, о рыбной ловле – кости крупных рыб, занятии охотой – кабаньи клыки из нижнего заполнения ямы № 23 (постройка 4). Обломки посуды, пряслица и обломок литейной формочки свидетельствуют о наличии домашнего ремесла. Естественно, что в его рамки входила и обработка шкур, дерева, кости и другие занятия. Находка обломков стеклянной бусины, ведущей свое происхождение из античного мира, указывает на широкие связи позднедьяковского населения. Небольшое число зафиксированных остатков построек говорит о малой численности населения поселка в тот период. К сожалению, из-за отсутствия соответствующих находок ничего нельзя сказать о духовной жизни населения, их верованиях.

Литература

- Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М., 1966. Стеклоделие Танаиса // СА. № 2.
- Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. М. (САИ. Вып. Г1-12).
- Алексеев Л.В., 1976. Домен Ростислава Смоленского. // Средневековая Русь. М.
- Алексеев Л.В., 1979. Периферийные центры домонгольской Смоленщины // СА. № 4.
- АКР. Московская область. Ч. 2. М. 1995.
- АКР. Московская область. Ч. 4. М. 1997.
- АКР. Калужская область. М. 2006.
- Атлас Калужского наместничества. СПб., 1782.
- Бадер О.Н., 1950. Древние городища на Верхней Волге // МИА. № 13.
- Векслер А.Г., 1973. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в г. Москве и Луковинского городища в Московской области в 1973 г. // Архив ИА. Р-1. № 5089.
- Векслер А.Г., 1975. Отчет об археологических раскопках городища Луковня в Подольском р-не Московской обл. в 1975 году // Архив ИА. Р-1. № 5453.
- Векслер А.Г., 1976. Отчет об археологических раскопках городища Луковня в Подольском районе Московской области в 1976 году // Архив ИА. Р-1. № 6898.

- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
- Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Изомова С.А., 1955. Отчет о раскопках Супрутского городища Тульской области в 1955 г. // Архив ИА. Р-1. № 1197.
- Краснов Ю.А., Краснов И.А., 1963. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки // СА. № 1.
- Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук // Архив ИА. Р-2. № 2329.
- Максимов А.Д., 1982. Отчет о раскопках городища Орлов городок в Молоковском районе Калининской области в 1982 году // Архив ИА. Р-1. № 10012.
- Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. // МИА. № 72.
- Прошкин О.Л., 1988. Отчет об археологических разведках в Малоярославецком и Боровском районах Калужской области в 1987 г. // Архив ИА. Р-1. № 12001.
- Прошкин О.Л., 1990. Археологическая карта Боровского района. Калуга.

Прошкин О.Л., 1999. Городище Маламахово (к вопросу о социально-экономической структуре древнерусских поселений Верхнего Поочья) // Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 5. М.

Прошкин О., 2004. Древнерусская керамика городища Маламахово на верхней Оке // Український керамологічний журнал. 1.

Прошкин О.Л., Фролов А.С., 1993. О находке каменного боевого топора на городище у деревни Маламахово // Боровский краевед. Вып. 5. Боровск.

Розенфельдт И.Г., 1971. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. М.

Смирнов К.А., 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. М.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.

Сорокин А., 2006. Мезолит Оки. Проблемы культурных различий. М.

Сорокин А.Н., 2008. Мезолитоведение Поочья. М. Список населенных мест Калужской губернии. Калуга, 1903.

Станкевич Я.В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // МИА. № 76. М.–Л.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.–Л.

Фролов А.С., 2008. Находки каменного века на памятниках других эпох // Таруса в исследованиях краеведов. Вып. 2. Калуга.

Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.

O.L. Proshkin, A.S. Frolov

The early periods of settlement Malamakhovo in Protva river basin

Summary

Settlement Malamakhovo is situated on the left bank of Isma river (left tributary of Protva river), in the northern part of the reaches of upper Oka (Borovskiy district of Kaluga Region). In early times there was a site of the Stone Age, then a fortified settlement (the first half of the 1st millenium AD) and village site (the 13th – the 14th cc.).

This publication describes the results of archaeological researches of first and second early periods.

The site of the Stone Age is dated by Mesolithic time. Tools and waste of flint industry were found there. The fortified settlement is dated by the 3rd to the 5th c. The most of findings (household goods, jewellery and ets.), remains of constructions, defenses are dated back to this period.

Приложение

Археологическая карта окрестностей д. Маламахово

Стоянка 1 (рис. 1, рис. 13).

Находится в 0,15 км к юго-востоку от д. Маламахово, на склоне мыса левого берега р. Исьмы, в 40 м к юго-востоку от дороги из с. Совьяки в д. Аграфенино. Высота над урезом воды в реке – 10,5–19,5 м. Размеры (по распространению подъемного материала) по оси север – юг – около 50 м, по оси запад – восток – от 10 м до 35 м.

Мыс в этом месте нарушен береговой эрозией и зарос кустарником.

В 1988 г. на указанной выше площади А.С. Фроловым были собраны кремневые сколы и обломки орудий периода мезолита.

Стоянка 2, селище 2 (рис. 1).

Находятся в 0,5 км к югу от д. Маламахово, на правом берегу р. Исьмы, в 0,10–0,15 км к востоку и юго-востоку от дачных участков. Высота над урезом воды в реке – 3–10 м. Селище тянулось вдоль берега на расстояние до 260 м, при ширине 25–80 м, стоянка – до 140 м (по распространению подъемного материала).

В 1991 г. и 1992 г. О.Л. Прошкиным собран подъемный материал: кремневые орудия (рис. 14, 9–14), отщепы, мелкие обломки груболепной посуды и обломки круговых сосудов (рис. 14, 1–6), обломок рукояти железного ножа и железный кованый гвоздь (рис. 14, 7, 8), позволившие датировать стоянку периодом мезолита, а селище – первой половиной I тыс. н.э. и XIV–XVII вв.

Стоянка 3 (рис. 1; 13).

Находится в 0,35 км к юго-востоку от д. Маламахово, на правом берегу р. Исьмы, в устье ручья. Высота над урезом воды в реке – 0,5–4,0 м. Площадь сбора подъемного материала – около 10 х 50 м. Велика вероятность смыва в этом месте находок с площадки второй надпойменной террасы.

В 1991–1992 гг. О.Л. Прошкиным здесь найдены массивные отщепы и патинизированные кремневые орудия, обработанные крупными грубыми сколами (рис. 15).

Городище 2 (рис. 1).

Находится в 1 км к северу от д. Маламахово. Расположено на мысу левого берега р. Исьмы, в ее излучине. Площадка мыса понижается с северо-востока на юго-запад, в сторону поймы. Высота площадки го-

родища над урезом воды в реке – 10–25 м. Размеры – 25–40 х 110 м.

С северо-восточной, напольной стороны, площадка защищена двумя валами и ровом перед ними. Внешний вал имеет высоту до двух метров и ширину у основания до 12 м, внутренний вал соответственно – до 0,7 м и до 5 м. Ров глубиной 2–4 м и шириной до 15 м. Поверхность площадки городища залесена.

Выявленный в шурфе (1х1 м) культурный слой мощностью до 0,35 м содержит обломки груболепных сосудов первой половины I тыс. н.э., аналогичных керамике раннего периода городища 1 у д. Маламахово.

Селище 1 (рис. 1; 13).

Находится в 30 м к северо-востоку от городища 1, на мысу левого берега глубокой лощины. Селище занимает, вероятно, всю площадку мыса квадратной в плане формы. Размеры: по оси юго-запад – северо-восток – до 30 м, по оси северо-запад – юго-восток – до 28–30 м. Общая площадь около 730 кв. м. Высота над дном лощины – 10,5–12 м.

Слабовыраженный культурный слой (серо-коричневый плотный суглинок) мощностью до 0,24 м содержит обломки круговых сосудов и медную пряжку XIV–XV вв.

Селище 3 (рис. 1).

Примыкает с юго-запада к мысу, где находится городище 2, располагаясь у его подножия, на мысовидной возвышенности в пойме р. Исьмы. Высота над урезом воды в реке – 5–6 м. Размеры: по оси запад – восток – до 90 м, по оси север – юг – до 40 м.

Культурный слой мощностью до 0,3 м содержит обломки груболепных сосудов первой половины I тыс. н.э., аналогичные найденным на городищах 1 и 2.

Селище 4 (рис. 1).

Находится в 0,6 км к северо-востоку от д. Маламахово, на левом берегу р. Исьмы, на мысу между лощинами. Площадка мыса понижается к юго-западу, в сторону реки. Высота над урезом воды в реке – 33–37 м. Размеры: по оси север – юг – 30 м, по оси запад – восток – 85 м. Общая площадь – около 2500 кв. м.

Поверхность мыса залесена. В 1995 г. в заложенном шурфе (1,0 х 1,5 м) выявлен культурный слой мощностью до 0,25 м. Найдены обломки круговой древнерусской посуды.

Е.П. Зоц, С.А. Зоц

Реконструкция женского погребального костюма по материалам курганного могильника Новоселки 2

Курганная группа Новоселки-2, расположенная в лесу, в 600 м от р. Клязьмы (Химкинский район Московской области), была раскопана в 2008 г. в ходе спасательных археологических исследований, проведенных Подмосковной экспедицией отдела охранных раскопок Института археологии РАН¹ (рис. 1). Уникальность памятника состоит в его удивительной для наших дней сохранности – только три из 20 насыпей были повреждены грабительскими ямами, а захоронения уничтожены лишь в двух из них. Могильник изучен полностью.

Сначала в общих чертах рассмотрим, как представлены в материалах погребений могильника различные детали костюма.

Головной убор. Основной составляющей головного убора были височные кольца, обнаруженные практически во всех женских погребениях могильника, за исключением одного погребения (погр. 2 в кург. 1). Большинство височных колец – семилопастные, судя по местам их обнаружения в погребениях, они носились с каждой стороны по одному или по два, внахлест, с небольшим смещением по высоте.

Перстнеобразные кольца в данном могильнике лишь дополняли убор с семилопастными. Так, в курганах 10 и 11 на них подвешивались лопастные кольца. В курганах 4 и 11, исходя из расположения перстнеобразных колец относительно черепа и других деталей костюма, можно предположить, что они вставлялись в уши в качестве сережек (Коваль, 2009. С. 33–34, 72). Нужно отметить, что в обоих случаях они находились только с левой стороны от черепа. В курганах 1 (погребение 1) и 20 перстнеобразные височные кольца были единственным сохранившимся элементом головного убора. В кургане 1 – два экземпляра справа от черепа, в кургане 20 – по одному с каждой стороны.

Перстнеобразные височные кольца также являлись украшением детского головного убора. Так, в погребении ребенка четырех лет (курган 10, погребение 1) у правого виска находилось одно такое кольцо, в погребении 3 кургана 19 в детском захоронении встречено по два кольца с каждой стороны, причем два из них были продеты во фрагмент кожи (Коваль, 2009. С. 64, 118).

Способы крепления височных колец зачастую определить трудно. Иногда сохраняются веревочки или шнурочки, на которых они привешивались или которыми скреплялись. Заслуживает внимания способ крепления височных колец в погребении 2 кургана 10: прядь волос, располагавшаяся над ухом горизонтально, была продета в перстнеобразное височное кольцо, на котором, в свою очередь, висело семилопастное височное кольцо (рис. 2).

Воротники. Сами по себе воротники или их фрагменты сохраняются редко. Однако их наличие можно предположить по некоторым другим деталям. Например, обнаружение в районе шеи пуговицы, как в кургане 15, или одной бусины, как в кургане 6, может указывать на наличие застегивавшегося ворота. Воротники или ожерелья могли расшиваться бусами – в этом случае расположение бус будет отличаться от висящего на шее ожерелья (курган 4) (Рабинович, 1988. С. 141, 142; Сабурова, 1997. С. 99, 100).

Поневы. Иногда в районе рук погребенных обнаруживают фрагменты ткани, которые можно интерпретировать как остатки понев. В некоторых случаях удается определить их расцветку. Так, в кургане 10 (погребение 2) под браслетом правой руки в районе тазовых костей погребенной женщины был найден фрагмент шерстяной ткани синего или зеленого цвета². Еще один фрагмент поневы обнаружен в кургане 11 – клетчатая ткань из синих и красных шерстяных нитей.

¹ Благодарим начальника Подмосковной экспедиции ИА РАН А.В. Энговатову и руководителя раскопок В.Ю. Коваль (2009) за предоставленный для изучения неопубликованный материал.

² Остатки тканей из погребений курганного могильника Новоселки 2 изучены О.В. Орфинской (см. ее статью в настоящем сборнике).

Обувь. Этот элемент костюма в курганах встречается крайне редко. В курганном могильнике Новоселки 2 остатки обуви обнаружены в двух курганах – 2 и 10, причем в кургане 2 – в мужском погребении (рис. 3). В обоих случаях, по мнению Д.О. Осипова, можно говорить о туфлях (Осипов, 2009. С. 1, 2).

Обереги. Частью костюма также являются обереги. Из этой категории находок была встречена лунница из белого металла в детском погребении в кургане 19.

Открытым остается вопрос об интерпретации фрагмента одежды из погребения 1 кургана 1. На костях правой руки, поверх браслета, а также под перстнем этой же руки были обнаружены фрагменты клетчатой ткани, состоявшей из синих (зеленых) и красных шерстяных нитей. Ткань имеет вертикальные и горизонтальные разреженные полосы.

Исходя из расположения данной ткани в погребении и ее расцветки, можно предположить, что это остатки длинного платка или плаща (рис. 4). Однако, учитывая возраст погребенной – 10–13 лет (Добровольская, Гусев, 2009. С. 7), на наш взгляд, последний вариант более вероятен.

Теперь рассмотрим более подробно погребальный костюм в комплексе, на примере некоторых погребений.

Курган 4. Погребение 1 (рис. 5)

В могиле была похоронена женщина в возрасте старше 50 лет (Добровольская, Гусев, 2009. С. 7). В силу возраста погребенной, можно предположить, что голова ее была покрыта платком или повоем. Семипалестные височные кольца крепились к головному убору шерстяными веревочками, одна из которых была найдена у левого виска. Под височными кольцами сохранился фрагмент прически – пряди волос, свернутых «капелькой». Подобный элемент прически мог служить защитой в качестве прокладки между виском и кольцом, и нести эстетическую нагрузку (Сабурова, 1997. С. 99). У левого же виска находилось перстнеобразное височное кольцо, являвшееся, скорее всего, сережкой. Подобный вариант ношения височных колец был зафиксирован в погребальном костюме Верхневолжья и Вологодчины (Сабурова, 1974. С. 86–99. Рис. 1).

На шею погребенной была надета витая тройная гривна с припаянными наконечниками. Также в районе шеи зафиксированы восемь сердоликовых бипирамидальных бусин, лежавших на равном расстоянии друг от друга, а две бусины зафиксированы рядом под позвонками. Можно предположить, что бусины были пришиты на воротник-ожерелку, имевший разрез сзади.

Недалеко от правого виска был обнаружен фрагмент ткани. Еще один фрагмент сохранился поверх гривны. По определению О. В. Орфинской, это фрагменты одного изделия. Его верхний (основной) слой – шерстяная ткань синего цвета с вышивкой фигур красного и зеленого цветов, расположенных параллельно краю. Изделие имело подкладку из растительных волокон и по кромке было подшито шелко-

вой тканью. Таким образом, можно предположить, что погребенная женщина была одета в утепленный плащ с шелковой отделкой.

На обеих руках женщины были надеты украшения из медных сплавов: по одному витому браслету на каждой руке; на пальцах левой руки – два решетчатых перстня (на указательном и безымянном пальцах) и несомкнутый витой перстень (на среднем пальце); кисть правой руки украшали плетеный перстень (на безымянном пальце) и пластинчатый перстень (на среднем пальце).

Курган 11. Погребение 1 (рис. 6; 7)

В погребении была похоронена женщина 20–29 лет (Добровольская, Гусев, 2009. С. 8). Голову погребенной покрывала льняная ткань – платок или повой. Ее фрагмент сохранился под височными кольцами у левого виска. Семипалестные кольца привязывались тонкой (около сантиметра шириной) тканой тесьмой к перстнеобразным, которые, в свою очередь, крепились к очелью. Под височными кольцами сохранился фрагмент прически – прядь русых волос, свернутых «капелькой». Очелье представляло собой шерстяную тканую красно-синюю тесьму с ромбическим орнаментом. Около левого виска, немного ниже височных колец, находилось еще одно перстнеобразное кольцо, которое, могло служить серьгой.

Правая рука была украшена пластинчатым загнутоконечным браслетом и решетчатым перстнем, надетым на безымянный палец; еще два решетчатых перстня находились на безымянном и среднем пальцах левой руки (все украшения – из медных сплавов).

Под браслетом, в районе тазовых костей, находился фрагмент клетчатой ткани из синих и красных шерстяных нитей. Скорее всего, это остатки поневы.

Курган 14. Погребение 1 (рис. 8)

В погребении была похоронена женщина 30–39 лет (Добровольская, Гусев, 2009. С. 8). В головной убор погребенной входила кожаная лента (очелье) шириной около 2 см, ее остатки находились под черепом. Там же и в районе висков прослежены фрагменты ткани, возможно, от платка (повоя). Рядом с черепом лежали девять шарообразных бус из горного хрусталя, украшавшие, скорее всего, кожаное очелье; к этому набору, вероятно, относились еще две бусины, обнаруженные с другой стороны от черепа. К очелью на кожаных ремешках (толщиной 1 см) привешивались перстнеобразные височные кольца, по одному с каждой стороны.

Вокруг головы, несколько ниже хрустальных, обнаружены рыбовидные и сердоликовые бусы. Среди них расчищены шесть перстнеобразных височных колец, а также две круглых золотостеклянных подвески. На наш взгляд, все это могло быть нашито на платок.

Шею погребенной украшала тройная витая гривна с припаянными наконечниками. На гривне висело еще одно перстнеобразное кольцо. В районе груди, с правой стороны от позвоночника, находилась золотостеклянная бусина, слева – вторая такая же бусина и

круглая золотостеклянная подвеска, идентичная тем, что входили в головной убор. Все эти украшения могли быть нашиты на рубашку.

Левая рука женщины была украшена витым браслетом из медного сплава и двумя пластинчатыми перстнями, на среднем и безымянных пальцах. На правой руке обнаружен совершенно идентичный набор украшений.

Курган 15. Погребение 1 (рис. 9)

В погребении была похоронена женщина 30–39 лет (*Добровольская, Гусев, 2009. С. 8*). На черепе обнаружена тканая тесьма с золотными нитями, служившая, очевидно, отделкой покрывавшего голову платка. С левой стороны от черепа лежали два перстнеобразных височных кольца (одно немного ниже другого), способ крепления которых установить не удалось. Под ними найдены фрагменты неопределенной из-за плохой сохранности ткани – скорее всего от платка. В районе шеи располагалась шаровидная пуговица из медного сплава, на которую, вероятно, застегивался ворот рубашки.

Руки женщины украшали браслет и перстни из медного сплава. На левой руке обнаружен пластинчатый загнутоконечный браслет, между ним и костями руки зафиксирован фрагмент лубяной полоски, – скорее всего, остаток жесткого опястья. Подобный элемент костюма был выявлен в Мякининском курганном могильнике (*Захарова, 2009. С. 165*). Кисть этой же руки украшали рубчатый и ложновитой перстни, надетые на средний палец. В комплекс украшений правой руки относились два пластинчатых перстня, надетых на средний и безымянный пальцы.

Курган 19. Погребение 2. Индивид 2 (рис. 10)

В погребении была похоронена женщина 30–39 лет (*Добровольская, Гусев, 2009. С. 8*). На черепе зафиксированы остатки тонкой шерстяной ткани плотного переплетения зеленого (синего) цвета, сложенной по краю в два слоя, – вероятно, головного платка. Под этой тканью, в районе затылка, обнаружены остатки очелья – тканой красно-синей тесьмы, скрученной с волосами в единый жгут. К очелью на

шерстяных шнурах (по два с каждой стороны от черепа), одно выше другого, внахлест привешивались семилопастные височные кольца. Под височными кольцами сохранились пряди волос, уложенные «капельками» (как в курганах 4 и 11).

Витая гривна медного сплава с припаянными наконечниками украшала шею женщины. Также на шее висело ожерелье, состоявшее из пяти стеклянных зонных (одна бирюзовая, остальные – желтые), 25 сердоликовых и 10 бусин из горного хрусталя. На правой руке находились два пластинчатых перстня из медного сплава, на левой – ложновитой перстень.

Курганная группа Новоселки 2, по всей видимости, принадлежала вятичам. Инвентарь погребений может датироваться в пределах середины XII – первой половины XIII в. Редкая сохранность органики и текстиля позволила реконструировать детали погребального костюма, которые сложно проследить на других могильниках, а на примере пяти погребений нам удалось рассмотреть женский погребальный костюм в комплексе.

Женский погребальный убор, представленный в данном могильнике, является типичным в целом для Северо-Восточной Руси домонгольской эпохи и вятичского региона в частности. Однако есть аспекты, заставляющие обратить на себя внимание. Интересна асимметричность ношения перстнеобразных височных колец в ушах (только с левой стороны). Остается открытым вопрос о прическе и ее сочетании с головным убором в кургане 19, когда тканая лента-очелье на затылке скручивалась с прядью волос. Этнографические и археологические исследования показывают, что убор пожилых женщин (старух) близок детскому, что подразумевает отсутствие большого количества украшений и неяркость одежды (*Павлова, 2008. С. 111; Степанова, 2009. С. 66*). Однако самая старая из женщин, погребенных в могильнике Новоселки 2 – более 50 лет (курган 4), имела один из самых богатых погребальных уборов, встреченных в этой курганной группе. Ее убор включал гривну (украшение, не часто встречающееся в вятичских погребениях) и отделанный вышивкой плащ на шелковой подкладке.

Литература

Добровольская М.В., Гусев К.А., 2009. Экспертиза антропологических материалов из раскопок курганного некрополя Новоселки-2 // Коваль В.Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на курганном могильнике Новоселки 2 в Химкинском районе Московской области в 2008 году. Приложение // Архив ИА РАН.

Захарова Е.П., 2009. Женский костюм и его детали по материалам Мякининского курганного могильника // АП. Вып. 5. М.

Коваль В.Ю., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках на курганном могильнике Новоселки 2 в Химкинском районе Московской области в 2008 году // Архив ИА РАН.

Осинов Д.О., 2009. Обувь из кургана 2 // Коваль В.Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на курганном могильнике Новоселки 2 в Химкинском районе Московской области в 2008 году. Приложение // Архив ИА РАН.

Павлова М.С., 2008. Женский костюм и структура традиционного общества: опыт построения модели // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.

Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.

Рабинович М.Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.

Сабурова М.А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2.

Сабурова М.А., 1997. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Степанова Ю.В., 2009. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь.

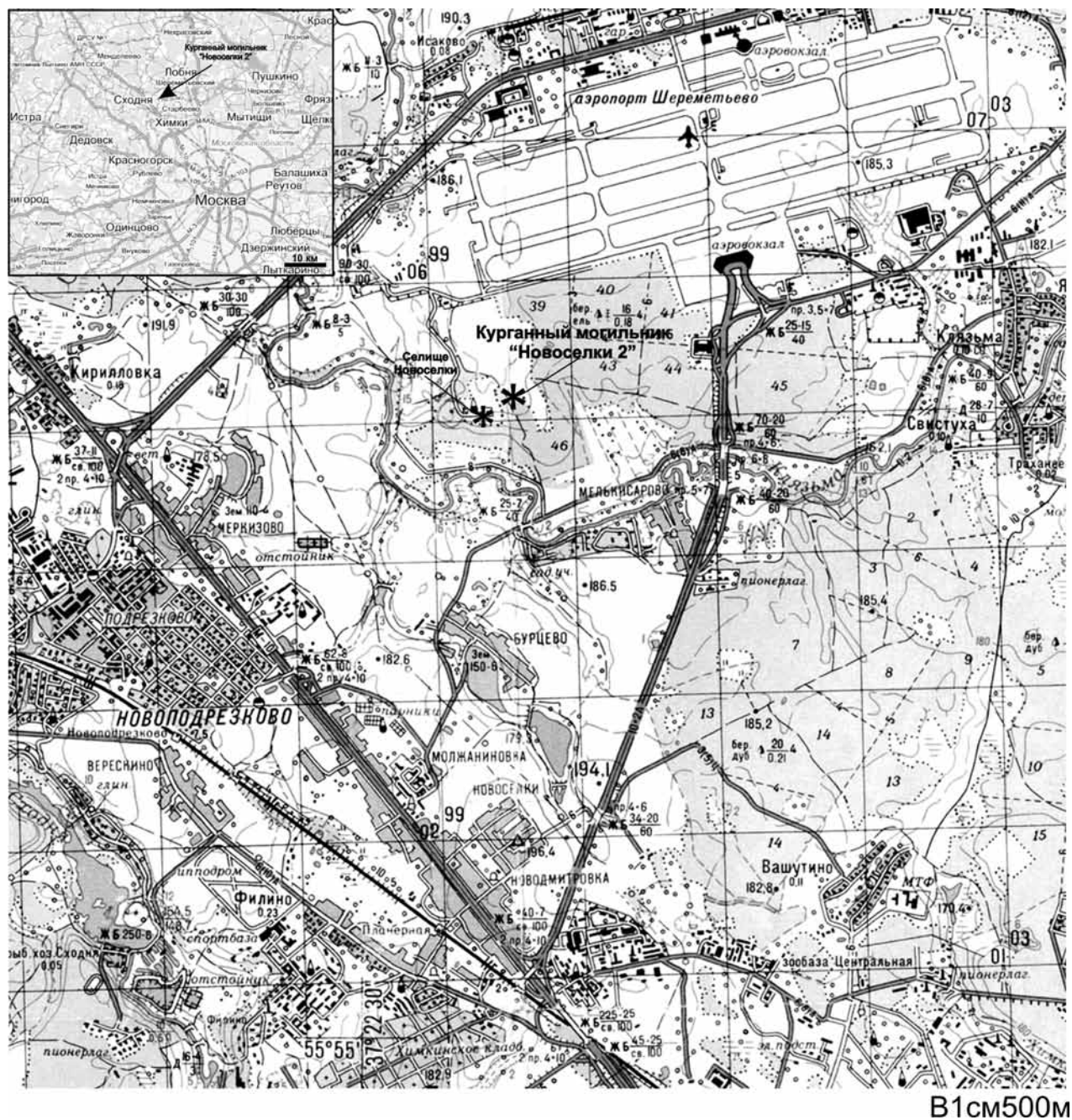
E.P. Zots, S.A. Zots

The reconstruction of female funeral costume on the material from the burial mounds Novoselki 2

Summary

An analysis of the stock from feminine burials from burial mounds Novoselki 2 (the Moscow region) is produced in this article for understanding the place of each thing in funeral suit and reconstruction of the suit as com-

plex. On example of five burials is presented the reconstruction of the feminine funeral cloth of the second half of the 12th – the beginning of the 13th c.

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Новоселки 2

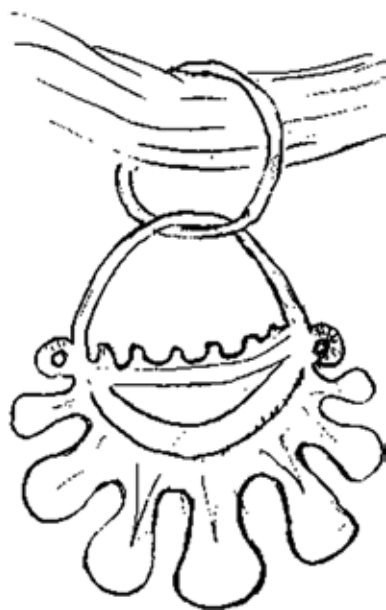

Рис. 2. Фрагмент прически. Курган 10. Погребение 2

Рис. 3. Остатки кожаных туфель на левой ноге погребенного. Курган 2. Погребение 1

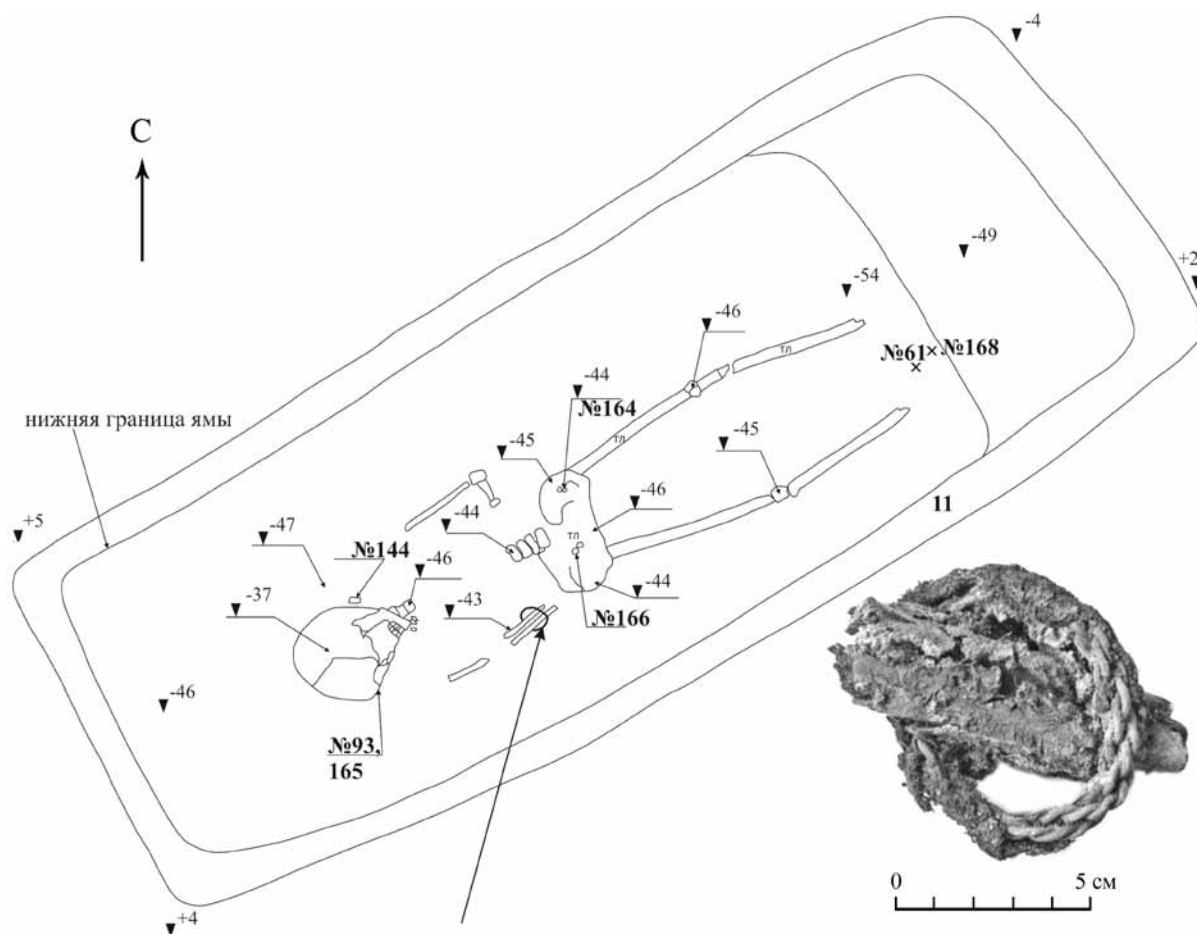

Рис. 4. Месторасположение браслета с фрагментом ткани. Курган 1. Погребение 1

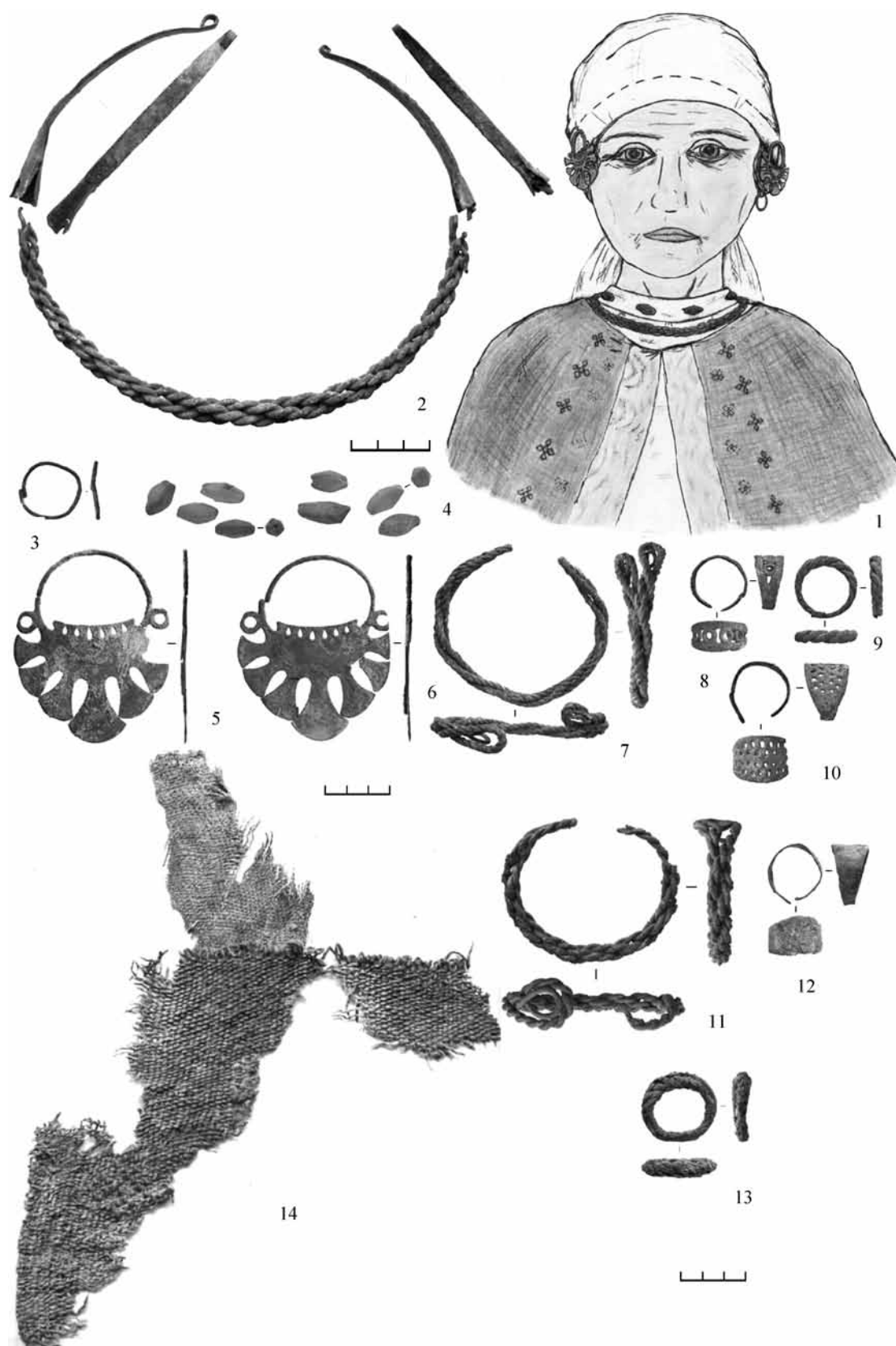
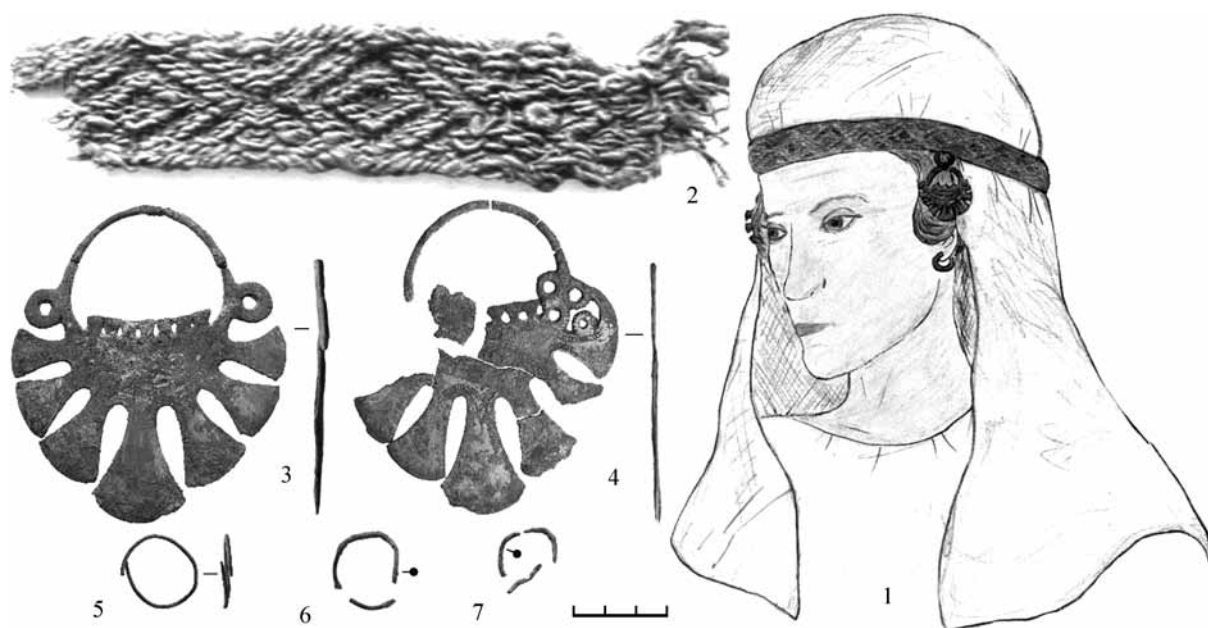

Рис. 5. Курган 4. Погребение 1

1 – реконструкция погребального убора (см. цв. вкл.); 2 – витая гривна; 3 – перстнеобразное височное кольцо; 4 – бусы сердоликовые; 5, 6 – семилопастные височные кольца; 7, 11 – витые браслеты; 8, 10 – решетчатые перстни; 9 – витой перстень; 12 – пластинчатый перстень; 13 – плетеный перстень; 14 – фрагмент ткани с гривны (фото О.В. Орфинской). 7–10 – комплекс левой руки; 11–13 – комплекс правой руки. (2, 3, 5–13 – медный сплав)

Рис. 6. Курган 11. Погребение 1

1 – реконструкция головного убора (см. цв. вкл.); 2 – фрагмент тканой тесьмы (фото О.В. Орфинской); 3, 4 – семилопастные височные кольца; 5–7 – перстнеобразные височные кольца. (3–7 – медный сплав)

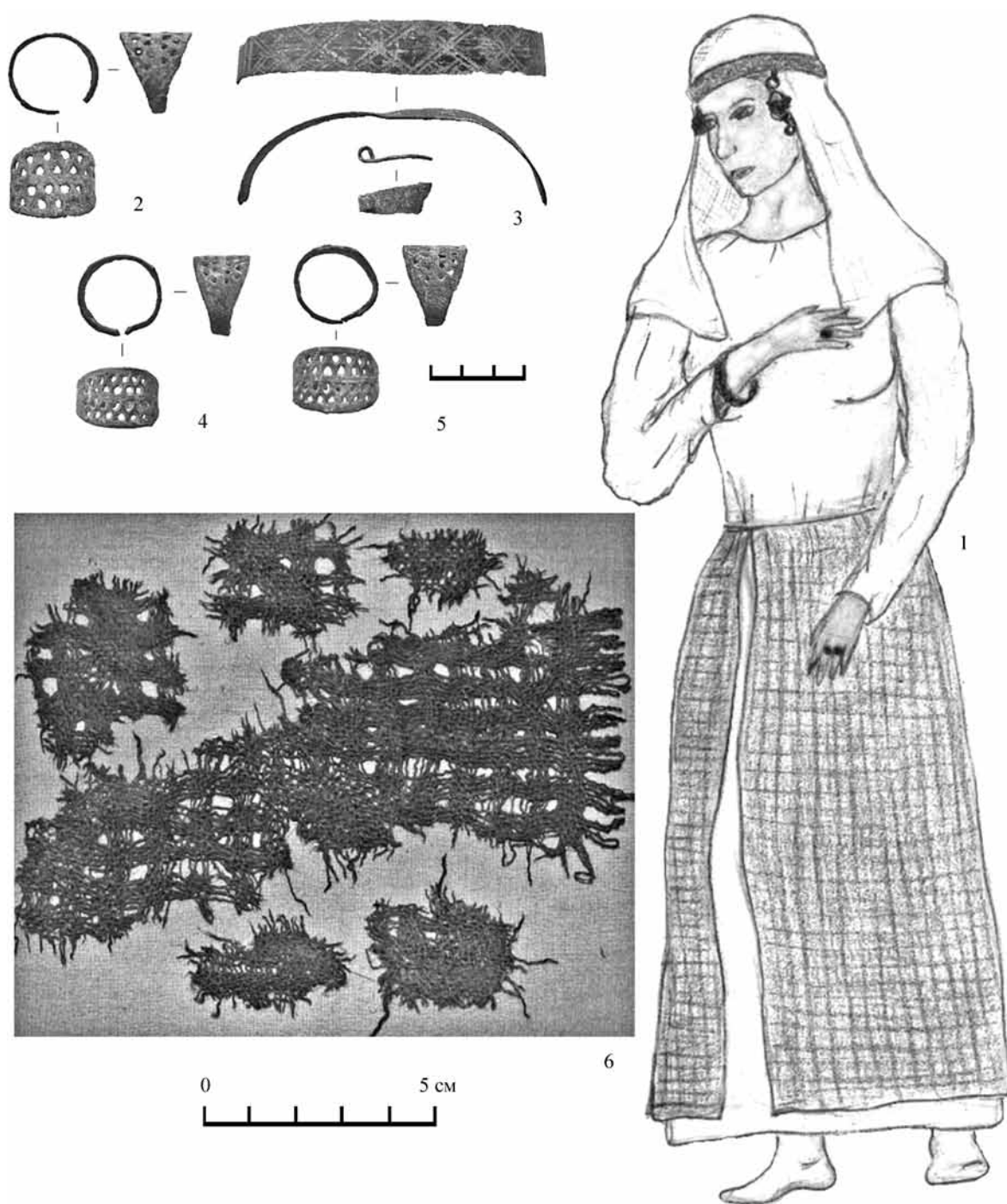

Рис. 7. Курган 11. Погребение 1

1 – реконструкция погребального убора (см. цв. вкл.); 2, 4, 5 – решетчатые перстни; 3 – пластинчатый браслет;
 6 – фрагмент клетчатой ткани из-под браслета. 2, 3 – комплекс правой руки; 4, 5 – комплекс левой руки.
 (2–5 – медный сплав)

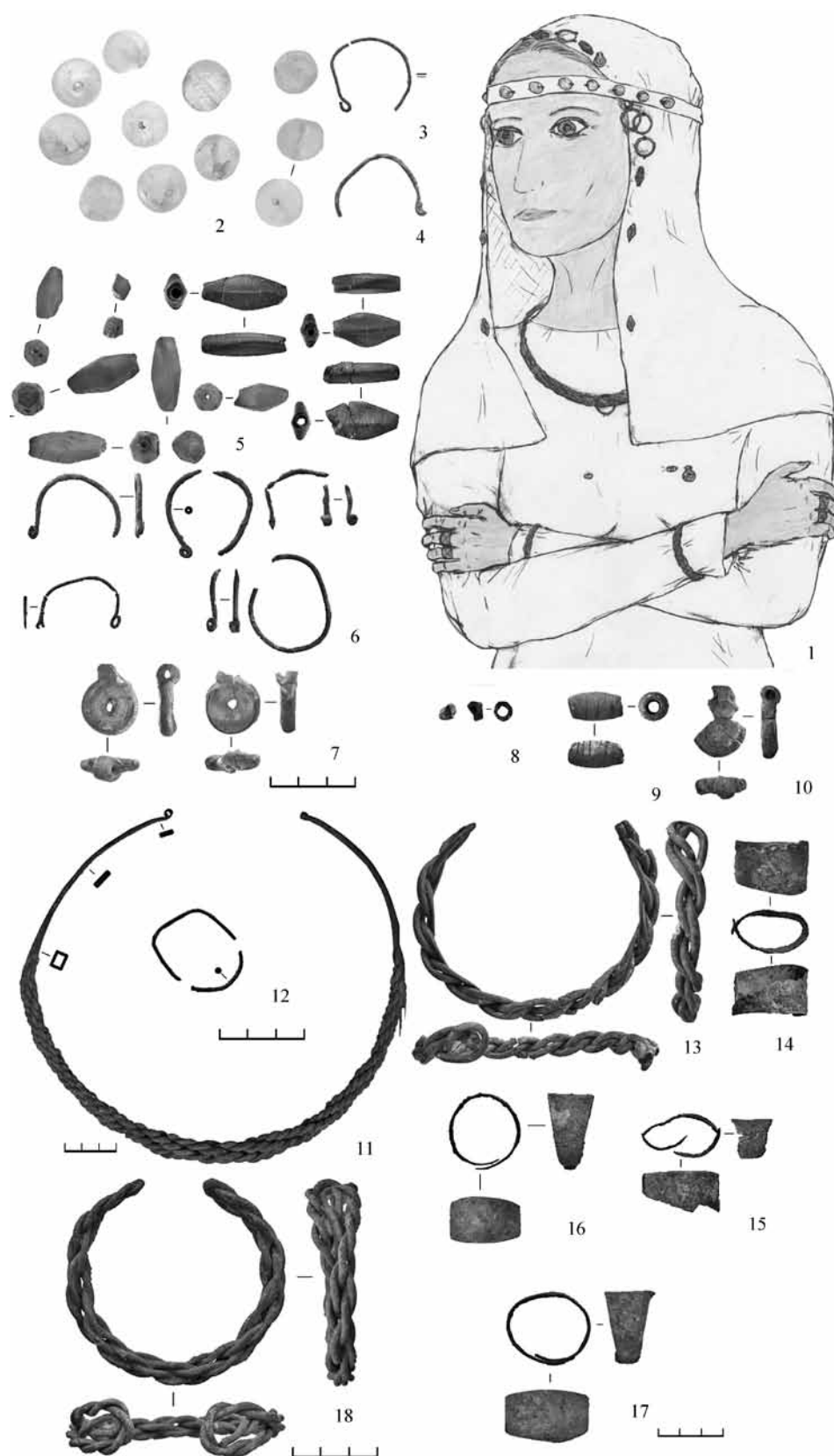

Рис. 8. Курган 14. Погребение 1

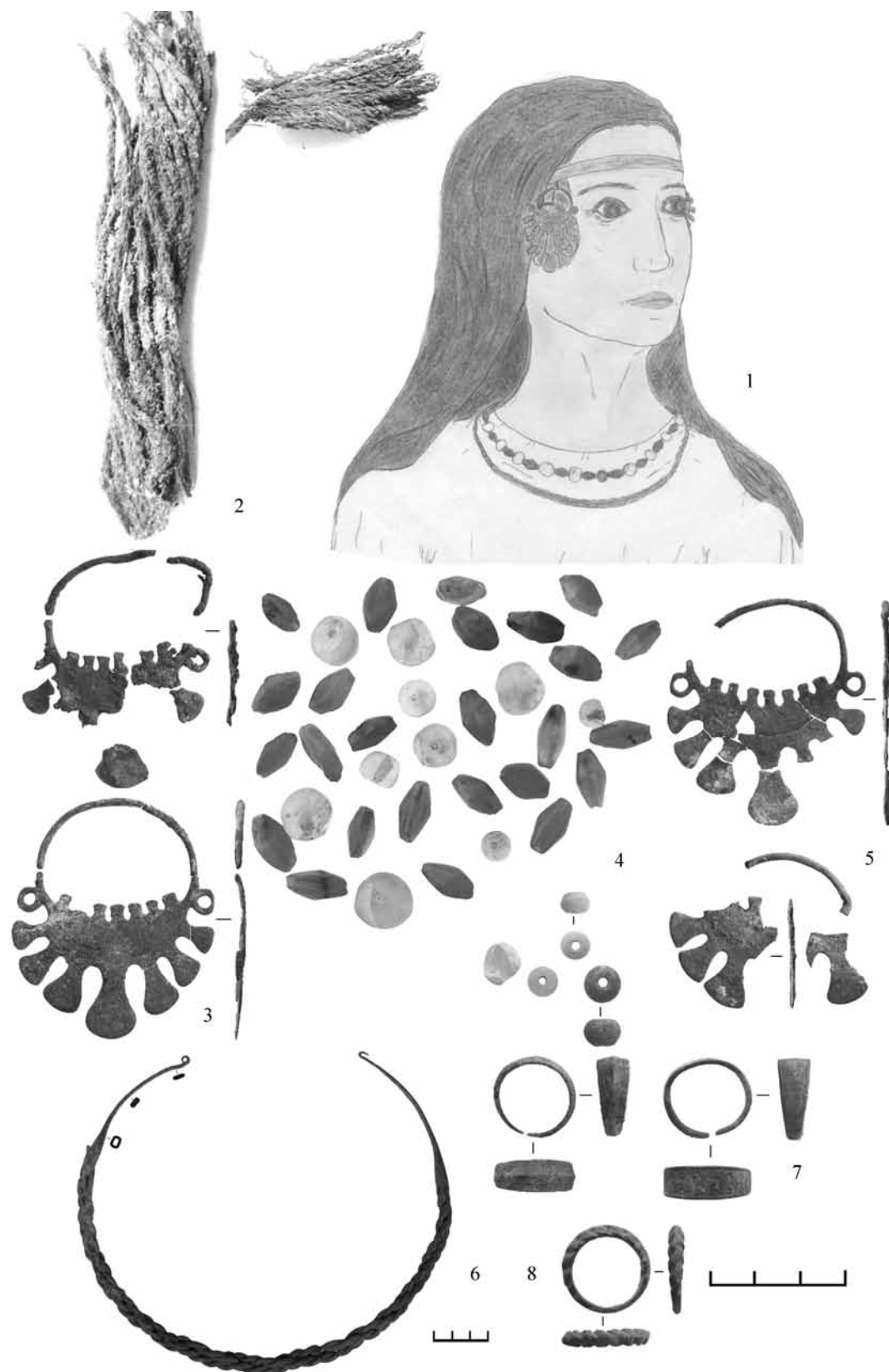
1 – реконструкция погребального убора (см. цв. вкл.); 2 – горнохрустальные бусы; 3, 4, 6, 12 – перстнеобразные височные кольца; 5 – сердоликовые и стеклянные бусы; 7, 10 – золотостеклянные подвески; 8, 9 – золотостеклянные бусы; 11 – витая гривна; 12, 18 – витые браслеты; 13–17 – пластинчатые перстни. 2–7 – украшения головного убора; 13–15 – комплекс правой руки; 16–18 – комплекс левой руки. (3, 4, 6, 11, 12–18 – медный сплав)

Рис. 9. Курган 15. Погребение 1

1 – реконструкция погребального убора (см. цв. вкл.); 2 – перстнеобразные височные кольца; 3 – пуговица; 4 – пластинчатый браслет; 5 – рубчатый и ложновитой перстни; 6 – пластинчатые перстни; 7 – фрагмент тесьмы с золотной нитью. 4, 5 – комплекс левой руки; 6 – комплекс правой руки. (2–6 – медный сплав, 7 – ткань)

Рис. 10. Курган 19. Погребение 2. Индивид 2

1 – реконструкция погребального убора (см. цв. вкл.); 2 – фрагменты тканой тесьмы (фото О.В. Орфинской); 3, 5 – семилопастные височные кольца; 4 – горнохрустальные, сердоликовые и стеклянные бусы; 6 – витая гривна; 7 – пластинчатые перстни (правая рука); 8 – ложновитой перстень (левая рука). (3, 5 – серебросодержавший сплав; 6–8 – медный сплав)

О.В. Орфинская

Новоселки 2. Результаты исследования текстиля XII века

Исследования фрагментов тканей из погребений курганной группы Новоселки 2, раскопанной Подмосковной экспедицией Института археологии РАН в 2008 г.¹, были проведены в Центре исследования исторических и традиционных технологий Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева.

Основная задача проведенных работ заключалась в описании текстильных изделий и их возможная реконструкция. Для исследования текстильных материалов были использованы методы микроскопии в отраженном поляризованном и неполяризованном свете при увеличении от 10 до 200^x, а также микроскопия в проходящем поляризованном свете при увеличении до 400^x.

Курган 1, погребение 1

В детском погребении были обнаружены небольшие фрагменты тканей в районе правой руки (рис. 1). Один из них находился непосредственно на руке и перекрывал браслет, а второй был обнаружен под перстнем. Общая площадь фрагментов не превышает 7 x 5 см. Исследования показали, что это фрагменты клетчатой ткани, состоящей из синих/зеленых² и красных шерстяных нитей. Ткань имеет вертикальные и горизонтальные разреженные полосы. Подобные ткани относятся к группе так называемых ажурных тканей³ (Нахлик, 1963. С. 249). На обоих образцах есть участки с одинаковым порядком чередования красных и синих нитей, следовательно, это фрагменты одной ткани.

Ткань полотняного переплетения (1/1). Нити основы и утка в ткани имеют одинаковые характеристики: толщина от 0,4 до 0,8 мм, Z-крутка. Толщина и крутка неравномерные в пределах одной нити.

Плотность ткани 8–10 нитей основы и 8–10 нитей утка на квадратный сантиметр. На одном из фрагментов наблюдается нарушение системы полотняного переплетения, возможно, это достаточно грубая ткацкая ошибка, но, возможно, и декор, который из-за небольших размеров образца не читается. Ткань в неравномерную красную и синюю клетку перекрывала руку сверху. Следовательно, это мог быть широкий рукав одежды или, что более вероятно для этого типа ткани, большой платок, в который завернули ребенка.

Курган 2, погребение 1

В мужском погребении обнаружен фрагмент ткани синего (или зеленого) цвета с вышивкой оранжево-красными нитями (рис. 2). Ткань шерстяная полотняного переплетения (1/1). Нити ткани имеют Z-крутку. Толщина нитей основы 0,5–0,6 мм, промежутки между нитями от 0 до 0,3 мм. Толщина нитей утка 0,4–0,6 мм, с промежутком 0,5–0,8 мм. Плотность ткани 14 x 9 н/см. Толщина нитей вышивки 0,6–0,8 мм, нить парная. Вышивка выполнена в технике «по счету». На ткани фиксируются ткацкие ошибки. Можно предположить, что это часть одежды из шерстяной ткани синего (или зеленого) цвета с красно-оранжевой вышивкой, возможно, плащ, как в погребении 1 кургана 4.

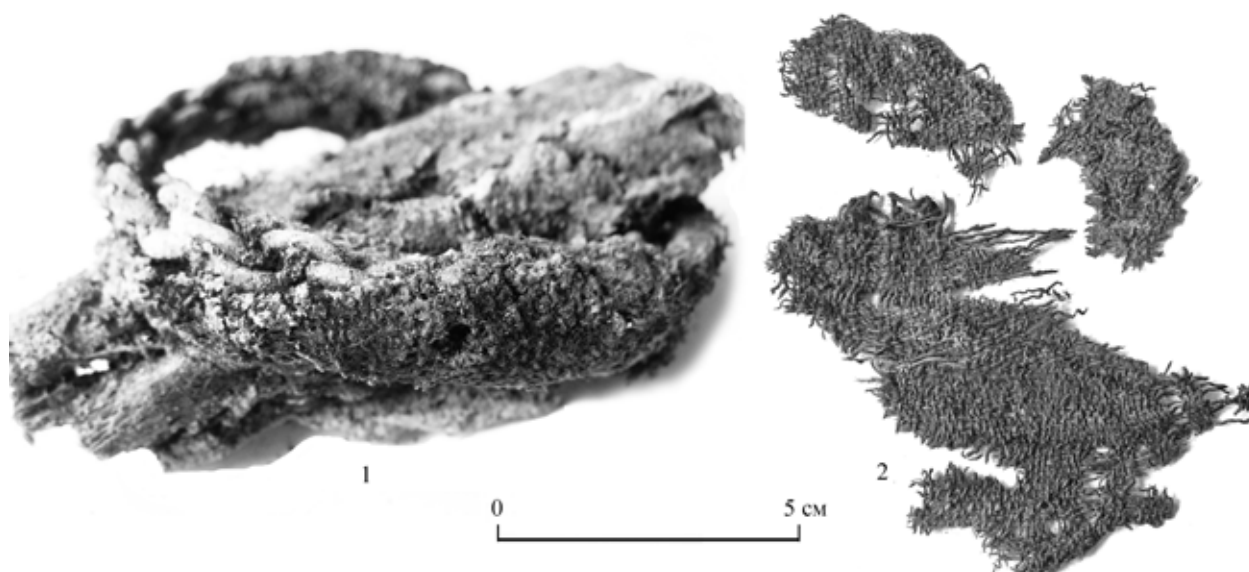
Курган 4, погребение 1

В женском погребении было обнаружены фрагменты тканей на шейной гривне и в районе правого виска (рис. 3) – все они относились к одному изделию, часть которого сохранилась на груди, а часть – у черепа. Состояло это изделие из шерстяной ткани, шелковой ткани и ткани из растительных волокон.

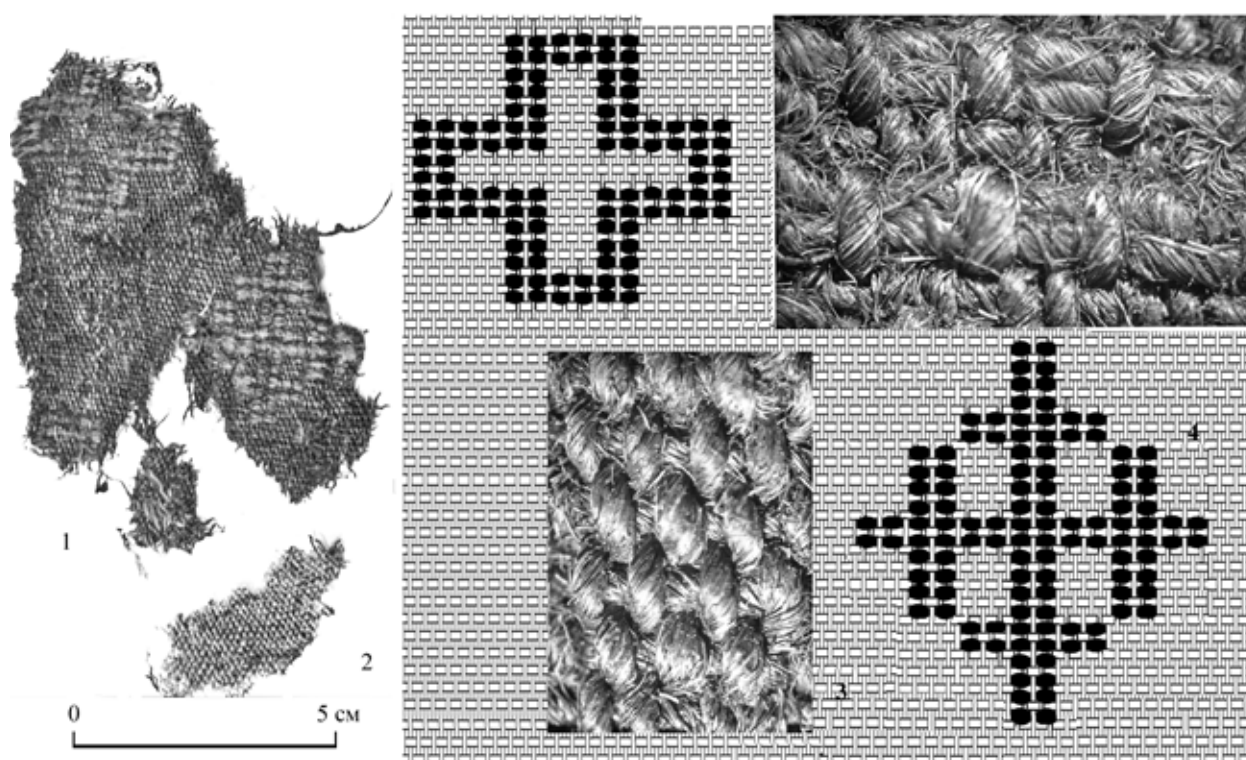
¹ Благодарю начальника экспедиции А.В. Энговатову и руководителей раскопок В.Ю. Ковалю и Е.П. Зоцу (Захарову) за предоставленный для изучения материал.

² В археологическом текстиле зеленый цвет складывается из синего красителя и желтого, который мог быть как красителем, так и результатом почвенных отложений. Следовательно, зеленые нити могли быть изначально как зелеными, так и синими.

³ Название «ажурные» не отражает технологию изготовления этих тканей, так как настоящие ажурные ткани вырабатываются газовым (ажурным, перевивочным) переплетением.

Рис. 1. Текстиль из кургана 1, погребения 1
1 – браслет с фрагментом ткани; 2 – фрагменты ткани после реставрации

Рис. 2. Текстиль из кургана 2, погребение 1
1 – фрагменты ткани после реставрации; 2 – реконструкция вышитого орнамента;
3 – микрофотография ткани на участке без вышивки; 4 – микрофотография ткани на участке с вышивкой

На шерстяной зеленой (синей) ткани был вышит орнамент с элементами красного и желто-зеленого цветов. Два фрагмента ткани с одной стороны имеют кромку, а с другой стороны – простой подгиб (0,8 см). По подогнутому краю проходит шов, выполненный светлой шивной нитью. На изнаночной стороне одного из шерстяных фрагментов фиксируются остат-

ки тонкой ткани из растительных волокон, которая, скорее всего, служила подкладкой. Шелковая полоса шириной 4,5 см была вырезана вдоль нитей основы и с одной стороны подшита к шерстяной ткани. С другой стороны полоса имела срезанный край с сохранившимися проколами от иглы. Следовательно, шелк был обшит по краю другой тканью или кожей.

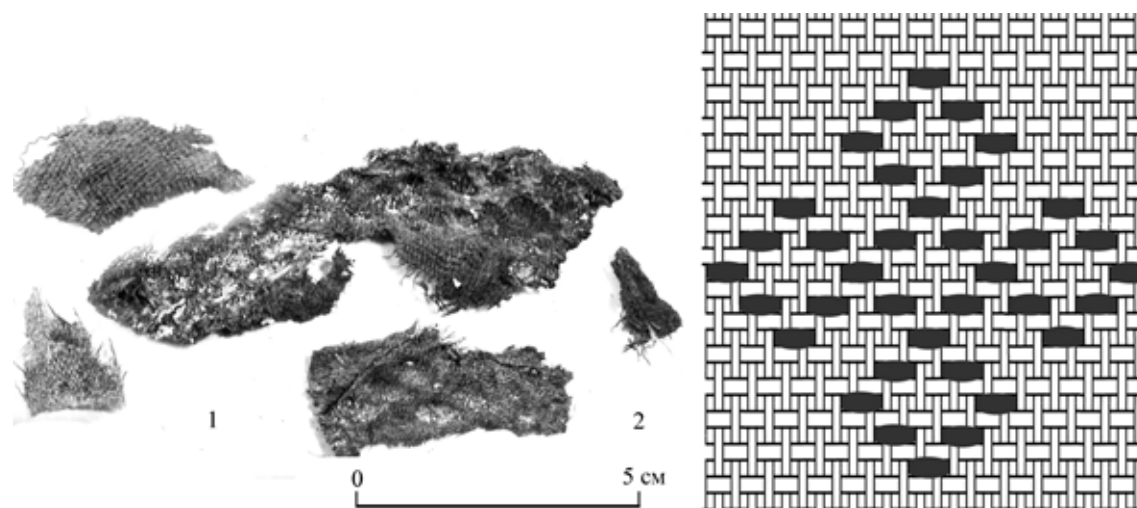

Рис. 3. Текстиль из кургана 4, погребение 1
1 – фрагменты ткани до реставрации; 2 – реконструкция вышитого орнамента

Шерстяная ткань полотняного переплетения (1/1). Основа: зеленая (синяя) шерсть, Z^4 , толщина 0,5–0,8 мм, промежутки между нитями от 0 до 0,1 мм. Уток: зеленая/синяя шерсть, Z , толщиной 0,6–0,8 мм, промежуток между нитями до 0,5 мм. Плотность ткани 14 нитей основы и 10 нитей утка на сантиметр. Ткань имеет кромку с петлями, длина которых не более сантиметра. Ткани с аналогичными кромками известны (Нахлик, 1963. С. 277) и рассматриваются как начальные кромки ткацкого куска, изготовленного на вертикальном ткацком станке.

Ткань из растительных волокон полотняного переплетения имеет очень плохую сохранность. Текстильные характеристики не определяются.

Шелковая ткань типа самит⁵ полихромный (как минимум, три цвета). Основа внутренняя: светло-коричневый шелк, слабая Z , толщина 0,1 мм, нити в основном парные, однако встречаются варианты по 3 и 4 нити вместе. Основа связующая: светло-коричневый шелк, без крутки, толщина 0,1–0,2 мм. Уток 1: зеленый шелк, без крутки, толщина 0,25 мм. Уток 2 и 3: неопределенного цвета шелк, без крутки толщиной 0,2 и 0,3 мм. Проброс – три нити утка. Плотность ткани по нитям основы: 13 пар внутренней, 13 нитей связующей основы и 40 нитей утка на квадратный сантиметр.

Как один из вариантов реконструкции можно предложить, что это плащ прямоугольной формы с отделкой из шелка и подкладкой из холщевой ткани.

Курган 8, погребение 1

Небольшой фрагмент ткани был обнаружен в районе черепа. Ткань полотняного переплетения (1/1) с толщиной нитей от 0,3 до 0,5 мм и Z -круткой. Плотность примерно 15 x 20 н/см. Нити из растительных волокон, природа которых однозначно не определяет-

ся, возможно, это лен или конопля. Можно предположить, что это остатки ткани, в которую был завернут ребенок.

Курган 10, погребение 2

Небольшой фрагмент ткани (1,0 x 1,2 см) был обнаружен на браслете. Ткань полотняного переплетения с разреженной структурой – «ажурная». Ткань шерстяная синего (зеленого) цвета. Нити с Z -круткой, толщиной от 0,4 до 0,8. Плотность не определяется.

Курган 11, погребение 1

В погребении, в районе черепа, обнаружены фрагменты ткани и тканой ленты, под правой рукой находился еще один фрагмент ткани.

Ткань в районе черепа (рис. 4) льняная полотняного переплетения (1/1). Нити имеют Z -крутку. Толщина нитей одной системы 0,4–0,5 мм; толщина нитей второй системы несколько больше – 0,5–0,6 мм. Отдельные нити имеют толщину до 0,8 мм. Промежутки между нитями от 0 до 0,25 мм. Плотность ткани 18 нитей одной системы и 12 нитей другой на квадратный сантиметр.

Фрагмент двухцветной ленты имеет узор, состоящий из ромбов (рис. 5; 8, II). В работе участвовали 32 нити основы: в центральной части 13 нитей красного и 13 нитей синего цветов и по четыре красных нити с каждого края. В центральной части нити основы и утка, переплетаясь (простой перебор), строят рисунок, а крайние нити основы, введенные в две дощечки с каждой стороны, формировали плотную кромку. Все нити шерстяные. Нити основы (как красные, так и синие) с Z -круткой, толщиной около 0,5 мм. Нити утка только красные, толщиной от 0,8 до 1,0 мм. Все нити имеют неравномерную толщину и крутку.

⁴ Направление крутки нити обозначается буквами Z и S .

⁵ Самит – сложная ткань, в которой работают две системы нитей основы (внутренняя и связующая) и несколько нитей цветного утка; ткацкое переплетение строится на базе саржевого 1/2 (Иерусалимская, 2005).

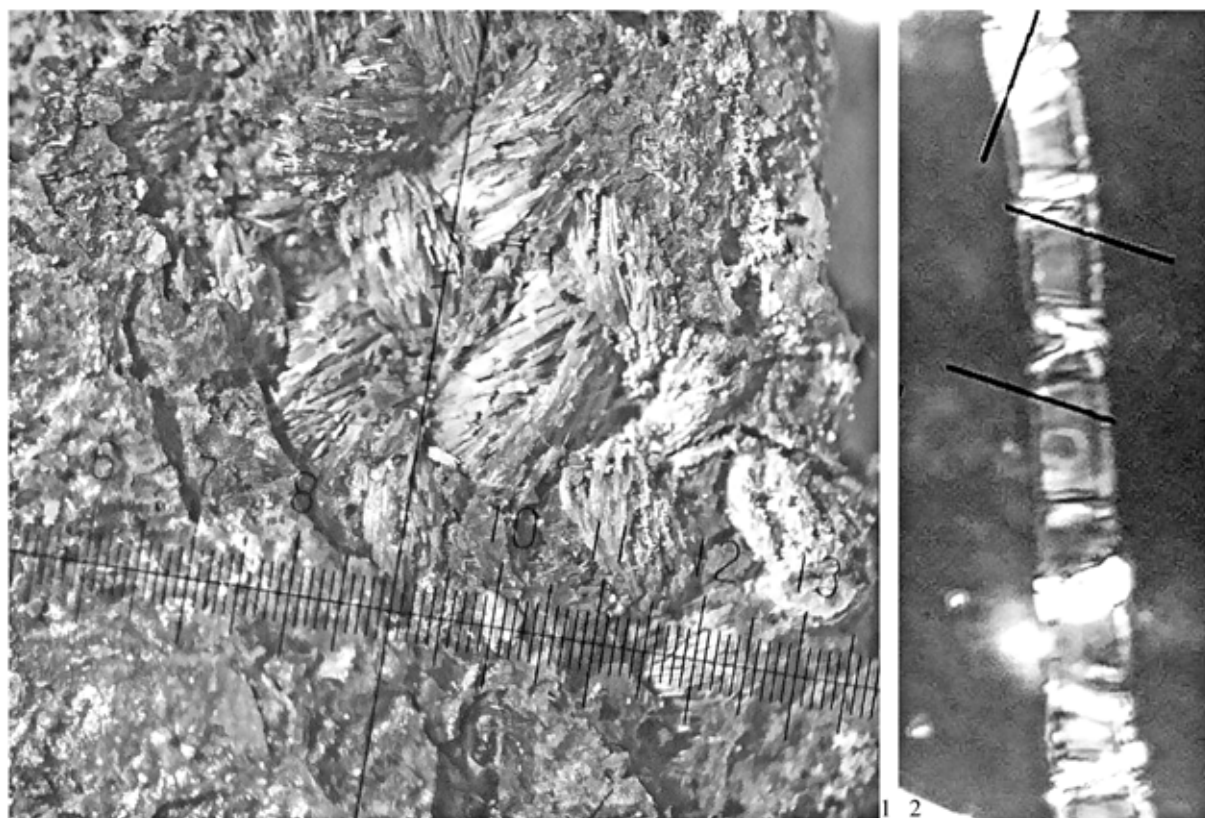

Рис. 4. Текстиль из кургана 11, погребение 1
1 – фрагмент льняной ткани; 2 – микрофотография льняного волокна

Ткань под правой рукой была сжата складками. После промывки фрагмента стало видно, что это шерстяная клетчатая ткань из синих и красных нитей с разреженными полосами («ажурная ткань») (рис. 6). С одной стороны ткань имеет кромку с петлями. Складки на ткани были расположены параллельно кромке ткани, а кромка ткани проходила вдоль костяка, почти по его центру. Все нити с Z-круткой, толщиной от 0,4 до 0,8 мм. Промежуток между нитями от 0,1 до 0,5 мм. Ткань имеет четкий ритм: две синие нити, две красные нити и две синие нити, разреженная полоса, шесть синих нитей, разрезанная полоса и так далее. Плотность ткани неравномерная, на плотных участках она составляет около 6 x 6 нитей на квадратный сантиметр.

Однозначно реконструируется часть головного убора из красно-синей шерстяной ленты с прикрепленными к ней височными украшениями. Белая тонкая льняная ткань может быть частью головного покрывала. Не ясно, перекрывала ли ткань ленту, или находилась под ней.

Ткань в клетку, собранная складками, была расположена ниже талии таким образом, что ее край с петлями располагался вдоль тела. Можно предположить, что это часть поясной одежды – поневы.

Курган 15, погребение 1

На голове погребенной находилась золототканая лента. Сохранилась ее часть (рис. 7), расположенная на лбу и у левого виска, где к ленте были прикреплены два височных кольца. Лента шириной 2 см выполнена на дощечках, она имела одну систему нитей основы и две системы нитей утка: базовый, проходящий между нитями основы при каждом повороте дощечек, и дополнительный, золотной уток, застилающий все поле ленты между кромками, не участвующий в их формировании.

Заправка дощечек была следующая: с краю располагались дощечки с двумя дырочками (2 нити), затем две дощечки с четырьмя дырочками (8 нитей) и центральная часть тесьмы выполнена на дощечках с двумя дырочками (около 80 нитей). Таким образом, всего в работе участвовало около 100 нитей основы. Фон узора сформирован золотными нитями, которые поворачивают перед кромкой, не доходя до ее края. Ромбовидный узор выполнен тонкими линиями нитями шелковой основы (рис. 8, III B), возможно, красного цвета. Основа – красно-коричневый (визуальная оценка) шелк, S2Z⁶ толщиной 0,2 мм. Уток базовый: характеристики не определяются. Уток золотной: пряженная золотная нить с металлической полоской, навитой на сердечник⁷

⁶ S2Z – это значит, что две нити, каждая из которых имеет Z-крутку соединены в одну нить, скрученную в S направлении.

⁷ Сердечник – нить, на которую навита полоска металла.

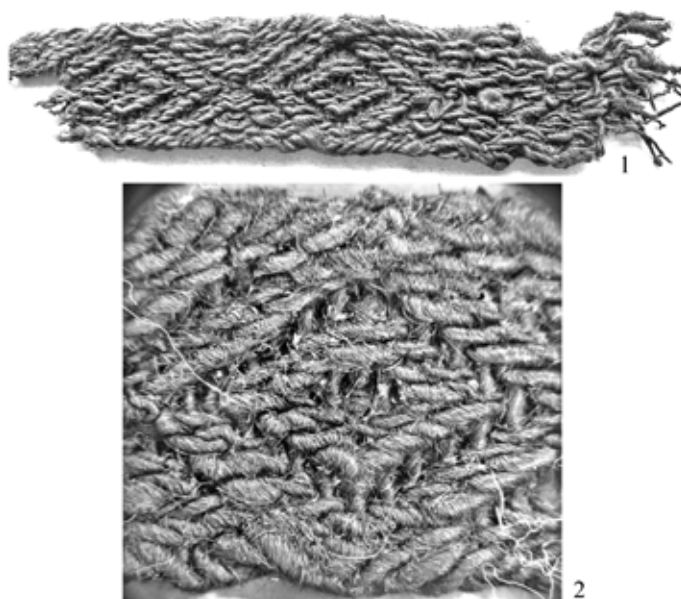

Рис. 5. Текстиль из кургана 11, погребение 1

1 – фрагмент шерстяной тесьмы после реставрации; 2 – микрофотография участка тесьмы с ромбическим орнаментом

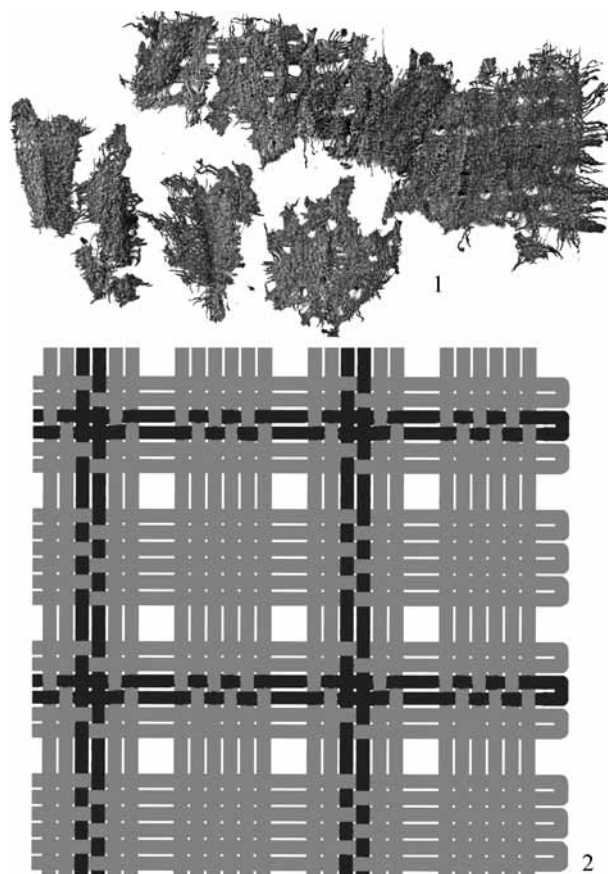

Рис. 6. Текстиль из кургана 11, погребение 1

1 – фрагмент шерстяной ткани после реставрации; 2 – реконструкция схемы переплетения ткани

в S направлении. Природа текстильных волокон сердечника не определяется. Металлическая полоска имеет ширину 1,8–2,0 мм и толщину около 0,03 мм.

Можно предположить, то несохранившиеся нити базового утка и сердечника были из растительных волокон.

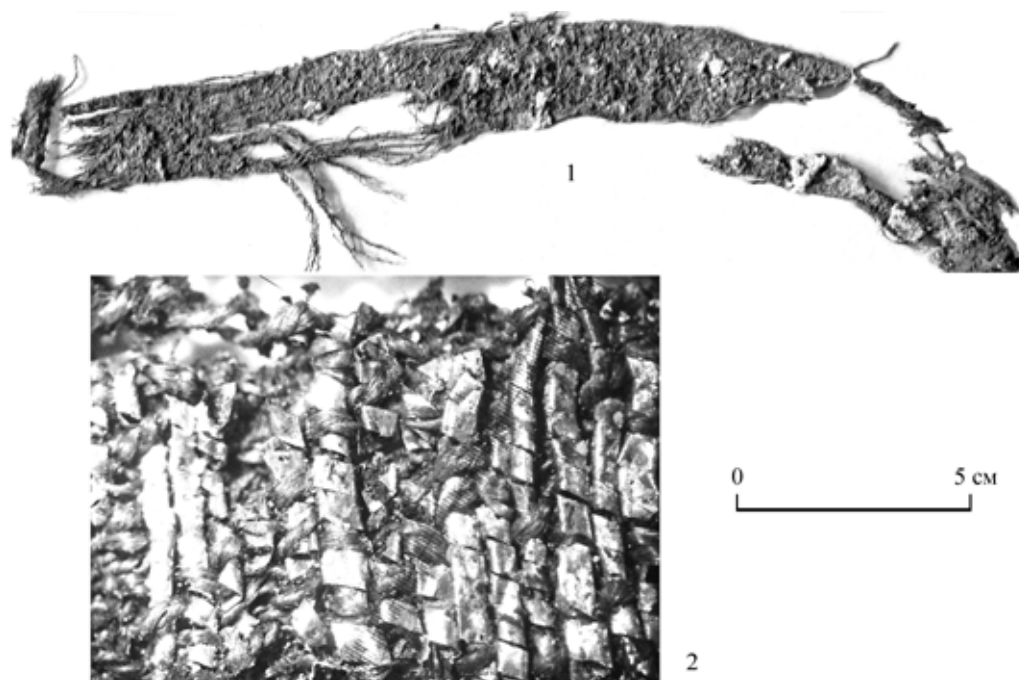

Рис. 7. Текстиль из кургана 15, погребение 1

1 – фрагмент золотной тесьмы до реставрации; 2 – микрофотография участка тесьмы с золотными нитями

В непосредственной близости от левого виска был зафиксирован фрагмент кожаной полоски, входивший, вероятно, в систему головного убора. На поверхности кожи фиксируются следы патины от украшений.

Курган 19, погребение 2, индивид 2

В погребении, в районе лба, затылка и правого виска, наряду с волосами, были обнаружены шерстяные нити и остатки тонкой ткани полотняного переплетения. На лбу погребенной женщины сохранился плотный пучок цветных нитей (S2Z). Скорей всего, это остатки круглого плетеного шнура⁸, состоящего из шерстяных нитей красного и синего (зеленого) цветов. Каждая нить имеет слабую Z-крутку и толщину около 0,25 мм. Нить утка не сохранилась, что и привело к распаду шнура. На отдельных участках шнура фиксируются следы патины, видимо, в этих местах были укреплены металлические украшения. Шнур, вероятно, являлся частью головного убора. Он проходил по лбу, скручивался или вплетался в волосы и формировал прическу.

Фрагмент шерстяной ткани, обнаруженный в районе головы, был сложен в два слоя. Ткань полотняного переплетения (1/1) зеленого (синего) цвета. Нити одной системы имеют толщину 0,4–0,6 мм, а второй – 0,5–0,8 мм, крутка в Z направлении. Плотность 15 x 13 нитей на квадратный сантиметр. Возможно, на ткани крепились височные кольца, в которые были пропущены и уложены петлями волосы погребенной. Вероятно, это остатки платка.

Курган 19, погребение 3

В погребении был обнаружен небольшой фрагмент ткани полотняного переплетения (1/1) из шерстяных волокон коричневого цвета очень плохой сохранности. Основа: коричневая шерсть, Z, толщина 0,5–0,8 мм. Уток: коричневая шерсть, очень слабая Z, толщина 1,0–1,4 мм. Примерная плотность ткани 8 x 4 нитей на квадратный сантиметр.

Курган 19, северный ровик, погребение 4

Ткань, сложенная в два слоя, была прижата к уху погребенной женщины. Шерстяная саржевая (2/2) ткань коричневого цвета. Определить расположение нитей основы и утка во фрагменте невозможно. Нити одной системы (условно – основа) с Z-круткой и толщиной 0,5 мм имеют промежутки между нитями 1,0 мм, а нити второй системы (условно – уток) плоские без крутки толщиной 0,9–1,0 мм, с промежутком 0,25–0,50 мм. Плотность ткани около 6 x 6 нитей на квадратный сантиметр. Сохранность ткани плохая, нити и волокна шерсти сильно повреждены.

В этом же погребении на височной подвеске были обнаружены остатки ткани из лубяных волокон (лен или конопля).

Заключение

Результаты проведенного исследования сведены в таблицу 1. Всего было выявлено 8 шерстяных тканей (таблица 2), 4 ткани из растительных волокон (таблица 3), одна шелковая ткань, шерстяная и золотная тканые ленты и, вероятно, круглый шерстяной шнур.

⁸ Аналогичным образом плетут круглые пояса, но при такой плохой сохранности объекта нельзя исключить и варианта, когда тканая на дощечках лента была скручена в круглый шнур.

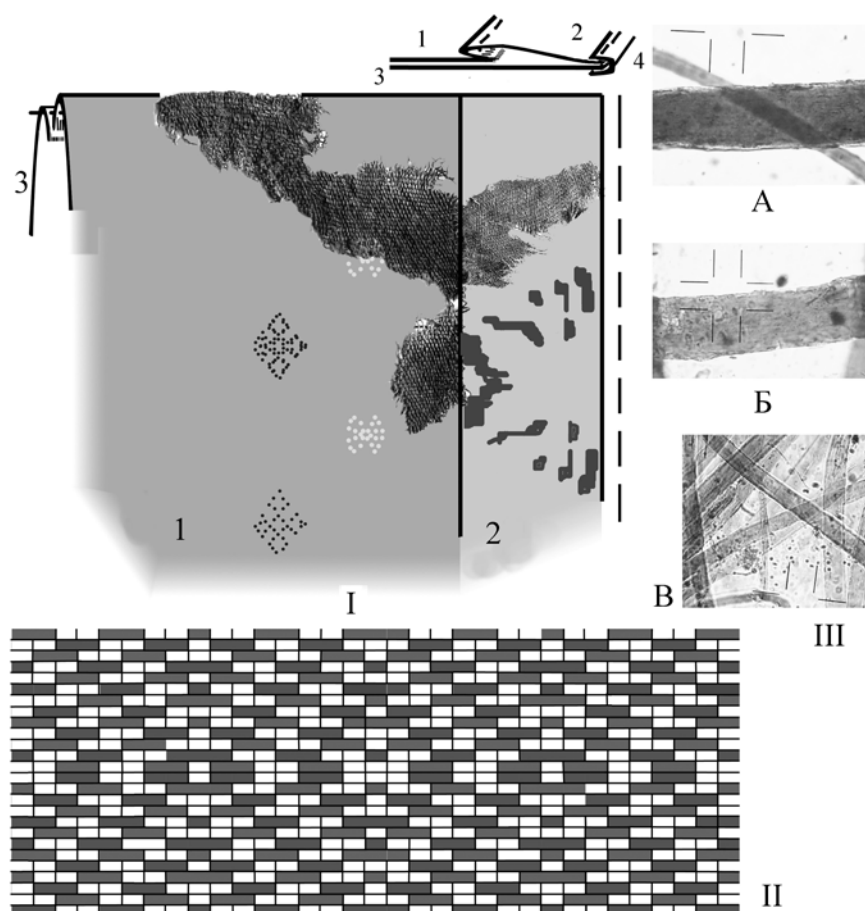

Рис. 8. Реконструкция сшитого изделия из кургана 4, погребение 1 (I). Реконструкция схемы переплетения тесьмы. Текстиль из кургана 11, погребение 1 (II). Микрофотографии текстильных волокон (III) (см. цв. вкл.)

1 – шерстяная ткань с вышивкой; 2 – шелковая ткань отделки; 3 – подкладочная ткань из растительных волокон; 4 – ткань, или кожа, которые должны были закрыть открытый срез (не сохранилась). А – шерстяные волокна зеленой

Таблица 1. Текстильный материал из погребений курганного могильника Новоселки 2 (К. – курган; п. – погребение; Тк. (тк.) – ткань).

Место находки	Пол погребенного. Место в погребении	Текстиль	Вариант реконструкции
К. 1, п. 1	Дет. Руки в районе талии	Шерстяная «ажурная ткань» в красно-синюю клетку	Платок, в который был завернут ребенок
К. 2, п. 1	Муж.	Тк. шерстяная полотняного переплетения зеленого (синего) цвета с оранжевой вышивкой	Плащ (?)
К. 4, п. 1	Жен. На груди и правом плече	Тк. шерстяная полотняного переплетения зеленого (синего) цвета с вышивкой красного и желтого цвета. Тк. шелковая – самит. Тк. из лубяных волокон (лен или конопля)	Плащ с шелковой отделкой и подкладкой
К. 8, п. 1	Жен. Район головы	Тк. льняная полотняного переплетения	Тк., в которую был завернут ребенок
К. 10, п. 2	Жен. Правое бедро	Шерстяная «ажурная ткань» синего цвета	Платок-понева
К. 11, п. 1	Жен. Район головы	Тк. льняная полотняного переплетения	Головное покрывало (?), тк., выполняющая роль савана (?)
		Лента шерстяная	Налобная повязка
	У талии	Шерстяная «ажурная ткань» в красно-синюю клетку	Платок-понева

Таблица 1 (окончание). Текстильный материал из погребений курганного могильника Новоселки 2 (К. – курган; п. – погребение; Тк. (тк.) – ткань).

Место находки	Пол погребенного. Место в погребении	Текстиль	Вариант реконструкции
К. 15, п. 1	Жен. Район головы	Лента золототканая	Налобная повязка.
		Кожаная полоска	Система крепление височных колец.
К. 19, п. 2, индивид 2	Жен. Район головы	Тк. шерстяная полотняного переплетения, зел. (син.) цв.	Система крепление височных колец (?), платок (?), плащ (?).
		Круглый шнур	Очелье и/или система прически
К. 19, п. 3	Жен.	Тк. шерстяная полотняного переплетения	?
К. 19, сев. ровик, п. 4	Жен. Район головы	Тк. шерстяная саржевого (2/2) переплетения	Система крепления височных колец
		Тк. из лубяных волокон (лен или конопля)	Головное покрывало или тк., выполняющая роль савана (?)

Таблица 2. Технологические характеристики шерстяных тканей из погребений курганного могильника Новоселки 2 (К. – курган; п. – погребение; Тк. (тк.) – ткань).

Текстиль	Крутка нитей О/У	Толщина нитей, О/У (мм)	Цвет нитей. О/У	Плотность нитей. О/У н/см	Место находки
«Ажурная ткань»	Z/Z	0,4–0,8 / 0,4–0,8	Красный, синий / красный, синий	8–10 / 8–10	К. 1, п. 1
	Z/Z	0,4–0,8 / 0,4–0,8	Синий / синий	Не определ.	К. 10, п. 2
	Z/Z	0,4–0,8 / 0,4–0,8	Красный, синий / красный, синий	6/6	К. 11, п. 1
Тк. шерстяная (1/1) с вышивкой	Z/Z	0,5–0,6 / 0,4–0,6	Зеленый (синий) / зеленый (синий)	14/9	К. 2, п. 1
Тк. шерстяная (1/1) с вышивкой	Z/Z	0,5–0,8 / 0,6–0,8	Зеленый (синий) / зеленый (синий)	14/10	К. 4, п. 1
Тк. шерстяная (1/1)	Z/Z	0,4–0,5 / 0,5–0,6	Зеленый (синий) / зеленый (синий)	15/15	К. 19, п. 2, индивид 2
Тк. шерстяная (1/1)	Z/ слабая Z	0,5–0,8 / 1,0–1,4	Коричневый / коричневый	8/4	К. 19, п. 3
Шерстяная саржевая (2/2) тк.	Z/Z	0,9–1,0 / 0,9–1,2	Коричневый / коричневый	6/6	К. 19, п. 4

Таблица 3. Технологические характеристики тканей из растительных волокон из погребений курганного могильника Новоселки 2 (К. – курган; п. – погребение; Тк. – ткань).

Текстиль	Крутка нитей	Толщина нитей, О/У (мм)	Плотность нитей (н/см)	Место находки
Тк. из растительных волокон (1/1)	–	–	–	К. 4, п. 1
Тк. из растительных волокон (1/1)	Z/Z	0,3–0,5	15x20	К. 8, п. 1
Тк. льняная (1/1)	Z/Z	0,4–0,6	18/15	К. 11, п. 1
Тк. из растительных волокон (1/1)	–	–	–	К. 19, сев. ровик, п. 4

Ткани из растительных волокон имеют очень плохую сохранность. Только в погребении 1 кургана 11 удалось однозначно определить льняные волокна в нитях тонкой ткани (рис. 4). В остальных случаях можно сказать, что это волокна льна или конопли. Ткани имеют полотняное переплетение с плотностью в пределах от 15 до 20 нитей на квадратный сантиметр. В трех случаях фрагменты ткани были обнаружены в районе головы. Можно предположить, что это были головные покрывала. Они могли располагаться снизу или сверху налобной головной повязки (очелья) (Шпилев, 2005. С. 210; Орфинская и др., 2010. С. 134). Нельзя исключить, что ткань перекрывала всю голову, лицо и, возможно, все тело, выполняя, таким образом, роль савана. В детском погребении, скорее всего, ребенок был завернут с головой в такую ткань.

В одном случае остатки ткани зафиксированы на изнаночной стороне шерстяной ткани, и в этом случае ткань, вероятно, являлась подкладкой. Подкладочные ткани зафиксированы и в других могильниках⁹.

Шерстяные ткани можно разделить на три группы. Первая – «ажурные ткани» в красно-синюю клетку. Эти ткани были встречены в трех погребениях. Принято считать, что такие ткани вырабатывались из двух видов текстильных волокон: шерстяных и растительных. Однако нити из растительных волокон сохраняются крайне плохо и из ткани «уходят», оставляя незатканые полосы. Эта версия вполне допустима, но нельзя полностью исключать и вариант возможности выработки ткани с разреженными полосами¹⁰. Все исследованные фрагменты имеют близкие характеристики: нити основы и утка по толщине и крутке не различаются, ткань имеет большие промежутки между всеми нитями и одинаковую плотность по основе и утку. На фрагментах из двух погребений сохранились кромки с петлями. Так как нити в двух системах совершенно одинаковы, то невозможно сказать, принадлежат ли эти петли боковым кромкам или они являются третьей кромкой для вертикального ткацкого станка. Подобные фрагменты – нередкая находка в курганах Московской, Владимирской, Смоленской и Калужской областей и в культурном слое Новгорода (Левинсон-Нечаева, 1959. С. 24–25; Нахлик, 1963. С. 249; Ёлкина, 2003. С. 45–90). Фрагменты «ажурных тканей», обнаруженные ранее, исследователи относили к платкам (Равдина, 1968. С. 136–142; Сабурова, 1974. С. 94). Вероятно, они уже ткались в форме завершеного изделия – платка с бахромой по периметру и имели размер, позволявший завернуть в него ребенка ростом око-

ло 65 см (погребение 1, курган 1) или укрепить на талии как юбку-поневу (курган 10, погребение 2 и курган 11, погребение 1).

Вторая группа объединяет ткани из трех погребений. Это шерстяные ткани полотняного переплетения зеленого (синего) цвета (рис. 8, III А) с небольшими отличиями между нитями основы и утка и плотностью от 14/9 до 15/13 нитей на квадратный сантиметр. На фрагментах из погребения 1 кургана 4 зафиксирована кромка с петлями. Если допустить, что плотность по нитям основы выше, чем плотность по нитям утка, что характерно для аналогичных тканей, выработанных на вертикальном ткацком станке, то петли будут расположены по боковой стороне ткацкого куска. Следовательно, этот станок должен обладать механизмом, позволяющим регулировать расстояние между нитями основы. На двух фрагментах зеленой (синей) ткани сохранилась вышивка красными (рис. 8, III Б), оранжевыми и желтыми нитями. Ткани с вышивкой (в женском и мужском погребениях), вероятно, относятся к одному типу изделия – плащу (рис. 8, Г).

Небольшой фрагмент зеленой (синей) ткани, был обнаружен в районе головы погребенной женщины и мог входить в состав головного убора: играть роль ленты, к которой крепились височные кольца, или являться частью платка. Однако если в двух погребениях аналогичная ткань являлась частью верхней одежды (плаща), то можно предположить, что и в данном случае это плащ, сохранившийся в районе головы.

К третьей группе относятся две шерстяные ткани коричневого цвета. Нити основы в них имеют хорошую крутку, а нити утка на отдельных участках совсем без крутки, или с очень слабой. Коричневый цвет тканей можно объяснить естественным цветом шерсти, сильными почвенными загрязнениями или окраской в коричневый цвет самым простым, в технологическом плане, вариантом крашения шерсти. Ткани из толстых нитей с низкой плотностью, бесспорно, выработаны на вертикальном ткацком станке и являются местными. Эти ткани могли использоваться для пошива верхней одежды, косвенным подтверждением чего служит наличие остатков подкладочной ткани на одном из фрагментов.

Шерстяную ленту и круглый шнур, входившие в состав головных уборов, можно также отнести к изделиям, изготовленным на месте, а шелковую ткань, украшавшую край плаща – к импорту. Структура и число внутренних нитей основы в шелковой ткани (от двух до четырех на отдельных участках) указывает на ее среднеазиатское производство. К импорту

⁹ «Одежда древней Руси» (http://club-kaup.narod.ru/kaup_r_archussr_drrus_bk_4.html).

¹⁰ Еще Клейн (1926) выдвигал версию о ткачестве клетчатой ткани с заранее заложенными разреженными полосами. Чтобы однозначно ответить на вопрос о наличии или отсутствии льняных нитей, необходимо обнаружить их остатки. В исследованных образцах остатки льняного волокна не обнаружены. Шерстяные нити в разреженной полосе не имеют характерного профиля, который приобретают нити в ткани, и который сохраняется после «ухода» из этой ткани отдельных нитей. Этот профиль должен сохраняться на извлеченной из погребения ткани до тех пор, пока ткань не будет подвергнута внешним воздействиям (увлажнению). Поэтому сегодня, исходя из современного уровня знаний, я могу утверждать, что клетчатые платки изначально ткались с разреженными полосами.

можно отнести и золототканую тесьму, к которой были прикреплены височные кольца. Скорее всего, она происходила из района Средиземноморья.

Текстильный материал из погребений курганной группы Новоселки 2 позволяет констатировать, что на данной территории были развиты местные технологии, связанные с шерстяным сырьем:

- прядение (нити для шитья; для вышивки; для плетения и ткачества);
- вероятно, окраска нитей в зеленый (синий), красный, оранжевый и коричневый цвета;

- ткачество на вертикальном ткацком станке;
- ткачество на дощечках;
- плетение круглых шнуров;
- вышивка;
- швейные технологии (пошив плаща из трех различных видов тканей).

Можно предположить, что в верхней нарядной одежде с вышивкой преобладал зеленый цвет ткани. Кроме местных тканей, в костюм в форме отделки включались импортные шелка и, как самостоятельное изделие, золототканая лента.

Литература

Елкина И.И., 2003. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород.

Иерусалимская А.А., 2005. Словарь текстильных терминов. СПб.

Клейн В.К., 1926. Путеводитель по выставке тканей VII–XIX в. М.

Левинсон-Нечаева М.Н., 1959. Ткачество // Тр. ГИМ. Вып. 33. М.

Нахлик А., 1963. Ткани Новгорода // МИА. № 123. М.–Л.

Орфинская О.В., Энговатова А.В., Голиков В.П., 2010. Исследования и реконструкция деталей костюма из погребений домонгольского времени из некрополя Дмитровского кремля // АП. Вып. 6. М.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.

Сабурова М.А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2.

Шпилев А.Г., 2005. Погребения с головными венчиками и очельями как показатели этнокультурных и политических процессов на Верхнем Пясе в XI в. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула.

O.V. Orfinskaya

Novoselki 2. The results of researching textiles of the 12th century

Summary

The article deals with the study of 16 textile items recovered from nine burials of the Novoselki 2 barrow complex (located near Moscow's airport Sheremetevo). Those include eight woolen and four linen cloths and a silk fabric as well as a woolen cord, a woolen woven band and a silk lamé band. The linen fabrics probably served as either female kerchiefs or shrouds and as lining

for warm cloths. Woolen monochrome fabrics, either brown or green, were used to make outer garments. Two burials seemingly contained embroidered green cloaks. The silk band was a trimming of a cloak. Checked red-blue fabrics/kerchiefs could have served as headdresses, skirts and simply as swaddling clothes. Woolen cords and bands as well as the lamé band were parts of headdresses.

В.С. Нефёдов, Н.А. Кренке

Древнерусское селище Царицыно 2

Долина реки Язвенки – маленькой речки, протекающей через Царицынский парк и запруженной в XVII–XVIII вв. – представляет собой один из наиболее полно изученных археологических микрорегионов на территории современной Москвы. На обоих берегах реки на протяжении менее 3 км известно свыше 20 селищ и курганных могильников конца XI – середины XIII вв., образующих, по-видимому, 10–12 поселенческих комплексов («Культура...», 2004. С. 77–125; Кренке, 2008. С. 81–115). В настоящей работе публикуются материалы раскопок одного из древнерусских памятников этого микрорегиона – селища Царицыно 2.

Селище расположено в южной части Царицынского парка (рис. 1, 2), на мысу слабо выраженной второй надпойменной террасы левого берега р. Язвенка, чуть выше по течению современного устья Верхне-Царицынского пруда. Высота площадки селища от уреза воды в Язвенке 11–16 м (147–152 м в Балтийской системе), расстояние от реки 70 м. Размеры памятника около 50 х 40 м (рис. 2). В 40 м к востоку от него расположено устье глубокого оврага, на дне которого бьют ключи, сливающиеся в ручей. Площадка селища имеет пологий наклон в сторону реки, на ней растут парковые деревья (липа, дуб) и редкий подлесок (клен, лещина), проходят грунтовые дорожки. На плане Генерального межевания 1766 г. (план пустоши Пожарная) в этом месте показан луг, – вероятно, заброшенная пашня (рис. 1, 1). Пейзажный парк разбит здесь в конце XVIII в. стараниями английского садовника Ф. Рида; восточнее селища, непосредственно на краю оврага, тогда же было построено каменное здание птичника, не сохранившееся до нашего времени (см. планы Царицына 1795–1816 гг.: «Музей...», 2005. С. 46, 48, 52). В 40 м южнее селища, на мысу коренного берега Язвенки, находится курганный могильник Царицыно 4, который, очевидно, являлся некрополем этого поселения. Могильник насчитывает семь насыпей высотой до 2 м, научные раскопки в нем не производились.

Селище открыто Царицынской экспедицией ИА РАН в 2004 г., когда на его территории были проведены шурфовка и сбор подъемного материала, позволившие приблизительно очертить границу распространения культурного слоя и предварительно датировать памятник XII–XIV вв. В центральной части селища, в шурфе 3 была выявлена концентрация древнерусской керамики и вскрыт край материковой ямы («Археология...», 2008. С. 81–84). В 2008 г. экспедиция при финансовой и организационной поддержке музея-заповедника «Царицыно» расширила этот шурф до размеров раскопа площадью 32 кв. м, в котором удалось исследовать остатки двух построек домонгольского периода¹.

Общая стратиграфия раскопа проста (рис. 3, разрез А–Б). Мощность культурного слоя составляла около 25–30 см. Верхний горизонт толщиной около 10 см – серовато-темно-бурый легкий суглинок – представляет собой гумусовый горизонт современной парковой почвы, сформировавшийся в XIX–XX вв., в период существования Царицынского парка. В нем найдено чугунное ядро XVIII–XIX вв. диаметром около 3 см, весом после очистки от коррозии 108,4 г (рис. 4, 1). Вероятно, калибр ядра составлял четвертую часть русского артиллерийского фунта (494,4 г), что могло соответствовать первоначальному весу 123,6 г. Ядра малых калибров и раньше встречались при раскопках на берегах Царицынских прудов (Кренке, 2008. Рис. 138, 4). Нижний горизонт культурного слоя толщиной 15–20 см – это серовато-светло-бурый очень слабо гумусированный легкий суглинок с единичными мелкими углями. Он насыщен кротовинами и ходами червей. Его верхняя часть при высыхании в разрезе имела более светлый (белесый) оттенок – результат формирования вторичного подзола, относящегося к современной парковой почве. Кроме древнерусской керамики, в слое найдено несколько фрагментов позднесредневековой белоглиняной керамики, среди которой есть как «грубая» XVI – начала XVII в., так и «гладкая» конца XVI – XVIII в.

¹ В раскопках принимали участие археологи Н.Н. Потапов и Р. Нуриев.

Они попали туда в период распашки, датируемый в рамках середины XVI – середины XVIII в. Фактически культурный слой селища представляет собой позднесредневековый пахотный горизонт, на котором с конца XVIII в. стала формироваться современная парковая (лесная) почва.

Под культурным слоем залегает светло-бурый средний суглинок. На его поверхности читались пятна белесого подзола толщиной до 5 см, большая часть которого, как и находившийся ранее над ним гумусовый горизонт, была разрушена во время существования поселения и последующей распашки. Материк можно охарактеризовать как переходный элювиально-иллювиальный горизонт лесной дерново-подзолистой почвы, существовавшей здесь до начала II тыс. н.э.

В раскопе исследованы три материковые ямы, относящиеся к двум разновременным древнерусским сооружениям. С более ранней постройкой связана яма 2, с более поздней – ямы 1 и 1а. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Яма 2 имела траншееобразную форму, вытянута по линии ССВ–ЮЮЗ, ее северный край разрушен ямами 1 и 1а (рис. 3). Длина сохранившейся части 4,65 м, ширина 0,8–1,5 м, глубина 10–35 см. Первоначальная длина ямы составляла не менее 5 м. Дно ямы понижалось с юга на север тремя ступенями высотой 16 см, в северной части дно плоское (рис. 3, разрез Г–Д). Центральная часть ямы наиболее широкая и глубокая, она как бы выделена двумя материковыми выступами. Заполнение северной части ямы углистое, южнее (над ступенями) оно почти не отличалось от вышележащего культурного слоя. В заполнении центральной части находилось рассеянное скопление колотых камней в поперечнике до 8 см. Вероятно, это остатки разрушенного очага, который мог располагаться на полу постройки рядом с этим местом. Предполагать существование печи-каменки в данном случае невозможно из-за отсутствия в яме крупных камней и обожженной глины.

В верхней части заполнения ямы 2 найден обломок ошлакованного глиняного тигля (рис. 4, 2). Скорее всего, он попал туда случайно, поскольку других следов ювелирного производства в яме не встречено. Кроме того, в яме найдено более 100 фрагментов круговой керамики (см. ниже), в том числе неполные развалы трех горшков. Последние, как и большинство остальных фрагментов, залегали в углистом заполнении северной и центральной частей ямы.

Яму 2 можно охарактеризовать как подпол срубной постройки хозяйственного назначения, длина которой составляла не менее 5–6 м, с очагом внутри (в центре?). Считать эту постройку жилой не позволяет отсутствие в яме остатков печи, а также каких-либо бытовых предметов. Она относится к начальному этапу существования поселения.

Ямы 1 и 1а не только представляют собой остатки одного сооружения, но и планиграфически являются единым целым (рис. 3). Они подквадратные, с закругленными углами, ориентированными примерно по сторонам света, яма 1а примыкала к яме 1 с юго-вос-

тока и соединялась с ней короткой перемычкой. Размеры ямы 1 – 2,2 x 2,1 м, глубина 45 см, ямы 1а – 1,55 x 1,45 м, глубина 30–35 см; перемычка шириной 0,4 м, глубиной 15 см. Длина обеих ям по линии СЗ–ЮВ около 4 м.

Заполнение ямы 1 делится на три горизонта, ямы 1а – на два горизонта, идентичных двум верхним в яме 1 (рис. 3, разрез Е–Ж). Горизонт 1 (верхний) существенно не отличался от вышележащего культурного слоя и отложился после разрушения постройки. Горизонт 2 – это буровато-светло-серый гумусированный легкий суглинок с большим количеством углей и кусочками обожженной глины. На его поверхности найдено три куска железного шлака. Только в яме 1, на дне и частично на ее стенках, залегал горизонт 3 – прослойка толщиной до 7 см, состоявшая из кусков обожженной глиняной обмазки и угля. В ней присутствовали пятна сизовато-светло-бурой глины – остатки той же обмазки, не испытавшей воздействия огня, а также несколько небольших колотых камней. Материал, аналогичный горизонту 3, находился в небольшом количестве на дне ямы 1а, но сплошную прослойку там не образовывал (рис. 5).

Самые крупные куски обожженной глиняной обмазки из нижнего горизонта имеют толщину 2–3 см, одна сторона у них гладкая, другая шероховатая. На гладкой стороне иногда читались отпечатки плотно уложенных параллельных деревянных жердей диаметром около 3 см. На пологой северной стенке ямы 1 лежал обломок обугленной лаги (?) шириной не менее 6 см (рис. 5). Эти данные позволяют предположительно реконструировать в общих чертах сгоревшую конструкцию. По-видимому, горизонт 3 представляет собой остатки сгоревшего и упавшего на дно ямы деревянного настила из тонких жердей, который опирался на более толстые лаги (?) и сверху был обмазан сизовой глиной (взятой из переувлажненного места, скорее всего, со дна расположенного рядом оврага или в пойме Язвенки). В огне пожара глина стала твердой и приобрела кирпично-красный оттенок. Судя по всему, этот помост с глинобитным «полом» располагался только над ямой 1 и был покрыт чем-то органическим вроде соломы или мха, что оставило на внешней стороне обмазки шероховатые отпечатки.

На поверхности горизонта 3 в яме 1 и на дне ямы 1а (особенно в ее юго-восточной части) лежали развалы круговых сосудов. В яме 1 они более или менее плотно заполняли практически весь горизонт 2 (рис. 3; 5). Судя по расположению скоплений керамики, посуда первоначально стояла в наземной части сооружения над ямой 1, т. е. выше перекрывавшего ее глинобитного «пола» или непосредственно на нем.

На юго-западной стенке ямы 1, в затеке более раннего культурного слоя найдена стеклянная битрапецидная бусина бирюзового цвета (рис. 4, 3), датируемая, согласно новгородской хронологии, не позднее первой трети XII в. (Колчин, 1982. С. 167; Лесман, 1984. С. 139). Она не связана с периодом функционирования ямы 1, но соответствует датировке ямы 2 (см. ниже).

Постройка, внутри которой находились ямы 1 и 1а, скорее всего, была срубом размерами не менее 4 x 4 м и предположительно интерпретируется как сооружение, предназначенное для хранения скоропортящихся продуктов в теплое время года (ледник?). При этом яма 1 при своем небольшом объеме могла быть камерой со льдом, поскольку в археологическом отношении она «стерильна»: заполнение ее нижнего и среднего горизонтов связано исключительно с разрушением конструкций, находившихся над ней. Яма 1а может соответствовать входной камере того же сооружения. Эта постройка погибла в пожаре, после которого жизнь на поселении прекратилась.

Почти полное отсутствие индивидуальных находок сочетается в исследованных комплексах с многочисленным и весьма выразительным керамическим материалом. Охарактеризуем его в хронологической последовательности, начиная с керамики из заполнения ямы 2².

В яме 2 найдено около 140 фрагментов керамики не менее чем от 15 сосудов. Все определимые формы представлены горшками. Керамика из ямы 2 делится на три основные группы.

Группа 1. Раннекруговая керамика – 54% (рис. 6), к ней относятся и два неполных развала сосудов (рис. 6, 1, 3). Изготовлена из красножгущихся (оже-лезненных) глин, тесто с примесью дресвы размером до 5 мм, обжиг окислительный неполный, черепок в изломе трехцветный. Толщина стенок 5–8 мм, поверхность не заглажена. На донцах – подсыпка из мелкой дресвы. В этой группе выделяются горшки, только слегка подправленные на гончарном круге, профилировка которых почти неотличима от лепной керамики (рис. 6, 1, 5, 6), но есть и немного сложнее профилированные сосуды, также имеющие довольно короткий отогнутый венчик (рис. 6, 3, 4, 7), соответствующие РФК-2 и РФК-3, по А.А. Бобринскому. Большинство сосудов орнаментировано. Преобладает многорядный волнистый орнамент, нанесенный гребнем. Реже встречается линейный орнамент, нанесенный как гребнем, так и палочкой. В единичных случаях представлены прямой зигзаг (рис. 6, 1) и отпечатки прямоугольного штампа-колесика (рис. 6, 9).

Группа 2. Более качественная раннекруговая керамика – 28% (рис. 7, 1–5). Около половины обломков составляют почти полный развал горшка, стоящий, впрочем, по пропорциям и форме венчика ближе к первой группе (рис. 7, 1). Глина и обжиг те же, но обжиг более равномерный, чем в предыдущей группе. Тесто с примесью дресвы размером до 3 мм. Толщина стенок 3–7 мм, вся поверхность заглажена. Донца не имеют подсыпки. Профилировка, как правило, более сложная, чем в группе 1. Преобладает линейный орнамент, нанесенный гребнем, волнистый встречается реже.

Группа 3. Развитая круговая керамика – 18% (рис. 7, 6–9). Изготовлена из беложгущихся глин, тесто с примесью мелкозернистого песка и дресвы

размером до 3 мм. Обжиг окислительный неполный, с двух-, трехцветным в изломе черепком. Толщина стенок 5–7 мм, поверхность заглажена, но в некоторых случаях шероховатая, с выступающими зернами отощителя. Присутствует только линейный орнамент, нанесенный, вероятно, гребнем.

Аналогичная керамика в небольшом количестве встречена в культурном слое селища. Отметим обломки, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа и штампа-колесика различной формы, относящиеся к группам 1 (рис. 8, 5) и 2 (рис. 8, 6), а также белоглиняную керамику группы 3 (рис. 8, 1–4).

Возможно, орнаментированная многорядной волной лепная крышка, найденная на мысу напротив селища Царицыно 2 (Кренке, 2008. Рис. 48), связана с ранним этапом жизни на поселении Царицыно-2, представленным ямой 2.

Ближайшей аналогией красноглиняной керамике из ямы 2 является керамический набор селища Дьяково-пойма (Дьяково 2), расположенного в 5,5 км к северу от селища Царицыно 2 («Культура...», 2004. С. 204–207). Там также отсутствует лепная керамика (найдено всего два обломка от одного сосуда), а круговая представлена преимущественно раннегончарными формами с коротким отогнутым венчиком. Вместе с тем, на керамике селища Дьяково-пойма преобладает штампованный и гребенчатый орнамент, в то время как в рассматриваемом комплексе (включая ранние образцы из культурного слоя) такие случаи единичны. Возможно, это отражает локальные особенности местной гончарной традиции. Среди курганных древностей Подмосковья керамика из ямы 2 находит аналогии в материалах из таких групп, как Шейки и Черемушки (Равдина, 1991. Табл. 2, 3), датируемых, соответственно, концом XI и началом XII в.

Следует отметить уникальность для Подмосковья горшка с расположенным в средней части тулова орнаментальным «фризом», заполненным зигзагом (рис. 6, 1). В.М. Горюнова называет такой орнамент «городчатым» (Горюнова, 2005. Табл. 123). Подобные композиции изредка присутствуют на раннекруговой керамике Старой Ладogi, Новгорода, Пскова, происходящей из горизонтов X в. (Горюнова, 2005. С. 103. Табл. 123, 125, 131, 138).

Существенным признаком, характеризующим керамический набор ямы 2, является белоглиняная керамика группы 3, которая отсутствует на селище Дьяково-пойма, а в яме 2 составляет около 20%. Такая керамика имеет аналогии на древнерусских памятниках Поочья и в данном контексте может рассматриваться только как импорт. В.Ю. Коваль, анализируя керамический материал домонгольских памятников Москворечья, предлагает называть ее «керамикой южнорусской традиции» (Коваль, Хижняков, 2005. С. 166–177). Обращает на себя внимание сравнительная архаичность белоглиняной керамики из ямы 2 и культурного слоя селища: отсутствие керамики полного обжига, наличие в глиняном тесте не только песка, но

² Рисунки керамики и индивидуальных находок (рис. 5–15) выполнены А.Б. Нефёдовой и В.А. Раевой (рис. 14).

и дресвы, а также отсутствие венчиков с завернутым внутрь краем, которые появляются в середине XII в. Отогнутые «кососрезанные» или обточенные венчики³ рассматриваемого набора (рис. 7, 6, 7; 8, 2–4) на городище Старой Рязани характерны для слоев второй половины XI – первой половины XII в. (Стрикалов, 2005. С. 46, 48. Рис. 13). Наклонный венчик мисковидного горшка из культурного слоя селища (рис. 8, 1) может быть датирован XII в. в целом.

Таким образом, керамический комплекс из ямы 2 примерно синхронен материалам селища Дьяково-пойма и датируется концом XI – началом XII в. Предшествующий хронологический горизонт в Москворецком регионе представлен, в первую очередь, селищами Жданово 1 и Новое Съяново 3, на которых лепная керамика составляет около половины, а круговая белоглиняная «южнорусского типа» отсутствует (Гоняный, 1999; Шполянский, 1999). Ранние комплексы этих памятников и селищ – Заозерье 2, Свято-Данилов монастырь, где лепная керамика также широко представлена (Беляев, 1995. С. 114–115. Табл. 77–86; Тавлицева, 1996), достаточно надежно датируются находками височных колец деснинского типа (или типа «Сельцо») в рамках второй – третьей четверти XI в.

Яма 2 и синхронные материалы из культурного слоя селища (включая упомянутую выше стеклянную битрапецидную бусину) представляют собой наиболее ранний на сегодняшний день древнерусский комплекс в Царицынском микрорегионе и один из самых ранних на территории современной Москвы. Повидимому, он также маркирует начало поступления белоглиняной керамики из Среднего Поочья, которая затем присутствует в Москворечье весь XII в.

Керамику из скоплений в горизонте 2 ямы 1 и на дне ямы 1а правомерно рассматривать как единый комплекс, поскольку обе ямы являлись частями одного сооружения. Обломки из верхнего горизонта заполнения этих ям включались в выборку только в тех случаях, когда относились к сосудам из скоплений. В этих развалах найдено более 1000 фрагментов керамики, принадлежавших примерно 20 сосудам. В основном это горшки (рис. 9–11; 12, 1–3; 13, 1–3; 14, 1–4), есть 2 миски (рис. 13, 4; 14, 5), корчага (рис. 15) и крышка (рис. 12, 4). Возможно, это единый набор посуды, находившийся внутри постройки в момент ее гибели. Практически все сосуды были изготовлены из красножгущихся (ожеженных) глин (исключения рассмотрены ниже), тесто с примесью дресвы размером до 3 мм. Обжиг окислительный (как правило, неполный) равномерный, черепок в изломе обычно трехцветный. Толщина стенок 3–5 мм, поверхность хорошо заглажена. На донцах – подсыпка из мелкой дресвы или мелкозернистого песка. Венчики горшков, а также корчаги, относятся к двум основным разновидностям: сильно отогнутые на почти прямой шейке

с завернутым внутрь краем (преобладают; рис. 9, 1, 2; 10, 1; 11, 1–4; 12, 2; 14, 1), сравнительно короткие слабо отогнутые с закругленным краем (рис. 10, 2; 11, 5; 12, 3; 14, 2). Венчики мисок вертикальные. Почти все сосуды орнаментированы, на горшках доминирует линейный орнамент, нанесенный палочкой, в одном случае гребнем (рис. 10, 2), реже встречен волнистый орнамент, как правило, многорядный, присутствующий только на плечиках. Корчага богато орнаментирована сложной композицией из волнистого и линейного орнаментов, миски – многорядной волной. Уникальность орнаментации корчаги заключается в том, что его тулово разделено на четыре равные части вертикальными полосами многорядной волны. Учитывая, что горизонтальных полос многорядной волны 11–12, возникают ассоциации с календарем. Наличие волнистого орнамента по всему тулову корчаги сближает ее с орнаментацией красноглиняных грубых горшков XIII–XIV в. (Кренке, 2005. Рис. 38). Поздним признаком является также форма волны, приближающаяся к «косой», что характерно уже для раннемосковской керамики.

В целом керамический комплекс ям 1/1а достаточно надежно датируется первой половиной XIII в. На территории Москвы он (в первую очередь горшки) имеет близкие аналогии в материалах из домонгольских сооружений на Романовом дворе (Кренке, 2009. С. 47–56. Табл. 176–198), из постройки первой трети XIII в. на месте Казанского собора на Красной площади (Беляев, Векслер, 1996. С. 114–115. Рис. 6), а также из слоя, перекрытого горизонтом строительства Богоявленского собора в Китай-городе (Беляев, 1991). Вместе с тем, в наборе из ям 1/1а отсутствует целый ряд разновидностей венчиков, характерных для московской керамики второй половины XII – первой половины XIII в. (например, прямые вертикальные или наклонные венчики с отогнутым козырьком), но таковы, видимо, особенности данного комплекса, который сформировался одномоментно, а не накапливался в течение длительного времени.

Несколько обломков керамики из этого комплекса, возможно, непосредственно не связаны с ним. Это фрагмент красноглиняного горшка с коротким обточенным венчиком из ямы 1 (рис. 12, 1) и единичные обломки белоглиняных сосудов и примесью мелкозернистого песка из ямы 1а (рис. 14, 4). В данном наборе они выглядят анахронизмом и, скорее всего, попали в него из культурного слоя XII в.

Датировку исследованных сооружений позволяют уточнить радиоуглеродные даты, полученные по углю из северной части заполнения ямы 2 (один образец) и со дна ямы 1 (два образца) (табл. 1). Образец из ямы 2 дал значительно более древнюю калиброванную дату, чем археологическая датировка комплекса: вторая половина VII – IX в. Можно пред-

³ Четыре из пяти венчиков, судя по представленным рисункам, не относятся к «кососрезанным», а имели завернутый внутрь черновой край, т. е. близки формам белоглиняной посуды Москворечья середины XII в., что несколько нарушает убедительность дальнейших хронологических выкладок авторов. – *Прим. ред.*

Таблица 1. Радиоуглеродные даты из раскопок селища Царицыно 2.

Лабораторный номер	Место отбора образца	Радио-углеродный возраст	Калиброванная дата
ГИН-14211	Яма 2, нижняя часть заполнения	1270±60	660–810 (66,7%) 840–860 (1,5%) 650–900 (95,4%)
ГИН-14212	Яма 1, нижний слой	800±30	1220–1264 (68,2%)
Ki-11703	Яма 1, северо-зап. стенка	790±80	1165–1287 (66,7%) 1160–1300 (68,2%)

положить, что это не обязательно следствие ошибки датирования, а результат использования жителями поселения в период первоначального освоения микрорегиона деревьев возрастом несколько сотен лет. Подобные случаи, когда из объектов с лепной и раннекруговой керамикой XI в. угли давали радиоуглеродный возраст около 1100–1200 лет известны по памятнику Саввинская Слобода 2 (*Станюкович, Сулержицкий, 2003*). Две даты по образцам из ямы 1, полученные в разных лабораториях, практически одинаковые – около 800 радиоуглеродных лет назад. Если ориентироваться на ту из них, которая имеет меньшее среднее квадратичное отклонение, то дата поздней постройки приходится примерно на середину XIII в. Эти данные хорошо согласуются с датировкой археологического материала и могут свидетельствовать о гибели сооружения, как и поселения в целом, во время татаро-монгольского нашествия. Судя по всему, тогда же прекратили существовать практически все древнерусские селища в районе Царицына.

Таким образом, в результате раскопок селища Царицыно 2, несмотря на их скромные масштабы, удалось полностью исследовать остатки двух древнерусских хозяйственных построек, существовавших с разницей не менее 100 лет. Первая из них (яма 2) относится к начальному (конец XI – начало XII в.), вто-

рая (ямы 1 и 1а) – к финальному этапу жизни на поселении (вероятно, вторая четверть XIII в.). Важно подчеркнуть, что перерыва в функционировании поселения, скорее всего, не было, но постройки промежуточного этапа не найдены. В случае непрерывной жизни однодворного поселения на протяжении 150 лет, ожидаемое число курганов было бы около шести (*Кренке, 2004. С. 115. Табл. 7*), что согласуется с числом курганов в группе Царицыно-4.

Обнаруженные на селище Царицыно 2 яркие и репрезентативные керамические комплексы, имеющие достаточно узкие датировки, могут рассматриваться в числе эталонных для Москворецкого региона. Материал из ямы 2 характерен для второго этапа развития древнерусского керамического комплекса в Подмосковье (ориентировочная дата 1050–1150 гг.), а материал из ямы 1 – для пятого этапа (ориентировочная дата – 1230–1250-е годы), характеризующего финал древнерусской керамической традиции, которая затем сменяется раннемосковской керамикой (*Кренке, 2011*).

Еще один существенный вывод заключается в том, что нельзя переоценивать уровень изученности даже массового древнерусского материала Подмосковья, раз из одного небольшого раскопа могут происходить два уникальных горшка.

Литература

- Беляев Л.А., 1991. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // МК.
- Беляев Л.А., 1995. Древние монастыри Москвы (кон. XIII – нач. XV вв.) по данным археологии. М.
- Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х годов) // СА. № 3.
- Гоняный М.И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмоскovie // Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер. М. (Тр. ГИМ. Вып. 111).
- Горюнова В.М., 2005. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X – начала XI вв. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.
- Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // АП. Вып. 2. М.
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Кренке Н.А., 2004. Система поселений и землепользования в долине р. Язвенки в XII–XIII вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.
- Кренке Н.А., 2005. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес 1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.
- Кренке Н.А., 2008. Археология парка «Царицыно»: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. М.
- Кренке Н.А., 2009. Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.
- Кренке Н.А., 2011. Древнерусская керамика московского региона: классификация, хронология // АИППЗ. Матер. 56 засед. семин. М. – Псков.
- Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004.
- Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.
- Музей-заповедник Царицыно: Дворцовый ансамбль. Парк. Коллекции. М., 2005.
- Равдина Т.В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмоскovie // МК.
- Станюкович А.К., Сулержицкий Л.Д. К проблеме абсолютной хронологии раннесредневековых памятников верхнего Москворечья // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2003.
- Стрикалов И.Ю., 2005. Северное городище. Стратиграфия и планировка // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. М.
- Тавлицева Е.Ю., 1996. Результаты раскопок селища Заозерье-2 в 1993–1995 гг. // Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
- Шполянский С.В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Тр. ГИМ. Вып. 103. М.

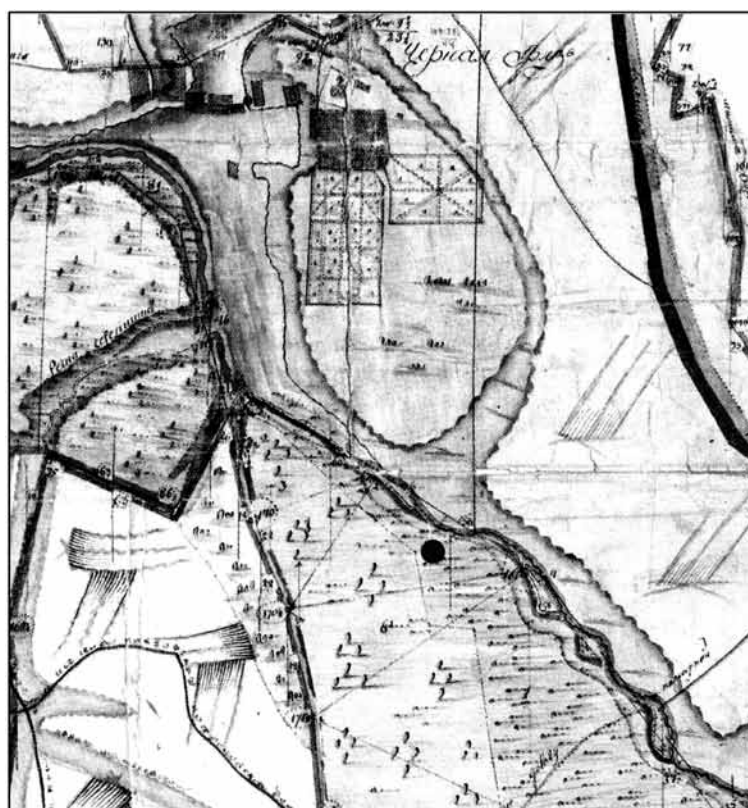
V.S. Nefyodov, N.A. Krenke

The Ancient Russian settlement Tsaritsyno 2

Summary

Two buildings were studied during excavation on Tsaritsyno-2 settlement in park «Tsaritsyno» (Moscow). By ceramic materials and radiocarbon analysis the buildings are dating to the end of the 11th – the beginning of the 12th c. and the first part of the 13th c. It is

the earliest Ancient Russian settlement in microregion of valley of the river Yazvenki. It belongs to a group of sites of Moscow river with early round crockeries and ceramics of South-Russian tradition made from white-burning clay.

1

2

Рис. 1. Селище Царицыно 2 (обозначено черным кружком) на сводном плане дач Генерального межевания 1766 г. (1) и на топографическом плане Москвы 1978 г. (2).

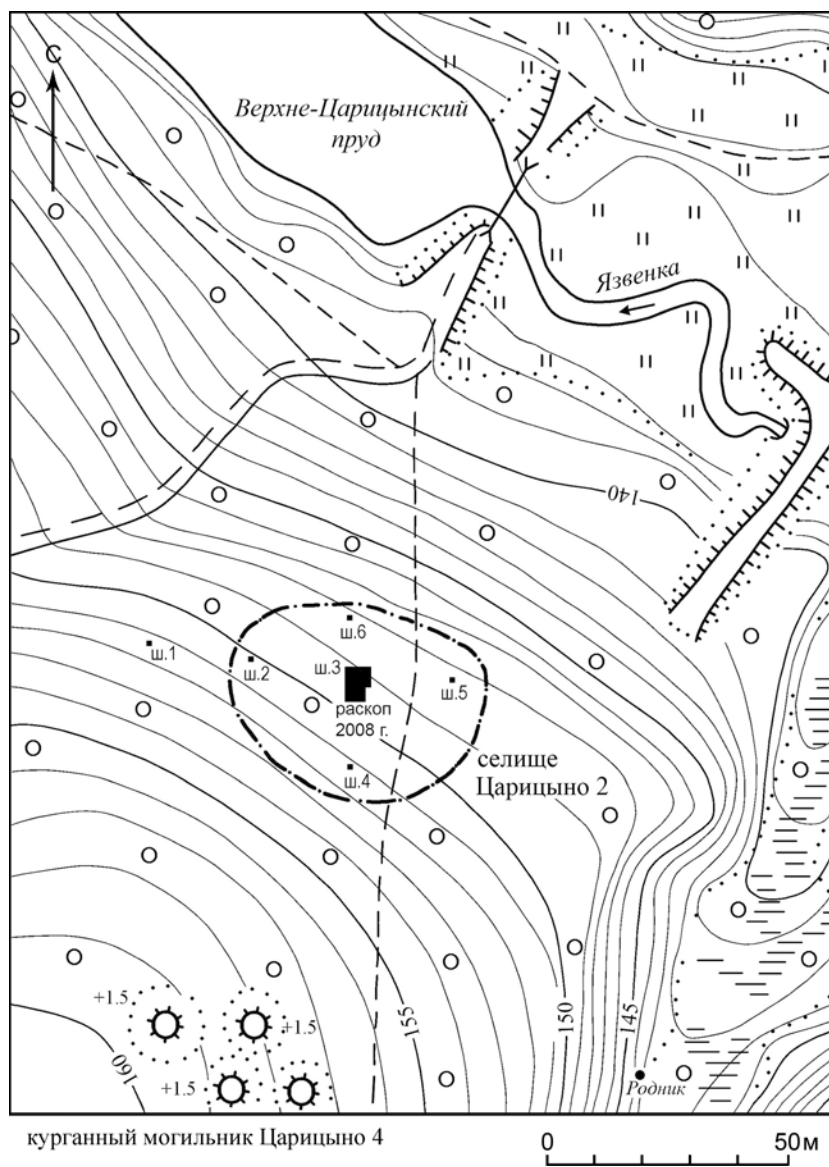

Рис. 2. План селища Царицыно 2 на топографической основе 1982 г.
Показаны шурфы 2004 г. и раскоп 2008 г.

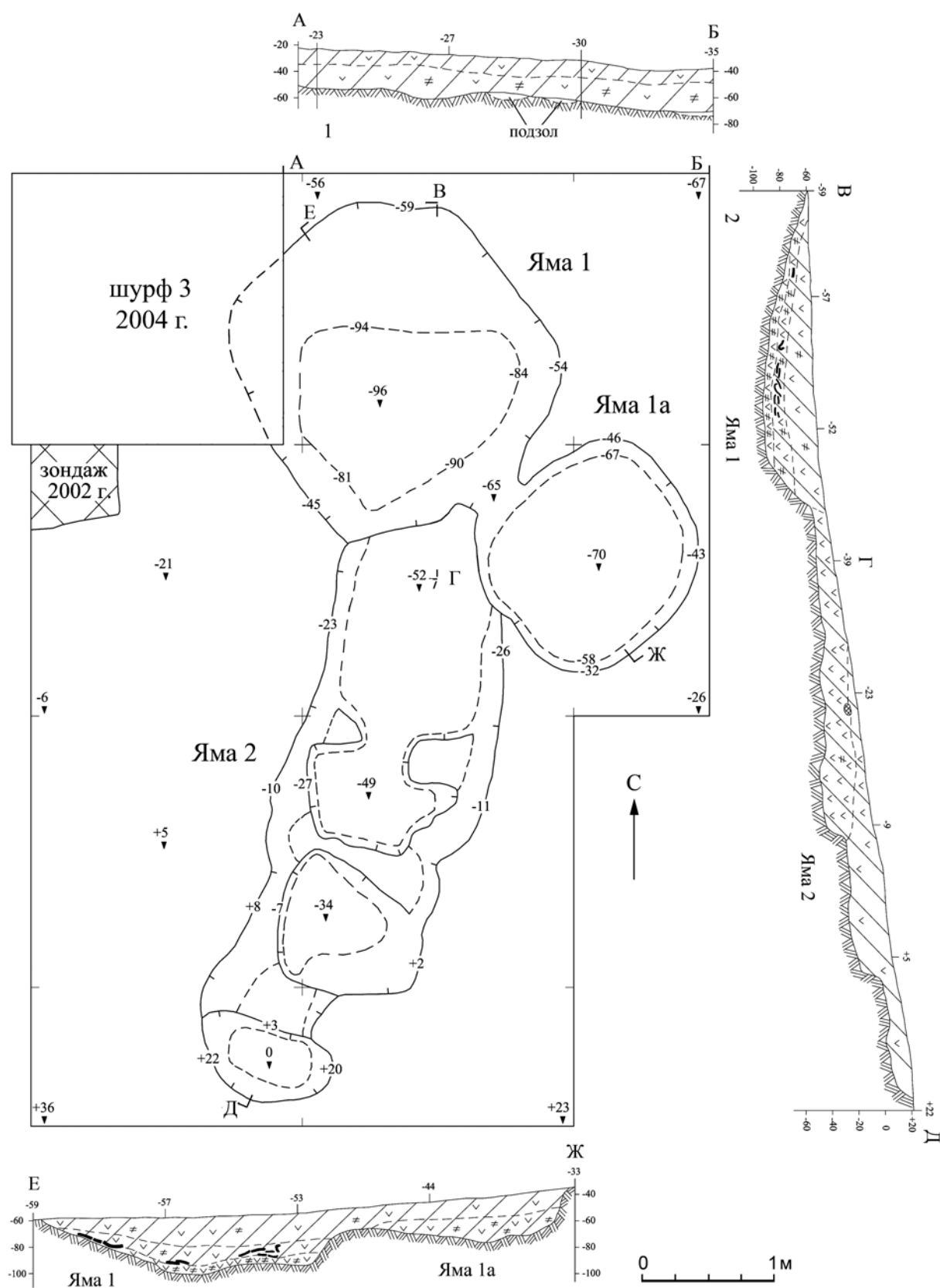

Рис. 3. Раскоп 2008 г. План материка и разрезы (обозначены буквами)

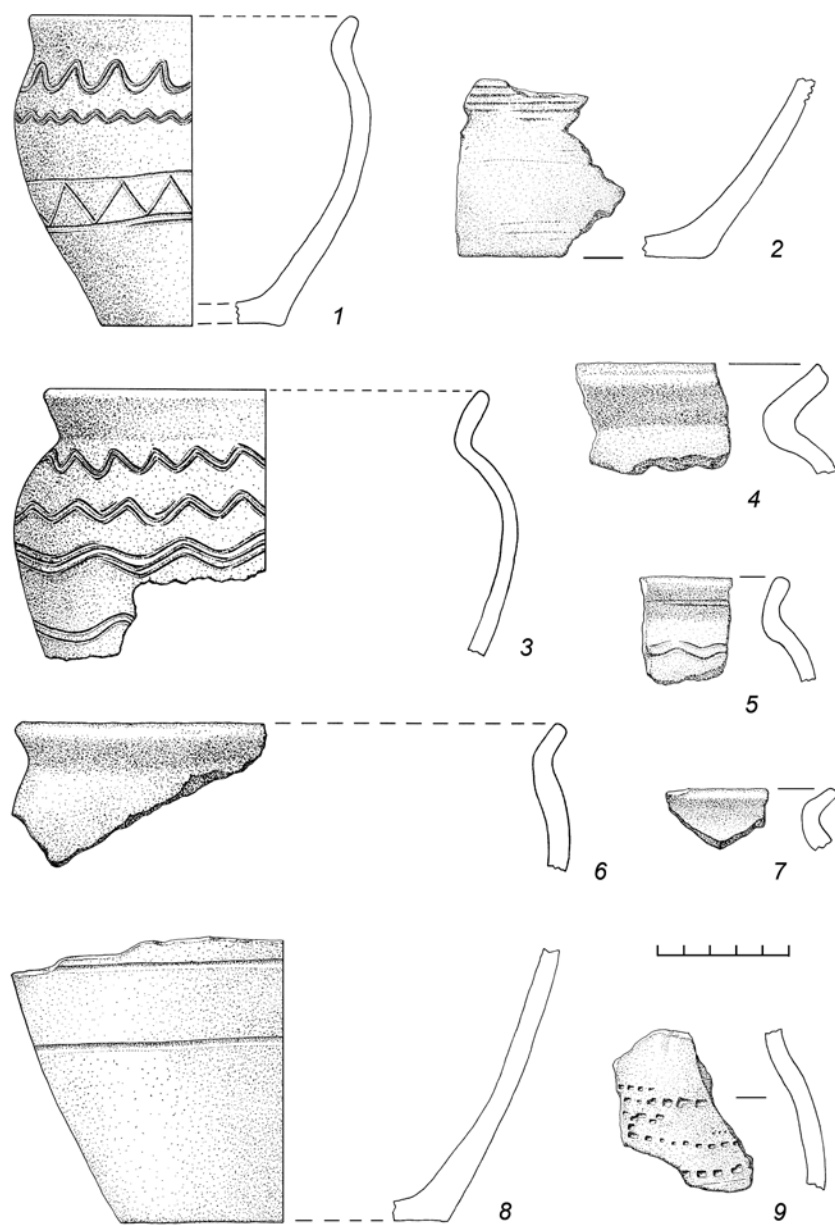

Рис. 6. Яма 2. Керамика группы 1А (1–9) и реконструкция сосуда (1)

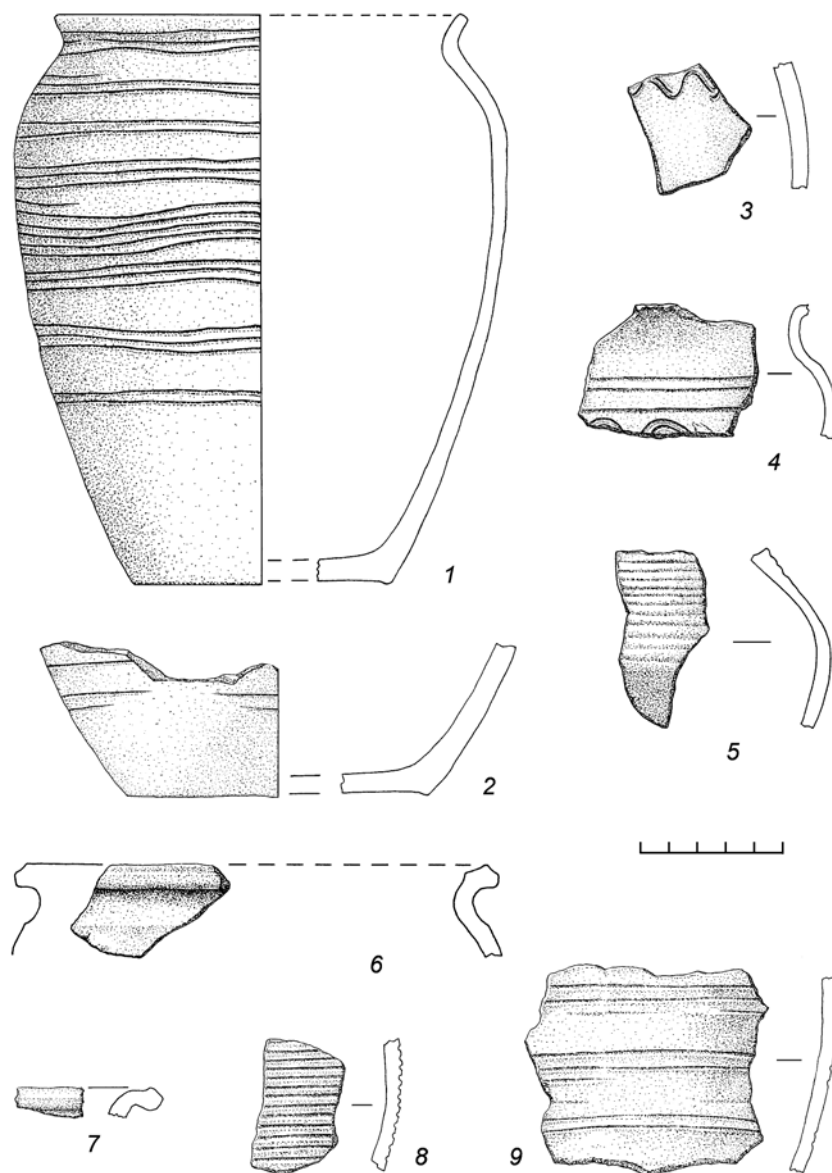

Рис. 7. Яма 2. Керамика групп 1Б (1–5) и 2 (6–9) и реконструкция сосуда (1)

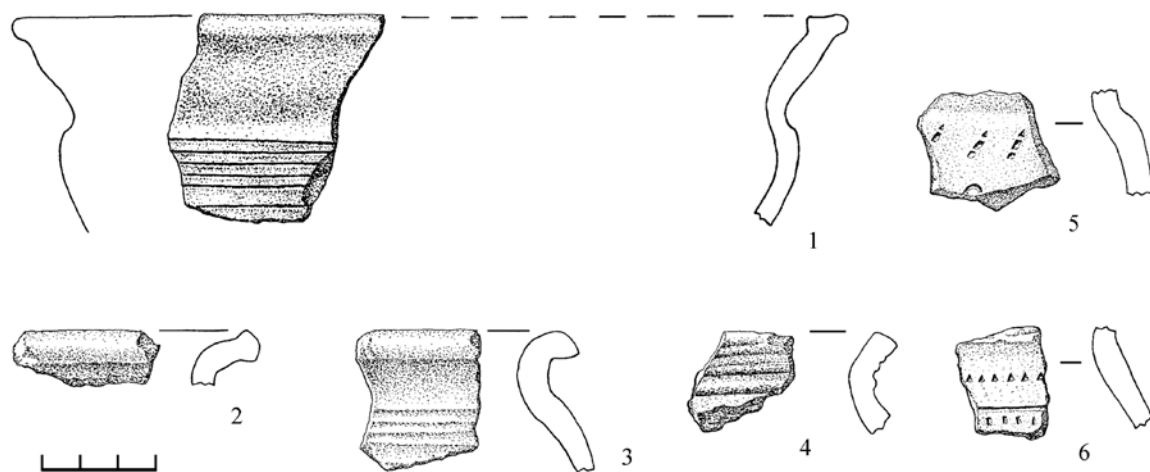

Рис. 8. Керамика кон. XI – 1-й пол. XII в. из культурного слоя
1–4 – белоглиняная; 5, 6 – красноглиняная

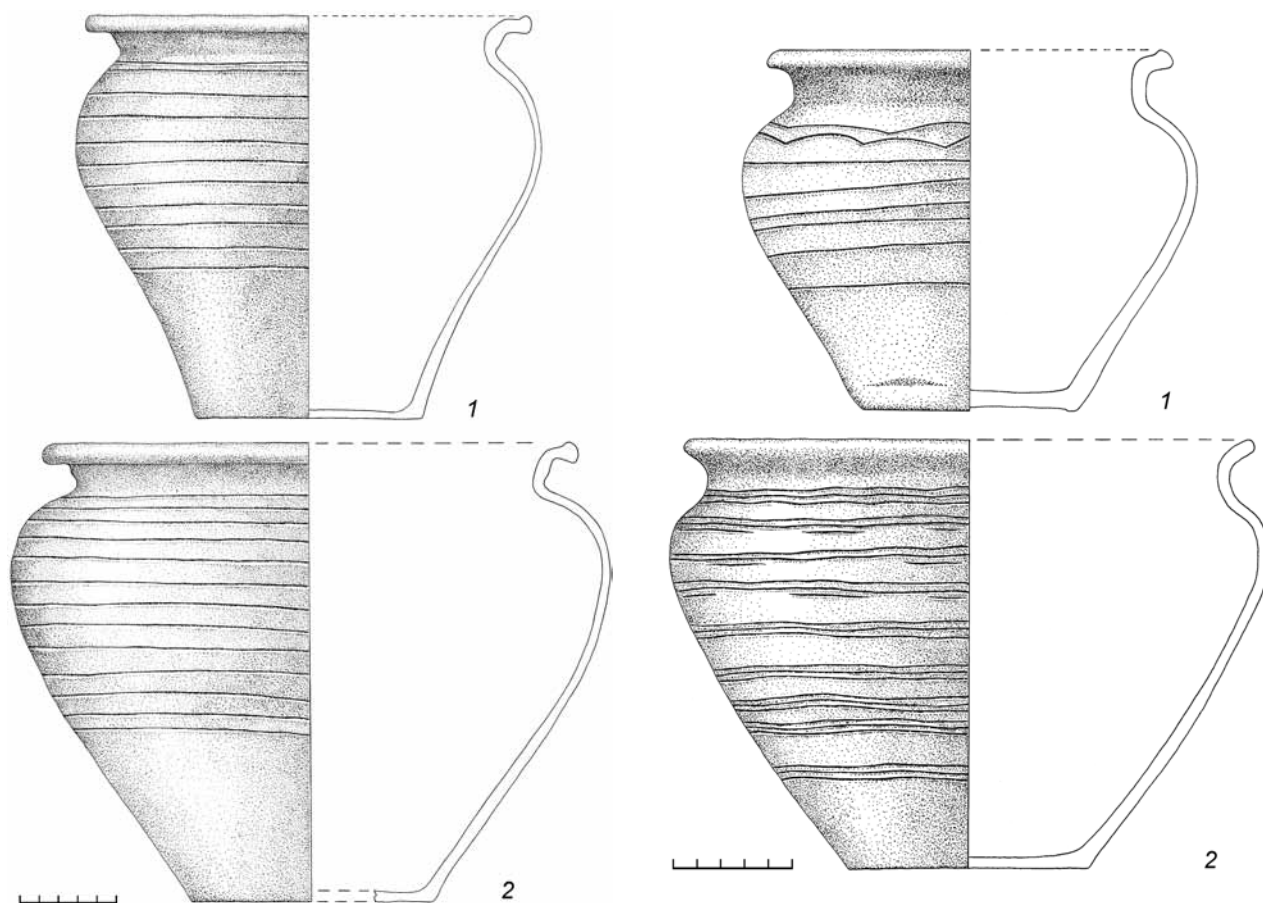

Рис. 9. Яма 1. Реконструированные горшки (1, 2)

Рис. 10. Яма 1. Восстановленные горшки (1, 2)

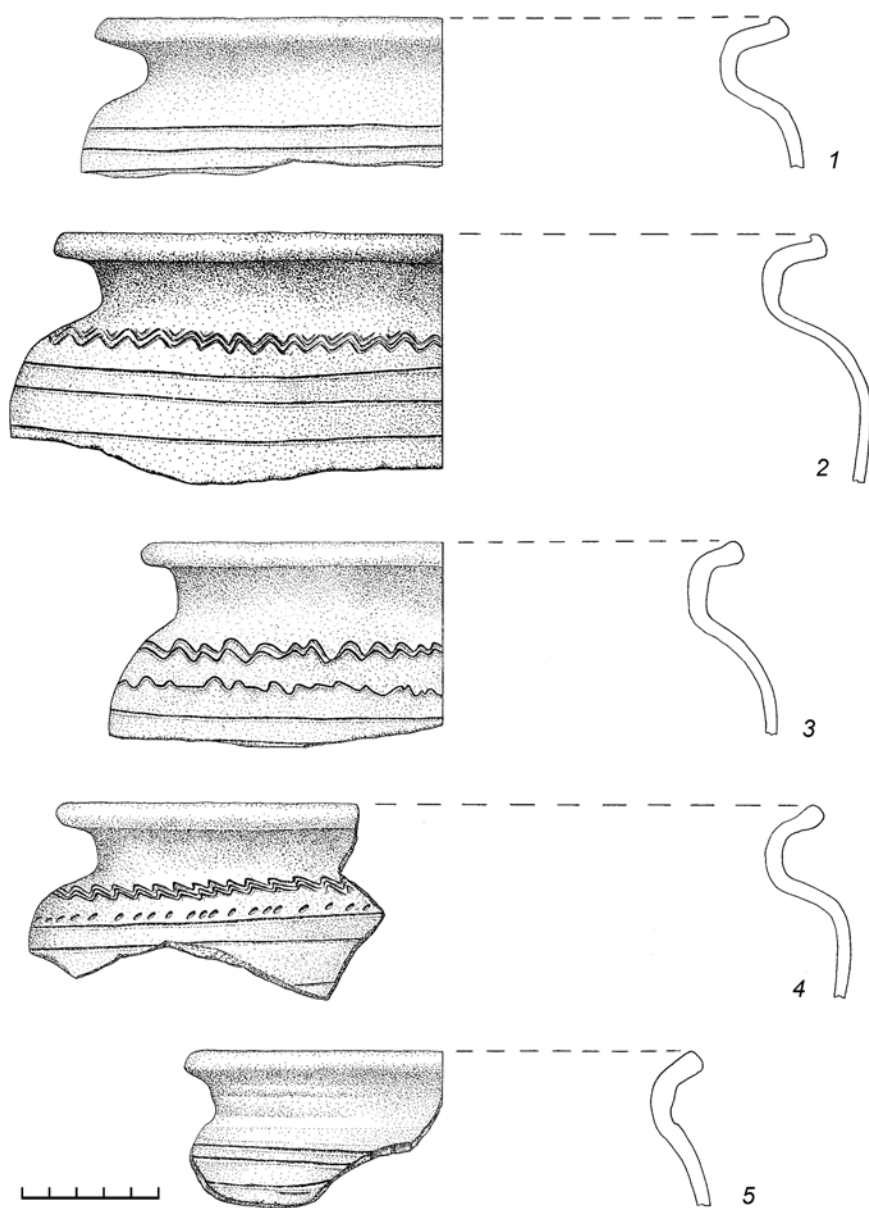

Рис. 11. Яма 1. Верхние части горшков (1–5)

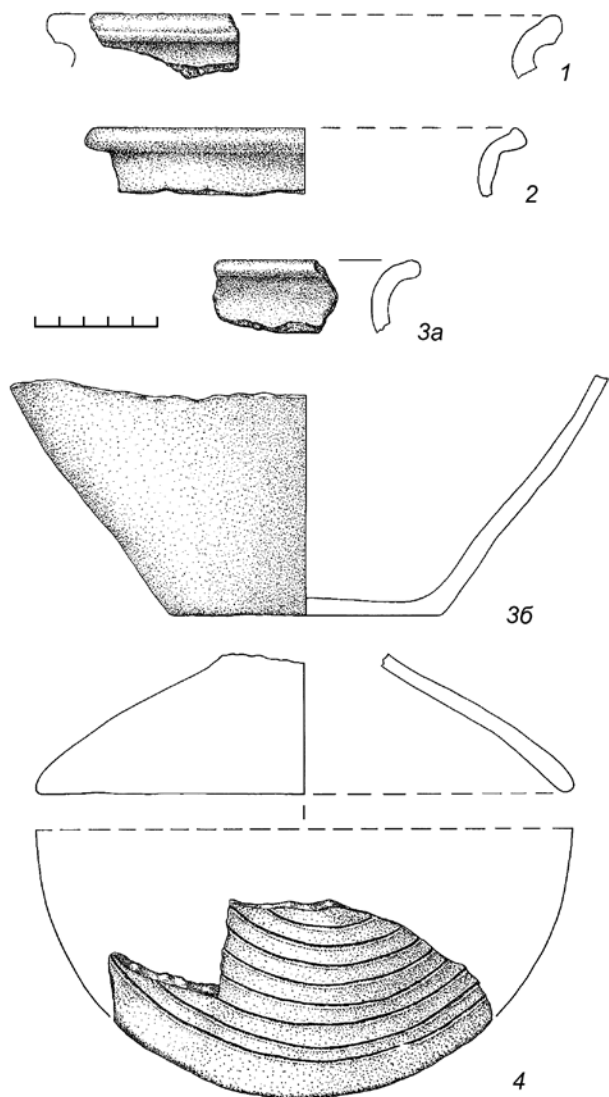

Рис. 12. Яма 1. Обломки горшков (1–3), крышка (4)

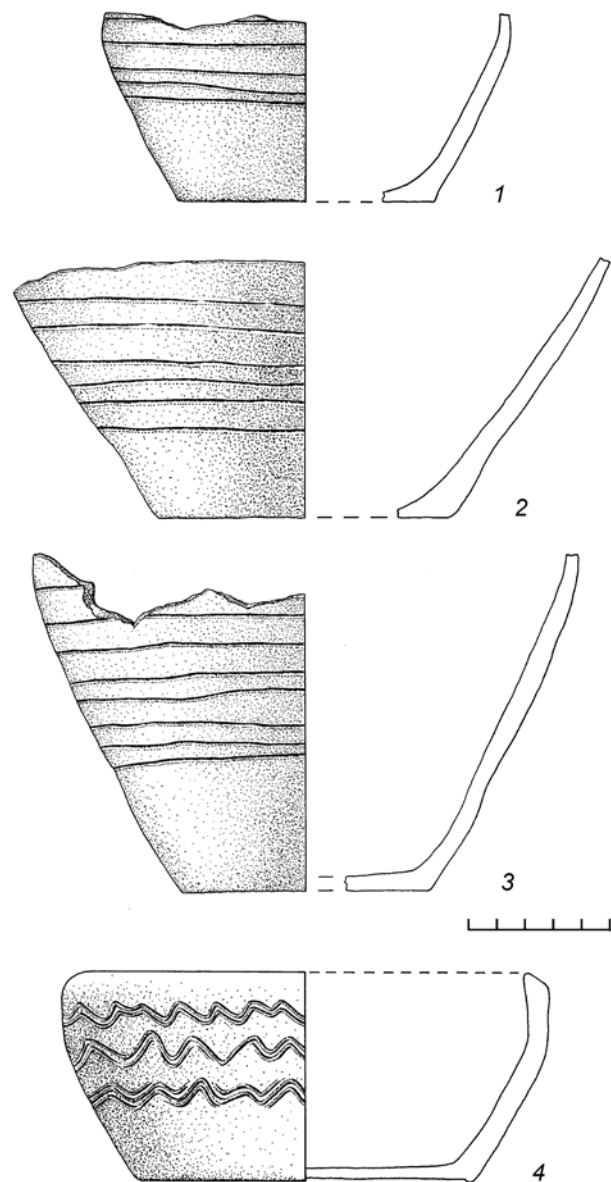

Рис. 13. Яма 1. Нижние части горшков (1–3), миска (4)

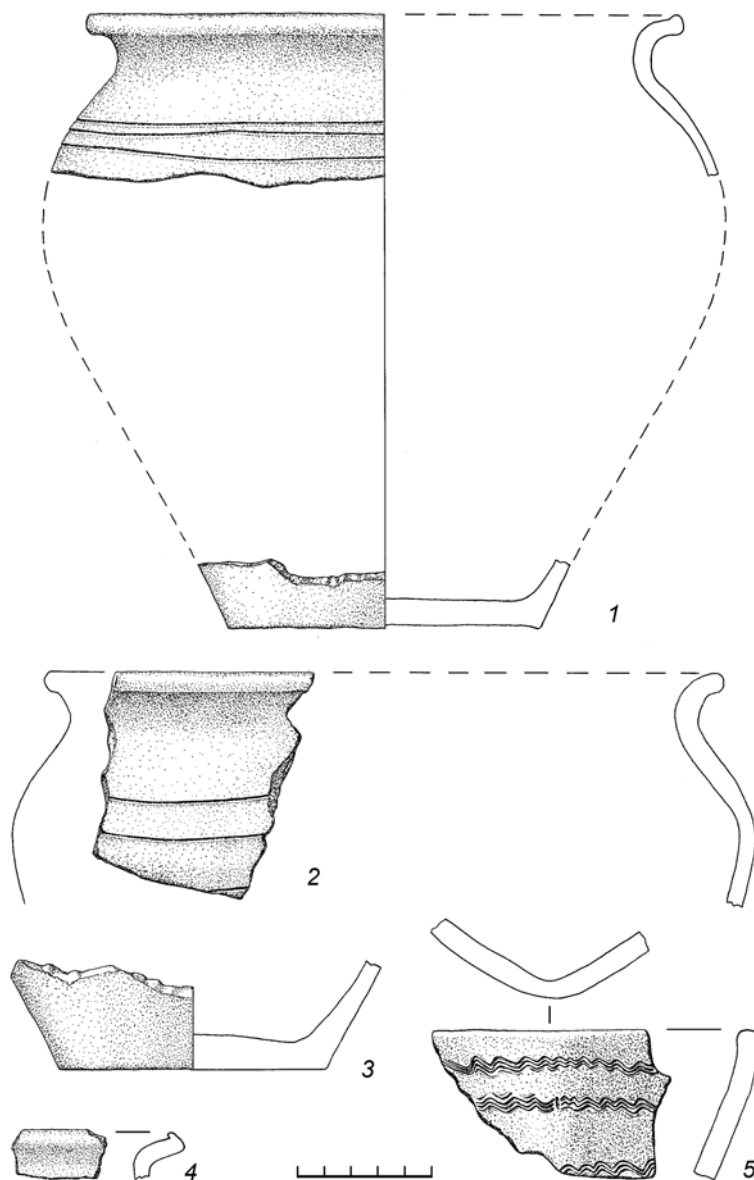

Рис. 14. Яма 1а. Обломки керамики
1–4 – горшки; и 5 – миски. (4 – белоглиняный)

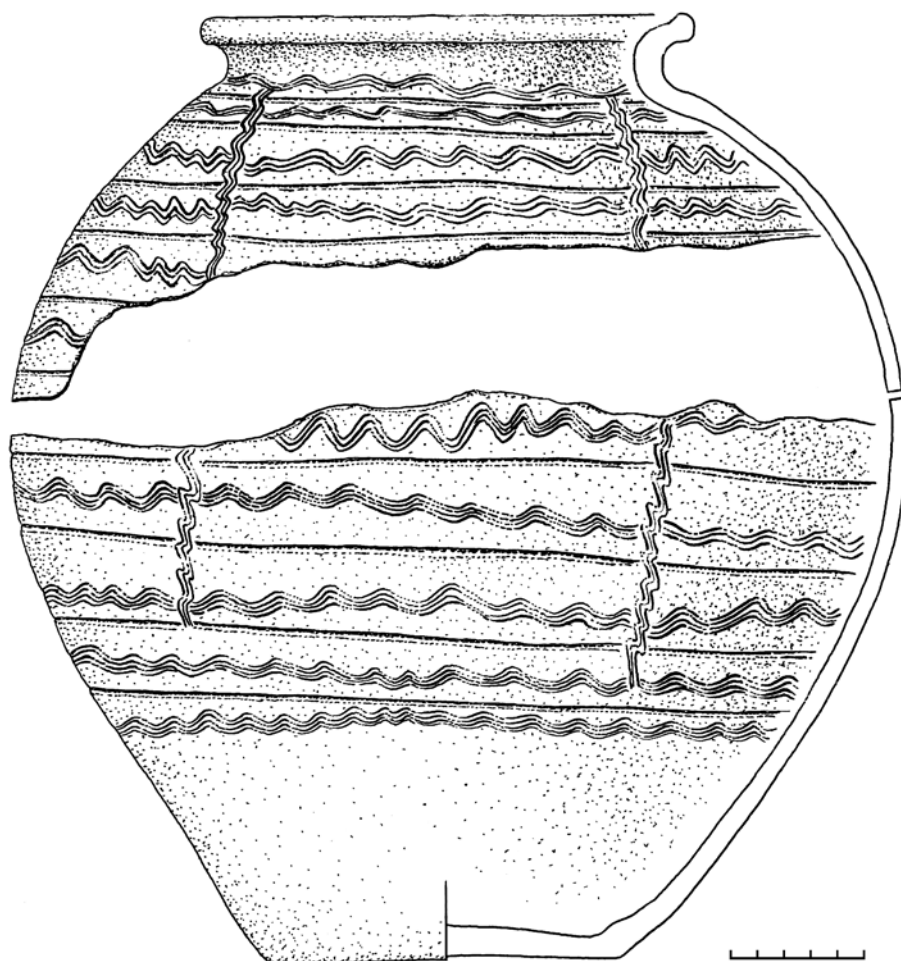

Рис. 15. Ямы 1, 1а. Корчага

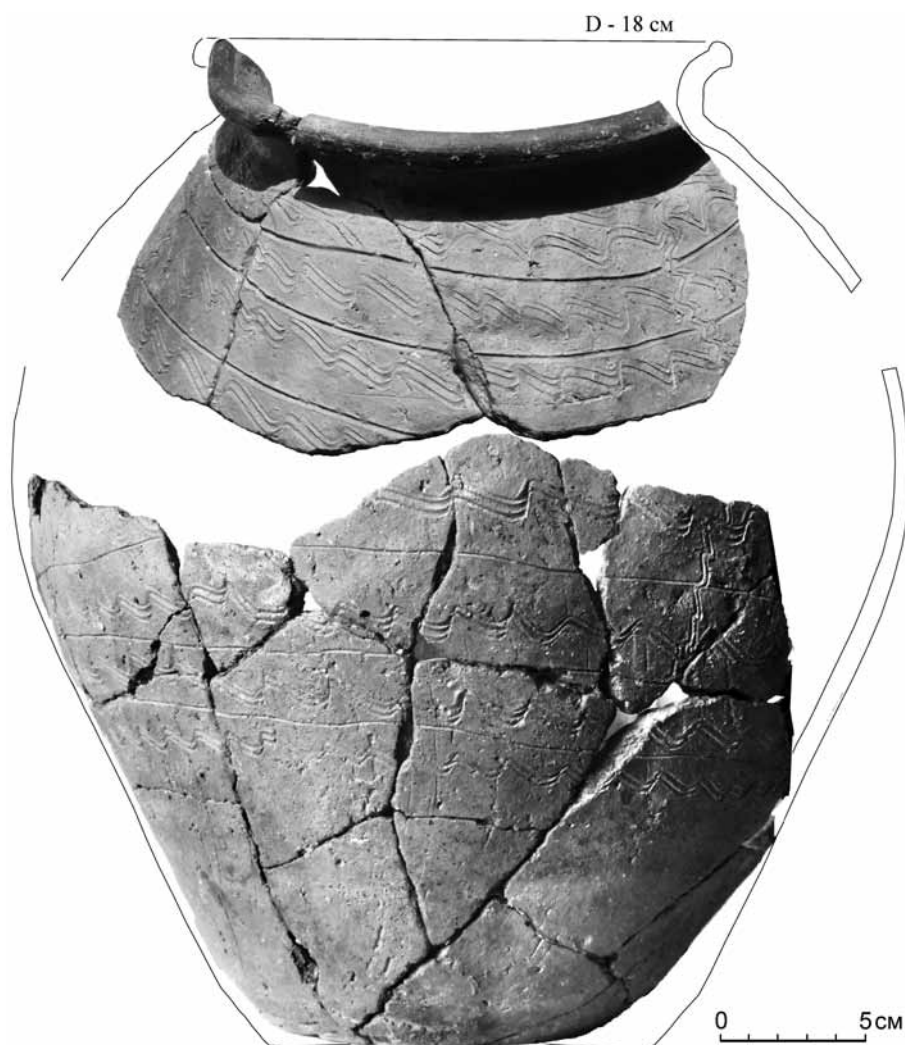

Рис. 16. Селище Царицыно 2. Корчага из ямы 1

Н.Н. Грибов

Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация

Своеобразным камнем преткновения на пути к продуктивному осмыслению археологических материалов средневековых поселений является выяснение первоначальных функций вскрываемых по ходу раскопок многочисленных материковых котлованов. Их изучение имеет особое значение для памятников на минеральных грунтах с плохой сохранностью органики. На большинстве селищ, подверженных ежегодной распашке, они являются единичными объектами с непотревоженными напластованиями. Соотнесение отдельных искусственных углублений с остатками построек вселяет надежду на получение информации о конструкции жилых и хозяйственных сооружений, их месте в системе планировки даже в том случае, если культурный слой изучаемого памятника полностью переотложен до уровня верхней материковой отметки. Насколько оправданы эти ожидания?

При выяснении назначения материковых ям в расчет принимаются их конфигурация, габариты, ассортимент находок. Особое внимание традиционно уделяется стратиграфии и специфике заполняющего грунта. Вместе с тем, слагающие заполнения слои и прослойки при критическом осмыслении предложенных интерпретаций подчас получают широкое толкование, непозволительное для сколько-нибудь однозначных выводов, что вызывает закономерный скепсис при обращении к такого рода источникам (Коваль, 2007. С. 64–67; 2010. С. 84–98). В качестве главных причин «утраты доверия» к информативности стратиграфических наблюдений можно назвать отсутствие системного подхода к их проведению, неразработанность каких-либо методических приемов, позволяющих отождествлять те или иные отложения не только со стихийными природными процессами (Борисов, 2010. С. 99–106), но и с результатами целенаправленной человеческой деятельности.

Ход рассуждений, используемый при интерпретации построечных котлованов, носит отчетливо дедуктивный характер. Определение назначения того или иного углубления основывается на априорных представлениях о том, что собой «должны» представлять средневековые постройки, как они «должны» разрушаться, и как при этом «должно» формироваться заполнение их полостей. При этом сама процедура интерпретации представляет собой установление соответствия реальных изучаемых объектов тем образам и моделям, которые складываются в сознании исследователя из этнографических параллелей, общефизических закономерностей и здравого смысла.

Иной подход к означенной проблеме – применение индуктивного метода, когда желаемое обобщение формируется в результате подробного изучения, описания и систематизации фактического материала, – пока остается не разработанным и не имеет сколько-нибудь широкого круга сторонников. Основные положения соответствующей исследовательской программы, в самом общем плане, можно наметить следующим образом. В качестве исходной целевой установки этот подход предполагает выделение характерных *структур* в заполнениях котлованов, т. е. таких специфических ассоциаций слоев и прослоек, которые нельзя признать случайными из-за их сериации, присутствия у значительного числа исследованных объектов. Изучение остатков построек с достаточно очевидными причинами образования таких структур¹ позволяет использовать последние в качестве своеобразных опорных элементов при истолковании заполнений любых других искусственных котлованов, содержащих подобные неоднородности. Очевидно, что этот подход должен начинаться с наблюдений за составом и залеганием отдельных слоев и прослоек, с разработки языка описания. Поиск

---

¹ «Очевидность» формирования каких бы то ни было структур в заполнениях котлованов в действительности отсутствует, поскольку может быть установлена только путем эксперимента. При его отсутствии она сама по себе является результатом дедуктивного процесса. Следовательно, даже индуктивный подход не может обойтись без элементов дедукции (Прим. ред.).

этнографических параллелей в этом случае приходится на заключительную стадию исследования.

Основные контуры данной исследовательской процедуры были намечены при сравнительном изучении заполнений 40 достаточно крупных построечных котлованов, раскопанных в 1995–2009 гг. в Нижнем Новгороде и на памятниках его ближайшей сельской округи (преимущественно на селищах Ближнее Константиново-1 и Бешенцево-3). Датировка изученных объектов очерчивается периодом с середины XIII до начала XV в. Все они вскрыты в одном ландшафтном районе на памятниках, сходных по месту, занимаемому в рельефе (на приводораздельных склонах), и почвенному покрову (в виде светло-серых лесных почв, развитых на бурых покровных четвертичных суглинках). Данная статья посвящена первому предварительному обобщению сделанных при этом наблюдений.

Реализация предлагаемого подхода в настоящей работе не доведена до логического завершения: опущен завершающий этап, предполагающий поиск этнографических аналогов. Основное внимание уделено выяснению возможности атрибуции остатков конструкций, входивших вместе с котлованами в состав единых сооружений: пристенной обшивки и глинобитных печей на деревянных перекрытиях. Решение этих вспомогательных задач способно существенно сузить круг вероятных этнографических аналогов при атрибуции построек, от которых сохранились только остатки подземных частей. Представляется, что только одно выяснение надежных признаков конструктивной взаимосвязи построечных котлованов с остатками глинобитных печей, вскрываемых при их расчистке, стало бы заметным шагом на пути от фиксируемой на полевых чертежах «слепой» планиграфии памятника к осмысленной реконструкции жилой застройки изучаемого поселения.

Важнейшей предпосылкой реализации задуманного исследования стала методика разборки всех привлеченных для сравнительного анализа котлованов по слоям с фиксации одного или нескольких стратиграфических разрезов. Изучение заполнений всегда сопровождалось попыткой зачистки верхней поверхности каждого из слоев, с обязательной графической фиксацией и нивелировкой их границ.

Очевидно, что в полевой обстановке разборка ям по слоям обнаруживает много недостатков и вызывает немало справедливых нареканий исследователей, испробовавших ее на деле. Тут и потеря «плана», который можно легко документировать чертежами при работе пластами стандартной толщины, необходимость воспитания команды раскопщиков, способных различать слои, организация отлаженного механизма четкой увязки информации о разбираемых слоях с их стратиграфическим положением и этикетированием находок, неизбежные временные издержки. Однако, такая методика наиболее органична для подробного изучения отдельных наслоений, определения таких

их характеристик, которые сложно надежно фиксировать при любых других способах разборки.

При описании отдельных слоев и прослоек был выработан перечень признаков, как представляется, наиболее важных для выяснения причин и механики их образования. К таким признакам отнесены следующие:

- 1) особенности текстуры описываемого отложения;
- 2) характер его залегания по отношению к вмещающему грунту;
- 3) пространственная конфигурация слоя, его геометрия;
- 4) его расположение относительно дна и бортов котлована;
- 5) механический состав грунта (подразделение на пески, супеси, суглинки – в зависимости от соотношения песчаных и глинистых частиц);
- 6) окраска;
- 7) плотность, наличие пор, их характерная конфигурация;
- 8) основные включения;
- 9) максимальная и характерная мощность слоя, иногда – объем образующего его грунта.

При описании археологических напластований первые две характеристики из приведенного перечня, текстура и характер залегания, обычно опускаются. Поэтому их необходимо прокомментировать.

В литологии – геологической дисциплине, изучающей слоение и образование осадочных пород, текстура определяется взаиморасположением и ориентацией различных составляющих грунта (*Пустовалов, 1940. С. 5–7; Фролов, 1992. С. 92*). Текстура позволяет судить об условиях, в которых происходило накопление «осадка», отражает характер, механику отложения того или иного слоя. Каждый ее тип очерчивает определенный круг явлений. Так, беспорядочная пятнистая текстура образуется при сложении слоя из достаточно крупных комков-отдельностей, что реализуется по ходу осыпания верхних кромок бортов котлована или в случае его преднамеренной засыпки. Слоистая текстура характерна для периодических процессов осаждения, происходящих в поверхностно переувлажненных грунтах. Может проявиться она и при деформациях. Массивная однородная текстура у переотложенного материкового суглинка обнаруживается в случае разного рода преднамеренно утрамбованных насыпок, либо при деформации какого-то исходного массива, не распавшегося на отдельные зерна.

Разборка ям по слоям, опыт зачистки поверхности каждого выделенного напластования, помогли отчетливо различить две характерные формы залегания слоев в материковых ямах. Одна из них (будем называть ее *покровной*) реализуется, когда слои с гладкой верхней поверхностью выклиниваются² исключительно по границе, разделяющей различные по своим морфологическим признакам отложения (рис. 1, 1).

² Выклинивание – уменьшение мощности слоя до его полного исчезновения (*Корсаков, 2009. С. 52*).

Другая (*внедренная*) форма отложения проявляется в одном из следующих случаев:

а) если рассматриваемый слой (как правило, без резкого перехода на пограничных поверхностях) выклинивается в толщу однородного грунта вмещающего напластования (рис. 1, 2а);

б) если он имеет прерывистый по вертикали характер и, зачастую, сопровождается вкрапленниками, прослоями, линзами однотипного с ним грунта в подстилающем или перекрывающем отложениях (рис. 1, 2б);

в) обладает хотя бы одной складкой на верхней поверхности (рис. 1, 2в).

При первых опытах разборки ям по слоям внедренный характер отдельных напластований доставлял много недоумений и переживаний. Распространенное среди раскопщиков априорное представление о структуре отложений в материковых котлованах предполагало, что прослеживаемые по вертикали слои должны четко соблюдать возрастную последовательность, залегая также просто и правильно один над другим, как листы бумаги в папке. В действительности оказалось, что при удалении от плоскости разреза отдельные стратиграфически выделенные напластования способны сложным образом переслаиваться друг с другом, перетекать один в другой, образуя сложные пространственные конфигурации. Способ фиксации на обычных чертежах плохо помогает воссозданию облика их поверхностей. Выяснилось, что отдельные стратиграфические элементы имеют столь сложную геометрию, что даже простая однозначная нумерация отложений на имеющемся разрезе оказывается непростой задачей – неразрешимой без выработки представления о слое как о трехмерном теле.

Если однородные покровные слои образуются по ходу таких процессов как обрушение или осыпание верхних кромок котлованов, искусственное заполнение его деструктурированным, разделенным на отдельные зерна, грунтом, то внедренные отложения, очевидно, связаны либо с продавливанием «тяжелым осадком» подстилающего напластования, либо с погребением неких объектов, создающих на начальной стадии археологизации пустоты в заполнении. Последние в условиях открытого котлована, подверженного воздействию атмосферных осадков и перепадам температур, в течение короткого времени заполняются переувлажненным грунтом, затекающим в полости и постепенно осаждаемым в них по ходу развития совокупности известных природных процессов (таких, как суффозия и некоторых других – см.: Борисов, 2010. С. 103–105). Очевидно, что остатки конструкций с элементами из органических материалов, попадая в силу тех или иных причин в заполнение котлованов, с большой долей вероятности должны образовывать сложно структурированные горизонты, включающие в себя внедренные отложения.

Заполнение любого построечного котлована может быть разделено на совокупность последовательных покровных отложений, образующих отдельные горизонты. Горизонт могут составлять отдельные слои покровного залегания, либо сочетание внедренных напластований с любыми другими, геометриче-

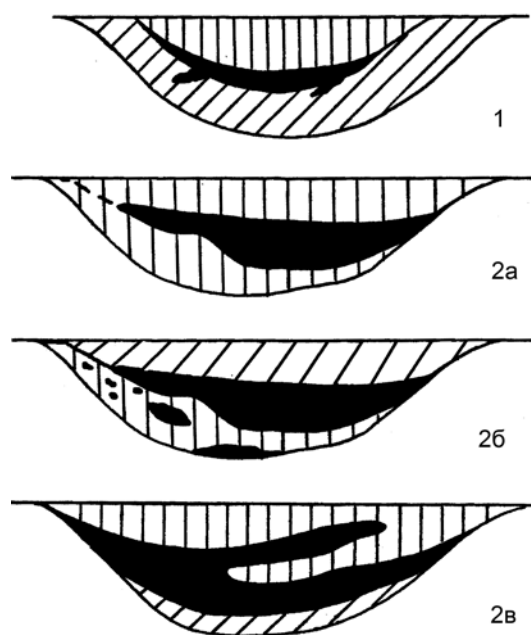

Рис. 1. Основные формы залегания слоев в материковых ямах

1 – покровное; 2а, 2б, 2в – внедренное

ски дополняющих их до покровных. Каждый из горизонтов связан с особым режимом заполнения, с течением порой качественно различных, но близких по времени явлений и процессов, вызванных, возможно, одной причиной, одним исходным породивших их импульсом, событием.

Очевидно, что только горизонты покровных отложений являются теми стратиграфическими единицами, по которым может быть построена относительная хронология как самих отложений, так и связанных с ними включений. Вместе с тем, многие из горизонтов представляют собой не однородные слои, а сложные структуры, включающие в себя внедренные отложения разнообразной морфологии. Объединение находок из разных слоев одного горизонта позволяет получать статистически представительные комплексы для хронологических определений по массовому керамическому материалу. Попытку хронологической дифференциации находок из разных слоев одного горизонта следует рассматривать как методически несостоятельную операцию, так как в данном случае сомнительна сама возможность обращения к стратиграфическому методу.

По устойчивым ассоциациям отдельных слоев и прослоек в заполнениях материковых ям выделяются характерные горизонты, которые с теми или иными вариациями встречаются у совокупности различных объектов. Каждая такая структура, вероятно, отличается своим особым механизмом образования. Среди прочих, каждая из них выделяется, прежде всего, по одному характерному *типобразующему* слою внедренного залегания определенного состава, определенной текстуры и определенной геометрии.

Даже при беглом знакомстве со стратиграфическими разрезами построечных котлованов на памят-

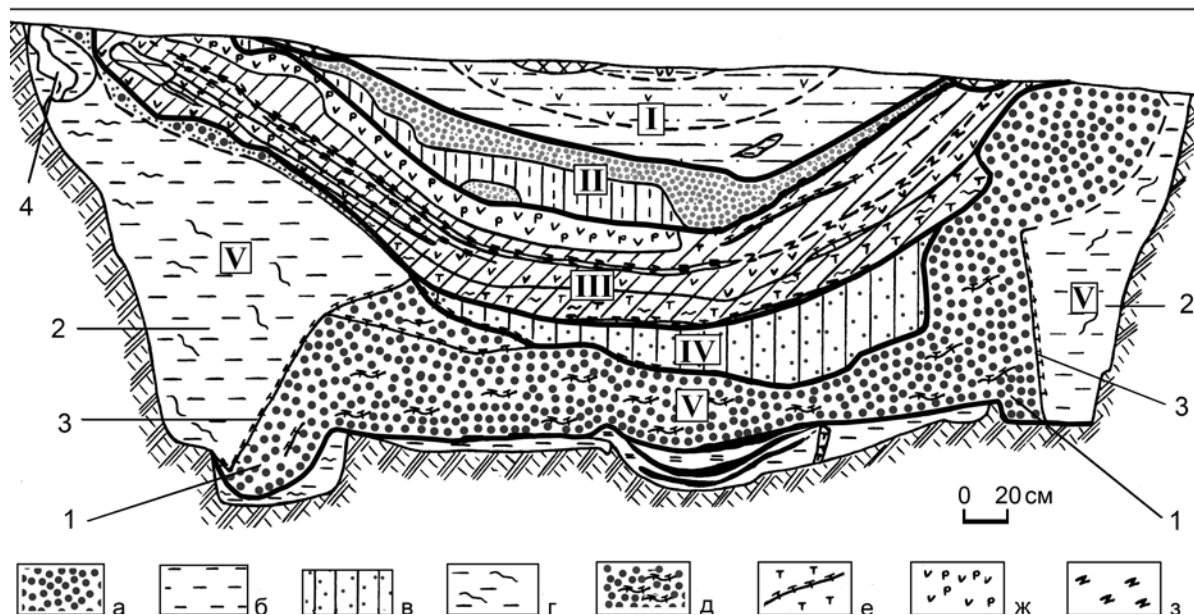

Рис. 2 Разрез ямы 54 раскопа 3 поселения Бешенцево-3

а – переотложенный слегка обожженный пластичный материковый суглинок с включениями пачины; б – однородный переотложенный материковый суглинок массивной текстуры; в – мелкокрапчатый гумусированный суглинок; г – переотложенный материковый суглинок с развитой микрослоистостью; д – грунт прожилковато-пятнистой текстуры (типообразующий слой структуры первого типа); е – мелкокрапчатый древесный тлен (детрит), прослойка древесного тлена; ж – рыхлый угленасыщенный грунт, насыщенный костями и керамикой; з – тленобразные включения щепы. I–V – выделенные горизонты заполнения; V – горизонт соответствующий структуре первого типа. 1 – типобразующий слой структуры первого типа (коллювий обрушения); 2 – грунт пристенной забутовки; 3 – прослойка древесного тлена (отпечатки деревянной обшивки на вертикальном разрезе); 4 – стерильный грунт элювиального почвенного горизонта, оползший в результате размораживания

никах Северо-Восточной Руси у многих из них без особого труда можно заметить присутствие двух характерных структур, часто встречаемых и в заполнениях нижегородских построек. Рассмотрим их более подробно и попытаемся интерпретировать по известным «очевидным» примерам.

Структура первого типа образуется в углублениях с остатками деревянной пристенной обшивки. Она обнаруживается исключительно в придонной части заполнения и по форме близка к вогнутой линзе (рис. 2). Ее типобразующий слой состоит из грунта прожилковато-пятнистой текстуры с нерегулярной слоеватостью (рис. 3). Основу его, помимо темно-серой гумусированной составляющей, всегда образуют деформированные (слегка приплюснутые по вертикали) светлые комки переотложенного материкового суглинка, разделенные щелевидными порами. Стенки последних выстланы коричневатым мелкокрапчатым древесным тленом (детритом). В расположении пор отмечается нерегулярная слоистость и прожилковатость. Для верхней поверхности слоя характерна бугристость, его граница в вертикальном разрезе – волнистая с ясным переходом к перекрывающему грунту (с толщиной переходного участка до 3 см).

Один из вариантов рассматриваемой структуры, помимо занимающего центральное положение типобразующего слоя, включает в себя еще два обязательных элемента (рис. 4). Первый – это перекрывающий стенки ямы плотный однородный переотложенный материковый суглинок, преимущественно вертикаль-

ного простираения. Без сколько-нибудь отчетливой верхней границы он переходит в деформированный или оползший грунт, перемещенный с материковых кромок котлована (рис. 2, 2; 4, 2). Второй элемент – совокупность тонких прослоек древесного тлена, отделяющих вышеописанный пристенный суглинок от центрального типобразующего слоя (рис. 2, 3; 4, 3). На вертикальных разрезах вблизи основания бортов они всегда имеют короткие наклонные к центру котлована прямолинейные участки. С некоторой высотой над уровнем материкового дна детритовые прослои начинают изгибаться, ветвиться, внедряясь в типобразующий слой, постепенно становясь неразличимыми среди хаотичного переплетения многочисленных тленосодержащих прослоек.

Интерпретация описанного варианта структуры первого типа становится очевидной при последовательной разборке описанного горизонта по указанным выше структурным составляющим (рис. 5). После удаления центрального прожилковато-пятнистого слоя, хаотично пронизанного витиеватыми порами, прослойки древесного тлена превращаются в отчетливые отпечатки отдельных элементов вертикальной обшивки (рис. 6). Конструкция последней в самых общих чертах по сохранившимся остаткам может быть надежно реконструирована следующим образом. Она состояла из деревянного каркаса, набранного из горбылей и плах. Нижние части последних крепились утрамбованным грунтом в пристенных канавках (их продолговатые с «рваными» краями пятна при

Рис. 3. Грунт прожилковато-пятнистой текстуры на дне постройки с остатками пристенной обшивки (типообразующий слой структур первого типа; вертикальный разрез) (см. цв. вкл.)

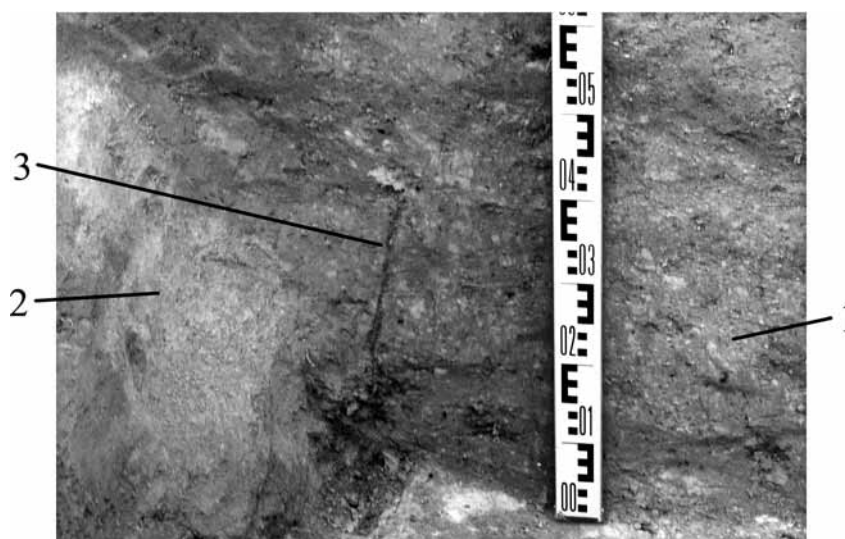

Рис. 4. Участок вертикального разреза заполнения ямы котлована с остатками пристенной обшивки (см. цв. вкл.)

1 – грунт колювния обрушения прожилковато-пятнистой текстуры; 2 – грунт пристенной забутовки;
3 – прослойка древесного тлена (детрита), соответствующая отпечаткам пристенной обшивки

Рис. 5. Котлован постройки с отпечатками пристенной обшивки (яма 54 раскопа 3 поселения Бешенцево-3)

зачистке материкового дна не всегда хорошо заметны). Жесткость конструкции достигалась использованием угловых столбов, в которые врубались концы двух-трех горизонтальных жердей, поддерживающих вкопанные горбыли и плахи в вертикальном положении. Остатки опорных столбов уверенно прослеживаются по угловым столбовым ямам и перекрывающему их тленонасыщенному рыхлому грунту замещения дерева. Остатки горизонтальных жердей в нескольких случаях фиксировались на вертикальных

разрезах в нижней части обшивки в виде округлых коричневатых пятен тленонасыщенного грунта (диаметром по 6–8 см) примыкающих к отпечаткам вертикальных элементов. Пространство между каркасом и материковой стенкой котлована плотно заполнялось забутовочным грунтом (переотложенным материковым суглинком). Именно внутренняя поверхность образуемого им вертикального «напластования» сохраняет тленообразные отпечатки отдельных элементов обшивки (рис. 6). Использование таких пристенных

Рис. 6. Отпечатки отдельных элементов деревянной обшивки (горбылей и пластин) (яма 54 раскопа 3 поселения Бешенцево-3)

конструкций весьма характерно для глубоких подпрямоугольных построечных котлованов, встречаемых при раскопках средневековых городов и сел русского Северо-Востока (*Шполянский, 2008. С. 58, 60*).

Наблюдение над спецификой отложений, связанных с остатками подобных конструкций, позволяет восстановить характерные черты обстановки их разрушения. Общей особенностью рассматриваемых объектов является то, что отчетливые отпечатки обшивки сохраняются в них только в придонной части, где они всегда имеют отрицательный наклон по направлению к центру котлована (рис. 5). Присутствие этих черт у каждого исследованного искусственного углубления с вертикальным расположением уплотненных каркасных элементов наводит на мысль о действии во всех этих разных случаях одной и той же естественной причины, не обусловленной переменчивым «человеческим фактором». Выяснению этой причины, как это ни странно, помогает обращение к изучению отложений, примыкающих к верхним краям бортов. Эти «краевые» отложения всегда отчетливо демонстрируют характерное выпячивание и оползание связанного с ними грунта, подчас сохраняющего до определенной глубины погружения структуру почвенных стерильных горизонтов (если яма была откопана с уровня их верхней поверхности) (рис. 2, 4).

Природным явлением, приводящим к образованию подобных «выпяченных», но сохраняющих свою первоначальную структуру, отложений, является покровная солифлюкция – медленное вязкое течение протаявшего переувлажненного грунта по отверделой поверхности замороженного основания (*Пендин, 2008. С. 50*). В котлованах с остатками вертикальной обшивки языки «выпяченных» отложений отчетливо читаются в верхней части бортов. Там они перекрывают остатки грунта пристенной обшивки, без сколько-нибудь ясной границы переходя в него и в центральный пятнистый типобразующий слой,

мощность которого всегда возрастает на периферии углубления (рис. 2, 4).

Солифлюкционные процессы активизируются (или начинают проявляться) только после раскрытия котлована, после разрушения его перекрытия, наземной части связанного с ним строения. После чего неизбежно начинается ежесезонное промораживание стенок котлована по всей их высоте. Последствия этого особенно ярко должны проявляться в переотложенном расструктурированном грунте пристенной забутовки. Характерный наклон уцелевших отпечатков обшивки является проявлением хорошо известного процесса криогенного выпучивания грунта, обусловленного резким увеличением его объема при промерзании (*Пендин, 2008. С. 43*). Давлением распирающей, сначала замороженной, а затем протаявшей массы на пристенный деревянный каркас, можно объяснить фиксируемую при разборке единой образную ориентацию его сохранившихся элементов. Верхние части постепенно ветшающих горбылей и пластин обламывались и заваливались внутрь котлована под действием выпирания грунта во время его очередной весенней разморозки. Освобожденная от преграды пристенная забутовка под действием силы тяжести осыпалась, перемешиваясь с расщепленными, хаотично ориентированными обломками деревянного каркаса. Прожилковато-пятнистый облик типобразующего слоя, перекрывающего дно подобных котлованов, его плавный, без каких-либо видимых границ переход в наклонные прослой «течения» (осыпания) забутовочного грунта красноречиво свидетельствуют о механике образования этого слоя как своеобразного коллювия³. Выполненный для одного исследованного котлована опыт сопоставления объема грунта данного слоя с объемом суглинка, утраченного в результате осыпания верхней части пристенной забутовки (с уровня надлома отпечатков обшивки), показал сопоставимость полученных цифр.

Разновидности структуры заполнения, связанной с остатками пристенной обшивки, определяются различными вариантами первоначальной конструктивной схемы. Среди исследованных объектов встречаются остатки различных типов пристенных каркасов: набранная из жердей вертикальная обшивка, горизонтальная обшивка из поставленных на ребро плах, горизонтальная обшивка срубного типа. Их надежная атрибуция становится очевидной по ходу последовательной расчистки и фиксации тленообразных следов обшивки. Менее уверенно могут быть определены остатки легкого горизонтального пристенного каркаса, состоящего из вбитых в материк небольших (до 6–8 см в поперечнике) угловых столбиков и прижимаемых ими к материковым бортам горизонтальных жердей или прутьев. Отпечатки последних не сохраняются. Тем не менее, использование такой легкой конструкции с большой долей уверенности может быть установлено по сочетанию описанного выше

³ Коллювий – беспорядочные обломочные отложения, накапливаемые у подножий возвышенностей под влиянием гравитации.

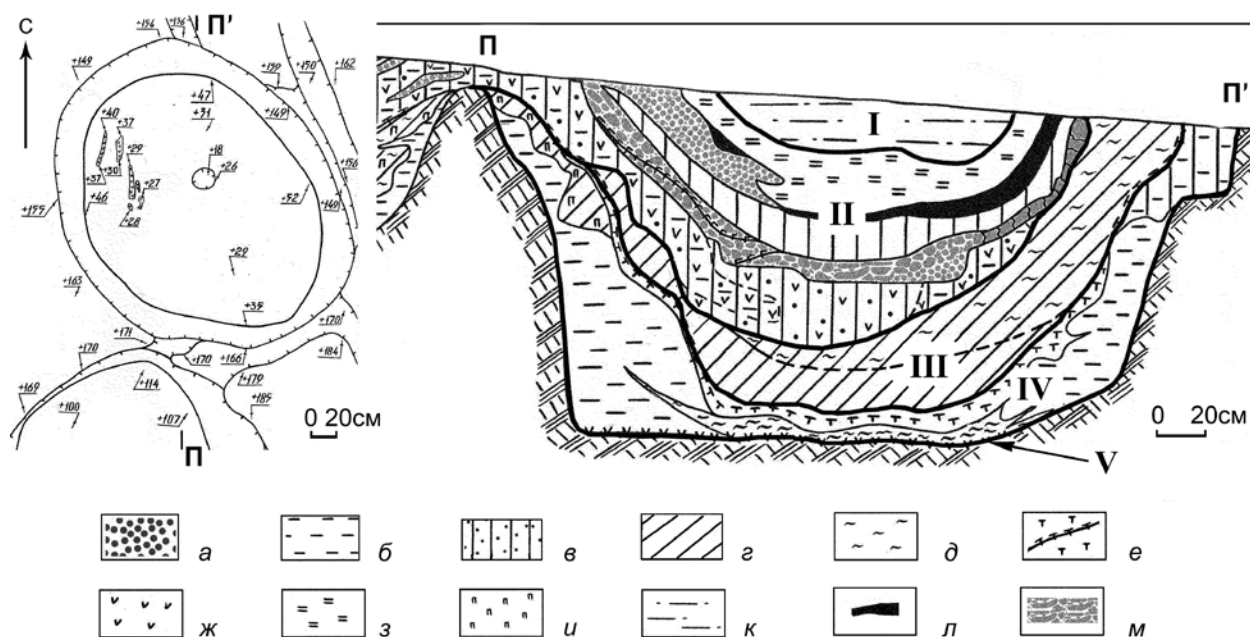

Рис. 7. План и стратиграфический разрез ямы 4-Б раскопа 10 селища Ближнее Константиново-1

а – переотложенный материковый суглинок с включением печины – типобразующий слой структуры второго типа (основной грунт развала глинобитной печи); б – переотложенный материковый суглинок однородной (массивной) текстуры; в – гумусированный суглинок крапчатой текстуры; г – гумусированный однородный суглинок; д – грунт с развитой микроструктурой; е – мелкораспыленный древесный тлен (детрит), прослойка древесного тлена; ж – древесный уголь; з – розоватый или кремовый пластичный обожженный суглинок; и – стерильный грунт гумусово-аккумулятивного погребенного почвенного горизонта, оползший в результате размораживания; к – отложенный поверхностным стоком гумусированный суглинок «затекший» в западину ямы; л – мощная углистая прослойка; м – каменистая печина (слой деформированного пода глинобитной печи). I–V – выделенные горизонты заполнения; II – горизонт соответствующий структуре второго типа

пестрого прожилковато-пятнистого слоя на дне котлована с наличием минимум четырех угловых материковых ям, с рыхлым по всему объему заполнением (рассыпчатым детритом), повторяющим форму сечения вбитых в грунт небольших деревянных столбиков.

Морфологические признаки типобразующего слоя структуры первого типа универсальны для котлованов с различными конструкциями пристенного каркаса. Особенности последних проявляются в специфике иных ее составляющих элементов. Поэтому, складывается впечатление, что обнаружение на дне ямы отложения подобного пятнисто-прожилковатого облика (мощностью от 15 до 50 см) и сходной пространственной конфигурации уже само по себе может служить верным указанием на наличие у данного объекта пристенной деревянной конструкции – даже без специальной расчистки ее отпечатков.

Структура второго типа определяется по суглинистому, иногда слегка кремоватому из-за легкого обожжения, грунту, насыщенному обломками печины, хорошо заметных на темном фоне стратиграфических разрезов. Этот яркий пестрый оранжево-желтый грунт традиционно связывают с остатками глинобитных печей.

В заполнениях ям обнаруживаются три основные формы его залегания. Первая связана с массивными, почти однородными компактными линзами мощностью более 10 см и объемом более 40 л (до 2200 л). Вторая форма залегания проявляется в виде мало-

мощных прослоек (толщиной менее 10 см и объемом связанного с ними грунта менее 40 л). Третья имеет вид отдельных вкраплений, совокупности маломощных прослоев с размытыми границами, разрозненно встречаемых в различных напластованиях. Структуры второго типа определяются по присутствию только первой из них, когда переотложенный материковый суглинок с включениями печины залегает в виде однородной компактной и достаточно мощной линзы. Это ее типобразующий слой. Для него характерно сочетание массивной однородной текстуры, внедренного характера залегания (не всегда устанавливаемого по вертикальным разрезам) и компактности в плане. Пространственное положение такой линзы в заполнении котлована почти всегда асимметрично: максимальное ее утолщение, как правило, смещено к какой-либо паре бортов, либо в сторону одного из них. В большинстве случаев границы таких структур не имеют отчетливых резких переходов (характерная толщина переходного участка – до 5–10 см), основные включения (скопления печины, внедренные тонкие углисто-золистые прослойки, редкие фрагменты керамики) тяготеют к подошвенной части. Очень часто при аккуратной разборке удается фиксировать тонкую подстилающую прослойку древесного тлена.

Универсальный характер образования таких структур устанавливается по нескольким объектам с различной конфигурацией и различным положением типобразующего слоя в заполнении.

Рис. 8. Деформированный под глинобитной печи в заполнении ямы 4-Б раскопа 10 селища Ближнее Константиново-1 (см. цв. вкл.)

Первый объект напрямую устанавливает связь структуры второго типа с остатками глинобитной печи, изначально стоявшей поблизости от кромок бортов материкового углубления – заведомо выше уровня ее перекрытия. Эта яма № 4Б, вскрытая на раскопе 10 селища Ближнее Константиново-1 в 2003 г. (Грибов, 2003). Она имела овальную форму (размеры 3,0 x 2,4 м), почти вертикальные стенки, вогнутое к центру дно и глубину около 1,4 м. Слой рыжевато-переломленного материкового суглинка с печиной на вертикальном разрезе имеет сложную конфигурацию, характерную для периферии таких структур (плоскость разреза прошла в стороне от сечения максимальной мощности) (рис. 7). При поэлементной разборке горизонта была расчищена слегка деформированная поверхность просевшего и растрескавшегося пода рухнувшей в котлован глинобитной печи (рис. 8). Реконструкция механики разрушения данной конструкции по сохранившимся достаточно красноречивым остаткам свидетельствует о том, что печь не просела в котлован при медленном вертикальном перемещении, а упала или съехала в него под углом – с наклонным челом. При этом наиболее жесткая часть конструкции (под печи) отсоединилась от наиболее пластичной. Сохранение деформированного пода вкупе с внедренным характером залегания отвергает интерпретацию данной структуры как расструктурированного грунта, заброшенного в котлован в виде простой засыпки. Перенесение печи как некой целостной конструкции со стороны для захоронения в исследованном котловане следует признать маловероятным, как из-за веса (оценить который не представляет труда по объему связанного с ней развала – явно более 115 кг), так и по причине ее хрупкости.

Второй объект, в котором достаточно очевидно прослеживается связь выделенной структуры с остатками разрушенной глинобитной печи, изначально конструктивно связанной с котлованом, – это одна из ям, вскрытых на поселении Бешенцево-3 в 2009 г. (раскоп 4, яма № 86 – см.: Грибов, 2009). По обводу верхних кромок бортов она напоминает трапецию (размером 2,6 x 1,7–2,7 м), ее стенки вертикальны, дно ровное уплощенное, глубина 1,2 м. Линза печно-

го развала, мощностью до 80 см и объемом порядка 2200 л, представлена в заполнении массивом почти однородного слегка прокаленного грунта (рис. 9). В его нижней части, вблизи подстилающей прослойки древесного тлена, встречены крупные хаотично ориентированные отвердевшие фрагменты стенок печи, с характерной непрерывной побеговатостью цвета на поверхности (размером порядка 30 x 20 x 20 см), и тонкие разветвленные углистые прослои. Как и в первом примере, нижняя поверхность линзы находится заметно выше уровня материкового дна (на высоте около 25 см). Большой объем однородного суглинка, присутствие в нем крупных фрагментов стенок печной камеры, хаотичный характер залегания, покатая верхняя поверхность, исключая предположение о происхождении этого грунта как планировочного – все эти детали однозначно свидетельствуют об интерпретации типобразующего слоя выделенного горизонта как развала глинобитной печи, первоначально установленной вблизи кромки бортов котлована, выше уровня перекрытия.

Третий объект отличается низким придонным положением структуры второго типа. Это неглубокий Г-образный котлован, состоящий из двух примыкающих друг к другу одновременно заполненных углублений (яма 1-1 раскопа 1 селища Ближнее Константиново-1 1995 г.: Грибов, 1995). Линза слегка прокаленного пластичного суглинка с включением большого количества каменистой печины зафиксирована вблизи дна одного из них, большего по габаритам (4,5 x 2,0 м). Его глубина 0,5 м, стенки почти вертикальны, дно неровное, со ступенеобразными уступами и столбовыми ямами (рис. 10). Местами оно перекрыто линзой прокаленного суглинка. Сочетание придонного положения типобразующего слоя с наличием четырех столбовых ям, расставленных по углам прямоугольной фигуры и перекрытых основным объемом грунта рассматриваемой структуры, делает обоснованным предположение об интерпретации последней как остатка глинобитной печи, изначально установленной на столбовом опечке выше уровня перекрытия данного котлована.

Если приведенные примеры можно признать убедительными, то до появления иных объяснений

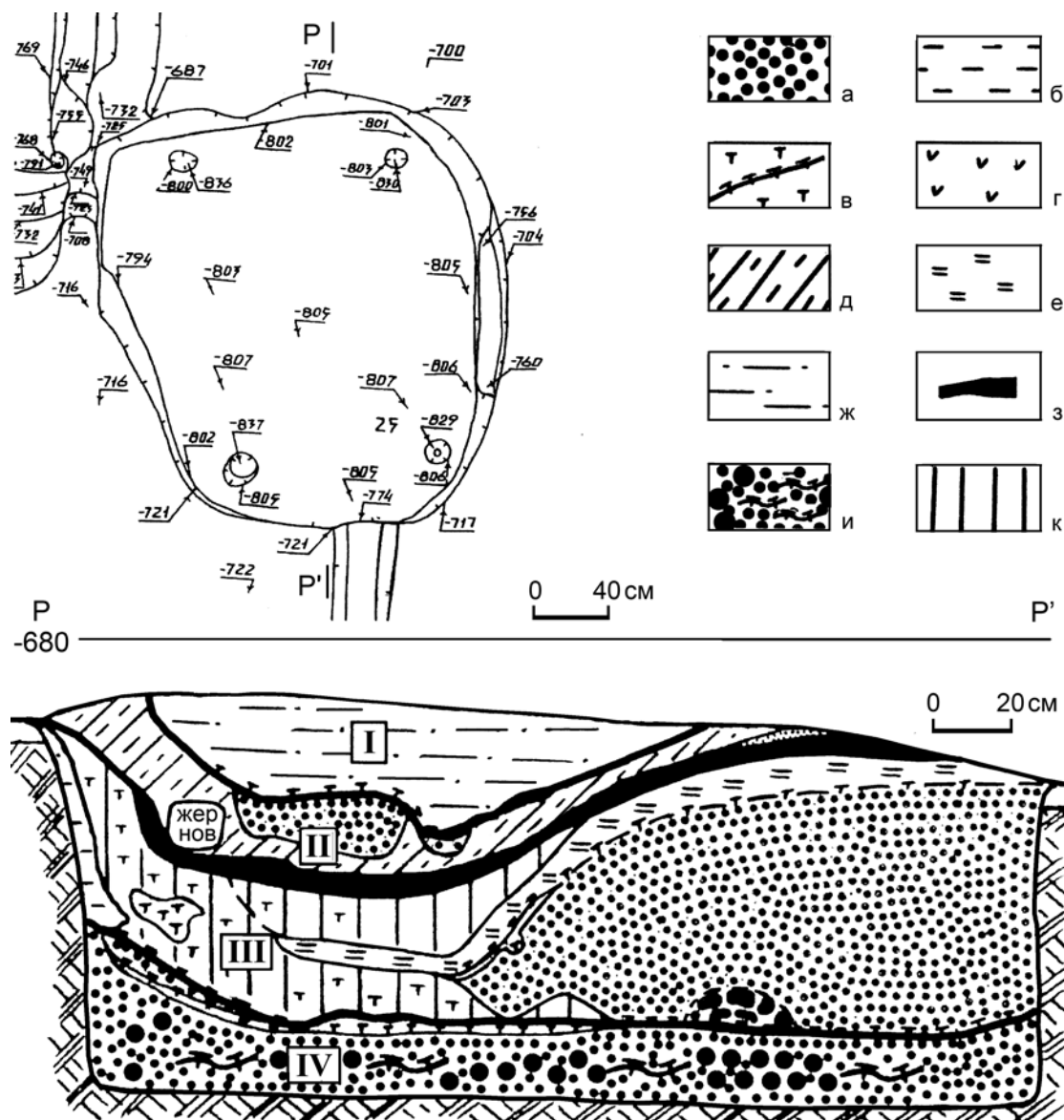

Рис. 9. План и стратиграфический разрез ямы 86 раскопа 4 на поселении Бешенцево-3

а – переотложенный материковый суглинок с включением печины – типобразующий слой структуры второго типа (основной грунт развала глинобитной печи); б – переотложенный материковый суглинок однородной (массивной) текстуры; в – мелкораспыленный древесный тлен (детрит), прослойка древесного тлена; г – древесный уголь; д – гумусированный суглинок крапчатой текстуры; е – гумусированный однородный суглинок; ж – розоватый или кремовый пластичный обожженный суглинок; з – отложенный поверхностным стоком гумусированный суглинок «затекший» в западину ямы; и – мощная углистая прослойка; к – грунт прожилковато-пятнистой текстуры (типообразующий слой структуры первого типа); л – серый однородный суглинок. I–IV – выделенные горизонты заполнения; III – горизонт соответствующий структуре второго типа

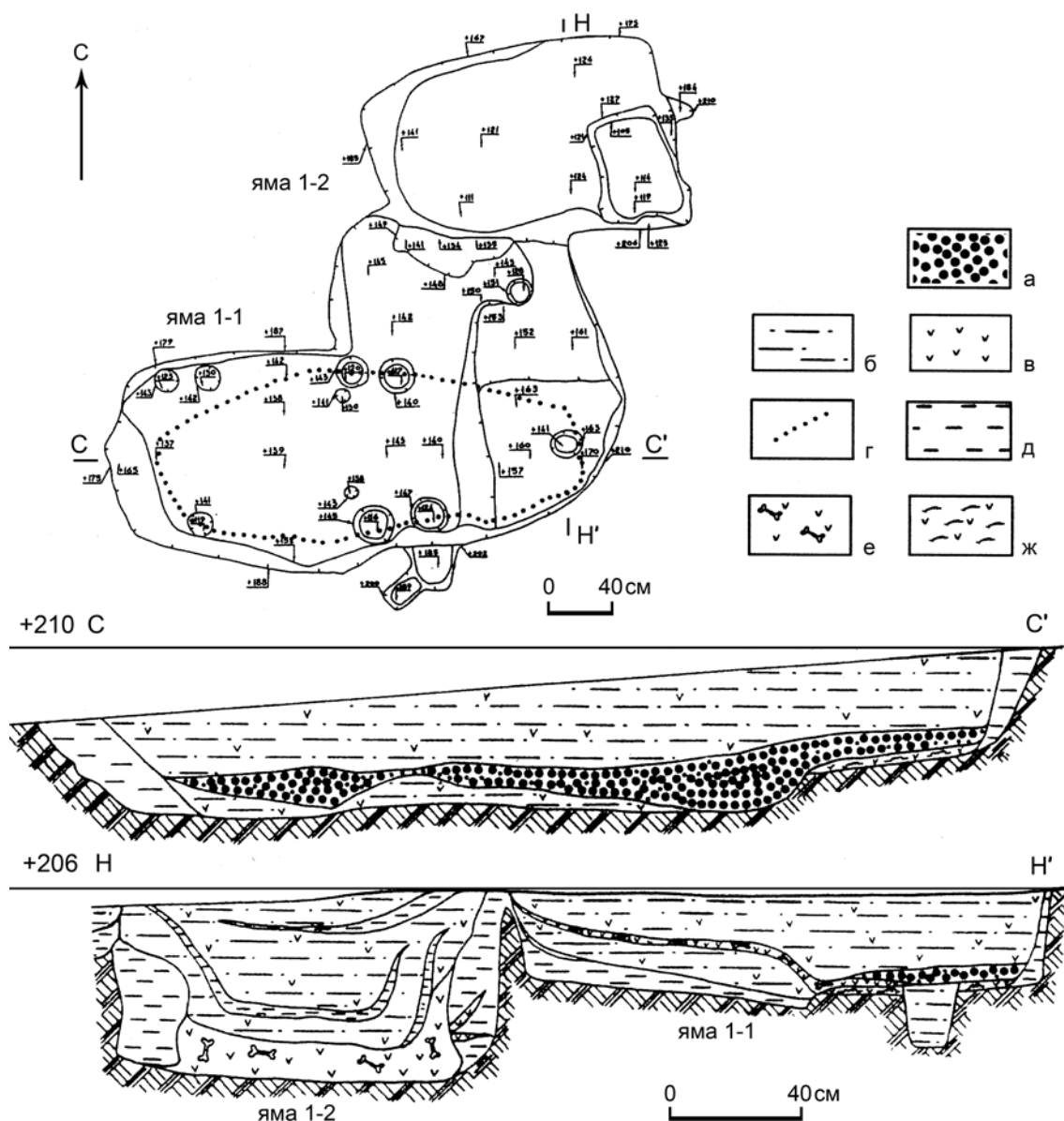
объекты со структурами второго типа нужно атрибутировать, исходя из предположения об их связи с развалами глинобитных печей. Сами печи могли располагаться вблизи кромок бортов материковых углублений.

Дальнейшая продуктивная разработка предлагаемого подхода невозможна без привлечения методов естественнонаучных дисциплин, таких как литология и грунтоведение, почвоведение, ИТ-технологии.

С использованием литологического подхода к фиксации различных характеристик напла-

стований в искусственных углублениях станет возможным создание сколько-нибудь универсальной системы описания слоев и прослоек, разработка атласа текстур. Механика образования отдельных компонентов заполнения, их отличительные морфологически выраженные признаки могут быть подробно разъяснены и указаны специалистами-грунтоведами. При заполнении искусственных котлованов преобладают процессы, которые обнаруживают больше сходства с различными геологическими явлениями, нежели с процессами почвообразования. Тем не менее, выявление следов

Рис. 10. План и стратиграфические разрезы ямы 1-1 раскопа 1 на селище Ближнее Константиново-1
 а – переотложенный материковый суглинок с включением пещины – типобразующий слой структуры второго типа (основной грунт развала глинобитной печи); б – однородный гумусированный суглинок; в – уголь; г – граница грунта развала глинобитной печи (в плане); д – переотложенный материковый суглинок однородной (массивной) текстуры; е – рыхлый углистый грунт с большим количеством костей животных и керамики; ж – углисто-золистый грунт

последних может оказать существенную помощь в обнаружении перерывов в заполнении материковых ям. Так, обнаружение маломощной почвенной прослойки, разграничивающей по вертикали лежащие один на другом массивные печные развалы, оставляет мало надежды на достоверность предположения о былой двухэтажности разрушенной постройки. На-

личие почвенных горизонтов обнаруживает перерывы в заполнениях котлованов, разновременные этапы их использования. Наиболее качественная фиксация пространственной конфигурации отдельных отложений в построечных котлованах возможна только путем построения 3D моделей их пограничных поверхностей по полевым обмерам.

Литература

- Борисов А.В.*, 2010. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвовед) // АП. Вып. 6. М.
- Грибов Н.Н.*, 1995. Отчет об археологических раскопках селища ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского ИАЦ «Регион» в 1995 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 19201.
- Грибов Н.Н.*, 2003. Отчет об археологических раскопках селища Ближнее Константиново-1 Кстовского района Нижегородской области экспедицией Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 25690.
- Грибов Н.Н.*, 2008. Отчет об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Грибов Н.Н.*, 2009. Отчет об археологических раскопках на селище Бешенцево-3 в Приокском районе г. Нижнего Новгорода в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Коваль В.Ю.*, 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // АП. Вып. 3. М.
- Коваль В.Ю.*, 2010. Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // АП. Вып. 6. М.
- Корсаков А.К.*, 2009. Структурная геология. М.
- Пендин В.В.*, 2008. Мерзлотоведение. М.
- Пустовалов Л.В.*, 1940. Петрография осадочных пород. Ч. 2 (Структура, текстура, окраска и описание главных типов осадочных пород). М.–Л.
- Фролов В.Т.*, 1992. Литология. Кн. 1. М.
- Шполянский С.В.*, 2008. Конструкции подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // АВСЗ. Вып. 2. М.

N.N. Gribov

Deposits in pits of constructions: typical structures, their separation and interpretation

Summary

An article is about one of possible approaches for interpretation of different deposits in pits of medieval buildings, based on researching fills of 40 pits of constructions, excavated in 1995–2009 in Nizhni Novgorod

and in the monuments of its nearest country district. Suggested approach illustrated by an example of two characteristic objects with fragments of wooden walls and clay stove situated on a bridging before crushing.

В.М. Буланкин, В.И. Завьялов, Д.А. Иванов

Поселение Истье 2 – сырьевая база Старой Рязани¹

Основой средневековой экономики было производство железа и изделий из него. Одной из проблем в изучении металлургии и металлообработки железа является выявление и характеристика сырьевых источников. Если в изучении металлообработки (кузнечного ремесла) Древней Руси существуют явные достижения, что нашло отражение в целом ряде монографий и множестве статей (*Вознесенская и др.*, 1996; *Завьялов*, 2004; *Завьялов, Розанова, Терехова*, 2005; 2007; 2009), то в отношении исследования сырьевых источников имеются определенные пробелы. Это объясняется, прежде всего, тем, что металлургические комплексы, располагавшиеся на значительном удалении от поселений, редко попадали в поле зрения археологов. Но без тщательного изучения таких комплексов, без их картографирования, невозможно понять пути поступления металла в ремесленные центры, степень развития железопроизводства, качества исходного кузнечного сырья.

К числу крупных ремесленных центров Древней Руси относится Рязань (городище Старая Рязань) – столица Великого Рязанского княжества. Несомненно, кузнечное производство Рязани требовало большого количества металла. На территории памятника (Северное городище) экспедицией А.Л. Монгайта в 1949 г. была раскопан производственный комплекс, интерпретированный Б.А. Колчиным как остатки домины (*Колчин*, 1953. С. 27).

Однако подобная интерпретация вызывает некоторые сомнения. Прежде всего, сам Борис Александрович утверждал, что «металлообрабатывающее производство в основном остается в пределах древнерусской деревни» (*Колчин*, 1953. С. 207). Действительно, трудно представить железоделательную мастерскую, деятельность которой связана с высокими температурами, в окружении деревянных усадеб. Даже кузнечные комплексы, менее пожароопасные, располагались на окраине поселений и перемещались по мере роста городов. Особенно наглядно это

видно на примере Москвы, где топонимы, связанные с кузнечным ремеслом удаляются от центра города с течением времени (Кузнецкий мост – Новокузнецкая улица). Разумеется, полностью отрицать наличие железоделательных мастерских в городах нельзя. Но, скорее всего, такие мастерские были связаны с чрезвычайными обстоятельствами (оборона города, крупное строительство и т. п.).

Археологические исследования последних лет убедительно свидетельствуют, что крупные металлургические центры эпохи средневековья существовали вне городских укреплений (*Наумов*, 2008).

Таким образом, при исследовании ремесленного производства встает вопрос, откуда поступало сырье в города. Для периода XVI–XVII вв. эта задача была решена Б.А. Колчиным, на основании анализа письменных источников выделившим несколько железоделательных центров Московского государства (*Колчин*, 1949).

Для периода Древней Руси ответить на этот вопрос более сложно. Во-первых, это обусловлено тем, что письменные источники практически не касаются интересующей нас темы. Во-вторых, потребность в железе в древнерусский период была на порядок ниже, чем в эпоху Московского государства, что, несомненно, определяло незначительные, по сравнению с последующим временем, размеры железопроизводящих комплексов.

Значительные успехи в исследовании поселений, связанных с производством железа, сделаны А.Н. Наумовым, открывшим в районе Куликова поля целый ряд таких памятников (*Наумов*, 2005; 2008). В рамках программы «Источники сырьевых ресурсов древнерусских ремесленных центров» мы провели исследование в округе ряда средневековых городов Рязанского княжества на предмет нахождения в непосредственной близости от них выходов железных руд и пригодности этих руд для получения железа сыродутным способом.

В первую очередь, наше внимание привлекло село Истье (Старожиловский район Рязанской области),

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 11-06-00080-а.

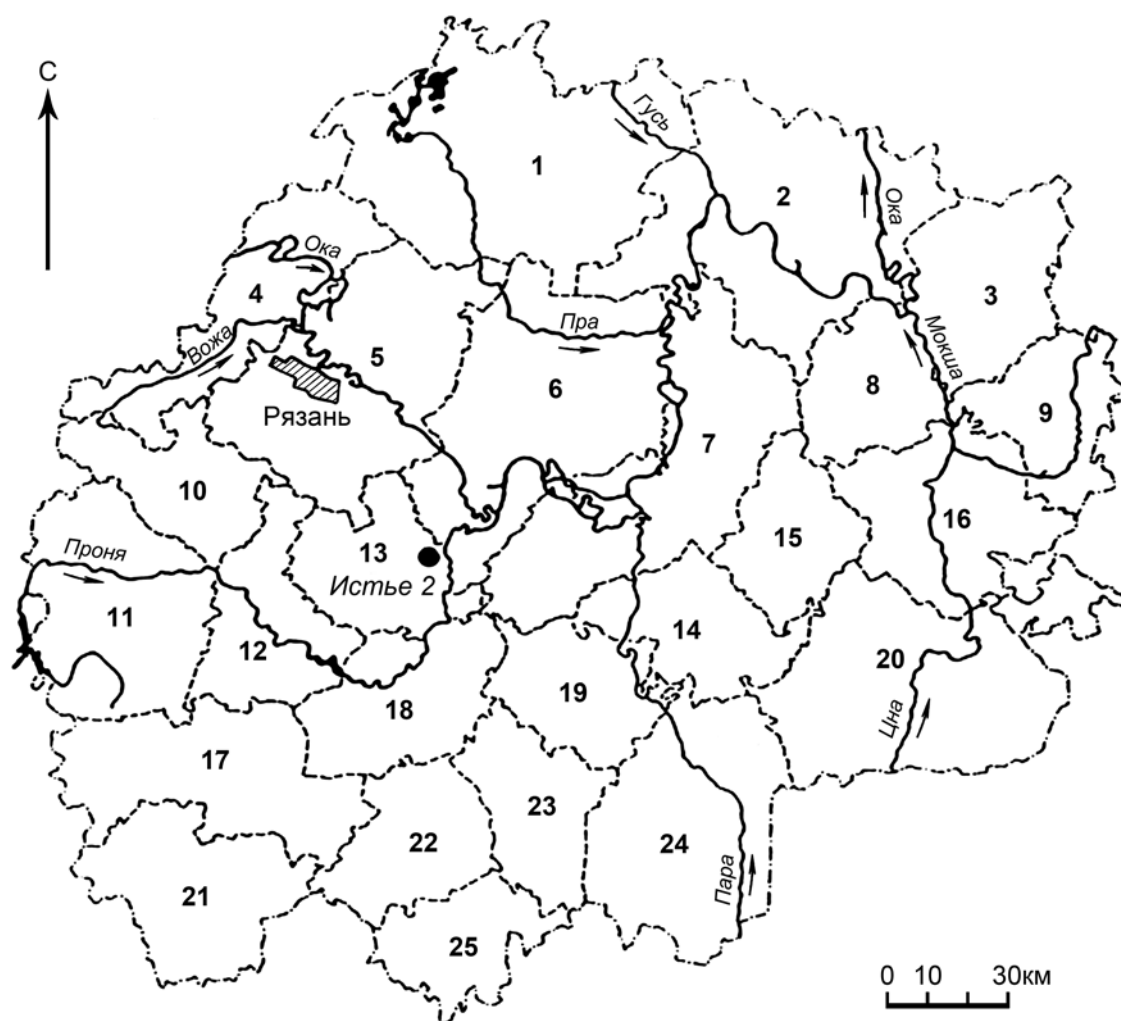

Рис. 1. Местоположение поселения Истье 2 на карте Рязанской области

где располагается обширное месторождение железных руд, активно разрабатывавшееся с 1719 по 1908–1910 гг. По геологическим данным, водораздел рек Прони и Истья (правые притоки р. Ока) является районом железорудных месторождений, обязанных своим происхождением оруднению известняков карбона и девона. Средняя мощность залегания руды здесь составляет 0,36 м, местами – более 2 м. Глубина залегания, в зависимости от характера рельефа, от 3 до 28 м. Наиболее мощным, удобным для разработки и потому издавна эксплуатирующимся является месторождение на левом берегу р. Истья в окрестностях села Залипяжье и деревни Тугушевой (рис. 1).

В с. Истье, у впадения р. Польна в р. Истья, сохранились остатки домны – уникального памятника промышленной архитектуры XVIII в. Это единственная сохранившаяся до наших дней домна раннеиндустриального периода на территории Восточной Европы.

Поле, на котором производилась копка руды, располагается в полутора-двух километрах к северо-востоку от домны. В настоящее время поле покрыто оплывшими и задернованными ямами диаметром до

8 м и глубиной до 3,0–3,5 м. В выбросах из ям встречаются небольшие (размерами не больше ладони и весом несколько десятков граммов) куски железной руды. Большие размеры рудного поля и доступность руды предоставили возможность высказать предположение об использовании этих руд в древнерусское время и существовании в непосредственной близости от залежей руды металлургических комплексов.

В результате проведенной В.М. Буланкиным в 2008 г. археологической разведки был обнаружен памятник, получивший название Истье 2. Поселение Истье 2 расположено на правом (восточном) склоне долины р. Истья (правый приток р. Ока), в крайней восточной точке излучины реки, огибающей с. Истье с востока, возле северо-восточной окраины села, в 1,3 км к востоку от церкви (рис. 2). Памятник находится на расстоянии около 12 км к югу от русла р. Ока вверх по течению р. Истья, в 24 км к юго-западу от городища Старая Рязань. Поселение располагается на относительно пологом, полностью распаханном участке, примыкая к правой (восточной) бровке р. Истья. Откос от контура пашни до уреза реки крутой, хорошо задернованный, повсюду здесь наблюдаются выходы известняка с ожелезнением.

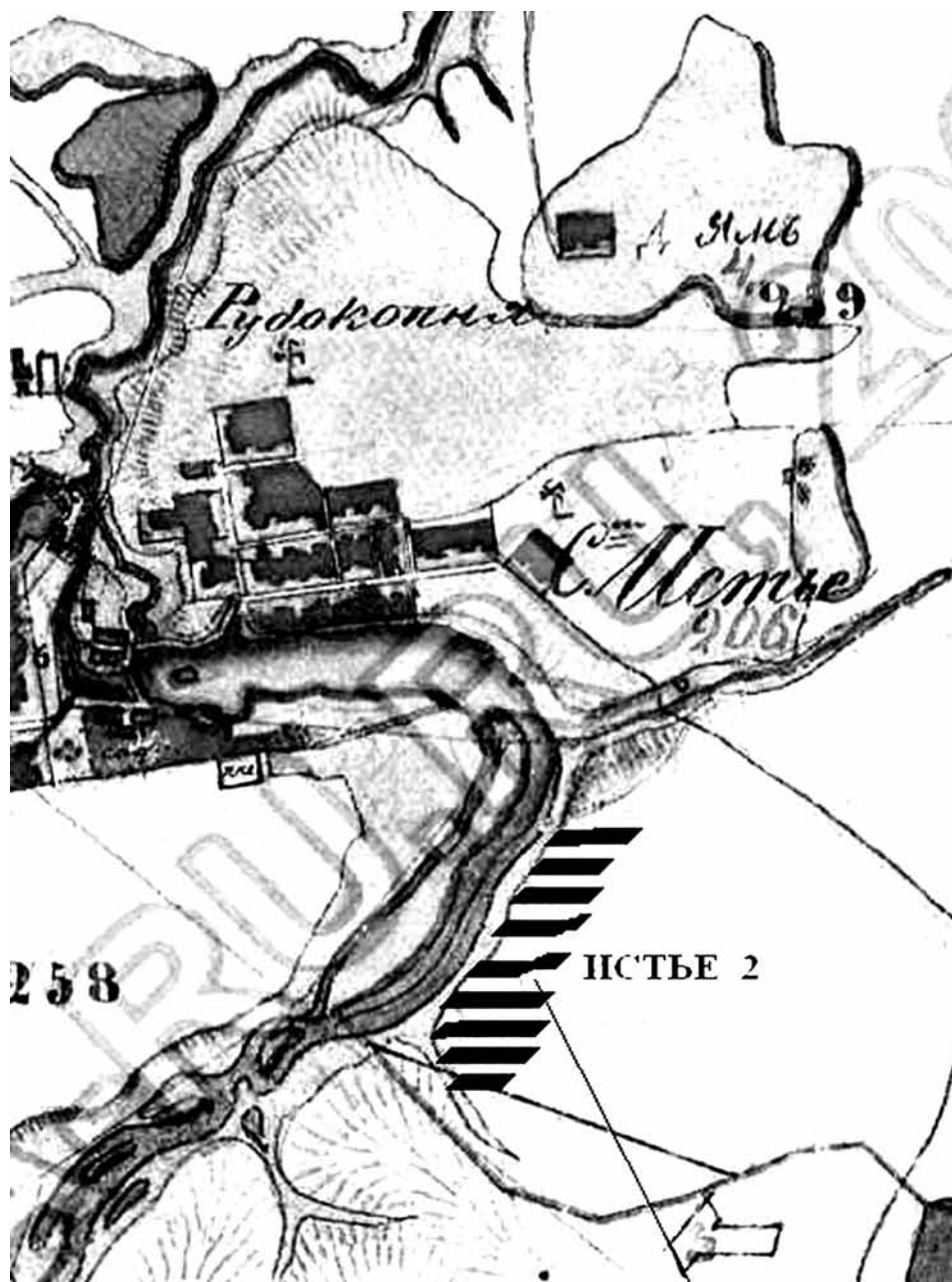

Рис. 2. Поселения Истье 2 на карте из атласа А.И. Менде 1850 г.

Территория памятника постоянно распахивается. В 2008 г. границы поселения определены по сбору подъемного материала на пашне. Вдоль реки с юга на север подъемный материал встречается на протяжении около 430 м, от бровки реки вверх по склону — около 150–200 м, площадь распространения подъемного материала — около 7 га.

При тщательном обследовании памятника в 2009 г. установлено, что наибольшая концентрация находок наблюдается в южной части памятника, на участке размером около 200 x 200 м, ограниченном с юга пологим логом. Именно на этом участке выявлены следы металлургического производства — многочисленные обломки железных шлаков, кричного железа,

обломки керамических сопел, в том числе уникальное сопло со знаком Рюриковичей (рис. 3), скопления прокаленной глины и древесного угля, возможно, остатки сыродутных горнов для выплавки железа. На этом же участке найдено 42 фрагмента средневековых изделий из цветного металла, в том числе 28 мелких обломков бронзовых котлов, украшения, грузики и другие предметы.

Известные древнерусские памятники рубежа XI–XII вв. по Средней Оке в Рязанской области немногочисленны — менее одного десятка — и мало исследованы. Это обстоятельство, наряду со следами железодельного и, возможно, бронзолитейного производства ставит поселение Истье 2 в ряд наи-

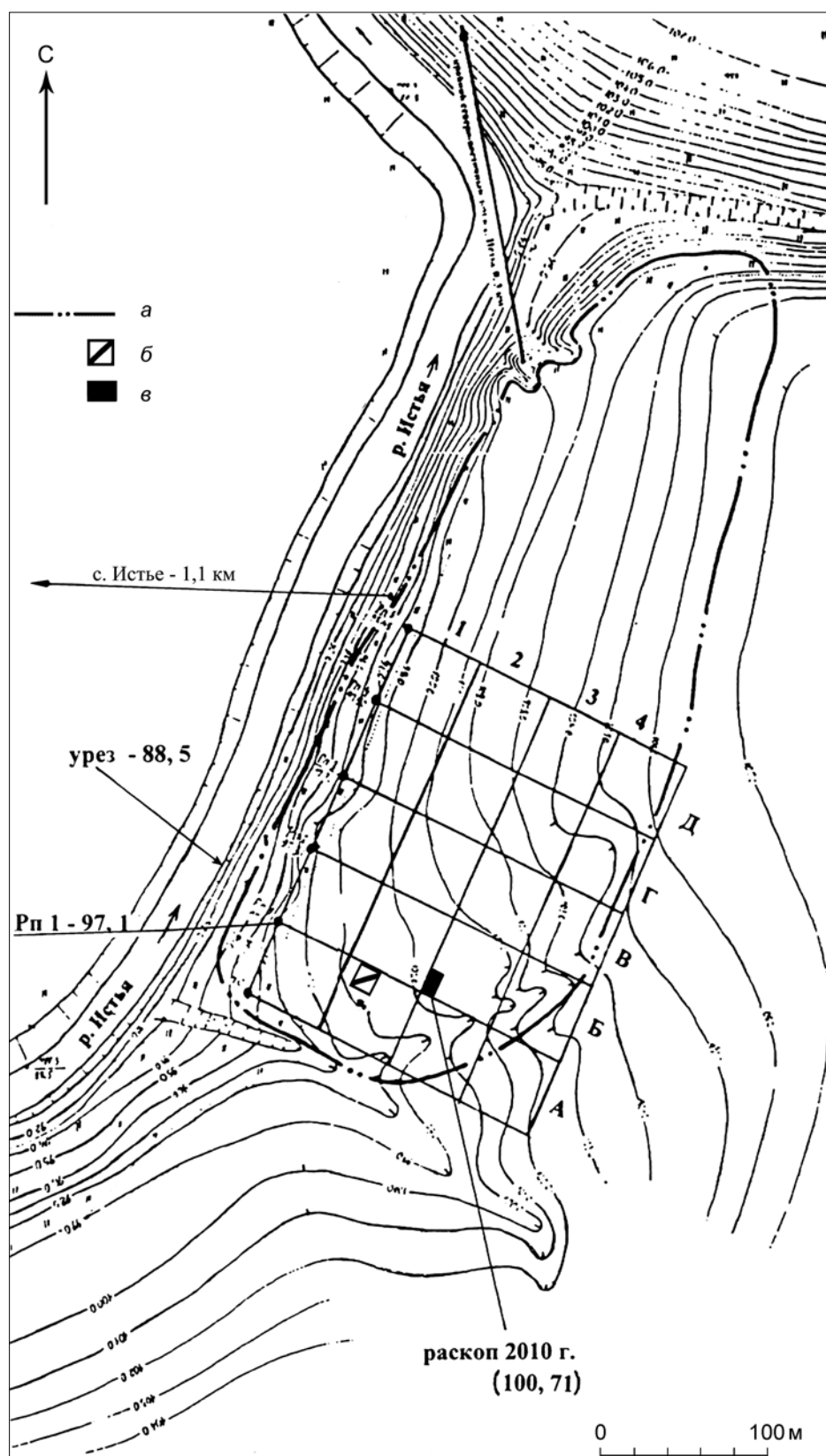

Рис. 3. Ситуационный план поселения Истье 2
а – граница поселения; б – шурф № 1 (2009 г.); в – шурф № 2 (2010 г.)

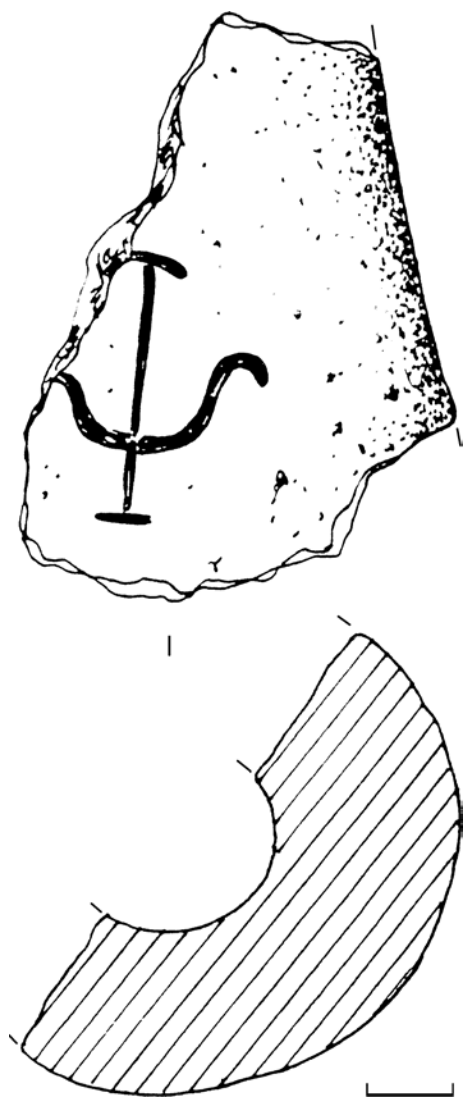

Рис. 4. Фрагмент сопла со знаком Рюриковичей из поселения Истье 2

более интересных средневековых памятников Рязанской земли.

В 2009 г. Переяславль-Рязанская археологическая экспедиция приступила к планомерному изучению селища Истье 2. С целью локализации производственных комплексов, связанных с железоделательным производством, и сопутствующих им сооружений проведен сбор подъемного материала по методике М.И. Гоняного (*Гоняный, Кац, Наумов, 2003*): в наиболее насыщенной находками южной части памятника была разбита сетка квадратов размером 40 x 40 м, где осуществлялся сбор подъемного материала с использованием детекторов металла и инструментальной привязкой каждой находки к топографическому плану памятника.

Для точной привязки находок, а также раскопов и шурфов вдоль бровки правого (восточного) берега р. Истья, по западной границе поселения, начиная от южной границы, по прямой базовой линии с магнитным азимутом $24^{\circ} 20'$ заложено шесть постоян-

ных реперов (№№ 0–5) на расстоянии 40 м друг от друга. Линия реперов располагается на бровке реки, не повреждаемой при передвижении сельскохозяйственной техники, на расстоянии 5–6 м от существующего контура пашни. Реперы изготовлены из металлической арматуры длиной до 70 см, диаметром полтора-два сантиметра, забитой в землю до уровня дневной поверхности с последующей круговой окопкой диаметром 1,0–1,3 м и с насыпью в центре. На пашне углы квадратов размером 40 x 40 м, площадью 1600 кв. м, закреплялись временными вертикальными вешками.

Все реперы привязаны на местности с помощью навигационного прибора GPS 76. Отметка нулевого репера – $N 54^{\circ}18,15' E 40^{\circ}07,57'$. Всего в начале работ 2009 г. разбито и временно закреплено на пашне 20 квадратов, размером 40 x 40 м, общей площадью 32000 кв. м. (3,2 га). При сборе подъемного материала на пашне привязка находок осуществлялась теодолитом или же рулеткой от углов разбитых квадратов.

В ходе рекогносцировочных археологических работ на памятнике были заложены два разведочных шурфа. Шурф № 1 размером 4 x 4 м, площадью 16 кв. м (координаты $N 54^{\circ}18,16' E 40^{\circ} 07,60'$). Стратиграфия шурфа следующая.

1. От дневной поверхности по профилю всех стенок шурфа наблюдается серый пахотный суглинок мощностью от 20 до 40 см.

2. Ниже располагается перемешанный коричнево-серый суглинок мощностью от двух-трех до 20 см с многочисленными бороздами от тяжелых пахотных орудий в общем направлении восток – запад (в сторону реки).

3. Далее на глубинах от -30 до -40 см от дневной поверхности залегает материк – светло-коричневый суглинок с небольшим количеством борозд от пахотных орудий. В профиле стенок шурфа борозды на материке не читаются.

4. В профиле северной стенки шурфа в материке зафиксирована яма 1. Дно ямы плоское, стенки наклонные, ширина по верху 94 см, по дну – 80 см. Яма заглублена в материк на 10–13 см. Заполнение ямы 1 – темно-серый суглинок с мелкими обломками древесного угля и прокаленной глины.

5. Материк – коричневый суглинок.

Предварительный анализ средневековой керамики поселения Истье 2 выполнен И.Ю. Стрикаловым. Сборы подъемного материала и материал из культурного слоя шурфа № 1 включают 570 обломков глиняных сосудов. По мнению исследователя, наблюдается большое сходство найденной керамики с посудой Старой Рязани, ближайшего к поселению крупного ремесленного центра домонгольского времени. Керамический комплекс может быть датирован в пределах конца XI – начала XIV в. Ранняя керамика конца XI – первой половины XII в. составляет около 10–20 %; керамика XII–XIII вв. – около 70–80 %; керамика конца XIII – начала XIV в. – около 8–12 %. Таким образом, основная масса подъемного керамического

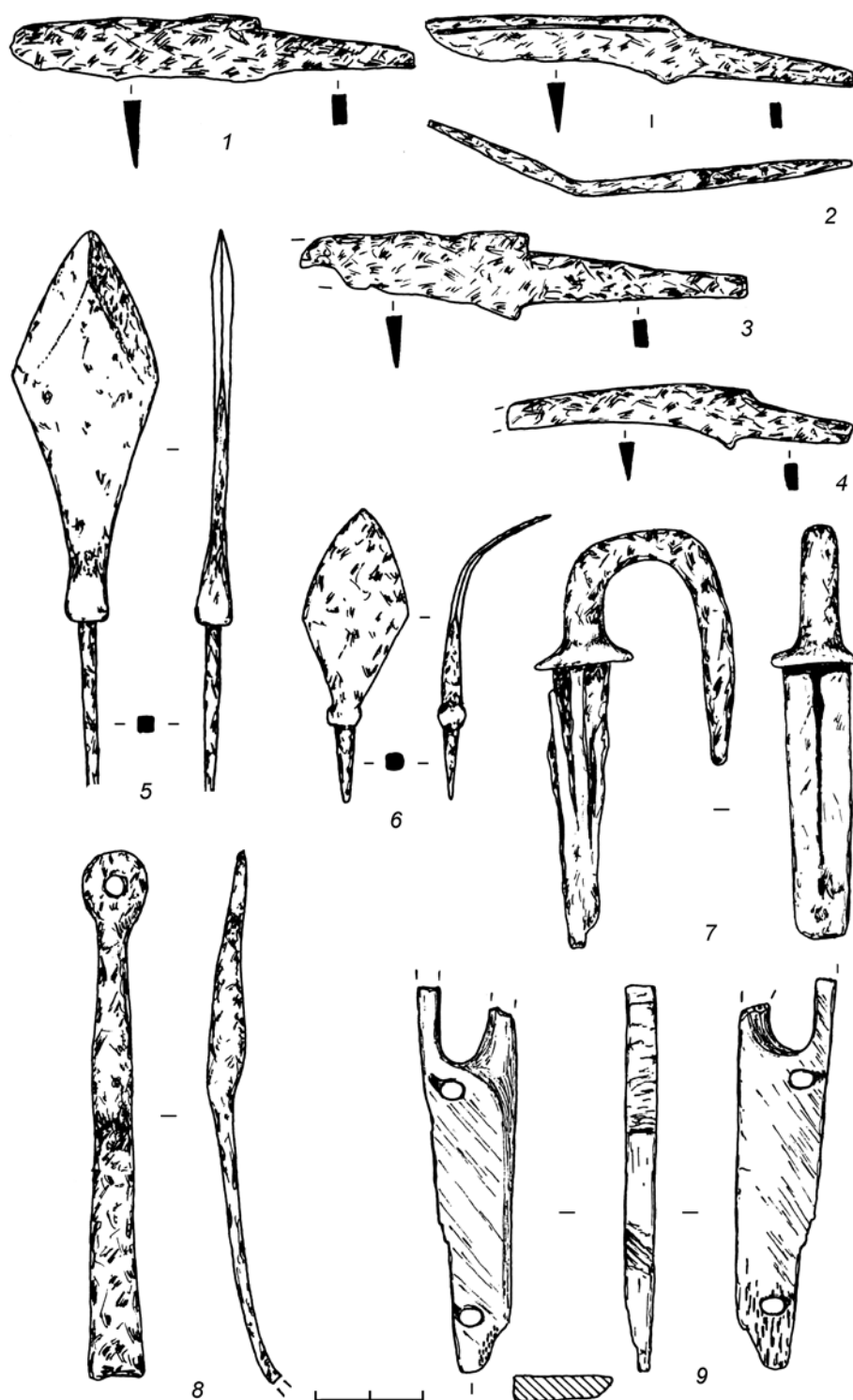

Рис. 5. Находки с поселения Истье 2

1–4 – ножи; 5–6 – наконечники стрел; 7 – пружина замка; 8 – ключ; 9 – колчанный крюк. (1–8 – железо, 9 – кость)

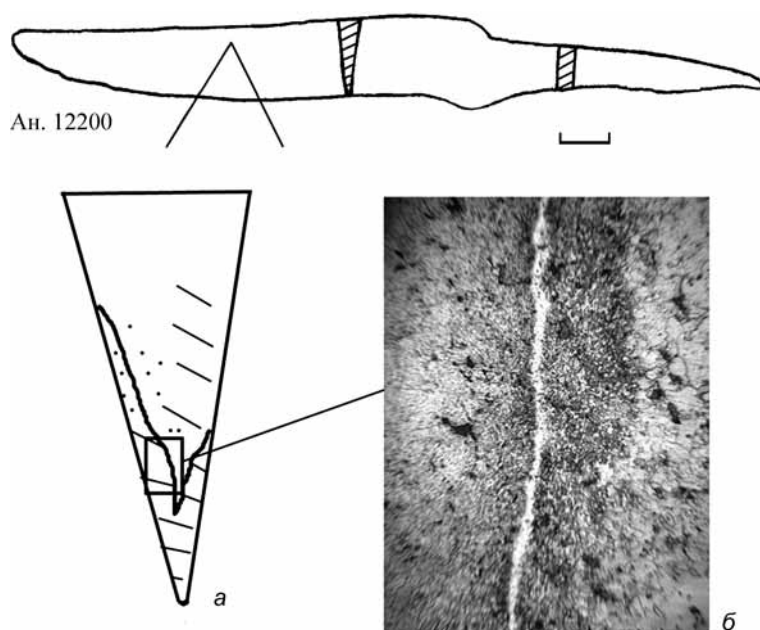

Рис. 6. Нож из поселения Истье 2

а – технологическая схема изготовления; б – микрофотография сварного шва

материала датируется второй половиной XII – первой половиной XIII в. – временем расцвета Рязанского княжества.

Работы 2009 г. подтвердили предварительный вывод о производственном характере памятника. Остатки металлургического производства документированы находками сопел (рис. 4), 144 обломков железных шлаков, обломков кричного железа – от небольших кусочков аморфной формы до довольно крупных, приобретающих форму круглой толстой лепешки. Из всех найденных шлаков около 85% обнаружены на северном склоне южного лога и вдоль бровки р. Истья, по западной границе поселения. Возможно, что здесь же находилось и производство, связанное с переплавкой цветных металлов: при сборе подъемного материала выявлено 33 обломка бронзовых котлов, пластин и выплесков металла, большинство которых располагается компактным пятном в юго-западном углу поселения Истье 2.

В 2010 г. в южной части памятника, на участке скопления железных шлаков, был заложен шурф 2 размером 4 x 5 м. Исследованный культурный слой в шурфе представлял собой темно-серый, переотложенный пахотой суглинок мощностью от 30 до 40 см и предматериковый серо-коричневый суглинок мощностью 20–25 см. На уровне серо-коричневого суглинка были зачищены контуры полностью вошедшей в шурф ямы, вероятно, подпольной. Яма имела в плане квадратную форму со скругленными углами, размером около 3,9 x 3,9 м. Котлован подпола углублен в материк на 0,8–1,0 м. На дне котлована вдоль четырех стенок прослежены цепочки овальных ямок, вероятно, от вертикальных плах. В двух противоположных углах котлована прослежено по яме размером около 25 x 30 см, предположительно, от несущих опорных столбов.

Заполнение подпольной ямы состоит из чередующихся слоев темно-серого и желто-серого суглинков с большим количеством камней (преобладает известняк), угольками, кусками прокаленной глины и железного шлака (самый крупный экземпляр, найденный на поселении, имел размеры 23 x 20 x 7 см). Вызывают интерес кости лапы собаки, лежавшие в анатомическом порядке в слое желто-серого суглинка. Находки из заполнения ямы представлены изделиями из глины (обломки сопел) и железа (нож, обломок подковы, скоба, гвоздь, элемент замка). Керамическая коллекция состоит из обломков горшков конца XII – XIII в., на дне подпола расчищен развал древнерусского сосуда, украшенного линейно-волнистым орнаментом.

При сборе подъемного материала на поселении Истье 2 получено более 300 индивидуальных находок, относящихся, в основном, к XII–XIII вв. (рис. 5). Среди них преобладают железные изделия (130 экз.). Ножи (32 экз.) представлены черенковыми орудиями с прямой спинкой. Место перехода клинка в черенок выражено четкими или плавными уступами. Основная масса ножей выявлена вдоль юго-западной границы поселения. Проведен археометаллографический анализ 27 ножей, топора и кресала. Четверть ножей изготовлена с использованием технологического приема наварки стального лезвия на железную основу (при этом преобладал вариант косой наварки). Следует отметить высокое качество изготовления ножей с наварными лезвиями (рис. 6). Из орудий, изготовленных по простым технологическим схемам, треть ножей откована из стали (сырцовая и цементованная), а треть – с применением приема цементации. Отметим, что цементацию как характерный прием изготовления кузнечной продукции в Старой Рязани отмечала М.М. Толмачева (1983).

На памятнике обнаружено большое количество гвоздей (58 экз.). Основная масса гвоздей (88%) концентрируется в юго-западном углу площадки поселения. Гвозди можно разделить на два основных типа: с Т-образной подквадратной или круглой шляпкой и с Г-образной прямоугольной или овальной шляпкой.

Инструменты представлены частью обуха топора с двумя щековицами шириной 7,5 см.

При сборе подъемного материала найдены четыре наконечника стрел, относящихся к разным типам: 1) с широким пером, вогнутыми плечиками и расширяющимся выраженным упором (рис. 5, 5). Общая длина изделия – 11,2 см, длина пера – 7 см. По типологии А.Ф. Медведева, наконечник близок к типу 53 (ромбовидные с широким острием), датируется он XII–XIII вв.; 2) с линзовидным сечением пера; длина пера – 5,1 см, наибольшая ширина – 2,4 см. По типологии А.Ф. Медведева, наиболее близок к типу 52 (ромбовидные с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением пера в верхней половине длины пера), широко распространенному с VIII по XIII в.; 3) с расширяющимся упором; длина пера – 5,8 см, наибольшая ширина – 1,6 см, близкий к «килевидным вытянутым, с наибольшим расширением в средней трети длины пера» (тип 33 по А.Ф. Медведеву), распространенным на Руси в XII – первой половине XIII в.; 4) с широким линзовидным в сечении пером и упором (рис. 5, 6); длина пера – 4,5 см, наибольшая ширина – 1,9 см. Наиболее близок к наконечникам типа 48 по А.Ф. Медведеву, встречающихся в слоях IX–XIII вв. (Медведев, 1966).

Наряду с наконечниками стрел, датирующим материалом являются ключи. При сборе подъемного материала на памятнике найдено четыре ключа. Один из них относится к типу А, бытовавшему с IX по первую половину XIII в.; три – к типу Б (XII – середина XIV в.) и один – к типу В (рис. 5, 8) (Колчин, 1982. С. 162; Хорошев, 1997. С. 14–15).

На датировку памятника домонгольским временем указывает и ременной наконечник в форме вытянутой трапеции с двумя хорошо выраженными

скобами для крепления, изготовленный из бронзовой пластины толщиной 0,1 см. Сходные по форме, но изготовленные из железа, наконечники ремней найдены на поселении конца XII – середины XIII в. Куликовка 4 (Гоняный, 2005) и средневековом поселении Настасьино (Сарачева, Сапрыкина, 2004).

Из индивидуальных находок представляет несомненный интерес костяная петля для подвешивания колчана из пластины толщиной 0,6 см, шириной 1,2–1,9 см, длина сохранившейся части 7,7 см (рис. 5, 9). Она имеет два овальных отверстия для крепления к жесткой основе колчана и отверстие самой петли для подвешивания колчана, все отверстия имеют протертые ремешком желобки. Петля изготовлена из длинной трубчатой кости крупного копытного. При ее изготовлении использовались такие приемы, как распил кости на пластины, проточка отверстий, шлифовка. На гранях отверстий отмечен рабочий износ². Костяные петли для подвешивания характерны для берестяных цилиндрических колчанов, бытовавших на территории Восточной Европы с VIII по XIV в. (Медведев, 1966).

Интересны два фрагмента стеклянной посуды, находки которой обычно связываются с крупными городскими центрами и характеризуют высокий статус их владельцев.

Таким образом, и керамический комплекс, и индивидуальные находки позволяют датировать поселение Истье 2 в пределах рубежа XI–XII – первой трети XIII в.

Значительная площадь памятника (около 4 га) и его производственный характер ставят вопрос о месте сбыта производимого на поселении металла. На наш взгляд, металл отсюда поступал в ближайший ремесленный центр – столицу Рязанского княжества. Напомним, что исследуемый памятник находится всего в 24 км по прямой от Старой Рязани и имеет удобное сообщение со столичным центром (вниз по течению р. Истья, а затем Оки). Таким образом, открыта сырьевая база одного из крупнейших ремесленных центров древнерусского времени.

Литература

Вознесенська Г.О., Недопако Д.П., Паньков С.В., 1996. Чорна металургія та металообробканаселення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.

Гоняный М.И., 2005. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца

XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.

Завьялов В.И., 2004. Археологическая металлография: историографические заметки // Восточная Европа в Средневековье. М.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2005. Археометаллография в изучении истории древнего кузнечества (итоги и перспективы) // Археология и естественнонаучные методы. М.

² Анализ проведен старшим научным сотрудником лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН Е.Е. Антипиной.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2009. Археометаллография в решении культурно-исторических проблем // Аналитические исследования Лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. № 32. М.

Колчин Б.А., 1982. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное орудие // САИ. Е1-36. М.

Наумов А.Н., 2005. Черная металлургия на древнерусских поселениях Куликова поля // КСИА. Вып. 220.

Наумов А.Н., 2008. Черная металлургия и железобработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV вв. Тула.

Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. М.

Толмачева М.М., 1983. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани // СА. № 1.

Хорошев А.С., 1997. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. М. (Археология).

V.M. Bulankin, V.I. Zav'yalov, D.A. Ivanov

Settlement “Istie 2” (Истье 2) – raw-material base of Staraya Ryazan

Summary

Forging production of Ryazan – the capital of the Great principality of Ryazan required large amounts of metal. An old settlement of the second part of the 12th c. – first part of the 13th c. was found near the village Istie

in Ryazan region. There were a huge amount of wastes of metallurgical production (slags, nozzles, burnt puddles) what undoubtedly indicative of its industrial character.

С.З. Чернов, Е.Ю. Лебедева

**Покровский в Хотькове монастырь
по данным археологических исследований 1978–2008 годов**

В настоящее время археологическое изучение сельских монастырей Радонежского края лишь начинается. Выработаны общие подходы, способствующие пониманию этого круга раннемосковских древностей (Чернов, 1996б), начато исследование эталонного памятника – Шавыкина Дубенского монастыря (Чернов, 1995). В 2003 г. проведены раскопки широкой площадью в Троице-Сергиевой лавре, которые позволили составить представление об археологическом комплексе «соборная площадь – некрополь – погребенные почвы» (Чернов, Янишевский, 2008; Александровский и др., 2008). В этой ситуации представляется своевременным ввести в научный оборот данные о древнейшем Радонежском монастыре – Покрове в Хотькове.

Наиболее ранние известия о монастыре содержатся в начальной части пространной редакции «Жития Сергия Радонежского», сохранившей текст Епифания Премудрого (ок. 1418 г.) (Клосс, 1990. С. 276; Тихонравов, 1892). В нем сообщается, что через некоторое время после переселения из Ростова в Радонеж – между 1332 и 1337 гг. (Кучкин, 1992. С. 76) – родители Варфоломея (Сергия Радонежского), Кирилл и Марья, постриглись «въ мнишеский чинъ, отидоша кыйждо ею въ своя времена в монастыря своя» («Житие...», 1885. С. 37)¹. Позднее «в монастыри святых Богородица у Покрова иже на Хотьков» постригся брат Варфоломея Стефан. Отсюда братья около 1342 г. отправились на «взыскание мста пустынного» – будущего Троицкого монастыря («Житие...», 1885. С. 38).

Е.Е. Голубинский полагал, что Покровский монастырь был мужеско-женским (Голубинский, 1909. С. 22, 231). Такое объяснение представляется вероятным, учитывая упоминание грамоты 1506 г. о том, что в монастыре подвизалось 17 старцев и стариц (АРГ 1505–1526 гг. С. 24).

Около 1372–1374 гг. Радонеж вошел в удел кн. Владимира Андреевича и сохранялся за его родом до 1456 г. Письменные известия о монастыре за этот период немногочисленны. В одном из актов, сохранившемся в архиве Троице-Сергиева монастыря и датирующемся 1440–1450 гг., в качестве старца монастыря упоминается Нифонт Скобельцын (АСЭИ. С. 164). Скобельцыны известны как служилые люди радонежских князей и землевладельцы в волостях Бели и Радонеж (Чернов, 2000). Приведенное известие свидетельствует о связях монастыря с двором радонежских князей, которым принадлежали земли в районе монастыря.

Сам монастырь, видимо, также находился под патронатом радонежских князей. К этому выводу можно прийти на основании более поздних известий, из которых явствует, что после перехода (в 1456 г.) радонежских земель к московским государям монастырь Покрова в Хотькове оказывается ружным монастырем последних. Так, в 1506 г. Василий III жаловал священников, служивших «в Радонежском уезде у Покрова Пречистые в монастыре на Хотькове, где лежат Сергея чудотворца родители» своей ругой (АРГ, 1975. С. 24). В грамоте, выданной первого августа 1544 г. во время Троицкого похода четырнадцатилетнего Ивана IV, государь именует Хотьков монастырь «мои дивич монастырец Покров Святых Богородицы» (АРГ. № 146)². В соответствии с этой грамотой монастырь был пожалован Троице-Сергиевому монастырю.

Писцовая книга 1593 г. упоминает в монастыре четыре двора священно- и церковнослужителей «да 28 келей а въ нихъ 37 старицъ черноризицъ» («Писцовые книги...», 1872. С. 285), из чего видно, что размеры монастыря между 1506 и 1593 гг. удвоились.

¹ В литературе основание монастыря часто датируется 1308 г. Дата эта впервые появляется у Амвросия, но источник ее в этой работе никак не обозначен (Амвросий, 1815. С. 600, 1105).

² Благодарю сотрудников Центра истории России в средние века и раннее Новое время Института российской истории РАН, ознакомивших меня с рукописью издания. Архивный шифр грамоты: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 289. Л. 253об. О ее политическом контексте см.: Кром, 2010. С. 301–315.

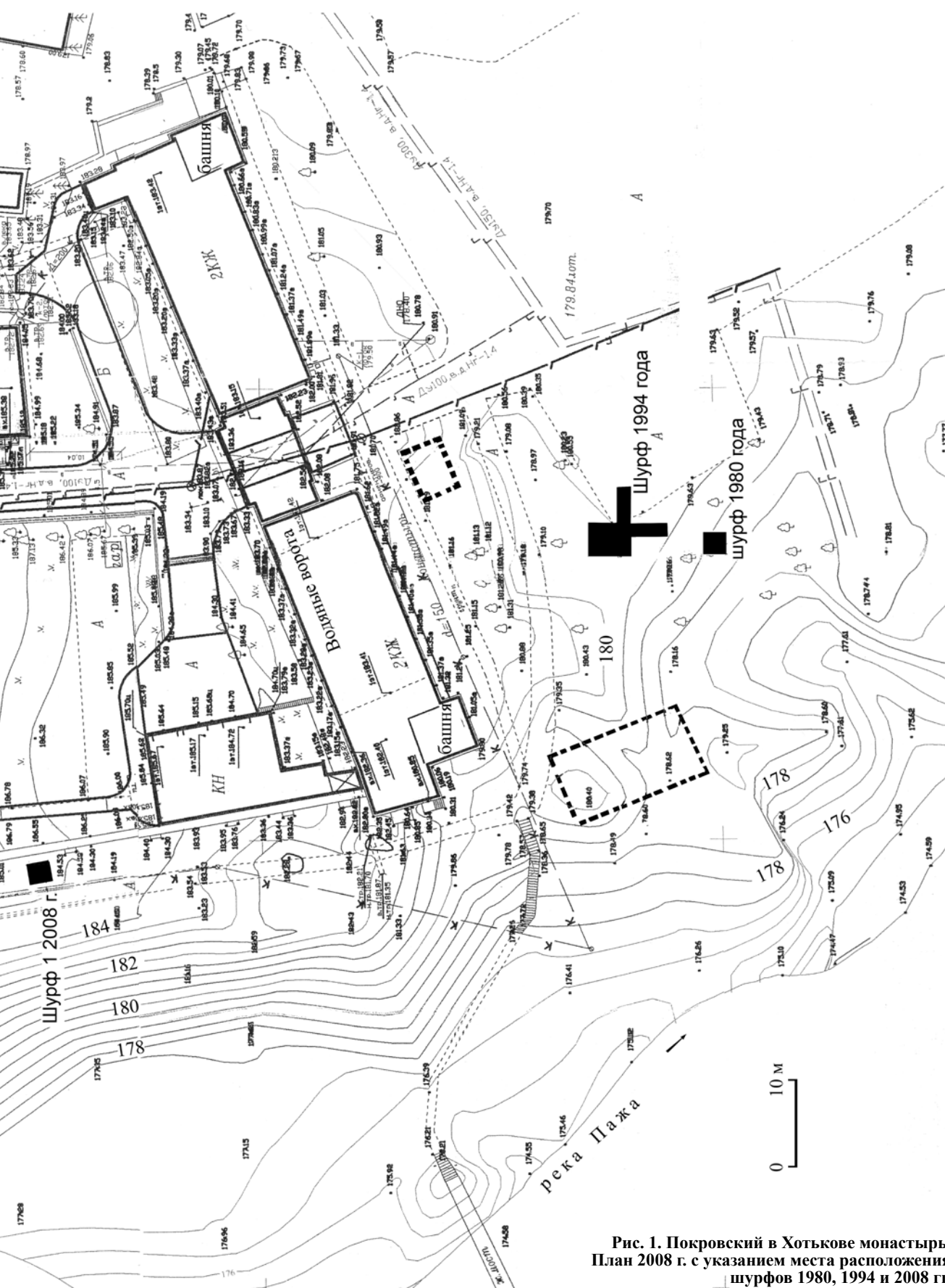

Рис. 1. Покровский в Хотькове монастырь. План 2008 г. с указанием места расположения шурфов 1980, 1994 и 2008 гг.

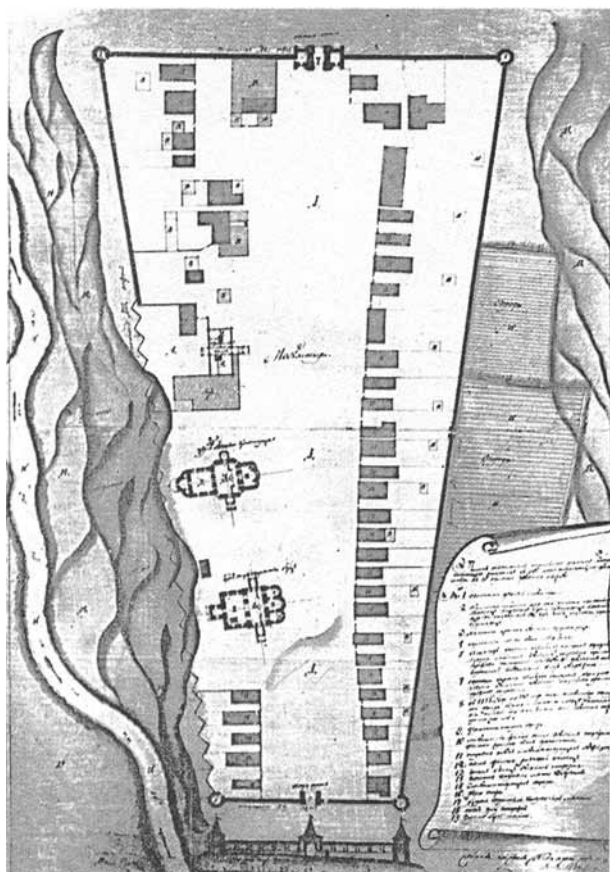

Рис. 2. Покровский в Хотькове монастырь.
План монастыря 1770-х гг.

Более полно облик монастыря рисует писцовая книга 1622–1624 гг.: «Да живоначалные Троицы Сергиева монастыря девич монастырь на Хотькове на речке на Паже а в нем храм во имя Покрова Святыя Богородицы древян шатром вверх да теплая церковь Николай чудотворец древян клецки ... да на церковной земле 38 келей, а в них живут старицы, да во дворе поп Грязной Семенов, во дворе дьячок Поздейко Иванов, во дворе пономарь Обросимко, да 4 кельи а в них живут нищие, питаются от церкви Божии» (РГАДА. Кн. 685. Л. 25об.). После секуляризации вотчин Троице-Сергиева монастыря (1764 г.) Покровский Хотьков монастырь вновь получил самостоятельность. Он оставался особножительным до 1840 г. (Голубинский, 1909. С. 323; Голубцов, 1991).

Каменное строительство в монастыре началось возведением в 1644–1648 гг. шатрового Покровского собора с колокольней на средства стольника Василия Федоровича Янова. В 1811 г. собор был разобран и на его месте в 1813–1816 гг. был построен ныне существующий Покровский собор (отреставрирован в 1980-е годы; под западной пристройкой к собору имеется подвал). Второй, Никольский, храм был построен в камне в 1765–1768 гг. (рис. 1).

Планировка монастыря была впервые зафиксирована на плане 1770-х годов (рис. 2). Монастырь был окружен оградой, имевшей форму трапеции, расширяющейся к северу. По центру монастыря с севера на

юг, вдоль алтарей соборов, пролегалла улица, по обе стороны которой располагались деревянные кельи – 15 с запада и 30 с востока.

Наиболее ранними из ныне сохранившихся построек монастыря являются Святые ворота (середины XVIII в.) с церковью Рождества Иоанна Предтечи (1791 г.), а также Водяные ворота с церковью Митрофана Воронежского (1833 г.) и примыкающими к ним Богадельней (1826 г.) и угловыми башнями (начала 1780-х годов). В 1834 г. возведена монастырская колокольня. В 1835 г. Никольская церковь была достроена, получив, как и весь ансамбль монастыря, классический облик. К середине XIX в. относятся Игуменский, Складской и Больничный кирпичные корпуса. В 1900–1904 г. на месте старой Никольской церкви по проекту А.А. Латкова был возведен Никольский собор в византийско-русском стиле (Голубинский, 1909. С. 323; Голубцов, 1991. С. 26–31. «Памятники...», 1999. С. 78–82; Филимонов, 2004. С. 29–35).

В 1922 г. монастырь был закрыт. В 1930 г. Покровский собор был отдан под склад сельскохозяйственной продукции, а Никольский – «под культпросветительские цели». В дальнейшем в обоих зданиях располагались промышленные предприятия (Голубцов, 1991. С. 31). По свидетельству местных жителей, до 1927 г. в монастыре проживали монашки, а до 1937 г. в Покровском соборе велась служба. В 1937 г. в нем разместили фабрику (Чернов, 1978. С. 3). Здания в северной части монастыря были переданы в послевоенный период Сельхозтехникуму, в связи с чем, в 1933 г., взорвана колокольня. Лишь в начале 1980-х годов начались реставрационные работы. В 1989 г. Покровский собор был передан верующим, а в 1992 г. возрожден монастырь.

Холм, на котором расположен монастырь, представляет собой мыс, ограниченный с запада и юга склоном к р. Паже, а с востока – Комякинским оврагом, по дну которого протекает ручей, впадающий в Пажу к юго-востоку от монастыря. Западный склон – обрывистый, а южный и восточный – пологие. Благодаря такому рельефу местности территория монастыря имеет резко выраженный уклон на юг (величина падения уровня в среднем составляет 0,5 м на каждые 10 м по горизонтали). Святые ворота на северной окраине монастыря располагаются на верхней террасе (197 м в Балтийской системе высот). Отсюда начинается пологий склон до средней террасы, на которой находятся Никольский и Покровский соборы (190,0–192,5 м). От южной стены Покровского собора начинается крутой склон (рис. 3, А), у подножья которого стоят Водяные ворота монастыря и две фланкирующие их башни (181–184 м). И, наконец, на отметках 178–179 м располагается нижняя терраса, которая возвышается на высоте 3,5–4,5 м над водой (урез воды в р. Паже 174,5 м) и омывается с запада и юга Пажей, а с востока – ручьем (рис. 3, Б).

Таким образом, в геоморфологическом отношении можно говорить о нескольких зонах археологических исследований:

А

Б

Рис. 3. Покровский в Хотькове монастырь. Май 2008 г.

А – Вид на Покровский собор, расположенный на средней террасе с юга;
 Б – селище на нижней террасе (на переднем плане) и Водяные ворота. Вид с юга

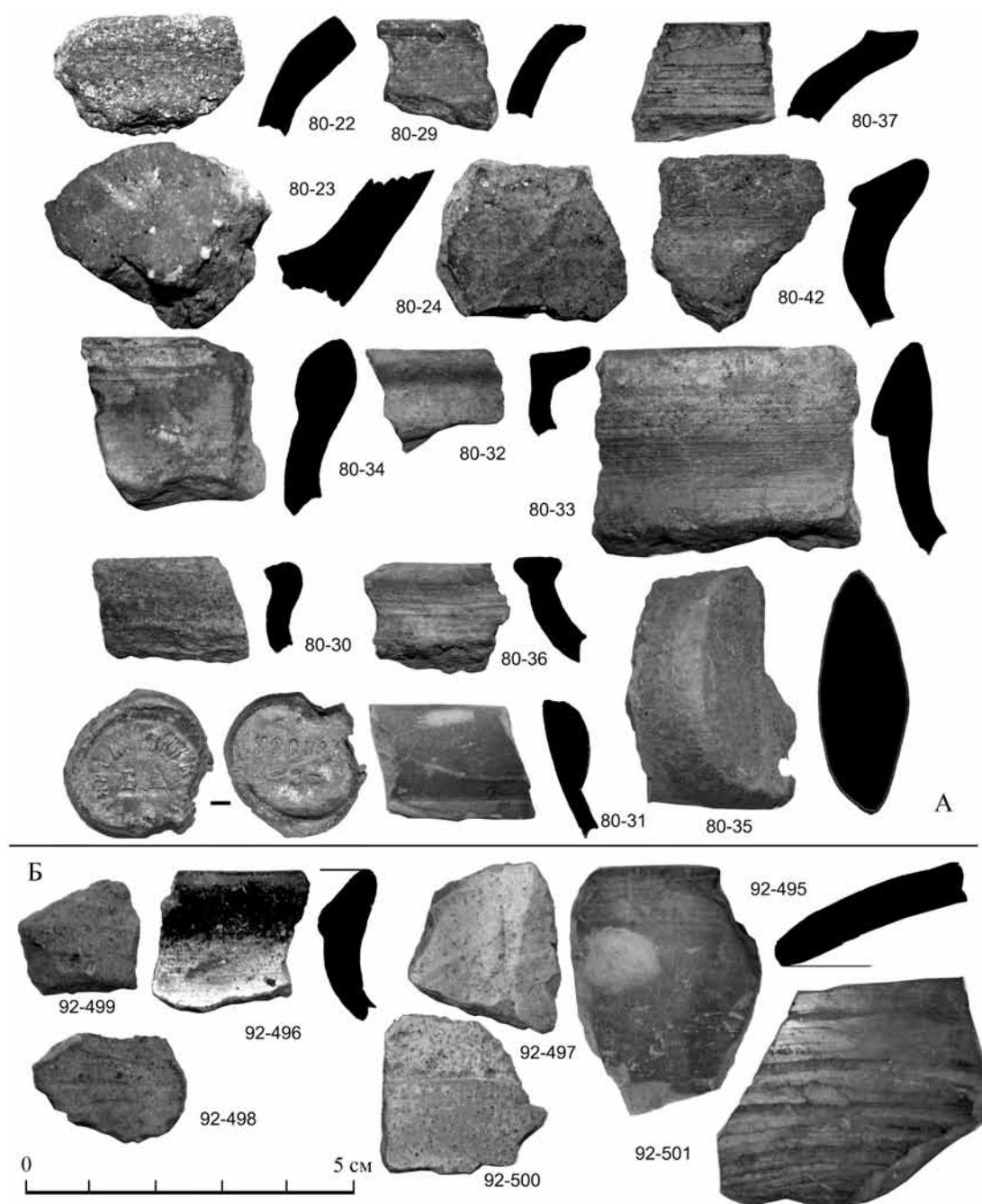
- северная часть монастыря, присоединенная к нему, видимо, в XVII в.;
- соборная площадь на средней террасе – ядро древнего монастыря;
- склон монастырского холма, включая Водяные ворота;
- нижняя терраса за пределами монастыря.

Рассмотрим вначале археологические материалы, происходящие с нижней террасы, к югу от монастыря, а, затем, результаты исследований на соборной площади.

Селище у Водяных ворот монастыря

В 1980 г. культурный слой раннего времени был обнаружен к югу от монастыря, на нижней террасе, которая, как говорилось выше располагается на отметках 178–179 м и возвышается над р. Пажей на 3,5 х 4,5 м. Нижняя терраса располагается между рекой, впадающим в нее ручьем и Водяными воротами, на площади, которая не превышает 10 тыс. кв. м. В настоящее время исследована лишь западная часть нижней террасы (рис. 1).

Рис. 4. Селище у Водяных ворот Покровского монастыря. Керамика
 А – керамика средневекового времени из шурфа 1980 г.; Б – подъемный материал 1992 г.

Шурф 1, заложенный в 33,7 м к юго-востоку от юго-западной башни монастыря и в 39,5 м к югу от юго-западного угла надвратной церкви над Водяными воротами, выявил переотложенный культурный слой мощностью 0,8 м, содержащий красноглиняную гладкую (рис. 4, А, 80-29, 80-32, 80-34) (30 шт.), белоглиняную грубую (рис. 4, А, 80-38 с эллипсовидным валиком снаружи) и гладкую посуду (рис. 4, А 80-37, 80-33, 80-42 – венчики с орнаментом в виде расчеса и валиком внутри) (28 обломков), и чернолощеную XVI–XVII вв. (рис. 4, А, 80-31 – всего 132 фрагмента), гладкостенную (195) и полиную керамику

XVIII–XIX вв. (5 экз.), а также свинцовую пломбу XIX в. (рис. 4, А) (Чернов, 1980. С. 30, 31, 48, 49).

Наиболее ранний материал представлен двумя обломками красноглиняной грубой посуды (кварциты до 1 мм в тесте) и серым венчиком (рис. 4, А, 80-23, 80-24, 80-22). Венчик № 80-22, изготовлен из красножгущейся глины с крупнозернистым песком (кварциты до 1 мм, в том числе много мелких фрагментов слюды). Цвет черепка на поверхности и в изломе – темно-серый. По форме сосуд принадлежит в 6-му варианту со срезанным краем. Венчик наклонен под углом 45 градусов, края заглажены. Аналогии известны

в комплексах из селища Дубенский лес-1 третьей четверти XIV в. (Кренке, 2005. Рис. 36, 5, 6; 38, 12), Шавыкин Дубенский монастырь 1380–1390-е годы (Чернов, 1995б. Рис. 7, 1-й, 5-й и 7-й сверху), а также в раннем материале селища Семхоз-4 (село Никольское Поддубское), который датируем третьей четвертью XIV в. (Чернов, 1995а. Рис. 9, 94–16; 11, 94–169). Следует отметить, что серые сосуды 6-го варианта представлены большими сериями и в более ранних комплексах типа Лешково-2 первой половины XIV в., но там они имеют более заостренные края. В комплексах первой половины XIV в. керамика данного типа не встречается.

В 1990 г. в сквере, в обнажениях к юго-востоку от юго-западной башни монастыря, был зафиксирован переотложенный культурный слой мощностью 0,6 м. Собрана красноглиняная грубая (рис. 4, Б, 92-498, 92-499), красноглиняная гладкая (11 фрагментов), красноглиняная гладкая ангобированная (рис. 4, Б, 92-496, 92-497, 92-500), краснолощенная крышка (рис. 4б, 92-495), мореная (2) и чернолощенная керамика (рис. 4, Б, 92-501 – 3 фрагмента) (Чернов, 1992. С. 17, 18, 59).

Для получения дополнительных данных о памятнике в июне 1994 г. на нем был заложен рекогносцировочный шурф площадью 24 кв. м (рис. 1). Он располагался в 34 м к югу от Водяных ворот Хотькова монастыря (отсчет велся от оси арки ворот) и в 23 м к западу-юго-западу от края асфальтового покрытия дороги, ведущей от ворот к мосту через р. Пажу (рис. 1). Шурф состоял из основной части размерами 4 x 4 м и двух траншей метровой ширины, отложенных в южном и восточном направлениях на 4 м. После выборки верхнего слоя в зачистке материка был обнаружен подвал с подпечьем, который по монетам датировался 1797–1801 гг. (Чернов, 1994. С. 27–33. Рис. 58–69)³.

Средневековая керамика содержалась в верхнем слое в виде небольшой примеси (5,5%). С учетом двух ранних обломков из поздней ямы 5, было собрано: серой керамики – 2, красноглиняной грубой – 7, красноглиняной гладкой – 10, белоглиняной грубой – 2, ангобированной – 2, белоглиняной шероховатой – 11, белоглиняной гладкой – 13 фрагментов. Кроме того, к средневековому времени (до XVIII в.) относится некоторая часть чернолощенной керамики (всего 150 экз.). Число определимых фрагментов, вошедших в коллекцию, составляет 28.

Наиболее ранний материал составляют серая и красноглиняная грубая посуда. Серая керамика представлена венчиком № 94-358 и стенкой № 94-359 (рис. 5). Оба фрагмента изготовлены из красножгущейся глины с примесью крупнозернистого песка (кварциты до 1,5 мм, на поверхности фиксируется лишь примесь в виде среднезернистого песка). Обжиг окислительный полный, черепок прокален достаточно хорошо. Различия в цвете, фиксируемые в изломе, незначительны. Цвет поверхности – темно-бурый, участками – бурый. № 94-359 – это стенка сосуда с

линейным орнаментом шириной 1,5 мм, нанесенным по подсохшей поверхности, что типично для серой посуды. Образец № 94-358 может быть определен как венчик горшка средних размеров (диаметр венчика 22 см) 4-го варианта серой керамики. Он имеет небольшой отгиб наружу и небольшое, почти не фиксируемое, валикообразное расширение снаружи. Наиболее ранний комплекс, в котором присутствует керамика данного варианта – сруб 1 Исторического проезда (МК. Табл. 33, 640, 777, 840, и др.), а также в яме 3 Исторического проезда (МК. Табл. 42, 2065). В комплексах первой половины XIV в. из Москвы можно указать на прямые аналогии в срубе 6 Исторического проезда (МК. Табл. 48, 2215) и в комплексе из *Лешикова-2* близ Радонежа, который по форме венчика (отгиб, дающий в профиле полуокружность) и технологическим характеристикам очень близок хотьковскому венчику, но имеет выраженный валик (МК. Табл. 66, 74). Венчик, близкий по форме, обнаружен среди раннего материала селища Семхоз-4 (село Никольское Поддубское) (Чернов, 1996а. Рис. 9, 94-10). В комплексе из Шавыкина монастыря точных аналогий нет. Однако это не дает оснований для того, чтобы отрицать возможность бытования данного варианта серой посуды во второй половине XIV в. Тем более, что по технологическим особенностям (тщательно заглаженная поверхность, полный окислительный обжиг, умеренное использование примесей) хотьковский венчик ближе всего стоит именно к керамике из Шавыкина монастыря.

Заслуживает описания два обломка красноглиняной грубой керамики. Один из них – венчик маленького горшка (диаметр венчика 7 см) 1 варианта (рис. 5, 94-360). Он изготовлен из красножгущейся глины с крупнозернистым песком (кварциты до 1,5 мм) и прошел полный окислительный обжиг, давший черепку темно-бурый с серым отливом цвет (снаружи горшок закопчен). Венчик слабо отогнут (20° от вертикали) и заострен на конце. Плечики полого спускаются к точке максимального расширения сосуда, которое имеет в диаметре 8 см против 7 – в районе венчика. Непосредственно по венчику, от его края до шейки нанесен орнамент в виде «косой волны», являющийся типичным признаком красной грубой московской керамики. Волна имеет заострения, но не наклонена, как это имеет место на финальной стадии развития орнамента. Поиск аналогий затруднен тем, что в закрытых комплексах имеется весьма незначительно число венчиков малых форм. Поэтому следует указать на наиболее близкие формы среди сосудов средних размеров. Подобная форма венчика в сочетании с «косой волной» по шейке и венчику присутствуют в комплексе из сруба 6 Исторического проезда, который по стеклянным перстням датируется первой половиной XIV в. (МК, 1991. Табл. 49, 2434). Следует указать, что красная грубая керамика составляет в этом комплексе всего 10%. В *Лешиково-2*, где она составляет 13%, мы находим наиболее близкую

³ Исследования проводились совместно с Е.В. Маркеловым. Материал готовится к печати.

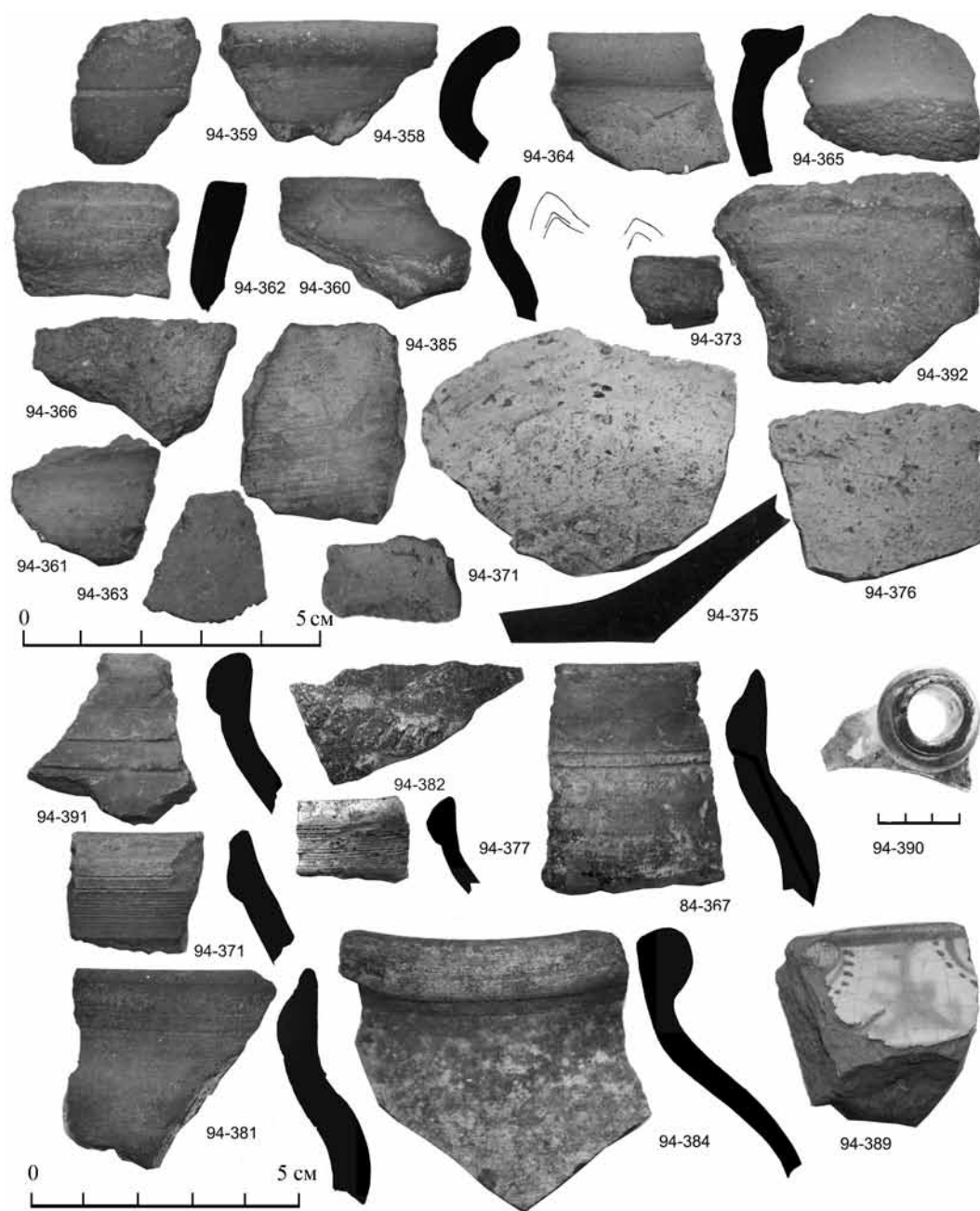

Рис. 5. Селище у Водяных ворот Покровского монастыря. Керамика средневекового времени из шурфа 1994 г.

аналогию хотьковскому сосуду. Это небольшой горшок с отогнутым под углом 40° , заостренным венчиком и «косой волной» раннего вида, близкой орнаментации хотьковского сосуда (МК, 1991. Табл. 64, 117). В комплексе из *Шавыкина монастыря* столь близких аналогий нет, но сосуды 1-го варианта, имеющие стилистически близкую орнаментацию здесь присутствуют. Что касается группы комплексов типа Михайловское-2 первой половины XV в., то орнаментация сосудов 1-го варианта этого комплекса отличается от той, которая применена при изготовлении венчика № 94-360.

Венчик № 94-362, принадлежащий горшку средних размеров (диаметр венчика 15 см), технологиче-

ски близок вышеописанному, но имеет вертикальную постановку и край, оформленный в виде горизонтальной площадки, что позволяет относить его к 4 варианту красной грубой керамики. В комплексах типа Лешково-2 сосудов с вертикальной постановкой венчика нет, поэтому аналогии рассматриваемому венчику следует искать в более поздних комплексах. В комплексе из *Шавыкина монастыря* имеется венчик, который и по форме и по размерам (диаметр 18 см) близок рассматриваемому фрагменту (Чернов, 1995б. Рис. 8, 3-й снизу). Имеются аналогии и в комплексах первой половины – середины XV в. из Михайловского-2 (МК, 1991. Табл. 71, 156) и Воскресенского погоста (МК. 1991. Табл. 74, 237, 329).

Белоглиняная грубая керамика выделяется по двум весьма архаичным по технологии фрагментам (рис. 5, 94-371, 94-375). Первый из них плохо прокален (в изломе черепок трехслонный). Это показывает, что перед нами ранние образцы данного типа керамики (последняя четверть XV – первая четверть XVI в.). Белоглиняная гладкая керамика представлена серией венчиков с валиком изнутри и линейным орнаментом снаружи (рис. 5, 94-367, 94-371, 94-377, 94-381, 94-391). Горшки этого типа хорошо известны как в Москве (Розенфельдт, 1968. Табл. 15, 16), так и в районе Радонежа – селище на ул. Клементьевской (МК, 1991. Табл. 135, 110), где датируются второй половиной XVI–XVII в. Наиболее ранним является венчик № 94-391, который украшен орнаментом из двух грубых горизонтальных линий шириной 2 мм.

Чернолощенная и мореная керамика весьма разнообразна по ассортименту. Имеется венчик мореного горшка с кососрезанным краем, диаметром 25 см (№ 94-383), обломок горлышка кубышки, покрытой сплошным лощением (№ 94-368 – диаметр венчика 5 см), и верхняя часть миски, лощеной полосами (№ 94-369) а также два венчика кувшинов (диаметрами 9 и 11 см), украшенные глубокими горизонтальными линиями (№ 94-370, 94-374).

Сочетание поздней серой и ранней красноглиняной грубой посуды дают основания говорить о существовании поселения у Водяных ворот в третьей – четвертой четвертях XIV в., а аналогии с комплексом Лешково-2 не исключают обнаружение в дальнейшем материала, датируемого второй четвертью XIV в.

Сопоставление поселения у Водяных ворот Хотькова монастыря с другими поселениями Радонежского княжества второй четверти XIV в., которые отражают структуру расселения волости Радонеж периода ее упоминания в духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты (1336 г.), показало, что монастырь был основан в некотором удалении от района сельскохозяйственного освоения, в 4 км от него, вверх по течению р. Пажи (Чернов, 1996а. С. 115–119).

Исследования на территории монастыря

Первые археологические наблюдения в монастыре были проведены в 1978 г., когда в его северо-западной части велось строительство нового корпуса Сельхозтехникума. Был обследован котлован, вырытый в 75 м к северу от Никольского собора и в 40 м к востоку от обрыва к р. Паже (по словам прораба Н.Д. Грибова, во время работ был найден клад монет XIX в., сданный в Загорский музей-заповедник) и траншеи, прорытые вдоль центральной дороги, от Святых ворот до нового корпуса Сельхозтехникума, и с внешней стороны стен – от Святых ворот к берегу р. Пажи. В стенках котлована и траншей фиксировался слой с чернолощенной керамикой XVIII в. (Чернов, 1978. С. 2–4).

В 1983–1984 гг., при строительстве лесопилки, в 33 м к востоку от Покровского собора, был выявлен сруб (2,2 x 1,5 м), сложенный полубревнами «в лапу», который был интерпретирован В.И. Вишне-

вым как остатки погребка XVIII–XIX вв. Несколько в стороне от него, в материке была прослежена яма. В ее заполнении найдены обломки красноглиняной и чернолощенной керамики, угли, на самом дне – чернолощенный кувшин, железное ядро и цилиндрический замок типа Е (по Б.А. Колчину) – остатки более ранней постройки (Вишневский, 1983. С. 7–8. Табл. 16–18; 1984. С. 16–17. Табл. 28, 32; 1986. С. 46).

Что касается кладбища насельниц монастыря XVIII–XIX вв., то имеются данные о трех его участках. По воспоминаниям Татьяны Ивановны Колесниковой, 1887 года рождения, из д. Комякино, наиболее ранее кладбище располагалось за стенами монастыря, на месте дома священника Ивана Сергеевича Терновского, в 70 м к северо-востоку от Святых ворот и к югу от развилки дорог. Второе кладбище возникло восточнее здания гостиницы (1890-е годы), расположенной между Покровским собором и Водяными воротами. И, наконец, наиболее позднее кладбище размещалось к югу от Покровского собора, на склоне (Чернов, 1980. С. 90).

По воспоминаниям старожилов, следы погребений обнаружили в 1902 г. во время разборки Никольского собора 1768 г. По архивным данным, собор был построен на глубоких, превышающих его площадь подвалах, в одном из которых сохранялись могилы хотьковских настоятелей: игумений Евпраксии (1809–1848), Антонии (1858–1866), Филареты (1866–1871), Васонофии (1871–1895) (Филимонов, 2004. С. 42–43). По свидетельству Т.И. Колесниковой, часть погребений было разрушено: «Храм Николы при мне строили – я кирпичи носила... На месте Никольского собора был древний храм. И было много похоронено царственных особ. Когда разоряли (при строительстве Никольского собора в 1902–1904 гг. – С. Ч.), даже платок шелковый нашли» (Чернов, 1980. С. 30).

Единственным указанием письменных источников на древний монастырский некрополь служат свидетельства о месте погребений Кирилла и Марии, родителей преп. Сергия. Судя по плану монастыря 1770-х годов, рака сохранялась в трапезной первоначального Покровского собора 1648 г. (рис. 2; локализация на современном плане – рис. 1). На том же месте рака сохранялась и в Покровском соборе, возведенном в 1811 г. на месте древнего собора. «Родители Преподобного, – вспоминает Т.И. Колесникова, – в Покровском соборе были схоронены. Рака там была большая. Но мощей в ней не было. Мощи были под спудом. Преподобный их и схоронил. У Преподобного, в Троице, молебны служили, а здесь – панихиды» (Чернов, 1980. С. 30). В 1989 г., когда собор был передан верующим и возобновлен, мощи были обретены и установлены в раке. Преподобные Кирилл и Мария канонизированы Русской Православной Церковью в 1992 г.

В 2008 г. Московской областной археологической экспедицией Института археологии РАН на территории монастыря, с разрешения настоятельницы обители игуменьи Олимпиады, были проведены археологические исследования, целью которых было получение данных о стратиграфии древнейшей части монастыря для разработки проекта вертикальной

планировки (РНИИ культурного и природного наследия по заданию монастыря, автор В.Н. Шеренкова) (Лебедева, 2008)⁴.

Шурф 1 (2 x 1 м) был заложен на бровке коренного берега Пажи, в 34,5 м к юго-западу от юго-западного угла Покровского собора, между западной стеной монастыря и склоном к реке, между 5-м и 6-м контрфорсами, считая от Водяных ворот монастыря (рис. 1). Верхний слой представлял собой выброс из траншеи, проложенной вдоль монастырских стен в 1980-е годы. В нем встречено 138 фрагментов керамики (табл. 1). К XVI–XVII вв. (35% материала) относилась красноглиняная гладкая (1%) чернолощенная (23%), мореная (8%), белоглиняная гладкая (2%) и белоглиняная шероховатая (1%) керамика. К XVIII–XIX вв. относились поливная с синей и зеленой поливой (2%), с бесцветной поливой (3%), майолика (1 фрагмент), гладкостенная керамика (24%), фаянс (10%) и фарфор (24%) (в том числе советского времени – с клеймом «серп и молот»), крынки (2%). Кроме того, были найдены лемех от плуга, аптечная баночка, фрагменты изразцов с сине-белой поливой (10), три румпы, оконное стекло, гильза от пистолета ТТ и 50 костей животных.

Темно-серый слой, маркирующий дневную поверхность XIX–XX вв., открылся на глубине 0,6 м в западной части шурфа и 1,2 м – в восточной. Для уяснения стратиграфической ситуации в северо-восточном углу шурфа был пробно исследован участок размерами 1 x 1 м до уровня -180 см. Выявились прослойка кирпичного развала, извести и песка (0,3 м),

имевшая уклон в восточном направлении и залегавшая на отметках -105/-130 см. Под ней открылся слой темно-серой супеси, в котором встречена красноглиняная (2), гладкостенная (3), чернолощенная (4), мореная (1) керамика, фаянс (1), кованые гвозди (7), сапожная подковка и фрагмент фарфорового распятия XIX в. Изучение данного слоя на глубину 60 см показало, что шурф попал на яму XIX в. Поэтому дальнейшее его исследование было прекращено.

В верхнем слое обнаружен венчик красноглиняной грубой керамики с вертикальной шейкой, горизонтально срезанным краем и орнаментом «кося волна» по шейке. Аналогии венчика имеются в комплексе из постройки селища Михайловское-2, который датируется первой половиной XV в. (МК. Табл. 70, 71).

Шурф 2 (1,5 x 2,0 м) был заложен в центральной части монастыря, между алтарями Покровского и Никольского соборов, на бровке, на восток от которой начинается склон в направлении к Комякинскому оврагу (рис. 1). Шурф располагался в 10 м к юго-востоку от юго-восточного угла Никольского собора и в 13,5 м к северо-востоку от северо-восточного угла Покровского собора, на восточной окраине соборной

площади. Размер и ориентировка шурфа задавались свободным пространством между вымощенной плиткой дорожкой по контуру площади (на западе), забором, отделяющим соборную площадь от улицы (на востоке), строительным ограждением, установленным для проведения ремонтных работ по Никольскому собору (на севере), и книжным киоском (на юге). За репер был взят угол бетонной отмостки у северо-западного угла киоска (190,41 м в Балтийской системе высот). Для обеспечения техники безопасности работ стенки шурфа имели незначительный наклон, поэтому площадь его на уровне нижних пластов была меньше, чем на поверхности, что отражено на планах и профилях (рис. 6; 7; 8).

Верхний слой был начинен ржавым железом, кирпичом и производственными металлическими деталями, связанными с работой фабрики, существовавшей в Никольском соборе в 1937–1970-е годы. На глубине -50 см в центральной части шурфа открылся слой извести, а на глубине -60 см расчищена булыжная мостовая, фиксируемая фотографиями монастыря начала XX в. На мостовой найдена монета «20 копеек» 1930-х годов (рис. 9, Г, 2). В 4-м пласте (-60/-80 см) песчаная подготовка мостовой сменилась строительным горизонтом, насыщенным известью и битым кирпичом.

Пласт 5 (-80/-100 см) (рис. 6) представлял собой строительный горизонт, в заполнении которого встречены монета императора Павла I (6 ноября 1796 – 11 марта 1801) (рис. 9, Г, 3), обломок тесанного белого камня, в том числе профилированный фрагмент, а также винт и накладка бронзовая (рис. 9, Г, 4, 5). Монета Павла I позволяет относить строительный горизонт ко времени возведения Покровского собора (1811–1816). В пласте 5 встречено 55 обломков керамики (табл. 2), в том числе чернолощенная (8), мореная (6), поливная с зеленой поливой (17) и гладкостенная (24) (рис. 10, А). Зачистка пласта (рис. 7) фиксировала довольно однородный слой серой супеси с мелкой известью и многочисленными обломками кирпича и белого камня. В северо-восточной части шурфа заметно скопление извести.

В пласте 6 (-100/-120 см) обломки кирпича и извести исчезли, встречались лишь мелкие куски белого камня и кирпича. Заполнение пласта – гумусированный темно-серый песок практически без керамики и находок (рис. 6, слой 9). Заполнение однородное, за исключением северо-западного угла шурфа. Встречены обломки железного предмета (1,0 x 0,5 см), кирпича, два осколка мутно-прозрачного стекла и бронзовая пуговица (рис. 9, Г, 6). В пласте найдена чернолощенная (4), белоглиняная шероховатая (1), поливная с зеленой поливой (1) и гладкостенная (4) керамика. Отсутствие фарфора и фаянса в сочетании с большим количеством гладкостенной керамики (в пласте 6

⁴ В работе принимали участие сотрудники Московской археологической экспедиции О.Н. Глазунова, А.Н. Глазунова, В.В. Петров. Земляные работы проведены учащимися московской школы «Интеллектуал» и бригадами добровольных помощников реставраторов. Палинологические исследования проведены старшим научным сотрудником Института культурного и природного наследия Е.Г. Ершовой.

Таблица 1. Распределение керамики и массового материала в шурфе 2 по пластам 5–9.

Керамика и др. находки	Пласты						
	5	6	7	8	9	Всего	%
Курганная	–	–	–	–	–		
Сероглиняная	–	–	–	–	–		
Красноглин. грубая	–	–	–	–	–	1	0,5
Краснолощенная	–	–	–	–	4	4	1,6
Красноглин. гладкая	–	–	–	1 (1)	39	40	16
Чернолощенная	8 (2)	4	3	3	23	41	17
Светлолощенная	–	–	–	–	–		
Мореная	6 (1)			15 (1)	8	29	12
Ангобированная, крашенная	–	–	–	–	–		
Белоглин. грубая	–	–	–	–	5	5	2
Белоглин. гладкая	–	–	3 (2)	–	5	8	3,4
Белоглин. шероховатая	–	1 (1)	5	17 (1)	3	26	11
Розовоглиняная	–	–	–	–	–		
Поливная с зеленой поливой	17 (5)	1 (1)		9 (4)	–	27	11
Поливная поздняя (майолика)	–	–	–	5 (1)	–	5	2
Неполивная поздняя гладкостенная	24 (2)	4 (1)	23	1 (10)	4	56	23
Фаянс	–	1	–	–	–	1	0,5
Фарфор	–	–	–	–	–		
Крынки	–	–	–	–	–		
Всего керамики	–	–	–	–	–	243	100
Изразцы с сине-белой поливой	2 и 1 – полихр.	–	–	–	–	3	
Румпы изразцов	–	–	–	–	–		
Кирпич	–	–	–	–	–		
Стеклянные сосуды (бутылочное)	1	1	3 (1)	–	–	5	
Стекло оконное	–	4	–	1 (1)	1	6	
Кости животных	–	6	5	–	5	11	
Коллекционные № ранней керамики	389–399	1–3	4–6	7–15	343–347	20	

найден развал горшка) позволяют датировать материал, отложившийся в нижней части строительного горизонта и гумусированом темно-сером песке, второй половиной XVIII в. (рис. 10, Б). Зачистка пласта 6 (рис. 7) открыла по всей площади гумусированный темно-серый песок, а в северо-западной части шурфа – темно-серую прослойку квадратной формы (0,65 x 0,65 м).

В пласте 7 (-120/-140 см) (рис. 7) гумусированный темно-бурый песок сменился темно серой супесью (рис. 6, слой 8) с угольками, обломками кирпича, мелкими щепками и скорлупой орехов. На уровне

низа пласта гумусированный песок прослеживался только в северо-западной части шурфа. Встречено три обломка рифленной жести из цветного металла (рис. 9, Г, 7), два осколка стеклянных сосудов (рис. 9, Г, 8а, 8б), нижняя часть стеклянной бутылки мутного зеленого стекла (рис. 9, Г, 9), кирпич (2 x 13 см), фрагмент фаянсовой трубки (рис. 9, Г, 6) и керамика: чернолощенная (3), белоглиняная гладкая (3 шт., в том числе два венчика с орнаментом в виде расчеса – рис. 10, Б, 4, 5) и гладкостенная (23). Таким образом, этот слой включает как материал, датируемый не позднее рубежа XVII–XVIII в.

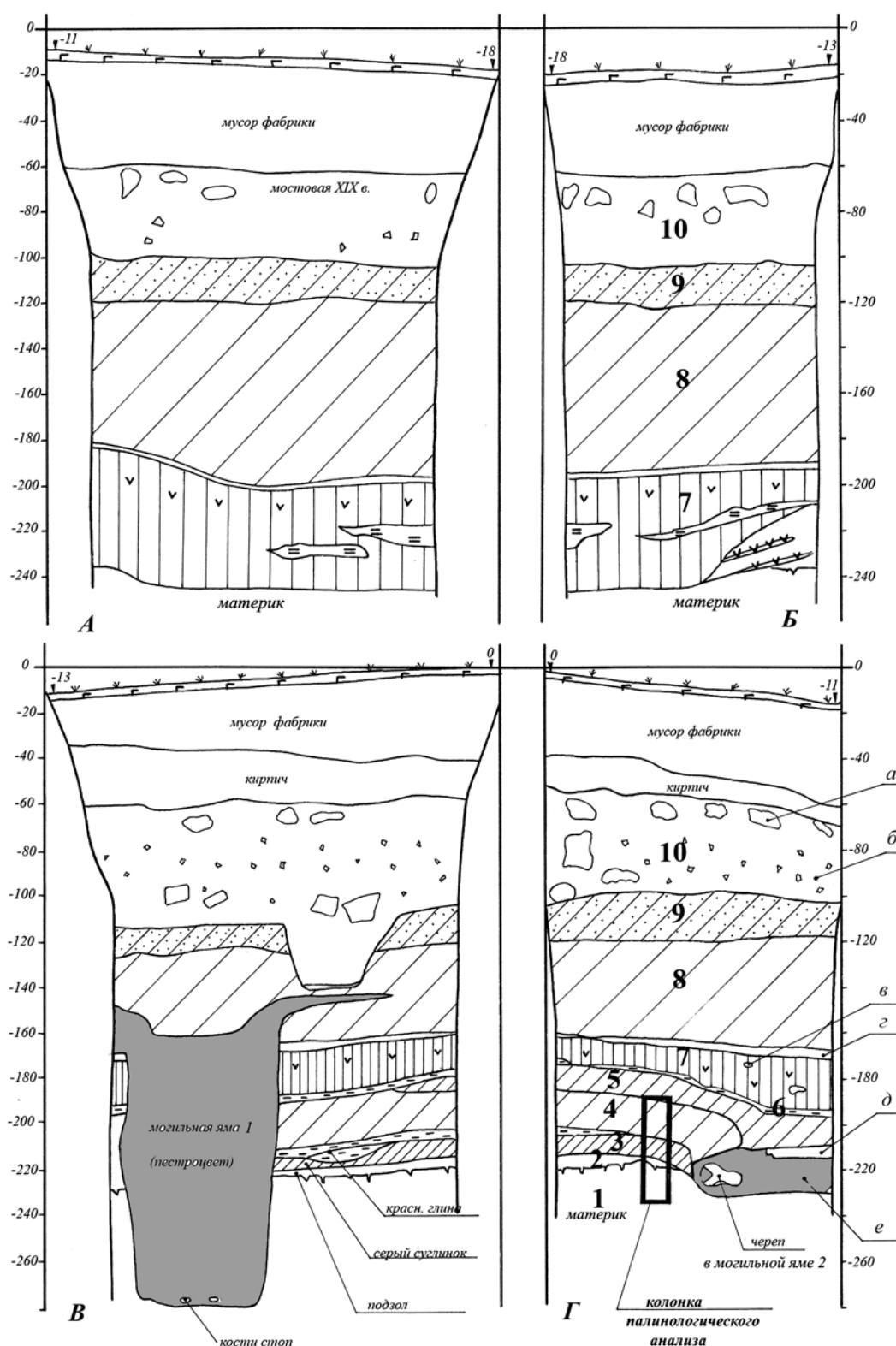

Рис. 6. Покровский в Хотковом монастыре. Шурф 2 2008 г. Профили стенок шурфа: восточной (А), южной (Б), западной (В) и северной (Г). Номера обозначены слои

1, 2, 3 – бурый, подзолистый и гумусовый горизонты погребенной почвы; 4 – темно-серый суглинок и прослойка обожженной глины – нижняя часть заполнения ямы 1; 5 – нижний черный суглинок – заполнение ямы 1; 6 – прослойка обожженной глины в заполнении ямы 1; 7 – черный суглинок – верхняя часть заполнения ямы 1, перекрытая прослойкой извести; 8 – темно-серая супесь с угольками, фрагментами кирпича, мелкими щепками и скорлупой орехов; 9 – гумусированный темно-серый песок практически без керамики и находок; 10 – строительный горизонт, датированный монетой Павла I (1796–1801), связываемый со строительством Покровского собора (разборка старого собора в 1811 г., строительство в 1813–1816 гг.)

Таблица 2. Распределение керамики и массового материала в шурфе 2 по пластам 10–13.

Пласт. Слой, яма	10. Серая супесь	10. Яма	11. Яма	12. Яма	13. Яма	Всего	%
Глубина	180–200	180–200	200–220	220–240	240–250		
Курганная	–	–	–	–	–		
Сероглиняная	–	–	–	–	–	1	0,2
Красноглинян. грубая	–	–	–	–	1	1	0,2
Краснолощенная	–	4 (4)	–	–	–	4	0,8
Красноглиняная гладкая	7 (7)	45 (19)	24	41	24	141	33,8
Чернолощенная	4 (4)	58 (26)	–	3	6	72	17,2
Мореная	–	–	–	–	–		
Ангобированная	–	–	1	–	–	1	0,2
Белоглиняная грубая	7 (7)	24 (24)	29	51	39	153	36,6
Белоглиняная гладкая	–	18 (7)	4	14	10	46	11
Белоглиняная шерохов.	–	3	–	–	–	3	0,6
Розовоглиняная	–	–	–	–	–		
Поливная с зеленой поливой	–	–	–	–	–		
Поливная поздняя (майолика)	–	–	–	–	–		
Неполивная поздняя гладкостенная	–	–	–	–	–		
Фаянс	–	–	–	–	–		
Фарфор	–	–	–	–	–		
Крынки	–	–	–	–	–		
Изразцы с сине-белой поливой	–	–	–	–	–		
Румпы изразцов	–	–	–	–	–		
Кирпич	–	4 (4)	–	–	–		
Печина	1	–	1	3	13 (1–поддон)		
Всего керамики из комплекса	–	–	–	–	–	418	
Кости животных	–	2	1	7	9		
Коллекционные №№ ранней керамики	16–34	35–90, 348–375	91–148	149–262	263–342	355	

(белоглиняная гладкая), так и керамику XVIII в. (гладкостенная). Зачистка пласта 7 (рис. 7) фиксировала на всем пространстве шурфа однородный слой темно-серой супеси с мелкими фрагментами кирпича и извести. Центральная и восточная части слоя были несколько осветлены. В юго-западном углу фиксировалось округлое пятно (0,35 x 0,30 м), заполненное темно-бурым песком – перекоп из вышележащего слоя (см. его на профиле западной стенки шурфа – рис. 6, В).

В пласте 8 (-140/-160 см) (рис. 7) слой темно-серой супеси продолжался. Найдены скоба железная (рис. 9, Г, 10 – 152 см), гвоздь (рис. 9, Г, 11 – 153 см), скрученная тесьма из бересты (рис. 9, Г, 12), керамика:

красноглиняная гладкая (1), чернолощенная и мореная (18 шт. – рис. 10, 15), белоглиняная шероховатая (17 шт. – рис. 10, 12), белоглиняная керамика с зеленой поливой внутри (9 шт. – рис. 10, 8–11), поливная коричневая и обломок гладкостенной. Подобное сочетание типов характерно для комплексов первой половины XVIII в. – ямы из Мытищ, датированной монетой 1707 г., и водостока на Историческом проезде в Москве (раскопки 1994 г.), датированном монетой 1724 г. Характерные признаки комплексов этого типа – сочетание белоглиняной керамики с чернолощенной и белоглиняной с зеленой поливой внутри (Чернов. 2002. С. 81). В северо-западной части шурфа прослежены следы двух параллельных жердей (рис. 7).

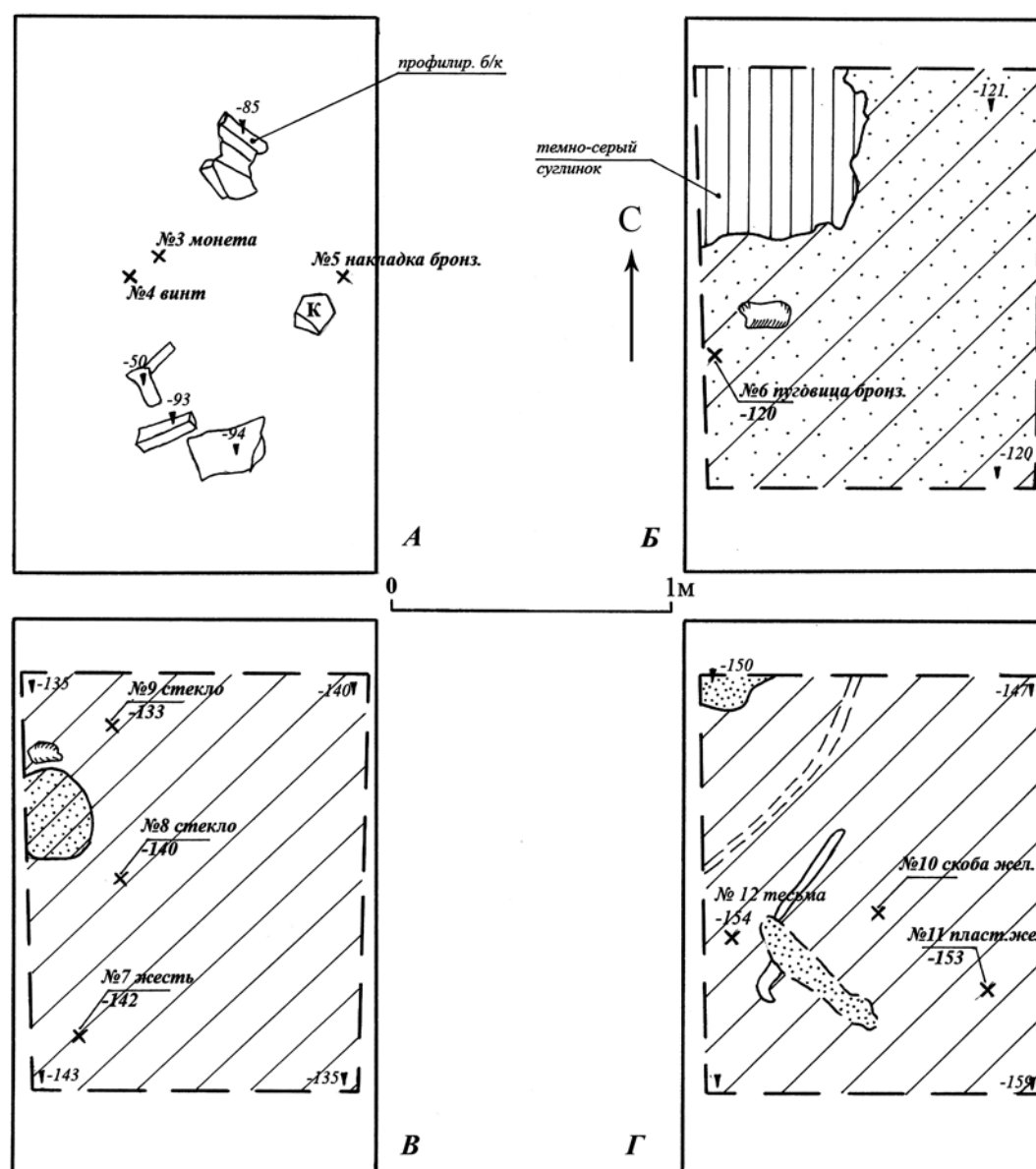

Рис. 7. Покровский в Хотковом монастыре. Шурф 2 2008 г. Планы зачисток
А – пласт 5 (-80/-100); Б – пласт 6 (-100/-120); В – пласт 7 (-120/-140); Г – пласт 8 (-140/-160)

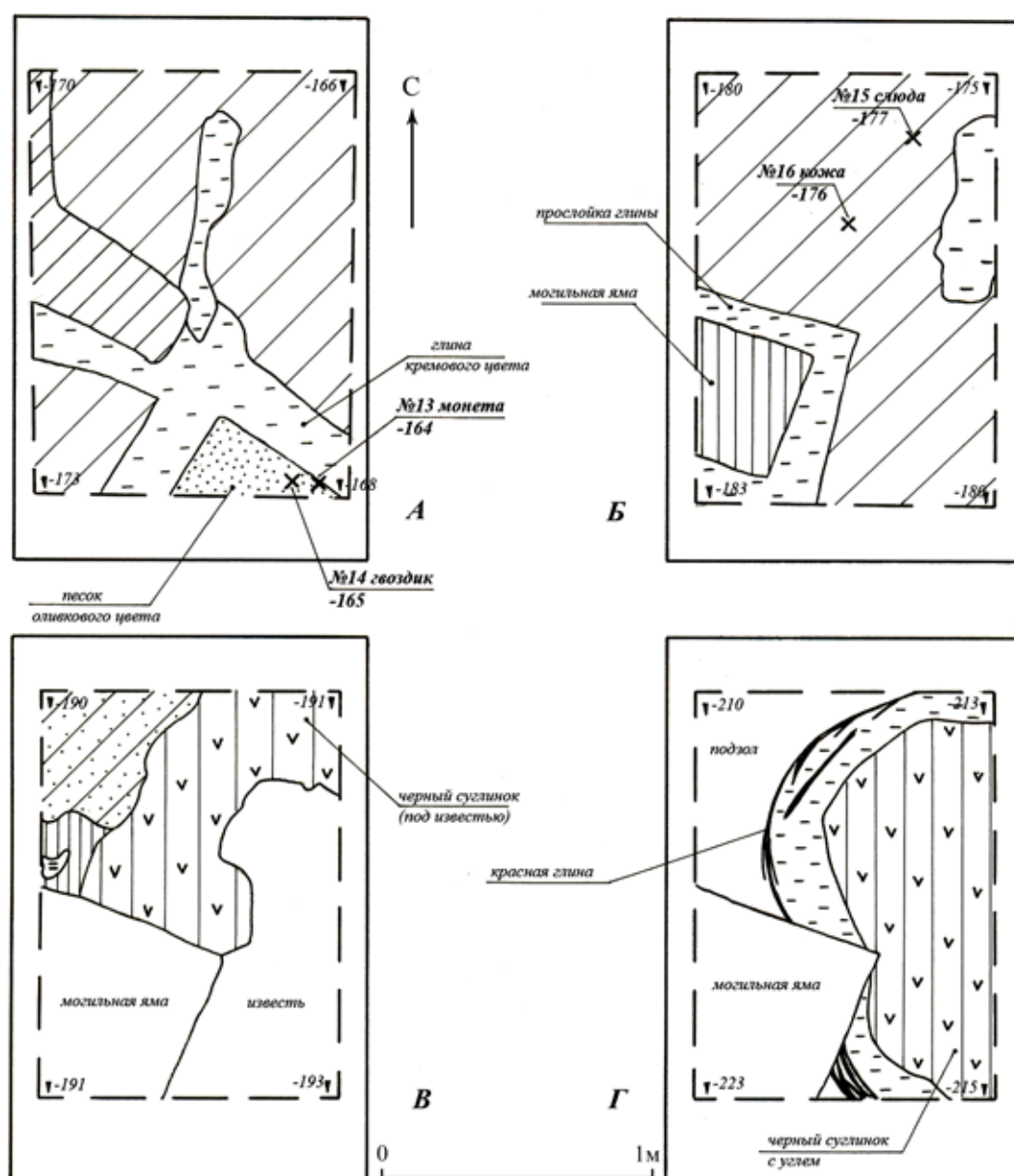
В верхней части пласта 9 (-160/-180 см) основным заполнением продолжала оставаться темно-серая гумусированная супесь с мелкими фрагментами дерева (щепы) и редкими обломками кирпича, а также ореховой скорлупой (рис. 8, А, Б). В слое встречены две тонких прослойки песка. В юго-восточном углу шурфа найдены сильно корродированная медная монета XVIII в. (рис. 9, Г, 13) и миниатюрный гвоздик (рис. 9, Г, 14). Среди керамики (табл. 2) доминирует красноглиняная гладкая (39) (рис. 10, В, 344), чернолощная и мореная (31) (рис. 10, В, 343, 345–347), встречается также белоглиняная: грубая (5), гладкая (5) и шероховатая (3). Найдены обломки белого камня и кирпича. В зачистке на уровне -170 см в южной части шурфа начали четко проступать полосы глины кремового цвета шириной 20–25 см, пересекающиеся под прямым углом и ориентированные по линии СЗ-

ЮВ и ЮЗ-СВ. Одной из полос также сопутствует соседняя с ней прослойка песка оливкового цвета. Как было установлено позднее, прослойки глины – это выброс, оставшийся на краях могильной ямы I после ее засыпки (см. профиль на рис. 6, В). В слое темно-серой супеси найдены фрагмент слюды (рис. 9, Г, 15) и обрывок кожи с обработанным краем (рис. 9, Г, 16).

В зачистке пласта 9 (-160/-180 см) (рис. 8, Б) полоса песка исчезла, а полосы глины в юго-восточной части шурфа приобрели форму прямоугольника (0,6 x 0,8 м) с темно-серой супесью (0,45 x 0,5 м) в центре, просевшей в могильную яму.

В пласте 10 (-180/-200 см) (рис. 8, В) темно-серая супесь выклинилась, и под ней открылись последовательно прослойка извести и залегающий под нею слой черного суглинка с большим количеством угля. Ранее всего слой извести открылся в северо-западном углу

шурфа, где он залегал на отметке -180 см. В юго-восточном углу шурфа выявлена могильная яма (материковый пестроцвет с преобладанием светло-серого суглинка, встречены четыре обломка кирпича) размерами 0,67 x 0,70 м, уходящая в западную стенку шурфа. Все остальное пространство демонстрирует картину, характерную для ситуации, когда горизонтальная зачистка разрезает слои, ниспадающие в направлении с северо-запада на юго-восток. Вся юго-восточная половина шурфа представляет собой прослойку извести большей или меньшей концентрации (1,1 x 0,6 м). Далее в северо-западном направлении следует широкая (0,5 м) полоса черного суглинка, залегающего под известью (здесь известь была разбрана). И наконец, в северо-западном углу шурфа выклинивается залегающий под черным суглинком темно-се-

рый слой 5. После снятия слоя извести под ним раскрылся слой черного суглинка, в нижнем горизонте пласта занимающий почти всю площадь шурфа, за исключением могильной ямы.

Керамика этого пласта происходит почти исключительно из слоя черного суглинка. Чтобы избежать попадания в него более позднего материала, при разборке пограничья серой супеси и черного суглинка керамика бралась отдельно (табл. 2, графа «пласт 10, серая супесь»). Однако после обработки оказалось, что этот материал идентичен происходящему, собственно, из черного суглинка: красноглиняная гладкая (7), чернолощеная (4), белоглиняная грубая (7). В черном суглинке найдена красноглиняная гладкая (45), чернолощеная (58), белоглиняная грубая (24), белоглиняная шероховатая (3) и белоглиняная гладкая (24). Как

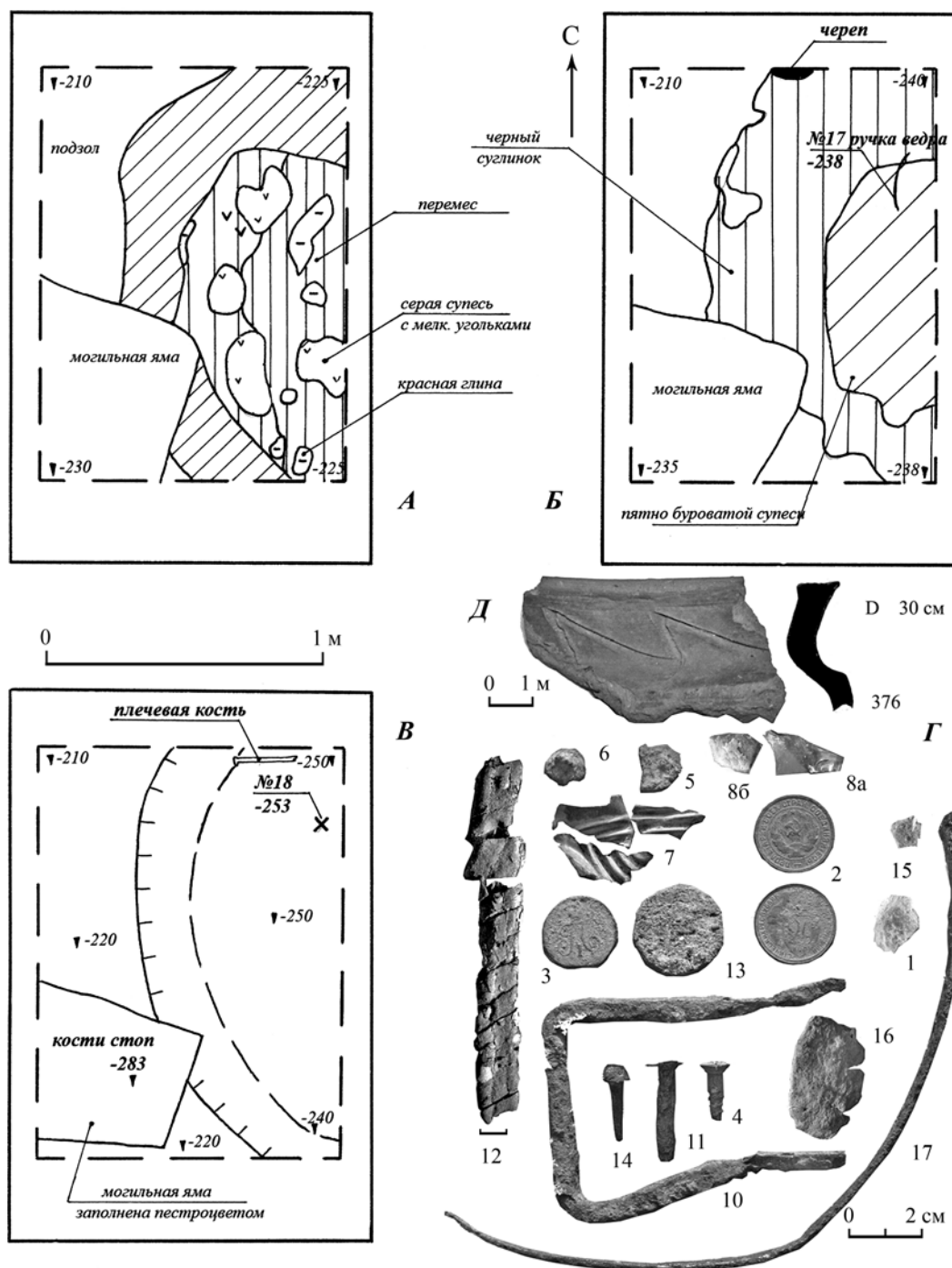

Рис. 9. Покровский в Хотькове монастырь. Шурф 2 2008 г. Планы зачисток пластов

А – пласт 11 (нижний уровень, -220); Б – пласт 12 (-240); В – яма в материке (-250); Г – находки шурфа 2 из бронзы (3, 4, 5, 13, 16), других цветных металлов (2, 7), железа (10, 11, 14, 17). Монеты имп. Павла I (3) и XVIII в. (13); пуговица (6), накладка (5), жезл с рифлением (7), скоба (10), гвоздь миниатюрный (14), гвоздь (11), шуруп (4), ручка от ведра (17); изделия из материи (тесма плетеная), кожи, стекла, слюды; Д – крамоглиняный грубый венчик из шурфа 1 2008 г.

показали дальнейшие раскопки, слой черного суглинка представляет собой верхний горизонт заполнения ямы 1 – остатки подпечья жилой постройки.

Пласт 11 (-200/-220 см). Зачистка пласта проводилась дважды – на глубинах -210 и -220 см (рис. 9, А; 11; 12). Как и в вышележащих пластах, юго-запад-

ный угол шурфа был занят могильной ямой, заполнение которой представляло собой пестроцвет из материкового выброса (светлый подзол и бурая глина) и фрагментов культурного слоя. На остальной части шурфа разбиралось заполнение ямы – слой черного интенсивно гумусированного суглинка с

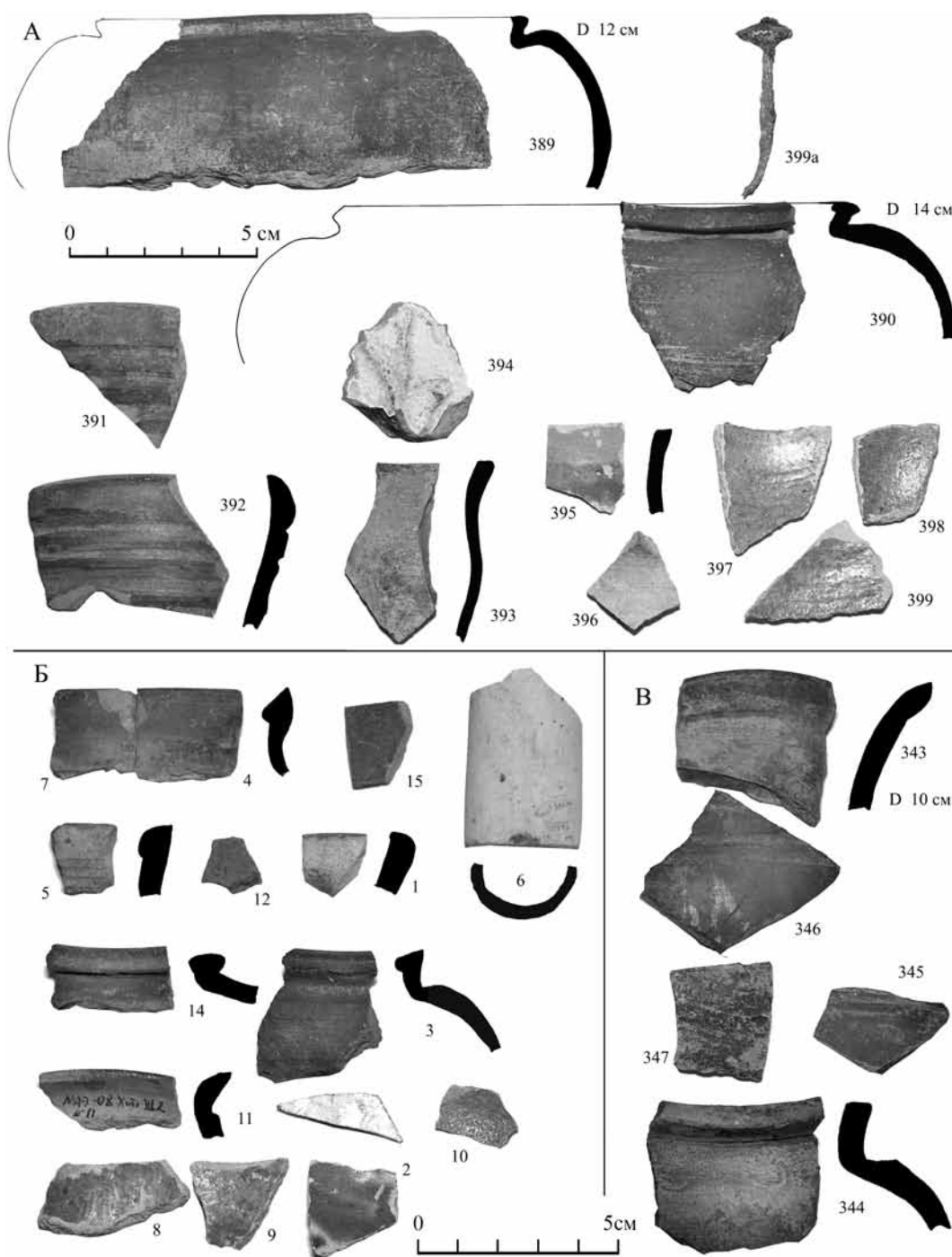

Рис. 10. Покровский в Хотькове монастырь. Шурф 2 2008 г.

А – керамика из пласта 5: гладкостенная (389, 390), чернолощенная (391–393), поливная с зеленой поливой внутри (395–399), гвоздь (399a), фрагмент полихромного изразца (394). Б – керамика из пластов 6–8: белоглиняная грубая (4, 5), красноглиняная гладкая (12), мореная (1, 15), гладкостенная (3, 14), поливная с зеленой поливой внутри (2, 8–11), фрагмент фаянсовой трубки (6); В – керамика из пласта 9: чернолощенная (343, 345–347), красноглиняная гладкая (344)

большим количеством угля и отдельными фрагментами печины. В нем встречено пять обломков кирпича (в том числе толщиной 8 см) и фрагмент обугленной доски. В северо-западной части шурфа разбирались нижний черный суглинок (слой 5) и подстилающий его серый слабо гумусированный суглинок (слой 4).

Зачистка на уровне -210 см (рис. 8, Г; 11) представляла собой зачистку ямы 1 в материке, если под «ямой» понимать нижнюю часть заполнения ямы 1. Юго-западный угол шурфа был занят могильной ямой, уходившей в западную стенку и пробивавшей более ранние отложения. В северо-западной части шурфа прослежен материк – гумусовый и подзолистый гори-

Рис. 11. Покровский в Хотькове монастырь. Шурф 2 2008 г. Зачистка на уровне -210 см, после снятия верхней части 11 пласта. Вид с юго-востока. Просматривается подполье жилого сооружения второй половины XVI в. (яма 1), пробитое погребением 1

зонты погребенной почвы. В центральной и восточной частях шурфа читалась яма 1 округлой формы и размерами 1,50 x 0,85 м. В шурф попала западная и центральная части ямы. Длина ямы с севера на юг составляет 1,7 м. Яма уходит в восточную стенку шурфа и представляет собой в зачистке пятно черного гумусированного суглинка с углем, окруженное полосой красной глины (перемешанные слои материкового выброса) и гумусовыми прослойками по контуру. В южной части полоса глины состоит, по большей части, из обожженной глины ярко-красного цвета.

В пласте 11 находок не встречено. Состав керамики был практически тот же, что и в пласте 10 (табл. 2): красноглиняная гладкая (24), белоглиняная грубая (29), белоглиняная гладкая (4) и ангобированная (1 фрагмент). В отличие от вышележащего горизонта заполнения ямы в пласте 11 не было чернолощеной керамики.

Вторая зачистка была произведена на отметке -220 (рис. 9, Б; 12). Характер заполнения ямы 1 тут изменился: по контуру ямы стала фиксироваться широкая (0,20–0,33 м) полоса темно серого суглинка (слой 4 – на рис. 6, Г). На остальном пространстве на фоне серо-бурой смеси гумусированного слоя с серым и бурым суглинками выделялись пятна серого суглинка (с мелкими угольками) и бурой материковой глины.

В пласте 12 (-220/-240 см) заполнение ямы 1 стало более однообразным. Линзы бурой глины, серой супеси и обожженной глины исчезали и им на смену пришли черный и серый интенсивно гумусированные суглинки. В черном суглинке, в северной части заполнения ямы, найдена железная ручка ведра (рис. 9, Г 17). В слое встречена красноглиняная гладкая (41), чернолощеноя (3), светлолощеноя (1 фрагмент), белоглиняная грубая (51) и белоглиняная гладкая (15) керамика. Зачистка на отметке -240 см (рис. 9, Б) открыла нижний горизонт заполнения ямы 1. Размеры ямы 1 сократились до 1,45 x 0,85 м, подзолистый горизонт погребенной почвы открылся не только в се-

веро-западной части шурфа, но и у южной стенки. Заполнение ямы 1 состояло из серого гумусированного суглинка с фрагментами угля и печины.

В северной стенке, у края глиняного пятна, открылся край черепа, относящийся к погребению 2. Каких-либо следов могильной ямы не прослеживается. Погребение это стратиграфически предшествует яме 1 (рис. 13).

В толще 13 пласта, слой начал выклиниваться. В нем собрана красноглиняная гладкая (24), белоглиняная грубая (39), белоглиняная гладкая (10) и чернолощеноя (6) керамика. В северо-восточном углу, у стенки, обнажилась плечевая кость раннего погребения 2 (рис. 9, В). Зачистка ямы 1 в материке (рис. 9, В) зафиксировала ее дно, залегавшее на отметках -240/-250 см. Стенки ямы пологие, заполнение уходит в северную, восточную и южную стенки шурфа.

Заполнение могильной ямы 1 составлял слой пестроцвета: смесь материковой почвы, фрагментов культурного слоя, глины. В заполнении были встречены фрагменты деревянного гроба и кости стоп. Ширина ямы колебалась от 0,66 м в верхней части до 0,55 м на дне. Глубина составила 1,35 м от уровня, с которого она была выкопана.

После завершения раскопок сделана контрольная прокопка материка. При этом была дополнительно зачищена северная стенка шурфа, в том числе раннее погребение (рис. 13, Б). Прокоп показал, что нижняя часть заполнения ямы 1 (слой 4 – темно-серый суглинок и прослойка обожженной глины) залегает на погребенной почве, которая представлена гумусовым (слой 3), подзолистым (слой 2) и бурым (слой 1) горизонтами (рис. 6, Г).

Благодаря прокопу материка (рис. 13), удалось более полно изучить раннее погребение 2. Оказалось, что сохранилась нижняя часть могильной ямы. Под слоем серого суглинка (слой 4 – нижний горизонт заполнения ямы 1) могильная яма прослеживается на глубину 10 см. Общая глубина дна ямы от поверхности гумусового горизонта составляет 33 см. По контуру могильной ямы прослеживается полоса тлена (возможно, от колоды). Вопрос о том, с какой глубины было сделано это захоронение остается неясным. С определенной долей вероятности можно говорить, что горизонт дневной поверхности первой половины XVI в. на 20–30 см превышал поверхность гумусового горизонта погребенной почвы. Тогда глубина могилы могла составлять 0,5–0,6 м, что типично для раннемосковских погребений.

Комплекс керамики из заполнения ямы 1

В заполнении ямы найдено 15 обломков печины и 418 фрагментов керамики (в коллекцию взято 355 экз.), которые принадлежат к единовременно отложившемуся комплексу (рис. 14–18).

Ранняя керамика. Из этой массы выделяются лишь два сосуда, которые, видимо, происходят из раннего культурного слоя, разрушенного в ходе копki ямы 1 и оказавшегося в составе ее заполнения (рис. 14, 08-75, 08-279 – найдены, соответственно,

в 10 и 13 пластах). Венчик № 08-75 изготовлен из красножгущейся глины с примесью среднезернистого песка (кварцита размером 0,3–1,0 мм). В изломе он имеет однородный темно-серый цвет, что свидетельствует о полном окислительном обжиге при некотором недостатке кислорода. Это верхняя часть венчика довольно массивного (толщина стенки 7 мм) горшка со слегка отогнутым и срезанным венчиком 6-го варианта серой керамики. Отсутствие четких граней на краю венчика свидетельствует, что перед нами образец поздней серой керамики. Аналогии происходят из комплекса Шавыкина Дубенского монастыря (1380–1390-е годы) (Чернов, 1995. Рис. 7, 1-й и 5-й сверху сосуда) и комплексов более раннего времени.

Венчик № 08-279 также срезанный, но принадлежит к редкому подварианту 6-го варианта с прямым и круто поднимающимся вверх плечиком без шейки. Венчик короткий, отогнут под 45 градусов, истончен по отношению к плечу. В закрытых комплексах аналогий не встречено. Довольно близкая аналогия происходит из сборов 1994 г. в с. Митрополье Пушкинского района (№ 94-1372) (Чернов, 2005. Рис. 113, 48). Венчик короткий (8 мм). По мере приближения к краю он истончается и срезан на конце. Верхняя часть тулова украшена двумя рядами волнистого орнамента. Горшок из Митрополя соединяет в себе ранние черты (слабо выраженные плечики, волнистый орнамент и архайзирующая техника) и такой характерный признак «поздней версии» срезанного венчика, как истончение к краю. В отличие от сосуда из Митрополя, хотьковский венчик технически более совершенен. Он выполнен из красножгущейся глины с примесью мелкозернистого песка. Обжиг практически полный окислительный. В изломе и на поверхностях черепок имеет одинаковый красно-кирпичный цвет (после разрушения венчик подвергся термическому воздействию, в результате чего на его поверхности и по излому отложился нагар). Сосуд украшен по плечу (за отсутствием шейки) орнаментом в виде косой волны классической формы с вертикальной левой частью. Присутствие косой волны на серых сосудах со срезанным венчиком зафиксировано в виде серии в комплексе третьей четверти XIV в. из Дубинкина леса (Кренке, 2005. С. 312), что позволяет говорить о взаимовлиянии серой и красноглиняной грубой керамики во второй половине XIV в. Если по форме и орнаментации венчик из Хотькова монастыря напоминает керамику второй половины XIV в., технологически он ближе красноглиняной грубой посуде первой половины XV в. Поэтому его следует датировать в пределах последней четверти XIV – первой четверти XV в.

Керамика, относящаяся собственно к комплексу, состоит из следующих типов: красноглиняная гладкая (33,8%), краснолощенная (0,8%), белоглиняная грубая (36,6%), белоглиняная гладкая (11%), чернолощенная (17,2%) и ангобированная (0,2%) (табл. 2). Исходя из общих представлений о развитии московской керамики, соотношение красно-

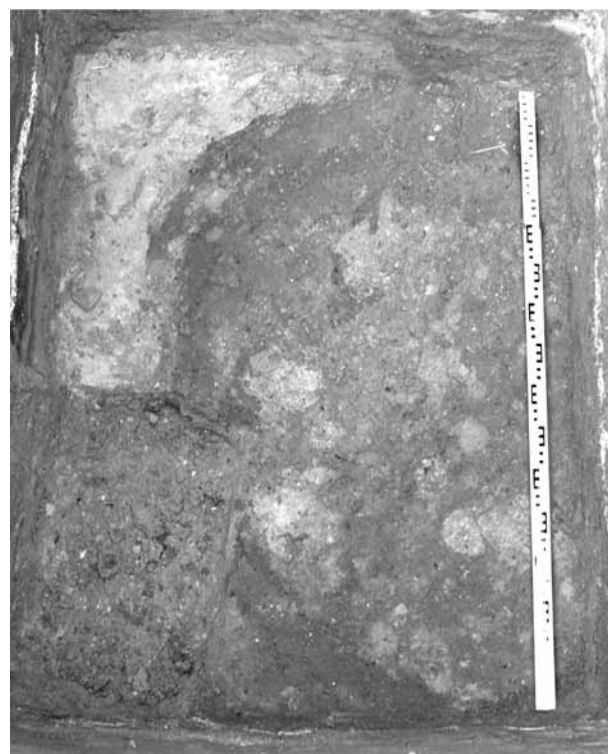

Рис. 12. Покровский в Хотькове монастырь. Шурф 2 2008 г. Зачистка на уровне -220 см, после снятия 11 пласта. Вид с юга. Подполье жилого сооружения второй половины XVI в. (яма 1), пробитое погребением 1

глиняной гладкой к белоглиняной грубой керамике 33,8/36,6% возможно либо в начале периода доминирования белоглиняной грубой керамики (вторая четверть XVI в.), либо в конце этого периода. Поскольку в первой четверти XVI в. в Московском крае белоглиняная гладкая керамика никак не могла составлять 11% от состава комплекса, обратимся к комплексам, датируемым вторым временным промежутком (табл. 3).

Превосходный материал в этом плане дают ямы селища Рождественно-1 Звенигородского уезда (Богомолов и др., 2009. С. 281–326).

Как видно из таблицы 3, между 1547 и 1593 гг. имели место следующие этапы бытования керамики: 1) доминирует белоглиняная грубая – белоглиняная гладкая составляет единичный процент; 2) доминирует красноглиняная гладкая – белоглиняная гладкая керамика может отсутствовать, а может составлять до 6%; 3) доминирует то красноглиняная гладкая, то белоглиняная грубая – белоглиняная гладкая составляет 10–26% а в отдельных случаях до 45%.

Комплекс из Хотькова монастыря еще содержит большинство белоглиняной грубой керамики, но уже весьма высокий (11%) процент белоглиняной гладкой посуды. Это позволяет предварительно датировать его в пределах 1560–1580-х годов.

Красноглиняная гладкая посуда (рис. 14; 15) технологически однородна. Она выполнена из хорошо очищенной красножгущейся глины с незначитель-

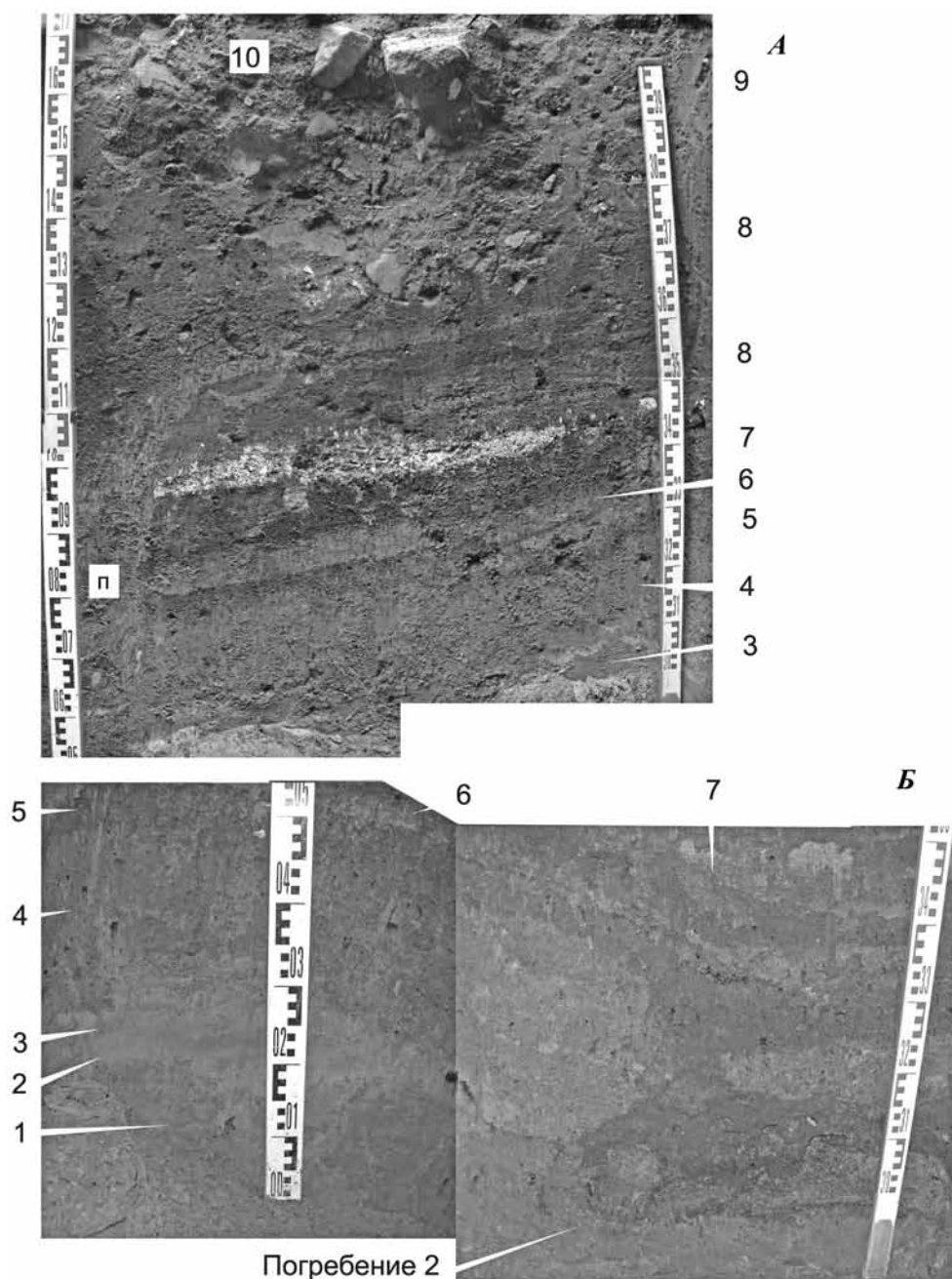

Рис. 13. Шурф 2 2008 г. (расшифровку номеров слоев см. на рис. 6)

А – фотография западного профиля шурфа (стратифицированные отложения); п – погребение 1, выкопанное со средней части слоя 8; Б – нижняя часть северного профиля: слева – колонка наиболее ранних отложений, справа – нижняя часть погребения 2, перекрытого заполнением ямы 1

ной примесью мелкого песка (кварцитов в тесте нет). Обжиг полный окислительный (черепок полностью прокален), поверхность сосудов от светло-бурого (рис. 14, 286; 15) до темно-бурого и серого цвета (рис. 14, 47, 127). Большая часть сосудов имеет гладкую поверхность, некоторые – шероховатую (рис. 15, 47). Значительная часть горшков имеет излом по плечу (рис. 14, 47, 178).

К 1-му варианту – с вертикально стоящим заостренным венчиком – относятся два горшка средней величины (диаметр венчика 14 и 18 см) (рис. 14, 127,

335) и несколько небольших горшков (рис. 14, 47, 141, 323). Аналогии венчику № 335 происходят из ямы 2 Исторического проезда (МК. Табл. 83, 1750) и ямы 7 селища у часовни великомученика Никиты в Пушкинском районе Московской обл. (МК. Табл. 128, 564).

Имеется миниатюрный горшочек (диаметр венчика 10 см) и два горшка средней величины (диаметр венчика 14 и 18 см) 2-го варианта – с подтреугольным венчиком (рис. 14, 286; 15, 58, 121). Такая керамика господствует среди красноглиняной гладкой посуды комплексов последней четверти XV в. (МК. Табл. 84–

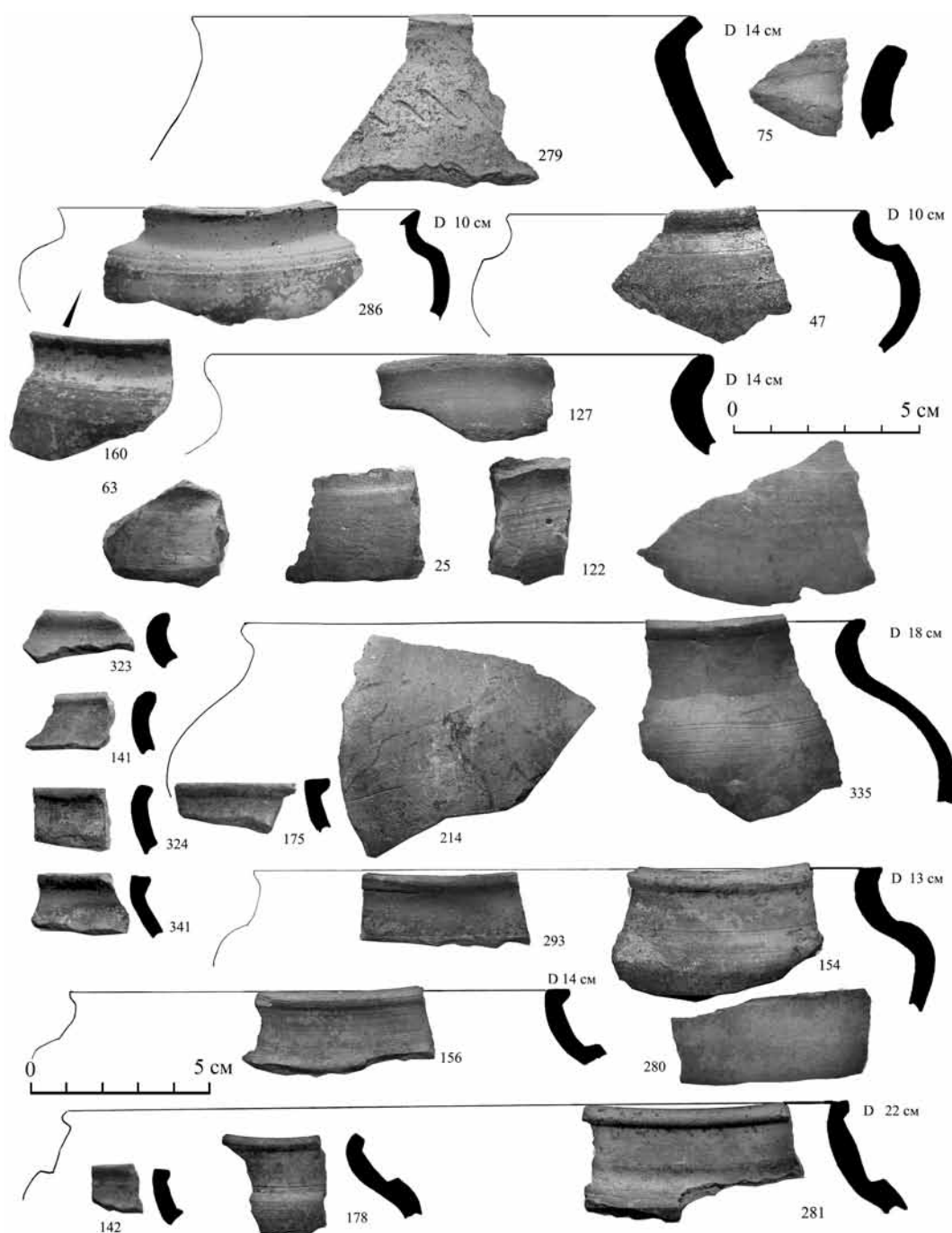

Рис. 14. Шурф 2 2008 г. Керамика из заполнения ямы 1: красноглиняна грубая (75, 279) и красноглиняная гладкая

86, 93–97). Ее много в слоях Николо-Греческого монастыря над горизонтом строительства Китай-города (1535–1538 гг.). В комплексах второй половины XVI в., когда после доминирования белоглиняной грубой керамики, красноглиняная гладкая посуда вновь получает широкое распространение, данный вариант завершения сосуда встречается значительно реже: в двух комплексах из селища у часовни великомученика Никиты на 806 фрагментов красной керамики приходится всего два таких венчика (МК. Табл. 125, 549, 606; 129, 451).

Яркой чертой комплекса является присутствие серии сосудов 3-го варианта – с шейкой, наклоненной под углом в 45 градусов, что придает верхней части горшка шарообразную форму (рис. 14, 154, 156, 142, 178, 281). Среди этой серии имеются горшки небольшие и средней величины (диаметр венчика 13, 14 и 22 см). Край горшков оформлен по большей части в виде горизонтальной площадки (рис. 14, 154, 156, 175, 341). Аналогии подобной керамике обнаруживаются исключительно в комплексах второй половины XVI в.: в ямах селища у часовни великомученика

Таблица 3. Процентный состав керамических комплексов второй половины XVI в.

Название	Красноглин. гладкая	Белоглин. грубая	Белоглин. гладкая	Чернолощен. и др. столовая посуда	Датирующие признаки
Зачатьевский монастырь, постр. 1	40,5	37,0	Нет	Кранолощ.	Пуло кон. М в. – 1533 г. Видимо, погибла в пожаре 1547 г.
Зачатьевский монастырь, постр. 3 (данные по 5 пластам сверху вниз)	26,6; 42,3; 32,9; 34,2; 34,5	30,9; 42,3; 39; 48,1; 38,1	Нет	Чернолощ.; кранолощ.; ангобир.	Денга 1535–1547 гг. Видимо, погибла в пожаре 1547 г.
Рождественно. Яма 61	43,5	55	0,2	1,5	Две копейки 1535–1547 гг.
Рождественно. Яма 60	56	34,5	2,5	1	Копейка 1535–1547 гг.
Рождественно. Яма 63	53	42	3	2	Пуло 2-й пол. XVI в.
Рождественно. Яма 65	48	44	6	2	
Никита мученик. Яма 13	35,5	61,9		Краснолощ. 0,1; ангобир. 2	Ранее 1584/1585
Никита мученик. Яма 7	58	39		2,9	Ранее 1584/1585
Романов двор. Печь 1	14	43,5	26	Чернолощ. 9,4; ангобир. 2,3	1564–1584
Романов двор. Печь 9	21	32,5	11,5	Краснолощ. 4,7; чернолощ. 9,5	1564–1584
Романов двор. Постройка в раскопе VI	7	66,3	16,6		1564–1584
Романов двор. Печь 10	18	20	45	Краснолощ. 1; чернолощ. 2,2; ангобир. 2,2	1564–1584
Копнинский лес-3, сооружение 1, 2	64	18,5	8	9	Ранее 1592/1593

Никиты (МК. Табл. 128, 514, 554, 547, 602; 129, 428 и др.) и селища Копнинский лес-3 (МК. Табл. 133, 104, 105, 106). Имеется также крышка от красноглиняного гладкого горшка (рис. 15, 112) и миниатюрная миска (рис. 18, 123).

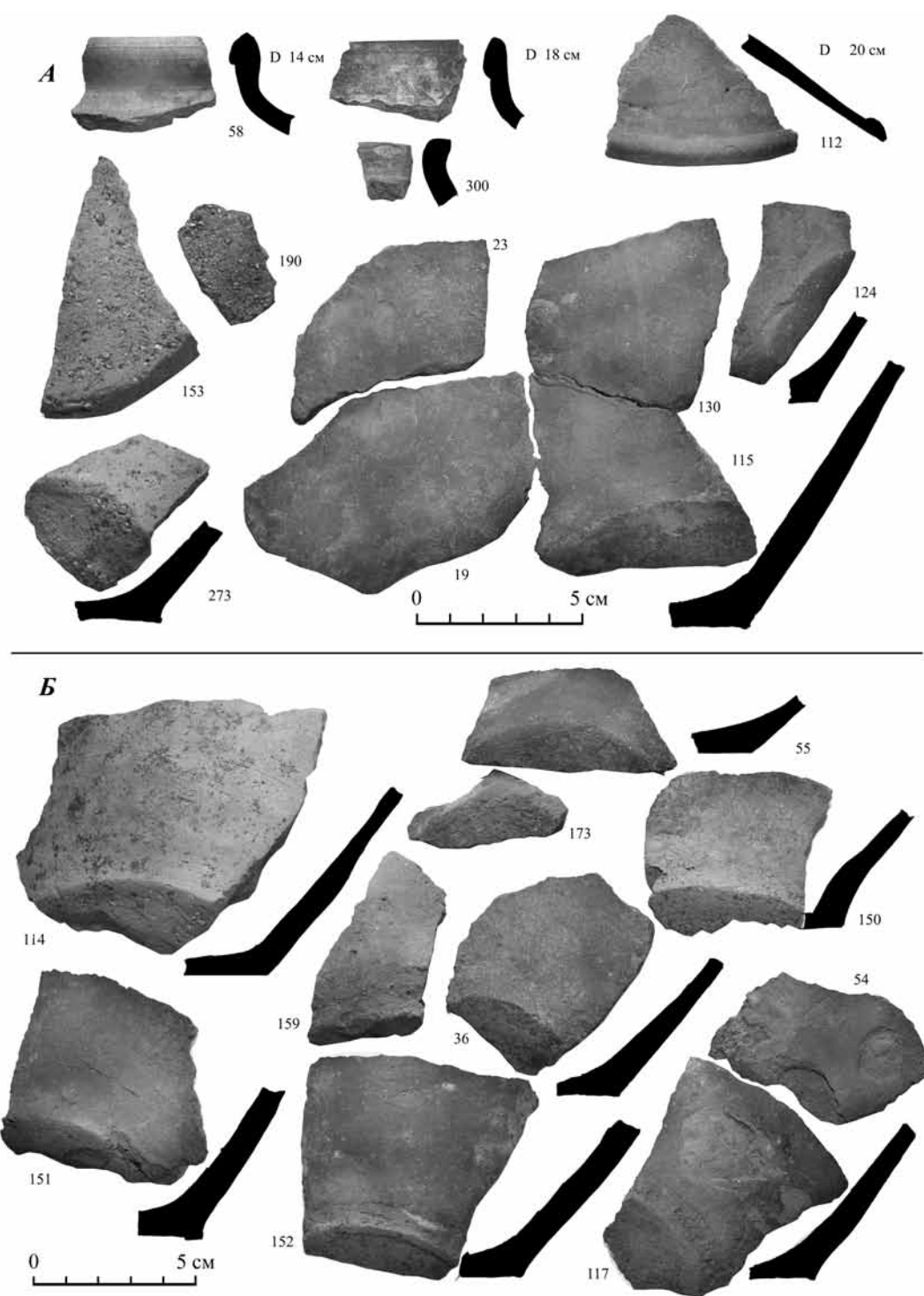
Белоглиняная грубая керамика выделяется уверенно благодаря характерным формам и технологии: беложгущаяся глина со среднезернистым песком (кварциты размером 0,3–1,0 мм). Кувшины представлены тремя венчиками (рис. 16, 66, 129, 224), двумя ручками и двумя стенками, одна из которых орнаментирована защипами (рис. 16, 44). Диаметр одного из венчиков (№ 08-224) 12 см – этот кувшин имел круглую ручку. Два других венчика имеют несколько меньший диаметр, основания ручки не сохранились. Сосуд № 08-35 представлен лишь шейкой, диаметр венчика может быть определен только приблизительно – около 15 см. Ручка плоская, шириной 5,5 см. Серия подобных кувшинов (диаметр венчика 11–15 см) с плоскими ручками (одна из них украшена защипами) найдена в постройках 1 и 3 Московского Зачатьевского монастыря, погибших в пожаре 1547 г. Последнее устанавливается как археологически (в яме 3 успела отложиться денга, чеканившаяся в 1533–1547

гг.) так и по письменным данным (после 1547 г. монастырь запустел) (Глазунова, 2008. С. 133, 138). Подобные кувшины продолжали изготавливать и во второй половине XVI в., которой датируются комплексы ям 7 и 13 селища у часовни великомученика Никиты (МК. Табл. 127, А 530; 130, А).

Белоглиняные горшки представлены девятью венчиками (рис. 16), донцами и многочисленными стенками. Все они имеют характерный для данного типа посуды эллипсоидный (более или менее утолщенный) валик снаружи. Край сосуда обыкновенно заостренный, однако имеется венчик с плоской поверхностью края (рис. 16, 321). Орнаментированных фрагментов всего три, с редким линейным орнаментом на верхней и средней части тулова (рис. 16, 170, 242, 272). Подобные серии горшков широко представлены в комплексах с преобладанием белоглиняной грубой керамики (Ларино; Михайловское-2, яма 1; Лешково-7), которые датируют первой половиной XVI в. (МК. Табл. 122–124), и в комплексах ям селища у часовни великомученика Никиты (МК. Табл. 126, 1276, 1306) и селища Копнинский лес-3 (МК. Табл. 134а).

Чернолощенная керамика представлена кувшинами (рис. 18, 26, 43, 212, 357, 359, 361), в том числе

Рис. 15. Шурф 2 2008 г. Керамика из заполнения ямы 1
 А – красноглиняные гладкие горшки (венчики и донца); Б – донца красноглиняных гладких сосудов

ручками, а также горшком (рис. 18, 358) и венчиком кубышки (рис. 18, 83).

Белоглиняная гладкая керамика. Четким хронологическим маркером, отличающим хотьковский комплекс от комплексов первой половины XVI в., является присутствие большой серии белоглиняной гладкой керамики (рис. 17). Она легко выделяется

по составу теста, в котором отсутствуют кварциты, и гладкой поверхности сосуда. Верхняя часть сосуда весьма характерна. Это вертикальная шейка, переходящая в венчик, имеющий подтреугольный или овальный валик внутри. Снаружи его украшает орнамент в виде многочисленных параллельных линий. Большая часть горшков несут орнамент на шейке, так

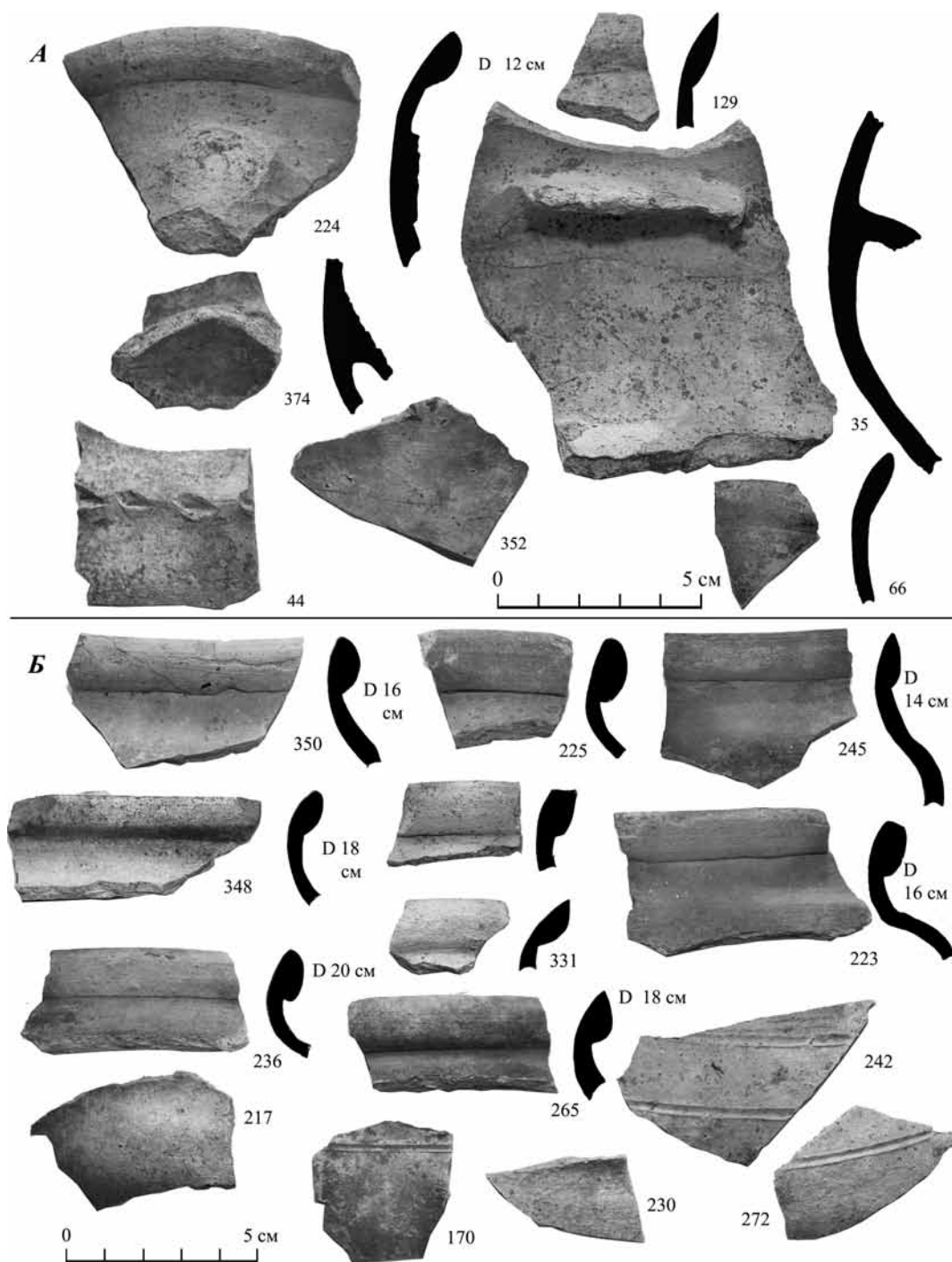

Рис. 16. Шурф 2 2008 г. Керамика из заполнения ямы 1
А – белоглиняные грубые кувшины; Б – белоглиняные грубые горшки

что верхний край венчика остается от него свободным (рис. 17, 183 и др.). Это характерно для раннего этапа производства белоглиняной гладкой посуды. Но на двух сосудах линейный орнамент поднимается до самого края (рис. 17, 68, 97), что типично для более позднего периода. По толщине орнамент также неоднороден. Есть сосуды как с довольно широкими линиями (рис. 17, 183), так и с тончайшими (рис. 17, 97). Все эти особенности серии свидетельствуют о том, что перед нами не первые пробы в данном типе кера-

мического производства, но этап его уже достаточно уверенного овладения.

Вопрос о дате появления белоглиняной гладкой керамики в Москве и Московском крае до сих пор окончательно не решен. В постройках Зачатьевского монастыря, погибших в пожаре 1547 г., ее еще нет (Глазунова, 2008. С. 133–138). Начальный момент ее появления в быту подмосковного села (до 2,5%) фиксируется в ямах 60 и 61 села Рождественно, где присутствуют монеты, чеканенные в 1535–1547 гг., и отсутствуют

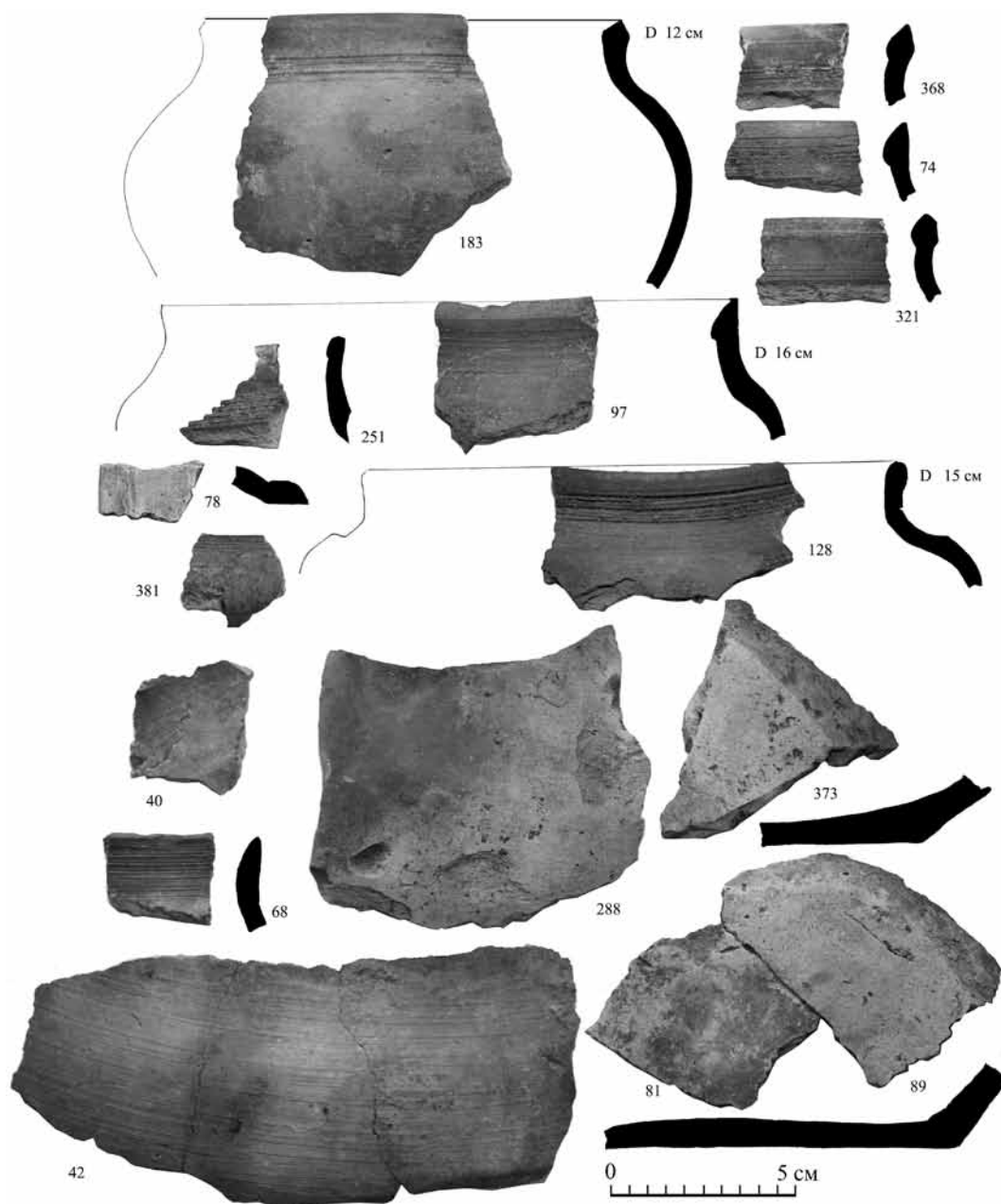
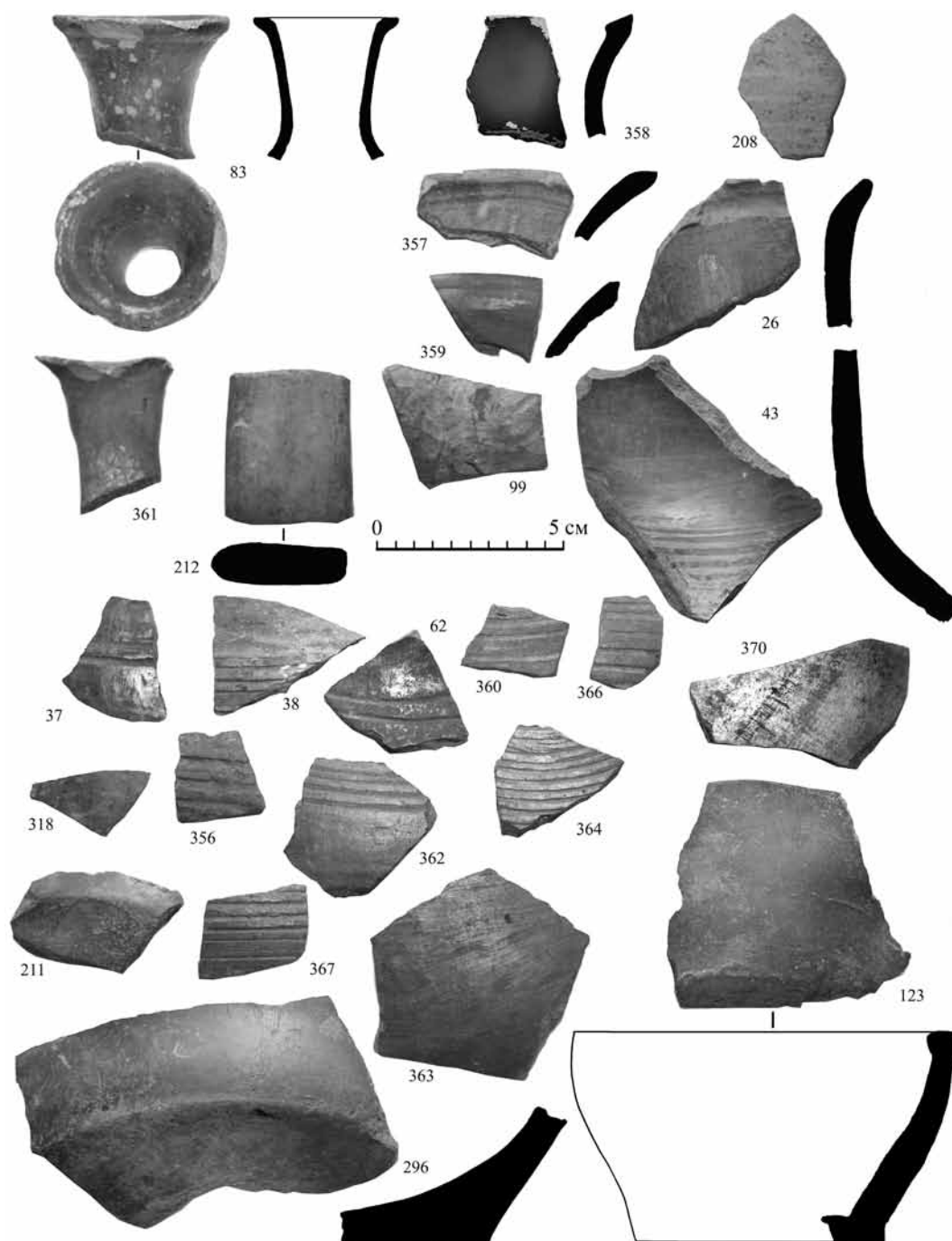

Рис. 17. Шурф 2 2008 г. Керамика из заполнения ямы 1: белоглиняная гладкая – венчики, крышка (78) и донца

монеты более поздней чеканки. Это позволяет предполагать, что комплексы откладывались в 1550–1560-е годы. В печах Романова двора ранней генерации, которые Н.А. Кренке относит собственно к Опричному двору (1564–1570 гг.), присутствует от 11 до 44% белоглиняной гладкой посуды (Кренке, 2009. С. 70. Рис. 222; Глазунова, 2009. С. 130–130). В комплексе из деревни, пережившей мор 1570 г. и переставшей существовать к 1593/1594 г. (Копнинский лес-3), белоглиняная гладкая керамика составляет 8% (МК. С. 57. Табл. 133, 134). Имеется там и серия сосудов из красной глины в формах и с орнаментом белой гладкой (МК. Табл. 133, 99). Учитывая, что в комплексе из Хотькова монастыря 11% белоглиняной гладкой керамики, его можно датировать 1560–1580-ми годами.

Подводя итог рассмотренным материалам, можно сделать вывод, что в монастыре сохраняются участки с ненарушенными отложениями XV–XIX вв. – ценным источником по его истории.

Исследования 2008 г. дали представление о стратиграфии соборной площади, расположенной на средней террасе и являющейся древнейшим ядром монастыря. Северный профиль шурфа свидетельствует, что заполнение краев ямы 1 лежит непосредственно на гумусовом горизонте погребенной почвы (слой 3), а в центральной части – пробивает его. Дно ранней могильной ямы (погребение 2) залегает на глубине всего 33 см от поверхности гумусового горизонта погребенной почвы. Это слишком мелко даже для неглубоких раннемосковских могил. Следовательно, нельзя

Рис. 18. Шурф 2 2008 г. Керамика из заполнения ямы 1

Фрагмент краснолощеного кувшина (208), чернолощеного кувшинов (26, 43, 99, 357, 358, ручки – 212, 361), венчик чернолощеной кубышки (83), стенки и донца чернолощеного сосудов и красноглиняная гладкая миска (123)

отрицать возможности, что на погребенной почве к середине XVI в. сформировался небольшой (порядка 20 см) культурный слой. О хозяйственной деятельности, проходившей где-то поблизости, свидетельствуют два красноглиняных грубых венчика, датируемые в пределах последней четверти XIV – первой половины XV в. и обнаруженные во вторичном залегании, в заполнении ямы 1. Скорее всего, пространство между алтарями Покровского и Никольского деревянных храмов было долгое время свободным от застройки.

В какой-то момент на эту территорию распространилось кладбище (погребение 2). Около 1560–1580-х годов вплотную к кладбищу (с перекрытием одной могилы), между соборной площадью и улицей, был поставлен жилой сруб с подпольем. После гибели сооружения от пожара хозяйственная дельность здесь замерла: слой извести, который трудно связывать с чем-либо кроме строительства Покровского собора (1644–1648 гг.), лег прямо на пепелище. В конце XVII в. началось новое накопление слоя (слой 8), а затем

кладбище вновь распространилось на это место (погребение 1). В XVIII в. накопление слоя возобновилось, накрыв некрополь полуметровым чехлом. После строительства Покровского собора (1813–1816 гг.) соборная площадь была замощена.

У подножья холма, на котором был построен монастырь, на нижней террасе, близ Водяных ворот, в переотложенном слое обнаружен ранний керамический материал. Сочетание поздней серой и ранней красноглиняной грубой посуды дают основания уверенно говорить о существовании здесь жилой застройки в третьей – четвертой четвертях XIV в.

Хотя имеющиеся в нашем распоряжении данные далеко не полны, можно предполагать, что планировка монастыря, зафиксированной на плане 1770-х годов с центральной улицей и кельями по ее сторонам, предшествовала более ранняя планировка. Она включала собственно монастырь на средней террасе (Покровский собор и Никольскую церковь, некрополь и окружающие их церковные дворы и кельи) и поселение у его подножья, располагавшееся на нижней террасе, у берега р. Пажи.

Литература

- Александровский А.Л., Ершова Е.Г., Качанова М.Д., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Чернов С.З., Энгелатова А.В. 2008. Исследования погребенных почв в Троице-Сергиевой лавре в 2003 г. и опыты реконструкции коренной растительности // *Сельская Русь в IX–XVI веках*. М.
- Амвросий (Орнатский), 1815. Истории русской иерархии. Ч. 6. Вып. 2. М.
- АРГ, 1975. Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.
- АРГ. Акты Русского государства 1534–1550 гг. // Архив ИРИ РАН. Рукопись.
- АСЭИ. Т. 1. М. –Л., 1952.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождественно Одинцовского района Московской области // *АП*. Вып. 5. М.
- Вишневский В.И., 1983. Об археологических работах исторического отдела Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в Загорском районе Московской области в 1983 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 9972; 9972а.
- Вишневский В.И., 1984. Об археологических работах исторического отдела Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в Загорском и Дмитровском районах Московской области в 1984 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 9432; 9432а.
- Вишневский В.И., 1986. Разведки Загорского музея // *АО* 1984 года. М.
- Глазунова О.Н., 2008. Комплексы керамики из жилых построек второй половины XV – начала XVI в. Зачатьевского монастыря (г. Москва) // *РА*. № 2.
- Глазунова О.Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII веков // Кренке Н.А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы XII–XIX веках. Приложение. М.
- Голубинский Е.Е., 1909. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М.
- Голубцов С.А., 1991. Хотьков монастырь // *Московский журнал*. № 6.
- Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное ему слово // *Памятники древней письменности и искусства*. Т. 58. СПб., 1885.
- Клосс Б.М., 1990. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV–XVII вв. // *Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг*. Вып. 3. Ч. 2. М.
- Кренке Н.А., 2005. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // *Культура средневековой Москвы*. Т. III. М.
- Кренке Н.А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы XII–XIX веках. М.
- Кром М.М., 2010. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.
- Кучкин В.А., 1992. Сергий Радонежский // *ВИ*. № 10.
- Лебедева Е.Ю., 2008. Археологические исследования на территории Покровского в Хотькове монастыря и на селище Лешково-6 Сергиево-Посадского района Московской области в 2008 г. Т. 1. Исследования на территории Покровского в Хотькове монастыря // *Архив ИА РАН*. Р-1.
- МК. М., 1991.
- Памятники архитектуры Московской области. Вып. 2. М., 1999.
- Писцовые книги Московского государства / ред. Н.В. Калачев. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872–1877.
- Список писцовой книги Московского уезда Д. Кологривова и Д. Скирина 1622–1624 гг. // *РГАДА*. Ф. 1209. Кн. 685.
- Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.
- Тихонравов Н.С., 1892. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. Отд. 1. М.
- Филимонов К.А., 2004. Покровский Хотьков монастырь // *Хотьково. Очерки истории земли Радонежской*. Сергиев Посад.
- Чернов С.З., 1978. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1978 г. Ч. 5 // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 6989.
- Чернов С.З., 1980. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1980 г. Ч. 2 // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 8060.
- Чернов С.З., 1992. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических разведках в Сергиев-Посадском районе Московской области в 1992 г. Ч. 2 // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 117314.

Чернов С.З., 1995а. Отчет об археологических разведках на территории Сергиево-Посадского и Пушкинского районов Московской области в 1994 г. Ч. 1. Разведки в Сергиевом Посаде и его окрестностях // Архив ИА РАН. Р-1, № 19703.

Чернов С.З., 1995б. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы. XIV–XVII вв. М.

Чернов С.З., 1996а. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. (Тр. МИГМ. Вып. 9).

Чернов С.З., 1996б. Сельские монастыри XIV–XV вв. на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным // РА. № 2.

Чернов С.З., 2000. Землевладение волости Бели Радонежского удела // Очерки феодальной России. Вып. 4. М.

Чернов С.З., 2002. Дворцовое село Мытищи XVII–XVIII вв. в свете охранных раскопок 2001 г. // Тр. ПЭ. Т. 1. М.

Чернов С.З., 2005. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 2) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.

Чернов С.З., Янишевский Б.Е. 2008. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 г. // РА. № 2.

S.Z. Chernov, E.Yu. Lebedeva

The Pokrovsky monastery in Khotkovo by results of archaeological research in 1978–2008

Summary

The article deals with the results of archaeological research of a monastery of the 14th c. It is located in village Khotkovo near Radonezh city to the north from Moscow. The monastery is connected with the name of st. Sergius Of Radonezh. Burials of monastery's cemetery and re-

mainders of a building of the second part of the 16th c. were studied during the research. Found ceramic materials were the same as ceramics in Moscow. A cultural layer of the 14th – the 16th cc. was found.

Приложение

Покровский в Хотькове монастырь. Палинологические данные.

Образец	1	2	3	4	5
Глубина (см)	0–5	5–10	10–15	15–20	20–25 (песок)
Угли	Есть	Есть	–	–	–
Зола (растений)	Много (злаки, в т. ч. культ., лесные травы, мхи)	Много (хвойные, злаки, лесн. травы)	Есть (злаки, лесные травы)	Много (злаки, в т. ч. культ.; лесн. травы, хвойные (ед.), хвойные (ед.))	Есть (злаки (в т.ч. культ.; лесн. травы, мхи)
Фитолиты	Хвойные, злаки, лесные травы	Хвойные, злаки, лесные травы	Злаки, лесные травы		
Всего	75	Пыльцы мало	Пыльцы нет	Пыльцы нет	Пыльцы мало (хор. сохр.)
<i>Деревья</i>	16/21/62				
AP+NAP	26/				
Picea	6/38	2			4
Pinus	2/13				2
Betula	2/13				
Alnus	1/6				
Tilia	2/13				
Quercus					
Ulmus	1/6				
Corylus	2/13				
//	//5/31				
<i>Травы и кустарнички</i>	10/13				
Poaceae	6/8				
//Cereale	//3/4				
Cyperaceae	1/1				
Chenopodiaceae	1/1				
Caryophyllaceae					
Asteraceae					
Artemisia					
Cichoriaceae					
?	2/3				
Cruciferae					
Plantago					
Apiaceae					
Polygonum					
Ranunculaceae					
Rosaceae					
Filipendula					
Valeriana					
Fabaceae					
Epilobium					
<i>Antropogenic</i>					
<i>Споры</i>	49/65				
Bryales	2/3	2			
Sphagnum	8/11				
Lycopodium	16/21	3			2
Polypodiaceae	20/27	2			
Pteridium					
Неопределимые	3/4	1			

В.В. Миненко

Исследования на поселении Константиново в Подольском районе Московской области

Поселение Константиново занимает участок первой надпойменной террасы левого берега р. Канопелька (правый приток р. Пахра) между двумя обводненными оврагами, в 0,8 км к ЮЮЗ от д. Щербинка Домодедовского района Московской области (рис. 1). Памятник обнаружен и обследован в 2000 г. в ходе проведения разведочных работ отрядом Деснинской экспедиции Института археологии РАН и тогда же на нем были организованы раскопки под руководством автора (2000).

Площадь поселения частично распахивается, частично занята под огороды, частично разрушена строением № 102 Подольского водозаборного узла. Через поселение проходят газопровод, кабель связи, асфальтированная дорога. Работы на нем носили охранный характер и проводились в зоне строительства линии ВОЛС. Трассой будущего строительства определены форма, конфигурация и размеры раскопа, заложенного в неразрушенной части поселения вдоль оси север – юг с незначительным (16 градусов) отклонением к западу. Общая площадь раскопа составила 160 кв. м. Поверхность раскопа понижалась к юго-востоку.

В ходе работ прослежено, что материк (плотная красно-коричневая глина) на всей площади перекрыт слоем пахоты – серо-коричневым гумусированным суглинком с включением угольков, мелкой пачины, обломков керамики. Скоплений и концентраций массового археологического материала в нем не выявлено, хотя керамика распределялась по площади раскопа неравномерно. Мощность пахотного слоя составила 0,2–0,4 м.

После снятия слоя пахоты была выявлена поверхность материка, на которой местами фиксировались незначительные (в несколько сантиметров) линзовидные углубления естественного происхождения. После зачистки поверхности материка на его красно-коричневом фоне зафиксированы пятна заполнения постройки 1 и десяти столбовых ям. О сильной турбированности культурного слоя можно судить по наличию четырнадцати крупных плужных борозд, получивших обозначение канавок 1–14 (рис. 2). Они

были ориентированы преимущественно вдоль склона берега (северо-запад – юго-восток).

Три из десяти обнаруженных столбовых ям находились внутри постройки 1. Среди остальных выделяются две более крупные и группа мелких, различающихся по характеру заполнения. Цилиндрическая столбовая яма 8 диаметром 0,44–0,46 м заполнена однородным черно-коричневым суглинком. Глубина ямы от поверхности материка – 0,17 м. Округло-овальная в плане столбовая яма 4 размерами 0,55 x 0,60 м прорезала заполнение постройки 1. Глубина ямы 0,67 м, стенки практически вертикальные, дно полусферическое. Заполнение ямы – однородная серая супесь. Археологических находок в этих двух ямах не обнаружено.

Остальные столбовые ямки имели усеченно-коническую или цилиндрическую форму, были заполнены черно-серым гумусированным суглинком без включений (кроме ямы 6, содержащей мелкие древесные угольки, крупный валунный кремль и кремневый отщеп). Диаметр этих ям по верхнему краю составлял от 0,2 до 0,3 м и глубина от верхнего края – от 0,07 до 0,44 м. Керамический материал встречен только в заполнении ямы 7.

Постройка 1 располагалась в северо-западной части раскопа. На уровне поверхности материка объект читался в плане в виде четырехугольника со скругленными углами размерами 3,06–3,26 x 3,94–4,40 м. Северный край постройки уходил в борт раскопа и поэтому остался не исследованным. Постройка сторонами ориентирована по оси географических координат (рис. 2). На уровне зачистки в центре постройки располагалось овальное пятно темно-серого суглинка размерами 2,5 x 1,6–1,7 м. В этом слое содержалось довольно значительное количество крупных костей животных с характерными следами кухонной обработки (сколы и порезы). Вероятно, верхняя часть котлована постройки использовалась в качестве мусорной ямы для утилизации пищевых и бытовых отходов. Практически по всему периметру пятна серого суглинка (за исключением его восточной части) его оконтуривал слой коричнево-оранжевой глины, окру-

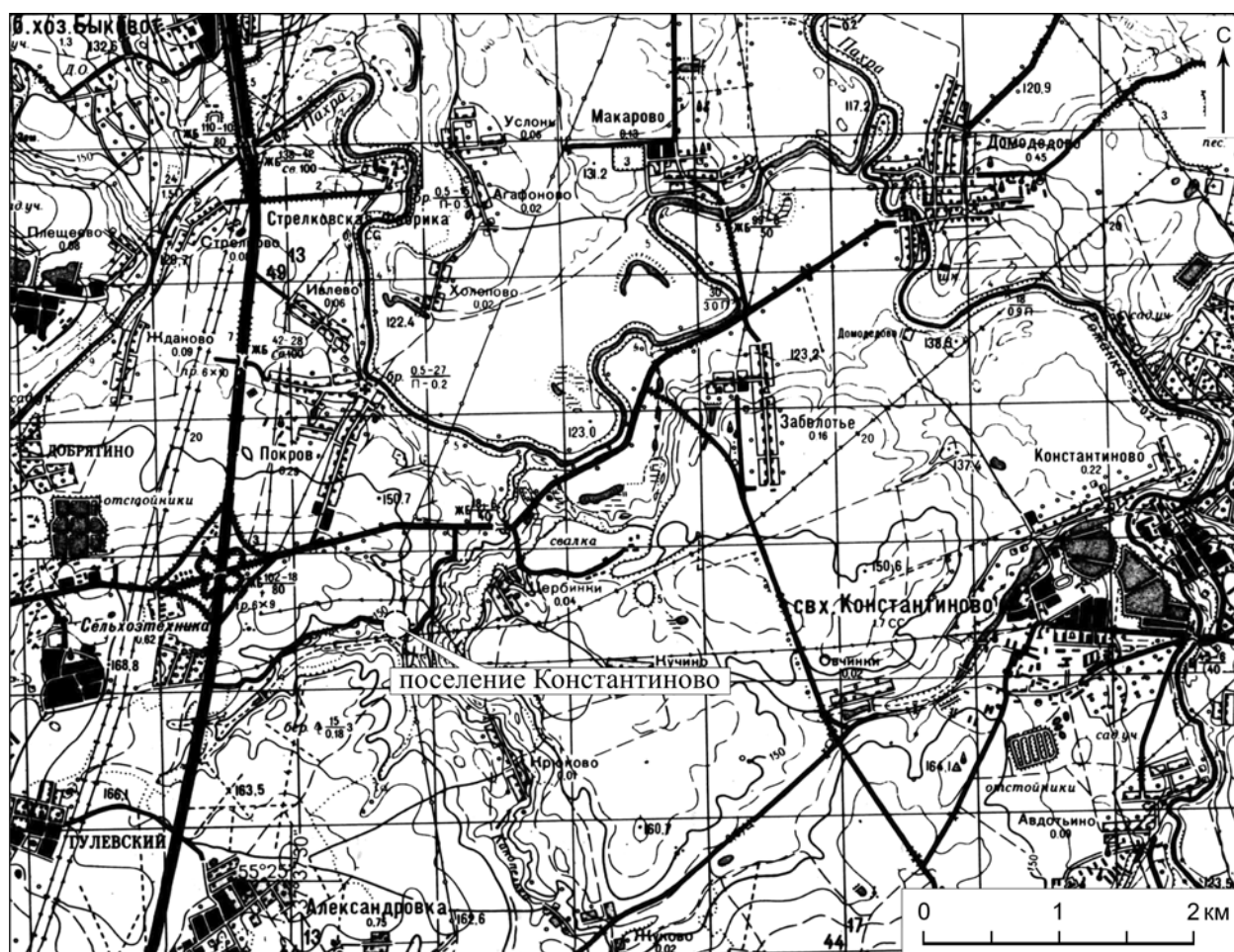

Рис. 1. Московская область, Подольский район. Ситуационный план расположения поселения Константиново

женный темно-серым суглинком с вкраплениями пещины и угля. Вдоль стенок котлована постройки, в ее северо-западном и северо-восточном углах, вдоль южной стенки залегал серо-коричневый углистый суглинок с вкраплениями пещины. Вдоль восточной стенки котлована прослежен серо-желтый суглинок.

Три столбовые ямы (№ 1–3) диаметром 0,25–0,3 м и глубиной от 0,07 до 0,37 м были врезаны в заполнение постройки 1. Заполнение этих ям – темно-серый суглинок с включениями обломков известняка.

Стратиграфия заполнения постройки 1 включала 10 слоев с несколькими линзами и прослойками (рис. 3). Верхняя часть заполнения (слой 1) – темно-серый суглинок, мощностью 0,25–0,27 м, включавший линзу светло-серого суглинка. От нижележащего слоя 2 (коричнево-оранжевая глина) он отделен прослойкой серо-коричневого суглинка толщиной 0,02–0,05 м, а также линзами угля и коричнево-оранжевой глины мощностью 0,03–0,10 м. Ниже слоя 2 залегал темно-серый суглинок с вкраплениями углей, пещины и крупных кусков известняка (от завала каменной кладки стен) – слой 3, мощность которого достигала 0,4 м в восточной части, постепенно уменьшаясь к центру и западу до 0,14–0,24 м. В центральной и восточной части он включал несколько линз коричнево-оранжевой глины.

Под слоем 3, в восточной части постройки 1 вдоль стены залегал слой 4 (серо-желтый суглинок с включениями известняка) мощностью от 0,32 до 0,44 м. В центре котлована залегал слой 5 – серо-коричневый суглинок с вкраплениями углей и пещины. Его мощность в центральной части составила 0,22 м, увеличиваясь к краям до 0,55–0,76 м. В центральной части постройки между слоями 3 и 5 залегал слой 6 – серый углистый суглинок с вкраплениями пещины и известняка толщиной 0,22–0,32 м. В свою очередь, включавший прослойку светло-серого суглинка с углем и пещиной, толщиной 0,04–0,06 м.

Слой 7 – светло-серый суглинок – залегал в восточной части постройки 1, распространяясь вдоль ее стенки в виде двухслойных затеков. Мощность верхней прослойки составила 0,08–0,10 м, нижней – 0,12–0,3 м.

Слой 8 – серый суглинок с вкраплениями желтой глины и угольков, залегал по периметру постройки 1, на расстоянии 0,10–0,14 м от западной стенки и 0,54 м от восточной. Этот слой включал в себя остатки каменной кладки стенок постройки. В западной части котлована слой 8 лежал на материке, в восточной части – на слое желтой глины (слое 10).

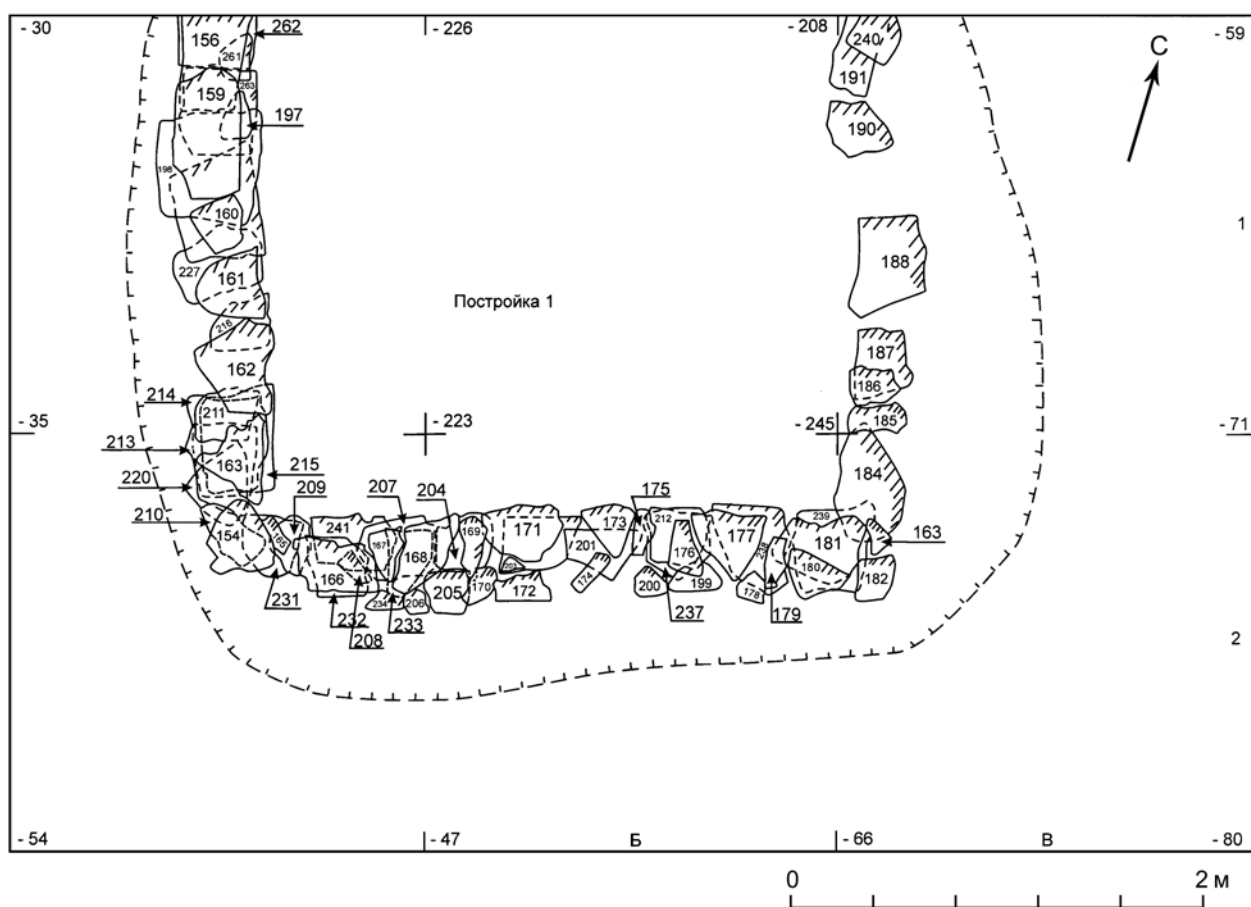

Рис. 4. Каменная кладка стен в заполнении постройки 1 (условн. обозн. см. рис. 2)

Яма 13 овальной в плане формы, слегка вытянутая по линии СЗ – ЮВ, располагалась в юго-восточном углу котлована. Размеры верхней части 1,04 x 1,26 м, дно сужается до 0,90 x 1,02 м, повторяя форму верхнего контура. Стенки ямы наклонные, с резким переходом в плоское дно. Заполнение – серо-желтый суглинок, с линзой серого суглинка с вкраплениями пещины, толщиной 0,08 м.

Исходя из конструктивных особенностей постройки 1, ее можно интерпретировать как остатки погреба-ледника с хозяйственными ямами.

Прослежено два этапа существования постройки. Котлован на первом этапе имел ширину около 3,6 м. Стены и пол были земляными (следов каких-либо конструкций не зафиксировано). У восточной стенки в полу была выкопана яма (№ 13). На втором этапе, после ремонта и перестройки, котлован несколько расширился к югу и западу. Глубина постройки уменьшилась на 30–40 см за счет засыпки материковым грунтом (оползень края стены или специально засыпанный и утрамбованный грунт). После этого из белого плитчатого известняка и кусков валунного кремня были сложены стенки сооружения, кладка которого производилась насухо, без использования скрепляющего раствора, путем тщательной подборки и подгона камней. Затем пространство между стенками котлована и каменной кладкой в некоторых

местах (в частности, у западной стенки) было заполнено красно-оранжевой глиной, вклинившейся также в щели между камнями. Данная конструкция имела хорошие гидроизоляционные свойства и препятствовала проникновению влаги в погреб-хранилище, а также предотвращала возможные осыпания стенок котлована. Затем в дне постройки были устроены ямы (для хранения продуктов?). Пол в сооружении, вероятно, был дощатый, о чем косвенно свидетельствуют горизонтально расположенные прослойки горелого дерева на дне. Верхняя, наземная, часть постройки не сохранилась. Судя по этнографическим данным, подобные хозяйственные постройки могли иметь над поверхностью земли стенки каркасно-столбовой или срубной конструкции, возвышавшиеся над землей на небольшую высоту. Размеры этой конструкции несколько превышали контуры котлована. Перекрытие обычно реконструируют в виде деревянной двускатной крыши, которую могли накрывать слоем глины и дерна (Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 90, 8; 103). Вниз спускались по деревянной приставной лестнице.

Камень (известняк) для сооружения исследуемой постройки брался на обнажениях по берегам р. Пахры. Ближайшие из известных каменоломен находились в XIV–XVIII вв. у деревень Кольчево, Новленское или Добрятино на правом берегу р. Пахра в До-

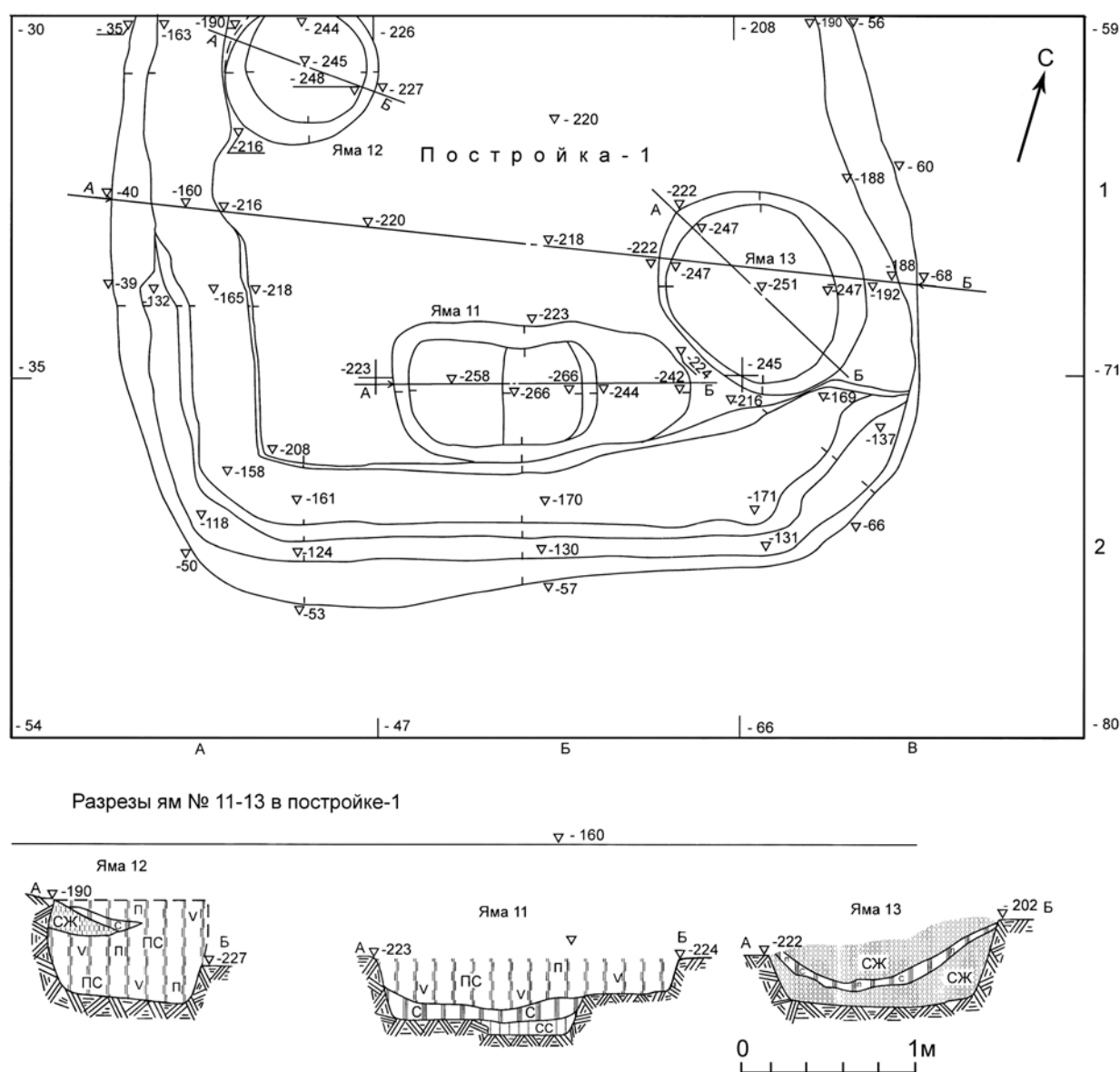

Рис. 5. План постройки 1 после выборки заполнения и разрезы ям № 11–13 (условн. обозн. см. рис. 2)

модедовском районе Московской области (АКР. 1994. С. 76–77, 81).

Массовый керамический материал из культурного слоя и археологических объектов, изученных на раскопе, представлен 1492 обломками круговых сосудов. Керамика, происходящая из культурного слоя поселения, сильно измельчена из-за многолетней распашки, что не позволило определить размеры и пропорции сосудов. Из заполнения постройки 1 происходят развалы как минимум пяти сосудов, для которых удалось графически восстановить половину и более их первоначального объема (рис. 6). Они представлены сосудами трех типов, изготовленных методом спирально-ленточного налепа на медленно вращавшемся ручном гончарном круге (определено по характерным слабо заглаженным следам спайки лент на внутренней поверхности сосудов).

К первому типу относятся два горшка с шаровидной формой тулова (верхняя часть во всех случаях утрачена), стенками толщиной 0,5–0,8 см, плоско-вогнутыми днищами со следами песчаной подсыпки, диаметрами 11,0 и 11,5 см (рис. 6, 1–2). Сосуды изготовлены из беложгущихся сортов глин, в тесте содержатся примеси песка, небольшие включения дресвы и органики. Обжиг верхней части сосудов равномерный, однослойный, в придонной части – трехслойный. Датируются по многочисленным московским аналогиям XVI в.

К другому типу относились два сосуда с усеченно-конической формой тулова, изготовленные из ожелезненной глины, обжиг трехслойный, поверхность серо-коричневого цвета, в тесте содержится примесь песка. Диаметр дна одного из них 10 см, на нем имеются следы подсыпки золы (?) и отпечаток

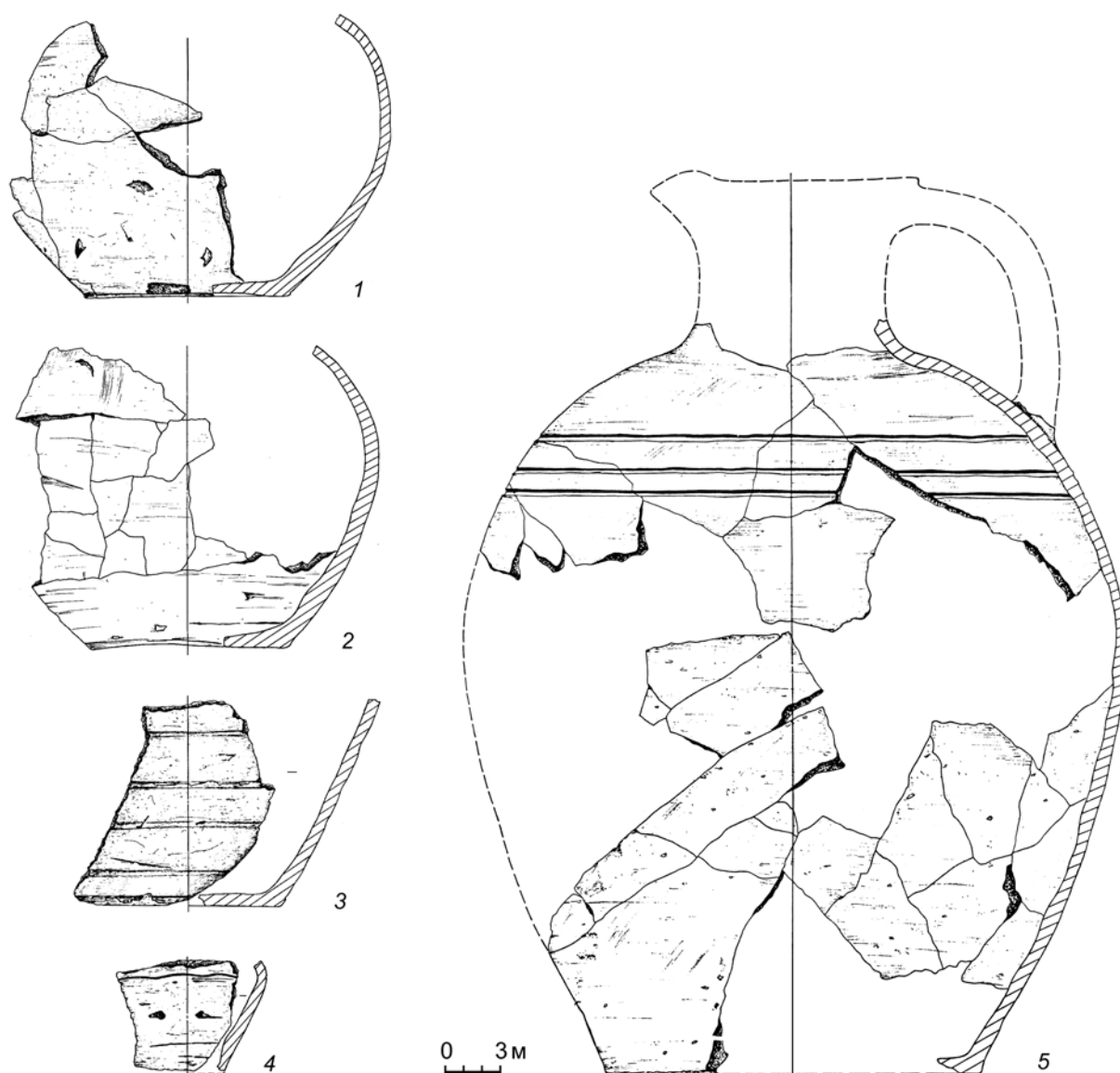

Рис. 6. Керамический материал из заполнения постройки 1

1–2 – фрагменты горшков из беложгущихся глин с примесью песка; 3 – обломок горшка из красножгущихся глин с примесью песка; 4 – обломок горшка из красножгущихся глин с примесью мелкой дресвы и песка; 5 – фрагмент кувшина из светложгущихся глин с примесью песка

гончарного клейма (затерто) в виде какой-то круговой композиции (рис. 6, 3). Второй сосуд относился к числу миниатюрных, в тесте имеются примеси крупного песка и органики. Плечики сосуда украшены одинарной слабоволнистой линией (рис. 6, 4). По своим морфологическим признакам он относится к числу наиболее ранних в данной коллекции и может быть датирован концом XV – XVI в.

Третий тип сосудов представлен кувшином вытянутых пропорций (рис. 6, 5). Горло, днище и ручка (имеются следы ее крепления на плечике сосуда) утрачены. Высота сохранившейся части 32 см, диаметр дна около 16 см, диаметр горла около 8 см. Толщина стенок 0,4–0,7 см, внутренняя поверхность неровная, в тесте содержатся примеси крупного и

среднего песка, органики. На дне сохранились следы песчаной подсыпки. Датируется XVI–XVII вв.

Основываясь на обнаруженных в заполнении постройки 1 археологических находках, время существования данного объекта (с возможным ремонтом или перестройкой) можно отнести к XVI в.

Набор керамики в раскопе отличается разнообразием. Красноглиняная посуда представлена в основном обломками горшков с вертикальным или слабо отогнутым наружу венчиком с подтреугольным наплывом внутрь (рис. 7, 1–4). Стенки украшены линейным и волнистым орнаментом (рис. 7, 5–9). В тесте отмечены примеси песка, кварцитов, иногда мелкой дресвы и органики. Такая посуда имеет хронологические рамки бытования XIV–XVI вв. (Бойцов, 1991.

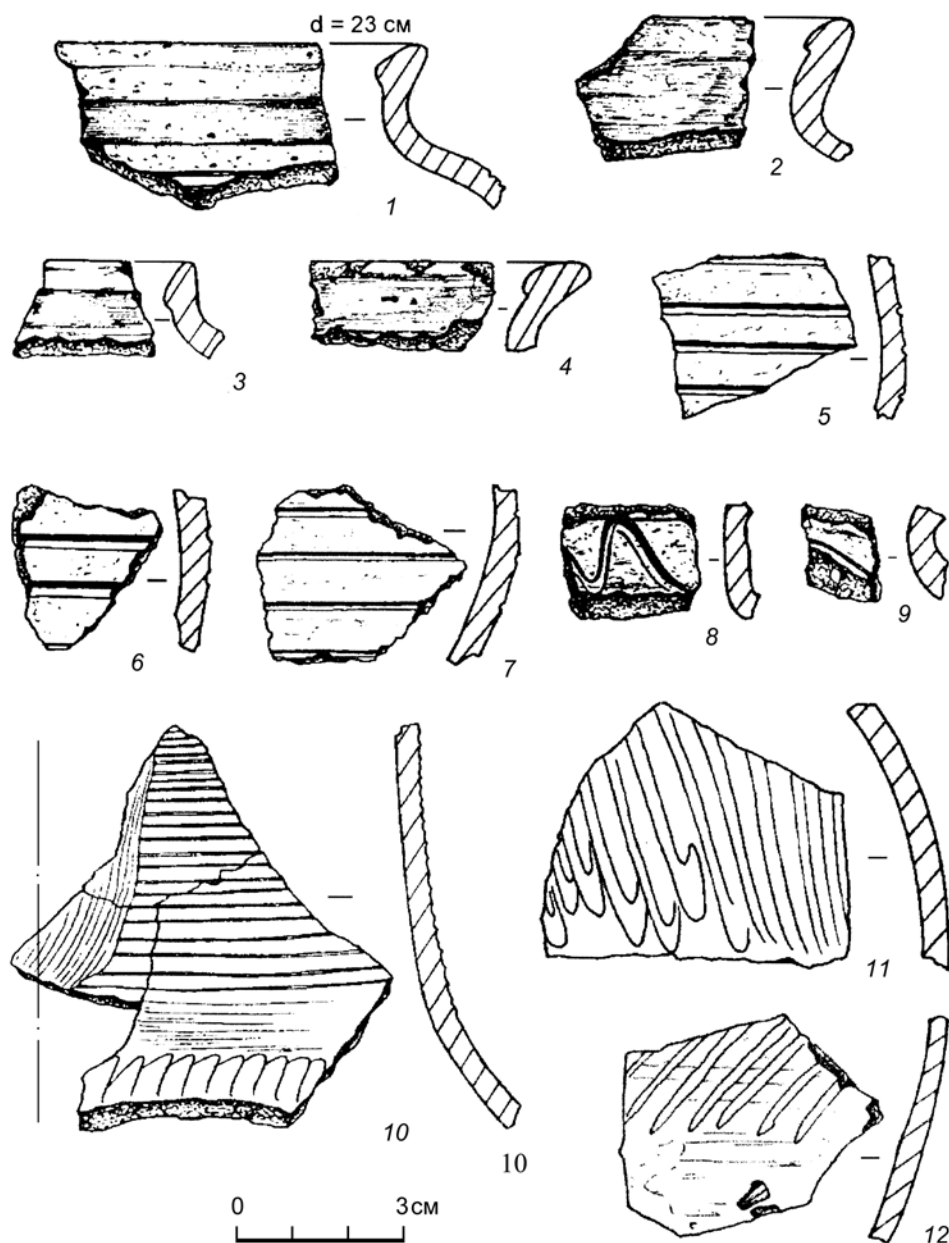

Рис. 7. Керамический материал из заполнения постройки 1

1–4 – венчики горшков из красножгущихся глин с примесью мелкой дресвы и песка; 5–9 – стенки горшков из красножгущихся глин с примесью мелкой дресвы и песка; 10–12 – обломки краснолощенных кувшинов

Рис. 1). Имеются также несколько обломков красноглиняных кувшинов с линейным и накольчатым орнаментом на шейке, в ряде случаев украшенных вертикальным и зигзагообразным лощением (рис. 7, 10–12). Подобная посуда имела распространение в XIV–XVI вв. (Чернов, 1991. С. 30).

Белоглиняная керамика в основной своей массе представлена обломками горшков, в т. ч. мореных (с черным цветом внешней поверхности). Примеси в тесте незначительные (мелкий песок или кварциты), обжиг ровный, однослойный. На некоторых сосудах хорошо заметны следы изготовления линейно-ленточным налепом. Донца сосудов плоские, в ряде случаев имеются следы песчаной подсыпки. Венчи-

ки короткие прямые или загнутые вовнутрь, с внутренней стороны имеется массивный наплыв. Как правило, шейка сосудов украшена многорядным линейным орнаментом из тонко прочерченных линий, нанесенных лезвием ножа. Такой орнамент и форма венчика является определяющим признаком для выделения белоглиняной гладкой посуды XVI–XVII вв. (Чернов, 1991. С. 54), однако профилировка венчиков из постройки 1 (рис. 8, 1–5) характерна именно для коломенской белоглиняной керамики XVI в. (Коваль, 2001. Рис. 1 2005. Рис. 4). Встречены также обломки белоглиняных кувшинов.

В коллекции имеется также несколько обломков серолощенной посуды XVII–XVIII вв. и поздней

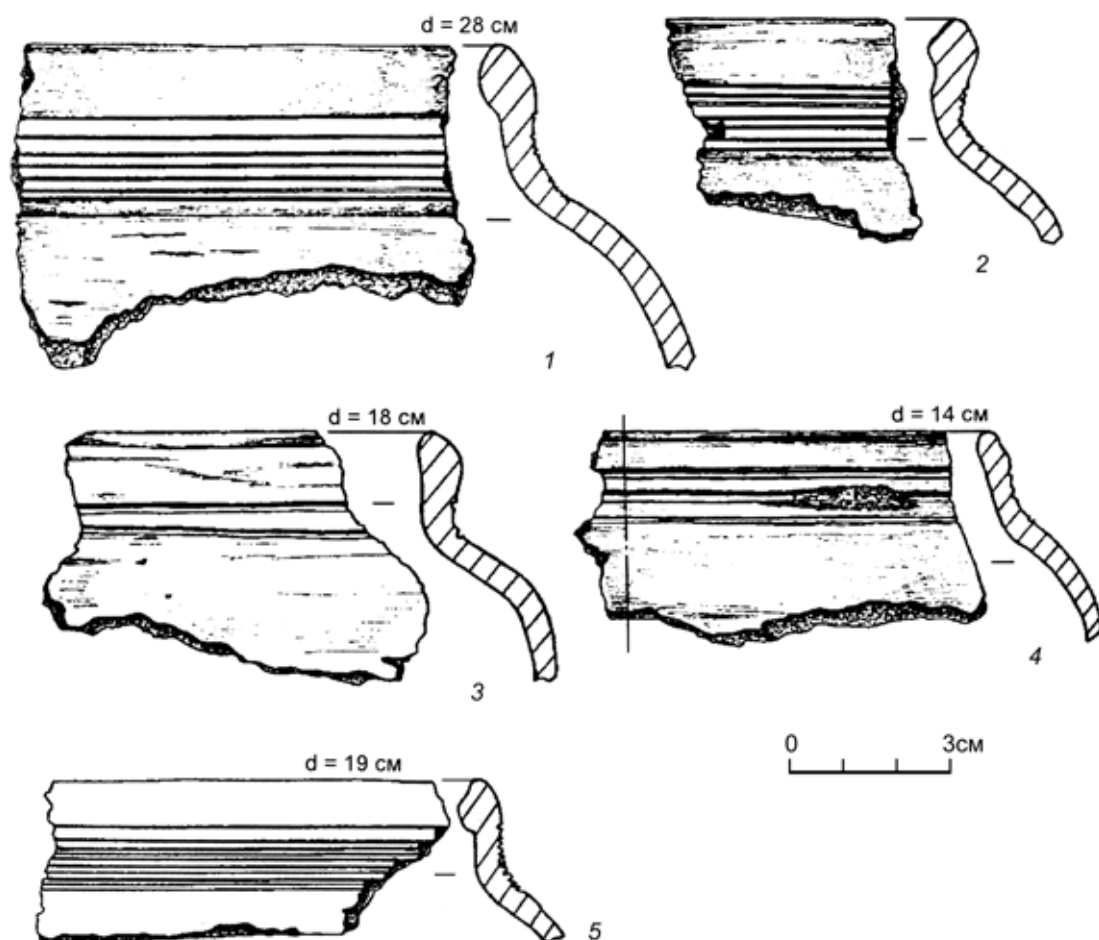

Рис. 8. Керамический материал из заполнения постройки 1 (венчики горшков из беложгущихся глин без примесей)

красноглиняной керамики XVIII–XIX вв., у которой внутренняя поверхность черепков покрыта зеленой или коричневой поливой. Эти образцы попали в грунт, вероятно, уже после прекращения существования селища.

Коллекция индивидуальных находок из раскопа представлена 24 экземплярами (рис. 9–12). Из них три происходят из культурного слоя, по одной – из ямы 3 и канавки 2, остальные – из заполнения постройки 1.

Наиболее многочисленная категория находок – изделия из железа. Ножи (5 экз.) имели лезвия шириной 1,0–2,5 см, толщина спинки 0,4–0,6 см. Два ножа имели пластинчатые деревянные рукояти с металлическими заклепками (рис. 12, 22–23). Из четырех кованых гвоздей три были подковные (так называемые ухнали), с плоской шляпкой и четырехугольным в сечении стержнем, и один – строительно-крепежный. Найдены также обломок серпа (рис. 9, 5) и конская подкова (рис. 10, 14) с одним передним шипом, имеющая широкие рамки бытования (Киртичников, 1976. С. 83–84). Помимо этого, найдено еще девять железных предметов различной формы и конфигурации, определить назначе-

ние и датировку которых невозможно из-за плохой сохранности в результате сильной коррозии металла.

Интересна находка трех кусков железного шлака (один из них имел крупные размеры), которые могут косвенно указывать на наличие железоделательного производства на поселении или в его ближайшей округе.

К изделиям из камня относятся два предмета, изготовленные из кремня светло-коричневого цвета – пластина с ретушью (рис. 11, 20) и отщеп (рис. 11, 21). Их находки свидетельствуют о посещении людьми изучаемой территории в эпоху неолита-бронзы (следует отметить, что других находок или объектов этого периода в раскопе не обнаружено). Еще одним каменным изделием является обломок прямоугольного точильного бруска, изготовленного из серо-коричневого песчаника (рис. 9, 2).

Помимо вещевых находок, на поселении собрана коллекция остеологического материала, включавшая 51 фрагмент костей животных (из них 48 экз. происходило из заполнения постройки 1)¹. Пригодными для определения видового состава являлись 20 фраг-

¹ Анализ этого материала выполнен к.и.н. А.А. Чубуром.

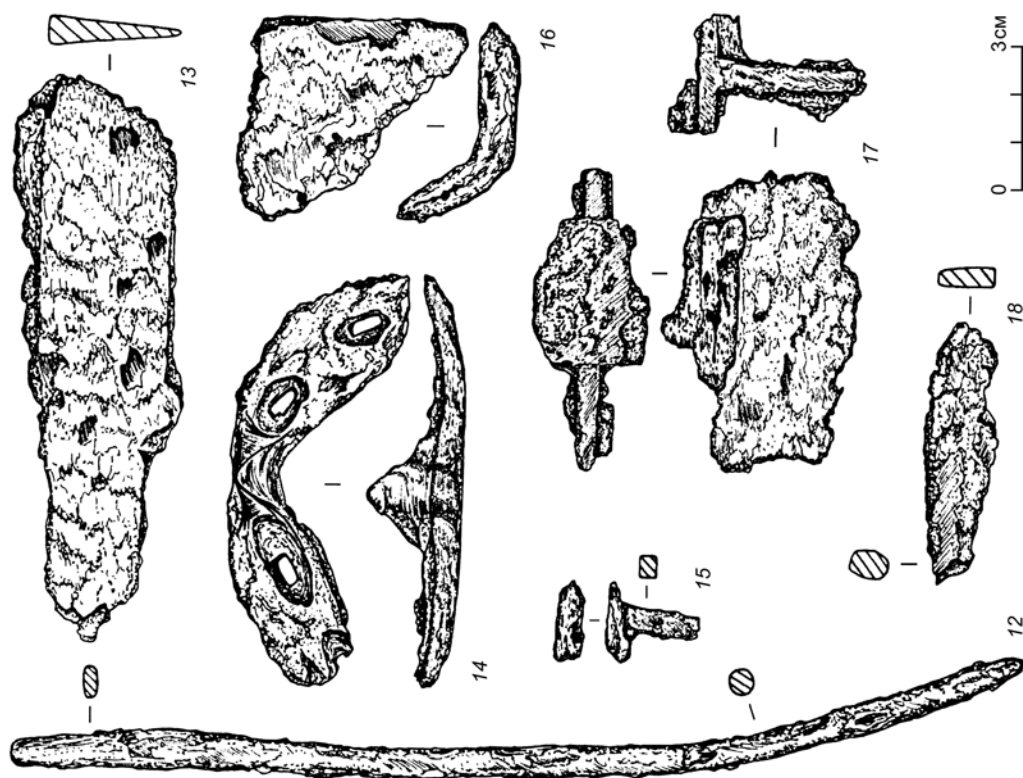

Рис. 10. Железные изделия из постройки 1 (указаны номера по описи)
 № 12, 16–18 – фрагменты изделий; № 13 – обломок ножа;
 № 14 – обломок конской подковы; № 15 – гвоздь подковный

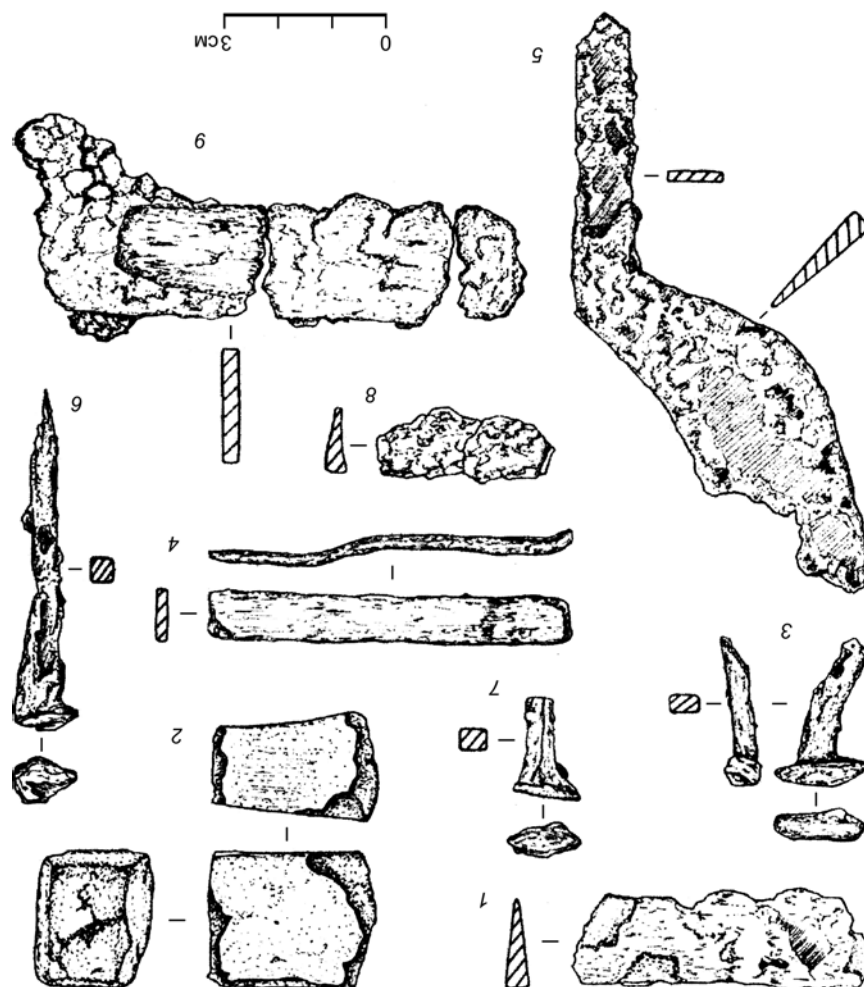

Рис. 9. Вещевые находки из пахотного слоя (1–6) и постройки 1 (7–9)

1 – обломок лезвия ножа; 2 – фрагмент точильного бруска; 3 – гвоздь подковный; 4 – обломок пластины; 5 – обломок серпа; 6–7 – гвозди кованые; 8–9 – обломки изделий; (1, 3–9 – железо; 2 – камень)

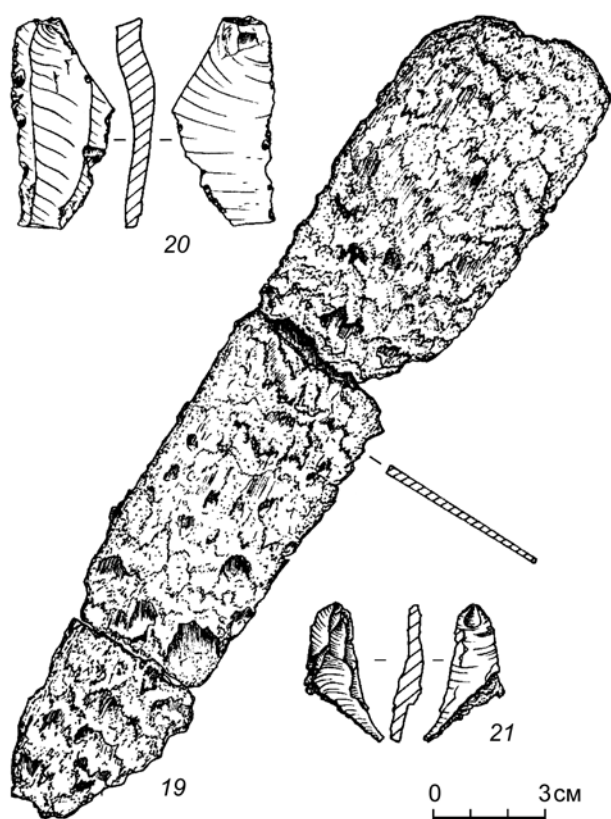

Рис. 11. Вещевые находки из постройки 1 (19–20) и ямы 6 (21)

19 – фрагмент изделия; 20 – пластина с ретушью; 21 – пластинчатый отщеп. (19 – железо; 20–21 – кремнь)

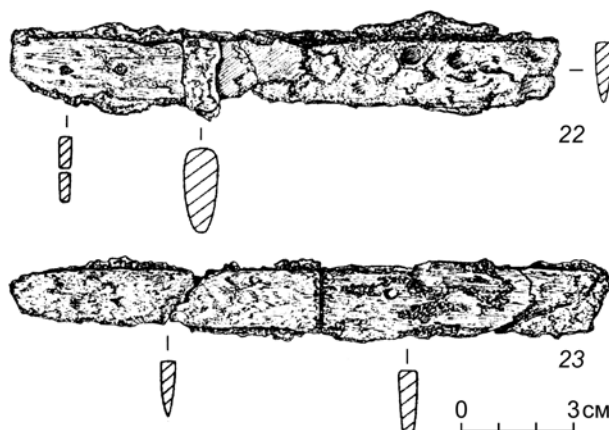

Рис. 12. Обломки железных ножей из постройки 1 (указаны номера по описи)

ментов. Из них два принадлежали домашней птице, один – крупному рогатому скоту (вероятнее всего корове), 12 костей – мелкому рогатому скоту (козы, овцы), четыре – свинье и одна кость – оленю.

Таким образом, раскопом был исследован участок средневекового сельского поселения с хозяйственным сооружением – погребом-ледником и столбовыми ямами, вероятно, от ограды усадьбы. Полученные материалы позволяют датировать время существования исследованных в пределах раскопа объектов, а также в целом поселения Константиново XIV–XVI вв.

Литература

- АКР. Московская область. Ч. 1. М., 1994.
 Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК.
 Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
 Кирпичников А.Н., 1976. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л. (САИ. Вып. Е 1-36).
 Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула.

Миненко В.В., 2000. Отчет об охранных археологических раскопках поселений Александровка и Константиново в Подольском районе Московской области в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27117.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV – XVI вв. // МК.

V.V. Minenko

Research on settlement Konstantinovo in Podolsk district of the Moscow region

Summary

The article describes results of excavations of a settlement (the 14th – the 16th cc.) to the south from Moscow. There were studied the remains of a building of the 16th c.

recessed in a mainland. The walls were strengthened with masonry of uncut stone (limestone and flint) without binder. The building could be used as a cellar-glacier.

О.Л. Прошкин

Исследования на территории бывшей Калужской крепости

Калужская позднесредневековая крепость располагалась в южной части города, на левом берегу р. Оки, между Березуевским и Городенским оврагами. Городенский овраг был засыпан в 1770-е годы, после утверждения генерального плана застройки центра города. Территория между оврагами с северной стороны защищалась земляными укреплениями, остатки которых частично были видны еще в XVIII в. По мнению М.В. Фехнер, возведение в данном месте крепости было связано с переносом города с «Симеонова городища» (левый берег р. Яченки) на берег р. Оки. Это диктовалось условиями создания оборонительных рубежей Московского государства, начатого еще в XV в. (Фехнер, 1971. С. 16).

П. Шепетов-Самгин в середине XIX в. и П.Ф. Трейтер в конце того же столетия на основе сохранившихся документов XVII в. составили и опубликовали планы и описания калужской крепости («кремля»). Основой этого исследования послужила, в первую очередь, опись Калуги 1685 г., составленная писцом Иваном Полуэктовым. «По описи Полуехтова в Калуге была деревянная крепость о 12 деревянных башнях, имевшая в окружности 734 $\frac{1}{2}$, а без башен 685 сажень, и кругом обнесенная на 1 версту 230 сажень валом. Вышина деревянных стен простиралась снаружи на 3, а изнутри на 2 $\frac{1}{2}$ сажени». Далее П. Шепетов-Самгин дает описание места расположения крепости, ее стен, башен и построек, располагавшихся внутри (Шепетов-Самгин, 1863. С. 86–89). В конце XVII в. крепость сгорела, «кроме одной проезжей башни, Ильинской...» и более не восстанавливалась. «Крепость эта, надо думать, была выстроена на месте выдержавшей осаду Сагайдачного и сгоревшей в 1622 г. старой крепости», – писал П.Ф. Трейтер, приведший также план расположения стен и башен крепости с их размерами и другими данными (Трейтер, 1900. С. 9–30) (рис. 1).

Краевед Д. Малинин также приводит ряд ценных сообщений по истории калужской крепости. Например, описание Калуги 1626 г. писцом Вл. Плещеевым. «В Калуге в это время был уже “город” – крепость, в котором было 4 церкви: 1) Троицкий собор, 2) Преображенская – “пуст, строенья нет ничего”,

3) Алексея митрополита – “древян, клетушки”, 4) Никольская» (Малинин, 1992. С. 38).

В 1770-х годах на этом месте был устроен городской сад, в будущем ставший городским парком. Парк и в настоящее время представляет большой интерес как объект садово-паркового искусства XIX столетия. (Зорин, 2009). Площадь территории памятника – 7,17 га. Вероятно, площадь крепости была немного больше, примерно 9–10 га (рис. 2). Вот так описывал сад Д.И. Малинин в путеводителе 1912 г.: «Главная аллея тянется почти на 100 сажень и заканчивается асфальтовой площадкой на высоком берегу Оки.

...Отсюда открывается чудесный вид на Оку и на три стороны вдаль. Прежде всего попадают в поле зрения два села за рекой – Ромодановское и Покровское...

Близ площадки стоит “царская беседка”, перенесенная отсюда с площади от вокзала... В саду имеется асфальтовая площадка для игр для детей, ресторан “Кукушка”, построенный в русском стиле, две эстрады для музыкантов, фонтан, цветники и летний театр. Сад обнесен лет десять назад железной решеткой и освещается электричеством. Публика в дни гуляний планирует исключительно почти по главной аллее, которая бывает тогда заполнена толпой, а остальные пустуют. Наиболее привлекательным местечком в саду является с правой стороны от входа круг, обсаженный елочками, и уставленный диванами, в центре которого стоит старина – раскидистый серебристый тополь, увешанный электрическими лампочками» (Малинин, 1992. С. 98–99).

В 1935 г., при проведении земляных работ на ул. Баженова (северная граница парка), были обнаружены остатки деревянных конструкций, вероятно, от стен крепости, подтверждающие сделанные ранее описания (АКР, 2006. С. 62. № 9) (рис. 3).

В 1994 г. и в 2001 г. на территории парка и левом берегу Березуевского оврага проводились археологические исследования разведочного характера. Целью их являлось выявление культурного слоя, изучение его стратиграфии и хронологии. В результате работ были заложены пять шурфов (размеры 1,00 x 1,00 м и 1,35 x 1,35 м), выявивших мощность культурного слоя – от 1,26 м до 1,55 м. Культурный

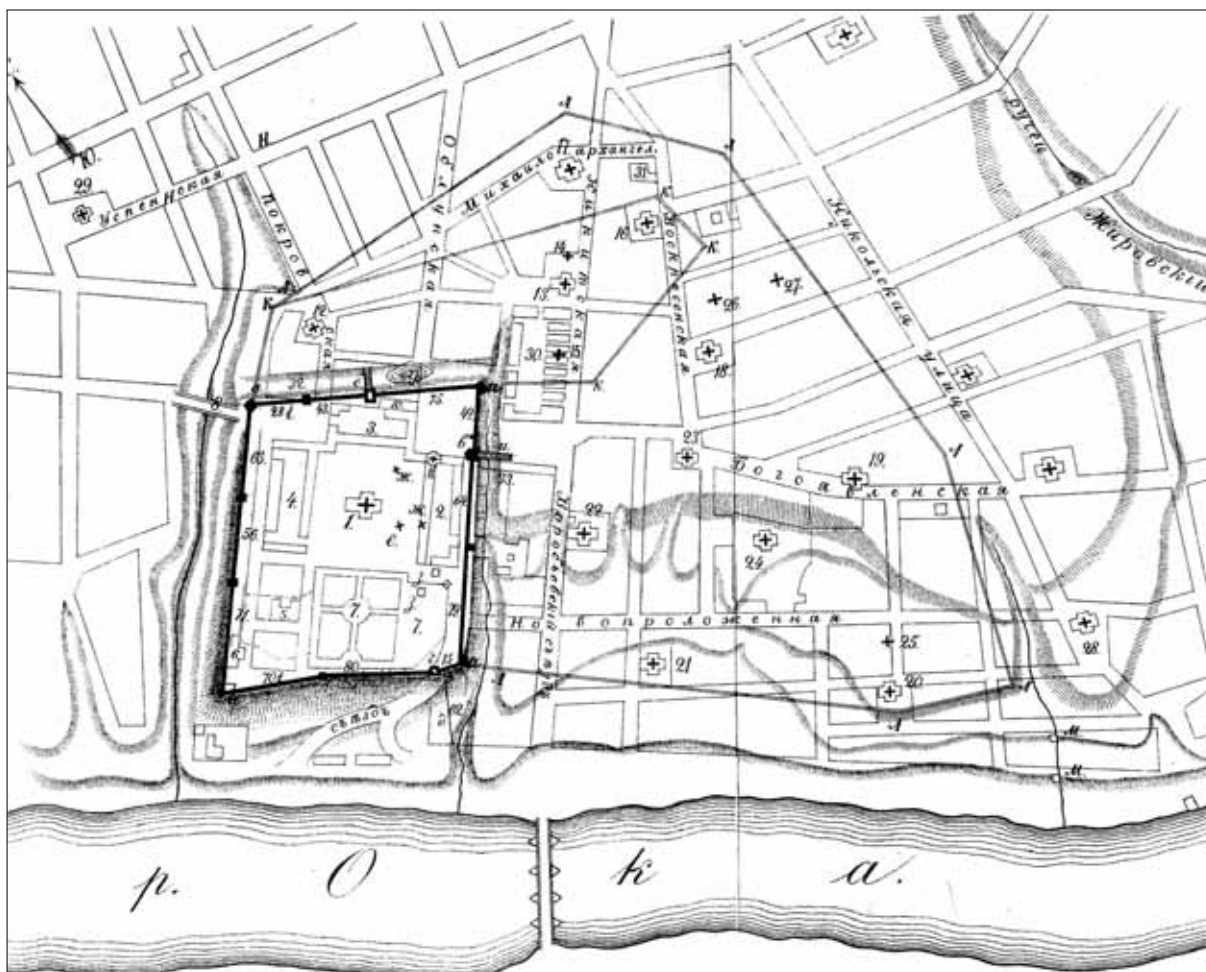

Рис. 1. План прибрежной части Калуги конца XVII в. с расположением крепости. Реконструкция П. Трейтера (1900)

слой был сильно переотложен в результате строительной деятельности конца XVIII – XIX в. и содержал обломки и части круговых сосудов XVI–XIX вв., железные шлаки. Большой интерес в связи с этим представляет обломок груболепного коричневоглиняного сосуда из нижнего слоя (супесь серая) шурфа № 1 (Болдин, 1995а; Грудинкин, 2002. С. 3–4). На основании полученных материалов, был сделан предварительный вывод о том, что данная территория, как часть города, начала застраиваться не ранее XVI в. (Болдин, 1995б. С. 70; Болдин, Зарубина, 1997. С. 17).

В настоящее время территория городского парка (ГПКиО) и бывшей калужской крепости ограничена с северо-востока ул. Баженова, с северо-запада – ул. К. Маркса, с юго-востока – ул. Набережная, а с юго-запада – р. Окой. По левому берегу Березуевского оврага располагаются строения ул. К. Маркса, а Городенский овраг был засыпан в 1770-е годы, после утверждения генерального плана застройки центра города. В настоящее время здесь проходит ул. Набережная (рис. 4).

В 2010 г. в процессе проведения земляных работ по благоустройству территории парка проводился археологический надзор, направленный на обследование (рис. 5):

- поверхности культурных отложений и сбор подъемного материала на отдельных участках, где строителями была проведена срезка грунта на глубину 0,2–0,4 м от современной дневной поверхности;
- шести траншей глубиной до 1–1,2 м, проложенных строителями вдоль аллей, также в разных частях парка с зачисткой их отдельных профилей и выбором находок из отвалов.

Культурный слой на рассматриваемой территории зафиксирован как на отдельных участках (только его поверхность), так и в стенках строительных траншей. Мощность культурного слоя различная – от 0,2 м до 0,8 м и более (в заполнении ям). Лучше всего культурные напластования сохранились в северо-восточной части парка, в районе Троицкого собора (1786–1819 гг.), где их мощность составляет 0,4–0,7 м¹. Наиболее хорошо это отражает профиль зачистки

¹ Мощность культурного слоя дается только по обследованным при проведении ремонтно-строительных работ в 2010 г. участкам.

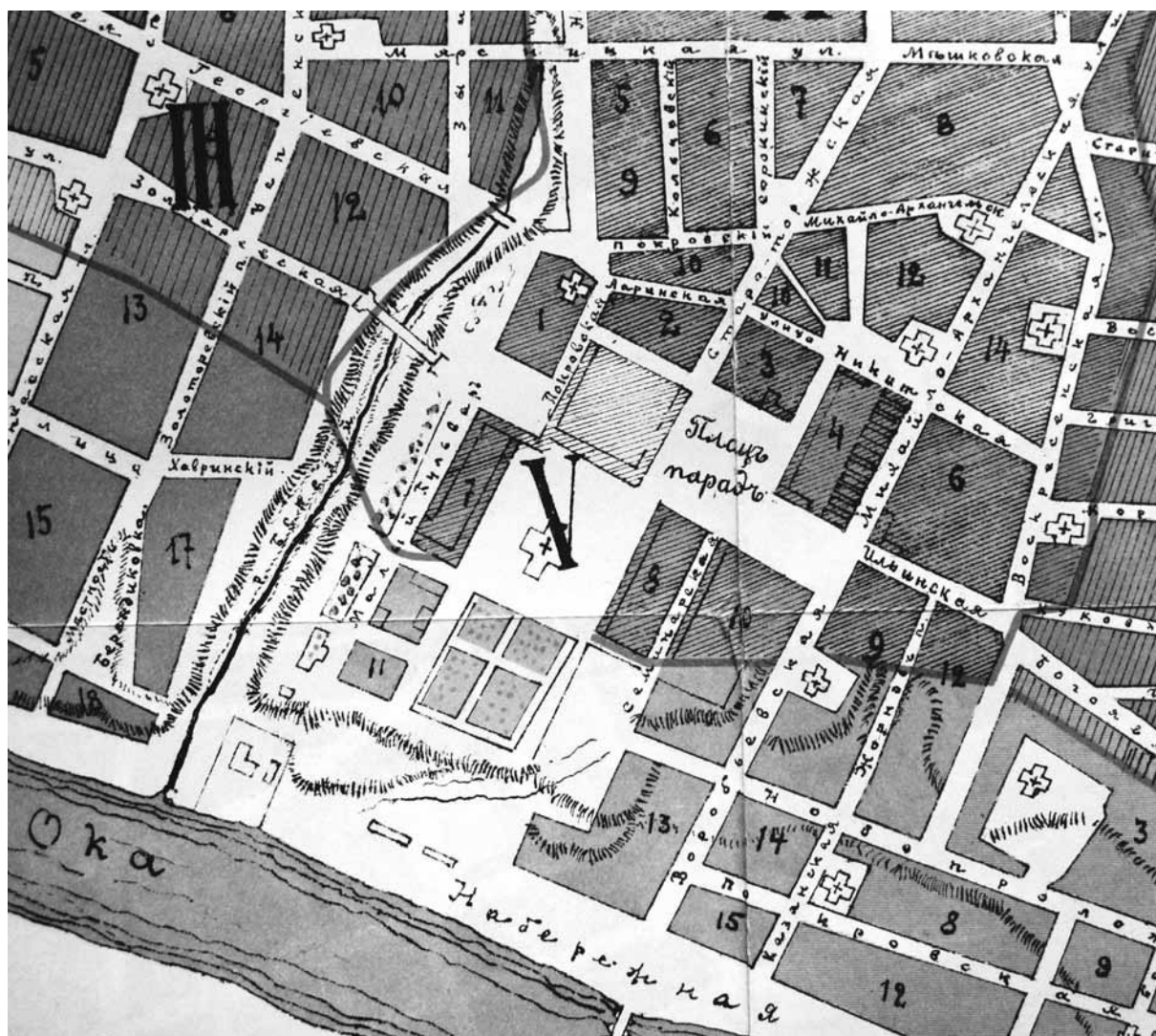

Рис. 2. Фрагмент плана Калуги 1833 г. с местоположением бывшей калужской крепости (фонды КОКМ, № Кп 9284/32)

культурного слоя, сделанный в 17 м к юго-западу от Троицкого собора (участок 1, профиль № 2), зафиксированный на протяжении трех метров. Стратиграфия его следующая (дается сверху вниз) (рис. 6):

- 1) дерн (толщина 2–18 см);
- 2) балласт (толщина 16–40 см);
- 3) суглинок серо-коричневый (толщина 28–40 см, переотложенная часть культурного слоя в результате строительства Троицкого собора);
- 4) суглинок темно-серый (толщина 9–15 см, культурный слой);
- 5) суглинок светло-серый – материк. Кроме того, в пределах зачистки, между слоями серо-коричневого и темно-серого суглинков находились углистые прослойки (толщина 2–4 см, сгоревшее дерево).

Из слоев серо-коричневого и темно-серого суглинков происходят находки 53 обломков круговых сосудов с поверхностью серого, коричневого и белого цвета, а также чернолощеных (с выложенным орнаментом в виде косой сетки) и мореных сосудов. На ряде обломков коричневоглиняных сосудов име-

ется линейный орнамент. В числе определяемых форм посуды – обломки горшков (рис. 6, 4–7) и кувшинов (рис. 6, 1). По морфологическим признакам верхних частей сосудов, на основании многочисленных аналогий их можно датировать в широких хронологических пределах – XV–XVIII вв. (до времени строительства собора). К ранним типам керамики следует отнести обломки верхних частей белоглиняных и «сероглиняных» горшков (рис. 6, 5, 6), имеющих хорошо датированные аналогии второй половины XIV – начала XV в. из Ростиславля (Коваль, 2004а. Рис. 10, 64). Венчик коричневоглиняного сосуда (рис. 6, 7) по своим морфологическим признакам близок профилировке верхних частей сосудов XV–XVI вв. из Москвы и Ростиславля Рязанского (Бойцов, 1991. Табл. 91, № 4077; Коваль, 2004а. Рис. 14, 79, 80). Профиль верхней части белоглиняного сосуда с прямо поставленным венчиком (рис. 6, 2) характерен для венчиков коломенских горшков второй половины XVII в. (Коваль, 2001. Рис. 3).

Центральная и юго-западная части территории парка отличаются не только наличием слабо выраженного

Рис. 3. Остатки деревянных конструкций, обнаруженных при земляных работах на ул. Баженова. Фото 1935 г. из фондов КОКМ

культурного слоя в сильно переотложенном состоянии (средняя толщина 0,2 м), но и его полным отсутствием на довольно значительных по площади участках, что видно по профилям стенок строительных траншей № 1 – № 5. В прибрежной части парка, наоборот, наблюдается увеличение мощности культурного слоя до 1,3–1,5 м (шурфы № 1, № 2 1995 г., шурф 2001 г. – рис. 5). Вероятно, это можно связать с результатом нивелировки этой территории при устройстве парка в последней четверти XVIII – XIX в.

Из отвалов траншей, в местах зачисток и фиксации их профилей собраны обломки горшков, крышек, кувшинов, мисок, относившихся к тем же типам керамики, что перечислены выше. Некоторые из них орнаментированы отпечатками штампа, ногтевыми вдавлениями и другими изображениями на поверхности (рис. 7). Керамика из культурного слоя по своим морфологическим и технологическим признакам относится к широкому хронологическому диапазону (XV–XX вв. и позже) и свидетельствует о том, что наиболее интенсивное его формирование началось в XVI–XVII вв. – в период существования крепости. Однако наиболее ранние формы венчиков могут быть отнесены к периоду XIV–XV вв. Например, верхние части белоглиняных большемерных горшков (рис. 7, 1, 14) по своим морфологическим особенностям сближаются с коломенской белоглиняной посудой конца XIV–XV вв. (Коваль, 2004б. С. 35–38. Рис. 51, 10; 55, 3). Другой горшок из культурного слоя (рис. 7, 5) по профилировке верхней части близок венчикам горшков второй половины XIV в. из Ростиславля Рязанского (Коваль, 2004а. Рис. 11, 66).

Остатки построек различного назначения, содержавших в заполнениях разнообразный керамический материал, зафиксированы в профилях строительных траншей в виде пяти ям. Наибольший интерес в этом отношении представляют остатки постройки, а точнее, ее углубленной части, зафиксированной в стенках траншеи № 1 в центральной части парка (рис. 8).

Длина углубленной части постройки по оси северо-запад – юго-восток в стенках траншеи составляла 5,6 м по ее верхнему краю, а ее глубина от уровня материковой поверхности достигала 0,9 м. В северо-западной части котлована постройки четко фиксируются уступы, обозначающие, вероятно, место входа (спуска) в ее углубленную часть (подвал, погреб). Между верхней частью заполнения ямы (темно-серым суглинком толщиной 6–42 см) и нижней ее частью (серым суглинком, смешанным с глиной, угольками, строительным мусором, толщиной 6–60 см) зафиксирована угольная прослойка толщиной 3–6 см. Из отвалов и зачистки данной части траншеи собрано 58 обломков круговых сосудов. На некоторых обломках стенок мореных сосудов имеется выложенный орнамент в виде параллельных линий (керамика найдена только в верхнем слое заполнения ямы – темно-сером суглинке). Это обломки, в основном бело- и коричневоглиняных сосудов (горшки, миска, крышки) (рис. 8, 1–4, 6–12), а также обломок верхней части мореного горшка с пятнами лощения на поверхности (рис. 8, 5) и часть чернлощенной ручки от кувшина (рис. 8, 13). Керамический материал от-

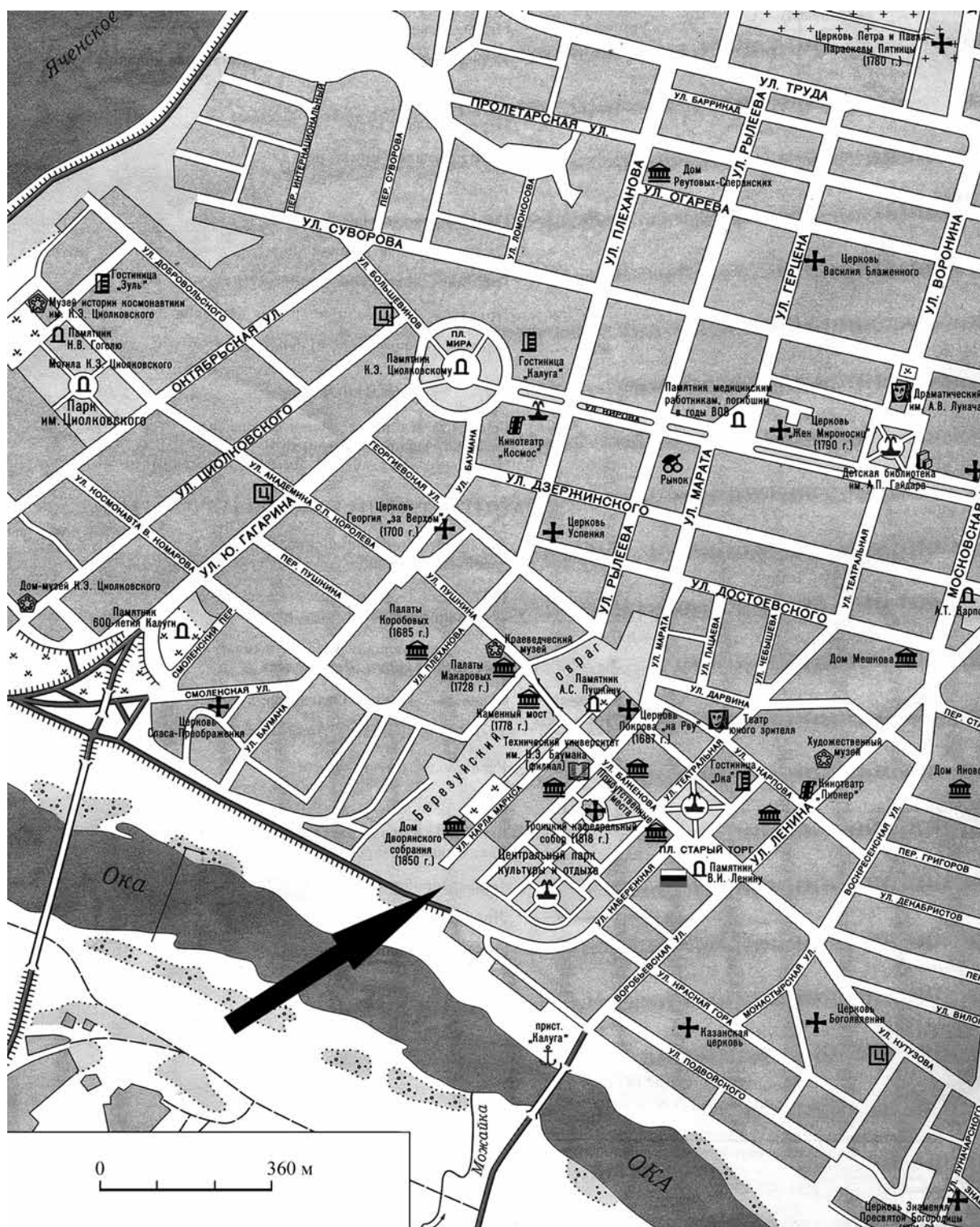

Рис. 4. Фрагмент плана Калуги 2007 г. Стрелкой указано место бывшей калужской крепости

носится к очень широкому хронологическому диапазону и свидетельствует о том, что верхний слой ямы переотложен. Не исключено также, что он является остатками сохранившегося на данном участке парка культурного слоя. К наиболее ранним следует отнести обломки венчиков белоглиняных горшков (рис. 8, 12),

анalogии которым мы усматриваем в материалах керамического комплекса конца XV – начала XVI в. из ямы № 1 раскопа у ц. Вознесения в Коломенском и в культурных отложениях Рыльского золотоордынской эпохи (Беляев, 1991. Табл. 109, 291; Вертошкин, 2005. С. 160–161. Рис. 3, б). Основная масса керамики

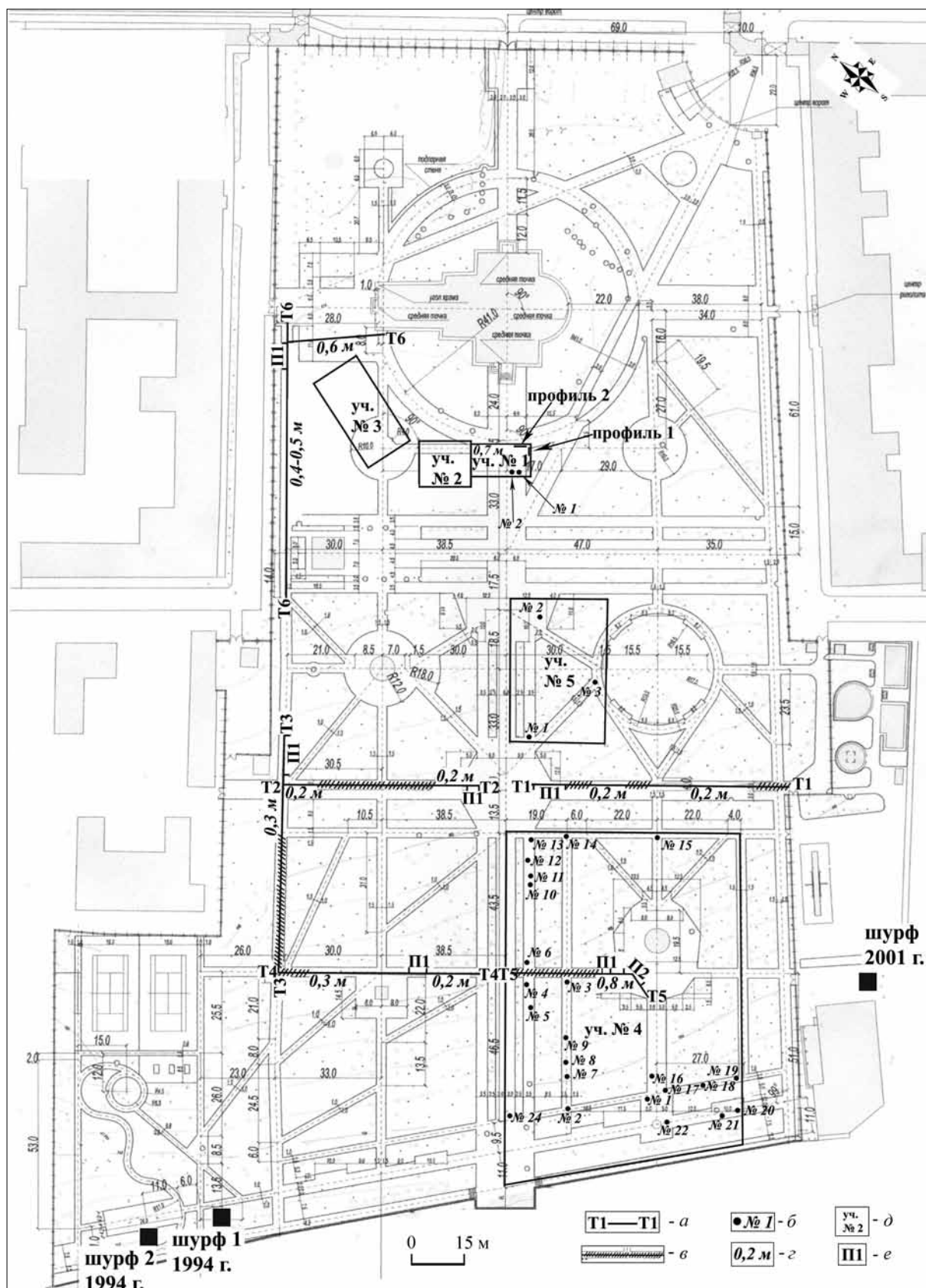
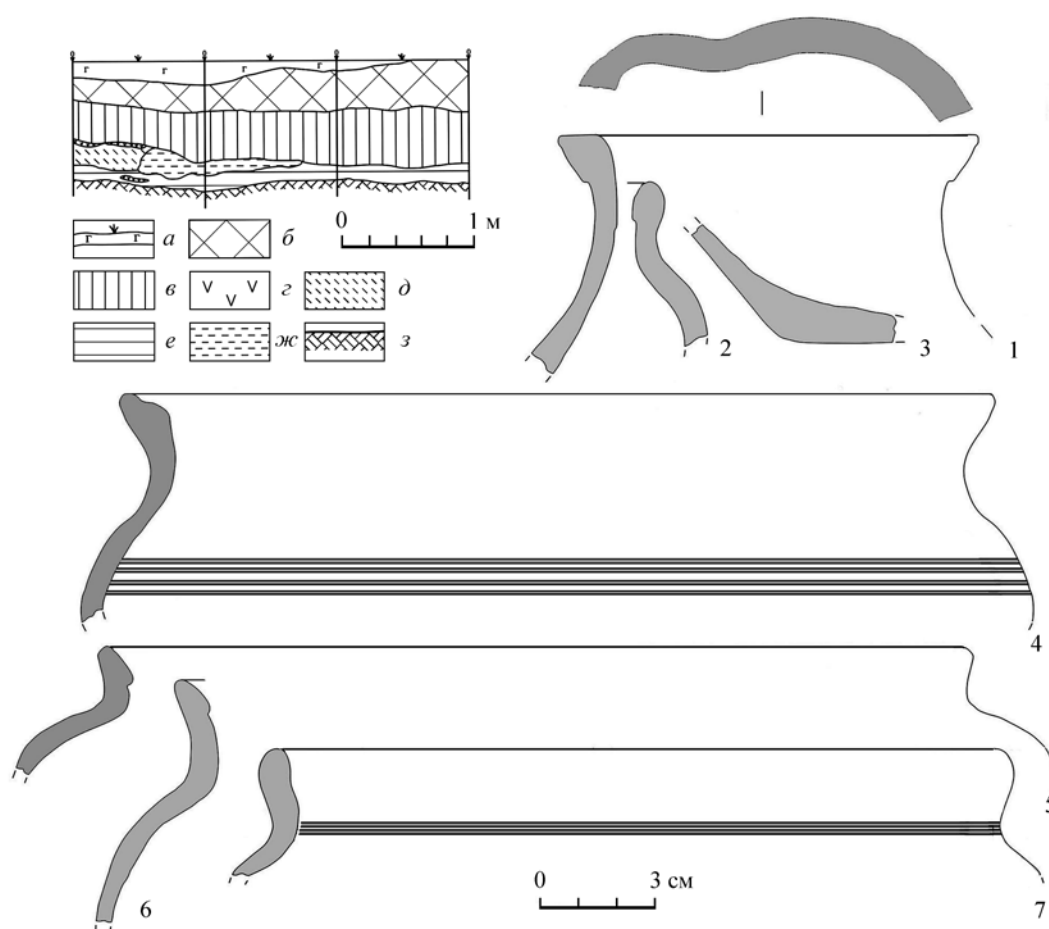

Рис. 5. План территории ГПКиО Калуги с объектами археологического исследования в 2010 г.
 а – траншея; б – участок траншеи без культурного слоя; в – индивидуальная находка;
 г – средняя мощность культурного слоя; д – участок сбора подъемного материала;
 е – место профиля стенки траншеи

Рис. 6. Участок 1. Профиль № 2. Обломки круговой посуды

а – дерн; *б* – балласт; *в* – супесь черная углистая; *г* – углистая прослойка; *д* – мешаный слой из песка и глины; *е* – суглинок темно-серый; *ж* – глина коричневая; *з* – материк. Керамика: 1, 3 – мореная; 2, 5 – белоглиняная; 4, 6, 7 – коричневоглиняная

датируется XVII–XIX вв. по многочисленным аналогиям из Дмитрова, Пскова, Калуги и других городов. (Панченко, 2008. С. 284. Табл. 2; Белецкий, 1983. Рис. 11, 9; фонды КОКМ, инв. Кп 11295/3).

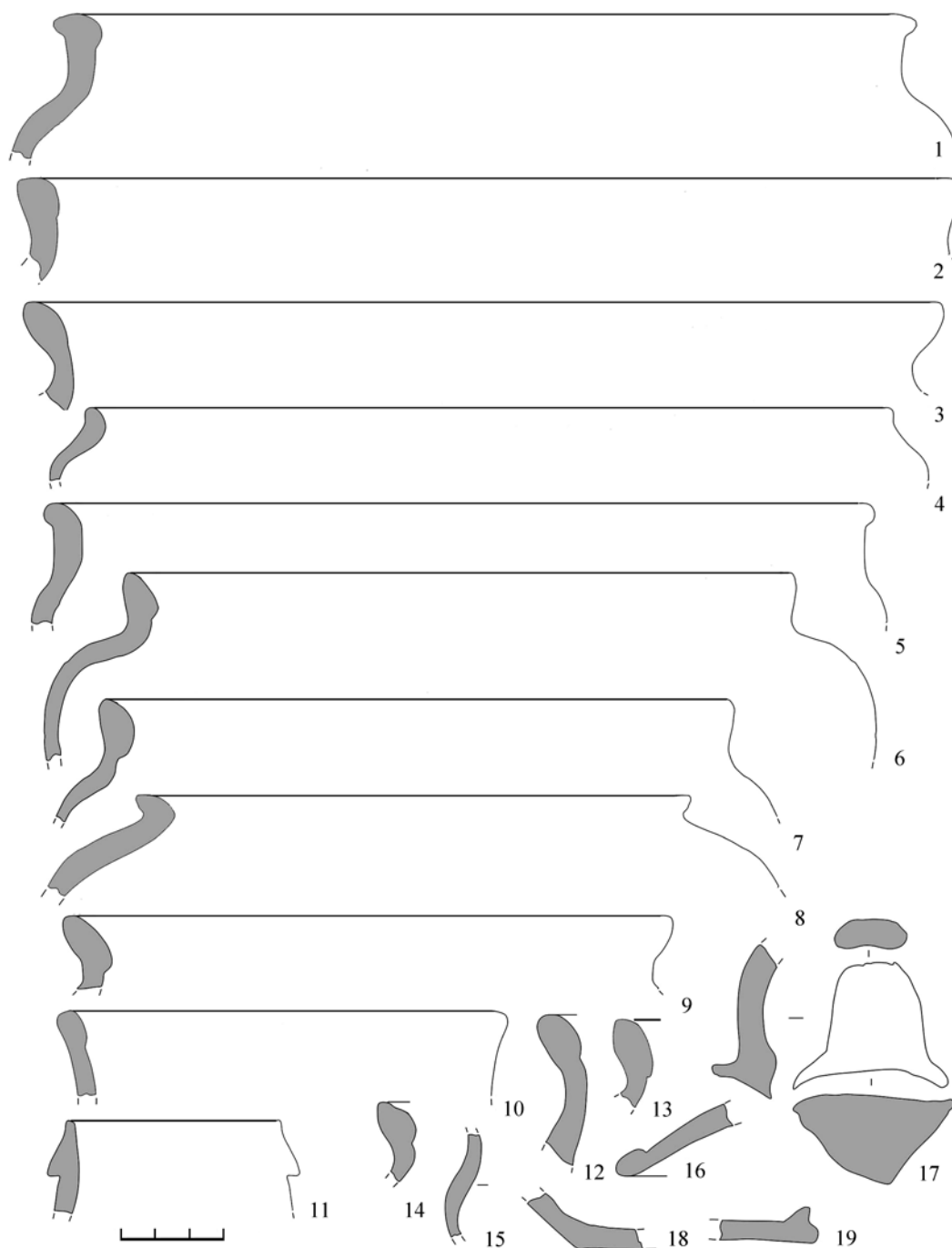
Другая яма, также являющаяся остатками углубленной части наземной постройки, была зафиксирована в профиле траншеи № 4 в юго-западной части парка (рис. 9). Ее длина составляла 1,75 м, а глубина от уровня материковой поверхности достигала 0,5 м. Заполнение имело более сложное строение. Верхний слой (толщина 6–10 см) состоял из светло-серого суглинка с включениями суглинка более темного. Ниже шло основное заполнение – мешаный слой из суглинков различной окраски (толщина 6–28 см). Под ним отмечена угольная прослойка (толщина 4–8 см, горелое дерево), лежавшая в свою очередь на обожженной глине (толщина 3–6 см).

Из зачистки профиля ямы (из нижнего слоя) и отвалов траншеи собрано 72 обломка горшков, крышек, кувшинов, а также часть каменного точильного бруска (рис. 9, 8). На некоторых стенках горшков нанесен волнистый орнамент, а на поверхности крышек – линейный (рис. 9, 10, 11, 12, 14). К наиболее ранним типам керамики следует отнести обломок верхней части

сероглиняного горшочка (рис. 9, 3), а также ряд венчиков белоглиняных горшков (как на рис. 9, 6), имеющих аналогии на памятниках XV–XVII вв., например, тип 5 керамики Рылска золотоордынской эпохи; Вортыньск, селище 1; Козельск, культурный слой (Веретюшкин, 2005. Рис. 6, 5; Прошкин, 1995. Рис. 5, 4; Нигматуллин и др., 2005. Рис. 72, 6). Основная масса керамики по своим морфологическим и технологическим особенностям может быть отнесена к XVII–XVIII вв. (рис. 9, 1, 4, 5, 7, 9–14) и более позднему времени (рис. 9, 2).

Остатками еще одной постройки, вероятно, являются две ямы, зафиксированные в профилях траншеи № 5, также в юго-западной части парка. Одна из них, большая, имела длину в профиле стенки около 1,4 м и глубину от уровня материковой поверхности до 0,6 м. Заполнение – суглинок темно-серый, а на дне – углистая черная прослойка толщиной 2–5 см. В ее верхней части читался поздний перекоп. В 0,5 м к юго-востоку от нее размещалась столбовая яма (рис. 10).

Из отвалов траншеи здесь собрано 22 обломка горшков, крышки и кувшина (рис. 10, 1–14), датируемых XV–XIX вв. С хронологической точки зрения

Рис. 7. Обломки круговой посуды из культурного слоя

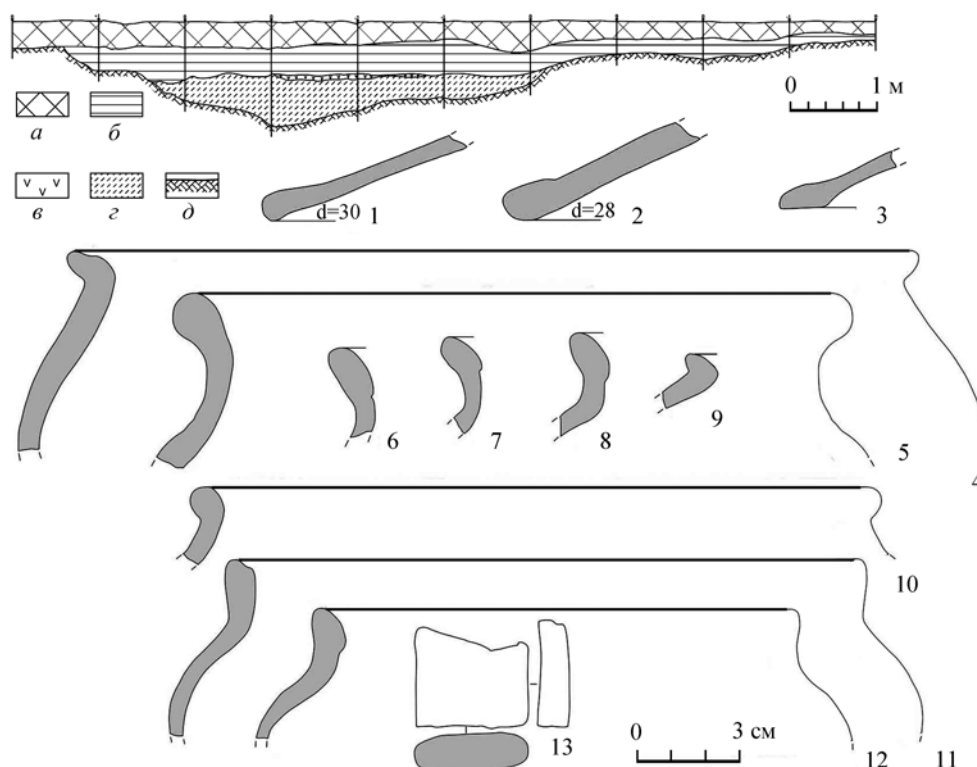
1, 4, 9, 12, 14–16, 18 – белоглиняной; 2, 3, 6–8, 13 – сероглиняной; 5 – коричневоглиняной; 10, 17 – мореной; 11 – сероглиняной с зеленой поливой; 19 – белополивной с красными пятнами и разводами

интересна находка обломка ручки белоглиняного кувшина (рис. 10, 14). Кувшины с подобными ручками входят в состав керамического комплекса XV–XVI вв. из построек Зачатьевского монастыря в Москве (Глазунова, 2008. Рис. 4, 5, 6). Формы венчиков ряда белоглиняных горшков (рис. 10, 5, 6) соответствуют венчикам второй половины XVII в. поокско-коломенской белоглиняной керамики (Коваль, 2001. Рис. 3).

Яма в профиле траншеи № 2 (длина 0,8 м по ее верхнему краю и глубина до 0,4 см) была заполнена

мешаным слоем (культурный слой, материковая глина) и находок не содержала.

Происходящий из культурного слоя и остатков построек керамический материал имеет множество аналогий с городскими и сельскими поселениями позднесредневекового периода и XVIII–XIX вв. как с территории Подмосковья, так и всего верхнеокского бассейна (Калуга, грунтовой могильник в Калужском бору; Воротыньск, городище, селище 1; Козельск, культурный слой и др.) (фонды КОКМ, инв. Кп 11295/3, инв.

Рис. 8. Профиль ямы в траншее № 1 и обломки круговой посуды из слоя темно-серого суглинка ямы
 а – балласт; б – суглинок темно-серый; в – углистая прослойка; г – мешаный слой из глины и строительного мусора;
 д – материк. Керамика: 1, 2, 4, 6, 8, 12 – белоглиняная; 3, 7, 9–11 – коричневоглиняная;
 5 – мореная с вылощенным орнаментом; 13 – чернолощенная

Нв 3596/2; Прошкин, 1995. Рис. 5, 4, рис. 7, 1, 5, 9, 11; Нигматуллин и др., 2005. Рис. 56, 6, 12, рис. 64, 3, рис. 72, 4, 6). Датировать по керамическому материалу зафиксированные в профилях траншей остатки построек в виде ям можно лишь в широких хронологических рамках. Это, в свою очередь, говорит о необходимости проведения широкомасштабных археологических раскопок на подобных объектах историко-культурного наследия.

Подъемный материал, собранный на территории парка, представлен небольшим числом находок (30 экз.). Включает следующие категории предметов: 1) монеты; 2) детали костюма; 3) украшения; 4) пломбы; 5) предметы культа; 6) предметы быта.

Монеты представлены: медным пулом (участок 4, № 1)² (рис. 11, 1), двумя серебряными копейками царя Михаила Федоровича (участок 4, № 2, 3) (рис. 11, 2), медными монетами: полушка 1733 г. (участок 5, № 3, рис. 11, 4), 2 копейки 1758 г. (участок 5, № 2), копейка 1832 г. (участок 4, № 13), 1/2 копейки 1911 г. (участок 4, № 8), полкопейки 1925 г. (участок 4, № 12) и копейка 1949 г. (участок 4, № 17)³.

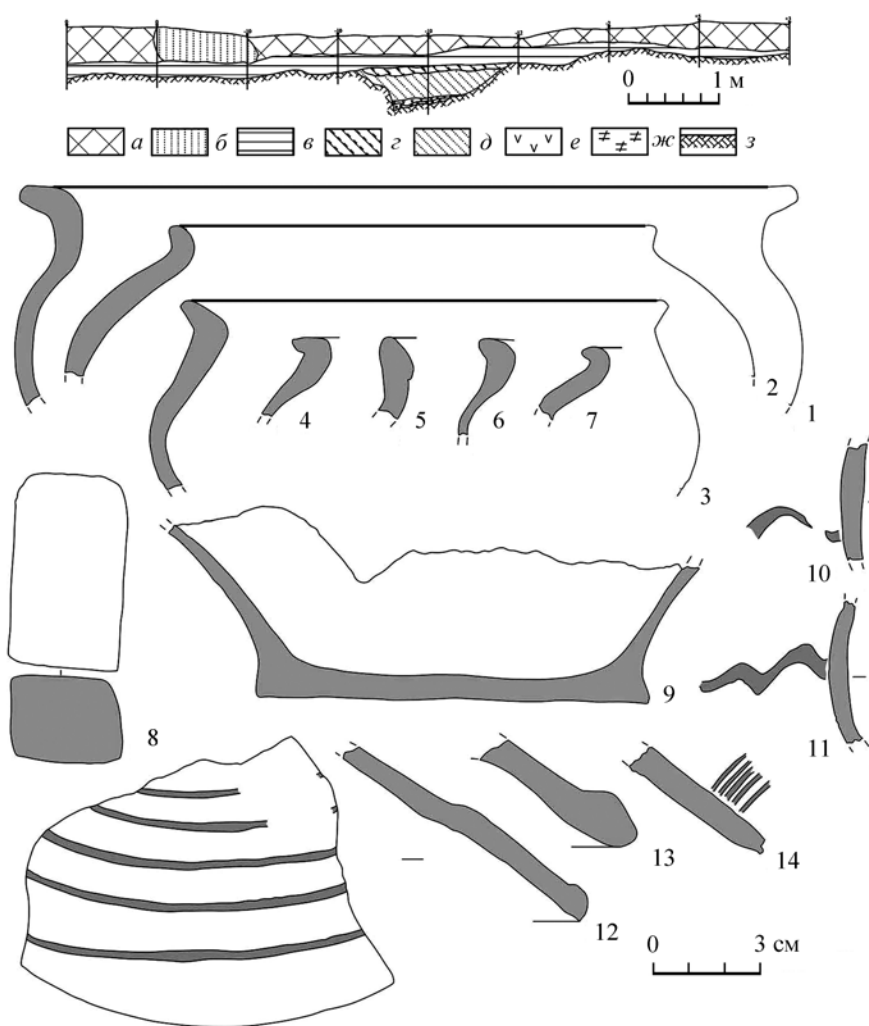
Наиболее ранней монетой является медное московское пуло (вес 0,4 г). На аверсе имеется изображение крылатой сирены «впрямь» (изображение хвоста сильно стерто), на реверсе – надпись «ПОУЛ/ОМОС»,

а две нижние строки не читаются. По типологии П.Г. Гайдукова, эта монета относится к типу II, варианту 2 московских маленьких пул, чеканка которых началась в 1490-х годах и продолжалась на протяжении следующего столетия (Гайдуков, 1993. С. 69, с. 202). Пула с изображением сирены в Калуге достаточно редки (Гайдуков, 1993. С. 127), но за последние десятилетия число находок пул данного типа и варианта на территории Калуги сильно возросло. Целый комплекс таких монет происходит с территории бывшей Торговой пристани города (на левом берегу р. Оки) (Грудинкин, Ткаченко, 2000. С. 28–29). Найдены они и в окрестностях Калуги, например, на селище 6 в с. Воротыньск на р. Выссе и в других местах (Ткаченко, 2001. С. 30–31). По мнению В.В. Зайцева, пула данного типа часто встречаются в слоях XVI в. в самой Москве, а время их наибольшей чеканки предположительно определяется 1520–1590 гг. Продолжали они оставаться в денежном обращении до начала XVII в. (Зайцев, 2004. С. 78). Находки их происходят из многих позднесредневековых городских центров (Сыроватко, Самошин, 2004. С. 357–358. Табл. 1).

Детали костюма и украшения включают находки трех медных пуговиц (участок 1, № 1; участок 4, № 14, № 15; рис. 12, 1–3), бронзовой запонки (участок 4, № 10; рис. 12, 4), бронзовой детали накладки или

² В скобках даются номера находок, указанные на рисунке 5.

³ Монеты чекана второй половины XX столетия, а также предметы этого времени не отбирались в коллекцию.

Рис. 9. Профиль ямы в траншее № 4 и находки из мешаного слоя ямы

а – балласт; *б* – строительный мусор; *в* – суглинок темно-серый; *г* – суглинок светло-серый с включениями суглинка черного; *д* – мешаный слой из строительного мусора и суглинков; *е* – углистая прослойка; *ж* – обожженная глина; *з* – материк. Точильный камень (8) и обломки круговой посуды: 1, 2, 5, 11, 13 – коричневоглиняной; 3, 4, 10, 12 – сероглиняной; 6, 7, 9 – белоглиняной; 14 – чернолощеной

броши (?) (участок 4, № 6; рис. 12, 5) и двумя привесками. Одна из них – ложковидная бронзовая (участок 4, № 4; рис. 12, 6), а другая в виде полумесяца (участок 4, № 5; рис. 12, 7). Привески в виде ложек широко бытовали у населения Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в древнерусский период, отдельные их находки известны практически на всей территории лесной зоны Восточной Европы. По форме найденный экземпляр относится к круглым ложковидным привескам с ручкой, имитирующей витие. По мнению А.В. Успенской, «...круглые ложечки с гладкой или фигурной в виде плетения рукояткой» являлись наиболее распространенными в древней Руси». В целом же, данная группа древнерусских амулетов датируется исследовательницей в пределах XI–XII вв. (Успенская, 1967. С. 94–95, 116–117). Н.П. Журжалина относит появление ложковидных привесок на Руси к X в. (Жур-

жалина, 1961. С. 130). В Новгороде они найдены в слоях конца X – середины XII в. (Седова, 1981. С. 26).

Пломбы свинцовые (3 экз.), две из которых простые, гладкие (рис. 12, 11), а одна – с частью поясного изображения архангела Михаила (?) на лицевой стороне (рис. 11, 3) (участок 4, № 16, № 19, № 21). По стилистике изображения она сближается с печатью тысяцкого Михаила Андреевича при жалованной грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 г. (Янин, 1970. С. 104. Табл. 27, 610; 84, 610).

Находки культовой металлопластики состоят из левого медальона поперечной перекладки (с изображением Богоматери и мироносицы) одностороннего наперсного креста (из композиции Распятия) XVI в.⁴ (участок 4, № 9; рис. 12, 8) и двух целых медных нательных крестиков (участок 4, № 11 – рис. 12, 9; участок 5, № 1 – рис. 12, 10), аналогичных

⁴ Определение В.Г. Пуцко.

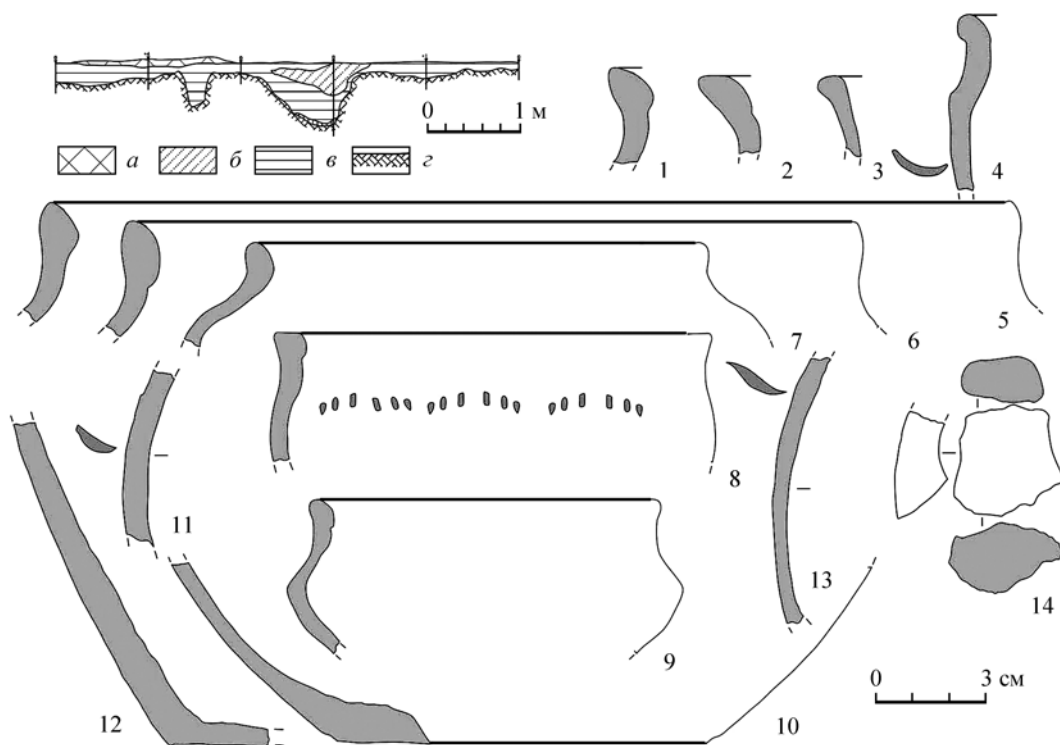
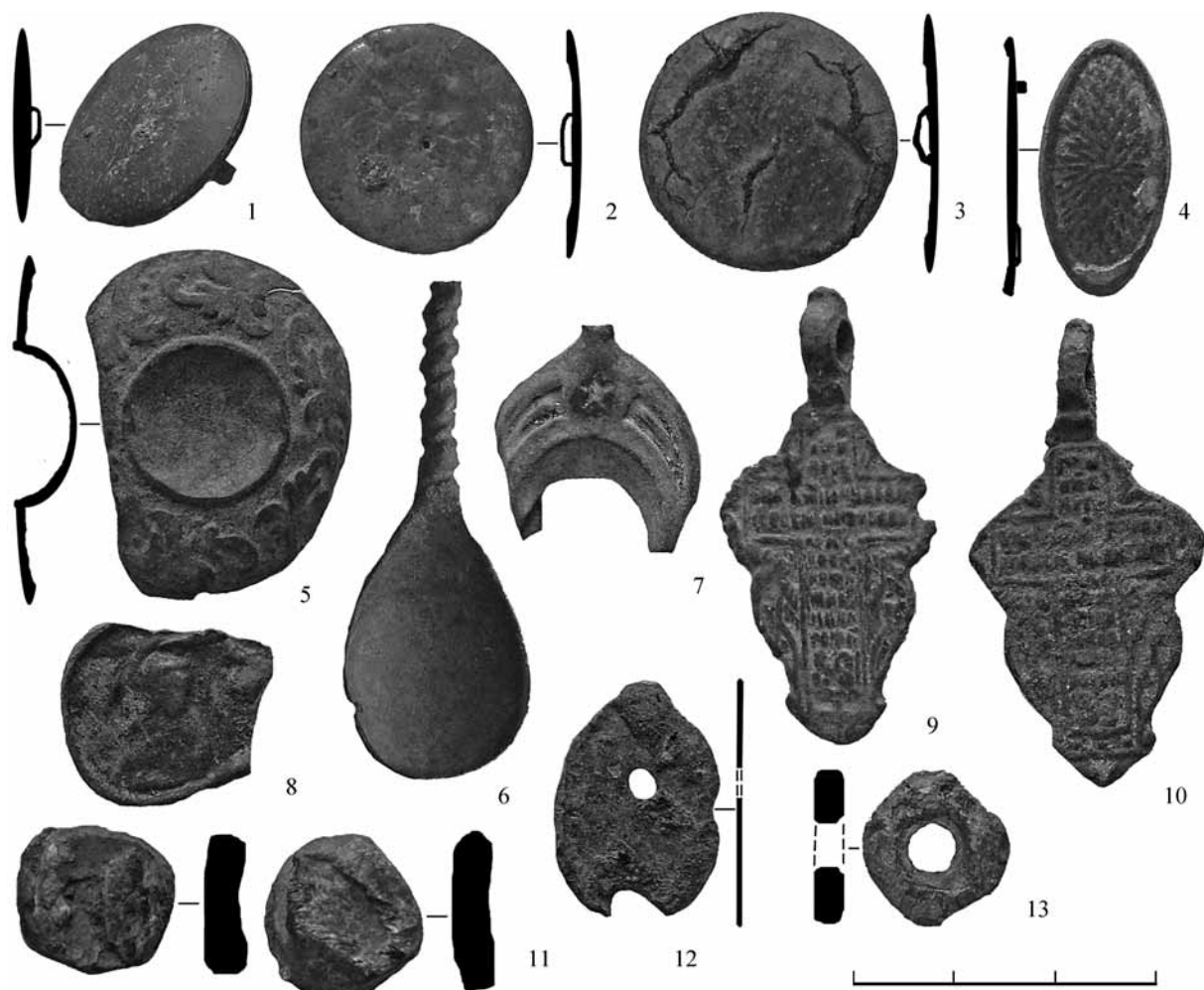

Рис. 10. Профили ям в траншее № 5 и обломки круговой посуды из заполнения темно-серого суглинка большой ямы

а – балласт; б – мешаный слой из глин; в – суглинок темно-серый; г – материк.
Керамика: 1, 4 – сероглиняная; 2, 7 – коричневоглиняная; 3, 5, 6, 8–14 – белоглиняная

Рис. 11. Нумизматические находки (1, 2) и пломба (3) из сборов на территории парка

Рис. 12. Подъемный материал, собранный на территории парка

1–3 – пуговицы; 4 – запонка; 5 – деталь накладки или броши (?); 6, 7 – привески; 8 – обломок нательного креста; 9, 10 – нательные крестики; 11 – пломбы; 12 – накладка; 13 – грузик

происходящим из грунтовых погребений середины XVIII – середины XIX в. на старообрядческом кладбище в Калужском бору (фонды КОКМ, инв. Кп 11295, инв. Кп 11426; *Фролов*, 1991. С. 26. рис. 2).

Бытовые предметы и их детали – наиболее многочисленная категория находок: 3 свинцовых дробинки (участок 4, № 18), медная деталь самовара (участок 4, № 20), свинцовый грузик (участок 4, № 22 – рис. 12, 13), медные оковка (?) (участок 4, № 23) и накладка (участок 4, № 7 – рис. 12, 12), обломки круговых сосудов.

Разнообразные археологические материалы, полученные в результате проведения археологического надзора в процессе ремонтно-строительных работ на территории бывшей калужской крепости (территория

ГПКиО), позволяют сделать ряд предварительных выводов. Во-первых, можно предположить, что освоение данного участка левого берега р. Оки в пределах позднесредневекового города Калуги началось еще в XV столетии. Во-вторых, наиболее интенсивное его использование началось в связи с возведением здесь крепости в XVI в. В-третьих, наибольшее число находок связано с периодом XVII – первой половины XVIII в., когда здесь находился административный центр города. И в-четвертых, следует особо отметить, что территория городского парка культуры и отдыха представляет большой интерес для изучения культурного слоя исторической части Калуги и является для этого вполне перспективной.

Литература

- АКР. Калужская область. М., 2006.
- Белецкий С.В., 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М.
- Беляев Л.А., 1991. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // МК. М.
- Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.
- Болдин И.В., 1995а. Отчет об археологических разведках (в г. Калуге, Перемышльском р-не) и раскопках на территории Пафнутьев-Боровского монастыря в 1994 г. // Архив ИА. Р-1. № 18101-18102.
- Болдин И.В., 1995б. Работы Боровского и Разведывательного отрядов Калужской экспедиции // АО 1994 года. М.
- Болдин И.В., Зарубина Ж.В., 1997. К вопросу о времени основания Калужской крепости // Калуга в шести веках. Материалы 1-й городской краеведческой конференции, посвященной 625-летию г. Калуги. Калуга.
- Веретюшкин Р.С., 2005. Керамика средневекового Рыльского золотоордынского периода // РА. № 4.
- Гайдуков П.Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV – XVI веков. М.
- Глазунова О.Н., 2008. Комплексы керамики из жилых построек второй половины XV – начала XVI в. Зачатьевского монастыря (г. Москва) // РА. № 2.
- Грудинкин Б.В., Ткаченко В.А., 2000. Монетные находки с Торговой пристани г. Калуги // Калуга в шести веках. Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга.
- Грудинкин Б.В., 2002. Отчет об археологических разведках в 2001 г. в Калужской и Тульской областях // Архив ИА РАН.
- Журжалина Н.П., 1961. Датировка древнерусских привесок-амулетов // СА. № 2.
- Зайцев В.В., 2004. Русские монеты // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. ПЭ. Т. 2).
- Зорин А.А., 2009. Калужский городской парк // Калуга в шести веках. Материалы 7-й городской краеведческой конференции. Калуга.
- Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В.Ю., 2004а. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М.
- Коваль В.Ю., 2004б. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. ПЭ. Т. 2).
- Малинин Д.И., 1992. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга.
- Низматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М., 2005. Древний Козельск и его округа. М.
- Панченко К.И., 2008. Археологические исследования в подмонастырской слободке города Дмитрова и керамические комплексы XVI–XVII веков // АП. Вып. 4. М.
- Прошкин О.Л., 1995. Археологические исследования летописного Ворытынска в 1993 году // Древний Ворытыньск и его окрестности. Калуга.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Сыроватко А.С., Самошин С.И., 2004. Нумизматические находки из раскопок 2003 года в Коломне // Археология Подмосковья. М.
- Ткаченко В.А., 2001. Находки медных пул в окрестностях Калуги // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Матер. IX конф. Калуга.
- Трейтер П., 1900. К вопросу о местоположении Калуги в XVII столетии // Известия Калужской Ученой Архивной комиссии. 1899 год. Вып. III. Калуга.
- Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Фехнер М.В., 1971. Калуга. М.
- Фролов А.С., 1991. Археологическое изучение старообрядческого кладбища XVIII в. в Калужском бору // Боровский краевед. Вып. 3. Боровск.
- Шепетов-Самгин П., 1863. Исторические сведения о городе Калуге // Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 годы. Калуга.
- Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII–XV вв. М.

O.L. Proshkin

The results of archeological control on the territory on the former fortress of Kaluga

Summary

The fortress of Kaluga was situated in the south part of the city, on the left bank of Oka river. The researchers of the 19th c. made a plan and description of fortress basing on archival documents of the 17th c. On that place was Municipal Park in the end of the 18th c. Archaeological control took place there during the building. Cultural layer on the park territory is 0,2–0,8 m and more. It contains big quantity of pottery fragments of the 15th –

the 19th cc. Five pits were fixed in the sides of building trenches – the remains of constructions that may be dated widely.

There were some groups of artifacts: 1) coins; 2) details of costume; 3) jewellery; 4) seals; 5) things of cult; 6) household goods.

Archaeological materials inform that settlement of this part of Kaluga began in the 15th c.

Б.Е. Янишевский

Раскопки на Борисовом городке в 2009 году

В 2009 г. экспедиция Института археологии РАН впервые провела раскопки на памятнике, который известен как «городище Борисовское», а в источниках называется «Борисов городок». Городище представляет собой в настоящее время холм-останец на левом коренном берегу р. Протва (левый приток р. Оки), на восточной окраине с. Борисово Можайского района Московской области, в 8 км к югу от г. Можайска (рис. 1; 2). Площадка городища округлой формы, диаметром 60 м, но восточная, обращенная к реке, сторона

почти прямая, что может являться результатом оползня. С юга и с севера от холма проходят два оврага, соединенные между собой рвом с напольной, западной стороны, вероятнее всего, в XII–XIV вв. (обоснование датировки приведено ниже). С западной стороны площадки имеется некоторое возвышение (от вала?), на котором располагается братская могила времен Великой Отечественной войны, причем захоронения производились в этой могиле и позднее. Могила окружена железной оградой. С северной, западной и южной

Рис. 1. Вид на городище Борисовское (Борисов городок) с востока (фото М. Декханова)

Рис. 2. Раскоп на плане городища (горизонтали проведены через 1 м)

сторон площадки, на склонах, примерно на 2 м ниже края, располагается ров, глубиной 1 м, усыпанный белокаменной и кирпичной крошкой. Это ров от выборки стены и фундамента Борисова городка в XIX в. За исключением братской могилы и фундаментного рва, площадка и склоны городища задернованы (рис. 2; 3).

За северным оврагом, на том же коренном левом берегу р. Протвы, с 1600 г. располагалась ц. Бориса

и Глеба, высотой 74 м (без креста), основание церкви имело размеры 10 x 10 м. Ее окружало гульбище на каменных столбах с кровлей, от гульбища с западной стороны спускалась широкая лестница. Церковь была разобрана вместе со стеной городка в 1830-е годы (рис. 4). В настоящее время на месте церкви видна квадратная яма от ее фундамента и ямы от столбов гульбища и лестницы. С северной

Рис. 3. Вид Борисова городка с севера.

На ближнем (северном) краю площадки виден ров от выбранной стены нач. XVII в. Внизу – навес над родником

стороны от места церкви располагается современное кладбище.

В письменных источниках (записках о Смутном времени начала XVII в., Писцовых и Переписных книгах XVII в., документах Генерального межевания XVIII в.) имеются подробные описания крепости и стоявшей к северу от нее церкви Бориса и Глеба. Научные описания этого памятника начинаются со времени посещения г. Можайска и с. Борисова Г.Ф. Миллером в 1778 г. (1996. С. 273–275). В конце 1940-х разведки, включавшие осмотр и фотографирование памятника и места церкви, сбор подъемного материала, в том числе и изразцов, съемку плана городища произвел П.А. Раппопорт, написавший большую статью о нем (*Раппопорт*, 1955). В 1959 г. на юго-западном краю площадки К.А. Смирновым был пройден шурф размером 1х1 м, при этом было отмечено, что кроме слоя конца XVI–XVII вв. городище содержит и слой раннего железного века (до материка шурф доведен не был). В 1960-е и 1970-е годы городище осматривал Р.Л. Розенфельдт, а в 1995 г. и несколько раз в 2000-е годы осмотр городища производился Б.Е. Янишевским.

Раскопки Можайской экспедиции ИА РАН проводились с июня по октябрь 2009 силами студентов Института им. Репина (г. Санкт-Петербург), школьников из с. Борисова, с. Колычево и г. Можайска. Руководство раскопками осуществляли кандидаты историче-

ских наук Б.Е. Янишевский (ИА РАН) и И.И. Кондратьев (ЦИГИ).

Наиболее активное участие в раскопках принимали: К. Кретинин, Р. Нуриев, Т. Васина, Н. Лебедева, А. Рощенко, А. Балашов, Д. Константинов, Е. Тимофеева, А. Кочеткова, Ю. Чихачева, М. Сехилаидзе, Д. Комиссаров, И. Дробышев, О. Янишевский и др. Ведение раскопа и полевые чертежи выполнялись К. Кретиным и Р. Нуриевым, статистическая обработка и рисовка керамики – Т. Васиной и Н. Лебедевой, переделка и сведение чертежей – К. Кретиным и Г. Смирновой. Полевую фотофиксацию осуществляли К. Кретинин, Р. Нуриев, А. Балашов, Б. Янишевский. Сканирование полевой документации – И. Кондратьев. Фото находок – Б. Янишевский. Работа с металлодетектором – К. Кретинин, Д. Чубатов. Организация школьников и засыпка раскопа происходили под руководством директора школы в с. Борисово, заместителя председателя Можайского объединения краеведов И.И. Николайченко.

Целью раскопок было выяснение всех параметров напластований культурного слоя городища: толщина, планиграфия и стратиграфия, датировка, насыщенность находками. Кроме того, важно было выяснить степень сохранности архитектурных остатков Борисова городка. Первоначально был снят топографический план площадки и окрестной территории городища. В процессе раскопок производилась и микро-

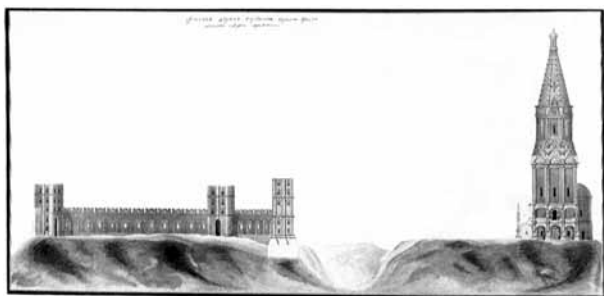

Рис. 4. Акварель 1800 г. с изображением Борисова городка и церкви Бориса и Глеба. ОИИ ГИМ

нивелировка площадки (по сетке с шагом 1 м). Один квадратный километр в окрестностях городища был разбит на гектары, так, чтобы городище оказалось близко к центру гектара. 55-й гектар целиком захватил площадку городища. Этот гектар был разбит на 100 частей (соток) 10х10 м. Углы квадратов-соток вынесены в натуру (только на площадке городища) и обозначены железными штырями, забитыми на 0,5 м вглубь земли, каждый штырь обкопан квадратной ямкой и покрашен в желтый цвет. Каждая сотка, в свою очередь, разбита на 25 квадратов, размером 2 х 2 м. На участке раскопок – это археологические квадраты. Раскоп 2009 г. пришелся на квадраты 55-37-01 (где 55 – номер гектара, обычно в отчете опускается, 37 – номер сотки, 01 – номер квадрата, все вместе – номер археологического квадрата), 55-37-02, а также 55-27-21, 55-27-22, 55-27-16, 55-27-17, 55-27-11, 55-27-12, 55-27-06, 55-27-07, 55-27-01, 55-27-02, 55-17-21, 55-17-22, 55-17-16, 55-17-17, 55-17-11, 55-17-12, 55-17-06, 55-17-07, 55-17-01, 55-17-02, 55-07-21, 55-07-22, 55-07-16, 55-07-17 и частично 55-07-11, 55-07-12. Репер раскопа расположен у северо-восточного угла ограды братской могилы (рис. 2) с балтийской отметкой 193.08 м. Раскоп представлял собой полосу квадратов шириной 4 м (два археологических квадрата) и длиной 26 м. Протянулась эта полоса с юга на север, от кв. 37 квадрата до кв. 7. Раскопки проводились по участкам (от 2 х 3 археологических квадрата по 4 кв. м каждый до 2 х 1 квадрата). После раскопок на одном участке переходили к прилегающему с севера другому участку. В некоторых случаях соседний с севера участок начинали копать еще до окончания предыдущего участка. Такая методика объясняется большой мощностью культурного слоя, верхние два-три метра которого состоят практически целиком из песка. В северной части раскопа работы проводились и на большей площади (до восьми квадратов сразу). Раскопки были доведены до материка только на 17 южных квадратах, остальные восемь квадратов рас-

копаны до уровня второго (от верха) сохранившегося ряда белокаменных блоков фундамента стены Борисова городка начала XVII в. Это было сделано, во-первых, чтобы не вывешивать остатки фундамента (предполагалось его музеефицировать). Во-вторых, с кв. 55-17-11 и 55-17-12 фиксировалось сильное падение материка и оказалось, что внешняя (от центра площадки) часть культурного слоя находится на искусственной подушке, насыпанной на склон городища. Поэтому материк в крайних квадратах оказывается на глубине до 15 и более метров от современной поверхности. Отметка последнего раскопанного пласта в раскопе 2009 г. находилась на уровне -740 см от репера (фактически -650 см от верха раскопа). В зависимости от расположения некоторые квадраты были расширены на 1 м (в западном или восточном направлении), чтобы получить ступеньку, препятствующую обрушению стенок раскопа. Ступеньки доходили до глубины 0,8 м от верха раскопа. Однако эта мера помогала не надолго: песок, а также культурный слой со стенок не раз рушились, особенно после дождей. Единственный способ борьбы с обрушением стенок – увеличивать скорость раскопок и переходить на новый участок, засыпая отвалом старый.

Стратиграфически культурный слой городища делится на отложения четырех периодов (сверху вниз): 1) с 20-х до 70-х годов XVII в.; 2) с начала строительства городка (1599 г.) по 1618 г.; 3) вторая половина XII – конец XIV в.; 4) ранний железный век – с I в. н.э. по V–VI вв. н.э.

Первый период

Первый период начался после «королевичева прихода» 1618 г. В Смутное время польским войскам взять Борисов городок не удалось. Городок и острог вокруг церкви¹ были сожжены русскими войсками перед уходом в августе 1618 г. (Соловьев, 1995. С. 111–113). В первое десятилетие после «королевичева прихода» Борисов городок пребывал в упадке. В Росписном списке 1628–1629 гг. указано: «В город мастов нет..., а в ненася и пешему зайти в город не мочно»². Вероятно, острог был восстановлен³. В одном из письменных документов упоминается и мост через ров. В городке располагалось место сбора налогов – «сезжая изба»: «В городе ж сезжая изба дву сажен, ветха, а по скаске головы Матвея Бабушкина денежных всяких доходов и с судных дел пошлин нет и хлебных запасов и соли при нем не бывало. В сезжей избе подьячего нет. Из города идучи в передние ворота через ров мост рублен на клепках на тридцати венцах, в длину 25 сажен с полу саженью, по краем перила, делан во 169-м году»⁴. Об этом говорят и монеты, найденные в слое коричневого суглинка, от-

¹ Острог был построен на противоположной стороне рва напротив крепости перед событиями 1617–1618 в. Необходимость постройки острога определялась тем, что церковь господствовала над городком, поэтому ее необходимо было защитить от неприятеля. В Росписном списке 1638 г.: «Где был прежде сево острох, как стоял в Можаете князь Борис Михайлович Лыков, и он велел поставить от королевича» (РГАДА. Ф. Владимирский стол. Стб. № 44. Л. 296).

² РГАДА. Ф. Владимирский стол. Стб. № 40. Л. 375.

³ В Росписном списке 1638 г. воевода сообщает, что острог «ныне сметили на том же месте (курсив мой. – Б.Я.)».

⁴ 7169, т. е. 1661 г. РГАДА. Ф. Дела разных городов. Кн. № 19. Л. 1–14.

Рис. 5. Слой 1. Фотография поверхности на уровне 2-го пласта кв. 37-1, 2 – 27-21, 22, 16, 17 (слева направо, снизу вверх). Вид с юга

ложившегося над желтым песком, насыпанным при строительстве Борисова городка.

Слой представлен дерном и серым почвенным слоем толщиной до 10 см, а также слоем коричневого суглинка толщиной до 10 см (рис. 5). Перечислим датирующие находки из слоя 1 (номера даны полевой описи): 16 – монета серебряная Василия Ивановича Шуйского (1608–1610); 29 – монета серебряная царя Алексея Михайловича; 47, 76 – монета медная 1658–1662 гг.; 32 – монета серебряная Михаила Федоровича, 130 – монета денга вел. кн. Ивана Васильевича; 28, 55, 80 – пуля свинцовая; 65, 66 – фрагменты неполивных красных изразцов (рис. 12; 1, 2). Монеты в основном относятся к правлению царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Самая поздняя монета, найденная в этом слое (да и вообще на городке) – медная монета, запрещенная к хождению после медного бунта 1662 г. На нижней границе слоя 1 (на контакте со слоем песка) найдена монета Василия Шуйского, что доказывает положение о начале отложения слоя 1 уже после смерти Бориса Годунова. Фрагменты изразцов относятся к печи из постройки в Борисовом городке (возможно, печь находилась в башне, поскольку других построек в

городке не было). Пули относятся, вероятнее всего, к боевым действиям периода Смутного времени и «Королевичева прихода». Керамика, собранная в этом слое, представлена красноглиняной, в том числе с лощением (кувшины), белоглиняной и чернолощеной. Датировка керамики не выходит за рамки XVI–XVII вв.

Второй период

Период строительства Борисова городка – конец 1599 – 1604 г. К этому периоду относятся слой желтого песка с прослойками глины, а также стратиграфически связанное с песком углубление, первоначально названное «яма 1». Это углубление начиналось от кв. 27-17 и заканчивалось у белокаменного фундамента стены городка (кв. 17-16, 17-17, 17-11, 17-12, 17-06, 17-07, 17-01, 17-02). Данное углубление интерпретировано как слой разрушения погребов, построенных вместе со стенами, а также заключенная между погребями и воротами лощина – естественный овражек, использовавшийся для подъема на площадку с западной стороны от ворот. Погребя описаны в источниках: «От башни до ворот 11 сажен и к стене были приделаны 2 погребя, один 2-х а другой 3-х сажен. А выше тех погребов по стене 7 боев, да меж зубцов 9, в зубцах

⁵ ЦГАДА. Ф. Разрядный приказ, Белгородский стол. Стб. № 770, III. ЛЛ. 219–228.

Рис. 6. Поверхность раскопа на уровне пласта 6 и профиль северного борта (кв. 27-16, 17). Вид с юга (см. цв. вкл.)
Квадраты 37-01, 37-02 (слева направо, снизу вверх; по границе лежит рейка), 27-21, 27-22, 27-16, 27-17. В правой части северного борта видна «яма 1» – верхний конец ложины, использовавшейся для подъема на площадку от северных ворот крепости

мушкетных 10 боев, всего 27 боев»⁵. Глинистые прослойки в песке, повторяющие наклон поверхностей, образовывавшихся при засыпке, показали, что песок не является материком. На некоторых участках глинистых прослоек нет. Это и привело К.А. Смирнова в конце 1950-х годов к неверному выводу, что песок – это материк. Слой песка имел толщину от 1,5 до 2,5 м и насыпан был после строительства стен городка, т. е. примерно после 1604 г. При этом погребка уже были засыпаны, поэтому в слое их разрушения песка нет. Когда стены упали (как восточная стена в середине XVII в.) или были разобраны (в 1830-е) песок стал постепенно сыпаться наружу. Поэтому поверхность городища имеет наибольший уклон к востоку и в меньшей степени к северу и югу. На месте стен, т. е. на краях площадки, песка меньше всего. Все находки и немногочисленная керамика в этом пласте содержались в глине.

Датирующими находками для слоя песка являются: ружейный кремль (№ 56 – рис. 12, 3) и керамика – белоглиняные грубые и краснолощенные сосуды XVI в. Несколько фрагментов керамики датируются периодом раннего железного века и XII–XIV вв. Это свидетельствует о том, что глина взята из культурного слоя.

Углубление от разрушенных погребов и всход на площадку были заполнены серым суглинком с углями и мусором, включавшим и кости животных. Находки не выходят за рамки XVI–XVII вв. Песка в углублении

не было, оно заполнено керамикой и мусором от разрушения воротной башни и погребов (рис. 6). Слой разрушения погребов (минус 340 – минус 400 см) состоит из прокаленного песка, углей (иногда целые бревна), кирпичей (рис. 8). Углубление и всход на площадку могли заполняться уже после пожара 1618 г., когда, видимо, сгорели и деревянные погребки.

По количеству найденных обломков керамики участки песка и погребка с ложиной всхода различаются в десять раз в пользу последних. По наиболее представительной выборке (участок 2, пл. 4–940 шт.), преобладающий вид керамики в слое 2 – белоглиняная грубая – 26%, по 14% краснолощенной и красноглиняной гладкой XV–XVI вв. В других пластах встречалась и ангобированная сплошь керамика, а белоглиняная грубая составляла до 40%. Таким образом, нижние слои погребов датированы по керамике XVI в. Важнейшие датирующие находки из слоя заполнения ложины и всхода: свинцовые пули (№ 94, 102, 108, 111, 112, 140), детали оконных переплетов (104, 105 – рис. 12, 4), монета серебряная Михаила Федоровича (115), красноглиняная с зеленой поливой чернильница (126), обломок лицевого красного рамочного изразца, обгоревшего в пожаре (120).

Детали оконного переплета явно относятся ко времени обрушения башни (стояла с восточной стороны раскопа) в середине XVII в. Пули уверенно можно датировать временем Смутны или обороны

Рис. 7. Кирпичи от ворот и скреплявшая их известь, лежащие поверх слоя разрушения погребов. Вид с севера

1618 г. Монета царя Михаила Федоровича тоже могла попасть в слой при пожаре 1618 г. Крест-энколпион (сохранилась только верхняя часть с клеймом – пророк Илия с предстоящими) датируется XV–XVI вв. Интересен набор инструментов из кв. 17-16: топор, два наральника (рис. 12, 6–8) и обруч. Они попали в слой, вероятно, при разрушении погребов, так как происходят из одного комплекса вещей и найдены рядом.

Слой разрушения ворот. В кв. 27-02 найдены почти целые кирпичи, в кв. 17-22 – битые, с остатками известкового раствора; в кв. 17-16 – крупный фрагмент кладки с коробкой из четырех кирпичей, заполненной половинками кирпичей. Эти кирпичи – часть разрушенной воротной башни, выступавшей внутрь городка (рис. 7). Вероятно, часть башни обрушилась около середины XVII в. (о частичном разрушении городка свидетельствует и опись 1664 г.), и кирпичи попали в углубление всхода. Размеры кирпичей из разрушенной башни ворот соответствуют размерам кирпичей конца XVI – XVII в. (30 x 15–17 x 8–9 см). Кирпичи от разрушенной башни найдены также в квадратах 17-17, 17-11, 17-12, 17-06, 17-07, 17-01, 17-02. Отложение слоя с кирпичами датируется по медной монете 1658–1663 гг. – второй половиной XVII в. Стало быть, заполнение ложины всхода кирпичом от разрушенных ворот происходило в середине XVII в., что соответствует данным письменных документов.

Севернее камней в кв. 17-12, 17-06, 17-07 начинается массив белого камня, пролитого известью –

основание стены (фундамент) конца XVI – XVII в. Ширина основания фундамента 200–224 см. В кв. 17-06 и 17-07 выявлены две столбовые ямы, расположенные примерно по оси запад–восток, диаметром по 32 см, расстояние между ними – 180 см. В ямах сохранился древесный тлен. Расположение ям около белокаменного фундамента в слое коричневой глины, в которой устроен фундаментный ров, позволяет датировать их временем строительства стены Борисова городка. Керамика из пласта собрана только в северной части раскопа – всего девять шт., из них два обломка красноглиняной грубой, остальные относятся к XVI–XVII вв.

Пристенный вал Борисова городка. Край раскопа сформирован рвом от выборки фундамента стены Борисова городка. За этим рвом имеется вал, высотой до 1 м (рис. 11). Предполагалось, что это вал, показанный на одном из изображений Борисова городка с внешней стороны стены. Вал имел понижение, соответствующее понижению фундаментного рва в восточном направлении с некоторым отклонением к югу, поэтому слои на горизонтальных срезах соответствуют уклону. Этот вал был разрезан на площади раскопа (шириной 4 м). Выяснилось, что он был насыпан из однородного грунта и в один прием. Датировка вала произведена по находкам свинцовых круглых пуль и монеты с надписью «государь всея Руси», которые датируются XVI–XVII вв. Таким образом, вал датируется временем построения стены Борисова городка.

**Рис. 8. Расчистка сгоревших погребов в кв. 17-16, 17-17, 17-11, 17-12 (слева направо, сверху вниз).
Уровень -400 см этих квадратах. Вид с востока.**

Разрушенные погребов выглядят в профиле как вал. Граница погребов и всхода на площадку проходит примерно по линии длинной рейки

Третий период (вторая половина XII – XIV в.)

На раскопах 1 и 2, представлявших собой горизонтально расположенный участок городища, слой этого времени состоял из черной углистой супеси, толщиной до 30 см, под которой залегала материковая серая глина. Слоев раннего железного века на этих участках нет, хотя отдельные находки этого времени встречаются. Слои раннего железного века найдены на ближних к краю площадки городища участках 3 и 3бис.

В раскопах 1–3 под слоем песка выявлен слой древесного тлена (толщиной 3 см), перекрывавший лежавший ниже черный слой на всем протяжении раскопа. Вероятно, это слой щепы от строительных работ времени Бориса Годунова, отложившийся непосредственно на культурный слой предшествующего времени. На материке выявлено бревно, расположенное практически по линии север–юг, по границе квадратов 37-02 и 37-01, 27-21 и 27-22. Вероятно, это бревно – часть сруба. В кв. 37-02 (рис. 13) у южной стенки расчищено скопление камней размером до 10 см, на глиняном растворе размерами 60 x 80 см – возможно, остатки печи-каменки.

Во второй, ближней к краю городища, половине раскопа (раскопы 3 и 3бис) цвет слоя несколько

более светлый, чем черный слой в раскопах 1 и 2. Вероятно, «черный слой» в верхней части раскопов 3 и 3бис представляет собой смыв со средней части городища еще в древности (замечание И.И. Кондратьева и А.Л. Александровского). В нижней части этот слой приобретает черный цвет. Толщина слоя 3 в средней части раскопа – более 1 м.

Керамика слоя 3 включает лепную посуду, происходящую из слоев раннего железного века, турбирванных в древнерусское время. Курганная керамика (XII – первой половины XIII в.) составляет 35%, серая керамика (XIII–XIV вв.) – 11%. Еще почти 1,5% составляла красноглиняная грубая керамика XIV – первой четверти XV в. Вместе курганная, серая и красная грубая керамика (XII – первой четверти XV в.) составляют почти половину керамических фрагментов черного слоя. Наличие примеси белоглиняной грубой керамики (9%), а также некоторое присутствие красной, белоглиняной гладкой и белоглиняной мореной XVI–XVII вв.⁶, показывает, что слои XVI–XVII в. откладывались непосредственно на черный слой. 20% лепной керамики показывает, что древнерусский слой отложился на слой предыдущего времени (раннего железного века).

В северо-западном углу раскопа выявлена яма 2 с большим количеством камней в заполнении, интер-

⁶ Эти типы керамики (их доли – около 3,5%) присутствовали и на участке 2.

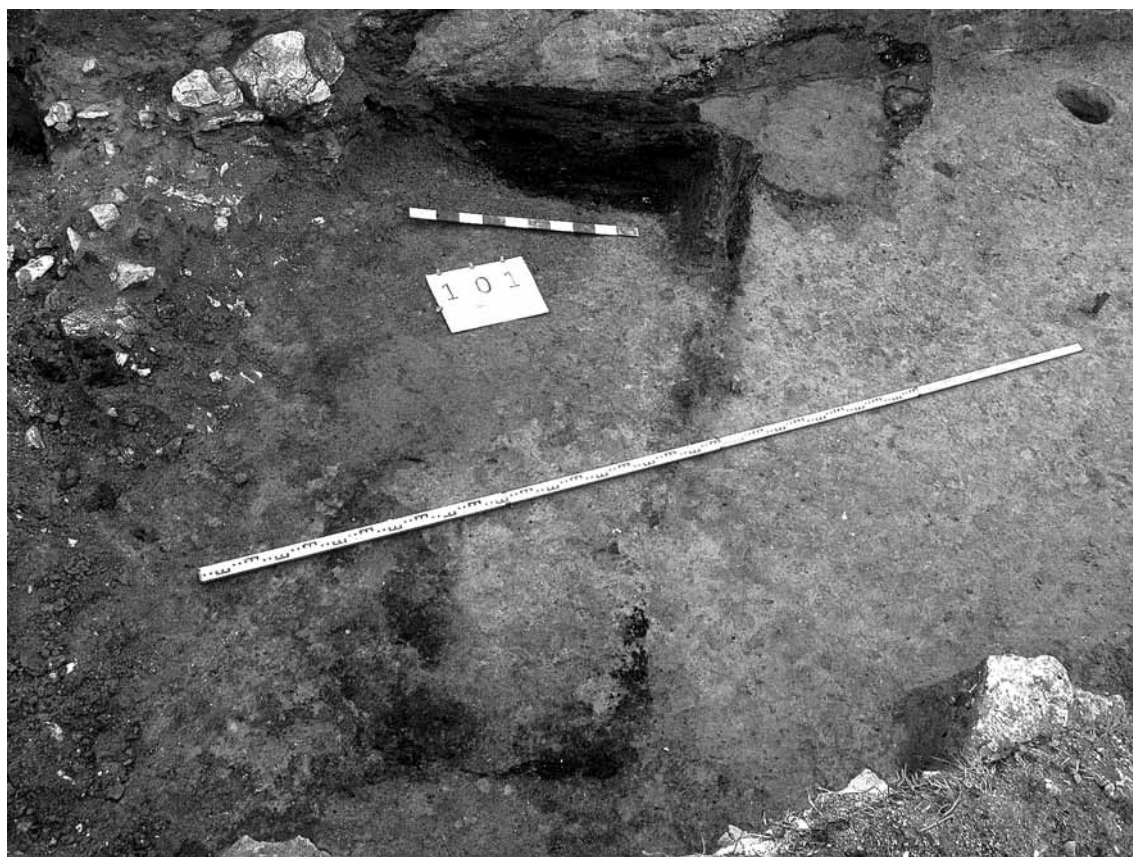

Рис. 9. Следы деревянного сруба от укреплений XIII–XIV вв. и камни, крепившие его с внутренней стороны. Вид с востока. В профиле видны следы небольшой насыпи с внешней стороны сруба. Уровень -500 см (см. цв. вкл.)

претированная как печь-каменка на глиняном основании. Глиняная подушка найдена в этой же яме у западного борта раскопа. В яме 2 найдены железное кольчужное колечко и щиток перстня медного сплава, датировка которых не выходит за пределы XIV–XV вв. С этой ямой, вероятно, связаны два перпендикулярных бревна в кв. 27-12 и 27-07 соединенных в обло и лежавших на материке (рис. 14).

Индивидуальные находки из слоя 3. Черешковый наконечник стрелы, имеющий одну обломанную лопасть из трех (рис. 12, 9), может быть отнесен к древностям I тыс. н.э. (анalogии известны в древностях тушемлинской культуры середины – третьей четверти I тыс. н.э.). Наконечник стрелы (рис. 12, 10) датируется XI–XIV вв., к домонгольской эпохе относятся также стеклянные браслеты (рис. 12, 12, 13), ключ от цилиндрического замка и железная булава с 12 шипами (рис. 12, 11). Подобные булавы из меди датируются XII–XIV вв. («Древняя Русь», 1985. Рис. 129, 8, 9). XII–XIV вв. датируются обломком браслета с тремя продольными валиками (на крайних валиках – насечки) и расширяющимися концами, обломки проволочного витого браслета, согнутый фрагмент браслета с расширяющимися концами и шишечками ложной зерни в расширениях (Янишевский, Зайцева,

2010. Рис. 1, 13, 14, 15). К этому же периоду относятся две лопасти семилопастного височного кольца с подзором (XIII в.) и секировидной формы (второй половины XII в.) (Янишевский, Зайцева, 2010. Рис. 1, 10, 11), крест-тельник из медного сплава с шариками на концах XI–XII вв. (Янишевский, Зайцева, 2010. Рис. 1, 1). Датировка самых поздних находок не противоречит керамическому материалу.

Остатки укреплений. Остатки срубных конструкций, интерпретированных как клетки⁷, в виде углей и верхней части бревен, выявились на границе кв. 17-11 и 17-16 на гл. минус 400 – минус 420 см. Сруб был как бы зажат двумя насыпями – с севера и с юга. Насыпь с северной стороны от сруба состоит из коричневой глины с включениями линз песка. Северная насыпь и срубные конструкции заканчивались или имели разрыв – с восточной стороны от сруба наблюдается полоса стерильного желтоватого суглинка, идущая с уровня разрушения погребов XVII в. Южная насыпь состоит из камней (рис. 9). Как и северная, она перекрыта слоем углей, вероятно, от сгоревшего сруба укреплений.

В плане сохранились только три бревна сруба – западное, северное и восточное, тип их соединения неясен. Общая длина сруба по северной стороне со-

⁷ Клетки – бревенчатые срубы – основа внутривальных конструкций крепостных укреплений.

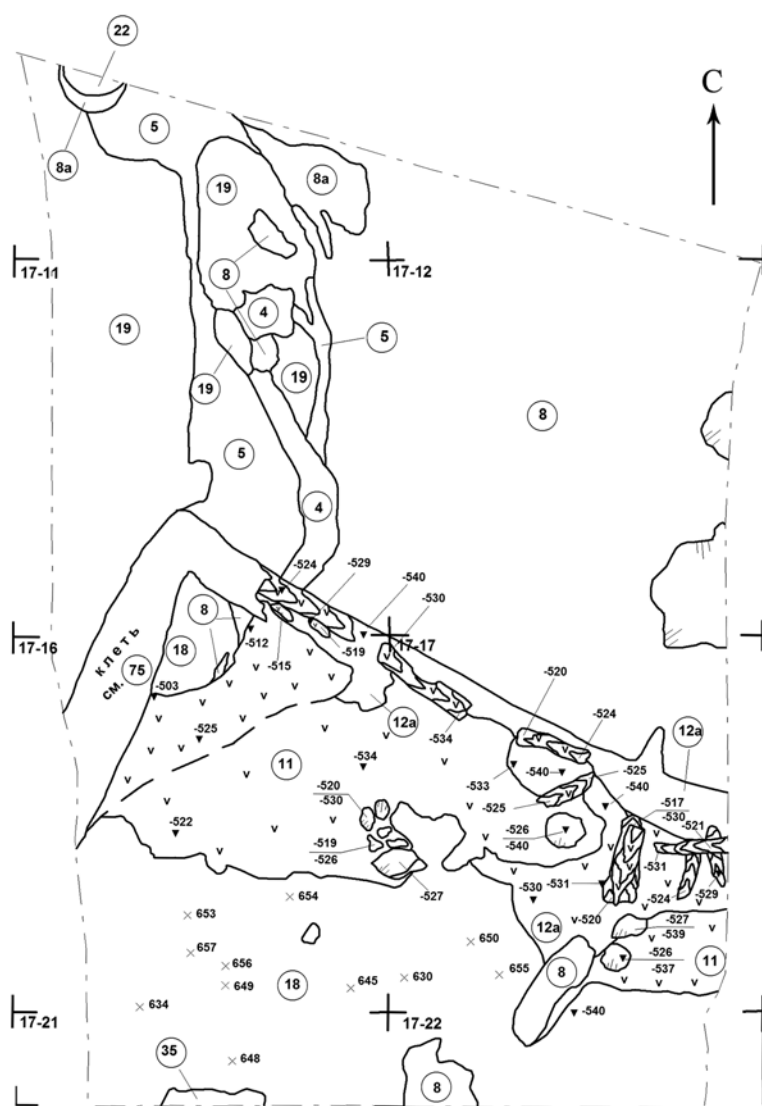

Рис. 10. Чертеж сгоревшего сруба от укреплений XIII–XIV вв. на уровне -540 см

Слой обозначены цифрами, заключенными в кружки: 4 – темно-серая супесь; 5 – светло-коричневый суглинок; 8 – коричневая глина; 8а – светло-серая глина; 9 – серая супесь; 12а – обожженная глина; 18 – черный слой (слой 3); 19 – светло-серая супесь; 22 – пустоты; 35 – белый мергель (разрушенный известняк)

ставила 3 м. Южное бревно прослеживается в виде тлена. Западные бревна частично уходят в западный борт, восточное бревно параллельно западным. Максимальная толщина нижнего обугленного бревна 8 см, максимальное количество сохранившихся венцов – пять (в северо-восточном углу клетки). У южного конца западного бревна сруба – камни, размер которых достигает 15 см. Один камень размером до 20 см фиксируется у северо-восточного угла клетки. Сруб заполнен плотным, местами обожженным, коричневым суглинком с включениями темно-серых и черных пятен, содержащих мелкодисперсный уголь и крупные угли (рис. 10). Снаружи (с запада, севера и северо-востока) сруб окружен желтым песком (сменившим коричневый суглинок к востоку и северо-востоку от клетки). С юга к углям от бревен сруба примыкает слой серой супеси – смыва черного слоя с дневной поверхности. В этой супе-

си, примыкая к обугленным бревнам с юга, – группа камней и крупных углей. Внутри сруба найдено только четыре обломка красной грубой керамики XIV – первой четверти XV в. У южного конца западных бревен сруба располагается каменный завал, ограничивающий сруб с юга. Размеры камней: до 15 см с юго-запада от клетки, с юга и юго-востока – до 5 см в поперечнике. Направление завала соответствует направлению северной стенки сруба. Внутри сруба на этом уровне камней нет.

Заполнение нижней части сруба – угольно-черная супесь (подстилающий черный слой). Стало быть, сруб второй генерации укреплений поставлен на уже отложившийся культурный слой XII–XIII вв. В заполнении черного слоя имеются камни (известняк), размером до 15 см в поперечнике. Процентное соотношение керамики в нижней части сруба очень показательное: равное количество (по 31,25%) курганный,

Рис. 11. Остатки фундамента стены Борисова городка нач. XVII в. и зачистка на уровне -500 см. Часть квадратов заложены дерном. В правой дальней части снимка – разрез пристенного вала. Вид с юго-востока

серой и красноглиняной грубой, что по самой поздней керамике дает дату XIV – начало XV в. Шесть обломков лепной керамики показывают, что слои раннего железного века были турбированы в древнерусскую эпоху. Датированными находками являются нательный равноконечный крест с ромбом в средокрестии (рис. 12, 14) и броневая черешковая стрела (рис. 12, 15) («Древняя Русь», 1985. Рис. 135, 14), верхняя дата которых не выходит за пределы XIV в. Таким образом, находки и керамика не противоречат друг другу.

При раскопках слоев, располагавшихся ниже «клетей», выявились камни и обугленные бревна, относившиеся к древнерусским укреплениям предшествующей генерации. В кв. 17-17 и 17-12 под камнями, выявленными в предыдущем слое, проявились обугленные бревна (около уровня -590 см), лежавшие в основном по линии 3–В. Бревна (а поверх них камни) крепили край площадки. Слои эти содержали большой процент лепной керамики (более 80%, а иногда более 95%), что говорит о том, что укрепления первой генерации были засыпаны слоем раннего железного века. Однако присутствие в керамическом материале, хоть и небольшого количества, керамики древнерусского и раннемосковского времени (курганной, серой и красной грубой) все-таки заставляет датировать его XIV в. О смешанности слоя говорят и находки: грузик дьякова типа (I–III вв. н.э. – № 696); бусина стеклянная красного цвета из глухого стекла (рис. 12, 16), относящаяся к раннему

железному веку; цепочка плетеная из медной проволоки XII–XIV вв. (Янишевский, Зайцева, 2010. Рис. 1, 21); цилиндрический замок XII–XIV вв. (рис. 12, 20). Кольчужные кольца датируются более широко (XII–XVII вв.), но, учитывая другие находки и керамику, датировку колец можно сузить до XII–XIV вв.

Материк на краю площадки имеет сложную конфигурацию: в кв. 17-17 он подпрямоугольными ступеньками, обращенными вырезом на северо-восток, падает вниз (в этом квадрате он прослежен до глубины -809 см). Далее краевая часть площадки, прослеженная от границы кв. 17-11 и 17-12, была оформлена обугленными бревнами и столбами (ямы «Г», «Д», «Е»). Второй, внешний, ряд ям прослежен в кв. 17-11 и 17-12 (ямы «Ж», «З», «И»). В предматериковом слое на краю площадки содержится большое количество мелких камней, иногда достигающих размера 10–15 см в поперечнике. Этот слой включает черные и темно-серые прослойки с золой и песком, состоявшие из культурного слоя городища, относящегося к раннему железному веку, однако присутствие небольшого количества (около 6%) керамики XII–XIV вв. (курганной, серой и красноглиняной грубой) не позволяет датировать этот слой ранним железным веком.

Датирующими находками из предматерикового слоя на краю городища являются два миниатюрных лепных сосуда раннежелезной эпохи (рис. 12, 17, 18).

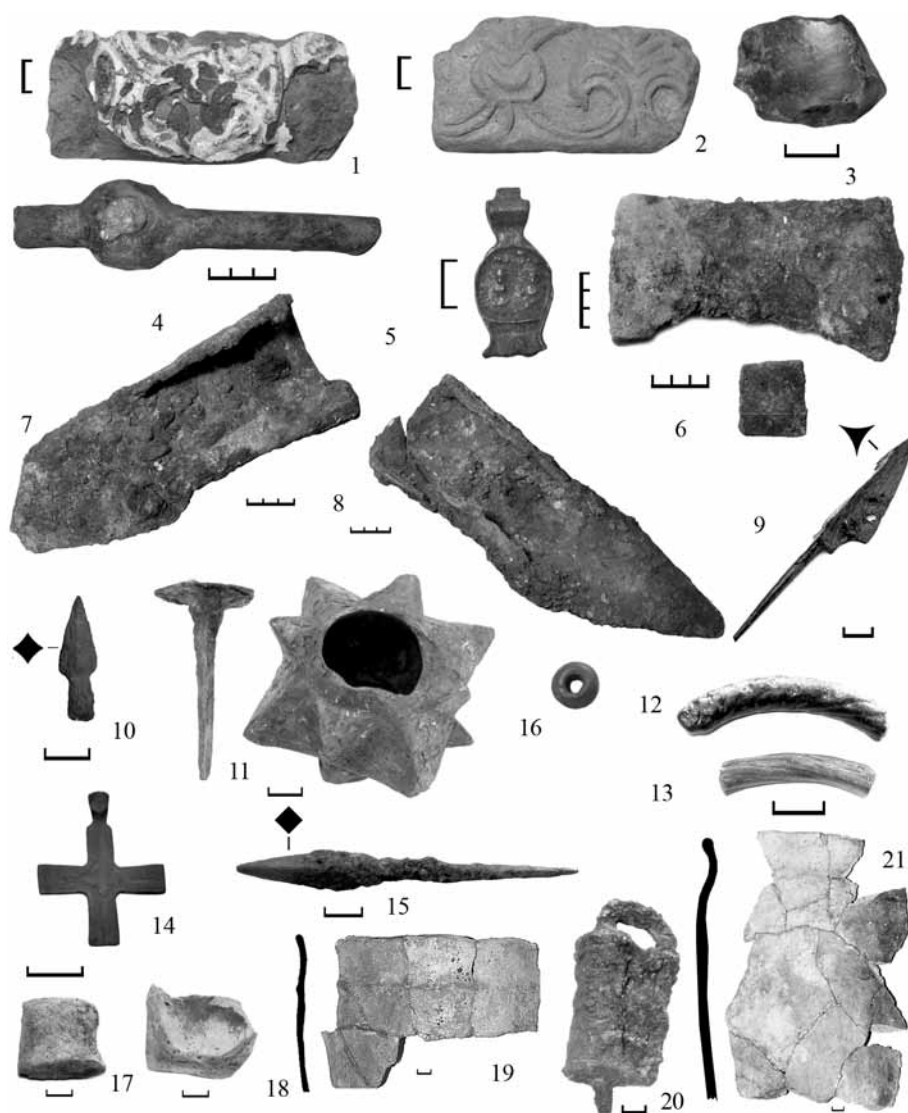

Рис. 12. Находки из раскопок Борисова городка

1, 2, 17-19, 21 – керамика; 3 – кремнь; 4, 6-11, 15, 20 – железо; 5, 14 – медные сплавы; 12, 13, 16 – стекло

Четвертый период: ранний железный век

Материалы раннего железного века появлялись постоянно в верхних слоях в виде керамики и находок. Однако, культурный слой этого времени найден только на склоне площадки городища в предматерике а также в подсыпке, выравнивавшей крутизну склона площадки. После анализа материалов из культурного слоя этого времени выяснилось, что керамика раннего железного века делится на две группы: керамику начала н.э. (I–III вв.) и керамику середины I тыс. н.э. (IV–VI вв.). Керамика начала н.э. представляет собой обломки высоких лепных горшков баночной формы с отогнутым наружу венчиком, часто имеющим насечки ножом или пальцевые вдавления (рис. 12, 21). На верхней части сосудов встречаются круглые ямки, диаметром до 0,5 см, расположенные в один ряд по кругу. Керамика середины I тыс. н.э. включает более низкие и широкие сосуды, сделаны они более качественно, почти не имеют дресвы в тесте, поверхность

часто залощена. В верхней трети сосудов часто имеется выступ в виде ребра (рис. 12, 19). Подлощенные сосуды при статистических подсчетах названы мощинскими, т. е. имеющими аналогии среди керамики мощинской культуры. Керамика этих двух групп не располагается в культурном слое в каком-либо порядке, а перемешана, что дает возможность говорить о перемещении культурного слоя раннего железного века. Практическое отсутствие этих материалов в средней части площадки и наличие их в большом количестве на краю площадки, а также на крутом склоне подтверждает этот вывод. Однако в раскопе имелись все же участки со слоями, содержащими только материалы раннежелезной эпохи.

Слой на краю городища (на отметках минус 700 – минус 760 см). Наблюдалась слоистая структура (серых, черных и коричневатых) круто падающих слоев на краю площадки городища. Найден второй подпрямоугольный вырез-ступенька, обращенный на северо-восток (рис. 16). В кв. 17-06 найдены две ямы в

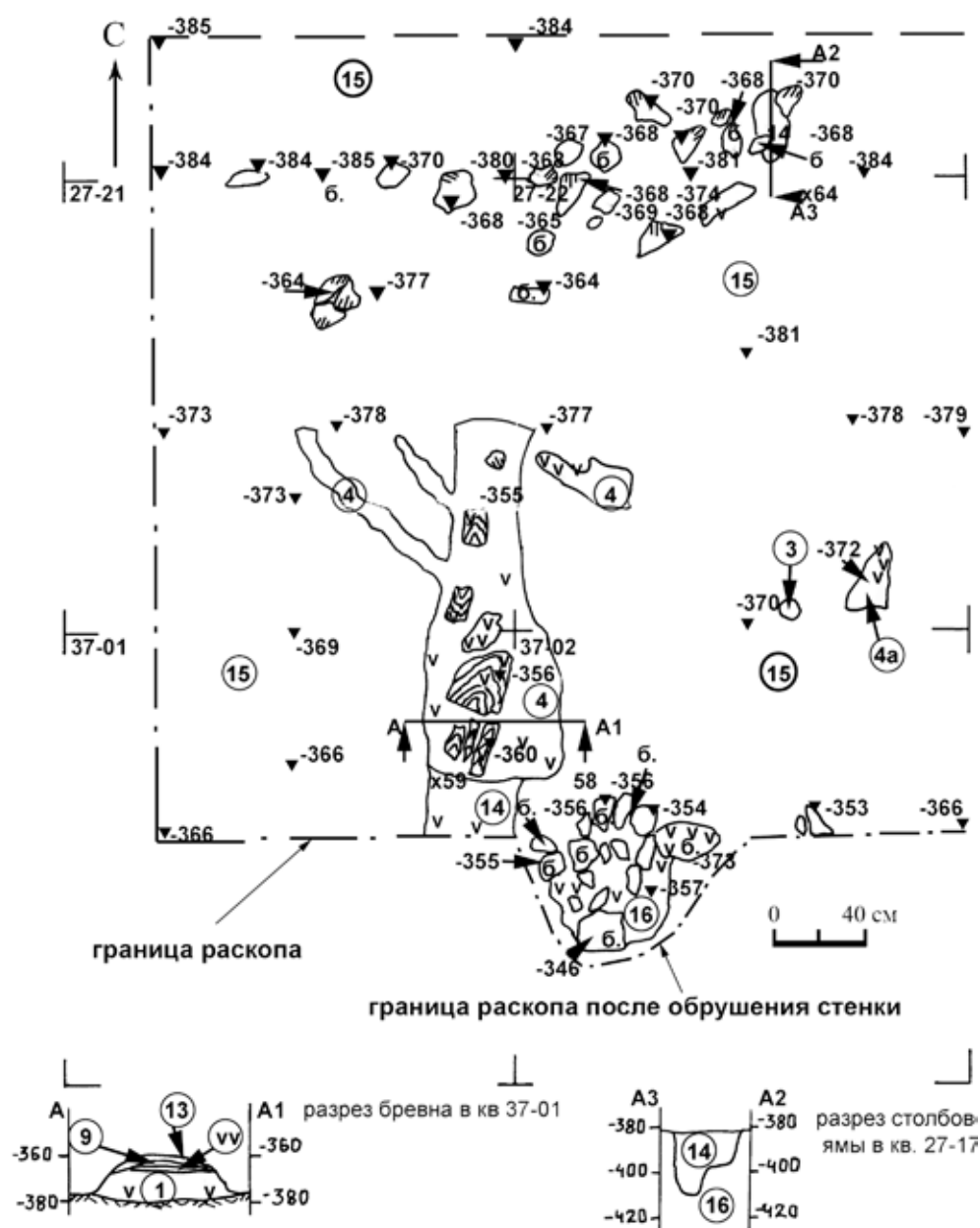

Рис. 13. План постройки в слое 3 Борисова городка.

В кв. 37-02 – основание печи-каменки и примыкающее к ней обугленное бревно

Слои обозначены цифрами, заключенными в кружках: 1 – серый суглинок; 4 – темно-серая супесь; 4а – темно-серая супесь с пещиной; 9 – серая супесь; 13 – горелое дерево; 14 – темно-серый суглинок; 15 – материк (светлый суглинок); 16 – пещина

системе столбовых ям, расположенных на краю площадки городища (ямы «К» и «Л»). Вся керамика в этих слоях – лепная. Здесь найдена круглая железная фибула с завернутыми концами (№ 701).

Расчистка погребения на уровне материка в кв. 27-01. На уровне материка выявилось овальное пятно из рыжей глины, представлявшее собой подрезку материка в виде ступени, вытянутой по направлению З–В, шириной 75 см. В середине ступени зафиксировано черное углистое пятно размерами 30 x 35 см, в котором были видны кости, идентифицированные как кости человека. Вокруг костей голенистопа в

погребении лежали переотложенные человеческие кости: позвонок грудного отдела, ребра, трубчатые кости без эпифизов. Кости принадлежали взрослому человеку (20–40 лет). Пол не определен. К северу от голеностопного сустава находятся разрозненные кости животного: фрагмент челюсти собаки или волка. Около костей найдены обломки лепной керамики.

После выемки костей с северной стороны подрезки выявилась углубленная на 10 см (по северному краю) яма с плоским дном в материке, размерами 130 x 60 см. Кости располагались на расстоянии 110 см от восточной границы ямы (рис. 15).

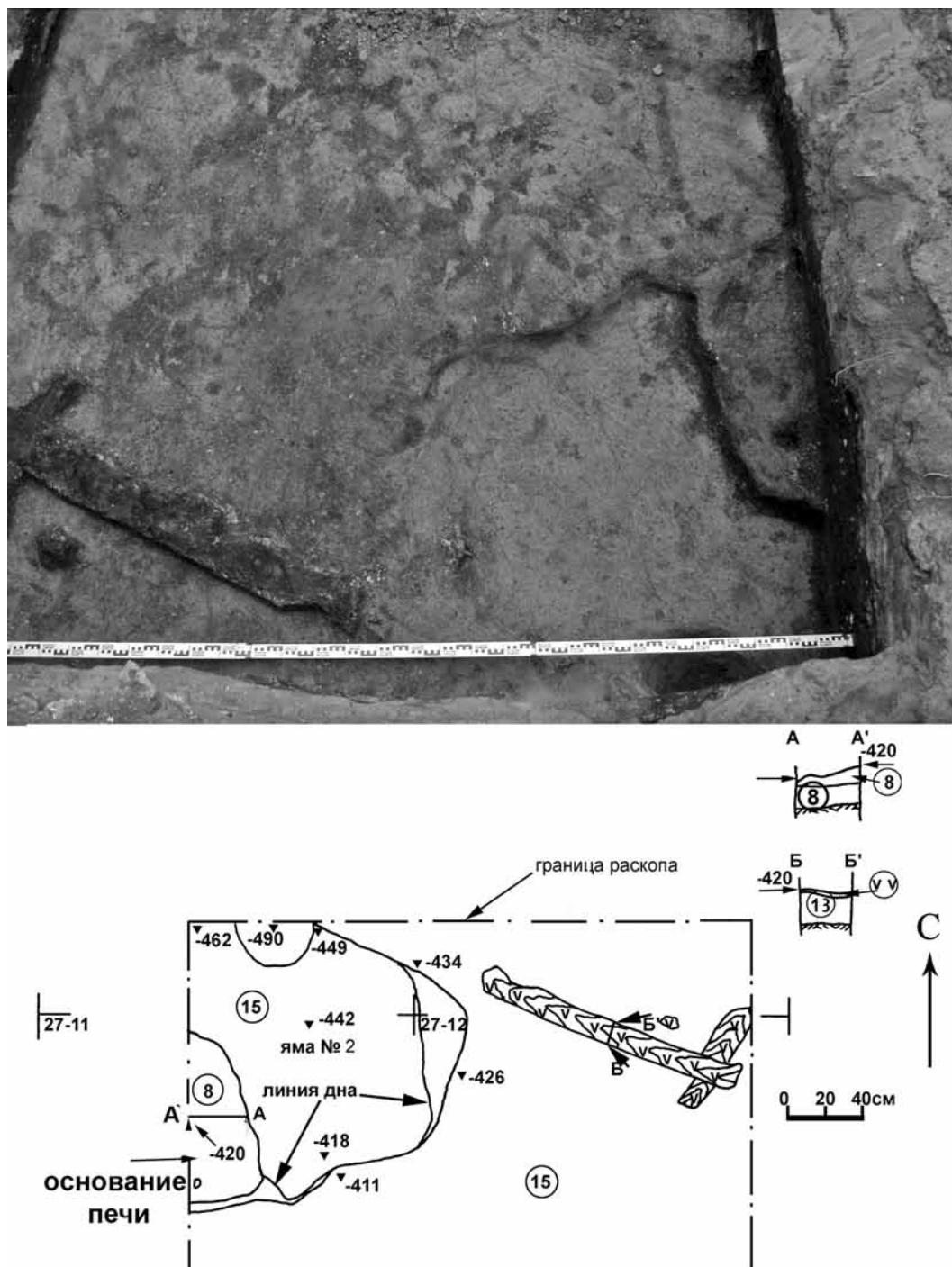

Рис. 14. Вид сверху – с севера на остатки сруба и ямы 2 в слое 3 и план этого же сооружения на уровне материка
 Слои обозначены цифрами, заключенными в кружках: 8 – коричневая глина (основание печи);
 13 – горелое дерево; 15 – материк

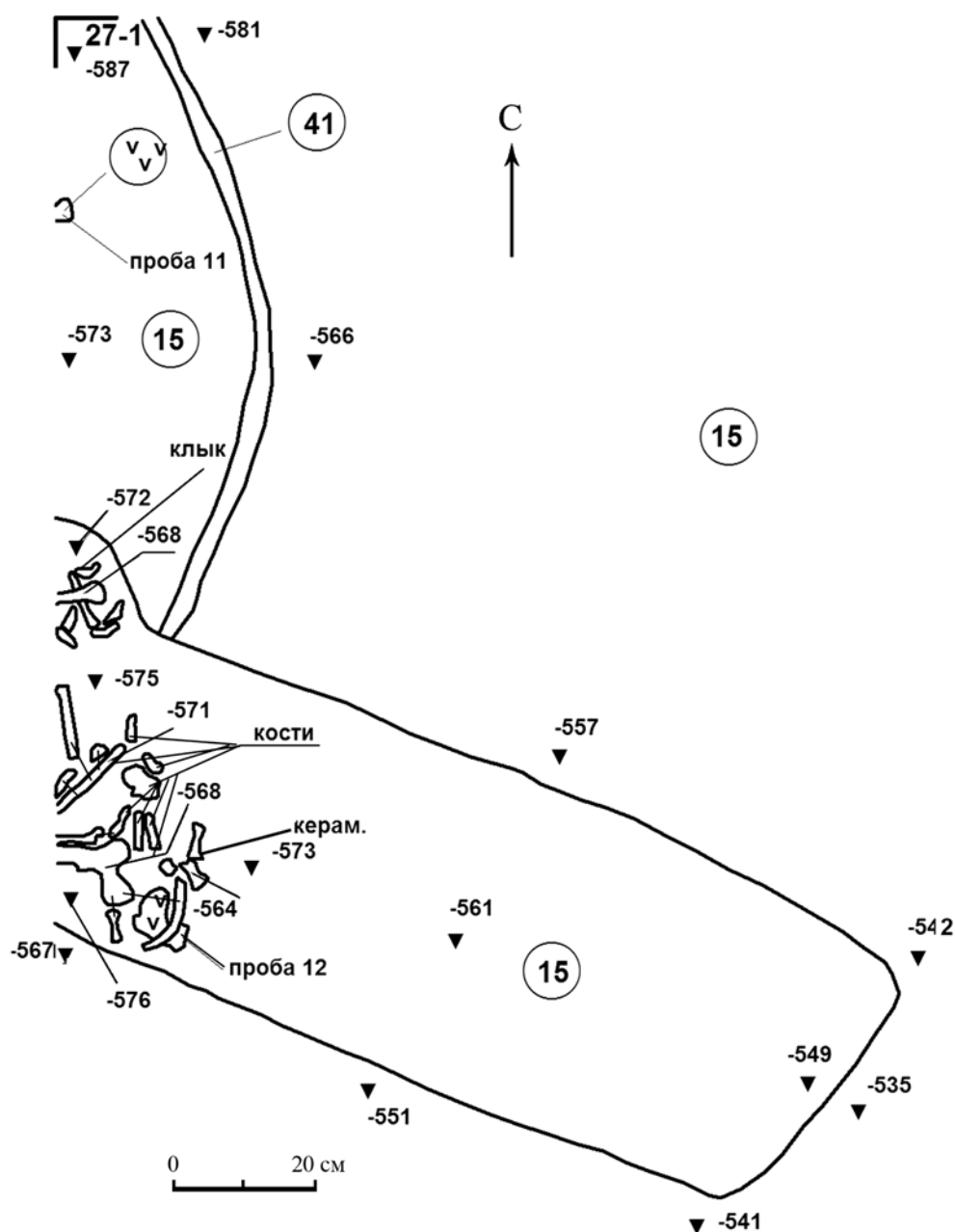

Рис. 14. Вид сверху – с севера на остатки сруба и ямы 2 в слое 3 и план этого же сооружения на уровне материка
Слой обозначены цифрами, заключенными в кружки: 8 – коричневая глина (основание печи);
13 – горелое дерево; 15 – материк

Заключение

Борисов городок является памятником трех эпох в верхнем Москворечье. После раскопок 2009 г. появилась первая для этой части бассейна Протвы коллекция керамики и находок, которая даст возможность использовать ее для датировки поселений от начала н.э. до XVII в. включительно. Материалы с Борисо-

ва городка, в силу их стратифицированности, можно использовать для сравнения с многочисленными, но не столь хорошо датированными материалами Можайска, Вереи и других городов и сельских поселений Западного Подмосковья, а для железного века – районов Верхнего Москворечья и верхнего течения р. Протвы.

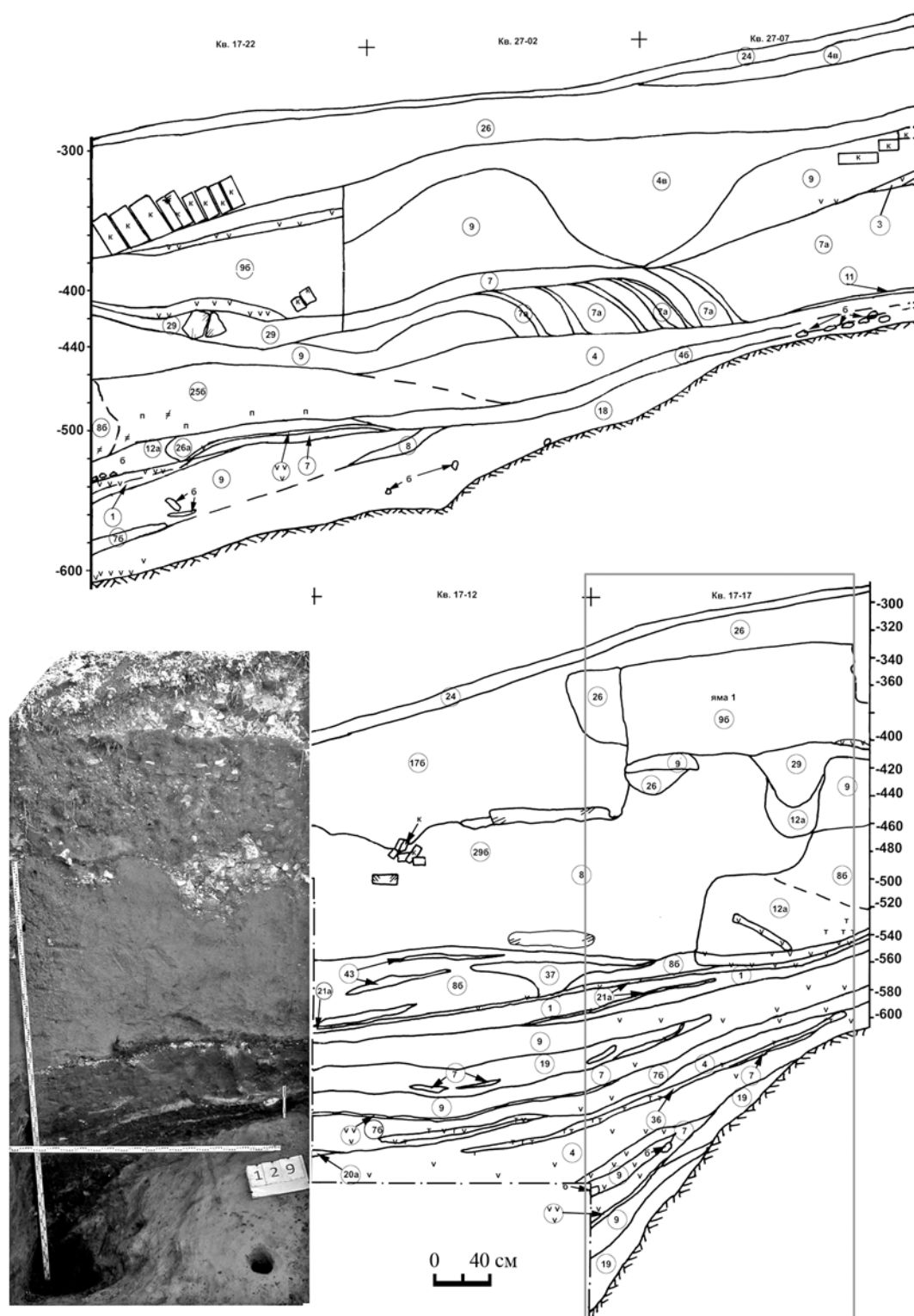

Рис. 14. Вид сверху – с севера на остатки сруба и ямы 2 в слое 3 и план этого же сооружения на уровне материка
Слои обозначены цифрами, заключенными в кружки: 8 – коричневая глина (основание печи);
13 – горелое дерево; 15 – материк

Литература

Древняя Русь. Город, замок, село, 1985. М. (Археология СССР).

Миллер Г.Ф., 1996. Сочинения по Российской истории. Избранное. М.

Раппопорт П.А., 1955. Борисов Городок // МИА. № 44.

Смирнов К.А., 1972. Отчет о работе Третьего отряда Московской экспедиции в 1971 г. // Архив ИА. Р-1. № 4417.

Соловьев С.М., 1995. История России с древнейших времен. Кн. 5. М.

Янишевский Б.Е., Зайцева И.Е., 2010. Новые находки предметов из цветных металлов XI–XV веков из Можайска и его окрестностей // АП. Вып 6.

B.E. Janiszewski

Excavations on Borisov Gorodok in 2009

Summary

Publication of the results of fortified settlement excavation on the west of Moscow area. Settlement existed in 12th-17th cc. and in the epoch of early Iron Age (Dya-

kovo culture), were researched the remains of wooden-earth fortifications of early period and foundation trench of stone wall (the 17th c.).

Д.А. Сташенков, А.И. Королев, А.Ф. Кочкина

Исследования на селище Красная Пахра I в 2008 году

В 2008 г. археологической экспедицией Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина совместно с ООО «Археология Подмосковья», Самарским государственным педагогическим университетом, Самарским филиалом Московского городского педагогического университета и ВООО «Волго-Донское археологическое общество» (г. Волгоград) были проведены охранные археологические работы на селище Красная Пахра I в Подольском районе Московской области.

Селище Красная Пахра I расположено в 0,6 км к западу от пос. Красная Пахра Подольского района Московской области, на правом берегу пруда, в 0,25 км к северо-западу от дамбы, на площадке, образованной оврагами, по дну которых протекают ручьи – правые притоки р. Пахра (рис. 1; 2). Высота над современным уровнем воды в водоеме 5–15 м. Территория, на которой находится селище, распаивалась.

Памятник был обнаружен в 2005 г. в процессе проведения разведочных археологических работ под руководством М.И. Гоняного (рис. 1). Тогда же были осуществлены археолого-геофизические исследования с использованием высокоточной поисковой аппаратуры фирмы «Оагеп» с последующей привязкой обнаруженных находок при помощи теодолита к топографическому плану памятника (*Гоняный*, 2006).

Площадка селища вытянута с севера на юг на 160 м при ширине 60–80 м. С севера она понижается по склону проточной балки. В юго-западном направлении наблюдается уклон в сторону другой проточной безымянной балки. В настоящее время поверхность памятника распаивается. Площадь селища около 1 га.

Культурный слой состоит из темно-серого гумусированного суглинка с включением мелких углей и кусочков прокаленной глины. Его мощность составляет 0,2–0,3 м. Ниже расположен материк, сложенный из более плотного ярко-бурого суглинка.

История села Красная Пахра по письменным источникам

В непосредственной близости от места раскопок 2008 г. расположено село Красная Пахра. Это село и расположенное в нескольких километрах к востоку

от него село Красное в документах иногда фигурируют под одним именем. Поэтому приведем сведения из письменных источников, касающиеся обоих сел.

В начале XVI в. этими землями владели Паховы. В 1568 г. Пелагея Ивановна, вдова Григория Гавриловича Пахова, вместе с детьми отдала деревню «Пахово, Старое Зубцово тож» на р. Пахра московскому Симонову монастырю, от которого эти земли отходят в опричнину. В описях дворцового имущества Ивана Грозного фигурирует «государево именье – сельцо Красное на реке Пахре». По местному преданию, здесь, на расстоянии одного дневного перегона от столицы, стоял деревянный терем, в котором останавливался Иван Грозный по дороге в Оптину Пустынь. Из государственной вотчины сельцо Красное было пожаловано одному из правителей Кабарды Хорошай-мурзе, присягнувшему в 1577 г. на верность русскому царю и получившему после крещения имя Бориса Камбулатовича Черкасского. Двоюродная сестра Бориса Черкасского, дочь Темир Гучи, княжна Кученей, нареченная Марией, стала второй женой Ивана Грозного. После смерти Бориса Камбулатовича село Красное переходит во владение его сына Ивана, который был некоторое время в опале за связи с Григорием Отрепьевым (Лжедмитрием I).

По писцовым книгам 7135 и 7136 (1627–1628) «сельцо, на реке Пахре, московского уезда, Лукомского стана, поместье за боярином князем Иваном Борисовичем Черкасским; в сельце двор боярский с деловыми людьми и двор конюшенный, да за рекою за Пахрою, на перевозе, на калужской дороге. 3 двора бобыльских с 4 человеками». Сельцу принадлежали деревни Горки на р. Пахре, и Гавриловка («Страдань тож») на р. Страдани.

В 1642 г. Красное перешло к Якову Куденетовичу Милославскому, а в 1648 г. Алексей Михайлович Романов подарил сельцо Красное своему тестю Илье Даниловичу Милославскому, после смерти которого в 1668 г. сельцо перешло к Ивану Милославскому. В 1678 г. в с. Красное (Пахово) числились: один двор вотчинников, конюшенный двор, двор скотный (*Беднажевская и др.*). Затем сельцо Красное перешло к сестре Ивана Феодосье Милославской, а после ее

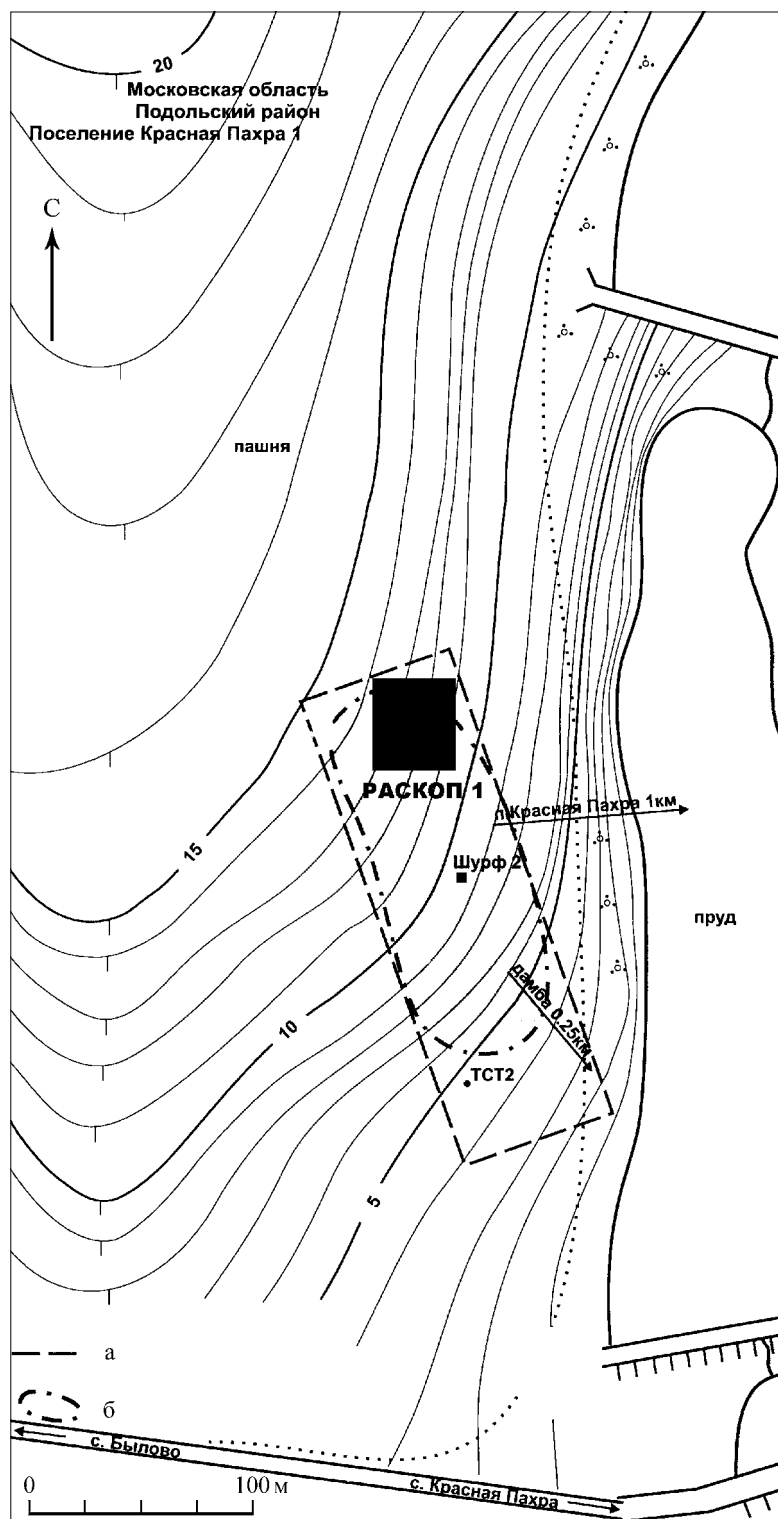

Рис. 1. Селище Красная Пахра I. План. 2005 г. Съёмка С.Н. Булынкина
 а – площадь планшета поисковых работ с применением детектора металла;
 б – примерная граница памятника. Высота сечения рельефа 1 м

смерти в 1695 г. к ее мужу – имеретинскому царевичу Александру. 7 августа 1705 г. в Красном была освещена и открыта церковь Иоанна Богослова, построенная по заказу царя Кахетии и Имеретии Арчила Вахтангиевича во спасение своего сына – генерала-

фельдцейхмейстера, командовавшего русской артиллерией и с 1700 г. находившегося в шведском плену.

После смерти Александра Арчиловича Имеретинского в 1711 г. село Красное перешло к его сестре царевне Дареджан (Дарье) Арчиловне, которая отка-

зала его по духовному завещанию 1728 г. племяннице Софье Александровне. После смерти Софьи Александровны в 1747 г. село отошло к ее мужу, князю Егору Леонтьевичу Дадияни. В 1765–1784 гг. село Красное («Пахово тож») слободки Горки и Софьи находились во владении князя Петра Егоровича Дадияни. «Село ... на правых берегах реки Пахры и речки Страданки ... на левой стороне, церковь каменная Святого Апостола Евангелиста Иоанна Богослова, господский дом каменный и при нем сад регулярный с плодовитыми деревьями, 146 дворов, 611 мужеска, 604 – женска» (*Беднажевская и др.*).

В конце XVIII в. имение приобрел Николай Иванович Салтыков, сын внучатого племянника императрицы Анны Иоанновны, будущий генерал-фельдмаршал, воспитатель царевича Павла, великих князей Александра и Константина, президент Военной коллегии, председатель Государственного совета и председатель Кабинета министров правительства императора Александра I.

Район Красной Пахры связан с героическими событиями Отечественной войны 1812 г., с осуществлением знаменитого марш-маневра М. И. Кутузова. Чтобы вынудить наполеоновскую армию отступить из Москвы по Рязанской дороге, русская армия 9 сентября вышла на Калужскую дорогу возле Красной Пахры и заняла позиции возле села Тарутина, на правом берегу р. Нары. Кавалерист-девица Н.А. Дурова (корнет Александров) в своих записках оставила воспоминание о встрече в Красном с Кутузовым. Известно письмо М.Б. Барклай де Толли своей жене, отправленное 11 сентября 1812 г. из Красной Пахры¹.

Во время движения армии к Тарутину М.И. Кутузов распорядился оставлять небольшие конные разъезды, действовавшие совместно с отрядами вооруженных крестьян. Генерал М.А. Милорадович отмечал: «Вооруженные мужики истребляют врагов без пощады. Один староста в Красной Пахре собрал 3000 конных мужиков и защищал свою слободу с таким успехом, что я наградил его Георгиевским крестом 5-го класса. Вчера привели ко мне мужиков из Каменки: Я им роздал ружья, взятые у неприятеля. За этими ружьями со всех сторон приходят ко мне мужики...» (*Поцелуев, Петреев*).

С 1816 г. усадьбой стал владеть Александр Салтыков, а после его смерти в 1837 г. село перешло во вла-

дение вдовы Натальи Юрьевны Салтыковой-Головкиной. В 1852 г. в селе было пять дворов с 37 душами мужского и 36 женского пола, которых освобождал от крепостной зависимости А.А. Салтыков-Головкин.

До 1913 г. усадьбой владела княжна Е.А. Салтыкова-Головкина (ОПИ ГИМ. Ф. 229. Д. 298. Л. 114, 281). В 1913 г. имение Красное было куплено бывшим министром финансов правительства царя Николая II Сергеем Юльевичем Витте (*Поцелуев, Петреев*).

В XX в. территория, где производились раскопки, длительное время являлась учебным полем Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.

Археологические исследования на селище Красная Пахра I

В связи с намечавшимся коттеджным строительством, были проведены археологические исследования на нескольких участках селища. На раскопе I исследована площадь 1864 кв. м, раскоп II имел площадь 1200 кв. м, раскоп III – 200 кв. м, раскоп IV – 800 кв. м. Наиболее выразительные материалы получены на раскопе I, расположенном в центральной и северной части селища (рис. 2), именно они и представлены в статье.

Стратиграфия на раскопе единообразна. Под перепаханым слоем темно-серого гумусированного суглинка с вкраплениями угольков (мощностью 0,2–0,4 м) залегала погребенная почва – серый гумусированный суглинок, хорошо выраженный в западной и северной частях раскопа, мощность которого в среднем составляет 5–10 см, затем идет материк, представленный плотным суглинком красно-коричневого цвета (рис. 3; 4).

Культурный слой содержал в себе обломки круговой красноглиняной и белоглиняной грубой керамики, мореной, белоглиняной гладкой посуды с поливой темно-зеленого и желтого цвета, характерной для XVIII–XIX вв. Кроме того, в слое встречены многочисленные железные кованые гвозди. Наибольший интерес вызывают найденные в раскопе изделия из местного полупрозрачного кремня, относящиеся к каменному веку.

На уровне материка в западной части раскопа фиксировались две параллельные канавки – вероятно, следы от проселочной дороги позднего времени.

Таблица 1. Распределение массовых находок на раскопе I. Поселение Красная Пахра I

Пласт	Камни	Кремень	Кирпичи	Шлак	Глин. обмазка	Кости	Керамика	
							неполивная	поливная
I	1308	799	1249	50	16	12	958	75
II	396	302	272	10	10	3	248	21
Всего	1704	1101	1521	60	26	15	1206	96

¹ Источник: <http://www.teacher.syktu.ru/06/liter/002.htm>.

Описание сооружений раскопа I

Зачистка по уровню материка всей площади раскопа I выявила контуры заглубленных в материк крупной хозяйственной постройки (сооружение 13), 12 крупных ям и пять столбовых ям (рис. 3; 4; табл. 2).

Сооружение 4 в северо-восточной части было прорезано столбовой ямой № 1 (диаметром 0,27 м), которая четко фиксировалась по более темному заполнению. К северо-востоку от нее зафиксирована столбовая яма № 3 (диаметром 0,22 м), выявленная зачисткой по матерiku, в материк она была углублена

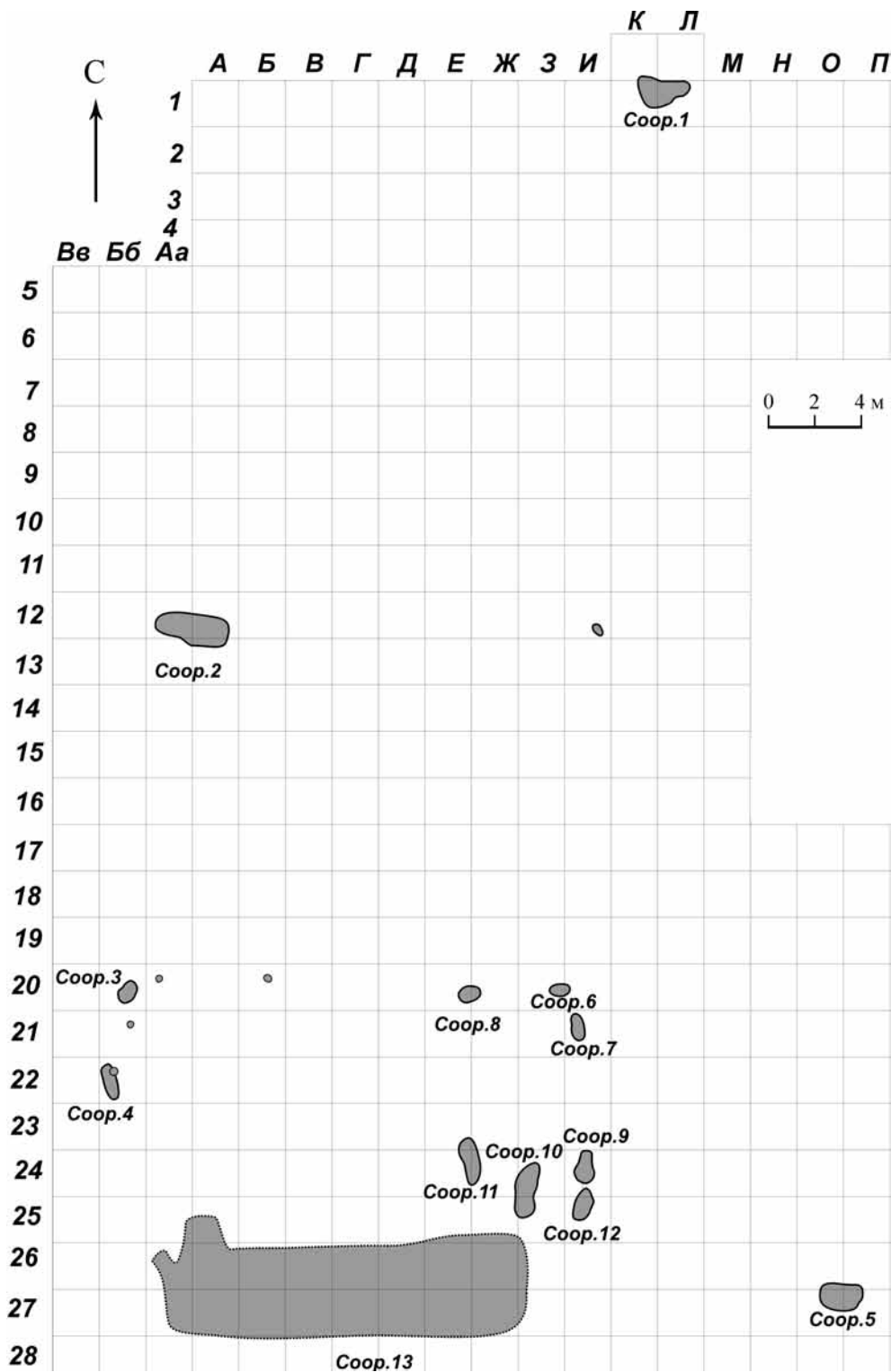

Рис. 2. Селище Красная Пахра I. План раскопа I

на 0,13 м. Еще две столбовых ямы (№ 2 и 4) имели диаметр 0,22–0,30 м и углублены в материк на 0,12–0,20 м. Находок в ямах не обнаружено.

Наиболее интересным оказалось сооружение 13 (рис. 3, 1), которое имело в плане форму прямоугольника, вытянутого по линии З – В. Длина сооружения 16 м, ширина в западной части 3,9 м, в восточной части – 4,6 м. С северо-западной стороны сооружение имело тамбур – вход размерами 1,5 х 1,2 м, в южной части стенки фиксировались нечетко. В северной части оно заглублено в материк на 0,05–0,10 м. Дно сооружения ровное, с небольшим понижением к центру. В золистом заполнении найдено всего два обломка сосудов. В южной половине сооружения зафиксированы три столбовых ямы: первая размерами 1,0 х 0,6 м при глубине 0,45 м; вторая – размерами 0,52 х 0,32 м при глубине до 0,12 м; третья (овальной формы) – размерами 0,48 х 0,42 м и глубиной 0,19 м. Вероятно, сооружение 13 представляло собой крупную наземную постройку типа овина (рис. 3, 3).

Исследованные на раскопе сооружения можно разделить на три группы:

– к первой группе относится сооружение № 13;

– ко второй группе относятся небольшие ямы овальной формы, слабо углубленные в материк (сооружения № 3, 6, 8), имевшие золистое заполнение без каких-либо находок;

– третью группу составляли ямы вытянутой овальной или подпрямоугольной формы со скругленными углами, углубленные в материк на 0,2–0,3 м (сооружения № 1, 2, 4, 5, 7, 9–12). Золистое заполнение этих сооружений находок также не содержало.

Отметим, что столбовые ямы № 1–4 четко очерчивают угол какой-то сравнительно крупной столбовой конструкции. Достоверно определить, связаны ли ямы с наземной постройкой или являются частью ограждения усадьбы, не представляется возможным. Можно только предположить, что столбовая яма № 5 продолжала линию ям № 1–3 и являлась частью единой конструкции усадебного ограждения. Анализ распределения железных гвоздей на раскопе (рис. 6) дает дополнительные аргументы в пользу этого предположения. В таком случае граница двух усадеб, остатки которых выявлены на поселении Красная Пахра I, проходила в центральной части раскопа I и была ориентирована по линии ЮЗ – СВ.

Таблица 2. Характеристика крупных ям (сооружений) раскопа I

Яма	Форма в плане	Размеры, м	Глубина в материке, м	Заполнение	Находки
1	Овальная	1,98х1,22	0,12–0,20	Серый золистый гумусированный суглинок с включениями мелких угольков	–
2	Неправильная овальная	2,56х1,12	0,26–0,28	Серый золистый гумусированный суглинок с включениями мелких угольков	Кремневый отщеп
3	Неправильная овальная	0,85х0,70	0,11–0,15	Серый золистый гумусированный суглинок с включениями мелких угольков	–
4	Прямоугольная, со скругленными углами	1,43х0,50	0,19–0,22	Серый золистый гумусированный суглинок	–
5	Неправильная овальная	2,02х1,00	0,64	Серый золистый гумусированный суглинок с включениями угольков и обожженной глины	–
6	Неправильная овальная	0,84х0,40–0,50	0,06–0,12	Светло-серый золистый гумусированный суглинок	–
7	Неправильная овальная	1,1х0,6	0,2	Серый золистый гумусированный суглинок	–
8	Неправильная овальная	0,78х0,3–0,50	0,2	Светло-серый золистый гумусированный суглинок	–
9	Неправильная овальная	1,10х0,52–0,70	0,25	Светло-серый золистый гумусированный суглинок	–
10	Прямоугольная со скругленными углами	2,68х0,80	0,21–0,4	Светло-серый золистый гумусированный суглинок	–
11	Неправильная овальная	1,52х0,60	0,21	Светло-серый золистый гумусированный суглинок	–
12	Неправильная овальная	1,12х0,70–0,80	0,1–0,23	Светло-серый золистый гумусированный суглинок	–

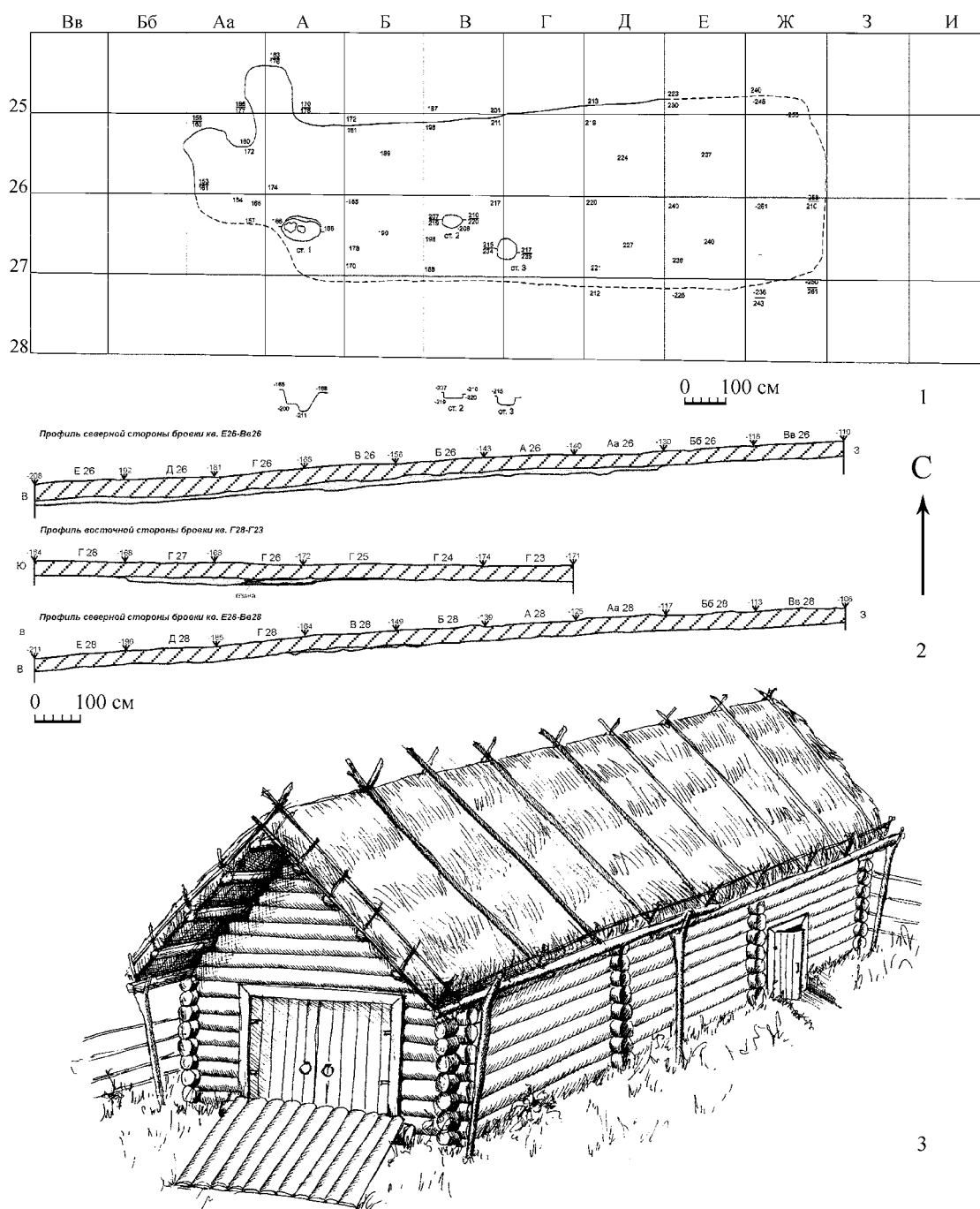

Рис. 3. Селище Красная Пахра I. Раскоп I

1 – план участка раскопа с исследованным сооружением 13; 2 – борта участка раскопа с разрезами сооружения 13; 3 – реконструкция внешнего вида сооружения 13 (реконструкция Д.А. Сташенкова)

Каменный инвентарь селища Красная Пахра I (раскоп I)

Серия кремневых изделий, полученных с селища Красная Пахра, представлена 244 единицами. Валуны, обломки мелко- и крупнозернистых пород камня, в том числе, красноватого, серого оттенков – 27 экз., по одному – осколков черного сланца и валунов кварцита.

Кремень, выявленный на раскопе I, различается по цвету и качеству. Преимущественно он лиловых

и коричневых оттенков (119 единиц из 244), нередко на одном изделии сочетаются оба оттенка, сердцевина лиловая, ближе к поверхности – коричневая. Кремень этого сорта довольно высокого качества, имеет матовую поверхность, с незначительными инородными включениями, полупрозрачный. Хорошо поддается расщеплению, свидетельством этому являются обломки пластин. По цвету близок ему кремень неоднородной структуры и серо-коричневых оттенков (72 экз.). Кроме этого представлен кремень коричневого цвета

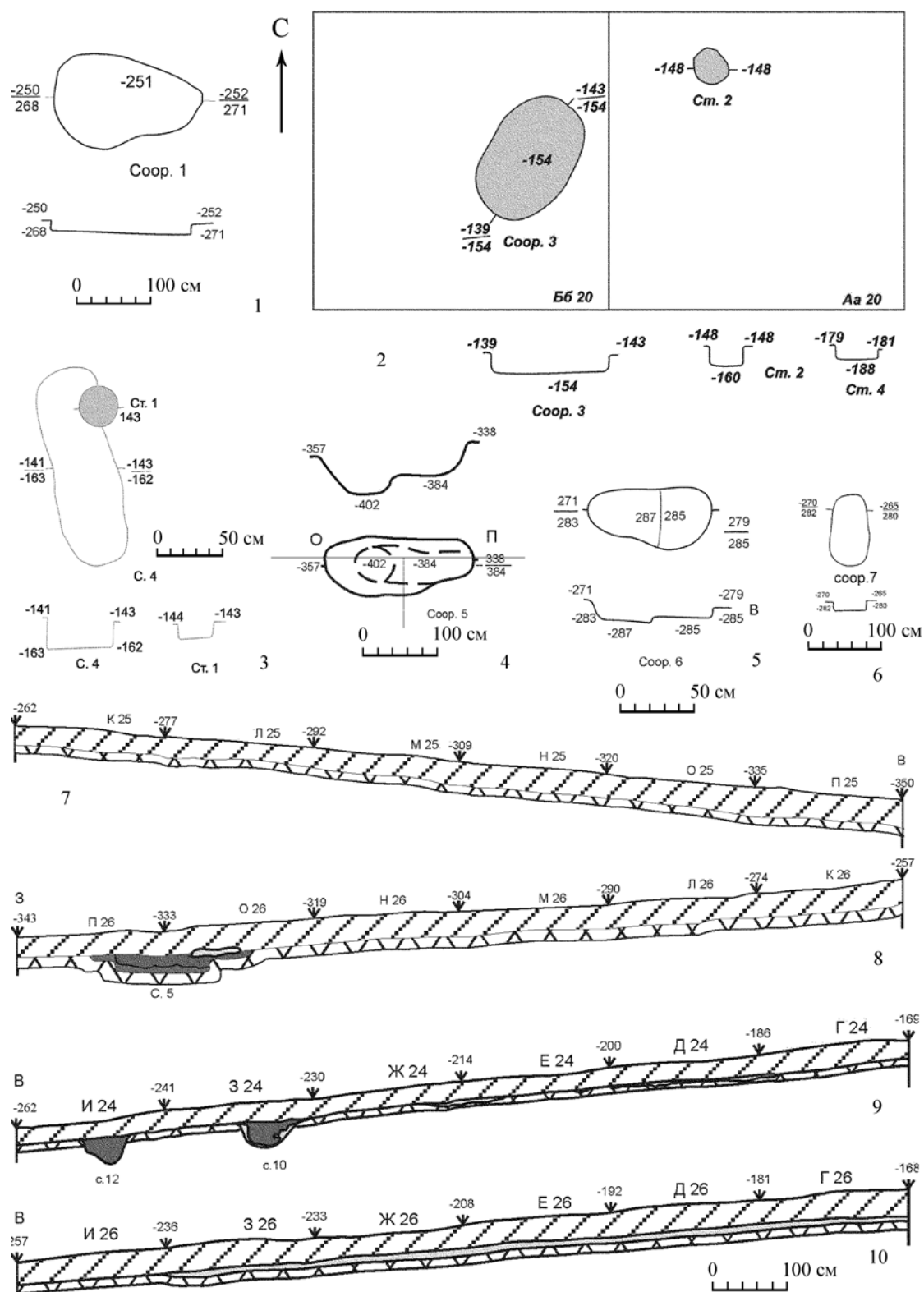

Рис. 4. Селище Красная Пахра I. Раскоп I

1–6 – планы исследованных сооружений; 7 – профиль северной стороны бровки, кв. К25 – П25; 8 – профиль южной стороны бровки, кв. П26 – К26; 9 – профиль северной стороны бровки, кв. И24 – Г24; 10 – профиль северной стороны бровки, кв. И26 – Г26

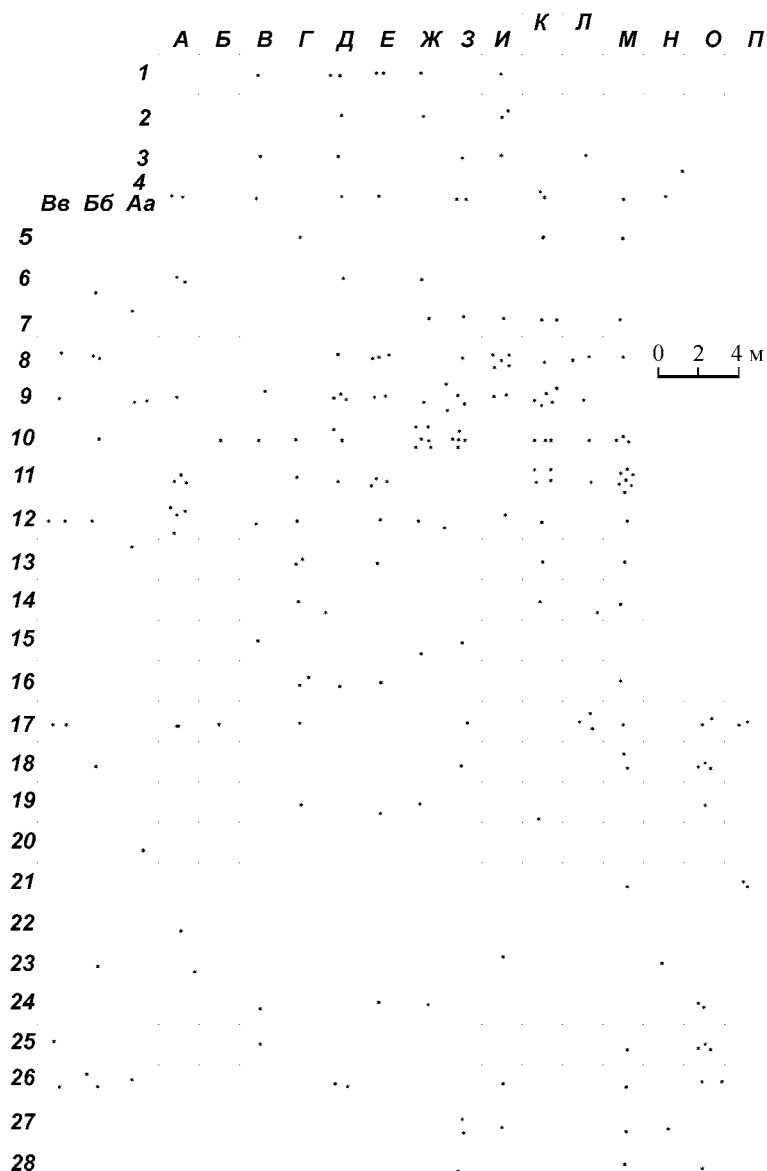

Рис. 5. Распределение кремневого материала на пластах 1 и 2 раскопа I. Селище Красная Пахра I

с признаками длительного нахождения на поверхности (33 экз.) и единично — кремьень желтовато-серых оттенков и черного цвета.

Расщепление частично происходило непосредственно на месте, изученном раскопом. Здесь выявлены крупные нуклевидные куски кремня, расколотый валун со следами подготовки его в качестве нуклеуса (рис. 7, 1). Характер артефактов указывает на сочетание двух направлений в формообразовании заготовки орудий: отщеповом (они преобладают) и пластинчатом. Часть изделий выполнено на первичных сколах, которые могли быть получены и при оформлении нуклеусов для снятия пластин.

Найдено шесть обломков пластин, 25 отщепов с участками известковой корки, 32 вторичных, 11 мелких отщепов (чешуек), 32 осколка, пластинчатый отщеп, шесть продольных и ребристых сколов, оббитая

по краям кремневая галька, пять нуклевидных кусков кремня, две кремневые гальки со следами забитости, два ретушера на нуклевидных кусках кремня с характерной забитостью ребер. Кремневые изделия представлены двусторонне обработанной заготовкой орудия, восемью отщепами с ретушью утилизации и резцовыми сколами, 62 отщепами с ретушью утилизации, 12 орудиями с выемками и ретушью утилизации, двумя перфораторами, пятью резцами на сколах и отщепах, 17 орудиями с ретушированными выемками, 13 скребками на отщепах и сколах. Одно изделие предположительно является обломком наконечника.

Пластины представлены обломками. Среди них вызывают интерес два сечения с краевой ретушью утилизации и следами сломов, у одного из них ретушь образует выемку (рис. 7, 3–4). Показательны резцы угловых типов на пластинчатых сколах (рис. 7, 7, 10, 14),

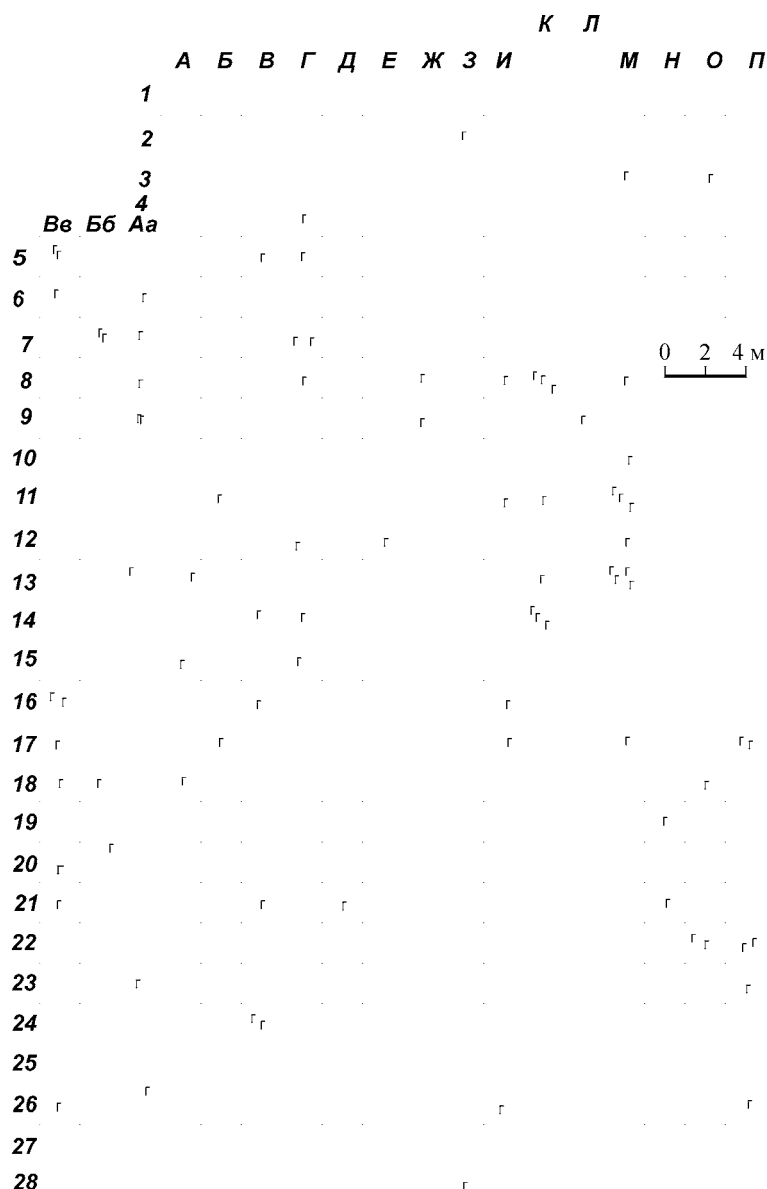

Рис. 6. Распределение железных гвоздей на пластах 1 и 2 раскопа I. Селище Красная Пахра I

на сколах и отщепках (рис. 7, 8, 9, 11–13). Примечателен дублированный резец на сколе коричневого кремня, у которого резцовые сколы нанесены с ретушированных кромок (рис. 7, 6).

Морфологически завершенных скребков имеется немного. Отметим концевой скребок на ребристом сколе с незначительной подправкой лезвия (рис. 7, 1), концевые скребки на пластинчатых отщепах (рис. 7, 3, 12), скребки на продольных сколах. Один имеет боковые выемки, оформленные крутой ретушью (рис. 9, 4), у второго крутая ретушь только по концевой грани (рис. 8, 7), подовальный на отщепе черного цвета с (рис. 8, 11), подтреугольный (рис. 9, 1), скребки с выступом-«рыльцем» (рис. 8, 5; 9, 3). Чаще они имеют случайную форму и незначительную подправку лезвийной части ретушью (рис. 7, 14; 8, 4–7, 10; 9, 2). Роль скребков, вероятно, играла часть отщепов с не-

регулярной ретушью (рис. 8, 9). Отметим и наличие изделий с совмещением функций скребка-скобеля, к ним можно отнести орудия с двумя лезвиями (рис. 8, 8; 10, 11). Следует заметить, что характер сработанности с резкими заломками, забитостью по лезвиям всех скребков показывает, что они, очевидно, применялись для обработки изделий из твердых материалов: рога, кости, дерева.

Перфораторы в данной коллекции редки. Один из них изготовлен на тонком отщепе с нерегулярной ретушью и незначительной правкой кончика острия и, вероятно, представлял собой колюще-режущее орудие. Второе изделие на более массивном сколе коричневого кремня и слабо выделенным жальцем сильно окатано, поверхность с сильным блеском.

Наиболее распространенными оказались орудия с выемками, предназначенные для скобления.

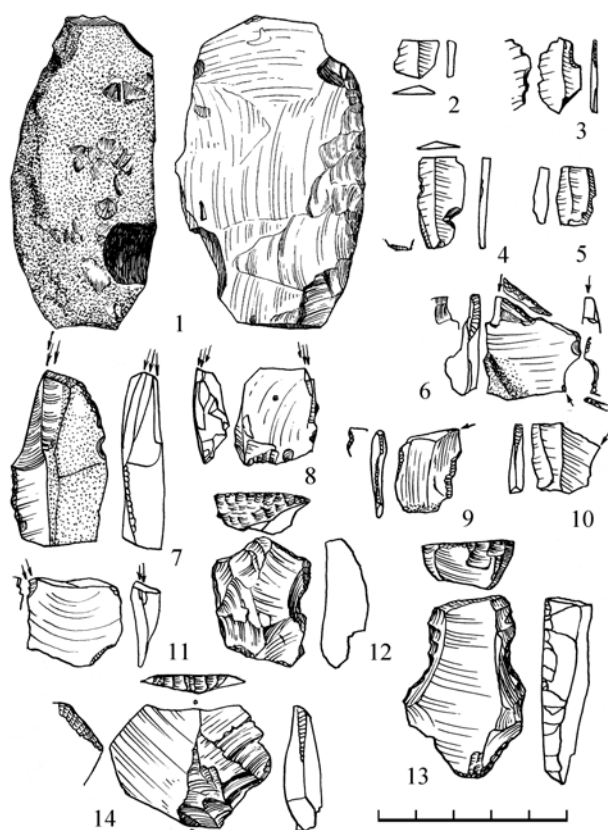

Рис. 7. Кремневые изделия.
Селище Красная Пахра I. Раскоп I

1 – нуклеус; 2–5 – пластины; 6–11 – резцы; 12–14 – скребки

Так же, как и в случае со скребками, завершеного формообразования здесь почти не наблюдается. Как правило, скол или отщеп превращался в скобель путем нанесения незначительного по протяженности углубления на одну, две, редко большее количество кромок. Рабочая протяженность лезвия-выемки составляет обычно 0,7–1,5 см, редко – больше. Такие выемки на тонких отщепах могли образовываться и непосредственно в ходе использования (рис. 9, 5–13). Большая часть таких орудий имела, вероятно, разовое применение.

К числу распространенных орудий относятся ножи (рис. 10, 1–8). В этом качестве обычно выступают тонкие отщепы с краевой, редко полой приотстриженной ретушью с одной стороны. Лезвия чаще имеют несколько округлые очертания, реже прямые, ретушированные участки часто имеют небольшую протяженность. Два таких орудия изготовлены на пластинчатых отщепах (рис. 10, 2–3). К числу распространенных приемов вторичной обработки, характеризующих данный комплекс, относится нанесение режущей кромки на орудия с выемками или со скребковой ретушью, делая их, по сути, multifunctionalными орудиями (рис. 10, 9–10).

Изделие, близкое асимметричным наконечникам стрел, найдено в единственном экземпляре. Оно незначительно подправлено по «насаду» и «перу» краевой ретушью. Сомнения по поводу отнесения предмета к наконечникам порождают его довольно широкий и

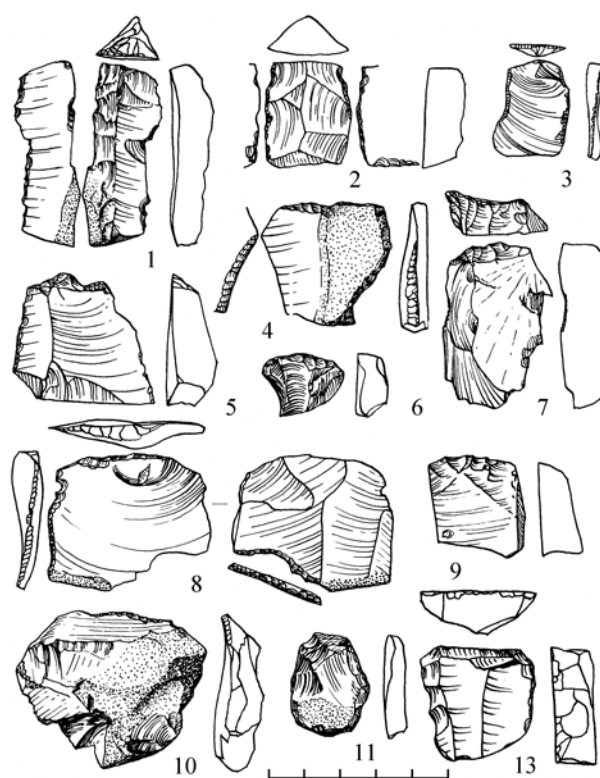

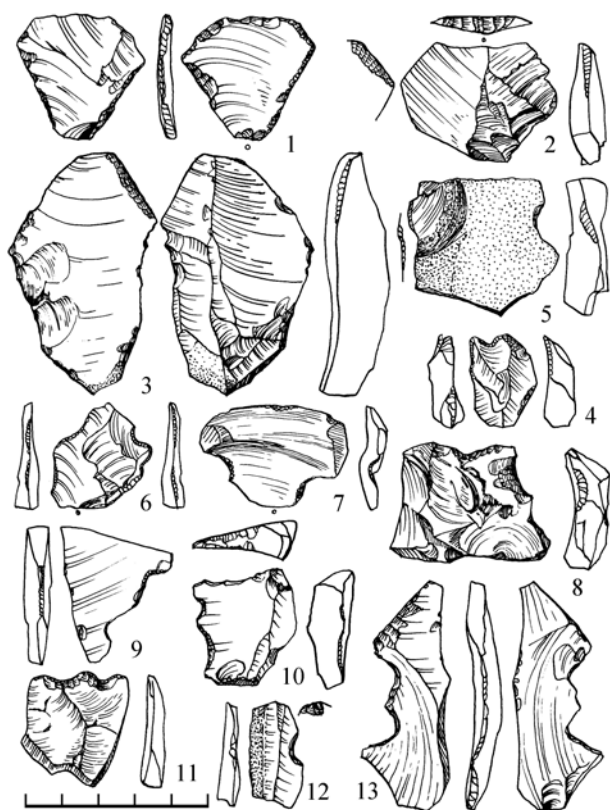
Рис. 8. Кремневые скребки.
Селище Красная Пахра I. Раскоп I

тонкий насад, и ретушь по брюшку черешка, в то время как подобные изделия отличаются большей массивностью и наличием ретуши по спинке (рис. 10, 12). Кроме того, по противоположному краю насада ретушь отсутствует, а дальше по перу она не регулярная. Затрудняет заключение по этому предмету и то, что он обломан.

Не вполне ясно назначение изделия на черном пластинчатом отщепах, покрытом пленкой «загара», обработанном небрежной двусторонней ретушью с непатинированными фасетками (рис. 10, 13).

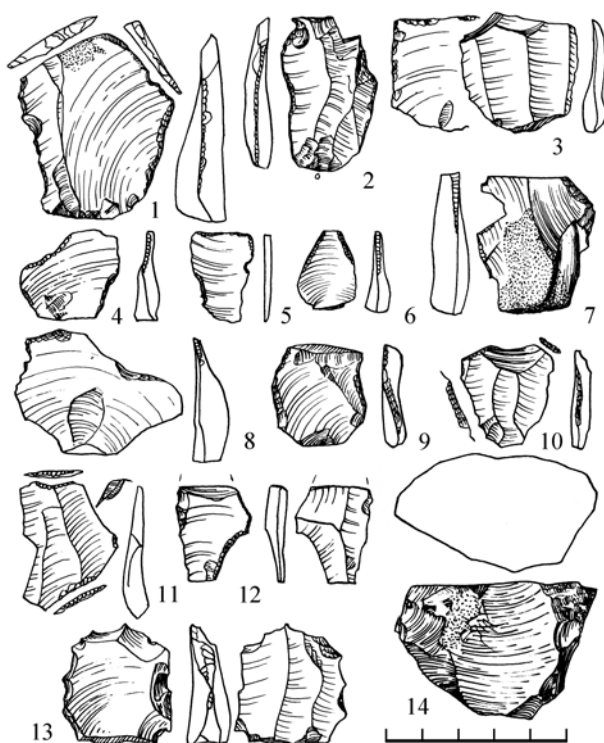
В качестве ретушера использовался нуклеус серого цвета (с переходом от дымчато-серого к светло-серому оттенку). На трех гранях сохранились участки патины коричневатого оттенка, остальные следы сколов не патинированы. На ребрах есть следы забитости типичной для ретушеров (рис. 10, 14).

Для выводов о гомогенности всего кремневого комплекса или его культурных и хронологических различиях, необходимо провести более детальное исследование. Единую группу составляют изделия из лилово-коричневого качественного кремня. Вероятно, к ней же следует отнести и предметы из неоднородного кремня серовато-коричневых оттенков. Расщепление вряд ли было направлено на получение правильных пластин как основной заготовки для изготовления орудий, их немного – четыре экземпляра (чуть более 3% от общего количества единиц лилово-коричневого кремня). Но пластинчатость проявляется в удлиненных

Рис. 9. Кремневые изделия.
Селище Красная Пахра I. Раскоп I
1-3 – скребки; 4-12 – скобели

пропорциях заготовок, в негативах от снятых пластин на дорсальной поверхности орудий. Характер внешней поверхности и ретушированных участков одинаков. Близки и особенности ретуши, как правило, небрежной, краевой. Протяженность лезвий невелика. Иногда обломки лезвия меняют направление ретуши с вентральной стороны на дорсальную, и наоборот. Характерны особенности сработанности лезвий: фасетки маленькие, с четко выраженными заломами и мелкой забитостью. Она появляется в результате работы по твердому материалу (кости, рогу, дереву). Выемки на выемчатых формах небольшие. Многие орудия со значительно сработанными лезвиями имеют неровности, заломы, выступы, карнизы на нерабочих краях, которые можно было легко удалить. При этом характерной чертой следует признать многолезвийность изделий, совмещения скоблескребущих, режущих функций. Коллекция оставляет общее впечатление небрежности в изготовлении орудий и недолгом времени их использования. Сложен вопрос об отнесении к описанному комплексу изделий из других разновидностей кремня. Часть их, типологически совпадающих, вероятно, может быть связана с ним. В этом случае необходимо признать вторичное использование подъемного и обломочного материала, который слегка подправлялся под выполнение соответствующей функции. Ситуация осложняется тем, что проведенные поглубинные замеры материала на данном памятнике не работают. Многолетняя распашка привела к полному разруше-

Рис. 10. Кремневые изделия.
Селище Красная Пахра I. Раскоп I
1-8 – ножи; 9-11, 13 – многофункциональные орудия;
12 – обломок наконечника стрелы; 14 – обломок нуклеуса,
использовавшийся в качестве ретушера

нию культурного слоя практически на всей площади раскопа до материка. Материал оказался в перемещенном состоянии. Так, изделия из высококачественного кремня лилово-коричневого цвета, составившие основу собранной коллекции, были выявлены на поверхности пашни, в ее средней части и на уровне материка. Таким образом, привязка к определенному стратиграфическому горизонту, позволяющая наметить хронологическое положение комплекса, отсутствует. Указанное обстоятельство не дает возможности привести также поглубинное взаиморасположение серий предметов из других разновидностей кремня. Второе обстоятельство, значительно осложняющее изучение наших материалов, связанное также с прямым воздействием пахоты, выражается в растащенности артефактов при вспахивании, бороновании и делновальных процессах. Планиграфические наблюдения вследствие этого могут иметь лишь самый общий характер. Наконец, третье немаловажное обстоятельство, которое необходимо учитывать при анализе материала, заключается в возможности нанесения следов типа ретуши в результате воздействия лемеха плуга, зубьев бороны на кромки отщепов. Часть выемок или кромок с краевой ретушью могли иметь позднейшее происхождение. В данном контексте особую ценность представляют морфологически завершённые типы орудий. Их немного, но уже сейчас понятно, что памятник своим сочетанием пластинчатой и отщеповой техники получения заготовок, своеобразному набору изделий

представляет интерес. Комплекс кремневых орудий отличается отсутствием изделий, позволяющих сделать более или менее надежное культурно-хронологическое определение. Отметим в связи с этим, что на исследованной большой площади памятника не было найдено ни одного обломка керамики эпох камня-бронзы.

Протяженный шлейф находок однотипных орудий из лилово-коричневого качественного кремня, отсутствие локализованного участка их изготовления и использования (даже с учетом пахоты) позволяют дать следующее объяснение столь своеобразному составу изделий с явным преобладанием выемчатых форм: памятник представляет собой кратковременные

остановки (остановку?) малочисленной охотничьей группы с целью ремонта, подправки охотничьего снаряжения (стрел, костяных наконечников и других предметов из дерева, кости, рога). Косвенно об этом может свидетельствовать одноразовое использование отщепов с минимальной подработкой, почти полное отсутствие как морфологически завершенных орудий, так и некоторых категорий инвентаря, традиционных для поселенческих комплексов.

В порядке рабочей гипотезы можно определить возраст кремня основного комплекса эпохой мезолита. Культурная принадлежность требует уточнения, так как достаточных оснований для более конкретного соотнесения наших материалов с известными

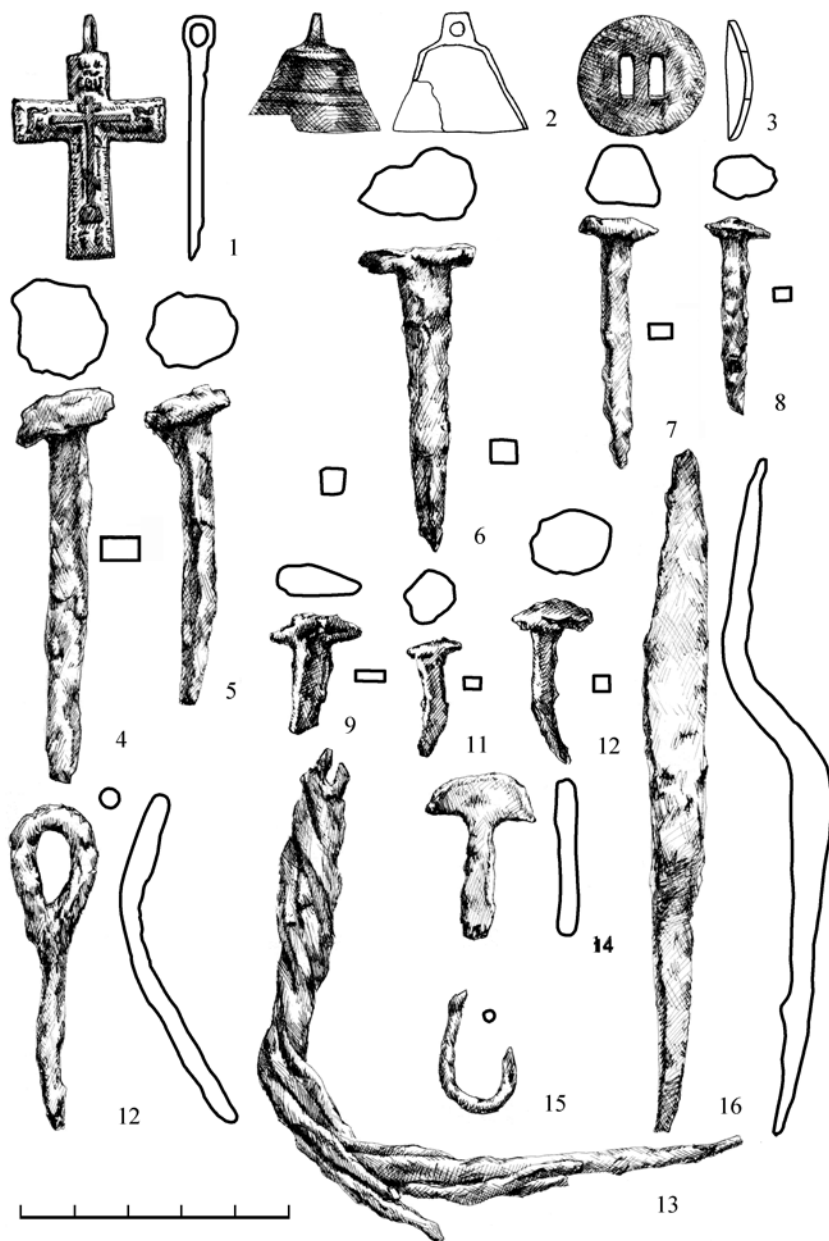

Рис. 11. Индивидуальные находки. Селище Красная Пахра I. Раскоп I

1 – нательный крест; 2 – колокольчик; 3 – пуговица; 4–11 – гвозди; 12 – пробой; 13 – проволока; 15 – рыболовный крючок; 16 – кочедык. (1–3 – бронза; 4–16 – железо)

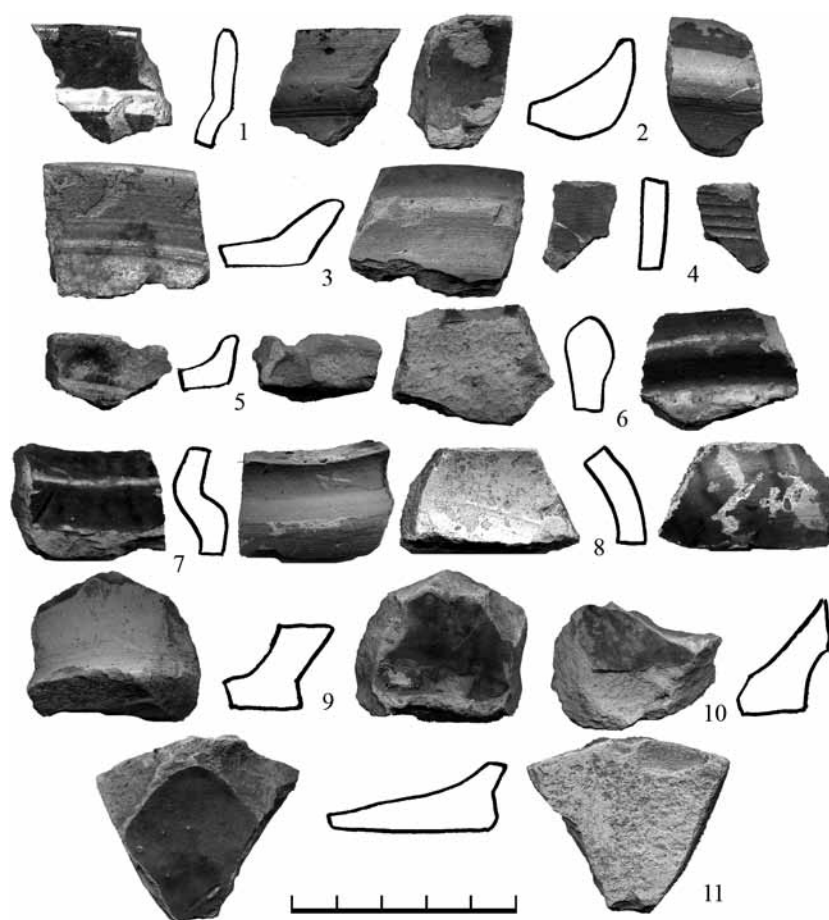

Рис. 12. Поливная керамика. Селище Красная Пахра I. Раскоп I

культурами неолита и энеолита нет, а мезолита – недостаточно.

Вещевые находки русского времени

На раскопе I было зафиксировано 142 вещевых находки, среди которых наиболее часто встречаются железные кованые гвозди стандартной формы (квадратное сечение) и размеров (длина от 2 до 16 см) (рис. 11, 4–11). Среди других находок необходимо отметить железные кованые кресало, скобы, пробои (рис. 11, 12), ножи, кочедык (рис. 11, 16), рыболовный крючок (рис. 11, 15), дверные петли, обломки цепи и т. п.

Изделия из цветного металла немногочисленны и представлены бронзовыми нателным крестиком, колокольчиком, пуговицами (рис. 11, 3). Нателный крест, изготовленный из медного сплава методом литья в двухстороннюю форму (рис. 11, 1), имеет размеры 46 x 29 мм с оглавием и 39 x 29 мм без оглавия при толщине около 2 мм, с учетом рельефа – 3 мм. Для описания креста воспользуемся схемой, разработанной А.К. Станюковичем (2005). Крест относится к сравнительно редкому подтипу широко распространенных простых четырехконечных крестов. Ветви креста слегка расширяются к оконечностям и имеют ромбовидно-коробчатое сечение. На лицевой стороне изображен восьмиконечный

Голгофский крест с вертикально стоящими по сторонам его древа Копием и Тростью. У его подножия – Глава Адамова в пещере. На верхней оконечности – монограмма ЦРЬ СВЫ (Царь Славы) в две строки под титлами, на нижней оконечности, под Голгофой, – МЛ РБ (Место Лобное Рай Бысть) в две строки, на боковых оконечностях – монограммы IC и XC под титлами. Под основной балкой Голгофского креста, по обе стороны его древа – аббревиатура НИ К Т КА (Ника, Копие, Трость). Все изображения и монограммы рельефные, рельеф высокий. Периметр лицевой стороны и вся оборотная сторона заполнены строками кондака по псалму 67 в старообрядческой формулировке («Да воскреснет Бог, и разыдутся врази Его...»). Оглавие имеет вид плоского ушка.

Отливка лицевой стороны высокого качества, на оборотной стороне текст практически не читается. Вероятно, это связано не столько с длительным использованием креста, сколько с низким качеством второй стороны глиняной формы или с потертостью креста, послужившего оригиналом для снятия копии. Крест использовался не очень долго: канал в оглавии не имеет характерной проточенности в верхней половине.

Нужно отметить, что крест находит аналогии среди старообрядческих крестов преимущественно XVIII в., подборка которых сделана А.К. Станюковичем (2005).

Рис. 13. Белоглиняная (1–8) и красноглиняная (9–14) керамика. Селище Красная Пахра I. Раскоп I

Особый интерес для датировки нашего креста имеет тот факт, что практически идентичный крест происходит из захоронения участников Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции капитана-командора Беринга – Василия Васильевича и Татьяны Федоровны Прончищевых, умерших в 1736 г. (Станюкович, 2005. Рис. 1). По мнению исследователей, рассмотренный подтип простых четырехконечных крестов характерен для Калуги и для калужского старообрядчества в целом. К концу XVIII в. аналогичные произведения старообрядческой металлопластики распространились и в соседних с Калугой регионах.

Миниатюрный колокольчик из медного сплава имеет высоту 20 мм, диаметр – 24 мм (рис. 11, 2). Колокольчик обломан, железный язычок утрачен, надписи на нем отсутствуют. От широко распространенных в XIX в. поддужных колокольчиков он отличается малыми размерами. Вероятнее всего, колокольчик наряду с бубенцами использовался в составе украшений конской упряжи.

Из раскопа I происходят четыре монеты. Медная полушка имеет плохую сохранность. Диаметр монеты 1,9 см. Год чеканки не читается, но по особенностям

изображения двуглавого орла ее можно отнести к правлению Анны Иоанновны и датировать 1730-ми годами. Медная копейка чеканена в Екатеринбурге (буквы «Е.М.») в правление Павла I в 1798 г. Диаметр монеты 2,7 см. Две копейки чеканены в правление Александра I в 1814 г. Монета сильно потерта. Диаметр ее 3,0 см. Знаки на монете: «НМ» – Николай Мундт, минцмейстер, или управляющий, монетного двора. Двухкопеечная монета, чеканенная в правление Николая I в 1915 г., имеет хорошую сохранность. Диаметр монеты 2,4 см.

Монетные находки позволяют уточнить датировку поселения в пределах XVIII – начала XX в.

Керамический комплекс раскопа I

Особенность функционирования данной территории поселения определила состав керамического материала. В слое пашни оказались перемешанными обломки современных фарфоровых и фаянсовых изделий, строительной керамики, а также керамический материал предшествующих эпох, связанных с археологическим поселением Красная Пахра I. Вся археологическая керамика изготовлена на гончарном круге. Из-за постоянной распашки верхнего почвен-

ного слоя она сильно измельчена, а часть обломков окатана под воздействием воды.

Всего из раскопа I происходит 1302 обломка керамики, соотносимой с археологическим памятником. Следует подчеркнуть сильную фрагментированность керамического материала, что существенно ограничивает его источниковедческие возможности. Керамика представлена обломками круговых сосудов без поливы и с поливой. Поливной керамики найдено 96 обломков, что составляет 7,4% от общего числа керамических находок (в том числе 75 обломков в 1-м пласте, 21 обломок – во 2-м пласте). Все обломки керамики с поливой имеют небольшие размеры. Они были изготовлены из беложгущейся глины практически без видимых примесей или с примесью мелкого песка. Черепок имеет белый, желтовато-кремовый или светло-серый оттенок. Глазурь преимущественно темно-зеленая и зеленая, реже коричневая и желтовато-зеленая с нерастворившимися коричневыми или зеленоватыми зернами красителя. Глазурью покрыта либо внешняя, либо внутренняя поверхность сосуда в зависимости от его формы и назначения. Встречаются сосуды, покрытые глазурью с обеих сторон (рис. 12, 2, 4).

Фрагментарность находок затрудняет определение форм сосудов. Учитывая, что у многих из них глазурью покрыта внутренняя поверхность, можно предположить, что это были открытые сосуды типа мисок (рис. 12, 9–11), встречаются кувшины (рис. 12, 1), тарелки или хлебницы (рис. 12, 2–3), блюда (рис. 12, 5). Эта группа керамики представляет собой бытовую посуду гончаров из г. Скопина Рязанской губернии (Салтыков А.Б., 1952. С. 161–162). Подобная керамика изготавливалась и широко распространялась в конце XIX – начале XX в., особенно в подмосковных поселениях. В комплексе поливной керамики исследованного поселения отсутствуют художественные изделия, характерные для скопинского производства. Отмеченный факт является своего рода показателем, с одной стороны, невысокого социального статуса населения данного селища, а с

другой, отражает характер хозяйственной деятельности, осуществляемой на исследованном участке поселения в XIX в.

Два небольших обломка блюдец (?) предположительно относятся к изделиям гжельских мастеров: синяя роспись под прозрачной глазурью.

Неполивная керамика поселения представлена 1206 обломками. Учитывались практически все находки керамики, в том числе имеющие размеры меньше 4 кв. см, которые составляли более половины находок керамики. Немногочисленность и фрагментарная сохранность керамического материала затрудняет его анализ. Вся неполивная керамика может быть разделена на несколько групп с учетом типа сырья, примесей в составе формовочной массы, характера термической обработки (обжига) и обработки поверхности сосуда. Эта керамика представлена двумя основными группами – красноглиняной и белоглиняной (табл. 3).

Красноглиняная керамика (из ожелезненной глины) преимущественно с примесью песка в формовочной массе (73 обломка, в том числе 57 стенок, 12 венчиков, четыре днища). Поверхности сосудов имеют красный цвет, с оттенками от оранжевого до красно-коричневого цвета. Преобладают обломки красно-бурого цвета, на стенках встречается нагар. В этой группе встречены венчики, принадлежащие горшкам с отогнутой наружу шейкой, заворотом края венчика внутрь или косо срезанным (рис. 13, 9–12). Толщина стенок 3–5 мм. Обнаружен обломок сосуда, орнаментированный по тулову многорядными прямыми линиями (рис. 13, 13). Всего этой керамики в материалах раскопа встречено 6,1%. Это самая малочисленная группа, что является характерным для хронологической позиции комплекса. Известно, что бытование красноглиняной керамики на памятниках Подмосковья ограничивается XV – первой половиной XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 12). Отдельные обломки отличаются более светлой окраской и почти незаметными примесями, – возможно, они относятся к более поздним по времени сосудам.

Таблица 3. Распределение керамики раскопа I по пластам
(ст. – стенки; в. – венчики; дн. – днища; ф.м. – формовочная масса)

Пласт	Белоглиняная с песком в ф.м.			Белоглиняная без заметн. примес. в ф.м., в изломе бел., желт., розов.			Красноглиняная с песком в ф.м.			Мореная (серая на поверхн., белая и св.-сер. в изломе с малозамет. примес., лощеная поверхн.)			Керамика с песком и дресвой в ф.м.			Всего
	ст.	в.	дн.	ст.	в.	дн.	ст.	в.	дн.	ст.	в.	дн.	ст.	в.	дн.	
I	488	91	33	31	14	1	47	10	3	127	18	6	68	14	7	958
%	63,9			4,8			6,3			15,8			9,3			
II	139	24	7	3	3	1	10	2	1	35	1	0	18	1	1	246
Соор. 13	1									1						2
%	68,8			2,8			5,2			15,2			8,0			
Всего	628	115	40	34	17	2	57	12	4	163	19	6	86	15	8	1206
%	64,9			4,4			6,1			15,6			9,0			

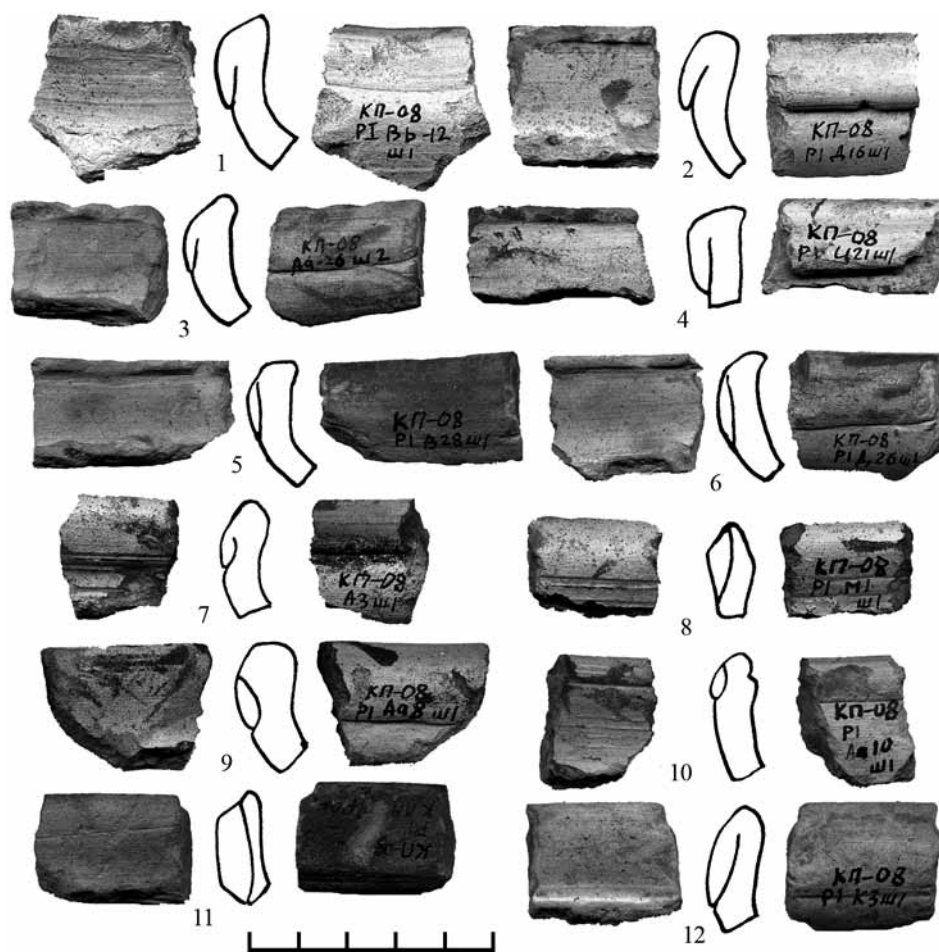

Рис. 14. Белоглиняная керамика. Селище Красная Пахра I. Раскоп I

Керамика, изготовленная из беложгущихся глин или смеси двух видов глин – нежелезистых и оже-лестных, в материалах поселения составляет самую многочисленную группу (табл. 3). Единичные обломки близки так называемой белоглиняной грубой керамике, в составе формовочной массы которой фиксируется примесь песка, иногда мелкой дресвы, придающие слабую шероховатость поверхности черепка. Однако характерные для этой разновидности московской керамики формы венчиков в раскопе не встречены. Основная масса керамики по технологическим признакам относится ко второй подгруппе – это так называемая белоглиняная гладкая керамика (МБК-2, по В.Ю. Ковалю), в составе формовочной массы которой в качестве примеси отмечается очень мелкий песок (Коваль, 2001. С. 98).

Судя по венчикам, они принадлежали горшкам с белым цветом поверхности, с оттенками от бежевого до грязно-белого, в ряде случаев на поверхности фиксируется нагар от пищи. В результате использования для приготовления пищи ряд обломков приобрел грязно-серый или черный цвет. Преобладают два типа шеек: прямая и отогнутая. Венчики сформованы путем заворота черного края внутрь (рис. 14). Край венчика может быть округлый, уплощенный или сре-занный косо. На шейках сосудов встречается орна-

ментация, представленная горизонтальным рифлени-ем (рис. 14, 7–8; 15, 1–3). Обломки днищ единичны (рис. 15, 8). Один обломок может быть определен как крышка сосуда (рис. 11, 1). В материалах поселения данная группа керамики составляет 64,9%.

Выделяется небольшая группа (4,4%) белоглиня-ной керамики с малозаметными визуальными примеся-ми в формовочной массе, имеющая на поверхности и в изломе белый, кремоватый или желтовато-розовый цвет. Венчики горшков сформованы путем заворота черного края внутрь (рис. 13, 2, 5). Имеется один об-ломок от слива, оттянутого пальцем (рис. 13, 3). Встре-чены два обломка венчиков от мисок, одна диаметром примерно 14 см, другая около 17 см (рис. 13, 4, 6). По-верхность нескольких обломков покрыта тонким сло-ем красноватой массы (ангоб или краска; рис. 13, 5, 8). Обломок стенки сосуда из этой группы был проанали-зирован под бинокулярным микроскопом Н.П. Салу-гиной (рис. 16, 2). В качестве исходного сырья здесь использовалась смесь двух глин – нежелезистой и оже-лестной (или слабожелезистой), как искусствен-ная добавка зафиксирован песок (0,5–0,9 мм).

Вторую по численности группу составляет мо-ренная керамика (т. е. обожженная в восстановитель-ном режиме) – 15,6 %. Она представлена обломка-ми сосудов, имеющими темно-серую или черную

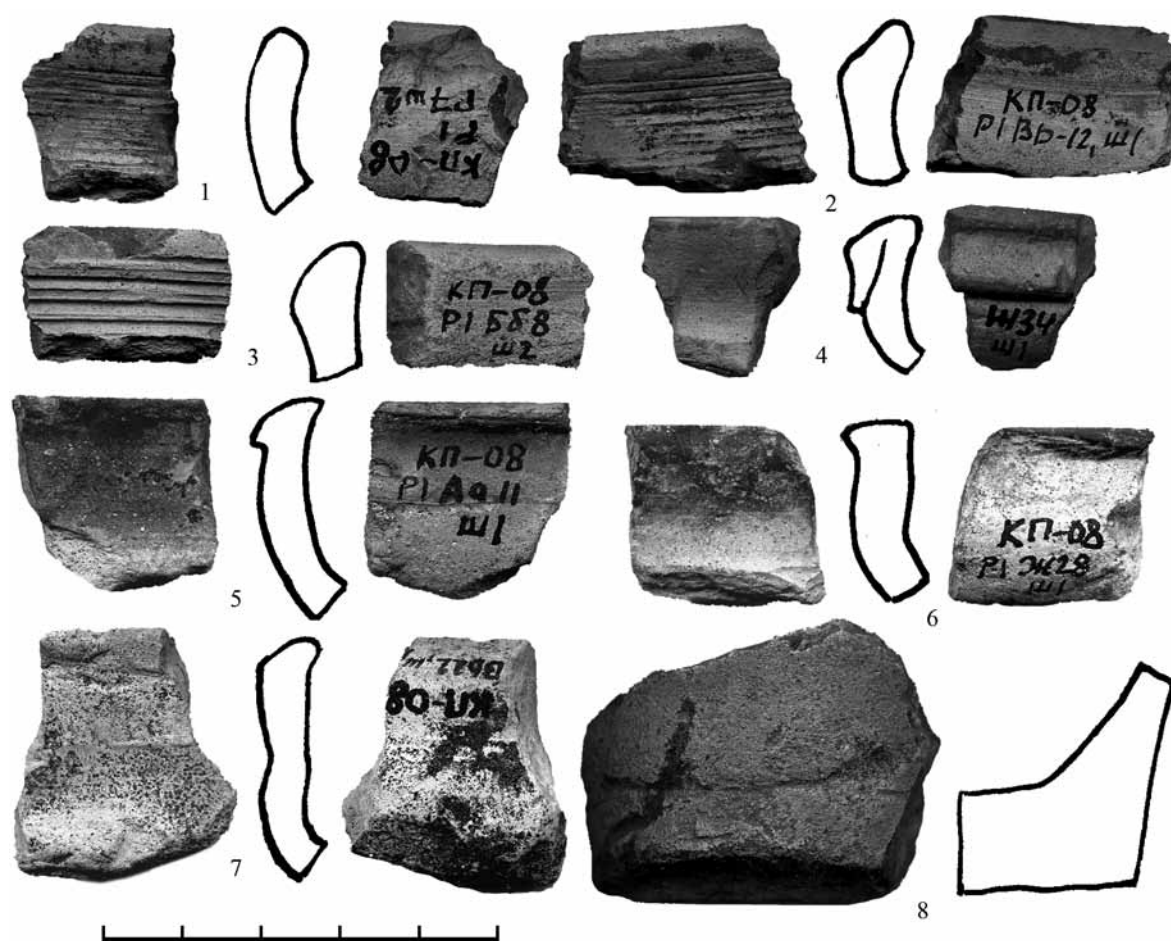

Рис. 15. Белоглиняная керамика. Селище Красная Пахра I. Раскоп I

внешнюю и внутреннюю поверхности, с нанесенным на внешнюю поверхность лощением (рис. 17, 7–15). Лощение может быть как сплошное, так и полосчатое. В изломе керамика имеет светло-серый или буроватый цвет, в основном однородный, реже трехслойный – в местах утолщений на венчиках или в придонной части и на дне. Кроме лощения, в декоре сосудов использовались рельефные утолщения, гравированные линии (рис. 17, 10, 13, 14). Что касается форм сосудов, то наряду с горшками (рис. 17, 11, 12), встречены корчаги (рис. 17, 7, 8) и кувшины (рис. 17, 10, 13, 15). Предварительные исследования состава формовочных масс, сделанные Н.П. Салугиной, показали, что при изготовлении керамики использованы две традиции отбора сырья – использование железных и нежелезных глин.

Выделяется также небольшая группа керамики, отличительной особенностью которой является наличие в составе формовочной массы в качестве примеси, наряду с песком, дресвы, а также некоторого количества органики, вероятно, в жидком виде. Керамика отличается неоднородностью состава, чере-

пок имеет белый, серый либо черный цвет, в изломе встречается двух- и трехслойная структура. Обломки керамики имеют небольшие размеры, значительная часть ее окатана. Эта керамика составляет 9% всего сбора. Встречены венчики, сформованные путем заворота чернового края внутрь с желобком изнутри, что было характерно для древнерусской керамики (рис. 17, 1, 2). По плечикам отмечена линейная и волнистая орнаментация (рис. 17, 3, 6).

Тринадцать обломков керамики из коллекции с селища Красная Пахра I были подвергнуты технико-технологическому анализу². Из-за сильной измельченности материала имелась возможность провести анализ обломков керамики с использованием бинокулярного микроскопа только для определения особенностей формовочной массы. Приведенные ниже данные имеют предварительный характер.

1. Обломок дна со стенок (рис. 16, 1) – красноглиняный; в качестве исходного сырья использовалась железненная глина, в формовочной массе зафиксирован песок как искусственная добавка и жидкая органика.

² Анализ выполнила Н.П. Салугина, кандидат исторических наук, доцент Самарской государственной академии культуры и искусств, за что авторы выражают ей глубокую признательность.

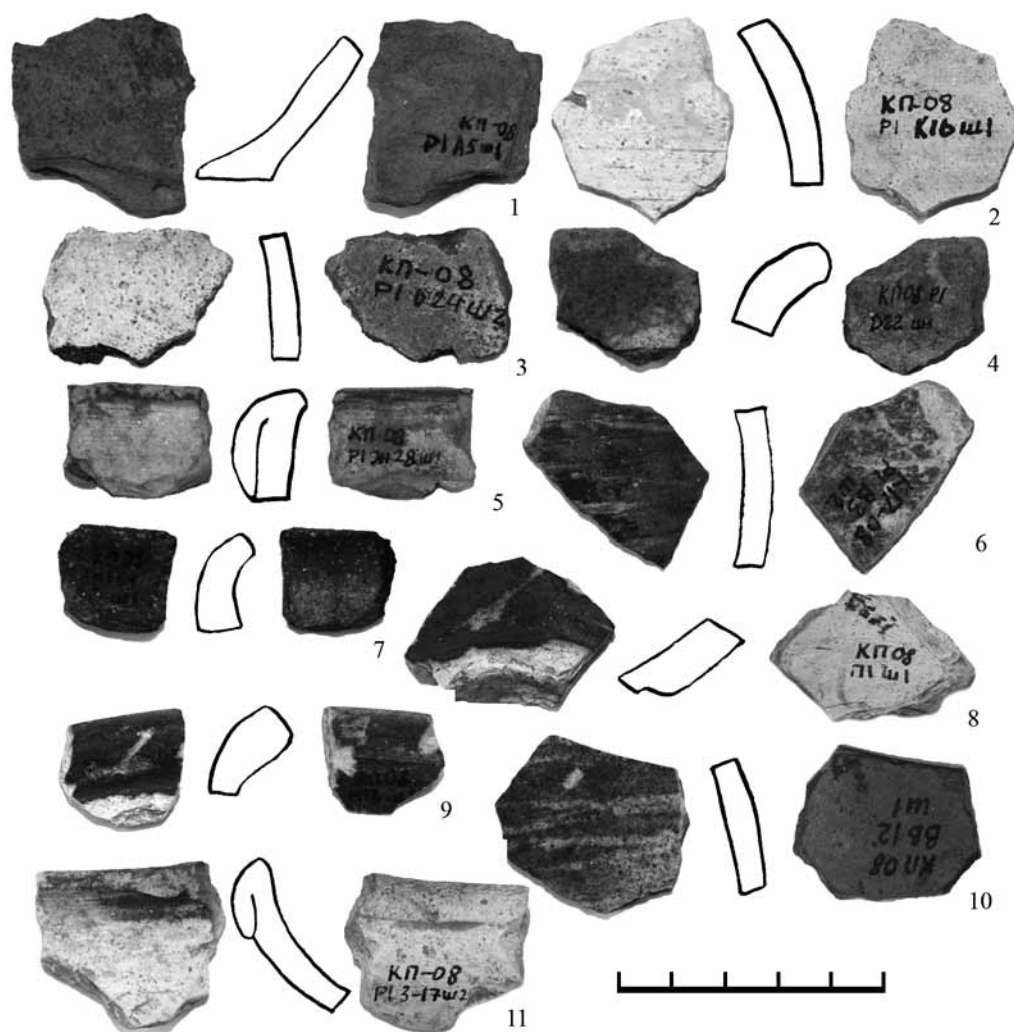

Рис. 16. Образцы керамики, проанализированные под бинокулярным микроскопом с целью определения особенностей формовочной массы. Селище Красная Пахра I

2. Обломок стенки (рис. 16, 2) – белоглиняный; в качестве исходного сырья использовалась смесь двух глин – нежелезистой и железистой или слабожелезистой, зафиксирован песок как искусственная добавка (0,5–0,9 мм).

3. Обломок стенки (рис. 16, 3) – белоглиняный; двухслойный в изломе, в качестве исходного сырья использовалась глина слабожелезистая или смесь двух глин, глина высокопластичная; в формовочной массе зафиксирована дресва размерами 0,5–1,5 мм, в качестве примесей использована жидкая органика и растительные включения.

4. Обломок венчика (рис. 16, 4) – глина пластичная, беложгущаяся, в формовочной массе в качестве искусственной добавки зафиксирован кварцевый окатанный песок размерами 0,5–1,3 мм и жидкая органика.

5. Обломок венчика (рис. 16, 5) – глина пластичная, железистая, в формовочной массе в качестве искусственной добавки зафиксирован песок размерами 0,1–0,2 мм (единичные зерна до 1,0 мм), глину, видимо, дробили и замешивали на органическом растворе.

6. Обломок стенки (рис. 16, 6) – мореная керамика; глина пластичная, железистая, в формовочной массе в качестве искусственной добавки зафиксирован мелкий песок размерами 0,1–0,2 мм (единичные зерна до 1,0 мм), глину замешивали на органическом растворе. Дополнительно были просмотрены еще три обломка мореной керамики (рис. 16, 7): один из них был изготовлен из железистой глины с примесью песка; два других обломка изготовлены из беложгущейся глины (рис. 16, 8–9).

7. Обломок венчика (рис. 16, 10) – высокопластичная глина с песком (размерами 0,5–1,0 мм в концентрации 1:5) и с органикой в качестве искусственных добавок.

8. Обломок венчика (рис. 15, 3) – железистая глина с мелким песком, поверхность предположительно покрыта ангобом (толщина менее 0,1 мм) из беложгущейся глины.

9. Обломок венчика (рис. 17, 11) – слабожелезистая, в формовочной массе в качестве искусственной добавки зафиксирован песок. Песок цветной (размер 0,5 мм) и кварцевый (размер 1,0 мм).

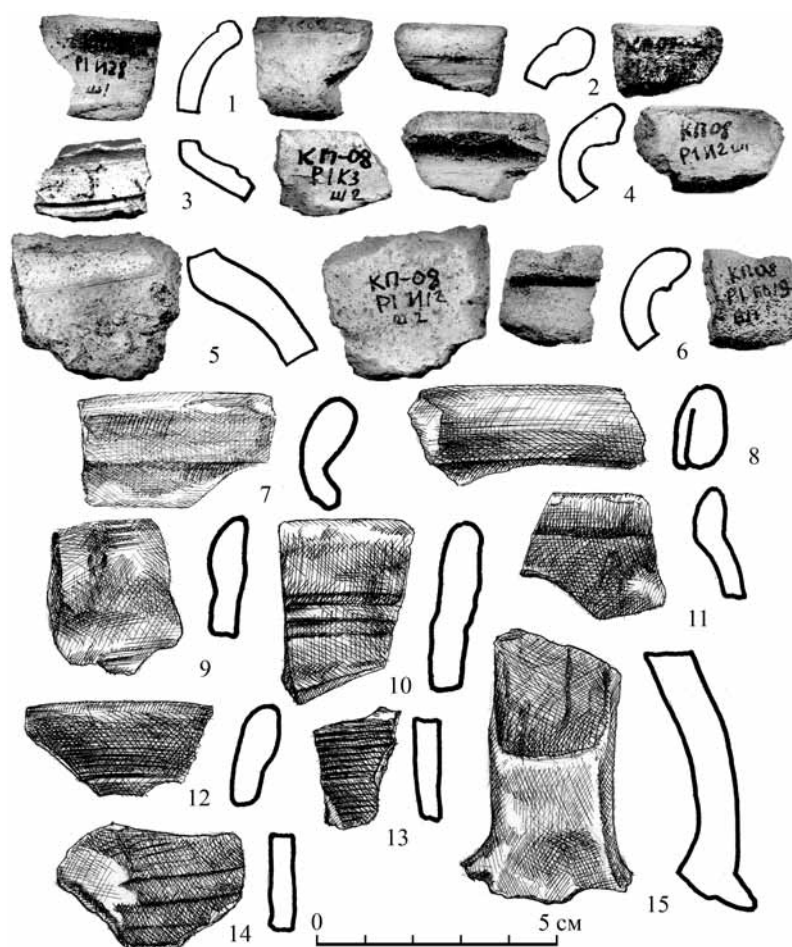

Рис. 17. Керамика с примесью песка и дресвы (1–6) и мореная керамика (7–16). Селище Красная Пахра I. Раскоп I

10. Обломок венчика (рис. 15, 1) – в качестве сырья использована смесь двух глин – ожелезненной и не-ожелезненной, основной является неожелезненная глина. Песок мелкий (0,1–0,5 мм).

На основании полученной краткой информации об особенностях сырья и формовочной массы небольшого количества обломков можно высказать предположение о наличии смешанных гончарных традиций, использовавшихся при изготовлении посуды даже внутри типологически близких групп сосудов. Такое смешение традиций возможно в том случае, когда работают несколько семейных групп гончаров, притом в нескольких поколениях. Многообразие навыков только при отборе сырья и подготовке формовочной массы, как показывает предварительный анализ, свидетельствует либо о значительной неоднородности населения изученного поселения, либо о присутствии в его керамическом комплексе привозной посуды из соседних регионов. Более объективные суждения о последнем возможны только после создания сравнительной базы по технологии керамического производства Подмосквья Нового времени.

Датировка керамики с селища не может быть ограничена каким-то узким периодом. Видимо, не-

большая часть керамики относится к XVII в., но в основном типологически однородная группа белоглиняной горшковидной посуды, судя по массивности внутренних валиков, бытовала в XVIII и XIX вв. Одновременное сосуществование мореной и лощеной керамики также не противоречит этой дате. Единичны обломки керамики, которая, судя по форме венчиков и формовочной массе, может быть отнесена к древнерусскому периоду.

Судя по материалу, археологический памятник был многослойным и разновременным. Люди приходили на берег ручья неоднократно, начиная с эпохи камня. Что касается средневекового поселения, то оно должно быть отнесено ко времени не ранее XVII в. Единичные находки керамики, подобной древнерусской посуде домоногольского времени, можно объяснить временным пребыванием этого населения, видимо, приуроченным к водоему. Иные находки этой эпохи отсутствуют.

Основной период существования поселения на данном месте относится к XVIII–XIX вв., который маркируется белоглиняной, мореной и поливной керамикой, а также индивидуальными находками, в том числе монетами.

Литература

Беднажеская Н.И., Гайдамак О.И., Куриленко А.В. Сельцо Троицкое – город Троицк. Исторические очерки // www.troitsk.ru/parser.php?p_id

Гоняный М.И., 2006. Отчет о разведочных археологических работах в Московской области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Поцелуев В.А., Петреев И.В. Подольск и окрестности // www.newcontinent.ru/podolsk/history.

Розенфельд Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е-1-39).

Салтыков А.Б., 1952. Русская керамика. М.

Станюкович А.К., 2005. Крест Прончищевых // Древности и старина. № 4.

D.A Stashenkov, A.I. Korolev, A.F. Kochkina

The Researching on Krasnaya Pakhra I settlement in 2008

Summary

The article focused on the materials of researching of 2008 on Krasnaya Pakhra I settlement in Podolsk district of Moscow Region.

The basic cultural layer of Krasnaya Pakhra I settlement and the remains of 13 constructions are dated by the

18th – the 19th cc. There is a considerable interest for flint things found during excavation which was connected with short-term settlement of an epoch of the Stone Age, probably, Mesolithic.

В.А. Зейфер

Клад бронзовых женских украшений из погоста Мещерка в Егорьевском районе

Весной 2009 г. на территории Егорьевского района Московской области кладоискателями был обнаружен клад ювелирных украшений мещерского и славянского типов (54 предмета), находившийся в керамическом горшке (курганная керамика XII–XIII вв.) (рис. 1). В настоящее время проводятся необходимые оперативно-розыскные мероприятия с целью возвращения находок в фонды Егорьевского историко-художественного музея. Пока удалось получить лишь фотографии находок, которые и вводятся в этой публикации в научный оборот. К сожалению, многие существенные характеристики этих вещей получить пока невозможно (детали технологии изготовления, химический состав металла).

Место находки клада по оперативным данным локализуется на селище Мещерка, где зафиксированы многочисленные грабительские ямы размерами до 2,5 x 3,0 м при глубине до 1,5 м. Памятник расположен в восточной части Егорьевского района Московской области, в 2 км к югу от д. Иншаково, на всхолмлении правого берега р. Поповки, в 4 км к юго-востоку от Шалаховского водохранилища, в хвойном лесу (рис. 2). Северной и восточной границами памятника выступают небольшие понижения рельефа, южная граница маркируется пересечением двух лесных дорог, ведущих к д. Иншаково и Шалаховскому водохранилищу. Западной границей является заболоченный берег реки Поповки и старое кладбище. Протяженность памятника с юга на север составляет 100 м, с запада на восток – 200 м. Культурный слой – светло-серая и темно-серая супесь толщиной 0,2–0,3 м (Янишевский, 2009).

В сентябре 2009 г. экспедицией ИА РАН была проведена разведка на территории селища Мещерка. Было заложено два шурфа размерами 2 x 2 метра, на основании которых, а так же сборов подъемного материала, определены границы памятника (рис. 3); вынесено заключение о его удовлетворительной сохранности. В шурфах была обнаружена керамика XIII–XVII вв.

Селище Мещерка территориально соответствует средневековому погосту Мещерка, который перестал существовать в начале 1970-х годов. Первое упоминание о «Мещерке у Коломны» относится к 1358 г.,

когда великий князь московский Иван Иванович по своей духовной грамоте отдавал ее своему сыну Дмитрию (Черепнин, 1950. С. 15). Более ранних письменных сведений о Мещерке нет. В конце XIV – начале XV в., вероятно, появилась Мещерская волость. В Коломенских писцовых книгах 1577–1578 гг. при описании Мещерской волости, в которой были вотчины и поместья «служилых коломенских людей», упоминается «погост Царя и Великого князя» (Ивана IV Грозного) (Калачев, 1872. С. 536–551). В мещерскую волость входило четыре села, 107 деревень, пять селищ, на погосте стояла деревянная церковь Рождества Пречистой Богородицы. «Пашни худые земли 30 четвертей, да перелог 20 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена 40 копен» (Калачев, 1872. С. 536–551). К церкви, что стояла на территории погоста Мещерка, были приписаны около 10 деревень, многие из этих деревень ныне не существуют. Сохранились Астанино, Песье, Демидово, Подрядниково, Иншаково. По сведениям «Клировых ведомостей» за 1914 г. за приходом Рождественской церкви в Мещерке числилось только два двора священнослужителей (Смирнов, 1999. С. 326).

В состав рассматриваемого клада входят следующие предметы.

Шумящие подвески арочного типа – 9 экз. (рис. 4, 1–9). Судя по внешнему виду, подвески выполнены в наборной технике с применением литья по восковым моделям. Аналогичные подвески были найдены в грунтовых могильниках Жабки, Пустошь и Заколпье (Рябинин, 1997. С. 230). Внешний вид одной из подвесок имеет некоторые отличия. В верхней части подвески отсутствует характерная для такого типа подвесок деталь – средняя арка, к которой крепится петля для подвешивания. Вместо средней арки в верхней части подвески располагается прямоугольный выступ, к вершине которого крепится круглый ажурный щиток. Петля для подвешивания располагается на тыльной части щитка (рис. 4, 10).

Шумящая подвеска с фестончатыми выступами (рис. 5) внешне схожа с подвеской из Парыкинского грунтового могильника, но несколько больше по раз-

меру. При этом ширина фестончатых выступов на подвеске с селища Мещерка в среднем на 5 мм меньше.

Ажурные подвески-лунницы – 16 экз. (рис. 6). Похожие подвески известны в Жабкинском и Пустошенском грунтовых могильниках (Рябинин, 1997. С. 230). Имея сходные черты, подвески различаются в деталях. Количество С-образных дуг в каждой подвеске колеблется от двух до шести. Одна из лунниц имеет в своей основе единственную широкую С-образную дугу, концы которой не соединяются в нижней части. В центре подвески на колечках крепятся три трапециевидных привески. От центра верхней части подвески к концам С-образной дуги проходят два ажурных луча. Данная разновидность ажурных подвесок-лунниц ранее не встречалась среди женских украшений, относимых к мещерским.

Пронизи (рис. 7, 6–8) – 3 экз. Трубчатые пронизи широко распространены в финно-угорских древностях. Аналогичные пронизи встречались в материалах Жабкинского, Заколпского и Поповского могильников.

Браслеты (рис. 7, 1–5). Ложновитые браслеты являются характерной находкой в грунтовых могильниках мещеры. Два браслета имеют уплощенные окончания со спиралевидным узором на внешней стороне (рис. 7, 4, 5), аналогии которым известны в Жабкинском могильнике (Рябинин, 1997. С. 229). Два браслета (рис. 7, 1, 2) имеют окончания в зооморфном стиле, в виде сильно схематизированных изображений птичьих голов. На одном из браслетов глаза (спиралевидный узор) и заостренный клюв птицы выполнены тонкой проволокой, на другом – схематичное изображение птичьей головы изготовлено литьем. Пятый браслет имеет в завершении закругленные окончания (рис. 4, 3). Браслеты с оформлением окончаний в зооморфных мотивах и с закруглениями ранее не встречались на мещерских памятниках.

Перстни. Решетчатых перстней 4 экз. (рис. 8, 2). Данный тип перстней широко распространен в славянских древностях. Литые одно- и двузигзаговые перстни были распространены в Москворецких курганах и на прилегающих территориях в XII – первой половине XIII в. (Янишевский, Зайцева, 2010. С. 224). Два щитковых ажурных перстня (рис. 8, 3) выполнены в окско-финских традициях. Ближайший аналог – среди находок в грунтовом могильнике у с. Барское Рязанской области. Щиток одного перстня, припаянный к кольцу-основе, по центру декорирован орнаментом в виде плетеной косы. Спиральные перстни (4 экз.; рис. 8, 1) имеют в своем основании широкое плоское кольцо со спиралевидными окончаниями с двух сторон. Пластинчатый широкосрединный перстень (рис. 8, 4) декорирован растительным узором. Рубчатые перстни (3 экз.; рис. 8, 6) были широко распространены в славянской среде. Два перстня аналогичны найденным в Пустошенском грунтовом могильнике (Рябинин, 1997. С. 224). Еще один относился, видимо, к числу ложновитых (рис. 8, 5). Два – украшали стеклянные (?) вставки (рис. 8, 8).

Шарообразный линейнопорезной бубенчик (рис. 8, 7) имеет аналогии в Жабкинском, Пустошенском, Заколпском грунтовых могильниках, относимых к памятникам славянизированной мещеры.

На основании полученных в результате проведения разведки материалов и изучения комплекса вещей из клада можно сделать предположение, что в XII–XIII вв. в составе населения погоста были представители славянизированной мещеры. Ранее среди археологических памятников мещеры были зафиксированы только грунтовые или курганные могильники. Дальнейшее исследование памятника позволит прояснить многие вопросы материальной культуры мещерских племен.

Литература

- Калачев Н.В., 1872. Писцовые книги XVI века. Ч. 1 Отд. 1. СПб.
Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.
Смирнов В.И., 1999. Мы – Егорьевцы. М.
Черепнин Л.В., 1950. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.

Янишевский Б.Е., 2009. Отчет об археологической разведке в Егорьевском районе в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Янишевский Б.Е., Зайцева И.Е., 2010. Новые находки из цветных металлов XI–XV веков из Можайска и его окрестностей // АП. Вып. 6. М.

V.A. Zeifer

The hoard of female bronze jewelry from churchyard Mescherka in Yegoryevsk district

Summary

Findings from treasure made during illegal treasure hunting excavations on a settlement (east of Moscow area) are introduced in scientific circulation. Most of

the jewelry from treasure are characteristic for Slavonic Meschera (tribe of Finno-Ugric origin, lived in epoch of Middle Ages in Volga-Oka interfluvium).

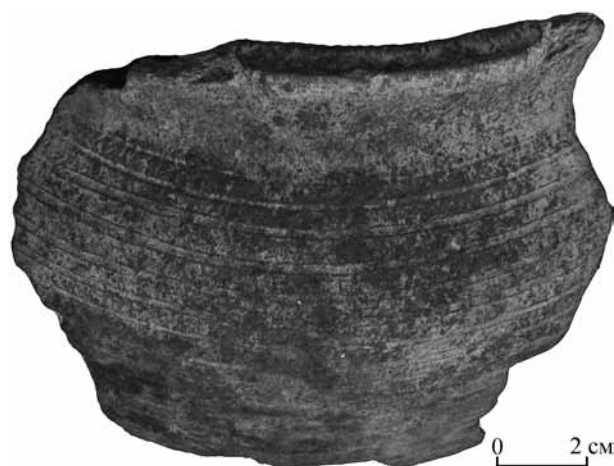

Рис. 1. Селище Мещерка. Обломок горшка, в котором был найден клад XX в.

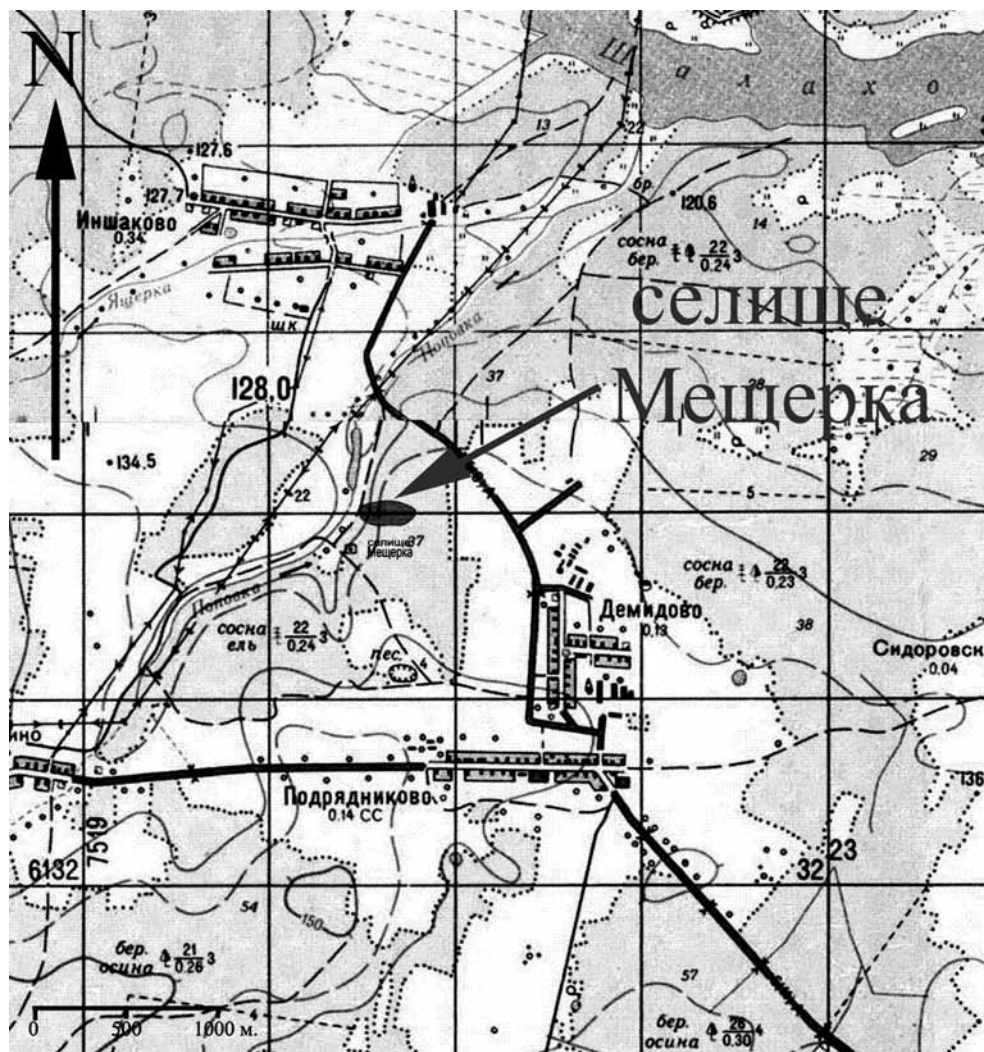

Рис. 2. Селище Мещерка. Топографический план

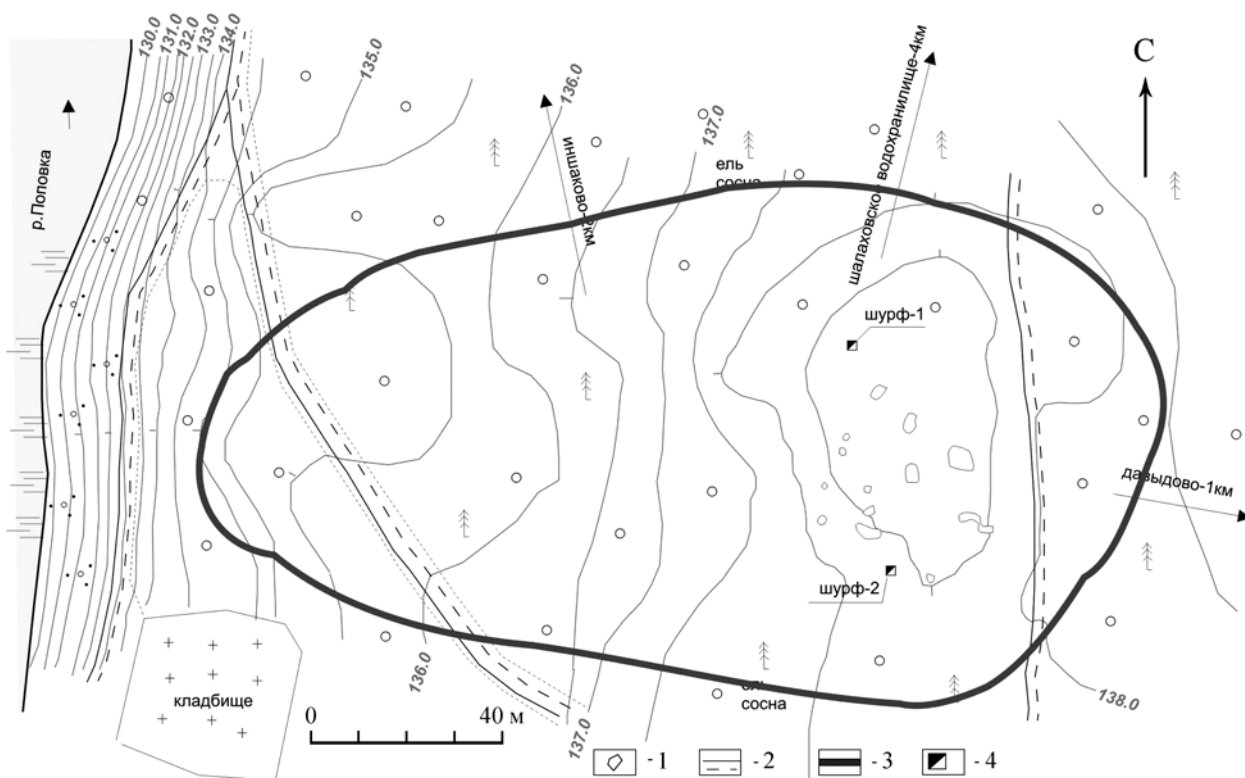

Рис. 3. Селище Мещерка. Ситуационный план

1 – грабительские ямы; 2 – лесные грунтовые дороги; 3 – границы памятника; 4 – шурфы

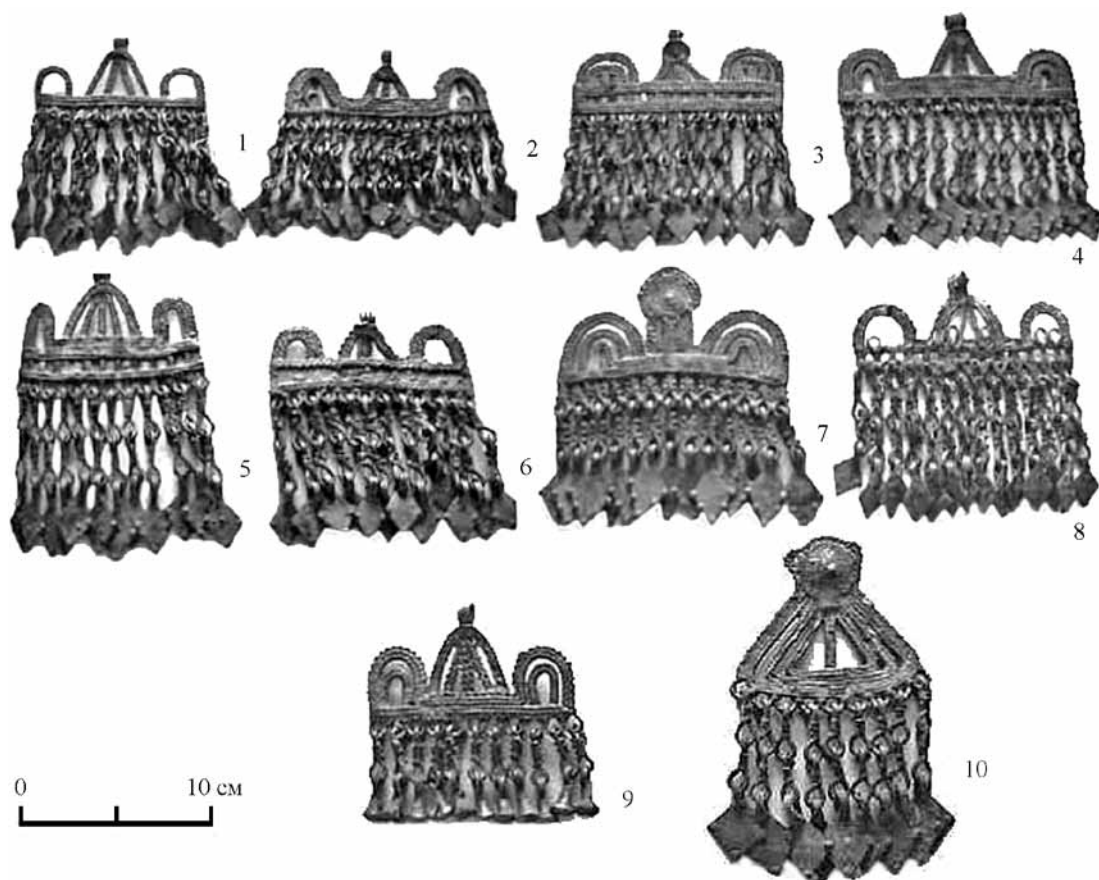

Рис. 4. Шумящие подвески арочного типа из клада на селище Мещерка

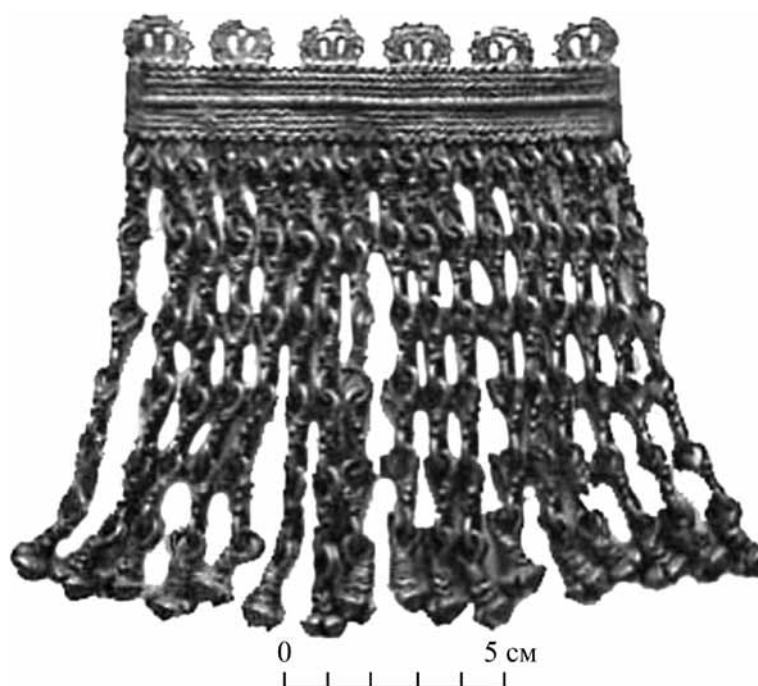

Рис. 5. Шумящая подвеска с фестончатыми выступами из клада на селище Мещерка

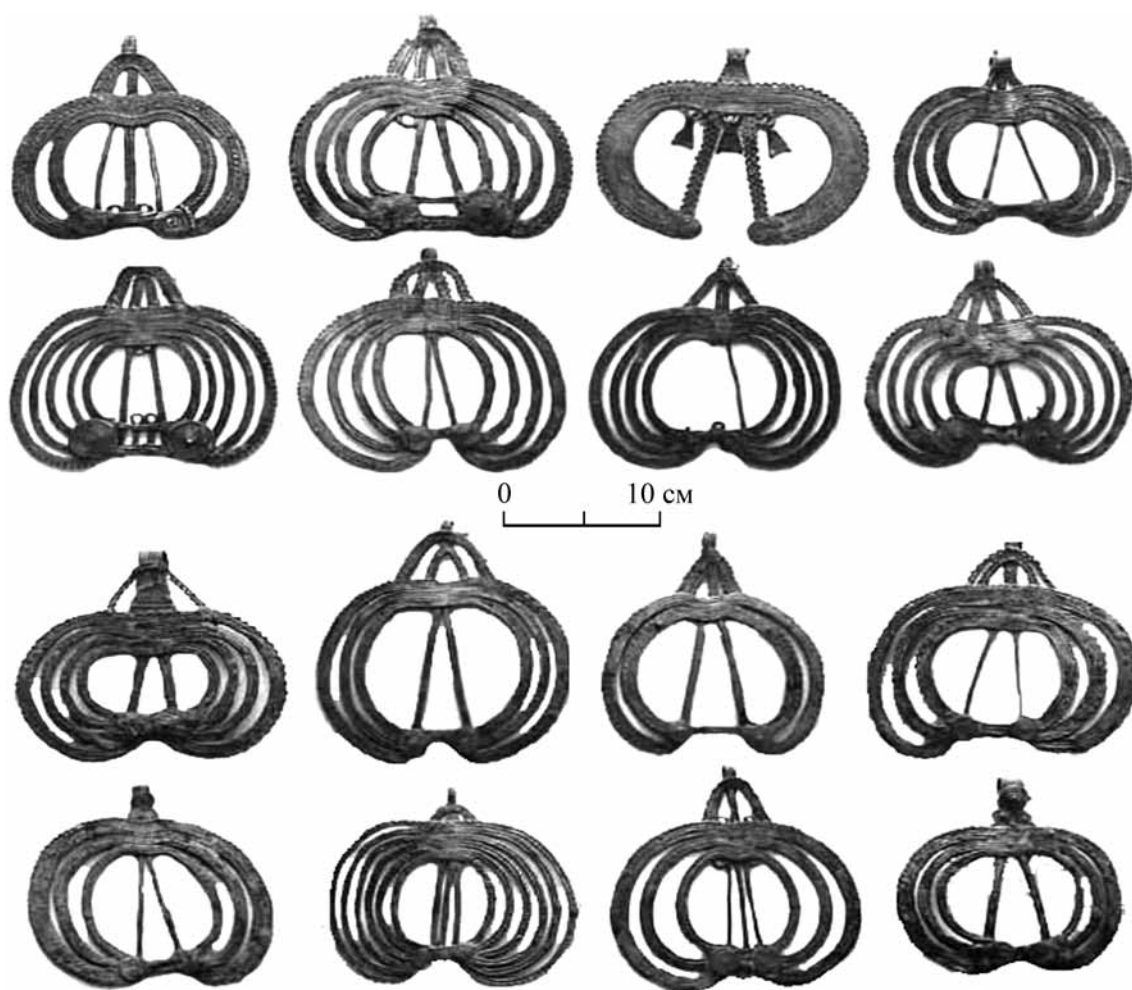

Рис. 6. Ажурные подвески-лунницы из клада на селище Мещерка

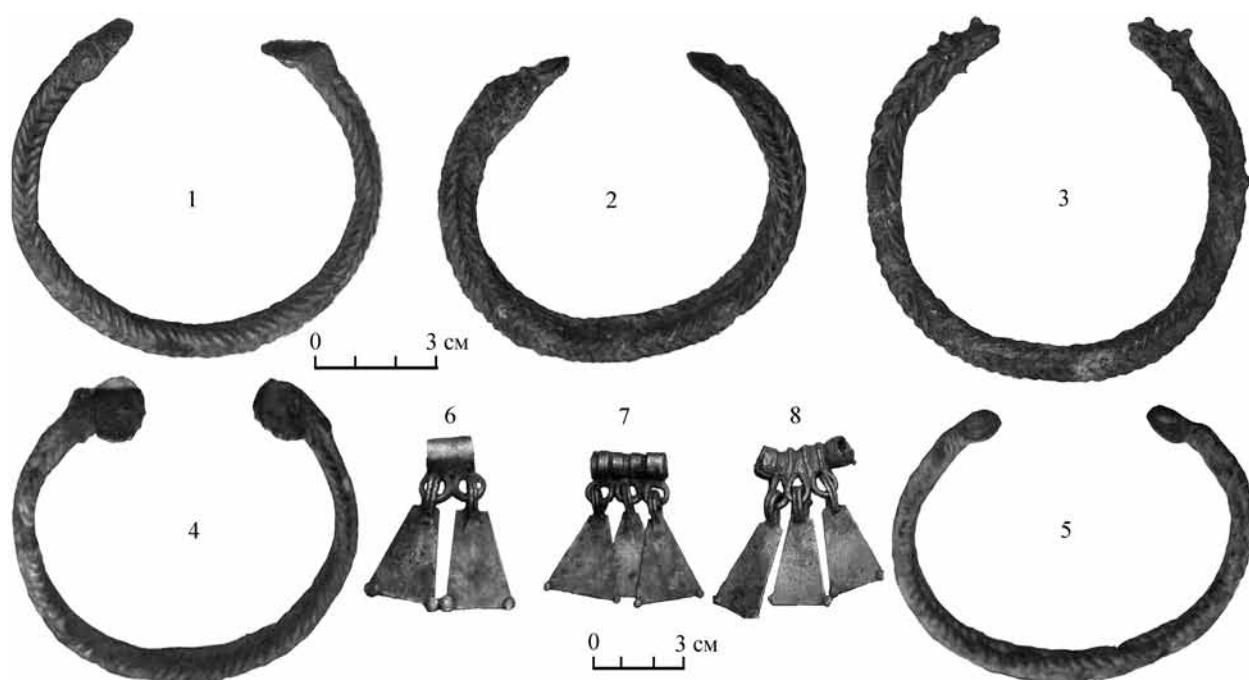

Рис. 7. Находки из клада на селище Мещерка
1-5 плетеные браслеты; 6-8 пронизи

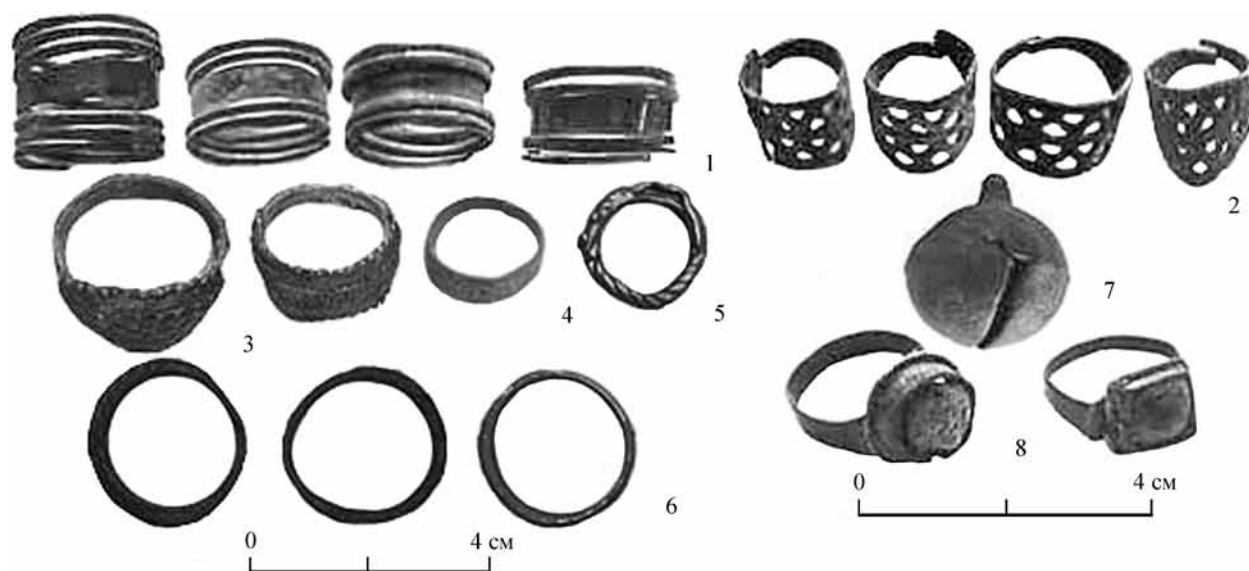

Рис. 8. Находки из клада на селище Мещерка
1 – спиральные перстни; 2 – решетчатые перстни; 3 – щитковые ажурные перстни; 4 – пластинчатый перстень;
5, 6 – ложновитые перстни; 7 – бубенчик шаровидной формы; 8 – щитковые перстни со стеклянными вставками

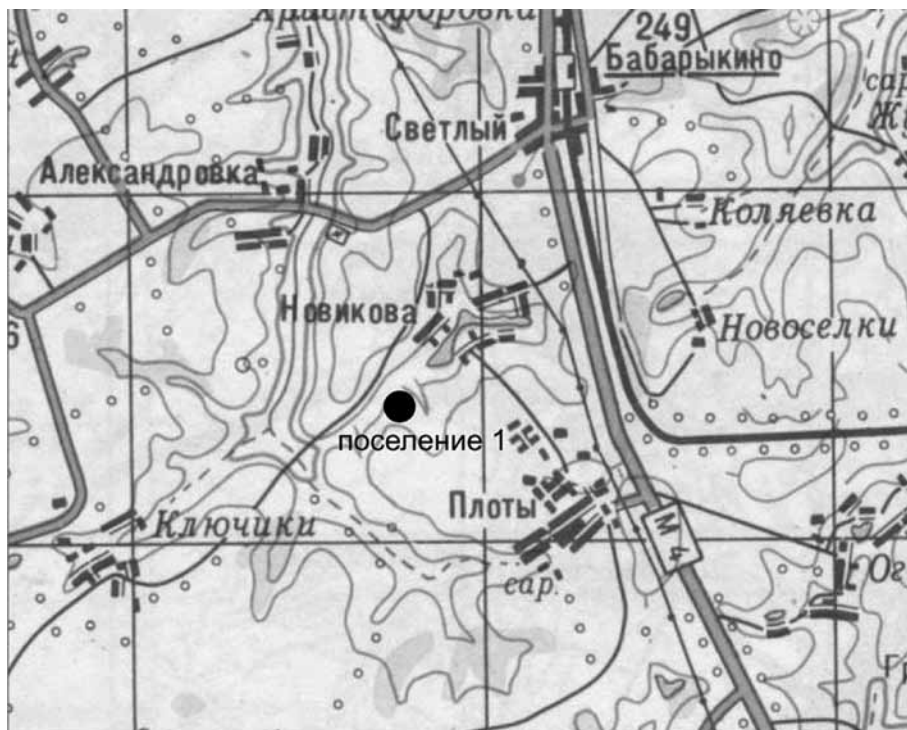
Е.К. Столярова

Украшения из стекла и фаянса селища Новиково 1

В октябре – ноябре 2009 г. экспедицией отдела охранных раскопок ИА РАН и Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина проводились охранные археологические раскопки на поселении древнерусского времени Новиково 1 в Становлянском районе Липецкой области (рис. 1; 2) (Панченко, Тропин, 2009. С. 6). В результате работ был собран вещевой материал, среди которого присутствовали предметы из стекла и фаянса (кашина). Стекланных изделий всего было найдено 26: основную массу составляли стеклянные бусы (22 экз.), также были

обнаружены три обломка браслетов и одна вставка, украшавшая, по-видимому, один из концов металлического браслета. Очень интересной является находка фаянсовой глазурованной привески¹.

Бусы (22 экз.). Все бусы имеют округлую шаровидную усеченную дважды форму тулова (так называемую зонную) (рис. 3). По размерным характеристикам бусы были отнесены в группу микро бус (не более 8 мм в диаметре тулова) по классификации Каллмера (Callmer, 1977. Р. 35). Внутри этой группы преобладают бусы диаметром от 6 до 7 мм (18 экз.). Боль-

Рис. 1. Селище Новиково 1 на топографической карте Липецкой области (1997 г.)

¹ Благодарю руководителей раскопок А.В. Энговатову, К.И. Панченко и Н.А. Тропина за предоставленный для исследований неопубликованный материал.

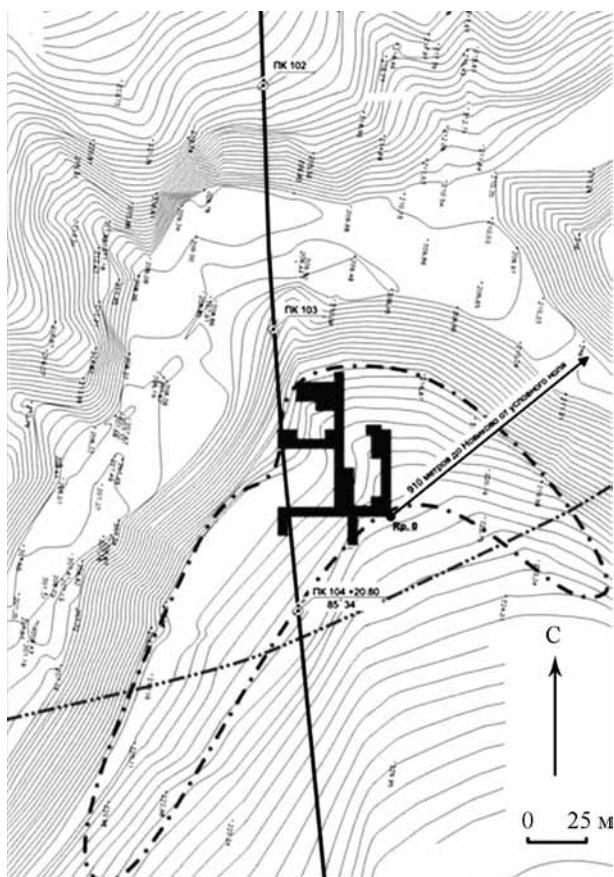

Рис. 2. Селище Новиково 1. Раскоп 1. План памятника

шинство найденных бус (17 экз.) изготовлено из прозрачного стекла желто-зеленого цвета (рис. 3, № 56²). Одна бусина сделана из бирюзового прозрачного стекла (рис. 3, № 23). Цвет и прозрачность четырех бус не установлены из-за плохой сохранности стекла.

Все найденные бусы изготовлены при помощи наливки, причем 17 экз. – серийной наливки (в т. ч. и единственная бирюзовая); у пяти экземпляров способ наливки не мог быть установлен. Серийные бусы сформованы из навитой трубочки с помощью приспособления типа решетки. Затем бусы были подвергнуты отшибанию и все, кроме одной (бирюзовой) – полированию.

У двух желто-зеленых бус был изучен состав стекла (табл. 1, ан. 848–31, 32)³. Оказалось, что в обоих случаях стекло сварено по рецепту Pb-Si с небольшой примесью окиси калия. Окрашено стекло окисью меди. Наличие щелочи в бесщелочном свинцовом стекле было отмечено при изучении браслетов Дмитровского кремля и селища Настасьино, а также бус с «пластичным» декором болгарских селищ низовой Камы и Мякининских курганов (Столярова, 2002а. С. 200–202. Табл. 5; 2004. С. 70; 2005а. С. 51,

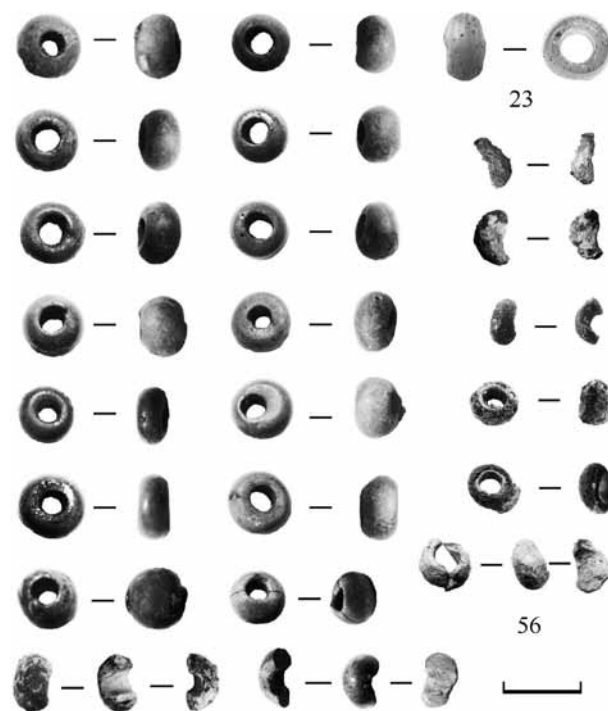

Рис. 3. Стекланные бусы селища Новиково 1 (см. цв. вкл.)

59; 2012а). Вероятно, наличие щелочи в стекле такого класса может объясняться добавлением в шихту стекольного боя другого состава, в котором присутствовал калий. Другое объяснение этому факту предлагает А.Н. Егорьков. Он полагает, что тигли с остатками стекла одного состава могли использовать для варки стекла другого состава (Егорьков, 2000. С. 81). Например, фрагмент тигля с остатками двух слоев разного по составу стекла был обнаружен в 1951 г. при археологических раскопках стеклоделательной мастерской XI в. на территории бывшего митрополичьего сада Киево-Печерской Лавры (Безбородов, 1956. С. 122–124).

Браслеты (3 экз.). Два браслета (№№ 58, 71) имели в поперечном сечении круг, один (№ 47) – розетку (рис. 4). Внутренний диаметр обруча двух браслетов (№№ 47, 58) составляет 6 см, небольшой обломок третьего (№ 71) не дает возможности определить этот параметр. Цветовая гамма браслетов представлена тремя цветами – фиолетовым (№ 58), желтым (№ 47) и оливковым (№ 71).

Изготовлены браслеты двумя способами. Украшения, имеющие в сечении круг (№№ 58, 71), сделаны из свободно вытянутого и согнутого в кольцо дрота. Экземпляр с розеткой в сечении (№ 47) изготовлен также путем свободного вытягивания круглого дрота, но с последующим нанесением на него острием вогнутых двух борозд. Получив таким способом дрот с

² Здесь и далее приведены номера по описи находок из отчета о раскопках.

³ Оптико-эмиссионная спектрография выполнена в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) аналитиком А.Н. Егорьковым. (Таблица 1 помещена в конце статьи.)

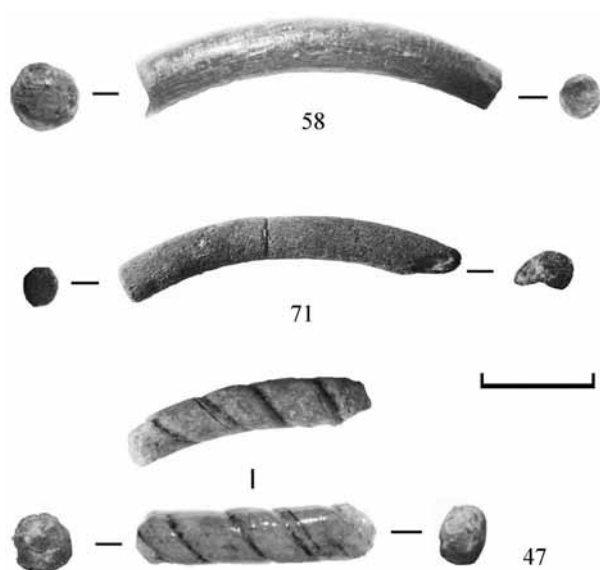

Рис. 4. Стеклённые браслеты селища Новиково 1 (см. цв. вкл.)

двумя ребрами, браслет затем подвергли кручению и также согнули в кольцо.

Вставка. Вставка плоская треугольной формы (рис. 5) имела ширину 0,8 см, толщину 0,4 см и длину 1,45 см. Она сделана из прозрачного стекла, причем одна ее половина бирюзового цвета, а другая – коричневого. Изготовлена при помощи литья в открытую форму.

Анализ химического состава показал, что вставка изготовлена из стекла класса K-Pb-Si и окрашена окисью меди (табл. 1, ан. 848–30). Интересно, что одним и тем же красителем окрашены обе половинки – бирюзовая и коричневая. Вероятно, изначально стекло вставки было бирюзовым, но в результате его вторичного нагревания при монтажке в концы металлического браслета окись меди, играющая роль красителя, восстановилась до коллоидного состояния и придала стеклу коричневый тон. Такую же особенность мы наблюдали у вставок, найденных в курганной группе Новоселки 2⁴.

Привеска. Фаянсовая привеска сохранилась частично: утрачена нижняя часть тулова и практически все ушко (рис. 6). Тем не менее, можно сказать, что тулово имело плоскую, возможно, прямоугольную форму с выпуклым краем. Форму ушка установить уже невозможно, но очевидно, что оно крепилось неподвижно сверху тулова и, располагаясь с ним в одной плоскости, являлось его продолжением. Отверстие в ушке имело цилиндрическую форму. Ширина тулова привески – 2,4 см, толщина – 0,5 см, длина – не установлена, длина ушка – 0,9 см, толщина – 0,7 см. Украшение декорировано рядами вогнутых квадратов, образующих сетку. Фаянсовая основа привески имеет белый цвет и однородный состав. По твердо-

Рис. 5. Стеклённая вставка селища Новиково 1 (см. цв. вкл.)

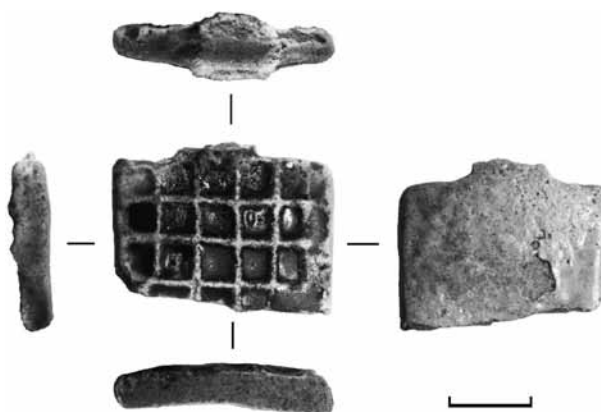

Рис. 6. Фаянсовая привеска селища Новиково 1 (см. цв. вкл.)

сти она может быть отнесена к мягкому кашину (Коваль, 2010. С. 180). Украшение покрыто прозрачной глазурью бирюзового цвета, а декорированный участок – черной глазурью. Изготовлена привеска, по-видимому, прессованием в форму. Декор, вероятно, сделан одновременно с изготовлением основы.

Был изучен химический состав глазурного покрытия привески (табл. 1, ан. 848–33). Анализ показал низкое содержание щелочей ($R_2O = 3,7\%$) и щелочных земель ($RO = 2,6\%$). Сырьевым источником щелочей, по-видимому, являлась зола растений-галофитов, произрастающих в засушливой зоне ($C^s=45,9$), а соотношение щелочных и щелочноземельных компонентов (R_2O / RO) составило 1,5. В качестве красителя использована окись меди.

На корреляционном поле, где на оси ординат указана сумма щелочных земель (RO), а на оси абсцисс – рецептурная норма ($N = R_2O / RO$), разместим результат анализа химического состава привески. Он расположился в нижней части поля, которую обычно занимают изделия из фаянсов более раннего времени (рис. 7). Например, здесь находятся фаянсовые бусы

⁴ Благодарю руководителей раскопок А.В. Энговатову, В.Ю. Коваль и Е.П. Захарову за предоставленный для исследования неопубликованный материал.

⁵ Относительное содержание калия.

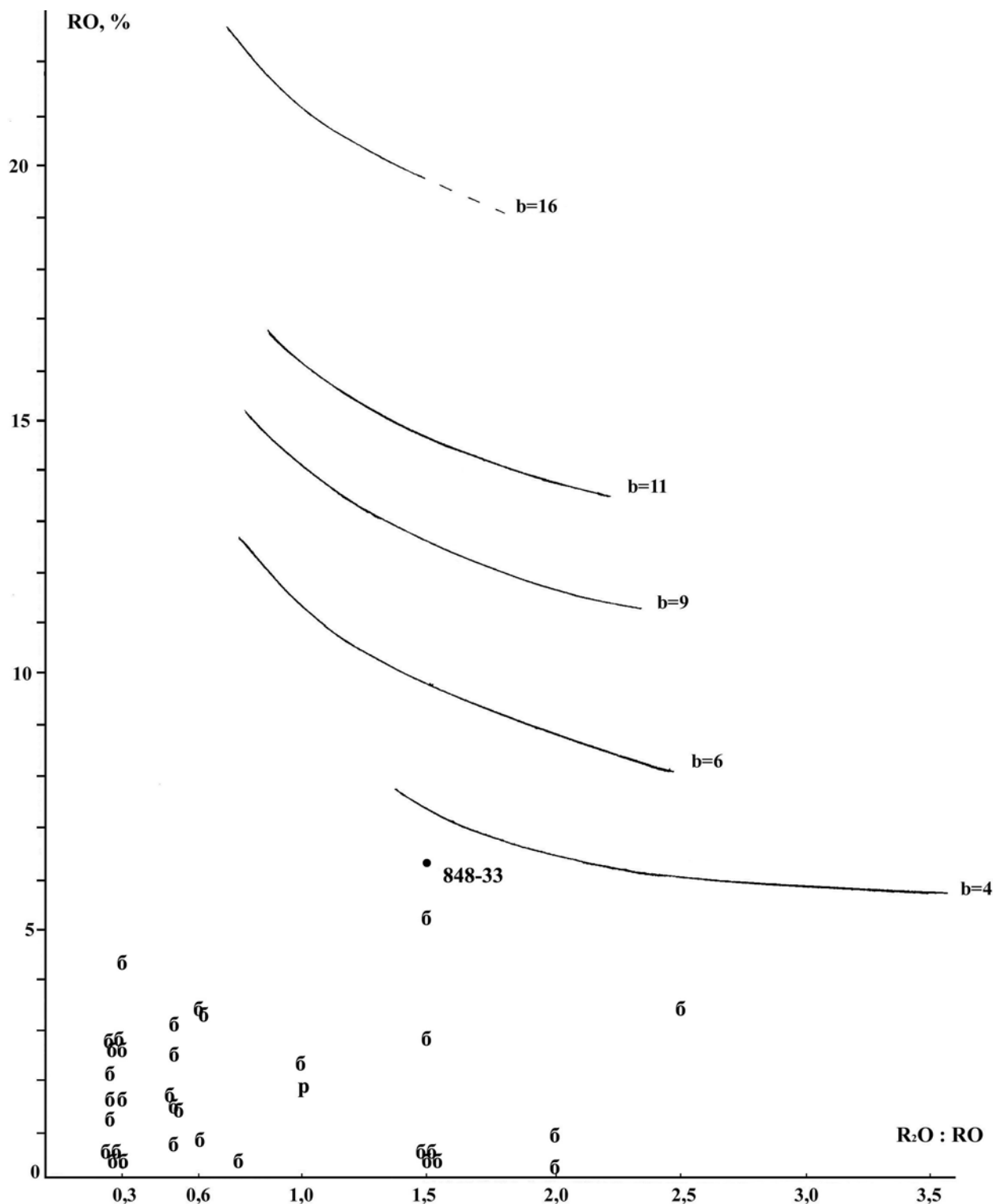

Рис. 7. Химический состав фаянсовых изделий

848–33 – фаянсовая привеска селища Новиково 1; б – фаянсовые бусы погребальных памятников эпохи бронзы западной части евразийских степей (2-я пол. III – 1-я пол. II тыс. до н.э.); р – фаянсовые бусы могильника Бельбек (юго-западный Крым, 2-я четв. I – 1-я пол. III в. н.э.); b=4 – египетские и вероятные финикийские традиции стекловарения; b=6 – провинциально-римские традиции; b=9 – месопотамские древние и ближневосточные средневековые традиции; b=11 – древнеегипетские традиции; b=16 – западноевропейские средневековые традиции стекловарения

из погребальных памятников эпохи бронзы западной части степной полосы Евразии, датированных второй половиной III – первой половиной II тыс. до н. э. (Столярова, 2002б. С. 308. Табл. 1; 2003. С. 115; 2005б. С. 195). В этой же зоне размещаются и фаянсовые бусы римского времени (Столярова, 2012б). Все эти составы объединяет низкая концентрация легкоплавких фракций (в нашем случае 6,3%), что гораздо ниже их минимального содержания (17,6–19,9%), необходимого для процесса стеклообразования (Лукас, 1958. С. 267; Щапова, 1983. С. 62. Рис. 10). В связи с этим для фаянсов ранних эпох специалисты предполагают способ нанесения глазури, называемый эффоресценцией. Суть его заключается в том, что глазурь не приготавливалась отдельно и не накладывалась на фаянсовую основу. Щелочные компоненты добавляли прямо в фаянсовую массу, из которой формировали основу изделия. В процессе сушки они выкристаллизовывались на поверхности, затем, в результате обжига образовывали стекловидную пленку и соединялись с фаянсовой основой. Этот эффект самоглазурования фаянса был открыт еще в 1932 г. К. Биннсом, М. Клемом и Г. Мотом, а в 1969 г. еще раз проверен и доказан Д. Ноблем (Щапова, 1983. С. 59–61). Такой прием являлся одним из наиболее распространенных способов глазурования фаянсовых изделий в древнем Египте (Nicholson, 1993. Р. 11).

Такое же низкое содержание щелочных и щелочноземельных компонентов имеют глазури средневековых кашинных бус, состав которых известен (Коваль, 2010. Прил. 1. №№ 78, 176, 177). Основная же масса глазурей на фаянсовой посуде и плитках XI–

XVII вв. имеет достаточное для стеклообразования содержание легкоплавких фракций. В тех случаях, когда их концентрация мала, это компенсируется наличием оксида свинца (Коваль, 2010. Прил. 1. №№ 1–77, 113–130, 168–175, 178).

На основании вышеприведенных данных можно высказать предположение о сохранении способа самоглазурования фаянса, хорошо известного в более раннее время, и в эпоху Средневековья. Возможно, этот прием применялся не для всех изделий, а только для мелких украшений, например, привесок и бус. В отличие от них, для сосудов использовали метод аппликации глазурного шликера или порошка. Возможно, применение разной технологии нанесения глазури на разные типы изделий объясняется особенностями изготовления емкостных (сосудов) и объемных предметов (украшений).

Происхождение. Группу однотипных бус (21 экз.) округлой шаровидной формы желто-зеленого цвета, изготовленных серийной навивкой, мы предположительно отнесли к стеклоделательной школе, производившей украшения из свинцово-кремнеземного стекла. Это подтверждает и анализ химического состава двух из них. Основные центры школы, по мнению исследователей, находились в Новгороде, Полоцке, Смоленске, Церковище. Появление самых ранних изделий этой школы относится к середине XII в., а заканчивается ее история в первой половине XIV в. (Щапова, 1972. С. 172, 193, 194).

Браслеты, бусина бирюзового цвета и вставка в металлический браслет на основании их цветовой гаммы, сохранности и состава отнесены к продук-

Таблица 1. Результаты оптико-эмиссионной спектрографии стеклянных и фаянсовых украшений поселения Новиково 1.

Шифр лаборатории	848-30	848-31	848-32	848-33
Предмет	Вставка	Бусина	Бусина	Привеска
Цвет	Коричнев.	Желто-зелен.	Желто-зелен.	Бирюзов.
SiO ₂	осн.			осн.
Na ₂ O	0,06	0,07	0,05	2,0
K ₂ O	8,7	2,0	1,0	1,7
CaO	3,0	2,1	1,0	1,6
MgO	0,6	0,7	0,2	1,0
Al ₂ O ₃	0,9	0,9	0,3	1,3
Fe ₂ O ₃	0,3	5,7	0,3	0,5
MnO	0,04	0,07	0,06	0,4
TiO ₂	0,1	0,06	0,04	0,05
PbO	32	54	74	0,04
SnO ₂	0,02	0,01	0,04	–
CuO	0,4	0,7	1,4	0,6
CoO	–	0,09	–	–
Sb ₂ O ₅	–	0,7	0,8	–
Ag ₂ O	–	–	0,01	–
NiO	–	0,01	–	–

ции школы, производившей изделия из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Производство бус этого класса началось в Киеве в первой четверти XI в., а браслетов – в 30-е годы XII в. Предположительно в конце XII в. в Новгороде, Рязани и Серенске возникли вторичные центры этой школы. В 1240 г. производство стекла в Киеве в результате его разгрома прекратилось, но в Новгороде оно могло продолжаться и в послемонгольское время, до середины XIV в. (Щапова, 1972. С. 119–132, 155–157, 191, 193; Равдина, 1978. С. 79).

Фаянсовые привески чрезвычайно редки в средневековой Руси. В.Ю. Коваль приводит только одну известную ему привеску из кашина, найденную в Нижнем Новгороде в комплексе золотоордынского

времени. Возможно, наша привеска происходит из тех же центров, что и фаянсовые бусы, производство которых, по мнению исследователей, могло осуществляться в Египте или в Иране, где оно было налажено египетскими мастерами (Коваль, 2010. С. 179, 180).

Хронология. Все находки происходят из объектов (ям). В частности, группа одинаковых желто-зеленых бусин и фиолетовый округлый браслет найдены в яме 3, которая являлась заглубленной частью наземной жилой постройки и датировалась, по-видимому, первой половиной XIII в. Остальные находки связаны с объектами (ямами 4, 7–9) хозяйственного назначения или являющимися заглубленными частями наземных построек, датируемых временем не позднее XIII в. (Панченко, Тропин, 2009. С. 38, 42, 44, 45).

Литература

Безбородов М.А., 1956. Стеклоделие в Древней Руси. Минск.

Егорьков А.Н., 2000. Химический состав древнерусской плиточной поливы // РА. № 4.

Коваль В.Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.

Лукас А., 1958. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М.

Панченко К.И., Тропин Н.А., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках на поселении Новиково I в Становлянском районе Липецкой области в 2009 г. Т. 1. М. (На временном хранении в ОПИ ИА РАН).

Равдина Т.В., 1978. Стекланные браслеты Серенска // КСИА. Вып. 155.

Столярова Е.К., 2002а. Предварительные итоги изучения стекланных предметов из раскопок в Дмитровском кремле // Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 1. М.

Столярова Е.К., 2002б. Стекланные и фаянсовые бусы южнорусских степей III–II тыс. до н.э.: материалы и интерпретация // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии северо-западного Прикаспия. М. – Элиста.

Столярова Е.К., 2003. Бусы из древних силикатов эпохи бронзы Евразийских степей // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конфер. Ч. 1. М.

Столярова Е.К., 2004. Химический состав стекланных изделий // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2).

Столярова Е.К., 2005а. Стекланные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань.

Столярова Е.К., 2005б. Происхождение бус из силикатов южнорусских степей конца III – начала II тыс. до н.э. // Современный музей как важный ресурс развития города и региона: Материалы международной научно-практической конференции. Казань.

Столярова Е.К., 2012а. Глава 4. Предметы из стекла // Мякининский курганный могильник. М. (В печати.)

Столярова Е.К., 2012б. Химический состав стекланных и фаянсовых бус могильника Бельбек IV // Тр. ГИМ. М. (В печати.)

Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.

Щапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.

Callmer G., 1977. Trade beads and beads trade in Scandinavia ca 800–1000 AD // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°

E.K. Stolyarova

Adornments made from glass and faience on settlement Novikovo 1

Summary

Publication of glass products (beads, bracelets) and faience pendant from excavations of medieval Russian settlement Novikovo 1 (the region of Lipetsk, basin of the Upper Don) – complexes of the 13th c. Spectrum

analysis of glass and glaze coating of pendant were made, accordingly to it was supposed about places of their production (Ancient Rus' – for glass products classes K-Pb-Si and Pb-Si, Middle East – for faience pendant).

Ю.А. Лихтер, Т.В. Сергина

Стеклянные бусы из сельского некрополя XVII–XVIII веков на городище Волочѣк Вяземский

На городище древнерусского времени Волочѣк Вяземский (Холм-Жирковский район Смоленской обл.) обнаружен могильник XVII–XVIII вв., включавший 29 погребений. 15 погребений безинвентарные, 14 – с инвентарем, в четырех из них были найдены бусы. Все бусы располагались в области шеи и принадлежали, по-видимому, ожерельям. По погребениям бусы

распределены неравномерно: в погребениях № 2 и 5 – около 50 экземпляров, в 4 и 7 – почти по 300 (табл. 1). Поскольку бусы этого времени изучены плохо, необходимо рассмотреть их максимально подробно.

Два погребения (№ 4 и 5) могут быть датированы по серьгам из медного сплава. Серьги плоские, яйцевидной формы, по нижнему краю расположены ушки, в которые вставлены цепочки, заканчивающиеся небольшими металлическими бусинками. В центральное отверстие щитка серьги вставлена плоская эллипсоидная бусина, скрепленная со щитком проволокой (рис. 1, 1). Эти серьги имеют определенное сходство с образцами XVII в. из серебра и вставками из драгоценных или полудрагоценных камней (рис. 1, 2) (Уткин, 1970. Рис. 21. С. 67), представляя собой более дешевый, упрощенный вариант для сельских жителей, очевидно, и более поздний. Кроме того, вставленные в серьги бусы – уплощенные, эллипсоидной формы – не известны ранее XVIII в.

Нами рассмотрены морфология изделий, техника изготовления и химический состав стекла, что позволило сделать выводы о месте и времени их производства. Описание и определение происхождения и хронологии изделий производилось по методике Ю.Л. Щаповой (1989). Техника изготовления изучалась в соответствии с принципами, предложенными З.А. Львовой (1980) и Ю.Л. Щаповой (1989). Анализ данных о химическом составе стекла производился по методике Т. Ставярской (Stawiarska, 1984) и Ю.Л. Щаповой (1989).

По форме преобладают округлые бусы (455 экз.), почти в два раза меньше граненых – 215 (рис. 2, 2). Среди округлых форм представлены цилиндр, эллипсоид, шар, яйцо; среди граненых – неправильные пирамида и призма (табл. 2; рис. 2). Граненные бусы встречены в погребениях 2, 4, 5 (табл. 3).

Упорядочение размеров бус (по диаметру) проводилось по Ю. Каллмеру (Callmer, 1977. Р. 35.). Бусы преимущественно относятся к группе микро-бус (до 8 мм), только несколько экземпляров можно отнести к группе средних бус, причем к подгруппе малых (9–11 мм) (табл. 4). Причем все они сосредоточены в по-

Рис. 1. Серьги из Волочѣка Вяземского (1) и серьги XVII в. (2) (по: Уткин, 1970. Рис. 21)

Рис. 2. Стеклянные бусы из сельского некрополя XVII–XVIII веков на городище Волочѣк Вяземский (см. цв. вкл.)

1 – бесцветные прозрачные из тянутой трубочки (погр. 4); 2 – красно-коричневые непрозрачные из навитой трубочки с неправильными гранями (погр. 4); 3 – бирюзовые полупрозрачные из тянутой трубочки (погр. 7); 4 – белые непрозрачные серийной навивки (погр. 2); 5 – белые непрозрачные навитые; пурпурные непрозрачные из навитой трубочки с неправильными гранями; черные полупрозрачные из тянутой трубочки (погр. 5); 6 – пурпурные непрозрачные из навитой трубочки с неправильными гранями (погр. 2); 7 – красно-коричневые непрозрачные из тянутой двухслойной трубочки (погр. 7); 8 – сине-фиолетовые прозрачные из тянутой трубочки (погр. 4)

гребении № 2. Незначительно количество и больших бус в группе микро-бус, т. е. диаметр подавляющего большинства бус меньше 6 мм (табл. 4; 5).

По цвету преобладают пурпурные, серо-голубые и белые бусы. Затем следуют темные ахроматические, красно-оранжевые и бирюзовые. Единичными экземплярами представлены бежевые, желто-зеленые, зеленовато-голубые, фиолетовые, сине-фиолетовые бусы (табл. 6; 7; рис. 2). Сопоставление размера и цвета (табл. 8) показывает, что самые крупные бусы – белые 21 экз. (от 9 до 11 мм) сосредоточены в погребении 2, следующие по величине – сине-фиолетовые бусы диаметром от 6 до 8 мм – происходят из погребений 4 и 7 (рис. 2, 8).

Рассмотрение технологии (табл. 9) показывает, что преобладают бусы из тянутой трубочки (рис. 2, 1, 3, 8), много бус из навитой трубочки (рис. 2, 2, 5, 7), встречается серийная навивка (рис. 2, 4).

Сопоставление формы, цвета и технологии (табл. 10) помогло выявить ряд особенностей. Так, из разных по длине отрезков тянутой трубочки сделаны округлые бусы (шаровидные, эллипсоидные, цилиндрические) (рис. 2, 1, 3, 7). Наиболее крупные округлые бусы (белого цвета) выполнены в технике серийной навивки (рис. 2, 4). Среди граненых бус подавляющее большинство пурпурного цвета, часто неправильной формы, и две черных бусины (рис. 2, 5). Пурпурные сделаны из навитой трубочки, а неправильные грани получены путем прессования пинцетом; черные – из тянутой трубочки, форма придана прессованием на плоскость (табл. 10); сине-фиолетовые изготовлены из тянутой трубочки (рис. 2, 8; погребение 4).

Среди бус из тянутой трубочки (все округлые) выделяются красно-оранжевые из грубого стекла, покрытого тонким слоем цветного стекла (52 экз.; рис. 2, 7). Они происходят из погребения 7. Бусины

Таблица 1. Распределение бус по погребениям.

№ погр.	Кол-во	%
2	48	7,16
4	297	44,33
5	46	6,87
7	279	41,64
Всего	670	100

Таблица 3. Распределение бус разной формы по погребениям.

№ погр.	Форма			Кол-во
2	Гранен.	призма	граней	20
2	Гранен.	призма	неправильн.	3
2	Округл.	шар	усечен. дважды	25
4	Гранен.	призма	-	4
4	Гранен.	призма	неправильн.	65
4	Гранен.	призма	скругл. ребра	82
4	Нет сведен.			1
4	Округл.	цилиндр	уплощен.	82
4	Округл.	шар	усечен. дважды	60
4	Округл.	эллипсоид	усечен. дважды	1
4	Округл.	яйцевидн.	усечен. дважды	2
5	Гранен.	пирамида	неправильн.	1
5	Гранен.	призма	неправильн.	5
5	Гранен.	призма	скругл. ребра	34
5	Нельзя установить			1
5	Округл.	шар	усечен. дважды	2
5	Округл.	яйцевидн.	усечен. дважды	3
7	Округл.	цилиндр		3
7	Округл.	цилиндр	уплощен.	143
7	Округл.	цилиндр	усечен.	21
7	Округл.	шар	усечен. дважды	20
7	Округл.	эллипсоид	уплощен.	63
7	Округл.	эллипсоид	усечен. дважды	29
Всего				670

Таблица 2. Форма бус.

Форма			Кол-во	%
Гранен.	пирамида	неправильн.	1	0,15
Гранен.	призма	–	4	0,60
Гранен.	призма	пятигран.	20	2,99
Гранен.	призма	неправильн.	73	10,93
Гранен.	призма	скругл. ребра	116	17,37
Округл.	цилиндр		3	0,45
Округл.	цилиндр	уплощен.	225	33,68
Округл.	цилиндр	усечен.	21	3,14
Округл.	шар	усечен. дважды	107	16,02
Округл.	эллипсоид	уплощен.	63	9,43
Округл.	эллипсоид	усечен. дважды	30	4,49
Округл.	яйцевидн.	усечен. дважды	5	0,75
Всего			668	100

Таблица 4. Размеры бус (см).

Тип размера	Границы	Условн. обознач.	Кол-во	%
Микро-бусы				
Малые	<0,3	1.1	169	25,53
Средние	0,3-0,5	1.2	465	70,24
Большие	0,6-0,8	1.3	7	1,06
Средние				
Малые	0,9-1,1	2.1	21	3,17
Всего			662	100

Таблица 5. Распределение бус разных размеров по погребениям.

№ погр.	Размер	Кол-во
2	1.1	1
2	1.2	16
2	1.3	4
2	2.1	21
4		1
4	1.1	76
4	1.2	217
4	1.3	3
5	1.2	45
7	1.1	92
7	1.2	187
Всего		663

Таблица 6. Цвет бус.

Цвет	Кол-во	%
Бежевый	1	0,14
Желто-зеленый	1	0,14
Зеленов.-голубой	1	0,14
Фиолетовый	1	0,14
Сине-фиолетов.	4	0,55
Бирюзовый	53	7,34
Красно-оранжев.	55	7,62
Темный	68	9,42
Серо-голубой	136	18,84
Белый	183	25,35
Пурпурный	219	30,33
Всего	722	100

Таблица 8. Соотношение цвета и размеров бус.

Цвет	Размер	Кол-во	%
Зеленов.-голубой		1	0,14
Белый	1.1	31	4,34
Бирюзовый	1.1	31	4,34
Желто-зеленый	1.1	1	0,14
Красно-оранжев.	1.1	27	3,78
Пурпурный	1.1	2	0,28
Серо-голубой	1.1	75	10,49
Темный	1.1	29	4,06
Фиолетовый	1.1	1	0,14
Бежевый	1.2	1	0,14
Белый	1.2	127	17,76
Бирюзовый	1.2	22	3,08
Красно-оранжев.	1.2	27	3,78
Пурпурный	1.2	211	29,51
Серо-голубой	1.2	61	8,53
Сине-фиолетов.	1.2	1	0,14
Темный	1.2	39	5,45
Белый	1.3	4	0,56
Сине-фиолетов.	1.3	3	0,42
Белый	2.1	21	2,94
Всего		715	100

Таблица 7. Распределение бус разного цвета по погребениям.

№ погр.	Цвет	Кол-во
2	Белый	25
2	Пурпурный	23
4	Белый	1
4	Зеленов.-голуб.	1
4	Красно-оранжев.	3
4	Пурпурный	153
4	Серо-голубой	136
4	Сине-фиолетов.	3
4	Фиолетовый	1
5	Белый	1
5	Красно-оранжев.	1
5	Пурпурный	42
5	Темный	2
7	Бежевый	1
7	Белый	156
7	Бирюзовый	53
7	Желто-зеленый	1
7	Красно-оранжев.	51
7	Пурпурный	1
7	Сине-фиолетов.	1
7	Темный	66

Таблица 9. Основные технологические приемы изготовления бус.

Технология		Кол-во	%
Неопредел.	неопределен.	1	0,15
Вытягивание	трубочки	419	62,54
Навивка	серийная	30	4,48
Навивка	трубочки	220	32,84
Всего		670	100

Таблица 10. Соотношение цвета бус и технологических приемов изготовления.

Цвет	Технология		Кол-во
Бежевый	Вытягивание	трубочки	1
Белый	Вытягивание	трубочки	157
Белый	Навивка	серийная	26
Бирюзов.	Вытягивание	трубочки	53
Желто-зеленый	Вытягивание	трубочки	1
Зеленов.-голубой	Неизвестн.		1
Красно-оранжев.	Вытягивание	трубочки	55
Пурпурн.	Навивка	серийная	1
Пурпурн.	Навивка	трубочки	218
Серо-голубой	Вытягивание	трубочки	136
Сине-фиолетов.	Вытягивание	трубочки	1
Сине-фиолетов.	Навивка	серийная	3
Темный	Вытягивание	трубочки	66
Темный	Навивка	трубочки	2
Фиолетов.	Вытягивание	трубочки	1

Таблица 11. Химический тип стекла (Са* – пониженное содержание кальция в образце).

Химический тип	№ по каталогу
K-Na-Ca-Pb-Si	172, 178, 180
K-Na-Ca*-Pb-Si	525
Na-Ca-Mg-Si	1032
Na-K-Ca-Mg-Si	186, 186, 187, 898, 919
Na-K-Ca-Si	173, 185, 726
Pb-K-Ca-Si	125
Pb-Na-K-Ca-Mg-Si	522

Таблица 12. Соотношение химических типов стекла и технологии изготовления (Са* – пониженное содержание кальция в образце).

№ погр.	Технология		Химический тип	№ по катал.
4	Вытягивание	трубочки	Na-K-Ca-Si	173
7	Вытягивание	трубочки	Na-K-Ca-Si	185
7	Вытягивание	трубочки	Na-K-Ca-Mg-Si	186
7	Вытягивание	трубочки	Na-K-Ca-Mg-Si	187
4	Вытягивание	трубочки	Na-K-Ca-Si	726
7	Вытягивание	трубочки	Na-K-Ca-Mg-Si	898
7	Вытягивание	трубочки	Na-K-Ca-Mg-Si	919
7	Вытягивание	трубочки	Na-Ca-Mg-Si	1032
4	Вытягивание?	трубочки	K-Na-Ca-Pb-Si	172
4	Вытягивание?	трубочки	K-Na-Ca-Pb-Si	178
5	Вытягивание?	трубочки	K-Na-Ca-Pb-Si	180
2	Навивка	серийная	Pb-K-Ca-Si	125
7	Навивка	трубочки	Na-K-Ca-Mg-Si-Al	184
4	Навивка	серийная	Pb-Na-K-Ca-Mg-Si	522
4	Навивка	трубочки	K-Na-Ca*-Pb-Si	525

Таблица 13. Соотношение цвета и химических характеристик стекла (Са* – пониженное содержание кальция в образце).

Цвет	Тип	Краситель	Источник щелочного сырья	Источник щелочноземельного сырья	№ по катал.
Белый	Pb-K-Ca-Si	Cu	Зола континент. растений	–	125
Белый	Na-K-Ca-Si	Sb	Salicornia herb. корни	Доломит. известняк	173
Белый	Na-K-Ca-Mg-Si	Cu	Salicornia herb. наземн.	Доломит. известняк	186
Белый	Na-K-Ca-Mg-Si	Sb	Callidium casp. корни однолет.	Доломитов. известняк	187
Белый	Na-Ca-Mg-Si	Sb	Сода?	Доломиты	1032
Бирюзов.	Na-K-Ca-Si	Cu	Salicornia herb. наземн.	Доломитов. известняк	185
Бирюзов.	Na-K-Ca-Mg-Si	Cu	Salicornia herb. наземн. однолет.	Доломиты	919
Красно-оранжев.	K-Na-Ca-Pb-Si	Pb?	Не установлен	Доломиты	172
Красно-оранжев.	K-Na-Ca-Pb-Si	Pb?	Не установлен	Известняк	178
Красно-оранжев.	K-Na-Ca-Pb-Si	Pb?	Не установлен	Доломиты	180
Красно-оранжев.	Na-K-Ca-Mg-Si	Cu	Salicornia herb. наземн.	Доломитов. известняк	186
Красно-оранжев.	Na-K-Ca-Mg-Si	Mn	Calidium casp. однолет. наземн.	Доломиты	898
Пурпурн.	Na-K-Ca-Mg-Si-Al	Mn	Callidium casp. наземн.	Доломитов. известняк	184
Пурпурн.	K-Na-Pb-Ca*-Si	Mn	Не установлен	Доломиты	525
Серо-голубой	Na-K-Ca-Si	Fe	Calidium casp. многолет. наземн.	Доломитов. известняк	726
Сине-фиолетов.	Pb-Na-K-Ca-Mg-Si	Cu+Co	Salicornia herb. корни	Доломиты	522
Темный ахроматич.	Na-K-Ca-Mg-Si	Mn	Calidium casp. однолет. наземн.	Доломиты	898

плохой сохранности, однослойные пурпурного цвета были найдены в погребениях 4 и 5 (рис. 2, б).

Анализ состава стекла 15 бусин, отличающихся по цвету и технологии (см. Приложение)¹ показал большое разнообразие: бусы распределились по шести типам стекла (табл. 11). Тип K-Na-Ca*-Pb-Si (№ 525, анализ № 848:18) с несколько пониженным содержанием кальция может рассматриваться как вариант типа K-Na-Ca-Pb-Si.

Сопоставление состава и технологии, а также цвета (табл. 12; 13) позволил отнести красно-оранжевые двухслойные бусы к химическому типу Na-K-Ca-Mg-Si, красителем в этом случае является медь (по-видимому, это технология медного рубина)². Красно-оранжевые однослойные, плохой сохранности, относятся к химическому типу K-Na-Ca-Pb-Si. Пурпурные бусы из навитой трубочки относятся к типам Na-K-Ca-Mg-Si и K-Na-Ca-Pb-Si; белые, сделанные серийной навивкой – к типу Pb-K-Ca.

Следовательно, наряду с традиционными бусами из тянутой трубочки из стекла, сваренного на золе

пустынных растений, появляются бусы из тянутой трубочки другого состава. Этот тип отличается не только наличием свинца, добавка которого делает стекло «длинным», но и иным соотношением натрия и калия. В отличие от золы пустынных растений, где преобладает натрий, в этом химическом типе преобладает калий, но при этом имеется значительный процент натрия. Такое соотношение свойственно золе травянистых приречных растений – камыша и тростника. Помимо этих бус, примечательны также бусы из навитой трубочки, бусы, сваренные на золе пустынных растений, и бусы, сделанные серийной навивкой (химический тип Pb-K-Ca).

Полученные в результате исследования результаты позволяют сделать некоторые предположения о происхождении бус, найденных в погребениях сельского некрополя XVII–XVIII веков на городище Волочѣк Вяземский. Бусы в технике тянутой трубочки из стекла, сваренного на золе пустынных растений, скорее всего, являются продукцией итальянских мастеров, возможно, венецианских. Однако помимо

¹ Аналитик – А.Н. Егорьков (ИИМК РАН).

² См. статью Е.К. Столяровой в этом сборнике.

бус указанного состава и технологии, появляются новые технологии и состав могут указывать на наличие новых мастерских, работающих, возможно, вне

пределов традиционных областей стеклоделия, известных в XVII в.

Литература

Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 A.D. // *Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°*. No 11. Lund.

Stawiarska T., 1984. Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski. Studium technologiczne. Ossolineum. Wrocław.

Львова З.А., 1980. Признаки способа изготовления изделий из стекла // АСГЭ. № 21.

Уткин П.И. 1970. Русские ювелирные украшения. М.

Щанова Ю.Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.

Yu.A. Lihter, T.V. Sergina

Glass beads from country necropolis of the 17th – the 18th centuries on fortified settlement Volochech Vyazemsky

Summary

Beads made from glass drawn tube were found on the Ancient Russian fortified settlement Volochech Vyazemsky (the region of Smolensk) in a burial mound of the 17th – the 18th cc. The beads were made on the ash of desert plants (Na-K-Ca-Mg-Si) and ash of supposedly continental herbaceous plants with some addition

of lead (K-Na-Ca-Pb-Si). There were found also beads made from twisted tube (Na-K-Ca-Mg-Si и K-Na-Ca-Pb-Si). Probably the first ones were made in Italy (Venice). New technologies and composition let us to suggest the availability of other manufactories working with new technology.

*Приложение***Химический состав стекла бус из сельского некрополя XVII–XVIII вв.
на городище Волочѣк Вяземский.**

№ по кат.	№ анализа	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	CuO	CoO	PbO	SnO ₂	Sb ₂ O ₃	Ag ₂ O ₃	TiO ₂	Ni
125	848:16	1,10	8,70	3,70	0,40	0,30	0,30	0,10	0,7	0	42,00	0,30	0,10	0,02	0,06	0
172	778:17	8,00	13,00	2,80	1,10	0,60	0,30	0,02	0	0	21,00	0	0,40	0	0,03	0
173	778:18	7,20	3,70	8,00	1,20	0,70	0,40	0,10	0	0	0	0	0,30	0	0,05	0
178	778:16	1,20	1,30	3,30	0,00	0,70	0,30	0,05	0	0	17,00	0	0	0	0,03	0
180	778:19	7,20	8,60	3,30	1,10	0,60	0,40	0,20	0	0	20,00	0	0,50	0	0,03	0
184	778:23	10,00	2,70	13,00	1,50	2,40	0,60	3,20	0	0	0,10	0	0,04	0	0,04	0
185	778:20	8,00	3,70	6,80	1,40	1,40	0,60	0,04	1,1	0	0,60	0	0,03	0	0,03	0
186	778:21	6,00	2,70	14,00	2,30	0,80	1,20	0,50	1,0	0	0,50	0	0,60	0	0,07	0
187	778:22	9,30	2,00	22,00	2,70	1,20	1,00	0,04	0	0	0,30	0	2,80	0	0,06	0
522	848:19	7,00	4,30	8,70	2,60	1,00	0,90	0,20	0,3	0,2	27,00	0,03	0,70	0	0,07	0,05
525	848:18	8,00	8,20	2,20	1,20	0,40	0,50	0,20	0	0	35,00	0	0,80	0	0,04	0
726	848:17	6,50	1,70	3,70	1,00	0,60	0,40	0,09	0	0	0	0	0,50	0	0,05	0
898	848:15	16,00	1,80	7,00	2,60	1,40	0,80	0,40	0,9	0	0,05	0,04	1,10	0	0,08	0
919	848:13	16,00	4,80	5,80	2,20	0,60	0,40	0,06	1,3	0	0,05	0	0	0	0,05	0
1032	848:14	17,00	1,30	7,20	4,00	1,50	0,80	0,10	0	0	0,30	0	0,30	0	0,10	0

О.А. Фатюнина

Детали кожаных сапог Переяславля Рязанского XV – начала XVII века

В ходе археологических исследований Житного раскопа на территории кремля г. Переяславля Рязанского (Завьялов, 2011. С. 53) в 2004–2011 гг. было обнаружено более 23000 единиц кожаных изделий, из которых около 8000 относится к деталям обуви, а именно, сапогам – самой распространенной обуви городского населения в эпоху Средневековья.

Основные типы обуви, бытовавшие в Переяславле Рязанском, были выделены Е.И. Оятевой еще в 70-х годах XX в. (Оятева, 1979. С. 189–192). Предварительные результаты изучения обуви из Житного раскопа также введены в научный оборот (Фатюнина, 2011. С. 217–221), но в связи с расширением источниковой базы за счет новых находок сапог и комплексным рассмотрением всего массива накопленного материала появилась возможность проследить изменения в сапожной моде на протяжении двух столетий более отчетливо.

Изучение сапог основывается на методических рекомендациях Д.О. Осипова к описанию составляющих обуви (Осипов, 2006). По данным статистического анализа, отражающего количественное преобладание деталей определенных форм кроя, можно сделать выводы о распространенности отдельных обувных фасонов. В настоящей статье представлено исследование конструктивных элементов кожаных сапог, на

основании которого выявлены наиболее типичные черты отдельных деталей, позволяющие определить смену обувной моды в Переяславле Рязанском XV – начала XVII в.

Как известно, в формировании фасона определяющая роль принадлежит головке, поэтому необходимо рассмотреть смену форм кроя головок и вариантов их орнамента во времени с учетом стратиграфии раскопа. Следует учитывать и крой подкладки, поднаряда, поскольку именно такой всесторонний подход позволяет извлечь максимальное количество информации.

В первой половине XV в. (23 и 22 пласты Житного раскопа) головок сапог хорошей сохранности мало, что объясняется сухостью слоя, не способствующего сохранности органических материалов. Все это затрудняет определение наиболее распространенных форм. Целые детали представлены единичными экземплярами. Это головки нескольких видов (рис. 1) с неполным двухчастным поднарядом – узкими полосками кожи, проходившими по краю головки для ее усиления в местах крепления с подошвой (рис. 2, 1).

Дополнительную информацию дает изучение скоплений отходов обуви. Следы сильного износа, делавшие обувь непригодной для дальнейшего использования, свидетельствуют о ее утилизации.

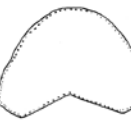

Пласт							
23	1 шт. неполный поднаряд	—	1 шт. неполный поднаряд	—	1 шт. неполный поднаряд	—	—
22	—	2 шт. неполный поднаряд	—	1 шт. неполный поднаряд	1 шт. неполный поднаряд	1 шт. неполный поднаряд	1 шт. неполный поднаряд

Рис. 1. Количественное соотношение видов головок первой половины XV в.

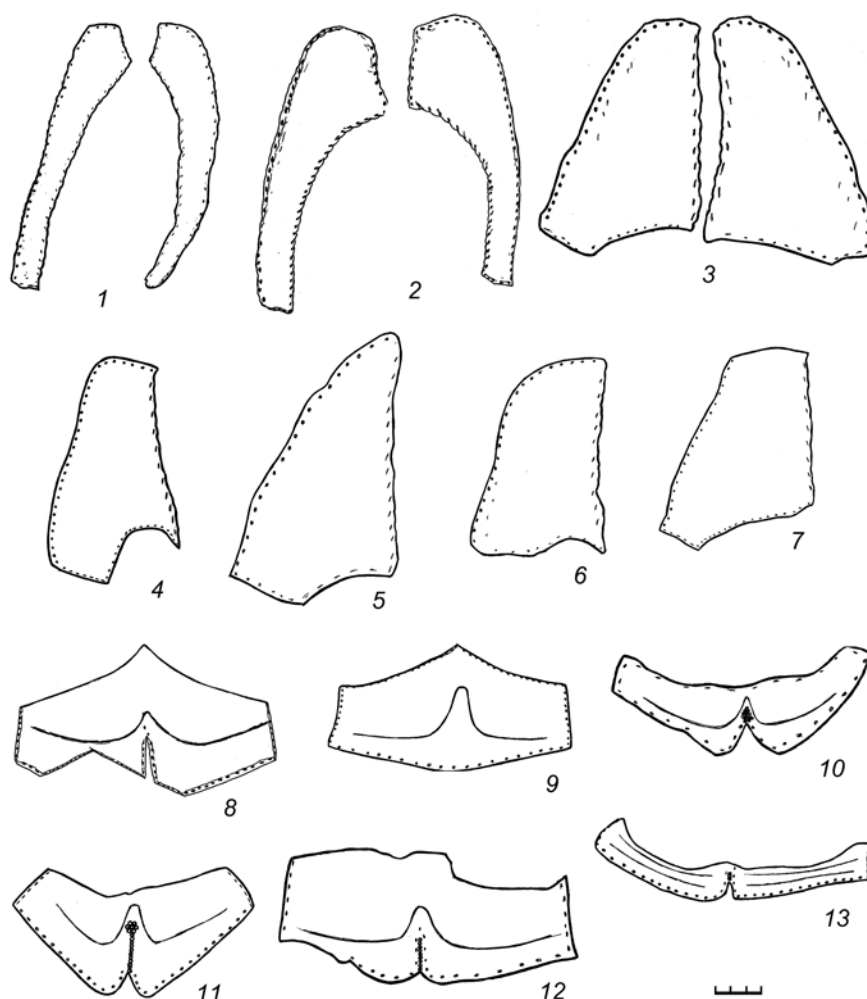

Рис. 2. Детали кожаных сапог
1–7 – поднаряд; 8–13 – задник

В основном обрезки от вторичного раскроя головки являются срезанными шовными отверстиями, что затрудняет определение формы кроя. Наиболее содержателен полный срез носка головки (рис. 3). Преобладают головки с заостренным носком трубочкой и с носком вытянутой формы, чуть загибающимся вверх, имеются и головки с вогнутым но-

ском, орнаментированные «елочкой» и тиснением. Поднаряд у головок этого периода был двухчастным неполным.

Интересно заполнение ямы, датируемой началом – первой половиной XV в. по керамике, содержащей обувные фрагменты и обрезки от вторичного раскроя деталей. Все обрезки головок имеют заостренный

Пласт						
23	83,3 поднаряд не определен	16,7 поднаряд не определен	—	—	—	—
22	57,7 поднаряд не определен	11,5 поднаряд не определен	15,4 поднаряд не определен	7,7 неполный поднаряд	3,8 поднаряд не определен	3,8 неполный поднаряд

Рис. 3. Процентное соотношение обрезков головок из слоев первой половины XV в.

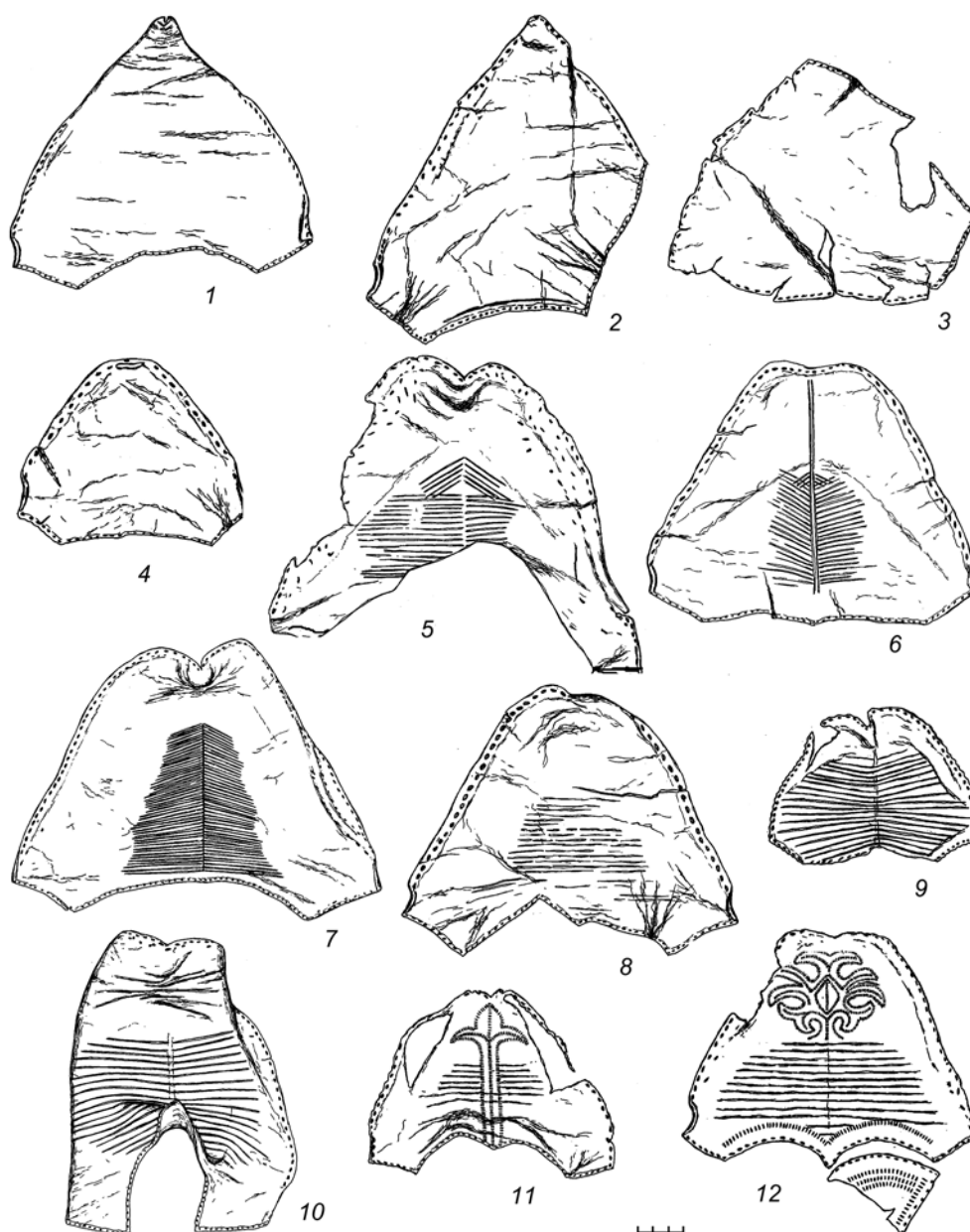

Рис. 4. Виды головок кожаных сапог

носок трубочкой. Полностью сохранившаяся головка с таким носком и вогнутым верхом (рис. 4, 2) имеет неполный поднаряд.

Изучение материалов из культурных напластований второй половины XV в. (21, 20 и 19 пласты раскопа) (рис. 5) показало, что преобладающей формой головки был вытянутый, слегка загибающийся вверх, заостренный носок и вогнутый верх (рис. 4, 1). Такие головки не имели следов украшения. Бытовали и головки с заостренным носком, без декора (рис. 4, 3). Головки с вогнутым носком, представленные единичными экземплярами, орнаментированы линованием в виде елочки (рис. 4, 5–6). Поднаряды преимущественно двухчастные, неполные (рис. 2, 2). Часто встречаются детали, изготовленные из кожи, бывшей в использовании, что связано, скорее всего, с экономией материала.

Можно предположить, что на сапогах в XV в. иногда присутствовала расшивка. На это указывает головка с трилистником весьма упрощенного вида, обнаруженная в слое второй-третьей четверти XV в. (рис. 4, 11). Если принимать во внимание факт, что головка имеет следы крепившегося к ней неполного поднаряда, не бытовавшего в позднем периоде, то вещь можно датировать второй половиной XV в. Это подтверждается не только применением характерного для XV в. неполного двухчастного поднаряда и наличием полного двухчастного поднаряда на всех обнаруженных расшитых головках XVI в., но и отсутствием обуви с расшивкой в отложениях 17–21 пластов, что сводит к минимуму возможность попадания орнаментированной головки из позднего перекопа.

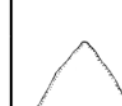
Пл.								
21	7,7 полный поднаряд	7,7 неполный поднаряд; 7,7 поднаряд не определен	—	—	7,7 поднаряд не определен (здесь и далее, из-за отсутствия четких следов крепления)	—	46,2 неполный поднаряд; 23 поднаряд не определен	—
20	13,1 полный поднаряд; 18,4 неполный поднаряд	5,2 неполный поднаряд; 7,9 поднаряд не определен	2,6 поднаряд не определен	15,8 неполный поднаряд	2,6 неполный поднаряд	7,9 поднаряд не определен; 2,6 наличие тиснения	18,4 поднаряд не определен; 2,6 неполный поднаряд	5,2 поднаряд не определен
19	30,3 полный поднаряд; 18,2 неполный поднаряд; 9,1 поднаряд не определен	15,1 неполный поднаряд; 3 полный поднаряд	—	неполный поднаряд;	—	—	6 неполный поднаряд; 3 поднаряд не определен	—

Рис. 5. Процентное соотношение видов головок второй половины XV в.

Ближе к рубежу XV–XVI вв. увеличивается количество головок с вогнутым носком и вогнутым или выпуклым низом, неорнаментированных или с линованием в виде елочки (рис. 4, 7). Вместе с тем, фиксируется линование в виде параллельных горизонтальных линий (рис. 4, 8). Наряду с неполными двухчастными поднарядами появляются полные (рис. 2, 3), состоявшие из двух частей и дублирующие различные формы головок (рис. 2, 4–7).

В первой половине XVI в. (18–14 пласты раскопа) (рис. 6) главенствующей формой кроя являлись вогнутый носок и выпуклый (или слабо вогнутый) верх (рис. 4, 9). Характерны полные, на всю головку, двухчастные и трехчастные (сшитые из остатков кожи) поднаряды (рис. 7, 2б). Орнамент – горизонтальное линование или линование елочкой. Встречаются головки с тиснением.

Во второй половине XVI в. (13–11 пласты) (рис. 8) преобладают головки с вогнутым носком и выпуклым (или вогнутым) верхом (рис. 4, 9–10). Головки декорированы тиснением и все имеют полный двухчастный

поднаряд. Детали без орнамента представлены единичными экземплярами (рис. 4, 4).

Вышивание цветными нитями растительного орнамента делала обувь XVI в. яркой и изящной. Расшивка деталей сапог – довольно редкое явление в ряде русских городов (Осипов, 2006. С. 65; Курбатов, 2008в. С. 251). Тем не менее, обнаруженные шесть головок с цельным рисунком трилистника на Житном раскопе (Фатюнина, 2011. С. 218) позволяют сделать вывод, что подобное украшение было распространено в XVI в., а это подтверждает мнение специалистов, датировавших головки сапог с вышивкой этим периодом (Осипов, 2006. С. 65).

Следы от проколов различны по размерам и технике исполнения. Отверстия были двух видов: проколы, оставшиеся от иглы или шила и прорезы, сделанные острым предметом. Нити прослеживаются местами, как правило, лишь в отверстиях от проколов. Прорезы отличаются по технике исполнения. Через четкие глубокие отверстия вполне мог быть продернут тонкий шнурок. Что касается узких прорезей, то,

			
48,5 полный поднаряд	23,3 полный поднаряд	23,6 неполный поднаряд	4,5 полный поднаряд

Рис. 6. Процентное соотношение видов головок первой половины XVI в.

скорее всего, они являли собой еще один вариант декорирования, не связанный с расшивкой и продержкой. Орнамент, в целом, мало вариативен (рис. 4, 12). Уникален небольшой обрывок голенища с вышивкой в его нижней части, примыкающий к одной из головок (рис. 4, 12), – как правило, расшивался только верхний край голенищ (Фатюнина, 2011. С. 218).

Появление новых находок позволило расширить ряд вариантов орнаментирования головок, выделенных Е.И. Оятевой. Помимо «тиснения – линейного или «елочкой»» (Оятева, 1979. С. 192), можно отметить расшивку цветными нитями, отделить тиснение от линования, а линование елочкой разделить на несколько видов.

Находки деталей сапог в слоях начала XVII в. (10 пласт) единичны. По фрагментам можно предположить, что в это время бытовали головки с вогнутым носком, куда вшивался загибающийся носок подошвы. Головки, украшенные тиснением, были с полным поднарядом.

Другие составляющие сапог менее подвержены изменениям на протяжении времени. Голенища, как никакая другая сапожная деталь, пригодны для вторичного использования, поэтому находки их полных форм единичны (табл. 1).

Все голенища, обнаруженные на Житном раскопе, двухчастные. Для второй половины XV в. присуще одновременное бытование разных по крою голенищ: округлых, прямых, кососрезанных (рис. 9, 1, 2, 4). Декор голенищам в это время несвойственен. Нередко в целях экономии материала небольшая часть голенища дошивалась (рис. 9, 3). В XVI в. преобладают кососрезанные голенища, орнаментированные в верхней части (рис. 9, 6). Верхний край голенища

обшивался (рис. 10, 10). Голенища из слоев рубежа XVI–XVII вв. не обнаружены. По фрагментам и обрезкам можно предположить, что они по-прежнему двухчастные, кососрезанные, с декором.

Наиболее распространенная форма кроя задников в XV в. – заостренный верх и выпуклый низ (рис. 2, 9). Весьма часто задники не выкраивались отдельной деталью, а были одним целым с голенищем. Об этом свидетельствует наличие задников со срезанным верхом, а также находки целых голенищ, переходящих в задник (рис. 2, 11–13; рис. 7, 1в, 3в). В этом периоде заметно большее количество задников, состоящих из нескольких частей, т. е. с дотачкой небольшого фрагмента (рис. 2, 8). В первой половине XV в. декор на задниках отсутствует, во второй половине века украшения замечены в редких случаях: это вертикальный ряд гвоздиков, расположенных по прямой линии или в виде ромба (рис. 2, 6). В XVI в. задники имеют заостренный верх и преимущественно вогнутый низ, куда вшивалась выступающая часть пятки. Большая часть задников с разнообразным декором: гвоздики размещены в виде треугольников, ромбов, трапеций (рис. 2, 10–12). Задники цельнокроенные из одного куска кожи. Несколько образцов задников имеют срезанный верх: в этом случае задник не был отдельной деталью, а продолжал голенище.

Все задники имеют жесткую конструкцию, которая особо не меняется: задник, внутренний задник (рис. 7, 2в), между ними один или несколько задников из бересты (рис. 10, 8) и несколько кожаных вставок (рис. 7, 2ж).

Среди подошв сапог XV в. с заостренным носком и округлой пяткой деталей хорошей сохранности мало (табл. 2), тем не менее, можно установить, что

Таблица 1. Хронологическое распределение находок голенищ из раскопок в Переяславле Рязанском

Период	Голенища от обувных деталей, %	Голенища полной формы, %
1-я пол. XV в.	0,1	–
2-я пол. XV в.	1,1	40,4
Рубеж XV–XVI вв.	1,3	43,7
1-я пол. XVI в.	7,6	8,3
2-я пол. XVI в.	3,7	16,6

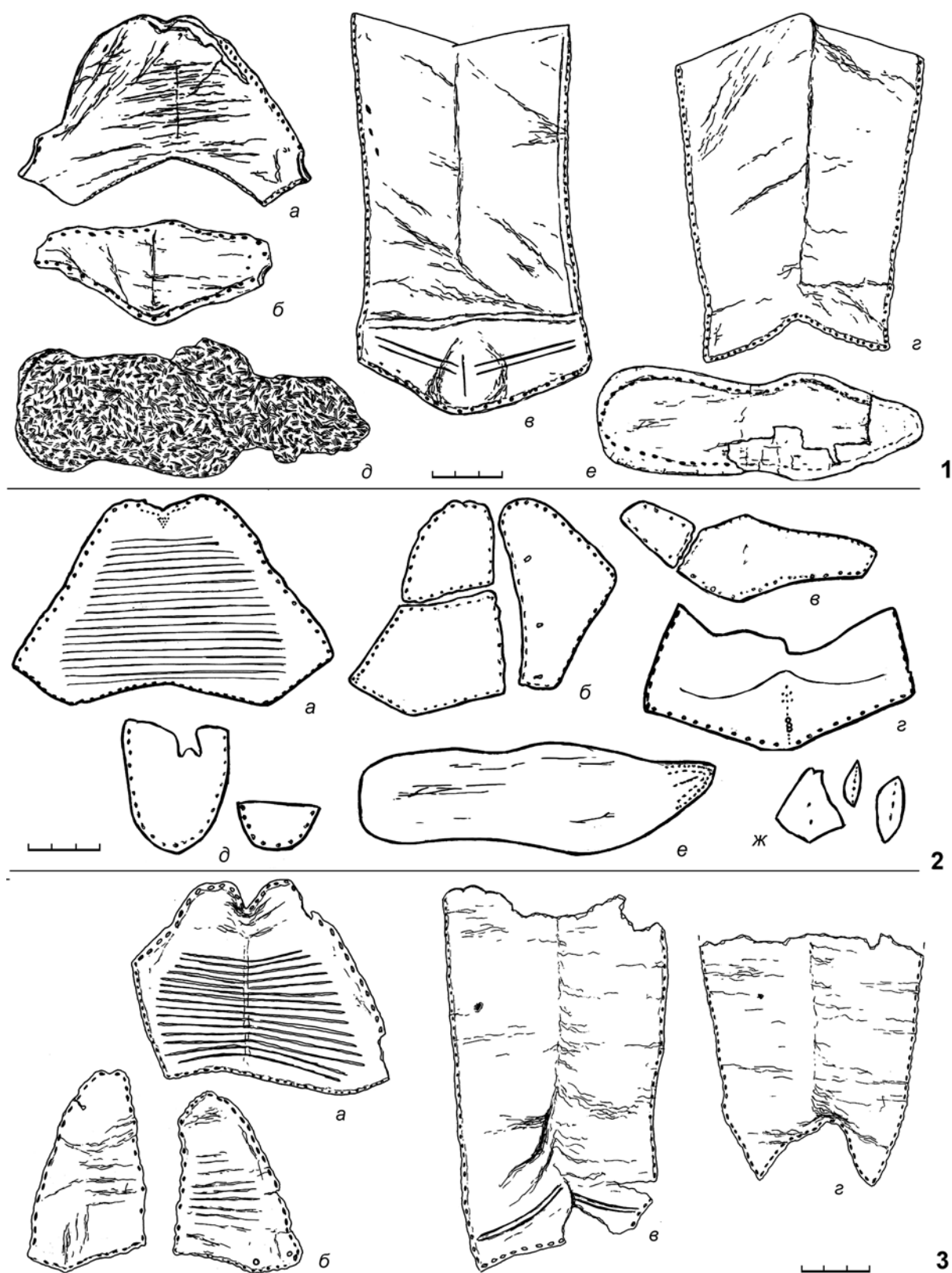

Рис. 7. Детские сапоги

1 – набор деталей последней четверти XV в.; 2 – набор деталей рубежа XV–XVI вв.; 3 – набор деталей начала XVI в.

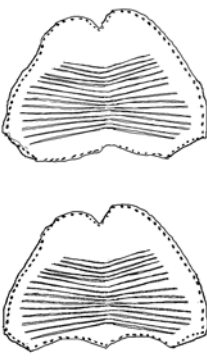

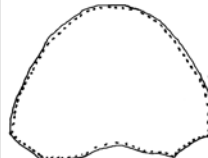

Пл.				
13	82,6	8,7	—	8,7
12	88	4	8	—
11	71,4	—	28,6	—

Рис. 8. Процентное соотношение видов головок второй половины XVI в.

подошвы такого вида доминируют. Во второй половине XV в. изредка встречаются подошвы с загибающимся вверх носком (рис. 7, 1e) – их доля 2,2%. К рубежу веков загибающийся на головку носок подошвы, украшенный гвоздиками, составляет чуть менее половины от всей массы подошв. Причем у одной из подошв с таким носком загибающийся уступ имела и пяточная часть. Для XVI в. типичен загибающийся на головку носок, нередко украшавшийся гвоздиками (рис. 10, 6–7).

Из дополнительных элементов сапог можно отметить две войлочные стельки (рис. 7, 1d; 10, 9): взрос-

лую (слои второй половины XV в.) и детскую (первой половины XVI в.).

Каблук состоял из нескольких тонких кожаных пластин (фликов), сохраняющихся, как правило, в большом количестве (табл. 3), но фрагментарно в связи с их быстрым приходом в негодность.

Для второй половины XV в. характерно изготовление фликов из кожи, бывшей в употреблении. Например, относительно целые участки головок вырезались для их повторного применения. Зафиксированы детали и их заготовки, выполненные из центральных частей головок (рис. 10, 3–4). В XVI в. каблуки под-

Таблица 2. Хронологическое распределение находок подошв из раскопок в Переяславле Рязанском

Период	Подошвы от общей массы деталей обуви, %	Подошвы полной сохранности, %
1-я пол. XV в.	12,6	13,5
2-я пол. XV в.	14,7	2,7
Рубеж XV–XVI вв.	6,1	13,7
1-я пол. XVI в.	6,5	3,9
2-я пол. XVI в.	4,2	7,7

Таблица 3. Хронологическое распределение находок фликов.

Период	Доля от общего количества деталей, %	Детали полной сохранности, %
1-я пол. XV в.	30,7	28,0
2-я пол. XV в.	23,5	24,3
Рубеж XV–XVI вв.	18,7	34,8
1-я пол. XVI в.	18,0	41,8
XVI в.	21,4	82,1

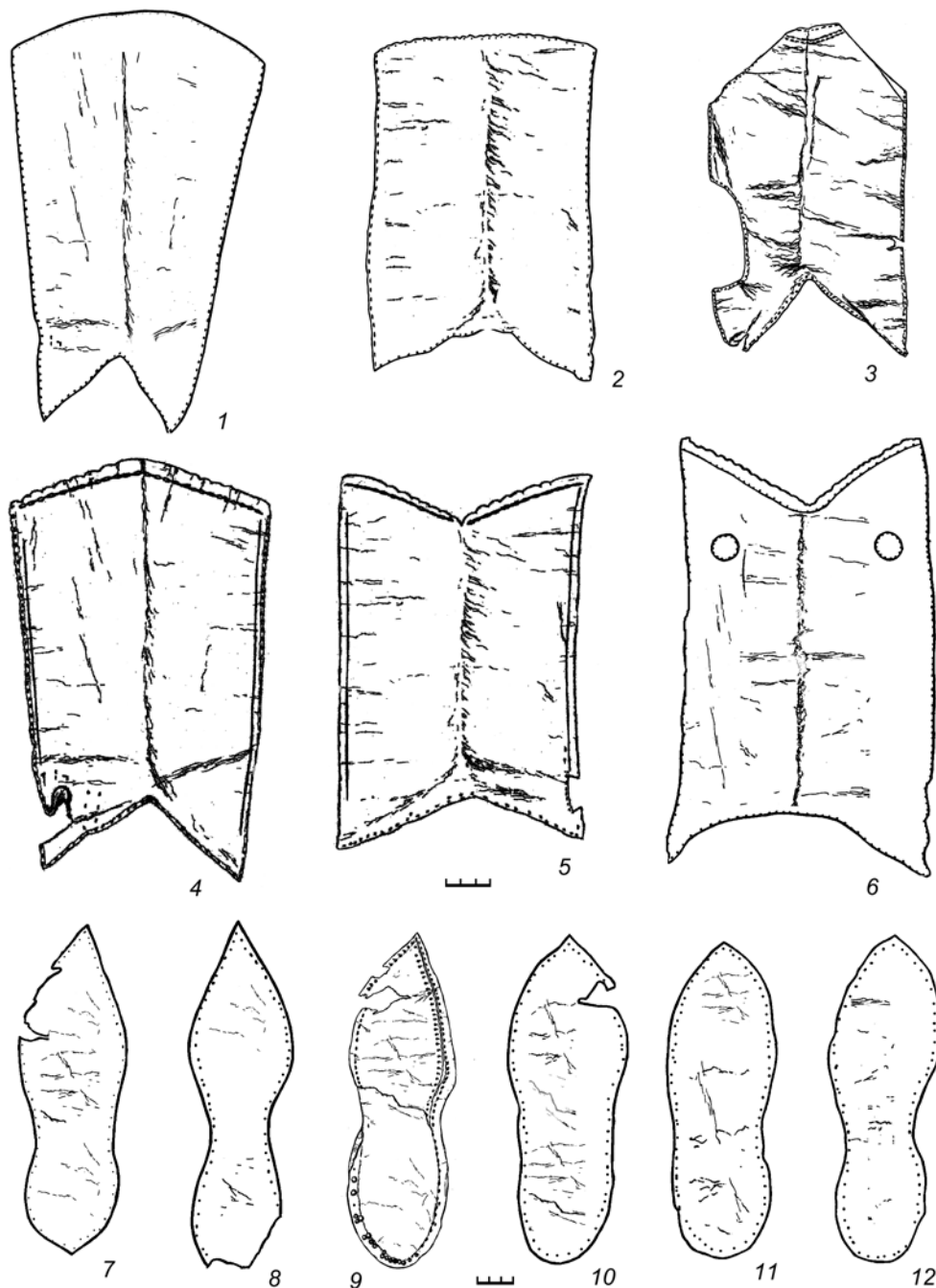

Рис. 9. Детали кожаных сапог
1-6 – голенище; 7-12 – подошва

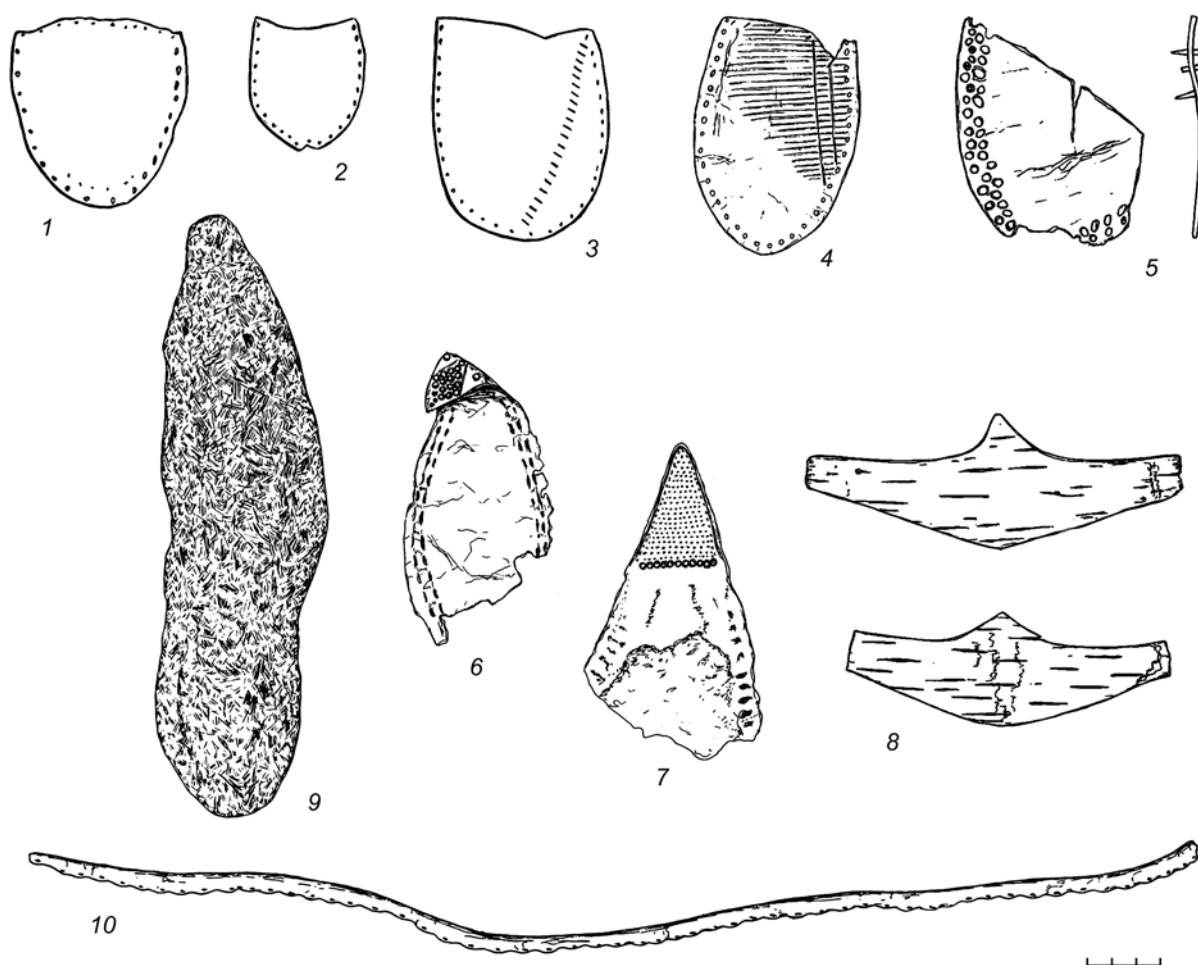

Рис. 10. Детали сапог

1–5 – деталь каблука; 6–7 – фрагменты подошвы; 8 – берестяной задник;
9 – войлочная стелька; 10 – обшивка края голенища

бивались железными гвоздиками с широкой шляпкой в целях предотвращения быстрого износа (рис. 11, 2б), кроме того, нередко набивались железные подковки.

Выявленные характерные черты отдельных обувных деталей основываются на статистических данных по отдельным составляющим, на изучении обрезков элементов обуви и на обнаруженных полных наборах деталей (рис. 11, 1, 2).

В целом крой проанализированных головок сапог совпадает с выделенными Е.И. Оятевой (1979. С. 190–191). Но если Е.И. Оятева оставляла открытым вопрос о времени бытования разных типов сапог ввиду малочисленности коллекции, то к настоящему времени удалось уточнить, что различные виды сапог сосуществовали одновременно, но в определенные периоды заметно преобладание разных фасонов.

Все сведения о смене кроя сапожных деталей в Переяславле Рязанском и их распространенность в отдельные периоды схожи с модой в Москве (Осипов, 2006. С. 50–51). Такие же данные получены в ряде других городов: Владимире, Пскове, Торжке (Курбатов, 2008а. С. 171–190; 2008б. С. 210–233; 2003. С. 148–158).

Подводя итоги, следует отметить, что изучение сапожных деталей Переяславля Рязанского подтверждает общие тенденции в развитии сапожного производства в русских городах. Исследование обуви также дало возможность выявить типичные черты для отдельных обувных деталей, на основании которых можно определять время бытования аналогичных вещей при дальнейшем археологическом изучении Переяславля Рязанского.

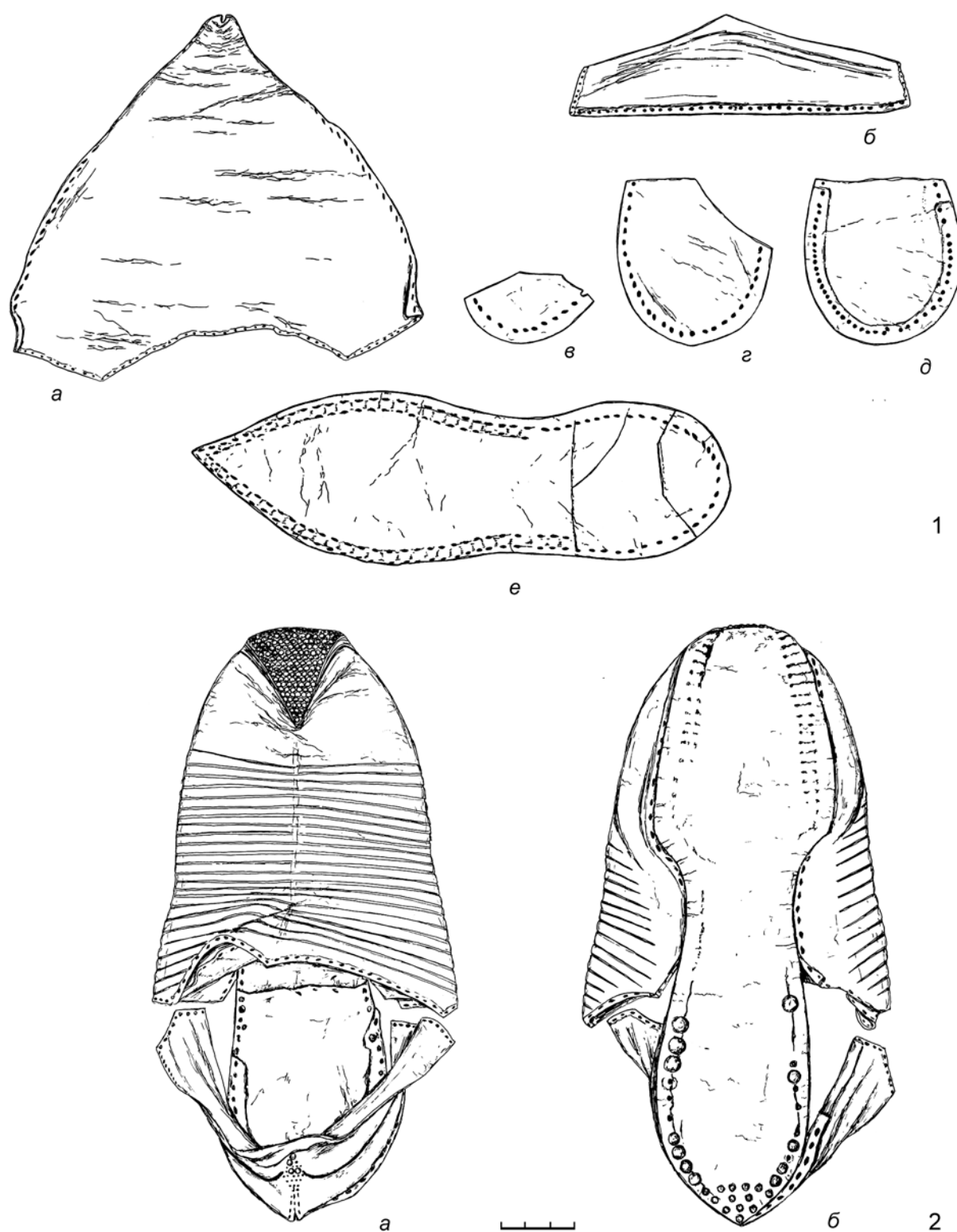

Рис. 11. Кожаные сапоги

1 – набор деталей сапога второй половины XV в.; 2 – сапог XVI в.

Литература

Завьялов В.И., 2011. Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2004–2006 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань.

Курбатов А.В., 2003. Коллекция кожи из раскопок 1994 г. в г. Торжке (раскоп Климентовский-1) // ТТЗ. Вып. 3. Тверь.

Курбатов А.В., 2008а. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // АВСЗ. Вып. 2. М.

Курбатов А.В., 2008б. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. № 3. СПб.

Курбатов А.В., 2008в. Музееведение и археология – две составляющие в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла // Археологические вести. № 15. СПб.

Осипов Д.О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.

Оятева Е.И., 1979. Обувь из раскопок Переяславля Рязанского // Археология Рязанской земли. М.

Фатюнина О.А., 2011. Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV – XVI в. // АП. Вып. 7. М.

О.А. Fatyunina

High-boots components of Pereyaslavl' Ryazansky in the 15th – the beginning of the 17th centuries

Summary

The article presents an analysis of high-boots components revealed in the course of 8 years investigations (2004–2011) of the Zhitny excavation trench in the Pereyaslavl' Ryazansky Kremlin. Studying of numerous footwear components and their cuttings allows tracing the changes in shape and decoration of boot-heads, counters, bootlegs during the

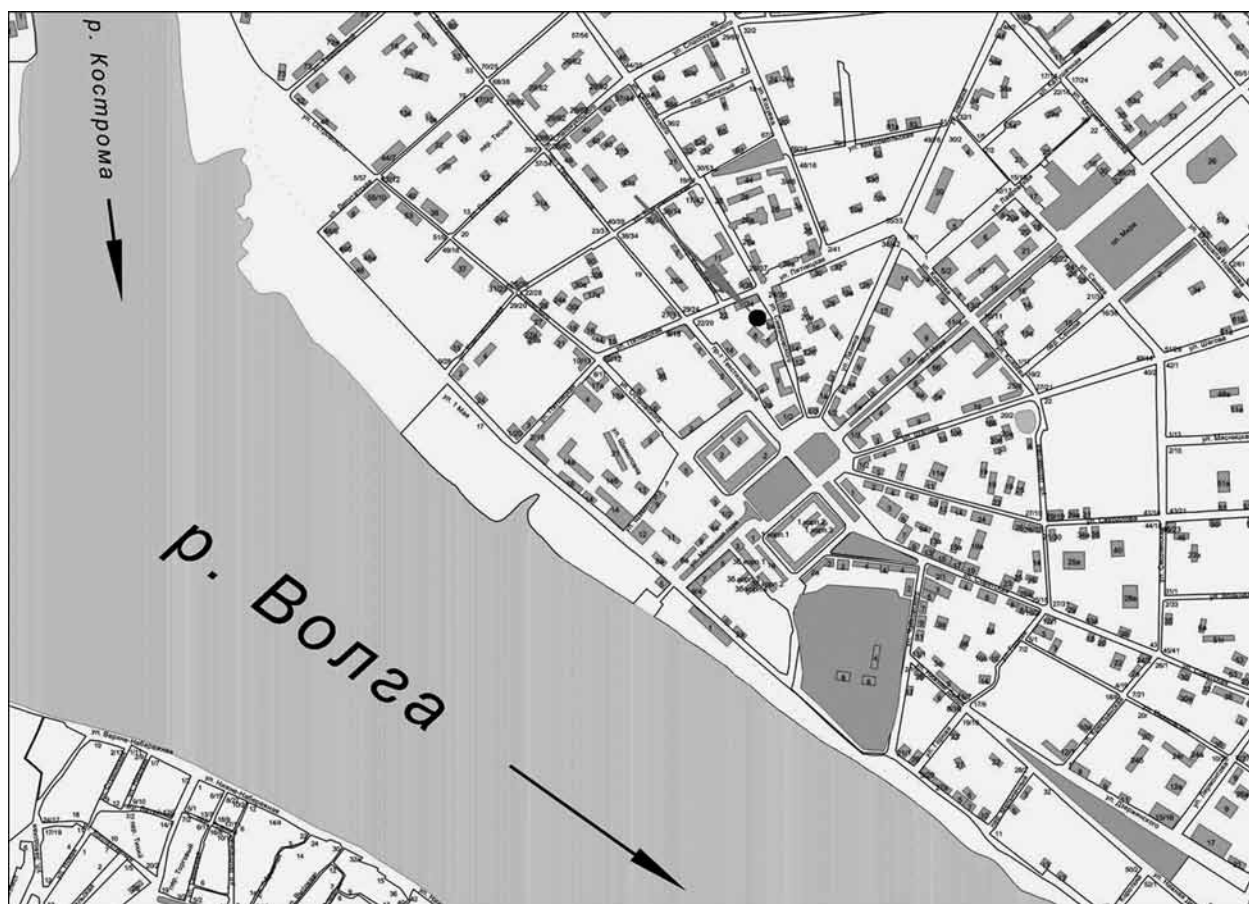
15th – the beginning of the 17th c. The results have been compared with the ones from Moscow and other urban centers. They prove tendencies in the development of Russian high-boot mode. Besides, the determined typical features of components will make it possible to date the analogous footwear from future excavations in Ryazan.

С.А. Кабатов, А.С. Лазарев, В.А. Тупицына

**Серия находок печных изразцов
(по материалам раскопок 2010 года на улице Симановского в городе Костроме)**

В 2010 г. в г. Костроме во дворах квартала № 5, к югу от пересечения ул. Пятницкой и ул. Симановского, проводились охранно-спасательные мероприятия на месте планирующихся строительных работ (Кабатов, 2011). Участок исследования находился в центральной части города, на дворовой территории (рис. 1).

В период до регулярной планировки эта территория располагалась к северо-востоку от Рождественского переулочка и примерно в 80 м к северу от деревянной церкви святителя Василия Кесарийского «на Суле у Нового города» (Писцовая книга, 2004. С. 284). При регулярной планировке города в конце XVIII в. по разработанному «петербургской комиссией строений»

Рис. 1. Местонахождение раскопа на плане города (отмечено черным кружком)

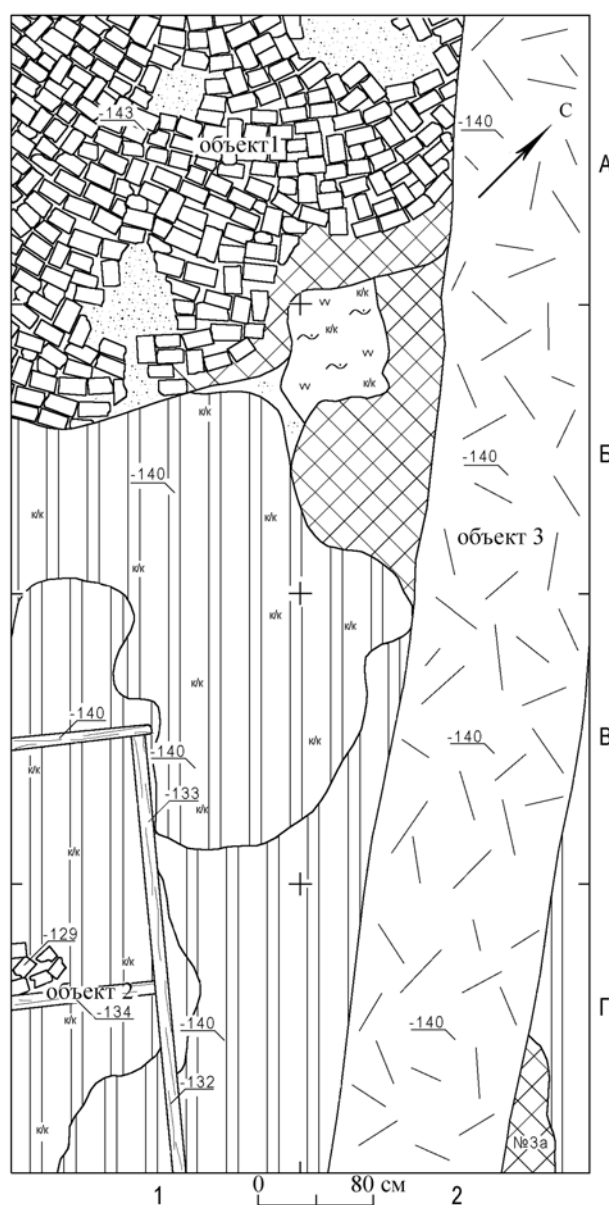

Рис. 2. Уровень зачистки после снятия пласта 3

и утвержденному правительством плану, выданному городу в 1781 г., вся его центральная часть, а затем и периферийные территории, начинают перестраиваться по так называемой лучевой застройке. В результате перепланировки интересующая нас территория оказывается внутри квартала, образованного улицами Царевской (ныне проспект Текстильщиков), Пятницкой (название сохранилось), Богоявленской (ныне улица Симановского) и Сусанинской площадью (название сохранилось).

В результате археологических раскопок (на площади 32 кв. м) было установлено, что культурный слой до глубины -145 см разрушен поздними строительными работами, начиная с конца XIX в. и вплоть до настоящего времени. После зачистки пласта 3 в северо-западной части раскопа была зафиксирована кирпичная кладка в один горизонтальный ряд (рис. 2). Расчистка

кладки выявила определенную закономерность положения обломков кирпичей (размер 8,5 x 22,0 x ? см), при которой ряды иногда положены полукругом. Зафиксированная кладка большей частью разрушена поздними инженерными работами. По времени появления кладка наверняка соотносится с периодом строительства и жизни здания № 5а по ул. Симановского – это особняк купца И. Дурыгина, построенный между 1795 и 1810 гг. и перестроенный в последней четверти XIX в.

В отложениях культурного слоя не ниже уровня кладки, была выявлена серия находок из 57 целых и фрагментированных печных изразцов, включенных в индивидуальные находки: лицевых – 22 экз.; перемычек – 19; угловых перемычек – 6; карнизов – 7; два угловых карниза и пояска. Кроме того, 28 мелких обломков изразцов учтено в массовом материале

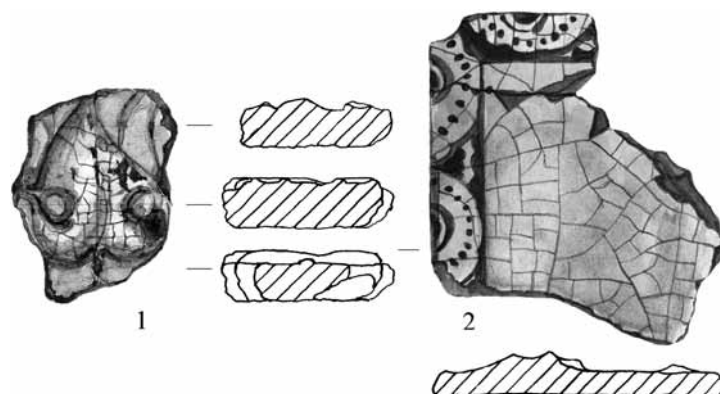

Рис. 3. Фрагменты расписных изразцов 1-й трети XVIII в.
1 – рельефный полихромный; 2 – гладкий кобальтовый лицевой

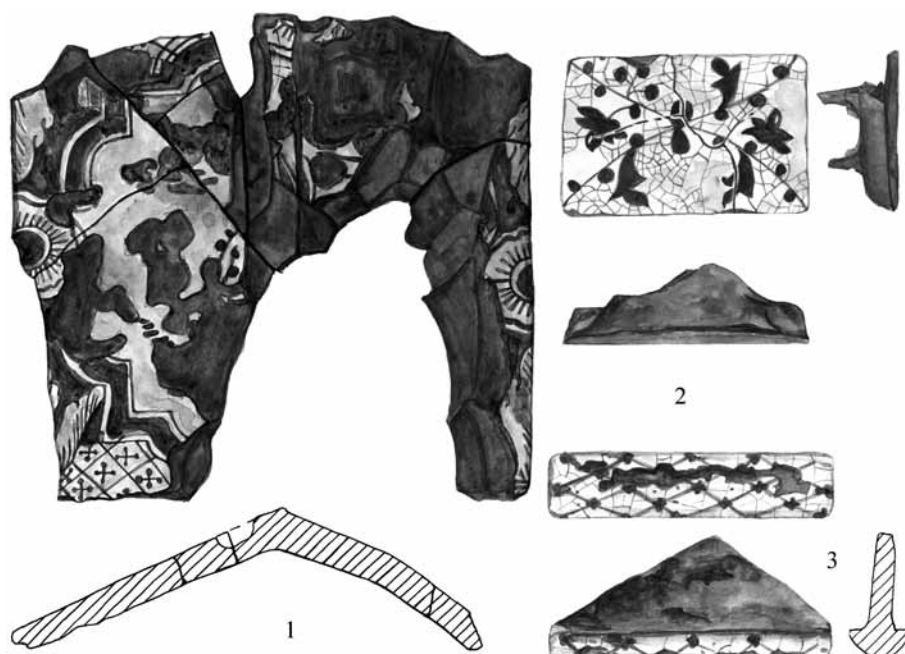

Рис. 4. Изразцы 1-й пол. XVIII в. (см. цв. вкл.)
1 – лицевой; 2 – поясok, 3 – перемычка с «трельжем»

(лицевых – 13, перемычек – 8). Вся серия территориально тяготеет к описанной кирпичной кладке. Изразцы, вероятно, использовались вместе с кирпичами для забутовки под какую-то постройку.

Представляется возможным разделить все найденные изразцы на несколько групп по стилю орнамента, конструкции изразца, форме рельефа, хронологии. На основании имеющихся аналогий (Баранова, 2007; Маслих, 1983, и др.) по времени производства изразцы условно делятся на три хронологические группы, относящиеся к первой половине XVIII в. (5 экз.), второй половине XVIII в. (49 экз.) и второй половине XIX в. (3 экз.).

За исключением одного обломка лицевого полихромного рельефного изразца (рис. 3, 1), все остальные изразцы гладкие. Рельефный изразец можно отнести к концу XVII – началу XVIII в. Подобные

изразцы были широко распространены в Москве и Ярославле, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки.

По типу росписи гладкие изразцы делятся на монохромные (кобальтовые – 15 экз.; зеленые – 9) и полихромные (зелено-коричневые – 22 экз.; желто-зеленые – 4; более двух цветов – 7). Синяя и голубая кобальтовые росписи были распространены в XVIII в. и второй половине XIX в. По манере изображения можно выделить три группы изразцов с монохромной синей росписью.

Группа I (рис. 3, 2) представлена лицевыми изразцами первой половины XVIII в. (3 экз.). Орнамент на них состоит из синей каймы с белыми цветами с внутренней стороны. Такой орнамент использовался в росписи изразцов с первой четверти XVIII в., со времени деятельности Яна Флегнера – одного из пленных

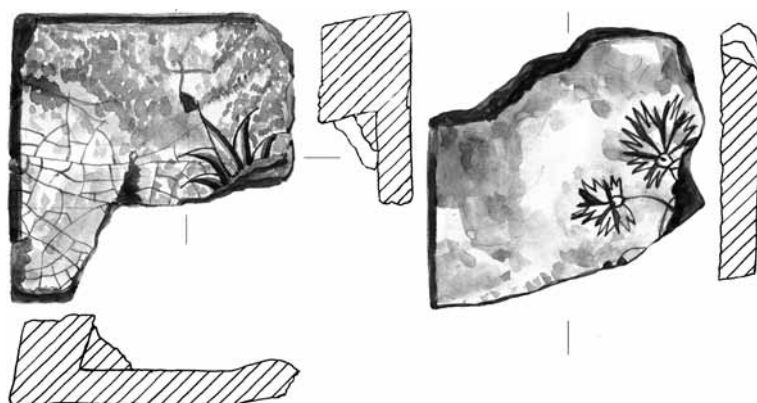

Рис. 5. Фрагменты лицевых изразцов. 2-я пол. XIX в.

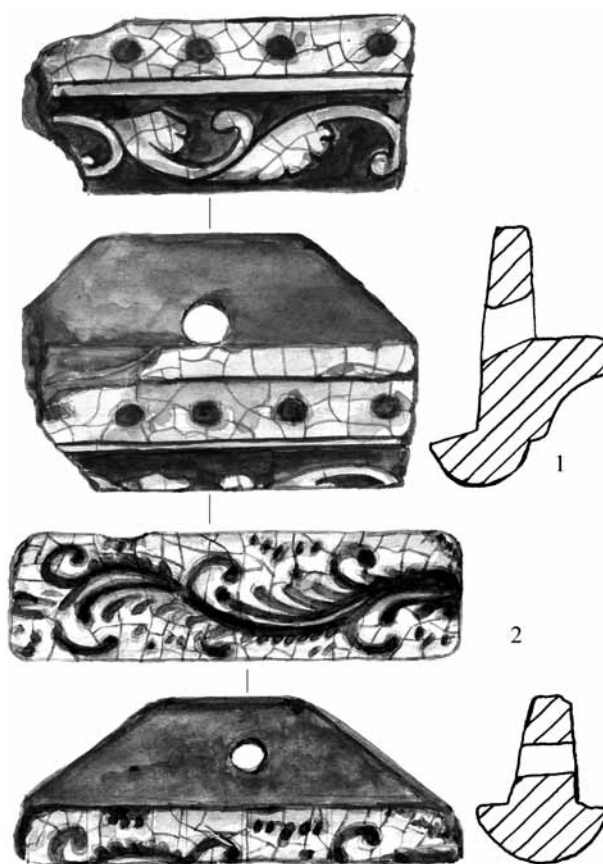

Рис. 6. Перемычки с растительным орнаментом. 3-я четв. XVIII в.

шведов, отправленных Петром I в 1709 г. в Ново-Иерусалимский монастырь для изготовления живописных плиток и изразцов на «манер галанских» (Баранова, 2006. С. 284). В дальнейшем этот орнамент получает широкое распространение и встречается, в том числе, в оформлении печей в Троице-Сергеевой лавре (Щербakov, 2008. С. 289). Схожий орнамент нанесен и на один из лицевых монохромных зеленых изразцов.

Группа II (рис. 4) состоит из изразцов, расписанных в стилях рококо (3 экз.) и барокко (46 экз.). Орнаменты на них содержат трельяж (орнамент в виде

косой сетки, украшенной мелкими розетками) и раковины, принявшие форму причудливых веерообразно изогнутых лепестков (рис. 4, 1, 3). Лицевой изразец (рис. 4, 1) по манере росписи соответствует одному из видов московских изразцов, долгое время бытовавших в провинции (Маслих, 1983, С. 23). К сожалению, центральная часть изображения не сохранилась. Подобные изразцы можно видеть в наборе барочной печи третьей четверти XVIII в. в Суздальском музее-заповеднике (Маслих, 1983. Илл. 264–266). К этому же стилю можно отнести и один из полихромных зелено-

Рис. 7. Барочные расписные изразцы. 2-я пол. XVIII в.

коричневых карнизов. Особый интерес в этой группе представляет плоский поясной изразец с изображением стилизованных кобальтовых перекрещенных ростков с цветами, листьями и ягодами на белом поле (рис. 4, 2). Прототипом для его росписи могли послужить расписные изразцы московского производства, изготавливавшиеся во второй половине XVIII в. и имеющие сходную композицию, но более тонкий и подробный рисунок (Маслих, 1983. Илл. 235).

В группу III (рис. 5) входят изразцы второй половины XIX в. (3 экз.). Для этого периода характерны тонко прорисованные изображения цветов в вазах, васильков, букетов, заключенные в простые рамки. К этому же времени относятся белые гладкие изразцы с синей контурной рамкой. Обратная сторона тщательно обработана, так же, как и румпа. Это позволяет говорить о фабричном производстве данных изразцов для широкого спроса. До наших дней подобные изразцы сохранились в облицовке печей некоторых старых домов Костромы.

Монохромной зеленой росписью (рис. 6, 2) покрыты перемычки (9 экз.). Растительный орнамент на них состоит из волнообразно изогнутых и покрытых за-

витками ветвей (такие росписи были распространены во второй половине XVIII в.). Перемычки с подобным орнаментом также встречаются в наборе суздальских печей, только с кобальтовой и марганцевой росписью.

Все полихромные изразцы (32 экз.), кроме уже упомянутого рельефного расписного, можно отнести к барочным изразцам второй половины XVIII в. Барочные изразцы представлены наибольшей группой по количеству и разнообразию. Росписи большого числа изразцов содержат растительный орнамент или комбинацию растительного и геометрического орнаментов (33 экз.). В их число входит большая часть перемычек, за исключением кобальтовых перемычек с геометрическим орнаментом (трельяж). Чуть реже встречаются изображения животных (оленья), птиц и людей (рис. 7). В XVIII в. лицевые изразцы с сюжетными росписями сопровождалась краткими подписями-комментариями. Первоначально такие изображения делались в стиле книги «Символы и эмблематы» («Symbola et emblemata»), напечатанной впервые в России при Петре I, но впоследствии авторы стали обращаться к библейским сюжетам, а затем и к бытовым сценам. Четыре фрагмента из найденных

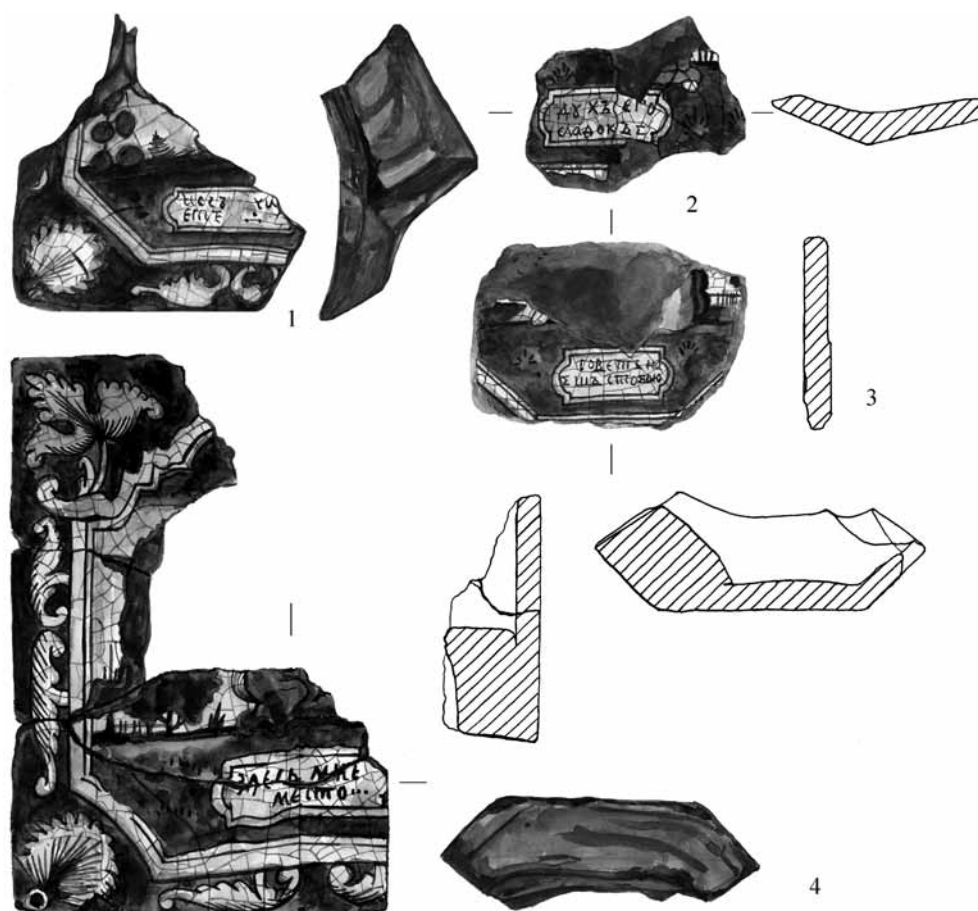

Рис. 8. Барочные расписные изразцы с надписями. 2-я пол. XVIII в. (см. цв. вкл.)

1 – «Нос [о]чи[ща]етъ»; 2 – «Духъ его сладокъ»; 3 – «Советъ нашъ с тобою»; 4 – «Здесь мне место...»

позволяют прочесть целиком или восстановить надпись: «Носъ [о]чи[ща]етъ», «Духъ его сладокъ», «Здесь мне место...», «Советъ нашъ с тобою» (рис. 8). О характере изображений на трех из них можно только догадываться. Но наиболее пострадавшей надписи – «Носъ [о]чи[ща]етъ» – удалось найти аналог в фондах Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея заповедника. На изразце изображена птица, чистящая клюв¹. В качестве места производства указана Москва, время производства – середина XVIII в.

Среди зелено-коричневых изразцов особый интерес по своей форме представляют два: первый, являющийся угловым вогнутым изразцом, и второй, представляющий собой полуарку (рис. 9). Оба изразца могли располагаться как в основании, так и в верхней части печи в зависимости от ее композиции (Немцова, 1989. С. 7–8). На обоих изразцах изображены птицы, но во втором случае рисунок сопровождался надписью, которая не сохранилась (рис. 9, 1).

Два фрагментированных лицевых полихромных изразца с изображением вазы с цветами и сидящей на ветвях птицы содержат раппорт, зеркально повто-

ря орнамент друг друга (рис. 10, 1). В одном стиле и цветовой гамме с ними выполнены пояски с изображениями птиц и перемычки, покрытые растительным орнаментом из желтых и зеленых ветвей (рис. 10, 2, 3, 4).

Основная часть найденных изразцов относится ко второй половине XVIII в., времени, на которое пришелся расцвет расписных гладких изразцов и барочного печного набора (Немцова, 1989. С. 4). Этот набор был наиболее сложным и разнообразным, поэтому по нашей коллекции не представляется возможным реконструировать форму печи из-за малого количества изразцов. В целом же в этой коллекции можно выделить три комплекса изразцов относящихся к барочным печным наборам. Первый комплекс изразцов относится к барочному набору с зелено-коричневыми сюжетными изображениями и перемычками с растительным орнаментом (рис. 6; 7; 8); второй – барочному с кобальтовыми изразцами с сюжетной росписью (рис. 4); третий – барочному с полихромной росписью (рис. 10). Остальные изразцы, происходящие из этого раскопа с конкретными комплексами сопоставить затруднительно.

¹ РБМ-3875. КС-2071.

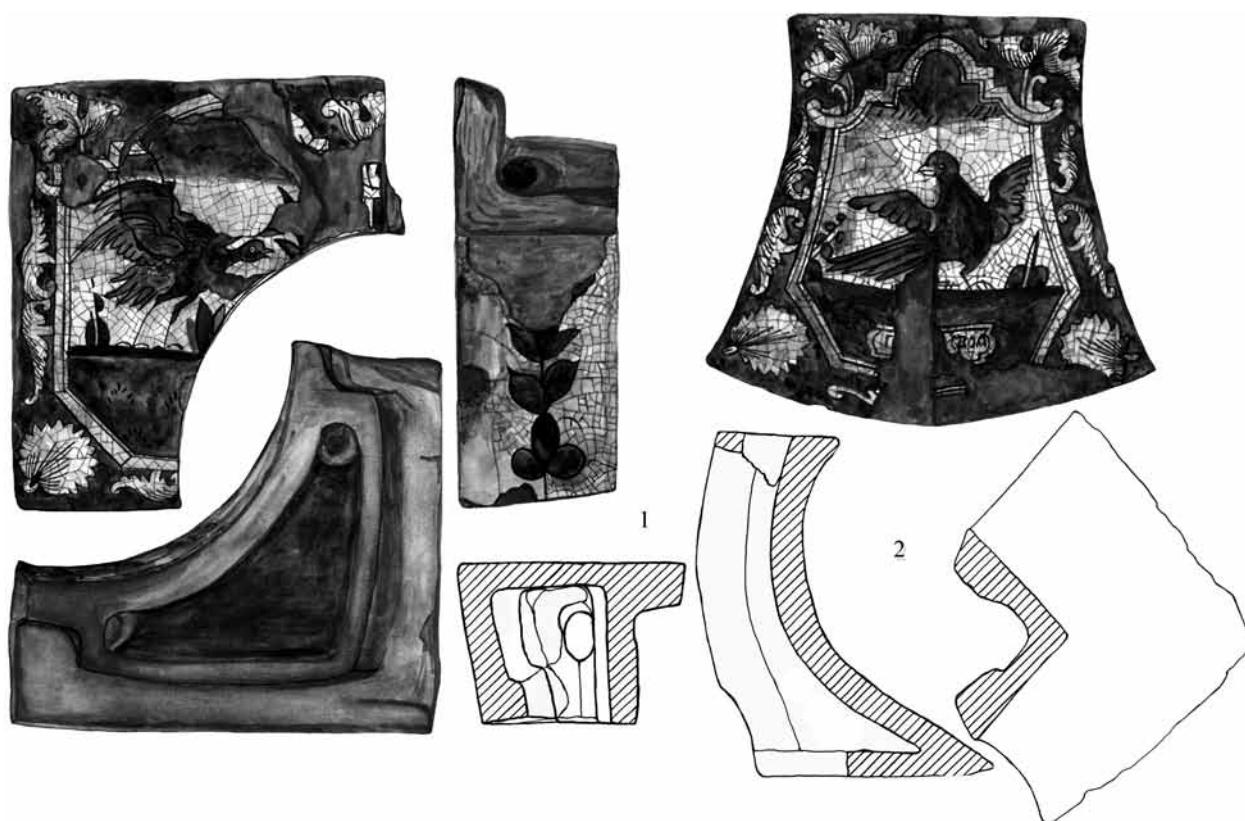

Рис. 9. Барочные расписные изразцы. 2-я пол. XVIII в. (см. цв. вкл.)

1 – изразец полуарка; 2 – угловой вогнутый изразец.

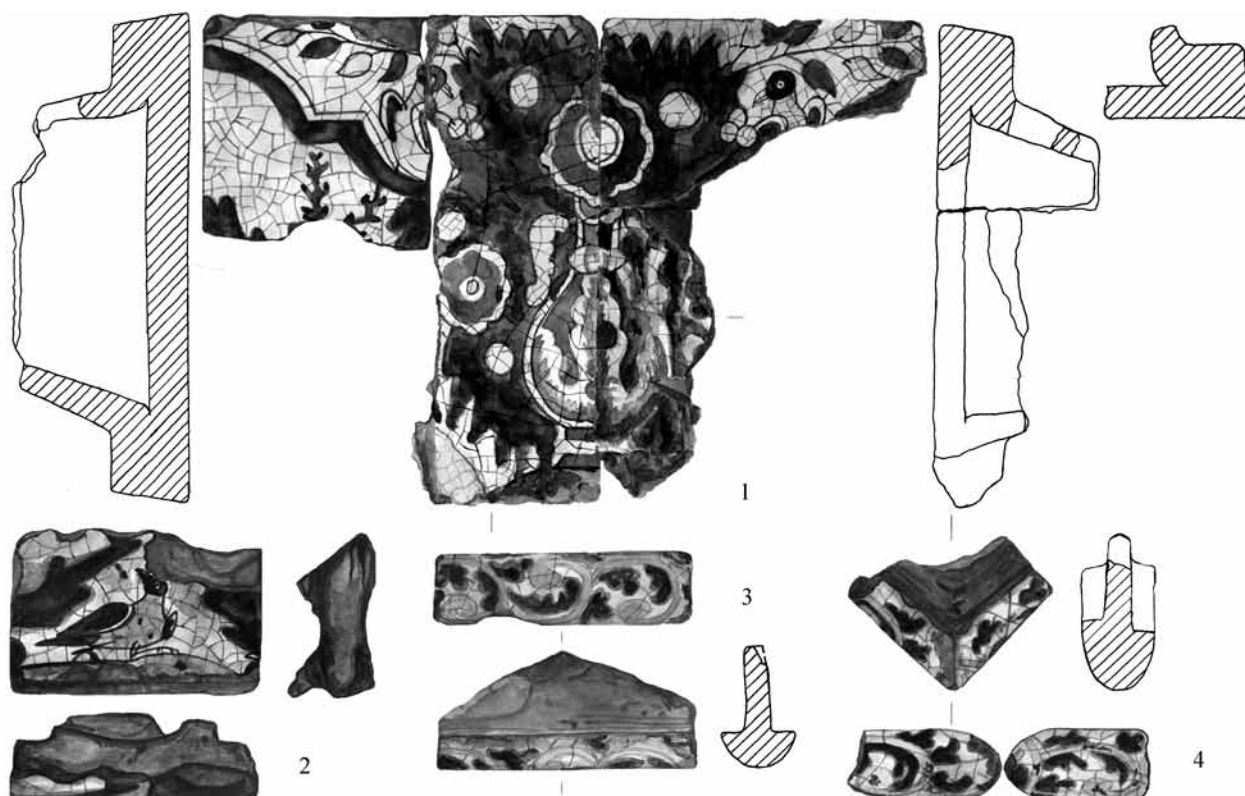

Рис. 10. Барочные расписные изразцы. 2-я пол. XVIII в. (см. цв. вкл.)

1 – раппорт из двух лицевых изразцов; 2 – валиковый поясок; 3 – перемычка; 4 – угловая перемычка

Относительно места производства изразцов достоверных данных на настоящий момент мы не имеем. Можно предположить, что все изразцы были привезены в Кострому и относятся к московскому и ярославскому производствам. Если же производство было местным, то за основу брались московские образцы. Проблема Костромского изразцового производства в настоящее время однозначно не решена.

Так, Н.В. Воронов упоминает Кострому как один из центров изразцового производства в XVII в. (Воронов, 1962. С. 285), при этом, однако, не указывает источник информации и не приводит каких-либо доказательств. В статье М.Ю. Кузнецовой, со ссылкой на материалы Государственного архива Костромской области, говорится о существующем с 1780 г. в Костроме гончарном заводе Д.Д. Масленникова, который «вырабатывал в год крупных и мелких изразцов до десяти тысяч штук», при этом «продавались они при самом заводе». Так же автор приводит стоимость изразцов на 1800 г. (Кузнецова, 1977. С. 33). О местном костромском производстве Владимир Николаевич Иванов сообщал следующее: «Около 1781 г. начал работать завод, изготавливающий изразцы; облицо-

ванные этими изразцами печи, которые и сейчас еще сохраняются в некоторых зданиях Костромы и близлежащих городов, привлекают внимание своим высокохудожественным выполнением» (Иванов, 1978. С. 37). Однако автор не указывает ни достоверных сведений, подтверждающих это, ни источник информации. Сергей Александрович Маслих говорил, кроме прочего, о возможном провинциальном (костромском) производстве (Маслих, 1983. С. 13–14). Допускает возможность костромского производства и Олег Алексеевич Сидоров, не приводя при этом никаких аргументированных доказательств, кроме ссылок на Н.В. Воронова и В.Н. Иванова (Сидоров, 1994). Наиболее значимым, на наш взгляд, свидетельством местного производства может являться упоминание о наличии в городе Костроме по итогам переписи 1627–1630 гг. муравленника и целой Кирпичной слободы (Писцовые книги, 2004. С. 186, 276).

Таким образом, вопрос о местном, костромском, производстве изразцов в различные периоды и точной их атрибуции в настоящий момент остается малоизученным.

Литература

- Баранова С.И., 2006. Москва изразцовая. М.
 Воронов Н.В., 1962. Изразцы // Русское декоративное искусство. От древнейшего периода до XVIII в. Т. I. М.
 Иванов В.Н., 1978. Кострома. М.
 Кабатов С.А., 2011. Отчет об археологических исследованиях в 2010 г. в г. Костроме по адресу: территория, ограниченная улицами Симановского, Пятницкой, проспектом Текстильщиков, пл. И. Сусанина (квартал 5) (по Генплану дома № 2–3) и ул. Нижняя Дебря 15. Т. I, II, III. Кострома.
 Кузнецова М.Ю., 1977. К вопросу о развитии кирпичного дела в Костроме (XVII–начало XIX в.) // Краеведческие записки. Ярославль.
 Маслих С.А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.
 Немцова Н.И., 1989. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. Методические рекомендации. М.
 Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. Кострома, 2004.
 Сидоров О.А., 1994. Изразцы г. Костромы (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.
 Щербаков В.В., 2008. Расписные изразцы Троице-Сергеевой лавры XVIII века (по материалам раскопок 2000–2002 годов) // АП. Вып. 4. М.

S.A. Kabatov, A.S. Lasarev, V.A. Tupitsyna

A series of finds of stove tiles (based on materials of excavation in 2010 on Simanovsky street in Kostroma)

Summary

In 2010 in Kostroma in a court yard of block N 5, to the south from the crossing of the streets Pjatnitskaya and Simanovsky in Kostroma rescue-saving actions were carried out in the area of planned civil engineering works. The research site was located in the central part of a town, on a domestic territory. During level-by-level analysis of the excavation, in the bottom of ballast and on the level of 3rd horizontal layer cross drift, but not below

laying level, a series of finds of stove tiles were discovered. These are 57 whole and fragmented tiles belonging to different parts of several stove sets. On the basis of the classification existing in the Russian archeology and analogies it is possible to divide all the found tiles into some groups covering the period from the beginning of the 18th c. till the end of the 19th c.

**Исследования керамики.
Естественнонаучные методы в археологии.
Вопросы историографии**

А.В. Энговатова, М.В. Добровольская, Е.Е. Антипина, Г.И. Зайцева

Возможности использования изотопного метода для реконструкции системы питания средневекового городского населения на примере Ярославля

1. Палеодиетологические реконструкции на основе результатов изотопного анализа

Изучение состава рационов питания – важный вопрос для реконструкции образа жизни и системы жизнеобеспечения обществ прошлых исторических эпох. Наиболее эффективным подходом в этом направлении стало изучение стабильных тяжелых изотопов углерода и азота, позволяющее проводить как реконструкции особенностей питания групп, так и индивидов (Tuskot, 2006. Р. 131).

В основу реконструкции питания положены универсальные геохимические закономерности фракционирования тяжелых изотопов углерода, азота (и изотопов ряда других элементов) при переходе с одного трофического уровня на другой в конкретных водных и наземных экосистемах.

Палеодиетологические реконструкции для различных групп средневековья стали одним из эффективных инструментов, позволяющих составить мнение об особенностях сельскохозяйственной и торговой специфики, возрастных и гендерных различий в средних рационах питания, процессах миграции и пр. В основу палеодиетологических реконструкций, как правило, берутся данные об изотопном составе скелетных тканей человека и сопутствующих животных. Наиболее распространенным методом стал изотопный анализ, ориентированный на определения соотношений тяжелых и обычных стабильных изотопов, прежде всего, углерода и азота ($^{13}\text{C} / ^{12}\text{C}$ и $^{14}\text{N} / ^{15}\text{N}$).

В качестве основного показателя используется $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$. Эти показатели вычисляются по следующим формулам:

$$\delta^{13}\text{C}_{(\text{PDB})} = \left(\frac{^{13}\text{C} / ^{12}\text{C}_{\text{образца}}}{^{13}\text{C} / ^{12}\text{C}_{(\text{PDB})}} - 1 \right) \times 1000\text{‰}$$
$$\delta^{15}\text{N}_{(\text{AIR})} = \left(\frac{^{14}\text{N} / ^{15}\text{N}_{\text{образца}}}{^{14}\text{N} / ^{15}\text{N}_{(\text{AIR})}} - 1 \right) \times 1000\text{‰}$$

Таким образом, они выражают относительное содержание изотопа в конкретном образце. При описании изотопного состава углерода используется стандарт PDB, название которого происходит от белемнитов из формации *Peedee* в Южной Каролине (США). При характеристике изотопного состава азота проводят сравнение с атмосферным азотом.

В самом общем виде, при переходе с одного трофического уровня на другой (более высокий) коллаген костной ткани получает обогащение примерно на 5‰. (Ambrose, Norr, 1993. Р. 35). А при аналогичном переходе коэффициент обогащения тяжелого изотопа азота составит порядка 3–4‰ (Minagawa, Wada, 1984. Р. 1136). Однако важно иметь в виду, что эти величины не стабильны и требуют изучения в каждой конкретной экосистеме, а использование только общих закономерностей фракционирования не может обеспечить достоверных реконструкций. Сложность состоит в том, что в зависимости от конкретной экологической ситуации эти коэффициенты могут значительно варьировать (Ambrose, 1991. Р. 293).

В данной публикации предлагаются результаты масштабного исследования изотопного состава образцов, полученных как из основного структурного белка кости – коллагена, так и из образцов костной ткани (коллаген и минеральная составляющая). В работе проводится сравнение результатов изотопных показателей этих двух методических схем на основе серии образцов, полученных при раскопках в Ярославле. Важным фактом является то, что все образцы хронологически одновременны.

II. Археологический контекст (источник)

В ходе археологических охранных работ на Стрелке (территории кремля) Ярославля в 2005–2010 гг. было обнаружено девять объектов, интерпретированных как коллективные захоронения погибших защитников и жителей города (рис. 1) во время его разорения татаро-монголами в 1238 г. (Энговатова и др., 2009. С. 68–78). Нападали конные войны – большинство убитых удары наносились сверху. Видимо, защитники города в большинстве своем были без шлемов – среди ранений часто встречаются смертельные травмы головы (Гончарова, Бужилова, 2007. С. 56–63). Все погребенные убиты и долго лежали не погребенными. Полуразложившиеся трупы были наспех захоронены в подполах сгоревших домов, в ямах и даже колодце. Вместе с людьми в санитарные захоронения закапывали и животных (лошадей,

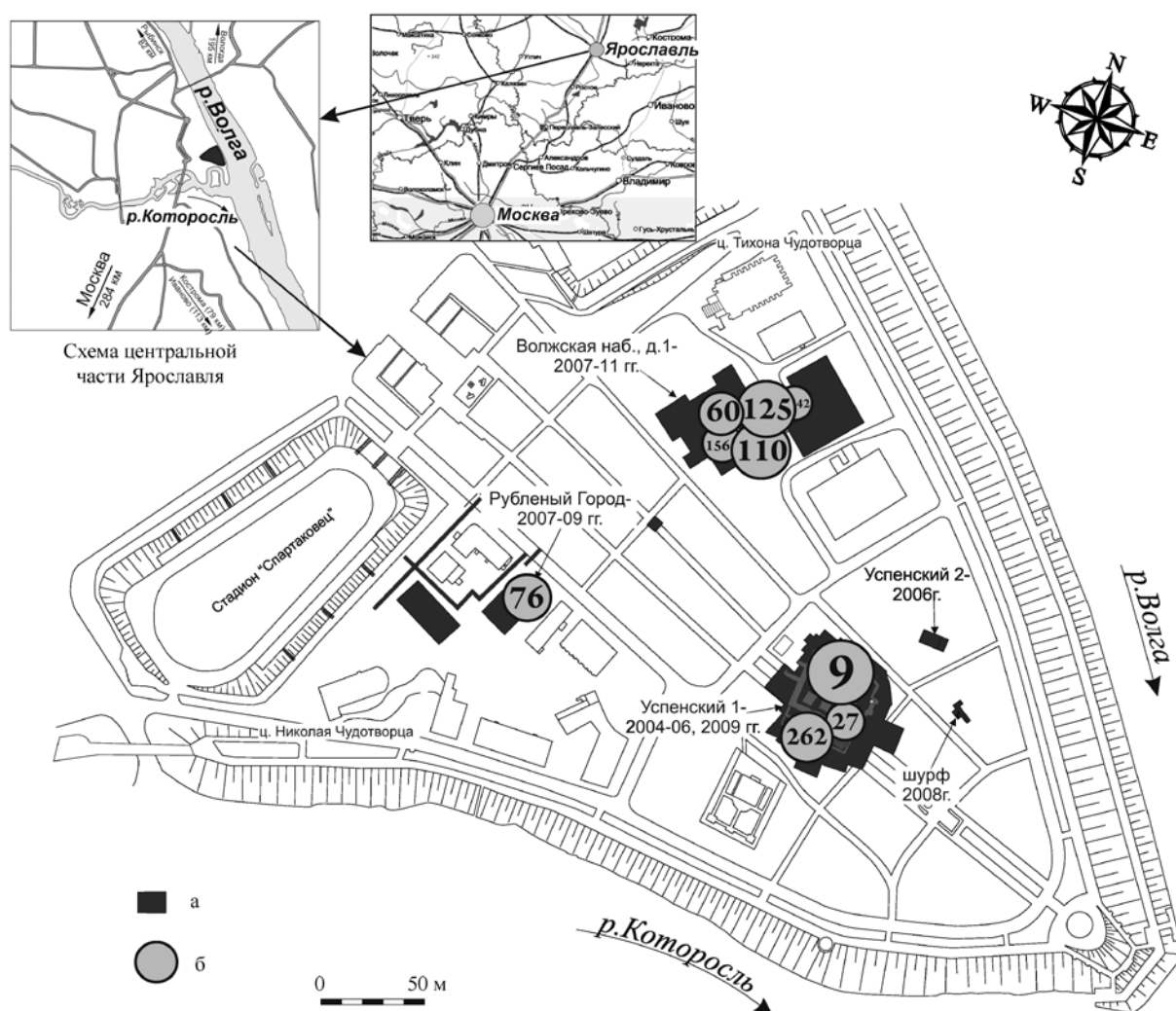

Рис. 1. План Стрелки г. Ярославля с местами массовых захоронений, выявленных при раскопках экспедицией ИА РАН

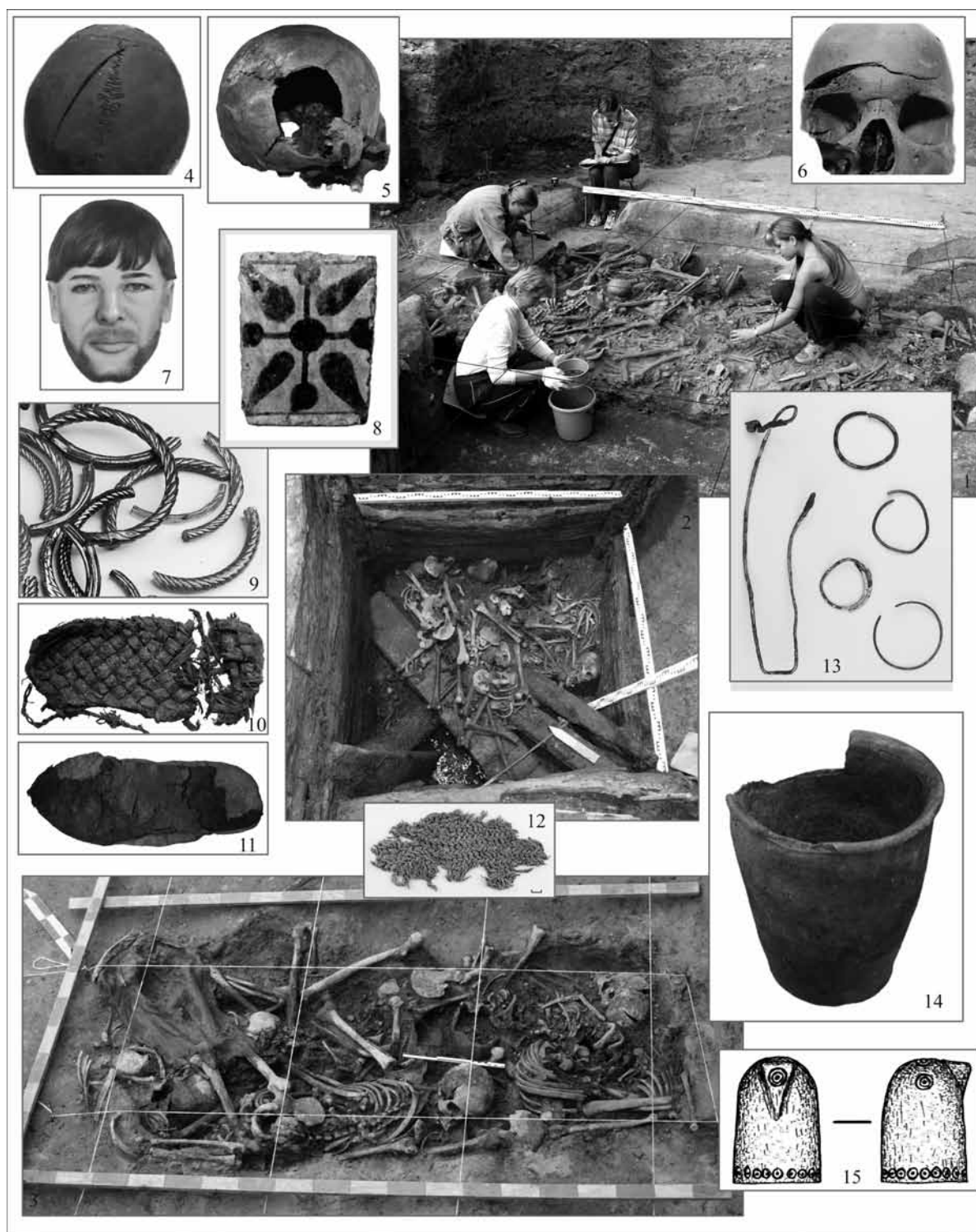
а – раскопы ИА РАН 2004–2011 гг.; б – коллективные захоронения

коров, собак и др.). Все погребения одновременны – это доказываются однотипностью системы захоронений. Массовые санитарные захоронения в сгоревших домах и ямах – большая редкость на территории городов.

Коллективные захоронения Ярославля находят прямые аналогии с комплексами, открытыми при раскопках в городах, разгромленных монголами. Впервые следы массовых захоронений жертв монгольского нашествия были обнаружены при раскопках Великокняжеского двора в Киеве в 1892 г. Во рву находились останки людей со следами насильственной смерти (Хойновский, 1893. С. 16). Подобные погребения были зафиксированы также у Десятиной церкви (Хвойко, 1908), у Золотых ворот (Дяденко, 1968). Следы повреждений рубящим оружием имели костяки из массовых захоронений в Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 372). Шестьдесят семь захоронений людей со следами насильственной смерти открыто при раскопках у д. Фатьяновки, на месте древнерусского поселения, непосредственно примыкавшего к Старой Рязани.

Комплексный анализ полученных материалов позволил отнести выявленные в Ярославле коллективные захоронения к трагическим событиям 1238 г. Очевидно, захват Ярославля произошел примерно в то же время, что и Суздаля, Владимира и Ростова, то есть в феврале 1238 г. Люди погибли в зимнее время, о чем свидетельствуют остатки двухслойной одежды и меховых головных уборов. Татары сжигали захваченные города, Ярославль не стал исключением: в культурном слое этого времени прослежены остатки обширного пожара. Однако этот пожар не мог быть обычным городским бедствием. Количество погребенных и расположение данных комплексов в городском детинце указывают на значительные масштабы трагедии. Последующий после разорения период характеризуется состоянием запустения, снижением интенсивности жизни – большинство построек прекратило существование, на их месте отложился огородный слой, слабо насыщенный находками (Осипов, Фараджева, 2007; Энговатова и др., 2009. С. 68–78). Данные, полученные в ходе раскопок Ярославля в 2004–2011 гг., позволяют нам частично восстановить

Рис. 2. Археологические свидетельства разорения Ярославля в нач. XIII в. и находки из засыпки коллективных погребений

1–3 – коллективные погребения в процессе исследования; 4, 6 – следы сабельных ударов на черепах погребенных в массовых захоронениях; 5 – следы ударов тяжелым контактным оружием на черепах погребенных в массовых захоронениях; 7 – реконструкция облика жителя Ярославля нач. XIII в.; 8 – витражное стекло; 9 – обломки стеклянных браслетов; 10 – лыковой лапоть; 11 – войлочная стелька; 12 – фрагмент шерстяной ткани; 13 – височные кольца; 14 – стакан керамический; 15 – костяная шахматная фигурка

истинные масштабы погрома, соответствующие тактике тотального террора, применяемой монголами по отношению к завоеванным ими территориям.

В засыпке погребений обнаружены датирующие вещи и керамика (рис. 2). Это, прежде всего, детали одежды и украшения (бронзовые перстнеобразные

проволочные височные кольца, кресала, пряжки, каменный четырехконечный крест-тельник, стеклянные бусы, обломки стеклянных браслетов, фрагменты льняных, шерстяных и шелковых тканей, остатки меха). Найдены также бытовые предметы из дерева, веревки, войлок, керамика (в т. ч. целые сосуды). Керамическая коллекция, полученная при разборке комплексов, представлена в основном древнерусской круговой керамикой начала XIII в.¹ В засыпке одного из погребений найден фрагмент витражного стекла из Успенского собора 1215 г. На основании типологии артефактов все погребения датируются не позднее первой трети – середины XIII в.

По данным дендрохронологического анализа (продатированы детали конструкций подклетов сгоревших домов и колодца), проведенного А.А. Карпухиным, погибшие постройки были возведены не позднее начала 30-х годов XIII в. Соответственно, разгром города должен был произойти в интервале от 30-х до конца 40-х годов XIII в. Единственное летописное свидетельство подобной катастрофы в этот период – нашествие Батыя на Русь и разгром многих русских городов.

Из каждого захоронения были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования: кости как людей, так и животных. Согласно полученным результатам, все погребения были совершены в один период времени. Даты по ^{14}C соотносятся с дендродатами из тех же сооружений и с датой летописного события – 1238 годом (рис. 3).

Массовые захоронения являются уникальным историческим источником, на основании которого можно проанализировать в том числе систему питания населения средневекового Ярославля в начале XIII в. Также можно получить некоторые данные о кормовом рационе и условиях содержания домашних животных в городе.

Всего из пяти коллективных захоронений были получены около 150 образцов костей животных и людей. Получены данные $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$. В выборке представлены образцы костей людей (женщин, мужчин и детей) и различных животных – домашних (коров, лошадей, свиней, собак) и диких (бобра).

III. Методика

Костные остатки были подвергнуты соответствующей обработке, чтобы очистить образцы от вторичных карбонатов, образующихся при окислении костного вещества под действием грунтовых вод. Использовались две методики подготовки образцов для масс-спектрометрических измерений.

Первая – без выделения коллагена.

1. Для определения содержания $\delta^{15}\text{N}$ костные образцы тщательно промываются щеткой под проточной водой и далее идут на определение.

2. Для определения $\delta^{13}\text{C}$ костные образцы заливаются трехпроцентным раствором соляной кислоты (HCl) на сутки, затем промываются в течение двух часов и высушиваются в сушильном шкафу.

После этого в образцах определяется содержание изотопов ^{15}N и ^{13}C отдельно.

Вторая методика заключается в выделении коллагена с последующим измерением в нем содержания изотопов ^{15}N и ^{13}C .

Выделение коллагена проводится по традиционной методике Арсланова (1987. С. 137–143): костные образцы размягчаются в трехпроцентном растворе соляной кислоты (HCl) при охлаждении примерно до 0°C , затем промываются дистиллированной водой и заливаются на сутки однопроцентным раствором щелочи (NaOH). Затем образец промывается дистиллированной водой, нагревается в слабокислом растворе соляной кислоты, при этом кость размягчается и растворяется. Раствор очищается от загрязнений путем центрифугирования. Осадок (коллаген) выпаривается и используется для анализов.

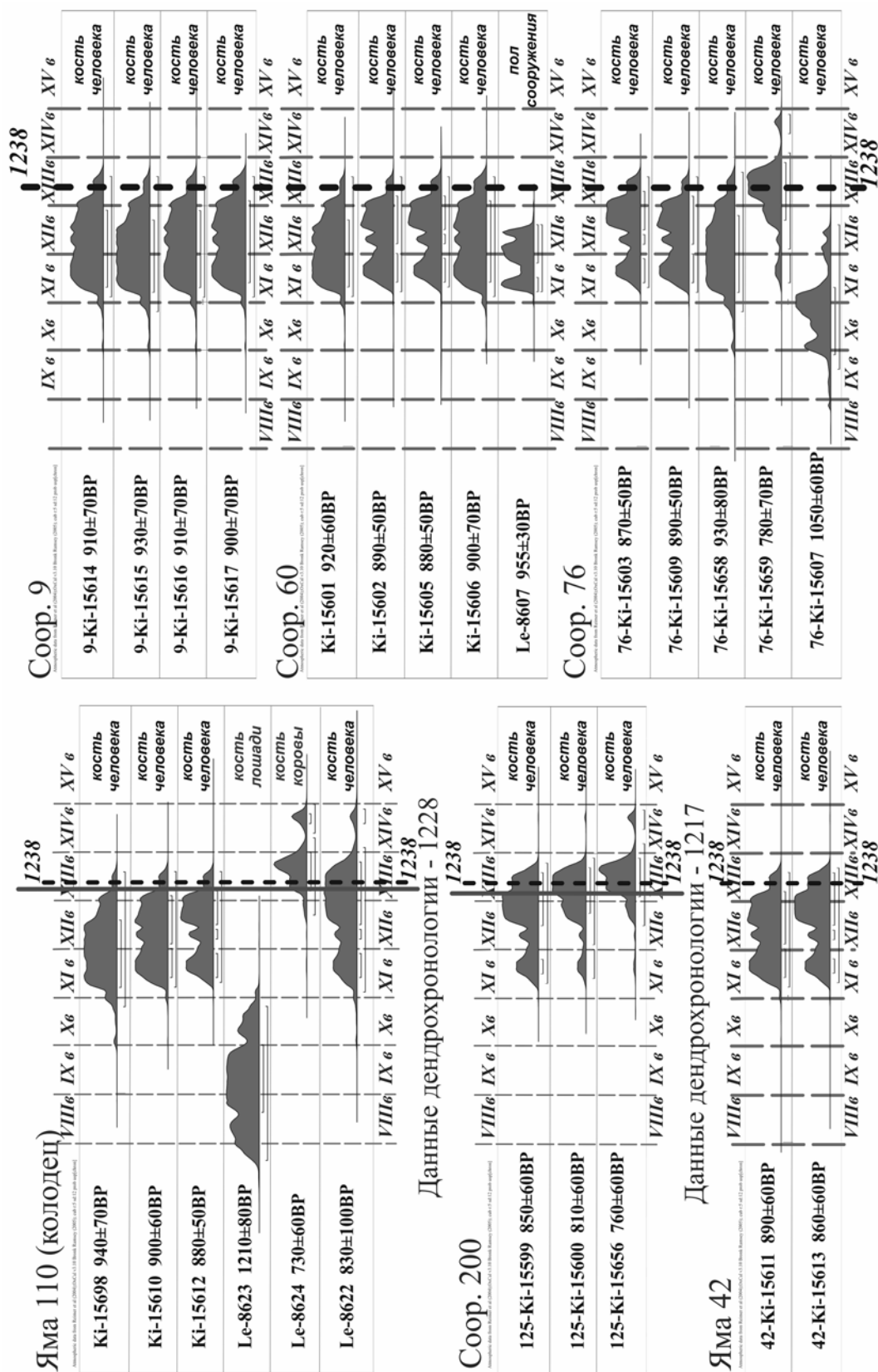
Опыт работ показал, что для получения корректных данных по углероду совершенно необходимо освободить образец от примеси вторичных карбонатов, поскольку без этой процедуры валовый анализ показывает необычно изотопно-тяжелый углерод. Напротив, для определения изотопного состава азота такая кислотная обработка крайне нежелательна, поскольку азот содержится главным образом в коллагене, а не в апатите костной ткани и не во вторичных карбонатах. Обработка костных образцов кислотами приводит к частичному растворению коллагена, и неконтролируемому фракционированию изотопов азота, поэтому для измерения азота обработка заключалась только в отмывке образцов в дистиллированной воде и последующей сушке.

Анализ изотопного состава углерода и азота выполнен при помощи масс-спектрометра *Thermo Finnigan Delta V* с элементным анализатором CE/EA-1112 в лаборатории ИИМК (Санкт-Петербург). Элементный анализатор представляет собой устройство для сжигания органических образцов в токе кислорода при температуре около 1200°C , в результате чего образуются H_2O , CO_2 и N_2 (combustion pyrolysis). После сжигания вода удаляется при помощи специального поглотителя, а углекислый газ и азот разделяются при помощи газового хроматографа и последовательно поступают в масс-спектрометр для измерения изотопного состава. Типичные навески вещества – 0,2–0,4 мг на углерод и 0,5–1,0 мг на азот. В качестве изотопных стандартов использовались: на углерод USGS24 (графит) и IAEA-CH-7 (полиэтилен), на азот IAEA-N-2 ($(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$). При замерах стандарт измерялся через каждые четыре образца. Воспроизводимость стандартов (2σ): $\delta^{13}\text{C} \pm 0,05\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N} \pm 0,1\text{‰}$. Точность анализа составляла: $\delta^{13}\text{C} \pm 0,1\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N} \pm 0,2\text{‰}$.

IV. Результаты исследования

Применение изотопного анализа позволило обратиться к реконструкции питания населения средневекового Ярославля. Были определены показатели изотопного содержания $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ (табл. 1), которые

¹ Обработка керамической коллекции выполнена кандидатом исторических наук Е.К. Кадиевой.

Рис. 3. Данные радиоуглеродного датирования костей человека и животных из массовых захоронений

обычно используются с целью определения доли растительной и животной пищи в усредненном рационе питания людей на протяжении последних лет их жизни.

Дельта по углероду для всей исследованной выборки из пяти мест компактного погребения останков оказалась стабильной. Она соответствует величине около $-20,03 \pm 0,1\%$, что указывает смешанный рацион с участием растений умеренного пояса с малой долей зерновых культур, а также присутствие мяса местных наземных травоядных животных.

Данные о накоплении изотопа ^{15}N позволяют судить о мере обогащения рациона питания белками, а среди них – преобладание мяса наземных или водных животных различных трофических уровней (Merwe, 1989). Следует отметить, что индивидуальная изменчивость дельта по тяжелому изотопу азота более высока, чем по изотопу углерода. Вероятно, эта тенденция связана с большими различиями индивидуальных рационов именно по белковому компоненту. Величина $\delta^{15}\text{N}$ составляет $11,81 \pm 0,72\%$, что указывает на мясо наземных млекопитающих как основу белкового питания. Редкие индивиды со значениями $\delta^{15}\text{N}$, превышающими 13% , вероятно, регулярно употребляли в пищу речную рыбу.

Сопоставление средних величин изотопных показателей для различных локаций показывает недостоверность изменчивости, что соответствует единой структуре питания изученного населения в целом.

Полученные анализы дали возможность оценить наличие различий в структуре питания мужчин и женщин (рис. 4, 1, 2). Как выяснилось, структура питания обоих полов не различалась, что свидетельствует об отсутствии гендерных различий в традициях питания древнерусского города.

Величина $\delta^{15}\text{N}$ для костной ткани детей возраста грудного вскармливания (в среднем до двух лет) помогает представить уровень фракционирования изотопа для индивидов с преимущественно белковой пищей. Величина, показателя для детей в возрасте до двух-трех лет составляет около $12,7\%$, что несколько выше, чем для взрослого населения. Однако различия находятся в пределах единого трофического уровня, что позволяет предполагать достаточно высокую удельную долю мясной пищи в рационе средневековых жителей города.

Как отмечалось выше, проведена методическая работа по сопоставлению результатов определения изотопов в образцах коллагена и недеминерализованной костной ткани. Полученные результаты не показали статистически значимых расхождений. Это вызывает известные вопросы, так как факт систематического расхождения изотопных показателей для углерода, определяемых по коллагену и апатиту, неоднократно демонстрировался (Tuskot, 2006. Р. 54). Причем, величина этого расхождения в величинах дельта по углероду зависит от того, насколько в рационе исследуемых преобладает пища животного происхождения (тогда это расхождение не более 3–4%) или растительного (тогда это расхождение составит

до 7%) (Tuskot, 2006. Р. 55). Вопрос остается открытым и будет прояснен лишь в результате дальнейших исследований.

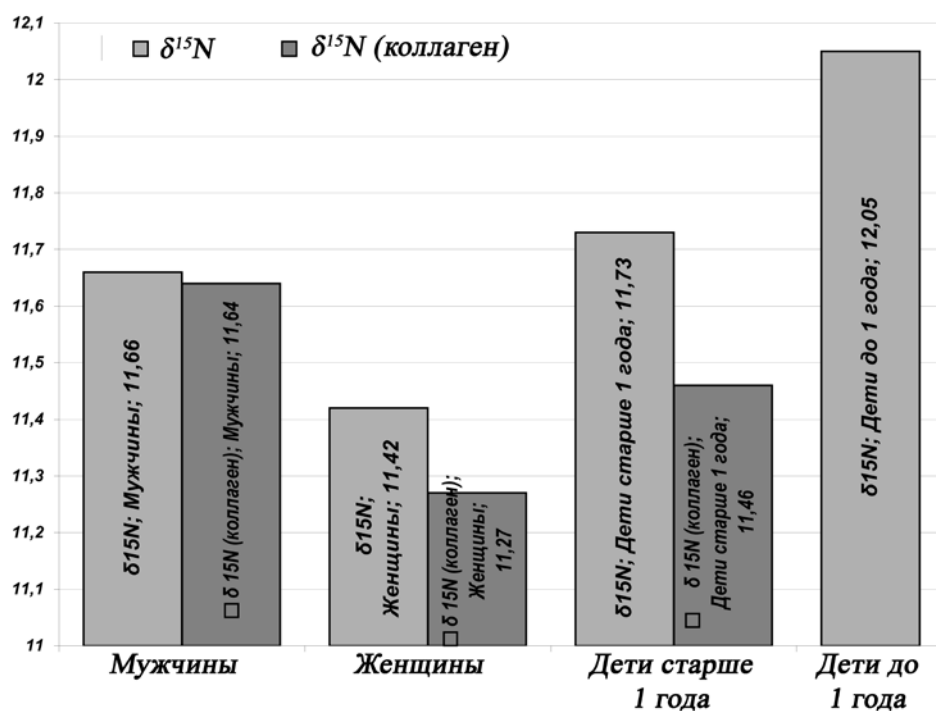
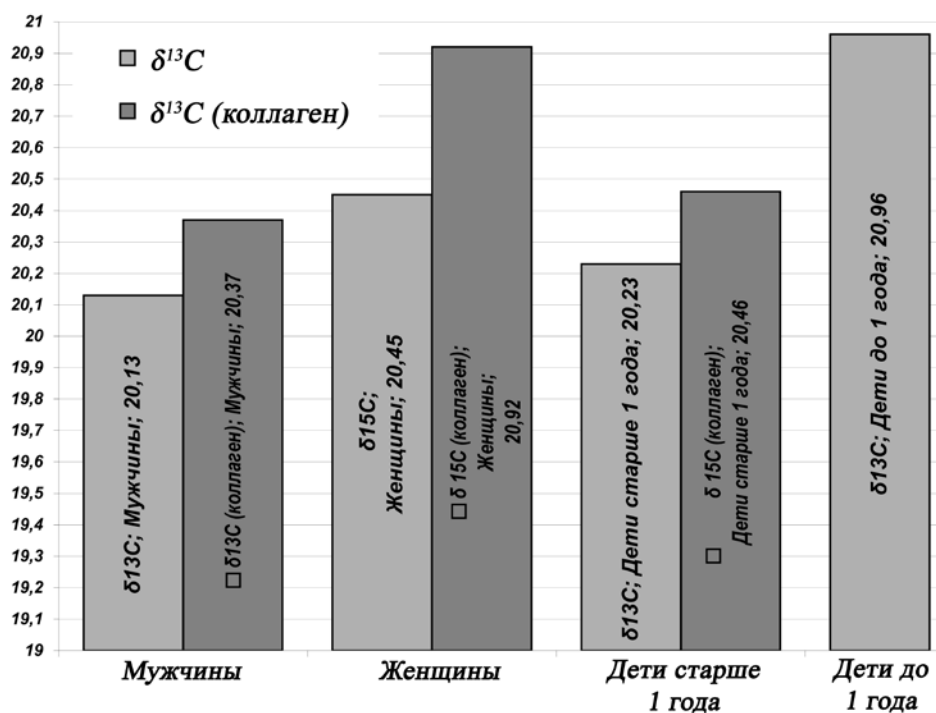
Проведенный анализ показал, что каждодневная трапеза ярославцев была разнообразна. Они не испытывали недостатка в белковой пище, как было, например, показано для ряда регионов сельской местности Русского Севера (Бужилова, 2005). Регулярно приготавливались блюда как из мяса домашних животных, так и речной рыбы.

Был также исследован изотопный состав углерода и азота в коллагене трубчатых костей домашних животных (свиней, коров, лошади и собаки) (табл. 2). Предполагалось получить факты для обсуждения кормового рациона этих домашних животных.

Однако для сравнительного анализа необходимо было иметь точку отсчета, которая фиксировала бы специализированную диету какого-нибудь дикого животного, для которого исключено влияние условий содержания. Таким животным в ярославской коллекции стал бобр. Соотношение изотопов в костях бобра из Ярославля оказалось соответствующим теоретически ожидаемым – оно отражает диету специализированного древесноядного животного умеренной зоны, каковым и является этот вид. Полученное для его костей минимальное значение $\delta^{15}\text{N}$ ($+4,39\%$) занимает на графике крайнее левое положение и становится точкой отсчета для рассмотрения результатов по остальным видам (рис. 5, 1, 2).

Домашние копытные – коровы и лошадь – также оправдали теоретические ожидания. Изотопный состав их костей по средним значениям соответствуют травоядным животным умеренной зоны: на графике количество азота у них повышается примерно в два раза по сравнению с бобром. Но данные по конкретным особям этих видов показали любопытные аномалии в их диете. Один образец кости лошади обозначил достаточно низкие значения изотопов и азота, и углерода ($\delta^{13}\text{C}$ $-23,16\%$), и ($\delta^{15}\text{N}$ $+6,35\%$). Такие показатели свидетельствуют о явном недостатке белка в питании этой особи. Иными словами в корме этого животного должны были преобладать травы или даже ветки деревьев, а не зерно. А для одной из коров изотопный анализ показал напротив явный избыток белка в ее пищевом рационе: отклонение величины $\delta^{15}\text{N}$ составляет $+9,66\%$, что считается более типичным уже для всеядных животных. У копытных животных повышение азота может быть связано с повышенной долей в рационе или зерновых культур, или с присутствием белковых добавок, например в виде грибов.

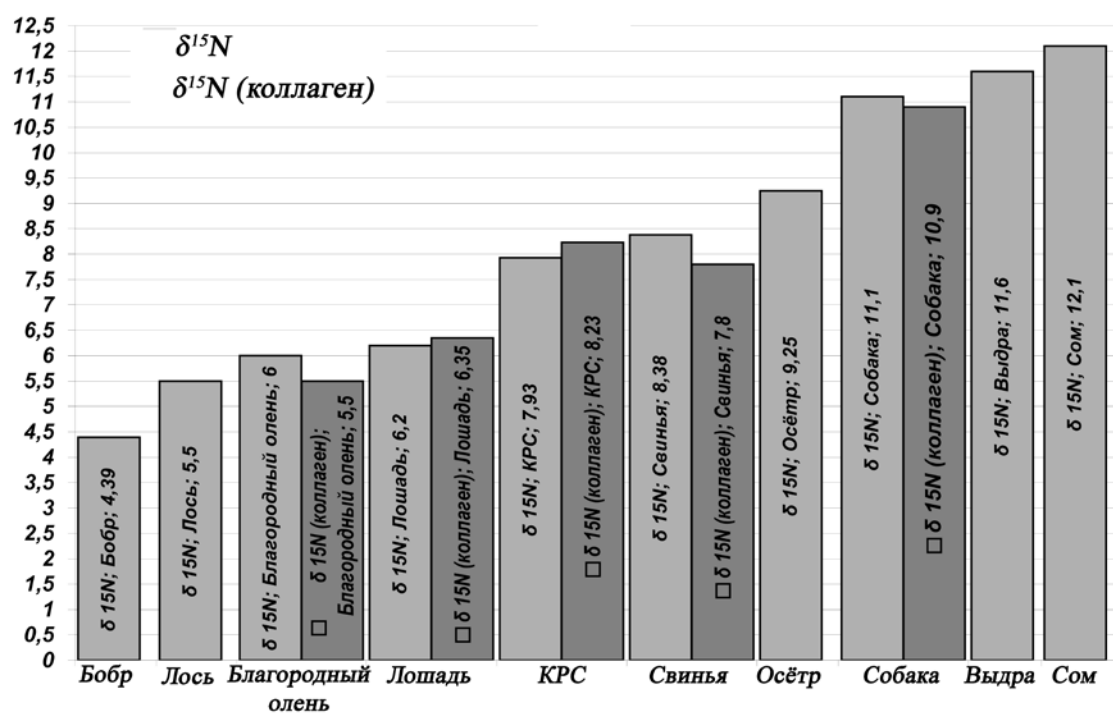
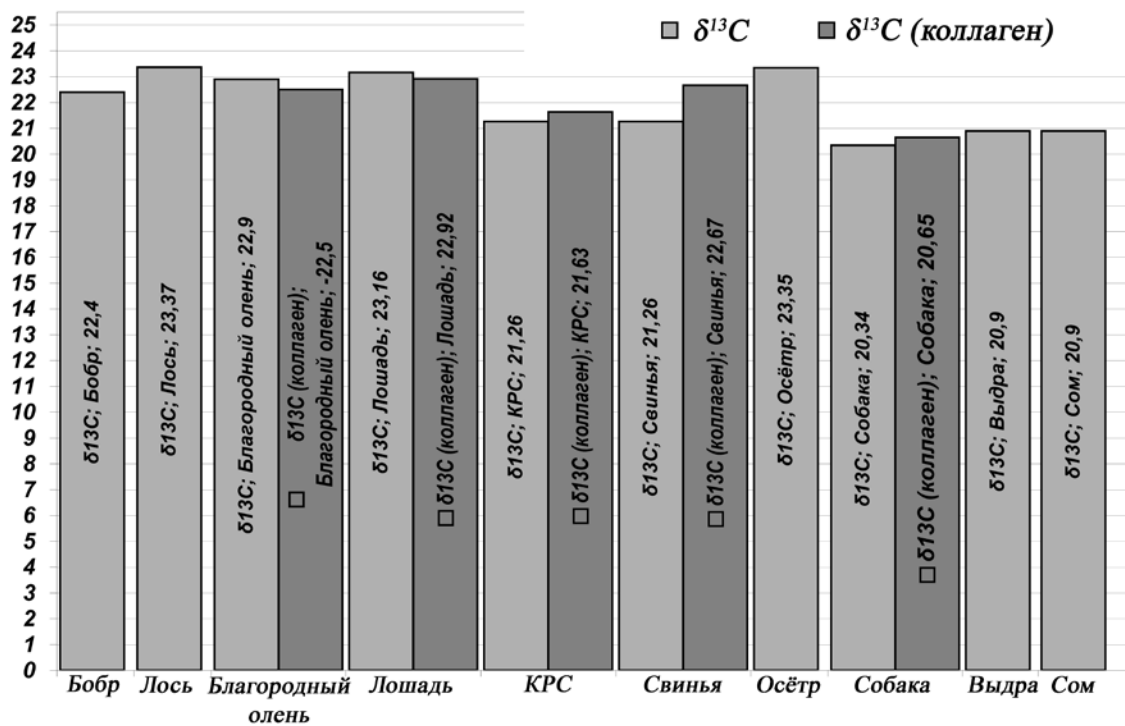
Средние показатели $\delta^{13}\text{C}$ ($-21,26\%$) и $\delta^{15}\text{N}$ ($+8,38\%$) по костям свиней достоверно указывают на явное преобладание растительной пищи в большей части этих животных, несмотря на их всеядность. Предполагалось, что по стабильным изотопам диета свиней окажется более близкой к пищевому потреблению людей. Но в древнем Ярославле свиней, по-видимому, обычно кормили запаренной травой, что и отразилось на их размерах и упитанности. Это

Рис. 4-1. Стабильный изотоп углерода ^{13}C в костной ткани индивидов из коллективных захоронений в ЯрославлеРис. 4-2. Стабильный изотоп азота ^{15}N в костной ткани индивидов из коллективных захоронений в Ярославле

объясняет, почему реконструируемые по промерам костей мелкие свиньи Ярославля едва достигали веса в 40 кг. В то же время, для одной из свиней выявлено непропорционально высокое значение тяжелого изотопа азота $\delta^{15}N$ (+6,75‰), которое можно объяснить

присутствием мясных или, скорее, рыбных отходов в ее питании.

Диета, наиболее близкая к человеческой, обнаружена у собак. Однако, в пище одной из собак, содержание белка явно превосходило то количество, кото-

Рис. 5-1. Стабильный изотоп углерода ^{13}C в костной ткани животных из коллективных захоронений в ЯрославлеРис. 5-2. Стабильный изотоп азота ^{15}N в костной ткани животных из коллективных захоронений в Ярославле

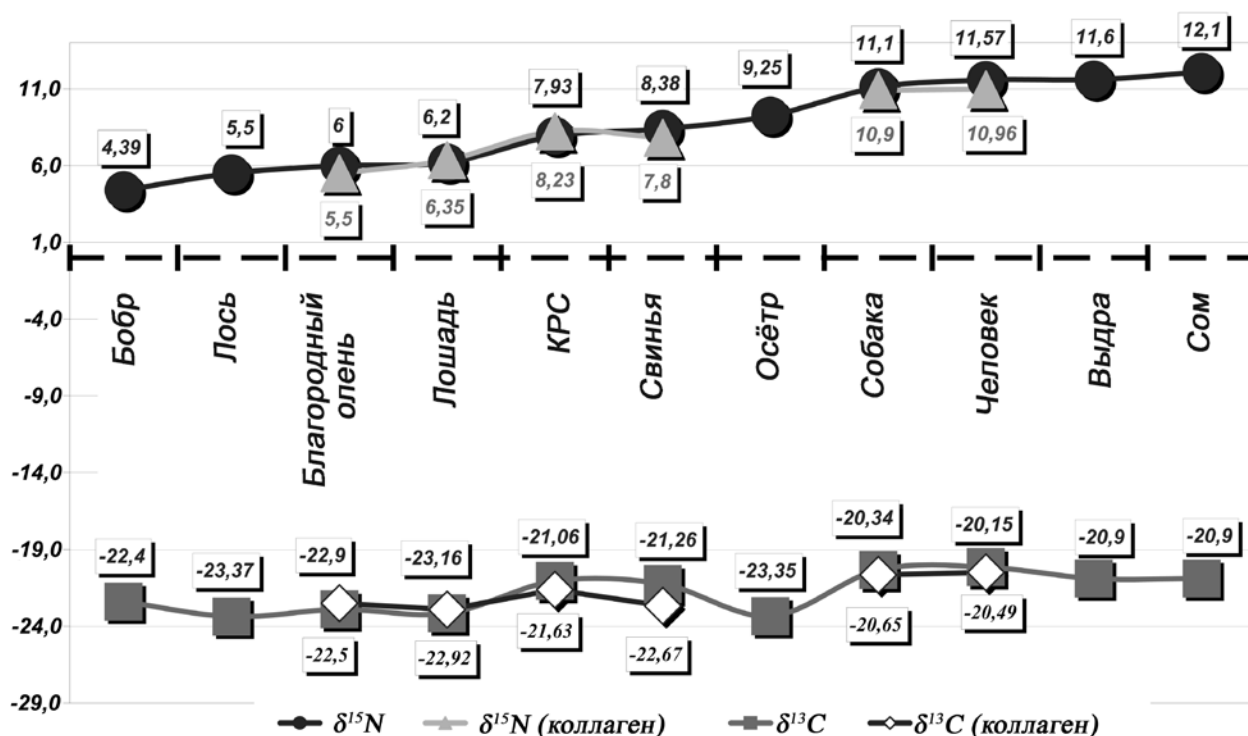

Рис. 6. Соотношение стабильных изотопов азота ^{15}N и углерода ^{13}C в костях разных видов животных и человека из коллективных захоронений в Ярославле

рое она бы получала, питаясь исключительно мясными отбросами и костями домашних копытных – свиней, коров и лошадей. Можно предполагать значимый вклад в ее рацион рыбных отбросов.

И в заключении стоит подчеркнуть, что сходные значения по тяжелому углероду, характеризующие

кости животных и человека, указывают главным образом на проживание этих живых организмов на одном и том же экологическом фоне, соответствующем климатическим условиям лесной полосы и близким к современности по степени увлажненности (рис. 6).

Литература

- Арсланов Х.А., 1987. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л.
- Бужилова А.П., 2005. Homo sapiens. История болезни. М.
- Гончарова Н.Н., Бужилова А.П., 2007. Антропологические исследования останков из коллективного погребения XIII века // Археология: история и перспективы. Ярославль.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Дяденко В.Д., 1968. Разведки и наблюдения за земляными работами в Киеве. // Археологические исследования на Украине в 1967 г. К.
- Осипов Д.О., 2006. Отчет «Охранные архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2005 г.» // Архив ИА РАН. Р-1. № 26946.
- Осипов Д.О., Фараджеева Н.Н., 2007. Отчет «Охранные архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2006 г.» // Архив ИА РАН. Р-1. № 26954.
- Хвойко В.В., 1908. Раскопки в Десятинной церкви // ИАК. Прибавление к т. 2. СПб.
- Хойновский И.А., 1893. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г. К.
- Энговатова А.В., 2008. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д.1) в 2007 г. // Архив ИА РАН.
- Энговатова А.В., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1, в 2008 г. // Архив ИА РАН.
- Энговатова А.В., Яганов А.В., 2008. К топографии Рубленого города Ярославля (по материалам археологических исследований 2007 года) // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджеева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н., 2009. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. № 2.
- Ambrose S.H., 1991. Effects of diet, climate and physiology on nitrogen isotope abundances in terrestrial food-webs // Journal of Archaeological Science. Vol. 18. L.

Buzhilova A., Goncharova N., 2009. A mass grave from Medieval Russian town: the anthropological evidence of a social catastrophe // *Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne*. Valbonne.

Buzhilova A., Goncharova N., Engovatova A., 2008. Mass graves from Medieval Russian town: bio-cultural context of remains // *Abstracts of 17th Paleopathological Association Meeting "Diseases in the Past"*. Copenhagen.

Minagawa M., Wada E., 1984. Stepwise enrichment of ^{15}N along food chains: further evidence and relation between $\delta^{15}\text{N}$ and animal age // *Geochemical et Cosmochimica Acta*. Vol. 48. Iss. 5.

Tyckot R.H., 2006. Isotope Analyses and the Histories of Maize // *History of maize*. Amsterdam.

Merwe N. J., van der, 1989. Natural variation in the ^{13}C concentration and its effect on environmental reconstruction using $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ ratios in animal bones // *The chemistry of prehistoric human bone*. Cambridge.

A.V. Engovatova, M.V. Dobrovolskaya, E.E. Antipina, G.I. Zaitseva

Reconstruction of the diet system of the Russian town ancient population: the isotope analysis on the example of Yaroslavl

Summary

The use of isotopic analysis allowed reconstructing the diet of the population of the medieval town of Yaroslavl on the example. We identified the values of $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$, which are usually used for determining the share of plant and animal food in averaged nutrition histories of people. The chronology was based on both the radiocarbon dates and historical evidences.

A total of 120 analyses of human and animal bones from 5 collective burials have been analyzed. The selection includes the samples of human bones (men's, women's and children's) and samples of bones of various domestic animals (cows, horses, pigs and dogs) from 5 burials.

The sanitary burials are a unique historical source which allows analyzing the local diet system on the eve of the Mongol invasion.

In Yaroslavl, the large scale excavations in the medieval Kremlin gave unique archaeological data about the early history of the town. They also opened the layers which show the attack by the army of Batu Khan which had stormed the town in 1238, burning it down and killing the inhabitants. Radiocarbon analysis has now confirmed the historical dates.

The excavations revealed nine collective sanitary burials containing human remains (about 500 individuals). The burials were in cellars and household pits. Many of the skeletons show chopped and stab wounds. All the sanitary burials also contained skeletons of domestic animals (cows, horses, pigs, dogs, etc); the animals died during the fighting or soon afterwards.

The entire selection from five places of compact burial showed a stable carbon delta of circa $-20,03 \pm 0,1\text{‰}$, which points to a mixed diet including temperate-zone plants, a small proportion of grains, and also meat of local herbivorous land animals.

The data on $\delta^{15}\text{N}$ accumulation shows the presence of proteins in the diet, with the main source being the meat of land or aquatic animals of different trophic levels (Merwe, 1989). $\delta^{15}\text{N}$ is $11,81 \pm 0,72\text{‰}$, showing that meat of land mammals was the basic source of protein. The few individuals with $\delta^{15}\text{N}$ higher than 13‰ must have regularly consumed freshwater fish.

Comparison of the average isotope values for different locations shows a similarity of diet for the whole population group.

The analyses showed there was no difference in the diet of men and women. This means that the diet traditions of the Ancient Rus' town were not gender-specific.

$\delta^{15}\text{N}$ for bone tissue of breastfed children (until two years on average) shows isotopic fractionation for individuals with a mainly protein diet. The figure for children aged 2–3 years old and younger is about $12,7\text{‰}$, which is a little higher than for the adult population. Yet the differences are on the same trophic level. We can assume that the medieval people of Yaroslavl consumed a relatively large amount of meat. There was no protein deficit, unlike the situation in some of the rural regions in the Russian North.

Таблица 1. Сводная таблица изотопного состава азота и углерода в образцах человеческих костей из коллективных погребений в Ярославле.

№ п/п	Раскоп	Объект	Пол	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰ (коллаген)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ (коллаген)
1	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Мужчина	9,91		-20,91	
2	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	10,39		-20,58	
3	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	10,44		-20,15	
4	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина	10,69		-20,25	
5	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина	10,69		-19,88	
6	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 156	Мужчина	10,74		-19,13	
7	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Мужчина	11,25		-20,37	
8	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина	11,37		-20,73	
9	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	11,38	11,6	-20,43	-20,5
10	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Мужчина	11,39		-19,96	
11	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Мужчина	11,42		-20,3	
12	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина	11,45		-19,41	
13	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 156	Мужчина	11,48		-19,97	
14	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 156	Мужчина	11,55		-19,75	
15	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	11,71		-19,71	
16	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина	11,74		-20,94	
17	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 42	Мужчина	11,76	11,6	-20,32	-21,1
18	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	11,85		-19,91	
19	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	11,85		-19,6	
20	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	11,87	11	-20,15	-19,8
21	Успенский раскоп-2006	Соор. 27	Мужчина	11,9	11,1		-20,6
22	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Мужчина	11,92		-19,9	
23	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Мужчина	11,94		-20,21	
24	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина	12,01		-19,33	
25	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	12,01	11,9	-19,31	-20,8
26	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Мужчина	12,04		-21,54	
27	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 156	Мужчина	12,04	12,3	-20,16	-20,4
28	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	12,14		-20,99	
29	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 156	Мужчина	12,34		-20,23	
30	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Мужчина	12,82		-20,19	
31	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина	13,17		-19,43	
32	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Мужчина	13,28		-19,12	
33	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Мужчина	13,35	13,3	-20,18	-20,4
34	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина		12	-20,6	-20
35	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Мужчина		11,2		-22
36	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Мужчина		11,6		-20,2
37	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Мужчина		11,8		-20,1
38	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Мужчина		11,9		-19,6
39	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Мужчина		11,9		-19,7
40	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 42	Мужчина		11,8		-19,2
41	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 42	Мужчина		11,9		-20,2
42	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина		11		-20,2

Таблица 1. Сводная таблица изотопного состава азота и углерода в образцах человеческих костей из коллективных погребений в Ярославле (продолжение).

№ п/п	Раскоп	Объект	Пол	$\delta^{15}\text{N}, \text{‰}$	$\delta^{15}\text{N}, \text{‰}$ (коллаген)	$\delta^{13}\text{C}, \text{‰}$	$\delta^{13}\text{C}, \text{‰}$ (коллаген)
43	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина		12		-20,7
44	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина		12,2		-20,1
45	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Мужчина		10,1		-20
46	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина	10,8		-20,36	
47	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Мужчина (?)	11,88		-19,84	
48	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Мужчина (?)	12,16		-19,94	
49	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина (?)	12,97		-20,3	
50	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Мужчина (?)	11,68		-20,12	
51	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Женщина	10,9		-20,6	-20,8
52	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Женщина	11,24		-19,57	
53	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Женщина	11,73	11	-20,73	-20,9
54	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Женщина	11,75		-19,94	
55	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Женщина	11,94		-20,5	
56	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Женщина	12,04		-19,89	
57	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Женщина	12,12	11,3	-19,46	-19,6
58	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 42	Женщина			-21,06	
59	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Женщина		12		-20,2
60	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Женщина		11		-19,8
61	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Женщина		10,7		-21,3
62	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Женщина		12		-20,2
63	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Женщина		11,4		-20
64	Успенский раскоп-2006	Соор. 27	Женщина		10,7		-21,1
65	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Женщина (?)	13,12		-20,12	
66	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Женщина (?)		9		-20,1
67	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Женщина (?)		10,7		-20,1
68	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Ребенок	10,44		-20,14	
69	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Ребенок	10,72		-19,23	
70	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Ребенок	10,95		-20,4	
71	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Ребенок	11,33		-23,16	
72	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Ребенок	11,36	10,2	-19,83	-20,8
73	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Ребенок	11,58		-19,79	
74	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Ребенок	11,65	11,9	-20,4	-21,6
75	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Ребенок	11,74		-20,37	
76	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 156	Ребенок	11,79	14,5	-20,96	-20
77	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Ребенок	11,82		-20,13	
78	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Ребенок	11,9		-20,04	
79	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Ребенок	11,97		-19,65	
80	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 200	Ребенок	12,32			
81	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Ребенок	12,75		-20,17	
82	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Ребенок	13,18	11,4	-19,44	-20,8
83	Волжская наб., д. 1-2008	Соор. 60	Ребенок	13,31		-19,85	

Таблица 1. Сводная таблица изотопного состава азота и углерода в образцах человеческих костей из коллективных погребений в Ярославле (окончание).

№ п/п	Раскоп	Объект	Пол	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰ (коллаген)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ (коллаген)
84	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Ребенок	13,44		-19,97	
85	Рубленый город II-2008	Соор. 76	Ребенок	13,71		-20,35	
86	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		10,6		-19,7
87	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		11,2		-20
88	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		11,3		-19,4
89	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		11,3		-20,9
90	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		13,2		-19,8
91	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		11,3		-20,6
92	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок				
93	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		13,3		-21,2
94	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		11		-21
95	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		10,9		-19,4
96	Успенский раскоп-2005	Соор. 9	Ребенок		10,8		-19,6
97	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Ребенок		11,6		-20
98	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Ребенок		12,6		-20,4
99	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Ребенок		11,3		-20,6
100	Волжская наб., д. 1-2007	Яма 110	Ребенок (подросток)	10,59		-20,69	

Таблица 2. Сводная таблица изотопного состава азота и углерода в образцах костей животных из коллективных погребений в Ярославле.

№ п/п	Животное	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰ (коллаген)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ (коллаген)
1	Благородный олень	6	5,5	-22,9	-22,5
2	Бобр	4,41		-22,24	
3	Бобр	4,37		-22,56	
4	Выдра	11,6		-20,9	
5	КРС	6,64	9,2	-22,2	-21,6
6	КРС	6,75	7,7	-20,96	-21,7
7	КРС	7		-21,45	
8	КРС	8,95		-21,39	
9	КРС	9,08		-20,96	
10	КРС	9,66		-20,3	
11	КРС	7,38		-21,8	
12	КРС	7	7,8	-21,3	-21,6
13	Лось	5,5		-23,37	
14	Лошадь	6,18	6,8	-23,23	-22,7
15	Лошадь	7,07		-22,57	
16	Лошадь	6,02		-23,91	
17	Лошадь	6,09		-22,67	
18	Лошадь	6,09		-23	
19	Лошадь	5,72		-23,48	
20	Лошадь	5,6	6,1	-23,2	-23,1

Таблица 2. Сводная таблица изотопного состава азота и углерода в образцах костей животных из коллективных погребений в Ярославле (окончание).

№ п/п	Животное	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰ (коллаген)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ (коллаген)
21	Лошадь	6,5	6,5	-22,5	-22,2
22	Лошадь	6,6	6,4	-23,3	-23,6
23	Лошадь	6,3	6,2	-23,2	-23,3
24	Лошадь	6,1	6,1	-23,4	-22,6
25	Лошадь	6,1		-23,5	
26	Осетр	9,4		-17,4	
27	Осетр	9,1		-29,3	
28	Свинья	8,86		-21,64	
29	Свинья	9,59		-20,55	
30	Свинья	7,62		-22,17	
31	Свинья	12,38		-19,93	
32	Свинья	7,34		-21,63	
33	Свинья	8,51	7,6	-21,26	-22,5
34	Свинья	6,84		-22,08	
35	Свинья	8,97		-21,97	
36	Свинья	6,6	8	-22,5	-22,5
37	Свинья	7,2	7,8	-22,6	-23
38	Собака	13,08		-19,24	
39	Собака	10,41		-20,82	
40	Собака	9,62		-20,5	
41	Собака	10,8	11,1	-20,1	-20,6
42	Собака	11,2	10,7	-21,4	-20,7
43	Собака	11,5		-20	
44	Сом	12,1		-20,9	

П.Е. Русаков

Исследования керамики селища Жокино 1

Селище Жокино 1 расположено в регионе Рязанской области, получившем в краеведческой и научной литературе название Михайловского поля (*Горбунов*, 1995, С. 626; *Журкин, Зарубин, Катогощин*, 1961, С. 9; *Русаков*, 2005, С. 397–412). Начиная с 1930 г., когда берега р. Проня были обследованы А.А. Мансуровым, регион исследовался преимущественно разведками. Первые раскопки памятников здесь провел в 1953 и 1959 гг. А.Л. Монгайт, сосредоточивший свое внимание на средневековых городищах. Керамическая коллекция из раскопок только одного из них (Жокинского городища), собранная за один сезон, превышала 1000 экз. Ныне она хранится в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике (РИАМЗ). Увы, весь массовый керамический материал тогда получил очень краткое и поверхностное описание, которое приведено в отчете. Никаких статистических подсчетов не проводилось.

Ближайшие памятники с хорошо изученными керамическими комплексами, имеющие собственную шкалу датировки керамики, расположены на значительном удалении от Михайловского поля (не менее 80 километров). Можно лишь предположить, что материалы памятников этого региона будут иметь хронологически близкие аналогии на городищах Ростиславль и Старая Рязань, памятниках в окрестностях Ельца и в районе Куликово поле. Для каждого из этих регионов исследователи используют собственные системы обработки массового материала. Поэтому для изучения материалов Михайловского поля особенно важны крупные стратифицированные комплексы, происходящие с его территории.

В 2006 г. в связи с разрушениями культурного слоя на селище Жокино 1 (селище, сопутствующее городищу Жокино) был заложен небольшой раскоп. В ходе археологических раскопок выявлен комплекс средневековой ямы (получившей наименование «объект 1»), содержащий многочисленный массовый материал в нескольких хронологически сменявших друг друга слоях. Датировка материалов из этого объекта колеблется в пределах первой половины XIII – конца XIV в.

Стратиграфия объекта была рассмотрена в специальной публикации (*Русаков*, 2011, С. 200–208). Его

основное заполнение состояло из четырех хронологически сменяющих друг друга слоев. Стратиграфия комплекса дополнялась другими объектами, связанными со средневековой постройкой и хозяйственной деятельностью на этом месте после прекращения ее существования: это серия маленьких ямок в дне котлована постройки, связанных с креплением обшивки стенок котлована и хозяйственным использованием постройки; очаг на невысоком постаменте в центре котлована постройки и серия небольших ям, появившихся после засыпки котлована постройки. Количество массового материала во всех этих объектах крайне мало, подавляющая же его часть происходила из четырех слоев заполнения постройки. Другие комплексы из раскопа на селище Жокино 1 также не обладали столь же выразительной стратиграфией. Объект 1 предположительно связывается с остатками овина древнерусской эпохи.

В задачу настоящей публикации входит рассмотрение методических особенностей практической работы с массовым материалом, описание материала из объекта 1, попытка наметить пути создания хронологической шкалы для средневековых комплексов региона Михайловского поля. Решение последней задачи находится лишь на начальной стадии, поэтому оно требует максимально подробной фиксации керамического материала в статистических таблицах, с учетом наибольшего количества разнообразных признаков. Это поделит весь материал на минимальные структурные ячейки, «кирпичики». И только после получения большого количества вещественного материала, можно логически обосновать объединение этих «кирпичиков» в более крупные статистические объекты.

Исследования массового материала в регионе Михайловское поле в настоящий момент строятся по системе, разработанной В.Ю. Ковалем для Средней Оки и, в частности, для Ростиславля Рязанского (*Коваль*, 1996, С. 103–133; 2000, С. 73–83; 2004). По этой системе на сегодняшний день обработаны все материалы из разведок и раскопок последних лет (начиная с 2000 г.) и упомянутая выше керамическая коллекция из раскопок А.Л. Монгайта 1959 г. Эта

система обработки массового материала рассчитана на возможность ее проведения в полевых условиях на основании данных, фиксируемых визуально. Суть статистического учета сводится к распределению всего материала на несколько условных групп керамики на основании серии признаков. Это: наличие/отсутствие дополнительной обработки поверхности (например: лощение, ангоб); состав искусственных примесей в керамическом тесте; тип обжига (восстановительный – КВО; окислительно-восстановительный – КВОО; окислительный – КОО; как полный, так и неполный); цвет, приобретенный глиной после обжига (сильноожеженная – красноглиняная – КГК; слабоожеженная – керамика переходной группы – КПП; неожеженная – белоглиняная – БГК). Затем для каждой из этих групп поштучно учитываются присутствующие в ней фрагменты различных типов донцев, венчиков и орнаментов.

Практическое использование этой системы применительно к материалам памятников Михайловского поля выявило ряд важных особенностей, которые, как стало понятно, необходимо учитывать в процессе работы с комплексами селища Жокино 1. К набору признаков, определяющих условную группу керамики, в порядке эксперимента был добавлен еще один – наличие включений слюды (?) в тесте, что указывает на выбор источника сырья, следовательно, на центр производства. В статистических таблицах наличие примеси слюды обозначалось буквой «а», добавленной к номеру типа формовочной массы (табл. 1–4).

Особую сложность составляет определение типа обжига. Так, керамика неполного окислительного обжига часто внешне схожа с изделиями восстановительно-окислительного обжига. Нередки случаи, когда характерный трехслойный излом (с серой полосой в середине) присутствовал не на всех сколах одного фрагмента, в то время как на разных частях одного сосуда можно встретить как следы полного, так и неполного (трехслойного), а в ряде случаев – и восстановительного обжига. Поэтому эти разновидности обжига не разделялись и учитывались суммарно как «керамика восстановительно-окислительного обжига» (КВОО, в отличие от аббревиатуры КОО, обозначающей керамику полного окислительного обжига).

Практически невозможно различать по визуальным характеристикам искусственную примесь песка мелкой фракции и естественной (природной). Почти вся красноглиняная керамика селища Жокино 1 сделана из опесчаненной глины, но при этом она часто имеет еще и искусственную примесь мелкого песка (характеризовалась более редкими включениями неравномерного распределения).

Типология орнаментов, разработанная В.Ю. Ковалем, очень обширна, но почти все встреченные в Жокино орнаментированные фрагменты распределяются на несколько простых типов. В то же время, некоторые разновидности орнаментов не существуют в используемой типологии.

Методика учета венчиков разных типов, практикуемая для керамики Ростиславля, предусматривает учет обломков венчика от одного горшка как одной

статистической единицы. Однако практика показала, что венчик одного и того же сосуда может варьировать по своей профилировке и потому разные его обломки могут быть отнесены к разным типам. Поэтому при учете массового материала с селища Жокино 1 каждый обломок венчика (или донца) учитывался как самостоятельная статистическая единица. Это правило применялось и для обломков стенок, в том числе и в развалах сосудов. Исключение допускалось только для тех фрагментов, которые склеивались по одному-двум свежим сколам. В этом случае они учитывались как одна статистическая единица.

Количественный учет не позволяет зафиксировать степень измельченности фрагментов. Однако для объектов со сложной и многослойной стратиграфией это может оказаться важным при создании относительной хронологии керамических групп. Наиболее измельченными должны оказаться фрагменты, более остальных подвергавшиеся турбации или вытапыванию в слое. Так, в пахотном горизонте керамика обычно мельче, чем в заполнении ям. Обломки сосудов, отложившихся в культурном слое раньше других, будут измельчены относительно сильнее, чем отложившиеся позже. Подобный параметр можно фиксировать визуально для всего комплекса в целом, но для его использования при создании относительной хронологии требуется учитывать также общий вес всех фрагментов и отношение этого веса к количеству фрагментов. Последний параметр предлагается называть коэффициентом измельченности. При этом, чем выше значение коэффициента измельченности, тем крупнее керамические фрагменты. При статистической обработке керамики весовые характеристики больше нигде не использовались. Безусловно, коэффициент измельченности – характеристика условная, т. к. зависит не только от площади фрагмента, но и от его толщины, которая различна у разных сосудов и даже у разных частей одних и тех же сосудов. Поэтому коэффициент измельченности будет иметь значение лишь при условии большой выборки материала и при сравнении показателей одной и той же группы в разных слоях.

Наконец, при статистических подсчетах и определении параметров образцов учитывались только те обломки керамики, площадь которых составляла не менее 4 кв. см. Для всех меньших по размеру фрагментов, учитывалось только их общее количество. Сравнение количества таких «мелких» фрагментов в хронологически разных комплексах призвано дополнить данные коэффициента измельченности.

Все эти методические нюансы усложнили систему работы с массовым материалом: расширилась статистическая таблица, увеличилось количество операций, которые необходимо производить при обработке комплексов. Количество условных групп керамики, для каждой из которых выделяется отдельная строка в таблице, достигло 45. Учитывая весьма дробные типологии венчиков, донцев, орнаментов, работа с материалами Жокино 1 стала еще более трудоемкой, она требует больше времени и усложняет анализ полученных данных. Поэтому была поставлена задача

Таблица 2. Статистика керамики для слоя 2.

Группы	Типы венчиков													Типы орнаментов																		
	Типы донцев																линейн.			волн.		лин. и волн.		прочие								
	2/3	4/5	6/7	Всего	13/1	18/1	23/1	28/1	8/2	8/3	13/3	18/2	23/2	28/2	3/1	3/4	6/1	12	Всего	1, 2	3-5	12, 13	14, 15	4/13	4/15	4/?	20	26	58	2/15/56		
1	1	1	6	26	2	1	10	4	4	1	1		1	1	1				102	3	91	1	2	2						1	2	
2			2	7	1	1	2	1						2					30	1	29											
3	1		5	8			5			3									32		30	1		1								
5				3		2						1							7		5	1		1								
6		3	3	5		2	1			1					1				32	4	26	1	1									
7		1																	3		3											
8			1	9		1	3	1		4									30	1	26					2	1					
12		1	1																4		4											
14				1			1												7	1	4		1		1							
15			1																6	2	3							1				
19		6	1	2	2														9		3		6									
21		7	2	3		1								2					9	2	4	3										
23			1	1		1													4		4											
25		5	2	14		2		2	3		1						3	1	28	1	26			1								
37		3	1	3			2		1										6		5		1									
Категория А	2	2	13	44	3	4	17	5	4	4	1	0	2	3	1	0	0	0	174	4	158	3	2	4	0	0	0	0	1	2		
Категория В	108	0	3	14	0	3	4	1	0	5	0	0	0	0	0	1	0	0	62	5	52	1	1	0	0	2	1	0	0	0		
Категория С	49	0	7	3	2	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	22	3	10	0	7	0	1	0	0	1	0	0		
Категория D	111	0	13	18	0	4	0	2	3	0	0	1	0	2	0	0	3	1	45	3	38	3	0	1	0	0	0	0	0	0		
Категория E	17	0	3	3	0	0	2	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	0	5	0	1	0	0	0	0	0	0	0		
Итого	642	2	28	82	5	11	24	8	8	9	1	1	2	5	1	1	3	1	309	15	263	7	11	5	1	2	1	1	1	2		

Таблица 3. Статистика керамики для слоя 3.

Группы		Всего	Типы донцев			Типы венчиков								Кувшины	Типы орнаментов					
			2/3	4/5	6/7	Всего									Всего	линейн.		волн.	лин. и волн.	
							13/1	18/1	23/1	28/1	18/2	23/2	28/2			33/3	1, 2			3-5
1	1.КОО.БГК	96	1	3	3	11	2	2	3	1	1	2			1	47	4	43		
2	1.КВОО.БГК	19	1	1												10	1	7	2	
3	1a.КОО.БГК	64		3	8	9		3	2		2	1	1			34		32	1	1
5	1.КОО.КПГ	2		1												1			1	
6	1.КВОО.КПГ	22		2		1			1							15	5	9	1	
7	1a.КОО.КПГ	4														2		1		1
8	1a.КВОО.КПГ	14			1	1			1							7	1	6		
12	1a.КВОО.КГК	4														2		2		
15	2.1.КВОО.БГК	8		2		1						1				1		1		
19	2.1.КВОО.КПГ	13		3		2	1				1					8	1	3	4	
25	2.1a.КВОО.КГК	17		1		2		1						1		9	1	8		
37	2.2a.КВОО.КГК	8		1		1					1					5		5		
Категория А		185	2	8	11	20	2	5	5	1	3	3	1	0	1	94	5	83	4	2
Категория В		36	0	2	1	2	0	0	2	0	0	0	0	0	0	22	6	15	1	0
Категория С		21	0	5	0	3	1	0	0	0	1	1	0	0	0	9	1	4	4	0
Категория D		21	0	1	0	2	0	1	0	0	0	0	0	1	0	11	1	10	0	0
Категория E		8	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	5	0	5	0	0
Итого		271	2	17	12	28	3	6	7	1	5	4	1	1	1	141	13	117	9	2

Таблица 4. Статистика керамики для слоя 4.

Группы		Всего	Типы донцев		Типы венчиков				Орнаментир. обломки		
			2/3	6/7	Всего	23/1	28/1	23/2	Всего	лин.	
										1, 2	3-5
1	1.КОО.БГК	46		6	9	3	2	4	28	8	20
2	1.КВОО.БГК	12			1	1			6		6
3	1a.КОО.БГК	91		4	1			6	30		30
6	1.КВОО.КПГ	5			1	1			3		3
7	1a.КОО.КПГ	2	1						1		1
14	2.1.КОО.БГК	2	1								
23	2.1.КВОО.КГК	2							1		1
Категория А		151	1	10	11	4	2	10	65	8	57
Категория В		5	0	0	1	1	0	0	3	0	3
Категория С		2	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Категория D		2	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Итого		160	2	10	12	5	2	10	69	8	61

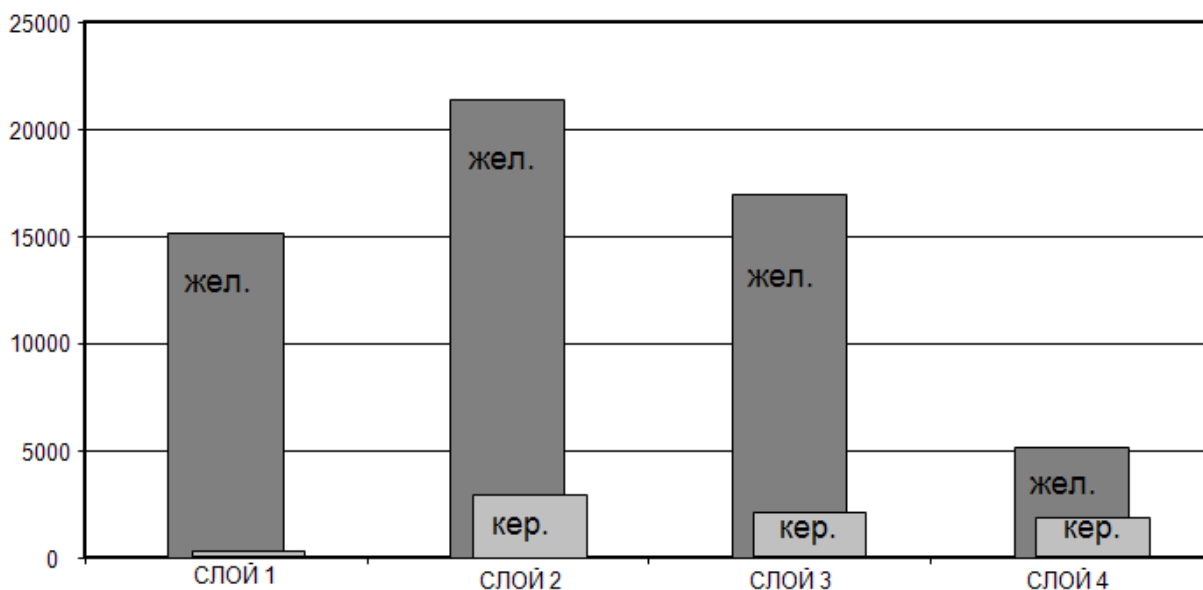

Рис. 1. Распределение железных и керамических шлаков в слоях заполнения объекта 1

создания упрощенной схемы работы с массовым материалом при минимальной потере информации. Для этой цели предлагается упрощенная статистическая таблица, которая подходит для менее значимых комплексов, например, для учета материалов из пахотного горизонта (табл. 1–4). В ней предлагается использовать:

- пять основных разновидностей орнаментов (линейный, нанесенный палочкой; линейный, нанесенный «гребенкой»; два аналогичных вида волнистого орнамента и смешанный) и по отдельности все прочие типы;

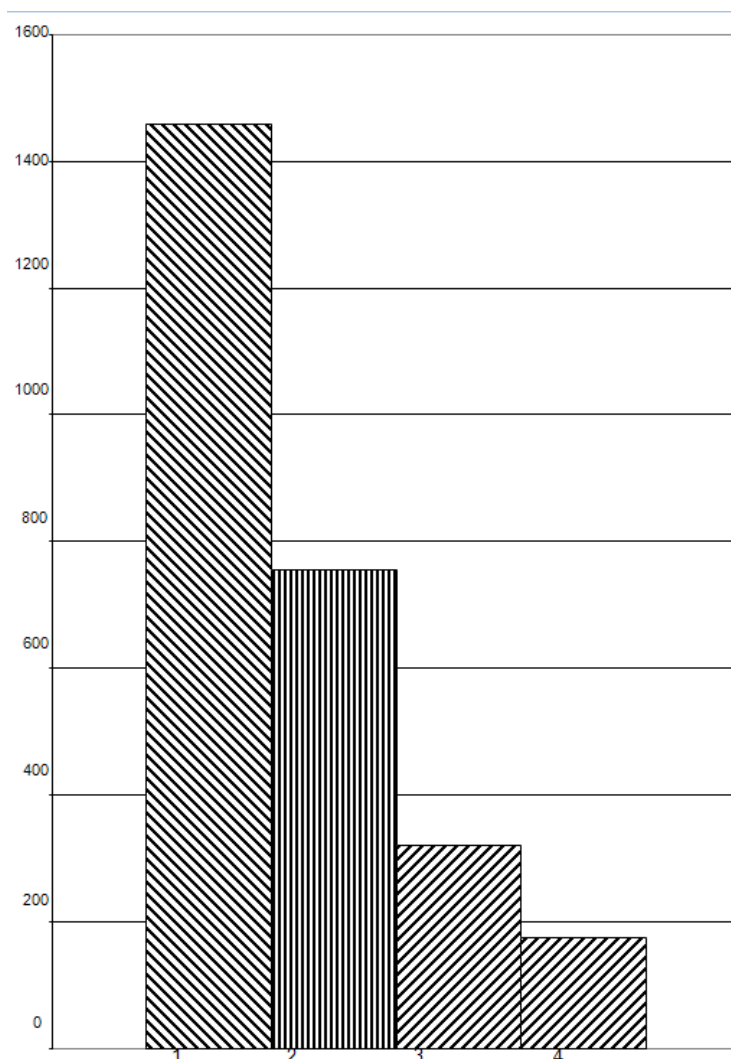
- суммарный учет близких типов днищ (например: тип 5/6 – донца с подсыпкой из песка, тип 7/8 – донца с подсыпкой из золы);

- объединение наиболее массовых условных групп керамики в несколько категорий. Но обосновать эти объединения можно только на основании анализа массового материала, проведенного по максимально подробным таблицам и на численно больших комплексах. В частности, таким комплексом является комплекс объекта 1.

Итак, весь рассматриваемый материал из объекта 1 на селище Жокино 1 составил 2708 единиц керамики, 777 г фрагментов печной обмазки, 58706 г железных и 7161 г керамических шлаков. Материалы из объектов, связанных стратиграфически с объектом 1, учитывались в статистических таблицах, но они крайне малочисленны, и поэтому не присоединены к материалам из хронологически соответствующих им слоев. Весь материал делится на четыре части соответственно четырем слоям, из которых он происходит. Наиболее ранний слой 4 имел очень малую мощность (до 8 см) и соотносился с коротким периодом, завершившимся сразу после прекращения существо-

вания средневековой постройки на месте объекта 1. Об этом свидетельствует его локальный характер (он встречен не по всей площади котлована постройки) и наличие в нем развалов сосудов, собравшихся не целиком. Это означает, что сосуды были разбиты вне котлована постройки, а уже потом крупными частями попали в его заполнение. Слои 2 и 3 (средней мощностью около 30–35 см) соотносятся с засыпкой ямы после прекращения существования в этом месте постройки. Слой 1, наибольшей мощности (до 50 см) связан с постепенным заполнением западины, образовавшейся на месте засыпанной ямы.

Шлаки, в изобилии встреченные в заполнении объекта 1, сравнительно малочисленны в слое 1 (рис. 1). Особенно мало в нем керамических шлаков. При максимальной мощности слоя 1 и максимальном количестве происходящей из него керамики в нем собрано всего 15 кг железных шлаков и 296 г шлаков керамических. Абсолютно иная ситуация в слоях 2 и 3, которые связываются с засыпкой котлована постройки. Здесь, при меньшем количестве обломков керамики и меньшей мощности слоев, собрано 21 кг (слой 2) и 17 кг (слой 3) железных шлаков, 3 кг (слой 2) и 2 кг (слой 3) керамических шлаков. Слой 4 содержал гораздо меньше шлаков (5 кг железных шлаков и почти 2 кг керамических), чем вышележащие слои, но он был и гораздо меньшим по мощности. Концентрация обломков керамики в нем также высока. Мощность слоя 4 настолько мала, что обнаруженные в нем железные и керамические шлаки могли быть просто втоптаны в него при засыпке котлована постройки. Еще одной его особенностью, пока не находящей объяснения, является высокий процент керамических шлаков в сравнении с железными. Общее количество шлаков говорит о производстве железа, которое, вероятно, располага-

Рис. 2. Количественное распределение керамического материала в слоях заполнения объекта 1
1 – слой 1 (1457 шт.); 2 – слой 2 (754 шт.); 3 – слой 3 (321 шт.); 4 – слой 4 (176 шт.)

лось где-то поблизости. Слои 2, 3 и 4 хронологически должны быть близки, но слои 2 и 3 являются перетолженным грунтом (со значительными материковыми включениями), взятым для засыпки котлована постройки где-то поблизости. Вероятно, именно этот, взятый неподалеку грунт, происходил из места, где производилась плавка железной руды.

Керамический материал распределялся по слоям следующим образом: в слое 1 обломки сосудов были наиболее многочисленны (рис. 2), в нижележащих слоях их количество последовательно снижалось. Но зато наивысшая концентрация обломков керамики была в слое 4.

Всего на основании описанных выше пяти признаков было выделено 45 условных групп керамики (за каждой был закреплен ее порядковый номер в статистической таблице). Две из них известные по другим комплексам, полностью отсутствовали в объекте 1. Однако наиболее многочисленными оказались только 15 из них. В каждой из прочих групп, если учитывать материал из четырех слоев целиком,

количество керамики не превышало процента. Количество материала в таких группах не позволяет четко выделить их характерные признаки (типы венчиков, днищ, орнаментов). А в указанных 15 сконцентрировалось 87% всего материала. Поэтому дальнейшая работа с материалом была сконцентрирована на этих 15 группах. Они были объединены в несколько категорий, что оказалось оправданным в силу близости датировок керамики всех объединяемых групп. Это значит, что во всех объединяемых группах должны совпадать типы венчиков, днищ, орнаментов и признаки, определяющие группу (дополнительная обработка поверхности, примеси, обжиг, вид глины). Но количество материала не позволяет применительно к каждой из 15 групп ограничивать набор характерных для нее типов венчиков, днищ и орнаментов. Наборы встречающихся в каждой группе типов при рассмотрении материалов из других комплексов могут оказаться существенно шире. На данном этапе можно говорить лишь о преобладании в ряде групп днищ с подсыпкой песка, либо наоборот – с подсыпкой

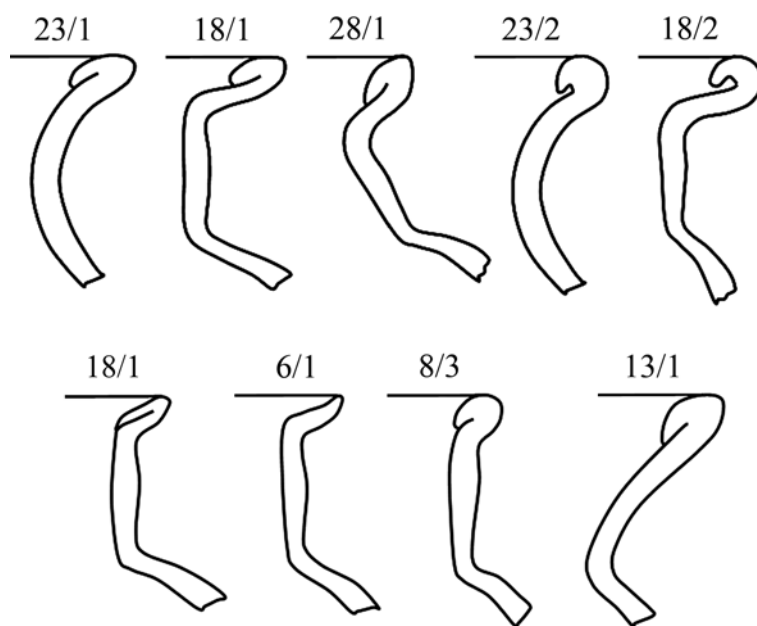

Рис. 3. Схематическое изображение типов венчиков

золы. Аналогично можно выделить наиболее распространенные типы венчиков и орнаментов для каждой группы.

При объединении групп в категории использовались следующие принципы.

1. В составе одной и той же категории не должны соединяться группы керамики, имеющие разные признаки дополнительной обработки поверхности. То есть в одной категории могут оказаться только ангобированные фрагменты, либо только лощеные, либо только поливные, либо только без следов дополнительной обработки поверхности.

2. В одной и той же категории допустимо объединять группы, обладающие одинаковым набором искусственных примесей. Единственным исключением оказалась малочисленная группа красноглиняной керамики без видимых искусственных примесей, которая по остальным признакам аналогична другим группам с искусственной примесью мелкого песка.

3. Группы с полярными степенями ожелезнения не могут быть объединены в одну категорию. То есть красноглиняная посуда может быть объединена только с керамикой из слабоожеженных глин, но не с белоглиняной. Для белоглиняной керамики действует аналогичный принцип. Керамика из слабоожеженных глин представлена достаточно многочисленными фрагментами сосудов, отличающимися и от белоглиняной, и от красноглиняной керамики. Совокупность отличительных признаков позволяет выделить ее в самостоятельную категорию.

4. Объединение групп с разными видами обжига, которые трудно различить по визуальным характеристикам (керамика полного окислительного обжига – с керамикой неполного окислительного и окислительно-восстановительного обжига). Керамика восстановительного обжига в комплексе объекта 1 оказалась

немногочисленной и не в одну категорию не вошла.

5. Все группы, попадающие в одну категорию, должны обладать одними и теми же доминирующими разновидностями подсыпки под донце сосуда, одними и теми же доминирующими типами орнамента, и доминирующими типами венчиков.

6. По возможности, все группы керамики, попадающие в одну категорию, должны иметь сходство по признаку присутствия естественной примеси слюды. Но этот признак, как наименее связанный с технологией производства керамики, при объединении групп в категории иногда мог игнорироваться.

В результате были выделены пять категорий керамики с тремя видами признаков – неизменными (обязательными для всех групп, входящих в категорию), доминирующими (присутствующими у большинства групп из данной категории) и оригинальными (встречающимися только в данной категории).

Категория А (группы 1, 2, 3, 5, 7)

Представляет собой наиболее многочисленную категорию керамики (1568 шт.), имеющую столь же многочисленные аналоги в материалах из раскопок городища Жокино и в комплексах из других синхронных памятников Михайловского поля.

Неизменные признаки: вся керамика категории А не имеет признаков дополнительной обработки поверхности (ангоб, лощение, обвар и т. д.). Вся керамика категории А не имеет искусственных примесей (соответствует керамике из формовочных масс типа 1 по В.Ю. Ковалю).

Доминирующие признаки: в формовочных массах чаще всего отсутствует примесь слюды в тесте, преобладает полный окислительный обжиг. Чаще всего это керамика из нежеженных глин (белоглиняная), но в эту категорию также вошли две группы

керамики слабоожеженной глины. Среди днищ преобладают образцы со следами зольной подсыпки, среди венчиков – типы 23/1, 28/1, 18/1, 23/2, 18/2 (рис. 3), среди орнаментов – линейный, нанесенный «гребенкой» (но присутствует и нанесенный палочкой; сравнительно редок волнистый орнамент, нанесенный «гребенкой»; встречается смешанный – линейный/волнистый – и прочие типы орнаментации).

Работа с материалами из раскопок городища Жокино 1959 г. показала, что в массовом материале иногда присутствуют экземпляры с очень разнообразной и вычурной орнаментацией, часто не укладывающиеся в используемую типологию. Они встречались в рамках двух групп керамики (№ 1 и 2).

Оригинальные признаки: только в этой категории встречены донца сосудов без следов подсыпки.

К этой категории относятся два развала горшков окислительного обжига, относившихся к группам 1 и 3, с венчиками типа 23/2, линейным орнаментом, нанесенным «гребенкой», донцами на зольной подсыпке.

Категория В (группы 6 и 8)

Средняя по численности категория керамики (306 шт.).

Неизменные признаки: вся керамика не имеет признаков дополнительной обработки поверхности (ангоб, лощение, обвар и т. д.); не имеет искусственных примесей (аналогично категории А); обладает следами неполного окислительного либо восстановительно-окислительного обжига; изготовлена из слабоожеженных глин.

Доминирующие признаки: у большинства образцов отсутствует примесь слюды в тесте, преобладает полный окислительный обжиг. Среди днищ присутствуют почти в равных долях образцы со следами песчаной и зольной подсыпки. Преобладающие типы венчиков – 23/1, 18/1, 23/2, 8/3 (рис. 3), в декоре – линейный орнамент, нанесенный «гребенкой» (но в значительной степени присутствует и нанесенный палочкой. Сравнительно редко встречается волнистый орнамент, нанесенный «гребенкой» и другие типы орнаментации. Смешанный – линейный и волнистый – орнамент в данной категории отсутствует).

Категория С (группы 14, 15, 19)

Средняя по численности категория керамики (164 шт.).

Неизменные признаки: вся керамика не имеет признаков дополнительной обработки поверхности (ангоб, лощение, обвар и т. д.); имеет искусственную примесь песка мелкой фракции – до 1 мм в диаметре (соответствует формовочной массе типа 2.1 по В.Ю. Ковалю); примесь слюды в керамическом тесте отсутствует.

Доминирующие признаки: неполный окислительный либо восстановительно-окислительный обжиг; чаще всего керамика изготовлена из нежеженной глины (белоглиняная); среди днищ преобладают образцы с песчаной подсыпкой; основные типы венчиков – 23/1, 18/1, 13/1, 23/2, 18/2 (рис. 3). В декоре

преобладает линейный орнамент, нанесенный «гребенкой» (но в значительной степени присутствует и нанесенный палочкой). Это единственная категория керамики, где соотношение линейного орнамента, нанесенного палочкой и нанесенного «гребенкой» достигает 1 : 5. Также относительно часто встречается волнистый орнамент, нанесенный «гребенкой». Другие типы орнамента редки.

Категория D (группы 12, 21, 23, 25)

Это средняя по численности категория керамики (282 шт.).

Неизменные признаки: вся керамика не имеет признаков дополнительной обработки поверхности (ангоб, лощение, обвар и т. д.); во всех группах этой категории присутствуют следы восстановительно-окислительного либо неполного окислительного обжига.

Доминирующие признаки: во всех группах, кроме одной, в керамическом тесте присутствует примесь мелкого песка – до 1 мм в диаметре (соответствует формовочной массе типа 2.1 по В.Ю. Ковалю); преобладает керамика из сильноожеженной глины (красноглиняная); среди донцев больше всего образцов со следами песчаной подсыпки. Основные типы венчиков – 28/1, 18/1, 8/2 (рис. 3). Доминирует линейный орнамент, нанесенный «гребенкой», но иногда присутствует и нанесенный палочкой. Очень редко встречается волнистый орнамент, в том числе в сочетании с линейным. Почти отсутствуют другие типы орнаментации.

Оригинальные признаки: Только в этой категории встречены венчики типа 6/1.

Категория Е (группа 37)

Малая по численности категория керамики (49 шт.), состоящая всего из одной группы.

Неизменные признаки: вся керамика не имеет признаков дополнительной обработки поверхности (ангоб, лощение, обвар и т. д.); обладает примесью песка крупной фракции – более 1 мм в диаметре (соответствует формовочной массе типа 2.2 по В.Ю. Ковалю); имеет следы восстановительно-окислительного либо неполного окислительного обжига; изготовлена из сильноожеженной глины (красноглиняная).

Доминирующие признаки: среди донцев преобладают образцы со следами песчаной подсыпки, среди венчиков – тип 23/1 (рис. 3). Присутствует только линейный орнамент, нанесенный «гребенкой». Почти отсутствует волнистый и другие типы орнамента.

Проделанная работа позволяет проследить динамику изменений не только для каждой группы керамики, но и для выделенных категорий, провести их сравнительный анализ. В целом отчетливо наблюдается постепенный рост количества неорнаментированных фрагментов от нижнего слоя к верхнему (рис. 4). Однако соотношение линейного и волнистого орнамента во всех слоях примерно одинаковое – волнистый орнамент везде составляет примерно двадцатую часть от всех орнаментированных фрагментов.

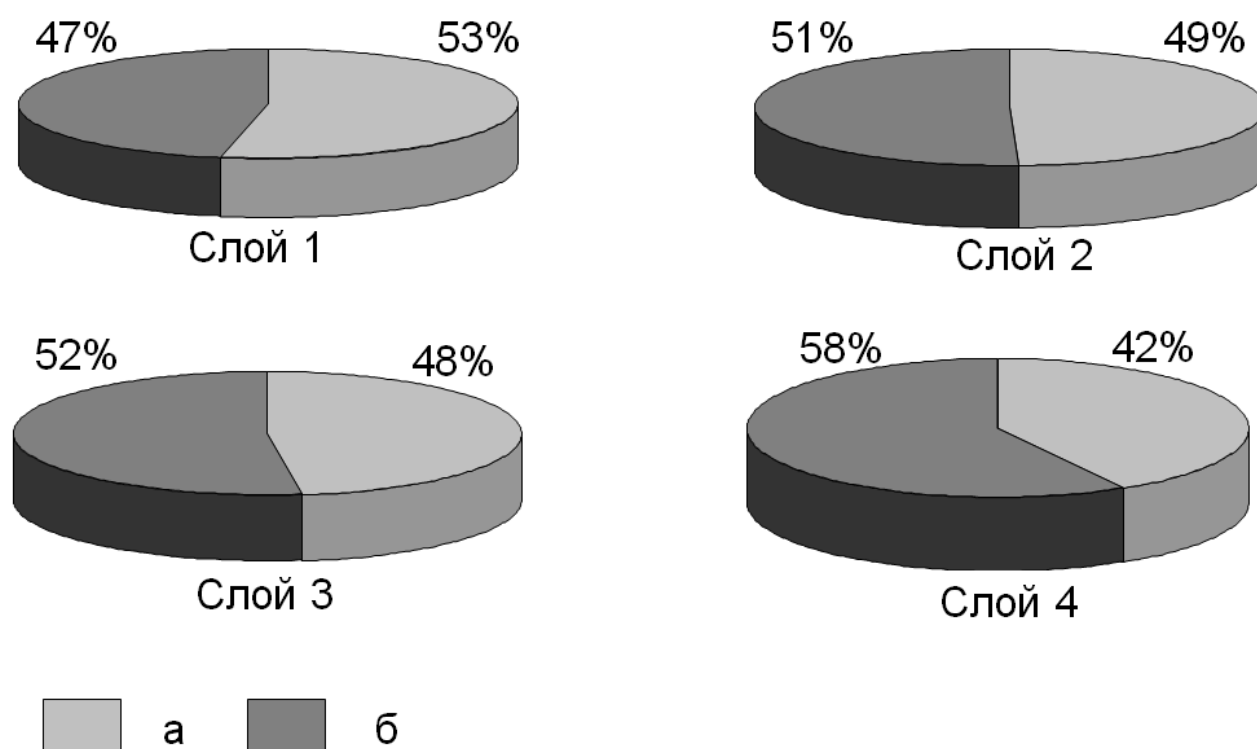

Рис. 4. Соотношение орнаментированных и неорнаментированных обломков в разных слоях объекта 1
а — неорнаментированные обломки; б — орнаментированные обломки

Исключение составляет слой 4, где он полностью отсутствует, но надо учитывать небольшое количество материала из этого слоя (176 фрагментов) (табл. 5).

Многие типы венчиков можно было бы условно подразделить на «более ранние» (типы 8/2, 8/3, 13/2, 13/3, 13/5, 18/2, 18/3, 23/2, 28/2, которые на синхронных памятниках относятся к XII–XIII вв.) и «более поздние» (типы 13/1, 18/1, 23/1, 28/1, 8/1, датируемые XIII–XIV вв.). Но их соотношение в разных слоях примерно одинаковое – с двойным преобладанием «более поздних». И снова слой 4 выделяется некоторым преобладанием «более ранних». Оба полных профиля сосудов, происходящих из слоя 4, обладали одним из этих типов (тип 28/2).

Коэффициент измельченности по каждому слою демонстрирует сильное дробление керамики в выше лежащих слоях и их относительно слабое измельчение в слое 4 (табл. 6). Средний коэффициент измельченности для слоя 4 в три раза превышает подобный показатель для слоя 1. Категории А и С обладают такой же динамикой, за исключением группы 5, образцы которой сильнее измельчены в нижних слоях и крупнее в слое 1. Группа 15 демонстрирует почти одинаковые показатели измельченности во всех слоях. Слои 1 и 2 имеют одинаковые показатели измельченности, что подтверждает данную для них одинаковую интерпретацию – слои засыпки. Это также подтверждает их хронологическую близость.

Совершенно иную динамику демонстрируют группы, вошедшие в категории В, D и Е. Здесь наименьшая измельченность обломков наблюдается в

слое 2. Группа 23 характеризуется малой измельченностью обломков в слое 1. Не исключено, что фактор измельченности позволяет приблизиться к формированию относительной хронологии различных групп керамики. Важно, что различия в динамике измельченности обломков совпадают с делением на категории.

Доля мелких (не участвовавших в статистике) фрагментов в общей массе тоже увеличивается от слоя 3 к слою 1. Только в слое 4 соотношение мелких к общей массе равно 1 : 10. Это может означать, что слой 4 формировался не только в момент, когда средневековая постройка прекратила существование. Не исключено, что он начал накапливаться на дне котлована еще в процессе использования постройки. Тогда часть керамики в нем могла быть сильно измельчена ногами людей, а крупные обломки попали в слой сразу после прекращения существования постройки, перед засыпкой ее котлована.

Изменения процентных долей количества образцов в каждой группе тоже имеют определенную динамику (табл. 7). Для групп 3, 15, 19, 37 отмечено постепенное сокращение их доли от более ранних слоев к более поздним. Обратная тенденция зафиксирована для групп 1, 2, 5, 7, 8, 14, 23. В категории А почти во всех группах наблюдается именно такая ситуация. Если говорить об измельченности обломков, то в группах 3 и 23 она возрастает от нижних слоев к верхним. Группы 6, 21, 25 в слое 2 достигают одновременно и максимального количества и минимального дробления. То есть отличия, прослеженные

Таблица 5. Процентное соотношение типов орнамента в слоях заполнения объекта 1 (в скобках указаны номера типов).

Слой	Орнамент (типы)			
	линейный	волнистый	линейный и волнистый	нестандартный
1	93 (1–5)	3 (12–15)	2 (4/13; 4/15)	1 (4/?; 8; 27; 60)
2	91 (1–5)	5 (12–15)	2 (4/13; 4/15)	2 (20; 26; 58; 2/15/56)
3	94 (1–5)	5 (14–15)	1 (4/13)	0
4	97 (1–5)	0	0	3 (11/2)

Таблица 6. Коэффициенты измельченности обломков керамики в наиболее многочисленных группах.

Слой	редн. коэфф.	Группы катег. А						Группы катег. В			Группы катег. С				Группы катег. D					Е
		1	2	3	5	7	среди. в катег.	6	8	среди. в катег.	14	15	19	среди. в катег.	12	21	23	25	среди. в катег.	
1	6,5	6,5	7	9,5	11	5	7	9	3	5	4,5	7,5	13	8	3	1	10	1	6	2
2	11	10	9	9	9	6	9,5	12,5	13,5	13	9	7	14	11	15	30	4	11	15	14
3	11	11	11	11	6,5	9	11	11,5	12,5	12		7	21	16	8			9	9	10
4	19		17	28		32	21	4,5		4,5	16,5			16,5			7		7	

Таблица 7. Количество обломков керамики в наиболее многочисленных группах (в последнем столбце указаны неучтенные обломки).

Слой	Всего, шт.	Группы катег. А						Группы катег. В			Группы катег. С				Группы катег. D					Е	Мелк. фр-ты, шт.
		1	2	3	5	7	%	6	8	%	14	15	19	%	12	21	23	25	%	37	
1	1457	37,5	11	5	2	4	60	4	6,5	11	2,5	1,5	2	6	1	1	5	2,5	10	1,5	194
2	754	25	6,5	13	1,5	0,5	47	8	6	14	1,5	2	3	6,5	1	3	1	9	15	2	41
3	321	30	6	20	0,5	1	57,5	7	4	11		2,5	4	6,5	1			5	6,5	2,5	9
4	176	32	8	63		1	86	3,5		3	1,5			1			1,5		1		17

в динамике измельченности в категориях D и F, в этих случаях дополняются отличиями в количественной динамике. Эти сочетания признаков могут иметь хронологическое значение.

В целом, исходя из данных статистики, можно предположить сравнительно быстрое формирование заполнения объекта 1. Несмотря на то, что между слоем 4 и слоем 1 есть определенная разница по многим показателям, их датировка вряд ли существенно отличается. Судя по вещевым находкам и аналогиям среди керамики, весь комплекс объекта 1 датируется в диапазоне XIII в. Развалы сосудов из слоя 4 по ряду признаков указывают на формирование этого слоя в первой половине XIII в. (рис. 5). Это и наличие исключительно линейного орнамента, и определенное

строение венчиков с характерным оформлением чернотого края (тип 23/2). Остальные материалы слоя 4 не противоречат этой датировке. Но при этом керамика слоя 1 также обладает преимущественно линейной орнаментацией, теми же наборами венчиков, теми же условными группами керамики, большинство которых встречается во всех слоях заполнения объекта. Верхние части слоя 1 были распаханы (они фиксировались как материалы из пахотного горизонта). Но сохранившаяся неповрежденная часть слоя 1, судя по орнаментации керамики и встречающимся в нем типам венчиков, формировалась во второй половине XIII в. Поэтому есть основания считать, что рассмотренный комплекс объекта 1 формировался в течение не более чем одного столетия.

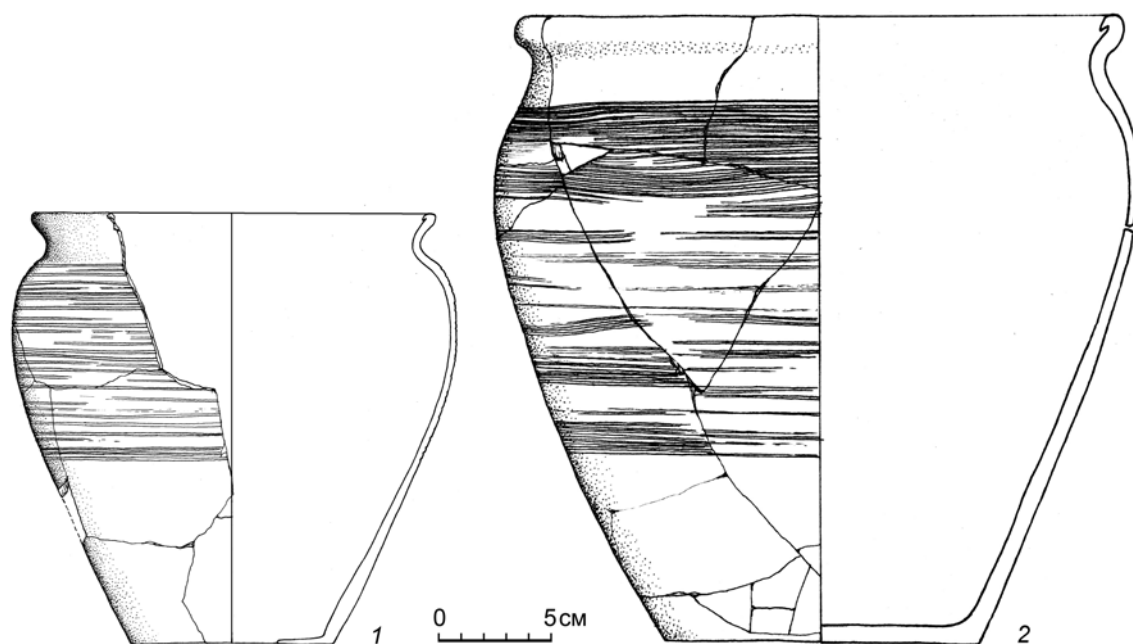

Рис. 5. Керамические полные профили из слоя 4 объекта 1
1 – группа 1 (1.КОО.БГК); 2 – группа 3 (1а.КОО.БГК)

Наблюдения за составом характерных признаков каждой группы, динамикой количественных изменений и коэффициентом измельченности в разных группах связаны с поиском хронологических различий в массовом керамическом материале. Выделение категорий керамики призвано сформировать более крупные хронологически единые массивы. В перспективе это должно существенно облегчить проведение

статистики. Материалы одного комплекса не достаточны для уверенного вычленения таких категорий. В дальнейшем необходима проверка объективности сделанных выводов. Расширение источниковой базы позволит не только более точно выделять хронологически близкие группы керамики (категории), но и позволит уточнить шкалу керамики региона Михайловского поля.

Литература

Горбунов Б.В., 1995. Михайловское поле // Рязанская энциклопедия. Т. 1. Рязань.

Русаков П.Е., 2005. Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля // Великое княжество Рязанское. М.

Журкин И., Зарубин В., Катогощин Б., 1961. Михайлов. Рязань.

Русаков П.Е., 2011. Исследования селища Жокино 1. Стратиграфия // АП. Вып. 7. М.

Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского // Тр. МИГМ. Вып. 9. М.

Коваль В.Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.

Коваль В.Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосквья. М.

P. Rusakov

Research of ceramics from settlement Zhokino

Summary

The article deals with methodical features of work with mass material in the region of Mikhailovskoye field in the region of Ryazan. Results of statistical analysis of

medieval buildings complex are published. Main result is revelation of 47 groups of ceramics, 15 of which classify in 5 categories. The results are analyzing now.

А.А. Полюлях

Комплекс позднесредневековой керамики XV–XVI веков городища Боровский курган: опыт формализованно-статистической обработки

На позднесредневековых поселениях в Окско-Клязьменском междуречье основным массовым археологическим материалом является керамика. Нередко, в условиях отсутствия датирующих находок, она становится главным и единственным хронологическим маркером памятника в пределах одного-двух веков. Таким маркером, в частности, является белоглиняная керамика, появление которой относится к началу XVI в., а период бытования длится до начала XX в. (Розенфельдт, 1968. С. 44, 45). Это позволяет датировать памятник как по ее отсутствию или наличию, соответственно, временем до или после XVI в. Но для периода бытования белоглиняной керамики узкие датировки затруднительны ввиду отсутствия классификационной шкалы по хронологическим периодам основных форм: горшков, кувшинов, мисок и сковородок. Работа Р.Л. Розенфельдта «Московское керамическое производство XII–XVIII вв.» (1968), на которую в основном ссылаются современные исследователи, имеет обзорный характер: наблюдения автора проводились, в основном, на материалах раскопок в Яузской гончарной слободе и в Зарядье в 1946–1964 гг., то есть в плотно застроенных частях города, где культурный слой на протяжении длительного времени подвергался активному антропогенному воздействию, и поэтому исключает точную датировку материала. Для создания датированной классификационной шкалы белоглиняной керамики необходимо рассмотрение материала памятников, существовавших в небольшой хронологический период.

В процессе анализа керамики исследователи в основном оперируют обломками венчиков, стенок, днищ сосудов, из которых лишь иногда удается восстановить полную форму или профиль. При этом наблюдается субъективный подход с использованием разнообразных методик качественно-статистической характеристики материала, что в итоге дает несопоставимые сравнительные данные комплексов. Общие принципы качественной характеристики и формализованно-статистической обработки керамики, были

разработаны и изложены в виде программы еще в начале 1990-х годов В.Ф. Генингом (1992). Эта программа позволяет получать объективно сопоставимые сравнительные данные для разных комплексов.

Для начала разработки датированной классификационной шкалы белоглиняной керамики по программе В.Ф. Генинга были рассмотрены имеющиеся небольшие выборки красноглиняной и белоглиняной керамики городища Боровский курган. В комплексе белоглиняной керамики этого памятника отмечены обломки двух групп: МБК-1, или «гжельская», с включениями в массу песка (иногда и дресвы) и МБК-2, или «коломенская»¹, отличительной особенностью которой является белая без каких-либо примесей масса, которая не меняет свой цвет и приобретает высокую плотность после обжига. Группа МБК-1, или «гжельская», как наиболее крупная, являлась основным предметом при изучении комплекса керамики городища Боровский курган.

Городище Боровский курган расположено на правом берегу р. Москвы, в 1,3 км к западу от сел Чулково и Михайловская слобода, на холме высотой около 64 м от уровня реки (рис. 1). Вершина холма имеет в плане почти овальную форму размером 60 х 49 м и площадью около 2308 кв. м. Впервые городище исследовалось В.А. Городцовым в 1922 г., когда были выявлены слой дьяковской культуры и средневековый слой XV в., а также обнаружена надгробная плита с датой «лета 7000» (1492 г.) (Городцов, 1924. С. 16). В 1920-х годах городище неоднократно осматривал и собирал подъемный материал Г.М. Коняшин (1940. С. 183).

В 1960–1961 гг. на городище Боровский курган Музей истории и реконструкции Москвы организовал археологические раскопки, которыми руководил А.Г. Векслер (1961; 1962). Культурный слой памятника исследовался четырьмя раскопами общей площадью 144 кв. м (6,2% от общей площади городища), заложенными по краям его площадки (рис. 2). Полученный

¹ Применяем терминологию и атрибуции В.Ю. Коваля (2001; 2005)..

Рис. 1. Местонахождение городища Боровский курган

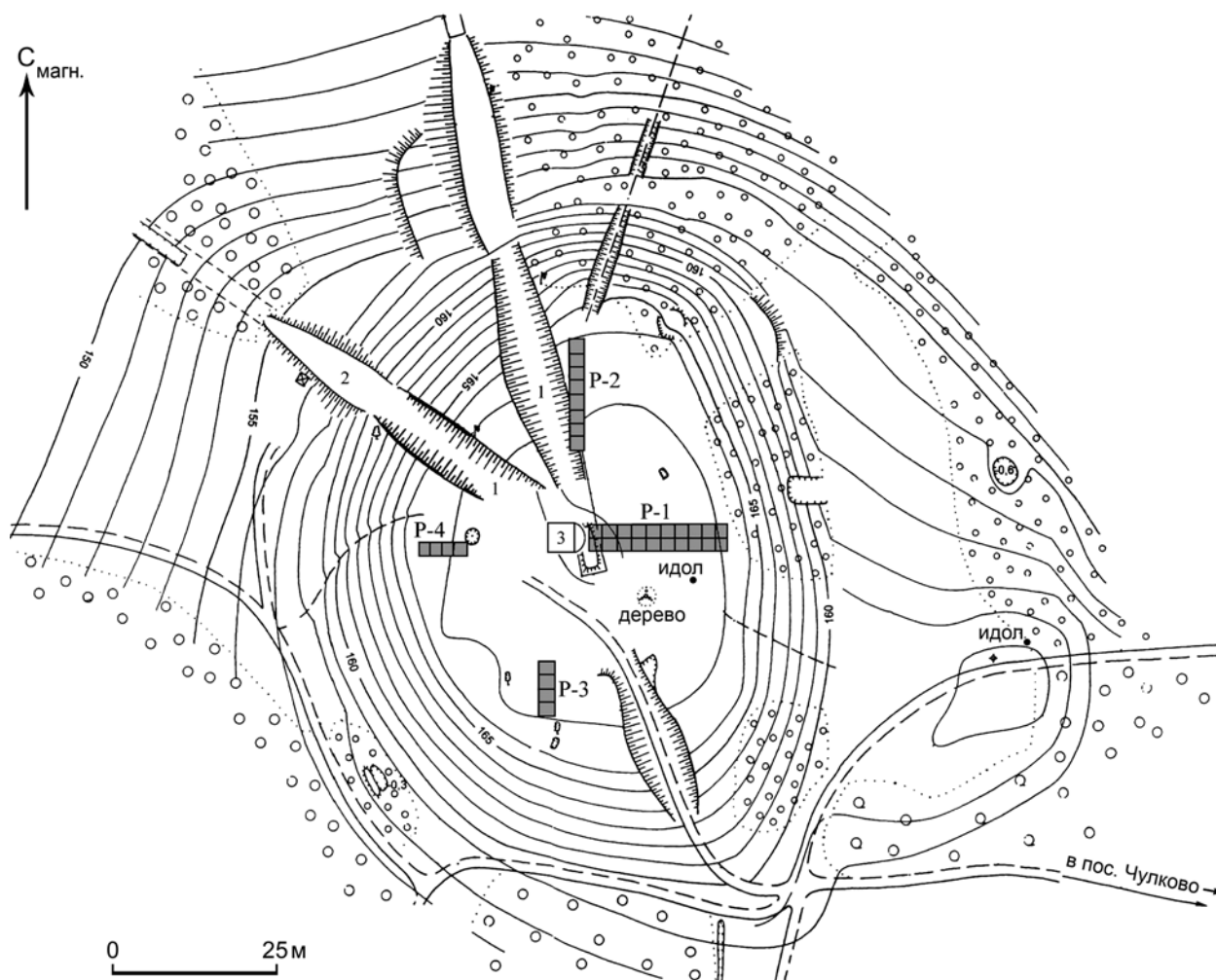

Рис. 2. План городища Боровский курган с расположением раскопов 1960–1961 гг. (по А.Г. Векслеру и Н.А. Кренке)

1 – выемки культурного слоя для устройства горнолыжного подъемника; 2 – просеянный отвал культурного слоя перемещенного при сооружении горнолыжного подъемника; 3 – предполагаемое местонахождение церкви

Таблица 1. Средняя поквadratная концентрация обломков керамики в раскопах.

Тип керамики		Раскоп 1 80 кв. м	Раскоп 2 32 кв. м	Раскоп 3 16 кв. м	Раскоп 4 16 кв. м
Красноглин. XVI–XVII вв.	Кол-во в раскопе	498	164	21	44
	Средн. поквadrat. концен- трация	6,2	5,1	1,3	2,7
Белоглинян. XV–XVI вв.	Кол-во в раскопе	1283	575	234	141
	Средн. поквadrat. концен- трация	16,0	18,0	14,7	9,4

материал включал коллекцию вещевых находок дьяковской культуры и средневекового периода (387 предметов), а также комплекс керамики из 24528 обломков.

В 2004 г. Боровское городище обследовалось Н.А. Кренке и А.О. Ладыченко (*Кренке, Лопатина, 2008. С. 367–392*). В северо-западном секторе площадки было просеяно около 25 куб. м культурного слоя, перемещенного при сооружении горнолыжного подъемника. Собранная коллекция находок включала предметы дьяковской культуры и средневековья, среди которых следует отметить два медных креста-энколпиона XV–XVI вв. Также был получен комплекс керамики из 1077 единиц, включающий лепную дьяковскую – 982 обломка (91,4%) и круговую средневековую – 95 обломков (9,6%).

В результате всех этих исследований было установлено, что на Боровском холме в период VI–V вв. до н.э. – V–VI вв. н.э. находилось городище дьяковской культуры, в XI–XIII в. – древнерусское селище. В XV–XVI вв. здесь стояла церковь и дворы причта, о чем сообщают Писцовые книги 1632 г.: «да по сказке старожильцев-крестьян села Яганова, изстари, как-то село было преж того за вотчинники и вотчинникова строения был храм села Яганова на земле по урочищем словет Городище, у Москвы-реки, и то церковное место и попов и церковных причетников дворы пусты, а владеют ими крестьяне села Яганова» (*Холмогоровы, 1892. С. 66*).

Каких-либо сведений о находившемся на Боровском холме в XV–XVI вв. Знаменском монастыре и о переносе его в Москву на улицу Варварку в начале XVII в., о чем упоминают писатель-краевед И.К. Кондратьев (2007. С. 230) и В.А. Городцов (1924. С. 16), в документах XVII в. нет. Ничего об этом не сообщают и другие исследователи Москвы и Московской губернии XVIII–XIX вв. (*Калайдович, 1823. С. 59–60; Фальк, 1824. С. 15; Снегирев, 1861. С. 16; Архимандрит Сергей, 1866. С. 103; Зверинский, 1892; Иванчин-Писарев, 1843. С. 11; Холмогоровы, 1892. С. 66*). Это ошибочное представление возникло, видимо, в связи с тем, что среди сел, деревень и земель, пожалованных в 1632 г. Знаменскому монастырю на ул. Варварке царем Михаилом Федоровичем, было и село Яганово с пустошами, в состав которых входил и Боровский курган (*Архимандрит Сергей, 1866. С. 103*).

Наиболее значимые исследования Боровского городища, проведенные в 1960–1961 гг., показали, что культурный слой раскопов 1–4 подвергался разнов-

ременным перекопам и находится в переотложенном состоянии. Это наглядно фиксируется и по пластовой (по 10 см) статистике керамики (см. *Прил. 1*). Средневековая белоглиняная и красноглиняная керамика отмечается во всех, в том числе и нижних, предматериковых, пластах, а более ранняя дьяковская – в верхних. К тому же два первых пласта в XIX–XX вв. подвергались активному антропогенному воздействию, о чем свидетельствуют многочисленные обломки стеклянной, фарфоровой и фаянсовой посуды, а также металлические предметы.

Все раскопы полностью или частично затронуты некрополем XV–XVI вв. Так, в западной половине раскопа 1 находились две могильные ямы с четырьмя костями. Еще восемь черепов и многочисленные кости из переотложенных захоронений были обнаружены в нижних пластах двух крайних западных квадратов. В центре раскопа находилась поздняя хозяйственная яма. Могильная и две столбовых ямы также зафиксированы в раскопе 2. В раскопах 3 и 4 на материке были расчищены костяки, а в заполнении культурного слоя отмечены многочисленные обломки белокаменных надгробных плит и человеческих костей.

Наличие захоронений во всех раскопах, а также находки около 200 человеческих костей из разрушенных погребений в северо-западном секторе площадки холма, между раскопами 2 и 4 (*Кренке, Лопатина, 2008. С. 374*), позволяет предположить, что некрополь занимал всю западную половину городища. Вряд ли это было возможно во время существования здесь церкви и дворов причта. По-видимому, захоронения на Боровском холме продолжали производиться жителями окрестных деревень еще какое-то время. Это подтверждают и сведения К.Ф. Калайдовича о том, что «в день Троицын, посвященный памяти почивших, стекается на курган множество окрестных жителей, и проводят время в ликованиях» (*Калайдович, 1823. С. 60*).

Местонахождение дворов причта в восточной части Боровского холма в некоторой степени подтверждается средней поквadratной (1 x 1 м) концентрацией обломков красноглиняной и белоглиняной керамики (табл. 1). Так, максимальное количество красноглиняной и белоглиняной керамики приходится на раскопы 1 и 2, то есть на северо-восточный сектор холма.

Сама церковь, с учетом расположения некрополя и дворов причта, находилась, по-видимому, в центре

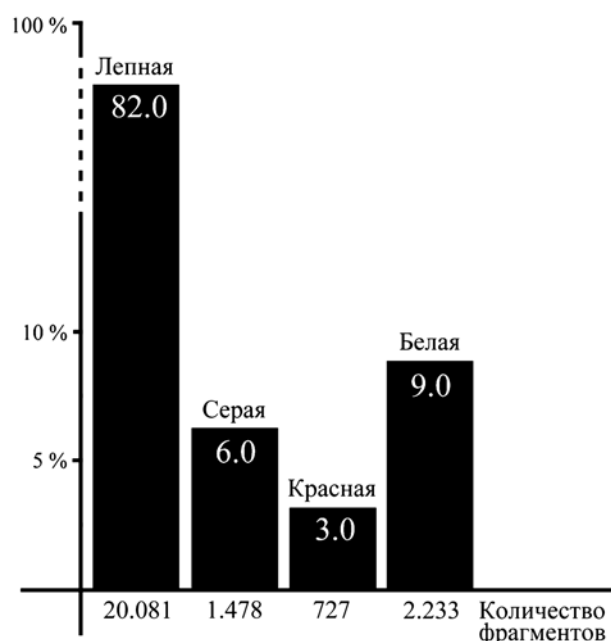

Рис. 3. Соотношение типов керамики городища Боровский курган

городища. С ее восточной, заалтарной, стороны по традиции начал складываться некрополь, часть погребений которого и были обнаружены в западной половине раскопа 1. Далее к востоку, в сторону дворов причта, захоронения не распространялись.

Общий массив керамики, полученный в ходе раскопок 1960–1961 гг., составил 24519 обломков и разделялся на два комплекса: 1) лепная, дьяковской культуры – 20081 шт. (82%) и 2) круговая, средневековая – 4438 шт. (18 %). Выборка производилась по пластам 10 см и для учета круговой средневековой керамики использовалась классификация М.Г. Рабиновича, основанная на цвете их поверхности (*Рабинович, 1949. С. 59–67; Векслер, 1961. С. 28–29*).

По классификации М.Г. Рабиновича второй комплекс круговой средневековой керамики включал три группы (рис. 3).

1. Серая или курганная XI–XIII вв. – 1478 (6%) обломков.

2. Красная XVI–XVII вв. – 727 (3%) шт.

3. Белая XV–XVI вв. – 2233 (9%) шт.

По итогам работ была отобрана и поступила в МИРМ выборка из 11769 обломков, или 48% от всего полученного в ходе раскопок материала, состоящая из 11223 единиц лепной и 546 единиц круговой средневековой керамики (299 экз. серой, 76 экз. красной и 171 экз. белоглиняной).

Предметом данного исследования является комплекс круговой средневековой керамики. Первичный просмотр этого комплекса показал, что он включает обломки красноглиняных горшков трех хронологических подгрупп: 1) XI – начала XII в., 2) второй половины XII – первой половины XIII в. и 3) конца XV – начала XVI в., а также обломки белоглиняных горшков, кувшинов и мисок XVI в. При этом следует отметить, что, несмотря на исследование разных

частей городища и наличие значительной выборки средневековой керамики в 4450 единиц, не обнаружено обломков характерных и широко распространенных на селищах Подмоскovie красноглиняных горшков второй половины XIII – XV в. Их отличает высокий, сильно профилированный и отогнутый наружу венчик, с округлым краем и валиком внутри. По тулову до нижней трети наносился декор из отдельных линий. По-видимому, в тот период территория Боровского городища находилась в запустении.

Несмотря на нестратифицированность средневековой керамики, она имеет определенную информационную значимость. В частности, интерес представляет красноглиняная и белоглиняная керамика, отложившаяся в культурном слое городища в сравнительно узкий хронологический период: XV–XVI вв.

Первая подгруппа красноглиняной керамики (конца XI – начала XII в.) представлена обломками горшков с высоким отогнутым наружу и слабо профилированным венчиком, имеющим, как правило, прямой обрез верхнего края со сплошным, либо зональным линейным (иногда волнистым) декором на две трети верхней части тулова (рис. 4, 1–10).

Вторая подгруппа красноглиняной керамики (второй половины XII – первой половины XIII в.), или так называемая курганная керамика, также состоит из обломков горшков с различной профилировкой венчиков и характерным плотным линейным и волнистым декором на тулове (рис. 4, 11–20).

Третья подгруппа красноглиняной керамики (второй половины XV – начала XVI в.) включает обломки красноглиняных и краснотеленных горшков, кувшинов-кружек и кувшинов (рис. 5, 1–12).

Обломки горшков этой подгруппы по ряду характерных признаков относятся к так называемой красноглиняной гладкой керамике (рис. 5, 1–3, 5–7). Они изготовлены из красной глины без примеси песка, дающей гладкую поверхность, и хорошо обожжены. Прямо поставленные венчики имеют резкую профилировку с горизонтальным плечиком. Верхний, подтреугольный в профиле, край венчика завернут внутрь и оформлен в виде валика с внутренней стороны; по перегибу плечика нанесены две тонкие линии декора. Эти обломки относятся к типу Д по И.А. Бойцову, время появления которого – начало XVI в. (*Бойцов, 1991. С. 37; Розенфельдт, 1968. С. 15*).

Наряду с этими венчиками отмечены и несколько иные образцы, относящиеся, по-видимому, к более раннему времени – второй половине XV в. (рис. 5, 4, 8, 9). Два из них аналогичны вышеописанным, но имеют широкий (5–6 мм) плоский верхний край и одну-две линии декора по линии перегиба плечика, нанесенные неглубоко и неровно, а также содержат крупнозернистый песок в тесте (рис. 5, 4, 8). Третий – обломок плечика с частью шейки венчика – аналогичен двум предыдущим, но декорирован линиями по всей поверхности, что позволяет отнести его к типу Г, характерному для второй половины XV в. (*Бойцов, 1991. С. 37*).

Кроме обломков горшков встречены два венчика, по-видимому, кувшинов-кружек, находки которых

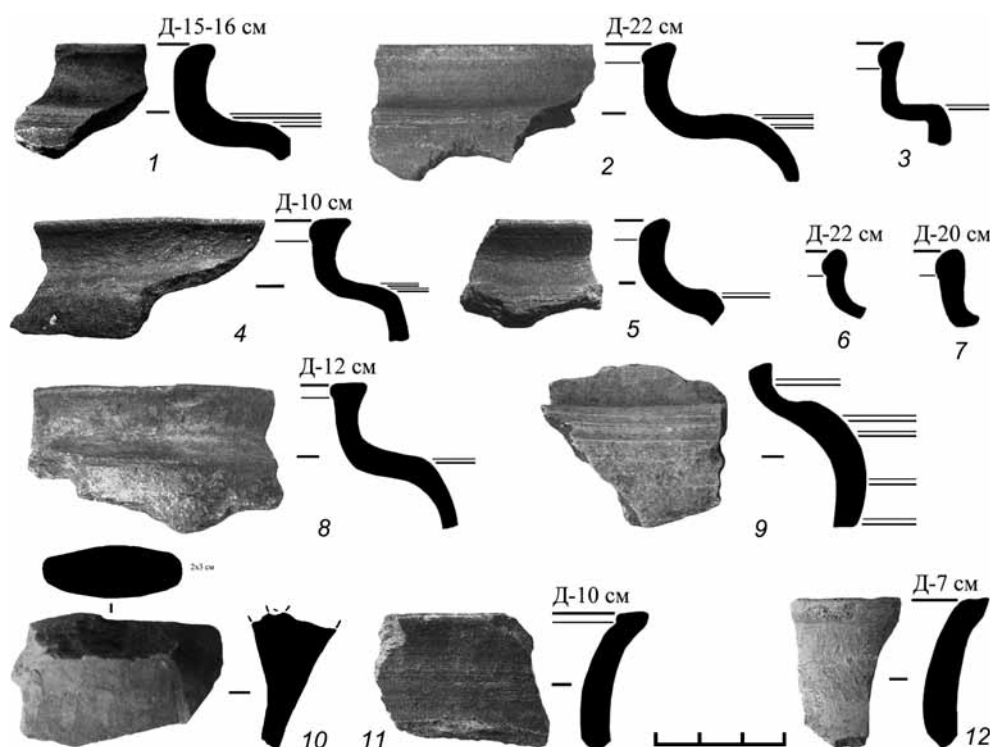

Рис. 4. Красноглиняная керамика кон. XI – 1-й пол. XIII в. городища Боровский курган (см. цв. вкл.)

1–10 – кон. XI – нач. XII в.; 11–20 – 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII в.

известны в Москве. Первый имеет невысокую горловину с поперечным рифлением (рис. 5, 11), характерную для ранних конических сосудов, датируемых XIV–XV вв. (Розенфельдт, 1968. С. 18). Верхний край венчика (Д = 10 см) уплощен и завернут внутрь. Второй обломок – от кувшина с невысокой горловиной, плавно переходящей к тулову со следами лощения (рис. 5, 12), видимо, относится к более поздним видам этих сосудов с раздутым в нижней части туловом, которые датируются второй половиной XV – началом XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 18). Верхний край венчика (Д = 7 см) заострен и почти горизонтально отогнут наружу.

К краснолощеному кувшину относится обломок ручки (рис. 5, 10), найденный при просеивании культурного слоя в северо-западном секторе площадки городища в 2004 г. (Кренке, Лопатина, 2008. С. 386. Рис. 15, 7). В Москве краснолощенные кувшины бытовали в XIV – начале XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 18), но, учитывая рассмотренный выше материал этой группы, датировку образца следует также отнести ко второй половине XV – началу XVI в.

Таким образом, наличие в культурном слое Боровского городища незначительного количества красноглиняной керамики второй половины XV – начала XVI в. свидетельствует о появлении здесь церкви и дворов причта, по-видимому, уже в последней четверти XV в. На это указывает и троекратно превышающая эту группу белоглиняная керамика (рис. 3).

Белоглиняная керамика

Белоглиняная керамика рассматриваемой группы МБК-1 представлена обломками горшков, кувшинов и мисок. По имеющимся фрагментам целые формы и полные профили сосудов восстановить не удалось.

Горшки. Выборка венчиков белоглиняных горшков составила 105 шт. (см. Прил. 2). Почти все белоглиняные горшки являлись кухонными: 91 (86,7%) венчик имеет след нагара по верхнему краю с внутренней стороны. В этом качестве использовались сосуды всех размеров.

Кухонные горшки имели конические крышки, по-видимому, с петлевидной ручкой (рис. 6, 19). На внутренней поверхности крышек отмечается сильная закопченность.

Анализ выборки венчиков белоглиняных горшков состоял из двух этапов.

Этап I. Качественная характеристика обломков, включавшая:

- 1) технологическую характеристику;
- 2) рассмотрение деталей форм, в частности, создание классификации форм венчиков;
- 3) характеристику декора.

Этап. II. Статистическая характеристика горшков по форме и абсолютным размерам.

Проследим работу по каждому этапу отдельно.

I. Качественная характеристика обломков.

I. 1. Технологическая характеристика.

Качественная характеристика предусматривает визуальное рассмотрение технологического процесса изготовления керамики, включая характер глиняной

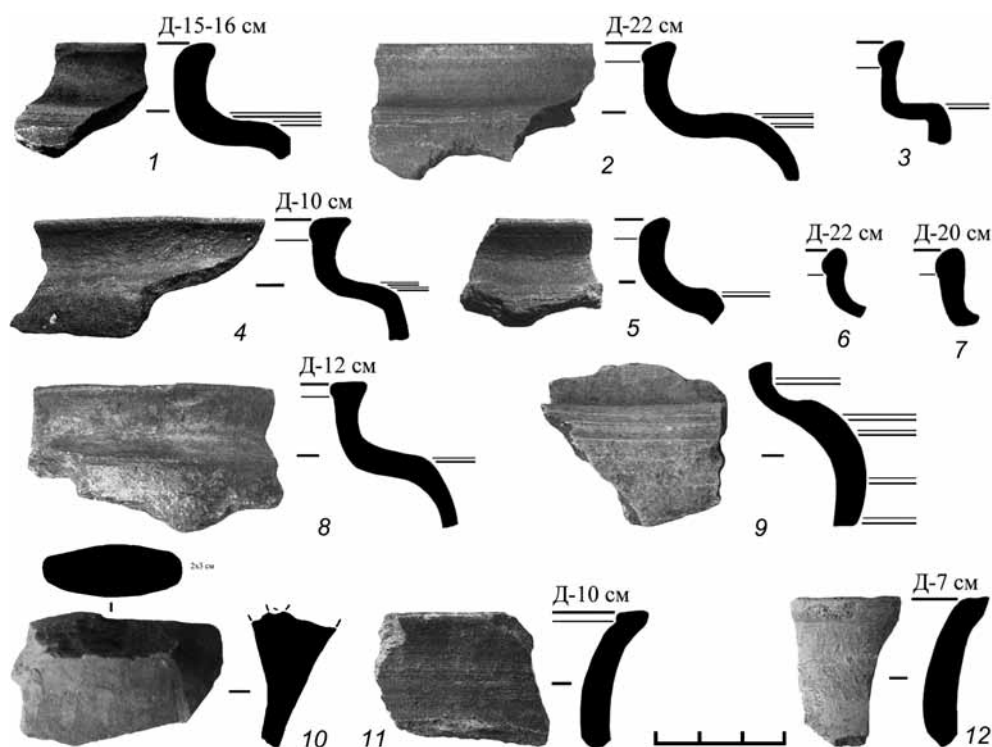

Рис. 5. Красноглиняная и краснолощенная керамика кон. XV – нач. XVI в. (см. цв. вкл.)

массы и наличие в ней примесей, способ формовки, обжиг.

Обломки белоглиняных горшков в выборке изготовлены из разных сортов светложущихся глин, получивших в результате обжига различные оттенки поверхности: от светло-серого, светло-желтого до светло-красного. В составе глиняной массы отмечены как мелкие примеси (МП) с размером частиц песка до 1 мм, так и крупные примеси (КП) с размером частиц песка от 1 до 2 мм.

Число обломков с крупными примесями (КП) не велико – 14%.

Все горшки были изготовлены на ручном гончарном круге, судя по днищам с подсыпкой песка, сформованы из лент с последующим заглаживанием поверхности и имеют удовлетворительный обжиг.

Качественная характеристика сосудов, предусматривающая рассмотрение деталей форм, в частности форм венчиков, является важным показателем специфичности комплекса.

I. 2. Рассмотрение деталей форм. Классификация форм венчиков.

Классификация форм венчиков белоглиняных горшков проводилась по методике В.Ю. Коваля, разработанной для керамики городища Ростиславля Рязанского. Согласно ей, в трех группах венчиков (вертикальные, отогнутые наружу и изогнутые с наклоном внутрь сосуда) выделены 45 классов, определенных взаимосочетанием девяти конструкций с пятью способами окончательной формовки «чернового» края (Коваль, 2004. С. 58–63).

При классификации венчиков использовалась вся их наличная выборка из 105 обломков. При этом в

каждой из групп выделены образцы разных классов, типов и их варианты (рис. 7). Количественно преобладали венчики первой группы – вертикальные – 54,2% (табл. 2). Отогнутые наружу и изогнутые венчики второй группы составляли 28,2%, а наклоненные внутрь сосуда венчики третьей группы – 17,6%.

В первой группе – вертикальных венчиков – выделены образцы классов 1, 3, 4 и 6 (табл. 3).

Класс 1 – венчики с «черновым» краем без деформации (1,2%).

По оформлению верхнего края выделен один тип венчиков: тип 1 – с заостренным верхним краем (1/1, а).

Класс 3 – венчики с заворотом «чернового» края внутрь (3,6%).

По оформлению верхнего края выделено два типа венчиков: тип 1 – с округлым верхним краем (3/1, а); тип 2 – с горизонтально уплощенным верхним краем (3/2, а, б).

Наряду с этими двумя типами отмечены венчики горшков МБК-2 типа 3 (с округлым верхним краем, завернутым вовнутрь и небольшим валиком на внутренней стороне) и типа 4 – с округлым верхним краем и валиком на внутренней стороне (Коваль, 2004. С. 60). Венчики этих типов МБК-2 имеют характерную вертикальную шейку, декорированную зоной тонких линий, переходящую иногда и на покатое плечико. По мнению Р.Л. Розенфельдта, горшки с такими венчиками изготавливались в Гжели и с конца XV в. появляются в Москве, а в XVI в. получают широкое распространение (Розенфельдт, 1968. С. 45). Их гжельское происхождение вызыва-

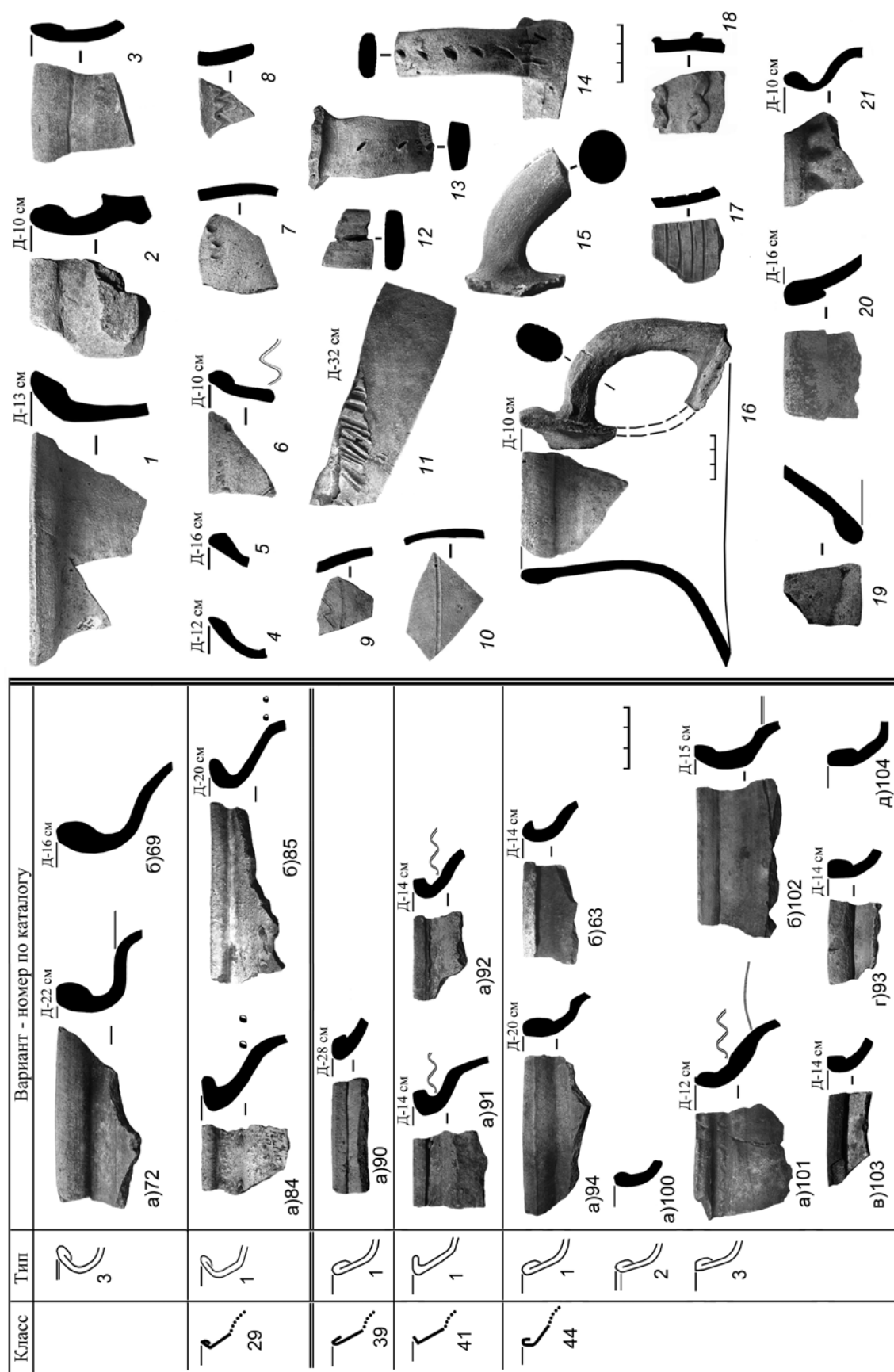

Рис. 6. Белоглиняная керамика

1–17 – кувшины; 19 – крышка от горшка; 20 – миска; 18, 21 – поздние сосуды

Таблица 2. Количественный состав венчиков горшков по классам и типам.
(Звездочкой отмечены типы венчиков группы МБК-2, которые в статистике не учитывались).

Группы венчиков	Класс / тип	Кол-во обломков		% по классам	% по группам
		по классам	по типам		
Вертикальные	1/1	1	1	1,2	
	3/1	3	1	3,6	
	3/2		2		
	3/3*	19	13		
	3/4*		6		
	4/1	40	22	47,1	
	4/2		5		
	4/3		12		
	4/4		1	47,1	
	6/1	2	1	2,3	54,2
	6/2		1		
	Отогнутые наружу и изогнутые	24/1	17	9	20,0
24/2		5			
24/3		3			
29/1		6	7	8,2	
Наклоненные внутрь сосуда	39/1	1	1	1,2	17,6
	41/1	2	2	2,3	
	44/1	12	6	14,1	
	44/2		1		
	44/3		5		
Всего		85		100%	100%

ет сомнения в связи с нехарактерной формовочной массой, хотя схожие по форме и декору венчики, но из иной по фактуре и цвету массы, были найдены при раскопках Гжелского селища в 1986 г.² (Векслер, 1986. Табл. 8, 5; 10, 1, 2). Найденные обломки относятся к 19 сосудам, из которых только два не имели следов нагара с внутренней стороны венчиков и не являлись кухонными.

Класс 4 – венчики с заворотом «чернового» края наружу в виде округлого или уплощенного валика (47,1%). По оформлению верхнего края выделено четыре типа венчиков: тип 1 – с округлым верхним краем (4/1, а, б, в, г, д, е, ж); тип 2 – с заостренным верхним краем (4/2, а, б, в); тип 3 – с наклонно уплощенным внутрь верхним краем (4/3, а, б, в); тип 4 – с горизонтально уплощенным верхним краем (4/4, а).

Класс 6 – венчики с отогнутым наружу без деформации «черновым» краем (2,3%).

По оформлению верхнего края выделено два типа венчиков: тип 1 – с отгибом верхнего края (6/1, а); тип 2 – с горизонтальным отгибом верхнего края (6/2, а).

Во второй группе – отогнутых наружу и изогнутых венчиков, выделены обломки классов 24 и 29 (табл. 3).

Класс 24 – венчики с заворотом «чернового» края наружу в виде округлого (иногда уплощенного) валика (20%).

По оформлению верхнего края выделено три типа венчиков: тип 1 – с округлым верхним краем (24/1, а, б); тип 2 – с заостренным верхним краем (24/2, а, б, в); тип 3 – с уплощенным и скошенным вовнутрь верхним краем (24/3, а, б).

Класс 29 – венчики с заворотом «чернового» края наружу в виде округлого (иногда уплощенного) валика (8,2%).

По оформлению верхнего края выделен один тип венчика: с округлым верхним краем (29/1, а, б).

² По мнению В.Ю. Ковалев (2005) генезис такой керамики происходил в коломенском регионе, а появление необычных форм венчиков в Гжели связано с распространением этой керамики во второй половине XVI и XVII в.

Таблица 3. Классификация венчиков белоглиняных горшков.

Формы венчиков	Конструкции венчиков			Способы формовки «чернового» края/Классы венчиков					%
				Край без деформации	Срезанный край	Заворот внутрь	Заворот наружу	Заворот внутрь и наружу	
Вертикальные венчики	I		устье	1	2	3	4	5	54,2
	II		устье + шейка вертикальная	6	7	8	9	10	
Отогнутые наружу и изогнутые венчики	III		устье	11	12	13	14	15	28,2
	IV		устье + шейка вертикальная	16	17	18	19	20	
	V		устье + шейка изогнутая	21	22	23	24	25	
	VI		устье + шейка, наклоненная внутрь сосуда	26	27	28	29	30	
	VII		устье + шейка, отогнутая наружу	31	32	33	34	35	
Наклоненные внутрь сосуда венчики	VIII		устье	36	37	38	39	40	17,6
	IX		устье + шейка, наклоненная внутрь сосуда	41	42	43	44	45	

В третьей группе – наклоненных внутрь сосуда венчиков – выделены обломки классов 39, 41 и 44 (табл. 3).

Класс 39 – венчики с заворотом «чернового» края наружу в виде округлого (иногда уплощенного) валика (1,2%).

По оформлению верхнего края выделен один тип венчика: с округлым верхним краем (39/1, а).

Класс 41 – венчики с «черновым» краем без деформации (2,3%).

По оформлению верхнего края выделен один тип венчика: с уплощенным и завернутым наружу верхним краем (41/1, а, б).

Класс 44 – венчики с заворотом «чернового» края наружу в виде округлого (иногда уплощенного) валика (14,1%).

По оформлению верхнего края выделено три типа венчиков: тип 1 – с округлым верхним краем (44/1, а, б); тип 2 – с заостренным верхним краем (44/2, а); тип 3 – с уплощенным верхним краем (44/3, а, б, в, г, д).

Датировать тот или иной класс и тип венчиков горшков в условиях переотложенности культурного слоя Боровского городища не представляется возможным. Предположительно к наиболее ранним формам горшков конца XV – начала XVI в. можно отнести отдельные венчики, наименее представленные в каждой из групп и отличающиеся архаичной морфологией. Так, в первой группе (вертикальных венчиков) это типы 1/1, 3/1 и 3/2, 6/1 и 6/2. Во второй – отогнутых наружу и изогнутых венчиков – это тип 29/1, и в третьей – наклоненных внутрь сосуда венчиков – типы 39/1 и 41/1.

Но для более точной датировки представленных выше классов и типов необходимо провести их со-

поставление с аналогичной керамикой из закрытых и условно-закрытых комплексов других памятников, как, например, городище Ростиславль Рязанский (Коваль, 2004), музей-усадьба «Коломенское» (Беляев, 1991. С. 43–48) и памятников, существовавших непродолжительное время, как селище у Воскресенского погоста, Михайловское-2, Ларино, Лешково-7, у часовни Великомученика Никиты, в Копнинском лесу-3 (Чернов, 1991. С. 50–58).

1. 3. Характеристика декора.

Качественная характеристика декорирования горшков выполнена по четырем группам признаков (Генинг, 1992. С. 83–89):

- отдельным элементам декора;
- технике выполнения;
- степени декорирования;
- насыщенность декора на сосуде.

Из 105 обломков венчиков белоглиняных горшков декор имели 17.

Данные первичного учета для расчета показателей, а также для характеристики декорирования горшков по группам и классам с учетом элементов декора и места их нанесения, сведены в таблицу 4.

1. Показатель элементов декора (Д I-1, 2, 3...n) представляет собой отношение количества сосудов с каждым элементом к сумме всех декорированных сосудов, умноженное на 100%.

Показатель Д I-1 (волна) равен 52,9%.

Показатель Д I-2 (линии) равен 23,5%.

Показатель Д I-3 (точки-ямки) равен 23,5%.

2. Показатель техники декорирования (Д II-1, 2, 3...n) – отношение количества сосудов с применением данного технического приема к сумме всех декорированных сосудов, умноженное на 100%.

Таблица 4. Количественное соотношение элементов декора и мест их нанесения по группам и классам венчиков горшков.

Элемент декора и место нанесения	Группы и классы венчиков									Всего
	Вертикальные				Отогнутые наружу и изогнутые		Наклоненные внутрь сосуда			
	1	3	4	6	24	29	39	41	44	
Волна по шейке	—	—	4	—	1	—	—	2	—	7
Волна по плечу	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Волна по шейке и плечу	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Линии по плечу	—	1	—	—	2	—	—	—	1	4
Точки-ямки у основания шейки	—	—	1	—	1	2	—	—	—	4
Всего	—	1	5	—	5	2	—	2	2	17

Показатель Д II-1 (прочерчивание) равен 76,5%.

Показатель Д II-2 (ямочные наколы) равен 23,5%.

3. Показатель степени декорированности (Д III-1, 2, 3...n) отдельных частей формы представляет собой отношение количества сосудов с декором на соответствующей части к сумме всех декорированных сосудов, умноженное на 100%.

Показатель Д III-1 (шейка венчика) равен 41,2%.

Показатель Д III-2 (основание шейки венчика) равен 23,5%.

Показатель Д III-3 (плечико сосуда) равен 29,4%.

Показатель Д III-4 (шейка венчика и плечико) равен 5,9%.

Индекс абсолютной декорированности (ДША) – отношение среднеарифметического декорированности по отдельным частям сосуда к числу этих частей, равен 25%.

4. Показатель насыщенности декора (Д IV), характеризующий выборку в целом по насыщенности декора отдельными элементами на сосуде, определяется отношением количества элементов к числу всех декорированных сосудов, то есть $3/17 = 0,18$.

Данные таблицы 4 позволяют установить три устойчивых сочетания в декорировании белоглиняных горшков: волна, нанесенная по шейке венчика (7 экз.), линии по плечу и точки-ямки у основания шейки (по 4 экз.). Изредка встречается волна по плечу и сочетание волны по шейке и по плечу (рис. 7, 44/3, 101).

Наибольшее число образцов с декором отмечается в группе отогнутых наружу и изогнутых венчиков – семь единиц, из которых пять относятся к классу 24. В этом классе горшки декорировались всеми элементами.

В группе вертикальных венчиков декорированных обломков – шесть единиц, из которых пять относятся к классу 4. Это в основном обломки с нанесением волны по шейке.

В целом, следует отметить упрощенные приемы декорирования белоглиняных горшков простыми

элементами с нанесением их только в верхней части формы: по шейке венчика и на плечу. Отсутствуют архаичные приемы декорирования с нанесением нескольких линий по тулову и сочетания волны и линий по плечу.

II. Статистическая характеристика горшков по форме и абсолютным размерам была проведена по «Программе формализованно-статистической обработки керамики» (далее – «Программа») В.Ф. Генинга (1992. С. 45–89). Для этого из общей выборки венчиков горшков были выделены 17 обломков (16%), имевших профиль до уровня максимального диаметра формы. По формуле А.А. Бобринского для них была рассчитана высота сосуда (Бобринский, 1959. С. 230).

«Программа» предусматривает выполнение ряда операций.

1. Определение параметров абсолютных размеров (P1–P8) каждого сосуда, вычисление указателей формы (УФ ФА–ФЖ) и величины объема (V2, для верхней части сосудов до максимального диаметра тулова);

2. Суммарная статистическая характеристика выборки:

– по вариационному размаху каждого параметра (P1–P8) и величине объема (V2);

– по вариационному размаху каждого указателя формы (УФ ФА–ФЖ);

– по показателю о среднем арифметическом и среднем квадратическом отклонениях.

3. Стандартная классификация и типология горшков по указателям формы (УФ).

4. Выделение больших (конечных) типов-классов.

1. Определение параметров абсолютных размеров (P1–P8) каждого сосуда, вычисление указателей формы (УФ ФА–ФЖ) и величины объема (V2, для верхней части сосудов до максимального диаметра тулова).

В качестве параметров, определяющих форму горшка, приняты следующие (P1–P8): P1 – диаметр венчика, P2 – диаметр основания шейки, P3 – диаметр

Таблица 5. Количественное, процентное соотношение и распределение по интервальным группам абсолютных величин указателей формы (УФ). (ОМ – очень малая; М – малая; СР – средняя; Б – большая.)

Указатели формы	Величина указателя (кол-во сосудов, %)			
	ОМ	М	СР	Б
ФА	2 11,8%	14 82,3%	1 5,9%	–
ФБ	17 100%	–	–	–
ФВ	17 100%	–	–	–
ФГ	3 17,6%	5 29,4%	6 35,3%	3 17,6%
ФД	1 5,9%	11 64,7%	4 23,5%	1 5,9%
ФЕ	17 100%	–	–	–
ФЖ	3 17,6%	11 64,7%	3 17,6%	–

тулова, Р4 – диаметр дна, Р5 – высота сосуда, Р6 – высота шейки, Р7 – высота плечика, Р8 – высота придонной части. Их числовые значения занесены в соответствующие колонки *Приложения 3*.

На основе числовых значений параметров абсолютных размеров (Р1–Р8) для последующей типологии и классификации форм горшков были получены относительные величины, отражающие различия в конфигурации и пропорции каждого сосуда. Ими являются указатели форм (УФ) – соотношения отдельных параметров сосудов (Р1–Р8).

Для верхней части сосуда вводятся следующие обозначения:

ФА – пропорция шейки венчика, определяет высоту шейки по отношению к ее диаметру; формула – $(Р6 / Р2)$;

ФБ – угол наклона шейки венчика, определяет степень отогнутости шейки; формула – $(Р1-Р2 / 2Р6)$;

ФВ – пропорция плечика, определяет высоту плечика по отношению к максимальному диаметру тулова; формула – $(Р7 / Р3)$;

ФГ – угол крутизны плечика, определяет степень профилированности верхней части тулова сосуда; формула – $(Р3-Р2) / 2Р7$.

Для нижней части сосуда:

ФД – общая пропорция сосуда, характеризует его в целом, исходя из отношения высоты к максимальному диаметру тулова; формула – $(Р5 / Р3)$;

ФЕ – высота плечика, определяет отношение высоты верхней части тулова (венчик + плечико) к общей высоте сосуда; формула – $(Р6+Р7 / Р5)$;

ФЖ – общая конфигурация (пропорция) верхней части сосуда; формула – $(2 Р3-Р1-Р2) / 4 (Р6+Р7)$;

ФИ – общая конфигурация придонной части сосуда; формула – $(Р3-Р4) / 2Р8$.

Для суммарной характеристики выборки венчиков горшков вычислялись значения УФ в абсолют-

ных величинах (приложение 4). Для проведения стандартной классификации и типологии необходимы значения УФ в относительных (шкалированных) величинах, когда все они становятся сопоставимы в пределах единой шкалы от 0 до 1,0 (см. *Прил. 5*).

В виду отсутствия параметра Р4 (диаметр дна), не был получен указатель ФИ, и характеристика выборки венчиков горшков производилась по предусмотренной «Программой» сокращенному виду: только по указателям верхней части формы – УФ А, Б, В, Г (УФ А–Г). Несмотря на это, значения остальных немаловажных указателей нижней части сосуда ФД, ФЕ, ФЖ были вычислены для суммарной характеристики выборки, но не использовались в стандартной классификации и типологии.

Полученные величины указателей формы аналогичны данным основных параметров сосудов (Р1–Р8) и, в основном, находятся в пределах двух первых интервальных групп: очень малой (ОМ) и малой (М) (табл. 5). Только величина указателя ФГ (угол крутизны плечика) имеет небольшое преобладание в средней (СР) группе.

2. Суммарная статистическая характеристика выборки:

– по вариационному размаху каждого параметра (Р1–Р8) и величине объема (V2);

– по вариационному размаху каждого указателя формы (УФ ФА–ФЖ);

– по показателям среднего арифметического и среднего квадратического отклонений.

Для последующего сравнительного анализа коллекций разных памятников могут быть использованы наиболее простые (первичные) характеристики-показатели сосудов: абсолютные размеры (Р1–Р8) и указатели форм (УФ ФА–ФЖ). Обобщенным выражением того или иного показателя является его среднее арифметическое значение. Степень разнообразия состав-

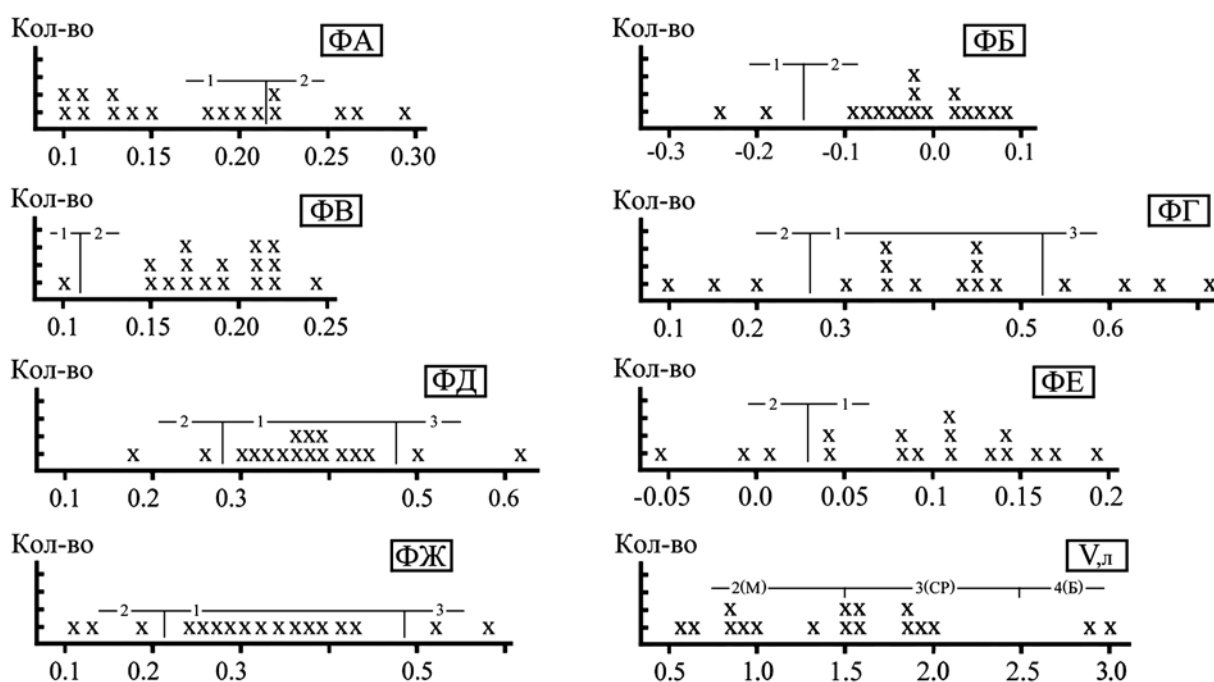

Рис. 8. Полигоны частот распределения типов указателей формы (УФ) с выделенными микроинтервалами горшков МБК-1

ляющих его величин показывает вариационный размах – разность между наибольшей и наименьшей величиной. Так как вариационный размах зависит от крайних величин, которые нередко могут быть случайными, следует использовать среднее квадратическое отклонение, показывающее насколько сильно колеблется (рассеян) признак вокруг своего среднеарифметического значения.

3. Стандартная классификация и типология горшков по указателям формы (УФ).

Стандартная классификация горшков выполнена в пределах постоянной пятиинтервальной системы по указателям формы деталей горшков (УФ – А–Г и Д–Ж) и представляет собой разбивку (объединение) исходных данных УФ на постоянные интервальные группы в пределах общей шкалы величины горшков – от 0,0 до 1,0 с выделением пяти стандартных интервалов – классов величиной 0,2 каждый: 1-й – 0,00–0,20, 2-й – 0,21–0,40, 3-й – 0,41–0,60, 4-й – 0,61–0,80 и 5-й – 0,81–1,00. При выборке, состоящей из обломков, стандартная классификация проводилась только по УФ-А–Г (детали верхней части сосуда).

По полученным данным (см. Прил. 6) для каждого сосуда, по номеру каждого класса выведен четырехзначный код УФ-А–Г (код КЧ – код части – Прил. 7, колонка 3).

Типология – разделение выборки на дискретные типы на основании распределения полигонов частот каждого указателя так же, как и при стандартной классификации в пределах общей шкалы величины горшков, – от 0,0 до 1,0 с выделением пяти интервалов. Выделение интервалов производится от значения вершины распределения каждого полигона УФ (значение УФ более 0,08). Данная выборка позволила

выделить по 2–3 микроинтервала по тому или иному УФ (рис. 8).

Так же, как и при стандартной классификации, по полученным данным (Прил. 8) для каждого сосуда по номеру каждого класса выведен четырехзначный код УФ-А–Г (код КЧ – код части – Прил. 7, колонка 5).

Четырехзначные коды стандартной классификации и типологии УФ позволят в дальнейшем производить сравнительные анализы нескольких комплексов в формальном варианте.

4. Выделение больших (конечных) типов-классов.

Эта операция выполнена на основе полигонного распределения взаимовстречаемости двух пар УФ каждого сосуда в двух системах: УФ-А–Г и УФ-Д–И (рис. 9). Для системы УФ-А–Г на полигонах 1 и 2 нанесены значения УФ верхней части сосуда – ФА–ФВ (сочетание пропорций шейки и плечика) и ФВ–ФГ (сочетание пропорций плечика и угла его крутизны). Для системы УФ-Д–И на полигонах 3 и 4 нанесены значения УФ ФЕ–ФЖ (сочетание высоты плечика с общей конфигурацией верхней части формы) и ФД–ФЖ (сочетание общей пропорции сосуда с конфигурацией его верхней части).

Выделенные группы-типы в каждой системе УФ обозначались на полигонах цифрами и буквами. Результаты группировки последовательно с каждого полигона заносились в матрицы нумерации сосудов УФ-А–Г и УФ-Д–И, являющиеся фиксацией типа каждого сосуда (см. Прил. 9) и затем группировались по большим типам (см. Прил. 10).

Окончательное выделение основных типов (классов), соединяющих в единой характеристике указатели форм сосудов двух систем УФ-А–Г и УФ-Д–И, производилась на матрице корреляции больших типов (табл. 6).

Таблица 6. Основные типы горшков МБК-1.

УФ-А-Г УФ-Д-И	1А	3А	1Б	2Б	1В
1А	6, 7, 12, 14, 15	9, 10, 16		3, 4, 8	
3А	2, 13				
2Б					1, 5, 17
3В			11		

По количественному соотношению выделены три типа горшков: 1-й тип – 10 сосудов (№ 2, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16), 2-й тип – 3 сосуда (№ 3, 4, 8) и 3-й тип – 3 сосуда (№ 1, 5, 17). Ни с одним из типов не соотносится сосуд № 11, самый большой в выборке и отличающийся от остальных наибольшим диаметром тулова ($P3=26$ см) в сочетании с наибольшей высотой ($P5=22$ см).

Предварительно, в качестве примера, можно провести сравнительное сопоставление по основным параметрам абсолютных размеров трех групп обломков горшков из комплекса средневековой керамики Боровского городища.

Группа 1 (К). Красноглиняные горшки второй половины XV – начала XVI в. (Прил. 12), относятся к группе мелкоразмерных сосудов с очень малой высотой ($P5$ среднее – 14,0 см) и малым диаметром тулова ($P3$ среднее – 15,0 см), с малой по высоте шейкой венчика ($P6$ среднее – 1,46 см) и очень малой высотой плечика ($P7$ среднее – 2,07 см). Соответственно, 71,4%, или основная часть горшков, по объему верхней части ($V2$) относятся к малой интервальной группе (от 0,5 до 1,5 литра) и 14,3% – к очень малой интервальной группе (до 0,5 литра), и только 14,3% – к средней интервальной группе (от 1,5 до 2,5 литра).

Группа 2 (Б). Белоглиняные горшки МБК-1 конца XV–XVI вв. (приложение 3), относятся к группе мелкоразмерных сосудов с малой высотой ($P5$ среднее – 16,2 см) и малым диаметром тулова ($P3$ среднее – 18,8 см), с малой по высоте шейкой венчика ($P6$

среднее – 1,9 см) и очень малой высотой плечика ($P7$ среднее – 2,5 см).

Соответственно, 52,9% из них по объему верхней части ($V2$) относятся к малой интервальной группе (от 0,5 до 1,5 литра), 35,3% – к средней интервальной группе (от 1,5 до 2,5 литра) и 11,8% – к большой интервальной группе (от 2,5 до 4,0 литров).

Группа 3 (БК). Белоглиняные коломенские (МБК-2) горшки XVI в. (Прил. 11), относятся к группе мелкоразмерных сосудов с очень малой высотой ($P5$ среднее – 14,6 см) и малым диаметром тулова ($P3$ среднее – 19,5 см), с малой по высоте шейкой венчика ($P6$ среднее – 1,9 см) и очень малой высотой плечика ($P7$ среднее – 3 см). Соответственно, 45,4% горшков по объему верхней части ($V2$) относятся к малой интервальной группе (от 0,5 до 1,5 литра), 36,4% – к средней интервальной группе (от 1,5 до 2,5 литра) и 18,2% – к очень большой интервальной группе (4,0 и более литра).

Основные параметры трех групп горшков сведены в таблицу 7 и для наглядности представлены в виде графиков (рис. 10). Точки среднеарифметических значений являются маркерами их межгрупповых сходств и различий.

Так, по высоте ($P5$) горшки всех групп в целом близки, их среднеарифметические значения находятся в небольшом интервале от 14 до 16,2 см. Но по диаметру тулова ($P3$) близки белоглиняные горшки групп МБК-1 и МБК-2, красноглиняные (К) имеют значительно меньшее значение этого параметра.

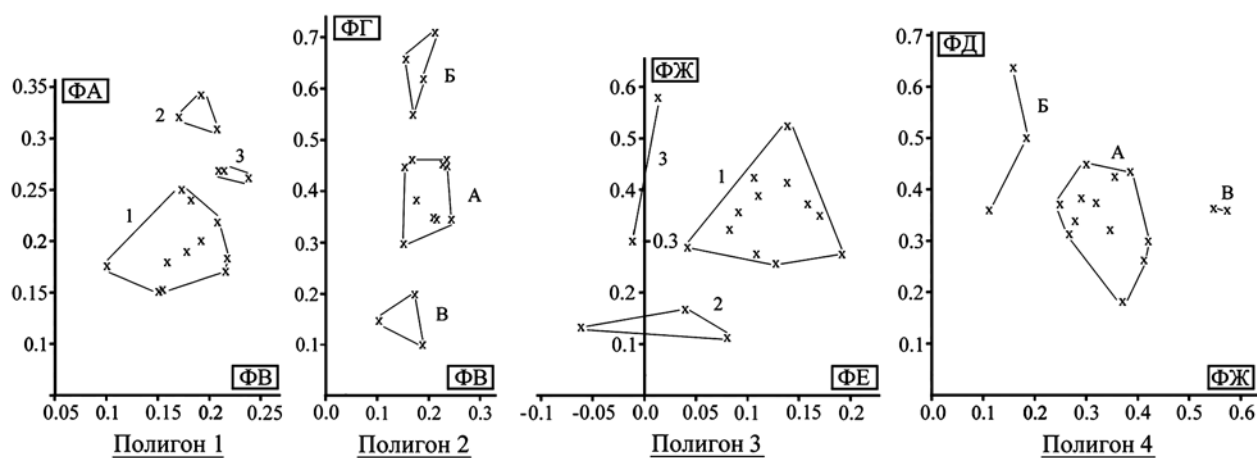

Рис. 9. Выделение больших (конечных) типов-классов на полигонах корреляции указателей формы (УФ) горшков МБК-1

Таблица 7. Основные параметры средневековых горшков.

Параметр	Значение параметра	Красноглин. 2-й пол. XV – нач. XVI в.	Белоглинян. гжельские кон. XV – XVI в. (МБК-1)	Белоглинян. коломенские XVI в. (МБК-2)
Высота сосуда (P5)	Min – Max	7,1–22,2	11,5–22,0	10–24
	Ср. арифм.	14,0	16,2	14,6
Диаметр тулова (P3)	Min – Max	12–24	14–26,0	15–31
	Ср. арифм.	15,0	18,8	19,5
Высота шейки вен- чика (P6)	Min – Max	1,2–1,7	1,4–2,7	1,4–2,3
	Ср. арифм.	1,46	1,9	1,9
Высота плечика (P7)	Min – Max	1,5–2,5	1,5–3,0	2,5–4,0
	Ср. арифм.	2,07	2,5	3,0
Объем верхней части (V2)	Min – Max	0,35–1,7	0,6–3,0	0,8–5,3
	Ср. арифм.	0,97	1,5	1,2
	% OM	14,3	–	–
	% M	71,4	52,9	45,4
	% CP	14,3	35,3	36,4
	% Б	–	11,8	–
	% ОБ	–	–	18,2

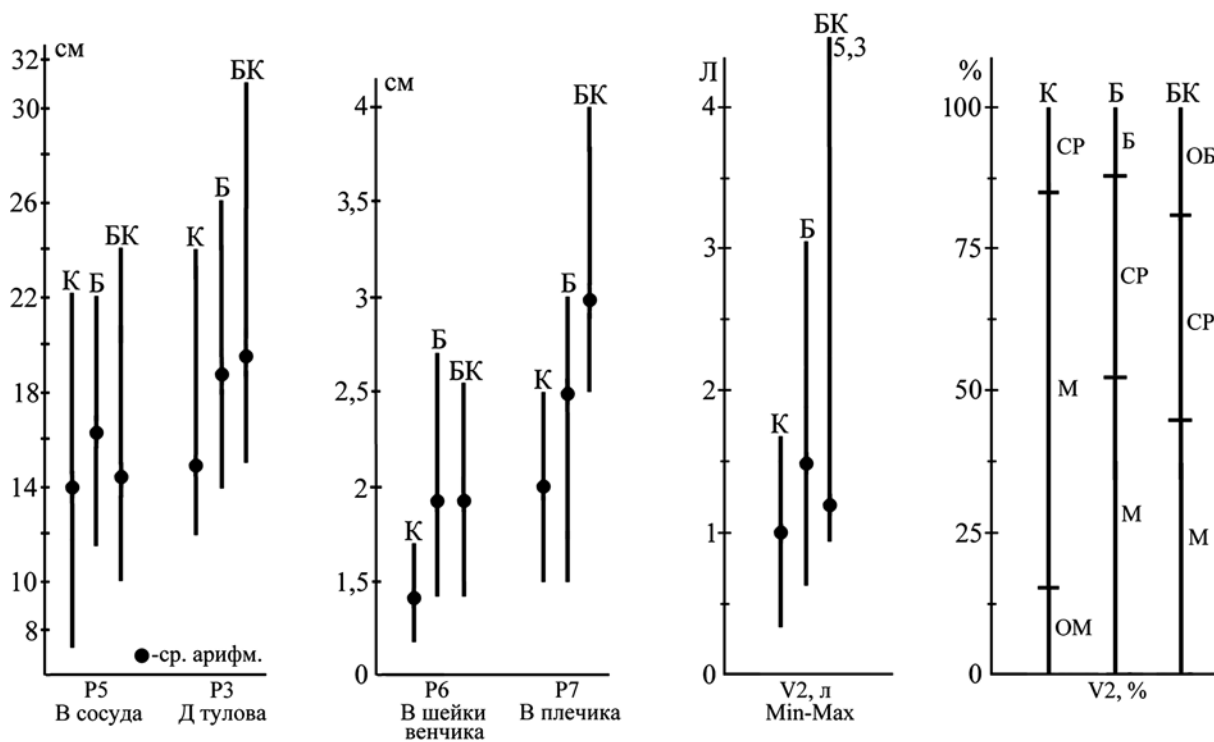

Рис. 10. Сопоставление минимальных (min) и максимальных (max) интервалов, среднеарифметических значений основных параметров, объемов (V2) и % соотношений объемов (V2) красноглиняных (К), МБК-1 (Б) и МБК-2 (БК) горшков

Таблица 8. Вычисление коэффициента сходства групп керамики.

Показатель	Комплексы						Сходство комплексов		
	К		Б		БК		К-Б-БК	К-Б	Б-БК
	ЗП	%	ЗП	%	ЗП	%	Показатель сходства		
Высота сосуда (P5)	7,1	32	11,5	39,6	10	33,7	32	32	33,7
Диаметр тулова (P3)	1,2	5,4	1,4	4,8	1,4	4,7	4,7	4,8	4,7
Высота шейки венчика (P6)	1,5	6,8	1,5	5,2	2,5	8,4	5,2	5,2	5,2
Высота плечика (P7)	0,35	1,6	0,6	2,1	0,8	2,7	1,6	1,6	2,1
Объем верхней части (V2)	12	54,2	14	48,3	15	50,5	48,3	48,3	48,3
	–	100	–	100	–	100	91,8%	91,9%	94%

По высоте шейки (P6) горшки групп МБК-1 и МБК-2 имеют одинаковые значения в отличие от меньшего у красноглиняных. Совсем нет сходства по высоте плечика (P7) у сосудов всех трех групп.

Несмотря на некоторые предыдущие различия по параметрам, значения объема верхней части (V2) горшков всех трех групп близки и находятся в интервале от 0,97 до 1,50 см. Но по процентному соотношению этого параметра близки белоглиняные горшки групп МБК-1 и МБК-2. В отличие от них в группе красноглиняных горшков, как уже было отмечено, преобладают очень малые (ОМ) и малые (М) сосуды, а доля средних (СР) невелика.

Сравнительный статистический анализ рассматриваемых групп керамики по коэффициенту сходства основных параметров, выраженных в процентах (Генинг, 1973. С. 131–133), в основном подтверждает предыдущие наблюдения и свидетельствует об их высокой межгрупповой близости, превышающей 90% (табл. 8).

Кувшины. Обломки белоглиняных кувшинов МБК-1, составляют небольшую группу керамики (32 единицы) и включают венчики горловин, ручки, декорированные стенки, обломки дниц.

Кувшины имели невысокую (7–8 см) широкую (Д = 10–16 см) горловину, верхний край которой отогнут, с округлым валиком («черновым краем») с внешней стороны. Ручки кувшинов имели дугообразную форму и по поперечному сечению подразделяются на три типа:

А) круглые (Д = 2,0 – 2,6 см), без продольных или косых наколов по внешнему изгибу (рис. 6, 15);

Б) овальные (средний Д = 2,5х1,3 см), с продольными или косыми наколами по внешнему изгибу (рис. 6, 13, 16);

В) прямоугольные, плоские и широкие (размер – 2,9 х 1,0; 3,2 х 1,5; 4,6 х 0,9 см), с продольными или косыми наколами по внешнему изгибу (рис. 6, 12, 14).

В декоре кувшинов, элементы которого так же, как и на горшках, нанесены прочерчиванием (линии, волна) и наколом (точки-ямки) в горизонтальном направлении, использовалась:

– линия (две линии?), нанесенная по середине плечика на уровне нижнего крепления ручки (рис. 6, 10);

– волнистая линия, нанесенная на уровне верхнего крепления ручки и по плечу у основания горла (рис. 6, 6, 8);

– точки-ямки, нанесенные в одну линию с различной плотностью по плечу у основания горла (рис. 6, 7).

Отмечен вариант декора на плечике у основания горла кувшина в виде сочетания волнистой линии, расположенной, по-видимому, между двумя прямыми линиями (рис. 6, 9).

Судя по обломкам горловин, ручек и дниц диаметром 12, 14 и 20 см, кувшины Боровского городища аналогичны кувшинам 2-го типа Меткомелинского II селища XVI в. (Полюлях, 1990; 1991; 1993; 1996). Они имеют средневысокое (32–35 см) иногда высокое (45 см) яйцевидное тулово (Д = 26–32 см, диаметр дна 12–20 см). Такие кувшины с прямоугольными, плоскими и широкими ручками типа В известны в Москве с первой половины – середины XVI в., с овальными типа Б – со второй половины XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

К белоглиняным кувшинам другого типа относится обломок тулова с наклепной полоской шириной 1,5 см по линии его максимального диаметра, по которой нанесены штрихи, имитирующие веревочное плетение – «канатик» (рис. 6, 11). Белоглиняные кувшины с туловом, близким к шаровидному, овальной в сечении ручкой и нанесенными по середине высоты тулова и горловины одинарной полосы штрихов-насечек появляются в Москве во второй половине XVI в. Кувшины же с декором в виде штрихов-насечек (или отпечатков зубчатого колесика), нанесенных не прямо на стенки, а на невысокие наклепные валики, появляются только во второй половине XVII – первой половине XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 46). Несмотря на то, что представленный обломок был найден в слое 3 (гл. -20/-30 см), он, видимо, находился в перетолженном состоянии и его следует датировать второй половиной XVII в.

Миски. В керамическом материале Боровского городища отмечен один обломок миски, изготовленной из беложгущейся слабозапесоченной глины с отдельными включениями кварца величиной до 1,5 мм.

Миска (Д венчика = 16 см) имела слегка выгнутую, наклонно поставленную стенку с заворотом «чернового» края на внешнюю сторону в виде уплощенного валика с плоским верхним краем (рис. 6, 20). Под валиком нанесена волна. Внешняя стенка миски сильно закопченная, с четкой границей нагара у верхнего края, что указывает на использование ее для приготовления пищи в печи.

Среди керамики Боровского городища следует отметить ряд некоторых нехарактерных для основного комплекса обломков. Так, помимо вышеописанных горшков «коломенского» типа XVI в. встречен обломок горла (Д = 9–10 см) кувшина (?), судя по характеру глиняной массы, относящийся к этой же группе (рис. 6, 17). Он декорирован по всей поверхности горизонтальными линиями, нанесенными через 5–7 мм, и аналогичен кувшину, найденному на городище Ростиславль Рязанский (Коваль, 2004. С. 75. Рис. 13, 75).

К ранее неизвестному виду сосудов, по-видимому, XVIII–XIX вв., относится обломок стенки, декорированный налепными полукруглыми скобками, частично покрытыми зеленой поливой, образующими горизонтальные волнистые линии (рис. 6, 18). Судя по толщине стенки пять–шесть миллиметров, эта посудная форма имела крупноразмерное сферическое тулово.

Нехарактерным для белоглиняных горшков с росписью линиями красного цвета является венчик мелкоразмерного горшка (В = 11 см, Д = 12 см) с отогнутой шейкой. Его «черновой» край завернут в виде наплыва с внешней стороны, по шейке венчика до середины плечика – декор в виде коротких вертикальных темно-красных штрихов (рис. 6, 21). Керамика с подобным расписным декором появляется в Москве в XVIII в., но горшки, как правило, имеют вертикальный либо отогнутый венчик, с заворотом «чернового» края внутрь, оформленным в виде валика (Розенфельдт, 1968, С. 47; Полюлях, 2010. С. 340. Рис. 9).

Таким образом, изучение средневекового комплекса керамики Боровского городища позволяет

отнести появления здесь церкви и дворов причта ко времени не позднее последней четверти XV в. На это указывает наличие красноглиняной и краснолощеной керамики второй половины XV – начала XVI в.

В свою очередь, небольшое (всего 3%) количество красноглиняной и краснолощеной керамики свидетельствует о ее кратковременном бытовании, по-видимому, в начальный период. В последующем красноглиняную и краснолощеной керамику сменяет белоглиняная типа МБК-1, которая составляет 9% и доминирует, как и в Москве, в XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 44).

В связи с этим, начало распространения в подмосковных селах и, по-видимому, в Москве белоглиняной керамики МБК-1 (или «гжельской») следует относить к последней четверти XV – началу XVI в., что указывает на время возникновения гончарного промысла в Гжели – факт, не нашедший отражения в письменных документах.

Процесс анализа выборки белоглиняной и красноглиняной керамики по методике «Программы формализованно-статистической обработки керамики» В.Ф. Генинга показал, что она позволяет наиболее полно и объективно рассмотреть анализируемый материал и получить унифицированные данные, допускающие их сопоставление с аналогичными комплексами других памятников.

В то же время «Программа» может быть дополнена классификацией форм венчиков горшков по методике В.Ю. Коваля, учитывающей их конструктивные особенности и способы окончательной формовки «чернового» края. Такая классификация должна стать базовой основой для рассмотрения керамики других памятников и позволит в дальнейшем выявить все классы, типы и варианты венчиков горшков, а также определить их датировки.

С учетом небольших выборок рассмотренной керамики сделанные выводы носят предварительный характер и требуют дополнительной проверки.

Литература

Архимандрит Сергей, 1866. Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на старом Государевом Дворе. М.

Беляев Л.А., 1991. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // МК. М.

Бобринский А.А., 1959. Гончары-пидьбяне // СА. № 1.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV–начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве. // МК.

Векслер А.Г., 1961. Отчет об археологических раскопках на территории Большой Москвы и в Раменском районе Московской области по открытым листам №№ 181 и 214 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2182.

Векслер А.Г., 1962. Отчет об археологических раскопках в Московской области по открытому листу № 115 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2342.

Векслер А.Г., 1986. Отчет об археологических раскопках селища у села Гжель Раменского района Московской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11563.

Генинг В.Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1.

Генинг В.Ф., 1992. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев.

Городцов В.А., 1924. Археологические раскопки в Советской России с 1919 по 1921 гг. // Древний мир. Вып. 1.

Зверинский В.В., 1892. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб.

Иванчин-Писарев Н., 1843. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М.

Калайдович К.Ф., 1823. Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губ. с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Коваль В.Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосквья. М.

Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула

Кондратьев И.К., 2007. Седа старина Москвы. М.

Коняшин Г.М., 1940. Материалы к археологической карте среднего течения Москвы-реки (Раменский, Ухтомский и Бронницкий районы) // Тр. НИИ краеведческой и музейной работы. Т. 1. М.

Кренке Н.А., Лопатина О.А., 2008. Горodiще Боровский курган // АП. Вып. 4. М.

Полюлях А.А., 1990. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15805.

Полюлях А.А., 1991. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16993.

Полюлях А.А., 1993. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17909.

Полюлях А.А., 1996. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19991.

Полюлях А.А., 2010. Предметы быта из усадьбы Черная Грязь (по материалам раскопа 5 в Царицыно) // АП. Вып. 6. М.

Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.

Снегирев И.М., 1861. Знаменский монастырь и палата бояр Романовых. М.

Фальк И.П., 1824. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб.

Холмогоровы В. и Г., 1892. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. // Пехрянская десятина. Вып. 8. М.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XV–XVI вв. // МК.

А.А. Polyulyah

Complex of late medieval ceramics of the 15th – the 16th centuries from Borovski Kurgan settlement: experience of formalized-statistical processing

Summary

Article contains the results of processing white clay and red clay ceramics from settlement Borovski Kurgan (south-eastern Moscow area) by program of V.F. Gening admitting their comparison with similar complexes

of other sites. Classification of pots corolla's forms including their constructional features and methods of edge designing will allow us to compare ceramics of different monuments and define its dating in future.

Приложение 1

Статистика керамики городища Боровский курган. Раскоп 1–4. 1960–1961 гг.

Раскоп 1						Раскоп 2					
Пласт	Дьяков- ская (%)	Средневековая			Всего	Пласт	Дьяков- ская (%)	Средневековая			Всего
		Серая (%)	Красная (%)	Белая (%)				Серая (%)	Красная (%)	Белая (%)	
1	418 (53,5)	124 (16,0)	115 (14,8)	122 (15,7)	779	1	883 (57,8)	22 (1,4)	148 (9,7)	476 (31,1)	1529
2	1991 (72,5)	198 (7,2)	117 (4,3)	437 (16,0)	2743	2	1135 (92,0)	10 (0,7)	16 (1,2)	88 (6,1)	1249
3	1241 (64,4)	182 (9,4)	112 (5,8)	394 (20,4)	1929	3	354 (96,9)	---	---	11 (3,1)	365
4	1442 (68,7)	370 (17,6)	146 (7,0)	140 (6,7)	2098	4	135 (100)	---	---	---	135
5	3237 (91,0)	237 (6,7)	4 (0,1)	79 (2,2)	3557	5	56 (100)	---	---	---	56
6	2464 (93,5)	123 (4,7)	3 (0,1)	45 (1,7)	2635	6	20 (100)	---	---	---	20
7	1684 (96,3)	39 (2,2)	0	27 (1,5)	1750						
8	762 (90,4)	66 (8,0)	1 (0,1)	13 (1,5)	842						
9	1021 (94,5)	46 (4,3)	0	13 (1,2)	1080						
10	933 (96,6)	21 (2,1)	0	13 (1,3)	967						
Всего	15193 (82,6)	1406 (7,6)	498 (2,7)	1283 (7,0)	18380	Всего	2583 (77,0)	32 (1,0)	164 (4,9)	575 (17,1)	3354

Раскоп 3						Раскоп 4					
Пласт	Дьяков- ская (%)	Средневековая			Всего	Пласт	Дьяков- ская (%)	Средневековая			Всего
		Серая (%)	Красная (%)	Белая (%)				Серая (%)	Красная (%)	Белая (%)	
1	122 (39,2)	9 (2,9)	5 (1,6)	176 (56,4)	312	1	112 (70,4)	2 (1,2)	11 (6,9)	34 (21,4)	159
2	208 (83,2)	2 (0,8)	2 (0,8)	38 (15,2)	250	2	308 (82,6)	9 (2,4)	10 (2,7)	46 (12,3)	373
3	339 (88,5)	10 (2,6)	14 (3,6)	20 (5,2)	383	3	263 (91,7)	3 (1,1)	1 (0,3)	20 (6,9)	287
4	137 (100)	---	---	---	137	4	269 (89,9)	2 (0,4)	9 (3,0)	12 (6,7)	292
5	45 (100)	---	---	---	45	5	209 (92,8)	---	7 (3,2)	9 (4,0)	225
						6	73 (95,0)	---	---	4 (5,0)	77
						7	50 (91,0)	---	1 (1,7)	4 (7,3)	55
						8	72 (90,0)	3 (3,8)	---	5 (6,2)	80
						9	98 (89,1)	---	5 (4,5)	7 (6,4)	110
Всего	851 (75,6)	21 (1,9)	21 (1,9)	234 (20,8)	1127	Всего	1454 (87,3)	19 (1,1)	44 (2,6)	141 (8,4)	1658

Приложение 2

**Каталог фрагментов белоглиняных и красноглиняных горшков городища Боровский курган.
1. Фрагменты белоглиняных горшков. (Д – диаметр; В – высота; МП – мелкие примеси до 1 мм; КП – крупные примеси от 1 до 2 мм; звездочкой отмечено наличие нагара по верхнему краю внутренней стороны венчика)**

№	№ по полевой описи	Параметры сосуда, см							Декор: элемент/место на- несения	Класс/ тип венчика	Включения в массе
		Р1-Д венчика	Р2-Д осн. шейки	Р3-Д тулова	Р4-Д дна	Р5-В сосуда	Р6-В шейки	Р7-В плечика	Р8-В нижней части		
1	P-1/547	16	16,4	17	–	20	1,5	1,5	17	1/1	МП
2	P-1/153*	10	10,2	–	–	–	1,2	–	–	3/2	МП
3	P-3/913*	20	20,3	–	–	–	1,9	–	–	3/2	КП
4	P-4/1250*	19	20,1	22	–	22	1,6	2,5	16,9	3/1	МП
5	P-1/7778*	16	16,5	20	–	–	2,3	3	–	3/3	–
6	P-2/39-40*	24	24,5	28	–	–	2	4	–	3/3	–
7	P-4/1574	12	12,5	16	–	–	1,8	2	–	3/3	–
8	P-2/417*	26	26,2	31	–	–	1,8	4	–	3/3	–
9	P-2/70*	18	18,5	–	–	–	2	–	–	3/3	–
10	P-2/414*	22	22,4	–	–	–	2,3	–	–	3/3	–
11	P-1/351*	14	14,3	–	–	–	1,9	–	–	3/3	–
12	P-1/7717*	12	12,3	15	–	–	1,9	3	–	3/3	–
13	P-2/119*	22	22,4	–	–	–	2	–	–	3/3	–
14	P-2/473*	18	18,5	–	–	–	2	–	–	3/3	–
15	P-4/6н1*	14	14,5	19	–	–	1,7	3	–	3/3	–
16	P-2/415*	14	14,3	–	–	–	2	–	–	3/4	–
17	P-2/470*	16	16,3	20	–	–	2	3	–	3/3	–
18	P-4/1736*	14	14,3	18	–	–	1,4	2,5	–	3/4	–
19	P-2/108*	12	12,5	15	–	–	2	2,5	–	3/4	–
20	P-2/471*	16	16,4	21	–	–	1,8	3	–	3/4	–
21	P-1/7386*	–	–	–	–	–	2	–	–	3/4	–
22	P-2/110*	16	16,4	–	–	–	2	–	–	3/3	–

1. Фрагменты белоглиняных горшков. (продолжение).

23	P-2/418*	16	16,3	21	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–
24	P-1/8154*	20	20,2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
25	P-1/929*	22	23	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
26	P-2/107	12	12,5	17	–	–	–	–	14,5	2	2,5	10	–	–	–	–
27	P-4/1273*	24	24,5	–	–	–	–	–	–	2,2	–	–	–	–	–	–
28	P-1/889*	14	14,5	–	–	–	–	–	–	2,5	–	–	–	–	–	–
29	P-2/464*	14	14,1	18	–	–	–	–	17	2,5	2,5	12	–	–	–	–
30	P-1/5798*	28	28,2	–	–	–	–	–	–	2,2	–	–	–	–	–	–
31	P-1/3051*	24	24,2	–	–	–	–	–	–	2,5	–	–	–	–	–	–
32	P-1/350	24	24,3	–	–	–	–	–	–	2,5	–	–	–	–	–	–
33	P-1/2171*	20	20,3	–	–	–	–	–	–	2,6	–	–	–	–	–	–
34	P-1/138*	20	20,3	–	–	–	–	–	–	2,5	–	–	–	–	–	–
35	P-1/3226*	12	12,2	–	–	–	–	–	–	2,5	–	–	–	–	–	–
36	P-1/994*	16	16,2	–	–	–	–	–	–	2,6	–	–	–	–	–	–
37	P-1/4210*	22	22,5	–	–	–	–	–	–	2,5	–	–	–	–	–	–
38	P-2/66	20	20,4	–	–	–	–	–	–	2,5	–	–	–	–	–	–
39	P-1/319	14	14,2	–	–	–	–	–	–	2,3	–	–	–	–	–	–
40	P-1/1077	16	16,1	–	–	–	–	–	–	1,8	–	–	–	–	–	–
41	P-1/1919*	18	18,3	–	–	–	–	–	–	2,1	–	–	–	–	–	–
42	P-1/852*	16	16,3	–	–	–	–	–	–	2,2	–	–	–	–	–	–
43	P-2/64*	12	12,4	–	–	–	–	–	–	2,2	–	–	–	–	–	–
44	P-2/466	20	20,2	–	–	–	–	–	–	2,3	–	–	–	–	–	–
45	P-1/640*	22	22,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
46	P-1/6574*	–	–	–	–	–	–	–	–	1,8	–	–	–	–	–	–
47	P-1/1144*	20	20,2	–	–	–	–	–	–	2,8	–	–	–	–	–	–
48	P-1/203*	12	12,2	–	–	–	–	–	–	1,9	–	–	–	–	–	–
49	P-1/201*	14	14,2	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–
50	P-4/1388*	18	18,1	–	–	–	–	–	–	1,8	–	–	–	–	–	–

1. Фрагменты белоглиняных горшков. (продолжение).

51	P-1/60*	22	22,1	–	–	–	–	–	2,6	–	–	–	4/3	МП
52	P-1/Б-Н*	18	18,5	–	–	–	–	–	1,9	–	–	–	4/1	МП
53	P-1/888*	–	–	–	–	–	–	–	2,2	–	–	волна/шейка	4/1	МП
54	P-1/8321*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4/2	МП
55	P-3/883*	20	20,3	–	–	–	–	–	2,8	–	–	–	4/4	МП
56	P-3/807*	–	–	–	–	–	–	–	2,4	–	–	–	4/1	МП
57	P-1/320*	12	12,4	–	–	–	–	–	2,2	–	–	–	4/1	МП
58	P-1/62*	9	9,3	–	–	–	–	–	2,3	–	–	–	4/1	МП
59	P-1/4480*	–	–	–	–	–	–	–	1,3	–	–	–	4/1	МП
60	P-1/202*	8	8,3	–	–	–	–	–	1,5	–	–	–	4/1	МП
61	P-1/233*	18	18,5	–	–	–	–	–	2,8	–	–	–	4/1	МП
62	P-1/881*	16	16,2	–	–	–	–	–	2,4	–	–	–	4/3	МП
63	P-1/3348*	14	14,5	15	–	–	13	13	1,5	2	9,5	–	4/1	КП
64	Бор-05/299*	16	16,4	20	–	–	14,6	14,6	1,6	3	10	точки-ямки/плечико	4/1	МП
65	P-1/49*	16	16,2	19	–	–	16,5	16,5	2	2,5	12	–	6/2	КП
66	P-1/7384*	16	16,2	–	–	–	–	–	3	–	–	–	6/1	МП
67	P-4/1420*	17	17,3	–	–	–	–	–	1,8	–	–	точки-ямки/плечико	24/1	МП
68	P-2/36	20	20,3	–	–	–	–	–	2,3	–	–	линия/плечико	24/1	МП
69	P-1/8508*	16	16,5	20	–	–	18,5	18,5	2,7	2,5	13,3	–	24/3	МП
70	P-3/839*	16	16,5	20	–	–	16	16	2,3	3	10,7	–	24/2	МП
71	P-2/468*	16	16,3	19	–	–	15	15	2,2	3	9,8	–	24/2	МП
72	P-1/5799*	20	20,1	–	–	–	–	–	2,4	–	–	линия/плечико	24/3	МП
73	P-1/1080*	20	20,1	–	–	–	–	–	2,6	–	–	–	24/2	МП
74	P-1/1923*	14	14,2	–	–	–	–	–	1,8	–	–	–	24/3	МП
75	P-2/465*	13	13,4	–	–	–	–	–	2	–	–	–	24/1	МП
76	P-1/1239	12	12,1	–	–	–	–	–	1,7	–	–	волна /шейка	24/1	МП
77	P-1/8153*	16	16,3	–	–	–	–	–	2,1	–	–	–	24/1	МП
78	P-4/1194*	–	–	–	–	–	–	–	2,2	–	–	–	24/2	МП

1. Фрагменты белоглиняных горшков. (окончание).

79	P-1/1208*	-	-	-	-	-	-	-	-	2,1	-	-	-	-
80	P-4/1483*	10	10,2	-	-	-	-	-	-	2,3	-	-	-	МП
81	P-1/1018*	-	-	-	-	-	-	-	-	2,7	-	-	-	МП
82	P-1/321*	-	-	-	-	-	-	-	-	2,1	-	-	волна/плечико	МП
83	P-1/1924*	-	-	-	-	-	-	-	-	2,3	-	-	-	МП
84	P-2/67*	20	21	26	-	22	1,7	3	17,3	1,7	3	17,3	точки-ямки/плечико	КП
85	P-1/1081*	16	16,5	20	-	15,5	1,5	3	11	1,5	3	11	точки-ямки/плечико	КП
86	P-1/1109*	-	-	-	-	-	1,7	-	-	1,7	-	-	-	КП
87	P-1/102*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	МП
88	P-1/886*	20	20,5	-	-	-	2	-	-	1,3	-	-	-	КП
89	P-1/1633*	-	-	-	-	-	1,5	-	-	1,5	-	-	-	КП
90	P-1/6575	28	28,5	-	-	-	1,5	-	-	1,5	-	-	-	МП
91	P-1/5500*	14	14,1	16	-	14	1,4	2	10,6	1,4	2	10,6	волна/шейка	КП
92	P-1/434*	12	12,2	14	-	11,5	1,4	2	8,1	1,4	2	8,1	волна/шейка	КП
93	P-1/509*	14	14,5	-	-	-	2	-	-	2	-	-	-	МП
94	P-1/642*	21	21,5	25	-	15,5	2,1	3	10,4	2,1	3	10,4	-	МП
95	P-3/883*	18	18,4	-	-	-	2,7	-	-	2,7	-	-	-	МП
96	P-1/320*	12	12,4	-	-	-	2	-	-	2	-	-	-	КП
97	P-1/233*	16	17	-	-	-	2,6	-	-	2,6	-	-	-	МП
98	P-1/881*	16	17	-	-	-	2,4	-	-	2,4	-	-	-	МП
99	P-3/807*	18	18,3	-	-	-	2,3	-	-	2,3	-	-	-	МП
100	P-3/884	-	-	-	-	-	1,7	-	-	1,7	-	-	-	МП
101	P-2/33*	12	12,2	14	-	12	1,7	2	8,3	1,7	2	8,3	волна/шейка, волна/плечико	МП
102	P-2/35*	16	16,8	18	-	18,5	2,2	2,3	14	2,2	2,3	14	линии/плечико	МП
103	P-1/2070*	14	14,2	-	-	-	1,6	-	-	1,6	-	-	-	КП
104	P-2/93	-	-	-	-	-	2,1	-	-	2,1	-	-	-	МП
105	Бор- 05/296*	14	14,1	-	-	-	1,4	-	-	1,4	-	-	-	МП

2. Фрагменты красноглиняных горшков. (Д – диаметр; В – высота; МП – мелкие примеси до 1 мм; КП – крупные примеси от 1 до 2 мм; звездочкой отмечено наличие нагара по верхнему краю внутренней стороны венчика)

№	№ поoley описи	Параметры сосуда, см								Декор: элемент/место нанесения	Включения в массе
		Р1-Д венчика	Р2-Д осн. шейки	Р3-Д тулова	Р4-Д дна	Р5-В сосуда	Р6-В шейки	Р7-В плечика	Р8-В нижней части		
106	Р-1/759*	10	8	12	–	7,1	1,2	2	3,9	линии/плечико	МП
107	Р-1/760*	14	12	16	–	14,7	1,5	1,5	11,7	линии/плечико	МП
108	Р-3/885*	18	15	21	–	16,3	1,7	2	12,6	линии/плечико	МП
109	Р-4/6/н*	14	11	17	–	11	1,4	2	7,6	линии/плечико	МП
110	Р-1/639*	12	9	15	–	8,2	1,5	2,5	4,2	линия/плечико	МП
111	Р-1/3192*	20	15	24	–	18	1,5	2,5	14	линии/плечико	МП
112	Р-1/1074*	22	24	–	–	–	1,5	–	–	–	МП
113	Р-1/1237*	18	17	–	–	–	1,5	–	–	–	МП
114	Бор-05/292*	18	18,2	20	–	22,2	1,5	2	18,7	линии/плечико	МП
115	Бор-05/293*	–	–	–	–	–	1,4	–	–	линии/плечико	МП
116	Бор-05/297*	16	16,3	–	–	–	1,4	–	–	–	МП

Приложение 3

Параметры (P1-8) и объем верхней части фрагментов выборки горшков МБК-1. (AP – абсолютные размеры, см.; ВИГ – величины интервальных групп: OM – очень малая, M – малая, CP – средняя, B – большая, OB – очень большая; V2 – объем верхней части сосуда до уровня максимального диаметра тулова.)

№ п/п	№ по каталогу (Прил. 1)	P1 Диаметр венчика		P2 Диаметр основания шейки		P3 Диаметр тулова		P5 Высота сосуда		P6 Высота шейки венчика		P7 Высота плечика		P8 Высота нижней части		V2 Объем, л		V2 Код группы
		AP	ВИГ	AP	ВИГ	AP	ВИГ	AP	ВИГ	AP	ВИГ	AP	ВИГ	AP	ВИГ	AP	ВИГ	
1	1	16	CP	16,4	CP	17	M	20	M	1,5	M	1,5	OM	17	CP	0,9	M	2
2	4	19	CP	20,1	CP	22	M	22	M	1,6	M	2,5	OM	16,9	CP	2	CP	3
3	26	12	M	12,5	M	17	M	14,5	M	2	M	2,5	OM	10	M	1	M	2
4	29	14	M	14,1	M	18	M	17	M	2,5	M	2,5	OM	12	M	1,3	M	2
5	63	14	M	14,5	M	15	M	13	M	1,5	M	2	OM	9,5	M	0,8	M	2
6	64	16	CP	16,4	CP	20	M	14,6	M	1,6	M	3	OM	10	M	1,6	CP	3
7	65	16	CP	16,2	CP	19	M	16,5	M	2	M	2,5	OM	12	M	1,5	M	2
8	69	16	CP	16,5	CP	20	M	18,5	M	2,7	CP	2,5	OM	13,3	M	1,8	CP	3
9	70	16	CP	16,5	CP	20	M	16	M	2,3	M	3	OM	10,7	M	1,9	CP	3
10	71	16	CP	16,3	CP	19	M	15	M	2,2	M	3	OM	9,8	M	1,8	CP	3
11	84	20	CP	21	CP	26	CP	22	M	1,7	M	3	OM	17,3	CP	2,8	B	4
12	85	16	CP	16,5	CP	20	M	15,5	M	1,5	M	3	OM	11	M	1,6	CP	3
13	91	14	M	14,1	M	16	M	14	M	1,4	M	2	OM	10,6	M	0,8	M	2
14	92	12	M	12,2	M	14	M	11,5	M	1,4	M	2	OM	8,1	M	0,6	M	2
15	94	21	CP	21,5	CP	25	M	15,5	M	2,1	M	3	OM	10,4	M	3	B	4
16	101	12	M	12,2	M	14	M	12	M	1,7	M	2	OM	8,3	M	0,7	M	2
17	102	16	CP	16,8	CP	18	M	18,5	M	2,2	M	2,3	OM	14	M	1,5	M	2
Минимальное значение		12		12,2		14		11,5		1,4		1,5		8,1		0,6		–
Максимальное значение		21		21,5		26		22		2,7		3		17,3		3		–
Среднее арифметическое значение		15,65		16,11		18,82		16,24		1,88		2,49		11,82		1,51		–
Среднее квадратическое отклонение		2,6		2,73		3,38		3,12		0,4		0,47		2,93		0,69		–

Приложение 4

Значения указателей формы (УФ) в абсолютных величинах выборки горшков МБК-1.

(АР – абсолютные размеры, см; ВИГ – величины интервальных групп: ОМ – очень малая, М – малая, СР – средняя, Б – большая, ОБ – очень большая.)

№ п/п	№ по каталогу (Прил. I)	ФА пропорции шейки		ФБ угол наклона шейки		ФВ пропорция плечика		ФГ угол крутизны плечика		ФД общая пропорция сосуда		ФЕ высота плечика		ФЖ общая конфигура- ция верхней части	
		АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ
1	1	0,09	М	-0,13	ОМ	0,09	ОМ	0,2	ОМ	1,18	Б	0,18	ОМ	0,13	ОМ
2	4	0,08	ОМ	-0,34	ОМ	0,11	ОМ	0,18	ОМ	1	СР	0,24	ОМ	0,3	М
3	26	0,16	М	-0,12	ОМ	0,15	ОМ	0,9	Б	0,85	М	0,45	ОМ	0,53	СР
4	29	0,18	СР	-0,02	ОМ	0,14	ОМ	0,78	Б	0,94	СР	0,42	ОМ	0,39	М
5	63	0,1	М	-0,16	ОМ	0,13	ОМ	0,12	ОМ	0,87	М	0,37	ОМ	0,11	ОМ
6	64	0,1	М	-0,12	ОМ	0,15	ОМ	0,6	СР	0,73	М	0,46	ОМ	0,41	СР
7	65	0,12	М	-0,05	ОМ	0,13	ОМ	0,56	СР	0,87	М	0,37	ОМ	0,32	М
8	69	0,16	М	-0,09	ОМ	0,12	ОМ	0,7	СР	0,92	СР	0,39	ОМ	0,36	М
9	70	0,14	М	-0,11	ОМ	0,15	ОМ	0,58	СР	0,8	М	0,49	ОМ	0,35	М
10	71	0,13	М	-0,07	ОМ	0,16	М	0,45	М	0,79	М	0,53	ОМ	0,27	М
11	84	0,08	ОМ	-0,29	ОМ	0,11	ОМ	0,83	Б	0,85	М	0,27	ОМ	0,58	СР
12	85	0,09	М	-0,17	ОМ	0,15	ОМ	0,58	СР	0,77	М	0,41	ОМ	0,42	СР
13	91	0,1	М	-0,04	ОМ	0,12	ОМ	0,47	М	0,87	М	0,32	ОМ	0,29	М
14	92	0,11	М	-0,07	ОМ	0,14	ОМ	0,45	М	0,82	М	0,42	ОМ	0,28	М
15	94	0,1	М	-0,12	ОМ	0,12	ОМ	0,58	СР	0,62	ОМ	0,49	ОМ	0,37	М
16	101	0,14	М	-0,06	ОМ	0,14	ОМ	0,45	М	0,86	М	0,44	ОМ	0,26	М
17	102	0,13	М	-0,18	ОМ	0,13	ОМ	0,26	М	1,03	СР	0,32	ОМ	0,18	ОМ

Приложение 5

Значения указателей формы (УФ) в относительных (шкалированных) величинах выборки горшков МБК-1.
 (ШВАР – шкалированная величина абсолютного размера; ВИГ – величины интервальных групп: ОМ – очень малая, М – малая, СР – средняя, Б – большая, ОБ – очень большая.)

№ п/п	№ по каталогу (Прил. 1)	ФА пропорции шейки		ФБ угол наклона шейки		ФВ пропорция плечика		ФГ угол крутизны плечика		ФД общая пропорция сосуда		ФЕ высота плечика		ФЖ общая конфигурация верхней части	
		ШВАР	ВИГ	ШВАР	ВИГ	ШВАР	ВИГ	ШВАР	ВИГ	ШВАР	ВИГ	ШВАР	ВИГ	ШВАР	ВИГ
1	1	0,12	М	-0,03	ОМ	0,1	ОМ	0,15	ОМ	0,62	ОМ	-0,06	ОМ	0,13	ОМ
2	4	0,1	М	-0,24	ОМ	0,15	ОМ	0,3	М	0,44	ОМ	-0,01	ОМ	0,3	М
3	26	0,26	Б	-0,02	ОМ	0,21	М	0,71	СР	0,36	ОМ	0,14	ОМ	0,53	СР
4	29	0,29	Б	0,08	М	0,19	М	0,62	СР	0,43	ОМ	0,11	ОМ	0,39	М
5	63	0,15	М	-0,06	ОМ	0,19	М	0,1	ОМ	0,37	ОМ	0,08	ОМ	0,11	ОМ
6	64	0,13	М	-0,02	ОМ	0,22	М	0,47	М	0,26	ОМ	0,14	ОМ	0,41	СР
7	65	0,19	СР	0,05	М	0,18	М	0,44	М	0,38	ОМ	0,08	ОМ	0,32	М
8	69	0,27	Б	-0,05	ОМ	0,17	М	0,55	СР	0,42	ОМ	0,09	ОМ	0,36	М
9	70	0,22	СР	-0,01	ОМ	0,22	М	0,46	М	0,32	ОМ	0,17	ОМ	0,35	М
10	71	0,21	СР	0,03	М	0,24	М	0,35	М	0,31	ОМ	0,19	ОМ	0,27	М
11	84	0,1	М	-0,19	ОМ	0,15	ОМ	0,66	СР	0,36	ОМ	0,01	ОМ	0,58	СР
12	85	0,12	М	-0,07	ОМ	0,22	М	0,46	М	0,3	ОМ	0,11	ОМ	0,42	СР
13	91	0,14	М	0,06	М	0,17	М	0,38	М	0,38	ОМ	0,04	ОМ	0,29	М
14	92	0,17	СР	0,03	М	0,21	М	0,35	М	0,34	ОМ	0,11	ОМ	0,28	М
15	94	0,13	М	-0,02	ОМ	0,16	М	0,46	М	0,18	ОМ	0,16	ОМ	0,37	М
16	101	0,22	СР	0,04	М	0,21	М	0,35	М	0,37	ОМ	0,13	ОМ	0,26	М
17	102	0,2	СР	-0,08	ОМ	0,17	М	0,2	ОМ	0,5	ОМ	0,04	ОМ	0,18	ОМ
Минимальное значение	0,1			-0,24		0,1		0,1		0,18		-0,06		0,11	
Максимальное значение	0,29			0,08		0,24		0,71		0,62		0,19		0,58	
Среднее арифметическое значение	0,18			-0,06		0,18		0,41		0,37		0,09		0,33	
Среднее квадратическое отклонение	0,06			0,06		0,03		0,17		0,1		0,55		0,12	

Приложение 6

Стандартная классификация по указателям формы деталей (УФ - А-Г и Д-И) выборки горшков МБК-1

Показатель	Класс	Интервал	Номера сосудов	Кол-во сосудов	%
ФА пропорции шейки	1	0,00-0,20	1, 2, 5, 6, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 17	11	64,7
	2	0,21-0,40	3, 4, 8, 9, 10, 16	6	35,3
	3-5	0,41-1,00	—	—	—
ФБ угол наклона шейки	1	0,00-0,20	1-17	17	100
	2-5	0,21-1,00	—	—	—
ФВ пропорция плечика	1	0,00-0,20	1, 2, 4, 5, 7, 8, 11, 13, 15, 17	10	58,8
	2	0,21-0,40	3, 6, 9, 10, 12, 14, 16	7	41,2
	3-5	0,41-1,00.	—	—	—
ФГ угол крутизны плечика	1	0,00-0,20	1, 5, 17	3	17,6
	2	0,21-0,40	2, 10, 13, 14, 16	5	29,4
	3	0,41-0,60	6, 7, 8, 9, 12, 15	6	35,3
	4	0,61-0,80	3, 4, 11	3	17,6
	5	0,81-1,00.	—	—	—
ФД общая пропорция сосуда	1	0,00-0,20	15	1	5,9
	2	0,21-0,40	3, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16	11	64,7
	3	0,41-0,60	2, 4, 8, 17	4	23,5
	4	0,61-0,80	1	1	5,9
	5	0,81-1,00.	—	—	—
ФЕ высота плечика	1	0,00-0,20	1-17	17	100
	2-5	0,21-1,00.	—	—	—
ФЖ общая конфигура- ция верхней части	1	0,00-0,20	1, 5, 17	3	17,6
	2	0,21-0,40	2, 4, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 16	10	58,8
	3	0,41-0,60	3, 6, 11, 12	4	23,5
	4-5	0,61-1,00	—	—	—

Приложение 7

Кодировка по указателям формы (УФ) выборки горшков МБК-1.

№ п/п	№ по каталогу (Прил. I)	Стандартная классификация		Типология	
		Код части (КЧ) по УФ АБВГ	Код целого (КЦ) по УФ ДЕЖИ	Код части (КЧ) по УФ АБВГ	Код целого (КЦ) по УФ ДЕЖИ
1	2	3	4	5	6
1	1	1111	411	1122	321
2	4	1112	312	1112	122
3	26	2124	213	2213	123
4	29	2114	312	2113	112
5	63	1111	211	1112	111
6	64	1123	213	1111	212
7	65	1113	212	1111	112
8	69	2113	312	2113	112
9	70	2123	212	2111	112
10	71	2122	212	1111	112
11	84	1114	213	1213	123
12	85	1123	213	1111	112
13	91	1112	212	1111	112
14	92	1122	212	1111	112
15	94	1113	112	1111	212
16	101	2122	212	2111	112
17	102	1111	311	1112	311

Приложение 8

Типология по указателям формы (УФ-А-Г и Д-Ж) выборки горшков МБК-1.

Показатель	Тип	Микро-интервал	Номера сосудов	Кол-во сосудов	%
ФА	1	0.04-0.21	1, 2, 5, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17	12	70,6
	2	0.22-0.39	3, 4, 8, 9, 16,	5	29,4
ФБ	1	-0.1-0.06	1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17	15	88,2
	2	-0.11-0.24	3, 11	2	11,8
ФВ	1	0.13-0.3	2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17	16	94,1
	2	0.0-0.12	1	1	5,9
ФГ	1	0.27-0.54	2, 6, 7, 9, 10, 12-16	10	58,8
	2	0.1-0.2	1, 5, 17	3	17,6
	3	0.55-0.71	3, 4, 8, 11	4	23,6
ФД	1	0.28-0.46	2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16	13	76,5
	2	0.18-0.27	6, 15	2	11,8
	3	0.47-0.62	1, 17	2	11,8
ФЕ	1	0.04-0.19	3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17	14	82,4
	2	-0.06-0.003	1, 2, 11	3	17,6
ФЖ	1	0.11-0.18	1, 5, 17	3	17,6
	2	0.26-0.42	2, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16	12	70,6
	3	0.53-0.58	3, 11	2	11,8

Приложение 9**Матрица индивидуальной типологии выборки горшков МБК-1.**

УФ-А-Г										
Номер сосуда										
Десятки	Единицы									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
0	1В	1А	2Б	2Б	1В	1А	1А	2Б	3А	3А
10	1Б	1А	1А	1А	1А	3А	1В			
УФ-Д-И										
Номер сосуда										
Десятки	Единицы									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
0	2Б	3А	1А	1А	2Б	1А	1А	1А	1А	1А
10	3В	1А	1А	1А	1А	1А	2Б			

Приложение 10**Группировка по типам выборки горшков МБК-1.**

УФ-А-Г			УФ-Д-И		
Тип	№ сосудов	Кол-во	Тип	№ сосудов	Кол-во
1А	2, 6, 7, 12, 13, 14, 15	7	1А	3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16	12
3А	9, 10, 16	3	3А	2	1
1Б	11	1	2Б	1, 5, 17	3
2Б	3, 4, 8	3	3В	11	1
1В	1, 5, 17	3			

Приложение 11

Значения указателей формы (УФ) в абсолютных величинах горшков МК-2. (АР – абсолютные размеры, см; ВИГ – величины интервальных групп: ОМ – очень малая, М – малая, СР – средняя, Б – большая, ОБ – очень большая; V2 – объем верхней части сосуда до уровня максимального диаметра тулова.)

№ п/п	№ по каталогу (Прил. I)	P1 Диаметр венчика		P2 Диаметр основания шейки		P3 Диаметр тулова		P5 Высота сосуда		P6 Высота шейки вен- чика		P7 Высота плечика		P8 Высота нижней части		V2 Объем, л		V2 Код группы
		АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	
1	5	16	СР	16,5	СР	20	М	15	ОМ	2,3	М	3	ОМ	9,7	ОМ	1,9	СР	3
2	6	24	СР	24,5	СР	28	СР	21	М	2	М	4	ОМ	15	ОМ	4,6	ОБ	5
3	7	12	М	12,5	М	16	М	11,2	ОМ	1,8	М	2	ОМ	7,4	ОМ	0,8	М	2
4	8	26	Б	26,2	Б	31	СР	24	М	1,8	М	4	ОМ	18,2	СР	5,3	ОБ	5
5	9	18	СР	18,5	СР	–	–	–	–	2	М	–	–	–	–	–	–	–
6	10	22	СР	22,4	СР	–	–	–	–	2,3	М	–	–	–	–	–	–	–
7	11	14	М	14,3	М	–	–	–	–	1,9	М	–	–	–	–	–	–	–
8	12	12	М	12,3	М	15	М	10	ОМ	1,9	М	3	ОМ	5,1	ОМ	1	М	2
9	13	22	СР	22,4	СР	–	–	–	–	2	М	–	–	–	–	–	–	–
10	14	18	СР	18,5	СР	–	–	–	–	2	М	–	–	–	–	–	–	–
11	15	14	М	14,5	М	19	М	13	ОМ	1,7	М	3	ОМ	8,3	ОМ	1,4	М	2
12	16	14	М	14,3	М	–	–	–	–	2	М	–	–	–	–	–	–	–
13	17	16	СР	16,3	СР	20	М	14	ОМ	2	М	3	ОМ	9	ОМ	1,8	СР	3
14	18	14	М	14,3	М	18	М	12,6	ОМ	1,4	М	2,5	ОМ	8,7	ОМ	1,1	М	2
15	19	12	М	12,5	М	15	М	10,3	ОМ	2	М	2,5	ОМ	5,8	ОМ	0,9	М	2
16	20	16	СР	16,4	СР	21	М	14,4	ОМ	1,8	М	3	ОМ	9,6	ОМ	1,8	СР	3
17	21	–	–	–	–	–	–	–	–	2	М	–	–	–	–	–	–	–
18	22	16	СР	16,4	СР	–	–	–	–	2	М	–	–	–	–	–	–	–
19	23	16	СР	16,3	СР	21	М	15	ОМ	1,8	М	3	ОМ	10,2	ОМ	1,8	СР	3
Минимальное значение		12		12,3		15		10		1,4		2,5		5,1		0,8		–
Максимальное значение		26		26,2		31		24		2,3		4		18,2		5,3		–
Среднее арифметическое значение		16,8		17,2		19,5		14,6		1,9		3		9,7		1,2		–
Среднее квадратическое отклонение		4,18		4,12		5,14		4,33		0,2		0,59		3,82		1,74		–

Приложение 12

Значения указателей формы (УФ) в абсолютных величинах красноглиняных горшков конца XV – начала XVI в.
(АР – абсолютные размеры, см; ВИГ – величины интервальных групп: ОМ – очень малая, М – малая, СР – средняя, Б – большая, ОБ – очень большая; V2 – объем верхней части сосуда до уровня максимального диаметра тулова.)

№ п/п	№ по каталогу (Прил. I)	P1 Диаметр венчика		P2 Диаметр основания шейки		P3 Диаметр тулова		P5 Высота сосуда		P6 Высота шейки венчика		P7 Высота плечика		P8 Высота нижней части		V2 Объем, л		V2 Код группы
		АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	АР	ВИГ	
1	106	10	ОМ	8	ОМ	12	ОМ	7,1	ОМ	1,2	М	2	ОМ	3,9	ОМ	0,35	ОМ	1
2	107	14	М	12	М	16	М	14,7	ОМ	1,5	М	1,5	ОМ	11,7	ОМ	0,65	М	2
3	108	18	СР	15	М	21	М	16,3	М	1,7	М	2	ОМ	12,6	ОМ	1,3	М	2
4	109	14	М	11	М	17	М	11	ОМ	1,4	М	2	ОМ	7,6	ОМ	0,73	М	2
5	110	12	М	9	ОМ	15	ОМ	8,2	ОМ	1,5	М	2,5	ОМ	4,2	ОМ	0,63	М	2
6	111	20	СР	15	М	24	М	18	М	1,5	М	2,5	ОМ	14	ОМ	1,7	СР	3
7	112	22	СР	24	СР	–	–	–	–	1,5	М	–	–	–	–	–	–	–
8	113	18	СР	17	СР	–	–	–	–	1,5	М	–	–	–	–	–	–	–
9	114	18	СР	18,2	СР	20	М	22,2	М	1,5	М	2	ОМ	18,7	СР	1,4	М	2
10	115	–	–	–	–	–	–	–	–	1,4	М	–	–	–	–	–	–	–
11	116	16	СР	16,3	СР	–	–	–	–	1,4	М	–	–	–	–	–	–	–
Минимальное значение	10	8		12		7,1		1,2		1,5		3,9		0,35		–		–
Максимальное значение	22	24		24		22,2		1,7		2,5		18,7		1,7		–		–
Среднее арифметическое значение	16,2	14,55		15		14		1,46		2,07		10,38		0,97		–		–
Среднее квадратическое отклонение	3,51	4,52		5,09		5,47		0,12		0,34		5,43		0,5		–		–

В.В. Богомолов, М.И. Гоняный, О.Н. Заидов, Г.А. Шебанин, А.В. Шеков

**Археологические комплексы раннего этапа поселения
при погосте у села Рождественно**

Материалы, полученные при проведении археологических исследований на поселении 1 у деревни (ранее – села) Рождественно Одинцовского района Московской области, уже частично введены в научный оборот (*Шполянская*, 2008; *Богомолов и др.*, 2009). Памятник состоит из селища и примыкающего к нему грунтового могильника, которые датируются XV – серединой XVI в. Очевидно, это – остатки сельского погоста и связанного с ним поселения: домов притча либо небольшой пустыни (монастыря) (*Богомолов и др.*, 2009. С. 281, 285).

С территории памятника в ходе разведки и раскопок был собран представительный нумизматический материал – 58 медных монет (из них – 45 монет XV–XVI вв., остальные – более поздние либо плохо сохранившиеся) и 36 серебряных монет конца XIV – XVI в.¹ Наиболее ранней из них, по мнению В.В. Зайцева, является серебряная денга из пахотного слоя, чеканенная в Суздале вскоре после присоединения Суздальско-Нижегородского княжества к Москве в 1392 г. Еще 11 серебряных и 14 медных монет датируются в пределах первой половины – середины XV в.

Из индивидуальных находок других групп к наиболее ранним относятся: бронзовая подковообразная спиралеконечная витая фибула, характерная для XII–XIII вв., но найденная на дне ямы, датированной находкой монеты второй трети XVI в. (*Богомолов и др.*, 2009. С. 281), а также обломок подобной фибулы из основания пахотного слоя раскопа 1 (рис. 1, 11) («Древняя Русь», 1997. С. 72). Возможно, эти находки относились к расположенным рядом поселению Подушкино 6 или курганному могильнику Одинцово 7, датируемым XI–XIII вв. (АКР, 1994. С. 134).

В заполнении ямы 16 раскопа 1 найдена железная витая шпилька, возможно, служившая для крепления кудели и датирующаяся по древностям Велико-

го Новгорода XI–XV вв. (рис. 1, 3) («Древняя Русь», 1985. С. 267. Табл. 108, 22), хотя подобные вещи известны и среди средневековых древностей балтов («Финно-угры...», 1987. С. 393. Табл. СХIV, 3; СХХII, 17; СХХV, 1)².

В заполнении ямы 7 раскопа 1 найдены обломок железного цилиндрического замка (рис. 2, 4) и железный коленчатый ключ от цилиндрического замка типа В, датируемый второй половиной XII – началом XV в. (рис. 1, 5) («Древняя Русь», 1997. С. 15, 16). В яме 16 раскопа 1 найдены два железных цилиндрических замка: один – типа В, датируемый второй половиной XII – началом XV в. (рис. 2, 6), другой – типа Г, с вертикальными предохранительными щитками, середины XIII – середины XV в. (рис. 2, 5), а также железный коленчатый ключ от цилиндрического замка типа В, датируемый второй половиной XII – началом XV в. (рис. 2, 3), и железная скоба от цилиндрического замка. Цилиндрический замок типа В (рис. 2, 7) и обломок скобы от замка найдены в яме 6 раскопа 4, обломок цилиндрического замка – в яме 11 раскопа 4, в юго-восточной части памятника³.

Во время разведки и раскопок на поселении найдено около двух десятков бронзовых литых нагельных равноконечных крестов с криновидными завершениями лопастей (рис. 1, 7; 2, 1, 2) (*Шполянская*, 2008. С. 267; *Богомолов и др.*, 2009. Рис. 43, 4, 11; 44, 5, 8). Судя по средокрестиям с изображениями ромба (чаще с крестом в ромбе), их следует датировать XIV–XV вв. (*Шполянская*, 2008. С. 267; «Средневековое поселение Настасьино», 2004. С. 57, 58; *Кренке*, 2009. С. 110, 111). Отметим, что один из этих крестов, найденный в яме 19 раскопа 1, имеет особое оформление лопастей (рис. 1, 7), а близкий аналог ему можно указать среди находок с поселения Настасьино («Средневековое поселение

¹ Авторы статьи благодарят сотрудников ГИМ Е.В. Глазунову и В.В. Зайцева, а также А.В. Емельянова за обработку монетного комплекса памятника и возможность использовать полученную информацию.

² Авторы статьи благодарят А.М. Воронцова за консультацию по этому вопросу.

³ Авторы статьи благодарят А.В. Емельянова за возможность использовать материалы из раскопа 4.

Таблица 1. Керамические комплексы из ям раскопа 1, датированные находками монет (определение монет – Е.В. Глазуновой и В.В. Зайцева).

№ ямы	Нумизматические находки	Место находки в яме	Обломки керамической посуды, экз.
15	Пуло начала XV в.	пл. 1	101
19	Пуло начала XV в.	пл. 1	121
60	Денга вел. кн. Ивана IV, 1535–1547 гг.	дно	301
61	Копейка вел. кн. Ивана IV, 1535–1547 гг.	пл. 1	607
	Денга вел. кн. Ивана IV, 1535–1547 гг.	пл. 2	
63	Пуло московское 2-й пол. XVI в.	сл. 1	416
65	Полушка 2-й трети XVI в.	пл. 1	614
66	Пуло тверское кон. XV в.	пл. 1	1154
	Пуло тверское кон. XV в.	пл. 1	
	Полушка 1-й трети XVI в.	пл. 1	
	Денга вел. кн. Ивана IV, 1535–1547 гг.	пл. 1	
	Полуденга московская 1-й четв. XV в.	пл. 2	
	Подражание пулу 1-й трети XVI в.	пл. 4	
66а	Пуло московское 2-й четв. XV в.	пл. 1	105

Настасьино», 2004. С. 58. Рис. 93, 13). Д.В. Шполянская описала находки обломков энколпионов, обычно датируемых XII–XIII, XIII–XIV вв., которые она склонна считать поздними отливками с более ранних экземпляров (*Шполянская*, 2008. С. 270, 271, 273. Рис. 3).

Таким образом, если не учитывать находки фибул XII–XIII вв., общий период бытования наиболее ранних вещевых находок с поселения 1 у д. Рождественно следует определить концом XIV – началом XV в. Далее попытаемся понять, насколько указанная датировка соответствует хронологии массового керамического материала с памятника. Основные группы керамики, найденной на поселении, уже описаны (*Богомолов и др.*, 2009. С. 285–291). Два наиболее ранних обломка от верхней части красноглиняного горшка с песком и редкими включениями дресвы в формовочной массе были найдены в заполнении ямы 33 раскопа 1 (рис. 3, 1). Горшок имел пологое плечико, отогнутую наружу шейку и венчик, обточенный снаружи (тип 22/1)⁴. По плечико и основанию шейки обломки были орнаментированы волнистыми линиями. Аналогии этим образцам известны среди постдревнерусской («серой») керамики варианта С6 по классификации С.З. Чернова, найденной при раскопках сооружения 1 (дата: 1380–1390-е годы) в Шавыкином Дубенском монастыре (*Чернов*, 1991а. С. 29; 2005. С. 111, 113. № 49). Еще два похожих обломка были найдены в яме 2 раскопа 2 (рис. 4, 2). Примечательно, что датировка всех наших образцов в целом совпадает с датой наиболее ранней нумизматической находки на памятнике – суздальской денги конца XIV в.

Следует отметить, что на поселении были найдены лишь единичные обломки с наиболее яркими чертами московской «красноглиняной грубой» посуды – вертикальными шейками, орнаментированными косой волной, сочетающимися с выделенными ребром плечиками (*Чернов*, 1991а. С. 30; 2005. С. 111, 114): два обломка от одного горшка из ямы 82 раскопа 1 (типа 2/4), пять обломков от двух горшков (типа 28/1 Г) из ямы 2 раскопа 2 (рис. 5, 2, 3)⁵. Поэтому самая ранняя группа керамики из материалов раскопок поселения была определена нами, исходя из состава формовочной массы, как посуда, изготовленная из ожелезненных глин с присутствием в тесте не только песка, но и остроугольных частиц – дресвы («Средневековое поселение Настасьино», 2004. С. 25, 26). Везде дресва не была преобладающей примесью, хотя степень насыщенности ею была различной – от редких обломков, заметных лишь в изломах, до достаточно частых включений, хорошо заметных на поверхностях, чаще всего – внутренних (*Богомолов и др.*, 2009. С. 288. Рис. 6, 9–12). Керамика этой группы прошла окислительный обжиг, чаще неполный, фиксируемый по трехслойным изломам, в подавляющем большинстве случаев она была изготовлена из красножгущихся покровных суглинков («Средневековое поселение Настасьино», 2004. С. 26; *Богомолов и др.*, 2009. С. 288–290). Морфологически горшки этой группы, представленные обломками венчиков типов 13/1 и 23/3 (рис. 6, 4–6), а также горизонтально обточенными венчиками с вертикальными шейками (рис. 6, 1–3) (*Богомолов и др.*, 2009. С. 288, 289, 325), наиболее близки выделенной И.А. Бойцовым «красноглиняной гладкой ранней» посуде (*Бойцов*, 1991.

⁴ Здесь и далее номера типов даются по классификации В.Ю. Коваля (2004. С. 58–63).

Таблица 2. Процентное соотношение основных групп керамики из комплексов раскопа 1, датированных монетами XVI в.

№ ямы	«Белоглиняные грубые» обломки (МБК-1)	Красноглиняные обломки с примесью песка	Предполагаемая дата
60	34	35	2-я треть XVI в.
61	55	39	2-я треть XVI в.
63	42	46	2-я пол. XVI в.
65	42	49	2-я треть XVI в.
66	31	57	1-я пол. – сер. XVI в.

С. 35, 36). Московская «красноглиняная гладкая ранняя» посуда датирована И.А. Бойцовым концом XIV – первой половиной XV в. (Бойцов, 1991. С. 36–38).

Другие группы керамической посуды с поселения 1 у д. Рождественно – красноглиняной с примесью только песка, «белоглиняной грубой» (с примесями песка либо песка и дресвы), «белоглиняной гладкой» (без видимых примесей), чернолощеной – датируются в пределах XV–XVI вв. (Богомолов и др., 2009. С. 285–291, 325, 326). В статье 2009 г. нами был проанализирован состав керамических комплексов, датированных находками монет, из ям 60, 61, 63, 65, 66, 66а раскопа 1 (табл. 1) (Богомолов и др., 2009. С. 281, 291–325). Все эти комплексы содержали более 100 обломков керамики и потому пригодны для статистического анализа.

Из таблицы 2 видно, что керамические комплексы, датированные монетами XVI в. (из ям 60, 61, 63, 65, 66), в основном состояли из красноглиняной керамики с примесью песка в тесте (35–57% от общего количества обломков в комплексе) и «белоглиняной грубой» керамики (31–55%). Соотношение других выделенных групп керамики в этих комплексах также сравнительно устойчиво (рис. 7). Подсчеты процентного соотношения групп керамики были произведены суммарно по всем пластам указанных ям. Такой подход представляется оправданным, судя по приведенным в публикации 2009 г. схемам соотношения групп керамики по пластам в ямах. Эти соотношения оказались достаточно устойчивыми (Богомолов и др., 2009. Рис. 18, 23, 29, 37, 38). Процентное соотношение групп керамики для второй трети XVI в. определяется, исходя, прежде всего, из нумизматических находок (табл. 1). Из пяти комплексов три датируются этим временем, а процентное соотношение групп керамики из ямы 63, датируемой второй половиной XVI в., близко объектам второй трети XVI в. (табл. 2). Более широкая датировка нумизматического комплекса из ямы 66 не противоречит предлагаемой более узкой датировке для соотношения групп керамики.

Косвенно предлагаемую датировку соотношения групп керамики подтверждают опубликованные данные для двух ям с селища у часовни Великомученика

Никиты в северо-восточном Подмоскowie, датированных первой половиной – серединой XVI в.: «белоглиняная грубая» – 39% и 62%, «красноглиняная гладкая» – 36 и 58%, «красноглиняная грубая» – не более 0,5%, чернолощеной – не более 3% (Чернов, 1991б. С. 52, 57, 58). Близкое соотношение групп керамики было представлено в материале из ямы 7 раскопа 8 на Романовом дворе в Москве, датированной первой половиной XVI в.: «красноглиняная гладкая» – 39%, «белоглиняная грубая» – 28%, «красноглиняная грубая» – 20%, «белоглиняная гладкая» – 4,4%, чернолощеной – 3% (Кренке, 2009. С. 65, 66. Табл. 8). Отмеченное С.З. Черновым отсутствие обломков «белоглиняной гладкой» керамики в археологических слоях Москвы, отложившихся до строительства укреплений Китай-города в 1535–1538 гг.⁶, и присутствие небольшого количества обломков такой керамики в комплексах, датированных монетами периода 1535–1547 гг., с поселения 1 у д. Рождественно, позволяют более уверенно относить эти комплексы ко второй трети XVI в. (Богомолов и др., 2009. Табл. 1, 2, 4, 5).

Поэтому, исходя из сравнительно устойчивого соотношения групп керамики в датированных комплексах второй трети XVI в., нами были выделены 15 керамических комплексов, содержащих более 100 обломков, из ям раскопов 1 и 2, которые по соотношению групп керамики датируются ранее второй трети XVI в. В свою очередь, эти комплексы на основании соотношения групп керамики были объединены в две группы (рис. 7; 8), состав керамических комплексов которых достаточно различается.

В комплексах из ям 7, 13, 15, 16, 19, 35, 54, 55, 56, 58, 66а, 70 абсолютно доминируют красноглиняные обломки с примесью песка в тесте (44–86%) (рис. 9; 10 и др.). «Белоглиняных грубых» обломков с примесями песка либо песка и дресвы гораздо меньше (4–17%), чем в комплексах второй трети XVI в. (см. выше: 31–55%), а красноглиняных обломков с примесями песка и дресвы в тесте гораздо больше (2–39%), чем в комплексах второй трети XVI в. (2–8%) (Богомолов и др., 2009. Рис. 6). Соотношение групп керамики из указанных ям практически соответствует наборам посуды, «бытовавшим в рядовых хозяйствах

⁵ Авторы статьи благодарят Р.В. Клянина за возможность использовать материалы из раскопа 2.

⁶ Авторы статьи благодарят С.З. Чернова за консультацию по этому вопросу.

Таблица 3. Соотношение групп керамики из ям раскопа 1, датируемых второй половиной XV – первой третью XVI в.

Ямы	Красноглин. обломки с примесью песка (%)	Красноглин. обломки с примесью песка и дресвы (%)	Белоглин. обломки с примесью песка или песка и дресвы (грубые; МБК-1) (%)	Белоглин. обломки без визуально заметных примесей (гладкие; МБК-2) (%)	Чернолощеные обломки (%)	Поливные обломки (%)	Серо-черные обломки после вторичного обжига (%)	Всего	Примечания
7	368 (78)	74 (16)	26 (6)	1 венчика		2		471	Фр. цилиндрического замка и ключ 2-й пол. XII – нач. XV в.
13	278 (80)	37 (11)	30 (9)	1 донца		1		347	
15	80 (79)	9 (9)	11 (11)			1 (1)		101	Пуло нач. XV в.
16	808 (75)	186 (17)	74 (7)			4		1072	Железная шпилька XI–XII вв., цилиндрические замки и ключ 2-й пол. XII – сер. XV в.
19	91 (75)	12 (10)	14 (12)				4 (3)	121	Пуло нач. XV в.; нательный крест XIV–XV вв.
35	111 (72,5)	36 (23,5)	6 (4)					153	
54	188 (83)	4 (2)	31 (14)	2 (1) стенки				225	
55	291 (86)	35 (10)	12 (4)	1 стенки				339	
56	114 (79)	5 (4)	25 (17)					144	
58	470 (81)	49 (9)	59 (10)	1 стенки	1			580	
66a	46 (44)	41 (39)	16 (15)		2 (2)			105	Пуло 2-й четв. XV в.
70	86 (66)	29 (22)	16 (12)					131	

около 1493 г. – конца XV в.» в Москве и Подмосковье, по мнению С.З.Чернова («красноглиняная гладкая» посуда – 75–81%, «белоглиняная грубая» посуда – 7–18%, чернолощеная – 0,5–3,5%) (Чернов, 1991б. С. 50). Единственным существенным отличием является присутствие в комплексах из ям 7, 54, 55, 58 по 1–2 обломка «белоглиняной гладкой» посуды. Однако, судя по опубликованным материалам раскопок на Романовом дворе в Москве, подобные обломки присутствовали в ямах 1 и 5 (раскоп 7) конца XV в. и яме 2 (раскоп 9) второй половины XV в. (Кренке, 2009. Табл. 6, 7, 9). Н.Н. Грибовым отмечено наличие «белоглиняной гладкой» керамики (16–26%) в комплексах, надежно датированных находками монет великого князя Ивана III (1462–1505), из Нижнего Новгорода Меньшого (городище Городок) (Грибов, 2009. С. 328, 338).

Состав керамики из ям, исследованных на Романовом дворе и датированных Н.А. Кренке второй половиной – концом XV в., практически аналогичен соотношению групп керамики из ям 7, 13, 15, 16, 19, 35, 54, 55, 56, 58, 66a, 70. Так, в яме 4 раскопа 7 (конца XV в.) из 143 обломков 89% составляли «красноглиняные гладкие» обломки, 6% – «красноглиняные грубые», 7% – «белоглиняные грубые» (Кренке, 2009. Табл. 7). В яме 5 раскопа 7 (конца XV в.) из 96 обломков 44% со-

ставляли «красноглиняные гладкие» обломки, 18% – «красноглиняные грубые», 12% – «белоглиняные грубые», 0,2% – «белоглиняные гладкие». В яме 2 раскопа 9 (второй половины XV в.) из 158 обломков 65% составляли «красноглиняные гладкие» обломки, 8% – «красноглиняные грубые», 15% – «белоглиняные грубые», 8% – «белоглиняные гладкие», 2% – чернолощеные (Кренке, 2009. Табл. 6, 7, 9).

Индивидуальные находки из ям рассматриваемой группы датируются несколько более ранним временем, чем конец XV в. (табл. 3). Выше были отмечены находки в ямах 7 и 16 цилиндрических замков и ключей от них, бытовавших до начала – середины XV в., железной витой шпильки XI–XV вв. (рис. 1, 3, 5; 2, 3–6). Яма 7, вероятно, являлась остатками подпола, заглубленного в материк на 0,4 м, яма 16 – остатками подпола, заглубленного в материк на 0,3 м (рис. 8); в ней также была найдена бронзовая поясная накладка, близкая найденным в пахотном слое раскопа 1 (Богомолов и др., 2009. Рис. 42) и в яме 3 раскопа 4 2007 г. (рис. 1, 9, 12). В яме 15 найдено большое медное пуло начала XV в. В яме 19 – большое медное московское пуло начала XV в. и нательный медный крест с криновидными завершениями лопастей XIV–XV вв. (рис. 1, 7). Монеты найдены в верхних частях заполнений ям, которые также, вероятно, были остатками

Таблица 4. Морфология верхних частей белоглиняных грубых сосудов (МБК-1) из комплексов раскопа 1, датированных второй половиной XV – первой третью XVI в.

Ямы	Пласты	Обломки венчиков	Типы и варианты (по В.Ю. Ковалю)	Датирующие находки
7	1	1	миски (?), близок 13/3	Ключ 2-й пол. XII – нач. XV в.
	2	1	2/1	Фр-т цилиндрического замка 2-й пол. XII – нач. XV в.
	3	1	3/3 Д (рис. 12, 2)	
13	1	2	41/2 В – 1; кувшина – 1	
15		нет		Пуло нач. XV в.
16	1	7	4/1 – 1; 6/2 – 1; 26/1 – 2; 41/2В – 1 (рис. 12, 1); кувшина МБК-1 – 2 (рис. 12, 3)	Шпилька XI–XV вв., цилиндрические замки и ключ 2-й пол. XII – сер. XV в.
	2	1	24/1 Б (рис. 11, 2)	
19		3	4/1 – 1; кувшина МБК-1 – 2	Пуло нач. XV в., нательный крест XIV–XV вв.
35		нет		
54		3	4/1 – 2 (рис. 9, 10); 4/1 В – 1	
55		2	4/1 – 1 (рис. 11, 4); 24/1 Б – 1 (рис. 11, 3)	
56		1	4/1 Г	
58	1	3	4/1 – 2 (рис. 11, 5); 2/3 Г – 1	
	2	1	4/1 – 1	
66а	1	1	21/2 Г – 1	Пуло 2-й четв. XV в.
70		нет		

неглубоких подполов, заглубленных в материк до 0,2 м (рис. 8).

Обращение к данным таблицы 3 ставит сложную методологическую проблему объяснения находок вещей, датированных началом – серединой XV в., (при отсутствии явно более поздних) в одних ямах с группами керамической посуды, датированной не ранее второй половины XV в. Сейчас можно лишь констатировать присутствие в керамических комплексах из ям 7, 13, 15, 16, 19, 35, 54, 55, 56, 58, 66а, 70 обломков «белоглиняной грубой» посуды, небольшого числа чернолощенных и «белоглиняных гладких» обломков (табл. 3) и предположительно считать, что эти комплексы сформировались не ранее последних десятилетий XV в. (Чернов, 1991б. С. 50, 51). Исходя из датировки комплексов из ям 60, 61, 63, 65, 66 второй третью XVI в., дата анализируемой группы более ранних комплексов гипотетически может быть распространена на первую треть XVI в. (рис. 7) (Коваль, 2001. С. 99, 100). В пользу столь широких хронологических рамок, предлагаемых для описываемой группы комплексов, возможно, свидетельствует сравнительно большое количество комплексов (12 ям), относимых к этой группе (пять комплексов датируются более узко – второй третью XVI в.). Кроме того, в трех из пяти комплексов с датирующими индивидуальными находками, бытовавшими не позже XV в., обломков «белоглиняной гладкой» и чернол-

щенной посуды найдено не было (табл. 3, ямы 15, 16, 19). Один «белоглиняный гладкий» венчик типа 3/3 Б, орнаментированный семью глубокими горизонтальными линиями по нижней части шейки (на две трети ее высоты) (рис. 11, 1), был найден в пласте 2 ямы 7 вместе с обломком цилиндрического замка (пл. 2) и ключом (пл. 1), датированными не позднее начала XV в., а два чернолощенных обломка стенок – в пласте 1 ямы 66а вместе с монетой второй четверти XV в. (табл. 3) (Богомолов и др., 2009. С. 298. Табл. 6. Рис. 38). Однако во всех комплексах выделенной группы присутствовали обломки «белоглиняной грубой» посуды (4–17%).

Отметим, что верхние части сосудов с морфологией, характерной для «белоглиняной грубой» посуды (или «МБК-1») (Чернов, 1991б. С. 51; Коваль, 2001. С. 98), присутствовали в комплексе из ямы 19, датированном находками пула начала XV в. и нательного креста XIV–XV вв. с кривовидными завершениями лопастей, а также в комплексе из ямы 16, датированном находками, бытовавшими не позже XV в. (табл. 4 – венчики типов 4/1, 24/1 Б, 41/2 В) (рис. 12, 1; 11, 2). Однако в комплексе из ямы 7, датированном находками ключа и замка, бытовавшими не позже начала XV в., обломки верхних частей сосудов, соответствующих по составу формовочных масс «белоглиняной грубой» посуде, морфологически очень близки выделенным С.З. Черновым типам «красноглиняной

Таблица 5. Описание ям раскопов 1 и 2, относящихся к раннему этапу поселения при погосте (сугл. – суглинок, гумус. – гумусированный).

Яма; раскоп	Размеры (м)	Глубина в материке (м)	Основное заполнение
7; 1	3,6×1,8–2,0	0,4	Темно-серый гумус. сугл.
13; 1	2,5×1,8	0,13–0,25	Темно-серый гумус. сугл.
15; 1	2,8×1,1	0,1–0,2	Темно-серый гумус. сугл.
16; 1	5×4	0,3	Темно-серый гумус. сугл.
19; 1	3,3×1,7	0,2	Темно-серый гумус. сугл.
23; 1	3,2×2,0	0,20–0,25	Темно-серый гумус. сугл.; переотложенный ярко-бурый сугл.
33; 1	2,8×1,7	0,3–0,5	Темно-серый гумус. сугл.
35; 1	1,7×0,8–0,9	0,1–0,2	Темно-серый гумус. сугл., смешанный с ярко-бурым сугл. и прокаленной глиной
54; 1	1,1×2,8	0,3	Темно-серый гумус. сугл.
55; 1	2,5×2,5	0,2	Темно-серый гумус. сугл.
56; 1	1,7×1,7; 2,6×1,3	0,20–0,45; 0,1–0,2	Темно-серый гумус. сугл. с линзой печины
58; 1	2,8×1,5	0,50–0,65	Светло-серый сугл., темно-серый гумус. сугл., насыщенные печиной
66а; 1	2,5×1,6	0,4–0,5	Темно-серый гумус. сугл.
70; 1	1,3×0,9	0,1	Обожженная глина; переотложенный ярко-бурый сугл.; темно-серый гумус. сугл.
74; 1	2,9×1,3	0,3	Темно-серый гумус. сугл.; светло-серый сугл.
2; 2	4,0×2,8	0,5–0,7	Темно-серый гумус. сугл.

грубой» посуды (Кгр 2) с венчиками типа 3/3 Д (рис. 12, 2) (Чернов, 2005. С. 113, 114. № 68) и Кгр 1 с венчиками типа 13/1 (Чернов, 2005. № 57, 60). То же можно сказать о единственном белоглиняном венчике из комплекса ямы 66а: морфологически (близок тип 21/2 Г) он похож на тип Кгр 5 (Чернов, 2005. № 73) (табл. 4). Вероятно, шесть обломков подобной керамики из комплекса ямы 11а раскопа 8 на Романовом дворе отнесены Н.А. Кренке к типу «красноглиняная грубая из белой глины». Комплекс датирован исследователем в пределах второй половины XIV – начала XV в. (Кренке, 2009. С. 64–66. Табл. 8). Отмеченные нами обломки верхних частей белоглиняных сосудов имеют аналогии с «красноглиняной грубой» посудой первой половины XV в. из постройки 2 селища Михайловское 2 (Чернов, 1991а. С. 30. Табл. 70, 157; 71, 150, 155, 163; 2005. С. 114. № 60, 68, 73).

В комплексах из ям 13, 54, 55, 56, 58, не датированных индивидуальными находками, присутствовали обломки верхних частей «белоглиняных грубых» сосудов (МБК-1) с характерными для этой группы венчиками типа 4/1 (табл. 4; рис. 9, 10; 11, 3–5), а также типов 24/1Б, 39/1, 41/2 В.

Ямы раскопа 1, датируемые второй половиной XV – первой третью XVI в., судя по их размерам, глубинам и заполнениям, являются преимущественно остатками подполов построек (ямы 7, 13, 15, 16, 19, 35, 54, 55), либо погребов (ямы 58, 66а) (табл. 5; рис. 8). В ямах 35, 56, 58, 70 были найдены остатки разва-

лов глинобитных печей (рис. 13–16). Яма 56 и, возможно, яма 70, были подпечными. В яме 56, скорее всего, располагалась надворная печь (Кренке, 2009. С. 69–76). Четкой планировки в расположении ям не прослеживается (рис. 8), можно лишь констатировать территориальную близость размещения ям 54–56, 58, а также ям 7, 13, 15, 16, 19. Существовавшие постройки явно были связаны с грунтовым могильником – погостом XV – середины XVI в. и стоявшей на нем церковью или часовней (Богомолов и др., 2009. С. 281–285. Табл. 15, 16).

Следующую группу керамических комплексов – из ям 23, 33 раскопа 1 и ямы 2 раскопа 2 – объединяет абсолютное преобладание в них красноглиняных обломков с примесями песка и дресвы (сравнительно редкие включения) (61–79%), значительно меньшее, чем в других группах керамических комплексов, количество красноглиняных обломков с примесями песка (18–36%), небольшое количество находок «белоглиняной грубой» (3–8%) и абсолютное отсутствие обломков «белоглиняной гладкой» и чернолощеной посуды (рис. 7). К этой группе также можно отнести керамический комплекс из ямы 74 (табл. 6). Он не привлечен к статистическим подсчетам процентного соотношения групп керамики, т. к. в нем насчитывается только 96 обломков. Однако 76 из них были красноглиняными с присутствием песка и дресвы в формовочных массах, 19 шт. – красноглиняными с песком в формовочных массах, один обломок стенки

Таблица 6. Соотношение групп керамики из ям раскопов 1, 2, датируемых первой половиной – серединой XV в.

Ямы; раскопы	Красноглин. обломки с примесью песка (%)	Красноглин. обломки с примесью песка и дресвы (%)	Белоглин. обломки с примесью песка или песка и дресвы (грубые, МБК-1) (%)	Всего	Примечания
23; 1	18 (18)	81 (79)	3 (3)	102	
33; 1	95 (36)	161 (61)	7 (3)	263	
74; 1	19	76	2	96	
2; 2	86 (21)	287 (71)	32 (8)	405	Нательный крест XIV–XV вв.

Таблица 7. Морфология верхних частей горшков из ямы 33 раскопа 1.

Класс (по Ю.В. Ковалю)	Кол-во обломков	Типы и варианты – обломки
Красноглин. обломки с песком в формовочных массах		
3	4	3/3 – 4 (рис. 3, 3, 5)
8	1	8/4 – 1
23	1	23/3 Б – 1
Красноглин. обломки с песком и дресвой в формовочных массах		
2	1	2/3 В – 1
3	2	3/3 – 1; 3/4 – 1
7	1	7/1 Б – 1
13	6	13/3В – 6 (2)
22	3	22/1 – 2 (1) (рис. 3, 1); 22/2 – 1 (рис. 3, 2)
Белоглин. обломок с песком и дресвой в формовочной массе		
22	1	22/1 (рис. 6, 12)

принадлежал белоглиняному сосуду с песком в формовочной массе.

Следует отметить находку в яме 2 раскопа 2 бронзового нательного креста с криновидными завершениями лопастей (рис. 2, 2), датируемого XIV–XV вв. (Шполянская, 2008. С. 267). Остальные индивидуальные находки менее интересны для анализа выделенной группы комплексов. Так, в яме 2 раскопа 2 также найдены: два обломка железных пряжек, три железных стержня, фрагмент железного пробоя, железная игла, обломок накладки из цветного металла, бронзовая пронизка и железная ременная обоймица. В яме 33 раскопа 1 – бронзовый нательный крест, четыре железных гвоздя, два обломка железных ножей, точильный камень, часть керамической игрушки.

Морфология верхних частей красноглиняных горшков (из масс с примесями песка и дресвы) в ямах 33, 74 раскопа 1, яме 2 раскопа 2 (табл. 7–9) и яме 23 раскопа 1 (Богомолов и др., 2009. С. 325, 326. Табл. 14)⁷ (38 шт.) соответствует в основном «красноглиняной гладкой ранней» посуде (Бойцов, 1991. С. 36. Рис. 1В) – прежде всего, с венчиками типа 13/3 В, а также типов 23/1 Г, 23/3 Б, 23/4 Б (рис. 6, 4–6). Значительная часть (24 экз.) верхних частей этой посуды по основным своим признакам соответствует «красноглиняной грубой» посуде вариантов 1, 2, 4, 7 (Чернов, 2005. С. 111, 114) – с венчиками типов 2/1, 2/3, 3/4, 18/3, 28/1 Г. Однако из них только обломки от одного горшка (с венчиком типа 28/1 Г из ямы 2 раскопа 2) были орнаментированы харак-

⁷ В указанной публикации в таблице 14 вместо «рис. 41» следует читать «рис. 39».

Таблица 8. Морфология верхних частей горшков из ямы 74 раскопа 1.

Класс (по Ю.В. Ковалю)	Кол-во обломков	Типы и варианты – обломки
Красноглин. обломки с песком в формовочной массе		
3	2	3/4 – 1 (рис. 17, 2); 3/4 Г – 1 (рис. 17, 5)
Красноглин. обломки с песком и дресвой в формовочных массах		
2	1	1 (рис. 17, 6)
3	1	3/3 Д – 1
13	6	13/1 – 1 (рис. 17, 7); 13/3 В – 5 (2) (рис. 17, 3)
23	4	редкая разновидность типа 23/1 – 4 (2) (рис. 17, 1)

Таблица 9. Морфология верхних частей горшков из ямы 2 раскопа 2.

Класс (по Ю.В. Ковалю)	Кол-во обломков	Типы и варианты – обломки
Красноглин. обломки с песком в формовочных массах		
2	1	2/4 – 1
3	4	3/3 – 1; 3/4 – 2; 3/4 Г – 1 (рис. 7, 1)
13	1	13/3 В – 1
22	1	22/1 – 1
23	1	23/1 – 1
Красноглин. обломки с песком и дресвой в формовочных массах		
2	1	близок типу 2/3 – 1 (рис. 8, 4)
3	2	3/3 – 2 (рис. 8, 1)
8	5	8/2 Б – 5 (1)
13	9	13/1 – 1; 13/3 В – 8 (5)
18	6	18/3 Б – 6 (1)
22	1	22/1 – 1 (рис. 7, 2), с косой волной по шейке
23	2	23/1 – 2
28	5	28/1 Г – 5 (2) (рис. 8, 2, 3), один горшок – с косой волной по шейке
Белоглин. обломки с песком в формовочных массах		
1	1	1/2 утолщенный – 1
3	1	3/4 Ж – 1 (рис. 6, 9)
13	1	13/1 – 1 (рис. 6, 11)
Белоглин. обломки с песком и дресвой в формовочной массе		
23	1	23/1 Е – 1 (рис. 7, 3)

терной для московской «красноглиняной грубой» посуды «косой» волной по шейке (рис. 5, 3), а венчики типов 2/1, 2/3 имели особое характерное оформление в виде горизонтальных канавок (рис. 6, 1–3).

Четыре обломка красноглиняных венчиков типа 22/1 из ямы 33 раскопа 1 и ямы 2 раскопа 2 соответствовали морфологии постдревнерусской («серой») керамики варианта 6 (Чернов, 2005. С. 111, 113) (рис. 3, 1; 14, 2). Красноглиняная керамика (с примесями песка либо песка и дресвы) с венчиками типов 3/3 (рис. 6, 7; 3, 3, 5; 5, 1) и 3/4 (с примесями песка) (14 шт. – рис. 17, 2, 5; 4, 1) морфологически соответствует «красноглиняной гладкой» посуде, известной с

середины XV в. (Чернов, 1991б. Рис. 2; Бойцов, 1991. С. 38. Рис. 1). Остальные пять обломков красноглиняных горшков из теста с примесями песка (венчики типов 23/1, 13/3 В, 23/1, 23/3 Б) могут быть отнесены к «красноглиняной гладкой» (в том числе ранней) посуде.

Важно отметить, что ни один из обломков верхних частей белоглиняных сосудов из ям 23, 33 раскопа 1 и ямы 2 раскопа 2 не имел морфологии, характерной для «белоглиняной грубой» посуды (МБК-1). Венчик из ямы 23 (рис. 6, 8) (Богомолов и др., 2009. Рис. 39, 7) был близок типу 2/1 В. Морфологически и по орнаментации он похож на «красноглиняную грубую» посуду вариантов 1 либо 3. Венчик из ямы

33 типа 22/1 (рис. 6, 12) соответствовал морфологии постдревнерусской («серой») керамики варианта 6 по С.З. Чернову. Четыре белоглиняных венчика из ямы 2 раскопа 2 (табл. 9) (рис. 6, 9, 11; 4, 3) также были схожи с красноглиняной посудой XV в. Н.А. Кренке было отмечено присутствие девяти «белоглиняных грубых» обломков в комплексе из ямы 11 раскопа 8 на Романовом дворе. Нижний горизонт этой ямы датирован в пределах второй половины XIV – начала XV в., а верхний горизонт – ранее середины XV в. («Археология Романова двора», 2009. С. 64–66. Табл. 8). Состав керамики из последнего («красноглиняная грубая» – 66%, «красноглиняная гладкая» – 33%, белоглиняная – 1%, без учета «серой» и «курганной» керамики) достаточно близок составу керамики из анализируемых комплексов.

В итоге, учитывая анализ групп керамики в комплексах из ям 23, 33, 74 раскопа 1 и ямы 2 раскопа 2 и рассмотренную выше хронологию индивидуальных находок с поселения 1 у д. Рождественно, наиболее вероятной датировкой для этих комплексов следует признать первую половину – середину XV в.

Ямы 23, 33, 74, вероятно, являются остатками подполов построек, а более глубокая яма 2 раскопа 2, возможно, была выкопана для отдельного погребения (табл. 5) (рис. 18; 19; 20). Расположение этих ям на памятнике показывает, что наиболее ранние постройки при погосте стояли на сравнительно удаленном друг от друга расстоянии (рис. 8). Ориентация ям 74 и 66а совпадает. Вероятно, постройка, связанная с ямой 74, предварила появление построек, связанных с ямами 70 и 66а.

Литература

- АКР. Московская область. Ч. 1. М., 1994.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождественно Одинцовского района Московской области // АП. Вып. 5. М.
- Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК.
- Грибов Н.Н., 2009. Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода // АП. Вып. 5. М.
- Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР).
- Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. (Археология).
- Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В.Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.
- Кренке Н.А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.
- Средневековое поселение Настасьино: Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. М., 2004.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. (Археология СССР).
- Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // МК.
- Чернов С.З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV – XVI в. // МК.
- Чернов С.З., 2005. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2. М.
- Шполянская Д.В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождественно 1 (предварительное сообщение) // АП. Вып. 4.

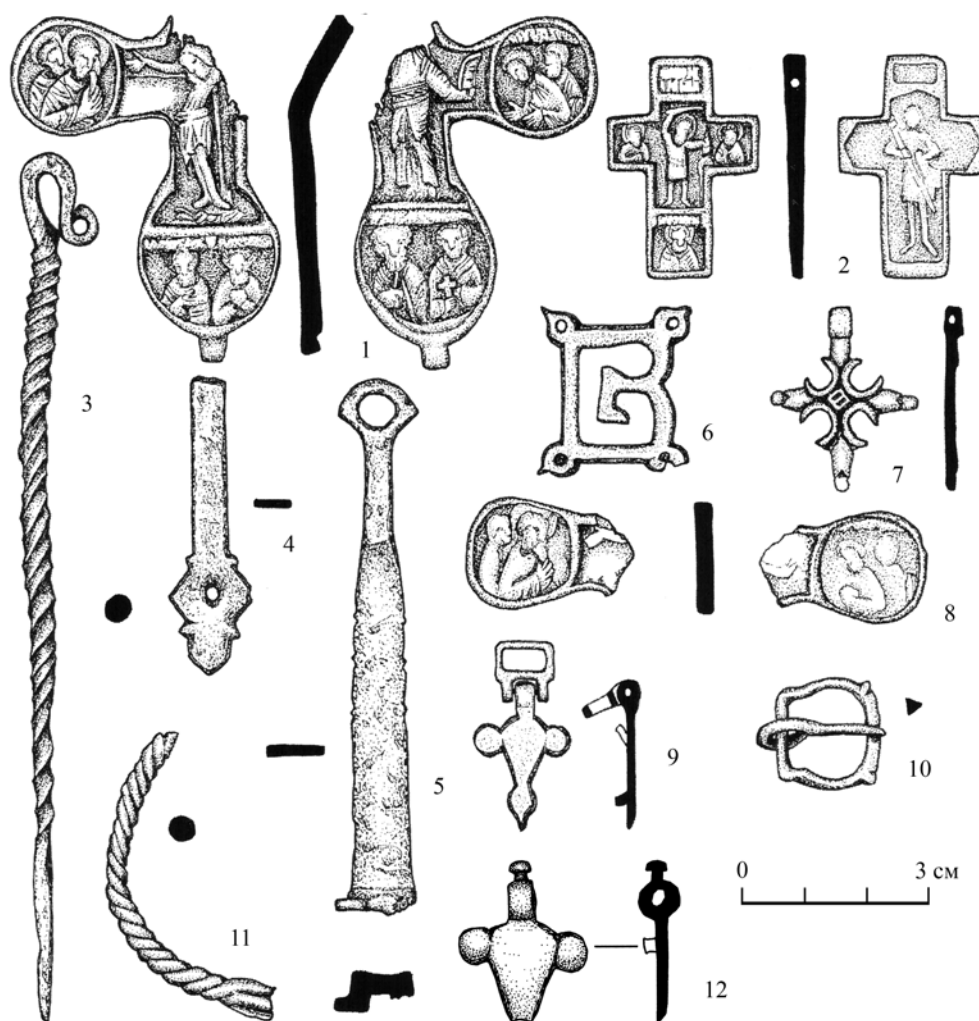
V.V. Bogomolov, M.I. Gonyany, O.N. Zaidov, G.A. Shebanin, A.V. Shekov

Archaeological complexes in the early stage of settlement near churchyard of Rozhdestvenno village

Summary

This article discusses ceramics of the 15th – the first third of the 16th c. from excavations of near Moscow settlement Rozhdestvenno 1 sided with a cemetery and a church

of the 15th – 16th cc. While comparing findings with Moscow ceramics, the authors offered dating to complexes of a monument.

Рис. 1. Поселение 1 у д. Рождественно. Индивидуальные находки из раскопа 1 (1–11) и раскопа 4 (12)
 1, 8 – фрагменты крестов из пахотного слоя; 2 – крест из пахотного слоя; 3 – шпилька из ямы 16; 4 – накладка из ямы 6;
 5 – ключ из ямы 7; 6 – накладка из ямы 1; 7 – крест из ямы 19; 9 – поясная накладка из ямы 16; 10 – пряжка из пахотного
 слоя; 11 – фрагмент фибулы из пахотного слоя; 12 – поясная накладка из ямы 3. (1, 2, 6–12 – бронза; 3–5 – железо)

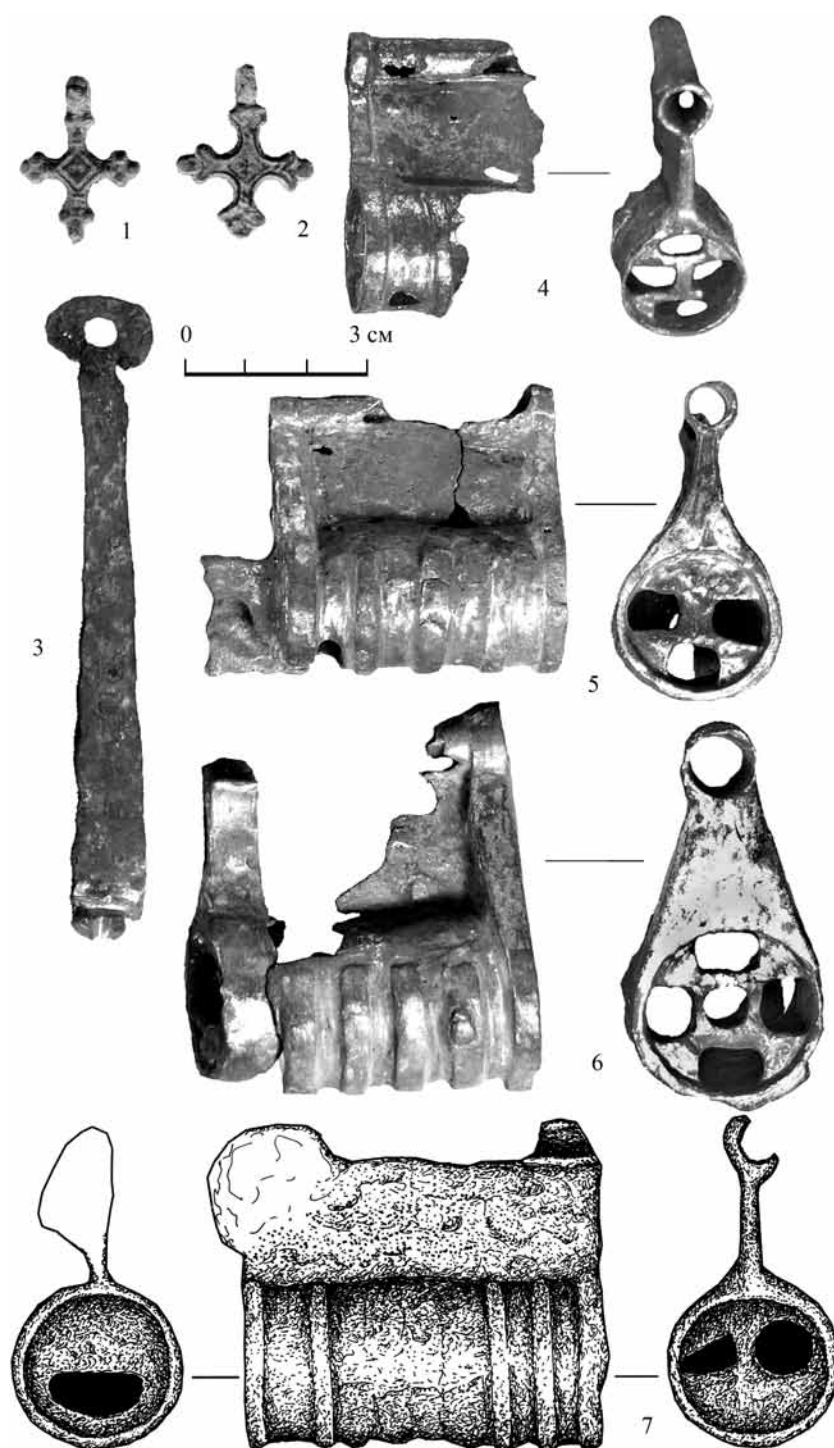

Рис. 2. Поселение 1 у д. Рождественно. Индивидуальные находки из раскопа 1 (3–6), раскопа 2 (1, 2) и раскопа 4 (7)
 1 – крест из пахотного слоя; 2 – крест из ямы 2; 3 – ключ из ямы 16; 4 – фрагмент замка из ямы 7; 5, 6 – замки из ямы 16;
 7 – замок из ямы 6. (1, 2 – бронза; 3–7 – железо)

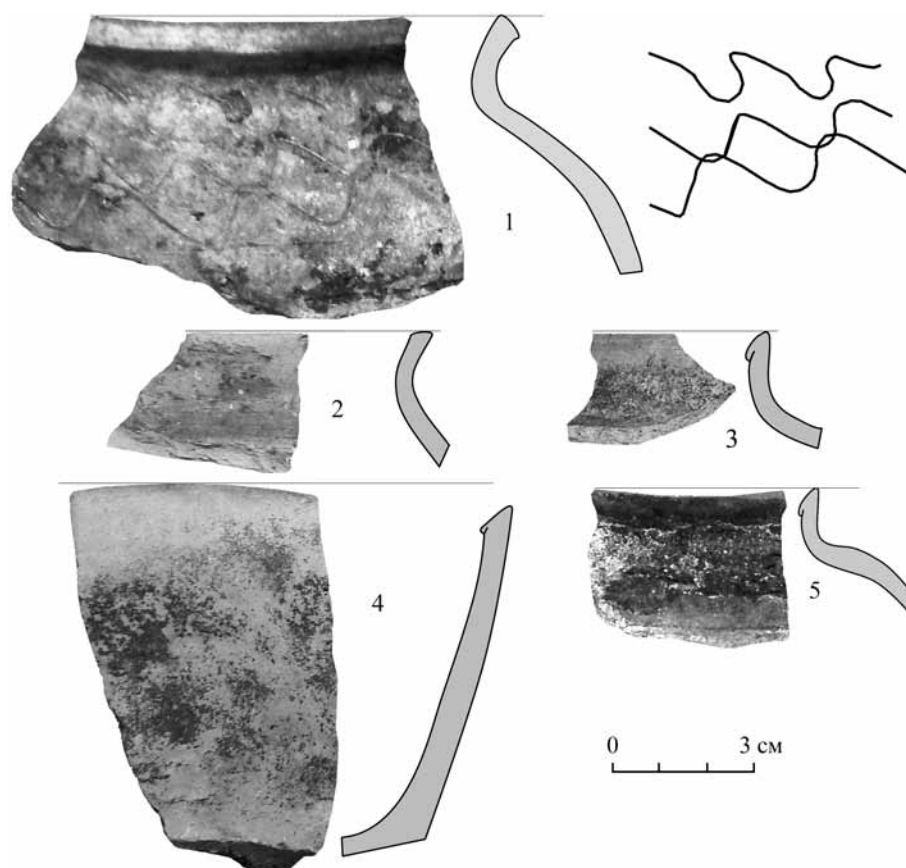

Рис. 3. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 33. Обломки красноглиняных сосудов
1, 2 – с песком и дрсвой в формовочных массах; 3–5 – с песком в формовочных массах

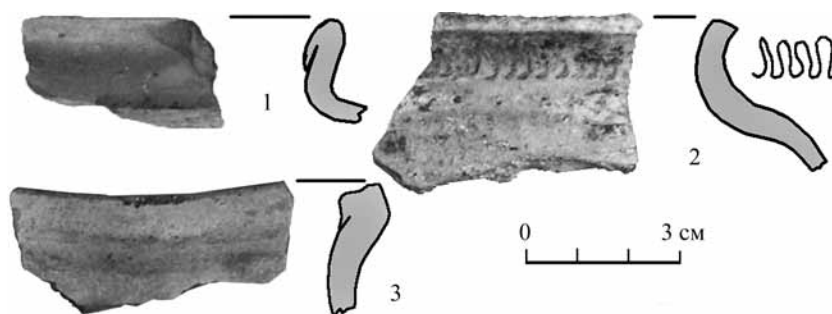

Рис. 4. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 2. Яма 2. Обломки сосудов
1 – красноглиняный с песком в формовочной массе; 2 – красноглиняный с песком и дрсвой в формовочной массе;
3 – белоглиняный с песком и дрсвой в формовочной массе

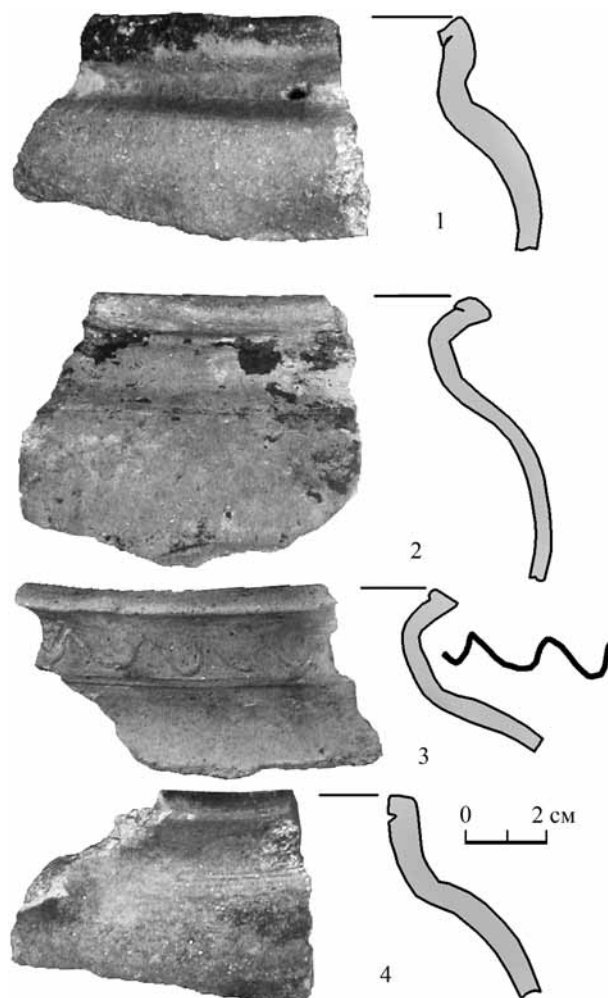

Рис. 5. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 2. Яма 2.
Обломки красноглиняных горшков с песком и дресвой в формовочных массах

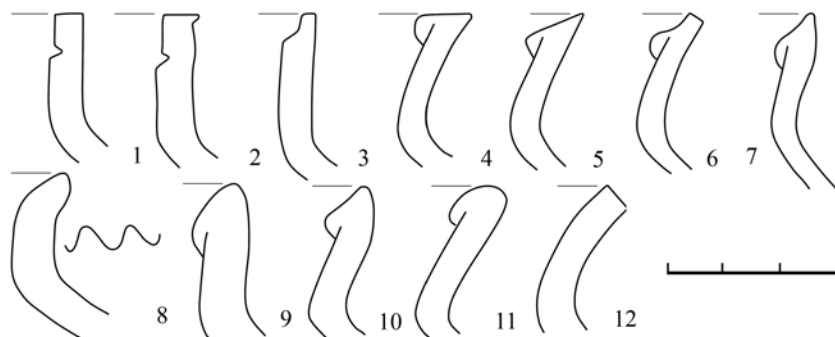

Рис. 6. Поселение 1 у д. Рождественно. Ранние типы и варианты морфологии верхних частей горшков
1-7 – красноглиняные; 8-12 – белоглиняные

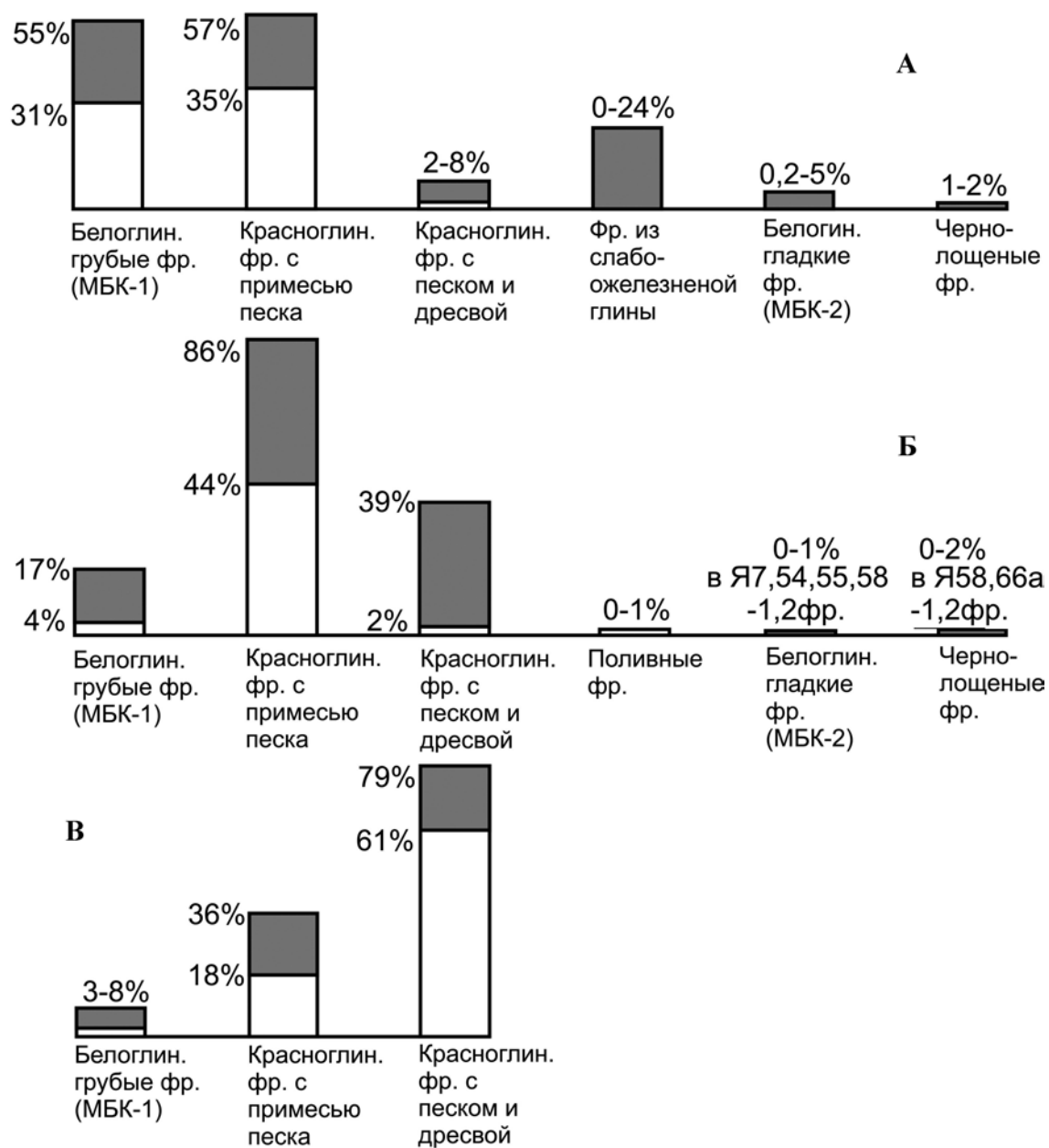
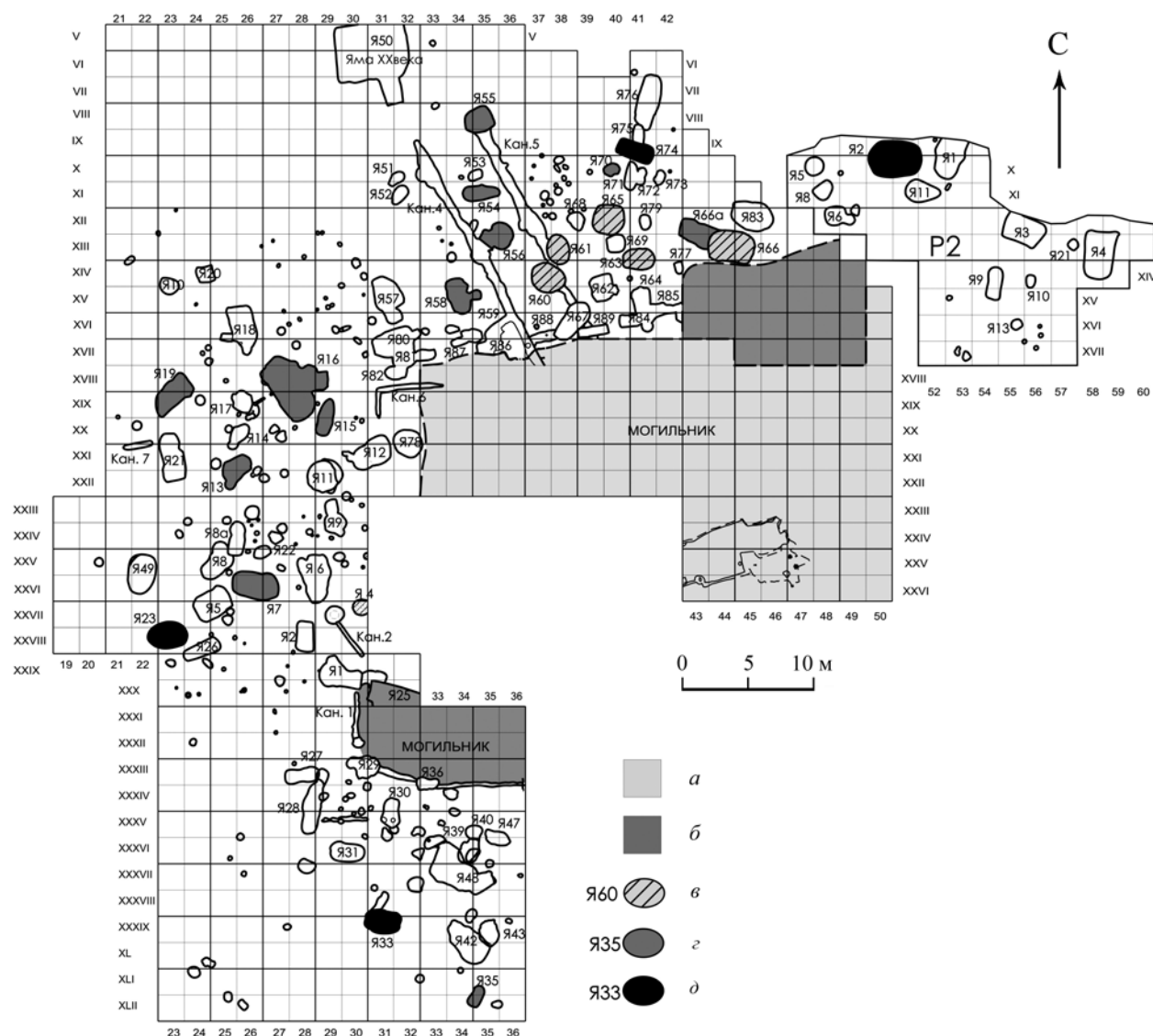

Рис. 7. Поселение 1 у д. Рождественно. Соотношения групп керамики

А – ямы 60, 61, 63, 66 (2-я треть XVI в.); Б – ямы 7, 13, 15, 16, 19, 35, 54, 55, 56, 58, 66а, 70 (2-я пол. XV – 1-я треть XVI в. – ?); В – ямы 23, 33, 2 раскопа 2 (1-я пол. – сер. XV в.)

Рис. 8. Поселение 1 у д. Рождественно. Сводный план раскопов 1 и 2. Хронология комплексов
а – законсервированная часть могильника; *б* – исследованная часть могильника; *в* – ямы, датированные монетами 2-й трети XVI в.; *г* – ямы 2-й пол. – 1-й трети XVI в.; *д* – ямы 1-й пол. – сер. XV в.

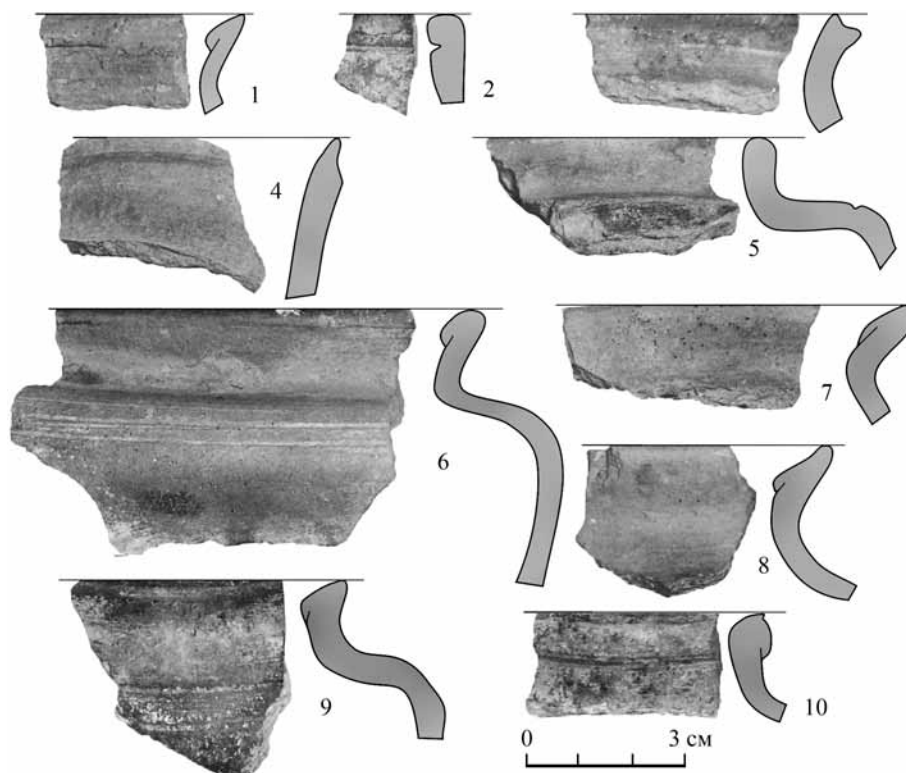

Рис. 9. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 54. Обломки круговых сосудов с песком в формовочных массах
1-9 – красноглиняные; 10 – белоглиняный

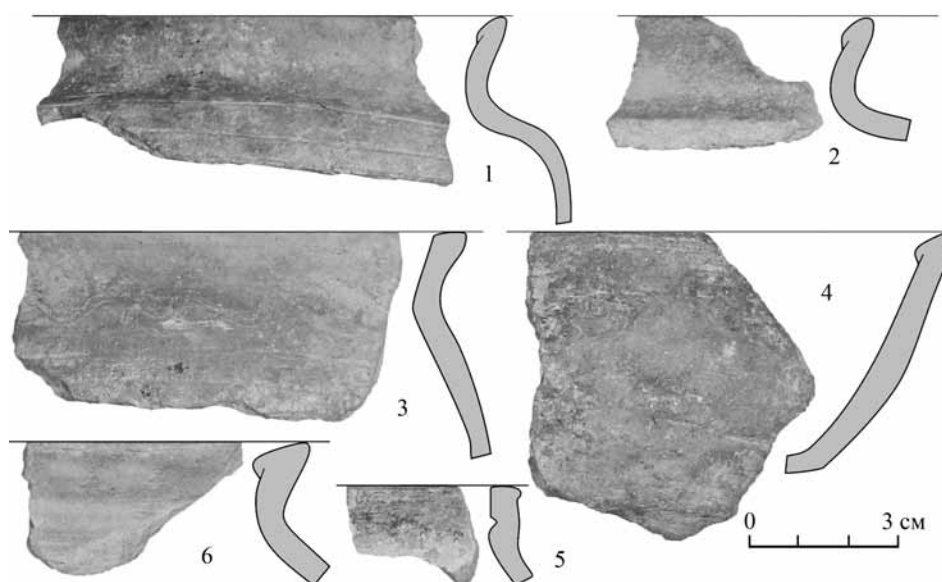
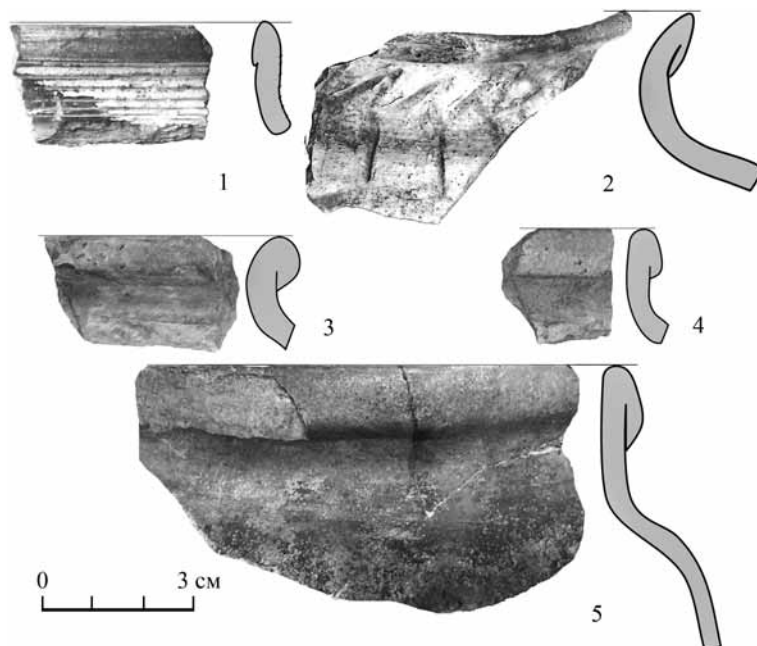
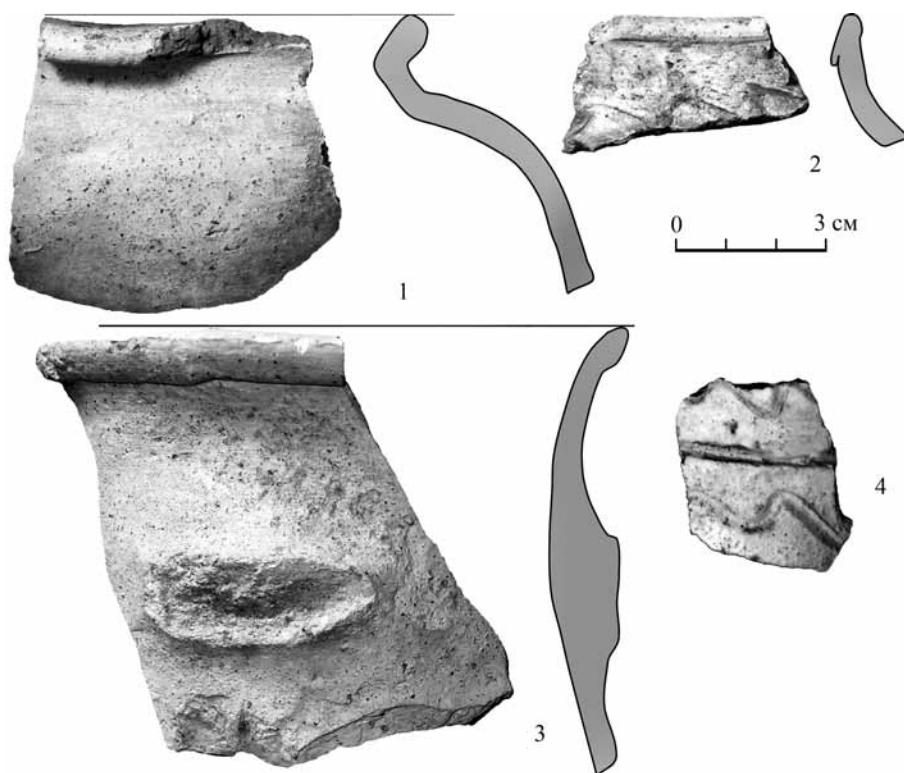

Рис. 10. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 55.
Обломки красноглиняных сосудов с песком в формовочных массах

Рис. 11. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Обломки белоглиняных сосудов
1 – без визуально заметных примесей из ямы 7; 2–5 – с песком в формовочных массах.
(2 – из ямы 16; 3, 4 – из ямы 55, 5 – из ямы 58)

Рис. 12. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1.
Обломки белоглиняных сосудов с песком и дрсвой в формовочных массах
1, 3, 4 – из ямы 16; 2 – из ямы 7

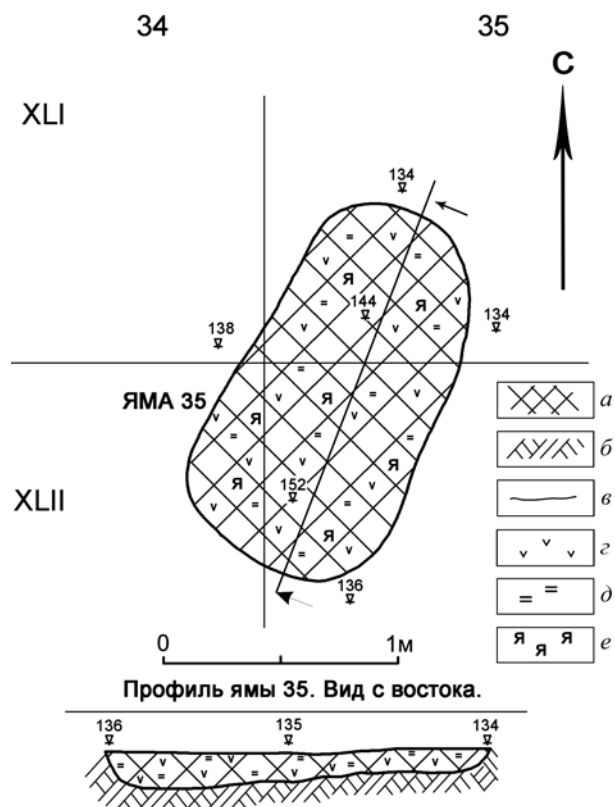
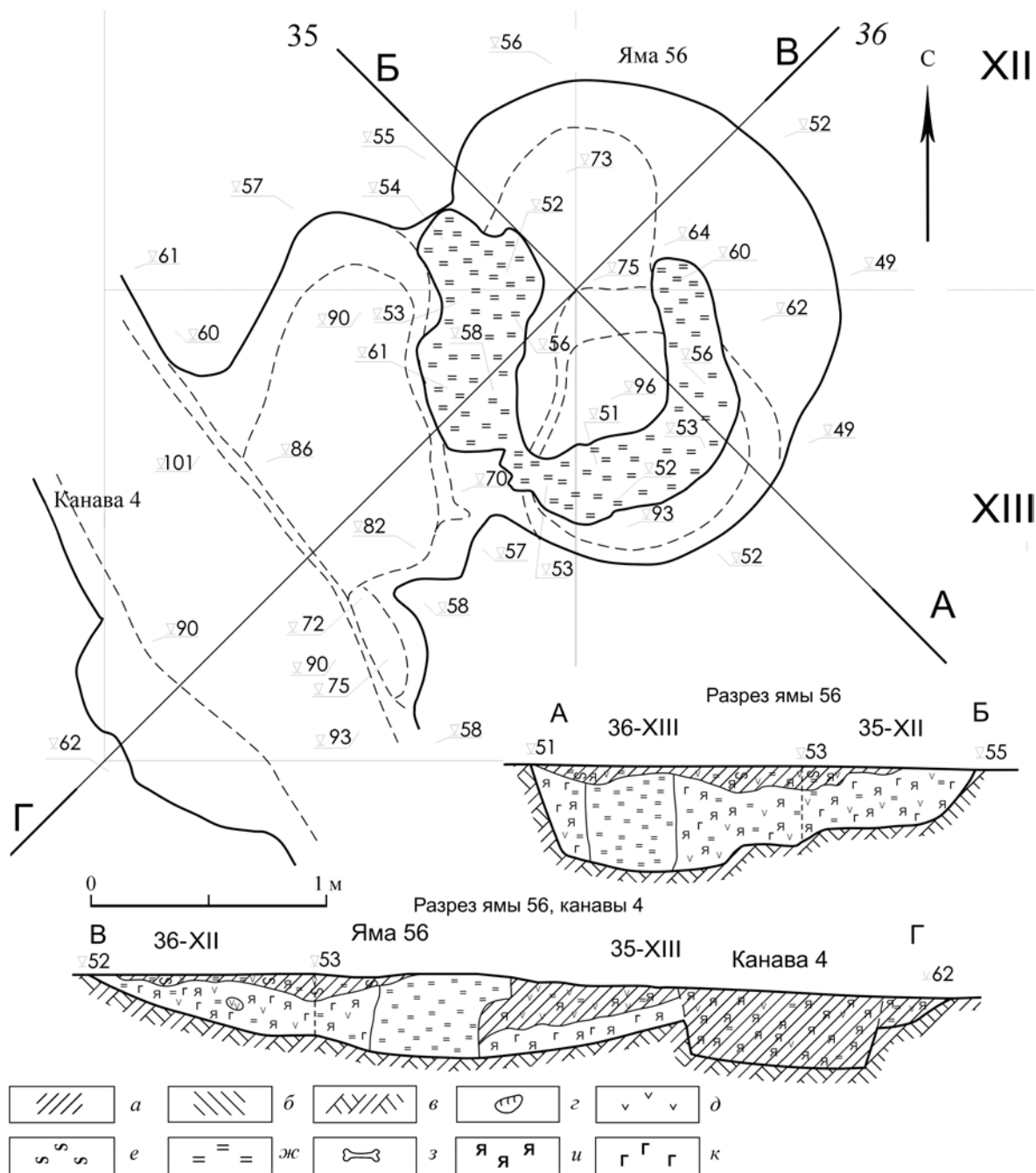
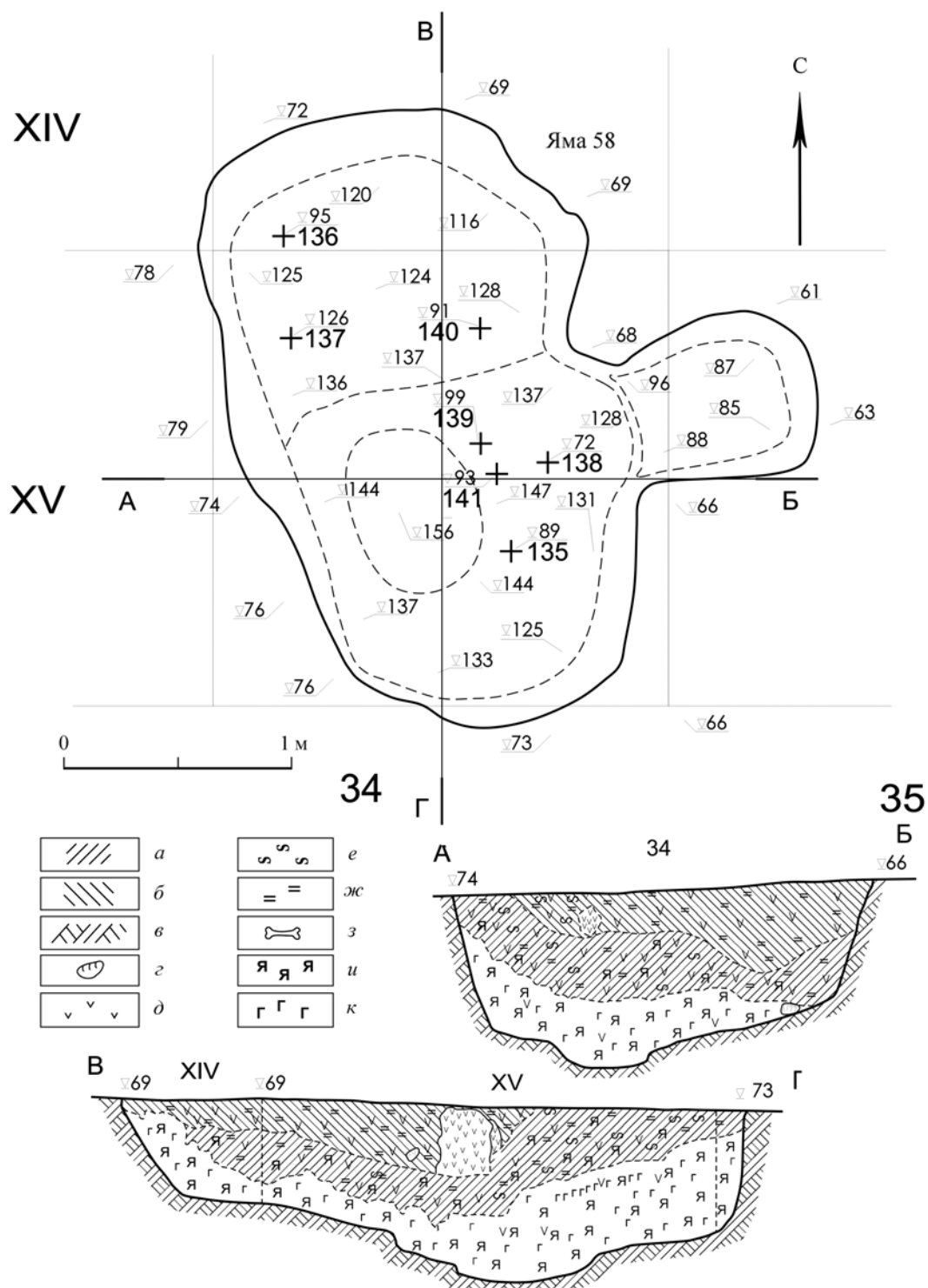

Рис. 13. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 35

а – темно-серый суглинок; б – материк; в – граница материка; г – уголь; д – прокаленная глина;
 е – включения ярко-бурого суглинка

Рис. 15. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 58

а – темно-серый гумусированный суглинок; *б* – светло-серо-бурый суглинок; *в* – материк; *г* – камни; *д* – уголь; *е* – зола; *жс* – прокаленная глина; *з* – кость животного; *и* – включения ярко-бурого суглинка; *к* – гумус

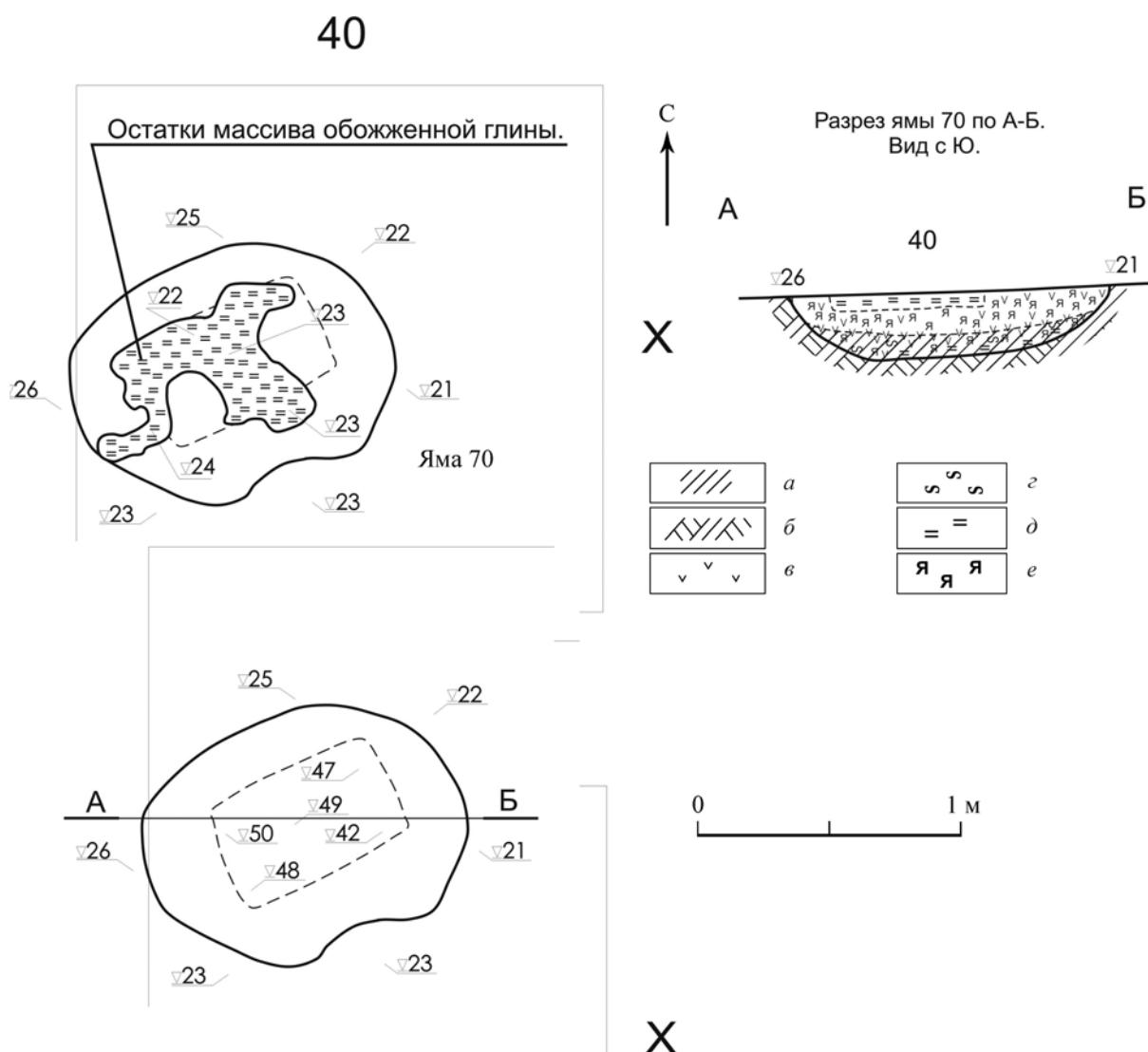

Рис. 16. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 70

а – темно-серый гумусированный суглинок; *б* – материк; *в* – уголь; *г* – зола; *д* – прокаленная глина;
е – включения ярко-бурого суглинка

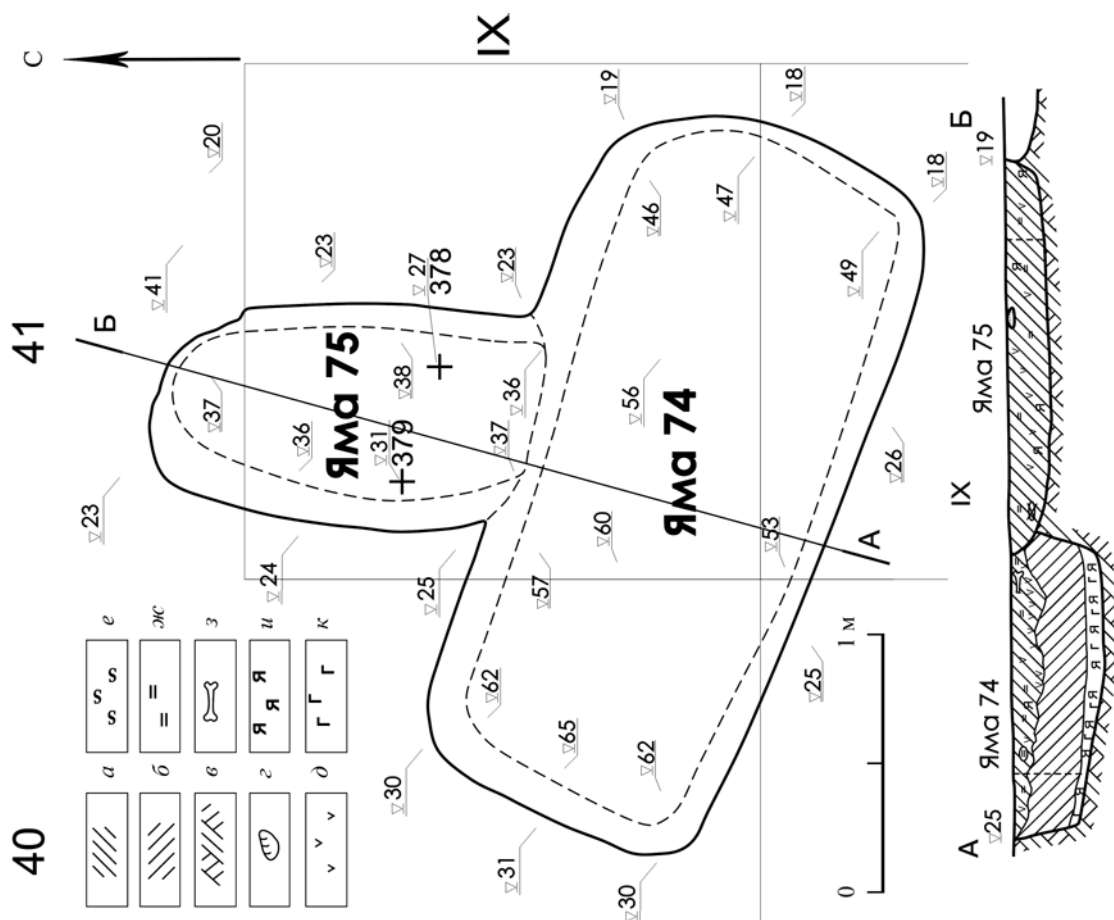

Рис. 18. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 74, 75

а – темно-серый гумусированный суглинок; б – светло-серо-бурый суглинок;
в – материк; г – камни; д – уголь; е – зола; ж – прокаленная глина;
з – кость животного; и – включения ярко-бурого суглинка; к – гумус

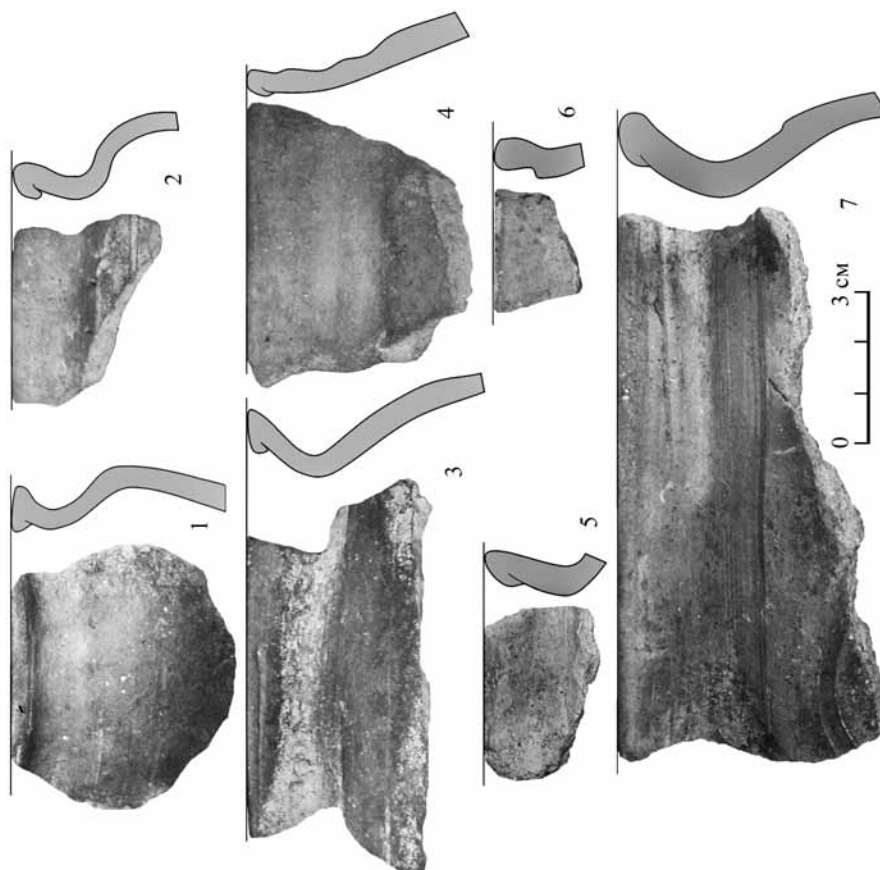

Рис. 17. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 74.

Обломки красноглиняных сосудов

1, 3, 4, 6, 7 – с песком и дрсевой в формовочных массах;
2, 5 – с песком в формовочных массах

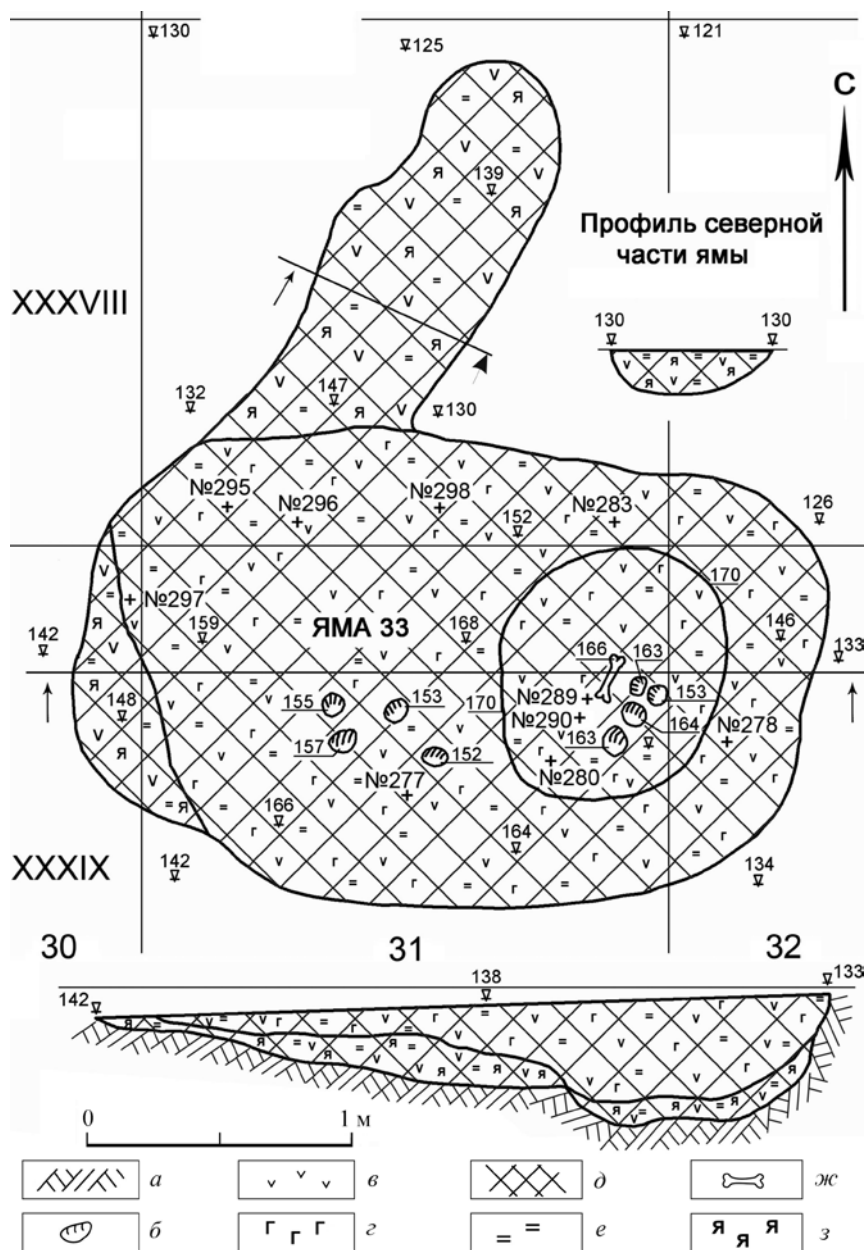

Рис. 19. Поселение 1 у д. Рождественно.

Раскоп 1. Яма 33

а – материк; б – камни; в – уголь; г – гумус; д – темно-серый суглинок; е – прокаленная глина; ж – кость животного; з – включения ярко-бурого суглинка

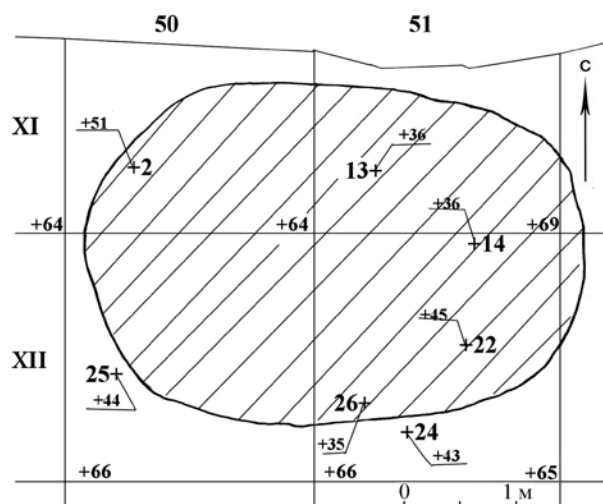

Рис. 20. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 2. Яма 2 (штриховкой показан темно-серый суглинок)

В.И. Вишневский

Средневековый гончарный горн из Переславля-Залесского

Экспедиция Сергиево-Посадского и Переславль-Залесского музеев проводила в 2004 г. охранные раскопки на участке будущего строительства газовой котельной в северо-восточной части детинца, окруженного земляным валом XII в. (рис. 1). Раскопом площадью 140 кв. м был вскрыт участок культурного слоя в 10 м от вала. По плану Переславля-Залесского 1792 г., на этой территории располагались двухэтажные каменные дома купца Чечелева (рис. 2). Раскоп размещался частично на территории одного из домов купца, разобранных в XX в. В наше время эта территория представляет собой пустырь во дворе средней школы № 1 г. Переславля, заросший кустарником и деревьями. Участок был расчищен от деревьев, а затем от песчаной насыпи второй половины XX в. В результате исследования культурного слоя мощностью от 0,4–0,5 м до 2,2–2,3 м (рыхлой темно-коричневой супеси с различными прослойками) были выявлены несколько разновременных комплексов.

1. Комплекс, связанный с красильным производством XVIII–XIX вв., к которому относится мусорная яма со слоями краски, стеклянных и поливных керамических бутылей, керамических мисочек – пробников для разведения красок.

2. Комплекс жилых домов выше среднего (купеческого) достатка – остатки кирпичных фундаментов на извести, мусорные ямы, насыщенные кирпичным боем, изразцами второй половины XVIII в., фрагментами керамики, майоликовой, фаянсовой, фарфоровой (в том числе предприятий Петербурга и Англии) посуды. Там же были найдены предметы быта: ножи, оселки, вилки, топоры, замки, светцы, ножницы для снятия нагара со свечей, курительные трубки, сапожные и конские подковы, пуговицы.

3. Гончарный горн XVI–XVII вв., рухнувший в процессе обжига и наполненный фрагментами корчаг и рыболовных грузил.

При зачистке пласта 3 в юго-восточном углу раскопа (рис. 3) зафиксировано полукольцевидное пятно оранжевой обожженной супеси (диаметром 2 м) – вершина гончарного горна. При зачистке пласта 4 кольцевидное пятно оранжевой обожженной супеси оконтурилось полосками золы (шириной 8 см),

пятнами черной и коричневой супеси. При зачистке пласта 5 была расчищена кольцевидная стенка гончарного горна, сложенная из необожженных кирпичей размерами 20–24 x 12–15 x 8 см, скрепленных глиной. Снаружи кирпичи стенок горна оранжевые, изнутри горна – потрескавшиеся, ошлакованные, серого цвета. При снятии пласта 6 вокруг горна выявлены: пятно черной супеси с включениями древесного тлена и гравия; овальное пятно черной супеси, смешанной с прокаленным оранжевым песком, размером 1,0 x 0,6 м; неправильной формы пятно (0,7 x 0,8 м) оранжевого обожженного песка и неправильной формы пятно (0,8 x 1,6 м) светлого песка с примесью угольков. В заполнении горна обнаружены куски обгоревшей и ошлакованной обмазки, деформированные фрагменты керамической посуды, рыболовные грузила.

Выяснилось, что горн имел следующую конструкцию: на песчаном останце размещалась круглая в плане обжигательная камера (размеры: С–Ю – 1,85 м, З–В – 1,90 м), заглубленная в материк на 0,5–0,6 м (рис. 4; 5). Сохранились стенки высотой 0,5 м в два кирпича-сырца (размером 25 x 15 x 10 см; есть очень крупные кирпичи – 42 x 18 (20) x 8 (10) см), связанных глиной. В центре горна был устроен круглый в плане (диаметром 85–90 см) – «козел» – опорный столб потолка топочной камеры, высотой 30–33 см, вылепленный из глины. С боков, по периметру, «козел» обложили вертикально поставленными обожженными кирпичами (размером 25,5 x 14,0 x 5,5 см). Внутри горна были устроены опорные «полки» для укладки потолка топочной камеры: вдоль сырцовых стенок вертикально поставлены обожженные кирпичи, на них уложены горизонтально такие же кирпичи. На образовавшийся выступ-полку – с одной стороны, и на «козел» – с другой, были, по-видимому, уложены плохо оструганные доски, сверху обмазанные слоем глины толщиной 4–5 см (на глиняной обмазке от досок остались отпечатки). В них обычно делали продухи для прохождения жара в верхнюю камеру горна, где, как выяснилось, было размещено около 40 (судя по собранным днищам) сосудов-корчаг.

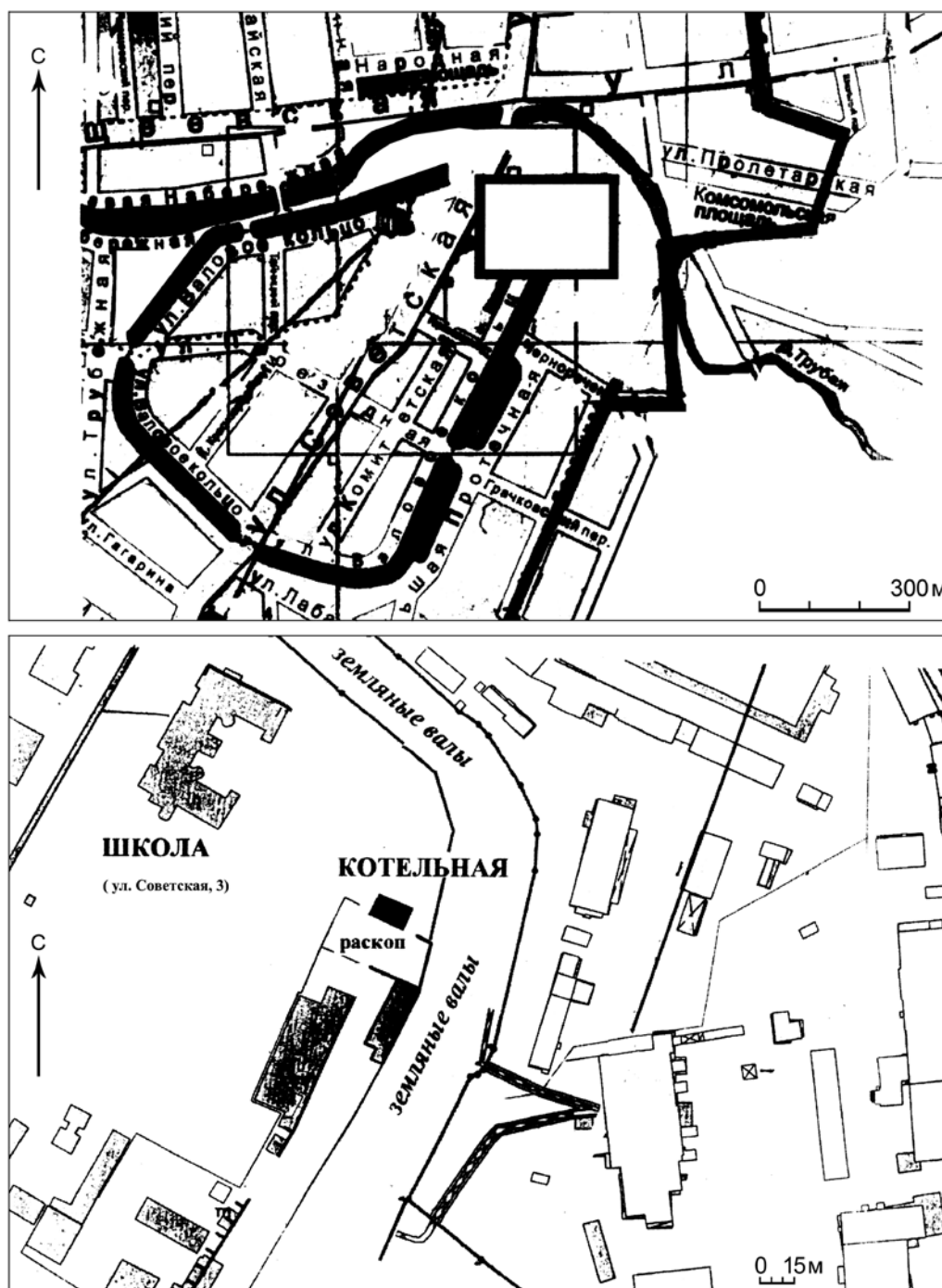

Рис. 1. Ситуационный план раскопа на ул. Советской, 3. Переславль-Залесский. 2004 г.

С восточной стороны к горну примыкал топочный канал шириной метр и высотой полметра, стенки которого были выложены необожженными кирпичами, потом дополнительно обмазанными снаружи толстым слоем глины. Свод печи перекрыт четырьмя такими же крупными плитами, размером 30 x 22 x 7 см. У основания топки фиксировались прослойки углей и золы, а также несколько железных кованых гвоздей (рис. 5; 6). Устье топки было направлено в сторону насыпи вала, что, веро-

ятно, должно было защитить топки от ветра и тем самым обеспечить равномерность обжига (Рабинович, 1949. С. 30). С другой стороны, это могло быть продиктовано соображениями пожарной безопасности: так, например, исследованные московские горны топками были обращены в противоположную от жилых строений сторону (Мальм, 1949. С. 50).

Всего в развале горна собраны донца 40 сосудов-корчаг (см. табл. 1).

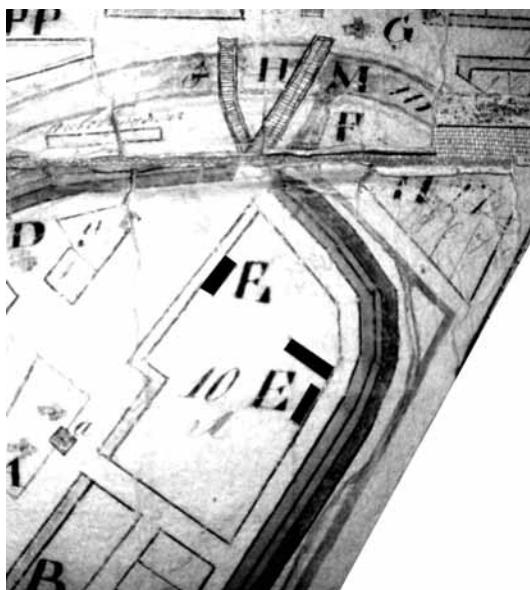

Рис. 2. Фрагмент генерального плана Переславля-Залесского с домами купца Чечелева. Кон. XVIII в.

Таблица 1. Диаметр донцев корчаг, найденных в развале горна.

Диаметр донцев (мм)	80	90	100	110	120	130	140	150	160	170	Всего
Количество корчаг	1	6	3	4	7	8	4	3	3	1	40

Реконструкция корчаг затруднена ввиду их сильной деформации. Полностью или в значительной части восстановлено только пять корчаг. Они имеют вертикально поставленный венчик с характерным подтреугольным в профиле утолщением края с внутренней стороны. Переход к плечикам очень резкий; от плечиков стенки сосудов конусообразно сужаются к донцу. Соотношение диаметров донцев, плечиков и горла целых сосудов – 16/38/31 см при высоте 28 см. Максимальный диаметр корчаг 38/40/42 см, высота – около 30 см (рис. 7; 8).

Собраны фрагменты семи уплощенно-конических крышек (одна – полностью) с горизонтальными каналами для деревянных вставок. Частично собран сосуд, напоминающий ведро усеченно-конической формы, с плоским дном и прямыми стенками (высота 27 см, диаметр верха – 30 см, диаметр дна – 22 см). Однако снаружи на нем видны два круглых выступа – остатки ручки, так что, по-видимому, это крышка, аналогии которой нам пока не известны (рис. 9).

В заполнении горна найдены также куски обгоревшей и ошлакованной обмазки, обломки керамики, 121 рыболовное грузило – 90 дисковидных и 31 цилиндрическое (рис. 10). Грузила, по-видимому, заполняли свободное пространство между корчагами. На глиняной обмазке сохранились кольцевидные отпечатки вертикально поставленных цилиндрических грузил. Некоторые грузила имеют отпечатки ткани

и рогожи, на которых их, по-видимому, сушили перед обжигом. Горн, судя по содержимому, обрушился в процессе обжига, сосуды и грузила разбились, деформировались и полопались в огне, при этом потрескались и поменяли цвет. Несколько не пережженных обломков позволяют предположить, что планировалось изготовление красноглиняной керамики, покрытой белым ангобом и залощенной. Красноглиняные сплошь ангобированные горшки были распространены в Москве в XV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968. С. 23). Аналогичные сосуды с вертикальным венчиком и коническим туловом отмечены в закрытых комплексах Москвы – яме 4 Монетного двора и яме 2 Исторического проезда, датируемых концом XV – началом XVI в. (Бойцов, 1991. С. 38. Табл. 85, 86, 102).

Керамический комплекс из горна Переславля-Залесского может быть датирован на сегодняшний день довольно широко. Обрушившийся горн был перекрыт слоем (рис. 4), содержащим остатки кирпичного дома, с изразцами первой половины XVIII в. (скорее всего, одного из домов купца Чечелева) (рис. 2). Красноглиняные гладкостенные ангобированные корчаги были распространены в ярославском¹ регионе в XVI в. В Москве и московском регионе в XVII в. они уже не встречаются. Однако отсутствие разработанной хронологии средневековой керамики Переславля-Залесского, с узко датированными типами, основанной на закрытых комплексах, заставляет

¹ Устная консультация Е.К. Кадиевой.

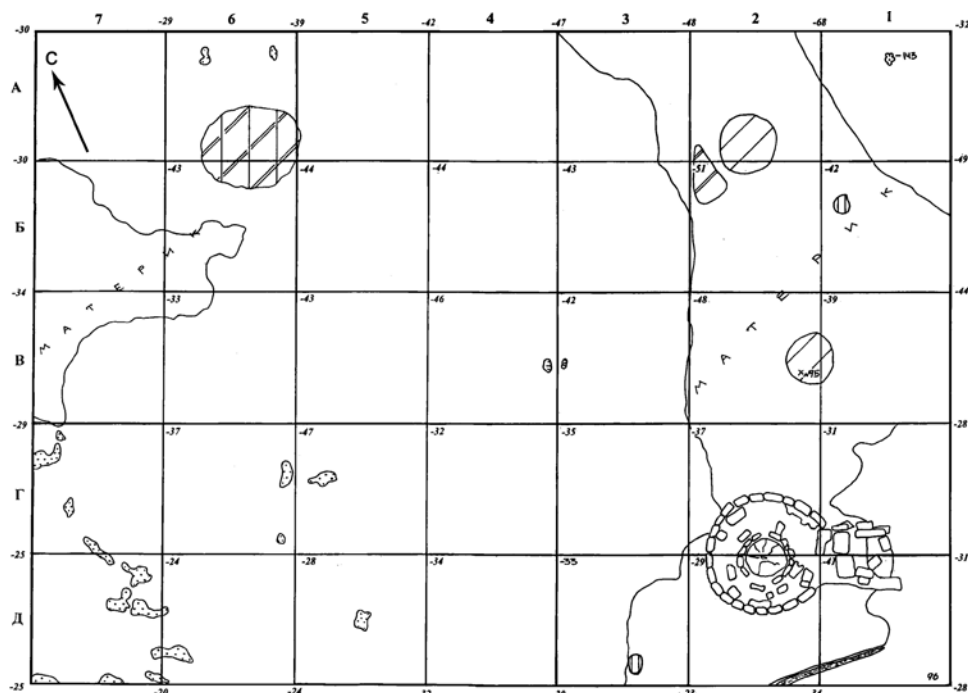

Рис. 3. План пласта 7. (Сторона квадрата 2 м)

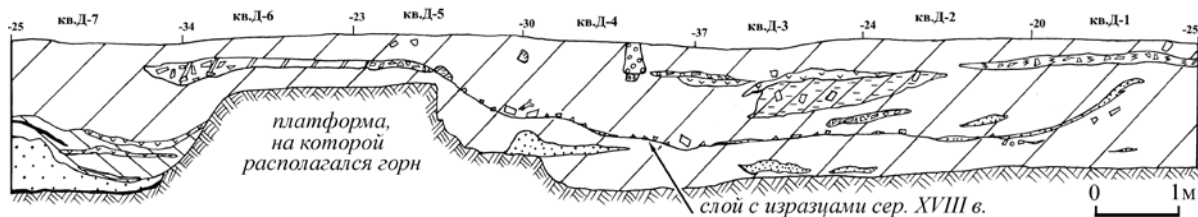

Рис. 4. Южный профиль раскопа на ул. Советской, 3. Переславль-Залесский

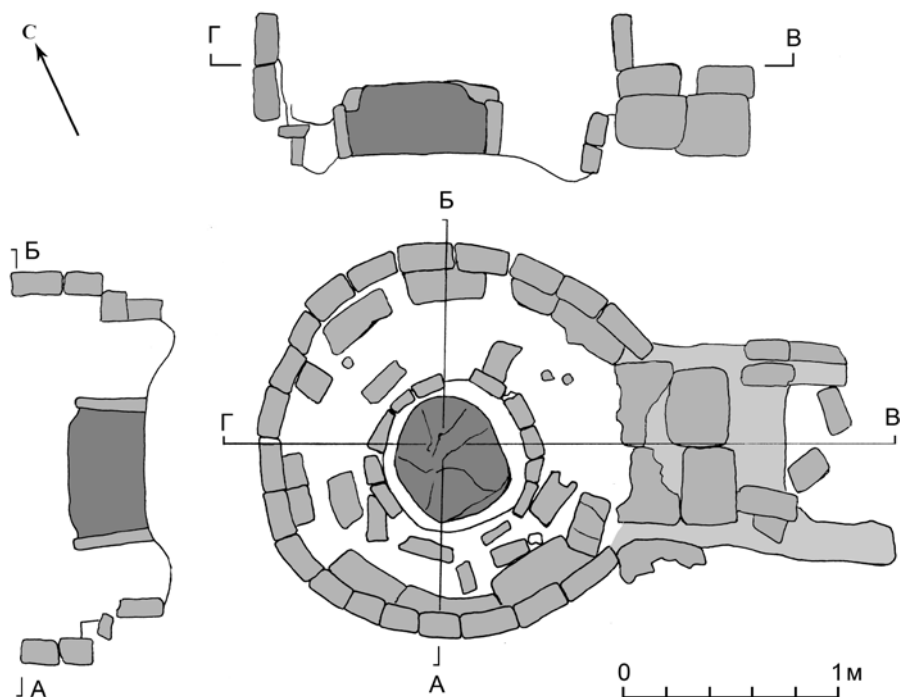

Рис. 5. Гончарный горн. План и разрезы

Рис. 6. Гончарный горн. Вид с ВЮВ

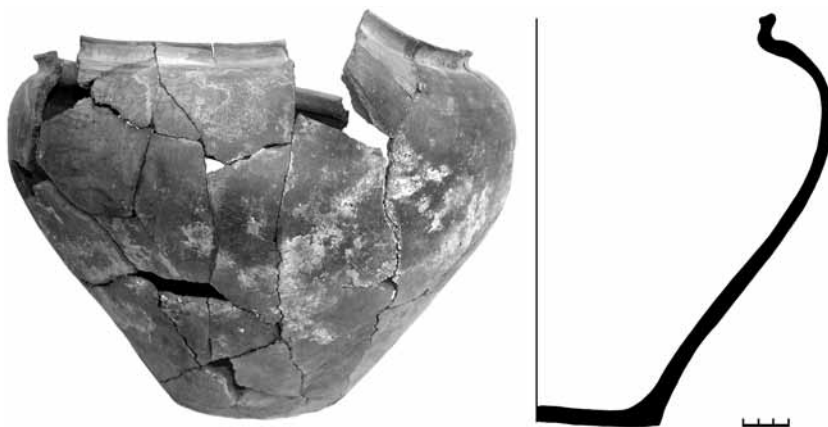

Рис. 7. Корчага из гончарного горна

пока расширить дату керамического комплекса горна до XVI–XVII вв.

Горн относится к двухъярусным глинобитным печам (Колчин, 1985. С. 273) или к так называемому ямному типу – круглой формы, с двумя ярусами: нижним – топочным, и верхним – обжигательным и с прямой тягой, являющемуся наиболее распространенным (Мальм, 1949. С. 50). Но он более прост по конструкции, в отличие от изученных московских средневековых горнов XV–XVII вв., где пол топочной камеры вымощен кирпичами, а подпорный столб («козел») имел внутренний канал (Мальм, 1949. С. 46. Рис. 2а. С. 48, 49).

Содержимое горна демонстрирует производство одного типа сосудов (корчаги), но также показывает, что производство рыболовных грузил (важное для города, стоящего на озере) было хоть и вспомогательным, но массовым продуктом гончаров Переславля-Залесского. Существенным для изучения этой массовой категории археологических находок (Вишневский, 2006. С. 220, 221) является наблюдение о синхронном бытовании двух типов грузил: дисковидных и цилиндрических, при преобладании дисковидных (более простых в изготовлении).

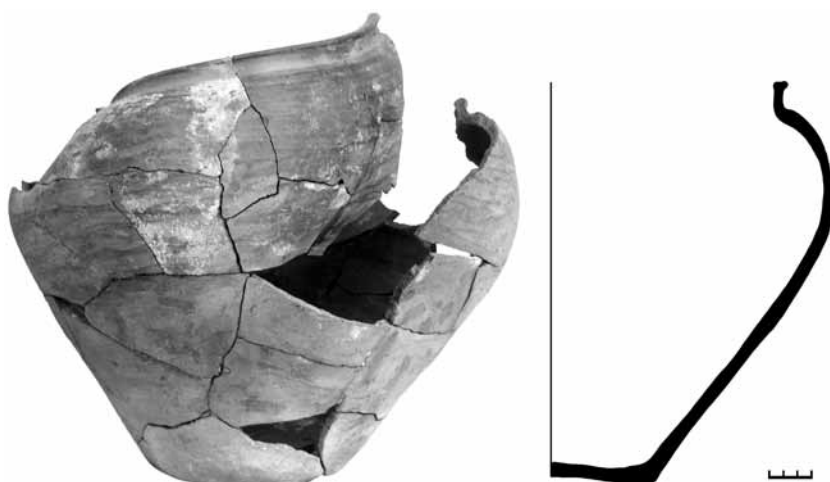

Рис. 8. Корчага из гончарного горна

Рис. 9. Цилиндрическая крышка-«клош» из гончарного горна

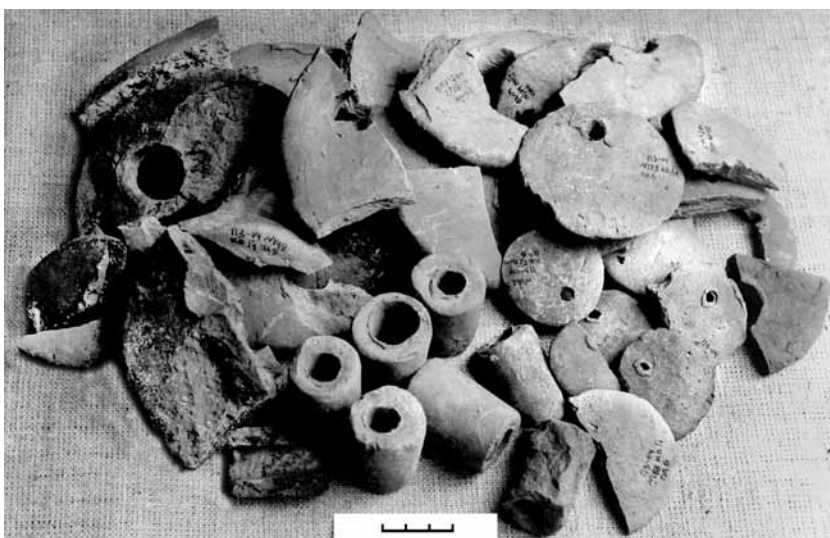

Рис. 10. Рыболовные керамические грузила из гончарного горна

Литература

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV–начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК.

Вишневский В.И., 2006. Культурный слой Переславля-Залесского (по данным археологических разведок 2002–2003 гг.) // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Ярославль.

Колчин. Б.А., 1985. Ремесло // Древняя Русь: город, замок, село. М. (Археология СССР).

Мальм В.А., 1949. Горны московских гончаров XV–XVII вв. // МИА. № 12. М.

Рабинович. М.Г., 1949. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12. М.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е1-39).

V.I. Vishnevsky

Medieval potters horn from Pereslavl-Zalessky

Summary

As a result of rescue excavations inside earth mound of Pereslavl-Zalessky were found remainders of potters horn of the 16th – the 17th centuries. The horn is round

(diameter 1,9 m), two-levelled. Inside of it there are ceramic defects, crushed by destroyed vault – large earthenware pots (about 40), 6 covers and 121 fishing sinkers.

О.Н. Глазунова

Особенности керамического производства Ново-Иерусалимского монастыря в XVII–XVIII веках

С 2009 г. и по настоящее время экспедиция Института Археологии РАН проводит археологические раскопки на территории Ново-Иерусалимского монастыря (западное Подмосковье). Монастырь был основан патриархом Никоном в середине XVII в. с целью воспроизведения святынь Иерусалима на русской почве. Не имея на родной земле месторождений отделочного камня, которым украшены храмы Святой земли, патриарх задумал заменить каменное убранство соборов многоцветной поливной керамикой – изразцами. В то время здесь не существовало традиции украшения зданий поливными изразцами, собственно, не известна была даже сама технология производства цветных непрозрачных эмалей. Для выполнения своего грандиозного плана Никон организовал крупнейшее в истории России производство изразцов, как архитектурных, так и печных. До сих пор не до конца выяснено, откуда было привезено большинство мастеров-изразечников, осуществлявших это производство. Лучше известна история Степана Полубеса из Мстиславля. Работами по изготовлению внешнего декора руководил П.И. Заборский. Есть списки имен гончаров (неопубликованные и хранящиеся, в частности, в архиве музея Нового Иерусалима). Мастера, присланные из разных мест, помимо навыков изразцового производства привнесли на истринскую землю и другие гончарные традиции. В первую очередь это касается посуды. Возможно, данная работа, посвященная выявлению различных традиций гончарства, даст дополнительный материал для выявления истоков традиций изразцового производства Нового Иерусалима.

Керамика московского региона изучалась и описывалась многими исследователями: М.Г. Рабиновичем (1949; 1971), Р.Л. Розенфельдом (1968), С.З. Черновым (1991; 2005), В.Ю. Ковалем (2001; 2004), Н.А. Кренке (2010¹; 2011) и другими исследовате-

лями. В них представлены разные варианты типологий и схем развития керамики. Помимо этого, существует большое количество статей, посвященных локальным керамическим комплексам Подмосковья. Однако керамика Истры позднего времени практически не изучена. Собственно говоря, материалы по этому вопросу можно найти только в неопубликованных отчетах о проведенных археологических работах, в частности отчете К.Н. Гаврилина (1983) и общих этнографических каталогах («Народное гончарство...», 1995).

Необычность керамического комплекса Ново-Иерусалимского монастыря бросается в глаза при первом же знакомстве с ней. Керамика, характерная для западного Подмосковья, занимает здесь в общем керамическом комплексе очень скромное место – около 8% от общего количества сосудов. Обычно бывает наоборот: именно столько в городских керамических комплексах составляет привозная и нетипичная посуда.

Наиболее ярко характерные черты и особенности видны в двух условно-закрытых комплексах: первом, происходящем с территории раскопа 4 с жилыми и хозяйственными постройками, относящимися к начальному периоду строительства монастыря; и втором – из заполнения заброшенного колоколотейного комплекса (раскоп 6, яма 4) (рис. 1)².

Стратиграфия раскопа 4 содержит фактически один слой – времени патриарха Никона. Выше – только незначительный слой современного мусора, ниже – материк. Нумизматический материал представлен многочисленными медными и серебряными копейками Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых (54 экз.), шведским шиллингом того же времени (1632–1654 гг.) и так называемым угорским золотым. Найденные здесь изразцы как минимум от четырех печных комплексов относятся к наиболее

¹ Кренке Н.А. Типология и статистическая обработка средневековой московской керамики. (Доклад прочитан на заседании сектора Археологии Москвы ИА РАН 18 октября 2010 г.)

² Все сосуды из раскопок склеены и отрисованы А.Ю. Сергеевым и М.И. Ходченковым.

ранним для данной территории и представляют несколько различных традиций.

В заполнении ямы 4 раскопа 6 над остатками собственно колоколотейного производства лежала прослойка, состоявшая из обломков архитектурных изразцов от первоначального декора Воскресенского собора и фрагментов трехцветной черепицы с граней шатра. Выше располагалась прослойка темно-серой супеси со строительным и хозяйственным мусором, откуда происходил набор керамики. Помимо посуды, здесь найдены обломки «голландских» курительных трубок с длинным орнаментированным мундштуком и тюльпанообразной чашечкой (12 экз.), в том числе с клеймом «СК» под короной (датируется 1730 г.; мастер Cornelius Kwast), и несколько монет первой половины XVIII в. Эта прослойка перекрыта слоем извести периода мичуринской реконструкции собора. То есть заполнение ямы сложилось после обрушения шатра в 1723 г. и до возведения нового в 1759 г. Индивидуальные находки сужают эту дату до 30-х – начала 40-х годов XVIII в.

Материал второй половины XVIII в. взят из нескольких небольших ям раскопа 6, относящихся к дворцовому сооружению, возведенному практически над колоколотейным комплексом – «Новому» государеву, так называемому Мраморному дворцу.

В составе условно-закрытых комплексов из ям и сооружений Ново-Иерусалимского монастыря больше половины, а в некоторых случаях (палаты патриарха Никона) даже и более двух третей комплекса составляла керамика, изготовленная из местных красножгущихся глин в инородных традициях. Наиболее ярким инородным керамическим сосудом является трехногая сковорода-жаровня, происходящая из палат патриарха Никона. Это круглый мискообразный сосуд диаметром 21 см с невысокими стенками без резкого перехода к слегка закругленному (не плоскому) днищу и скошенным внутрь венчиком. Сосуд стоит на трех круглых в разрезе, сужающихся книзу ножках и имеет круглую полуручку-втулку. Изготовлена сковорода из красножгущейся глины с песком в тесте и покрыта изнутри зеленой (муравленой) поливой. В комплексах керамики Московского региона такие сосуды встречаются чрезвычайно редко, в основном это привозная посуда, резко отличающаяся по составу теста и качеству поливы. Однако для любой европейской страны это абсолютно обычный предмет. В качестве аналогии можно привести сковородку XVII в. из Клайпеды (рис. 2).

Помимо сковородки, комплекс содержит в основном поливную столовую посуду (что также абсолютно не характерно для Московского региона XVII в.): горшки с прямыми, расширяющимися вверх стенками; кувшины, в том числе, с небрежно процарапанным контурным растительным орнаментом под поливой; а также целый набор довольно вместительных (диаметром 8–12 см) красноглиняных кружек с прямой высокой (псевдозооморфной) ручкой (похожих на современные пивные). Встречаются кружки без поливы, с зеленой поливой или покрытые разноцветными цветными глазурями. Для московской традиции больше характерны краснолощенные круглобокие

кружки-кувшины или стакановидные, расширяющиеся к венчику сосуды (рис. 3).

Есть и иная бытовая поливная керамика: миниатюрные керамические лампадки и очень интересные закрытые сосудики сложной формы с двойными стенками и круглыми отверстиями в верхней плоскости сосуда, возможно, кадила или подсвечники (рис. 4).

В данном комплексе можно видеть попытки воспроизвести чужеродные предметы собственными силами из имеющихся материалов. Акцент при этом делался на внешнее сходство. Состав теста (местные красножгущиеся глины с большим количеством песка) не отличается от состава теста местных печных горшков этого времени. Полива при визуальном осмотре абсолютно идентична поливе на изразцах из печных комплексов палат.

Комплекс керамики из заполнения заброшенного колоколотейного комплекса содержит 13 предметов. В первую очередь, это шесть среднего размера (от 10,5 до 15,5 см высотой) тонкостенных (не более 0,4 см) горшочков хорошего горнового обжига, округлых очертаний (плавной яйцевидной формы тулова), на небольшом поддоне, с характерным наклоном шейки (расширяющимся конусовидным венчиком диаметром 12–16 см); диаметр донца от 8,0 см до 11,0 см (коэффициент отношения высоты к диаметру венчика, соответственно, от 0,7 до 1,3). Тесто примесей не содержит. Три горшка покрыты изнутри зеленой поливой, снаружи ангобом; один изнутри – бирюзовой поливой, снаружи – ангобом. Два ангобированы только снаружи. Четыре горшочка – с ручками, два – без них. К этому же типу относится зооморфный рукомой с двумя ручками и двумя изящно выгнутыми носиками, украшенными рожками. Изнутри рукомой покрыт прозрачной зеленой поливой, снаружи – ангобом, расцвеченным произвольным узором из струек этой же зеленой поливы.

Для Москвы и Подмосковья такая посуда не характерна. В тоже время, если мы обратимся к керамике Литвы, то обнаружим, что подобные горшки, только, может быть, несколько более высокие (16,6–19,0 см) повсеместно бытовали в Клайпедой в XVII–XVIII вв. («Buitine...», 2010. Р. 19–25. № 21–25, 49) и составляли основную массу посуды. Там эта форма получила распространение еще в XIV в. как общеганзейская. К середине XVII в. такие горшки стали покрывать изнутри поливой, а снаружи ангобом (рис. 5).

К грубой кухонной посуде относятся крупные горшки двух типов, представленные в данном комплексе двумя целыми формами, принципиально отличающимися по составу теста. Тесто первого горшка содержит большое количество дресвы и крупного песка, причем, не только на сломе, но и по всей поверхности сосуда, как внутренней, так и внешней. Это особенность кухонной керамики всего западного региона Московской области (Истра, Можайск, Звенигород и т. д.). Второй горшок изготовлен из глины с включениями органики и мелкого песка, поверхность гладкая. При этом у обоих горшков, в целом, много близких черт. Общими являются: крупный размер (высота первого составляет 18 см, второго – 26 см),

открытость формы (диаметр венчика первого 18 см, второго – 24 см), неполный (трехслойный) обжиг; толстостенность (толщина стенок 0,7–1,0 см), отогнутый наружу венчик; широкое устойчивое донце (рис. 6).

Итак, в рассматриваемом комплексе одновременно присутствуют как минимум три гончарные традиции.

В керамике второй половины XVIII в. сохраняются нетипичные для Московского региона формы сосудов и необычно широкое использование полив. Так, очень похожи на литовские крышки сосудов, отличные от привычных нам плоских московских крышек (рис. 7). Следующая категория посуды – керамические тарелки. В Литве глиняные столовые тарелки появляются в XVI в. и к XVII в. получают широкое распространение («Keramika...», 2010; *Zulkus*, 2002). Для Московской керамики это совершенно не характерно. Столовой посудой служили, как правило, деревянные миски или же небольшие порционные глиняные горшочки (*Беляев, Коваль*, 2010. Шурф 9 2009 г.), чернолощенные или просто красноглиняные миски. А в Ново-Иерусалимском монастыре столовые глиняные тарелки составляют большой процент от общего количества столовой посуды. Для них характерны разноцветная подглазурная роспись по белому ангобу. Аналогичные тарелки известны в бытовой керамике Литвы (рис. 8).

На кайме нескольких тарелок из Нового Иерусалима повторен рисунок, знакомый нам по кайме расписных изразцов – так называемые флегнеровские ромашки (рис. 9). Это может служить подтверждением предположения, что поливная посуда производилась в монастыре в тех же мастерских и теми же мастерами, которые изготавливали изразцы. Еще одним косвенным подтверждением может служить необычно разнообразное сочетание различных полив на посуде. Для подсчета истринской керамики мы вынуждены были создать специальные отдельные таблицы сочетания цветов полив (см. табл. 1).

Обычно соображения практической экономии не позволяют такому разнообразию существовать в производстве. Оно возможно только, если разнообразные поливы используются в большом количестве для других целей (в нашем случае, для изготовления изразцов), а производство керамики вторично, и при этом тратятся остатки имеющихся в настоящий момент в наличии глазурных составов.

Рассматривая особенности керамических комплексов Ново-Иерусалимского монастыря, нельзя не

остановиться на характерных местных особенностях так называемой мраморовидной посуды. Материал позволяет проследить оригинальный путь развития здесь этой технологии декора. По московским материалам хорошо известна многоцветная роспись под бесцветной поливой на керамике из светложгущихся глин. В Истре мраморовидная посуда производилась из красножгущейся глины. В комплексе 30–40-х годов XVIII в. мраморовидная роспись выполнялась по ангобу только по внешней стороне сосудов (для тарелок по внутренней) и представляла собой разводы красного и коричневого ангобов. Поливой такая посуда не покрывалась. А в комплексах второй половины XVIII в. (в частности, ямы 2 и 3 раскопа 6 – 2010 г.) зафиксировано значительное количество керамики, где к перечисленным цветам росписи добавлен еще зеленый. Вся подобная посуда покрыта бесцветной поливой, приобретающей на красной глине внутренней поверхности сосуда коричневатобурый оттенок. В составе комплекса 1730–1740-х годов есть посуда, украшенная разливами зеленой поливы по белому ангобу, в частности, рукомой. Таким образом, прослеживается путь развития технологического процесса, а тип мраморовидной росписи красного и коричневого цветов без поливы маркирует определенный этап керамического производства Истры (рис. 10).

Итак, некоторые выводы.

1. В Истре кухонная керамика XVII–XVIII вв. из красножгущихся глин представлена двумя основными типами. Первый характерен в целом для западного региона Подмосковья. Истоки второго пока не вполне ясны. Можно лишь предположить, что он как-то связан с месторождениями жирной, скорее всего, беложгущейся глины.

2. Поливные и ангобированные тонкостенные столовые горшочки (по большей части с ручками), крышки сосудов, сковороды и тарелки имеют прямые аналогии в бытовой общеганзейской керамике (в частности, в керамике Клайпеды).

3. Прослежен путь развития технологии мраморовидной росписи на Истринской земле.

4. Необычно большое количество поливной керамики, идентичность полив на сосудах и изразцах, одинаковые рисунки на изразцах и посуде, огромное разнообразие различных сочетаний полив, скорее всего, говорит о том, что столовая посуда изготавливалась в тех же мастерских, что и изразцы.

Литература

- Беляев Л.А., Коваль В.Ю., 2010. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, направленных на обеспечение сохранности объектов археологического наследия и сопровождение геологических и архитектурных исследований в рамках выполнения проектных работ по сохранению Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря в 2009 г. // ОПИ ИА РАН.
- Гаврилин К.Н., 1983. Отчет о спасательных раскопках Керамической мастерской первой четверти XVIII века в г. Истра // Архив ИА РАН. Р-1. № 9278.
- Калмыкова Л.Э., 1976. Русское гончарное искусство XIX – начала XX в. М.
- Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В.Ю., 2004. Исследование керамического материала // Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.
- Кренке Н.А., 2011 Древнерусская керамика московского региона: классификация, хронология // АИППЗ. Матер. 56 засед. семинара. М. – Псков.
- Народное гончарство Московской области XIX – начала XX в. М., 1995.
- Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12. М.
- Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М.
- Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XV–XVII вв. М. (САИ. Вып. Е 1-39).
- Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV – XVI вв. // МК. М.
- Чернов С.З., 2005. Домен московских князей в городских станах // Культура средневековой Москвы. Т. 2. М.
- Buitine keramika XIV a. vid. – XIX a. Klaipeda, 2010.
- Keramika utenos kraste. Klaipeda, 2010.
- Zulkus V., 2002. Viduramziu Klaipeda. Vilnius.

O.N. Glazunova

Peculiarities of ceramic manufacture of the New Jerusalem Monastery in the 17th – the 18th centuries

Summary

Ceramic complexes of the New Jerusalem Monastery (the 17th – the 18th cc.) from excavations of 2010–2011 are described in the article. Their main peculiarity is the coexistence of very different pottery traditions

what happened due to presence in the monastery of masters who came from different regions and brought the diverse traditions.

Таблица 1. Рабочий вариант учета обработки поверхности керамических сосудов из раскопок в Новом Иерусалиме.

Наружная поверхность (для тарелок – внутренняя)	Внутренняя поверхность (для тарелок – наружная)	Набор	Количество
Мраморовидная роспись под бесцветной поливой	Нет	Кувшин, тарелка, крышка	7
Мраморовидная роспись под бесцветной поливой	Коричневая полива	Крышка, горшок	10
Мраморовидная роспись под бесцветной поливой	Бирюзовая полива		1
Мраморовидная роспись под бесцветной поливой	Зеленая полива	Кувшин	2
Роспись под бесцветной поливой	Зеленая полива	Кувшин	1
Роспись под бесцветной поливой	Желтая полива	Тарелка	3
Роспись под бесцветной поливой	Бирюзовая полива		1
Роспись под бесцветной поливой	Нет	Стаканчик	1
Роспись под бесцветной поливой	Желтые полосы		1
Роспись под бесцветной поливой	Коричневая полива		1
Белая полива	Нет	Тарелка	1
Белая полива	Зеленая полива		1
Ангоб	Нет	Кружка, горшочек, кувшинчик	7
Ангоб	Зеленая полива	Кружка, кувшинчик	12
Ангоб с росписью	Коричневая полива		1
Ангоб с росписью	Зеленая полива		1
Зеленая полива	Коричневая полива		2
Бирюзовая полива	Желтая полива		7
Бирюзовая полива	Зеленая полива	Тарелка	2
Бирюзовая полива	Бирюзовая полива	Кружка	5
Нет	Бирюзовая полива		3
Нет	Коричневая полива	Кувшинчик	7
Нет	Темно-синяя полива	Горшок	1
Коричневая полива	Нет	Кувшин	1
Коричневая полива	Бирюзовая полива	Кружка	2

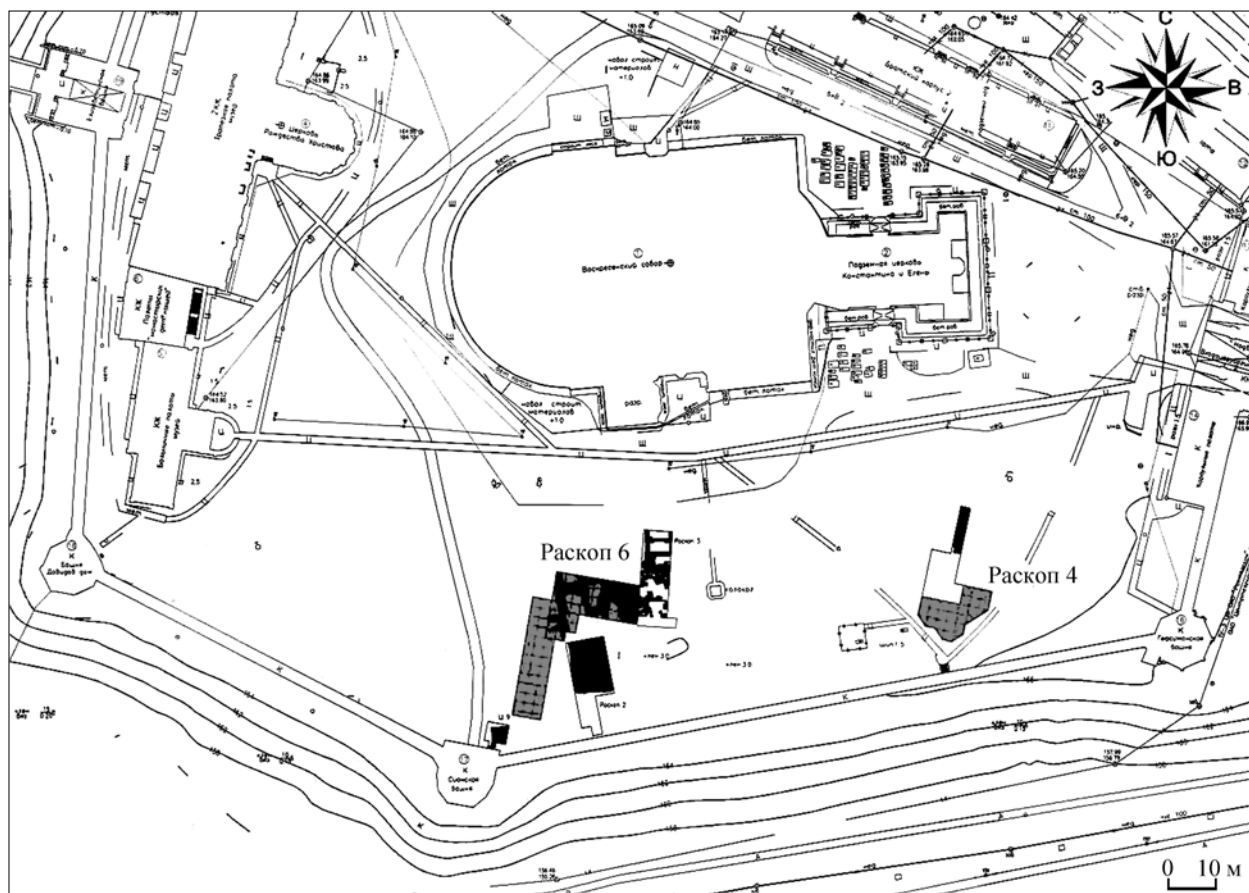

Рис. 1. Расположение археологических раскопов на территории Ново-Иерусалимского монастыря

Рис. 2. Сковородки-треножники
1 – из Клайпеды; 2 – из Ново-Иерусалимского монастыря

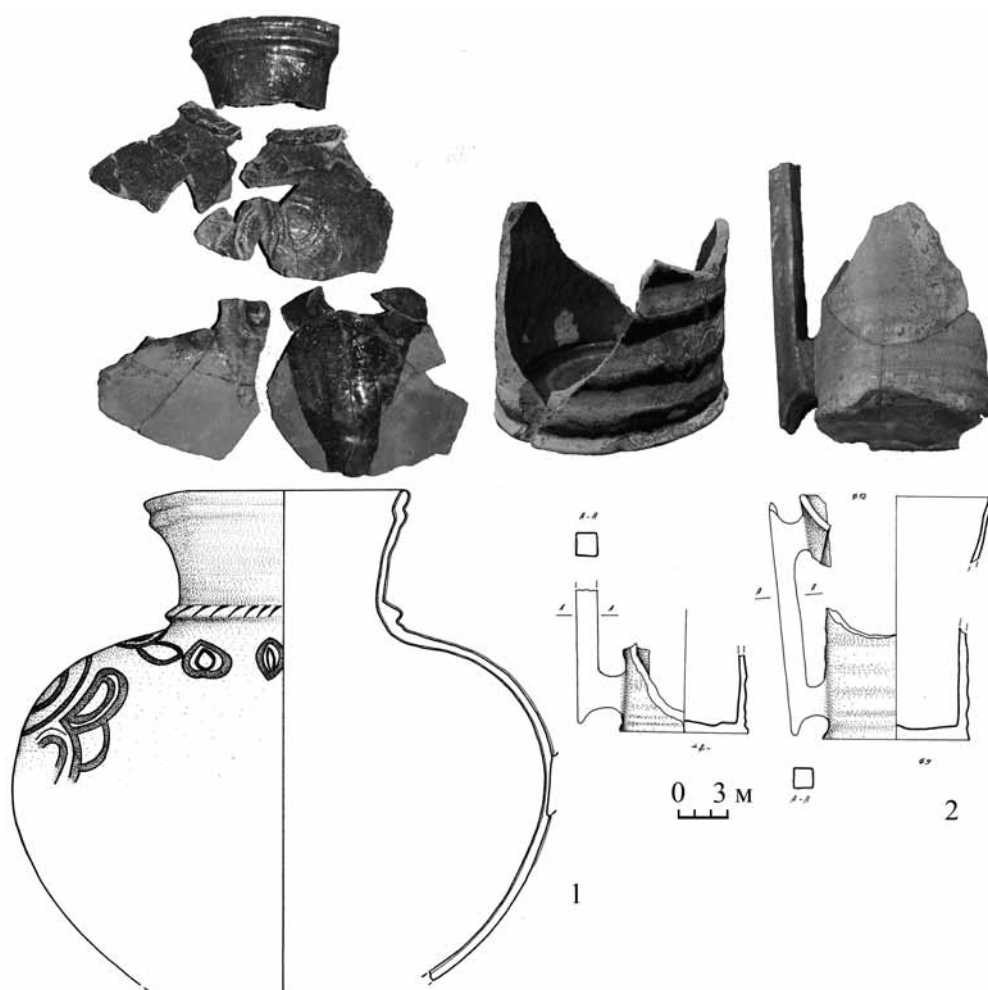

Рис. 3. Кувшин и кружки из комплекса патриарших палат

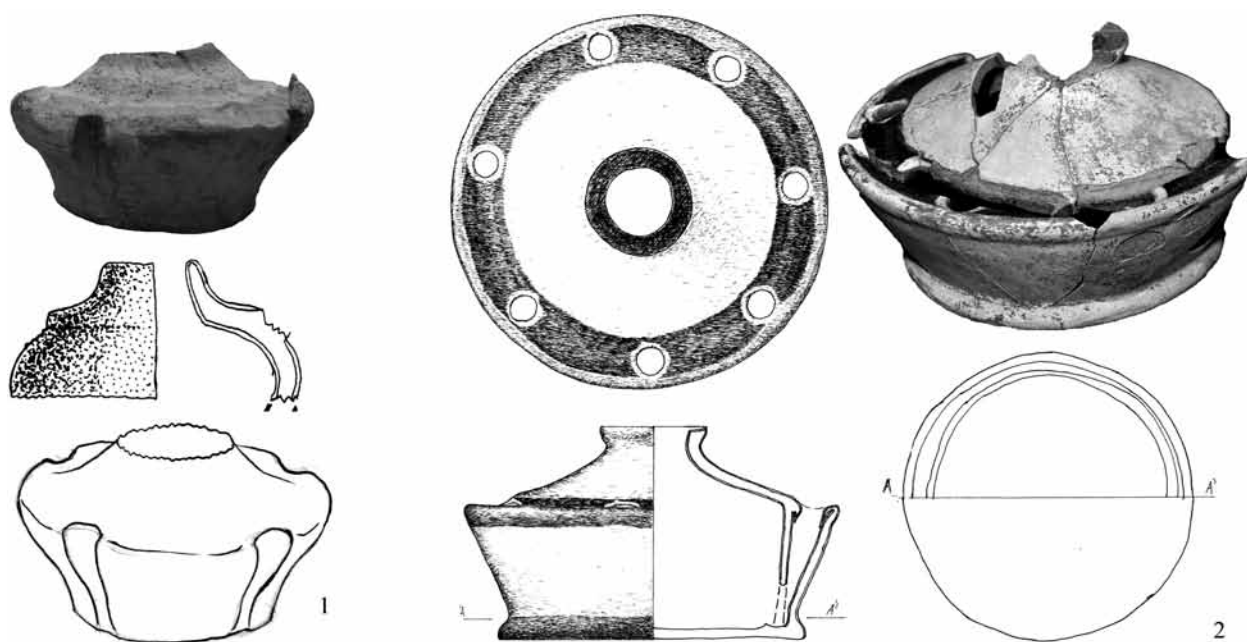
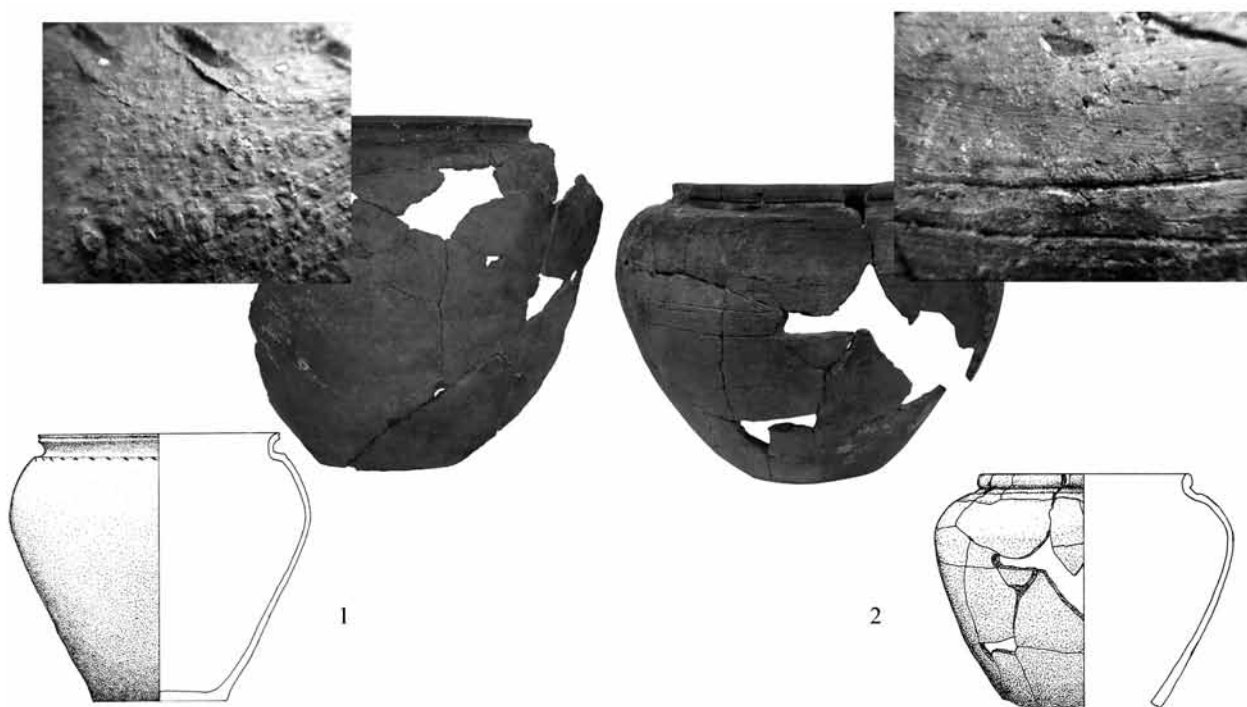

Рис. 4. Лампадка (1) и кадильница (2) из комплекса патриарших палат

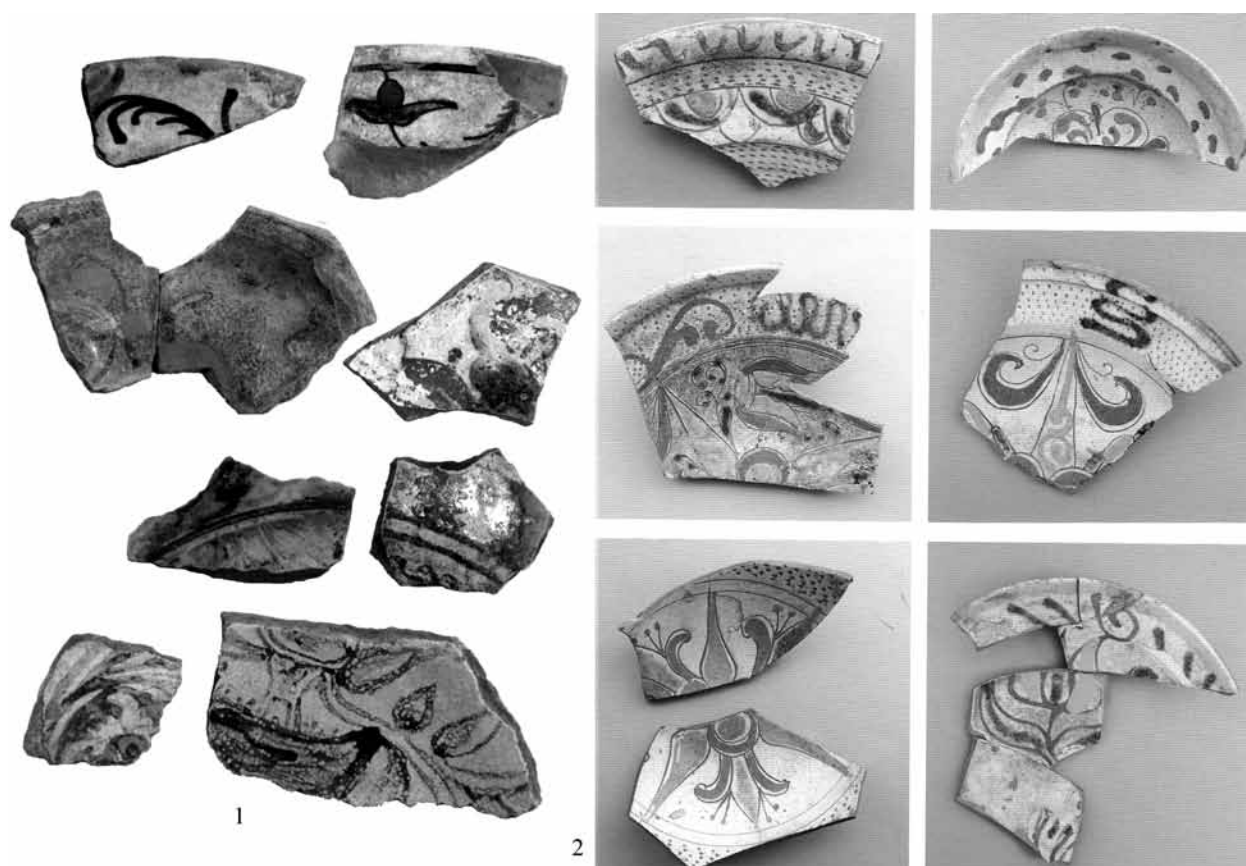
Рис. 5. Столовые горшочки
1 – из Ново-Иерусалимского монастыря; 2 – из Клайпеды

Рис. 6. Красноглиняные горшки
1 – с дресвой и песком в тесте; 2 – с органикой в тесте

Рис. 7. Крышки сосудов
1 – из Ново-Иерусалимского монастыря; 2 – из Клайпеды

Рис. 8. Керамические тарелки (см. цв. вкл.)
1 – из Ново-Иерусалимского монастыря; 2 – из Клайпеды

Рис. 9. Декоративная кайма из «ромашек» (см. цв. вкл.)
1 – на тарелках; 2 – на изразцах

Рис. 10. Мраморовидная керамика
1 – сосуды с мраморовидной росписью без поливы; 2 – ангобированный сосуд, украшенный струйками поливы;
3 – поливные сосуды с мраморовидной росписью

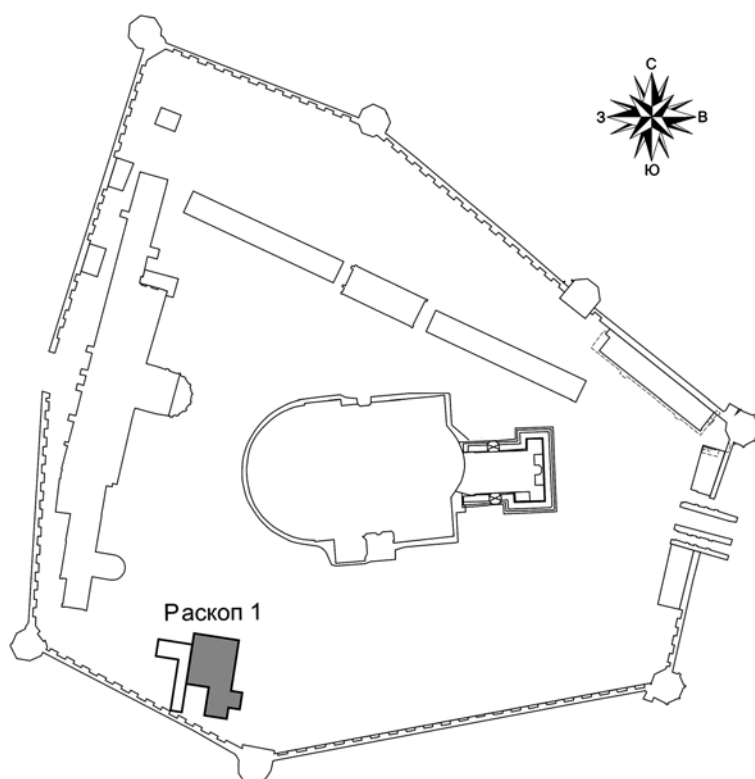
Е.В. Майорова

Керамические комплексы из раскопок Ново-Иерусалимского монастыря (по материалам раскопа I)

В 2009–2010 гг. Институт археологии РАН в рамках проекта реставрации проводил археологические раскопки на территории Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, размещающегося на территории г. Истра (до революции Воскресенска) (Беляев, Коваль, 2010; Беляев, 2011)¹. Несмотря на то, что это уже не первые исследования на территории обители и ее ближайшей округи, история керамического производства этого региона до сих пор остается мало изу-

ченной. Целью проведенного исследования являлось изучение керамики, полученной в ходе раскопок.

Археологические исследования на территории Ново-Иерусалимского монастыря еще не завершены, поэтому в данной статье представлены только предварительные итоги обработки керамики из комплексов раскопа I 2009–2010 гг. (рис. 1). Раскоп заложен в южной части монастыря с целью уточнения местонахождения Деревянного дворца (середины – второй

Рис. 1. Расположение раскопа I на территории Ново-Иерусалимского монастыря

¹ Благодарю руководителей раскопок доктора исторических наук Л.А. Беляева и кандидата исторических наук В.Ю. Ковалю за предоставленную возможность исследования и публикации материалов.

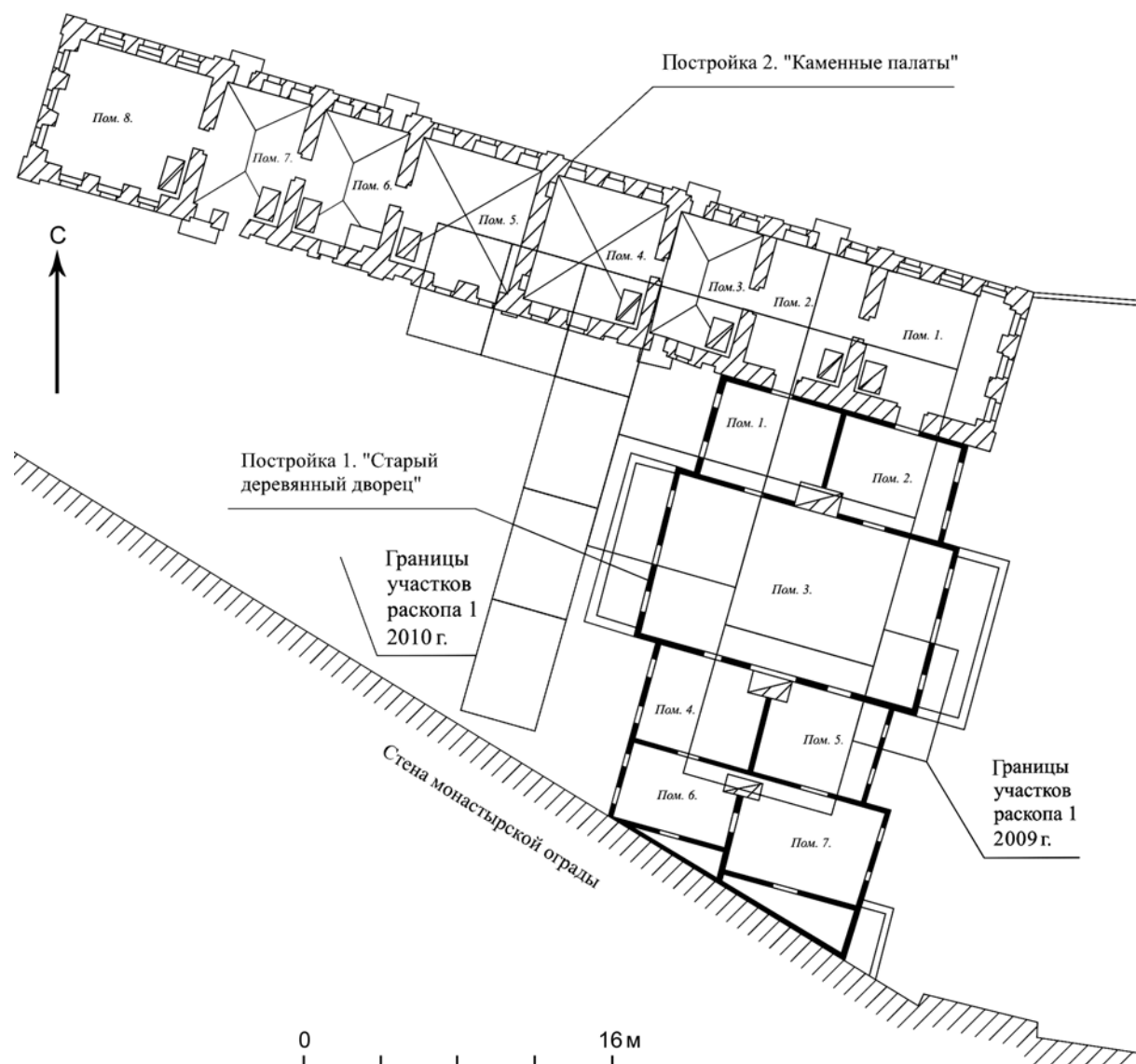

Рис. 2. План раскопа I с указанием размещения построек 1 и 2.
Планы построек приводятся по архивному плану 1762 г.

половины XVIII в.) и Каменных палат (XVIII в.). Оба этих строения отмечены на плане 1762 г.² (рис. 2). По стратиграфии все отложения культурного слоя на раскопе можно разделить на четыре хронологических этапа.

1. Середина – вторая половина XVII в. – время, связанное с активной деятельностью патриарха Никона, когда ограда монастыря и большая часть его построек были деревянными.

2. Конец XVII – начало XVIII в. – время царствования Федора Алексеевича и начало правления Петра I, когда завершается создание каменного ансамбля монастыря с его стенами, башнями, храмами.

3. Первая треть – вторая половина XVIII в. – этап строительства и разрушения дворца и палат.

4. С рубежа XVIII–XIX вв. до сегодняшнего дня, когда на этой территории был высажен, а затем сведен фруктовый сад (рис. 3).

Общая площадь раскопа I за два года исследований составила около 540 кв. м. В ходе раскопок было обработано более 11500 обломков керамики, часть из которых была склеена до полного профиля сосудов (16 горшков, 25 мисок, 7 крышек, 6 светильников, 2 цветочных горшка, противень и тарелка). Для классификации были использованы базовые принципы группировки керамики, разработанные В.Ю. Ковалем (1999. С. 123–130; 2004. С. 21–39), дополненные с учетом местных особенностей. В результате были разработаны две таблицы, характеризующие поливную и не-

² РГАДА. Ф. 1183. Ед. хр. 170. Л. 34.

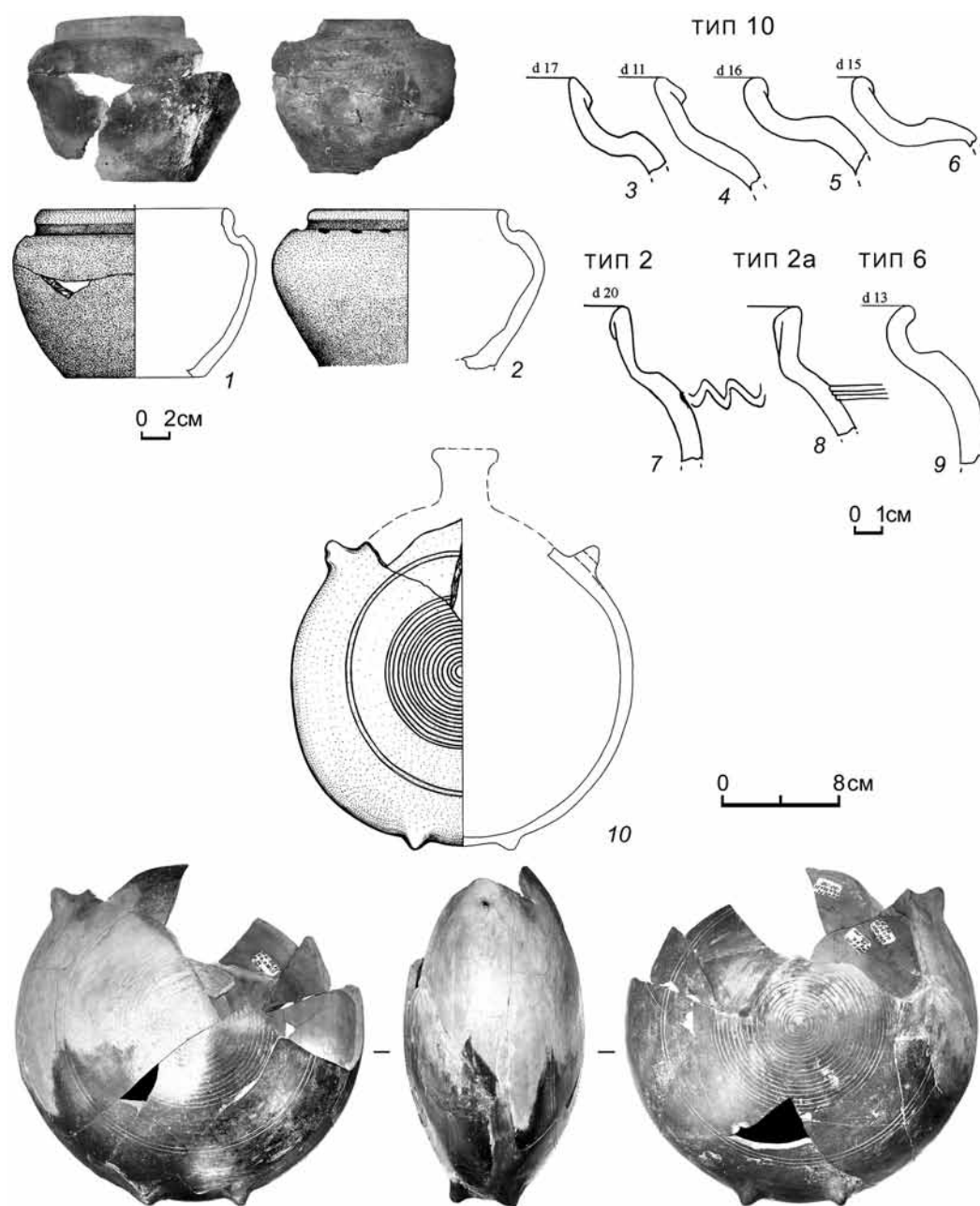

Рис. 3. Керамика середины – второй половины XVII в.

2, 6, 7, 9 – с примесью дресвы; 1, 3–5, 8 – с примесью песка; 10 – чернолощенная фляга без примесей в тесте

поливную керамику. При работе с неполивной керамикой учитывались основные примеси в формовочной массе (наличие или отсутствие песка, дресвы), способ обжига (окислительный или восстановительный), дополнительная обработка внешней поверхности (лощение, ангобирование). Таблица статистического учета неполивной посуды включает 28 условных типов керамики (каждому типу соответствует отдельный столбец в таблице). Поливная керамика разделялась на группы по цвету глины, цвету поливы, наличию ангоба между черепком и глазурью и размещению поливы на сосуде: с внешней, внутренней или с обеих сторон. Для

фиксации этих данных была подготовлена таблица, включившая 42 условных типа поливной посуды (соответственно – 42 колонки).

Для каждого из выделенных условных типов керамики отдельно подсчитывались донца и венчики горшков, прочие формы керамики (кувшины, корчаги, миски, светильники и т. д.), разновидности орнаментов.

Археологические комплексы первого хронологического этапа, с материалом второй половины – конца XVII в., представлены небольшими ямами, содержащими нерепрезентативные выборки керамики, и самым культурным слоем этого вре-

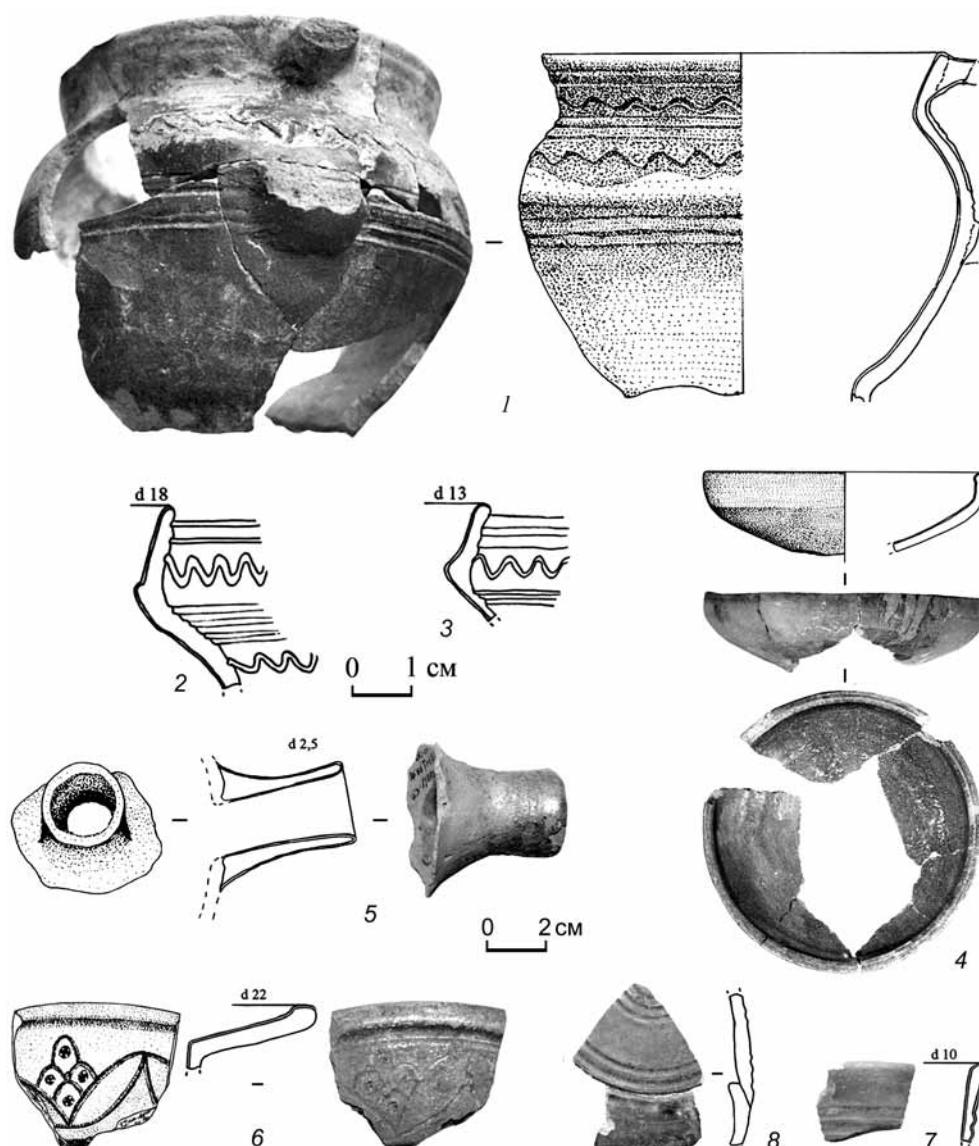

Рис. 4. Поливная керамика середины – второй половины XVII в.

1–3 – красноглиняная с прозрачной зеленой поливой поверх белого ангоба; 4–6 – красноглиняная с прозрачной зеленой поливой без ангоба; 7, 8 – белоглиняная с прозрачной зеленой поливой

мени, который располагался непосредственно на предматериковой прослойке светло-серой супеси (слоев, предшествовавших строительству монастыря, обнаружено не было). Сверху он был перекрыт мощной прослойкой извести (10–20 см), образовавшейся в результате устройства творильной ямы для извести во время строительства каменной стены монастыря (1694–1699). Дополнительно подтверждают датировку слоя и монетные находки: здесь были встречены медные и серебряные монеты Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. В слое было собрано 674 обломка керамики. Этот комплекс можно рассматривать как статистически достоверную выборку, характеризующую керамический набор второй половины XVII в.

Для керамики Ново-Иерусалимского монастыря середины – второй половины XVII в. характер-

но использование красноглиняных формовочных масс в основном с примесью мелкого песка в тесте (37,5% от всего количества керамики данного времени). Среди керамической столовой посуды наиболее распространенными являются чернолощенная (26,9%) и поливная (19,9%). Одна из местных особенностей керамики этого периода – использование грубых примесей (дресвы и крупного песка) как отощителя глины, но доля такой керамики незначительна (табл. 1 – см. после текста статьи). Для сравнения, в Москве дресву перестали добавлять уже к концу XV в. (Чернов, 1991. С. 20–33), здесь же эта традиция продолжалась до конца XVII в., а возможно и первой трети XVIII в. (табл. 1).

Морфологическое разнообразие горшков представлено следующими типами венчиков. Наиболее часто встречается венчик с наклоненной внутрь шейкой и черновым краем, загнутым наружу

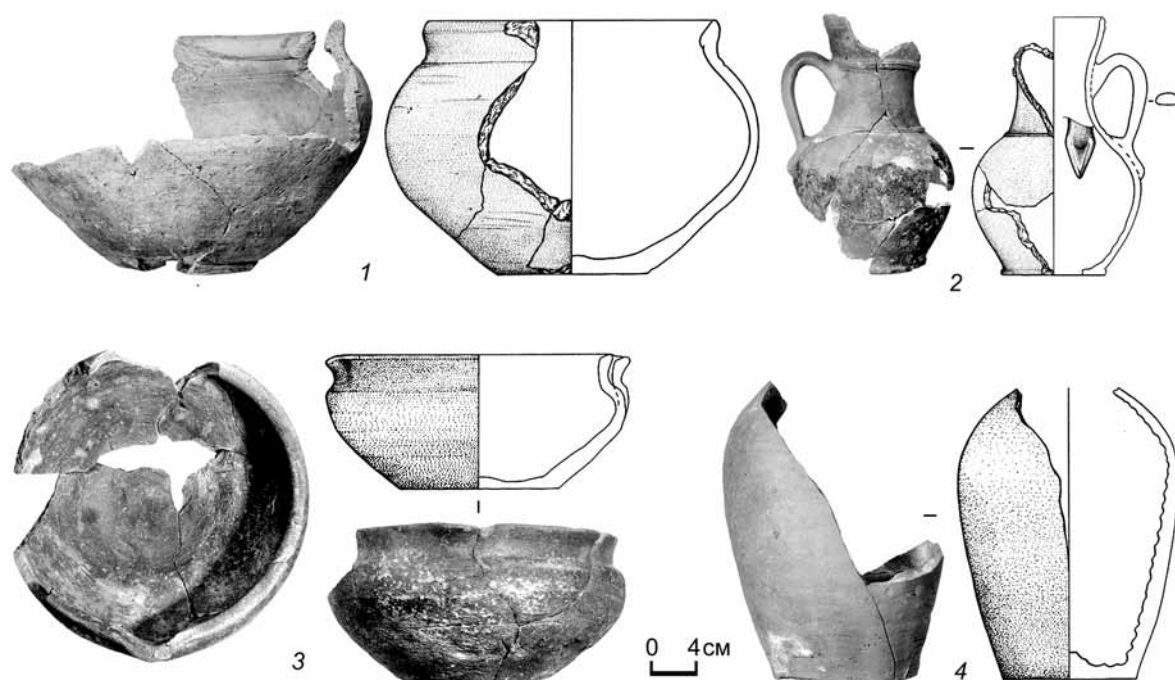

Рис. 5. Керамика первой половины XVIII в.

1 – белоглиняная с примесью песка в тесте; 2, 3 – красноглиняная с примесью песка в тесте; 4 – красноглиняная бутылка без примесей в тесте

(тип 10)³ (рис. 4, 3–6). Распространенной являлась также вертикальная постановка венчика (тип 2) (рис. 4, 7), иногда вдавленного внутрь горшка (тип 3) (рис. 4, 2). Встречаются и горшки с изогнутой шейкой и заглаженным краем (тип 6) (рис. 4, 9).

Еще одним узнаваемым морфологическим признаком этого времени является резкое ребро на плечике (рис. 4, 1–3, 6, 9). Керамика с подобным оформлением встречается в первой половине XVII в. и в Дмитрове (Панченко, 2008. С. 276–284).

Среди столовой посуды распространены чернолощенные кувшины и фляги (рис. 4, 10), а также красноглиняные миски и тарелки с поливой или без нее (рис. 5). Отличительной чертой посуды XVII в. из находок в Ново-Иерусалимском монастыре является большое количество керамики с поливой, которая составляла около 20% всей керамики этого периода. Вероятно, это связано с изготовлением местными гончарами большого количества изразцов, в том числе муравленых, и переносом техники поливы на производство столовой посуды. Часто горшки с поливой украшались орнаментом по шейке и плечу в виде чередующихся линий и волны (рис. 5, 1–3). При этом преобладает красноглиняная керамика с прозрачной поливой зеленого цвета, положенной поверх белого ангоба (табл. 2) – она составляет 70% от всей поливной керамики этого времени.

Таким образом, местное керамическое производство второй половины – конца XVII в. имело как характерные для московского региона признаки (ребро на

плечике, вертикальная и наклонная внутрь сосуда постановка шейки венчика, использование песка и дресвы в качестве отошителей глины), так и принесенные извне традиции (особые формы венчиков, большое количество поливной столовой посуды и др.). Новые традиции появились вместе с мастерами-изразечниками, собранными патриархом Никоном из разных мест для строительства и украшения Ново-Иерусалимского монастыря.

Археологические комплексы, содержавшие материал начала – первой половины XVIII в., представлены разными объектами с количеством керамики от 50 до 100 экз., датировка которых базируется на монетных находках (наиболее поздней из них является «полушка» 1735 г.), преобладании изразцов группы «эмблемы и символы», большом количестве обломков голландских белоглиняных курительных трубок. Это объект 64 (раскоп I, участок 4, 2009 г.), датируемый второй половиной XVII – первой третью XVIII в. (всего 77 обломков); объект 2 (раскоп I, участок 14, 2010 г.) конца первой трети XVIII в. (57 обломков); объект 12 (раскоп I, участки 9–10, 2010 г.) первой трети XVIII в. (127); объект 16 (раскоп I, участок 11, 2010 г.) первой половины – середины XVIII в. (78). На их фоне выделяется объект 68 (раскоп I, участки 1, 3, 5, 6, 2009 г.) конца первой трети XVIII в., при расчистке которого собрано 718 обломков керамики. Он интересен не только статистически репрезентативной выборкой массового материала, но и историей своего формирования, поскольку представлял

³ Типология венчиков горшков разработана на базе типологии В.Ю. Коваля (следуя предложенной им нумерации) и дополнена специфическими местными формами.

Рис. 6. Керамика первой половины XVIII в. (см. цв. вкл.)

1, 5 – с мраморовидной росписью без поливы; 2–4, 6, 8 – с подглазурной росписью;
7 – вазон из раскопок К.Н. Гаврилина 1982 г.

собой подвальное помещение Каменных палат. Засыпка этого помещения происходила быстро и могла быть напрямую связана с постройкой Старого деревянного дворца, когда наземная часть Каменных палат была использована в качестве северного флигеля Старого деревянного дворца. В результате мы имеем закрытый комплекс, датированный не только стратиграфически, но и по индивидуальным находкам, в том числе монетам 1731–1737 гг. Все это позволяет представить керамический набор, бытовавший в первой трети XVIII в. и археологизированный в 30-е годы XVIII в.

Итак, для данного периода характерно улучшение качества керамики по сравнению с предыдущим временем. Так в 2,2 раза увеличивается количество красноглиняной и белоглиняной керамики без примесей – с 11% до 24%. Появляется небольшая доля (от 0,5 до 3,0%) фарфора и фаянса. При этом доля чернолощеной и поливной керамики немного сокращается (но если смотреть на данные по материалу из слоя, то их процент примерно остается неизменным – см. табл. 1). Одной из местных особенностей можно назвать при-

менение белого ангоба на красноглиняной керамике, в то время как в других регионах, например, в Москве ангобирование ушло в прошлое еще на рубеже XVI–XVII вв. (вместе с самим производством кухонной керамики).

Для первой половины XVIII в. характерно большое разнообразие как форм, так и способов украшения посуды. Горшки стали более приземистыми, иногда они имеют слив для удобства переливания приготовленной пищи, в то время как раньше со сливами были только кувшины. В качестве столовой посуды используются не только миски и кувшины, но появляются керамические бутылки (рис. 6). Появляется подглазурная роспись на столовой посуде: кувшинах, мисках, тарелках и небольших крышечках. При этом роспись делится на две группы:

1) с симметричными волнами, завитками, стилизованными цветочками (рис. 7, 6) или фруктами (рис. 7, 8). Выполнена синей или желто-коричневой красками;

2) с разводами разноцветного ангоба – так называемая мраморовидная роспись (рис. 7, 1–5). Ре-

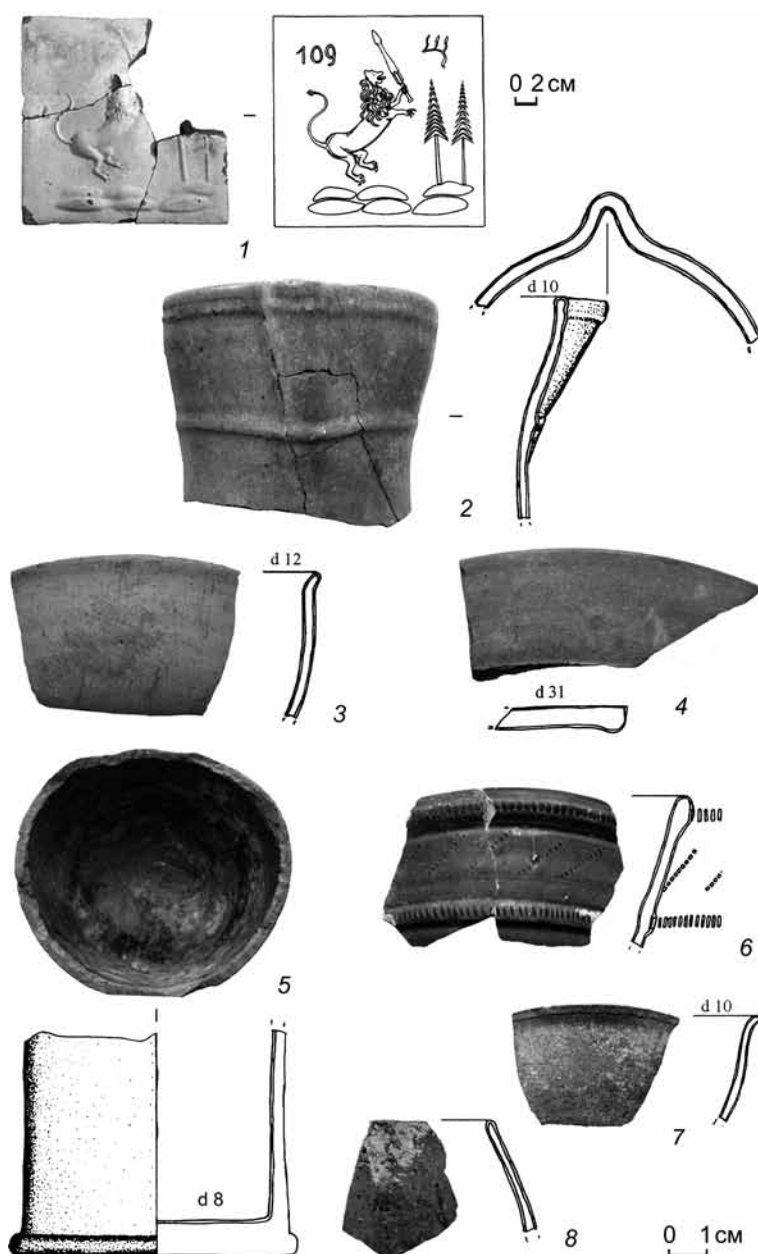

Рис. 7. Поливная керамика первой половины XVIII в. (см. цв. вкл.)

1–4 – красноглиняная с непрозрачной бирюзовой поливой: изразец, кувшин, чашечка, тарелка);
5, 8 – красноглиняная с прозрачной зеленой поливой без ангоба; 7 – красноглиняная с прозрачной
сиреневой поливой без ангоба; 6 – белоглиняная с коричневой поливой

гиональной особенностью этой техники является ее исполнение на сосудах из красной глины, в то время как в Москве «мраморовидная роспись» служит украшением, главным образом, белоглиняной посуды. Другая особенность состоит в том, что не вся посуда, имевшая подобную роспись, покрывалась поливой. Немного различается и цветовая гамма росписи. В вариантах без поливы используется белый ангоб как фон и роспись ярко-красным и красно-коричневым ангобами. В изделиях, покрытых поливой, белый ангоб также служит фоном и к красным ангобам добавляются зеленые и желто-коричневые разводы, сделанные красящим пигментом. При этом сама

глазурь может быть как бесцветной, так и иметь светло-желтый оттенок.

Еще одно новшество этого времени – применение бирюзовой непрозрачной поливы, появление которой на столовой посуде вполне объяснимо, т. к. именно в это время она широко применяется на изразцах (рис. 8, 1). В нашей коллекции имеется часть столового набора посуды с подобной поливой: фрагменты тарелочек, кувшинов и чашечек (рис. 8, 2–4). Скорее всего, эту традицию привезли с собой европейские мастера, которые изготавливали рельефные изразцы с мотивами изображений из книги «Символы и эмблематы» и другими сюжетами. Единственное отличие заклю-

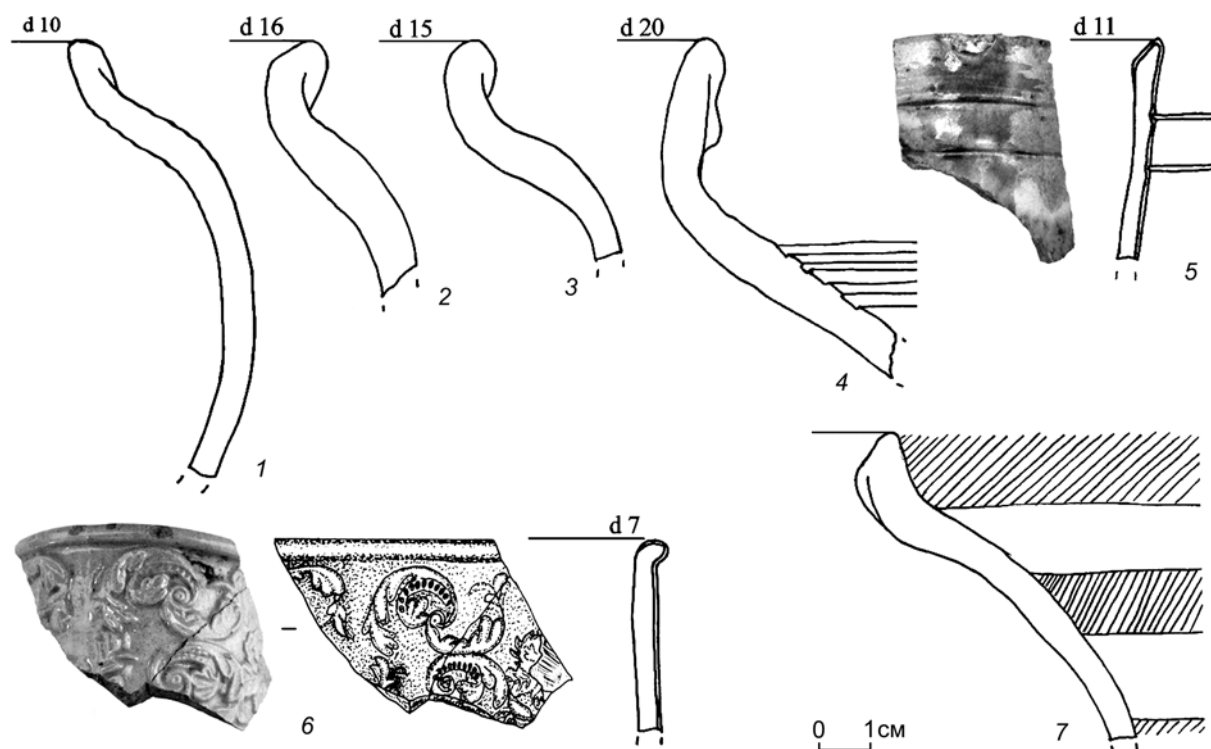

Рис. 8. Керамика второй половины XVIII в.

1–4 – красноглиняная с примесью песка (4 – корчага); 8 – белоглиняная с примесью песка и росписью красным ангобом; 5 – белоглиняная с полихромной поливой; 6 – красноглиняная с бесцветной поливой без ангоба снаружи и с белым ангобом изнутри

чается в толщине слоя поливы – на посуде он значительно тоньше. О том, что это местная керамика (в том числе изразцы), говорят находки из раскопок городского слоя, не связанного с обособленной жизнью на территории монастыря, куда керамика могла завозиться специально. При раскопках К.Н. Гаврилина в 1982 г. около Дома культуры, примерно в километре от монастыря, была найдена яма с подобными изразцами и фрагментами кувшинов, тарелочек, чашечек (Гаврилин, 1983).

Интересно отметить небольшие расхождения в процентном соотношении исследуемых групп керамики между объектами и слоем (табл. 1; 2). Это можно объяснить разными причинами – объемами выборки материала, неодновременностью и неоднородностью формирования объектов, с одной стороны, и с другой, – усреднением данных из-за попадания материала в культурный слой в течение всего периода его формирования (первая половина XVIII в.).

Керамика из слоев второй половины XVIII – XIX в. составляет очень сложный для анализа комплекс материалов. Для этого времени, в отличие от предыдущих эпох, не было обнаружено крупных комплексов, дающих статистически достоверную выборку материала. Керамика собрана из слоя, который содержит в том числе и более ранний, переотложенный, материал. Тем не менее, из статистических данных видны некоторые особенности керамического набора второй половины XVIII в.: к ним относится преобладание горшков подшарообразной формы, у которых

шейка отсутствует, а венчик образуется валиком, полученным путем заворота чернового края глины наружу (рис. 9, 1–3). Среди глазурей в посудной керамике используются не только зеленый и бирюзовый цвета, но широко применяется бесцветная и желтая полива (рис. 9, 5, 6). При этом в 20–30% случаев полива кладется без предварительного ангобирования поверхности сосуда, что говорит об упрощении технологии производства.

Керамика из слоя XIX–XX вв. отличается большим количеством фарфора (14%) и фаянса (6,1%), в значительной мере заменивших столовую поливную посуду (рис. 10).

Подводя итог вышесказанному, обратим внимание на необычность данного региона и его керамической традиции. Скорее всего, это связано с многочисленными иностранными мастерами-изразечниками, работавшими здесь во второй половине XVII в. при патриархе Никоне и в первой трети XVIII в. и привнесшими новые формы и приемы в местное гончарное производство. Керамика отображает ту уникальную ситуацию взаимодействия местных и пришлых традиций, которая сложилась здесь в это время и проявилась в экспериментаторстве в области строительства и гончарного дела.

Тем интереснее дальнейшие исследования этой местности. На сегодняшний день уровень изученности керамического материала (посуды) не дает возможности узко датировать комплексы XVII, второй половины XVIII и XIX в., в то время как изразцы

E.V. Mayorova

**Ceramic complexes from excavations of the New Jerusalem Monastery
(based on materials of trench I of 2009 and 2010)**

Summary

Ceramic materials of the 17th – the 19th cc. from excavations on the territory of the most famous monastery in the area of Moscow are described in this article. The findings are connected with monastery's economic court (epoch of Patriarch Nikon) and the tsars' palaces of the

18th c. Ceramics from this monument differs from Moscow's and other districts of Moscow's area crockery. It is the result of local production of household and decorative ceramics and work of foreign masters-ceramists.

А.Г. Векслер, М.Г. Гусаков, В.А. Беркович

К вопросу о хронологии московской керамики (по материалам раскопок на Садовнической набережной в 1998 году)

Глиняная бытовая посуда (ее обломки), являются самой многочисленной категорией находок не только на сельских поселениях, но и в городе. Тысячи черепков собирают при городских раскопках, однако до сих пор перед исследователями стоит весьма нелегкая задача не только собрать и рассортировать все черепки по слоям и типам, но и проанализировать этот материал как исторический источник. Далеко не секрет, что типы керамики являются для опытного археолога своеобразным хронологическим индикатором слоев, построек, ям, вскрытых на памятнике.

Московская керамика за долгие годы раскопок изучалась многими исследователями, однако твердо утверждать, что мы постигли все «секреты» этого сложного материала не приходится. Построениями типологий, используя различные методики, занимались многие, однако чаще всего исследователи пытались найти универсальный метод типологии как лепной, так и круговой керамики. Но в основном это были сугубо формальные методы, основанные на статистических выкладках. В данных работах, как правило, совсем не учитываются технологические традиции и приемы изготовления посуды. Изменения формы посуды происходят в соответствии с родословными традициями, принятыми в том месте, где живут гончары (*Бобринский*, 1962а; 1962б; 1968; 1978). Изучение московской керамики уже насчитывает без малого сто лет. Сегодня просматривается три совершенно четких периода в ее изучении.

Первый этап растянут во времени, с начала XX в. и до Второй мировой войны. Для этого периода можно назвать несколько работ, определивших выбор направления в изучении керамики – книга А.В. Арциховского «Курганы вятичей» (1930), где впервые было обращено внимание на керамику из курганов, и статья М.В. Воеводского о керамике из исследований на Метрострое (*Арциховский*, 1930; *Воеводский*, 1936). Второй период – послевоенный: от первых работ М.Г. Рабиновича в Гончарной слободе, Яузе (в 1947–1949 гг.) и публикации в 1949 г. специально посвященной московской керамике

статьи «Московская керамика» (*Рабинович*, 1949). В 1968 г. вышла первая специальная монография о московской керамике, исследованной Р.Л. Розенфельдом (1968). В 1971 г. появилась еще одна объемная работа М.Г. Рабиновича (1971), посвященная археологическим раскопкам в Кремле. В ней автор предложил классификацию керамики из 15 типов, которые он проследил во всех напластованиях, и дал их хронологию. (В своей работе мы постарались максимально использовать опыт М.Г. Рабиновича.) В дальнейшем наступила долгая пауза, прерванная только в 1991 г. публикацией сборника «Московская керамика», где с позиций новых масштабных раскопок в Москве, особенно в Китай-городе, Коломенском, Старом Ваганькове и др., были проанализированы керамические находки не только в культурных напластованиях, но и в закрытых комплексах.

В конце полевого сезона 1998 г. на объекте будущего строительства офисного здания на Садовнической набережной (д. 1) Центром археологических исследований Москвы были организованы археологические работы, включавшие раскоп площадью в 300 кв. м. Раскопки проводились под руководством А.Г. Векслера, в них участвовали: В.А. Беркович, М.Г. Гусаков, К.И. Панченко, Г.К. Патрик, М.М. Потапов. Строительная площадка представляла в плане прямоугольную трапецию, ориентированную по линии восток – запад (рис. 1). Общая площадь котлована составила 3443 кв. м: западная стенка шла вдоль ул. Балчуг, северная граница – по застроенному к этому времени участку, ныне от него осталась только церковь Св. Георгия на Ендове. Восточная граница проходила вдоль Садовнической набережной, Водоотводного канала, до пересечения с ул. Балчуг. В результате археологических работ из культурных напластований были извлечены более 200 индивидуальных находок: металлических предметов – около 160 экз., печных изразцов XVII–XVIII вв. – более 60, изделий из кости – 37, камня – 12, обломков глиняных игрушек – 11, изделий из кожи – 16 экз. Но более всего найдено обломков керамики – более 2300,

Рис. 1. Ситуационный план раскопок на Садовнической набережной в Москве.
(Место работ выделено черным прямоугольником)

из которых отобраны наиболее выразительные венчики – всего около 400 экз.¹

Несколько слов о характере культурных напластований на Садовнической набережной. Первый (верхний) горизонт представлен светло-серой супесью, сильно насыщенной остатками строительного мусора и битого кирпича. Мощность около 3,0 м. По обломкам керамики и другим находкам он датируется XVIII–XIX вв. Второй горизонт – слой рыхлой светло-коричневой супеси с включениями битого кирпича и древесного тлена со щепой. Мощность этого слоя колебалась от 30–60 см. На основании находок его можно датировать в хронологическом диапазоне со второй половины XVII до середины XVIII в. Третий горизонт – рыхлая черная супесь с древесным тленом, углем и включениями золы. Мощность варьирует от 30 до 70 см. В этом слое были зафиксированы остатки деревянной конструкции (ограды), остатки печного устройства и др. Хронология слоя может быть определена от конца XVI в. по конец XVII в. Но по ряду признаков третий горизонт можно разделить

на два субгоризонта – А и Б. Последний в южной половине раскопа включал самые ранние пласты 21–23, которые можно датировать второй половиной XVI – началом XVII в. Четвертый горизонт состоит из слоя плотного серого суглинка с многочисленными включениями органики и тлена. Его мощность колебалась в пределах 40–60 см. Этот слой прослежен по всей площади раскопа. Надо отметить, что именно он содержал красноглиняную и белоглиняную посуду. Его можно совокупно датировать концом XVI – первой половиной XVII в. Пятый горизонт состоял из слоя черного суглинка, сильно насыщенным тленом. По находкам керамики его можно датировать от второй половины XV до середины XVI в. (?) (рис. 2).

Таким образом, археологическое изучение культурных напластований дает основание утверждать, что градостроительное освоение данного уголка Москвы началось еще во второй половине XV в., что вполне согласуется с данными письменных источников, относящих время заселения и хозяйственного освоения Балчуга к концу XIV – началу XV в. Во второй

¹ Выражаем глубокую благодарность за содействие и помощь в работе с керамикой сотрудникам Комитета по культурному наследию г. Москвы: советнику сектора экспертизы архитектурной и историко-градоведческой документации Е.Н. Чураковой и начальнику отдела анализа и обработки археологических материалов С.Н. Гаршиной.

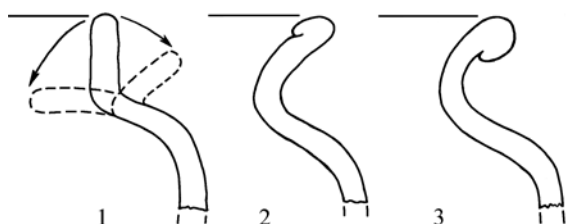

Рис. 4. Варианты оформления венчика на гончарных кругах

1 – без валика; 2 – валик внутри; 3 – валик снаружи

В 1971 г. М.Г. Рабинович предложил классификацию керамики из раскопок Московского Кремля. Кратко ее содержание изложено ниже.

1. *Поливная керамика. Тип 11.* Красноглиняная, часто покрыта глазурью, редко – волнистым и линейным орнаментом. Небольшие горшки, с прямым венчиком, кринки. В московских слоях XVIII–XIX вв. Есть письменные свидетельства о XVII в.

2. *Ангобированная керамика. Тип 8.* Красная глина, горновой обжиг, поверхность ангобирована или пятнистая. Ручной круг. XV–XIX вв.

3. *Чернолощенная керамика. Тип 7.* Красная глина. Обжиг восстановительный. Горшки, миски, кувшины, кубышки, рукомойники, фляги, кумганы, лампадки, черепица. 30–40 гг. XVI в.

4. *Мореная керамика. Тип 6.* Ручной круг. XVII–XX вв.

5. *Белая керамика. Тип 5.* Обжиг горновой. Ручной круг. Кувшины, горшки, орнамент в виде линий, штампанный. Бытовали в XIV–XV и до XVIII в.

6. *Красная заглаженная керамика. Тип 4.* Ручной круг. Горшки, миски, кувшины, светильники. Орнамент – линии, штамп. XIV–XVIII вв.

7. *Красная лощеная керамика. Тип 9.* Горновой обжиг. Ручной круг. X, XIII–XIV вв. и до XVII вв. В XVIII в. – только курительные трубки.

8. *Серая керамика.* Обжиг в печи, неполный обжиг. Горшки с крышками. XI – XIV в. – нижний горизонт; верхний горизонт – XV–XVI вв.

9. *Среднеазиатская керамика.* Поверх орнамента покрыта глазурью. XIII–XV вв.

10. *Курганного типа. Тип 1.* Ручной круг. Печной обжиг. Горшки. XI–XIII вв.

11. *Городищенская керамика. Тип 2.* Горшки с ребром. Ручной круг. Печной обжиг. X–XIII вв.

12. *Серая толстостенная.* Обжиг горновой. Ручной круг. Горшки, венчик едва отогнут. Датировка затруднительна.

13. *Красная ранняя керамика.* Круг ручной. Ярко-красного цвета. Датировка затруднительна.

14. *Поливная ранняя.* Редкая. Кувшины XI–XIII вв. Привозная?

15. *Раннекруговая.* Круг ручной. Печной обжиг. Серые. Горшок, миска. На днищах следы от подставки. X–XII вв.

16. *Амфоры.* Горновой обжиг. X–XIII вв. Привозные.

Мы несколько иначе подошли к выработке критериев оценки признаков при классификации керамики. Конечно, использовались и наблюдения М.Г. Рабиновича, однако по ряду параметров нам пришлось отступить от предложенной им схемы. Всю разделительную процедуру мы разбили на пять уровней.

Таблица 2. Распределение видов керамики по пластам раскопа на Садовнической набережной.

Пласт	Керамика										Дата, вв.
	краноглиняная	краснолощенная	ангобированная красная	чернолощенная	белоглиняная	серолощенная	сероглиняная	серая пятнистая	мореная	Всего	
16	23			13	98	6	25		111	276	XVIII
17	5			15	86	25	14		102	247	XVIII
18	10			18	64	67	53	25	98	335	XVIII
19	37	1		32	92	81	83	21	123	470	XVII - XVIII
20	18			41	73	94	85	32	81	424	XVII
21	63	6	2	28	51	62	17	25	53	307	XVII-XVI
22	53	5	2	5	35	11	57	2	37	207	XVI
23		2	1	5	18	4	11	2	16	59	XV
24		2			5				2	9	XV
Всего	209	16	5	157	522	350	345	107	623	2334	

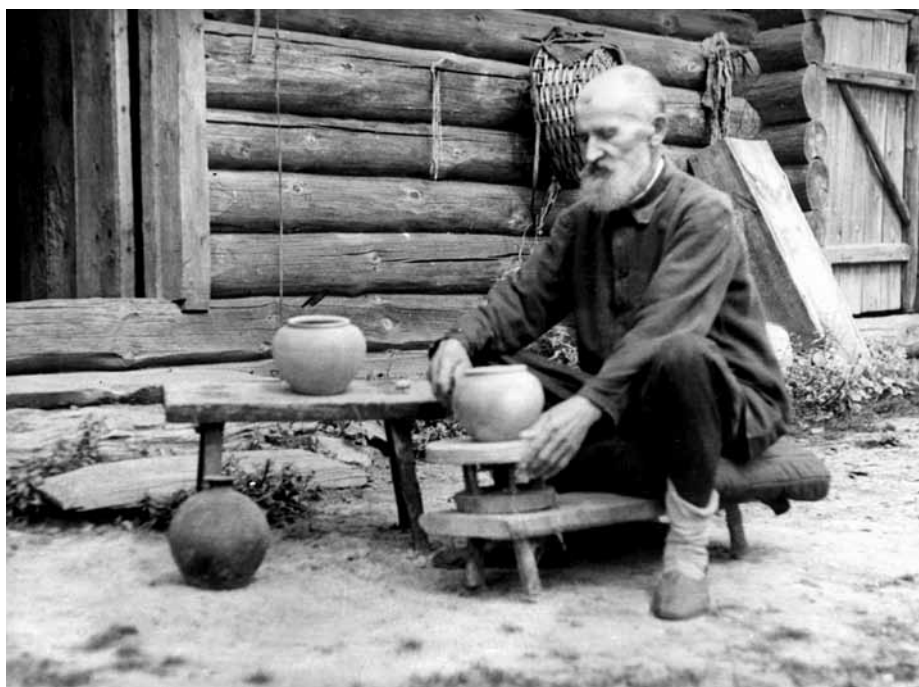

Рис. 5. Гончар Смоленской губернии, работающий на ручном круге легкого типа

1. Глина/обжиг – красножгущаяся (красная), беложгущаяся (белая), серожгущаяся (серая).

2. Обработка поверхности: заглаженная, лощеная, мореная, глазурованная.

3. Разделение на мисковидные, горшковидные, кувшиновидные сосуды.

4. Оформление венчика: без валика, валик изнутри, валик с внешней стороны (манжет).

5. Типы венчиков. Варианты типов.

Первый уровень. Вначале мы разделили всю имеющуюся керамику по признаку использованной глины. Глины красные (красножгущиеся), белые (беложгущиеся) и серые. Серые глины в природе есть, но после обжига они дают бежевые оттенки, как и беложгущиеся. Таким образом, серые – это недожженные формы, обжигавшиеся в русской печи или в горне, где обжиг не был доведен до конца.

Второй уровень. Разделение по обработке поверхности на группы: с заглаженной поверхностью, мореной, лощеной и глазурованной.

Третий уровень: «горшковидные» формы, «кувшиновидные» и «мисковидные». Здесь в качестве критерия можно использовать коэффициент соотношения диаметра венчика к высоте сосуда. Для мисковидных – 4:1, 3:1, 2:1 – 1:1; для горшковидных – 1:1 – 1:2; для кувшиновидных – 1:2 – 1:3, 1:4, 1:5. Кувшиновидные и мисковидные формы очень традиционны и мало подвержены хронологическим изменениям в конструкции. Горшковидные формы, несмотря на

традиционную конструкцию (усечено-коническое тулово, невысокий венчик), все же являются самой вариативной из всех видов глиняной бытовой посуды.

Четвертый уровень. Наиболее чувствительным хронологическим маркером должен выступить венчик (точнее его оформление), как наиболее информативная и хронологически изменчивая часть формы сосуда. Дело в том, что существует три (при грубом делении) способа оформления венчика в финале изготовления формы сосуда на ручном круге (рис. 4). Первый – заворачивание остатка глины во внутреннюю поверхность сосуда, от чего образуется небольшой валик внутри венчика²; второй – заворачивание остатка глины на внешнюю сторону венчика, в результате чего образуются различные виды «манжетов», «карнизов», валиков и т. д. И, наконец, последний способ оформления венчика – с обычной обрезкой или обточкой лишней глины. Итак, мы имеем дело с тремя исходными способами оформления венчика, которые, в свою очередь, распадаются на многочисленные варианты (рис. 4).

На наш взгляд, венчик и оформление его внешне-го вида отражают не только хронологические изменения в керамическом материале, но и моду на определенную посуду. В качестве «испытательного полигона» мы выбрали наиболее популярную форму – горшок. Были отобраны все венчики неглазурованной посуды, принадлежащие горшкам (всего около 300 экз.), происходивших из 7–12 пластов, плюс

² В археологической литературе часто такое оформление венчика понимается как создание края для удержания крышки. На самом деле, в этом нет никакой нужды: достаточно сделать небольшой наклон венчика во внешнюю сторону. При этом конфигурация венчика приобретет вид усеченного конуса, его нижнее основание будет меньше верхнего, и крышка никуда не денется.

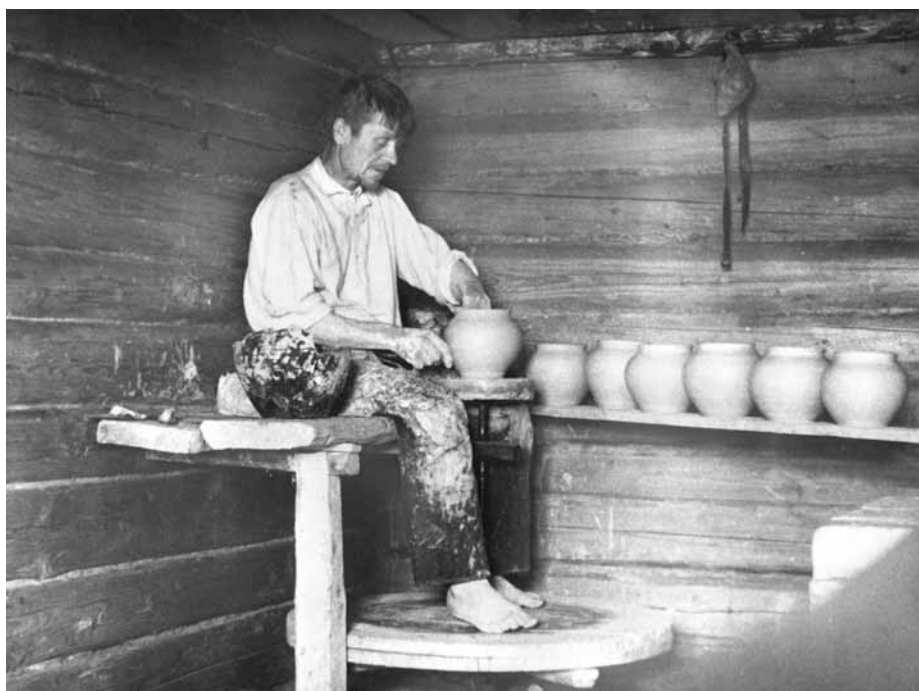

Рис. 6. Гончар Смоленской губернии работающий на ножном круге

венчики из донных частей ям. Удалось выделить десять основных типов венчиков горшков (внутри каждого типа есть варианты). Тип венчика имеет римскую цифровую символику.

В данном случае необходимо сделать небольшое отступление, чтобы подробнее остановиться на форме венчика и «природе» ее образования. Одному из авторов этой статьи посчастливилось неоднократно принимать участие в археолого-этнографических экспедициях под руководством А.А. Бобринского (в 1966–1976 гг. М.Г. Гусаков принимал участие в полевой работе Комплексного отряда по изучению гончарства (КОИГ) под руководством А.А. Бобринского в центральных областях России, на Украине, Белоруссии, Молдавии и Литве). Одной из форм работ экспедиции была работа с гончарами, которые делали серии посуды в подражание предложенной форме (рис. 5–6). В качестве такой формы были выбраны горшок и миска из черняховского могильника Журовка (Украина) из раскопок Э.А. Сымановича. Гончары пытались воспроизвести незнакомую форму на разных гончарных кругах (ручном утяжеленном или ножном). В течение рабочего дня гончар делал несколько серий, копируя формы-модели. Всего получалось около 40–60 форм. Все формы фотографировались строго в профиль – без искажений, потом обсчитывались по специально выработанной методике. Вычислялся коэффициент сходства воспроизведенных форм к форме-модели. Эксперимент проводился с 1966 по 1976 гг. Мы не станем сейчас обсуждать работу, результатом которой стали многочисленные наблюдения, связанные с профессиональными навыками гончаров и позволившие нам заглянуть в производственную «кухню» гончара. В частности, было отмечено, что гончары, работавшие на ручных кругах

утяжеленного типа, могли вытягивать из одного комка глины только небольшие формы, не более 0,5 л, тогда как большие сосуды – от трех до пяти литров – они уже делали не вытягиванием, а конструированием формы из жгутов или лент. Напротив, гончар, работающий на ножном круге, совершенно свободно мог делать любую форму, даже очень большую по объему.

Еще одно важное наблюдение можно привести здесь в качестве дополнительного аргумента в пользу использования минеральных примесей (песка, дресвы, шамота). Всем хорошо известно, что в формовочную массу из жирных легкоплавких глин для уменьшения усадки при просушивании или обжиге добавляют в тесто просеянный песок или дресва. Однако причина использования примесей не только в этом. Дело в том, что при изготовлении сосудов на ручных легких кругах с медленным вращением диска делать посуду из пластичной и чистой глины практически невозможно. Она не держит форму, тело садится на дно – не стоит на круге. Чтобы «удержать» тело формы необходимо «укрепить» глину, сделать более твердой, для чего ее специально насыщают калиброванным песком, как правило, мелких фракций, не более 0,1–0,2 мм.

Мягкая глина, практически чистая, без примесей, используется при работе на ножных кругах. Именно она и позволяет гончару свободно изменять форму сосуда при подъеме глиняной массы вверх или при осаживании вниз. Форма держится за счет быстрого центростремительного вращения. И еще, при быстром вращении круга невозможно использовать сильно насыщенную песком или дресвой глину – гончар просто порежет себе пальцы при работе.

Таблица 3. Распределение типов венчиков по пластам раскопа на Садовнической набережной.

Пласт	Типы венчиков										Дата, вв.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	Всего	
16	5	5		2		1		3		13	XVIII
17	7	27	1	3	1	4		1		22	XVIII
18	9	31	6	3	1	8		1		59	XVIII
19	11	29	10	24	11	11	1	6	1	82	XVII–XVIII
20	8	12	9	16	3	6	3	8	1	96	XVII
21	3	3	5	17	2	1	7	2	3	59	XVII–XVI
22	4	9	7	3	1	1	6		7	38	XVI
23	1	1		1	1				2	6	XV
24		1		1						2	XV
Всего	47	118	38	70	20	32	17	21	14	377	

Пятый уровень. Выделение типа шло по следующим признакам.

– наличие (отсутствие) – венчика, т. е. специально сделанного края сосуда и оформленного валика из остатков глины.

– виды венчика: венчик вертикальный; венчик, отогнутый наружу; венчик загнут внутрь (табл. 2–3). Также учитывается отсутствие венчика;

Получилась следующая принципиальная схема типологии (рис. 7).

Тип I. Венчика нет, валик остатка глины отсутствует на верхнем крае венчика, как изнутри, так и с внешней стороны. Венчик состоит из простой стенки.

Тип II. Венчик едва выражен, валика нет ни с внешней, ни с внутренней стороны.

Тип III. Валик с внешней стороны, в виде овальной в профиле закраины. У венчика этого типа край почти вертикален или слегка отогнут во внешнюю сторону.

Тип IV. Венчик имеет треугольное или овальное сечение в профиле, величина венчика – больше 1,0 см в высоту.

Тип V. Венчик имеет мощный внешний валик, иногда валик так завернут наружу, что закрывает наплывом всю высоту венчика с внешней стороны.

Тип VI. Валик с внешней стороны венчика имеет сложную профилировку, т. е. дополнительно разделен на два-три валика.

Тип VII. В эту группу вошли венчики, у которых валики устроены с внутренней стороны края венчика и едва выражены. С внешней стороны валиков нет.

Тип VIII. Венчик крупный, больше 1,5 см в высоту. Остаток глины завернут внутрь венчика. Характерная особенность – с внутренней стороны четко видна линия спая. Обычно с внешней стороны эти венчики украшаются частыми горизонтальными линиями. К этому типу относятся московские корчаги для хранения зерна.

Тип IX. Валик с внутренней стороны имеет «желобок под крышку». Правда, этот желобок – резуль-

тат финального заглаживания на круге венчика, полученный от движения большого пальца по его краю. Венчик может иметь вертикальное положение или небольшой наклон во внешнюю сторону.

Тип X – формы с так называемым эсвидным венчиком. Этот тип в литературе называют также «манжетовидным», «карнизным», «курганным» (Кучера, 1986). Время бытования горшков с таким венчиком достаточно широкое (XI–XIV вв.). Вариаций мало, что говорит о большой устойчивости и консервативности форм горшков с таким венчиком (рис. 7). Отличительная особенность этой посуды – серый цвет поверхности из-за плохого обжига, а точнее «недожога». Часто горшки подвергались обвару «в мучнистом растворе». Однако в наших раскопках такие экземпляры отсутствуют.

Дополнительное разделение венчиков горшков возможно при использовании количественных характеристик. В качестве основного признака можно использовать высоту шейки или ее отсутствие. Такая процедура предусматривает разделение типов на варианты (они обозначены заглавными буквами алфавита).

Первый вариант (А): высота шейки превышает 1,0–1,5 см. Второй вариант (Б): высота шейки равна высоте венчика, т. е. венчик практически является «валиком» или краем для крышки, или несет декоративную нагрузку. Третий вариант (В): при равенстве всех вышеназванных признаков, различия выражены в крутизне изгиба плечиков.

Выше было отмечено, что культурные напластования были разделены на пять горизонтов (рис. 2; табл. 1; 2). В данной работе рассматриваются культурные напластования пластов 16–24 (рис. 2). Даты пластов получены по совокупному анализу всего извлеченного археологического материала: печные изразцы, детские глиняные игрушки, курительные трубки, помадные банки, красноглиняная керамика, покрытая белым ангобом, и т. д.

№	Тип	Варианты	Дата, вв.
1		 а б	XVII – XVIII
2		 а б	XVII – XVIII
3		 а б	XVII – XVIII
4		 а б	XVII – XVIII
5		 а б в	XVII – XVIII
6		 а б в	XVII – XVIII
7		 а б	XVI – XVII
8		 а б в	XVII
9		 а	XV
10		 а	XII – XV

Рис. 7. Типы и варианты венчиков сосудов из раскопок на Садовнической набережной

Приводим описание типов венчиков.

Тип 1. Мисковидные формы, часто диаметр венчика превышает высоту или равен ей. Это усеченно-конические формы, где у венчика нет валиков ни изнутри, ни с внешней стороны. Формы из красной и белой глины, есть с лощением. Согласно таблице 3, они распределены практически по всем горизонтам. Наибольшее число приходится на пласт 20 (горизонт 3), т. е. на рубеж XVII–XVIII вв.

Тип 2. Простые формы горшков с невысоким венчиком-краем, без валика. Вариант Б иногда представляет мисковидные формы. Форм с таким типом венчика много (118 экз.). Формы явно поздние, несмотря на то, что встречаются в широком диапазоне в 16–24 пластах. Их кульминация приходится на 18 пласт (горизонт 1) – XVIII в.

Типы 3 и 4 можно было бы объединить в одну группу. Это венчики с валиком, завернутым наружу. Они по численности не уступают типу 2. Эти сосуды сделаны как из красной, так и из белой глины. Это простая «рабочая» форма домашнего печного горшка, приспособленного для приготовления пищи в печи или на открытом очаге. На некоторых из них с внешней стороны, под валиком или на плечике, есть орнамент из горизонтальных линий. Это горшки объемом от трех до пяти литров. Венчики типа 3, зафиксированы в 17–22 пластах (от 1 до 4 горизонта), что свидетельствует об их популярности, впрочем, как и форм с типом 4 (табл. 3). Время их наибольшего бытования XVII в.

Тип 5. Этот тип характеризуется крупными венчиками-валиками. Несмотря на то, что они распространены от 17 пласта до 23, все же максимум приходится на XVII в.

Тип 6. Основная характерная черта этого типа венчиков – раздвоенный крупный валик. В варианте В – у него три валика. Это крупные горшки, предназначенные для хранения сыпучих продуктов. Чаще всего они сделаны из беложгущейся глины. Зафиксированы во всех слоях, кроме ранних. Время их бытования – рубеж XVII–XVIII вв.

Тип 7. Венчики с закруткой остатка глины внутрь венчика. Это горшки, чаще всего сделанные из красной глины, средних размеров. С внешней стороны под венчиком у многих горшков линейный орнамент. Они зафиксированы в диапазоне от 19 до 22 пласта, с кульминацией в 21 пласте. Время бытования – рубеж XVI–XVII вв., возможно, XVI в.

Тип 8. Венчики с валиком внутри, с внешней стороны под валиком линейный орнамент из многорядных прямых линий. Этот тип венчиков характерен для больших горшков, приспособленных для хранения продуктов. Несмотря на то, что они были зафиксированы от 16 до 21 пласта, они наиболее характерны для XVII в.

Тип 9. Венчики с «раздвоенным» краем. Судя по распределению по пластам, этот тип характерен для горшков небольшого объема и сделанных из красножгущихся глин в XVI в.

Все обломки, обнаруженные в предматериковом слое, представляли формы небольших кувшинчиков и

мисок из красной глины, характерных для финала XV – первой половины XVI в. Возможно, в Москве при изготовлении посуды действовала определенная специализация. Из красножгущейся глины делали мелкие формы: миски, горшочки, кувшинчики объемом 0,5–0,6 л. Мореная керамика – кухонные горшки с завернутым внутрь или во вне краем, а также крышки, делались во все периоды. Практически она доминирует среди других форм. Белоглиняная керамика – крупные горшки и кувшины, мелкие горшочки. Чернолощенные – кувшины, миски с краем, кубышки и рукомойки.

В заключение отметим несколько важных наблюдений, сделанных на основании анализа керамического материала.

Во-первых, отметим важную морфологическую особенность венчиков, положение венчика по отношению к тулову. Венчик может быть поставлен: вертикально, наклонно и почти горизонтально. Диапазон постановки венчика можно определить от 0 до 90 градусов.

Во-вторых, совершенно ясно, что «наплывы», т. е. оформление остатка глины внутрь или во внешнюю сторону венчика, связаны с техникой работы на ручном круге, или с финальной обточкой края венчика. Если мы вспомним, что ручной круг в Центральной России использовался вплоть до XX в., а ножной известен только с XVII в., то появление форм без «наплывов» можно отсчитывать только с этого времени. Заметим, что при работе с ножным кругом меняется не только состав глины (используется практически чистая глина без примесей, которая намного пластичнее, чем при работе на ручном круге), но меняется и способ изготовления, т. е. появляется вытягивание из одного комка глины.

В-третьих, наличие большого количества подвариантов в пределах одного типа связано с тиражированием формы в поколениях. Мастер имеет устоявшийся круг приемов в изготовлении формы сосуда, однако с течением жизни его «привычная» форма претерпевает незначительные изменения (основные размеры не всегда выдерживаются), ведь это ручная работа. Но передавая свои навыки сыну, он передает не только навыки работы, но и тип формы. Сын подражает отцу, но как бы он ни старался, все равно будет делать свою форму, несколько отличную от отцовской модели. Внук, получив навыки от сына, уже будет делать третий вариант формы, и так далее. Форма венчика не меняется в общем контуре, но меняется в деталях, на что часто обращают внимание археологи и отмечают как разные типы. На самом деле это один тип, но модифицированный на протяжении отрезка времени.

Еще одно замечание: мы не стремились создать полную всеохватывающую классификацию всех типов, встреченных в раскопе. Напротив, свою главную задачу мы видели в выделении наиболее «популярных», часто встречаемых, форм и определение их максимального количества в том или ином слое. Мы искали наиболее яркие хронологические индикаторы, которые, наряду с индивидуальными находками, давали бы хронологическую характеристику слою.

Литература

- Арциховский А.А., 1930. Курганы вятичей. М.
- Бобринский А.А., 1962а. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области // СЭ. № 2.
- Бобринский А.А., 1962б. Древнерусский гончарный круг // СА. № 3.
- Бобринский А.А., 1968. О древнерусской обварной керамике // Славяне и Русь. М.
- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Воеводский М.В., 1936. Глиняная посуда Москвы XVI–XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя // По трассе первой очереди Московского метрополитена М.
- Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
- Коваль В.Ю., 1997. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // ТТЗ. Вып. 2. Тверь.
- Коваль В.Ю., 1999. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // ТТЗ. Вып. 3. Тверь.
- Кучера М.П., 1986. Керамика // Археология Украинской ССР. Т. 3. К.
- Мальм В.А., 1949. Горны московских гончаров XV–XVII вв. // МИА. № 12. М.
- Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.
- Памятники архитектуры Москвы. Замоскворечье. М., 1994.
- Петрашенко В.А., 1986. Керамика XI–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.
- Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12. М.
- Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // МИА. № 167. М.
- Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В., 1985. Жилище // Древняя Русь: город, замок, село. Гл. 4. Сооружения. М. (Археология СССР).
- Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ Вып. Е1-39).
- Смирнова Г.П., 1974. О трех группах новгородской керамики X – начала XI в. // КСИА. Вып. 139.
- Сытин П.В., 1958. Из истории московских улиц. М.

A.G. Veksler, M.G. Gusakov, V.A. Berkovich

To the question of Moscow ceramics chronology (based on materials of excavations on square the Sadovnicheskaya in 1998)

Summary

Authors of the article have decided to return once again to a question of typology of the Moscow ceramics on materials of excavation in Moscow on the square Sadovnicheskaya in 1998. It has been decided to use the date of the building of St. George on Endova temple in 1653 as basic date in formation cultural layers. Surface

level of this building divides a cultural layer on two parts: before this date – early layers; above it – late. Distribution of ceramics and its types finding in these layers is the subject of research. Authors have marked out the most typical types of two periods.

А.Ю. Балашов, Е.В. Мойланен

Микромагнитное исследование Можайского Лужецкого монастыря

В настоящее время, все больше и больше внимания уделяется новым, неразрушающим методам исследований памятников археологии. Можайская археологическая экспедиция ИА РАН применяет такие методы с 2006 г., в основном на территории Лужецкого монастыря, который находится на северной окраине Можайска, на берегу р. Москвы. В конце декабря 2009 г. на территории монастыря была проведена высокочастотная микромагнитная съемка с магнитометром GT-MVS-500, обладающим возможностью отбраковки промышленных помех (частота дискретизации 500 Гц). Прибор производится московской компанией ЗАО «Геотехнологии». В настоящий момент многие археологические памятники находятся в хорошо электрифицированных местах, и наличие линий электропередач, электрифицированных железных дорог и т. п. делало применение магниторазведки малоэффективным, так как зачастую помехи от вышеуказанных объектов соизмеримы с величинами искомых аномалий. В крупных городах, например, в Москве, амплитуда промышленного сигнала составляет до 150–200 нТл. За городом дело обстоит лучше: на территории Лужецкого монастыря амплитуда промышленного сигнала составляет до 20 нТл (рис. 1). Игнорирование фазы магнитного поля при использовании магнитометров

с частотой менее 50 Гц кардинально искажает картину аномального магнитного поля Земли.

Техническое описание

Магниторазведка – один из методов разведочной геофизики, основанный на изучении изменений геомагнитного поля в пространстве, возникающих вследствие различной намагниченности тел (Огильви, 1962). Магнитометрами называются приборы, преобразующие значение величины напряженности геомагнитного поля (индукции магнитного поля) в электрический измеряемый сигнал (Хмелевской, 1988).

Различные типы магнитометров измеряют индукцию магнитного поля либо как вектор (феррозондовые магнитометры), либо как модуль вектора (протонные, квантовые магнитометры). Напряженность магнитного поля (Т) характеризует поле, неискаженное влиянием среды, т. е. определяет тот вклад в магнитную индукцию, который дают внешние источники поля. (Бондаренко и др., 1998). Магнитное поле Земли значительно варьирует во времени и пространстве. На участке наших работ среднее значение Т составляет 52775 нТл.

В квантовых магнитометрах, предназначенных для измерения абсолютных значений модуля индукции

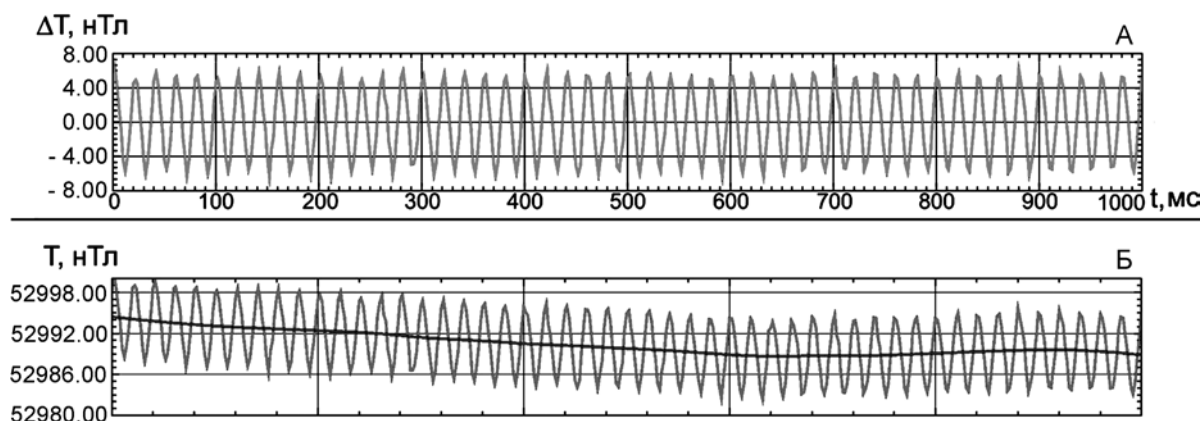
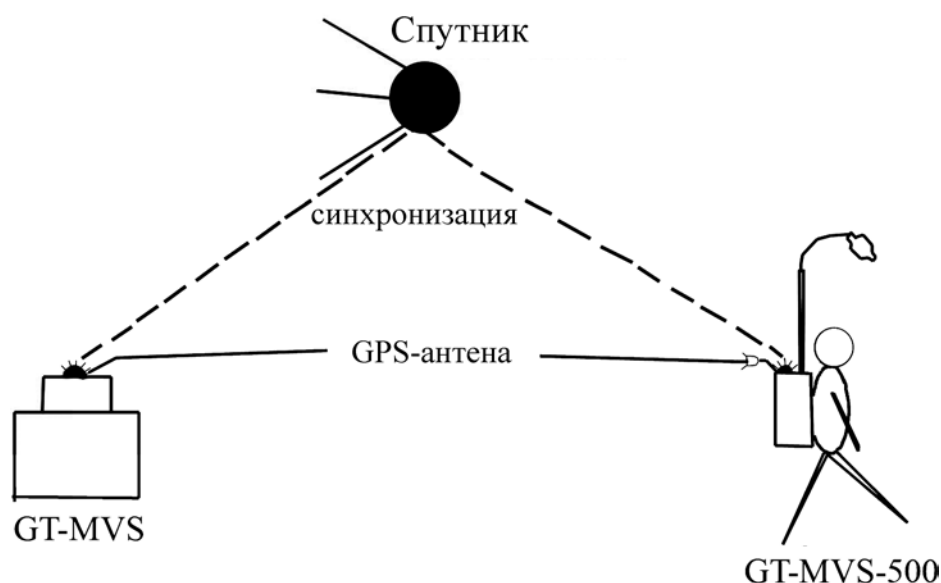

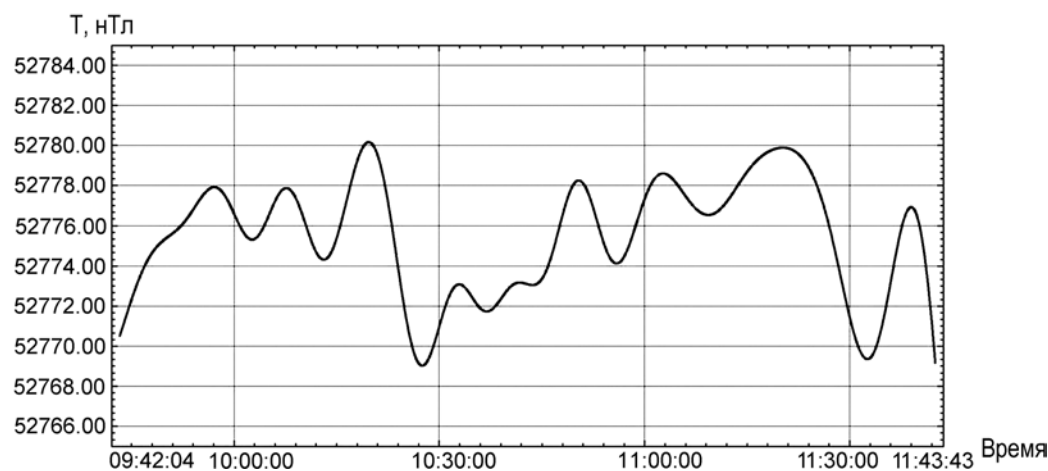
Рис. 1. Процесс фильтрации промышленных помех

А – помеха 50 Гц; Б – отфильтрованный сигнал (плавная линия) и сигнал с помехой 50 Гц (ломаная линия)

Рис. 2. Схема синхронизации записи по данным встроенного GPS-приемника и калибровки частотомера по атомным часам спутниковой навигационной системы

GT-MVS – базовая станция. Установлена неподвижно. Регистрирует только солнечно-суточные вариации магнитного поля Земли; станция GT-MVS-500 производит съемку площади, регистрирует изменения магнитных свойств объектов, вариации магнитного поля Земли и промышленные помехи

Рис. 3. Солнечно-суточные вариации магнитного поля Земли во время микромагнитной съемки в Лужецком монастыре Можайска. Данные базовой станции

магнитного поля, используют так называемый эффект Зеемана. Атомы, обладающие магнитным моментом, при попадании в магнитное поле, приобретают дополнительную энергию, частота излучения которой пропорциональна полному вектору магнитной индукции этого поля в точке наблюдения (Ельяшевич, 2007). Выходной сигнал датчика снимается с измерительного фотодиода, частота которого определяется соотношением: $F = 3,49 B$, где F — частота в Гц, B — индукция поля в нТл (отметим, что по сравнению с протонным магнитометром эта частота существенно выше). Прибор имеет очень высокую чувствительность, около 0,001 нТл, однако обладает высокой ориентационной погрешностью.

Размеры ячейки поглощения невелики, поэтому квантовый датчик градиентоустойчив, обладает очень высоким быстродействием, однако измерение частоты прецессии с точностью, соответствующей чувствительности и быстродействию датчика — очень сложная задача, реализованная в магнитометре GT-MVS-500.

Методика съемки

Площадь работ располагалась в северной части монастыря. Высокочастотная микромагнитная съемка частично перекрывала ранее изученную территорию, на которой ранее проводилась георадарная съемка (Балашов и др., 2009; 2010). В связи с этим

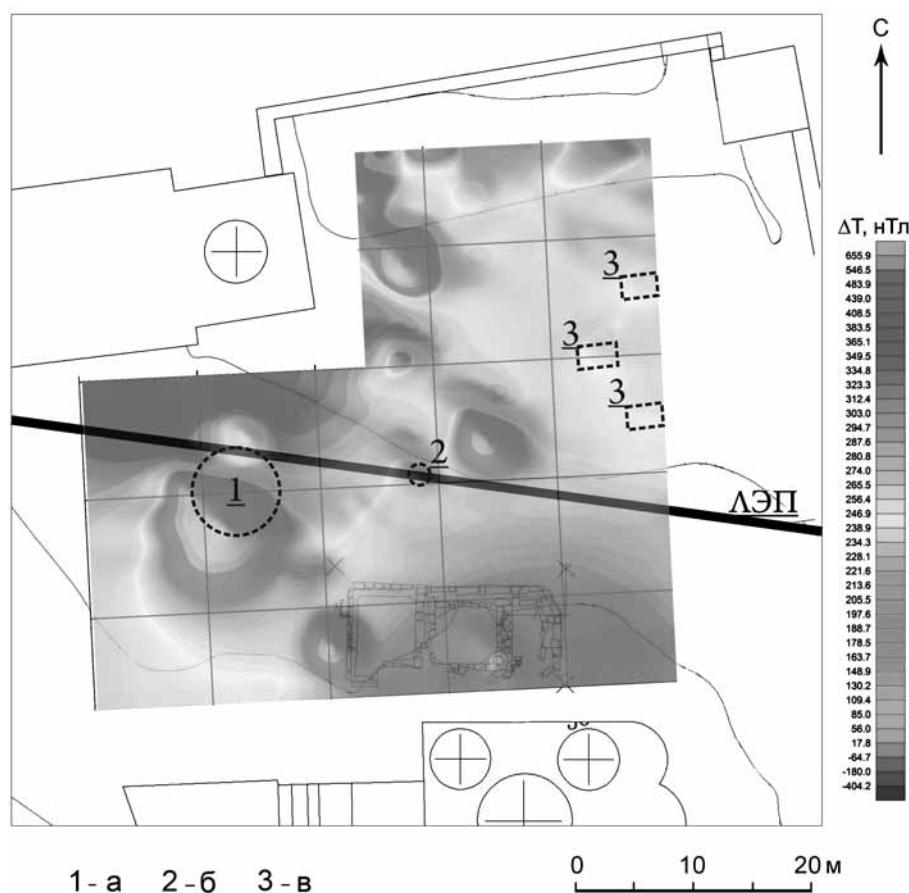

Рис. 4. Аномальное магнитное поле территории Можайского Лужецкого Ферапонтова монастыря. Карта 2010 г. (см. цв. вкл.)

1 – колодец; 2 – железный столб; 3 – склеп

исследовались новые участки территории монастыря и проверялись результаты других неразрушающих методов.

Измерения производились по регулярной сети. Расстояние между продольными, рядовыми, профилями – 1 м, ориентация запад – восток. Расстояние между поперечными, контрольными, профилями – 5 м, ориентация север – юг. Шаг измерения по профилю – непрерывный. Частота дискретизации – 500 Гц (10 измерений на период промышленной помехи). Высота квантового цезиевого датчика составляла 2,2 м от поверхности Земли.

Необходимо отметить сильную «зашумленность» площади исследования: в северной части монастыря между фундаментом церкви преподобного Ферапонта и храмом Введения по направлению ЗСЗ – ВЮВ проходит линия электропередач (ЛЭП), поддерживаемая тремя железобетонными опорами (высота подвеса кабеля 6 м), одна железобетонная опора находится непосредственно на площади исследования. Для исключения влияния ЛЭП применялась аппаратура GT-MVS-500 с квантовым цезиевым датчиком с возможностью отбраковки промышленных помех (частота дискретизации 500 Гц). Для измерения солнечно-суточных вариаций магнитного поля Земли в относительно спокойной геомагнитной обстановке

(на удалении 1 км от ближайших ЛЭП) была установлена базовая станция (рис. 2) GT-MVS (частота дискретизации 1 Гц). С ее помощью по атомным часам GPS велось синхронное наблюдение магнитного поля, что позволило вычислить аномальное магнитное поле.

При микромагнитном обследовании участка ставились задачи возможности поиска фундаментов галереи Рождественского собора и ранних фундаментов храма преподобного Ферапонта, координата данных магниторазведки и георадара. После обработки первичных данных был получен «чистый» сигнал без промышленной помехи (Т) (рис. 1). Далее данные синхронизировались со значениями, полученными от базовой станции (рис. 3). Было получено аномальное магнитное поле (Т). Затем, применяя процедуру центрирования данных, была удалена профильность, связанная с разной ориентировкой датчика у четных и нечетных профилей, построена карта с цветными затенениями. Стоит отметить, что высота датчика в 2,2 м дает хорошее представление о глубинных объектах, исключая шум от приповерхностных предметов, однако, при приближении к зданиям, регистрируемые аномалии больше отвечают постройкам, находящимся в стороне от площади исследования, а не глубинным объектам.

Положительная аномалия в юго-восточной части площади отвечает собору Рождества Богородицы, находящейся в 2 м к югу от площади исследования, а не фундаменту церкви святого Ферапонта, находящейся непосредственно на площади исследования. Положительные аномалии в восточной части площади съемки по форме и размерам соответствуют поздним кирпичным склепам некрополя монастыря (рис. 4). В северо-западной части северного выступа существует пересечение георадарных аномалий с положительной аномалией магнитного поля. Данные аномалии классифицируются операторами георадара как фундамент ранее существовавшей стены. Остальные аномалии подтверждают наличие скрытых комплексов.

Выводы

Применяя высокочастотный квантовый магнитометр GT-MVS-500, удалось составить карту аномального магнитного поля, коррелирующую с данными, полученными другими неразрушающими методами (георадар). Положительные аномалии в восточной части площади соответствуют поздним кирпичным склепам некрополя монастыря. Проверка остальных аномалий возможна только при проведении археологических исследований.

Литература

Балашов А.Ю., Смольников К.А., Прохоровский А.С., 2009. Инженерно-геофизические исследования ограды Можайского Лужецкого Рождества пресвятой Богородицы Ферапонтова монастыря // Материалы XVI науч. конфер. памяти святителя Макария. Вып. XVI. Можайск.

Балашов А.Ю., Смольников К.А., Прохоровский А.С., Куликовский К.В., Симочкин П.И., 2010. Геофизические исследования территории Лужецкого монастыря города Можайска // АП. Вып. 6. М.

Бондаренко В.М., Демура Г.В., Савенко Е.И., 1998. Общий курс разведочной геофизики. М.

Ельяшевич М.А., 2007. Атомная спектроскопия. М.

Огильви А.А., 1962. Геофизические методы исследования. М.

Хмелевской В.К., 1988. Геофизические методы исследования. М. Древности и старина. № 4.

A.Yu. Balashov, E.V. Moilanen

Micromagnetic research of the Luzhetsky monastery in Mozhaisk

Summary

The Mozhaisk archaeological expedition of the Archaeological Institute of the Russian Academy of Sciences (RAS) approved nondestructive exploration methods since 2006. Nowadays there are many archaeological memorials in the well-electrified places, therefore geomagnetic application is hardly ineffective. The power line noise, electrified railway noise etc. is often about the same value as measured. In December 2009 new high-frequency quantum magnetometer GT-MVS-500 was tested on the territory of the Luzhetsky monastery. It was

developed by the Moscow company JS GeoTechnologies. It can remove industrial noise from the initial signal because of the high discretization frequency – 500 Hz. After processing of acquired information we got the survey of anomaly magnetic map. It rather well correlated with other (georadar) geophysical maps on this survey. Positive anomalies in the eastern part of the survey were corresponded with late brick vaults of the monastery necropolis. Other anomalies can be verified only with archaeological investigations.

**С.А. Ерохин, А.М. Павлова, А.Ю. Балашов, В.А. Шевнин,
И.Н. Модин, А.А. Бобачев**

Методические электротомографические исследования при археологических раскопках в селе Бородино

Настоящая работа посвящена применению электротомографии при археологических раскопках, которые проводились на территории военно-исторического заповедника в с. Бородино в 2010 году¹. Цель исследований состояла в определении возможностей электротомографии при решении археологических задач. На участке будущего раскопа выполнялись площадные и профильные наблюдения методом электротомографии. Результаты интерпретации полученных данных сравнивались с результатами последующих раскопок. Работа выполнена сотрудниками кафедры геофизических методов исследования земной коры МГУ им. М.В. Ломоносова и Можайской экспедиции ИА РАН.

Несмотря на большое количество публикаций и информации в учебных университетских курсах, в отечественной археологической практике геофизические исследования применяются редко. В нашей стране они носят несистематический характер, и их результаты не вызывают доверия у большинства российских археологов. Чаще всего причиной получения отрицательного результата является сложность строения исследуемой среды не только в археологическом аспекте, но и в геологическом. Однако, если внимательно подходить к вопросу постановки геофизической задачи и выбору геофизического метода, можно добиться значительных успехов. Технологические достижения последнего десятилетия позволили создать геофизическую аппаратуру, обладающую высоким быстродействием и точностью, появились новые методики исследования, позволяющие решать более широкий круг задач, в том числе и в археологии.

Основное преимущество геофизики для археологии заключается в возможности проведения неразру-

шающих исследований, а также в высокой скорости выполнения работ по сравнению с археологическими раскопками. То есть, если знать степень достоверности и детальности геофизических исследований, можно получить представление о структурных особенностях археологического памятника за сравнительно небольшое время. При этом можно проводить раскопки только части объекта, оставляя его большую часть нетронутой для будущих исследователей, обладающих более совершенными инструментами анализа данных.

Обычно любой процесс изучения территории включает поиск и разведку. Поиск (исследования более мелкого масштаба) заключается в обнаружении объекта с заданными физическими свойствами, разведка (исследования более крупного масштаба) – в дополнительном изучении, качественном и количественном описании выделенной структуры. Такое же разделение существует и для задач, которые ставятся перед геофизикой в археологии.

Наиболее активно в археологии используются георадиолокация и магниторазведка, с помощью которых выполняется примерно 75% всех геофизических работ, в силу простоты и быстроты их проведения и получения результата. В археологии эти методы наиболее успешно позволяют решать поисковые задачи (Глазунов, Плоткин, 1978; Балашов и др., 2010). При решении разведочных задач археологии также имеются положительные результаты² (Ross et al., 2009). Однако эти методы обладают целым рядом ограничений по сравнению с электротомографией именно при детальном описании структуры и свойств уже выявленных археологических объектов (например, ограничения с привязкой в плане и по глубине или

¹ Приносим благодарность Б.Е. Янишевскому, К.И. Комарову и И.И. Кондратьеву за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы раскопок.

² Под ними понимается соответствие информации о структуре объекта, получаемой при раскопках и при геофизических исследованиях. Если разрезы и карты по результатам раскопок не содержат общих черт с результатами геофизических исследований, последние можно считать практически бесполезными для археологов.

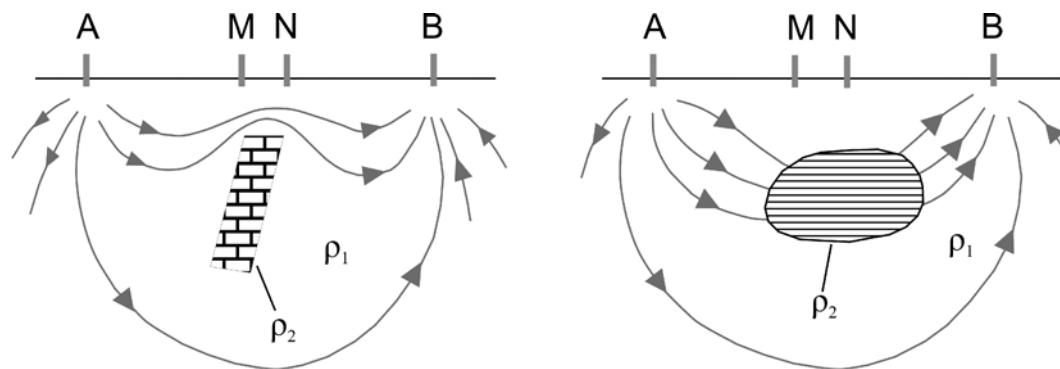

Рис. 1. Линии тока для объектов высокого (слева) и низкого (справа) сопротивления

невозможность определения физических свойств и, как следствие, их литологии). Поэтому одним из наиболее перспективных методов, способных занимать основное место в комплексе методов разведки, является электротомография. Другие методы в этом случае могут выступать в роли дополнительных.

Метод электротомографии основан на изучении структуры электрического поля искусственных источников в земле, которое определяется характером распределения электрического сопротивления грунта (рис. 1). Сопротивление грунта зависит от его вещественного состава (глинистости, песчанистости) и влажности. Поскольку у всех объектов, включая археологические, удельное электрическое сопротивление разное, существует объективная возможность их изучения с поверхности, что и является задачей электротомографии.

Измерения проводятся по профилям. Их результатом является разрез электрического сопротивления с глубиной. В случае системы параллельных профилей могут быть построены карты сопротивления на различных глубинах.

Сам метод появился в середине 1990-х годов и является одним из ведущих методов археологической геофизики («Geophysical Survey...», 2008; Gaffney, 2008; Eppelbaum, 2010). Заметное место занимают примеры его применения в журнале «Archaeological Prospecting», посвященном применению геофизических методов в археологии. В России замечательные примеры применения электротомографии получены И.В. Журбиным (2006) и И.Н. Модины (2010).

Задачей настоящего исследования являлось определение методических возможностей электротомографии как основного метода геофизического комплекса при проведении археологических работ. Для этого построенные карты и разрезы сопротивления сравнивались с планами и разрезами, полученными археологами в ходе проведения раскопок. Также для обоснования применения электротомографии и интерпретации ее результатов были проведены лабораторные исследования образцов грунта, взятых из раскопок. Таким образом, проведенные работы представляют уникальный пример полного комплекса исследования – лабораторные измерения, полевые измерения, проведение геофизической интерпретации, сравнение результатов интерпретации с результатами раскопок.

Поскольку применение любого геофизического метода основано на различии физических свойств находящихся под поверхностью земли объектов, а эти свойства заранее неизвестны, возможность четко сопоставить их значения и соответствующие археологические комплексы появляется, только если на некотором небольшом участке проведены и геофизические исследования, и раскопки. Примером может служить исследование пространства между шурфами или раскопами или исследование участка с последующей проверкой археологическими раскопками. В этом случае задача геофизики – качественное и количественное описание выделенных структур, изучение их планового положения, выявление связей между геофизическими аномалиями и объектами, открытыми археологами. При этом интерпретация данных получается более надежной, в том числе и на тех участках, где археологических раскопок не проводилось. Исследования, подчиненные данной программе, являются примером практических возможностей электротомографии при решении типичных археологических задач.

Исследования проводились на западной окраине села Бородино Можайского района Московской области, на территории Бородинского военно-исторического музея-заповедника (рис. 2).

Лабораторные исследования образцов

Лабораторные измерения удельного электрического сопротивления для 28 образцов из разных участков раскопа «Пожарный» были проведены по опубликованной методике (Shevnin *et al.*, 2007). На основе результатов, полученных по этим измерениям (рис. 3), можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, установлено, что сопротивление пород культурного слоя достоверно и существенно отличается от сопротивления пород материка. В частности, средние значения по выборкам составляли, соответственно, 32 и 25 Ом·м (отличие в 1,3 раза). При этом выборки, что очень важно для интерпретации электротомографических данных, не перекрываются по значениям сопротивлений. Это говорит о принципиальной возможности различить материк и культурный слой по удельному электрическому сопротивлению. Во-вторых, внутри каждой из выборок образцов (как культурного слоя, так и материка) фиксируется значительная разница в удельных сопротивлениях.

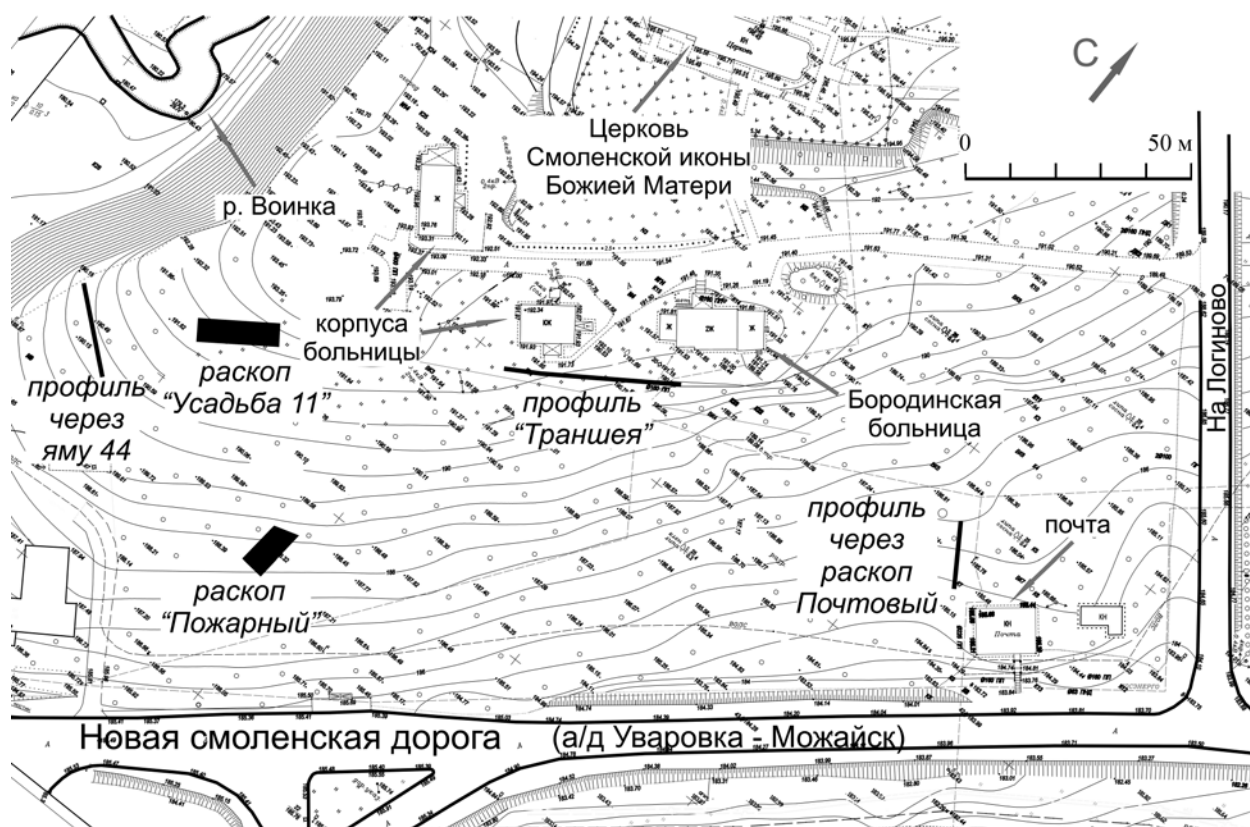

Рис. 2. Карта фактического материала работ

В частности, значения электрического сопротивления образцов культурного слоя меняются от 28 до 34 Ом·м (в 1,2 раза), материка – от 22 до 27 Ом·м (в 1,2 раза). Это указывает на возможность расчленения по сопротивлению культурного слоя, а также на возможность обнаружения аномалий неантропогенной природы.

Рассмотрим результаты, полученные по нескольким объектам в селе Бородино (рис. 2).

Раскоп «Пожарный»

Раскоп «Пожарный» располагался в юго-западной части нынешнего парка Бородинской больницы (ранее – парк Императорского дворца) в с. Бородино, к юго-западу от здания больницы, к северу от Новой Смоленской дороги (ныне автодорога Можайск – Уваровка). Площадь исследованной геофизикой восточной части раскопа составила 65 кв. м (5×13 м). Поверхность раскопа имела наклон к югу, в сторону р. Колоць (60 см на 13 м).

Стратиграфия: дерн (парковый слой – серая супесь) – от 5 до 8 см; ниже – слой серого суглинка с примесью кирпичной крошки, глины и фрагментов керамики в южной части. Материк – коричневая глина.

В исследованной восточной части раскопа открыта группа из четырех ям округлой формы, диаметром от 40 до 80 см, глубиной от 20 до 40 см. В заполнении ям: серый суглинок с примесью светло-коричневого. В северной части раскопа наблюдался перекоп от

ямы советского периода. Вокруг этого перекопа выявлена серия почти одинаковых ям диаметром от 30 до 40 см.

На основании сопоставления результатов электротомографии и археологических планов (рис. 4) можно сделать следующие выводы. По удельному электрическому сопротивлению отложения культурного слоя заметно отличаются от пород материка. Особенно хорошо это видно в северной части раскопа (квадраты А и Б по линиям 5–7), где остатки угла постройки, обладающие повышенными значениями сопротивления (100 Ом·м и более), отличаются от окружающего материка, характеризующегося более низкими значениями сопротивления (50 Ом·м и менее). В южной части раскопа в плане по сопротивлению выделяется граница между культурным слоем и материком с азимутом простирания юго-запад – северо-восток. Сопротивление культурного слоя на отметке -360 см превышает сопротивление на отметке -380 см, где фиксируется материк.

Сравнение карт сопротивления и археологических планов, особенно для южной части раскопа (квадраты линий Г, Д, Е, Ж, рис. 4, I, II), показывает, что картина по сопротивлению оказывается значительно более разнообразной. Это происходит по двум причинам. Во-первых, некоторые объекты могли быть объединены археологами в один слой, поэтому некоторые границы внутри этого слоя, проявляющиеся на картах сопротивления, могут отсутствовать на археологических планах. Во-вторых, возможно,

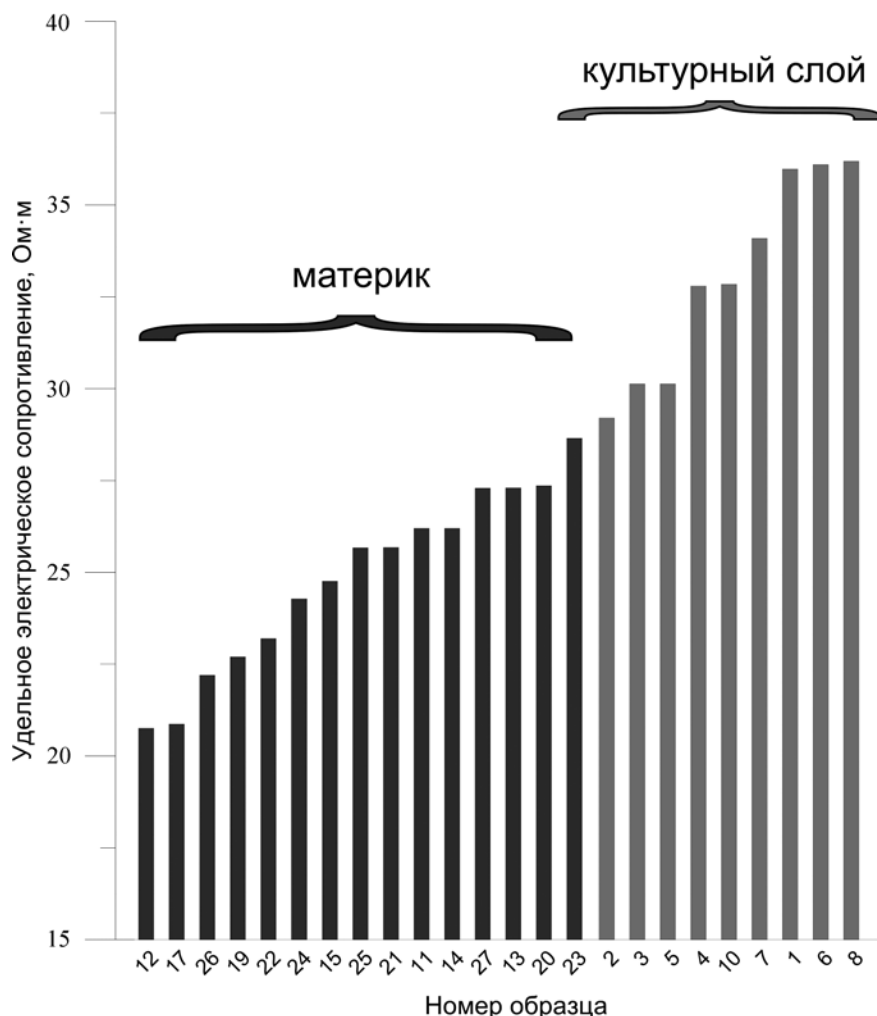

Рис. 3. Значения удельного сопротивления для образцов из материка и культурного слоя

некоторые аномалии имеют неархеологическую природу и связаны с изменением влажности или другими причинами. Однако можно уверенно сказать, что они объективно существуют. Это подтверждается картой сопротивления, построенной по результатам измерений на образцах (рис. 4, IV). Редкая сеть отбора проб, взятых с разных отметок, не позволяет четко сравнить карты сопротивлений, построенные по результатам лабораторных измерений и карты, построенные по полевым измерениям. Однако, в целом, положение основных аномалий на этих картах соответствует друг другу.

Профиль через яму 44

Объект археологического исследования – яма 44 – находилась в раскопе «Усадьба», который располагался в западной части нынешнего парка Бородинской больницы, в 160 м к юго-западу от дворца, в 60 м к северу от Новой Смоленской дороги, на мысу левого берега р. Воинка. Яма имела четырехугольные очертания, линейные размеры ямы 44 составляли 6,4 x 7,6 м и представляла собой котлован разрушенной постройки. Заполнение ямы состояло из трех про-

слоек, материк – песок. Самая верхняя прослойка – мусор, заполнивший просевшее заполнение ямы после того, как сгнила находившаяся в ней органика. Второй – остатки захоронений – кости животных и людей, сброшенных в яму, предположительно, весной 1813 г. Третий – заполнение времени после разрушения постройки (грунт с камнями от фундамента из валунного камня).

Электротомографические исследования были проведены по дневной поверхности края раскопа, когда его глубина составляла около 1,5 м. Впоследствии оказалось, что профиль пересекает яму практически по центру (рис. 5, А). Для электротомографии данный профиль является достаточно сложным по нескольким причинам. Во-первых, раскоп находится в непосредственной близости от обрывистого берега реки, и зона вблизи крутого обрыва характеризуется сравнительно резкой изменчивостью геологического разреза. Во-вторых, строительный мусор, залегающий над ямой, являлся источником дополнительных помех. И в-третьих, важную роль может играть сам раскоп: находящаяся сбоку от профиля выбранная глубокая яма приводит к оттеснению тока и соот-

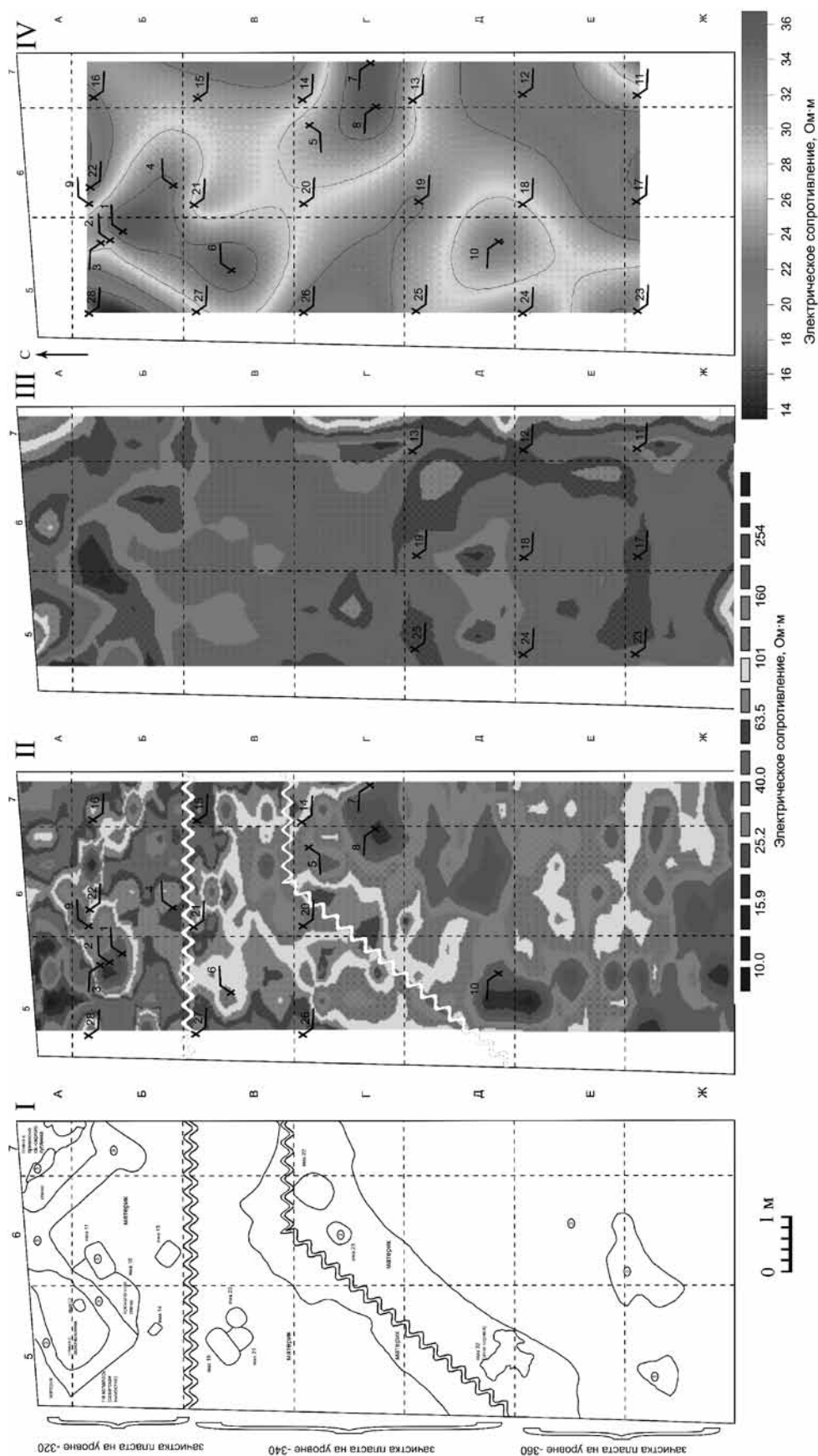

Рис. 4. Результаты исследований раскопа Пожарный: электротомография и лабораторные определения сопротивлений образцов грунта (см. пв. вкл.)
 I – зачистка пластов на уровне -320; II – карты сопротивлений для соответствующих отметок. Места взятия проб образцов; III – карта сопротивлений на отметке -380, соответствующей выходу на материк. Место взятия проб образцов; IV – карта сопротивлений, построенная по результатам анализа проб

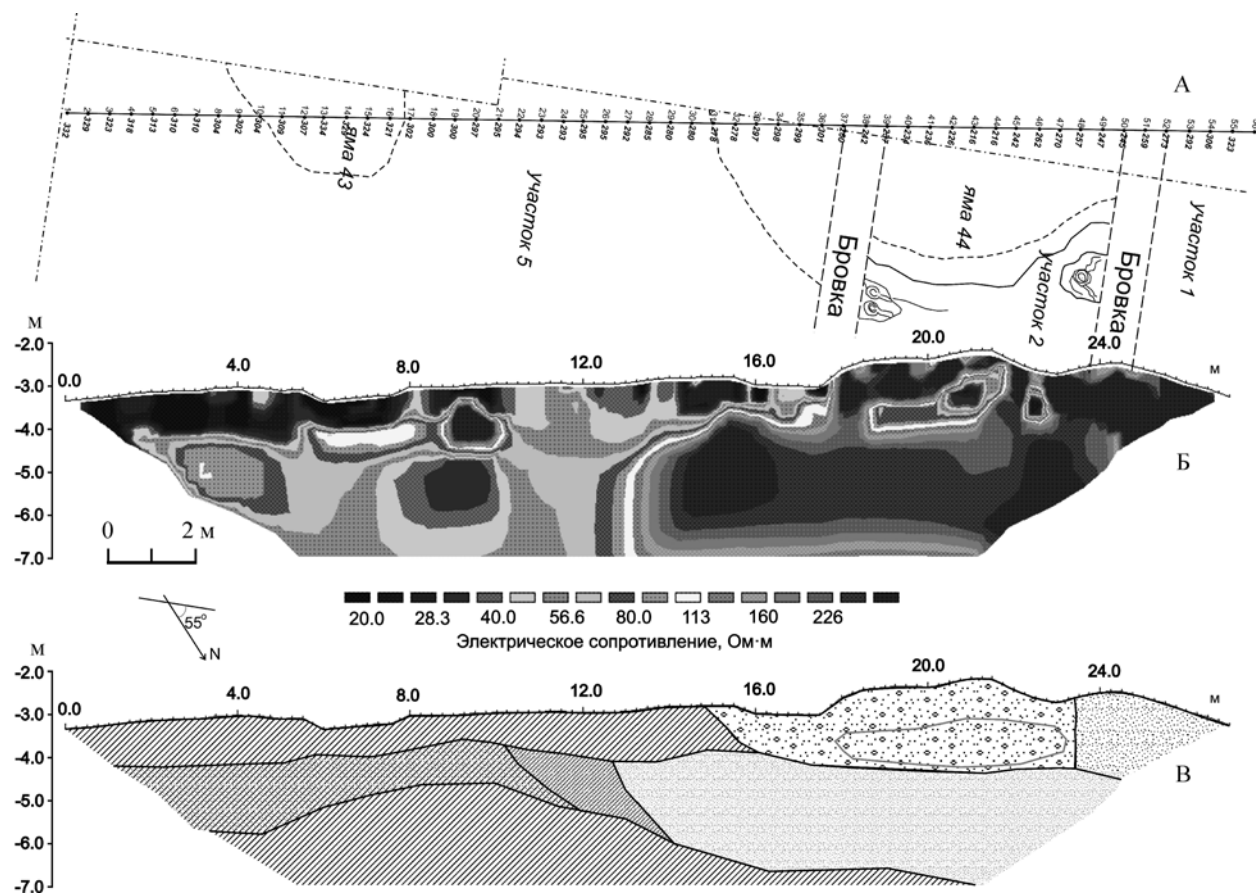

Рис. 5. Результаты исследований по профилю через яму 44

А – план с указанием положения ямы 44 и профиля наблюдений; Б – геоэлектрический разрез по методу электротомографии; В – результат геофизической интерпретации (серой линией показаны границы захоронения по археологическим данным)

ответственно к увеличению значений сопротивления в этой части профиля.

В геологическом строении по профилю наблюдений выделяются несколько комплексов грунтов (рис. 5, Б, В) – более глинистые в верхней части разреза в юго-восточной части профиля, более песчаные в средней части разреза, и суглинки в основании. Северо-западная часть профиля (со стороны обрыва) сложена, вероятно, ледниковыми отложениями. Их сопротивление составляет около 200 Ом·м. Над ними четко выделяется зона пониженного сопротивления, соответствующая заполнению супесчаным и суглинистым веществом ямы 44 (сопротивление около 40–60 Ом·м). Границы ямы в плане достаточно четко совпадают с границами аномалии. Глубина пола постройки по электротомографии оказывается несколько заниженной (на 0,5 м). Это может быть связано с разнородностью заполнения нижней части ямы – суглинком, песком, валунами.

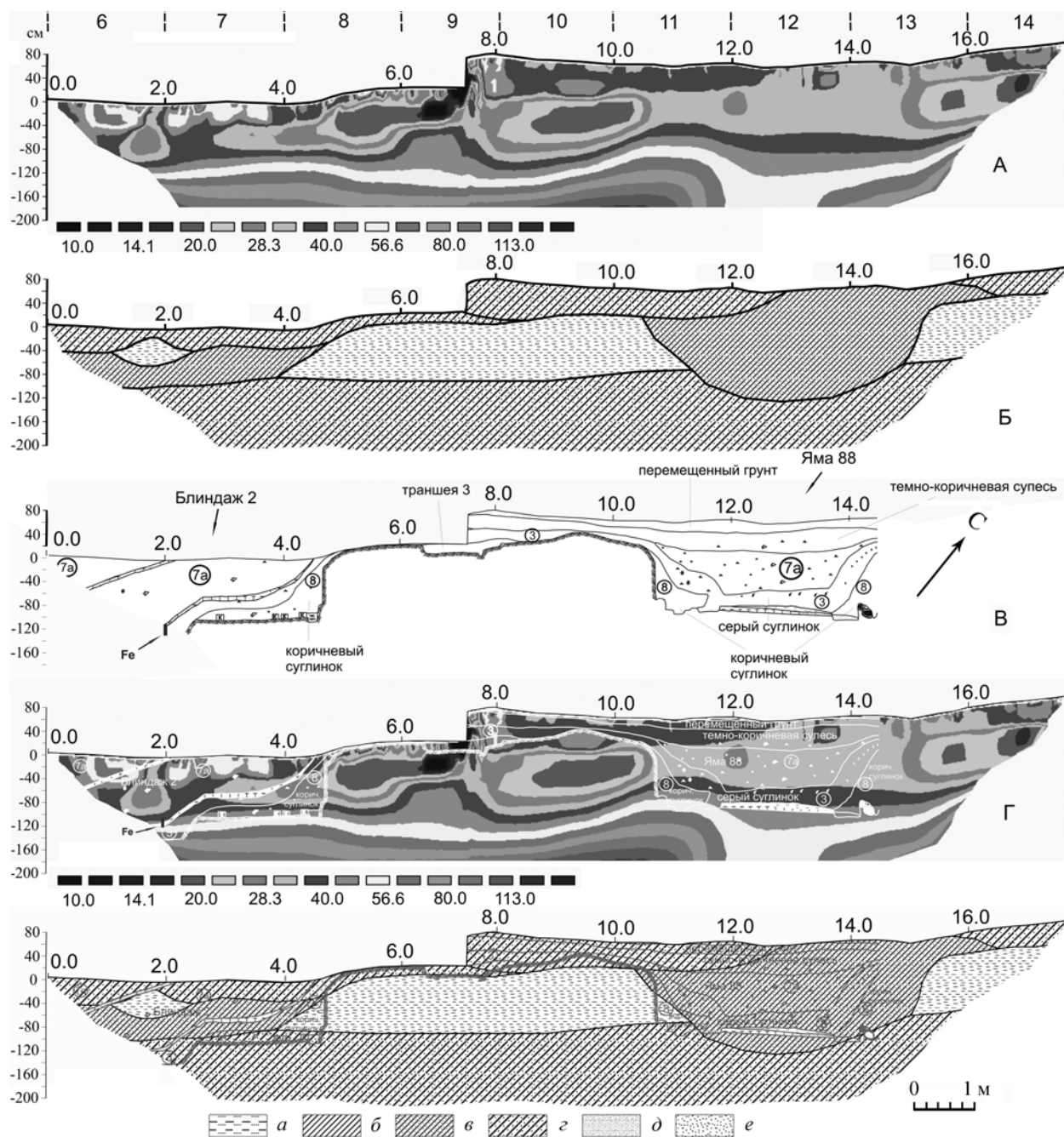
Раскоп «Усадьба II»

Раскоп располагался в западной части нынешнего парка Бородинской больницы, в 160 м к юго-западу от дворца, в 60 м к северу от Новой Смоленской дороги, на мысу левого берега р. Воинка. Два наиболее

крупных сооружения на участке раскопа – «блиндаж 2» и «яма 88» (рис. 6, В).

Блиндаж 2 был расположен в средней части раскопа (юго-западная часть участка геофизических работ), размеры на уровне материка – 8,60 x 4,20 м. Глубина блиндажа от поверхности раскопа – 2,60 м в восточной части и 2,90 м в западной. Заполнение этого сооружения состояло у краев из материкового коричневого суглинка, в середине котлована – из серо-коричневого суглинка с мусором. Заполнение котлована происходило два раза, с последующей просадкой в середине котлована, цвет и состав заполнения не менялся, граница между двумя периодами заполнения отмечена более темным слоем с листьями кровельного железа.

Яма 88 располагалась в северо-восточной части раскопа. На уровне зачистки по материку она читалась как подпрямоугольная, в ней обнаружен завал бревен, представляющий собой упавшие остатки верхней части срубной конструкции. Размеры ямы – 4,5 x 3,2 м. Сооружение в яме 88 интерпретировано как колодец-отстойник (септик) для канализации 2-го и 3-го Кавалерских корпусов. Заполнение ямы 88: по краям – коричневый материковый суглинок, обвалившийся со стенок на провалившуюся бревенчатую крышку колодца. Под бревнами провалив-

Рис. 6. Результаты исследований по северо-западному профилю раскопа «Усадьба 11» (см. цв. вкл.)

А – геоэлектрический разрез по методу электротомографии; Б – результат геофизической интерпретации; В – разрез по результатам раскопок; Г, Д – совмещение разрезов А–В. Цифрами в кружках обозначены: 2а – перемещенная глина; 3 – серый суглинок; 4г – битый кирпич, щебень; 7а – мешанная коричневая глина с кирпичной крошкой; 8а – коричневый суглинок с известковой и кирпичной крошкой; 9 – мешанно-серый суглинок; 12 – серый суглинок с известью; 12г – подзол; 14 – песок; 14а – песок с мелким гравием; 15 – каменный уголь; 18 – светло-серый суглинок; а – глина; б – суглинок; в, г – супесь; д, е – песок

шейся крышки – темно-коричневая гумусированная прослойка заполнения колодца-септика толщиной 20–30 см, под этой прослойкой – камни, кирпичи, сброшенные в колодец, видимо, для предотвращения размывания песка, а под ними – слоистые прослойки песка-фильтра с зеленоватым отливом от фильтрата. Глубина колодца не установлена, она прослежена вниз до 2,2 м от современной поверхности.

Целью исследований на данном участке являлось определение глубины подошвы культурного слоя, выявление неоднородностей в культурном слое, оконтуривание ям и других возможных объектов в плане. На момент проведения электротомографических измерений в западной части раскопа археологами были сняты верхние 40–50 см грунта, в восточной части раскопки еще не были начаты. При интерпретации данных мы

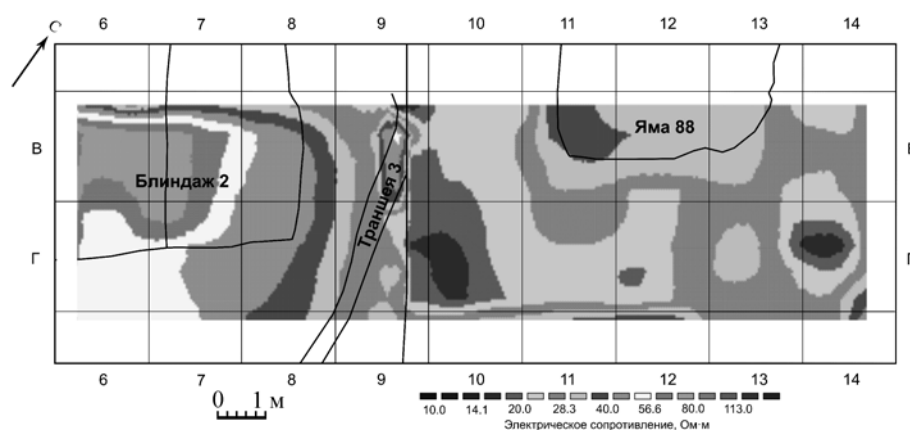

Рис. 7. Результаты площадных электротомографических измерений на участке «Усадьба 11». Сопоставление распределения сопротивления на глубине 80–100 см от поверхности и плана-схемы части раскопа (см. цв. вкл.)

не имели никакой априорной информации и опирались только на результаты лабораторных исследований образцов, взятых из раскопа «Пожарный» (см. выше).

Исследования разреза по северо-западному профилю состояли из нескольких этапов. Сначала был построен геоэлектрический разрез по данным метода электротомографии (рис. 6, А). Затем на основании полученного разреза была создана интерпретационная геофизическая модель разреза (рис. 6, Б). Известное по измерениям на образцах соотношение сопротивлений материка и культурного слоя было использовано при определении границы подошвы культурного слоя и границы внутри культурного слоя. И, наконец, полученные разрезы были сопоставлены с результатами археологических раскопок (рис. 6, Г, Д).

Согласно данным электротомографии, разрез по северо-западному профилю представлен комплексами отложений культурного слоя и материка. Последние включали два вида пород: вышележащие глины (суглинки) и нижележащие супеси. Комплексы четко разделяются по характерным значениям удельного электрического сопротивления. Отложения культурного слоя обладают сопротивлением от 30 до 60 Ом·м, материковые суглинки – 20–25 Ом·м, супеси, залегающие ниже отметки -100 см, – более 80–100 Ом·м.

Основная граница, интересовавшая нас при проведении исследований, – подошва культурного слоя. Ее положение в археологическом разрезе хорошо согласуется с положением градиентных зон по сопротивлению на геоэлектрическом разрезе. В центральной части разреза кровля материка (верхняя граница слоя низкого сопротивления) находится на отметке 0/-30 см. К западу и востоку соответствующая градиентная зона (интерпретируемая как граница) достаточно резко опускается до отметок -100 см.

Особенно ярко проявляется в геоэлектрическом разрезе аномалия на участке 11–15 м во всем диапазоне исследуемых глубин. Здесь в слое суглинков фиксируется повышение сопротивления, в слое супесей (в основании разреза) – понижение. Определение нижней границы аномалии оказывается затруднительным. При проведении геофизической интерпретации данная аномалия была отмечена как яма.

Результаты раскопок подтвердили правильность проведенной интерпретации. Основные выделенные по геофизике границы соответствуют границе «культурный слой – материк». Соответствующие понижения границы являются ямами «блиндаж 2» (западная часть профиля) и «яма 88» (восточная часть). Ошибка определения глубины положения границ оказывается в пределах 20 см. Исключение составляет глубина ямы 88, но низкая степень точности определения глубины здесь была оговорена при интерпретации. Падение стенок ямы, определенное по данным электротомографии, оказалось менее крутым, чем истинное. Это явилось следствием двух факторов: недостаточного опыта археологической интерпретации геоэлектрических разрезов и градиентном характере границы. Последний определяется тем, что коричневый суглинок, заполняющий края ямы, по значениям сопротивления занимает промежуточное положение между мешаной глиной, заполняющей яму, и материком (рис. 6, Д).

Исследования по системе параллельных профилей позволили проследить в плане структуры, выделенные на северо-западном профиле. С помощью полученных карт изолиний удельного сопротивления удалось локализовать в плане основные объекты (рис. 7). В частности, в повышении электрического сопротивления выразились «блиндаж 2» и «яма 88». При этом плановое положение этих объектов по данным раскопок совпадает с положением аномалий удельного электрического сопротивления. Траншея 3 (рис. 7) была выявлена по результатам раскопок, но не представляла археологического интереса. Она пересекает уступ в рельефе, что, скорее всего, повлияло на возможность ее обнаружения.

Приведенные результаты по раскопу «Усадьба 11» иллюстрируют возможности электротомографии при определении границы культурного слоя и материка как в случае ее субгоризонтального залегания, так и в случае наклонного. На северо-западном профиле были выделены объекты «блиндаж 2» и «яма 88», с достаточной точностью определены положение границ в плане и по глубине. Это – показательный пример ситуации, когда в структурном отношении количество информации, полученной по электротомографии и по археологическим раскопкам, сопоставимо.

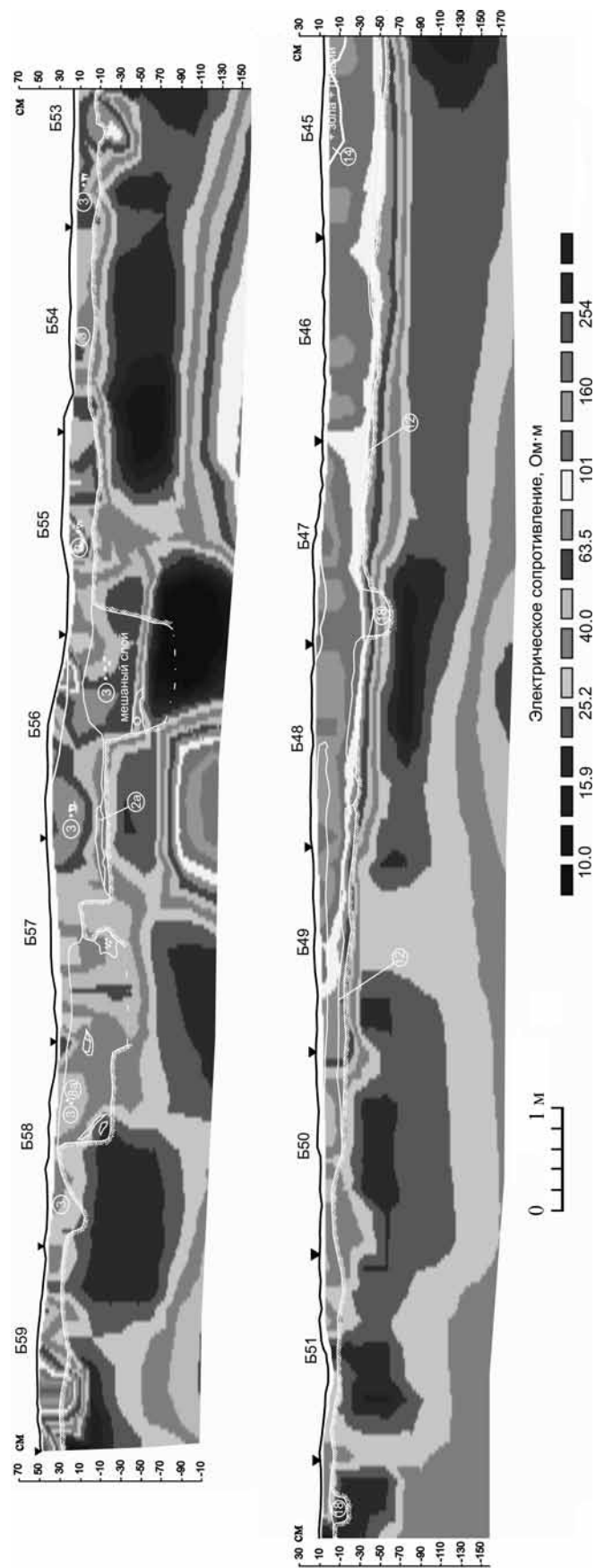

Рис. 8. Результаты электротомографии по профилю «Граншей» и археологические границы (см. пв. вкл.)

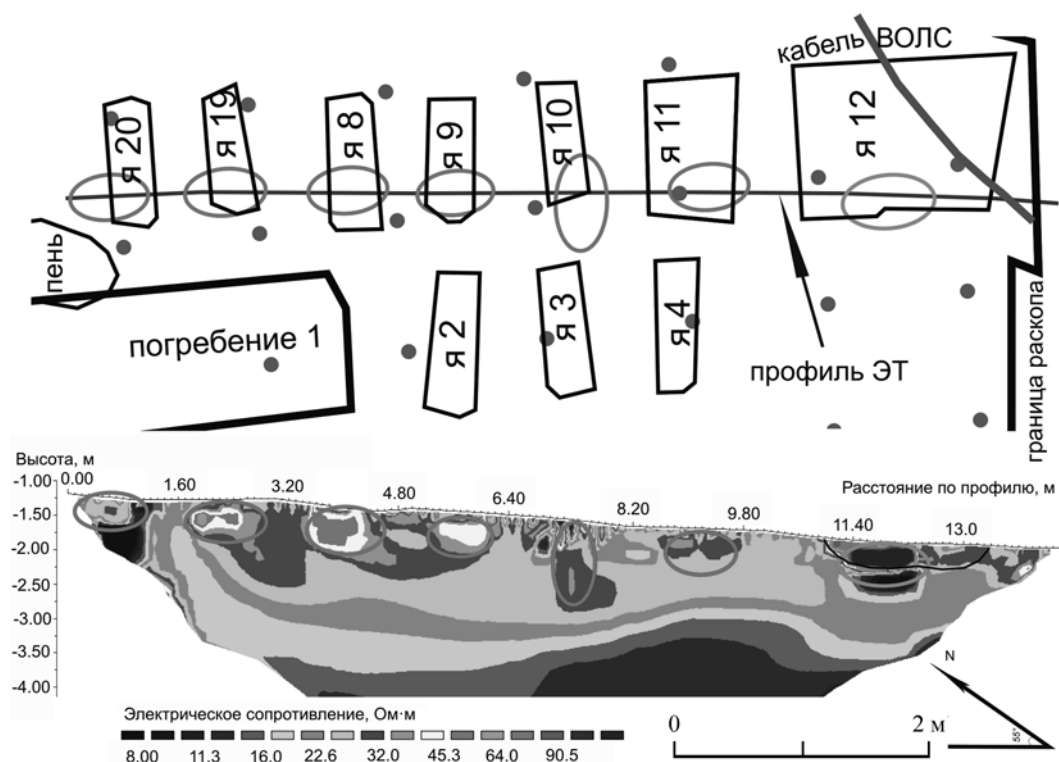

Рис. 9. Результаты электротомографии по профилю через кладбище.
Сопоставление геоэлектрического разреза и данных археологии

Профиль «Траншея»

Раскоп «Трасса» (профиль «Траншея») назван по коммуникациям водопровода и канализации, под которые он закладывался. Раскоп располагался в центральной части нынешнего парка Бородинской больницы. Раскоп «Трасса» проходил параллельно дороге Можайск – Бородино, в 70–60 м к северу от нее.

Исследования методом электротомографии проводились в соответствии с проектным положением трассы. Реальное положение стенки раскопа не везде точно соответствовало профилю измерений по электротомографии, однако расхождение составляло не более метра. В целом, разрезы и глубины выделяемых слоев на геоэлектрическом разрезе и по археологическому описанию соответствуют друг другу (рис. 8). Достаточно точно определяется положение границы культурного слоя. На геоэлектрическом разрезе не видны некоторые детали, отраженные в археологическом описании. В значительной степени это связано с шагом между электродами, сопоставимым с мощностью культурного слоя.

Однако обращает на себя внимание большое количество деталей геоэлектрического разреза, которые не отражены в археологическом разрезе. С одной стороны, эти аномалии могут быть неинтересны археологам при составлении разреза. С другой стороны, это может говорить о существовании аномалий, не всегда заметных археологу, что указывает на возможность получения дополнительной информации из результатов электротомографических исследований.

Раскоп «Почтовый»

Раскоп «Почтовый» располагался в юго-восточной части нынешнего парка Бородинской больницы, в 30 м к северу от дороги Можайск – Бородино, в 10 м к северу и северо-западу от здания почты. В центральной части раскопа по одному профилю были произведены исследования методом электротомографии (рис. 9). На линии профиля археологи зафиксировали семь погребений, относившихся к периоду Второй мировой войны (ямы 8–12, 19, 20) и представлявших собой одиночные захоронения (яма 12 – групповое). Кроме того, был обнаружен кабель ВОЛС, пересекающий яму 12. На момент геофизических исследований на площади раскопа был снят почвенный слой и частично вскрыта яма 12, при выборке которой обнаружены человеческие останки.

На полученных геоэлектрических разрезах (рис. 9) погребения выразились в виде семи локальных областей повышенного сопротивления, плановое положение которых совпало с определенным по результатам раскопок положением захоронений. Повышение сопротивления в области захоронения соответствует результатам, полученным при лабораторных исследованиях на образцах (см. выше), согласно которым отложения культурного слоя обладают более высоким сопротивлением, чем отложения материка.

Аномалии на геоэлектрическом разрезе, соответствующие ямам 8, 9, 19, характеризуются значениями сопротивления 35–40 Ом·м, а аномалии, соответствующие ямам 10, 11, 20, – 30–35 Ом·м. Сопротивление материковых отложений

составляет 25–30 Ом·м. Ширина аномалий составляла 60–80 см, глубина нижней границы – около 50 см. Отдельный интерес вызывает аномалия, соответствующая яме 12. Она состоит из двух частей: повышенного сопротивления на пикетах 11,0–12,3 м (более 100 Ом·м) и пониженного (около 35 Ом·м) на пикетах 12,3–13,3 м. Первая объясняется временно законсервированной грунтом и полиэтиленом части ямы, вторая соответствует нераскопанной части ямы. Глубина нижней границы такая же, как и у других ям.

В самом конце профиля, на глубине около 30 см, фиксируется аномалия повышенного сопротивления, в этом месте профиль электротомографии пересекает кабель ВОЛС.

Выводы

Приведенные сопоставления результатов раскопок и данных электротомографии показывают, что электротомография может являться основным мето-

дом геофизического комплекса при решении археологических задач по следующим причинам:

- положение границ «культурный слой – материк» и границ внутри культурного слоя на геоэлектрических разрезах и по результатам раскопок в целом совпадает. Различия касаются деталей. Это говорит о том, что по результатам электротомографии можно делать прогноз мощности культурного слоя, геометрии границ и литологического состава;

- на основе результатов электротомографических измерений по системе параллельных профилей можно строить карты распределения сопротивления на заданной глубине и проводить археологическую интерпретацию построенных карт;

- при исследованиях на новом участке целесообразно производить лабораторный анализ проб грунта и проводить последующую интерпретацию на основании его результатов, что позволит повысить их достоверность.

Литература

Балашов А.Ю., Смольников К.А., Прохоровский А.С., Куликовский К.В., Симочкин П.И., 2010. Геофизические исследования территории Лужецкого монастыря города Можайска // АП. Вып. 6.

Глазунов В.В., Плоткин К.М., 1978. Археолого-геофизическое изучение городища Камно // КСИА. Вып. 152.

Журбин И.В., 2006. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. Дисс. ... д. ист. наук. М.

Модин И.Н., 2010. Электроразведка в технической и археологической геофизике. Автореф. дисс. ... д. тех. наук. М.

Eppelbaum L.V., 2010. Archaeological geophysics in Israel: past, present and future // *Advances in Geosciences*. № 24. Göttingen.

Gaffney C., 2008. Detecting trends in the prediction of the buried past: a review of geophysical techniques in archaeology // *Archaeometry*. Vol. 50. Iss. 2. Oxford.

Geophysical Survey in Archaeological Field Evaluation. English Heritage. L., 2008.

Shevnin V., Mousatov A., Ryjov A., Delgado O., 2007. Estimation of clay content in soil based on resistivity modeling and laboratory measurements // *Geophysical Prospecting*. № 55. Houten.

Ross C.S., Merino M., Sherrod L., 2009. Reconstruction of lost burial plots records with ground penetrating radar // *Symposium on the Application of Geophysics to Engineering and Environmental Problems*. Denver.

S.A. Erokhin, A.M. Pavlova, A.Yu. Balashov, I.N. Modin, V.A. Shevnin, A.A. Bobachev

Electrical resistivity tomography: acquisition tests during archaeological excavations in Borodino

Summary

Acquisition tests were carried out during archaeological excavation in Borodino (State Borodino War and History Museum and Reserve) in 2010 to define the capabilities of electrical resistivity tomography in archaeological investigations. Areal and profile surveys were performed at the territory of future excavations. The results of excavations were compared with the results of geophysical data interpretation. To improve the quality of interpretations the laboratory resistivity measurements of soil samples were produced.

The comparison of cross-sections and plans based on resistivity tomography data interpretation with the results of archaeological excavations shows that electrical resistivity tomography can be the basic method in the

complex of geophysical methods in archaeology. It is demonstrated that the location of border between cultural layer and bedrock determined by electrical resistivity tomography and by excavations are practically identical. Measurements by parallel lines enable to create resistivity maps referred to some predefined depth and carry out archaeological interpretation. When the studies are made in an unexplored area, laboratory measurements of soil samples should be produced to increase the reliability of the geophysical interpretation.

The investigations were carried out by the staff of Geophysical Department of Moscow State University (Geological Faculty) and Mozhaishk Expedition of Archaeological Institute (Russian Academy of science).

И.Н. Ершов

**«Москвофилы», Иван Забелин, «западник» Иван Рязановский
и «археологические» повести Алексея Ремизова**

М.М. Пришвин в течение своей долгой литературной жизни дважды пытался начать писать роман или повесть на «археологическую» тему. Впервые об этом мы находим свидетельства, датируемые серединой 1920-х годов, т. е. в период его жизни в Переславле-Залесском, где писатель особенно тесно общался с краеведами, археологами, музейными работниками. О замысле М.М. Пришвина, относящегося к 1925 г., написать некий «археологический роман» писал в своих «Воспоминаниях» известный переславский краевед М.И. Смирнов (2003. С. 48). «Археологический» сюжет первого замысла писателя (в качестве одной из основных линий романа), очевидно, мог бы завязаться в задуманном им романе под условным названием «В начале века».

Этот замысел М.М. Пришвина мог родиться еще под влиянием его участия в работе XV Всероссийского археологического съезда в Великом Новгороде¹, однако предыстория сближения писателя с археологической тематикой лежит еще глубже, в 1907–1910 гг., когда он в Петербурге тесно общался с Алексеем Ремизовым (рис. 1) и участниками ремизовских вечеров, членами так называемого Обезвельволпала (Обезьяньей великой и вольной палаты). Среди гостей Алексея Ремизова было немало известных ученых, причастных в той или иной степени к археологической науке (в том ее смысле и рамках, которые были общеприняты в ту пору). Общение с ними, несомненно, оказывало на молодого начинающего писателя огромное впечатление. Свидетельством тому многостраничные записи бесед и размышлений по поводу этих собраний в «Раннем дневнике» писателя (Пришвин, 2007а).

Одним из основных, сквозных лейтмотивов задуманного писателем произведения, несомненно, должен был стать «скифский миф» русской литературы и философии². Сам по себе этот «миф» многослоен, противоречив, имея свои истоки в науке, в том числе и в археологии XIX столетия, занятой в основном поиском сокровищ античных городов и современных им скифских курганов. «Скифский миф» подкреплялся и авторитетом русских историков, начиная от М.В. Ломоносова и заканчивая тем же И.Е. Забелиным (рис. 2), полагавшими происхождение восточно-славянства напрямую от скифов.

Существовали в российском общественном сознании и устойчивые стереотипы «Скифии» как варварства, противопоставленного «цивилизации» в виде античной культуры городов Северного Причерноморья. Не без влияния идей Фридриха Ницше «скиф» русской литературы начала XX столетия стал синонимом молодой, сильной и жадной до богатств цивилизованной Европы евразийской Степи. Физический облик этого «степняка» нередко контаминировался с ужасным обликом гунна из средневековой европейской литературы. Предельно ясным выражением этого «скифского» образа России стала поэма Александра Блока «Двенадцать».

Трактовка М.М. Пришвиным «Скифии» поначалу была традиционной – образ России современной у писателя в его дневниковых записях сближается постепенно именно с образом пустынно-холодной «Скифии», а не «Господина Великого Новгорода», т. е. «кочевого варварства», а не «оседлой цивилизации». Возникают зрительные контрастные образы-

¹ Одна из глав романа была названа писателем «Новгород». Замысел романа, к сожалению, так и остался неосуществленным (подробнее об этом см.: Гришина, 2004. С. 500–501).

² Другой «археологический» сюжет задуманного М.М. Пришвиным романа лежал в плоскости его размышлений о взаимоотношении творческого начала и научного познания и преломлении этой проблемы в науке археологии. Это связано было, прежде всего, с эпизодом его совместной работы и бесед с А.А. Спицыным в 1925 г. Однако спустя 12 лет писатель вновь возвращается к своему замыслу, будучи в Кабарде, в городе Нальчик и его окрестностях. Побудило его к такому вторичному возвращению тесное общение с археологом, основателем местного краеведческого музея М.И. Ермоленко, научная биография которого мало известна широкому кругу российских археологов. Несомненно, роман должен был также стать своего рода выражением историософских взглядов писателя (Пришвин, 2010. С. 284).

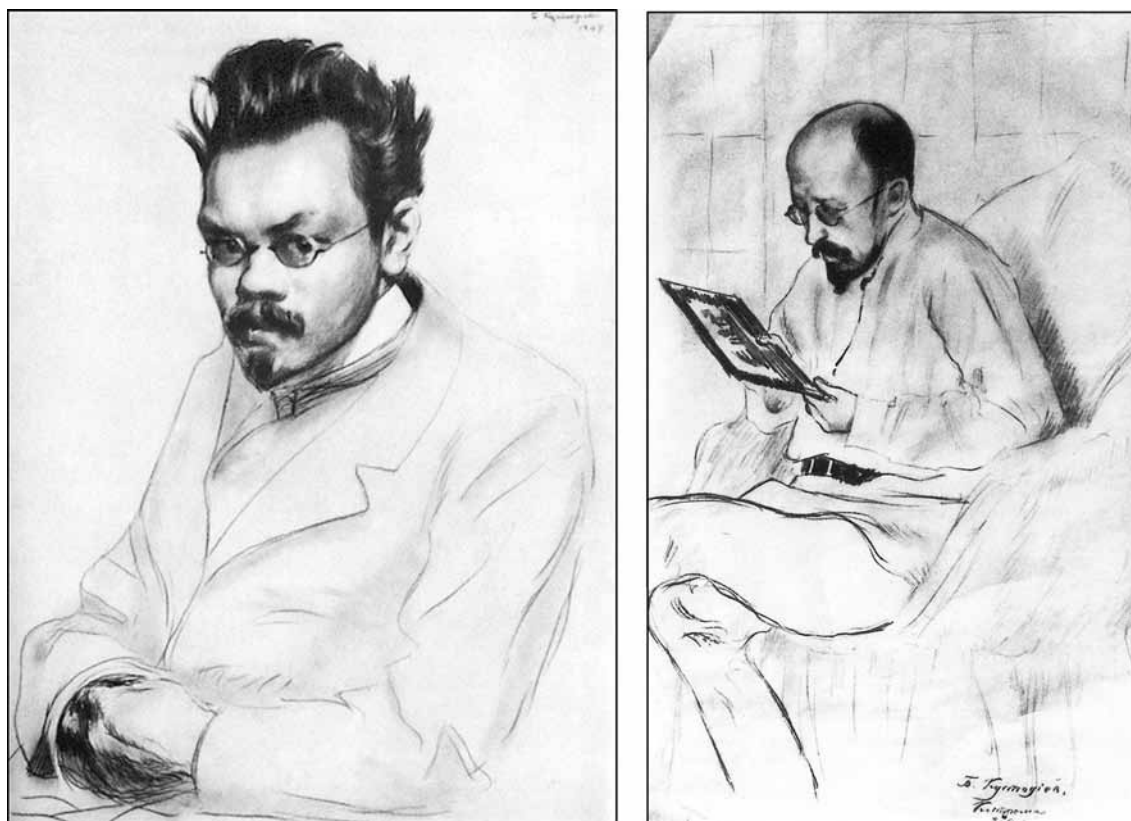

Рис. 1. А.М. Ремизов и И.А. Рязановский (рисунки Б.М. Кустодиева, 1910-е годы)

ассоциации, например, город Белёв и его окрестности в конце 1910 г. описаны им так:

«За Окой засыпанная снегом деревня, будто юрты хазар... люблю вспоминать, что тут, в роскошной целине, в древности жили *хазары* (курсив мой. – И.Е.) в шатрах, а по ту сторону Оки на холмах... (где город Белёв. – И.Е.) вятичи... Я люблю этот город детской любовью...» (Пришвин, 2007б. С. 411–412). Это еще мирная, спящая «Скифия», ассоциативно связанная с духом пушкинской поэмы «Руслан и Людмила».

В годы русской Смуты этот образ деформируется, и теперь «Скифия» для М.М. Пришвина предстает в ипостаси «черного Митинга, страшного и лохматого» (Пришвин, 2007б. С. 420). «Скифия» для М.М. Пришвина теперь – это занесенное снегом пустое пространство, которого «боялись еще так древние люди у теплого синего моря» (Пришвин, 1994. С. 243). Эта трактовка в целом была, очевидно, достаточно нова и резко диссонировала с распространенным в среде «прогрессивной» общественности понятием, если принять во внимание высказывание такого достаточно далекого от общественной позиции писателя человека, каким был К.Н. Победоносцев: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, по которой ходит лихой человек!» (из беседы с Д.С. Мережковским в апреле 1903 г. – Михайлов, 1990. С. 9).

А.М. Ремизов в своем творчестве не смотрел так широко и глубоко на происходившие в прошлом процессы русской истории – он был полностью замкнут в кругу представлений о Руси ушедшей, как о «Граде

Китеже», скрывшемся от взора грешного народа в пучину вод.

Нетрудно заметить, что пришвинский образ Руси был лишь частью того образа родины, который в творчестве писателя периода 1910-х годов включал в себя и Русский Север, и «Скифию», и «аполлонический» Крым, и бескрайние пространства Сибири и евразийской Степи. В размышлениях М.М. Пришвина 1910 – начала 1920-х годов мы видим уже попытки подняться на высоты историческо-философского обобщения антитезы «Скифия» – «Господин Великий Новгород» до уровня противопоставления «Натура» – «Культура». Именно такое осознание происходящих событий, очевидно, и стало тем якорем, который остановил писателя от эмиграции и привел его к пониманию необходимости работать над сохранением культурного наследия России, увлечься практическим краеведением и археологией. А.М. Ремизов же, напротив, уехал в эмиграцию (по его собственному выражению – «как в могилу»).

Сам А.М. Ремизов, по признанию М.М. Пришвина, тем не менее, был одним из его основных учителей в мире литературы. «Ремизов не своими писаниями, а своей личностью сделался единственным моим другом в литературе, хранителем во мне земной простоты», – так он писал в конце 1920-х годов (Пришвин, 2003. С. 211). В отличие от других литературных учителей, таких, как Сергей Аксаков, Николай Лесков, Андрей Мельников-Печерский, Федор Тютчев, А.М. Ремизов был не-

Рис. 2. Н.А. Найдёнов (фото 1880-х годов) и И.Е. Забелин (портрет работы И.Е. Репина, 1877 г.)

посредственным, «живым» учителем, одногодком М.М. Пришвина, человеком, с которым тот тесно общался, перенимал опыт прямым путем, из уст в уста. Это происходило в один из наиболее интересных периодов развития русской литературы, с 1906 по 1914 г. Впоследствии М.М. Пришвин мысленно продолжал общение с А.М. Ремизовым в текстах своего «Дневника», вспоминая об этом необычном человеке все годы³. Он даже в 1930-х годах, в разгар репрессий, осмеливался публично положительно отзываться о А.М. Ремизове как о выдающемся мастере художественного слова.

А.М. Ремизов еще с детских лет не понаслышке знал, что такое «археология», будучи участником ученических собраний у своего дяди, известного московского купца, банкира, основателя и бессменного председателя Московского Биржевого комитета, старейшего гласного Московской Городской Думы Н.А. Найденова (рис. 2).

Этот незаурядный человек был в то же время ближайшим другом и помощником И.Е. Забелина, считавшегося тогда непревзойденным авторитетом в археологическом сообществе Москвы. Н.А. Найденов имел, как пишет А.М. Ремизов, негласное прозвище «Батый-огонь» не столько в силу происхож-

дения рода Найденовых из суздальско-опольского села Батыево (хотя и это виделось А.М. Ремизову в скифско-татарском угольно-черном облике своего дяди), сколько за свой необыкновенный характер вечного трудяги и бескомпромиссного борца с «лодырями и бездельниками». Однако все коммерческие и общественно-политические дела «не мешали ему заниматься любимой историей и археологией» (Ремизов, 2000б. С. 292). Н.А. Найденов был избран почетным членом Московского археологического института.

Любовь Н.А. Найденова к русским древностям была настолько глубокой и беззаветной, что он, однажды услышав просьбу своего семилетнего племянника Алеши Ремизова показать «песцовые книги», взвился от негодования чуть ли не до потолка всего лишь из-за такой мизерной, вполне милой детской ошибки в звуке едином.

Богатейшая библиотека дяди была вполне доступна мальчику-гимназисту, а затем и ученику Александровского коммерческого училища Алеше Ремизову. Однако А.М. Ремизов в своих воспоминаниях лишь вскользь упоминает о прочтении им Забелинской «Истории города Москвы» из дядиной библиотеки. Автором некоторых предварительных томов-прило-

³ «История русской литературы ответит много страниц жизни и творчеству писателя, который в смутное время русской литературы устраивал себе окопы из археологии и этнографии, доставая из родных глубин чистое народное слово, и цеплял его, как жемчужину, на шелковую нить своей русской души, создавая ожерелья и уборы на ризы родной земли» (Пришвин, 1996. С. 269).

жений («Материалы для истории, археологии и статистики...» к будущей «Истории») этого труда, по свидетельству писателя, был, собственно, его дядя⁴ (Ремизов, 2000а. С. 293).

А.М. Ремизов перечисляет лишь некоторые имена ученых, с которыми он был знаком, будучи еще мальчиком или юношей: «На ученых вечерах у Найденовых сколько я перевидал всякого народу – это были все “русские” люди, отпрыски славянофилов, – отцы и дети их, из молодых, – но для меня все старики вровень Забелину. Стариком глядел на меня и сосед наш А.В. Орешников, нумизмат, впоследствии заведующий Историческим музеем. В слова и обороты “Писцовых книг” и всякой Археологии вмякивалась английская речь... Я прислушивался к ученым разговорам... со временем я осмелел и, неожиданно, непрощено, подавал свой голос и, как полагается, наперекор. Наше воспитание... было куда ближе к тому, что называлось “западным”... И вообще в «московском» для меня не было воздуха. При всей моей природной “привычной” любви к “столповому” русскому с русским словом-ладом и кремлевским красным звоном – от этого “русского” я чувствовал, как несло затхлостью, покорностью, согнутостью, – живой душе – застава» (Ремизов, 2000б. С. 295).

Эта фраза является сильнейшей антитезой тому пряничному детскому впечатлению «Москвы златоглавой», которое создается при чтении сочинений его современника, выходца из такой же купеческой замоскворецкой семьи Ивана Шмелева.

Однако гораздо больше, нежели из чтения книг, юноша Ремизов вынес из участия в живых, непосредственных беседах и дискуссиях на найденовских вечерах. Там с сообщениями и докладами выступали незаурядные личности⁵, обладавшие каждый своим неподражаемым ораторским стилем, личным взглядом на проблему. Самой запоминающейся фигурой для мальчика Алеши, конечно, был И.Е. Забелин. Вот что говорит об особенностях стиля историка, в том числе и имевших место в его дневниковых записях, Н.А. Каргополова: «Происходившее в прошлом историк предлагал судить с позиции непосредственно описываемого времени, “не прикидывая современной мерки” к деяниям средневековья. Полемизируя с историками, обвинявшими Москву в деспотизме, коварстве, хитрости, Забелин обращался к старинной литературной форме – разговору в царстве мертвых, где встречаются Иван Грозный, Карамзин, Костомаров, Соловьев» (Каргополова, 2001. С. 16).

Это крайне интересная деталь, характеризующая письменный и, возможно, разговорный стиль историка как весьма глубокого и разностороннего мыслителя, прибегавшего к неординарным, новаторским приемам изложения, – таким как (говоря языком со-

временного литературоведения) «погружение автора в материал». Историк обладал и достаточной степенью авторского самоотстранения, чтобы записать о своих планах на жизнь буквально следующее: «Вечером пришел Попов. Болтали о том, о сем. Я заявил, что бросаю профессию археолога и пишу роман, как второй том выпущу. Кетчер говорит, куда ему. Обидное сомнение... Попов с филистерским равнодушием заметил, что я показал талант в критике на книгу Бартенева. Вообще уже не раз и не от одного я слышу заключения о моей неспособности к талантливому писанию, особенно в романическом и литературном роде. Надо доказать, что и здесь я дело не испорчу» (Забелин, 2001. С. 79).

Подобный стилизованный почерк «погружения», как известно, явился характерной чертой литературного символизма и в немалой степени будет впоследствии присущ творчеству самого Алексея Ремизова, особенно в его «археологических» повестях, посвященных не И.Е. Забелину, как можно было бы ожидать, а совсем другому человеку. Несомненно, некоторые элементы такого стиля рассуждений были свойственны И.Е. Забелину и во время дискуссий на найденовских вечерах и, конечно, запечатлевались в памяти жадного до впечатлений юноши Алеши Ремизова, а затем могли неожиданно всплывать как нечто «архетипическое», подсознательное в произведениях самого Ремизова.

С другой стороны, трезвость суждений и опережающее свое время видение путей развития науки были присущи И.Е. Забелину как никому другому. Вот его отзыв о работе I Всероссийского археологического съезда (запись от 16 марта 1869 г.): «Вообще, рассуждения... были слабы, поверхностны. Все стоит еще на аристократическом сознании о памятниках как на курьезностях. Никто научного значения не понимает. Никто не понимает, что история и археология правая и левая рука, не отделимы от организма науки... Записывать все скучно. Общая характеристика всего съезда та, что это была ярмарка тщеславия» (Забелин, 2001. С. 90–91).

Записи еще более раннего периода, 1850-х годов, свидетельствуют о сложившихся уже тогда твердых взглядах ученого на предмет и задачи археологии: «Задача археологии – воссоздать минувшую действительность во всех подробностях народного быта. Но ведь такая же задача и истории; где границы между тою и другою наукою. Границами, кажется, можно поставить следующее: история занимается народом, как отдельною собирательною личностью, моральною. Для истории народ – лицо – человек. Предмет археологии – индивидуум – лицо отдельное – человек. Она стремится уяснить себе, как это лицо жило, думало, желало. Задача ее – как жил отдельный человек из народа, известная личность. А задача истории – как жил

⁴ Список изданий по истории Москвы и других городов Центральной России, к которым приложил так или иначе свою руку Н.А. Найденов, насчитывает несколько десятков наименований.

⁵ Судя по обширному списку ученых и общественных деятелей, с которыми А.М. Ремизов дискутировал в дядином доме, будучи еще юношей, можно догадываться, что он читал и многие другие книги из этой библиотеки, так как был отчаянным книголюбом. В ряду участников этих вечеров были также архивисты, в основном представлявшие Архив Министерства юстиции: Н.А. Попов, И.Н. Николев, Н.Н. Ардашев и др.

и развивался народ» (Забелин, 2001. С. 226). Итогом этих рассуждений стали, как известно, два тома его неоднозначно воспринятой российским обществом и до сих пор малоизвестной книги «История русской жизни», вышедшей в свет во второй половине 1870-х годов.

О неординарности И.Е. Забелина как писателя-историка свидетельствуют и такие факты: в 1860-е годы, задумывая учебник по русской истории, Забелин ставил себе цель изобразить Русь как живую личность: ее рождение, воспитание и т. д. История, география, верования, политика, настроения, конкретные жизненные ситуации, рассматриваемые в записях, приобретают в совокупности образность. Нет России IX, XVII, XIX столетий; есть живое образное пространство со своей исторической судьбой: «Нельзя главы делать по поколениям... Народ, как один человек имеет ум, склад мысли... народ не есть мужик или барин, а это есть дух, особый нрав, обычай, особая сила, которая все переделывает по-своему». Особенности развития, условия формирования в прошлом являются законами современной государственной, бытовой, нравственной, религиозной жизни, влияют на будущее: «Начало во мраке, а свойства, суть, сохраняются по сей день» (Каргополова, 2001. С. 21)⁶. Схожие мотивы мы видим и в упомянутых «археологических» произведениях молодого А.М. Ремизова, созданных в 1900-е годы, что также усиливает преемственное начало, которое нам видится во взаимосвязи творческого наследия «старика» Забелина и «юноши» Ремизова.

К сожалению, мы ничего не можем узнать о стилистике и идейном содержании устных выступлений И.Е. Забелина на найденовских «ученых собраниях», так как в записях самого историка за эти годы (1880-е – начало 1890-х годов) нет практически ни слова об этих собраниях. Характер записей «Дневника» историка позднего периода, в отличие от более ранних лет, резко меняется – нет широких отступлений и рассуждений, нет пересказов бесед с разными людьми, а присутствуют лишь отрывочные записи делового характера, связанные в основном с историей создания Исторического музея. Тем не менее, зная все предыдущее, мы можем экстраполировать и на эти годы высокий идейно-содержательный уровень выступлений историка на собраниях Н.А. Найденова.

Итак, найденовские вечера сыграли большую роль в формировании личности будущего писателя-новатора. Это было, с одной стороны, и впитывание огромного количества положительного знания о московско-русской старине – «всякой Археологии», как выразился сам писатель. Это было, с другой стороны, и отталкивание от славянофильства как идейной основы московской научной традиции, господствовав-

шей в московской археологии того времени и олицетворявшейся в то время именами И.Е. Забелина и А.С. Уварова⁷.

Картина «затхлости и покорности» московских ученых собраний, обрисованная А.М. Ремизовым впоследствии, на самом деле была довольно далека от реальности, в чем легко убедиться даже на основе чтения дневника И.Е. Забелина за эти годы. Именно в это время с подачи Н.А. Найденова, под научным руководством И.Е. Забелина был задуман и начат к исполнению грандиозный научный проект создания корпуса публикаций по истории города Москвы. Проект объединил десятки ученых, общественных деятелей, писателей и политиков столицы. Это была интенсивная многолетняя работа, требовавшая огромного напряжения всех сил, интеллектуальных и моральных.

Слова А.М. Ремизова проявляют лишь характерные особенности его художественного стиля как известного «мифотворца» и выдумщика, творившего свою литературную биографию вполне сознательно и по своим, одному ему известным, планам. (Обатнина, 2000. С. 476–501). В эти планы входило и демонстративное неприятие всего того, что связывало его с московским обществом, с московским традиционализмом. Поэтому вовсе не случайным фактом биографии А.М. Ремизова станет его поселение (после окончания срока ссылки) именно в Петербурге и сближение с учеными кругами «европейской» столицы России.

Петербургский список знакомых и единомышленников молодого А.М. Ремизова был в большой степени предопределен его знакомством в вологодский период ссылки с весьма обширным сообществом «передовых» ученых и мыслителей того времени, также отбывавших ссылку в «Северных Афинах»⁸. Это были: известный впоследствии историк и исследователь древней русской литературы П.Е. Щеголев, философ Н.А. Бердяев, начинающий литературный критик и драматург А.В. Луначарский, будущий знаменитый террорист Б.В. Савинков, его ученик, убийца великого князя Сергея Александровича И.В. Каляев, теоретик марксизма Ю.О. Мартов, О.Х. Аусем, О.В. Аптекман и еще десятки других ссыльных, фамилии которых приводит А.М. Ремизов в своих воспоминаниях (Ремизов, 2000б. С. 478–483). Там же А.М. Ремизов познакомился со ссыльной С.П. Довгелло – своей будущей супругой.

Вологда с ее волшебной северной природой стала сильнейшим эмоциональным толчком, определившим путь А.М. Ремизова в литературе: «И только что ступил я на берег и очутился за алой изгородью частых кустов шиповника, сразу почувствовал – мое сердце поворотилось – и тоска обожгла мою душу.

⁶ Речь идет об упомянутой книге И.Е. Забелина «История русской жизни». Несомненно, подобное направление мыслей историка заставляет нас подозревать, что перед нами не что иное, как зародыш, каркас этногонической концепции Л.Н. Гумилева.

⁷ Сам И.Е. Забелин, однако, не считал себя приверженцем славянофильства, хотя и поддерживал тесные отношения с широким кругом деятелей из этого идейного движения (см., к примеру, пересказ беседы И.Е. Забелина с И.С. Тургеневым – Забелин, 2001. С. 100). Такие же вполне прохладные официальные отношения были у него и с графом А.С. Уваровым.

⁸ Так была названа Вологда самим А.М. Ремизовым в воспоминание о временах пребывания в городе, который, по его мнению, тогда был своеобразным интеллектуальным центром всей Северной России (Ремизов, 2004. С. 475–477).

Этот воздух, эти краски, эти звуки – сырые туманы лукоморья. Еще раз на путях жизни я встречу – мне месяц будет колосить лиловую в вереске дорогу – и чувство то же, когда по “старым камням” Европы судьба приведет меня на крайний камень к Океану, и я очнусь на колдовском поле немых, взгроможденных не по нашей мере и человеку не под силу загадочных камней Бретонского Карнака» (Ремизов, 2000б. С. 401).

Русский Север («Господин Великий Новгород» и северная деревня с живыми носителями древнерусской традиции былины в ранних произведениях М.М. Пришвина) оказался для писателя не менее загадочным и глубоким, чем древние менгиры Бретани. «Разгадывать» эту загадку в течение всей своей жизни А.М. Ремизов решил именно здесь, стоя на берегу Сухоны. Итак, заниматься русской стариной и «всякой Археологией», но только в Петербурге, северной столице – такова была цель А.М. Ремизова на ближайшую перспективу.

Как видно, это было той необходимой степенью «остранения» от объекта своей потаенной любви – старорусского, московского языка – которая, вероятно, по его мыслям, и могла родить что-то новое и небывалое в деле разгадки «русского». Отыскание такого универсального ключика к тайнам механизма русской истории и русского народа (Града Китежа М.М. Пришвина) было основной составляющей литературной биографии, творчества А.М. Ремизова. Поиск «последней тайны» был на грани веков характерной доминантой как русской литературы, так и русского общественно-культурного процесса вообще. В этом же потоке находился и «скифский миф» русской литературы. Именно эти побудительные мотивы определяли повышенный интерес многих творческих личностей, новаторов, экспериментаторов культуры к археологии как науке, предоставлявшей этим творцам культуры широкие возможности в сфере духовных поисков.

Стремление к самоидентификации русской цивилизации посредством обращения к своим древностям широко разлилось в русском обществе той поры, зачастую приобретая даже гротескно-юмористические черты, как об этом пишет М.М. Пришвин в середине 1909 г.: «Я перехожу [от одних к другим], везде слышу о старинности... – Пора! – поясняет мне жизнерадостный полковник, – патриотическое чувство, это, знаете ли, в природе вещей, это основа всего – жена моя бисер собирает. Нет ли в вашем древнем городе, где вы живете, старинного бисера? Бисер в моде!» (Пришвин, 2007а. С. 217).

В Петербурге А.М. Ремизов поначалу «читал те учебники, какие проходили слушатели Археологического института. И когда под руководством С.П. Ремизовой-Довгелло я добрался до образцов старинных рукописей, сердце мое заиграло» (Ремизов, 2000б. С. 39–40). Он настолько проникся духом рукописного

наследия русской истории, что впоследствии практически все (и письма, и дневник, и художественные произведения) писал только одним, стилизованным под «старомосковскую» скоропись XVII века почерком.

Там же, в Петербурге, в конце 1908 – начале 1909 г. А.М. Ремизов встретился с человеком, ставшим для него фактически «вторым Забелиным» – с костромским книжником и «ученым-археологом» Иваном Александровичем Рязановским (рис. 1). Память о нем была для писателя священна: «Остервенелый “западник”... зачарованный музыкой природной русской речи... Рязановский наперекор Брюсову с его “парижской” культурой... и Сологубу с его шикарным “провинциализмом”... годами только о русском и рассказывал» (Ремизов, 2000б. С. 132). Вот образец ученого и общественного деятеля, который стал близок и родственен А.М. Ремизову в литературе, на кого он хотел бы равняться – неложный русофил с западной широтой взглядов. Писатель, таким образом, как бы вернулся к своим юношеским учителям – собеседникам найденовских вечеров, к той самой «всякой Археологии», но только в другой, более блестящей, европейской обертке.

«А познакомил меня с этим необыкновенным человеком М.М. Пришвин, счастливый на встречи, как с птицей и зверем, так и с человеком», – пишет А.М. Ремизов (2004. С. 132). Эта встреча могла произойти через вхождение М.М. Пришвина осенью 1908 г. в религиозно-философский кружок Д.С. Мережковского, где бывал и И.А. Рязановский. Таким образом, встреча А.М. Ремизова с И.А. Рязановским произошла в Петербурге осенью 1908 г.⁹ Впоследствии А.М. Ремизов неоднократно бывал в доме у И.А. Рязановского в Костроме, где находилась богатейшая библиотека и собрание рукописных текстов этого «костромского... Дебринского старца».

Результатом такого интенсивного общения стали называемые нами условно «археологические повести» А.М. Ремизова (рис. 3): «Неуемный бубен» (1909) и «Пятая язва» (1912). На склоне лет, уже будучи в Париже, А.М. Ремизов записал в «Иверении»: «Сохраняю мою костромскую память – “рязановскую” в моем “Стратилатове” (“Неуемный бубен”) и в “Пятой язве”» (Ремизов, 2004. С. 133). То же самое сказано в другой парижской книге писателя «Петербургский буерак»: «...я превратился в Ивана Семеновича Стратилатова, мучителя Агапевны, и в мученицу Агапевну, и во всю Костромскую археологию. Повесть писалась по рассказам Ив.А. Рязановского» (Ремизов, 2003. С. 194). К ним же примыкает отчасти и последнее произведение А.М. Ремизова, созданное в России кануна мировой войны – «Плачущая канавка». Герой еще одного «археологического» рассказа «Глаголица» отождествлялся современниками с другим знакомым писателя – профессором, археологом, членом ИАК И.А. Шляпкиным.

⁹ В других записях А.М. Ремизов утверждал, что именно он познакомил М.М. Пришвина с И.А. Рязановским, но этому истинно ремизовскому «мифологическому» факту противоречат записи в «Дневнике» М.М. Пришвина, который писал не для публики, а лишь для самого себя и поэтому вряд ли стал бы сознательно искажать факты (Пришвин, 2007а. С. 176).

Рис. 3. Титульные страницы первых изданий «археологических» повестей А.М. Ремизова

Именно здесь, в кружке А.М. Ремизова, находилась точка, откуда литературные пути хозяина вечеров и его гостя М.М. Пришвина разошлись в разные стороны: у А.М. Ремизова это был путь уже привычных кабинетных блдений над старинными рукописями, а у М.М. Пришвина – путь познания души своей родины (преодоление скифского мифа) через странствия по городам и весям необъятной страны. Первый из них – очень быстро, как ему казалось, разобрался с тематикой «всякой Археологии», написав уже тогда, в 1909–1912 гг. «археологические» повести. Второй – всю жизнь обдумывал замыслы, но так и не смог написать такие же, как у своего литературного учителя, «археологические» романы и повести, хотя материал богатый и разнообразный был в его руках, постоянно пополнялся в виде дневниковых записей¹⁰.

Как можно было заметить, понятие «археология» и у А.М. Ремизова, и у М.М. Пришвина в 1900-х годах было примерно одинаковое – для них тогда «археология» являлась в большей степени странным занятием некоторых чудаков, а сама «археология» была крайне отвлеченной наукой о древностях вообще, достаточно далекой от реалий современной им жизни и включавшей в себя все направления, которые имели хоть какое-то отношение к «старине». В основном, по их представлению, «археологией» можно было и

даже скорее нужно было заниматься именно в кабинете, но отнюдь не в поле, не на земле. В таких представлениях не было ничего необычного – так думало все образованное общество того времени (вспомним уже цитированные записи И.Е. Забелина о взглядах русской научной общественности на суть археологии еще в 1860–1870-е годы).

Отличие же М.М. Пришвина от А.М. Ремизова в том и состоит, что первый, погружаясь время от времени в непосредственную жизнь самой науки на протяжении последующих 25 лет¹¹, постоянно уточнял и обогащал свое представление об археологии, а второй так и не смог ни на йоту изменить свои понятия – уже на склоне лет, в 1950-х годах, в книге «Иверень» А.М. Ремизов так же точно полагал, что эта «всякая Археология» по-прежнему есть лишь странное занятие некоторых чудаков, своего рода «игра в бисер», подобная той, что занималась жена некоего полковника, собиравшая вошедший в моду «старинный бисер». Виной тому, конечно же, явилась в большой степени именно «кабинетность» как определяющий признак творческого стиля А.М. Ремизова и замкнутость его интересов в пределах Московской Руси времен Дмитрия Шемяки и первых Романовых.

Следует отметить, что «археологические» герои и мотивы не присутствуют так отчетливо в творчестве

¹⁰ Причин для такого исхода замыслов М.М. Пришвина много: это и чисто внешние общественно-политические обстоятельства жесткой цензуры в советский период творчества, это и внутренние, строгие художественные требования к своему творчеству. Среди последних немаловажную роль играло то обстоятельство, что в процессе эволюции творческих взглядов М.М. Пришвин постоянно менял и конкретизировал само понятие «археология» и все, что было связано с этим понятием в конкретное время и в конкретной общественной ситуации. Поэтому его планы относительно написания «археологических» вещей постоянно видоизменялись, усложняясь от замысла к замыслу, но так и не смогли воплотиться в жизни.

¹¹ Этапные вехи этого погружения – от участия в Новгородском археологическом съезде 1911 г. через совместную работу в археологической экспедиции со А.А. Спицыным в 1925 г. и до решения написать повесть о создателе Нальчикского краеведческого музея М.И. Ермоленко в 1937 г.

А.М. Ремизова ни до, ни после периода создания этих повестей. Это, очевидно, в первую очередь, было обусловлено событиями, случившимися в жизни писателя на грани 1908–1909 гг. Встреча А.М. Ремизова с западником И.А. Рязановским произошла почти в одно время с кончиной выдающегося москвофила И.Е. Забелина, о чем говорили и писали всюду в собраниях и русской прессе, и что не могло никоим образом пройти мимо сознания писателя. Наверное, тогда, в 1908 г., в его памяти, несомненно, ожили те яркие образы детства и юности, когда он пропитывался атмосферой умных бесед «ученых собраний» в доме Н.А. Найденова и когда он впервые услышал слово «археология». А.М. Ремизов позже прямо высказался о такой контаминации образов этих людей в своем творческом воображении: «Образ Ивана Егоровича Забелина ожил и как бы продолжается в костромском книжнике и ученом археологе Иване Александровиче Рязановском, встреча с которым... неизгладима, а чувство мое признательно и благодарно» (Ремизов, 2000б. С. 131–133).

Итак, всплывший в памяти образ умудренного старца И.Е. Забелина был сопоставлен и незримо для нас путями совмещен писателем с образом его нового знакомого, ставшего его самым близким другом на годы вперед. Возможно, это «совмещение» и стало катализатором творческого порыва писателя. Он очень быстро, в конце 1908 – начале 1909 г., задумал и написал первую повесть «Неуемный бубен». Осенью 1909 г. произведение уже было опубликовано. Это цельная, продуманная вещь, отточенная как стилистически, так и в отношении своеобразного, истинно ремизовского словарного запаса. Другое дело – вторая повесть, «Пятая язва», написанная спустя три года. Это, собственно, даже не повесть, если к ней строго подходить по мерке литературных канонов, а большой рассказ-памфлет, оставляющий впечатление сиюминутного, торопливого дайджеста (выжимки) из его же повести первой. Единство этих произведений и произрастание одной вещи из другой, однако, вполне очевидны и не требуют особых доказательств.

Чего же в итоге достиг А.М. Ремизов, написав свои «археологические» повести? Стали ли они этапными в его творчестве, повлияв на ход дальнейшей литературной судьбы писателя, или явились проходными вещами? Есть ли хоть какая-то действительная «археология» в этих произведениях, или этот эпитет был придан писателем своим произведениям лишь ради красного словца? Чего в них больше – влияния его детско-юношеского «найденоско-забелинского» архетипического мировоззрения или нового, петербургско-«ивано-рязановского»?

Обе повести были задуманы и написаны А.М. Ремизовым в конце 1900-х – начале 1910-х годов, и обе рассказывают, по сути, одну и ту же историю жизни странного провинциального чиновника судебного ведомства. Странность эта выражается как в характере, так и в образе жизни героев – они не как все: не пьют, не курят, не берут взяток, не предаются разнузданному разврату, а служат лишь Закону и страдают от всеобщего пренебрежения людьми этим Законом. Странность героев выражается и в том, что они живо и искренне занимаются той самой «всякой Археологией», про которую юноша Ремизов много слышал в московском собрании своего дяди. В среде провинциальных чиновников, знакомых и сослуживцев героев повестей, есть немало лиц, также «интересующихся» археологией, но этот интерес, как правило, у них имеет меркантильный, приобретательский характер, когда за каждой редкостью, «антиком» видится только продажная цена этой вещи. Герои же повестей занимаются археологией не только и не столько из корысти, а из любви к ней, и весьма основательно – на книжной полке у них «издания Археографической комиссии, Русской исторической библиотеки, Общества любителей истории и древностей российских и всякие труды Академии наук главным образом» (Ремизов, 2000а. С. 216).

В неизбежном столкновении героев повестей Ремизова с косной чиновничьей средой происходит крушение идеалов, их устоявшейся жизненной позиции, что приводит обоих, в конце концов, к настоящей, физической гибели. Роль «всякой Археологии» в таком печальном исходе судьбы героев, однако, читателем повестей «с лёту» не просматривается – кажется, что она служит писателю лишь неким стилистическим приемом, с помощью которого он оттеняет необычность своих героев, их выпадение из однородной среды провинциального чиновничества. Смысл этого приема, тем не менее, видится нам в том, что «всякая Археология» в составе жизни героя-законника является неким противовесом сути его службы, его строгой приверженности неумолимому, имперско-холодному Закону. Она – нечто живое, она – отдушина в мертвом царстве Закона, она – некое подобие теплой и ласковой Благодати, той самой, которая «все прощает и все покрывает любовью».

Литературоведы склонны в целом не только подтверждать слова А.М. Ремизова о «сохранении костромской памяти» в этих повестях, но и прямо отождествлять с героями этих повестей именно И.А. Рязановского¹². Наиболее отчетливо это отождествление можно провести в повести 1909 г. «Неуемный бубен», герой которой, Иван Семенович Стратилатов, действительно, во многом напоминает И.А. Ряза-

¹² См.: Бермус, 2009. Однако существует и мнение о соотнесенности героя одной из повестей с образом философа В.В. Розанова (Данилевский, 1987. С. 159; Козьменко, 1992, и др.). Эта точка зрения кажется нам не столь обоснованной, но также небезындтересной – известно, что философ был весьма активным нумизматом-любителем (Орешиников, 2010). С другой стороны, с этой точки зрения любопытна и показательна малоизвестная картина Бориса Кустодиева «Коллекционер» – художник был хорошим знакомым как И.А. Рязановского, так и А.М. Ремизова. Лицо человека, изображенного на картине, несомненно, обладает близким сходством именно с лицом И.А. Рязановского (и никого другого из круга знакомых художника), каким мы видим его на портретном рисунке Кустодиева (рис. 4).

Рис. 4. Б.М. Кустодиев. Коллекционер. 1918 г.

новского. Это сходство проявляется не только чисто внешне (лысая скульптурная голова, очки, крепость и сухость «наливного» тела старичка-бодрячка), не только по сходству характеров (живость, энергичность и неослабевающая на седьмом десятке лет любовь к женскому полу¹³), а также в имени Иван. «Говорящая» фамилия Стратилатов также вызывает некоторые прямые ассоциации – стратилат Феодор, христианский святой, прославился «сокрушением» языческих идолов и победой над неким чудищем-змеем. Герой А.М. Ремизова также своего рода борец со всяческим злом и пороком, разьедающим провинциальное общество, словно языческий многоглавый змей («идолище поганое»).

С чем же и кем мог в таком случае «сражаться» профессор И.А. Рязановский? Ведь он не прославился своей юридической ипостасью, как адвокат Плевако, хотя и был по образованию юристом (он оставил службу еще в молодости). Он даже не написал ни одного более или менее основательного научного труда, хотя был энциклопедически образован. Всю свою жизнь И.А. Рязановский был всего лишь талантливым неутомимым собеседником, рассказчи-

ком, организатором сообществ людей, но не был и не мог стать каким-то «борцом за права народа», за светлое будущее Отечества или даже за сугубое торжество Закона¹⁴. Возможно, автор повестей полагал, что выдающаяся роль этого знаменитого костромича заключалась в той медиаторской роли, которую тот исполнял в научно-художественной среде Петербурга, пробуждая глубокий интерес столичного европеизированного общества к подлинной русской старине.

Эта старина, по мысли современника и близкого знакомого А.М. Ремизова Дмитрия Философова, заключалась не в той официозной ее трактовке, которую народ и общество получали из рук черносотенцев: «Много у нас говорили о разрыве между интеллигенцией и народом, о неуважении интеллигентов к родной старине. Черносотенники любят приводить анекдот о намерении “революционеров” взорвать московский Кремль и выстроить на его месте “парламент”. Любовь к старине считается до сих пор привилегией реакционеров. Изучение этой старины до сих пор поливалось вонючим елеем погодинской школы, благожелательством историков-патриотов ... и всяческих лицемеров, которые следовали циничному

¹³ Этот нюанс в характеристике героя был навеян, очевидно, также общением писателя с И.А. Рязановским и В.В. Розановым периода зимы – весны 1909 года, когда они, известные в «Обезвельволпале» как «фаллофоры» и любители мистификаций, стали сами жертвой «археологической» мистификации со стороны художников Льва Бакста и Ореста Сомова, которые якобы «тайно» вынесли из Эрмитажа драгоценную реликвию (известную часть тела светлейшего князя Потемкина) и на квартире Сомова показали ее малому числу избранных лиц. Почти такая же мистификация с равным успехом была устроена уже на нашей памяти в том же Петербурге – многие помнят еще эрмитажную выставку «Золото болот».

¹⁴ Гораздо ближе к такому образу мог быть «прообраз» И.А. Рязановского – И.Е. Забелин (особенно в последнее десятилетие своей жизни).

совету Краевского – рядом с печальным явлением соощать о явлениях отрадных.

У людей нециничных такое лицемерие вызывало чувство отвращения. ... Но как только усилиями “анархистов”, желавших взорвать московский Кремль, была завоевана хоть некоторая свобода для изучения нашей старины, эта самая старина возродилась во всем блеске. С русских икон соскоблена потемневшая “олифа” г-д Покровских и Успенских, и они засияли своим великолепием. Науку от свободы не отделишь. И любовь к старине может быть только свободной. Возрождается Афанасьев, русская сказка. Возрождаются “Словеса золотые” ... На последней страничке своей книги¹⁵ А.М. Ремизов с благодарностью “поминает” ... всех, кто “сохранил нам дар русского народа”. Будущие поколения с такой же благодарностью помянут представителей поколения сегодняшнего, которые так дружно и с такой любовью возрождают наши национальные сокровища, тщательно смыывая с них темную олифу официальной “науки”. Помянут и тех “не помявших родства” Василиев и Петров, которые завоевали русской науке хоть некоторую свободу любовного исследования родной старины» (цит. по: Данилова, 2010. С. 220; *Философов*, 1914. С. 2).

Таким образом, в обществе шла серьезная борьба за «русское наследство» – решались судьбоносные вопросы: кому владеть и распоряжаться этим наследством; кто вправе судить о том, что в нем истинно и что ложно, что в нем ценно для будущего и что не существенно, что важнее в этом наследстве – Закон или Благодать; что включать в это наследство – только ли Московскую Русь или же представлять Россию как евразийскую Великую Скифию? Борьба шла, надобно отметить, в разных плоскостях и разных сферах бытия – спорили интеллигенты с черносотенцами, а те, в свою очередь, с чванливой бюрократией; московские с питерскими, столичные с провинциалами, имперцы-великодержавники с националами окраин и т. д.

Археология с ее все разбухавшим корпусом вещественных источников знания была в этой борьбе, с одной стороны, предметом самой борьбы – частью этого «русского наследия», детально опредмечивая русскую историю, делая ее зримой для народа в многочисленных музеях. С другой стороны, она начинала служить еще и реальным силовым средством в ожесточенной полемике, одним из последних аргументов в словесной драке.

Сами археологи старались в большинстве своем отстраниться от этого, но тот же И.Е. Забелин, выходец из простого народа, в конце жизни облаканный властями, императорской фамилией и достигший прочного и всестороннего благополучия, в своих дневниковых записях уже перестает мыслить свободно и независимо, как бывало прежде – теперь он

необычайно резко и негативно оценивает происходящие события революции 1905 г., полагая, что народ – это «зверь, выскочивший из клетки» под влиянием всемирного масонского заговора против России (*Забелин*, 2001. С. 213–216). Он уже забыл, очевидно, что сам вышел из низов этого народа, и полагает, что этот реальный народ на улицах не настоящий, а есть где-то настоящая «православная Русь», которая впоследствии этот непонятно откуда взявшийся народ-зверь (не те ли это библейско-ломоносовские «скифы» Гога и Магога, прародители славян, явившиеся из-за Уральских гор?) помянет недобро. Он скончается через несколько лет, скопив несколько сотен тысяч рублей и завещав практически все эти суммы своему детищу – Историческому музею. Символика подобного решения весьма глубока – очевидно, историк верил в то, что Музей вечен, а люди преходящи. Иначе говоря, он встал фактически на сторону Закона, а про Благодать и не вспомнил.

И.А. Рязановский, на склоне своей жизни смирившись с революционными бурями, тихо и мирно кончает свои дни также близ своего детища, Костромского музея имени Романовых, на исходе зимы 1927 г. Мы, вероятно, уже никогда не узнаем, волновали ли его тогда или нет такие глобальные вопросы. Скорее всего, что нет, уже не волновали – он, как и М.М. Пришвин¹⁶, занимался провинциальным краеведением, просветительской работой, воспитанием молодого поколения ярославско-костромских исследователей русской старины, среди которых следует упомянуть братьев Смирновых – Михаила и Василия, а через них и известного российского советского археолога П.Н. Третьякова.

А.М. Ремизов не дал и, вероятно, не мог дать читателю в своих повестях ясного ответа на эти глобальные вопросы – они для него, очевидно, оказались тогда слишком сложными и неоднозначными. Его герои-законники, увлеченные «всякой Археологией», погибают в расцвете сил. Писатель, конечно, внешне навсегда остался приверженцем петербургской, либеральной по своей сути веры в Закон, хотя всю жизнь в литературе посвятил поиску Благодати, творя свой миф о русском народе и его духовной культуре. В этом он был похож на своих героев из «археологических» повестей.

Неожиданным подтверждением этой мысли служит одна до сих пор не проанализированная деталь в повести «Неумный бубен». Литературоведы почему-то, увлеченно разгадывая в его героях знакомых писателя, вовсе не обратились к анализу фамилии друга и сослуживца Стратилатова, хотя и признают особую автобиографичность ремизовской прозы (*Доценко*, 1994. С. 33). Между тем в фамилии «Зимарев» легко угадывается (по присутствию тех же слогов и звуков, только переставленных с места на место) фамилия

¹⁵ Речь идет о сборнике ремизовских «сказок» «Посолонь» (1913).

¹⁶ Живший в эти годы неподалеку от него, в Переславле Залесском, и помнивший о нем, писатель горестно записал весной 1927 г.: «Пришла Т. В-а (Татьяна, дочь В.В. Розанова. – И.Е.) и принесла печальную весть: умер И.А. Рязановский» (*Пришвин*, 2003. С. 241). Издатели последнего Собрания сочинений А.М. Ремизова, к сожалению, в дате смерти И.А. Рязановского допустили неточность, указав ее как «1921?» (*Ремизов*, 2000а. С. 511).

самого писателя, наиболее тесно общавшегося с И.А. Рязановским именно в 1909–1912 гг. Зимарев в повести обрисован похожим на Стратилатова как по своему характеру, приверженности к порядку и строгости в исполнении Закона, так и по увлечениям – он такой же любитель «всякой Археологии», но лишь как бы

взирающий на своего товарища с «высоты» большей приземленности и жизненного опыта. Очевидно, писатель, погрузив себя в ткань своего произведения, в подобной скрытой детали давал понять читателю, что он останется на стороне своего странного героя.

Литература

Бермус Е.В., 2009. Повесть А.М. Ремизова «Неуемный бубен»: поэтика, контекст, интерпретация. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск.
Гришина Я.З., 2004. Послесловие к тому Дневников М.М. Пришвина 1928–1929 гг. М.
Данилевский А. А., 1987. Герой А. М. Ремизова и его прототип // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 748. Тарту.
Данилова И., 2010. Литературная сказка А. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki.
Доценко С.Н., 1994. Алексей Ремизов: исследования и материалы. СПб.
Забелин И.Е., 2001. Дневники. Записные книжки. М.
Каргополова Н.А., 2001. Предисловие // Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М.
Козьменко М.В., 1992. Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова. Предисловие // Эрос. Россия. Серебряный век. М.
Михайлов О., 1990. Предисловие // Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Т. 1. М.
Обатнина Е.Р., 2000. Творчество памяти. Мифологическое пространство художественной прозы

Алексея Ремизова // Ремизов А.М. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 7. М.
Орешиников А.В., 2010. Дневник. Кн. 1. М. (Научное наследство. РАН. Т. 34).
Пришвин М.М., 1994. Дневники 1918–1919 гг. М.
Пришвин М.М., 1996. Дневники 1920–1922 гг. М.
Пришвин М.М., 2003. Дневники 1926–1927 гг. М.
Пришвин М.М., 2007а. Ранний дневник. 1905–1913 гг. СПб.
Пришвин М.М., 2007б. Дневники 1914–1917 гг. СПб.
Пришвин М.М., 2010. Дневники 1936–1937 гг. СПб.
Ремизов А.М., 2000а. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 4. М.
Ремизов А.М., 2000б. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 8. М.
Ремизов А.М., 2004. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 10. М.
Смирнов М.И., 2003. Воспоминания. М.
Философов Д., 1914. Возрождающийся Афана-сьев // Речь. № 26 (695). 27 янв. (9 февр.).

I.N. Ershov

“Moskvofily”, Ivan Zabelin, “zapadnik” Ivan Ryazanovsky and “archaeological” stories by Alexei Remizov

Summary

This article is a continuation of author's work about correlation of archeology and Russian classical literature in the first third of the 20th c., in particular it is about

creation of A.M. Remizov who was a friend and teacher of M.M. Prishvin.

Список сокращений

АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
АИПЗ – Археология и истории Пскова и Псковской земли
АКР – Археологическая карта России
АО – Археологические открытия
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмосковья: материалы научного семинара
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСЭИ – Акты социально-экономической истории
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ГАЗ – Гистарычна-археалагічны зборнік
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГИН АН СССР – Геологический институт АН СССР
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия археологической комиссии
ИГ РАН – Институт географии РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИРИ РАН – Институт российской истории РАН
КГПИ – Коломенский государственный педагогический институт
КОКМ – Калужский областной краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МИМ – Музей истории Москвы
МИРМ – Музей истории и реконструкции Москвы
МК – Московская керамика. Новые данные по хронологии
ОИИ ГИМ – Отдел изобразительных источников ГИМ
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ
ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований ИА РАН
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПЭ – Подмосковная экспедиция ИА РАН
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТАС – Тверской археологический сборник
ТОИАЛМ – Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей
ТТЗ – Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
ЦИГИ – Центр историко-градостроительных исследований
AASP – American Association of Stratigraphic Palynologists Foundation
CRA – Centre de Recherches Archeologiques

Сведения об авторах

- Александровский Александр Леонтьевич* – Институт географии РАН, г. Москва
- Антипина Екатерина Евстафьевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Балашов Александр Юрьевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Беркович Владимир Адольфович* – Межрегиональная общественная организация «Наследие», г. Москва
- Бобачев Алексей Анатольевич* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
- Богомолов Виталий Владимирович* – Государственное учреждение культуры Тульской области «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры», г. Тула
- Буланкин Валентин Матвеевич* – Центр по учету и охране объектов историко-культурного наследия Управления культуры администрации Рязанской области, г. Рязань
- Векслер Александр Григорьевич* – Межрегиональная общественная организация «Наследие», г. Москва
- Вишневский Владимир Игоревич* – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.
- Войцик Андрей Альфредович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Воронин Константин Владимирович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Воронкин Виктор Андреевич* – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород Московской обл.
- Главатская Елена Вадимовна* – Институт геохимии окружающей среды НАНУ, г. Киев
- Глазунова Ольга Николаевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Гольева Александра Амуриевна* – Институт географии РАН, г. Москва
- Гоняный Михаил Иванович* – Государственный Исторический музей, г. Москва
- Грибов Николай Николаевич* – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
- Гусаков Михаил Георгиевич* – Центр археологических исследований, г. Москва
- Добровольская Мария Всеволодовна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Долгих Андрей Владимирович* – Институт географии РАН, г. Москва
- Дукельский Дукельский Владимир Юрьевич* – Российский институт культурологи РАН, г. Москва
- Елкина Ирина Игоревна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Ерохин Сергей Анатольевич* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
- Ершов Иван Николаевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Ершова Екатерина Георгиевна* – Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Москва
- Завьялов Владимир Игоревич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Заидов Олег Ниязбекович* – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры тульской области, г. Тула
- Зайцева Ганна Ивановна* – Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург
- Зоц Елена Павловна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Зейфер Владимир Александрович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Зоц Сергей Александрович* – Институт Археологии РАН, г. Москва
- Иванов Дмитрий Александрович* – Государственное учреждение культуры «Центр сохранения объектов культурного наследия», г. Рязань
- Кабатов Сергей Александрович* – Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома
- Коваль Владимир Юрьевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Ковалюх Николай Николаевич* – Научный центр геохимических исследований НАНУ, г. Киев
- Королев Аркадий Иванович* – Самарский государственный педагогический университет, г. Самара
- Кочкина Анна Федоровна* – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, г. Самара
- Кренке Николай Александрович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кудрявцев Андрей Алексеевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Лавриков Михаил Владимирович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Лазарев Алексей Станиславович* – Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома

Лазукин Александр Викторович – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород Московской обл.

Лебедева Екатерина Юрьевна – Институт археологии РАН, г. Москва

Лихтер Юлия Абрамовна – Межрегиональная общественная организация «Наследие», г. Москва

Мазуркевич Андрей Николаевич – Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Майорова Елена Владимировна – Институт археологии РАН, г. Москва

Клещенко (Мальцева) Екатерина Андреевна – Институт археологии РАН, г. Москва

Миненко Владимир Владимирович – Институт археологии РАН, г. Москва

Модин Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Мойланен Евгений Викторович – Институт Проблем Управления РАН, г. Москва

Нефедов Василий Сергеевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Орфинская Ольга Вячеславовна – Институт культурного и природного наследия, г. Москва

Павлова Александра Михайловна – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Пальцева Анна Николаевна – Владимиро-Суздальский государственный музей-заповедник, г. Владимир

Панин Андрей Валерьевич – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Полюях Анатолий Александрович – Музей истории Москвы, г. Москва

Прошкин Олег Леонидович – Калужский областной краеведческий музей, г. Калуга

Русаков Павел Евгеньевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Сергина Татьяна Васильевна – – Институт археологии РАН, г. Москва

Сердюк Наталья Викторовна – Институт палеонтологии РАН, г. Москва

Скрипкин Вадим Валентинович – Институт геохимии окружающей среды НАНУ, г. Киев

Сташенков Дмитрий Алексеевич – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, г. Самара

Столяров Евгений Васильевич – Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Столярова Екатерина Карленовна – Российский государственный Гуманитарный университет, г. Москва

Сыроватко Александр Сергеевич – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр», г. Коломна Московской обл.

Тупицына Вера Андреевна – Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома

Фатюнина Олеся Александровна – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, г. Рязань

Фролов Андрей Сергеевич – Фонд содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие», г. Москва

Чаукин Сергей Н. – Институт археологии РАН, г. Москва

Чернов Сергей Заремович – Институт археологии РАН, г. Москва

Шебанин Геннадий Алексеевич – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области, г. Тула

Шевнин Владимир Алексеевич – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Шеков Александр Владимирович – Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого

Энговатова Ася Викторовна – Институт археологии РАН, г. Москва

Янишевский Борис Евгеньевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Научное издание

Археология Подмосковья Выпуск 8
Материалы научного семинара

Верстка: В.Б. Степанов

Подписано в печать 02.02.2012
Формат 60х84/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Печ. л. 57,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 28.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-126-4

